

Annotation

На основе обширных материалов, мемуаров и дневников дипломатов, политиков, генералов, лиц из окружения Гитлера, а также личных воспоминаний автор, известный американский историк и журналист, рассказывает о многих событиях, связанных с кровавой историей германского фашизма, начиная с возникновения нацистской партии и кончая разгромом гитлеровского государства.

- [Уильям Ширер](#)
- [Предисловие](#)
- [К читателю](#)
- [Книга I. Приход Гитлера к власти](#)
  - [Часть 1. Рождение Третьего Рейха](#)
  - [Часть 2. Рождение нацистской партии](#)
  - [Часть 3. Версаль, Веймар и "Пивной путч"](#)
  - [Часть 4. Возвращения Гитлера и истоки Третьего Рейха](#)
- [Книга II. Триумф и консолидация сил](#)
  - [Часть 5. Путь к власти: 1925–1931 годы](#)
  - [Часть 6. Последние дни республики: 1931–1933 годы](#)
  - [Часть 7. Фашизация Германии: 1933–1934 годы](#)
  - [Часть 8. Жизнь в Третьем Рейхе: 1933–1937 годы](#)
- [Книга III. Путь к войне](#)
  - [Часть 9. Первые шаги: 1934–1937 годы](#)
  - [Часть 10. Странная интерлюдия: Падение Бломберга, Фрича, Нейрата и Шахта](#)
  - [Часть 11. Аншлюс: Насилие над Австрией](#)
  - [Часть 12. Дорога на Мюнхен](#)
  - [Часть 13. Чехословакия перестает существовать](#)
  - [Часть 14. На очереди Польша](#)
  - [Часть 15. Германо-Советский пакт](#)
  - [Часть 16. Последние дни мира](#)
  - [Часть 17. Начало Второй Мировой войны](#)
- [Книга IV. Война: Первые победы и великий поворот](#)
  - [Часть 18. Падение Польши](#)
  - [Часть 19. Сидячая война на Западе](#)
  - [Часть 20. Захват Дании и Норвегии](#)

- [Часть 21. Победа на Западе](#)
  - [Часть 22. Операция "Морской лев": Сорванное вторжение в Англию](#)
  - [Часть 23. "Барбаросса": На очереди Россия](#)
  - [Часть 24. События принимают иной оборот](#)
  - [Часть 25. На очереди Соединенные Штаты](#)
  - [Часть 26. Великий поворот. 1942 год: Сталинград и Эль-Аламейн](#)
  - [Книга V. Начало конца](#)
    - [Часть 27. "Новый порядок"](#)
    - [Часть 28. Падение Муссолини](#)
    - [Часть 29. Вторжение союзников в Западную Европу и покушение на Гитлера](#)
  - [Книга VI. Падение Третьего Рейха](#)
    - [Часть 30. Оккупация Германии](#)
    - [Часть 31. Последние дни Третьего Рейха](#)
-

Уильям Ширер

"Взлет и падение Третьего рейха"

Предисловие

На одном из советско-американских симпозиумов по второй мировой войне, которые вот уже несколько лет проводятся поочередно в СССР и США, руководитель американской делегации, видный историк и знаток архивных документов профессор У. Кимболл заметил, что всем, кто интересуется историей гитлеровской Германии, событиями, потрясшими Европу и мир в 30-е и первую половину 40-х годов, следует прежде всего рекомендовать книгу У. Ширера "Взлет и падение третьего рейха". Учитывая, что на эту тему написаны тысячи книг и число их продолжает расти, такая оценка сама по себе примечательна. Во всяком случае, эта книга весьма полезна для читателей с любым уровнем знаний. Она неоднократно переиздавалась в США, переводилась во многих странах мира. Ныне стала возможной ее публикация и в СССР.

Уильям Ширер, родившийся в 1904 году, — известный американский историк и журналист. Был корреспондентом в Париже, Лондоне и Риме. С 1926 года по декабрь 1941-го находился в Германии, представляя "Чикаго трибюн", а затем "Коламбия бродкастинг сервис". В дальнейшем с осени 1945-го вновь работал в Германии. Присутствовал на Нюрнбергском процессе. Является автором ряда книг, из которых наибольшую известность получила "Взлет и падение третьего рейха".

Уникальность книги — в ее документальности, обогащенной личным восприятием многих событий, их оценок непосредственными участниками, в глубоком анализе многих исторических явлений. Наибольшего накала при изложении исторического материала, что вполне закономерно, Ширер достигает именно при сочетании перечисленных факторов; там же, где личные наблюдения автора отсутствуют, книга грешит некоторым схематизмом. В указанном смысле первые книги, на мой взгляд, более обстоятельны, нежели последующие.

Труд представляет собой историю германского фашизма, начиная с возникновения нацистской партии и кончая разгромом гитлеровского рейха во второй мировой войне. Широко используя секретные документы государственных учреждений и различных ведомств Германии, материалы конференций и совещаний, записи доверительных переговоров нацистского руководства, дневники дипломатов, политиков и генералов, архивы МИДа, Германии, штабов верховного командования вермахта (ОКВ), сухопутных войск (ОКХ), военно-воздушных (ОКЛ) и военно-морских (ОКМ),

воспоминания лиц из окружения Гитлера, показания обвиняемых и свидетелей на Нюрнбергском процессе, автор освещает узловые проблемы возникновения, становления, развития и крушения нацистской Германии и фашизма как общественного явления в целом. Лишь в нескольких местах, по словам Ширера, он прибегает к догадкам — там, где не оказалось документов. Но такие случаи автор старается оговаривать.

Книга выдержана в традициях умеренно-консервативной западной историографии с ее неприятием многих реалий советского общества. Вместе с тем объективная позиция автора способствует яркому и убедительному раскрытию фашизма как порождения империализма, смертельной угрозы существованию цивилизованного человечества, связей фашизма с монополиями и реакционной военщиной.

Рассматривая историю рейха, автор уделяет большое внимание довольно слабо освещенному в советской исторической литературе вопросу возникновения и становления нацистской партии, появления ее вождей. Подробно освещается биография Гитлера до первой мировой войны, когда он еще не определился как личность, и после принятия рокового для него и для мира решения посвятить свою жизнь политике завоевания для Германии "жизненного пространства", достижения мирового господства и уничтожения большевизма. При этом "угроза большевизма" неизменно использовалась в обоснование как внешней, так и внутренней политики Германии (например, при расправах с соперниками внутри нацистской партии — с Ремом и другими). Автор рисует обстановку, сложившуюся в Германии после ее поражения в первой мировой войне, становление Веймарской республики, исследует расстановку сил, причины возникновения нацистской партии как реакцию финансово-промышленных кругов на крепнущее рабочее движение. Эти круги не допускали гитлеровцев к штурвалу государственной машины до тех пор, пока могли управлять массами с помощью методов, присущих буржуазной демократии. Однако, как хорошо показано в книге, когда германский империализм утратил возможность бороться с рабочим движением испытанными методами, он обратился к нацистской партии и способствовал ее приходу к власти. Этому требовала и жажда реванша за проигранную войну, которой соответствовала агрессивная внешнеполитическая программа нацистов.

Анализируя мировоззренческие взгляды самого фюрера и его приспешников, в частности книгу Гитлера "Майн кампф", справедливо получившую в свое время название "библии людоедов", автор приходит к выводу, что основные постулаты нацистов представляли собой смесь

вульгарного дарвинизма, фантазий садистов, мегаломании, философии традиционного германского милитаризма и пруссачества одновременно. "Нацизм и третий рейх по существу были не чем иным, как логическим продолжением германской истории", — констатирует Ширер. В фашизации Германии, по его мнению, были виноваты и сами немцы, которые, не ведая, что творят, надели на себя ярмо нацистской тирании.

В книге подробно рассматриваются процесс передачи власти правящими кругами Веймарской республики фашистской клике, поджог рейхстага, междоусобная борьба в стане гитлеровцев в первые месяцы нацистского режима. Отдельная глава отводится описанию жизни населения Германии в годы фашистского правления. Освещается деятельность правительственных органов, система пропаганды, принудительного труда, отношение нацистов к церкви, нацификация культуры и просвещения, состояние промышленности, сельского хозяйства и других областей жизнедеятельности государства в условиях "нового порядка".

Раскрывая корни чудовищных преступлений нацистов, поддержку широкими массами населения их агрессивной программы, Ширер отмечает, что германскую нацию выковала грубая сила и сплотила неприкрытая агрессия. Он показывает, что псевдореволюционная риторика и обработка общественного мнения, тотальные репрессии против инакомыслящих, прежде всего коммунистов и социал-демократов, явились для нацистов главными средствами достижения цели. Социалистические лозунги Гитлера, по мысли Ширера, были лишь "средством пропаганды, завоевания на свою сторону масс в период продвижения к власти".

Нельзя не согласиться с автором в том, что отсутствие единства в рабочем движении Германии, раскол между коммунистами и социал-демократами способствовали приходу гитлеровцев к власти. В книге убедительно показано, что существовала реальная возможность, особенно на выборах в ноябре 1932 года, когда гитлеровцы потеряли 2 миллиона голосов, не допустить их прихода к власти (нацисты получили 196 мест в рейхстаге, социал-демократы — 121, коммунисты — 100). Однако обстановка, сложившаяся к тому времени в рабочем движении Германии (политика предательства и террора, проводившаяся лидерами правой социал-демократии в период Ноябрьской революции 1918 года, в последующем привела к зарождению на этой основе не без помощи Сталина и Коминтерна теории "социал-фашизма"), исключала такую возможность.

Внешняя политика рейха в первые годы его существования

представляла собой, по мнению автора, смесь псевдомиролюбивой демагогии и проводимой втайне подготовки к войне. Все это имело одну цель — усыпить бдительность союзных держав и не дать им повода применить санкции против Германии.

В книге подробно разбираются нарушение третьим рейхом Версальского договора, занятие гитлеровцами демилитаризованной Рейнской зоны, усиленная подготовка к войне, обновление руководства вооруженными силами. Отдельная глава повествует о захвате Австрии, две главы отведены истории Мюнхенского соглашения и оккупации Чехословакии.

Надо отметить, что предыстория второй мировой войны освещена в книге достаточно широко и интересно. В ряде случаев ход событий ставит автора в тупик: если главы правительств Англии и Франции знали, что захват Чехословакии посредством военной силы нереален, что это приведет Германию к поражению, то как случилось, что они принесли в жертву жизненные интересы своих стран? В поисках ответа на эти вопросы читатель, по замечанию Ширера, сталкивается с тайной Мюнхена. Какой? Прямого ответа автор не дает, но из книги следует, что мюнхенский сговор явился одним из промежуточных результатов противоборства, развернувшегося в середине 30-х годов между двумя еще окончательно не оформившимися группировками империалистических держав: Германией, Италией и Японией с одной стороны и Великобританией, Францией и США — с другой. Первая представляла собой, выражаясь словами В. И. Ленина, буржуазию "алчущую", стремящуюся к захвату мирового господства, вторая — буржуазию "сытую", целью которой являлось удержать и укрепить свои доминирующие позиции в мире {См.: Ленин В. И. Собр. соч., т. 11., с. 292. }.

Обе группировки объединяли антисоветские тенденции, стремление разрешить противоречия за счет СССР.

В 1931 году милитаристская Япония развязала на Дальнем Востоке захватническую войну против Китая. С приходом к власти в Германии в январе 1933 года нацистов, дорогу которым вымостили немецкие финансово-промышленные и военные круги, резко возросла опасность войны в Европе.

Советский Союз, заинтересованный в предотвращении войны, опираясь на свою растущую мощь, стремление к защите государств, которым угрожала агрессия, и поддержку антивоенного движения, выступил в декабре 1933 года с программой создания системы коллективной безопасности. К середине 30-х годов в активе советской

внешней политики имелся ряд существенных достижений. Общеизвестным был положительный вклад СССР в деятельность Лиги Наций, направленный на укрепление ее как органа коллективной безопасности. СССР заключил договоры о взаимопомощи с Францией и Чехословакией, конвенцию об определении агрессии, выступил с предложением заключить региональный оборонительный пакт с участием СССР, Франции, Польши, Чехословакии, Финляндии, Латвии, Эстонии, Литвы и Бельгии (Восточный пакт), а также соглашение о ненападении с участием СССР, США, Великобритании, Франции, Японии и Китая (Тихоокеанский пакт), оказывал самоотверженную помощь, в том числе военную, жертвам агрессии. Однако создание системы коллективной безопасности в том виде, в каком предлагал Советский Союз, оказалось невозможным. Не были заключены ни Восточный, ни Тихоокеанский пакт. Основной причиной этого явилась политика так называемого "умиротворения" (уступок агрессору), которую проводили западные демократии, что и привело к мюнхенскому сговору.

Агрессоры, используя сложившуюся обстановку, действовали быстро и нагло. В 1935 году фашистская Италия захватила Абиссинию; в 1936 году Германия ввела войска в демилитаризованную согласно Версальскому договору Рейнскую зону, итало-немецкие вооруженные силы начали военную интервенцию против республиканской Испании; в 1937 году развернулся новый широкомасштабный этап японской агрессии в Китае; в марте 1938 года германские войска вступили в Австрию, ликвидировав ее независимость.

Мюнхенское соглашение явилось переломным рубежом, изменившим всю политическую и стратегическую обстановку в Европе, оно нанесло сокрушительный удар по политике коллективной безопасности, обесценило договоры СССР с Францией и Чехословакией о взаимопомощи, открыло путь фашистской агрессии в общеевропейском масштабе. СССР, выступивший в защиту Чехословакии, оказался в международной изоляции. Давая оценку мюнхенскому сговору, Ширер резко осуждает политику глав правительств Англии и Франции, высказывая предположение, что Чемберлен еще до возникновения чехословацкого кризиса дал понять Гитлеру: Англия не выступит в защиту Чехословакии. Это, кстати, подтверждается дальнейшим ходом событий и документами дипломатической переписки.

Последствия не заставили себя ждать. 14 марта 1939 года немецкие войска вступили на территорию Чехии. На следующий день Чехословакия как самостоятельное государство перестало существовать. 22 марта войска

вермахта оккупировали литовский порт Клайпеда (Мемель). 3 апреля Гитлер утвердил план операции "Вайс" (агрессия против Польши). 7 апреля итальянские войска захватили Албанию. Европа оказалась охвачена политическим кризисом.

Скруплезно исследуя события 1939 года, главное место автор отводит подготовке германской агрессии против Польши, англо-франко-советским и советско-германским переговорам, а также поискам возможности заключить германо-английское соглашение о разделе сфер влияния.

Многосторонние переговоры к середине августа вступили в решающую фазу. От их исхода зависела не только реализация последней возможности предотвратить нападение Германии на Польшу и вовлечение в войну целого ряда других государств, но и общая расстановка сил в войне. Каждая из сторон преследовала свои цели. Германия стремилась обеспечить наиболее благоприятные внешнеполитические условия для нападения на Польшу, воспрепятствовать созданию англо-франко-советской коалиции ("не допустить союза Англии и Франции с Россией"), вовлечению в войну на стороне Польши Советского Союза; Англия и Франция — избежать войны с Германией и направить ее агрессивные устремления против СССР, а при определенных условиях достигнуть нового сговора с Германией, решив "польскую проблему" путем компромисса с рейхом; СССР — воспрепятствовать сговору Англии и Франции с Германией и Италией на антисоветской и антипольской основе, не допустить в случае возникновения германо-польской войны выхода вермахта к советским границам, добиться заключения военно-политического союза с Англией и Францией для пресечения новых актов фашистской агрессии.

Эти переговоры, казалось, призванные решить "польскую проблему", а в действительности определявшие судьбы войны и мира в глобальном масштабе, отличались рядом особенностей. Во-первых, все они были взаимосвязаны: положение на одних переговорах во многом определяло движение вперед или вспять на других. Во-вторых, несмотря на секретный характер британо-германских и германо-советских переговоров, об основном их содержании знали соответственно в Москве и в Лондоне. Все это превращало их в запутанный клубок, ситуация менялась стремительно, порой с непредсказуемыми последствиями. Чтобы уяснить некоторые связанные с переговорами в изложении автора книги обстоятельства, уточним общую картину на последнем их этапе.

К 19 августа англо-франко-советские переговоры зашли в тупик. Советское правительство дало согласие на приезд Риббентропа в Москву

26–27 августа. В то же время было принято решение оставить двери для переговоров с Англией и Францией открытыми. В ночь на 20 августа в Берлине состоялось подписание советско-германского кредитного соглашения, о чем было сообщено в печати. В тот же день Гитлер обратился к И. В. Сталину с личным посланием, настаивая на приезде Риббентропа в Москву 22 августа, самое позднее 23-го.

О напряженности этих дней свидетельствует хотя бы такой факт. На 23 августа одновременно была намечена встреча Геринга с Чемберленом в Англии. На один из немецких аэродромов за именитым гостем уже прибыл самолет "Локхид А-12" английских секретных служб. Содержание условий сговора хранят в тайне британские архивы. Утром 21 августа на переговорах в Москве началось последнее заседание советской, британской и французской военных делегаций, закончившееся безрезультатно. Вечером Сталин отправил Гитлеру телеграмму с согласием на приезд Риббентропа 23 августа. Полет Геринга в Англию был отменен.

22 августа советская печать сообщила о предстоящем приезде Риббентропа. Готовясь к его приему, в Москве ожидали положительного сдвига на переговорах с Великобританией и Францией. Глава французской военной делегации генерал Ж. Думенк посетил в тот день К. Е. Ворошилова и сообщил, что получил от своего правительства положительный ответ на "основной кардинальный вопрос" (согласие на пропуск советских войск через территории Польши и Румынии в случае наступления германских армий) и полномочия подписать военную конвенцию. Однако он признал, что о позиции английского, румынского и польского правительств ему ничего не известно. Иными словами, подписание военной конвенции и предотвращение совместными усилиями нападения Германии на Польшу оказалось невозможным. У. Ширер считает, что Чемберлен, отвергнув соглашение с СССР, впоследствии "вернулся к этой мысли". Если все обстояло именно так, то английский премьер пошел на это лишь с целью оказать давление на Германию, вернуть ее политику в "разумные рамки" мюнхенского сговора. Анализ доступных в настоящее время английских дипломатических документов показывает, что правительство Великобритании стремилось избежать войны с Германией, но не желало заключать соглашения с СССР на основе обеспечения равной безопасности, да, пожалуй, и вообще какой-либо договоренности с СССР, направленной против Германии, хотя необходимость именно такого соглашения диктовалась угрозой фашистской агрессии, нависшей над Европой. Впрочем, это всего лишь частное замечание. В целом же автор довольно объективно раскрывает

политику Англии и Франции, подчеркивая: "В любом случае Сталин, по моему, не принимал окончательного решения (о заключении пакта о ненападении с Германией. — О. Р.) до вечера 19 августа".

Разгром Польши представлен автором как результат сговора между Гитлером и Сталиным. Советско-германский договор о ненападении и взаимоотношения между СССР и Германией анализируются в мельчайших подробностях и трактуются как отношения между двумя родственными по духу тоталитарными державами. Приводятся выдержки из секретных протоколов к советско-германским договорам от 23 августа и 28 сентября 1939 года, фрагменты ответа Молотова Шуленбургу от 26 ноября 1940 года о согласии СССР на вступление в тройственный пакт на определенных условиях. Требование Сталина о выделении сфер влияния для СССР в Европе и на Среднем Востоке, по мысли автора, привело к принятию Гитлером окончательного решения начать войну против СССР, подготовка к которой велась с середины 1940 года. Отдельные главы посвящены "странной войне", захвату Дании и Норвегии, падению Франции, битве за Англию и операции "Морской лев", захвату гитлеровцами Балканских государств.

В этой связи необходимо, на наш взгляд, прояснить вопрос о советско-германских договорах от 23 августа и 28 сентября 1939 года. Как следует из дипломатических документов, договоренность, достигнутая между СССР и Германией в августе и сентябре 1939 года, четко определяла сферы интересов двух государств, что было необходимо для безопасности СССР и максимально возможной в тех условиях защиты от нацистской оккупации приграничных стран и территорий. Конкретно к сфере интересов СССР были отнесены Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Западная Белоруссия, Западная Украина и Бессарабия.

Сегодня можно констатировать, что Советское правительство, заключая 23 августа 1939 года пакт о ненападении с Германией, учитывало последствия неизбежного разгрома Польши, лишенной правительствами Англии и Франции, а также собственными правителями советской помощи, и считало необходимым при таком развитии событий любой ценой предотвратить выход вермахта к советским границам, вовлечение СССР в войну.

Это решение давало СССР определенные гарантии национальной безопасности и защиты западных границ, временный нейтралитет в надвигавшейся войне, но содержало и неизбежные последствия компромисса с разбойным гитлеровским режимом — негативные явления политического, идеологического и военного характера. Эти явления

усугубили демонстрация некой "дружбы" с Германией и ряд противоправных действий, допущенных при освобождении Западной Украины и Западной Белоруссии, а позднее в Прибалтийских странах в обстановке стремительно нараставшей угрозы войны Германии против СССР.

Нельзя не учитывать также, что летом и осенью 1939 года СССР и МНР отражали агрессию японских захватчиков на Дальнем Востоке. Словом, угроза войны на два фронта, а в наихудшем варианте и против других империалистических государств являлась суровой реальностью. Вопрос стоял о жизни и смерти Советского государства. У. Черчилль, современник рассматриваемых событий, говорил в этой связи 1 октября 1939 года, выступая по радио:

"То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было, без всякого сомнения, необходимо для безопасности России перед немецкой угрозой. Во всяком случае, была занята позиция и создан Восточный фронт, который немецкая армия не осмелилась атаковать".

Подсчеты, кто в итоге выиграл от германо-советских договоренностей, представляются гипотетичными. Для Германии к июню 1941 года сложились наиболее благоприятные условия для нападения на СССР — главной программной цели нацизма. СССР, заключив пакт с Германией и договор о нейтралитете с Японией, обеспечил себе почти два года для укрепления обороны страны, что сыграло важнейшую роль в первый, наиболее тяжелый период Великой Отечественной войны. Экономическими соглашениями, заключенными в 1939–1940 годах, каждая из сторон также преследовала свои цели.

Известные историки из ФРГ Ф. Форстмайер и Х. Фолькман пишут: "В торговых отношениях с Германией Советский Союз показал себя упорным, несговорчивым партнером, который последовательно отстаивал собственные экономические и оборонные интересы. Часто высказываемое мнение о "существенной поддержке" германской военной экономики советскими поставками сырья не учитывают того объема и ассортимента поставок, которые СССР требовал и получал от Германии. Например, в конце 1940 года СССР согласился увеличить поставки зерна в Германию на 10 процентов, но за это Германия должна была увеличить поставки в СССР алюминия и кобальта, которых крайне недоставало ей самой. В ответ же на просьбы Германии о дополнительных поставках сырья СССР выдвигал новые требования о поставках станков и грузовых машин, а также вооружений".

Одной из причин затянувшихся дискуссий о советско-германских

договоренностях 1939 года являлось наше длительное молчание по поводу публикаций на Западе еще в 1948 году относящихся к ним секретных протоколов, что многие десятилетия использовалось реакционной пропагандой в антисоветских целях. Между тем взятые в совокупности документы и факты многое проясняют, позволяют дать советско-германским договоренностям более объективную оценку, не причислять СССР к "невоюющим союзникам" Германии, как это начали утверждать отдельные историки. Все обстояло значительно сложнее. Исчерпывающий ответ на этот вопрос содержится в документах II съезда народных депутатов СССР (1989 год).

Реализация достигнутых в 1939 году договоренностей между Германией и СССР отражала обстановку вынужденного с обеих сторон, хотя и по разным причинам, временного компромисса, в котором определяющим фактором являлись стремительно нараставшие противоречия, вызванные усиливавшейся подготовкой Германии к агрессии против СССР.

Что касается переговоров В. Молотова в Берлине в конце 1940 года и согласия СССР на вступление в тройственный пакт, то как предложение, сделанное Советскому правительству, так и его ответ необходимо, на наш взгляд, рассматривать в контексте сложившейся военно-политической обстановки, которая диктовалась уже принятым к этому времени решением гитлеровского руководства о войне против СССР, о подготовке к которой было известно в Москве. На переговорах в Берлине Германия стремилась дезориентировать СССР относительно своих планов (отсюда и предложение о новом разделе сфер влияния), а СССР — дезориентировать Германию, якобы приняв ее предложение как реальное, и таким образом отдалить еще на какое-то время войну, укрепить оборону страны, в первую очередь Вооруженные Силы, которые, как показала война в Финляндии, явно не были готовы к отражению агрессии. Думается, что ни та, ни другая сторона своих целей не достигли. Гитлеровцы продолжали наращивать масштабы подготовки к агрессии. Отсутствие немецкого ответа на советское письмо от 26 ноября 1940 года лишний раз подтверждало неизбежность войны. Не оставалось, видимо, у гитлеровцев сомнений и в том, что скрыть свои планы от СССР не удастся, о чем свидетельствовала достаточно жесткая позиция, занятая В. М. Молотовым на переговорах в Берлине, на что указывают и приводимые в книге фрагменты.

Довольно обстоятельно рассматривая агрессию Германии против Польши, вступление в войну Англии и Франции, сражение за скандинавский плацдарм, поражение Франции, автор затем отводит

немалое место битве за Англию, высказываясь в том смысле, что "какой-то десяток английских летчиков" сорвал гитлеровские планы вторжения на Британские острова и устремления Гитлера "волей-неволей" развернулись в другом направлении. Позволю возразить: ситуация была несколько иной. Упорная оборона Англии, самоотверженная защита ее территории от угрозы вторжения морского десанта противника, умелые действия британских средств ПВО и особенно истребительной авиации явились существенным фактором в срыве планов Гитлера "выбомбить Англию из войны". При этом следует учитывать, что в тот период Великобритания и ее вооруженные силы вели единоборство с фашистской Германией, значение которого для будущих событий войны еще не получило в советских исследованиях должной оценки.

Вместе с тем, как свидетельствуют документы, задача вывести Англию из войны являлась важной, но подчиненной целью германского руководства. Основные его усилия после разгрома Франции сосредоточивались на непосредственной подготовке войны против СССР. 30 июня 1940 года, то есть на пятый день после прекращения огня во Франции, начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Франц Гальдер записал в своем дневнике: "Основное внимание — на Восток... Англии мы должны будем, вероятно, еще раз продемонстрировать нашу силу, прежде чем она прекратит борьбу и развяжет нам руки на Востоке". Разработка плана нападения на СССР началась, судя по документам, 25 июня. Через месяц она развернулась ускоренными темпами и завершилась в первом варианте 31 июня 1940 года. В этот день в Бергхофе состоялось совещание руководящего состава вооруженных сил, на котором были уточнены цели и замыслы войны, намечены ее сроки. Гитлер обосновывал необходимость разгрома Советского Союза стремлением завоевать господство в Европе. "В соответствии с этим, — заявил он, — Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года". По мнению У. Ширера, в конце мая 1940 года Гитлер мог нанести сокрушительный, даже фатальный удар по Великобритании. С таким мнением трудно согласиться. Для подготовки форсирования Ла-Манша и вторжения на Британские острова требовалось время. Немецкая авиация господствовала в воздухе, однако на море господствовал британский флот и английский народ был полон решимости не допустить вторжения. Кроме того, в это время все активнее включаются в поддержку Англии Соединенные Штаты Америки. Не остался бы, по-видимому, в стороне (это уже из области предположений) и Советский Союз.

Решение немецко-фашистского руководства о нападении на СССР, подписание Гитлером 18 декабря 1940 года плана "Барбаросса" оцениваются в книге как "самое роковое из всех его решений". Еще ранее Ширер отметил: "Британское верховное командование, как впоследствии и немецкое верховное командование, сильно недооценило мощь Красной Армии".

События на советско-германском фронте рассматриваются в общем-то довольно бегло, тем не менее читателю дается возможность представить картину развернувшейся гигантской по масштабам и напряжению вооруженной борьбы. Однако ряд оценок, прежде всего касающихся первых месяцев войны и коренного перелома, следует отнести к разряду дискуссионных. Например, автор считает, что коренной перелом во второй мировой войне произошел в 1942 году, что его решающими событиями являлись Сталинградская битва и сражение под Эль-Аламейном в Северной Африке. Хочется высказать по этому поводу следующие соображения.

Освещение коренного перелома предполагает, на наш взгляд, рассмотрение военных, экономических, политических и других факторов, обусловивших его достижение силами антигитлеровской коалиции в результате длительной и тяжелой борьбы с противником.

Стратегическая инициатива — важнейший показатель коренного перелома — впервые в войне была вырвана у противника в битве под Москвой, правда, как свидетельствовал дальнейший ход событий, временно. В битве же под Сталинградом — окончательно и бесповоротно. Битва под Москвой (30 сентября 1941 года-20 апреля 1942 года) имела в ходе войны особое значение. Напомним кратко сложившуюся к тому времени обстановку. К июню 1941 года, когда фашистская Германия напала на СССР, 12 стран Европейского континента — Австрия, Чехословакия, Албания, Польша, Дания, Норвегия, Голландия, Бельгия, Люксембург, Франция, Югославия и Греция были захвачены агрессорами, их население подвергалось всяческим гонениям, террору, а в некоторых странах находилось под угрозой полного уничтожения. Смертельная опасность нацистского

вторжения нависла над Англией. Итало-немецкие войска развернули наступление в Северной Африке. Наиболее мощный союзник Германии — Япония, оккупировав обширные районы Китая и Индокитая, готовилась к захвату тихоокеанских владений США и угрожала СССР. Ключевые позиции для порабощения мира, как представлялось тогда агрессорам, давал молниеносный поход против СССР.

Историческое место битвы под Москвой в ходе войны нельзя уяснить, не учитывая той драматической обстановки, которая сложилась к осени 1941 года непосредственно на советско-германском фронте. Готовя внезапное нападение на Советский Союз, нацистское руководство делало ставку на мощные удары вермахта, которые в считанные недели и месяцы должны были сокрушить сопротивление Красной Армии, уничтожить ее основные силы, парализовать волю советского народа, сделать его неспособным к дальнейшей борьбе. Гитлеровские генералы собирались повторить опыт летней кампании 1940 года, когда они довольно быстро добились полной победы над Францией. Учитывали они и преимущества, которые давало им ведение основных операций на одном фронте, позволявшее сосредоточить против Советского Союза максимум военной мощи рейха и его союзников. Центр вооруженной борьбы во второй мировой войне переместился на советско-германский фронт.

Первоначальному успеху врага способствовал ряд факторов, включая вероломство его нападения. Фашистская Германия обрушила на Советский Союз внезапный удар невиданной в истории армии вторжения — 190 дивизий, свыше 4 тысяч танков, около 5 тысяч самолетов, около 200 кораблей. Для ведения войны против СССР была создана коалиция, основой которой стал Берлинский (тройственный) пакт, заключенный в 1940 году между Германией, Италией и Японией. К активному участию в агрессии были привлечены Румыния, Финляндия и Венгрия. Гитлеровцам оказывали помощь реакционные правящие круги Болгарии, а также марионеточных государств Словакии и Хорватии. С фашистской Германией сотрудничали Испания, вишистская Франция, Португалия и Турция. В целях военно-экономического обеспечения "восточного похода" использовались ресурсы европейских государств — как прямых союзников Германии, так и оккупированных, зависимых и нейтральных стран, общая численность населения которых превышала 300 миллионов человек.

Война поставила Советскую страну перед необходимостью вести борьбу с фашистской Германией в неравных условиях. Красная Армия оказалась неподготовленной к борьбе с таким мощным противником. Ее кадры были ослаблены сталинскими репрессиями. Первые пять месяцев войны стали самыми трудными для Советского Союза. Немецко-фашистские орды вторглись в его пределы на глубину от 850 до 1200 километров, блокировали Ленинград, находились в опасной близости к Москве, захватили Харьков, большую часть Донбасса и Крыма. Гитлеровцами были оккупированы Прибалтика, Белоруссия, Молдавия, почти вся Украина, ряд областей Российской Федерации и часть Карелии.

Территория, занятая врагом, превышала 1, 5 миллиона квадратных километров. На ней перед войной проживало 74, 5 миллиона человек. Миллионы советских людей погибли в боях, оказались в оккупации, в плену, в гитлеровских концлагерях.

Гитлеровское руководство было настолько уверено в успешном осуществлении плана "Барбаросса", что еще весной 1941 года приступило к детальной разработке дальнейших замыслов завоевания мирового господства. В служебном дневнике верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) за 17 февраля 1941 года излагалось требование Гитлера: "После окончания восточной кампании необходимо предусмотреть захват Афганистана и организацию наступления на Индию". Исходя из этих указаний, штаб ОКВ начал планирование операций вермахта на будущее. Эти операции намечалось провести поздней осенью 1941 года и зимой 1941/42 года. Замысел их был изложен в проекте директивы э 32 ("Подготовка к периоду после осуществления плана "Барбаросса"), направленной в сухопутные войска, военно-воздушные и военно-морские силы 11 июня 1941 года.

Проект предусматривал после разгрома Советских Вооруженных Сил захват английских колониальных владений и некоторых независимых стран в бассейне Средиземного моря, Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, вторжение на Британские острова, развертывание военных действий против Америки. Германские стратеги рассчитывали уже осенью 1941 года приступить к завоеванию Ирана, Ирака, Египта, района Суэцкого канала, а затем и Индии, где планировалось соединиться с японскими войсками. Немецко-фашистское руководство надеялось, присоединив к Германии Испанию и Португалию, быстро захватить Гибралтар, отрезать Англию от ее сырьевых источников и предпринять осаду островов. Разработка директивы э 32 и других документов свидетельствует, что после разгрома СССР и решения "английской проблемы" гитлеровцы намеревались в союзе с Японией "устранить влияние англосаксов в Северной Америке".

Захват Канады и Соединенных Штатов Америки предполагалось осуществить при помощи крупных морских десантов, высаженных с баз в Гренландии, Исландии, на Азорских островах и в Бразилии на восточное побережье Северной Америки и с Алеутских и Гавайских островов — на западное. Командующий объединенным флотом Японии адмирал И. Ямамото, конкретизируя эти замыслы, заявил: "Для нас недостаточно захватить Гуам и Филиппины или даже Гавайи и Сан-Франциско. Мы должны вступить в Вашингтон и подписать договор в Белом доме".

В ходе битвы под Москвой сложилось крайне тяжелое положение и

для других стран антигитлеровской коалиции. В результате вероломного нападения на главную базу Тихоокеанского флота США в Перл-Харборе (7 декабря 1941 года) и последующего наступления японских вооруженных сил на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии агрессоры захватили к весне 1942 года огромную территорию — 4, 2 миллиона квадратных километров с населением более 200 миллионов человек, вышли на подступы к Аляске, Индии и Австралии. Командующий вооруженными силами США на Дальнем Востоке генерал Д. Макартур незадолго до капитуляции своего гарнизона на Филиппинах, обращаясь к войскам, констатировал: "Сложившаяся международная обстановка показывает, что ныне надежды цивилизации неразрывно связаны с действиями Красной Армии, ее доблестными знаменами".

Военный фактор дает основание считать битву под Москвой началом коренного перелома в войне. В ходе контрнаступления советских войск под Москвой фашистской группе армий "Центр" был нанесен сокрушительный удар: подверглись разгрому 38 гитлеровских дивизий. Особенно большие потери понесли танковые соединения врага, которым отводилась в войне решающая роль. К концу марта 1942 года в 16 танковых дивизиях, сражавшихся на Восточном фронте, осталось всего 140 боеспособных машин. Потери личного состава группы армий "Центр", действовавшей на московском направлении, составили, по немецким данным, 772 тысячи человек.

В результате краха "блицкрига" и поражения под Москвой фашистская Германия оказалась вынужденной перейти к стратегии затяжной войны, к которой она не была готова ни в военном, ни в экономическом, ни в политическом отношении. Западногерманский историк К. Рейнгардт в обстоятельном исследовании о битве под Москвой приходит к выводу, что "несгибаемое упорство советского командования и его вооруженных сил, их умение использовать климатические условия, а также своевременная переброска резервов из восточных районов страны и создание новых формирований окончательно перечеркнули стратегические планы Гитлера" {Рейнгардт К. Поворот под Москвой. М., 1980, с. 347. }.

Второй фактор — экономический. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой и его последствия нанесли сильнейший удар по военной экономике рейха. Дело не только в том, что пришлось восполнить огромные потери в средствах ведения борьбы. Потери на фронте потребовали мобилизации в вооруженные силы наиболее дееспособной части населения. Это породило острый недостаток рабочей силы. К весне на заводах не хватало около 800 тысяч рабочих. Еще более серьезным

фактором явилось то, что для ведения длительной войны требовались тотальная мобилизация экономики, реорганизация управления промышленностью, перераспределение рабочей силы и стратегического сырья, нужды в котором не покрывались имевшимися запасами. Зимой 1941/42 года экономическое положение Германии ухудшилось.

Соотношение основных видов вооружения на советско-германском фронте в декабре 1941 года было еще в пользу Германии. Победа над противником, превосходившим нас в силах и средствах ведения войны, при отсутствии возможности полностью использовать оборонный потенциал страны была достигнута в результате беспримерного героизма войск, самоотверженной поддержки защитников Москвы населением столицы и всей Советской страны. В декабре 1941 года выпуск военной продукции начал возрастать, а к середине 1942 года утраченные мощности военной промышленности были не только восстановлены, но и значительно превзойдены. В целом военный фактор в ходе битвы под Москвой явился опережающим по отношению к фактору экономическому.

Что касается политического фактора, то именно в период битвы под Москвой в значительной степени сформировалась антигитлеровская коалиция — союз народов и государств, боровшихся во второй мировой войне против агрессивного блока Германии, Италии, Японии и их сателлитов. Объединились силы трех великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании.

В это же время заметно ухудшилось внешнеполитическое положение Германии. Агрессивные круги Японии и Турции, намеревавшиеся вступить в войну на стороне рейха, после поражения вермахта под Москвой отказались двинуть войска против СССР. Политический престиж гитлеровской Германии оказался подорван и в глазах правителей Венгрии, Румынии, Финляндии и других ее союзников.

Четвертый фактор — идеологический. Битва под Москвой началась в то время, когда фашистская Германия не знала поражений. Миф о ее непобедимости настойчиво распространялся нацистской пропагандой, и на Западе многие находились под его гипнозом. Однако события на советско-германском фронте показали, что сопротивление Красной Армии, героизм жителей столицы и бойцов народного ополчения, самоотверженная поддержка фронта советским тылом непреодолимы для агрессора. Народы мира поверили, что есть сила, способная избавить человечество от угрозы фашистской тирании. Международный авторитет СССР резко возрос.

Очевидно и то, что для окружения и полного уничтожения группы армий "Центр" имевшихся в то время у нашей страны сил оказалось

недостаточно. Общее наступление Красной Армии в январе — апреле 1942 года принесло лишь частичные результаты. Впоследствии стратегическая инициатива вновь перешла к противнику. Однако понятие "коренной перелом" не предполагает, что процесс развивается неизменно по восходящей. По мере его развития возможны временные спады, что и произошло летом 1942 года. В ноябре того же года Красная Армия вновь овладела стратегической инициативой, на этот раз окончательно и бесповоротно. Таким образом, в результате разгрома немецко-фашистских войск под Москвой произошли необратимые для фашистской Германии и ее союзников изменения, потерпел крах весь план войны против СССР, на который делало ставку гитлеровское руководство.

Решающим вкладом в коренной перелом в войне явилась победа Советских Вооруженных Сил в великой Сталинградской битве. Победы в битвах под Курском и за Днепр завершили коренной перелом в Великой Отечественной войне.

Изгнание итало-немецких войск из Северной Африки (май 1943 года), стабилизация обстановки на Атлантическом и Тихом океанах, а также в Юго-Восточной Азии свидетельствовали, что происходит коренной перелом и во второй мировой войне в целом. Определяющим фактором в этом процессе стали события на советско-германском фронте — главном фронте борьбы с фашизмом.

В сражении под Эль-Аламейном (23 октября — 4 ноября 1942 года), которое являлось важной частью Северо-Африканской кампании западных союзников 1940–1943 годов, перед английской 8-й армией под командованием Б. Монтгомери стояла задача разгромить итало-немецкую танковую армию "Африка" под командованием Э. Роммеля. В ходе операции, которую Д. Эйзенхауэр впоследствии назвал "блестящим тактическим успехом", английская 8-я армия (1500 самолетов) нанесла поражение армии "Африка" (около 80 тысяч человек, 540 танков, 1219 орудий, 350 самолетов). Итало-немецкие войска потеряли 55 тысяч человек, 320 танков, около тысячи орудий. Победа под Эль-Аламейном, достигнутая в трудных условиях Североафриканского театра военных действий, явилась первым крупным успехом британской армии в 1942 году и знаменовала собой начало разгрома противника в Северной Африке. В Советском Союзе по достоинству оценили ее значение, тем не менее нет оснований ставить ее в ряд с победой Красной Армии в Сталинградской битве.

Более обстоятельно освещаемые автором события, связанные с открытием второго фронта, также требуют ряда уточнений. Наиболее

существенные из них касаются контрнаступления немецко-фашистских войск в Арденнах (декабрь 1944 года — январь 1945 года).

Немецко-фашистское руководство решило нанести удар в Арденнах, рассчитывая внести раскол в антигитлеровскую коалицию, демонстрацией силы склонить США и Англию к заключению сепаратного мира и даже совместно с ними повернуть оружие против Красной Армии. При этом ставка делалась на разжигание противоречий между СССР, США и Англией, на возможный отказ западных держав от совместного с СССР требования безоговорочной капитуляции фашистской Германии в целях сохранения сил главного противника Советского Союза в Европе.

Англо-американское командование до самого начала немецкого наступления оставалось в неведении относительно замыслов противника, считало, что он неспособен провести крупную операцию. Район Арденн оценивался союзниками как наиболее безопасный участок. Здесь на 120-километровом фронте скрытно сосредоточенной немецкой группировке противостояло лишь пять дивизий американской 1-й армии из состава 12-й группы армий генерала О. Брэдли.

Немецкие войска нанесли удар в Арденнах на рассвете 16 декабря 1944 года, преследуя цель разгромить англо-американские войска к северу от линии Антверпен, Брюссель, Люксембург. Танки с фашистской свастикой на броне прорвали фронт и, сея панику в рядах противника и дезорганизуя его оборону, устремились по территории Бельгии и Люксембурга на северо-запад.

Застигнутые врасплох американские дивизии отступили. К 25 декабря фронт американских войск был прорван на 80-километровом участке на глубину до 100 километров. Не располагая подготовленными резервами, командование союзников спешно перебросило в Арденны крупные силы с других участков фронта и нанесло контрудар по наступавшим войскам противника с юга, создав угрозу прорыва его южного фланга. Немецкое командование приостановило продвижение на запад, произвело перегруппировку и перенесло направление главного удара на юг. Атаки немецко-фашистских войск были столь яростны, а потери союзников столь велики, что американский генерал Д. Паттон 4 января 1945 года записал в своем дневнике: "Мы еще можем проиграть эту войну".

В начале января положение американских войск на Западном фронте осложнилось в связи с тем, что немецкие войска нанесли удар в Эльзасе. Кроме того, 1 января 1945 года более тысячи самолетов немецкого авиационного командования "Запад" обрушили внезапный удар по 27 прифронтовым аэродромам, складам и скоплениям боевой техники,

причинив им немалый урон.

Союзники считали, что со стороны противника могут последовать новые удары. 6 января 1945 года У. Черчилль обратился к И. В. Сталину с просьбой как можно скорее начать новое наступление советских войск, чтобы разрядить напряженную обстановку на Западном фронте. В свою очередь Д. Эйзенхауэр сообщил в Вашингтон, что отсутствие помощи со стороны Красной Армии поставило бы американские войска "в самое тяжелое положение".

12 января 1945 года Красная Армия на восемь дней ранее запланированного срока перешла в наступление от Балтийского моря до Карпат. В результате совместных ударов гитлеровское командование вынуждено было признать бесперспективность наступательных действий на Западном фронте и отдало приказ об отступлении из Арденн. 28 января последние немецкие части, преследуемые войсками союзников, откатились на ранее занимаемые позиции и перешли к обороне.

И последнее. Книга создавалась в период острой конфронтации между СССР и США, когда мир не раз стоял на пороге ядерной катастрофы. Ныне в результате советско-американских и других договоренностей, достигнутых в последние годы, международная безопасность укрепились. Но угроза войны остается. Поэтому весьма своевременно звучит предупреждение автора о том, что "большая агрессивная война, если дойдет до этого, может быть развязана ничтожными самоубийцами, в припадке безумия нажавшими на электронную кнопку. Такая война продлится недолго и окажется последней. На планете не останется ни победителей, ни побежденных, а лишь одни обугленные трупы". Думается, эта понятная каждому здравомыслящему человеку позиция автора, последовательного противника войны и фашизма, является важным фактором неослабевающего к его содержательному и поучительному труду читательского интереса.

У. Ширер, несмотря на свой почтенный возраст, внимательно следит за происходящими в мире, особенно в Германии, событиями. Объединение этой страны он прокомментировал следующим образом: "Немцы по своей натуре экстремисты. У меня в тридцатые годы были в Германии два друга-либерала, и оба стали нацистами". Но сейчас — другие времена.

Профессор О. А. РЖЕШЕВСКИЙ

К читателю

Хотя, живя и работая в Германии в первую половину недолгого существования третьего рейха, я имел возможность наблюдать, как Адольф Гитлер, диктатор великой и загадочной нации, консолидировал силы, а затем вверг страну в пучину войн, личный опыт не заставил бы меня взяться за перо и написать эту книгу, если бы в конце второй мировой войны не произошло событие, не имеющее аналогов в истории.

Я имею в виду захват секретных государственных архивов Германии и всех их филиалов, включая архивы министерства иностранных дел, сухопутных войск и военно-морских сил, национал-социалистской партии и тайной полиции Генриха Гиммлера. Думаю, в истории не было прецедентов, когда столь ценные материалы попадали в руки современных исследователей. До сих пор архивы великих держав — даже после поражения в войне и революционного свержения правительства, как это имело место в России в 1917 году и в Германии в 1918 году, — охранялись государством. Полностью публиковались лишь те документы, которые служили интересам правительства, пришедшего к власти.

Стремительный крах третьего рейха весной 1945 года привел к тому, что в результате капитуляции были обнародованы не только многочисленные секретные документы, но и такие бесценные материалы, как личные дневники, строго засекреченные выступления, отчеты конференций, переписка и даже телефонные разговоры нацистских главарей, по распоряжению Германа Геринга записанные специальной службой, размещавшейся в министерстве военно-воздушных сил.

Генерал Франц Гальдер, например, вел дневник, делая стенографические записи по несколько раз на дню. Записи генерала — уникальный источник краткой информации за период с 14 августа 1939 по 24 сентября 1942 года, когда он занимал пост начальника генерального штаба сухопутных войск и ежедневно встречался с Гитлером и другими главарями нацистской Германии. Среди дневников это наиболее показательные записи, но есть и другие, также представляющие большую ценность. Сюда относятся дневники доктора Йозефа Геббельса, министра пропаганды, близкого соратника Гитлера по партии, и генерала Альфреда Йодля, начальника штаба оперативного командования вооруженных сил (ОКВ). Существуют также записи самого ОКВ и штаба военно-морских сил. Действительно, в шестидесяти тысячах досье военно-морских архивов

Германии, захваченных в замке Тамбах под Кобургом, приводятся практически все сигналы связи, судовые журналы, дневники, меморандумы и другие документы немецкого военно-морского флота, датированные апрелем 1945 года, когда они были найдены, и более ранние, начиная с 1868 года-года создания военно-морских сил Германии.

485 тонн материалов министерства иностранных дел Германии, захваченные 1-й американской армией в различных замках и шахтах Гарца в тот момент, когда по приказу из Берлина их должны были уничтожить, охватывают не только период третьего рейха, но и Веймарскую республику и начинаются со времени правления Бисмарка — второго рейха.

Долгие годы по окончании войны тонны нацистских документов лежали опечатанными на большом военном складе в американском городе Александрия, штат Виргиния. Правительство США не высказывало желания хотя бы вскрыть ящики и посмотреть, какие материалы представят интерес для историков. Наконец в 1955 году, десять лет спустя после того, как они были захвачены, по инициативе Американской исторической ассоциации и благодаря финансовой поддержке нескольких частных фондов материалы были открыты. Небольшая группа ученых, не располагавшая достаточным оборудованием, приступила к работе — анализу и фотографированию документов, прежде чем правительство поспешно передало их Германии. Материалы оказались настоящей находкой.

Большую ценность представляют и такие документы, как 51 частично застенографированное "выступление" фюрера о военном положении, которое ежедневно обсуждалось в ставке Гитлера, и полный текст бесед нацистского главаря со старыми товарищами по партии и секретарями во время войны. Первые удалось обнаружить среди обугленных бумаг, оставшихся после Гитлера в Берхтесгадене, офицеру-разведчику 101-й воздушно-десантной дивизии США, вторые были найдены в материалах Мартина Бормана.

Сотни тысяч захваченных нацистских документов были спешно отправлены в Нюрнберг на судебный процесс и фигурировали в качестве улики против главных нацистских военных преступников. Освещая в газете первую половину Нюрнбергского процесса, я собрал кипу мимеографических копий, а позднее — опубликованные в сорока двух томах свидетельские показания и документы, дополненные десятью томами переводов важных материалов на английском языке. Тексты других документов, собранные в пятнадцатитомных сериях по материалам следующих двенадцати судебных процессов в Нюрнберге, также

представляют определенную ценность, хотя многие свидетельские показания и факты не приведены.

И наконец, помимо этих объемистых материалов имелись подробные записи допросов немецких военных, партийных и государственных служащих, их свидетельские показания, данные под присягой на различных послевоенных судебных процессах, что обеспечивало исследователей информацией, на мой взгляд, ранее им неизвестной.

Естественно, я не мог прочесть документацию в полном объеме — это не по силам одному человеку, однако я тщательно проанализировал значительную часть материалов. Работа замедлялась из-за отсутствия подходящих ориентиров, как и у других исследователей, трудившихся над таким же обилием информации.

Весьма знаменательно, как мало находившиеся в Германии во времена нацизма журналисты и дипломаты знали о том, что происходило за фасадом третьего рейха. Тоталитарная диктатура в силу своей природы действовала в строжайшей тайне и умела оградить эту тайну от посторонних взглядов. Довольно просто было выделять и описывать неприкрашенные, волнующие и часто вызывающие отвращение события, происходившие в третьем рейхе: приход Гитлера к власти, поджог рейхстага, кровавую расправу над Ремом, аншлюс Австрии, капитуляцию Чемберлена в Мюнхене, оккупацию Чехословакии, нападение на Польшу, Скандинавию, Западную Европу, Балканы и Россию, ужасы нацистской оккупации и концентрационных лагерей, ликвидацию евреев.

Но втайне принятые роковые решения, интриги, измены, мотивы и заблуждения, приведшие к этому, сцены, сыгранные главными актерами за опущенным занавесом, размах осуществляемого ими террора и техника его организации — все это и многое другое в значительной степени было нам неведомо, пока не всплыли на свет секретные документы нацистской Германии.

Кое-кто, возможно, полагает, что слишком рано писать историю третьего рейха, что такую задачу надо оставить потомкам, у которых появится временная перспектива. Я обнаружил, что подобный взгляд особенно распространен во Франции, когда приехал туда, чтобы провести определенную исследовательскую работу. Мне говорили, что историку нужно заниматься эпохой Наполеона, но никак не более поздним периодом.

В таком подходе есть свои плюсы. Историки ждали пятьдесят, сто или больше лет, прежде чем описать какую-либо страну, империю или эпоху. Но не происходило ли это главным образом потому, что требовалось много времени, чтобы разыскать подходящие документы и представить

подлинный материал? И, несмотря на все преимущества временной перспективы, не терялось ли что-то, поскольку у авторов отсутствовало личное знание эпохи, атмосферы того времени и исторических фигур, которых они описывали?

В случае с третьим рейхом — а он поистине уникален — в момент его падения имелись почти все документальные материалы, которые были дополнены свидетельскими показаниями военных и государственных деятелей, оставшихся в живых или позднее понесших самое суровое наказание. Располагая уникальными источниками и хорошо помня жизнь в нацистской Германии, внешний облик, поведение и характер лиц, находившихся у власти, в первую очередь Гитлера, я решил, чего бы мне это ни стоило, изложить историю взлета и падения третьего рейха.

"Я прожил всю войну, — заметил Фукидид в "Истории Пелопонесской войны" — величайшем историческом труде, когда-либо написанном, — с годами постигая события и уделяя им внимание, чтобы познать их истинный смысл".

Мне было довольно трудно (и не всегда удавалось) познать истинный смысл событий, происходивших в гитлеровской Германии. Лавина фактического материала помогала в поисках истины, что, вероятно, было возможно и двадцать лет назад, но его обилие часто вводило в заблуждение. Во всех записях и свидетельских показаниях непременно встречались загадочные противоречия.

Несомненно, что мои собственные предубеждения, тесно связанные с личным жизненным опытом и поведением, время от времени проникают на страницы этой книги. Я в принципе не приемлю тоталитарную диктатуру, но стал испытывать еще большее отвращение к ней, живя в Германии и наблюдая, как гнусно оскорбляют человеческую личность. И все же в этой работе я постарался быть предельно объективным, заставляя говорить вместо себя факты и каждый раз ссылаясь на источники. В книге нет вымышленных ситуаций, сцен или цитат, все основано на документах, свидетельских показаниях или личных наблюдениях. Примерно в шести случаях, когда вместо фактов выдвигаются предположения, этому даются соответствующие объяснения.

Не сомневаюсь, что моя трактовка событий многими будет оспорена. Это неизбежно, поскольку ошибаться может каждый. Я решился изложить свои взгляды, чтобы сделать повествование более ясным и обоснованным, выбрав самое бесспорное из свидетельских показаний и используя собственный жизненный опыт и знания.

Адольф Гитлер, вероятно, последний из великих авантюристов-

завоевателей, действовавший в духе Александра Македонского, Юлия Цезаря и Наполеона, а третий рейх — последняя из империй, решившая вступить на путь, пройденный ранее Францией, Древним Римом и Македонией. Занавес был наконец опущен на данной исторической стадии в результате создания водородной бомбы, баллистических ракет и ракет, способных достигнуть Луны.

В наше время, когда смертоносные игрушки пришли на смену прежним видам вооружений, большая агрессивная война, если дойдет до этого, может быть развязана ничтожными самоубийцами, в припадке безумия нажавшими на электронную кнопку. Такая война продлится недолго и окажется последней. На планете не останется ни победителей, ни побежденных; а лишь одни обугленные трупы.

Книга I. Приход Гитлера к власти

Часть 1. Рождение Третьего Рейха

В канун рождения третьего рейха Берлин лихорадило. Веймарской республике — это было ясно чуть ли не каждому — пришел конец. Агония республики длилась уже более года. Генерала Курта фон Шлейхера, как и его предшественника Франца фон Папена, мало волновала судьба республики и меньше того судьба демократии. Генерал, как и фон Папен, назначенный президентским указом канцлером и руководивший страной, не согласуя своих действий с парламентом, находился у власти пятьдесят семь дней.

28 января 1933 года, в субботу, он был внезапно смещен престарелым президентом республики фельдмаршалом фон Гинденбургом. Адольф Гитлер, главарь национал-социалистской партии — самой крупной политической партии Германии, потребовал назначить его канцлером демократической республики, которую он поклялся уничтожить.

В те роковые дни в столице распространялись самые невероятные слухи о предстоящих событиях и даже наиболее тревожные из них, как, впрочем, и случилось, имели под собой основание. Поговаривали, что Шлейхер вместе с генералом Куртом фон Хаммерштейном, командующим сухопутными войсками, при поддержке Потсдамского гарнизона готовят путч и собираются арестовать президента и установить военную диктатуру. Не исключали также вероятности нацистского путча. Берлинские штурмовики при содействии полицейских, симпатизировавших нацистам, намеревались захватить Вильгельм-штрассе, где находились президентский дворец и большинство государственных учреждений.

Поговаривали и о всеобщей забастовке. В воскресенье 29 января около ста тысяч рабочих собрались в Лустгартене в центре Берлина, чтобы протестовать против назначения Гитлера канцлером. Один из руководителей пытался связаться с генералом фон Хаммерштейном и предложить армии поддержку рабочих отрядов в случае, если Гитлера назначат главой нового правительства. Однажды, во времена Капповского путча в 1920 году, посредством всеобщей забастовки удалось спасти республику, когда правительство бежало из столицы.

Большую часть ночи с воскресенья на понедельник Гитлер не спал, прохаживаясь взад-вперед по номеру отеля "Кайзерхоф", расположенного на Рейхсканцлерплац, неподалеку от резиденции канцлера. Несмотря на некоторую нервозность, он был абсолютно уверен, что его час пробил.

Почти месяц он вел секретные переговоры с Папеном и другими лидерами правого крыла консерваторов. Пришлось пойти на компромисс. Ему бы не позволили сформировать правительство, состоящее только из нацистов. Но он мог стать главой коалиционного правительства, члены которого (восемь из одиннадцати не принадлежали к национал-социалистской партии) разделяли бы его взгляды о необходимости ликвидировать демократический веймарский режим. Лишь старый упрямый президент, похоже, стоял на его пути. 26 января, за два дня до решающих событий, убежденный сединой фельдмаршал заявил генералу фон Хаммерштейну, что "не намерен назначать этого австрийского капрала ни министром обороны, ни рейхсканцлером".

Тем не менее под давлением сына, майора Оскара фон Гинденбурга, статс-секретаря президента Отто фон Мейснера, Папена и других членов придворной клики президент в конце концов сдался. Ему было восемьдесят шесть лет, и возраст давал о себе знать. В воскресенье 29 января, после обеда, когда Гитлер с Геббельсом и другими подручными сидели за чашкой кофе, в комнату ворвался Герман Геринг, председатель рейхстага и второй человек после Гитлера в нацистской партии, и решительно заявил, что утром Гитлер будет назначен канцлером.

В понедельник 30 января 1933 года, около полудня, Гитлер отправился в рейхсканцелярию на беседу с Гинденбургом, которая имела роковые последствия для самого Гитлера, для Германии и для всего человечества. Из окон "Кайзерхофа" Геббельс, Рем и другие нацистские главари с нетерпением наблюдали за дверями канцелярии, откуда вскоре должен был появиться фюрер. "По его лицу мы узнаем, удалось добиться успеха или нет", — заметил Геббельс. Даже тогда они не были до конца уверены в успехе. "Сердца наши переполняли сомнения, надежды, радость, уныние... — записал впоследствии в своем дневнике Геббельс. — Мы так часто разочаровывались, что непросто было всей душой уверовать, что великое чудо свершилось".

Несколько минут спустя они стали свидетелями этого чуда. Человек с усами Чарли Чаплина, едва сводивший в юности концы с концами, никому не известный солдат первой мировой войны, всеми покинутый в Мюнхене в суровые послевоенные дни, чудаковатый главари "пивного путча", оратор, владеющий аудиторией, австриец, а не немец по происхождению, которому исполнилось лишь сорок три года, был только что приведен к присяге в должности рейхсканцлера Германии.

Проехав сотню метров до "Кайзерхофа", он оказался в компании своих закадычных друзей — Геббельса, Геринга, Рема и других "коричневых",

которые помогли ему расчистить тернистый путь к власти. "Он ничего не сказал, и никто из нас ничего не произнес, — отметил Геббельс, — но глаза его были полны слез".

До поздней ночи штурмовые отряды нацистов исступленно маршировали с факелами, празднуя победу. Четко разбившись на колонны, они появились из глубины Тиргартена и прошествовали под Триумфальной аркой Бранденбургских ворот вниз по Вильгельм-штрассе. Духовые оркестры громко трубили военные марши под оглушающий бой барабанов, нацисты распевали новый гимн "Хорст Вессель" и старинные немецкие песни, энергично отбивая каблуками ритм по мостовой. Факелы, которые они держали высоко над головами, напоминали в темноте огненную ленту, и это вызывало восторженные возгласы людей, толпившихся на тротуарах.

Гинденбург наблюдал за марширующими из окна дворца, тростью отбивая ритм, видимо довольный тем, что наконец-то нашел на пост канцлера человека, способного пробудить в народе истинно немецкие чувства. Сомнительно, что у старика, впавшего в детство, существовали какие-либо подозрения на тот счет, какого зверя спустил он сегодня с цепи. Вскоре по Берлину пополз слух, возможно недостоверный, что в разгар парада Гинденбург обернулся к одному старому генералу и заметил: "А я и не знал, что мы взяли в плен так много русских".

Чуть дальше по Вильгельмштрассе у открытого окна рейхсканцелярии стоял радостный и возбужденный Адольф Гитлер, он пританцовывал, периодически выбрасывая руку в нацистском приветствии и весело смеялся, пока на глаза вновь не навернулись слезы.

Происходящие в тот вечер события вызвали у одного иностранного наблюдателя иные чувства. "Факельное шествие проплыло мимо французского посольства, — писал посол Франции в Германии Андре Франсуа-Понсе, — и я смотрел вслед ему с тяжелым сердцем и тревогой".

Усталый, но счастливый Геббельс вернулся домой в три часа ночи. Прежде чем отойти ко сну, он записал в дневнике: "Похоже на сон... на сказку... рождение нового рейха. Четырнадцать лет работы увенчались победой. Немецкая революция началась! "

"Третий рейх, рождение которому было положено 30 января 1933 года, — хвастался Гитлер, — просуществует тысячу лет". И впредь нацистская пропаганда будет часто называть его "тысячелетним" рейхом. Он просуществует двенадцать лет и четыре месяца, но за этот мимолетный с точки зрения истории период вызовет на земле потрясения более мощные и разрушительные, чем любая из существовавших ранее империй, вознеся немцев к таким высотам власти, какие им были неведомы более тысячи лет,

сделав их хозяевами Европы от Атлантики до Волги, от Северного моря до Средиземноморья и ввергнув в пучину разрухи и отчаяния в конце второй мировой войны, которую хладнокровно спровоцировала немецкая нация и в ходе которой на оккупированных территориях царили террор и страх, по масштабам истребления народов и уничтожения человеческой личности превзошедшие самые дикие тирании предшествующих веков.

Человек, создавший третий рейх, правивший страной с необычайной жестокостью и безжалостной прямолинейностью, вознесший Германию на гребень столь головокружительного успеха и приведший ее к столь печальному концу, был, несомненно, злым гением. Верно, что он обнаружил в немцах (хотя таинственное провидение и вековой жизненный опыт уже сформировали их к тому времени) то, что послужило материалом для достижения его собственных зловещих целей. Однако можно почти с уверенностью утверждать, что без Адольфа Гитлера, личности демонической, обладавшей нестигаемой волей, сверхъестественной интуицией, хладнокровной жестокостью, незаурядным умом, пылким воображением и — вплоть до окончания войны, когда в упоении властью и успехом он зашел слишком далеко, — удивительной способностью оценивать обстановку и людей, не было бы и третьего рейха.

Как заметил выдающийся немецкий историк Фридрих Майнеке: "Это один из известных примеров необычной силы личности в истории".

Некоторым немцам и, безусловно, многим иностранцам казалось, что в Берлине к власти пришел какой-то шарлатан. Большинство же немцев считали Гитлера (или вскоре стали считать) по-настоящему обаятельным лидером. Они слепо шли за ним в течение двенадцати последующих лет, словно он обладал неким пророческим даром.

Зная его происхождение и юность, трудно представить более неподходящую кандидатуру на роль продолжателя дела Бисмарка, династии Гогенцоллернов и президента Гинденбурга, чем этот странный мужлан-австрияк, родившийся в половине седьмого вечера 20 апреля 1889 года в скромной гостинице "Цум Поммер" в городе Браунау-ам-Инн, расположенном на границе с Баварией.

Месту рождения на австро-германской границе придавалось большое значение, поскольку в юности Гитлер был одержим идеей, согласно которой два германоязычных народа принадлежат одному рейху и не могут быть разделены границей. Его чувства были настолько сильны и глубоки, что в тридцать пять лет, сидя в немецкой тюрьме и диктуя книгу, которая стала для третьего рейха руководством к действию, Гитлер в первой же строке подчеркнул, что видит определенную символику в том, что родился

именно там:

"То, что судьба выбрала Браунау-ам-Инн местом моего рождения, кажется мне сейчас знаком божьим. Этот маленький городок находится на границе двух немецких государств, объединению которых мы, более молодое поколение, решили посвятить свою жизнь, чего бы это нам ни стоило... Небольшой городок видится мне символом высокого предназначения" {Перевод из "Майи кампф" дается по английскому тексту Ширера. — Прим. ред. }.

Адольф Гитлер был третьим сыном от третьего брака мелкого австрийского чиновника, незаконнорожденного, до тридцати девяти лет носившего фамилию своей матери Шикльгрубер. Фамилия Гитлер встречалась как по материнской, так и по отцовской линии. И бабушка Гитлера по матери, и дед его по отцу носили фамилию Гитлер или ее варианты — Гидлер, Гютлер, Гюттлер. Мать Адольфа доводилась его отцу двоюродной сестрой, и на брак потребовалось разрешение епископа.

Предки будущего немецкого фюрера на протяжении поколений обитали в Вальдфиртеле — районе Нижней Австрии, расположенном между Дунаем, Богемией и Моравией. Направляясь из Вены в Прагу или Германию, я неоднократно проезжал мимо этого места. Холмистое, лесное, с крестьянскими деревеньками и небольшими фермами, находящееся от Вены в каких-нибудь пятидесяти километрах, оно казалось убогим и заброшенным, словно события австрийской истории не коснулись его. Жители отличались суровым нравом, как и чешские крестьяне, проживавшие чуть севернее. Родственные браки были делом привычным, как в случае с родителями Гитлера, и дети, рожденные вне брака, не были редким явлением.

Быт родственников по материнской линии отличался стабильностью. Четыре поколения семьи Клары Пельцль жили в деревне Шпиталь, в доме под номером тридцать семь. История предков Гитлера по отцовской линии совершенно иная. Как мы заметили, произношение фамилии менялось, менялось и местожительство семьи. Гитлерам было свойственно непостоянство, вечная тяга к переездам из деревни в деревню. Они брались то за одну работу, то за другую, не желая связывать себя прочными узами, проявляли по отношению к женщинам некоторое легкомыслие.

Иоганн Георг Гидлер, дед Адольфа, был бродячим мельником, подрабатывая то в одной, то в другой деревушке Нижней Австрии. В 1824 году через пять месяцев после свадьбы у него родился сын, но жена с ребенком умерли. Он женился вторично восемнадцать лет спустя в Дюрентале на сорокасемилетней крестьянке Марии Анне Шикльгрубер из

деревни Штронес. За пять лет до замужества, 7 июня 1837 года, она родила внебрачного сына, будущего отца Адольфа Гитлера, которого назвала Алоисом. Вполне вероятно, что Иоганн Гидлер приходился ребенку отцом, но данных, подтверждающих это, нет. Во всяком случае, Иоганн в конце концов женился на ней, однако усыновить после свадьбы мальчика не удосужился, и ребенку дали фамилию матери Шикльгрубера.

Мария умерла в 1847 году. После ее кончины Иоганн Гидлер исчез, и о нем ничего не было слышно в течение тридцати лет.

В возрасте восьмидесяти четырех лет он объявился в городе Вейтра в Вальдфиртеле, заменив в своей фамилии букву "д" на "т" (Гитлер), чтобы заверить у нотариуса в присутствии трех свидетелей, что он — отец Алоиса Шикльгрубера. Почему старику потребовалось столько времени, чтобы сделать этот шаг, и почему он его в конце концов сделал, из имеющихся источников неясно. Согласно версии Хайдена, Алоис впоследствии признался приятелю, что это было необходимо для получения наследства от дяди — брата мельника, вырастившего юношу в своей семье. Запоздалое признание отцовства было, таким образом, зафиксировано 6 июня 1876 года, а 23 ноября приходский священник в Деллершейме, получив письменное извещение нотариуса, зачеркнул в церковной книге фамилию Шикльгрубера и записал: "Гитлер".

С этого момента отец Адольфа на законном основании носил фамилию Гитлер, которая, естественно, перешла к его сыну. Лишь в 30-е годы предприимчивые журналисты, порывшись в архивах приходской церкви, раскопали факты происхождения Гитлера и, несмотря на запоздалое признание старым Иоганном Георгом Гидлером своего внебрачного сына, пытались называть нацистского фюрера Адольфом Шикльгрубера.

В странной жизни Адольфа Гитлера, полной необъяснимых превратностей судьбы, этот случай, имевший место за тринадцать лет до его рождения, кажется самым необъяснимым. Если бы восьмидесятичетырехлетний бродячий мельник не объявился, чтобы признать свое отцовство по отношению к тридцатидевятилетнему сыну спустя тридцать лет после смерти его матери, Адольфа Гитлера звали бы Адольфом Шикльгрубера.

Факт сам по себе, может быть, малозначащий, однако я слышал, как немцы строили догадки по поводу того, удалось бы Гитлеру стать хозяином Германии, если бы он остался Шикльгрубера. Есть что-то смешное в том, как эту фамилию произносят немцы на юге страны. Разве можно представить толпу, неистово выкрикивающую: "Хайль! Хайль, Шикльгрубера!"? "Хайль, Гитлер!" не только напоминало вагнеровскую

музыку, воспевающую языческий дух древнегерманских саг и соответствующую мистическому настрою массовых нацистских сборищ, но и использовалось во времена третьего рейха как обязательная форма приветствия, заменявшее даже привычное "алло". "Хайль, Шикльгрубер!" — это представить гораздо труднее {Гитлер, очевидно, и сам понимал это. В юности он признался своему единственному другу Августу Кубичеку, что ничто его так не обрадовало, как перемена фамилии отцом. Он заявлял, что фамилия Шикльгрубер кажется ему "какой-то грубой, топорной, не говоря уже о том, что она громоздка и неудобна. Фамилию Гидлер он находил... слишком мягкой, а вот Гитлер звучит славно и легко запоминается". (Кубичек А. Каким я знал Гитлера в юности. Лондон, 1954, с. 40.) — Прим. авт. }.

Очевидно, родители Алоиса никогда не жили вместе и после свадьбы, и будущий отец Адольфа Гитлера рос в семье своего дяди, который, приходясь Иоганну Георгу Гидлеру братом, произносил свою фамилию на иной лад и был известен как Иоганн фон Непомук Гютлер. Принимая во внимание оголтелую с ранней молодости ненависть нацистского фюрера к чехам — нации, которую он впоследствии полностью лишил независимости, следует сказать несколько слов об этом славянском имени. Непомук был национальным святым чешского народа, и некоторые историки усматривают в этом наличие чешской крови в его роду.

Алоис Шикльгрубер вначале изучал сапожное дело в деревне Шпиталь, но, будучи, как и его отец, натурой беспокойной, вскоре отправился на заработки в Вену. В восемнадцать лет он вступил в пограничную полицию австрийской таможенной службы, через девять лет получил повышение и женился на Анне Гласл-Херер, приемной дочери таможенного чиновника. За невесту дали небольшое приданое, и социальный статус Алоиса повысился — обычное явление в среде австро-венгерского чиновничества низшего звена. Но брак этот оказался несчастливым. Анна была на четырнадцать лет старше мужа, слаба здоровьем и не могла иметь детей. Прожив шестнадцать лет, они расстались, и через три года, в 1883 году, она умерла.

До разрыва с женой Алоис, теперь уже на законном основании именовавшийся Гитлером, сошелся с молодой кухаркой при гостинице Франциской Матцельсбергер, которая в 1882 году родила от него сына, тоже Алоиса. Через месяц после смерти жены он женился на кухарке, а через три месяца она родила ему дочь Ангелу. И второй брак Алоиса оказался недолговечным. Год спустя Франциска скончалась от туберкулеза. А через шесть месяцев Алоис Гитлер женился в третий — и последний —

раз.

Новой невесте Кларе Пельцль, которая в скором времени станет матерью Адольфа Гитлера, было двадцать пять, ее мужу — сорок восемь, и они давно знали друг друга. Клара была родом из Шпиталя — деревни, в которой проживали многочисленные родственники Гитлеров. Иоганн фон Непомук Гютлер, в семье которого вырос племянник Алоис Шикльгрубер — Гитлер, приходился ей дедушкой. Таким образом, Алоис доводился Кларе двоюродным братом, и на их брак, как мы уже знаем, потребовалось разрешение епископа.

Это был союз, о котором таможенный чиновник подумывал задолго до момента, когда Клара вошла в его первую семью, где не было детей, в качестве приемной дочери. Девочка прожила с Шикльгруберами в Браунау несколько лет. Первая жена Алоиса часто болела, и у него, по-видимому, возникла мысль жениться на Кларе, как только он станет вдовцом. Отцовское признание и получение Алоисом наследства совпали с шестнадцатилетием девушки, когда она по закону уже могла выйти замуж. Но, как известно, первая жена после разрыва прожила еще несколько лет, а Алоис тем временем связался с кухаркой, и Клара в двадцать лет, покинув родную деревню, уехала в Вену, где нанялась служанкой.

Вернулась она через четыре года, чтобы вести хозяйство в доме двоюродного брата, — Франциска в последние месяцы жизни тоже жила отдельно от мужа. Алоис Гитлер и Клара Пельцль поженились 7 января 1885 года, а через четыре месяца и десять дней у них родился первенец Густав. Он умер во младенчестве, как и вторая малышка Ида, родившаяся в 1886 году.

Адольф Гитлер был их третьим ребенком. Младший брат Эдмунд, родившийся в 1894 году, прожил всего шесть лет. Пятый, и последний, ребенок — дочь Паула родилась в 1896 году и пережила своего брата.

Сводный брат Адольфа Алоис и сводная сестра Ангела — дети Франциски Матцельсбергер выросли и стали взрослыми. Ангела, хорошенькая молодая женщина, вышла замуж за служащего налогового управления по фамилии Раубал, после его смерти работала в Вене экономкой, а одно время, если верить сведениям Хайдена, кухаркой в еврейской благотворительной общине. В 1928 году она переехала к Гитлеру в Берхтесгаден для ведения хозяйства, и в нацистских кругах много говорили о вкусной венской сдобе и сладких блюдах на десерт, приготовленных Ангелой, которые Гитлер поглощал с волчьим аппетитом. Она уехала от него в 1936 году, чтобы выйти замуж за профессора архитектуры в Дрездене, и Гитлер, будучи уже рейхсканцлером и

диктатором, не простил ей этого и даже отказался сделать свадебный подарок. Она была единственной родственницей, с кем Гитлер в зрелом возрасте поддерживал тесные отношения. А впрочем, было еще одно исключение. У Ангелы была дочь — тоже Ангела (Гели) Раубал, красивая блондинка, к которой Гитлер, как мы убедимся, питал по-настоящему глубокое чувство.

Адольфу Гитлеру не нравилось, когда при нем упоминали имя сводного брата. Алоис Матцельсбергер, в дальнейшем по праву именовавшийся Алоисом Гитлером, стал официантом и на протяжении долгих лет был не в ладах с законом. Хайден писал, что в восемнадцать лет его приговорили за кражу к пяти месяцам тюрьмы, а в двадцать (тоже за кражу) — к восьми месяцам. В конце концов он переехал в Германию, но тут же впутался в новую историю. В 1924 году, когда Адольф Гитлер томился в тюрьме за организацию бунта в Мюнхене, гамбургский суд приговорил Алоиса Гитлера к шестимесячному заключению за двоеженство. Затем, как рассказывает Хайден, он поселился в Англии, женился, но вскоре бросил семью.

С приходом к власти национал-социалистов для Алоиса Гитлера настали счастливые времена. Он открыл небольшую пивную в предместье Берлина, а незадолго до окончания войны перенес ее на Виттенбергерплац, в фешенебельный квартал на западе столицы. Пивную часто посещали нацисты, и в первые годы войны, когда с продуктами было плохо, в ней всегда царил изобилие. В те дни я тоже иногда заглядывал туда. Шестидесятилетний Алоис, тучный, простоватый и добродушный, внешне мало походил на знаменитого сводного брата и ничем не отличался от многочисленных владельцев небольших питейных заведений, разбросанных по Германии и Австрии. Дела у него шли хорошо, и он, предав забвению небезупречное прошлое, наслаждался обеспеченной жизнью.

Боялся он лишь одного — чтобы сводный брат в припадке раздражения не отнял лицензию. В пивной поговаривали, что фюрер сожалел о существовании сводного брата, напоминавшего ему о скромном происхождении их семьи. Помнится, Алоис отказывался участвовать в каких бы то ни было разговорах о сводном брате, — разумная мера предосторожности, правда, разочаровавшая тех, кто пытался узнать как можно больше о прошлом человека, уже к тому времени приступившего к завоеванию Европы.

За исключением "Майн кампф", на страницах которой дается скудный биографический материал, что нередко вводит исследователей в

заблуждение, и имеются большие временные пробелы, Гитлер не обсуждал и не позволял обсуждать в его присутствии свою родословную, детские и юношеские годы. С прошлым семьи мы познакомились. Какими же были детство и юность фюрера?

ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА

В тот год, когда отец в возрасте пятидесяти восьми лет оставил службу в таможне и вышел на пенсию, шестилетний Адольф начал ходить в школу в деревне Фишльхам неподалеку от Линца. Это произошло в 1895 году. Затем в течение четырех-пяти лет беспокойный пенсионер несколько раз переезжал из одной деревни в другую в окрестностях Линца. К тому времени, когда сыну исполнилось пятнадцать лет, семья сменила семь раз местожительство, а мальчик пять школ. Два года он посещал занятия в монастыре бенедиктинцев в Ламбахе, по соседству с которым отец приобрел ферму. Там юный Гитлер пел в хоре и, по его собственным словам, мечтал о духовном сане. В конце концов вышедший на пенсию таможенный чиновник прочно обосновался в деревушке Леондинг, к югу от Линца, где семья занимала скромный дом с садом.

Когда мальчику исполнилось одиннадцать лет, он стал посещать среднюю школу в Линце. Для отца это было связано с определенными финансовыми издержками, но свидетельствовало о его честности — сын должен пойти по стопам отца и стать государственным служащим. Юноша же меньше всего стремился к этому.

"Мне едва исполнилось одиннадцать, — рассказывал впоследствии Гитлер, — когда я впервые был вынужден сказать "нет" собственному отцу... Я не хотел быть чиновником".

Невеселая история непримиримой борьбы мальчика, по сути еще ребенка, с упрямым и, как он уверяет, деспотичным отцом — один из немногих эпизодов биографии, подробно и откровенно описанных Гитлером в "Майн кампф".

Этот конфликт стал по существу первым проявлением необузданной силы воли, которая впоследствии завела его так далеко и, несмотря на казавшиеся непреодолимыми препятствия и трудности, сокрушила всех, кто стоял у него на пути, наложила неизгладимую печать на судьбы Германии и Европы.

"Я не хотел быть чиновником. Нет и еще раз нет! Все старания отца привить мне любовь и уважение к этой профессии, примеры из его собственной жизни имели совершенно противоположный эффект. Меня... тошнило от одной мысли, что придется сидеть в конторе, не располагая свободой и собственным временем, сведя цель жизни к заполнению

бумажных формуляров...

В один прекрасный день я понял, что стану художником... Отец мой лишился дара речи.

— Художником?

Ему показалось, что я не в своем уме, или, может, он считал, что ослышался и неправильно меня понял. Когда же отец выяснил, о чем идет речь, и осознал всю серьезность моих намерений, он в свойственной ему категоричной манере стал возражать...

— Художником? Нет! Никогда, пока я жив!.. Отец долго повторял свое "никогда". А я тем не менее настаивал...

Ссора привела к тому, что мальчик бросил школу. "Я подумал, — объяснял Гитлер, — что, как только отец убедится, насколько неблагоприятно обстоят мои дела в школе, он позволит мне осуществить свою мечту, независимо от того, по душе это ему или нет".

Эти слова, написанные тридцать четыре года спустя, в какой-то мере могут служить оправданием школьных неудач Гитлера. Его оценки в начальной школе были в целом хорошими. Но в средней школе в Линце Гитлер учился весьма посредственно и в итоге, не получив аттестата, вынужден был перевестись в школу в Штейре. Там он занимался недолго и, не доучившись, бросил школу.

Школьные неудачи не давали покоя Гитлеру и в более зрелом возрасте, когда он всячески высмеивал ученых мужей, их степени, дипломы, тщеславие и высокомерие. Даже последние три-четыре года своей жизни, находясь в ставке верховного главнокомандования и вдаваясь в тонкости военной тактики, стратегии и командования, он иногда откладывал все дела и вместе со старыми друзьями по партии предавался воспоминаниям о недалекости учителей, преподававших ему в юности. Некоторые высказывания этого безумного гения, в то время верховного главнокомандующего, лично руководившего огромными армиями на пространствах от Волги до Ла-Манша, дошли до наших дней.

"Вспоминая своих учителей, я понимаю, что у большинства из них было не все в порядке с психикой. Те же, кого можно считать хорошими преподавателями, являлись исключением. Печально думать, что такие люди способны были преградить молодому человеку дорогу в жизнь.

3 марта 1942 года.

Самые неприятные воспоминания остались у меня об учителях, преподававших в школе. Внешний вид говорил об их нечистоплотности, воротнички всегда казались несвежими... Они были порождением пролетариата, лишенного способности мыслить самостоятельно, их

отличало крайнее невежество, и они прекрасно подходили для того, чтобы стать винтиками деградирующей системы правления, которая — слава всевышнему! — теперь уже в прошлом.

12 апреля 1942 года.

Вспоминая своих школьных учителей, я сознаю, что половина из них были людьми ненормальными... Мы, ученики старой Австрии, воспитывались в духе уважения к старикам и женщинам. Однако мы были безжалостны по отношению к нашим преподавателям, они являлись для нас настоящими врагами. Большинство были умственно неполноценными, и многие к концу жизни превратились в настоящих безумцев... Особенно не везло с учителями мне. Совершенно не проявились мои способности к иностранным языкам, хотя все могло сложиться иначе, не будь преподаватель полным идиотом. Я просто не выносил его.

29 августа 1942 года.

Наши учителя были настоящими тиранами. К молодежи они не испытывали никакой симпатии. Их единственная цель состояла в том, чтобы вбить нам в голову разную чепуху и превратить в таких же ученых обезьян, какими были они сами. Стоило кому-то проявить малейшие признаки самостоятельного мышления, его начинали систематически преследовать. А примерные ученики, которых мне довелось знать, во взрослой жизни оказались неудачниками.

7 сентября 1942 года".

Совершенно очевидно, что до последних дней своей жизни Гитлер не забывал о преподавателях, ставивших ему когда-то плохие оценки, и постарался представить прошлые события в виде фарса.

Впечатления преподавателей о молодом Гитлере были записаны после того, как он стал известен всему миру. Одним из немногих учителей, которого, похоже, жаловал Гитлер, был профессор Теодор Гиссингер, пытавшийся привить ему любовь к естественным наукам. Гиссингер впоследствии вспоминал: "Лично у меня от Гитлера в Линце не осталось никакого впечатления — ни хорошего, ни плохого. Его ни в коей мере нельзя было назвать лидером класса. Худощавый, державшийся прямо юноша, с бледным, вытянутым, как у чахоточного, лицом... Открытый взгляд... Глаза блестят".

Профессор Эдуард Хюмер, принадлежавший, очевидно, к числу тех "полных идиотов", о которых высказывался Гитлер, поскольку преподавал французский язык, приезжал в 1923 году в Мюнхен давать свидетельские показания по делу своего бывшего ученика, обвиненного в измене за участие в "пивном путче". Разделяя взгляды Гитлера, он заявил, что от всей

души желает осуществления его идей, и набросал портрет своего бывшего ученика;

"Гитлер, безусловно, был способным учеником, хотя способности его проявлялись лишь по отдельным предметам. Ему не хватало самоконтроля, поэтому, мягко говоря, его считали спорщиком, деспотичным, самонадеянным, невыдержанным, не подчиняющимся школьной дисциплине. Усердием он также не отличался, иначе добился бы лучших результатов, принимая во внимание его способности",

Один из учителей средней школы в Линце оказал сильное и, как выяснилось, роковое влияние на молодого Адольфа Гитлера. Это был преподаватель истории доктор Леопольд Петч — выходец с юга, где проходила граница с южными славянами. Региональные конфликты на расовой почве превратили Петча в фанатичного немецкого националиста. До приезда в Линц он преподавал в Марбурге, который позднее, когда данная область после первой мировой войны отошла к Югославии, был переименован в Марибор.

Несмотря на то что доктор Петч ставил своему ученику лишь "удовлетворительно", он единственный из учителей, о ком фюрер тепло отзывался в "Майн кампф".

"Для всей моей последующей жизни определяющим моментом, пожалуй, явилось то, что судьба ниспослала мне такого преподавателя истории, который, как никто другой, понимал принцип... сохранения главного и отбрасывания в сторону всего несущественного... В моем учителе средней школы в Линце докторе Леопольде Петче это требование сочеталось идеальным образом. Пожилой человек, добрый и одновременно твердый, он умел не только привлекать наше внимание своим поразительным красноречием, но и вести за собой. Даже теперь я с трепетом вспоминаю этого седого человека, который своей страстной речью иногда заставлял нас забывать настоящее, который словно по мановению волшебной палочки переносил нас в прошлое и превращал сухие исторические факты вековой давности в живую реальность. Мы внимали, зачастую обуреваемые энтузиазмом, растроганные до слез... Он использовал зарождавшийся в нас национальный фанатизм как средство воспитания, нередко обращаясь к чувству нашего национального достоинства.

Благодаря стараниям педагога история стала моим любимым предметом.

И действительно, хотя у него и не было такого намерения, именно тогда я сделался молодым революционером".

Тридцать пять лет спустя, в 1938 году, в ходе триумфального визита в Австрию после ее присоединения к третьему рейху рейхсканцлер Гитлер ненадолго остановился в Клагенфурте, чтобы навестить своего старого учителя, уже вышедшего на пенсию. Он с удовлетворением узнал, что Петч являлся членом нацистской организации СС, которая в независимой Австрии была запрещена.

Гитлер беседовал с ним наедине в течение часа и позднее признался товарищам по партии: "Вы представить себе не можете, как я обязан этому старому человеку".

Алоис Гитлер умер от легочного кровотечения 3 января 1903 года в возрасте шестидесяти пяти лет. Приступ застал его во время утреннего моциона, и он скончался в расположенной поблизости гостинице на руках у соседа. Когда тринадцатилетний сын увидел тело отца, он не выдержал и разрыдался.

Его мать, которой было тогда сорок два года, переехала в скромную квартирку в Урфаре — пригороде Линца, где вместе с двумя оставшимися в живых детьми — Адольфом и Паулой перебивалась на скромные сбережения и выделенную ей пенсию. Она считала себя обязанной, как заметил Гитлер в "Майн кампф", согласно воле отца заботиться о его дальнейшем образовании. "Другими словами, — уточнял фюрер, — заставить меня учиться на государственного служащего".

Хотя молодая вдова потворствовала прихотям сына и он, похоже, тоже искренне любил ее, мальчик "более, чем когда-либо, был уверен, что не станет чиновником". Таким образом, несмотря на нежные чувства матери и сына, между ними возникли трения, потому что Адольф по-прежнему пренебрегал занятиями в школе.

"Неожиданно мне помогла болезнь, несколько недель определили мое будущее и положили конец извечным домашним ссорам".

Когда Гитлеру было почти шестнадцать, обнаружили, что он болен легочным заболеванием, и юноша вынужден был прервать учебу по крайней мере на год. На какое-то время его отослали в деревушку Шпиталь к родственникам. В доме у тетки по матери, крестьянки Терезы Шмидт, Адольф быстро поправился. После выздоровления он ненадолго вернулся в среднюю школу. В последнем отчете об успеваемости от 16 сентября 1905 года Гитлеру выставлены оценки "хорошо" по немецкому языку, химии, физике, геометрии. По географии и истории он имел "удовлетворительно", а по рисованию на свободные темы "отлично". Его настолько воодушевила перспектива навсегда распрощаться со школой, что он напился в первый и последний раз в жизни. Позднее он вспоминал, что на рассвете где-то на

проселочной дороге под Штейром его подобрала молочница и помогла добраться до города. И он тогда же поклялся, что такое больше не повторится {Эту историю он рассказал, пребывая в благодушном настроении, в ночь на 9 января 1942 года в ставке верховного главнокомандующего. (Секретные беседы Гитлера. 1941–1944. Нью-Йорк, 1953, с. 160.) — Прим. авт. }. В данном случае Гитлер сдержал слово — он стал трезвенником, воздерживался от курения, был вегетарианцем сначала в силу обстоятельств, когда без гроша в кармане бродяжничал в Вене и Мюнхене, потом — по убеждению.

Последующие два-три года Гитлер считал самыми счастливыми в своей жизни {"Это были самые счастливые дни моей жизни, так похожие на сон... " ("Майн кампф", с. 18). В письме от 4 августа 1933 года, через полгода после того, как он стал рейхсканцлером, Гитлер писал другу детства Августу Кубичеку: "Мне бы очень хотелось... вспомнить вместе с тобой эти лучшие годы моей жизни". (Кубичек А. Каким я знал Гитлера в юности. Лондон, 1954, с. 273.) — Прим. авт. }. Несмотря на просьбу матери и настойчивые призывы родственников пойти работать и приобрести профессию, он довольствовался мечтами о том, что в будущем станет художником, и предавался развлечениям на берегах Дуная. Гитлеру навсегда запомнилась безоблачная пора юности, когда он, будучи любимцем матери, наслаждался "прелестями праздной жизни".

Хотя болезненной вдове было нелегко сводить концы с концами, располагая довольно скудными средствами, молодой Адольф категорически не желал искать работу, чтобы помочь семье. Сама мысль о необходимости зарабатывать себе на хлеб уже тогда претила ему, и он не изменил своего отношения к этому на протяжении всей жизни.

Последние годы юности перед вступлением во взрослую жизнь Гитлер считал счастливыми, очевидно, потому, что был свободен, мог строить любые планы на будущее, мечтать и проводить дни в шатании по городу или деревне, втолковывая приятелю, что мир устроен несправедливо и это надо исправить. Вечерами он мог уткнуться в книгу либо, проникнув с черного хода в оперный театр Линца или Вены, восхищенно вслушиваться в таинственные мелодии

Рихарда Вагнера.

Позднее один из друзей детства отзывался о Гитлере как о болезненном, бледном и худощавом юноше, обычно робком и скрытном, с которым мог внезапно случиться истерический припадок, если кто-либо с ним не соглашался. Четыре года Адольфу казалось, что он по-настоящему влюблен в хорошенькую блондинку по имени Штефания. Часто провожая

ее влюбленным взглядом, когда она вместе с матерью прогуливалась по Ландштрассе в Линце, Гитлер ни разу не попытался познакомиться с девушкой, предпочитая, чтобы она, как и многие другие объекты его почитания, оставалась в скрытом от посторонних мире его буйных фантазий. Действительно, во многих лирических стихах, посвященных Штефании (одно из стихотворений называлось "Гимн любимой"), которые он упорно читал своему терпеливому другу Августу Кубичеку {Кубичек, очевидно единственный друг Гитлера в юности, находившийся рядом с ним четыре года, пока в возрасте девятнадцати лет тот не отправился бродяжничать в Вену, в книге "Каким я знал Гитлера в юности" нарисовал интересный портрет своего приятеля, портрет, позволяющий не только заполнить пробелы в биографии германского фюрера, но и до некоторой степени корректировать бытовавшее ранее представление о характере молодого Гитлера. Кубичек был полной ему противоположностью. Он происходил из хорошей семьи, выучился, как отец, на драпировщика и с удовольствием занимался этим ремеслом, одновременно обучаясь музыке. Позднее он с отличием закончил Венскую консерваторию и, вероятно, сделал бы блестящую карьеру дирижера и композитора, если бы не грянула первая мировая война. — Прим. авт. }, она представлялась ему девой из "Валькирии", облаченной в темно-синюю развевающуюся бархатную мантию и скачущей на белом коне по цветущим полям.

Хотя Гитлер намеревался посвятить себя искусству — стать художником или по крайней мере архитектором, в возрасте шестнадцати лет его уже захватила политика. К тому моменту он пропитался яркой ненавистью к Габсбургской монархии и всем ненемецким народностям многонациональной Австро-Венгерской империи, которой они правили, и столь же пылкой любовью ко всему немецкому. В шестнадцать лет Гитлер стал тем, кем оставался всю жизнь вплоть до последнего вздоха — фанатичным немецким националистом.

Вероятно, он не так легкомысленно воспринимал происходящее, как можно было ожидать от праздношатающегося. Мировые проблемы уже тогда давили на него тяжким грузом. Кубичек впоследствии вспоминал; "Повсюду он замечал одни лишь препятствия и враждебность... Он вечно против чего-то возражал и был недоволен окружающим... Я замечал, что он воспринимал происходящее очень серьезно..."

Именно в то время молодого человека, который терпеть не мог школу, обуяла страсть к чтению. Он записывается в публичную библиотеку в Линце и вступает в музейное общество, где берет книги в большом количестве. Знакомый Гитлера тех лет вспоминает, что его всегда окружали

книги, любимыми же являлись книги по истории Германии и немецкой мифологии.

Линц был провинциальным городом, и вскоре внимание юноши, которого переполняли амбиции и фантазии, привлекла Вена — блистательная столица империи, славившаяся архитектурой барокко. В 1906 году, как только ему исполнилось семнадцать, Гитлер, взяв денег у матери и родственников, отправился на два месяца в столицу.

Хотя именно здесь позднее пройдут самые мрачные годы его жизни, когда ему в буквальном смысле придется нищенствовать, во время первой встречи Вена очаровала его. Адольф целыми днями бродил по улицам, с восхищением рассматривая фасады домов на Ринге, постоянно пребывая в состоянии возбуждения от того, что видел в музеях, слышал в опере.

Юноша навел справки относительно поступления в Венскую академию изящных искусств и через год, в октябре 1907-го, вновь вернулся в столицу. Первым практическим шагом в осуществлении мечты стать художником явились вступительные экзамены. Тогда, в восемнадцать лет, он был полон надежд, но они не сбылись. Подробно об этом рассказывает запись в экзаменационном протоколе академии:

"В ходе экзаменов следующие лица не добрали баллов и не были приняты... Адольф Гитлер, уроженец Браунау-ам-Инн, родился 20 апреля 1889 года, немец, католик, отец — государственный служащий, окончил четыре класса средней школы. Несколько рисунков головы оценены неудовлетворительно".

На следующий год Гитлер предпринял еще одну попытку поступить в академию, но на этот раз его рисунки оказались настолько плохи, что его не допустили до экзаменов. На молодого человека с большими амбициями, как писал он впоследствии, неудача обрушилась как гром среди ясного неба. Он был твердо уверен, что добьется успеха. Описывая этот эпизод в "Майн кампф", Гитлер упоминает, что потребовал объяснения от ректора академии.

"Этот господин заверил меня в том, что представленные работы со всей очевидностью свидетельствуют, что у меня нет склонности к рисованию и мне лучше попробовать себя в архитектуре. Он заявил, что о моем поступлении в художественную школу академии и речи быть не может и мне надо учиться в архитектурном институте".

Молодой Адольф хотел было последовать этому совету, но вскоре с горечью понял, что отсутствие аттестата не позволит ему поступить в архитектурный институт.

Тем временем его мать умирала от рака груди, и Адольф вынужден

был вернуться в Линц. После того как он бросил школу, Клара Гитлер и ее родственники помогали молодому человеку в течение трех лет, однако результатов не видели. 21 декабря 1908 года, когда город оделся в рождественский наряд, мать скончалась. Два дня спустя ее похоронили на кладбище в Леондинге рядом с отцом.

Для девятнадцатилетнего юноши это был страшный удар. "... Я уважал отца и любил мать... Ее внезапная кончина положила конец всем моим далеко идущим планам... Бедность и суровая действительность вынудили меня незамедлительно принять решение... Я столкнулся с проблемой как-нибудь зарабатывать себе на жизнь".

"Как-нибудь"! У него не было профессии. Он с презрением относился к физическому труду и никогда не пытался что-либо заработать. Но трудности не пугали Гитлера. Прощаясь с родственниками, он громогласно заявил, что не вернется сюда, пока не устроит свою судьбу.

"С набитым чемоданом и непоколебимой верой в сердце я отправился в Вену. Я, как и мой отец пятьдесят лет назад, надеялся, что судьба мне улыбнется и я стану кем-то, но только не государственным служащим".

Самый мрачный период жизни Гитлера

1909–1913 годы ознаменованы полной нищетой и крушением надежд тщеславного молодого человека из Линца. В эти последние годы процветания династии Габсбургов, предшествовавшие ее краху, после чего город уже перестал быть столицей пятидесятидвухмиллионной империи, расположенной в самом сердце Европы, в Вене царила атмосфера веселья и очарования, которая всегда выделяла ее среди других столиц мира. Ни один из городов Запада не мог сравниться с ней не только своим архитектурным богатством, но и добродушием, весельем и утонченностью жителей, воспитанных на барокко и рококо.

Место, расположенное на берегу голубого Дуная, в окрестностях Венского леса, среди холмов, покрытых золотисто-зелеными виноградниками, представлялось чудом природы, захватывало воображение приезжих, а венцев заставляло поверить в то, что всевышний к ним особенно благосклонен. Отовсюду лилась изумительная по проникновенности музыка Гайдна, Моцарта, Бетховена и Шуберта — гениальнейших композиторов, которых когда-либо знала Европа, а последние годы в разгар бабьего лета постоянно звучали пленительные вальсы любимца Вены Иоганна Штрауса.

Людям, которым выпало счастье с детских лет любоваться пышным барокко, сама жизнь представлялась неким сном. Жители Вены дни и ночи беззаботно кружились в вальсе и потягивали вино, мило болтали в уютных

кафе, слушая музыку и пребывая в мире грез, посещали драмтеатр, оперу, оперетту, предавались любви — другими словами, большую часть своей жизни посвящали удовольствиям и мечтам о них.

Конечно, кому-то надо было управлять империей, руководить армией и флотом, прокладывать коммуникации, заниматься бизнесом и просто трудиться. Однако немногие из венцев работали сверхурочно и даже полный рабочий день.

Безусловно, и здесь существовала так называемая изнанка жизни. В Вене, как и в других городах, имелись бедняки, которые жили в трущобах, недоедали и плохо одевались. Однако, будучи самым крупным промышленным городом Центральной Европы и столицей Австро-Венгерской империи, Вена процветала, и жители в полной мере пользовались благами этого процветания. Политическую жизнь города контролировала большей частью мелкая буржуазия; рабочие создали не только свои профсоюзы, но и мощную политическую партию — социал-демократическую. Население города, насчитывавшее в то время два миллиона человек, начинало проявлять активность.

Демократия приходила на смену существовавшему веку самодержавию Габсбургов, народные массы получали доступ к образованию и культуре. К тому времени, когда Гитлер, молодой человек без гроша за душой, перебрался в Вену, перед ним открылась перспектива получить высшее образование либо довольно прилично зарабатывать себе на жизнь, влившись в миллионную армию тружеников, и наслаждаться благами цивилизации, которые столица предоставляла своим жителям. Ведь не кто иной, как его единственный друг Кубичек, такой же бедный и неизвестный, как сам Гитлер, уже успел заявить о себе в музыкальной академии.

Но молодой Адольф, позабыв о своих амбициях, решил не поступать в архитектурный институт, хотя такая возможность, несмотря на отсутствие аттестата об окончании средней школы, у него была, поскольку молодых людей, отличавшихся "особым талантом", принимали и без него. Однако, насколько известно, он не подавал заявления о приеме. Его мало заботило и то, что надо приобрести какую-то профессию или поступить на постоянную работу.

Гитлер предпочел перебиваться случайными заработками: убирал снег, выбивал ковры, служил носильщиком на Западном вокзале, а иногда нанимался на несколько дней строительным рабочим. В ноябре 1909 года, почти год спустя после приезда в Вену "в надежде на лучшую судьбу", он был вынужден съехать из меблированной комнаты, которую снимал по

Симон-Денк-гассе, и четыре года обитал в ночлежках или в таких убогих местах, как мужское общежитие в доме номер двадцать семь по Мельдемманнштрассе в двадцатом районе Вены, на берегу Дуная. Голод он утолял похлебкой, которую раздавали в городе благотворительные кухни.

Неудивительно, что почти два десятилетия спустя Гитлер писал:

"С Веной — городом, который для многих является воплощением беспечных радостей, излюбленным местом развлечений, у меня, к сожалению, связаны воспоминания о самом печальном периоде моей жизни.

Даже сегодня этот город не вызывает у меня ничего, кроме мрачных мыслей. Вена ассоциируется в моем воображении с пятью годами невзгод и лишений. Пять лет я был вынужден зарабатывать себе на жизнь сначала в качестве поденного рабочего, затем — скромного художника; скудного заработка не хватало даже на то, чтобы каждый день утолять голод".

Рассказывая о том периоде своей жизни, Гитлер подчеркивал, что постоянно недоедал:

"Голод в те годы был со мной неразлучен, словно преданный охранник, ни на минуту не оставляя меня и поглощая все, что у меня было... Жизнь представляла собой вечную борьбу с этим безжалостным другом".

Голод, однако, не заставил его искать постоянное место работы. В "Майн кампф" Гитлер поясняет, что им владел мучительный страх мелкого буржуа скатиться до уровня пролетария, выполняющего физическую работу. Впоследствии при создании национал-социалистской партии Гитлер использовал этот страх, опираясь в основном на плохо оплачиваемый, неприкаянный, не имеющий своего лидера класс "белых воротничков", миллионы представителей которого питали иллюзии, что в социальном отношении они в любом случае стоят выше рабочих.

Хотя Гитлер и говорит, что кое-как перебивался, работая "скромным художником", в своей автобиографии он подробно на этом не останавливается, а лишь упоминает: в 1909–1910 годах его материальное положение настолько улучшилось, что ему уже не надо было трудиться простым рабочим.

"В то время, — пишет он, — я был независимым скромным чертежником и рисовал акварели".

Утверждение это отчасти вводит в заблуждение, как и многое из того, что связано с биографией фюрера, изложенной в "Майн кампф". Хотя высказывания тех, кто знал Гитлера в те годы, не намного достовернее, все-таки удалось воссоздать более точную и наверняка более полную картину

{См.: Грейнер И. Конец гитлеровского мифа. Вена, 1947 (о периоде венской жизни Гитлера); Олден Р. Гитлер — ростовщик. Лондон, 1936 (в книге приводятся высказывания Рейнхольда Ханиша — судетского бродяги, одно время бывшего соседом Гитлера по мужскому общежитию и торговавшего его рисунками. Конрад Хайден в книге "Фюрер" также цитирует Ханиша, включая судебные показания по делу, которое Гитлер возбудил против бродяги, обвинив его в том, что он присвоил себе часть денег за проданную картину). — Прим. авт. }.

То, что Адольф Гитлер никогда не рисовал дома, в чем язвительно упрекали его политические оппоненты, совершенно очевидно. По крайней мере, нет никаких фактов, подтверждающих, что он этим занимался. Он рисовал маленькие аляповатые картинки с видами Вены, известные всем достопримечательности столицы, такие, как собор святого Стефана, оперу, Бургтеатр, дворец в Шенбрунне или римские развалины в парке Шенбруниа. Знакомые уверяли, что Адольф копировал виды с картин старых мастеров, с натуры он, по-видимому, рисовать не умел. Рисунки его ходульны и безжизненны, словно черновые наброски начинающего архитектора, а человеческие фигуры, которые он иногда изображал на фоне зданий, настолько плохи, что напоминают персонажи комиксов. Я нашел записи, сделанные мной после просмотра папки с оригинальными рисунками Гитлера: "Мало лиц. Аляповато. Ужасное лицо". Хайден высказался следующим образом: "... Они стояли как крошечные набитые мешки и не вписывались в торжественно-праздничное убранство дворцов".

Гитлер, возможно, продал сотни таких жалких картинок мелким торговцам для украшения стен, продавцам для заполнения рам на выставках, мебельщикам, которые, следуя моде тех дней, иногда прибавляли их гвоздиками к спинкам дешевых диванов и кресел. Гитлер не пренебрегал и чисто коммерческими заказами, часто рисовал рекламные плакаты для лавочников. На одном из плакатов Дед Мороз продавал ярко раскрашенные свечки, очевидно, чтобы немного заработать на рождество, на другом — готический шпиль собора святого Стефана, который Гитлер не устал копировать, возвышался над грудой кусков мыла.

Это было для него верхом "художественности", тем не менее до последних дней он считал себя художником.

В годы своей скитальческой жизни в Вене он походил на человека богемы. Те, кто знал в то время Гитлера, впоследствии вспоминали, что он носил длинное, до пят, потертое пальто черного цвета, похожее на кафтан, подаренное ему венгерским евреем, торговавшим подержанными вещами, вместе с которым Гитлер влачил тоскливые дни в мужском общежитии.

Рассказывали, что Адольф круглый год не снимал с головы черную же грязную жокейскую кепочку. Спутанные волосы, зачесанные на лоб, как в более поздние годы, лохмами спадали сзади на несвежий воротничок. Гитлер, очевидно, редко стригся и брился, поэтому черная щетина проступала обычно на щеках и подбородке. Если верить Ханишу, который впоследствии стал чем-то наподобие художника, "внешне Гитлер выглядел довольно неординарно".

В отличие от окружавших его отчаявшихся молодых людей Гитлер не был подвержен порокам юности. Он не курил и не употреблял спиртного, женщинами не увлекался — не из-за какой-то аномалии, как утверждали, а просто из-за врожденной робости.

"Мне кажется, — заметил Гитлер впоследствии в "Майн кампф" с известной долей юмора, проблески которого были у него столь редки, — что мои знакомые того времени считали меня эксцентричным".

Как и его учителя, они запомнили у Гитлера вызывающе пристальный взгляд, выражающий нечто присущее сильной личности и никак не вязавшийся с жалким обликом немывтого бродяги. Они вспоминали, что молодой человек, несмотря на всю свою леность, когда дело касалось физического труда, был ненасытным книгочеем и проводил за чтением большую часть времени.

"В то время я читал много и основательно. Все свободное от работы время я отдавал этому занятию. Таким образом, за несколько лет я накопил основательные знания, которыми пользуюсь и сегодня".

В "Майн кампф" Гитлер подробно обсуждает искусство чтения:

"Под "чтением", правда, я подразумеваю нечто иное, нежели средний представитель нашей так называемой интеллигенции.

Я знаю тех, кто "читает" очень много... но я с трудом мог бы назвать их людьми "начитанными". Естественно, они накопили массу информации, однако их способности не позволяют надлежащим образом расположить и зафиксировать получаемый материал... С другой стороны, человек, владеющий искусством правильного чтения... тотчас же подсознательно отбирает все, что, по его мнению, заслуживает твердого запоминания, поскольку это либо соответствует его цели, либо содержит полезные сведения... Искусство чтения, так же как и самого процесса обучения, состоит в следующем: запомнить главное и забыть все лишнее...

Лишь такое чтение можно считать осмысленным и целесообразным... С этой точки зрения мой венский период особенно плодотворен и ценен".

Ценен для чего? Гитлер отвечает, что, вращаясь среди бедных и бесправных обитателей Вены, он посредством чтения приобрел все те

знания, которые потребовались ему в дальнейшей жизни.

"Вена была и остается для меня самой трудной и одновременно самой основательной школой жизни. Я вступил в этот город почти ребенком, а покинул его взрослым человеком, молчаливым и угрюмым.

Именно в ту пору сформировалось мое мироощущение и философия, которые послужили краеугольным камнем для всех моих будущих действий. И впоследствии мне не надо было учиться многому, что-либо менять коренным образом в дополнение к тому, что я создал".

Какие же знания приобрел Гитлер во время тяжких испытаний, столь щедро выпадавших на его долю в Вене? Каковы те идеи, которые он почерпнул из книг и выработал на основании собственного опыта и которым, по словам самого Гитлера, следовал практически до конца дней своих? Даже при самом поверхностном рассмотрении ясно, что идеи эти не отличались глубиной и всесторонностью, зачастую носили гротесковый и нелепый характер и явно окрашены предрассудками. Однако столь же очевидно, что анализ этих идей весьма важен для данного исторического исследования, как и для мировой истории в целом, поскольку они сыграли не последнюю роль в формировании основ третьего рейха, которые вскоре предстояло заложить этому начитанному бродяге.

Идейные воззрения Адольфа Гитлера

Эти воззрения, за малым исключением, не отличались особой оригинальностью и были почерпнуты как они есть из бурлящего водоворота австрийской политической жизни начала двадцатого века. Дунайская монархия разваливалась под бременем собственных противоречий. Германо-австрийское меньшинство на протяжении столетий правило многоязычной империей, в состав которой входило более десятка разных национальностей, навязывая им свой язык и свою культуру. Но с 1848 года позиции монархии пошатнулись. Образно выражаясь, Австрия перестала быть котлом, переваривающим противоречия национальных меньшинств. В 60-е годы прошлого столетия от империи откололась Италия, а в 1867 году венгры добились равенства с немцами в рамках так называемой двуединой монархии.

Теперь же, в начале двадцатого века, потребовали равенства или по крайней мере национальной самостоятельности славянские народы — чехи, словаки, сербы, хорваты и другие. В политической жизни Австрии доминирующее место заняла острая национальная борьба.

Но это было еще не все. Назревал также социальный протест, зачастую превосходивший по своим масштабам расовые волнения. Низшие классы, лишенные избирательного права, добивались участия в выборах, а рабочие

боролись за право создавать профсоюзы и проводить забастовки, выдвигая требования не только о повышении заработной платы и улучшении условий труда, но и о предоставлении политических свобод. И действительно, всеобщая забастовка в итоге привела к предоставлению избирательного права мужчинам, что по существу положило конец политическому доминированию германо-австрийцев, составлявших треть населения австрийской части империи.

Гитлер, этот молодой германо-австрийский националист из Линца, был ярким противником подобных перемен. Он считал, что империя стала скатываться в "зловонное болото". Спасти ее можно лишь при условии, если высшая раса — немцы сохраняют за собой абсолютную власть. Негерманские расы, особенно славяне, а прежде всего чехи, считались низшими. И поэтому ими должны править немцы железной рукой. Следовало распустить парламент и вообще покончить со всякой демократической ерундой.

Хотя Гитлер не занимался политикой, он живо интересовался деятельностью трех основных политических партий старой Австрии: социал-демократической, христианско-социалистической и пангерманских националистов. И вот у этого неопрятного завсегдатая благотворительных кухонь проклюнулись первые ростки политической проницательности, позволившие ему с удивительной ясностью увидеть всю силу и слабость современных политических течений. Дальнейшее развитие этого качества способствовало его превращению в ведущего политического деятеля Германии.

Гитлер с первого взгляда лютой ненавистью возненавидел социал-демократическую партию. "Наибольшую неприязнь во мне, — заявлял он, — вызывало их враждебное отношение к борьбе за сохранение германизма и постыдное заигрывание с "товарищами" славянами... За несколько месяцев я получил то, на что в другие времена требовались десятилетия: понимание заразной шлюхи {Во втором и всех последующих изданиях "Майн кампф" это слово было заменено выражением "заразных больных". — Прим. авт. }, прикрывающейся общественной добродетелью и братской любовью".

И все же он был достаточно умен и погасил в себе чувство ненависти, которое испытывал к партии рабочего класса, чтобы внимательно изучить причины ее популярности. Он пришел к выводу, что таких мотивов несколько, и спустя годы припомнил их и использовал при создании национал-социалистской партии Германии.

Однажды, говорится в "Майн кампф", он явился свидетелем массовой

демонстрации венских рабочих. "Почти два часа я стоял и, затаив дыхание, наблюдал, как огромная грозная толпа проплывала мимо. Затем в подавленном состоянии я не спеша направился домой".

Дома он занялся чтением социал-демократической прессы, изучением речей их лидеров и самой организации, анализом психологии и политических методов и подведением итогов. Гитлер пришел к выводу, что социал-демократы добились успехов, во-первых, потому, что знали, как сделать движение массовым, без чего существование любой политической партии не имеет смысла; во-вторых, потому, что научились вести пропагандистскую работу в массах; в-третьих, потому, что хорошо понимали силу "внутреннего и физического страха".

Третий вывод, хотя и основывался на ошибочных представлениях и предубеждениях самого Гитлера, заинтересовал его. Через десять лет он использовал этот принцип в собственных целях.

"Я понял, какой постыдный внутренний страх это движение наводит, в частности, на буржуазию, которая ни морально, ни психически не готова к подобным нападкам; в заданный момент самая настоящая лавина оскорблений и лжи может обрушиться на любого противника, который представляется наиболее опасным, пока у лиц, подвергающихся нападкам, не сдадут нервы... Подобная тактика основывается на точном учете всех человеческих слабостей, и с ее помощью почти с математической точностью можно добиться успеха...

Я пришел также к пониманию того, что такое значение физический страх имеет как в отношении отдельного человека, так и масс в целом... В то время как в рядах сторонников этого движения достигнутые успехи рассматриваются как подтверждение правильности выбранного ими пути, противник, потерпевший поражение, в большинстве случаев понимает всю бессмысленность какого-либо дальнейшего сопротивления".

Более точного анализа нацистской тактики, разработкой которой впоследствии занимался Гитлер, никто никогда не давал.

Пристальное внимание начинающего осознавать себя в Вене Гитлера привлекли две политические партии. Деятельность обеих он подверг беспристрастному скрупулезному анализу. Поначалу, как указывал Гитлер, его симпатии принадлежали пангерманской националистической партии, созданной Георгом Риттером фон Шенерером, выходцем из Нижней Австрии, как и семья Гитлера.

В то время пангерманская партия вела непримиримую борьбу за германское превосходство в многонациональной империи. И хотя Гитлер считал Шенерера "глубоким мыслителем" и с энтузиазмом поддерживал

его основополагающую программу воинствующего национализма, антисемитизма, антисоциализма, союза с Германией, оппозиции Габсбургам и Ватикану, он вскоре понял причины неудач этой партии.

"Пангерманское движение в недостаточной мере оценило важность социальных проблем, и это стоило ему того, что оно потеряло поддержку по-настоящему активных народных масс. Участие, партии в парламенте лишило движение мощной притягательной силы и одновременно выявило изъяны, свойственные ему. Борьба против католической церкви... оттолкнула от движения многих передовых людей, которые составляют гордость нации".

Хотя Гитлер забыл об этом, придя к власти в Германии, одним из уроков, извлеченных им в венский период жизни, о котором фюрер довольно подробно пишет в "Майн кампф", явилось понимание тщетности усилий какой-либо политической партии противопоставить себя церкви.

"Независимо от того, насколько вескими были основания для критики того или иного направления, — пишет Гитлер, объясняя, почему тезис Шенерера "отдельно от Рима" был тактической ошибкой, — политическая партия ни на минуту не должна упускать из вида тот факт, что за всю предшествующую историю партия, преследующая чисто политические цели, ни разу не добилась успеха в проведении реформации церкви".

Однако Гитлер полагал, что самой большой ошибкой пангерманской партии оказалась ее неспособность вести за собой массы, ее нежелание попытаться понять психологию простого народа. По оценке Гитлером идей, которые начали у него формироваться, едва ему исполнился двадцать один год, очевидно, что такую позицию пангерманистов он считал в корне ошибочной. Гитлер был не намерен повторять подобных просчетов, создавая свое собственное политическое движение.

Не имел он права и на другую ошибку, допущенную пангерманской партией. Пангерманцам не удалось добиться поддержки от мощных институтов страны — церкви, военных, кабинета министров или главы правительства. До тех пор пока политическое движение не заручится подобной поддержкой, по мысли молодого Гитлера, ему будет трудно, а то и невозможно прийти к власти. В решающие дни января 1933 года Гитлеру удалось изловчиться и получить в Берлине такую поддержку, что и позволило ему и национал-социалистской партии прийти к власти.

В бытность Гитлера в Вене один политический лидер хорошо понимал это, а также необходимость создания партии, опирающейся на массы. Это был доктор Карл Люгер, бургомистр Вены и лидер христианско-социалистической партии, который в большей, чем кто-либо другой,

степени являлся политическим наставником Гитлера, хотя они ни разу не встречались. Гитлер всегда считал его "величайшим германским мэром всех времен... государственным деятелем более важным, чем все так называемые дипломаты того времени... Если бы доктор Карл Люгер проживал в Германии, его с полным основанием можно было бы отнести к великим представителям нашего народа".

Правда, надо заметить, что между Гитлером, каким он потом станет, и Люгером, этим добродушным кумиром мелкой венской буржуазии, было мало общего. Люгер действительно слыл самым влиятельным политическим деятелем Австрии, будучи председателем партии, состоящей из представителей недовольной мелкой буржуазии, нажив политический капитал, как позднее и сам Гитлер, на яром антисемитизме.

Однако Люгер, который не отличался знатным происхождением, учился в университете и был человеком высокообразованным. Даже его оппоненты, включая евреев, соглашались с тем, что он был порядочным, галантным, по-рыцарски щедрым и вполне терпимым. Стефан Цвейг, известный австрийский писатель, еврей по национальности, живший тогда в Вене, подтвердил, что официальный антисемитизм никогда не мешал Люгеру помогать евреям и проявлять дружеские чувства к ним. "При нем, — вспоминает Цвейг, — городом управляли довольно справедливо и даже в типично демократической манере... Евреи, которых привела в ужас победа антисемитской партии, как и раньше, пользовались теми же правами и уважением".

Это не нравилось молодому Гитлеру. Он считал, что Люгер был слишком терпим и не понимал всей значимости расовой проблемы евреев. Гитлер возмущался неудачными попытками бургомистра принять пангерманизм, скептически воспринимал его католический клерикализм и лояльность по отношению к Габсбургам. Разве не престарелый император Франц Иосиф дважды отказывался санкционировать избрание Люгера на пост бургомистра?

Однако в конце концов Гитлер был вынужден признать гениальность этого человека, человека, который знал, каким образом можно добиться поддержки масс, хорошо разбирался в современных социальных проблемах и понимал, какое значение пропаганда и ораторское искусство имеют для воздействия на сознание масс. Гитлер не мог не восхищаться тем, как Люгер контактировал с влиятельной церковью: "политику он проводил с большой проницательностью". И наконец, тот же Люгер "умел эффективно использовать все имеющиеся средства для завоевания поддержки традиционных институтов власти, с тем чтобы получать максимальные

преимущества для своей партии со стороны этих влиятельных сил".

Таковы вкратце идеи и методы, которыми позже воспользовался Гитлер для создания своей собственной политической партии и завоевания этой партией власти в Германии. Исключительная изобретательность Гитлера состояла в том, что он оказался единственным правым политическим деятелем, который применил эти идеи и методы в Германии после окончания первой мировой войны. Именно в тот период нацистскому движению — единственному среди прочих националистических и консервативных партий — удалось привлечь на свою сторону широкие массы и благодаря этому добиться поддержки армии, президента республики и представителей большого бизнеса — другими словами, трех традиционных институтов верховной власти, которые помогли Гитлеру найти пути к посту рейхсканцлера Германии. Уроки, полученные в Вене, действительно не прошли даром.

Доктор Карл Люгер был блестящим оратором, а пангерманская партия испытывала недостаток в людях, умеющих хорошо говорить. Гитлер обратил на это внимание и впоследствии в "Майн кампф" не преминул порассуждать о значении ораторского искусства в политике.

"Истоки той силы, которая с незапамятных времен лежала в основе крупнейших религиозных и политических преобразований, скрываются в магическом притяжении сказанного слова, и в нем одном.

Недаром массы можно всколыхнуть лишь силой слова. Все крупные движения — это популярные движения, сгусток человеческих страстей и эмоциональных всплесков, подогретых либо жестокой богиней горя и лишений, либо зажигательными призывами, произнесенными перед массами; такие движения нельзя взрастить слащавыми речами литературных эстетов и салонных героев".

Несмотря на то что молодой Гитлер воздерживался от непосредственного участия в политической жизни Австрии, он уже тогда начал совершенствовать свое ораторское искусство в общедоступных аудиториях Вены, выступая то в ночлежках, то в благотворительных кухнях, то на углу улицы. Позднее он развил эти данные, что я могу подтвердить лично, поскольку присутствовал на его наиболее важных выступлениях. Мало кто из политических деятелей Германии периода между двумя мировыми войнами мог сравниться по ораторскому таланту с фюрером, именно это мастерство в значительной степени содействовало его поразительному успеху.

И наконец, Гитлером были накоплены в Вене определенные знания по еврейскому вопросу. В Линце, как позднее вспоминал он, проживало

немного евреев.

"Я не помню, чтобы дома отец когда-либо говорил о них. В средней школе учился один еврейский мальчик, но мы не придавали этому никакого значения... Я даже принимал их (евреев) за немцев".

Однако друг юности Гитлера писал впоследствии, что это не соответствовало действительности. "Когда я впервые встретился с Адольфом Гитлером, — отмечал Август Кубичек, вспоминая о днях, проведенных вместе с другом в Линце, — у него уже тогда были заметны антисемитские настроения... Гитлер отправился в Вену убежденным антисемитом. И хотя жизненный опыт, накопленный им в Вене, мог усугубить эти чувства, они зародились в юноше задолго до этого".

"Затем я переехал в Вену. Растерявшись от обилия впечатлений... собственной неустроенности, я первое время еще не осознавал всего многообразия социального расслоения обитателей этого огромного города. Несмотря на то что в двухмиллионной Вене еврейское население составляло около двухсот тысяч, я не обращал на них никакого внимания... В ту пору еврей по-прежнему казался мне не кем иным, как человеком другого вероисповедания, поэтому просто из человеческой терпимости я в данном случае, как и во всех других, оставался противником каких-либо религиозных нападок. Стало быть, тональность антисемитской прессы Вены казалась мне недостойной культурных традиций великой державы".

Однажды Гитлер отправился погулять в центр города. "Я вдруг увидел мужчину в черном кафтане и с темными пейсами. "Это, наверное, еврей", — подумал вдруг я. Но в Линце они выглядели совсем иначе. Исподтишка я стал пристально наблюдать за незнакомцем, и, чем внимательнее я всматривался в лицо этого человека, изучал его черты, тем назойливее терзала меня мысль: "И это немец? "

Нетрудно догадаться, к какому выводу пришел Гитлер. Однако сам он утверждает, что прежде он решил, чтобы попытаться рассеять свои сомнения, поискать ответа в книгах. Он с головой ушел в изучение антисемитской литературы, которая в те времена довольно широко продавалась в Вене. Затем перенес свои наблюдения на улицы города, чтобы непосредственно проследить за этим "феноменом".

"Куда бы я ни шел, я везде теперь встречал евреев, и, чем чаще я их видел, тем более четко выделял среди остальной части населения... Позднее мне нередко становилось дурно до тошноты от одного только запаха, исходившего от людей, облаченных в кафтаны".

Впоследствии Гитлер писал, что понял "всю моральную нечистоплотность этих "избранников божьих"... Разве порок или разврат,

особенно в сфере культурной жизни, не встречаются там, где действует хотя бы один еврей? Если вы более внимательно попытаетесь подойти к рассмотрению подобных порочных явлений, то обнаружите, что и тут, стоит только направить свет на разлагающийся труп, который гложут черви, имеется еврей! "

Евреи в значительной степени, по убеждению Гитлера, были ответственны за расцвет проституции и работоторговлю белыми людьми. "Когда впервые, — говорит в этой связи Гитлер, — я до конца осознал суть евреев как хладнокровных, бесстыжих и расчетливых организаторов, этих отвратительных поставщиков разврата среди отребья большого города, меня в буквальном смысле холодный пот прошиб".

В пространных высказываниях Гитлера по поводу евреев просматривается явно болезненная сексуальность. Это было характерно для антисемитской прессы Вены того времени, впрочем, как впоследствии и для сомнительного еженедельника "Дер штюрмер", издававшегося в Нюрнберге одним из любимцев фюрера Юлиусом Штрейхером, нацистским вождем Франконии, известным извращением, прославившимся в третьем рейхе своей дурной репутацией.

"Майн кампф" изобилует намеками на нечистоплотных евреев, которые соблазняют невинных христианских девушек, что самым неблагоприятным образом сказывается на последующих поколениях. Гитлер часто пишет о том, что "представлял себе кошмарные сцены соращения сотен тысяч девушек отвратительными кривоногими евреями-ублюдками".

Как указывает Рудольф Олден, антисемитизм Гитлера мог быть порожден его болезненным воображением. Хотя Адольфу к тому моменту, когда он проживал в Вене, уже исполнилось двадцать лет, он, насколько известно, не состоял в каких-либо отношениях с женщинами.

"Так постепенно, — констатирует Гитлер, — я возненавидел их... Именно тогда наступил период высочайшего духовного подъема, когда-либо испытанного мною. Я покончил с малодушным космополитизмом и стал антисемитом".

Таким слепым и ярым фанатиком Гитлер оставался до конца своих дней. В последнем завещании, написанном за несколько часов до смерти, Гитлер не удержался от того, чтобы снова не обрушиться на евреев, ответственных за войну, которую сам развязал и которая теперь должна была покончить с ним и созданным им третьим рейхом. Лютая ненависть, поразившая столь многих немцев в рейхе, в конечном счете привела к массовому уничтожению народов и оставила страшный след в истории

цивилизации, который сохранится до тех пор, пока на земле будет существовать человечество.

Весной 1913 года Гитлер решил распрощаться с Веной и переехать в Германию, которой, как он писал, всегда принадлежало его сердце. Молодому человеку было двадцать четыре года, и всем, не считая, разумеется, его самого, он казался полным неудачником. Он не стал ни художником, ни архитектором. Для многих он был не кем иным, как бродягой, правда довольно эксцентричным и начитанным. У Гитлера не было ни друзей, ни семьи, ни работы, ни дома. Тем не менее его отличала непоколебимая уверенность в себе и своем предназначении.

Не следует исключать, что Гитлер покинул Австрию, чтобы избежать военной службы {Начиная с 1910 года, по исполнению двадцати одного года, Гитлер вступил в призывной возраст. Как вспоминает Хайден, австрийские власти не могли добраться до него, пока он жил в Вене. Им удалось разыскать его лишь в Мюнхене, и молодому человеку было предписано явиться для освидетельствования в Линц. Йозеф Грейнер в книге "Конец гитлеровского мифа" приводит некоторые эпизоды переписки Гитлера с австрийскими военными властями, из которых явствует, что он отверг обвинение в том, что перебрался в Германию, чтобы избежать военной службы. Ссылаясь на отсутствие достаточных средств, он попросил разрешения пройти освидетельствование в Зальцбурге, который находился недалеко от Мюнхена. Он прошел освидетельствование 5 февраля 1914 года, и его признали негодным к строевой и даже вспомогательной службе по причине слабого здоровья — видимо, было не все в порядке с легкими. Тот факт, что он не стал призывником до тех пор, пока власти в конце концов не установили его местопребывание, а ему к тому времени исполнилось двадцать четыре года, очевидно, беспокоил Гитлера, когда взойшла его звезда в Германии. Грейнер подтверждает слух, ходивший в антинацистских кругах, когда я работал в Берлине, относительно того, что после оккупации Австрии в 1938 году немецкими войсками Гитлер отдал распоряжение гестапо найти официальные документы, касающиеся его призыва на военную службу. Попытки обнаружить эти бумаги в Линце не увенчались успехом, отчего Гитлер пришел в бешеную ярость. Документы эти были изъяты одним из членов местного управления, который после войны показал их Грейнеру. — Прим. авт. }.

Но так произошло не из-за трусости Гитлера. Просто он и мысли не допускал о том, чтобы служить бок о бок с евреями, славянами и представителями других национальных меньшинств, населявших

империю. В "Майн кампф" Гитлер указывает, что переехал в Мюнхен весной 1912 года, однако сведения эти не соответствуют действительности. В документах венской полиции значится, что он проживал в Вене по май 1913 года.

Собственное объяснение Гитлером причин его отъезда из Австрии звучит довольно высокопарно:

"Постепенно во мне нарастало внутреннее неприятие государства Габсбургов... конгломерата различных этнических рас, заполнивших столицу... Меня выворачивало наизнанку это смешение чехов, поляков, венгров, русинов, сербов, хорватов, и везде было полно этих выскочек — евреев. Огромный город стал для меня олицетворением расового осквернения... Чем дольше я жил в этом городе, тем сильнее крепла во мне ненависть к чужеродному смешению людей, из-за него стал разлагаться древний центр германской культуры... Все это пробудило во мне жгучее желание отправиться наконец туда, куда с самого детства меня влекли тайные устремления и скрытая любовь".

Судьба Гитлера в стране, которая была ему столь дорога, сложилась так, как не представлялось даже в самом безумном сне. Живя в германском рейхе, Гитлер формально был иностранцем, австрийцем, и оставался им вплоть до своего назначения на пост канцлера. Чтобы понять его до конца, необходимо подходить к нему как к австрийцу, который достиг совершеннолетия незадолго до краха империи Габсбургов, но не смог пустить корни в просвещенной столице этого государства. Он впитал в себя все самые нелепые предрассудки и ненависть, распространенные в ту пору среди германо-язычных экстремистов, но не понял, что большинство окружавших его были людьми порядочными, честными и благородными независимо от их национальности и социального положения, то есть будь они чехи, евреи или немцы, бедные или богатые, художники или ремесленники. Сомневаюсь, чтобы какой-либо немец, проживающий на севере страны или на западе, в Рейнской области, в Восточной Пруссии или в Баварии, мог сочетать в себе, опираясь на имеющийся жизненный опыт, такие качества, которые выдвинули Адольфа Гитлера на те высоты, которых ему в итоге удалось достичь. Правда, сюда следует добавить ярко выраженную непредсказуемость гения.

Однако весной 1913 года его гениальность еще не проявилась. В Мюнхене, как и в Вене, Гитлер жил без средств, без друзей и постоянной работы. Летом 1914 года началась война, взявшая его вместе с миллионами других людей в свои безжалостные тиски. 3 августа Гитлер подал прошение королю Баварии Людвигу III разрешить ему вступить

добровольцем в полк, формировавшийся в Баварии, и его просьба была удовлетворена.

Гитлеру представилась благоприятная возможность. Теперь молодой бродяга мог не только удовлетворить свое желание служить вновь обретенному отечеству, что, по словам Гитлера, выливалось в борьбу за будущее Германии, когда встал вопрос "быть или не быть", но и избежать неудач и неприятностей в личной жизни.

"Эти несколько часов, — писал Гитлер в "Майн кампф", — будто освободили меня от бремени, висевшего надо мной на протяжении всей моей юности. Мне вовсе не стыдно признаться в том, что меня охватил восторг и, упав на колени, я от всего сердца возблагодарил всевышнего за то, что он ниспослал мне великое счастье жить в такое время... Для меня, как и для всех немцев, начался самый памятный период жизни. На фоне событий той гигантской борьбы все мое прошлое кануло в небытие".

Таким образом, прошлому Гитлера со всеми его разочарованиями, убожеством и одиночеством суждено было остаться в тени, хотя именно прошлое сформировало сознание и характер фюрера. Война, принесяшая смерть многим миллионам, для Гитлера, которому тогда было двадцать пять лет, знаменовала начало новой жизни.

Часть 2. Рождение нацистской партии

10 ноября 1918 года, в пасмурное осеннее воскресенье, Адольф Гитлер пережил событие, которое, пребывая в состоянии озлобленности и отчаяния, назвал величайшим злодеянием века {Гитлер использовал это выражение в первом издании "Майн кампф" в Германии, однако в последующих изданиях слово "злодеяние" было заменено словом "революция". — Прим. авт. }. Это невероятное известие раненым солдатам, находящимся на излечении в военном госпитале в Пасевалке, небольшом городке Померании, расположенном к северо-востоку от Берлина, принес пастор. Гитлер поправлялся в госпитале после временной потери зрения, явившейся следствием контузии, полученной во время газовой атаки, предпринятой англичанами под Ипром месяц назад.

Пастор сообщил им, что кайзер отрекся от престола и бежал в Голландию. За день до этого в Берлине была провозглашена республика. На рассвете 11 ноября во Франции, в местечке Компьен, должно состояться подписание мирного договора. Война проиграна. Германии остается уповать на милость победивших союзников. Пастор всхлипывал.

"Я не мог этого вынести, — пишет Гитлер, вспоминая этот эпизод. — Снова все потемнело и поплыло перед глазами. Шатаюсь и спотыкаясь, я добрался до палаты, упал на койку и уткнулся в подушку... Голова раскалывалась. Итак, все оказалось напрасно. Напрасны все эти жертвы и страдания... когда, преодолевая смертельный страх в душе, мы, несмотря ни на что, выполняли свой долг... Напрасна гибель двух миллионов человек... Разве за это они отдали свои жизни?.. Неужели это было нужно лишь для того, чтобы горстка презренных преступников смогла прибрать к рукам наше отечество? "

Впервые, после того как он стоял у могилы матери, Гитлер, по его словам, не выдержал и разрыдался: "Я не мог ничего с собой поделать". Подобно миллионам соотечественников, он в тот момент не мог признать и никогда не признавал очевидный ошеломляющий факт, что Германия потерпела поражение на поле битвы.

Как миллионы других немцев, Гитлер был храбрым и отважным солдатом. Позднее кое-кто из политических противников фюрера станет обвинять его в трусости, проявленной во время боя, но, если говорить честно, следует заметить, что никаких порочащих его доказательств нет. После трехмесячной подготовки Гитлер в конце октября 1914 года попал на

фронт в качестве связного первой роты 16-го баварского резервного пехотного полка, а через четыре дня тяжелых боев его часть понесла серьезные потери в первом сражении под Ипром, где англичанам удалось приостановить продвижение немцев к Ла-Маншу. Хозяину дома, у которого Гитлер проживал в Мюнхене, портному по фамилии Попп, он писал, что за эти четыре дня численный состав полка сократился с трех с половиной тысяч до шестисот человек, что в живых осталось только тридцать офицеров, а четыре роты пришлось расформировать.

На войне Гитлер был дважды ранен. Первый раз, 7 октября 1916 года, в битве на Сомме его ранило в ногу. После госпитализации он в марте 1917 года возвращается в полк Листа, названный так по фамилии первого командира. Гитлера повысили в звании — теперь он уже ефрейтор и летом участвует в битве за французский город Аррас и в третьем сражении под Ипром. Полк, в котором он служил, оказался в центре последнего, отчаянного наступления германской армии весной и летом 1918 года. В ночь на 13 октября в ходе сражения под Ипром Гитлер стал жертвой массовой газовой атаки англичан в районе южнее Вервика.

"Я попятился назад, чувствуя, как обожгло глаза, — пишет он, — запоминая последнюю картину войны. Через несколько часов мои глаза превратились в пылающие угли и окружающее померкло".

Гитлера дважды награждали за храбрость: в декабре 1914 года — Железным крестом второй степени, а в августе 1918 года — Железным крестом первой степени, которым редко награждали простых солдат в имперской армии. Один из бывших друзей по военной службе заверяет, что Гитлер удостоился этой желанной награды за то, что взял в плен пятнадцать англичан, другой утверждает, что это были французы. В официальных же архивах полка Листа по поводу его героического поступка ничего не сказано, там вообще нет каких-либо сведений о том, за что присуждались награды. Как бы то ни было, несомненно одно — ефрейтор Гитлер получил

Железный крест первой степени и с гордостью носил его до конца жизни.

Однако, с точки зрения рядовых солдат, Гитлер был странным типом. Это отмечают многие его сослуживцы. Он не получал, как другие, ни писем, ни подарков из дома. Никогда не просился в увольнение и в отличие от других военнослужащих не проявлял интереса к женщинам. Никогда не сетовал (не в пример самым храбрым) на грязь, на вшей, на смрад и слякоть передовой, был равнодушен к невзгодам, с предельной серьезностью воспринимал суть войны и судьбу, уготованную Германии.

"Мы все ругали его и считали невыносимым, — вспоминал впоследствии один из его боевых товарищей. — Он был среди нас белой вороной и отмалчивался, когда все проклинали войну". Другой описывает, что Гитлер любил сидеть "в углу солдатской кухни, глубоко задумавшись и обхватив голову руками. Он мог вдруг вскочить и, возбужденно бегая, заговорить о том, что, несмотря на нашу тяжелую артиллерию, нам не дадут одержать победу, поскольку невидимые враги немецкого народа намного страшнее самых мощных его орудий".

Время от времени Гитлер яростно обрушивался на этих "невидимых врагов" — евреев и марксистов. Но разве не усвоил он еще в Вене, что именно они являются источником всех бед?

И действительно, разве Гитлер не убедился в этом, находясь в родной Германии после ранения в ногу? Выписавшись из госпиталя, расположенного в Беелитце под Берлином, он какое-то время провел в столице, а затем отправился в Мюнхен. Везде он сталкивался с тем, что всякие "негодяи" всюю склоняли войну и хотели, чтобы она поскорее закончилась. Повсюду было полно бездельников, а кто они, как не евреи?

"Канторы, — писал Гитлер, — переполнены евреями. Почти все служащие были евреями и почти все евреи — служащими... В период с 1916 по 1917 год все производство контролировалось еврейскими финансовыми кругами... Евреи обкрадывали целую нацию и подчиняли ее себе... С ужасом наблюдал я за тем, как надвигается катастрофа... " Гитлер не мог вынести этого и был рад, по его словам, вернуться на фронт.

Еще более нетерпимо отнесся он к бедствию, которое постигло любимое отечество в ноябре 1918 года. Ему, как и большинству немцев, это представлялось ужасным и несправедливым. Германская армия потерпела поражение не на поле боя. Удар в спину нанесли предатели, находившиеся дома, в тылу.

Гитлер так же, как и многие немцы, поверил в миф об "ударе в спину", который больше, чем что-либо другое, подрывал авторитет Веймарской республики и прокладывал путь к его собственному триумфу, хотя миф на поверку оказался несостоятельным.

Генерал Людендорф, фактически возглавлявший штаб верховного командования, 28 сентября 1918 года настаивал на немедленном перемирии, а его номинальный начальник — фельдмаршал фон Гинденбург поддерживал действия генерала. На состоявшемся 2 октября в Берлине заседании имперского совета, на котором председательствовал кайзер Вильгельм II, Гинденбург повторил требование штаба верховного командования о немедленном перемирии. "Армия, — говорил он, — не

может ждать сорок восемь часов".

В письме, написанном в тот же день, Гинденбург прямо заявил, что военное положение настоятельно требует "прекращения военных действий". Об "ударе в спину" не было сказано ни слова. Лишь позднее знаменитый герой войны подписался под мифом. Выступая в слушаниях перед следственным комитетом Национального собрания 18 ноября 1919 года, через год после окончания войны, Гинденбург сказал: "Как справедливо заметил один английский генерал, германской армии нанесли удар в спину" {Заявление, что автором мифа является некий английский генерал, едва ли может быть подтверждено документально. Уилер-Беннет в своей книге "Деревянный титан Гинденбург" объяснял в этой связи, что по иронии судьбы два английских генерала все же в некоторой степени повинны в распространении ложного слуха:

"Первым был генерал-майор сэр Фредерик Морис, опубликовавший в 1919 году книгу "Последние четыре месяца". Содержание ее в немецкой прессе излагалось обозревателями в таком извращенном виде, что, согласно их утверждениям, выходило, будто немецкая армия не потерпела поражение на поле боя, а была предана социалистами в тылу".

Генерал выступил с опровержением подобной интерпретации его книги немецкой прессой, но все было напрасно. Людендорф воспользовался данными обзорами, чтобы убедить Гинденбурга занять его позицию.

"Вторым генералом, — писал Уилер-Беннет, — был генерал-майор Малькольм, глава британской военной миссии в Берлине. Как-то вечером Людендорф ужинал с генералом и в свойственной ему высокопарной манере говорил о том, что штаб верховного командования всегда страдал из-за отсутствия необходимой поддержки со стороны гражданского правительства и что революция предала армию. Пытаясь обобщить одной фразой смысл словесных излияний Людендорфа, генерал Малькольм спросил:

— Не хотите ли вы, генерал, сказать этим, что вам нанесли удар в спину?

Глаза Людендорфа заблестели, и он моментально, как голодная собака за кость, ухватился за эту фразу.

— Удар в спину? — переспросил он. — Да, совершенно верно, нам нанесли удар в спину". — Прим. авт. }.

Гражданское правительство, возглавляемое принцем Баденским Максом, не было информировано об ухудшении военного положения штабом верховного командования вплоть до конца сентября 1918 года и на

протяжении нескольких недель отклоняло требование Людендорфа о перемирии.

Надо было жить в Германии в период между двумя войнами, чтобы до конца понять, насколько широко этот миф распространился среди немецкого населения. Убедительные факты опровергали этот миф, однако правые старались их не замечать. Они по-прежнему разглагольствовали о том, что виновниками всему были "преступники Ноября". Гитлер настойчиво вдабливал данный тезис в сознание масс. При этом предавалось забвению то обстоятельство, что именно германская армия ловко подвела республиканское правительство к подписанию перемирия, на котором настаивали немецкие военачальники, а впоследствии рекомендовала правительству принять условия Версальского мирного договора.

Сбрасывался со счетов и тот факт, что социал-демократическая партия без особого энтузиазма пришла к власти в 1918 году лишь для того, чтобы уберечь страну от хаоса и угрозы большевизма. Она не несла ответственности за крах Германии. Вина за это лежит на прежнем правительстве, находившемся у власти {У некоторых генералов хватило мужества откровенно признаться в этом. 23 августа 1924 года газета "Франкфуртер цайтунг" опубликовала статью генерала фон Шенайха, в которой анализировались причины поражения Германии в войне. Генерал пришел к неоспоримому выводу: "... Своим поражением мы обязаны превосходству армии над гражданскими инстанциями... Фактически германский милитаризм просто пошел на самоубийство". (Цит. по: Тейлор Т. Меч и свастика. Лондон, 1953, с. 16.) — Прим. авт. }.

Однако миллионы немцев не желали согласиться с такой постановкой вопроса. Нужно было найти козлов отпущения, повинных в поражении Германии, в унижении и лишениях, которые ей пришлось испытать. Поэтому они легко дали убедить себя в том, что во всем виноваты "преступники Ноября", которые подписали капитуляцию и сформировали демократическое правительство, свергнув старую монархию. В "Майн кампф" Гитлер довольно часто упоминает о легковерии немцев. В самое ближайшее время ему с максимальной для себя выгодой удастся воспользоваться этой чертой своего народа.

Когда вечером 10 ноября 1918 года пастор ушел из военного госпиталя в Пасевалке, для Адольфа Гитлера "наступили страшные дни и еще более страшные ночи".

"Я знал, — писал он, — что все потеряно. Лишь глупцы, лжецы и преступники могли надеяться на снисходительность противника. В эти

ночи во мне пробудилась ненависть, ненависть к тем, кто был ответствен за все это... Жалкие и ничтожные преступники! Чем более четко я пытался представить себе весь ужас происшедшего, тем сильнее нарастало во мне чувство возмущения и стыда. Могла ли физическая боль в глазах сравниться с этим стыдом? "

Затем следовали такие строки: "И тогда я понял, чему должен посвятить себя. Я решил заняться политикой".

Это решение, как известно, стало роковым как для самого Гитлера, так и для всего мира.

Образование нацистской партии

Перспективы сделать политическую карьеру в Германии для тридцатидвухлетнего австрийца без средств, без друзей, не имеющего ни специальной подготовки, ни профессии, ни постоянной работы, не имеющего какого-либо опыта политической деятельности, были малоутешительными, и поначалу Гитлер, казалось, понимал это.

"Целыми днями, — писал он, — я думал, что мне делать. Но все мои размышления неизбежно сводились к тому, что, будучи никому не известен, я не располагал какой-либо серьезной базой для занятий полезной деятельностью".

В конце ноября 1918 года Гитлер вернулся в Мюнхен. Он с трудом узнал этот ставший для него родным город. Здесь также произошла революция. Король Виттельсбах отрекся от престола. Баварией управляли социал-демократы, которые создали баварское "народное государство". Его возглавил Курт Эйснер, популярный еврейский писатель, родившийся в Берлине.

7 ноября Эйснер, привлекавший внимание мюнхенцев импозантной седой бородой, пенсне, огромной черной шляпой и небольшим ростом, проследовал по улицам города в сопровождении нескольких сот жителей, без единого выстрела занял здание парламента и правительства и провозгласил республику. Три месяца спустя он был убит молодым офицером, придерживавшимся правых взглядов, графом Антоном Арко-Валле.

Рабочие создали советскую республику, которая, однако, просуществовала недолго. 1 мая 1919 года войска регулярной армии из Берлина вместе с баварскими добровольцами, так называемым добровольческим корпусом, вошли в Мюнхен и свергли коммунистическое правительство. Они убили несколько сот человек, многие из которых не являлись членами коммунистической партии, мстя за то, что с ведома предыдущего правительства было расстреляно более десяти заложников.

Несмотря на то что на время была формально восстановлена власть умеренных социал-демократов и правительство возглавил Иоганнес Хофман, бразды правления в Баварии практически перешли к правым.

Что же представляли собой правые Баварии в это смутное время? К ним принадлежали кадровые военные рейхсвера, монархисты, мечтавшие о возвращении Виттельсбахов. Сюда же примыкали консерваторы, которые ненавидели демократическую республику, образованную в Берлине. Со временем ряды правых пополнила армия демобилизованных солдат, для которых 1918 год стал провозвестником краха надежд; будучи вырванными из мирной жизни в 1914 году, они не могли найти работу и место в современном обществе, война закалила и в то же время ожесточила их, но невозможно было избавиться от укоренившихся привычек и изменить себя. К числу таких людей одно время принадлежал и Гитлер. "Они, — как впоследствии напишет он, — стали революционерами, которые по-своему приветствовали революцию и стремились к тому, чтобы революция сделалась условием их существования".

Вооруженные отряды добровольческого корпуса возникали по всей Германии и тайно вооружались рейхсвером. Поначалу они использовались главным образом для усмирения поляков и прибалтов в районе спорных пограничных восточных территорий, однако вскоре их начали привлекать к участию в заговорах, направленных на свержение республиканского строя. В марте 1920 года один из таких отрядов, возглавляемый капитаном Эрхардтом, — печально известная бригада Эрхардта — занял Берлин и содействовал провозглашению канцлером доктора Вольфганга Каппа, заурядного политика, придерживавшегося крайне правых взглядов. Войска регулярной армии под командованием генерала фон Секта были приведены в состояние боевой готовности, а тем временем президент республики и правительство поспешно бежали в западную часть Германии. Лишь благодаря всеобщей забастовке, организованной профсоюзами, удалось восстановить власть республиканского правительства.

Одновременно произошел военный переворот в Мюнхене, который оказался более удачным. 14 марта 1920 года при содействии рейхсвера было низложено социалистическое правительство Хофмана и власть захватили правые во главе с Густавом фон Каром. Баварская столица, словно магнит, притягивала теперь к себе все существующие в Германии силы, не признававшие условий Версальского договора и стремившиеся покончить с республикой и восстановить авторитарную власть.

Нередко здесь находили прибежище и теплый прием кондотьеры {Предводители наемных военных отрядов, находившихся на службе у

отдельных го-сударей и римских пап в Италии в XIV–XVI веках. — Прим. пер. } свободного корпуса, включая тех, кто входил в бригаду Эрхардта. Генерал Людендорф также обосновался здесь вместе с горсткой бывших офицеров, недовольных своей судьбой {В конце войны Людендорф бежал в Швецию, изменив внешность: он наклеил фальшивые усы и. надел темные очки. Генерал вернулся в Германию в феврале 1919 года, предварительно прислав жене следующее письмо: "Революционеры сделают самую большую глупость, если оставят нас в живых. Поскольку, если мне удастся когда-либо вновь прийти к власти, я буду к ним беспощаден. Я с легкой совестью повесил бы тогда Эберта, Шейдемана и компанию и смотрел бы, как они болтаются на виселице" (Людендорф М. Когда я была женой Людендорфа. Мюнхен, 1929, С. - 229). Эберт был первым президентом Веймарской республики, Шейдеман — ее первым канцлером. Людендорф, хотя и подчинялся Гинденбургу, фактически являлся Диктатором Германии в последние два года войны. — Прим. авт. }. В Мюнхене замышлялись политические убийства, в том числе убийство Маттиаса Эрцбергера, умеренного политического деятеля, католика, у которого хватило мужества подписать от имени Германии перемирие, когда генералы уклонились от этого, а также покушение на Вальтера Ратенау, блестяще образованного министра иностранных дел, которого экстремисты ненавидели, поскольку он был евреем и, проводя политику германского правительства, старался выполнить некоторые условия Версальского договора.

Именно здесь, на благодатной почве Мюнхена, Адольф Гитлер стал развивать активную деятельность.

Когда Гитлер в конце ноября 1918 года вернулся в Мюнхен, он узнал, что его батальоном заправляют советы солдатских уполномоченных. Это его так возмутило, что он решил "уехать сразу же и как можно быстрее". Зимой Гитлер провел в лагере для военнопленных в Траунштейне, недалеко от австрийской границы. В Мюнхен он вернулся весной.

В "Майн кампф" он вспоминает, что своим поведением вызвал недовольство левого правительства, и утверждает, будто ему удалось избежать ареста только благодаря тому, что у него хватило смелости наставить карабин на трех "негодяев", которые пришли брать его. Сразу после свержения власти коммунистов Гитлер стал, как он сам об этом пишет, "впервые в большей или меньшей степени приобщаться к политической деятельности". Деятельность эта, по существу, сводилась к тому, что он информировал следственную комиссию, созданную во 2-м пехотном полку для рассмотрения дел тех, кто нес ответственность за непродолжительное пребывание у власти в Мюнхене советов народных

уполномоченных.

По всей вероятности, услуги, оказанные Гитлером, сочли весьма ценными, и армейское руководство подыскивало для него новую работу. Его определили на службу в пресс-бюро политического отдела окружного командования армии. Германская армия вопреки традициям в то время активно участвовала в политической жизни страны, особенно в Баварии, где военным удалось наконец привести к власти угодное им правительство.

В целях пропаганды консервативных взглядов для солдат были организованы курсы "политического инструктажа", которые, в частности, прилежно посещал Адольф Гитлер. Однажды, как явствует из его рассказов, он тоже выступил на занятии, когда кто-то из присутствовавших хорошо отозвался о евреях. Антисемитские разглагольствования Гитлера, очевидно, настолько понравились начальству, что вскоре он был назначен в один из полков, дислоцированных в Мюнхене, офицером по общеобразовательной подготовке. Основной задачей указанной подготовки являлась борьба с опасными идеями: пацифизмом, социализмом, демократией — так военные представляли себе свою роль в демократической республике, которой присягнули на верность.

Это назначение стало в жизни Гитлера важным событием, первым признанием его заслуг на политическом поприще, где ему так хотелось отличиться. Прежде всего появилась возможность опробовать свои ораторские способности, которые, как он всегда подчеркивал, служили главной предпосылкой успешной политической карьеры.

"Так мне предоставили возможность, — пишет Гитлер, — выступать перед более многочисленной аудиторией. И ощущение собственной силы, которое подспудно давно зрело во мне, получило теперь практическое подтверждение: я мог говорить".

Это открытие очень льстило Гитлеру, хотя и было воспринято как само собой разумеющееся. Он опасался, как бы не сел голос в результате многочисленных газовых атак на фронте. Однако теперь убедился, что голос окреп и его слышно "по меньшей мере во всех углах казармы". Гитлер стал развивать в себе ораторские способности, благодаря чему сравнительно легко превратился в самого красноречивого оратора Германии, который, выступая по радио, магической силой голоса был в состоянии всколыхнуть миллионы людей.

Однажды, в сентябре 1919 года, Гитлер получил приказ политического отдела армии присмотреться к деятельности небольшой политической группы, которая именovala себя рабочей партией Германии. Военные подозрительно относились к рабочим партиям, поскольку они

придерживались в основном социалистической либо коммунистической ориентации, но эта группа, по их мнению, была иной. Гитлер заметил, что "совершенно ничего не слышал о ней". И все же он знал одного из тех, кто должен был выступать на собрании партии, в деятельности которой ему поручили разобраться.

За несколько недель до этого на одном из занятий по общеобразовательной подготовке Гитлер прослушал лекцию Готфрида Федерера, инженера-строителя, фанатично увлекавшегося экономикой. Лектор был одержим идеей, что большинство экономических проблем Германии коренится в так называемом "спекулятивном" капитале в противовес "созидательному и продуктивному" капиталу. Федерер ратовал за устранение капитала первого типа и с этой целью создал в 1917 году организацию "Германская лига борцов за искоренение процентного рабства". На Гитлера, не разбиравшегося в экономике, выступление инженера произвело сильное впечатление. В требовании Федерера "искоренить процентное рабство" Гитлер узрел "важную предпосылку создания новой партии". "На лекции Федерера, — писал он, — я ощутил мощный призыв к предстоящей борьбе".

Тем не менее вначале он не придавал особого значения деятельности рабочей партии Германии. Он пошел на собрание, выполняя приказ. Собрание, по его мнению, было скучным — в темноватом зале пивного бара "Штернекерброй" сидело человек двадцать пять.

"Это была, — писал Гитлер, — новая организация, похожая на другие. В то время многие, кого не удовлетворяло происходящее, считали, что надо создать новую партию. Повсюду, как грибы, стали расти новые организации, чтобы по прошествии какого-то времени незаметно исчезнуть. Именно так я и подходил тогда к рабочей партии Германии".

Когда Федерер закончил выступление и Гитлер хотел было уйти, вскочил некий профессор и стал оспаривать аргументы Федерера, ратуя за то, чтобы Бавария отделилась от Пруссии и вместе с Австрией образовала новое Южно-Германское государство. Подобные идеи были тогда популярны в Мюнхене, но высказанное предложение взбесило Гитлера и он взял слово, чтобы изложить "ученому мужу", как он заметил впоследствии, свою точку зрения. Гитлер говорил, вероятно, так резко, что профессор покинул собрание "мокрый, как пудель", а присутствующие с удивлением разглядывали незнакомого молодого оратора. Кто-то — Гитлер не запомнил фамилии, — прихрамывая, подошел к нему и сунул в руки небольшую брошюру.

Это был Антон Дрекслер, слесарь по специальности, которого,

пожалуй, можно считать основателем национал-социализма. Болезненный и неказистый Дрекслер, не получивший надлежащего образования, имеющий пусть неглубокие и противоречивые, однако самостоятельные суждения, плохой писатель и никудышный оратор, работал в ту пору в железнодорожных мастерских Мюнхена.

7 марта 1918 года он создал "комитет независимых рабочих" для борьбы с марксизмом свободных профсоюзов и агитации за "справедливый" мир для Германии. Комитет фактически был ответвлением более широкого движения, возникшего на севере Германии под названием "Ассоциация по поддержанию мира среди рабочих". (В Германии вплоть до 1933 года существовало очень много инициативных групп, имевших весьма претенциозные названия.)

Дрекслер никогда не собирал под свои знамена более сорока человек, поэтому в январе 1919 года он объединил комитет с аналогичной группой — политическим кружком рабочих, который возглавлял журналист Карл Харрер. Новая организация, насчитывавшая менее ста членов, именовала себя рабочей партией Германии. Первым ее председателем стал Харрер. В "Майн кампф" Гитлер мало говорит о своих бывших соратниках, чьи имена уже забыты, однако воздает должное Харреру, называя его "честным и, несомненно, широко образованным" человеком, сожалея, правда, что тот не обладал ораторским искусством. Своей мимолетной славой Харрер обязан, должно быть, тому, что упрямо твердил: "Гитлер был плохим оратором". Это утверждение впоследствии часто выводило нацистского главаря из себя, как недвусмысленно следует из его автобиографии. Так или иначе, похоже, именно Дрекслер являлся главной движущей силой малочисленной, никому не известной рабочей партии Германии.

На следующее утро Гитлер внимательно изучил брошюру, которую всучил ему Дрекслер. Этот эпизод он подробно описывает в "Майн кампф".

Было пять часов утра. Гитлер проснулся и, как обычно, чуть приподнявшись на койке в казарме 2-го пехотного полка, наблюдал за тем, как мыши подбирали крошки хлеба, специально разбросанные им по полу накануне. "Мне в своей жизни довелось испытать такую нищету, — замечает Гитлер, — что я хорошо представлял себе голод и то удовольствие, которое получали эти маленькие создания". Он вспомнил о брошюре и принялся за чтение. Брошюра называлась "Мое политическое пробуждение". К немалому удивлению Гитлера, в ней содержались идеи, над которыми он задумывался в последние годы.

Главную задачу Дрекслер видел в создании такой политической партии, которая опиралась бы на широкие массы рабочего класса, но в

отличие от социал-демократов носила бы националистический характер. В свое время он являлся членом Патриотического отечественного фронта, однако вскоре мелкобуржуазные настроения, преобладавшие в партии, которая, по-видимому, вообще не имела связи с народными массами, разочаровали его. В Вене, как мы уже отмечали ранее, Гитлер стал с презрением относиться к буржуазии по той же причине — из-за ее полного безразличия к интересам рабочего класса и их семей и социальным проблемам. Таким образом, идеи Дрекслера определенно привлекли внимание Гитлера.

В тот же день он получил почтовую открытку, из которой с удивлением узнал, что принят в рабочую партию Германии.

"Я не знал, смеяться мне или сердиться, — вспоминал позднее Гитлер, — У меня не было никакого желания вступать в уже существующую партию, поскольку я хотел создать свою собственную. Поэтому это предложение я расценил как самоуверенное и неподходящее".

Гитлер собрался было ответить письмом, но "любопытство взяло верх" и он решил пойти на заседание комитета, куда его пригласили, и лично объяснить причины, почему он не хочет вступать в эту нелепую малочисленную организацию.

"Пивная, где должно было проходить собрание, носившая название "Цумальтен-розенбад", находилась на Херренштрассе и представляла собой крайне запущенное заведение... Я миновал плохо освещенный зал, в котором не было ни души, и, открыв дверь в конце зала, очутился лицом к лицу с членами комитета. За столом при слабом свете газовой лампы сидели четыре молодых человека. Среди них находился автор брошюры, который самым радушным образом поздоровался со мной и поздравил с принятием в члены рабочей партии Германии.

Я был действительно несколько обескуражен. Затем зачитали протокол последнего собрания и выразили секретарю вотум доверия, заслушали отчет казначея — в общей сложности ассоциация располагала суммой в семь марок пятьдесят пфеннигов — и утвердили его. Все соответствующим образом было занесено в протокол. Первый председатель партии ознакомил собравшихся с ответами на письма из Киля, Дюссельдорфа и Берлина, которые были одобрены единогласно. Потом сделали сообщение о поступившей почте...

Какой ужас! Клуб самого низкого пошиба... Стоило ли вступать в эту организацию? "

И все же эти потрепанные жизнью, жалкие люди, собравшиеся в плохо освещенной комнате, чем-то привлекли Гитлера — "желанием создать

новое движение, более мощное, чем партия в привычном смысле этого слова".

В тот вечер Гитлер вернулся в казарму, размышляя "над труднейшим вопросом своей жизни: "Следует ли вступать в партию? " Разум подсказывал ему, что лучше отклонить предложение, но в то же время... Даже незначительная организация в состоянии предоставить молодому человеку, полному энергии и идей, возможность "по-настоящему проявить свою активность". Гитлер задумался над тем, что он может сделать "для достижения данной цели";

"Меньше всего меня смущало то, что я беден и не имею средств к существованию, больше беспокоило, что я принадлежал к безымянной толпе, был одним из миллиона, чья жизнь или смерть оставляет совершенно равнодушными даже их ближайших соседей. Помимо всего неизбежно возникали проблемы, связанные с отсутствием надлежащего образования.

После двух дней волнений и размышлений я в конце концов пришел к выводу, что мне надо сделать этот шаг.

Это было самое важное решение, которое я принял в своей жизни. С этого момента для меня не было и не могло быть пути назад".

Адольфа Гитлера тут же приняли седьмым членом комитета рабочей партии Германии.

Следует здесь упомянуть о двух членах данной малочисленной партии, которые сыграли важную роль в становлении Гитлера. Капитан Эрнст Рем, служивший в штабе 7-го окружного командования армии в Мюнхене, вступил в партию раньше Гитлера. Коренастый, с бычьей шеей и маленькими глазками, со шрамами на лице, типичными для кадрового офицера, — часть носа ему оторвало пулей в 1914 году, — Рем увлекался политикой и от природы был неплохим организатором. Как и Гитлер, он испытывал жгучую ненависть к демократической республике и "преступникам Ноября", приложившим руку к ее провозглашению.

Рем мечтал восстановить сильную националистическую Германию и, как Гитлер, считал, что это в состоянии сделать только партия, опирающаяся на поддержку низших классов, выходцем из которых (в отличие от большинства офицеров) он был. Решительный, неистовый, подобно большинству основателей нацистской партии, являвшийся гомосексуалистом, он помог сформировать первый нацистский взвод головорезов, вскоре превратившийся в армию штурмовиков, которой командовал вплоть до 1934 года, когда был расстрелян с санкции Гитлера.

Рем не только привел в быстро растущую партию многих бывших

военных и добровольцев свободного корпуса, которые образовали костяк организации в первые годы ее существования, но и, находясь на действительной службе, обеспечивал защиту Гитлеру и его движению, а иногда и поддержку властей. Без содействия Рема Гитлеру вряд ли удалось бы развернуть широкую кампанию по подстрекательству населения к свержению республиканского режима. Гитлер, безусловно, не смог бы столь безнаказанно прибегать к террору и запугиванию, если бы не терпимость баварского правительства и полиции.

Дитриха Экарта, который на двадцать один год был старше Гитлера, часто называли духовным отцом национал-социализма. Остроумный журналист, посредственный поэт и драматург, он перевел "Пер Гюнта" Ибсена на немецкий язык и написал несколько пьес, которым не суждено было увидеть света рампы. Экарт в Берлине, подобно Гитлеру в Вене, вел богемный образ жизни и пристрастился к спиртному и морфию. Как пишет Хайден, какое-то время он находился в психиатрической лечебнице, где ему удалось наконец поставить свои драмы, используя в качестве актеров содержащихся там больных.

В конце войны Экарт вернулся в Баварию. Там, в винном погребке "Бреннесель", расположенном в Швабинге — артистическом квартале Мюнхена, он во всеуслышание разглагольствовал о превосходстве арийцев и призывал к уничтожению евреев и свержению "свиной", правящих в Берлине.

Хайден, работавший в ту пору журналистом в Мюнхене, приводит высказывание Экарта, с пафосом обратившегося к завсегдатаям винного погребка "Бреннесель" в 1919 году:

"Возглавить нашу организацию должен человек, который бы не испугался пулеметной очереди. Надо нагнать страха на всю эту чернь. Нам не следует использовать военных, поскольку народ их больше не уважает. Лучше всего подошел бы какой-нибудь рабочий, умеющий говорить... Он не должен быть слишком умным... Лучше, если это будет холостяк, тогда нам легче подыскать ему женщин".

Вполне естественно, что поэт и большой любитель спиртного в лице Адольфа Гитлера нашел именно того человека, которого искал. Экарт стал близким другом и советчиком молодого человека, быстро идущего в гору в рядах рабочей партии Германии, снабжал его книгами, помогал улучшить как стиль письма, так и разговорный немецкий. Он ввел его в круг своих знакомых, в число которых входили не только состоятельные люди, с готовностью вносившие деньги в фонды партии и материально поддерживавшие самого Гитлера, но и такие будущие помощники фюрера,

как Рудольф Гесс и Альфред Розенберг. Гитлер сохранил уважение к Экарту {Экарт умер от белой горячки в декабре 1923 года. — Прим. авт. } и в последних словах "Майн кампф" выразил признательность своему эксцентричному наставнику, назвав "одним из лучших, кто посвятил жизнь пробуждению нашего народа своим творчеством, помыслами и, наконец, своими делами".

Так выглядело странное сборище неудачников, стоявших у истоков национал-социализма, создавших, не отдавая себе в том отчета, движение, которое за тринадцать лет охватит самую мощную страну в Европе и приведет к установлению в Германии третьего рейха.

Недалекий слесарь Дрекслер заложил основы движения, пьяный поэт Экарт развил определенные "духовные" ценности, чудаковатый экономист Федер сформировал то, что считалось идеологией, гомосексуалист Рем обеспечил движению поддержку военных и ветеранов войны.

Однако задачу по превращению скромного дискуссионного клуба в то, что вскоре станет мощной политической партией, взял на себя на данном этапе не кто иной, как бывший бродяга Адольф Гитлер, которому в то время было тридцать лет и которого еще никто не знал.

Все идеи, которые Гитлер вынашивал со времени голодного одиночества в Вене, теперь можно было осуществить на практике, и внутренняя энергия, скрытая от посторонних глаз, прорвалась наружу. Он подтолкнул свой скромный комитет к организации многочисленных митингов. Гитлер сам печатал на машинке и распространял приглашения. Впоследствии он вспоминал, как однажды, раздав восемьдесят таких приглашений, они "сидели и ждали приглашенных". Через час "председатель" должен был открыть "митинг". Нас снова было семеро, семеро старых друзей".

Но Гитлер не терял надежды. Он увеличил количество приглашений, печатая их на ротаторе, чтобы собрать средства, дал объявление в местной газете. Успех, по его словам, был просто поразительный — на митинг пришло сто одиннадцать человек. Гитлер впервые должен был выступить публично после приветствия "мюнхенского профессора". Харрер, который в то время формально возглавлял партию, возражал.

"Этот господин, в честности которого в принципе нет оснований сомневаться, — писал позднее Гитлер, — был твердо уверен, что я в состоянии выполнять отдельные поручения, но никоим образом не выступать с речами. Я говорил в течение получаса, и то, что я раньше лишь интуитивно ощущал в себе, сейчас воплотилось в реальность: я действительно мог выступать".

По утверждению Гитлера, аудитория была буквально наэлектризована его пламенной речью, энтузиазм присутствовавших вылился в пожертвования в размере трехсот марок, которые на какое-то время помогли решить финансовые проблемы партии.

В начале 1920 года Гитлер занялся пропагандистской работой, то есть деятельностью, о которой подумывал еще в Вене, осознав всю ее важность для социалистической и христианско-социальной партий. Гитлер сразу же приступил к организации крупнейшего митинга, о котором столь малочисленная партия раньше и не мечтала.

Он должен был состояться 24 февраля 1920 года в известном пивном заведении "Хофбройхаус", имевшем две тысячи посадочных мест. Коллеги Гитлера по партии сочли его сумасшедшим. Харрер в знак протеста сложил с себя полномочия председателя и был заменен Дрекслером, который довольно скептически отнесся к планам Гитлера {Харрер возражал также против ярого антисемитизма Гитлера, полагая, что тем самым он оттолкнет от партии рабочие массы. Эти причины вынудили его уйти отставку. — Прим, авт. }.

Впоследствии Гитлер подчеркивал, что руководил подготовкой митинга лично. И действительно, это событие так много значило для него, что первый том "Майн кампф" он закончил подробным описанием митинга, поскольку именно тогда "партия, выйдя за рамки небольшого клуба, впервые оказала определяющее влияние на наиболее существенный фактор нашего времени — общественное мнение".

Гитлер не был даже запланирован в программе митинга в качестве основного докладчика. Эта роль была уготована некоему доктору Иоганнесу Дингфельдеру, врачу-гомеопату, известному пустозвону. Дингфельдер писал статьи по вопросам экономики под псевдонимом Германус Агрикола, о котором в скором времени вообще забудут. Аудитория на его выступление не отреагировала. Затем слово взял Гитлер. Вот как он сам пишет об этом:

"В зале стоял шум, то тут, то там вспыхивали потасовки. Группа наиболее верных боевых товарищей и наших сторонников пыталась урезонить хулиганствующие элементы... коммунистов и социалистов... Потребовалось время, пока в зале навели порядок. Тогда только я начал говорить. Через полчаса аплодисменты заглушили отдельные вопли и крики... Когда четыре часа спустя зал опустел, я осознал, что теперь основные цели нашего движения уже не останутся без внимания, поскольку они завладели умами немецкого народа".

В ходе выступления Гитлер впервые огласил двадцать пять пунктов

программы рабочей партии Германии. Программа эта была на скорую руку составлена Дрекслером, Федером и Гитлером. Большинство каверзных вопросов, которые задавали Гитлеру, в действительности были направлены против отдельных положений программы, но сам Гитлер считал, что ее приняли полностью, С 1 апреля 1920 года она стала официальной программой теперь уже национал-социалистской рабочей партии Германии. Правда, исходя из тактических соображений, Гитлер в 1926 году объявил положения программы "незыблемыми".

Это, безусловно, сборная солянка, приготовленная для рабочих, мелкой буржуазии и крестьян. Большинство положений к моменту прихода партии к власти были забыты. Многие авторы, пишущие о Германии, насмеялись над этим и нацистский вождь впоследствии приходил в смущение, когда ему напоминали о некоторых положениях программы. И все же, как в случае с основными принципами, изложенными в "Майн кампф", наиболее важные ее положения в третьем рейхе были выполнены, что имело страшные последствия для миллионов людей как в самой Германии, так и за ее пределами.

В первом же пункте программы содержится требование об объединении всех немцев в единую великую Германию. Разве не на этом настаивал рейхсканцлер Гитлер, когда присоединил Австрию с шестью миллионами немцев и захватил Судеты, где проживало три миллиона немцев? И разве не требование фюрера вернуть Германии Данциг и другие области Польши, в которых большую часть населения составляли немцы, привело к нападению на нее и развязыванию второй мировой войны? И разве не кроется одна из причин мировой трагедии в том, что в период между войнами многие либо игнорировали, либо высмеивали нацистские цели, которые пытался изложить в программе Гитлер?

Безусловно, антисемитские положения программы, обнародованной 24 февраля 1920 года в мюнхенской пивной, явились довольно тревожным сигналом. Евреев нельзя принимать на службу, допускать в прессу, надо отказывать им в получении гражданства в Германии. Приехавшие в рейх после 2 августа 1914 года должны были покинуть страну.

Многие пункты партийной программы своей демагогической направленностью, несомненно, отвечали настроениям низших классов, в тяжелые для них времена с симпатией относившихся к радикальным и даже социалистическим лозунгам. Одиннадцатый пункт, например, предусматривал отмену нетрудовых доходов; двенадцатый пункт — национализацию трестов; тринадцатый — дележ прибыли крупных промышленных предприятий с государством; четырнадцатый —

ликвидацию земельной ренты и спекуляции землей. В восемнадцатом пункте содержалось требование карать смертью изменников, ростовщиков и спекулянтов. Шестнадцатый пункт, призывая к сохранению "здоровой буржуазии", настаивал на передаче универмагов в общественную собственность и в аренду мелким торговцам по низкой цене.

Данные требования были включены в программу по настоянию Дрекслера и Федера, которые, очевидно, по-настоящему верили в "социализм" национал-социалистской партии. Именно эти идеи приводили Гитлера в замешательство, когда крупные промышленники и землевладельцы начали довольно основательно пополнять партийную кассу, в результате чего ни одно из этих требований, естественно, не было осуществлено.

Наконец, следует отметить два положения программы, которые Гитлер выполнил, как только стал канцлером. Второй пункт содержал требование отменить Версальский и Сен-Жерменский мирные договоры, а последний, двадцать пятый пункт предусматривал "создание сильной централизованной государственной власти". Эти положения так же, как пункты, требующие объединения всех немцев в рейхе, были включены в программу партии по настоянию Гитлера и свидетельствуют о том, что даже тогда, когда партия была едва известна за пределами Мюнхена, Гитлер смотрел далеко вперед.

В тот период сепаратистские настроения в Баварии были очень сильны, и баварцы, постоянно конфликтовавшие с центральным правительством в Берлине, выступали за меньшую, а не за большую централизацию, требуя предоставления Баварии самостоятельности.

На практике все так и выглядело: указания из Берлина не имели; на местах почти никакой силы. В перспективе Гитлер хотел прийти к власти не только в Баварии, но и во всем рейхе и придать этой власти характер диктатуры, необходимой, судя по его предыдущим высказываниям, сильному централизованному органу управления, способному покончить с полуавтономией земель, которые во времена Веймарской республики и империи Гогенцоллернов имели собственные парламенты и правительства.

Одним из первых демаршей Гитлера после прихода к власти 30 января 1933 года явилась незамедлительная реализация вышеупомянутого положения программы партии, замеченного и всерьез воспринятого в свое время немногими. И никто уже не смог обвинить Гитлера в том, что он заранее не поставил об этом в известность общественность.

Зажигательных речей, а также радикальной программы при всей их важности для партии, делавшей свои первые шаги, было бы недостаточно,

чтобы привлечь внимание и обеспечить поддержку широких масс. Поэтому Гитлер направил усилия на достижение большего, гораздо большего. Именно тогда начали проявляться его незаурядные способности. Он считал, что массам нужны не только идеи — несколько простых идей, которые можно внушать им постоянно, — но и символы, которые всколыхнули бы их веру. Нарядность и красочность должны были привлечь массы, как и акты насилия и террора, которые в случае успешной реализации способствовали бы пополнению партийных рядов (разве не сила всегда импонировала немцам?) и вселяли в них уверенность в своем превосходстве над слабыми.

В Вене Гитлера привлекал, по его собственному выражению, "постыдный внутренний и физический страх", который использовали, по его мнению, социал-демократы в борьбе со своими политическими противниками. Теперь этим страхом он решил воспользоваться для укрепления позиций собственной антисоциалистической партии. Поначалу на митинги приглашали бывших военных, чтобы они следили за порядком и в случае необходимости выставляли крикунов за дверь.

Летом 1920 года, вскоре после того, как к названию "рабочая партия Германии" добавили "национал-социалистская" и она стала именоваться национал-социалистской рабочей партией Германии (сокращенно НСДАП), Гитлер сколотил из числа отъявленных головорезов и ветеранов войны "группы порядка", которые возглавил часовщик Эмиль Морис, в прошлом судимый. Чтобы избежать репрессий со стороны берлинского правительства, группы какое-то время скрывали свою деятельность под вывеской "гимнастической и спортивной секции" партии.

5 октября 1921 года они официально были переименованы в штурмовые отряды. Штурмовиков, одетых в коричневую униформу, набирали в основном из числа преступных элементов добровольческого корпуса. Командование штурмовыми отрядами вверили Иоганну Ульриху Клинциху, подручному пресловутого капитана Эрхардта, который привлекался по делу об убийстве Эрцбергера и лишь недавно был освобожден из тюрьмы.

Эти отъявленные негодяи в униформе, не довольствуясь поддержанием порядка на митингах нацистской партии, начали разгонять митинги, организуемые другими партиями. Однажды в 1921 году штурмовики, возглавляемые Гитлером, пришли на митинг, где должен был выступать баварский федералист по фамилии Баллерштедт, и избили его. По приговору суда Гитлер провел месяц в заключении. Выйдя из тюрьмы, он предстал перед согражданами в ореоле мученика, пострадавшего якобы

за общее дело, приобретая еще большую популярность.

"Прекрасно, — хвастался Гитлер перед полицейскими. — Мы добились того, чего хотели: Баллерштедт так и не получил слова".

За несколько месяцев до случившегося Гитлер, выступая в одной из аудиторий, сказал: "Национал-социалистское движение будет и впредь безжалостно пресекать — в случае необходимости силой — попытки провести митинги или выступления, которые могут неблагоприятно повлиять на сознание наших соотечественников".

Летом 1920 года Гитлер, в прошлом неудавшийся художник, а теперь набирающий силу пропагандист, выдвинул идею, которую можно назвать гениальной. По его мнению, партии не хватало эмблемы, флага, символа, то есть того, что четко отражало бы цели новой организации и завладело воображением масс. Массам, считал Гитлер, нужно некое развевающееся знамя, чтобы, устремляясь за ним, сражаться под его сенью. После длительных раздумий и бесчисленных прикидок он остановил свой выбор на флаге красного цвета с белым кругом посередине, на фоне которого была вытеснена черная свастика. Кресту с загнутыми под прямым углом концами, хотя и заимствованному из древности, суждено было стать устрашающим символом нацистской партии и в конечном счете нацистской Германии. Каким образом у него возникла идея использовать данный символ для флага и для эмблемы партии — Гитлер обходит в "Майн кампф" молчанием.

Крест с загнутыми концами — явление не новое, он встречается с момента появления человека на земле. Его изображение находили во время раскопок на развалинах Трои, Египта, Китая. Я лично видел его в древних индуистских и буддистских храмах. В период новой истории символ служил официальной эмблемой таких прибалтийских государств, как Эстония и Финляндия, где встречался немцам, воевавшим в добровольческом корпусе в 1918–1919 годах. Крест изображался и на железных касках бойцов бригады Эрхардта, вошедших в Берлин во время Капповского путча в 1920 году. Не подлежит сомнению, что Гитлер встречал его в Австрии на эмблемах некоторых антисемитских партий и на касках солдат бригады Эрхардта, вступивших в Мюнхен.

Гитлер отмечал, что среди многочисленных проектов, предложенных ему членами партии, практически везде присутствовала свастика а некий зубной врач из Штернберга представил эскиз флага, который "был весьма недурен и довольно близок к моему собственному".

Что касается цвета флага, то Гитлер, естественно, отверг черный с красным и золотым, символизирующие независимую Веймарскую

республику. Он отклонил также предложение об использовании старого имперского флага, где сочетались красный, белый и черный цвета. Но само цветовое сочетание Гитлеру нравилось — не только потому, что "это была самая лучшая из существующих гармоний", но и потому, что это были цвета Германии, за которую он воевал. Однако необходимы были какие-то изменения, поэтому и появилась свастика.

Гитлер упивался своим "уникальным творением". В "Майн кампф" он провозглашал:

"Это был настоящий символ! Красный цвет олицетворял социальную идею движения, белый — националистическую, свастика — цель борьбы за победу арийской расы".

Вскоре штурмовики и члены партии стали носить на рукаве повязку с изображением свастики. Через два года появилось знамя нацистской партии, которое несли во время публичных шествий и которое украшало трибуны во время массовых митингов. Эмблема, заимствованная у древних римлян, состояла из черной металлической свастики, обрамленной серебряным венком, над которым возвышался орел, а внизу фигурировало сокращенное название партии — НСДАП на металлической прямоугольной основе, украшенной бахромой и кистями, и флаг со свастикой, на котором красовался лозунг: "Германия, пробудись! "

Эти символы, разумеется, не принадлежали к атрибутам высокого искусства, однако отменно служили целям пропаганды. Нацисты имели теперь символ, которого не было ни у одной партии. Крест с загнутыми прямоугольными концами, похоже, сам по себе обладал некой мистической силой, он как бы побуждал действовать мелкую буржуазию, еще недавно пребывавшую в неуверенности и неопределенности. Мелкая буржуазия начала спланиваться под знаменем этой партии.

Восхождение "фюрера"

Летом 1921 года молодой, многообещающий активист партии, проявивший свои удивительные способности не только как оратор, но и как организатор и пропагандист, стал бесспорным лидером партии. Таким образом, он преподавал своим соратникам по партии первый урок беспощадности и тактической изворотливости, благодаря чему впоследствии добился больших успехов в важных кризисных ситуациях.

В начале лета Гитлер отправился в Берлин, чтобы установить связи с националистскими элементами на севере Германии и выступить в клубе, являвшемся духовным центром националистов. Гитлер хотел выяснить возможности распространения нацистского движения за пределами Баварии. Ему казалось, что для достижения этой цели необходимо

установить полезные контакты.

Его отсутствие члены комитета нацистской партии сочли вполне подходящим для смены руководства. Стиль работы Гитлера был, по их мнению, диктаторским. Они предлагали объединиться с аналогично настроенными группами на юге Германии, в частности с социалистической партией Германии, которую создавал в Нюрнберге Юлиус Штрейхер, печально известный гонениями на евреев, смертельный враг и соперник Гитлера. Члены комитета считали, что, если удастся объединить эти возглавляемые честолюбивыми лидерами группы с нацистской партией, влияние Гитлера ослабнет.

Почувствовав угрозу своему положению в партии, Гитлер поспешил вернуться в Мюнхен, чтобы расстроить интриги этих "глупых безумцев", как он назвал их в "Майн кампф". Он заявил, что готов выйти из партии. Но этого, как быстро сообразили члены комитета, не могла себе позволить партия. Гитлер был не только наиболее сильным оратором, но и лучшим организатором и пропагандистом. Кроме того, именно ему удавалось собрать для организации значительные финансовые средства. Члены комитета полагали, что, если Гитлер выйдет из партии, набирающая силу нацистская партия, безусловно, распадется. Поэтому отставка его не была принята. Гитлер же, убедившись в прочности занимаемых им позиций, добился полной капитуляции остальных главарей партии. Он потребовал предоставления ему диктаторских полномочий, претендуя на роль единственного лидера партии, настаивал на роспуске самого комитета и прекращении заигрываний с группой Штрейхера.

По мнению членов комитета, Гитлер зашел слишком далеко. Подстрекаемые основателем партии Антоном Дрекслером, они составили обличительный документ против Гитлера, претендовавшего на роль диктатора, и распространили его. В нем содержались самые страшные обвинения, когда-либо предъявленные Гитлеру его товарищами по партии — теми, кто хорошо его знал.

"Жажда власти и личные амбиции заставили господина Адольфа Гитлера вернуться и занять свой прежний пост после шестинедельного пребывания в Берлине, цель которого до сих пор не ясна. Он считал, что пришло время внести в наши ряды сумятицу и раскол, опираясь на смутьянов, стоящих за его спиной, и играя тем самым на руку евреям и их друзьям. С каждым днем становилось все более очевидно, что цель его проста — использовать национал-социалистскую партию как трамплин для достижения собственных сомнительных целей, захватить лидерство, с тем чтобы вынудить партию пойти по другому пути...

Особенно наглядно свидетельствует об этом ультиматум, посланный руководителям партии несколько дней назад, в котором Гитлер среди прочего требует сделать его единственным лидером партии и распустить членов комитета, включая слесаря Антона Дрекслера, ее основателя и вождя...

А как он вел себя во время этой кампании? По-еврейски! Искажал и извращал факты... Национал-социалисты, задумайтесь! Не совершайте непоправимых ошибок! Гитлер — самый настоящий демагог... Он считает, что сможет и впредь предлагать вам всякого рода истории, в которых есть все что угодно, кроме правды".

Хотя выдвинутые обвинения несколько ослаблены глупым антисемитизмом (Гитлер вел себя "по-еврейски!"), в целом они справедливы. Однако публикация документа не дала противникам Гитлера желаемых результатов. Он сразу подал в суд, обвинив авторов в клевете и Дрекслер вынужден был публично отказаться от обвинений. На двух специальных собраниях партии Гитлер выдвинул условия перемирия: в устав партии необходимо внести изменения о роспуске комитета и предоставлении ему диктаторских полномочий председателя.

Оскорбленного Дрекслера сделали почетным председателем, и вскоре он перестал интересоваться делами партии {Дрекслер вышел из партии в 1923 году, однако находился на посту вице-председателя баварского ландтага с 1924 по 1928 год. В 1930 году он помирился с Гитлером, но политикой уже никогда не занимался. Как замечает Хайден, Дрекслеру выпала судьба всех первооткрывателей. — Прим. авт. }. "То была победа рыцаря над круглоголовыми", — писал позднее Хайден. Но это было нечто большее. Тогда же, в июле 1921 года, провозгласили "принцип вождя", который вначале был узаконен в нацистской партии, а затем и в третьем рейхе. На германской сцене появился "фюрер".

"Фюрер" приступил к реорганизации партии. От полутемного пивного зала "Штернекерброй", который, по словам Гитлера, больше походил на мрачный склеп, пришлось отказаться. Партия заняла более светлое и просторное помещение на Корнелиусштрассе. В рассрочку купили подержанную пишущую машинку "Адлер", приобрели сейф, шкафы для картотеки, мебель, установили телефон и наняли постоянного секретаря.

В партию начали поступать средства. Почти год назад, в декабре 1920 года, партия приобрела газету "Фелькишер беобахтер", тираж которой упал. Газета безнадежно увязла в долгах, выходила два раза в неделю и публиковала светскую хронику антисемитского содержания. Откуда поступили шестьдесят тысяч марок для покупки газеты, Гитлер держал в

тайне, однако доподлинно известно, что Экарт и Рем убедили генерал-майора Риттера фон Эппа, члена нацистской партии и начальника Рема в рейхсвере, раздобыть денег.

Вполне вероятно, что средства поступили из засекреченных военных фондов.

С начала 1923 года "Фелькишер беобахтер" стала выходить ежедневно, проповедуя идеи и взгляды партии, — таким образом, партия Гитлера получила превосходство над всеми остальными политическими партиями Германии. Однако, для того чтобы ежедневно выпускать политическую газету, требовались дополнительные ассигнования, и они поступали из довольно странных источников, как считал кое-кто из "грубых, неотесанных членов партии пролетарского происхождения". Например, от фрау Елены Бехштайн, жены состоятельного фабриканта музыкальных инструментов. Бехштайн с первой встречи понравился молодой смутьян, и она приглашала Гитлера останавливаться в их доме, когда он наведывался в Берлин, устраивала приемы, на которых он мог встретить богачей, и выделяла большие суммы на развитие движения. Часть денег, необходимых для финансирования новой ежедневной газеты, поступала от фрау Гертруды фон Зайдлиц, уроженки Прибалтики, которая владела несколькими процветающими бумажными фабриками в Финляндии.

В марте 1923 года выпускник Гарвардского университета Эрнст (Путци) Ханфштенгль, американец по матери, чья образованная и состоятельная семья владела в Мюнхене издательством, выпускающим книги по искусству, дал партии взаймы тысячу долларов для погашения закладной на "Фелькишер беобахтер" {В своих мемуарах "Неслыханный свидетель" Ханфштенгль пишет о том, что впервые его направил к Гитлеру знакомый американец, капитан Трумэн Смит, состоявший в ту пору помощником военного атташе при американском посольстве в Берлине. В ноябре 1922 года посольство командировало Смита в Мюнхен навести справки о малоизвестном политическом деятеле по фамилии Адольф Гитлер и недавно созданной им национал-социалистской рабочей партии Германии. Выбор пал на Смита потому, что тот, как никто другой, умел анализировать политическую ситуацию.

За неделю пребывания в Мюнхене (с 15 по 22 ноября) ему удалось встретиться с Людендорфом, кронпринцем Рупрехтом и еще с десятком политических деятелей Баварии, которые сообщили капитану, что Гитлер — восходящая звезда, что его движение стремительно набирает силу. Смит старался не терять времени даром и побывал на одном из нацистских сборищ, где выступал Гитлер. "Ничего подобного в жизни я не видел, —

записал он в своем дневнике после посещения митинга. — Встретился с Гитлером, и он обещал побеседовать со мной в понедельник и изложить задачи партии".

В понедельник Смит направился в резиденцию Гитлера ("небольшую, скудно обставленную спальню на втором этаже убогого строения") и имел продолжительную беседу с будущим диктатором, которого тогда мало кто знал за пределами Мюнхена. "Потрясающий демагог — такую запись сделал в своем дневнике вечером помощник военного атташе. — Редко приходилось встречать столь последовательную и фанатичную личность". Запись датирована 22 ноября 1922 года.

Перед отъездом в Берлин Смит увиделся с Ханфштенглем, рассказал о своей встрече с Гитлером и посоветовал ему присмотреться к этому человеку. Вечером нацистский вождь должен был выступать на митинге, и капитан Смит передал Ханфштенглю свой журналистский пропуск. Последнего, как и многих других, поразило красноречие Гитлера; он разыскал его после митинга и вскоре стал сторонником нацизма.

Вернувшись в Берлин, где не знали о деятельности Гитлера, капитан Смит составил подробное донесение, которое 25 ноября 1922 года было направлено посольством в Вашингтон. Принимая во внимание время написания донесения, его можно считать своего рода уникальным.

"Самой активной политической силой в Баварии в настоящее время, — писал Смит, — является национал-социалистская рабочая партия Германии. Так как это в меньшей степени политическая партия, нежели народное движение, ее следует рассматривать в качестве баварского двойника итальянского фашизма... За последние месяцы партии удалось приобрести политическое влияние, явно не соответствующее ее численному составу...

С самого начала доминирующую роль в данном движении играл Адольф Гитлер. Не подлежит сомнению, что эта личность — один из важнейших факторов, содействующих успеху партии... Способность его воздействовать на широкие массы просто удивительна. В частной беседе Гитлер показал себя убежденным и последовательным, а в моменты откровенности производил весьма глубокое впечатление на нейтрального слушателя своей фанатичностью". — Прим. авт. }.

В период инфляции это была в переводе на марки огромная сумма. И партия, и ее газета получили колоссальную финансовую поддержку. Однако дружеское расположение семьи Ханфштенгль выходило за рамки предоставления финансовой помощи. Это было одно из первых состоятельных семейств Мюнхена, которое открыло двери своего дома

крикливому молодому политику. Путци стал приятелем Гитлера и со временем при содействии фюрера возглавил управление зарубежной информации нацистской партии.

Эксцентричный, неуклюжий, обладавший едким юмором, который в какой-то степени компенсировал ему уязвимость кругозора, Ханфштенгль виртуозно играл на пианино. Даже после того, как его друг пришел к власти в Берлине, он нередко, принеся извинения, покидал нашу компанию по непредвиденному вызову фюрера. Говорили, что игра на пианино — а Ханфштенгль славился темпераментным исполнением — и дурачества успокаивали и даже веселили Гитлера после утомительного дня. Впоследствии этому чудаковатому, но талантливому выпускнику Гарварда, как и многим другим друзьям юности Гитлера, пришлось покинуть Германию, чтобы спасти собственную жизнь {Какое-то время ходили слухи, что в период второй мировой войны Ханфштенгль был интернирован и находился в Вашингтоне, однако на самом деле он состоял при правительстве США советником по нацистской Германии. Американцам, знавшим Ханфштенгля и нацистскую Германию, такая его роль на склоне лет казалась нелепой. Очевидно, это забавляло и его самого. — Прим. авт. }.

Большинство тех, кому было суждено стать ближайшими сподвижниками Гитлера, в то время уже являлись членами партии или вскоре вступят в нее. Рудольф Гесс состоял в партии с 1920 года. Сын немецкого оптового торговца, проживавшего в Египте, Гесс провел там первые четырнадцать лет своей жизни, а затем переехал в Рейнскую область, чтобы продолжить учебу. В годы войны он некоторое время служил вместе с Гитлером в полку Листа, хотя тогда они еще не были знакомы, а после второго ранения стал летчиком. По окончании войны Гесс поступил в Мюнхенский университет на экономический факультет, однако большую часть времени тратил на распространение антисемитских листовок и участие в стычках с разными вооруженными бандами, которых было в тот период в Баварии предостаточно. Гесс оказался в самой гуще перестрелки, когда 1 мая 1919 года в Мюнхене свержали правительство советов. Его даже ранило в ногу.

В один из вечеров год спустя Гесс отправился на митинг, где; выступал Гитлер, увлекся его красноречием и решил вступить в нацистскую партию. Вскоре он стал близким другом Гитлера, его преданным последователем и секретарем. Именно Гесс познакомил Гитлера с геополитическими взглядами генерала Карла Хаусхофера, в ту пору профессора геополитики Мюнхенского университета.

Гитлера взволновало эссе Гесса на тему "Что должен представлять собой человек, которому суждено вернуть Германии ее прошлое величие?", отмеченное премией.

"Когда от бывшего правительства не останется и следа, новую власть сможет установить лишь человек, вышедший из недр народа...

Чем глубже корни диктатора в широких массах, тем лучше он понимает, как обходиться с ними в психологическом плане. Чем больше будут доверять ему рабочие, тем больше сторонников завоюет он среди этих наиболее энергичных слоев населения. Сам же он с массами ничего общего иметь не будет, поскольку, как любой великий деятель, он — прежде всего личность... В случае необходимости он не содрогнется перед кровопролитием. Серьезные вопросы всегда решаются кровью и железом... Для достижения своей цели он готов пожертвовать самыми близкими друзьями... Законодатель обязан обладать неумолимой решительностью и твердостью... Если понадобится он должен топтать их... солдатскими сапогами..."

Это был словесный портрет лидера, каким Гитлер в тот момент еще не являлся, однако хотел стать и стал. Вполне естественно, что он заинтересовался молодым человеком. При всей своей серьезности и усердии Гесс был заурядным исполнителем, с готовностью и фанатизмом воспринимавшим любые безумные идеи. До самых последних дней он оставался одним из наиболее лояльных последователей Гитлера и принадлежал к числу тех немногих, кого не снедали личные амбиции.

Альфред Розенберг, хотя его зачастую называли "интеллектуальным вождем" нацистской партии и "философом", также был человеком весьма средних способностей. С некоторым основанием его можно считать русским. Подобно многим русским интеллектуалам, он был выходцем из немецкой Прибалтики. Родился Розенберг в семье башмачника 12 января 1893 года в Эстонии, которая с 1721 года входила в состав Российской империи, в Ревеле (ныне Таллинн). Он предпочел продолжить учебу не в Германии, а в России и получил диплом архитектора, окончив в 1917 году Московский университет. Розенберг жил в Москве, когда большевики совершили революцию, и не исключено, как впоследствии заявляли его противники по нацистской партии, что он подумывал стать молодым революционером-большевиком. Однако в феврале 1918 года Розенберг вернулся в Ревель и хотел вступить добровольцем в германскую армию, когда немцы заняли город. Но в армию его не взяли как "русского", и в конце 1918 года Розенберг перебрался в Мюнхен, где первое время, вращаясь в кругах белых эмигрантов, проявлял большую активность,

В тот период Розенберг познакомился с Дитрихом Экартом, а через него с Гитлером и в конце 1919 года вступил в партию. Совершенно очевидно, что человек, имеющий диплом архитектора, мог произвести впечатление на того, кому не удалось даже поступить в архитектурный институт. Эрудиция Розенберга также поразила Гитлера, и ему понравилась в молодом человеке ненависть, которую тот питал по отношению к евреям и большевикам. Незадолго до смерти Экарта, в конце 1923 года, Гитлер назначил Розенберга редактором "Фелькишер беобахтер" и в течение многих лет продолжал поддерживать этого тупицу, сделав мнимого философа идеологом нацистского движения и одним из главных авторитетов в области внешней политики.

Как и Рудольф Гесс, Герман Геринг приехал в Мюнхен по окончании войны, чтобы изучать экономику в университете, и подпал под влияние Адольфа Гитлера. Один из национальных героев, последний командир прославленной истребительной эскадрильи "Рихтхофен", Герман Геринг труднее, чем другие ветераны войны, приспосабливался к будням мирной жизни.

Какое-то время он работал пилотом на транспортных самолетах в Дании, потом в Швеции. Однажды Геринг перевозил графа Эрика фон Розена в его поместье, расположенное под Стокгольмом, и, остановившись там в качестве гостя, влюбился в сестру графа Карин фон Кантцов, урожденную баронессу Фок, признанную красавицу Швеции. Однако возникли кое-какие осложнения. Карин страдала эпилепсией, была замужем и имела восьмилетнего сына. Тем не менее ей удалось расторгнуть брак и выйти замуж за галантного молодого летчика. Весьма состоятельная особа вместе с новым супругом перебралась в Мюнхен, где они жили ни в чем себе не отказывая и где Геринг начал посещать занятия в университете.

Это продолжалось недолго. В 1921 году Геринг встретился с Гитлером и вступил в нацистскую партию. Он делал щедрые взносы в казну партии, субсидировал самого Гитлера, энергично помогал Рему организовывать штурмовые отряды, а через год стал руководить ими.

Множество менее известных лиц, в большинстве своем с весьма сомнительной репутацией, объединились вокруг партийного диктатора. Макс Аманн, в прошлом унтер-офицер и начальник Гитлера, когда тот служил в полку Листа, несмотря на неотесанность и дубоватость, оказался довольно способным организатором. Его назначили управляющим делами партии и газеты "Фелькишер беобахтер", и Аманну довольно быстро удалось навести порядок в финансовых средствах партии и газеты.

Своим личным телохранителем Гитлер выбрал Ульриха Графа, борца-любителя, ученика мясника и известного дебошира. Придворным фотографом, который на протяжении долгих лет один снимал фюрера, Гитлер сделал хромого Генриха Гофмана, по-собачьи преданного ему, благодаря чему Гофман стал миллионером.

Другим приближенным Гитлера был скандалист по фамилии Кристиан Вебер, торговец лошадьми, в прошлом вышибала в одном из дешевых мюнхенских ресторанов, большой любитель пива и спиртного. В те дни близким к Гитлеру человеком считался и Герман Эссер, который, как фюрер, славился ораторским искусством и антисемитскими статьями, занимавшими видное место на страницах "Фелькишер беобахтер". Эссер не делал секрета из того, что какое-то время жил на средства своих любовниц. Пресловутый мастер шантажа, он прибегал к угрозам "разоблачения" даже по отношению к товарищам по партии, которые в чем-то перешли ему дорогу. Некоторые более порядочные члены партии настолько не переносили Эссера, что потребовали его исключения.

"Я знаю, что Эссер — негодяй, — публично заявил Гитлер. — Однако я буду держать его до тех пор, пока он мне нужен". Так относился Гитлер почти ко всем своим соратникам, независимо от того, каким бы темным ни было их прошлое, да и настоящее. Для Гитлера не имело значения, являлись ли они убийцами, сутенерами, извращенцами, наркоманами или просто дебоширами, пока они служили достижению его целей.

Так, например, Гитлер почти до самого конца держал при себе Юлиуса Штрейхера. Этому развращенному садисту, в прошлом преподавателю начальной школы, в период с 1922 по 1939 год, когда наконец закатилась его звезда, сопутствовала дурная слава среди окружения фюрера.

Известный развратник, похвалявшийся любовными похождениями и шантажировавший даже мужей своих бывших любовниц, прославился и разбогател на том, что был отъявленным фанатиком-антисемитом. Его пресловутый еженедельник "Дерштюрмер" преуспевал, публикуя сенсационные, сомнительного толка истории о преступлениях, совершенных сексуально озабоченными евреями, и еврейских "ритуальных убийствах". Непристойные статьи еженедельника вызывали отвращение у многих нацистов. Штрейхер был также печально известен своим увлечением порнографией.

Штрейхер прославился в качестве некоронованного короля Франконии со штаб-квартирой в Нюрнберге, где его слово было законом и где всякий, кто вставал на его пути или вызывал его недовольство, мог оказаться за решеткой и подвергнуться пыткам. Только на скамье подсудимых в

Нюрнберге, где проходил суд над военными преступниками, я увидел Штрейхера без хлыста, обычно же он держал его в руке или за поясом и, посмеиваясь, хвастался, как порол неугодных.

Таким было окружение Гитлера в первые годы кампании, направленной на установление диктаторской власти в Германии — стране, подарившей человечеству Лютера, Канта, Гете и Шиллера, Баха, Бетховена и Брамса.

1 апреля 1920 года, в день, когда рабочая партия Германии была переименована в национал-социалистскую рабочую партию, Гитлер навсегда оставил службу в армии. Впоследствии он все свое свободное время посвятит работе в нацистской партии, хотя ни тогда, ни позже не будет получать за это зарплату.

На что же в таком случае жил Гитлер? Члены партии иногда сами задавали этот вопрос. В обвинении, составленном в июле 1921 года членами партийного комитета, не согласными с Гитлером, этот вопрос был сформулирован со всей прямотой: "Если кто-то из членов партии спрашивал Гитлера о том, на какие средства он живет или чем он занимался в прошлом, он раздражался и возмущался. До сих пор на эти вопросы не получено определенного ответа. Таким образом, его совесть не может быть чиста, особенно если учитывать, что многочисленные знакомства с дамами, в присутствии которых он нередко называл себя "королем Мюнхена", стоят немалых денег".

Гитлер ответил на эти вопросы в ходе судебного разбирательства по делу о клевете, которое он возбудил против авторов обвинения. На вопрос, заданный в суде относительно средств его существования, он ответил следующим образом: "Я выступаю на митингах национал-социалистской партии бесплатно. Но мне также приходится выступать и в других организациях... и тогда, разумеется, я получаю гонорар. Обедаю я поочередно с различными товарищами по партии.

Кроме того, мне оказывают скромную помощь несколько друзей по партии".

Подобное утверждение, вероятно, было недалеко от истины. Такие весьма состоятельные друзья Гитлера, как Дитрих Экарт, Геринг и Ханфштенгль, несомненно, "давали деньги в долг" для оплаты квартиры, покупки одежды и продуктов питания. Потребности же Гитлера были весьма скромными. До 1929 года он занимал двухкомнатную квартиру на Тирштрассе в районе рядом с рекой Изар, где проживала мелкая буржуазия. Зимой Гитлер носил старый плащ, хорошо известный впоследствии по многочисленным фотографиям. Летом его часто можно было встретить в

кожаных шортах, которые так любят баварцы.

В 1923 году Экарт и Эссер случайно натолкнулись на постоянный двор "Платтерхоф" под Берхтесгаденом и превратили в летнюю резиденцию Гитлера и его друзей. Гитлеру очень понравилось живописное местечко в горах; впоследствии он построил здесь себе большую виллу — "Бергхоф", ставшую ему родным домом, где в предвоенные годы фюрер проводил большую часть времени.

Однако в те бурные годы (1921–1923) у Гитлера оставалось мало времени для отдыха и развлечений. Нужно было создавать партию и контролировать ситуацию в ней вопреки завистливым соперникам, столь же беспринципным, как и сам Гитлер. НСДАП являлась в то время не единственной партией среди многих движений правых в Баварии, которая боролась за общественное признание и поддержку.

В обязанность любого политического деятеля входит рассмотрение, анализ и использование в своих целях стремительного хода событий и постоянно меняющихся ситуаций. В апреле 1923 года союзники представили Германии счет по репарациям на огромную сумму в размере 132 миллиардов золотых марок, то есть 33 миллиардов американских долларов, что буквально всколыхнуло страну, поскольку она, естественно, не могла выплатить такие деньги.

Курс марки (обычно за четыре немецкие марки давали один доллар) начал падать. К лету 1921 года он упал до соотношения 75: 1, а через год — 400: 1.

В августе 1921 года был убит Эрцбергер, в июне 1922 года совершено покушение на Филипа Шейдемана — социалиста, провозгласившего Веймарскую республику. 24 июня был застрелен на улице министр иностранных дел Ратенау. Во всех трех убийствах оказались замешаны представители крайне правых. Непрочное правительство страны, находящееся в Берлине, наконец ответило на этот вызов, приняв специальный закон по охране республики, предусматривавший суровые наказания за политические акты насилия. Берлин потребовал роспуска многочисленных военных формирований, а также прекращения политического гангстеризма.

Баварскому правительству, которое возглавлял граф Лерхенфельд, известный умеренными взглядами и заменивший на этом посту в 1921 году экстремиста Кара, трудно было придерживаться линии общенационального правительства. Когда оно попыталось провести в жизнь закон против терроризма, правые, к числу которых принадлежал теперь и Гитлер, организовали заговор по низвержению Лерхенфельда и марш протеста в

Берлин, чтобы свергнуть республику.

Демократическая Веймарская республика оказалась в тяжелом положении, самому ее существованию постоянно угрожали не только правые, но и левые экстремисты.

Часть 3. Версаль, Веймар и "Пивной путч"

Большинство населения стран-союзниц, победивших в войне, расценивало провозглашение 9 ноября 1918 года республики в Берлине как начало новой эры для немецкой нации. Вудро Вильсон в посланиях, предшествовавших подписанию перемирия, настаивал на свержении милитаристской автократии Гогенцоллернов, и немцы, пусть неохотно, похоже, подчинились этому требованию. Кайзер вынужден был отречься от престола и спастись бегством; монархия оказалась низложена, все существующие в Германии династии лишены власти, провозглашено республиканское правительство.

Однако провозглашено по воле случая 9 ноября, после обеда, так называемые социал-демократы большинства, возглавляемые Фридрихом Эбертом и Филипом Шейдеманом, собрались в Берлине, в рейхстаге, сразу после ухода в отставку канцлера принца Макса Баденского. Социал-демократы гадали, как им поступить. Принц Макс только что сделал заявление об отречении кайзера от престола.

Эберт, шорник по профессии, ратуя за установление конституционной монархии британского типа, считал, что власть должна перейти к одному из сыновей Вильгельма (за исключением, пожалуй, распутного кронпринца). Эберт, хотя и являлся лидером социалистов, питал отвращение к революционным преобразованиям общества. "Я ненавижу революцию как грех", — однажды заявил он.

Однако революционные настроения витали в воздухе. Столица была охвачена всеобщей забастовкой. В нескольких кварталах от Рейхстага, вниз по улице Унтер-ден-Линден, члены "Союза Спартака" под руководством левых социалистов Розы Люксембург и Карла Либкнехта заседали в императорском дворце, готовясь провозгласить советскую республику. {9 ноября 1918 года Карл Либкнехт от имени революционного пролетариата провозгласил Германию социалистической республикой. — Прим. ред. }. Когда об этом узнали социал-демократы, находившиеся в здании рейхстага, они пришли в ужас. Необходимо было незамедлительно принять меры, чтобы упредить спартаковцев

У Шейдемана созрел план. Не посоветовавшись с товарищами он бросился к окну, выходившему на Кенигсплац, где в тот момент собралась большая толпа, и, высунувшись, как бы в порыве вдохновения от собственного имени провозгласил республику. Эберт был разгневан. Он все

еще надеялся каким-то образом спасти монархию.

Именно так, вроде по счастливой случайности, и возникла германская республика. Если сами социалисты и не были убежденными сторонниками республиканского строя, то довольно трудно ожидать этого от консерваторов. Последние, однако, сняли с себя ответственность за случившееся. Вместе с военачальниками Людендорфом и Гинденбургом они навязали политическую власть колеблющимся социал-демократам.

Таким образом, им удалось переложить на плечи лидеров рабочего класса {Речь идет о правых социал-демократических лидерах Эберте, Шейдемане, Ландсберге и других. — Прим. тит. ред.} бремя ответственности за подписание договора о капитуляции, а впоследствии и мирного договора, тем самым поставив им в вину поражение Германии и все лишения и страдания, выпавшие на долю немецкого народа в результате проигранной войны и навязанного победителями мира. Дешевый трюк, распознать смысл которого не составило бы труда даже для ребенка, однако в Германии он удался. Республику с самых первых шагов обрекли на гибель.

Но это, очевидно, не было неизбежно. В ноябре 1918 года социал-демократы, обладая всей полнотой власти, могли быстро заложить основы стабильной демократии, но для этого им требовалось подавить или по крайней мере нейтрализовать сопротивление сил, поддерживающих империю Гогенцоллернов и не проявляющих лояльность по отношению к демократической Германии. К ним относились феодальные землевладельцы-юнкеры и другие представители высшей знати, магнаты, управлявшие крупными промышленными картелями, воинствующие кондотьеры добровольческого корпуса, высокопоставленные чиновники имперской гражданской службы и прежде всего военные и члены генерального штаба.

Социал-демократам предстояло положить конец существованию многих крупных поместий, которые превратились в убыточные и неэкономичные, ликвидировать промышленные монополии и картели, очистить чиновничий аппарат, судебные и полицейские органы, университеты и армию от всех, кто не желал честно служить новому, демократическому строю.

Однако социал-демократам, в большинстве своем оставшимся наивными профсоюзными деятелями, которые привыкли повиноваться старым органам власти, что, кстати, вошло в плоть и кровь немцев выходцев из различных классов, это оказалось не по плечу. Они начали передавать свои полномочия той силе, которая являлась доминирующей в

современной Германии, а именно армии. Потерпев поражение на полях сражений, военные все еще надеялись сохранить свои позиции внутри страны и покончить с революцией. Во имя достижения этих целей руководство армии действовало быстро и решительно.

В ночь на 9 ноября 1918 года, через несколько часов после провозглашения республики, в кабинете Эберта в рейхсканцелярии в Берлине раздался телефонный звонок. Это был особый телефон — специальная секретная линия связи со ставкой верховного главнокомандующего в Спа. Эберт находился в кабинете один. Он поднял трубку.

— Говорит Гренер, — раздался властный голос.

Услышанное поразило шорника, который все еще находился под впечатлением событий минувшего дня: неожиданно и без согласия с его стороны на Эберта возложили политические полномочия.

Генерал Вильгельм Гренер сменил Людендорфа на посту первого генерал-квартирмейстера. Еще раньше, в тот самый день, когда фельдмаршал фон Гинденбург колебался, именно генерал информировал кайзера о том, что войска ему больше не подчиняются и он вынужден подать в отставку, — смелый поступок, который военная элита ему так и не простила. Эберт и Гренер относились друг к другу с взаимным уважением — генерал, отвечавший с 1916 года за военное производство, работал с лидером социалистов в тесном контакте. В начале ноября, за несколько дней до описываемых событий, они обсуждали в Берлине, как спасти монархию и отечество.

И вот в критический для отечества момент их связала секретная телефонная линия. И именно тогда руководитель социалистов и второй по положению в германской армии человек заключили соглашение, которому, несмотря на то что оно в течение многих лет оставалось для общественности тайной, суждено было определить судьбы нации. Эберт согласился покончить с анархией и большевизмом и сохранить традиционную роль армии. Гренер со своей стороны заверил его в поддержке военных, которые будут содействовать укреплению нового правительства и реализации его цели.

— Останется фельдмаршал Гинденбург на посту командующего? — поинтересовался Эберт.

Генерал Гренер заверил, что останется.

— Передайте фельдмаршалу благодарность от имени правительства, — попросил Эберт.

Германская армия была спасена, зато республика с первых дней

существования обречена на гибель. Генералы, за исключением самого Гренера и еще нескольких военных, никогда не относились к республике лояльно. В конце концов, предводительствуемые Гинденбургом, они предали ее и содействовали приходу к власти нацистов.

Тогда же Эберт и его коллеги-социалисты наверняка опасались повторения того, что совсем недавно произошло в России. Они не хотели становиться германскими керенскими. Они не желали уступать власть большевикам. По всей Германии возникали Советы солдатских и рабочих депутатов, которые, как в России, начали брать, власть в свои руки.

10 ноября эти группы избрали Совет народных уполномоченных с Эбертом во главе, который в течение некоторого времени находился у власти. В декабре в Берлине собрался Первый съезд Советов Германии. На съезде были представлены делегаты Советов солдатских и рабочих депутатов, которые потребовали отставки Гинденбурга, роспуска регулярной армии и замены ее гражданской гвардией, в которой офицеры избирались бы рядовыми солдатами, осуществления контроля над гвардией силами Советов.

Гинденбург и Гренер сочли эти требования неприемлемыми и отказались признать полномочия съезда Советов, а сам Эберт ничего не предпринял для выполнения этих требований. Однако армия, борясь за свое существование, настаивала на принятии правительством, которое она согласилась поддерживать, более решительных мер.

За два дня до рождества народная дивизия морской пехоты, находившаяся в тот момент под контролем коммунистов из "Союза Спартака", заняла Вильгельмштрассе, захватила рейхсканцелярию и нарушила телефонную связь. Но секретная телефонная линия, связывающая рейхсканцелярию с генеральным штабом, продолжала действовать, и Эберт, воспользовавшись ею, обратился за помощью. Военные пообещали освободить их силами Потсдамского гарнизона, однако моряки, поднявшие мятеж, не стали этого дожидаться и вернулись в казармы, размещавшиеся на конном дворе императорского дворца, который по-прежнему удерживали спартаковцы.

"Союз Спартака" во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург подталкивал к созданию советской республики. Нарастала и военная мощь спартаковцев в Берлине. В сочельник дивизия морской пехоты довольно легко отразила попытку регулярных войск выбить ее из императорских конюшен.

Гинденбург и Гренер оказывали на Эберта давление, требуя, чтобы тот, соблюдая условия соглашения, подавил сопротивление большевиков. Лидер

социал-демократов только этого и ждал. На третий день рождества он назначил Густава Носке министром обороны Германии, и с этого момента события развивались в такой логической последовательности, какой ожидали от действий нового министра.

Носке, мясник по профессии, проложивший себе путь в профсоюзное движение и социал-демократическую партию, в 1906 году стал депутатом рейхстага, где был признан экспертом партии по военным вопросам. Его по праву считали ярким националистом и человеком сильной воли. Принц Макс Баденский воспользовался его помощью, чтобы подавить мятеж на флоте в Киле в первые дни Ноябрьской революции, с чем Носке успешно справился. Коренастый, с тяжелой челюстью, обладавший завидной физической силой и энергией, но весьма ограниченным умом, по мнению противников, типичный представитель своей профессии, Носке, получив назначение на пост министра обороны, заявил, что "кто-то же должен быть ищейкой".

В начале января 1919 года он нанес решительный удар. Во время "кровавой недели" (с 10 по 17 января), как ее называли в Берлине, войска регулярной армии и добровольческого корпуса под руководством Носке и под командованием генерала фон Лютвица {Через год генерал Вальтер фон Лютвиц, реакционный офицер старой школы, сделает заявление, из которого станет ясно, насколько он был лоялен к республике в Целом и к Носке в частности, когда возглавляемый им добровольческий корпус, оказывая военную поддержку Капповскому путчу, захватил Берлин. Эберт, Носке и Другие члены правительства вынуждены были спасаться бегством в пять часов утра 30 марта 1920 года. Генерал фон Сект, начальник штаба сухопутных войск, формально подчинявшийся министру обороны Носке, отказался отдать приказ войскам защищать Республику. Та памятная ночь показала банкротство всей моей политики, — кричал Носке. — Моя вера в офицерский корпус пошатнулась. Вы все предали меня". (Цит. по: Уилер — Беннет И. Возмездие силы. С. 77.) — Прим. авт. "} разгромили спартаковцев. Роза Люксембург и Карл Либкнехт были захвачены и убиты офицерами гвардейской кавалерийской дивизии.

Как только в Берлине стихли бои, по всей Германии прошли выборы в Учредительное национальное собрание, которое должно было подготовить новую конституцию. Выборы, состоявшиеся 19 января 1919 года, показали, что средние и высшие слои общества осмелели за два с небольшим месяца, прошедшие после революции. Социал-демократы (социал-демократы большинства и независимые социалисты), единолично правившие страной, поскольку ни одна из партий не желала разделить с ними бремя забот,

набрали 13 миллионов 800 тысяч голосов из 30 миллионов и получили в Национальном собрании 185 мест из 421, что составляло значительно меньше необходимого большинства. Стало очевидно, что новую Германию нельзя построить лишь с помощью рабочего класса.

Две буржуазные партии — партия "Центр", представлявшая собой политическое движение римской католической церкви, и демократическая партия, возникшая в декабре в результате слияния старой прогрессивной партии и левых национал-либералов, набрали 11, 5 миллиона голосов и получили 165 мест в Национальном собрании. Обе партии открыто заявили о своей поддержке умеренной демократической республики, хотя раздавалось немало призывов возвратиться к монархическому правлению.

Консерваторы, лидеры которых во время Ноябрьской революции затаились или, подобно графу фон Вестарпу, обратились за защитой к Эберту, несмотря на сокращение численного состава, доказали, что с ними вовсе не покончено. Переименовав себя в немецкую национальную народную партию, они набрали свыше 3 миллионов голосов и получили 44 депутатских места. Союзники правых консерваторов, национал-либералы, именовавшиеся теперь немецкой народной партией, получили почти 1, 5 миллиона голосов и 19 мест в собрании. Обе консервативные партии, хотя и находились в меньшинстве, набрали в Национальном собрании достаточно голосов, чтобы их услышали.

Действительно, не успели депутаты Национального собрания собраться 6 февраля 1919 года на заседание в Веймаре, как лидеры этих двух группировок вскочили со своих мест, чтобы защитить кайзера Вильгельма II и действия его генералов во время войны. Густав Штресман, лидер немецкой народной партии, еще не успел пережить то, что позднее многие расценили как полное преображение. В 1919 году его, долгое время считавшегося глашатаем верховного командования в рейхстаге и человеком Людендорфа, по-прежнему называли ярким приверженцем политики аннексии, фанатиком беспощадной подводной войны.

Конституция, принятая Национальным собранием 31 июля 1919 года после шестимесячного обсуждения и ратифицированная президентом 31 августа, на бумаге являлась самым либеральным и демократичным документом XX века, в техническом отношении почти совершенным, полным оригинальных и достойных восхищения приемов, которые, казалось, гарантировали почти совершенную демократию. Идея создания правительственного кабинета была заимствована у Англии и Франции, образ наделенного большими полномочиями президента родился под

влиянием опыта США, представление о референдуме — из опыта Швейцарии. Разработали замысловатую систему пропорционального представительства и голосования списком, с тем чтобы предотвратить напрасную потерю голосов избирателей и обеспечить право быть представленными в парламенте национальным меньшинствам {Разумеется, она не была лишена недостатков, и некоторые из них в конечном счете привели к плачевным результатам. Система пропорционального представительства и голосования списком, возможно, предотвращала необоснованную потерю голосов, однако способствовала созданию многочисленных мелких партий, что со временем не позволило поддерживать постоянное большинство в рейхстаге и привело к частым сменам правительства. На национальных выборах 1930 года в списке значилось двадцать восемь политических партий.

Республика, очевидно, могла бы обладать большей стабильностью, если бы не были отвергнуты идеи профессора Гуго Пройса, разработавшего основные положения конституции. Пройс предложил превратить Германию в централизованное государство, а Пруссию и другие земли преобразовать в провинции. Однако Национальное собрание отклонило его предложение.

В довершение президент в соответствии со статьей 48 конституции наделялся диктаторскими полномочиями в случае введения чрезвычайного положения. Использование данной статьи канцлерами Брюнингом, Папеном и Шлейхером во время правления Гинденбурга позволяло им управлять страной без одобрения рейхстага и, таким образом, до прихода Гитлера к власти положило конец демократическому правлению в Германии. — Прим. авт. }.

Формулировки статей Веймарской конституции для любого демократически настроенного человека звучали свежо и многозначительно. Народ объявлялся суверенным: "Политическая власть исходит от народа". Избирательное право предоставлялось мужчинам и женщинам в возрасте более двадцати лет. "Все граждане Германии равны перед законом... Свобода личности неприкосновенна... Каждый вправе свободно выражать собственное мнение... Все в Германии имеют право создавать ассоциации или общества... Все жители рейха пользуются полной свободой совести и вероисповедания..."

Казалось, нет в мире людей более свободных, чем немцы, нет правительства более демократичного и либерального, чем нынешнее. Так выглядело, по крайней мере, на бумаге.

Теневая сторона Версальского договора

До завершения работы над Веймарской конституцией произошло событие, имевшее гибельные последствия для конституции и республики, которую собрались создать. Этим событием явилось заключение Версальского договора. В первые мирные дни, исполненные хаоса и беспокойства, и даже после обсуждения в Веймаре Национальным собранием проекта конституции народ, вероятно, мало волновали последствия поражения Германии в войне. А если и волновали, то немцы, видимо, самодовольно верили, да и союзники убеждали их в этом, что, свергнув династию Гогенцоллернов, избавившись от большевиков и приступив к формированию демократического республиканского правительства, они вправе рассчитывать на заключение справедливого мирного договора, в котором точкой отсчета являлось бы не поражение Германии в войне, а знаменитые "четырнадцать пунктов" президента Вильсона.

Похоже, немцы не хотели вспоминать о том, что произошло год назад, 3 марта 1918 года, когда празднующее в ту пору свою победу верховное командование Германии навязало потерпевшей поражение России в Брест-Литовске мирный договор. По мнению английского историка, описавшего данные события двадцать лет спустя, когда улеглись военные страсти, данный договор являлся "унизительным, не имеющим прецедента, равного которому не было в современной истории".

По условиям договора Россия лишалась территории, примерно равной территории Австро-Венгрии и Турции, вместе взятых, на которой проживало 56 миллионов человек, или 32 процента всего населения; лишалась трети всех железных дорог, 73 процентов залежей железной руды, 89 процентов общего производства угля, более 5 тысяч заводов и промышленных предприятий. Кроме того, Россия обязана была выплатить Германии контрибуцию в размере 6 миллиардов марок.

Час расплаты наступил для немцев в конце весны 1919 года. Условия Версальского договора, составленные союзниками без какого-либо обсуждения с немецкой стороной, были опубликованы в Берлине 7 мая. Договор явился сокрушительным ударом для народа, который не желал отказываться от иллюзий до последнего момента. По всей стране были организованы массовые митинги, на которых выступающие протестовали против условий договора и требовали, чтобы Германия отказалась ставить под ним свою подпись.

Шейдеман, ставший рейхсканцлером на Веймарском учредительном собрании, гневно воскликнул: "Да отсохнет рука у подписавшего этот договор! "

8 мая, Эберт, президент временного правительства, и члены правительства публично назвали условия договора "неосуществимыми и невыносимыми". На следующий день германская делегация в Версале направила несгибаемому Клемансо послание, в котором объявляла, что данный договор является "неприемлемым для любой нации".

Что же неприемлемого было в этом договоре? Согласно условиям Версальского договора Германия возвращала Франции Эльзас и Лотарингию, Бельгии — часть территории, Дании — часть Шлезвига (после плебисцита), которую в прошлом веке, одержав победу в войне, отобрал у нее Бисмарк. Польше возвращались земли (часть из них только после плебисцита), которые были захвачены Германией при ее разделе. Этот пункт договора больше всего выводил из себя немцев не только потому, что они возражали против отделения части Восточной Пруссии от Германии коридором, который давал Польше выход к морю, но и потому, что они презирали поляков, считая их низшей расой. Не меньше злило немцев и то обстоятельство, что по условиям договора ответственность за развязывание войны ложилась на Германию и им надлежало выдать союзникам кайзера Вильгельма II и 800 других военных преступников.

Размер репараций предстояло определить позднее, однако первый взнос — 5 миллиардов долларов золотом необходимо было внести в период с 1919 по 1921 год. Кроме того, вместо выплаты репараций наличными предусматривалось, что некоторые суммы будут погашены натурой — углем, судами, лесом, скотом и так далее.

Однако самое обидное в Версальском договоре, по мнению немцев, состояло в том, что Германию практически разоружили {Вооруженные силы Германии ограничивались сотысячной армией добровольцев, зачисляемых на долгосрочную службу; запрещалось иметь на вооружении самолеты и танки. Генеральный штаб подлежал роспуску. Военно-морской флот ограничивался небольшими силами; не допускалось строительство подводных лодок и судов водоизмещением более 10 тысяч тонн. — Прим. авт. }, а это лишало ее гегемонии в Европе. Тем не менее ненавистный Версальский договор в отличие от договора, навязанного Германией России, позволял рейху сохранить в целом свой географический и экономический статус, а также политическое единство и потенциальную мощь великой державы.

Временное правительство в Веймаре, не считая Эрцбергера, который настаивал на принятии договора на том основании, что условия его в скором времени можно будет легко обойти, решительным образом возражало против Версальского "диктата", как его теперь называли.

Подобная позиция правительства опиралась на мнение подавляющего большинства населения, придерживающегося как правых, так и левых взглядов.

Как же обстояло дело с вооруженными силами Германии? В случае если условия договора будут отклонены, сможет ли армия противостоять нападению союзников с запада? Эберт задал этот вопрос верховному главнокомандованию, штаб-квартира которого находилась теперь в Кольберге в Померании. 17 июня фельдмаршал фон Гинденбург с подачи генерала Гренера, по мнению которого военное сопротивление Германии было бы бессмысленным, ответил следующим образом: "В случае начала военных действий мы могли бы захватить область Позен (в Польше) и занять оборону на наших восточных рубежах. Что касается военных действий на западе, нам вряд ли следует рассчитывать на то, что мы в состоянии противостоять серьезному наступлению противника, исходя из численного превосходства стран Антанты и возможности окружить нас с флангов.

Таким образом, успех подобной операции весьма сомнителен. Однако, как солдат, я не могу не заметить, что лучше с честью погибнуть, чем принять позорный мир".

Заявление достопочтенного главнокомандующего было выдержано в лучших традициях германской военщины, однако о его искренности следует, очевидно, судить по тому факту, который не стал достоянием немецкой общественности. Дело в том, что Гинденбург разделял точку зрения Гренера: попытка оказать сопротивление союзникам не только безнадежна, но и может привести к уничтожению цвета армейского офицерства, столь высоко ценимого ими, а по существу, и самой Германии.

Союзники же требовали в тот момент от Германии однозначного ответа. 16 июня, накануне письменного послания Гинденбурга Эберту, они поставили немцам ультиматум: либо условия договора принимаются к 24 июня, либо соглашение о перемирии теряет силу, и тогда союзники "предпримут шаги, которые они сочтут целесообразными для соблюдения положений договора".

И вновь Эберт обратился за советом к Гренеру. Если, по мнению верховного командования, существует хоть какая-то возможность оказать успешное военное сопротивление союзникам, Эберт обещает попытаться обеспечить отклонение договора Национальным собранием. Но ответ президент должен получить незамедлительно. Настал последний день ультиматума — 24 июня. Кабинет министров собрался в половине пятого вечера для принятия окончательного решения. Гренер испросил мнение

Гинденбурга.

"Вам не хуже меня известно, что военное сопротивление невозможно", — заявил престарелый фельдмаршал. И снова, как 9 ноября 1918 года в Спа, когда у Гинденбурга не хватило сил сказать кайзеру горькую правду и он поручил эту неприятную миссию Гренеру, фельдмаршал отказался сообщить реальное положение дел президенту временного правительства республики. "Вы, как и я, в состоянии ответить президенту", — заявил он Гренеру.

И вновь генерал осмелился взять на себя бремя ответственности, возложенное на фельдмаршала, хотя, очевидно, отдавал себе отчет в том, что в итоге может стать козлом отпущения для военной элиты. Тем не менее Гренер позвонил президенту и сообщил ему мнение верховного командования.

С облегчением узнав, что руководство армии взяло ответственность на себя, о чем, правда, вскоре забыли, Национальное собрание значительным большинством голосов одобрило подписание мирного договора. Решение собрания было передано Клемансо лишь за девятнадцать минут до истечения срока ультиматума союзников. Через четыре дня, 28 июня 1919 года, мирный договор был подписан в Зеркальном зале Версальского дворца.

Разделенный дом

С этого дня Германия напоминала разделенный дом. Консерваторы не приняли ни мирный договор, ни республику, которая ратифицировала его. Военные, за исключением генерала Гренера, в конечном счете тоже не одобрили этих шагов, хотя и дали присягу поддерживать новый демократический строй и окончательное решение о подписании Версальского мирного договора исходило от них. Вне зависимости от Ноябрьской революции консерваторы по-прежнему управляли экономикой страны. Они владели промышленными предприятиями, крупными земельными участками и большей частью германского капитала. Их богатство могло быть использовано — и практически использовалось — для финансовой поддержки политических партий и политической прессы, которая с этого дня направила свои усилия на подрыв республики.

Военные начали обходить положения мирного договора, связанные с ограничением вооружений, еще до того, как на нем высохли чернила. Робость и близорукость лидеров социалистов позволили кадровым офицерам не только сохранить в армии старые прусские порядки, как отмечалось выше, но и стать фактическим центром политической власти новой Германии.

Армия практически до последних дней недолго просуществовавшей республики не делала ставку на какое-либо политическое движение. Но под командованием генерала Ганса фон Секта, талантливого военачальника, создателя стотысячного германского рейхсвера, армия, хотя и немногочисленная по составу, стала государством в государстве, оказывая все возрастающее влияние на внешнюю и внутреннюю политику страны, пока не наступил момент, когда дальнейшее существование республики перестало зависеть от воли и желания военного командования.

Являясь государством в государстве, армия сохраняла свою независимость от правительства страны. В соответствии с положением Веймарской конституции армию можно было подчинить кабинету министров и парламенту, как это имело место в отношении военных ведомств в других западных странах. Однако она не желала подчиняться. В то же самое время командный состав не был свободен от монархистских, антиреспубликанских настроений.

Некоторые лидеры социал-демократов, такие, как Шейдеман и Гжезински, выступали за демократизацию вооруженных сил. Они усматривали опасность в том, что армией снова будут руководить офицеры, придерживающиеся старых, авторитарных, имперских традиций. Однако им весьма успешно противостояли не только генералы, но и их соратники по партии во главе с министром обороны Носке. Этот министр пролетарской республики открыто хвалился, что хочет возродить "счастливые воспоминания солдат, воевавших в первой мировой войне".

То обстоятельство, что законно избранное правительство не смогло создать новую армию, верную демократическому духу и подчиняющуюся кабинету министров и рейхстагу, стало для республики роковым, как показало время.

Неспособность провести чистку правовых органов явилась еще одним просчетом правительства. Отправители правосудия сделали одним из центров контрреволюции, используя судебную власть в реакционных политических целях. "Нельзя не прийти к выводу, — заявлял историк Франц Нойман, — что использование судебных органов в политических целях стало самой позорной страницей в жизни германской республики".

После Капповского путча 1920 года правительство предъявило 705 лицам обвинение в государственной измене, но лишь один из них — начальник берлинской полиции был приговорен к пяти годам почетного заключения. Когда власти Пруссии лишили его пенсии, верховный суд принял решение о ее восстановлении. В декабре 1926 года германский суд постановил выплатить генералу фон Лютвицу, военному главарю

Капповского путча, пенсию, причитающуюся ему за тот период, когда он открыто выступал против правительства, и за те пять лет, в течение которых он скрывался от правосудия в Венгрии.

В то же самое время сотни немецких либералов были приговорены к длительным срокам тюремного заключения по обвинению в измене, поскольку в своих выступлениях в печати или на митингах раскрывали и осуждали постоянные нарушения Версальского договора со стороны армии. Обвинения в предательстве безжалостно предъявлялись сторонникам республики.

Представителей же правых взглядов, которые пытались свергнуть республику, как в этом вскоре смог убедиться Адольф Гитлер, вообще не лишали свободы либо они отделялись легкими приговорами. Даже в отношении уголовников, если они принадлежали к правым, а их жертвами оказывались демократы, судебные инстанции были довольно снисходительны или, как часто случалось, им удавалось бежать из мест заключения при помощи армейских офицеров и правых экстремистов.

Таким образом, умеренным социалистам, поддерживаемым демократами и католиками-центристами, пришлось возглавить республику, устои которой расшатывались с самых первых ее шагов. Им приходилось сносить ненависть, нападки, а иногда и служить мишенью для противников, число и решимость которых постоянно возрастали.

"В душе народа. — заявлял Освальд Шпенглер, прославившийся после выхода своей книги "Падение Запада", — Веймарская КОНСТИТУЦИЯ уже обречена".

Тем временем в Баварии молодой смутьян Адольф Гитлер осознавал силу нового националистического движения, которое впоследствии использовал и возглавил. этому в значительной степени содействовал естественный ход событий, в частности падение курса немецкой марки и оккупация французами Рурской области. Курс марки, как уже отмечалось, падал начиная с 1921 года, когда соотношение марки к американскому доллару составляло 75: 1, на следующий год — 400: 1, а к началу 1923 года — 7 000: 1. Уже осенью 1922 года правительство Германии обратилось к союзникам с просьбой о предоставлении моратория на выплату репараций. Просьба была отвергнута французским правительством Пуанкаре. Когда Германия не произвела поставки леса, твердолюбый французский премьер-министр, являвшийся в годы войны президентом, отдал войскам приказ оккупировать Рурскую область. Рур — промышленный центр Германии, после передачи Верхней Силезии Польше обеспечивавший четыре пятых добычи угля и производства стали для рейха, оказался отрезан от

остальной страны.

Удар, парализовавший экономику Германии, способствовал такому сплочению населения, какого оно не знало с 1914 года. Рабочие Рура объявили всеобщую забастовку и получили финансовую помощь от берлинского правительства, которое призвало бастующих к пассивному сопротивлению. При поддержке армии развернулись партизанские действия и саботаж. Французы ответили на это арестами, депортациями и даже смертными приговорами. Но в Руре ничего не изменилось.

Бедственное положение германской экономики ускорило окончательную девальвацию марки. К моменту оккупации Рурской области в январе 1923 года курс марки упал до 18 тысяч за один доллар, к 1 июля — до 165 тысяч, к 1 августа — до миллиона. К ноябрю, когда, по мнению Гитлера, пробил его час, за один доллар давали уже 4 миллиарда марок, а впоследствии эти суммы исчислялись триллионами. Германская валюта практически полностью обесценилась.

Покупательная способность заработной платы была сведена к нулю. Сбережений буржуазии и рабочего класса больше не существовало. Но было потеряно нечто более важное — вера народа в экономическую структуру германского общества. Чего стоили устои и деятельность такого общества, которое поощряло сбережения и вклады и торжественно провозглашало их гарантированный возврат владельцам, а затем отказывалось от выплат? Не являлось ли это простым обманом населения?

И разве не демократическая республика, которая сдалась врагу и приняла на себя ответственность за бремя репараций, повинна во всех бедствиях? К несчастью, что ставило под вопрос ее существование, республика действительно несла определенную ответственность. Инфляцию можно было приостановить простым сбалансированием бюджета — трудной, но вполне выполнимой операцией. Это могло бы обеспечить адекватное налогообложение, однако новое правительство не решалось установить его. В конечном счете стоимость войны — 164 миллиарда немецких марок — не была погашена хотя бы частично прямым налогообложением, 93 миллиарда марок были получены за счет военных займов, 29 миллиардов — за счет ценных бумаг казначейства, а остальная сумма — за счет увеличения выпуска бумажных денежных знаков. Вместо резкого повышения налогов для тех, кто мог их платить, республиканское правительство в 1921 году фактически сократило налоги.

С этого момента правительство, подстегиваемое крупными промышленниками и землевладельцами, которые лишь выигрывали от того что народные массы терпели финансовый крах, умышленно шло на

понижение курса марки, чтобы освободить государство от долгов, избежать выплаты репараций и саботировать действия французов в Рурской области. Более того, валютный кризис позволил тяжелой промышленности Германии погасить задолженность путем превращения своих финансовых обязательств в обесцененные марки.

Генеральный штаб, прикрываясь названием "Управление войсками", чтобы обойти условия мирного договора, отдавал себе отчет в том, что падение курса марки ликвидировало военные долги и предоставляло, таким образом, Германии финансовые средства для подготовки к новой войне.

Широкие народные массы не осознавали, что промышленные воротилы, армия и государство в результате валютного кризиса остались в выигрыше. Им было известно, что даже крупный банковский счет не позволял купить жалкого пучка моркови, полпакета картофеля, несколько унций сахара и полкилограмма лука. Они знали, что каждый из них стал банкротом. Они поняли, что такое голод, ежедневно сталкиваясь с ним. И они в отчаянии обвиняли во всем случившемся республику.

Такие времена были ниспосланы Адольфу Гитлеру самим всевышним.

Переворот в Баварии

"Правительство преспокойно продолжает печатать жалкие денежные знаки, поскольку прекращение этого процесса означало бы конец правительства, — кричал Гитлер. — Приостанови оно печатание, а именно в этом залог стабилизации марки, и мошенничество сразу станет достоянием гласности... Поверьте мне, наши страдания и нищета только усугубляются. А негодяи выйдут сухими из воды. Причина простая: само государство стало крупнейшим мошенником и проходимцем. Государство грабителей!.. Когда потрясенный народ узнает, что ему придется голодать, имея миллиарды, он неминуемо сделает следующий вывод: мы не станем больше подчиняться государству, которое зиждется на обманной идее большинства. Нам нужна диктатура..."

Безусловно, невзгоды и сомнения, связанные с безумной инфляцией, подтолкнули миллионы немцев к такому выводу, а Гитлер был готов вести массы за собой. По существу он уверовал в то, что обстановка хаоса, имевшая место в 1923 году, предоставила неповторимую возможность свергнуть республику. Но определенные трудности встали бы на пути Гитлера, возглавь он контрреволюцию, в чем он был заинтересован постольку, поскольку жаждал власти.

Прежде всего нацистская партия, несмотря на то что численность; ее членов росла с каждым днем, являлась далеко не самым влиятельным

политическим движением Баварии, а за пределами данной земли вообще была не известна. Разве столь незначительная партия в состоянии совершить переворот и свергнуть республику? Гитлер которого не очень смущали подобные трудности, считал, что нашел выход из создавшейся ситуации. Он мог бы объединить под своим руководством все антиреспубликанские националистические силы Баварии. Затем при поддержке баварского правительства, вооруженных формирований и частей рейхсвера, дислоцированных в Баварии, он мог возглавить марш на Берлин — подобно Муссолини, вошедшему, год назад в Рим, — и свергнуть Веймарскую республику. Легкая победа Муссолини, очевидно, дала ему пищу для размышлений.

Оккупация французами Рурской области, хотя и подогрела ненависть немцев к своему традиционному врагу и, таким образом, содействовала возрождению националистических настроений, усложняла задачу Гитлера. Эти события способствовали объединению германской нации вокруг республиканского правительства в Берлине, которое решило дать отпор Франции. Гитлер меньше всего хотел этого. Целью его было свержение республики. А Францией он, очевидно, намеревался заняться после того, как в Германии произойдет националистическая революция и будет установлен диктаторский режим.

Вопреки бытовавшему в ту пору общественному мнению Гитлер решил занять непопулярную позицию: "Нет! Покончить надо не с Францией, а с предателями отечества. Долой преступников Ноября! — таков должен быть наш лозунг".

Первые месяцы 1923 года Гитлер посвятил распространению данного лозунга. В феврале в значительной степени благодаря организаторскому таланту Рема четыре вооруженных "патриотически настроенных формирования" Баварии слились с нацистами и образовали так называемое "Рабочее объединение союзов борьбы за отечество" под политическим руководством Гитлера. В сентябре была создана более мощная группа под названием "Немецкий союз борьбы", одним из трех главарей которой являлся Гитлер.

Эта организация возникла во время крупного массового митинга, состоявшегося в Нюрнберге 2 сентября, в годовщину победы, одержанной Германией в 1870 году под Седаном. На митинге присутствовали большинство профашистски настроенных групп из Южной Германии, и Гитлеру даже похлопали, когда он произнес гневную речь против национального правительства. Открыто были провозглашены цели "Немецкого союза борьбы": свержение республики и отказ от Версальского

договора.

На нюрнбергском сборище Гитлер стоял на трибуне рядом с генералом Людендорфом. И это было не случайно. Молодой нацистский вождь уже некоторое время обхаживал героя войны, который однажды позволил использовать его славное имя организаторам Капповского путча и, поскольку он по-прежнему поддерживал контрреволюцию, мог не устоять перед соблазном и одобрить план зарождавшийся в голове Гитлера. Старый генерал не обладал тонким политическим чутьем и, проживая в настоящее время не Мюнхене, не скрывал своего презрения к баварцам, кронпринцу Рупрехту, баварскому самозванцу и католической церкви, влияние которой здесь по сравнению с другими землями Германии было наиболее сильным.

Все это знал Гитлер, но это не противоречило его задачам. Он не стремился к тому, чтобы Людендорф стал политическим лидером националистической контрреволюции, — роль, на которую, как известно, претендовал герой войны. Гитлер добивался, чтобы эту роль отвели ему самому. Однако имя Людендорфа, его авторитет в военных кругах и в среде консерваторов всей Германии могли оказаться весьма полезными для провинциального политика, пока еще не известного за пределами Баварии. Поэтому Гитлер и предусмотрел Людендорфа в своем плане действий.

Осенью 1923 года в Германской республике и в земле Бавария сложилась кризисная ситуация. 26 сентября канцлер Густав Штресеман объявил о прекращении пассивного сопротивления в Рурской области и возобновлении выплаты Германией репараций. Этот бывший глашатай Гинденбурга и Людендорфа, стойкий консерватор, а в душе монархист, пришел к выводу, что для спасения Германии, объединения и восстановления ее былой мощи необходимо хотя бы на какое-то время признать республику, договориться с союзниками и в период затишья возродить экономический потенциал страны. Дальнейшее движение по нынешнему пути приведет лишь к развязыванию гражданской войны, а возможно, и к полному истреблению германской нации.

Отказ от сопротивления французам в Рурской области и взятие на себя бремени выплаты репараций вызвали волну гнева и истерии среди германских националистов. Коммунисты, также набиравшие силу, присоединились к ним в яростных напаках на республику. Штресеман столкнулся с серьезной оппозицией в лице как крайне правых, так и крайне левых. Предвидя это, он добился введения президентом Эбертом чрезвычайного положения в стране в тот день, когда было объявлено об изменении политического курса в отношении Рурской области и вопроса о репарациях. С 26 сентября 1923 года по февраль 1924 года

исключительными полномочиями в Германии в соответствии с чрезвычайным положением оказались наделены министр обороны Отто Гесслер и начальник управления сухопутными силами рейхсвера генерал фон Сект. Эти полномочия на практике сделали генерала и армию диктаторами рейха.

Бавария же не изъявляла желания следовать такому решению. Баварский кабинет министров, возглавляемый Ойгеном фон Книллингом, 26 сентября объявил о введении на территории земли чрезвычайного положения и назначил правого монархиста и бывшего премьер-министра Густава фон Кара комиссаром земли Бавария, наделив его диктаторской властью.

В Берлине опасались отделения Баварии от рейха, восстановления монархии Виттельсбахов, а также образования совместно с Австрией Южно-Германского государства. Президент Эберт поспешно собрал заседание кабинета министров и пригласил на него генерала фон Секта. Эберт хотел выяснить, какую позицию занимают военные. Сект откровенно заявил ему: "Армия, господин президент, поддерживает меня".

Слова начальника управления сухопутных сил, произнесенные ледяным тоном и с каменным выражением лица, не смутили, как можно было предположить, президента Германии и рейхсканцлера. Они уже признали за армией статус государства в государстве, ведь тремя годами ранее, как уже отмечалось, когда войска Каппа заняли Берлин и к Секту обратились с аналогичным предложением, армия поддержала не республику, а генерала. Теперь, в 1923 году, вопрос состоял лишь в том, какую позицию займет сам генерал фон Сект.

К счастью для республики, он предпочел поддержать ее, но не потому, что верил в республиканский строй и его демократические принципы, а потому, что считал: в данный момент поддержка существующего режима необходима для сохранения армии, которой угрожали перевороты в Баварии и на севере страны, и для спасения Германии от губительной гражданской войны. Секту было известно, что часть командного состава армейской дивизии в Мюнхене приняла сторону баварских сепаратистов. Знал он и о заговоре "черного рейхсвера" во главе с майором Бухрукером, бывшим офицером генерального штаба. Цель заговора состояла в захвате Берлина и свержении республиканского правительства. Таким образом, генерал руководствовался холодным расчетом, намереваясь довести армию до нужной кондиции и ликвидировать угрозу гражданской войны.

В ночь на 30 сентября 1923 года войска "черного рейхсвера" под командованием майора Бухрукера захватили три форта восточнее Берлина.

Сект отдал приказ силам регулярной армии окружить заговорщиков, и после двухдневного сопротивления Бухрукер сдался. Его судили по обвинению в государственной измене и приговорили к десяти годам заключения в крепости. "Черный рейхсвер", созданный самим Сектом под кодовым названием "Трудовые отряды" в целях скрытого увеличения численности сотысячного рейхсвера, был распущен {Войска "черного рейхсвера", насчитывающие примерно 20 тысяч человек, дислоцировались на восточной границе, обеспечивая ее охрану от поляков в тревожные 9-дни 1920–1923 годов. Незаконная организация получила печальную известность после того, как возродила страшную средневековую процедуру тайных судов, которые произвольно выносили смертные приговоры жителям Германии, сообщавшим о деятельности "черного рейхсвера" контрольной комиссии союзников. Разбором некоторых дел по поводу жестоких убийств занялись суды. На одном из судебных процессов министр обороны Германии Отто Гесслер, сменивший на этом посту Носке, отрицал, что ему было что-либо известно о существовании подобной организации. Однако, когда кто-то из задававших ему вопросы усомнился в подобном неведении, министр обороны возмутился: "Те, кто говорят о "черном рейхсвере", совершают государственную измену!" — Прим. авт. }.

Затем Сект все свое внимание уделил угрозе коммунистических выступлений в Саксонии, Тюрингии, Гамбурге и Руре. Что касается подавления левых сил, то здесь в лояльности армии сомневаться не приходилось. В Саксонии местный командующий силами рейхсвера арестовал правительство, в которое наряду с коммунистами входили социалисты, и власть была передана рейхскомиссару. В Гамбурге и других районах выступления коммунистов подавлялись быстро и жестоко.

В Берлине в то время полагали: сравнительно легкая расправа над большевиками лишила баварских заговорщиков оснований заявлять, будто они действительно стремятся спасти республику от коммунизма, и теперь они готовы признать полномочия национального правительства. Однако на деле этого не произошло.

Бавария по-прежнему враждебно относилась к Берлину. В тот период она находилась под диктаторской властью триумvirата: комиссара Баварии Кара, командующего силами рейхсвера в Баварии генерала Отто фон Лоссова и начальника полиции полковника Ганса фон Сейсера. Кар отказался признать, что введенное в Германии президентом Эбертом чрезвычайное положение действительно и в отношении Баварии. Он отказался выполнять какие-либо приказы, исходящие из Берлина. Когда национальное правительство потребовало закрыть гитлеровскую газету

"Фелькишер беобахтер" в связи с яростными нападками на республику в целом и на Секта, Штреземана и Гесслера в частности, Кар с презрением отклонил это требование.

Второе распоряжение из Берлина относительно ареста трех главарей действующих на территории Баварии вооруженных банд — капитана Хайса, капитана Эрхардта ("героя" Капповского путча) и лейтенанта Россбаха (гомосексуалиста, приятеля Рема) — также было оставлено Каром без внимания. Сект, терпению которого пришел конец, приказал генералу фон Лоссову закрыть нацистскую газету и арестовать трех военных добровольческого корпуса. Однако генерал, будучи баварцем по рождению и нерешительным политиком, под влиянием красноречия Гитлера и настойчивости Кара заколебался.

24 октября Сект отстранил Лоссова от командования и назначил на его место генерала Кресса фон Крессенштейна. Кар, однако, не захотел согласиться с подобным диктатом Берлина. Он объявил, что Лоссов останется командующим силами рейхсвера в Баварии и, не только бросив вызов Секту, но и пренебрегая положениями статей конституции, потребовал от офицеров и рядовых специальной присяги на верность баварскому правительству.

В Берлине это расценили не только как политический акт, но и как военный бунт. Генерал фон Сект был теперь полон решимости положить конец подобным выступлениям. Он направил недвусмысленное предупреждение баварскому триумвирату, Гитлеру и вооруженным отрядам, что любое их выступление будет подавлено силой. Но отступить нацистскому главарю было слишком поздно. Его оголтелые сторонники требовали решительных действий. Лейтенант Вильгельм Брюкнер, один из начальников штурмовых отрядов СА, призвал Гитлера немедленно выступить. "Настал день, — предупреждал он, — когда я уже не в состоянии сдерживать своих людей. Если сейчас ничего не произойдет, они просто уйдут от нас".

Гитлер тоже понимал, что, если Штреземану удастся выиграть время и приступить к осуществлению мероприятий по восстановлению спокойствия в стране, шансы будут упущены. Он обратился к Кару и Лоссову с предложением предпринять марш на Берлин до того, как Берлин пойдет на Мюнхен. Кроме того, Гитлер начал подозревать, что триумвират либо утратил решимость, либо планирует сепаратистский переворот без его участия в целях отделения Баварии от рейха. Против этого Гитлер, одержимый идеями создания сильного рейха, объединенного под эгидой национализма, категорически возражал.

Кар, Лоссов и Сейсер после предостережения Секта заколебались. Они не были заинтересованы в проведении бессмысленной акции, которая могла подорвать их собственные позиции. 6 ноября они проинформировали "Немецкий союз борьбы", в котором Гитлер был ведущей политической фигурой, что не намерены втягиваться в поспешные действия и сами примут решение о том, когда и как действовать. Это решение Гитлер расценил как сигнал, что пора брать инициативу в свои руки. Однако он не располагал поддержкой, чтобы осуществить путч собственными силами. Ему требовалось заручиться помощью со стороны баварского правительства, армии и полиции — урок, который фюрер вынес за годы лишений, проведенные в Вене.

Гитлеру было необходимо каким-то образом заставить Кара, Лоссова и Сейсера действовать заодно с ним, когда уже нельзя будет повернуть назад. Требовалась смелость, даже некоторая опрометчивость, и Гитлер к тому времени мог доказать, что обладает этими качествами. Фюрер решил захватить тройку в качестве заложников и вынудить их использовать свою власть для удовлетворения его требований.

Эту мысль подсказали Гитлеру два беженца из России — Розенберг и Шейбнер-Рихтер. Последний, взяв титул и фамилию жены, величал теперь себя не иначе как Макс Эрвин фон Шейбнер-Рихтер. Этот весьма сомнительный тип, как и Розенберг, провел большую часть жизни в прибалтийских провинциях России. После войны вместе с другими беженцами он переехал в Мюнхен, где вступил в нацистскую партию и сделался одним из приближенных Гитлера.

4 ноября, в день поминовения павших, в центре Мюнхена должен был состояться военный парад. В прессе объявили, что не только кронпринц Рупрехт, но и Кар, Лоссов и Сейсер примут парад на трибуне, которая будет установлена на узкой улице, идущей от Фельдхернхалле. Шейбнер-Рихтер и Розенберг предложили Гитлеру следующий план действий: несколько сот штурмовиков с пулеметами, доставленные на грузовиках, перекрывают узкую улочку до появления участвующих в параде войск. Гитлер поднимается на трибуну, провозглашает революцию и под дулом пистолета вынуждает почетных гостей принять революцию и содействовать тому, чтобы он стал ее вождем. План Гитлер с восторгом одобрил.

Однако в назначенный день, когда Розенберг прибыл на место планируемой акции с целью провести рекогносцировку, то, к своему величайшему сожалению, обнаружил, что узкая улочка охраняется хорошо вооруженным отрядом полиции. От заговора, а фактически и от революции пришлось отказаться.

На самом деле было изменено лишь время проведения акции. Разработали новый план, осуществлению которого не могло помешать присутствие полицейского отряда, занявшего стратегически правильную позицию. В ночь на 11 ноября штурмовые отряды СА и другие военные формирования "Немецкого союза борьбы" сосредоточиваются на пустоши Фреттманингер, к северу от Мюнхена, и утром — в годовщину ненавистного и позорного перемирия — входят в город, занимают стратегически важные объекты, провозглашают национальную революцию и ставят нерешительных Кара, Лоссова и Сейсера перед свершившимся фактом.

Лишь одно, на первый взгляд не столь существенное, объявление заставило Гитлера отказаться от этого плана и приступить к разработке нового. В прессе появилось краткое сообщение, что по просьбе ряда деловых организаций Мюнхена Кар выступит на митинге в "Бюргербройкеллер", огромном пивном зале на юго-востоке города. Эта встреча должна была состояться вечером 8 ноября.

В заметке указывалось, что выступление комиссара будет посвящено программе баварского правительства. На митинге предполагалось также присутствие генерала Лоссова, полковника Сейсера и других известных деятелей.

Гитлер поспешно принял решение, исходя из следующих двух соображений: во-первых, он подозревал, что Кар может использовать встречу для провозглашения независимости Баварии и возведения на баварский престол династии Виттельсбахов (8 ноября Гитлер потратил весь день, чтобы увидеться с Каром, но все было напрасно. Это лишь усилило подозрения нацистского фюрера. Надо было опередить Кара.); во-вторых, встреча в "Бюргербройкеллер" предоставляла возможность, которая не была использована 4 ноября, — захватить всех членов триумvirата и под дулом пистолета вынудить их перейти на сторону нацистов и совершить революционный переворот.

Гитлер решил действовать без промедления. Планы по мобилизации 10 ноября были отложены; штурмовые отряды приведены в боевую готовность для выполнения операции в огромном пивном зале.

"Пивной путч"

8 ноября 1923 года, примерно без четверти девять вечера, после того как Кар уже полчаса говорил перед трехтысячной оравой бюргеров, сидящих за нетесаными столами и попивающих пиво из больших глиняных кружек, штурмовики СА окружили "Бюргербройкеллер" и Гитлер стремительно вошел в зал. Пока его люди устанавливали пулемет у входа,

он вскочил на стол и, чтобы привлечь внимание, выстрелил в воздух. Кар прервал свое выступление. Собравшиеся обернулись узнать, в чем дело.

Гитлер при помощи Гесса и Ульриха Графа, в прошлом мясника, борца и скандалиста, а ныне телохранителя фюрера, стал пробираться к трибуне. Майор полиции попытался остановить его, но Гитлер пригрозил ему пистолетом и прошел вперед. Кар, по словам очевидцев, выглядел "бледным и растерянным". Он сошел с трибуны, и Гитлер занял его место.

— Началась национальная революция! — провозгласил фюрер. — Здание занято шестьюстами хорошо вооруженными бойцами. Никому не разрешается покидать зал. Если вы немедленно не успокоитесь, я прикажу установить на балконе пулемет. Правительство Баварии и правительство рейха низложены и сформировано временное правительство страны. Казармы рейхсвера и полиции заняты. Отряды армии и полиции вступают в город под знаменем со свастикой.

Последнее утверждение не соответствовало истинному положению дел — Гитлер просто блефовал. Однако в замешательстве никто ничего толком не понимал. Пистолет у Гитлера был настоящий, и он из него стрелял. Штурмовики с винтовками и пулеметами были вполне реальны. Гитлер отдал распоряжение Кару, Лоссову и Сейсеру следовать за ним в помещение, расположенное рядом со сценой. Подталкиваемые штурмовиками три высших должностных лица Баварии под удивленными взорами толпы подчинились требованию Гитлера.

Но одновременно в зале нарастало недовольство. Многие бизнесмены по-прежнему считали Гитлера выскочкой. Кто-то из присутствующих крикнул полиции:

— Не будьте трусами, как в 1918 году! Стреляйте! Однако полицейские, видя, как покорно подчинилось их начальство и как штурмовики СА заняли зал, не оказывали какого-либо сопротивления. Гитлер устроил так, что Вильгельм Фрик, нацистский доносчик, служивший в полицейском управлении, позвонил по телефону в пивную дежурному полицейскому и распорядился, чтобы полицейские не вмешивались, а только информировали о происходящих событиях. Обстановка в зале накалялась, и Геринг счел необходимым подняться на трибуну, чтобы успокоить собравшихся.

— Вам нечего бояться! — прокричал он. — У нас самые дружелюбные намерения, поэтому вам нечего беспокоиться! Пейте на здоровье свое пиво!

Геринг сообщил также присутствующим, что в соседней комнате в данное время формируется новое правительство. Формирование проходило под дулом пистолета Адольфа Гитлера.

Как только фюрер собрал заложников в соседней комнате, он заявил:
— Никто не выйдет отсюда живым без моего разрешения.

Затем он сообщил, что все займут ключевые посты либо в правительстве Баварии, либо в правительстве рейха, которое он сформирует вместе с Людендорфом. С Людендорфом? В тот же вечер Гитлер отправил Шейбнера-Рихтера в Людвигсхее, чтобы незамедлительно доставить в пивной зал прославленного генерала, который понятия де имел о нацистском заговоре.

Трое заложников вначале вообще отказывались говорить с Гитлером. Он же продолжал их уговаривать: надо примкнуть к нацистскому движению, провозгласить революцию и новое правительство; все трое получают назначения, санкционированные Гитлером, либо в случае отказа "лишатся права на жизнь". Кару было предложено стать регентом Баварии, Лоссову — министром национальной армии, Сейсеру — министром внутренних дел рейха. Однако перспектива получить столь высокие назначения не прельстила тройку — никто ничего не ответил.

Затянувшееся молчание вывело Гитлера из себя — он стал размахивать перед ними пистолетом:

— У меня тут четыре патрона: три пули — для моих соратников в случае их предательства, последняя — для меня самого! — Приставив пистолет к виску, Гитлер кричал: — Если я не одержу победу до завтрашнего вечера, я покончу с собой!

Кар не был яркой личностью, но был сильным человеком.

— Господин Гитлер, — ответил он, — вы можете застрелить меня или дать распоряжение о моем убийстве. Умру я или нет, не столь важно...

Сейсер упрекал Гитлера в том, что фюрер нарушил данное им честное слово не поднимать путч против полиции.

— Да, это так, — заметил Гитлер. — Прошу меня простить, но я вынужден был поступить таким образом в интересах отечества.

Генерал фон Лоссов хранил презрительное молчание. Когда Кар стал что-то тихонько нашептывать ему на ухо, Гитлер возмутился:

— Прекратите! Запрещаю переговариваться без моего разрешения!

Однако он немногого достиг своими уговорами. Никто из трех власть имущих Баварии не согласился встать на его сторону даже под дулом пистолета. Развитие путча шло явно не по плану. Тогда Гитлер решил действовать экспромтом. Не произнося ни слова, он устремился в зал, вскарабкался на трибуну и, представ перед угрюмой толпой, объявил, что члены триумvirата, находящиеся в соседней комнате, согласились образовать вместе с ним новое правительство.

— Правительственный кабинет Баварии, — прокричал Гитлер, — Распущен... Правительство преступников Ноября и президент объявляются низложенными. Сегодня здесь, в Мюнхене, будет провозглашено новое национальное правительство. Сразу будет создана германская национальная армия... Предлагаю, пока не будут сведены четы с преступниками Ноября, доверить мне руководство политикой национального правительства. Людендорф возглавит командование германской национальной армии... В задачу временного национального правительства Германии входит организация марша на Берлин, этот грешный Вавилон, во имя спасения немецкого народа... Завтрашний день станет свидетелем торжества национального правительства Германии либо нашего поражения и гибели!

Не в первый и, безусловно, не в последний раз Гитлер мастерски прибег ко лжи, и это сработало. Когда присутствующие услышали о том, что Кар, генерал фон Лоссов и начальник полиции фон Сейсер встали на его сторону, настроение зала быстро изменилось. Послышались громкие одобрительные возгласы, которые подействовали на трех заложников, по-прежнему запертых в маленькой комнате рядом со сценой. Шейбнер-Рихтер в этот момент, словно по мановению волшебной палочки, представил на всеобщее обозрение генерала Людендорфа. Герой войны был разгневан, поскольку Гитлер ни о чем не предупредил его заранее, а когда, находясь в комнате рядом со сценой, узнал, что не он, а бывший ефрейтор должен стать диктатором Германии, его возмущению не было предела. Он проигнорировал наглого молодого человека.

Но это не очень смутило Гитлера. Людендорф поддержал своим авторитетом безрассудное начинание и помог перетянуть на сторону нацистов трех несговорчивых баварских руководителей, которые до настоящего времени отказывались подчиниться его домогательствам и угрозам. Это и попытался сделать Людендорф. Генерал заявил, что на карту поставлены интересы нации, и призвал трех господ к сотрудничеству. Под влиянием генерала тройка поддалась уговорам, хотя Лоссов впоследствии отрицал, будто дал согласие подчиниться Людендорфу.

Кар какое-то время настаивал на восстановлении столь дорогой его сердцу монархии Виттельсбахов. В конце концов он заявил, что согласен сотрудничать в качестве "представителя короля".

Своевременное появление Людендорфа спасло Гитлера. Окрыленный счастливой развязкой, он вывел на трибуну остальных руководителей, и каждый обратился к собравшимся с краткой речью и дал присягу на верность новому режиму. Присутствующие в приступе восторга взобрались

на стулья и столы. Гитлер сиял от удовольствия "Лицо его выражало детскую, неподдельную радость, которую трудно забыть", — писал впоследствии известный историк, присутствовавший при этом.

Вновь взойдя на трибуну, Гитлер обратился к залу с заключительной речью:

— Я хочу выполнить сейчас клятву, данную пять лет назад, когда я находился на лечении в госпитале, ослепший после контузии: изо всех сил бороться за низвержение преступников Ноября, пока на руинах ныне несчастной Германии не будет восстановлена сильная, великая, свободная и совершенная Германия.

Собравшиеся стали расходиться. У выхода Гесс при помощи штурмовиков задержал ряд членов бывшего баварского правительства и других видных деятелей, пытавшихся скрыться в толпе. Гитлер присматривал за Каром, Лоссовом и Сейсером. Тогда же пришло сообщение о стычке штурмовиков одного из боевых подразделений "Бунд Оберланд" с регулярными формированиями в казармах инженерно-саперных войск. Гитлер принял решение отправиться на место событий и лично урегулировать проблему, оставив Людендорфа главным в пивном зале.

Это решение оказалось для Гитлера роковым. Первым удалось улизнуть Лоссову. Он сообщил Людендорфу, что ему срочно надо попасть в свой кабинет в штабе армии и дать необходимые распоряжения. Когда Шейбнер-Рихтер начал возражать, Людендорф резко прервал его:

— Я запрещаю вам ставить под сомнение слово, данное германским офицером.

Кару и Сейсеру также удалось скрыться.

Когда Гитлер в хорошем настроении вернулся в "Бюргерброй-келлер", то обнаружил, что высокопоставленные птицы упорхнули. Это был первый удар за вечер, ошелобивший фюрера. Гитлер искренне надеялся, что "министры" его правительства активно принялись за работу, а Людендорф вместе с Лоссовом готовят план похода на Берлин.

Оказалось, ничего не было сделано. Вооруженным силам не удалось занять даже Мюнхен. Рем, возглавлявший отряд штурмовиков боевого подразделения "Военное знамя рейха", занял здание штаб-квартиры сухопутных сил в военном министерстве на Шенфельд-штрассе, однако другие объекты стратегического назначения захвачены не были, в том числе и здание телеграфа, откуда сообщение о перевороте ушло в Берлин. Генерал фон Сект передал в ответ по телефону приказ баварской армии подавить путч.

Не считая нескольких случаев дезертирства среди младших офицеров и рядовых, симпатизировавших Гитлеру и Рему, высший офицерский состав во главе с генералом фон Даннером, командующим Мюнхенским гарнизоном, был не только готов выполнить распоряжение Секта, но и сильно возмущен подобным обращением с генералом фон Лоссовом. По неписаным армейским законам гражданское лицо, угрожавшее генералу оружием, заслуживало расправы на месте. Из штаба, расположенного в казармах 19-го пехотного полка, где Лоссов присоединился к Даннеру, полетели приказы другим гарнизонам о направлении в город подкреплений. К рассвету войска регулярной армии окружили плотным кольцом силы Рема в здании министерства обороны.

Перед этим Гитлер и Людендорф встретились с Ремом в здании министерства, чтобы оценить сложившуюся ситуацию. Рем очень удивился, узнав, что, кроме него, никто не предпринял действий с целью занять ключевые объекты в городе. Гитлер безуспешно пытался восстановить связь с Лоссовом, Каром и Сейсером. В казармы 19-го пехотного полка по поручению Людендорфа были посланы связные, но они не вернулись. Пенера, бывшего начальника мюнхенской полиции, а теперь сторонника Гитлера, вместе с, майором Хюнлейном и группой штурмовиков СА направили занять штаб полиции. Там их сразу арестовали.

А что в это время думал Густав фон Кар — глава баварского правительства? Покинув зал "Бюргербройкеллер", он быстро пришел в себя и осмелел. Не желая вновь подвергаться опасности и становиться заложником Гитлера, Кар перевел правительство в Регенсбург. Однако перед этим он приказал развесить по всему Мюнхену плакаты следующего содержания:

Предательство и вероломство честолубцев превратили демонстрацию, призванную содействовать пробуждению национального самосознания, в разгул отвратительного насилия. Признания, вырванные у меня, генерала фон Лоссова и полковника Сейсера под дулом пистолета, не имеют законной силы. Национал-социалистскую рабочую партию Германии, а также боевые отряды "Оберланд" и "Военное знамя рейха" считать распущенными.

фон Кар, главный комиссар земли Бавария

С наступлением ночи стало ясно, что триумф, который накануне вечером казался Гитлеру столь близким и столь легкодостижимым, не состоялся. Исчезли предпосылки успешного осуществления политической революции, на чем всегда настаивал Гитлер, — поддержка действующих институтов власти, таких, как армия, полиция, политическая группа,

находящаяся у власти. Даже магическое имя Людендорфа, как выяснилось, не могло привлечь на их сторону вооруженные силы Баварии. Гитлер высказал предположение, что ситуацию, вероятно, можно исправить в том случае, если они с генералом Людендорфом переберутся в сельскую местность под Розенхайм и сумеют сплотить крестьян в вооруженные отряды, чтобы предпринять наступление на Мюнхен. Однако Людендорф категорически возражал против такого решения.

Существовал и иной способ, посредством которого можно было предотвратить катастрофу. Впервые услышав о путче, кронпринц Рупрехт, ярый враг Людендорфа, сделал краткое заявление, призвав к его немедленному подавлению. Гитлер решил обратиться к кронпринцу, с тем чтобы тот переговорил с Лоссовом и Каром и помог мирному урегулированию вопроса на почетных условиях. С этой деликатной миссией в замок Виттельсбахов, расположенный под Берхтесгаденом, отправили на рассвете лейтенанта Нейнцера, друга Гитлера и Рупрехта. Не найдя машины, лейтенант вынужден был дожидаться поезда и добрался к месту назначения только после полудня. К этому моменту события приняли такой оборот, которого не ожидали ни Гитлер, ни Людендорф.

Гитлер планировал путч, а не гражданскую войну. Несмотря на сильное возбуждение, он в достаточной степени контролировал себя, чтобы понять, что у него нет сил справиться с полицией и армией. Он хотел делать революцию вместе с армией, а не против нее. Хотя Гитлер и предстал кровожадным в своих последних выступлениях и в эпизоде, когда угрожал баварской тройке револьвером, его отпугивала мысль, что люди, объединенные ненавистью к республике, начнут пускать кровь друг другу.

Такой же позиции придерживался и Людендорф. Своей жене генерал рассказывал, что с удовольствием вздернул бы президента Эберта и компанию и наблюдал бы, как они будут болтаться на виселице. Однако он был против того, чтобы убивать полицейских и солдат, которые, по крайней мере в Мюнхене, верили, как и он, в национальную контрреволюцию.

Людендорф предложил отчаявшемуся молодому главари нацистской партии свой собственный план, который позволил бы им добиться победы и в то же время избежать кровопролития. Он был уверен, что германские солдаты и даже германские полицейские, в прошлом в основном солдаты, никогда не посмеют открыть огонь по легендарному командиру, которому они обязаны крупными победами как на восточном, так и на западном фронте. При поддержке сторонников они с Гитлером направятся в центр города и займут его. Людендорф считал, что полиция и армия не станут оказывать сопротивления, перейдут на его сторону и будут выполнять его

приказы.

Хотя Гитлер несколько скептически оценивал план генерала, он дал согласие на его осуществление. Очевидно, другого выхода не было. Кронпринц, как отметил Гитлер, так и не откликнулся на его просьбу выступить в качестве посредника.

Около одиннадцати часов утра 9 ноября, в день провозглашения Германской республики, Гитлер и Людендорф вывели трехтысячную колонну штурмовиков из парка в районе "Бюргербройкеллер" и направили ее в центр Мюнхена. Рядом с ними в первом ряду маршировали руководитель СА Геринг, Шейбнер-Рихтер, Розенберг, телохранитель Гитлера Ульрих Граф и с десятков других нацистских вожakov и главарей "Немецкого союза борьбы". Впереди колонны развевались знамя со свастикой и знамя "Бунд Оберланд".

Чуть поодаль от первых рядов демонстрантов двигался грузовик с пулеметчиками. Штурмовики несли на плече карабины с примкнутыми штыками. Гитлер размахивал револьвером. Войско, безусловно, было не самым грозным, но Людендорф, имевший большой опыт командования миллионами отборных германских частей, видимо, считал, что для выполнения его плана этого вполне достаточно.

Пройдя несколько сот метров, бунтовщики встретили на своем пути первое препятствие. На мосту Людвига, проложенном через Реку Изар, который вел в центр города, дорогу им преградил отряд вооруженной полиции. Геринг устремился вперед и, обращаясь к начальнику полицейского отряда, стал угрожать расстрелом заложников, которые, по его словам, находились в хвосте колонны, если полицейские откроют огонь по его людям. В течение ночи Гессу с подручным удалось захватить на всякий случай нескольких заложников, в том числе двух членов правительства. Начальник полицейского отряда, вероятно, поверил Герингу и пропустил колонну через мост.

На Мариенплац колонна нацистов наткнулась на большую толпу, слушавшую разглагольствования Юлиуса Штрейхера — ярого антисемита из Нюрнберга, который направился в Мюнхен, как только услышал о путче. Не желая оставаться в стороне от революции, он быстро закончил свою речь и присоединился к бунтовщикам, встав в колонну за Гитлером.

После полудня демонстранты достигли своей цели — здания министерства обороны, где Рема и его штурмовиков окружали солдаты рейхсвера. До сих пор ни осаждавшие, ни осажденные не произвели ни единого выстрела. Рем и его люди служили в прошлом в армии, и многие из их боевых товарищей находились по другую сторону колючей проволоки.

Ни у кого не было желания прибегать к кровопролитию.

Чтобы добраться до здания министерства обороны и освободить Рема, Гитлер и Людендорф повели колонну по узкой улице Резиденцштрассе, которая сразу за Фельдхернхалле, выходила на просторную площадь Одеонплац. В конце улицы путь им преградил отряд полицейских численностью около ста человек, вооруженных карабинами. Полицейские заняли выгодную позицию и на этот раз не были намерены уступать.

Нацисты вновь попытались добиться своего уговорами. Телохранитель Гитлера Ульрих Граф сделал шаг вперед и прокричал начальнику полицейского отряда:

— Не стреляйте! Идет его превосходительство Людендорф! Даже в этот критический момент германский революционер, в прошлом борец-любитель и профессиональный вышибала, не забыл назвать дворянский титул знаменитого военачальника. Гитлер тоже не молчал.

— Сдавайтесь! Сдавайтесь! — призывал он.

Однако неизвестный полицейский офицер и не думал сдаваться. Имя Людендорфа, по всей вероятности, не произвело на него магического действия: он служил в полиции, а не в армии.

Какая из сторон выстрелила первой — впоследствии так и не было установлено. Каждая обвиняла противников. Один из свидетелей утверждал, что первым выстрелил из своего револьвера Гитлер, другой считал, что это был Штрейхер. Многие нацисты позднее уверяли автора данной книги, что именно этот поступок побудил их стать сторонниками Гитлера {Спустя несколько лет, мотивируя назначение Штрейхера нацистским главарем Франконии, несмотря на возражения многих соратников по партии, Гитлер заявил:

"Возможно, найдутся один или два человека, которым не нравится форма носа Штрейхера. Но в тот день, когда он лежал рядом со мной на мостовой Фельдхернхалле, я поклялся, что не брошу его, пока он не бросит меня" (Хайден К. Биография Гитлера. Нью-Йорк, 1936, с. 157). — Прим. авт. }.

Так или иначе, выстрел был сделан, и сразу вспыхнула перестрелка и надежды Гитлера вмиг развеялись. Упал на мостовую смертельно раненный Шейбнер-Рихтер. Геринг получил серьезную рану в бедро. Через минуту пальба прекратилась, но мостовую усеяли тела — шестнадцать нацистов и трое полицейских были убиты и смертельно ранены, насчитывалось много раненых, остальные, включая самого Гитлера, спасая собственную жизнь, припали к мостовой.

Но один человек являлся исключением, и если бы его примеру

последовали другие, все могло бы сложиться по-иному. Генерал Людендорф не бросился на землю. Он гордо выпрямился, как предписывали лучшие военные традиции, а затем вместе со своим адъютантом майором Штреком спокойно прошел под дулами винтовок полицейских на Одеонплац. Людендорф, видимо, производил впечатление одинокого странника, потому что никто из нацистов не последовал за ним, даже их вожак Адольф Гитлер.

Будущий канцлер третьего рейха первым попытался скрыться. Когда колонна приближалась к полицейскому кордону, Гитлер левой рукой сжимал правую руку Шейбнера-Рихтера (несколько странный, однако показательный жест), и когда тот упал, то потянул за собой и фюрера. Гитлер, очевидно, считал, что ранен: он почувствовал резкую боль, как потом выяснилось, из-за того, что вывихнул плечо. Но факт остается фактом, по свидетельству одного из нацистов, находившегося в колонне, доктора Вальтера Шульца, и по свидетельству некоторых других очевидцев, Гитлер "первым вскочил и бросился наутек", оставив на улице убитых и раненых товарищей. Он прыгнул в ожидавшую его машину и помчался в загородный дом семьи Ханфштенгль в Уффинге, где жена хозяина и его сестра ухаживали за Гитлером до его ареста, который был произведен спустя два дня.

Людендорфа арестовали на месте событий. Он презирал бунтовщиков, у которых не хватило мужества пойти за ним, а разочарование в военных, не вставших на его сторону, было столь велико, что генерал поклялся впредь никогда не отвечать на приветствие германских офицеров и никогда не носить военную форму.

Раненому Герингу первую помощь оказал еврей — владелец расположенного поблизости банка, куда его отнесли. Затем жена переправила его через австрийскую границу и поместила в госпиталь в Инсбруке. Гесс также бежал в Австрию. Рем сдался в здании министерства обороны спустя два часа после поражения у Фельдхернхалле.

В течение нескольких дней все главы бунтовщиков, за исключением Геринга и Гесса, были задержаны и посажены в тюрьму. Нацистский путч потерпел фиаско. Партию распустили. Национализму, судя по всему, пришел конец. Властолюбивый главарь движения, бросившийся бежать при первых же выстрелах, казалось, полностью дискредитировал себя, а его сногсшибательная карьера завершилась.

Суд за измену

Однако, как показали последующие события, карьера Гитлера просто прервалась, причем ненадолго. Гитлер обладал достаточной

проницательностью, чтобы понять, что данный процесс отнюдь не положит конец его карьере, а предоставит ему платформу, с которой он сможет не только развенчать скомпрометированные органы власти, арестовавшие его, но и — что еще важнее — прославить свое имя далеко за пределами Баварии, а практически и самой Германии.

Гитлеру было хорошо известно, что зарубежные корреспонденты а также журналисты ведущих германских газет съехались в Мюнхен, чтобы освещать судебный процесс, который начался 26 февраля 1924 года. Специальное судебное разбирательство проходило в здании старого пехотного училища на Блютенбургштрассе.

Когда судебный процесс через двадцать четыре дня закончился, Гитлеру удалось обратить поражение в победу и перед лицом общественности переложить вину на Кара, Лоссова и Сейсера. Гитлер поражал немцев своим красноречием и страстной верой в национализм, его фамилия не сходила со страниц газет всего мира.

Хотя Людендорф был, очевидно, самым известным из десяти подсудимых, Гитлеру сразу удалось привлечь к себе всеобщее внимание. До самого конца процесса он занимал в зале суда доминирующее положение. Франц Гюртнер, баварский министр юстиции, старый друг и покровитель нацистского главаря, позаботился о том, чтобы судебные чиновники относились к его выходкам снисходительно. Гитлеру разрешалось прерывать выступающих так часто, как он того хотел, вести перекрестный допрос свидетелей и выступать в любое время и как угодно долго. Его вступительная речь продолжалась четыре часа, но это было лишь начало его длительных разглагольствований.

Гитлер не был намерен, как он утверждал впоследствии, повторять ошибки тех, кто в ходе судебного процесса по делу о Капповском путче заявляли, что "они ничего не знали и ничего не хотели предпринять. Это и погубило мир буржуазии — отсутствие мужества отстоять свои действия... сказать судье: "Да, мы хотели именно этого — хотели уничтожить государство".

Теперь же, выступая перед судьями и представителями мировой прессы, Гитлер провозглашал:

— Я один несу за все ответственность. Но это вовсе не означает, что я — преступник. Если меня судят здесь как революционера, то я и являюсь революционером, борющимся против революции 1918 года. А по отношению к тем, кто выступает против предателей, нельзя выдвигать обвинение в государственной измене.

В противном случае тройка, возглавляющая правительство, армию и

полицию Баварии и готовившая вместе с ним, Гитлером, заговор против национального правительства, виновна в не меньшей степени, чем он, и должна находиться рядом с ним на скамье подсудимых, а не выступать в качестве главных свидетелей обвинения. Довольно ловко Гитлер направил обвинение против членов триумvirата, которые, чувствуя вину, держались неуверенно.

"Одно доподлинно известно: Лоссов, Кар и Сейсер преследовали же цели, что и мы, — покончить с правительством рейха... Если наши действия классифицировать как государственную измену, сие означает, что все это время Лоссов, Кар и Сейсер вместе с нами совершали государственную измену, поскольку в течение прошедших недель мы ни о чем другом не говорили, кроме как о выполнении тех поставленных задач, в которых нас теперь обвиняют".

Тройка вряд ли могла опровергнуть это утверждение, потому что так оно и было на самом деле. Кар и Сейсер не смогли парировать язвительных нападок Гитлера. Лишь генерал фон Лоссов стойко защищался.

— Я не был их подручным, — заявил он в суде. — Я занимал высокий государственный пост.

Затем генерал с презрением, на какое только был способен кадровый военный, обрушился на бывшего ефрейтора, этого безработного выскочку, чьи далеко идущие амбициозные планы привели к тому, что он попытался диктовать свои условия армии и государству. "До чего докатился этот беспринципный демагог, — возмущался генерал, — хотя не так давно он заявлял, что хотел бы быть "барабанщиком" патриотического движения".

Барабанщиком? Гитлер знал, что ответить на это.

"Сколь низменны мысли маленьких людей! Поверьте, я не рассматриваю получение министерского портфеля как нечто желанное. Я не считаю достойным великого деятеля пытаться войти в историю, став каким-то министром. Существует опасность быть захороненным рядом с другими министрами. С самого начала моя цель в тысячу раз превосходила желание сделаться просто министром. Я хотел стать искоренителем марксизма. Я намерен достичь этой цели, и, если я добьюсь ее, должность министра применительно ко мне будет нелепой".

В качестве примера Гитлер сослался на Вагнера:

"Когда я впервые стоял у могилы Рихарда Вагнера, мое сердце переполняла гордость за человека, который запретил делать на своем надгробии какие-либо надписи в духе "Здесь покоится тайный советник, дирижер, его превосходительство барон Рихард фон Вагнер". Я буду горд тем, что это имя, как и многие другие, вошло в историю без титулов. Я

хотел стать барабанщиком в те дни не из скромности. В этом было мое высочайшее предназначение, остальное не имело смысла".

Гитлера обвиняли в том, что он из барабанщика хотел сразу делаться диктатором. Он этого и не отрицал. Так распорядилась Судьба.

"Человека, рожденного быть диктатором, не принуждают стать им! — Он желает этого сам. Его не двигают вперед, он движется сам!. — Ничего нескромного в этом нет. Разве нескромно рабочему браться за тяжелую работу? Разве предосудительно человеку с высоким лбом мыслителя думать и мучиться по ночам, пока он не подарит миру свое открытие? Тот, кто ощущает, что призван вершить судьбами народа, не вправе говорить: "Если вы позовете меня, я буду с вами". Нет! Долг его в том, чтобы самостоятельно сделать первый шаг".

Несмотря на то что Гитлеру грозило длительное тюремное заключение за государственную измену, его уверенность в себе, в призвании "вершить судьбами народа" оставалась непреклонной. В ожидании судебного процесса Гитлер проанализировал причины поражения путча и поклялся, что в будущем не допустит подобных ошибок. Вспоминая об этом тринадцать лет спустя, когда он добился цели, Гитлер говорил своим старым соратникам, собравшимся в "Бюргер-бройкеллер", чтобы отметить годовщину путча:

"Я твердо могу сказать, что это было самое поспешное решение, принятое мною в жизни. Когда я сегодня думаю о случившемся, у меня голова идет кругом... Если взглянуть на отряды, маршировавшие в 1923 году, с нынешних позиций, вы бы спросили: "Из какой исправительной тюрьмы они сбежали?.. "

Однако судьба отнеслась к нам благосклонно. Она не позволила увенчаться успехом нашему начинанию, которое в случае победы в конце концов неизбежно провалилось бы из-за внутренней незрелости нашего движения тех дней и его слабой организации и идеологической платформы... Мы признали, что недостаточно свергнуть старое государство, необходимо предварительно подготовить создание государства нового, которое могло бы взять власть...

В 1933 году вопрос заключался уже не в насильственном свержении государства; к тому времени было создано новое государство, и надо было лишь разрушить то, что оставалось от старого строя. На это потребовалось всего несколько часов".

В ходе судебного процесса, полемизируя с судьями и обвинителями, Гитлер воображал, как надо строить новое нацистское государство. Прежде всего необходимо, чтобы на этот раз германская армия была заодно с ними,

а не против. В своей заключительной речи Гитлер постарался обыграть идею примирения с вооруженными силами, ни словом не упрекнув военных.

"Я верю, что придет час, когда люди, стоящие сегодня на улице под нашим знаменем со свастикой, объединятся с теми, кто стрелял в них... Когда я узнал о том, что в нас стреляли "зеленые" полицейские, я с удовлетворением отметил, что кровью запятнали себя не вооруженные силы рейхсвера. Честь рейхсвера безупречна, как и прежде. Однако пробьет час, когда и офицеры, и рядовые рейхсвера перейдут на нашу сторону".

Предсказание было довольно верным, но в этот момент Гитлера прервал председатель суда:

— Господин Гитлер, вы утверждаете, что "зеленая" полиция запятнала себя. Я возражаю.

Подсудимый не обратил ни малейшего внимания на это замечание. Заключительную речь, которую собравшиеся слушали затаив дыхание, Гитлер закончил такими словами:

"Созданная нами армия растет изо дня в день... Я с гордостью надеждой вынашиваю планы, что наступит час, когда эти, еще и несформированные роты станут батальонами, батальоны — полками, а полки — дивизиями, когда старые кокарды извлекут из грязи и старые знамена будут развеиваться на ветру, тогда и произойдет примирение наших рядов на фоне посланного нам всевышним последнего испытания, которое мы с готовностью встретим".

Обратив свой горячий взгляд на судей, Гитлер заявил:

"Господа, не вам предстоит вынести нам приговор. Этот вердикт вынесет вечный суд истории. Приговор, который вынесете вы, мне известен. Однако тот, другой суд не будет задавать нам вопросов: совершили вы государственную измену или нет? Тот суд будет судить нас, генерал-квартирмейстера старой армии {Людендорфа}, его офицеров и солдат как немцев, которые желали только блага своему народу и отечеству, хотели сражаться и умереть. Вы вправе признать нас тысячу раз виновными, однако богиня вечного суда истории лишь улыбнется и в ключья разорвет постановление государственного прокурора и решение вашего суда. Она оправдает нас".

Однако решения — их трудно назвать приговором — судей, вершивших в то время правосудие, по мнению Конрада Хайдена, мало чем отличались от вердикта истории. Людендорфа оправдали. Гитлера и других подсудимых признали виновными. Но, несмотря на положение закона (статья 81 Уголовного кодекса Германии, в которой говорилось, что "любое

лицо, пытающееся силой изменить конституцию германского рейха или одной из земель Германии, наказуемо и приговаривается к пожизненному заключению"), Гитлера приговорили к пяти годам лишения свободы в старой крепости Ландсберг.

Даже неопытные судьи возражали против суровости данного приговора, но председательствующий заверил их в том, что узника освободят на поруки после того, как он отбудет в крепости шесть месяцев. Попытки полиции добиться депортации Гитлера как иностранца — он по-прежнему имел австрийское гражданство — ни к чему не привели. Решение суда было вынесено 1 апреля 1924 года. А через девять месяцев, 20 декабря, Гитлера выпустили из тюрьмы и он смог возобновить борьбу за свержение демократического строя. Наказание за государственную измену, если речь шла о крайне правых, не являлось чрезмерно строгим, несмотря на положения закона, и это понимали многие враги республики.

Благодаря путчу, хотя он и потерпел фиаско, Гитлер приобрел общенациональную известность и в глазах многих выглядел патриотом и героем. Нацистская пропаганда вскоре заговорила о путче как о великом этапе развития нацистского движения. Ежегодно после прихода к власти, даже после начала второй мировой войны, фюрер приезжал в Мюнхен, чтобы вечером 8 ноября выступить в пивном зале перед старыми борцами, то есть теми, кто бросился вслед за ним в авантюру, обернувшуюся позднее ужасной катастрофой. В 1935 году Гитлер, будучи уже рейхсканцлером, распорядился вырыть тела шестнадцати нацистов, погибших в непродолжительной перестрелке с полицией, и поместить их в саркофаги в Фельдхерн-халле, ставшем национальной святыней. Открывая этот мемориал Гитлер сказал: "Отныне они обрели бессмертие... Они олицетворяют Германию и стоят на страже нашего народа. Они покоятся здесь как истинные рыцари нашего движения".

Фюрер не вспомнил, и никто из присутствующих, видимо, не захотел вспоминать о том, что именно этих боевых товарищей Гитлер оставил умирать на улице, в то время как сам поднялся с тротуара и предпочел спастись бегством.

Летом 1924 года в старой крепости Ландсберг, расположенной в верховьях реки Лех, Адольф Гитлер, с которым обходились как с почетным гостем, предоставив ему отдельную комнату с прекрасным видом, освободившись от многочисленных посетителей, приходивших выразить ему свое почтение и преподнести подарки, вызвал к себе преданного Рудольфа Гесса, вернувшегося наконец в Мюнхен и получившего срок, и начал диктовать ему главы своей книги {До приезда Гесса

предварительные записи под диктовку Гитлера вел Эмиль Морис, бывший заключенный, часовщик по специальности, первый командир нацистских боевых отрядов. — Прим. авт. }.

Часть 4. Воззрения Гитлера и истоки Третьего Рейха

Гитлер хотел назвать свою книгу "Четыре с половиной года борьбы с ложью, глупостью и трусостью", но Макс Аманн, практичный директор нацистского издательства, который должен был издавать ее, возражал против столь тяжеловесного и малопривлекательного заголовка и урезал его. Книга получила название "Моя борьба" ("Майн кампф"). Содержание ее разочаровало Аманна: он надеялся заполучить страстную исповедь Гитлера, где описывалось бы, как он из безвестного венского "рабочего" превратился в известную всему миру фигуру. Как уже отмечалось, в книге немного автобиографического материала.

Нацистский издатель рассчитывал также на то, что Гитлер даст свою трактовку "пивного путча", драматизм и двойственность которого, по его убеждению, заинтересовали бы читателя. Однако Гитлер в этом вопросе проявил чрезмерную осторожность и не стал ворошить прошлое в тот момент, когда влияние партии упало. {"Нет смысла, — писал он в конце второго тома, — беречь раны, которые, судя по всему, еще не до конца зажили... нет нужды винить тех, кто в глубине души, вероятно, был не меньше предан своей стране и кто просто не нашел или не смог понять общий курс". Столь злопамятным человеком, каким был Гитлер, в данном случае проявлена неожиданная терпимость по отношению к тем, кто подавил поднятый им путч и упрятал его за решетку, либо, принимая во внимание то, что произошло позднее с Каром и другими его противниками, данное утверждение свидетельствует о силе воли Гитлера — способности сдерживаться на какое-то время по тактическим соображениям. В любом случае Гитлер воздержался от каких-либо встречных обвинений. — Прим. авт. }

Поэтому в "Майн кампф" практически не упоминается о неудачном путче.

Первый том "Майн кампф" был опубликован осенью 1925 года. Книга объемом четыреста страниц стоила двенадцать марок (или три доллара) — почти вдвое дороже большинства книг, выпускаемых в то время в Германии. Она не сразу стала бестселлером. Аманн, правда, хвастался, что в первый год после выхода книги в свет было подано 23 тысячи экземпляров и что в последующие годы доходы возросли. Однако данное заявление было воспринято в антинацистских кругах скептически.

На основании захваченной союзниками в 1945 году документации о выплате гонораров нацистским издательством "Эйер ферлаг" можно привести фактические данные о продаже "Майн кампф". В 1925 году было продано 9 тысяч 473 экземпляра, затем в течение трех лет количество проданных книг ежегодно сокращалось. В 1926 году оно упало до 6 тысяч 913 экземпляров, в 1927 году — до 5 тысяч 607, а в 1928 году составило лишь 3 тысячи 15 экземпляров, учитывая оба тома. В 1929 году число проданных книг несколько возросло — до 7 тысяч 664 экземпляров. С увеличением фондов нацистской партии в 1930 году, когда на прилавках появилось недорогое однотомное издание "Майн кампф" за восемь марок, продажа книг возросла до 54 тысяч 86 экземпляров. На следующий год количество проданных книг несколько сократилось (50 тысяч 807) и в 1932 году достигло 90 тысяч 351 экземпляра.

Гонорары Гитлера — основной источник его доходов — начиная с 1925 года и во все последующие годы составляли значительную сумму, если учесть средние ставки за эти семь лет. Однако их трудно сравнивать с гонорарами, полученными в 1933 году, когда Гитлер стал рейхсканцлером. За первый год пребывания Гитлера у власти продали миллион экземпляров "Майн кампф", и доходы фюрера от гонораров, которые с 1 января 1933 года возросли с 10 до 15 процентов, превысили миллион марок (примерно 300 тысяч долларов). Гитлер сделался самым состоятельным автором в Германии и впервые почувствовал себя миллионером {Как у большинства писателей, у Гитлера возникали определенные трудности с Уплатой налогов — по крайней мере, как мы увидим, до тех пор, пока он не стал диктатором. — Прим. авт. }.

За исключением Библии, ни одна книга не продавалась в таких количествах в период нацистского правления, когда немногие семьи чувствовали себя в безопасности, не выставив книгу на почетное место у себя в доме. Считалось почти обязательным — и, безусловно, разумным — дарить "Майн кампф" жениху и невесте к свадьбе, а школьнику по окончании школы любого профиля. К 1940 году, спустя год после начала второй мировой войны, в Германии было продано 6 миллионов экземпляров этой нацистской библии.

Вовсе не обязательно, что каждый немец, купивший "Майн кампф", прочел ее. Я слышал от многих убежденных нацистов, что им было трудно читать эту книгу, и не так уж мало немцев в частной беседе признавались, что не смогли осилить до конца высокопарный опус в 782 страницы. Можно, по всей вероятности, утверждать что если бы большее число немцев, не являвшихся членами нацистской партии, прочли эту книгу до

1933 года и если бы государственные деятели разных стран внимательно изучили ее, пока еще не было поздно, то и Германию, и весь мир удалось бы спасти от катастрофы.

Какие бы обвинения ни предъявлялись Адольфу Гитлеру, никто не может обвинить его в том, что он не описал подробно ту Германию, которую намеревался создать в случае прихода к власти и тот мировой порядок, который собирался установить благодаря завоеваниям германской армии. Наметки третьего рейха, более того варварского "нового порядка", насаждаемого Гитлером в покоренной Европе в годы его триумфа со всей вопиющей жестокостью, пространно и подробно излагаются на страницах этой откровенной книги.

Как отмечалось ранее, основные воззрения сформировались у Гитлера в двадцатилетнем возрасте в Вене, и впоследствии, как он сам признавался, ему не пришлось многому учиться и коренным образом менять что-либо.

Когда в 1913 году Гитлер в возрасте 24 лет уехал из Австрии в Германию, он испытывал страстное влечение к германскому национализму и ненависть к демократии, марксизму и евреям; он был убежден, что само провидение избрало арийцев, прежде всего немцев, высшей расой.

В "Майн кампф" Гитлер изложил свои взгляды применительно к конкретной проблеме — возвращение побежденной и расчлененной Германии места под солнцем, какое ей не доводилось занимать во все предшествующие периоды своей истории, и создание государства нового типа. Такое государство, по мнению Гитлера, должно зиждиться на расовом принципе и объединять всех немцев, в том числе проживающих за пределами рейха, устанавливая диктаторскую власть фюрера, то есть власть самого Гитлера, подкрепляя ее системой руководителей меньшего ранга, получающих распоряжения сверху и передающих их низшему звену.

В книге, таким образом, во-первых, даются наметки будущего германского государства и методы, благодаря которым оно в один прекрасный день станет "хозяином всей земли", как пишет об этом автор на последней странице; во-вторых, излагаются взгляды, жизненная концепция, Weltanschauung (мировоззрение), если пользоваться любимым выражением Гитлера.

Разумеется, любой нормальный человек XX века воспримет такой взгляд на мир как нелепую мешанину, состряпанную неискушенным, необразованным неврастеником. Но важно отметить, что данное мировоззрение было фанатично подхвачено миллионами немцев и привело страну к полному краху. В нем кроется также причина гибели миллионов ни в чем не повинных, порядочных людей как в самой Германии, так и за ее

пределами.

Каким же образом новому рейху предстояло восстановить свое сложение мировой державы и затем покорить мир? Гитлер размышляет над этим вопросом в первом томе "Майн кампф", большая часть которого была написана им в крепости в 1924 году, а затем довольно подробно останавливается на данных проблемах во втором томе, законченном в 1926 году.

Прежде всего, полагал Гитлер, необходимо свести счеты с Францией "этим безжалостным, смертельным врагом немецкого народа". Франция, по мнению Гитлера, всегда видит свою задачу в том, чтобы расчленить и расшатать Германию, разбить ее на отдельные мелкие земли. Это настолько очевидно, добавлял он, что "если бы я был французом... я не мог бы и не хотел поступить иначе, чем Клемансо". Таким образом, надлежало "энергично и окончательно рассчитаться с Францией... провести последний решающий бой... только тогда мы сможем положить конец этой вечной и в сущности такой бесплодной борьбе между нами и Францией, разумеется, допуская, что Германия фактически рассматривает поражение Франции лишь в качестве одного из средств, с помощью которого немецкий народ впоследствии сможет значительно расширить владения в других районах".

Расширить владения в других районах? Где? Таким образом Гитлер вплотную подходит к главной концепции внешней политики Германии, которую столь добросовестно проводил в жизнь, став правителем рейха.

"Германия, — откровенно заявлял он, — должна увеличить свою территорию на Востоке — в основном за счет России".

В первом томе "Майн кампф" Гитлер много внимания уделил рассмотрению вопроса о жизненном пространстве. Данная тема занимала его до самых последних дней. Империя Гогенцоллернов, по его убеждению, допустила ошибку, стремясь завоевать колонии в Африке: "Территориальную политику нельзя проводить за счет разных камерунов, в настоящее время она должна решаться главным образом в Европе". Однако все земли в Европе к тому моменту были уже заняты. Верно, признавал Гитлер, однако природа не зарезервировала эти земли для будущего владения какой-либо определенной нацией или расой; напротив, эти земли предназначаются тому народу, который сможет захватить их силой.

А что делать, если возражают нынешние владельцы? Тогда вступает в силу закон самосохранения: чего нельзя достичь мирным путем, надо получить с помощью кулаков.

Объясняя недальновидность предвоенной внешней политики

Германии, Гитлер заявлял, что приобретение новых земель "возможно лишь на Востоке... Желание получить земли в Европе может быть реализовано главным образом за счет России. Это означает, что новому рейху предстоит снова отправиться в поход по стопам древних тевтонских рыцарей и с помощью германского меча обрести землю для германского плуга и хлеб насущный для нации".

Словно усомнившись, что недостаточно четко изложил свои мысли в первом томе, Гитлер возвращается к этому вопросу в томе втором:

"Лишь достаточно большое пространство на земле предоставляет и нации свободу существования... Невзирая на "традиции" и предрассудки, национал-социалистское движение должно найти в себе мужество объединить наш народ и свои силы для продвижения по пути, который поможет вывести нацию из существующих ограниченных рамок жизненного пространства на новые просторы и земли... Национал-социалистское движение должно стремиться покончить с диспропорцией между численностью нашего населения и нашей территорией, рассматривая последнюю в качестве источника пропитания и основы для политики с позиции силы... Нам надо неуклонно придерживаться нашей цели... чтобы обеспечить германский народ жизненным пространством и землей, на что он имеет полное право".

На какое, собственно, пространство мог претендовать германский народ? Гитлер презрительно отмечал, что буржуазия, "которая полностью лишена творческого политического видения будущего", разглагольствовала о восстановлении Германии в границах 1914 года.

"Требование о восстановлении границ 1914 года — это политический абсурд таких размеров, последствия которого делают его равным преступлению. Данное требование совершенно не учитывает того факта, что границы рейха 1914 года отнюдь не соответствовали исторической логике. В действительности они не могли считаться ни всеобъемлющими с точки зрения объединения немецкой нации, ни разумными с позиций военной целесообразности. Границы не являлись результатом взвешенных политических актов, а сложились на момент политической борьбы, которая далеко не окончена... С не меньшим, а во многих случаях и с большим основанием в качестве примера можно взять любой другой год в истории Германии и провозгласить восстановление границ того времени целью внешней политики".

"Исходный год" Гитлера относится к XIII веку, когда германцы оттеснили славян на восток. Подобное продвижение на восток следовало возобновить.

"В настоящее время в Европе проживает восемьдесят миллионов немцев! Текущую внешнеполитическую деятельность можно признать правильной лишь в том случае, если через сто лет на земле будут проживать двести пятьдесят миллионов немцев".

Все они будут жить в новых границах большого рейха. Очевидно, каким-то народам придется потесниться, чтобы разместить так много немцев. Что это за народы?

"Таким образом, мы, национал-социалисты... начинаем там, где закончили битву шесть веков назад. Мы приостановим бесконечную миграцию немцев на юг и запад и обратим наш взор на земли, расположенные на востоке.

Говоря сегодня о жизненном пространстве в Европе, мы в основном можем иметь в виду лишь Россию и ее вассальные пограничные государства".

Судьба, как отмечал Гитлер, в данном случае благосклонна к Германии. Россия оказалась в руках большевиков, что, по его словам, фактически означало ее передачу евреям. "Огромная империя на Востоке, — ликовал Гитлер, — близка к краху. Свержение еврейского правления в России положит в свою очередь конец России как государству".

Обширные степи на Востоке, подчеркивал Гитлер, можно захватить сравнительно легко после поражения России, которое немцам будет стоить не так много крови.

Мог ли кто-либо утверждать, что эти наметки будущих планов Гитлера не отличались ясностью и точностью? Франция будет сокрушена, однако это имеет второстепенное значение по сравнению с устремлением Германии на Восток. В первую очередь будут захвачены земли на Востоке, непосредственно прилегающие к Германии, где преобладало немецкое население. Какие земли имелись в виду? Разумеется, Австрия, Судетская область в Чехословакии и западная часть Польши, включая Данциг. После этого настанет черед и самой России.

Почему же все в мире были так удивлены, когда рейхсканцлер Гитлер спустя несколько лет приступил к осуществлению этих задач?

Идеи Гитлера, изложенные в "Майн кампф", относительно структуры будущего нацистского государства носят менее конкретный характер. Он достаточно ясно дал понять: в будущем нет места для разной "демократической чепухи" и третий рейх будет руководствоваться принципом фюрера, что означало установление диктатуры. В книге Гитлера почти ничего не сказано об экономике. Она нагоняла на Гитлера

тоску, и он никогда не пытался углубить свои познания в этой области, ограничиваясь лишь обыгрыванием сумасбродных идей чудаковатого Готфрида Федера, выступавшего против "принудительного налогообложения".

Гитлера интересовала лишь политическая власть. Экономика сама о себе как-нибудь позаботится.

"Государство не имеет ничего общего с конкретной экономической концепцией или развитием... Государство является расовым организмом, а не экономической организацией... Внутренняя сила государства лишь в редких случаях совпадает с так называемым экономическим процветанием; последнее, как свидетельствуют бесчисленные примеры, очевидно, указывает на приближающийся крах государства... Пруссия с исключительной наглядностью подтверждает, что не материальные средства, а лишь идейные ценности позволяют создать государство. Только при их наличии может благоприятно развиваться экономическая жизнь. Всегда, когда в Германии отмечался политический подъем, экономические условия начинали улучшаться, и всегда, когда экономические условия становились первостепенной заботой народа, а идейные ценности отходили на второй план, государство разваливалось и вскоре возникали экономические трудности... До сих пор никогда в основе государства не лежали мирные экономические средства..."

Поэтому, заявил Гитлер, выступая в 1923 году в Мюнхене "никакая экономическая политика невозможна без меча, никакая индустриализация невозможна без применения силы".

Не считая этих туманных, незрелых философских воззрений и отдельных ссылок в "Майн кампф" на "экономические палаты" "палаты землевладельцев" и "центральный экономический парламент", которые "позволят функционировать национальной экономике", Гитлер воздерживается от высказываний относительно экономических основ третьего рейха.

Несмотря на то что нацистская партия провозглашалась "социалистской", Гитлер еще более туманно писал о "социализме", каким он представлял его себе в новой Германии. И это неудивительно если учесть данное Гитлером определение "социалиста" в выступлении 28 июля 1922 года:

"Тот, кто готов рассматривать цели нации как свои собственные в той мере, когда для него нет более высокого идеала, чем благосостояние нации; тот, кто понимает наш государственный гимн "Германия превыше всего" в том смысле, что для него нет в мире ничего выше его Германии, народа и

земли, тот является социалистом".

Значительная помощь по редактированию и даже доработке текста со стороны не менее трех советников отнюдь не исключала того, что Гитлер перескакивал в "Майн кампф" с одного вопроса на другой. Рудольф Гесс, который записал большую часть книги под диктовку сначала в тюрьме крепости Ландсберг, а затем в "Хаус Вахенфельде" под Берхтесгаденом, делал все возможное, чтобы улучшить рукопись, но был не в состоянии противостоять фюреру. Больше повезло в этом отношении отцу Бернхарду Штемпфле, бывшему члену ордена Святого Иеронима, журналисту-антисемиту, пользовавшемуся дурной славой в Баварии. Этот странный священнослужитель, о котором мы расскажем позднее, исправил грамматические ошибки, допущенные Гитлером, отредактировал рукопись и убрал отдельные места, убедив автора, что они нежелательны с политической точки зрения. Третьим советником был Йозеф Черны, чех по происхождению, сотрудник нацистской газеты "Фелькишер беобахтер", чья поэзия, направленная против евреев, привлекала Гитлера. Черны оказался полезен в редактировании первого тома "Майн кампф" для второго издания, в котором были сняты или изменены некоторые щекотливые выражения и фразы, внимательно работал он и с корректурой второго тома "Майн кампф".

Тем не менее в книге осталось немало пространных отступлений. Гитлер настаивал на импровизационном изложении своих мыслей практически по любому вопросу, включая культуру, образование, театр, кино, сатиру, искусство, литературу, историю, секс, семью, проституцию и сифилис.

Так, проблеме сифилиса Гитлер посвятил десять напыщенных страниц, провозгласив, что главной задачей партии, а не просто одной из задач, является искоренение его. Для борьбы с этой страшной болезнью Гитлер потребовал мобилизации всех пропагандистских ресурсов страны. "Все, — говорил Гитлер, — зависит от решения этого вопроса". Он подчеркивал, что проблема сифилиса и проституции может быть решена путем упрощения процедуры вступления в брак в более раннем возрасте. При этом Гитлер предвосхищает евгенику третьего рейха, уповая на то, что "семья не является самоцелью, а служит более высокой задаче: увеличению и сохранению человеческого рода и расы. Именно в этом состоит смысл семьи и ее задача".

Ссылки на сохранение рода человеческого и расы в "Майн кампф" подводят нас к рассмотрению второй основополагающей концепции — мировоззрения Гитлера, которое многие историки, особенно в Англии,

считали примитивной формой дарвинизма. На самом же деле, как мы убедимся, истоки его коренятся в истории и философии Германии. Подобно Дарвину, но как и многие немецкие философы, историки, короли, генералы и государственные деятели, Гитлер рассматривал жизнь как вечную борьбу, а мир — как джунгли, где выживает самый выносливый и правит самый сильный, "где одно существо кормится за счет другого и где гибель более слабого предполагает выживание более сильного".

"Майн кампф" изобилует высказываниями подобного рода: "В конечном счете верх может одержать лишь жажда самосохранения... Человечество достигло своего величия в вечной борьбе, а погибнет от вечного мира... Природа... создает живые существа на земле и наблюдает за произвольной силовой игрой. Затем вверяет бразды правления своему любимому дитяти, самому сильному, мужественному и трудолюбивому... Сильнейший занимает господствующее положение и не допускает смешения с более слабым, что может повредить его собственному величию. Только слабый от рождения считает такой подход жестоким..."

По мнению Гитлера, сохранение культуры "обусловлено строгим законом необходимости, право на победу имеют самые лучшие и самые сильные мира сего. Пусть те, кто хочет жить, вступают в борьбу, а те, кто не хочет бороться в этом мире вечной борьбы, не заслуживают права на жизнь. Хотя это жестоко, но это жизнь!"

А кто же это "любимое дитя природы, самое сильное, мужественное и трудолюбивое", которому провидение вверило "бразды правления"? Арийцы. Тут мы подходим к самой сути нацистской идеи о расовом превосходстве, нашедшей отражение в "Майн кампф", к концепции о высшей расе, на которой основывался третий рейх и "новый порядок" Гитлера в Европе.

"Вся человеческая культура, все достижения искусства, науки и техники, свидетелями которых мы сегодня являемся, почти исключительно — плоды творчества арийцев. Один лишь этот факт вполне (Обоснованно подтверждает вывод о том, что именно ариец — родоначальник высшего гуманизма, а следовательно, и прообраз всего того, что мы понимаем под словом "человек". Он — Прометей человечества, со светлого чела которого во все времена слетали искры гениальности, всегда заново разжигающие огонь знаний, освещающий мглу мрачного невежества, что позволило человеку возвыситься над всеми другими существами Земли. Именно он заложил основы и воздвиг стены всех великих сооружений человеческой культуры"

Каким же образом ариец достиг столь многого и добился такого

превосходства? Гитлер ответил на этот вопрос следующим образом: растоптав других. Подобно многим немецким мыслителям XIX века Гитлер упивался садизмом (и его противоположностью — мазохизмом), который всегда был довольно труден для понимания иностранным исследователям, занимающимся изучением немецкого духа.

"Следовательно, для формирования более высоких культур одной из самых главных предпосылок является наличие людей низшего типа... Несомненно, первые человеческие цивилизации в меньшей степени основывались на укрощении животных, нежели на использовании человеческих существ низшего типа. Только после порабощения низших рас та же участь постигла животных. Поэтому вначале в плуг впрягли поверженного противника, а потом уже лошадь. Таким образом, неудивительно, что первые культуры возникали там, где арийцы, сталкиваясь с людьми низшего типа, покоряли и подчиняли их своей воле... До тех пор пока ариец будет сохранять господствующее положение, он останется не только властелином, но и хранителем и созидателем культуры".

Затем в историческом развитии общества произошли изменения, о которых Гитлер считал нужным предупредить германцев.

"По мере того как покоренные народы поднимали голову и достигали уровня своих поработителей (на том этапе, видимо, переняв их язык), грань между хозяином и слугой стала стираться".

Но то, что они овладели языком господина, было еще не самое худшее.

"Ариец перестал следить за чистотой своей крови и тем самым лишился рая, который для себя создал. Ариец погряз в кровосмешении с другими расами и постепенно потерял свои творческие задатки".

По мнению молодого нацистского главаря, именно в этом заключалась кардинальная ошибка.

"Кровосмешение и соответствующее понижение расового уровня является единственной причиной вымирания древних цивилизаций; люди гибнут не в результате проигранных войн, а из-за утраты сопротивляемости организма, которая присутствует лишь в чистокровной личности. Все, кто не принадлежит к высшей расе, составляют отбросы".

Таковыми отбросами были евреи и славяне. Со времени, когда Гитлер станет диктатором и победителем, он запретит браки немцев с представителями других рас, хотя даже четвероклассник мог без труда объяснить фюреру, что в самих германцах течет немало славянской крови, особенно в выходцах из восточных провинций Германии. Следует еще раз подчеркнуть, что в претворении расовых идей Гитлер оставался верен себе.

Согласно "новому порядку", который в ходе второй мировой войны стал насаждаться среди славянских народов, чехи, поляки и русские являлись — и таковыми им суждено было оставаться навсегда в случае, если пресловутый "новый порядок" продолжал бы функционировать и дальше, — подневольными чернорабочими у своих германских господ.

Человеку, столь слабо разбиравшемуся в истории и антропологии, как Гитлер, ничего не стоило сделать из немцев современных арийцев и таким образом превратить их в высшую расу. Для Гитлера германцы являлись "высшей человеческой расой на Земле" и таковыми останутся при условии, если не только "приложат усилия к тому, чтобы выводить новые породы собак, лошадей и кошек, но и позаботятся о чистоте своей крови".

Одержимость расовыми проблемами привела Гитлера к отстаиванию идеи "народного" государства. Какое, в сущности, государство имелось в виду или предполагалось создать — мне так и не удалось понять, несмотря на неоднократное чтение "Майн кампф" и присутствие на многочисленных выступлениях самого фюрера, посвященных данному вопросу, где я не раз слышал, как диктатор заявлял, что именно эта мысль является главной в его философии.

Немецкое слово "фольк" не поддается точному переводу. Обычно его переводят как "нация" или "народ", однако в немецком языке данное слово имеет несколько иной, более глубокий смысл и означает скорее примитивное родовое сообщество людей, объединившихся по кровному и земельному признаку. В "Майн кампф" Гитлер, преодолевая трудности, пытается дать определение народного государства, заявляя, например, что он постарается объяснить "народную" концепцию, чтобы покончить со всеми прочими трактовками, а затем пускается в разглагольствования на другие темы. Наконец, он пытается дать такое определение:

"В отличие от буржуазного и марксистско-еврейского мировоззрения народная философия рассматривает значение человечества в его базовых расовых элементах. В государстве она видит лишь одно из средств для достижения конечной цели, считая, что эта цель состоит в сохранении расового существования человека. Следовательно, данная философия никоим образом не исходит из равноправия рас, а наряду с их различием признает высшие либо низшие Расовые ценности и считает себя обязанной содействовать торжеству лучших и более сильных рас. Она предполагает подчинение низших и более слабых рас в соответствии с вечным порядком, господствующим во Вселенной. Таким образом, постоянная философия в принципе отвечает основной идее аристократической натуры и исходит из обязательности данного закона для всех, а также учитывает не только

различную ценность рас, но и различную ценность отдельных лиц. Согласно этой философии из масс важно выдвигать индивидуальность и таким образом... создавать некое организующее начало. Она верит в необходимость идеализации человечества, в которой видит лишь предпосылку существования рода человеческого. Однако она не может дать право на существование какой-либо этической идеи, если эта идея представляет угрозу расовому существованию жителей более высокой этики. Ибо в мире, населенном неполноценными особями и черномазыми, любые гуманные воззрения, какими бы прекрасными и величественными они ни были, а также любые идеи относительно идеального будущего нашего человечества утрачены раз и навсегда...

Следовательно, немецкая жизненная философия соответствует исконному желанию природы, поскольку воссоздает свободную игру сил, которые способны привести к постоянному взаимному улучшению рода, пока наконец лучшие представители человечества, добившись господства на нашей планете, не станут располагать полной свободой действий в тех владениях, которые частично выходят за ее пределы.

Мы все ощущаем, что в отдаленном будущем человечество столкнется с проблемами, решить которые будет под силу лишь высшей расе — властителям всей планеты".

"Таким образом, — заявляет далее Гитлер, — высшей целью народного государства является забота о сохранении тех первоначальных расовых элементов, которые наследуют культуру и закладывают основы красоты и достоинства высшей человеческой расы". Гитлер снова подходит к рассмотрению проблемы евгеники.

"Народное государство... ставит расовый вопрос в центр своего внимания. Оно прилагает усилия к тому, чтобы сохранять чистоту расы — следит за тем, чтобы детей рожали лишь здоровые люди, ибо страшный позор производить на свет детей больными и немощными родителями и большая честь — отказаться от этого. И наоборот, предосудительным следует считать нежелание производить здоровых детей для нации. В этом случае (народное) государство выступает в роли гаранта грядущих поколений, перед лицом которых желания и эгоизм отдельного лица надо отбрасывать в сторону и подавлять... Народное государство, таким образом, начинается с повышения роли семьи с целью покончить с постоянным загрязнением расы и превратить ее в институт, призванный производить на свет божественные создания, а не уродов, нечто среднее между человеком и обезьяной".

Фантастичная концепция Гитлера относительно народного государства

повлекла за собой довольно много прочих пространных высказываний, которые, по мнению фюрера, были призваны содействовать тому, чтобы немцы стали хозяевами земли, — он был одержим идеей доминирующей роли Германии. В одном из подобных высказываний Гитлер утверждает, что неспособность немцев сохранить свою расовую исключительность лишила их "мирового господства. Если бы германский народ обладал родовым единством, присущим другим народам, то в настоящее время германский рейх, несомненно, владел бы миром".

Поскольку народное государство основывается на расовом признаке, "германский рейх включает всех немцев" — основное положение концепции Гитлера, которое он не забыл, придя к власти, а напротив, сразу стал проводить в жизнь.

Так как народное государство строится на идее "аристократической натуры", для демократии в данной концепции нет места и ее должен заменить "принцип фюрера". Третьему рейху необходимо взять на вооружение авторитаризм прусской армии: "власть начальника над подчиненными и подчинение нижестоящих вышестоящим".

"Решения большинством не предусмотрены, решения принимаются только ответственными лицами... Разумеется, каждый руководитель своим распоряжением будет иметь штат советников, но решение принимается им единолично... только он один располагает полномочиями и правом отдавать распоряжения... Невозможно обойтись без парламента, однако парламентарии фактически станут давать советы... Ни в одной из палат не будет иметь место голосование. Палаты являются рабочими органами, а не орудиями голосования. Данный принцип — абсолютное подчинение, безоговорочно слитое с полной властью, — постепенно сформирует элиту руководителей, создание которой в нынешних условиях, в эпоху безответственного парламентаризма, совершенно невысказимо".

Таковы были идеи Адольфа Гитлера, откровенно и грубо изложенные им в дни пребывания в крепости Ландсберг, когда он смотрел на цветущие фруктовые сады в верховьях реки Лех {"Если бы я не попал в тюрьму, — отмечал впоследствии Гитлер, — я никогда бы не написал "Майн кампф". В тот период у меня появилась возможность более глубоко осмыслить понятия, в отношении которых у меня имелись лишь чисто интуитивные догадки... В ту пору я пришел к убеждению, что нам уже не удастся взять власть силой, хотя многим моим сторонникам так и не было дано этого понять. Государство имело достаточно времени для консолидации сил, к тому же обладало боевыми средствами" (см. Секретные беседы Гитлера. 1941–1944. Нью-Йорк, 1953). Это высказывание сделано Гитлером в

присутствии некоторых из его приближенных в ставке на Восточном фронте в ночь на 4 февраля 1942 года. — Прим. авт. }, или позднее, в 1925–1926 годах, когда, отдыхая на балконе комфортабельной гостиницы в Берхтесгадене, взирал на гористые Альпы, за которыми лежала его родная Австрия. Он диктовал свои тирады преданному Рудольфу Гессу и мечтал о третьем рейхе, который создаст, взяв за основу свои идеи — примитивные, дешевые идеи, уже рассмотренные нами, и которым будет править железной рукой. Что в один прекрасный день он построит свой рейх и будет управлять им — не вызывало у Гитлера сомнений. Им овладело неистовое чувство осознания своей миссии, хорошо знакомое столь многим талантливым людям, которые всегда существовали на протяжении веков и появлялись вроде бы неизвестно откуда. Гитлер объединит избранную нацию, которая до этого никогда не была политически единой. Он очистит расу, сделает сильной, и она станет господствовать на земле.

Что это? Незрелый дарвинизм? Садистская фантазия? Безответственный эгоизм? Мания величия? Да, тут всего понемногу. Но было и нечто большее. Мысли и страсти Гитлера, заблуждения, овладевшие его воспаленным сознанием, — все уходит своими корнями в глубь истории и философии Германии. Нацизм и третий рейх по существу были не чем иным, как логическим продолжением германской истории.

Исторические корни третьего рейха

В начале сентября, в разгар ежегодных собраний членов нацистской партии в Нюрнберге, я часто видел лоточников, торгующих почтовыми открытками с изображением Фридриха Великого Бисмарка, Гинденбурга и Гитлера. Надпись на открытках гласила: "Что завоевал король, укрепил принц, защитил фельдмаршал, спас и объединил солдат". Таким образом, Гитлер-солдат изображался не только человеком, спасшим и объединившим Германию, но и преемником этих известных деятелей, возвеличивших нацию.

Подразумеваемая преемственность германской истории, достигшая кульминации во времена правления Гитлера, воспринималась широкими массами как нормальное явление. Само название "третий рейх" призвано было подчеркнуть эту мысль. Первым рейхом считалась средневековая Священная Римская империя; вторым — империя, созданная Бисмарком в 1871 году после победы Пруссии над Францией. Оба рейха прославили Германию. Как заявляла нацистская пропаганда, Веймарская республика смешала это доброе имя с грязью, а Гитлер обещал, что третий рейх восстановит былую славу нации. Таким образом, гитлеровская Германия изображалась как логическое продолжение всей предыдущей истории или

по крайней мере всего того, чем можно было гордиться.

Но бывший венский бродяга, какими бы бессистемными ни были его знания, достаточно хорошо знал историю, чтобы понимать, что Германия терпела в прошлом и поражения, поражения, которые рассматривались как победы Франции и Англии. Гитлер никогда не забывал о том, что в конце средних веков, в период, когда Англия и Франция завершали объединение нации, Германия оставалась странным конгломератом примерно из трехсот отдельных государств. Национальная раздробленность в значительной степени сказалась на ходе развития Германии с конца средних веков до середины XIX столетия, что сильно отличало ее от других крупных стран Западной Европы.

В XVI и XVII веках в результате введения Реформации к отсутствию политического и династического единства добавились ожесточенные религиозные распри. В этой книге не хватит места, чтобы должным образом поведать об огромном влиянии на немцев и всю последующую историю Германии Мартина Лютера — саксонского крестьянина, ставшего августинским монахом и положившего начало Реформации в стране.

Попутно все же надо заметить, что этот великий, но сумасбродный гений, ярый антисемит и противник римской католической церкви, в буйном характере которого нашли отражение лучшие и худшие черты германской нации — грубость, резкость, фанатизм, нетерпимость, жажда насилия и вместе с тем честность, простота, сдержанность, страсть к знаниям, любовь к музыке и поэзии, стремление к праведности, оставил в сознании немцев — как во благо, так и во вред — след более неизгладимый и роковой, чем любой другой деятель до и после него.

Своими проповедями и прекрасным переводом библии Лютер обогатил современный немецкий язык, пробудил в народе не только новое протестантское видение христианства, но и пламенный немецкий национализм, внушил немцам, по крайней мере относительно религии, мысль о свободе совести каждого.

Однако трагедия состояла в том, что в крестьянских восстаниях в значительной степени инспирированных самим Лютером, Он занимал сторону князей. Все это (как и страсть Лютера к политической автократии) содействовало появлению бездумного провинциального политического абсолютизма, в результате чего большая часть немецкой нации была разорена и впала в состояние страшной спячки и унижающего человеческого достоинства раболепия. Но самое ужасное, видимо, состояло в том, что это помогло увековечить бессмысленное разделение не только между классами, но и между различными династическими и

политическими группировками германской нации. Возможность объединения Германии была отодвинута на века.

Тридцатилетняя война и Вестфальский мир 1648 года, завершивший ее, нанесли стране такой сокрушительный удар, от которого ей так никогда и не удалось оправиться. Тридцатилетняя война была последней крупной религиозной войной в Европе, которая еще до своего окончания из конфликта между протестантами и католиками переросла в запутанную борьбу династий — между австрийскими Габсбургами (католиками) с одной стороны и французскими Бурбонами (католиками) и шведской монархией (протестантами) с другой. В результате жестоких боев Германия оказалась опустошенной, города и деревни были разрушены и разграблены, население истреблено. По подсчетам, в ходе этой варварской войны погибла треть германской нации.

Вестфальский мир для будущего Германии явился таким же гибельным, как и сама война. Германские князья, вставшие на сторону Франции и Швеции, были признаны абсолютными правителями своих небольших владений, число которых достигло примерно 350, а император оставался формальным главой государства лишь в том, что касалось германских земель. Стремление к проведению реформ и жажда просвещения, охватившие Германию в конце XV — начале XVI веков, были задушены.

В этот период подлинной независимостью пользовались вольные города; феодализм отошел в прошлое, процветали искусство и торговля. Даже в сельской местности немецкие крестьяне пользовались большей свободой, чем крестьяне в Англии и Франции. Действительно, в начале XVI века Германия по праву считалась одним из оплотов европейской цивилизации.

После Вестфальского мира Германия была обречена на варварство Московии {Название Русского государства в иностранных источниках XVI–XVII веков. — Прим. пер. }. Вновь ввели крепостное право, которое распространилось даже на те районы, где о нем раньше не имели понятия.

Города утратили самоуправление. Крестьян, рабочих и бюргеров нещадно эксплуатировали князья, которые держали их в унижительном рабстве. Полностью приостановился процесс образования и развития искусств. Алчные правители без понимания относились к германскому национализму и патриотизму, подавляли любые проявления этих чувств у своих подданных. Развитие цивилизации в Германии застопорилось. Рейх, как заметил один историк, "искусственно стабилизировался на средневековом уровне беспорядков и слабости".

Германии не было суждено оправиться от этого удара. Принятие автократии, слепое повиновение правителям-мелким тиранам глубоко укоренились в сознании немцев. Идеи демократии и парламентаризма, получившие столь быстрое развитие в Англии в XVII–XVIII веках и всколыхнувшие Францию в 1789 году, не затронули Германию. Политическая незрелость страны, ее раздробленность на множество мелких государств и изолированность немцев от бурных течений европейской мысли привели к отставанию Германии от других стран Запада. Естественное развитие нации тормозилось.

Это надо иметь в виду, чтобы понять тот гибельный путь, по которому впоследствии пошла страна, и то ущербное состояние духа, которым она пропиталась. В конечном счете германскую нацию выковала грубая сила и сплотила неприкрытая агрессия.

К востоку от Эльбы простиралась Пруссия. Во второй половине XIX века — века, ставшего свидетелем жалких попыток нерешительных либералов создать в 1848–1849 годах во Франкфурте некое подобие демократической объединенной Германии, — Пруссия взяла судьбу Германии в свои руки. На протяжении столетий это германское государство находилось в стороне от основного направления развития истории и культуры Германии. Пруссия являлась как бы ошибкой истории. Возникла она как окраинное, пограничное государство Бранденбург на песчаных землях к востоку от Эльбы, с которых начиная с XI века силой оружия немцы постепенно оттесняли славян. В период правления бранденбургских князей Гогенцоллернов, которые мало чем отличались от военных авантюристов тех времен, славян, большей частью поляков, вытесняли в сторону Балтики. Население, оказывавшее сопротивление, либо уничтожали, либо превращали в безземельных крепостных.

Согласно императорскому указу в Германской империи князьям не разрешалось присваивать себе королевские титулы, но в 1701 году император согласился на избрание Фридриха III прусским королем в Кенигсберге.

К тому времени Пруссия благодаря своим военным усилиям превратилась в одно из ведущих государств Европы. Однако у нее не было ресурсов, которыми располагали другие страны, — земли Пруссии были неплодородны, лишены природных ископаемых, а население немногочисленно. Крупных городов и промышленности не было, культура развивалась медленно. Даже знатные люди не считались состоятельными, а безземельные крестьяне жили просто в скотских условиях.

Тем не менее Гогенцоллернам благодаря огромной силе воли и

организаторскому таланту удалось создать спартанское военное государство, чья хорошо обученная армия одерживала одну победу за другой и чья макиавеллевская дипломатия временных союзов с любым более сильным в данный момент партнером способствовала неуклонному расширению территории Пруссии.

Так, искусственно возникло государство, которое не было порождено ни движением народных масс, ни какой-либо идеологией, не считая жажды завоеваний. Абсолютная власть правителя, бюрократический аппарат с его ограниченными взглядами и армия с жестокой дисциплиной сплотили это государство. Две трети, а иногда и пять шестых государственного бюджета ежегодно шли на военные нужды, и армия при короле стала государством в государстве. "Пруссия, — заметил Мирабо, — это не государство с армией, а армия с государством".

И это государство, которое управляло с фабричной деловитостью и безжалостностью, стало всем. Люди значили в нем немного больше, чем винтики налаженного механизма. Не только короли и сержанты, обучавшие муштре, но и философы давали наставления и поучали, что смысл жизни состоит в послушании, работе, самопожертвовании и долге.

Даже Кант проповедовал, что долг предполагает подавление человеческих чувств; прусский поэт Виллибальд Алексис прославлял порабощение народа в эпоху правления Гогенцоллернов. Лессинг, который не разделял таких взглядов, писал: "Пруссия — самая рабская страна Европы".

Юнкерство, которому суждено было сыграть существенную роль в современной Германии, также являлось уникальным производным Пруссии. Юнкеры считали себя высшей расой. Именно они заняли захваченные у славян земли и создали на них крупные поместья, где работали ставшие безземельными крепостными славяне, положение которых не шло ни в какое сравнение с положением крестьянства Запада.

Аграрная система Пруссии коренным образом отличалась от аграрной системы западной части Германии и Западной Европы. На Западе дворяне, владевшие большей частью земли, получали от крестьян арендную плату или феодальные сборы. Причем крестьяне, хотя часто и являлись крепостными, имели определенные права и привилегии и могли (и в целом ряде случаев им это удавалось) со временем получить собственную землю и гражданскую свободу. На Западе крестьянство составляло значительную часть населения и землевладельцы при всех их недостатках на досуге заводили знакомства и развивали культуру, что отражалось на их образе жизни и способствовало утонченности манер, развитию мысли и искусств.

Прусское юнкерство пренебрегало праздным образом жизни.

Юнкер сам усердно трудился и управлял своим большим поместьем под стать нынешнему директору фабрики. К безземельным крепостным он относился в сущности как к рабам и в своих огромных владениях считался полновластным хозяином. В Пруссии не было крупных городов и значительной буржуазной прослойки, как на Западе, поэтому юнкерство мало преуспело в культурном развитии.

В противоположность просвещенным господам Запада в юнкере получили развитие грубость, властность, высокомерие мужлана, необразованного и некультурного, которого отличали агрессивность, самодовольство, беспощадность, узость мышления, а также жажда мелочной наживы — другими словами, то, что некоторые немецкие историки отмечали в характере самого преуспевающего представителя юнкерства Отто фон Бисмарка.

Этому талантливому политику, апостолу "железа и крови", удалось в период с 1866 по 1871 год покончить с раздробленностью Германии, существовавшей почти тысячу лет, и насильно заменить ее Великой Пруссией, или, если можно так выразиться, прусской Германией. Уникальное создание Бисмарка — Германия, которую мы еще застали, почти целое столетие считалась трудным ребенком в европейской и мировой семье. Это нация одаренных, трудолюбивых людей, в которой сначала знаменитому Бисмарку, а затем кайзеру Вильгельму II и, наконец, Гитлеру при помощи военной элиты и безвестных интеллектуалов удалось привить жажду власти и владычества, страсть к безудержному милитаризму, презрение к демократии и свободе личности и стремление к автократии и деспотизму. В порыве вдохновения нация достигала больших высот, терпела поражения и возрождалась вновь, пока с разгромом Гитлера весной 1945 года, похоже, не потерпела крах, хотя, очевидно, слишком рано говорить об этом с полной уверенностью.

"Великие проблемы, стоящие перед нами сегодня, — заявил Бисмарк, став премьер-министром Пруссии в 1862 году, — нельзя решать принятием резолюций большинством, в чем состояла ошибка тех, кто находился у власти в 1848–1849 годах, а лишь "железом и кровью". Именно таким образом Бисмарк и пытался решать важные проблемы, хотя надо отметить, что он привнес в эту тактику определенный дипломатический лоск, зачастую, правда, весьма обманчивый. Целью Бисмарка было сокрушить либералов, поддержать власть консерваторов — иными словами, юнкерства, армии и государства — и превратить Пруссию в противовес Австрии в государство, играющее доминирующую роль не только в

Германии, но и по возможности во всей Европе.

"Германию прельщает не прусский либерализм, — заметил Бисмарк депутатам прусского парламента, — а ее сила".

Прежде всего он создал прусскую армию и, когда парламент отказался проголосовать за выделение дополнительных ассигнований, сам нашел необходимые средства и в конечном счете распустил парламент. Усилив армию, Бисмарк провел одну за другой три войны. В результате первой — Датской войны 1864 года — герцогства Шлезвиг и Гольштейн отошли к Германии. Вторая — австро-прусская война 1864 года — имела далеко идущие последствия. Австрия, которая на протяжении веков занимала ведущее место среди германских государств, оказалась отстраненной от германских дел. Ей было отказано во вступлении в Северо-Германский Союз, к созданию которого приступил Бисмарк.

"В 1869 году, — писал известный немецкий ученый-политолог Вильгельм Репке, — Германия прекратила свое существование". Пруссия одним махом аннексировала все германские государства северу от реки Майн, за исключением Саксонии, воевавшие против нее, в том числе герцогства Ганновер, Гессен, Нассау, Франкфурт и герцогства по Эльбе. Все другие германские государства к северу от Майна были насильно включены в Северо-Германский Союз. Пруссия простиралась теперь от Рейна до Кенигсберга и играла в союзе ведущую роль. В течение пяти лет после победы над французским императором Наполеоном III южные германские государства во главе с королевством Бавария вошли в прусскую Германию.

Венцом успехов Бисмарка явилось создание второго рейха

18 января 1871 года, когда прусского короля Вильгельма I объявили германским императором в Зеркальном зале Версальского дворца, Германия была объединена прусской военщиной и стала самой мощной державой континента, противостоять которой в Европе могла лишь Англия.

Но это оказалось роковым заблуждением. Германская империя, по словам Трейчке, была по существу не чем иным, как продолжением Пруссии. "Пруссия, — подчеркивал этот автор, — является решающим фактором... Воля империи есть не что иное, как воля прусского государства". Это соответствовало действительности и имело губительные последствия для самих немцев. Ход истории Германии с 1871 по 1933 год и, разумеется, вплоть до поражения Гитлера в 1945 году, за исключением периода Веймарской республики, — это результат бездумного бега по прямой.

Несмотря на демократический фасад, появившийся благодаря

созданию рейхстага, члены которого избирались лицами мужского пола путем всеобщих выборов, Германская империя представляла собой милитаристскую автократию во главе с королем Пруссии, одновременно являвшимся германским императором. Рейхстаг обладал небольшими полномочиями, мало чем отличаясь от дискуссионного клуба, где депутаты излагали свои проблемы и вымаливали нудные подачки для тех слоев населения, интересы которых они представляли.

Находившийся у престола обладал правами помазанника божьего. Не далее как в 1910 году Вильгельм II провозгласил, что королевская корона "дарована милостью божьей, а не разными парламентами, национальными собраниями и решениями народа". "Рассматривая себя проводником воли всевышнего, — добавил он, — я буду поступать по своему усмотрению".

Парламент не являлся для него препятствием. Назначенный Вильгельмом II канцлер подчинялся королю, а не рейхстагу. Национальное собрание не могло ни свергнуть, ни отставить канцлера. Этой прерогативой обладал лишь монарх. Таким образом, в отличие от других западных стран идеи демократии, независимого народа верховной власти парламента не нашли своего развития в Германии даже с наступлением XX века.

И все же к 1912 году социал-демократы после многолетних преследований со стороны Бисмарка и императора стали крупнейшей партией в рейхстаге. Они во всеуслышание требовали установления парламентской демократии. Однако они оказались недееспособными. Несмотря на численное превосходство партии, социал-демократы по-прежнему были в меньшинстве.

Буржуазия, разбогатевшая на запоздалом и неравномерном развитии промышленной революции и ослепленная успехом милитаристской политики Бисмарка, предпочла материальный достаток любым устремлениям к политическим свободам, которые у нее, возможно, и имелись {В определенном смысле германский рабочий класс пошел на подобную сделку. В целях борьбы с социализмом Бисмарк в период с 1883 по 1889 год развернул программу социального обеспечения, не имеющую аналогов в других странах. Программа включала обязательное страхование рабочих по старости, по болезни, в связи с несчастными случаями и потерей трудоспособности. Хотя данная программа проводилась государством, финансировалась она за счет предпринимателей и рабочих. Нельзя утверждать, что программа приостановила влияние социал-демократов или профсоюзов, но она сильно отразилась на сознании рабочего, который постепенно стал придавать большее значение своей социальной обеспеченности, чем политическим свободам. В результате

рабочие начали видеть в государстве, каким бы консервативным оно ни являлось, своего благодетеля и защитника.

Гитлер, как мы уже отмечали, в полной мере учел подобные настроения. В данном случае, как и в других вопросах, он многое почерпнул у Бисмарка. "Я изучил социалистическое законодательство Бисмарка, — писал он в "Майн кампф", — в частности, цели, сопротивление и успех данного законодательства". — Прим. авт. }.

Буржуазия приняла автократию Гогенцоллернов. Она с радостью склонилась перед бюрократией юнкерства и страстно приветствовала прусский милитаризм. Звезда Германии взошла, и немцы — почти все население — жаждали сделать все, что требовали от них хозяева, чтобы она не закатилась.

В конечном счете Гитлер, этот нищий австриец, оказался в их числе. Второй рейх Бисмарка, несмотря на имеющиеся ошибки и "страшное разлагающее влияние", был для него величественным творением, в котором немцы наконец осознали самих себя.

"Разве не Германия, первая среди других стран, являет собой замечательный пример империи, которая создана исключительно на основе политики силы? Пруссия, положившая начало становлению империи, возникла в результате блистательного героизма, а не финансовых операций и коммерческих сделок. Рейх, в свою очередь, являлся лишь великолепной наградой активному политическому руководству и безграничному мужеству его солдат...

Сам факт создания [второго] рейха был словно освещен торжественностью события, которое всколыхнуло всю нацию. После целого ряда ни с чем не сравнимых побед во имя детей и внуков был создан рейх как награда за бессмертный героизм... Рейх не был обязан Своим появлением мошенничеству парламентских фракций, он поднялся над другими государствами по велению свыше, ибо это естественное событие произошло не в трескотне парламентских разглагольствований, а в яростных сражениях под Парижем. Было разглашено, что немцы — князья и простые люди — полны решимости создать в будущем рейх и вновь поднять корону империи на должную высоту... Государство Бисмарка создали не дезертиры на бездельники, а полки, сражавшиеся на фронтах.

Это замечательное явление и заряд внутренней энергии создали вокруг рейха ореол исторической славы, которым могли гордиться — и то в редких случаях — только самые древние государства.

А свидетелями какого национального подъема мы теперь явились.

Внешняя свобода гарантировала ежедневный достаток внутри страны.

Нация обогатилась не только численно, но и материально. Честь государства и честь всего народа защищала и охраняла армия, что говорит о весьма существенном отличии рейха от бывшего рейха "Германского союза".

Именно такую Германию Гитлер намеревался воссоздать. В "Майн кампф" он довольно подробно останавливается на причинах падения рейха: терпимость по отношению к евреям и марксистам, грубый материализм и эгоизм буржуазии, бесчестное влияние "низкопоклонников и льстецов", окружавших престол Гогенцоллернов, "безрассудная союзническая политика Германии", которая связала ее с деградирующими Габсбургами и ненадежными итальянцами вместо Англии, а также отсутствие основополагающей социальной и расовой политики.

И Гитлер обещал, что эти недостатки устранил национал-социализм.

Интеллектуальные корни третьего рейха

Откуда, помимо истории, черпал Гитлер свои идеи? Противники Гитлера как в самой Германии, так и за ее пределами были люди слишком занятые или слишком легкомысленные, чтобы всерьез обратить внимание, пока не поздно, на то, что он, подобно многим своим соотечественникам, каким-то образом впитал в себя странную мешанину безответственных, пропитанных манией величия идей германских мыслителей XIX века. А Гитлер, зачастую знакомясь с такими учениями из вторых рук — скажем, слышал о них от такого бестолкового псевдофилософа, как Альфред Розенберг, и от своего друга, пьяного поэта Дитриха Экарта, — подхватывал эти воззрения с лихорадочным восторгом неопита {Новоявленный приверженец какой-либо религии или учения. — Прим. твт. ред. }. Однако хуже всего было то, что он решил применить эти идеи на практике, если когда-либо представится такая возможность.

Мы уже знаем, какие мысли обуревали его: прославление войны и завоеваний и абсолютная власть авторитарного государства; вера в германцев как в высшую расу и ненависть к евреям и славянам; презрение к демократии и гуманизму. Эти взгляды не новы и не принадлежали Гитлеру, хотя впоследствии способы применения их были разработаны именно им. Подобные воззрения исходили от довольно странной плеяды образованных, но непоследовательных философов, историков и просветителей, которые владели умами немцев в прошлом веке. Это, как оказалось, имело губительные последствия не только для самих немцев, но и для большей части всего человечества.

К числу просвещенных немцев, разумеется, принадлежали наиболее выдающиеся выразители взглядов и идеалов западного мира Лейбниц,

Кант, Гердер, Гумбольдт, Лессинг, Гете, Шиллер, Бах, Бетховен, внесшие уникальный вклад в развитие западной цивилизации. Однако германская культура, господствовавшая в XIX веке, что совпало с расцветом прусской Германии, начиная с Бисмарка и кончая Гитлером, опирается в первую очередь на учения Фихте и Гегеля, затем на учения Трейчке, Ницше и Рихарда Вагнера.

Немецкая культура испытала влияние и звезд меньшей величины не последнее место среди которых по непонятным причинам заняла довольно странный француз и эксцентричный англичанин. Им удалось добиться духовного разрыва с Западом, который не восстановлен и сегодня.

В 1807 году, после унижительного поражения, которое понесла Пруссия от французской армии Наполеона I в сражении под Йеной, Иоганн Готлиб Фихте стал читать свои знаменитые "Речи к немецкой нации" в Берлинском университете, где он возглавлял кафедру философии. Его "Речи" пробудили от спячки и воодушевили разрозненную, побежденную нацию, и отголоски этих лекций можно было слышать даже во времена третьего рейха. Учение Фихте оказалось пьянящим вином для разуверившегося в своих силах народа. Согласно этому учению, романские народности, в особенности французы, и евреи являются упадочническими расами. Только германской нации дарована способность возродиться.

Немецкий язык Фихте считал самым чистым и наиболее самобытным. Под руководством немцев начинается расцвет новой исторической эпохи. Такова воля всевышнего. Всем будет руководить многочисленная элита, свободная от каких-либо моральных ограничений, свойственных индивидуумам. Некоторые из этих идей, как мы видели, изложены Гитлером в "Майн кампф".

После смерти Фихте в 1814 году его преемником в Берлинском университете стал Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Диалектика утонченной, доходящей до самой сути философии Гегеля вдохновляла Маркса и Ленина и способствовала таким образом развитию коммунистического мировоззрения. Вместе с тем возвеличивание Гегелем государства как верховной власти в жизни человека проложило дорогу второму рейху Бисмарка и третьему рейху Гитлера.

По Гегелю, государство есть все или почти все. Он утверждал что государство — высшее проявление "мирового духа", "мораль вселенной"; оно олицетворяет актуальность этической идеи, этической мысли как формы самосознания; государство безраздельно властвует над индивидуумом, высший долг которого состоит в том, чтобы быть членом государства, ибо право мирового духа выше всех особых привилегий...

Как же тогда следовало рассматривать счастье отдельного человека на земле? Гегель отвечает, что "мировая история — это не империя счастья". Периоды счастья, по заявлению философа, пустые страницы истории, поскольку они отражают периоды согласия, когда отсутствуют конфликты. Война является великим чистилищем. По мнению Гегеля, она содействует этическому здоровью народов, развращенных долгой жизнью в мире, подобно тому, как порывы ветра освобождают море от нечистот, накопившихся за время затаившегося штиля.

Традиционные понятия морали и этики не должны препятствовать ни высшему государству, ни "героям", которые возглавляют его. Согласно учению Гегеля, мировая история возвышается над всем остальным... Неуместные моральные устои не следует противопоставлять деяниям и свершениям, имеющим историческое значение. Раболепие перед личной добродетелью — скромностью, смирением, филантропией и терпением — не должно мешать им... Такая мощная сила [государство] растопчет множество невинных цветков — сотрет в порошок многих, вставших на его пути.

Гегель предсказывал, что такое государство будет создано в Германии, когда она вновь обретет дарованную ей всевышним силу. Он предвидел, что "час Германии" пробьет и ее великой миссией станет возрождение мира.

Читая Гегеля, понимаешь, какое вдохновение черпал Гитлер (впрочем, как и Маркс) в трудах философа, хотя был знаком с этими учениями лишь понаслышке. Следует особо подчеркнуть, что Гегель своей теорией "героев" — этих великих личностей, которым таинственное провидение вверило исполнение "воли мирового Духа", вселил в Гитлера, как мы узнаем в конце данной главы, всепоглощающую уверенность в собственной миссии.

Генрих фон Трейчке появился в Берлинском университете позднее. С 1874 года вплоть до своей кончины в 1896 году Трейчке был профессором истории и пользовался огромной популярностью. Его лекции собирали множество восторженных поклонников, в число которых входили не только студенты, но и офицеры генерального Штаба и представители юнкерской бюрократии.

Влияние Трейчке на мировоззрение немцев в последней четверти прошлого века было велико и сохранялось во времена правления Вильгельма II, а фактически и Гитлера. Хотя Трейчке был выходцем из Саксонии, он стал ярым поклонником Пруссии, причем более истовым, нежели коренные жители Пруссии. Подобно Гегелю, восхвалял государство

и рассматривал его как высшую власть, однако формулировал свои взгляды более однозначно: народу, отдельным субъектам в стране отводилось места не больше, чем рабам "Неважно, что вы думаете, — заявлял философ, — до тех пор, пока вы подчиняетесь".

Трейчке превзошел Гегеля, провозгласив войну высочайшим проявлением человеческой личности. В его представлении военная слава является основой всех политических достоинств; в богатой событиями памяти Германии военная слава Пруссии — это сокровище не менее драгоценное, чем лучшие творения поэтов и мыслителей. Трейчке утверждал, что проповедь мира в наши дни позорна и аморальна.

"Война есть не только политическая необходимость, но и теоретическая неизбежность, логический вывод. Концепция государства предопределяет концепцию войны, ибо суть государства — в его власти... Надежда на то, что война навсегда будет запрещена в мире является не только абсурдной, но и глубоко безнравственной. Это привело бы к искоренению многих важных и возвышенных порывов человеческой души... Народ, оказавшийся во власти химеры — неосуществимой мечты о вечном мире, неизбежно будет деградировать и останется в полном одиночестве..."

Ницше, подобно Гете, не очень лестно отзывался о немецком народе {"Я часто испытывал, — сказал однажды Гете, — жгучую скорбь при мысли о немецком народе, отдельные представители которого в высшей степени достойны уважения, но в целом он производит жалкое впечатление. Сравнение немецкого народа с другими народами вызывает неприятное ощущение, которое я стараюсь преодолеть всеми возможными способами". (Цит. по: Репке В. Решение германской проблемы.) — Прим. авт. }. В других случаях воззрения этого гения, страдавшего манией величия, также отличаются от шовинистических взглядов немецких мыслителей XIX века. Действительно, Ницше считал большинство немецких философов, в том числе Фихте и Гегеля, "неумышленными мошенниками". Высмеивал он и "тартюфство старого Канта".

Немцы, писал Ницше в "Эссе о человеке", "не представляют, насколько они отвратительны", и он делал вывод, что, "куда бы ни вторгалась Германия, она разрушает культуру". Он считал, что христиане в той же мере, что и евреи, ответственны за "рабскую мораль", господствующую в мире. Ницше никогда не был антисемитом. Он высказывал иногда опасения по поводу будущего Пруссии, а в последние годы жизни, пока не лишился рассудка, тешил себя идеей создания всеевропейского союза и мирового правления.

Мне кажется все же, что тот, кто жил во времена третьего рейха, не может отрицать влияния Ницше на рейх. Его произведения полны, как отмечал Сантаяна, "гениального слабоумия" и "детского богохульства". Тем не менее нацистские писаки без устали превозносили Ницше. Гитлер часто посещал музей Ницше в Веймаре; свое благоговение перед философом он выражал в том, что позировал фотографам, с восторгом взирая на бюст великого мыслителя.

Имелись некоторые основания считать Ницше одним из родоначальников нацистского мировоззрения. Не этот ли философ обрушивался на демократию и парламенты, проповедовал культ власти, превозносил войну, провозглашал появление высшей расы и сверхчеловека? И не стало ли большинство высказанных им мыслей афоризмами? Всякий нацист с гордостью цитировал Ницше практически по любому мыслимому поводу.

По вопросам христианства:

Великое богохульство, чудовищное и глубочайшее извращение... рассматриваю его, как вечное проклятие человечества... Христианство значит не больше типичного учения социалистов".

По вопросам государства, власти и внутреннего мира человека:

"Общество никогда не понимало под добродетелью ничего иного, кроме стремления к власти, силе и порядку... Государство являет собой безнравственно слитое воедино... стремление к завоеваниям и мести... Общество не должно существовать ради самого себя, а лишь в качестве фундамента и опоры, с помощью которых избранная раса в состоянии возвыситься до более высоких задач... Не существует таких понятий, как право на жизнь, право на труд, право на счастье: в этом отношении человек ничем не отличается от самых ничтожных рабов" {Женщин Ницше безоговорочно относил к низшей социальной группе, как, прочем, и нацисты, заявлявшие, что место женщины на кухне, а основное ее предназначение в жизни — рожать детей немецким воинам. Ницше так излагал эту идею: мужчина должен готовиться к войне, а женщина — рожать воинов. Все остальное — глупость". }

Ницше пошел в своих рассуждениях дальше и в сочинении "Так говорил Заратустра" писал: "Ты идешь к женщине? Не забудь захватить с собой хлыст! " По поводу этого высказывания Бертран Рассел съязвил: "Девять женщин из десяти отобрали бы у него этот хлыст, и, понимая это, он избегал женщин..." — Прим. авт. }.

Ницше воспевал сверхчеловека, "великолепную белокурую бестию, алчно жаждущую добычи и побед".

А что он думал по поводу войны? В этом вопросе Ницше разделял взгляды большинства других немецких философов XIX века. В своем наиболее известном труде "Так говорил Заратустра" Ницше громогласно провозглашал:

"Ты должен возлюбить мир как средство для новой войны, и краткий мир больше, нежели длительный. Я благословляю тебя не трудиться, а сражаться. Я благословляю тебя не на мир, а на войну... Ты говоришь, справедливо ли оправдывать войну? Я же говорю тебе: справедливая война освящает любую цель. Война и мужество совершили больше великих дел, нежели милосердие".

Наконец, в произведениях Ницше содержалось пророчество о появлении элиты, которая станет править миром и дарует нам сверхчеловека. В "Воле к власти" Ницше утверждал: "Набирает силу отважная раса будущих правителей... Задачей будет подготовка... к появлению сверхчеловека, отмеченного особым интеллектом и силой воли. Этот человек и окружающая его элита станут "правителями земли".

Подобные рассуждения одного из самых самобытных мыслителей Германии не могли не оставить следа в мировоззрении Гитлера, в основном сумбурном. Во всяком случае, он стал приписывать себе не только мысли Ницше, но и пристрастие философа к преувеличениям, а зачастую и просто его высказывания. Выражение "правители земли" часто встречается в "Майн кампф". Не вызывает сомнений и то, что в конечном счете Гитлер считал себя тем самым сверхчеловеком, появление которого предсказывал Ницше.

"Тот, кто хочет понять национал-социалистскую Германию должен знать Вагнера", — любил повторять Гитлер {Мои наблюдения находят подтверждение в книге Отто Толишуса "Они жаждали войны" (Лондон, 1940). — Прим. авт. }.

Это утверждение частично основано на неправильном толковании жизни великого композитора. Хотя Рихард Вагнер, как и сам Гитлер, испытывал фанатичную ненависть к евреям, которые, как он считал, стремятся владеть миром с помощью своих капиталов, а также с презрением относился к парламентам, демократии, материализму и посредственности буржуазии, он в то же время страстно надеялся, что немцы, учитывая "их особый дар", будут "не править миром, а прославят его".

Однако не политические сочинения Вагнера, а его романтические оперы, столь ярко оживившие прошлое Германии, ее героические мифы, схватки языческих богов с героями, демонами и драконами, сцены кровной

мести и первобытные обычаи, ощущение предопределенности судьбы, величие любви и жизни и благородство смерти, — все это питало легенды о совершенной Германии и легло в основу мировоззрения, которое Гитлер и нацисты, имея для этого веские основания, восприняли как свое собственное.

Гитлер с раннего детства почитал Вагнера и даже на закате жизни, находясь в сыром и мрачном бункере в штабе армии на Русском фронте и чувствуя, что созданный им миф изрядно скомпрометирован, а мечты на грани провала, любил вспоминать времена, когда слушал творения великого композитора, так много для него значившие. Гитлер черпал вдохновение в Байрейтских театральных фестивалях и многочисленных посещениях дома композитора ("Хаус Ванфрид"), где в ту пору жил сын композитора Зигфрид Вагнер с женой Винифред, англичанкой по рождению, которая одно время являлась близким другом Гитлера.

"Какую радость вселяло в меня каждое творение Вагнера! " — воскликнул, обращаясь к своим генералам и соратникам по партии, среди которых находился и Гиммлер, Гитлер в ночь на 25 января 1942 года вскоре после первого сокрушительного поражения в России, пребывая в подземном укрытии "Вольфшанце" в Растенбурге.

Кругом, как на Севере, лежал снег и было холодно. Гитлер ненавидел холод и снег, именно этого он опасался и этим объяснял первое поражение Германии в войне. Однако в тепле бункера в ту мысли его были сосредоточены на одном из самых приятных воспоминаний жизни. "Я помню, — говорил он, — свое состояние, впервые вступил в "Ванфрид". Сказать "Я был поражен" — значит не раскрыть охватившие меня чувства. В самые тяжелые моменты жизни они не переставали поддерживать меня, в том числе Зигфрид Вагнер. Я был с ними на ты. И я любил их всех и очень любил "Ванфрид"... Десять дней Байрейтского фестиваля всегда являлись для меня блаженством. Я готов ликовать при мысли о том что однажды снова смогу побывать там! ... На следующий день после завершения Байрейтского фестиваля... мне очень грустно, словно с рождественской елки сняли игрушки".

Хотя Гитлер тем зимним вечером неоднократно повторял, что считает оперу "Тристан и Изольда" шедевром Вагнера, именно непревзойденное "Кольцо нибелунга" — оперный цикл, состоящий из четырех частей, созданный на основе великого германского эпоса "Песнь о Нибелунгах", над которым композитор работал почти четверть века, — возвратило Германии, в частности третьему рейху, так много популярных германских легенд.

Народные легенды нередко выражают духовную и культурную суть нации. Особенно справедливо данное утверждение в отношении Германии. Шеллинг даже заявлял, что "нация начинает существовать одновременно со своими легендами... Общность мышления, являющаяся выражением коллективной философии, присутствует в народных легендах; таким образом мифология олицетворяет судьбу нации".

Макс Мелл, поэт, создавший современную версию "Песни о Нибелунгах", заявлял: "До нашего времени лишь немного дошло от греческих богов, от того гуманизма, который они так глубоко хотели внедрить в нашу культуру... Но Зигфрид и Кримхильда навсегда останутся в душе народа! "

Зигфрид и Кримхильда, Брунхильда и Хаген — герои и героини древнего эпоса, на которых так стремились походить современные немецкие юноши и девушки. Походить на них и постигать языческий мир нибелунгов — иррациональный, полный героизма, таинственности, коварства и насилия, залитый кровью, существование которого завершается "гибелью богов" и уничтожением вальхаллы, подожженной Вотаном, что захватывало воображение любого немца и компенсировало его тягу к жестокости.

Эти герои первобытного демонического мира всегда, по словам Мелла, жили в душе народа. Именно в душе немецкого народа Можно ощутить борьбу между духом цивилизации и духом нибелунгов, и в тот исторический период, которому посвящена данная работа, верх, видимо, одержал последний. Поэтому совсем неудивительно, что Гитлер, следуя примеру Вотана, в 1945 году мечтал о гибели Германии в пламени пожара.

Вагнер, человек исключительно талантливый, звезда первой величины, придерживался гораздо более широких взглядов, чем изложенные выше. При постановках в Венской опере конфликты зачастую сводились к борьбе за золото, что, по мнению самого композитора, являлось "трагедией современного капитализма", поскольку, к его ужасу, золото вытеснило добродетель, унаследованную от прошлого. Однако вопреки своей любви к языческим героям Вагнер в отличие от Ницше не до конца разочаровался в христианстве. Он с большим сочувствием относился к заблуждающемуся, мечущемуся в поисках выхода человечеству. И все-таки Гитлер был не так уж не прав, когда заявлял, что для понимания нацизма надо прежде всего знать Вагнера.

Вагнер был хорошо знаком с Шопенгауэром и Ницше и находился под влиянием их идей, хотя последний и ссорился с ним, поскольку считал, что в операх Вагнера, в частности в "Парсифале", слишком акцентируется

христианское самопожертвование.

На протяжении своей долгой и бурной жизни Вагнер сблизился еще с двумя людьми — французом и англичанином. О них важно упомянуть не столько из-за того, что они оказали влияние на Вагнера, хотя влияние одного из них было весьма существенным, сколько из-за того, что они повлияли на мировоззрение немцев и тем самым как бы подготовили возникновение третьего рейха.

Этими людьми являлись французский дипломат граф Жозеф Артюр де Гобино и писатель Хьюстон Стюарт Чемберлен, пожалуй, один из самых чудаковатых английских подданных, когда-либо живших на Земле.

Следует сразу отметить, что ни один из них не был шарлатаном. Оба отличались широкой эрудицией, большой культурой, много поездили по свету. В то же время они стали родоначальниками расовых доктрин, настолько противоестественных, что никто, даже их собственные сограждане, не воспринимал их всерьез, за исключением немцев.

Нацисты же восприняли их весьма спорные теории как откровение. Не будет преувеличением утверждение — сам я слышал это от многих сторонников Гитлера, — что Чемберлен стал духовным отцом третьего рейха. Этот чудаковатый англичанин, видевший в немцах представителей высшей расы и надежду будущего, боготворил Рихарда Вагнера и в итоге женился на одной из его дочерей. Он почитал сначала Вильгельма II, а затем Гитлера и был духовным наставником обоих.

На закате своей странной жизни Чемберлен приветствовал австрийского ефрейтора — задолго до того, как Гитлер пришел к власти или заручился для этого какими-нибудь шансами, — как посланца божьего, чтобы вывести германский народ из пустыни. Гитлер, разумеется, почитал Чемберлена пророком, каковым он, по сути, и оказался.

Что же содержалось в их учении такого, что заставило немцев буквально сходить с ума по расовому вопросу и вопросу, связанному с судьбой Германии?

Главным трудом Гобино стало четырехтомное сочинение, опубликованное в Париже в период с 1853 по 1855 год и озаглавленное "Эссе о неравенстве человеческих рас". Этот французский аристократ после службы в королевской гвардии в качестве офицера начал государственную карьеру, возглавив секретариат Алексиса Токвиля, прославленный автор книги "О демократии в Америке" на продолжительное время (в 1849 году) стал министром иностранных дел Франции. Затем Гобино находился на дипломатической работе в Ганновере и Франкфурте. Его контакты с немцами, а не совместная работа с Токвилем

содействовали тому, что он создал свою теорию о расовом неравенстве, хотя однажды он признался, что писал свой труд частично для того, чтобы доказать превосходство собственного аристократического рода.

Гобино считал — и об этом он писал в посвящении королю Ганновера, — что раса является ключом к пониманию истории и цивилизации. "Расовый вопрос занимает ведущее место среди прочих исторических проблем... Неравенство рас в достаточной мере объясняет все процессы, определившие судьбу народов..." Существует три основных вида расы — белая, желтая и черная, причем белая раса считается высшей. "История, — писал Гобино, — указывает на то, что все цивилизации берут начало от белой расы и ни одна цивилизация не может развиваться без вклада белой расы".

Подлинное сокровище белой расы, по мнению Гобино, составляют арийцы — "эти трудолюбивые представители рода человеческого, благороднейшие среди белой расы", восходящие своими корнями к Центральной Азии. К сожалению, отмечает французский дипломат, современные арийцы смешались с низшими расами, примером чего в наше время могут служить народности Южной Европы. Однако на северо-западе, чуть выше течения Сены, и к востоку от Швейцарии арийцы, пусть далеко не в первозданном виде, сохранились как представители высшей расы. К их числу Гобино относил часть населения Франции, население Англии, Ирландии и Нидерландов, немцев, проживающих по Рейну и в Ганновере, а также скандинавов.

Гобино, по-видимому, исключил из числа чистых арийцев основную массу немцев, проживавших к востоку и юго-востоку от проведенной им линии. Однако этот факт нацисты старались обходить молчанием, принимая его учение в целом.

И все же Гобино считал немцев, по крайней мере немцев, проживавших на западе Германии, лучшими представителями всех арийцев, и этот вывод нацисты, естественно, не замалчивали. Где бы ни появлялись немцы, по мнению Гобино, они везде содействовали прогрессу. Это утверждение относится и к Римской империи. Так называемые варварские германские племена, покорившие римлян и окрутившие их империю, оказали явную услугу всей цивилизации, поскольку римляне к началу VI века немногим отличались от выродившихся метисов, в то время как германцы являлись представителями чистой арийской расы.

Германцы арийского типа, — заявлял Гобино, — олицетворяют собой величественное создание природы... Поэтому все их мысли, слова и действия чрезвычайно важны".

Идеи Гобино были быстро подхвачены в Германии. Вагнер, который встретил французского социолога в 1876 году, уже на склоне лет (он умер в 1883 году), также с восторгом воспринял их, и вскоре общества Гобино распространились по всей Германии {Во Франции, однако, они не были популярны. — Прим. авт. }.

Необычайная жизнь и творчество Х. С. Чемберлена

К числу горячих сторонников обществ Гобино в Германии принадлежал Хьюстон Стюарт Чемберлен, на жизни и творчестве которого отразились превратности исторического процесса, приведшие к взлету и падению третьего рейха.

Чемберлен, сын английского адмирала и племянник фельдмаршала Великобритании сэра Невилла Чемберлена и двух английских генералов, зять Рихарда Вагнера, родился в 1855 году в Портсмуте. Ему была уготована военная карьера — служба в британской армии или на флоте, однако слабое здоровье помешало этому и молодой человек получил образование во Франции и Женеве, где овладел французским языком, как родным.

В молодости судьба столкнула его с двумя немцами, а впоследствии его неумолимо притягивала к себе Германия, гражданином которой и одним из наиболее крупных мыслителей он в итоге стал.

Все свои многочисленные работы Чемберлен писал на немецком языке. Некоторые из них буквально ошеломили Вильгельма II, Адольфа Гитлера и многих менее известных немцев.

В 1870 году, когда Чемберлену было пятнадцать лет, его наставником стал Отто Кунц родом из Пруссии. На протяжении четырех лет он прививал восприимчивому, чувствительному мальчику почтительное отношение к воинствующей Пруссии и, умышленно играя на контрастах, воспитывал у него любовь к таким музыкантам и поэтам, как Бетховен, Гете, Шиллер и Вагнер. В девятнадцатилетнем возрасте Чемберлен влюбился в Анну Хорст, уроженку Пруссии, которая была старше его на десять лет и, подобно ему, отличалась повышенной экзальтированностью.

В 1882 году в возрасте двадцати семи лет Чемберлен переехал из Женевы, где в течение трех лет изучал философию, естествознание, физику, химию и медицину, в Байрейт. Там он познакомился с Вагнером, который, по словам Чемберлена, стал солнцем в его жизни, и женой композитора Козимой. Страстную и раболепную привязанность к Козиме Чемберлен сохранил до самых последних дней своей жизни.

В 1885 году вместе с Анной Хорст, ставшей его женой, Чемберлен переселился в Дрезден, где прожил четыре года. С этого времени

Чемберлен заделался настоящим немцем, мыслил и говорил только по-немецки.

1889 году семья переехала в Вену и прожила там десять лет. В 1909 году Чемберлен вернулся в Байрейт, где прожил до самой смерти, последовавшей в 1927 году.

В 1905 году он развелся со своей прусской женой, которую боготворил всю жизнь. Анне исполнилось тогда шестьдесят; умственное и физическое состояние ее было намного хуже, чем состояние мужа. Расставание с женой Чемберлен пережил так болезненно, что, по его словам, чуть не сошел с ума. Спустя три года он женился на Еве Вагнер и поселился недалеко от "Ванфрида", чтобы быть ближе к матери своей жены, почтенной Козиме.

Будучи натурой сверхчувствительной и неврастеничной, склонной к частым срывам, Чемберлен утверждал, что иногда ему являются "демоны", которые, как он считал, подталкивают его к постоянному поиску новых сфер деятельности и побуждают к написанию новых работ. Одно видение сменялось другим, что заставляло Чемберлена бросать занятия биологией и переключаться на ботанику, изящные искусства, музыку, философию, историю, браться за написание автобиографии.

Однажды в 1896 году, когда Чемберлен возвращался из Италии, демонические силы так подействовали на него, что он сошел с поезда в Гардоне, заперся в гостинице и восемь дней не выходил из номера. Он забросил работу над музыкальным сочинением, которым в тот момент занимался, и с присущей ему страстностью приступил к исследованиям в области биологии, пока не выяснил суть взволновавшей его проблемы, которая стала главной во всех его последующих работах: связь расы с историей.

Несмотря на все свои недостатки, Чемберлен обладал разносторонними познаниями в литературе, музыке, биологии, ботанике, религии, истории и политике. Как отмечалось, во всех опубликованных работах Чемберлена прослеживается некое глубинное единство, их характеризует исключительная целостность. Сам Чемберлен считал, что к написанию книг, посвященных исследованию творчества Вагнера, Гете, Канта, вопросам христианства и расовым проблемам его побуждают "демоны", по сути же, они создавались в состоянии настоящего транса и опьянения, вызванного переутомлением. Как отмечает Чемберлен в автобиографии "Жизненные пути", он зачастую не признавал эти работы своими, поскольку они превосходили его ожидания.

Впоследствии более уравновешенные по сравнению с Чемберленом

исследователи опровергли его расовую теорию и большую часть исторических трудов, а такой крупный специалист в области германистики, как французский ученый Эдмонд Вермейл, считал идеи Чемберлена обыкновенным шарлатанством. Однако, по мнению биографа Гитлера, немецкого антифашиста Конрада Хайдена, который сожалел о воздействии расовой теории Чемберлена на массы, последний являл собой пример "одного из наиболее удивительных дарований в истории немецкого мировоззрения, кладезь знаний и серьезных мыслей".

Произведением, которое оказало наиболее сильное влияние на мировоззрение немцев, привело Вильгельма II буквально в восторг и позволило нацистам сформулировать свои расовые взгляды, стали "Основы девятнадцатого века". Эту работу, насчитывающую примерно 1200 страниц, Чемберлен, вновь оказавшись во власти "демонов", написал в Вене за полтора года (с 1 апреля 1897 года по 31 октября 1898 года) и опубликовал в 1899 году.

Как и Гобино, работы которого Чемберлен высоко ценил, он пришел к выводу, что ключом к пониманию истории, а по существу основой цивилизации, является расовый подход. Для объяснения сути XIX века, то есть современного мира, прежде всего требовалось установить, что было заимствовано из древности. Чемберлен утверждал, что заимствованы были три следующих явления: греческая философия и искусство, римское право и личность Иисуса Христа. Наследовали это достояние евреи, германцы ("две чистые расы") и полукровки романского происхождения, жившие в районе Средиземноморья, которых Чемберлен называл "пародией на людей". Одни лишь германцы были достойны этого прекрасного наследия. Правда, в историю они вошли с некоторым опозданием, только в XIII веке. Но в предыдущую эпоху, разбив Римскую империю, они доказали свою значимость.

"Неправильно полагать, — писал Чемберлен, — что тевтонские варвары стали причиной так называемого средневекового заката, он наступил скорее в результате интеллектуального и морального банкротства, полного расового хаоса, порожденного умирающей Римской империей; однако благодаря тевтонам-германцам миру удалось избежать вечной мглы".

В момент написания этой работы Чемберлен видел в тевтонах единственную надежду на спасение человечества. В понятие "тевтоны" Чемберлен включал кельтов и славян, хотя главной составной частью рассматривал собственно тевтонов. Однако его определения довольно расплывчаты, а в одном месте он заявляет, что "тот, кто ведет себя как

тевтон, является тевтоном независимо от своего расового происхождения". Вероятно, здесь он имел в виду собственное происхождение.

Кем бы ни являлись тевтоны, утверждал Чемберлен, они "душа нашей культуры". Значимость каждой нации, проживающей в настоящее время в рамках существующих держав, находится в прямой зависимости от наличия в ней подлинно тевтонской крови. Настоящая история началась в тот момент, когда тевтон властно положил свою руку на античное наследие.

А каково же отношение Чемберлена к евреям? В своих "Основах" он посвящает им самую большую главу. Как уже отмечалось, Чемберлен считал евреев и тевтонов единственно чистыми расами, оставшимися на Западе. В этой главе он осуждает "глупый и отвратительный антисемитизм". Евреи, по Чемберлену, не являются "низшей" расой по отношению к тевтонам, они просто "отличаются" от них. Им присуще собственное величие, они признают "святую обязанность" человека сохранять чистоту своей расы. И все же по мере рассмотрения Чемберленом еврейской проблемы он скатился на позиции вульгарного антисемитизма, который осуждает у других исследователей. Этот антисемитизм в итоге вылился в позорные карикатуры на евреев, которые публиковались нацистской газетой Юлиуса Штрейхера "Дер штюрмер" во времена Гитлера. По существу, большую часть "философского" обоснования антисемитизма нацисты почерпнули из этой главы книги Чемберлена.

Нелепость взглядов Чемберлена очевидна. Он заявлял, что личность Иисуса Христа — одно из трех великих достояний, унаследованных современной цивилизацией. Затем Чемберлен пытался "показать", что Иисус Христос не был евреем. То, что Иисус происходил из Галилеи и неправильно произносил гортанные звуки арамейского языка, служило для Чемберлена "неоспоримым доказательством", что в жилах Иисуса Христа "довольно много несемитской крови". Свой вывод Чемберлен подкреплял характерным безапелляционным заявлением: "Тот, кто утверждает, что Иисус Христос — еврей, либо просто глуп, либо говорит заведомую ложь... Иисус Христос — не еврей".

Кто же он в таком случае? Чемберлен отвечает: по всей вероятности, ариец! Если не по крови, то, несомненно, по интеллектуальности своего этического и религиозного учения, столь отличающегося от "материализма и абстрактного формализма" еврейской религии. Тогда вполне естественно, по крайней мере для Чемберлена, что Иисус Христос стал "богом молодых индоевропейских народностей, полных жажды жизни", и прежде всего богом тевтонов, поскольку именно "тевтонский народ, как никто другой,

был готов внимать гласу всевышнего".

Затем Чемберлен подробно излагает свою версию возникновения еврейской расы, начиная со смешения семитов или обитавших в пустыне бедуинов с круглоголовыми хеттами, отличавшимися типичным еврейским носом, и кончая смешением с аморитами, которые были арийцами. К сожалению, смешение с аморитами, которые, по утверждению Чемберлена, были высокими, белокурыми красавцами, произошло слишком поздно, чтобы улучшить "подпорченную" наследственность евреев. Тут англичанин, как бы вступая в противоречие с собственной теорией чистоты еврейской расы, делает вывод, что евреи превратились в "низшую" расу, что дало арийцам полное основание для "отрицания" Израиля. По существу, Чемберлен осуждает арийцев за то, что они породили у евреев "ощущение ложного величия". Затем он обнаруживает, что у евреев, "к сожалению, нет истинной религии".

В заключение Чемберлен усматривает путь к спасению в тевтонах и их культуре, причем наиболее одаренные из тевтонов — это германцы, поскольку они унаследовали лучшие качества греков и арийцев. Это дает им право править миром. "Господь бог полагается ныне только на одних немцев, — писал Чемберлен. — Эта уверенность, эта несомненная истина на протяжении многих лет питали мою душу".

"Основы девятнадцатого века" стали своего рода сенсацией и принесли странному англичанину пожизненную известность в Германии.

Несмотря на незаурядное красноречие и изощренный стиль — Чемберлен творил самозабвенно, — книга была нелегкой для чтения. Однако вскоре ею заинтересовались высшие классы общества, которые, похоже, нашли в ней то, во что им хотелось верить. В течение десяти лет книга выдержала восемь изданий тиражом 60 тысяч экземпляров; к началу первой мировой войны было продано 100 тысяч экземпляров.

Во времена нацизма книга снова стала пользоваться популярностью, и я помню, как в 1938 году объявляли о двадцать четвертом издании "Основ", К тому моменту было продано уже более четверти миллиона экземпляров.

Среди первых и самых восторженных почитателей книги был кайзер Вильгельм II. Он пригласил Чемберлена к себе в Потсдамский замок; буквально с первой встречи у них завязались дружеские отношения, сохранившиеся до кончины Чемберлена. Они часто обменивались письмами. Чемберлен направил императору сорок три послания, Вильгельм ответил на двадцать три из них, а некоторые, представлявшие собой пространные эссе, частично использовал в своих высокопарных речах и заявлениях.

"Всевышний послал Вашу книгу германскому народу, а Вас лично мне", — писал кайзер в одном из своих первых писем.

Раболепие Чемберлена, его непомерная лесть в этой переписке не могут не вызвать отвращения. "Вы, Ваше Величество, и Ваши подданные, — писал он, — родились в святом храме". Далее Чемберлен сообщал Вильгельму II, что повесил его портрет в своем рабочем кабинете прямо против картины Леонардо да Винчи, на которой изображен Иисус Христос, поскольку, работая, имел обыкновение прохаживаться по кабинету и смотреть на лики спасителя и своего монарха.

Однако раболепие не мешало Чемберлену постоянно давать советы упрямому, любившему покрасоваться монарху. В 1908 году оппозиция Вильгельму II со стороны общественности достигла таких размеров, что рейхстаг неодобрительно высказался по поводу его пагубного вмешательства в международные дела. Но Чемберлен успокоил императора, заявив, что общественное мнение формируют дураки и предатели и на него не следует обращать внимания, на что Вильгельм II ответил, что отныне они станут действовать вместе: "Вы сражайтесь своим пером, я — словом и сокрушающим мечом".

Англичанин всегда старался напомнить императору о высоком предназначении Германий. "Когда Германия завоюет власть, — писал Чемберлен после начала первой мировой войны, — а мы с полным основанием можем надеяться на это, — она немедленно приступит к проведению научно обоснованной гениальной политики. Император Август произвел систематичное преобразование мира, Германия призвана поступить также... располагая оружием наступления и обороны, будучи всесторонне и безупречно организована, подобно армии, опередившая всех в области искусства, науки, техники, промышленности, торговли и финансов — короче говоря, в любой области; когда каждый учитель, кормчий и первопроходец, каждый человек на своем посту отдаст всего себя святому делу, тогда Германия покорит весь мир своим внутренним превосходством". За пропаганду столь славной миссии, уготованной его вновь обретенной родине (Чемберлен стал гражданином Германии в 1916 году, с самый разгар войны), кайзер наградил его Железным крестом.

Однако самое большое влияние учение англичанина оказало на третий рейх, возникший через шесть лет после его смерти, но предсказанный им гораздо раньше. Его теории расового подхода и страстная вера в особое предназначение немцев и Германии были подхвачены нацистами, которые провозгласили Чемберлена одним из своих пророков. Во времена гитлеровского режима лавиной хлынули книги, памфлеты и статьи,

прославляющие "духовного отца" национал-социалистской Германии. Розенберг, являвшийся одним из наставников Гитлера, часто изливал фюреру свои восторги по поводу учения английского философа.

Вполне вероятно, что Гитлер впервые услышал о работах Чемберлена еще в Вене, поскольку взгляды англичанина пользовались популярностью в пангерманских и антисемитских кругах, литературу которых с такой жадностью в ту пору поглощал Гитлер. Не исключено также, что он читал некоторые из шовинистических статей Чемберлена и во время войны. В "Майн кампф" Гитлер выразил сожаление по поводу того, что наблюдения Чемберлена не получили широкого развития во времена второго рейха.

Чемберлен был одним из первых интеллектуалов Германии, кто предсказал Гитлеру большое будущее, а также новые перспективы для немцев, если они последуют за ним. Гитлер познакомился с Чемберленом в Байрейте в 1923 году. Хотя философ был болен и наполовину парализован, к тому же разочарован поражением Германии и крахом империи Гогенцоллернов, — крушение всех его надежд и прогнозов! — его буквально потрясло красноречие молодого австрийца.

"Вам предстоят великие свершения, — написал он Гитлеру на следующий день. — ... Моя вера в германизм не поколебалась ни на минуту, хотя мои надежды, признаюсь, почти разбились. В одно мгновение Вам удалось перевернуть мне душу. То, что в суровый час испытаний Германия произвела на свет Гитлера, свидетельствует о ее жизнеспособности; это же подтверждает исходящее от Вас влияние; ибо эти два явления — личность и влияние — неразделимы... Да благословит Вас господь! "

В то время большинство немцев по-прежнему не воспринимали всерьез Адольфа Гитлера с его усиками, наподобие Чарли Чаплина, с грубыми манерами и оголтелым экстремизмом.

У него было немного последователей. Но гипнотическая притягательность личности Гитлера очаровала престарелого философа И вновь вселила в него веру в нацию, избранную и прославляемую им.

Чемберлен вступил в нацистскую партию, которая неуклонно росла, и по мере сил и возможностей стал писать для пока малоизвестных печатных партийных органов.

В одной из своих статей, опубликованных в 1924 году восхвалял Гитлера, который находился тогда в тюрьме, называя его избранником божьим, призванным повести за собой германскую нацию. Судьба благоволила к Вильгельму II, но он не оправдал надежд, и вот теперь на арене истории появился Адольф Гитлер.

Семидесятилетие незаурядного англичанина 5 сентября 1925 года было отмечено многословным панегириком, напечатанным в нацистской газете "Фелькишер беобахтер", где "Основы" Чемберлена приравнивались к "евангелию нацистского движения". Спустя почти полтора года, 11 января 1927 года, Чемберлен скончался, искренне веря в осуществление того, что он проповедовал, под мудрым руководством новоявленного германского мессии.

Помимо наследного принца, представлявшего Вильгельма II который не мог вернуться на немецкую землю, Гитлер был единственным общественным деятелем на похоронах Чемберлена. Сообщая о кончине английского философа, "Фелькишер беобахтер" писала, что германский народ потерял "одного из великих мастеров оружейного дела, чье оружие в наши дни не нашло пока своего применения".

Ни наполовину парализованный, умирающий старец, ни Гитлер, никто другой в Германии не мог предположить в тот холодный день января 1927 года, когда нацистская партия переживала свой самый трудный период, как скоро, очень скоро оружие, выкованное бывшим англичанином, будет применено в полной мере и к каким страшным последствиям это приведет.

Тем не менее в те дни, а может, и раньше Адольф Гитлер начал таинственным образом постигать свое предназначение на земле. "Из миллионов... — писал он в "Майн кампф", — шаг вперед должен сделать один-единственный... кто силой убеждения из зыбкого идеализма широких масс сформулирует твердые принципы и возглавит борьбу во имя торжества правого дела, пока из набегающих волн праздного мира не появится гранитный утес, отлитый из нерушимого единства веры и воли".

Гитлер со всей определенностью давал понять своим читателям, что всегда рассматривал себя в качестве этого единственного человека. "Майн кампф" изобилует отступлениями о роли гения, которому само провидение доверяет повести за собой великий народ, хотя сначала не все из-за своих мелких забот смогут понять этого человека и осознать выпавшую ему роль великого лидера. Читатель отдает себе отчет в том, что Гитлер писал о себе и о нынешнем своем положении. Он не получил пока всемирного признания в качестве того, кем на самом деле являлся; однако так обычно и складывается поначалу судьба гениев.

"Всегда необходим определенный стимул, чтобы талантливый обрел себя, — писал Гитлер. — Весь мир сопротивляется этому и не хочет верить, что незаурядная личность вдруг стала именно такой; подобный процесс повторяется с каждым выдающимся сыном человечества... Искры гениальности присутствуют в подлинно творческой личности с момента ее

появления на свет. Подлинный творец всегда таков от природы, его никогда нельзя искусственно взрастить, тем более нельзя обучить этому".

Великие люди, творцы истории, в частности, по мнению Гитлера, объединяют в себе качества политиков-практиков и мыслителей. На долгую историю человечества политики лишь изредка обладали паром теоретиков. Чем глубже было это внутреннее единство, тем больше препятствий вставало на пути политического деятеля. Он уже не просто добивался того, что было без труда понятно простому лавочнику, а шел к достижению целей, которые могли понять лишь немногие. Поэтому в жизни он разрывался между любовью и ненавистью. Настоящее, не способное понять его, боролось против будущего, ради которого он трудился. Чем больше деяний совершает человек ради будущего, тем меньше настоящее способно оценить их, тем тяжелее борьба... "

Эти строки написаны в 1924 году, когда немногие понимали, что намеревался осуществить человек, находившийся в тюрьме и покрывший себя позором после провала марионеточного путча. Гитлер же в себе не сомневался. Можно спорить, читал он труды Гегеля или нет. Однако из работ Гитлера и его выступлений ясно, что с идеями философа он был знаком, возможно, правда, из бесед со своими первыми наставниками Розенбергом, Экартом и Гессом. Так или иначе, знаменитые лекции Гегеля в Берлинском университете привлекли внимание Гитлера, впрочем, как и многие афоризмы Ницше. Мы вкратце уже упоминали о том, что Гегель развил теорию "героя" (личности), которая весьма импонировала немецкому духу. В одной из своих берлинских лекций Гегель рассматривал, как "воля мирового духа" воплощается в жизнь "отдельными историческими личностями".

Гегель считал, что их можно именовать героями в той же мере, в какой они избирают свои цели и определяют свое назначение не в тихом заурядном бытии, а отыскивают их в скрытых резервах с помощью внутреннего духа, скрытого от внешнего взора, который обрушивается на внешний мир, как на некую скорлупу, и разбивает его на мелкие осколки. К таким личностям относятся Александр Македонский, Цезарь, Наполеон. Они были практичными политиками. В то же время они являлись мыслителями, хорошо понимающими требования времени — необходимость изменений. В этом подлинная правда их века, их мира... Им дано понять зарождавшиеся принципы, потребные в то время для преодоления последующей ступени развития; определить это в качестве своей главной цели и направить всю свою энергию на ее достижение. Исторические личности мирового масштаба — героев эпохи — надо

поэтому рассматривать как ясновидцев, их поступки, их мысли полнее всего олицетворяют то время.

Невольно возникает аналогия между приведенным высказыванием Гегеля и упоминавшейся выше цитатой из "Майн кампф" Единство политика и мыслителя — вот что создает героя, "историческую личность мирового масштаба": македонских, цезарей, наполеонов. Если в себе самом, как уверовал теперь Гитлер, он нашел такое единство, разве не мог он встать в один ряд с ними?

В высказываниях Гитлера сквозит мысль, что лидер, наделенный высшей властью, выше морали ординарной личности. Тех же взглядов придерживались Гегель и Ницше. Мы приводили уже довод Гегеля, что "личная добродетель" и "неуместные моральные устои" не должны стоять на пути великих правителей и никого не должно коробить, если герои, выполняя свой долг, сомнут или "раздавят" множество невинных цветков. Ницше с присущим ему выразительным преувеличением идет дальше: "Сильных людей, владык в душе обуревают чувства хищных зверей; радость переполняет чудовище, когда приходится сталкиваться с убийством, поджогом, насилием и пытками, и это вселяет в сердца не меньшую радость, а в души — не меньшее удовлетворение, чем обычная студенческая шутка... Если человек способен командовать, если он от природы "хозяин и владыка", если он неистов в своих поступках и жестах, что значат для него писанные законы?.. Чтобы правильно оценить мораль, ее надо заменить двумя понятиями, заимствованными из зоологии: укрощение животного и выведение особой породы".

Подобные учения, доведенные до крайности Ницше и восторженно встреченные многими немцами, судя по всему, оказали сильное влияние на Гитлера. Гений, выполняющий предназначенную ему миссию, выше закона; его не может связывать "буржуазная" мораль. Таким образом, когда настало время активных действий, Гитлер уже знал, чем оправдать такие жестокие, леденящие кровь деяния, как подавление свободы личности, грубая практика рабского труда, ужасы концентрационных лагерей, кровавая расправа над своими сторонниками в июне 1934 года, убийства военнопленных и массовое истребление евреев.

Когда Гитлер вышел из тюрьмы в крепости Ландсберг за пять дней до рождества 1924 года, он оказался в ситуации, которая заставила бы любого другого навсегда отойти от политики. Нацистская партия и ее печатные органы были запрещены; бывшие лидеры погрязли в междоусобных распрях или вообще отошли от дел. Гитлеру не разрешалось выступать публично. Но самым страшным было то, что ему грозила депортация в

родную Австрию. Баварская полиция настоятельно рекомендовала поступить таким образом в своем отчете, направленном в министерство внутренних дел.

Даже многие из старых товарищей придерживались мнения, что Гитлер не состоялся как лидер и о нем скоро забудут, как забывали многих провинциальных политически деятелей, которым удавалось на какое-то время привлечь к себе внимание общественности в те бурные годы, когда казалось, что республика вот-вот пошатнется {Позднее, в 1929 году, профессор М. А. Геротволь, редактор дневников лорда Д'Абернона дополняя воспоминания посла о "пивном путче" сноской, в которой после упоминания о заключении Гитлера в тюрьму писал: "Через полгода его выпустили на свободу с ограниченной возможностью передвижения до конца полученного срока, а затем о нем просто забыли".

Лорд Д'Абернон являлся послом Великобритании в Германии с 1920 по 1926 год. Приложил немало усилий, чтобы поддержать Веймарскую республику. — Прим. авт. }.

Однако республика, выдержав все невзгоды, процветала. В то время когда Гитлер находился в тюрьме, в целях стабилизации валютного положения Германии был приглашен финансовый гений др. Яльмар Шахт, которому удалось добиться определенных успехов. Гибельная инфляция была приостановлена. Бремя репараций смягчено посредством плана Дауэса. Начался приток капиталов из Америки. Экономика быстро возрождалась.

Штреземану удавалось проводить политику примирения с союзниками. Французские войска постепенно выводились из Рурской области. Правительства приступили к обсуждению гарантийного пакта, который призван был проложить путь к общеевропейскому соглашению (Локарнские договоры) и вступлению Германии в Лигу Наций. Впервые со времени поражения в войне после шести лет напряженности, беспорядков и депрессии германский народ зажил нормальной жизнью.

За две недели до выхода Гитлера из тюрьмы социал-демократы, названные им преступниками Ноября, в ходе всеобщих выборов, на которых республике была оказана поддержка, укрепили свои позиции — за них проголосовало на 30 процентов больше избирателей, то есть почти восемь миллионов человек. Число голосов, отданных за нацистов, которые объединились с расистскими группировками Севера в "национал-социалистское движение за свободу Германии", значительно сократилось (почти два миллиона в мае 1924 года и менее миллиона в декабре того же года). Казалось, нацизму пришел конец. Нацистское движение достигло

успехов в период, когда на страну сыпались несчастья, теперь же, когда перспективы развития нации резко улучшились, оно теряло авторитет. По крайней мере, так считали большинство немцев и иностранных наблюдателей.

Адольф Гитлер думал по-иному. Его не так легко было заставить разувериться, и он умел ждать. Размышляя над своей жизнью в зимние месяцы 1925 года в небольшой двухкомнатной квартире на верхнем этаже дома номер 45 по Тирштрассе в Мюнхене и позднее, когда наступило лето и он жил в разных гостиницах в окрестностях Оберзальцберга под Берхтесгаденом, Гитлер пришел к выводу, что неудачи недалекого прошлого и превратности настоящего лишь укрепили его решимость.

В тюрьме у Гитлера было достаточно времени, чтобы не только разложить по полочкам свое прошлое, свои победы и ошибки, но и хорошенько поразмыслить о бурном прошлом германской нации, ее триумфах и поражениях. Теперь он имел более ясное представление об этом.

У Гитлера вновь появилось острое ощущение как собственного предназначения, так и предназначения Германии в целом, и здесь у него не было ни малейшего сомнения.

Находясь в состоянии душевного подъема, он закончил диктовку первого тома "Майн кампф" и сразу же приступил к работе над вторым томом. Предначертания того, к чему всевышний призвал Гитлера в полном катастроф мире, и мировоззрение, на которое он опирался, были изложены им на бумаге, увидели свет и могли по достоинству быть оценены всеми. Эта философия, какой бы сумасбродной она ни казалась, уходила, как уже отмечалось, глубокими корнями в историю Германии. Большинству современников живших в XX веке, даже немцам, изложенная Гитлером программа представлялась нелепой. Однако в ней прослеживалась определенная последовательность, были намечены четкие перспективы. Программа предлагала, хотя лишь немногие в ту пору понимали это, продолжение германской истории. Она предсказывала Германии славное будущее.

Книга II. Триумф и консолидация сил

Часть 5. Путь к власти: 1925–1931 годы

Период между 1925 годом и началом экономического кризиса 1929 года оказался неблагоприятным для нацистского движения и Адольфа Гитлера, но он хотел проявить себя человеком, который никогда не отчаивается и не теряет уверенности. Несмотря на повышенную возбудимость, нередко приводившую к припадкам истерии, он умел терпеливо ждать и был достаточно умен, чтобы понимать, что политический климат, сложившийся в те годы в Германии вследствие экономического подъема и ослабления напряженности, не способствует достижению поставленных им целей.

Он был убежден, что хорошие времена для Германии рано или поздно кончатся. Ее благополучие, как говорил он, зависело не от ее собственной силы, а от силы других, прежде всего Америки, из переполненной казны которой текли займы, призванные обеспечить Германии стабильное процветание. За период с 1924 по 1930 год она получила в виде займов около семи миллиардов долларов — по большей части от американских финансистов, мало задумывавшихся над тем, каким образом она сумеет расплатиться с долгами. Сами же немцы думали об этом и того меньше.

Займы, получаемые республикой, шли на платежи по репарациям и на расширение дорогостоящей социальной сферы, служившей образцом для всего мира. Правители земель, муниципалитеты расхватывали занятые деньги не только на благоустройство городов, но и на строительство аэродромов, театров, стадионов и модных плавательных бассейнов. Промышленность, долги которой обесценивались вследствие инфляции, получала миллиардные кредиты на замену оборудования и модернизацию производства. Объем промышленной продукции, составлявший в 1923 году 55 процентов Уровня 1913 года, к 1927 году возрос до 122 процентов. Впервые за послевоенное время уровень безработицы опустился ниже миллионной черты, и в 1928 году число безработных составляло 650 тысяч человек. Розничный товарооборот увеличился в том же году на 20 процентов по сравнению с 1925 годом, а реальная заработная плата спустя год возросла по сравнению с четырьмя предшествующими годами на 10 процентов. Плодами экономического подъема отчасти пользовались и низшие слои общества — многомиллионная масса лавочников и мелких служащих, на поддержку которых Гитлер рассчитывал.

Как раз в эти годы и состоялось мое знакомство с Германией. Париж,

где я проживал в то время, и Лондон, куда периодически наведывался, способны были очаровать такого молодого американца, как я, которому посчастливилось вырваться из затхлой, бездуховной атмосферы, господствовавшей в Америке в годы президентства Калвина Кулиджа, и все же впечатление от этих столиц тускло, когда я приезжал в Берлин или Мюнхен. Казалось, в Германии действует какой-то чудесный фермент. Люди жили там более свободной, более современной, более увлекательной жизнью, чем в любой другой из знакомых мне стран. Нигде искусства, интеллектуальная жизнь не были столь активны, как в Германии. В литературе живописи, архитектуре, музыке, театре возникали новые школы, рождались талантливые произведения. И в центре всего находилась молодежь.

Бывало, целые ночи проходили в нескончаемых беседах о жизни в кругу моих ровесников, собиравшихся в кафе, в фешенебельных барах, в местах отдыха, на палубах пароходов в Рейнской области или в прокуренных мастерских художников. Пышущие здоровьем, беззаботные солнцепоклонники, они жаждали полнокровной жизни в условиях полной свободы. Гнетущий дух пруссачества, казалось, исчез без следа. Большинство немцев — политики, писатели, редакторы, художники, профессора, студенты, деловые люди, рабочие лидеры поражали своим демократизмом, либеральными или пацифистскими взглядами. О Гитлере, о нацистах почти не вспоминали, разве что в шутку, когда речь заходила о "пивном путче". На выборах 20 мая 1928 года нацистская партия набрала всего 810 тысяч голосов из 31 миллиона и получила в рейхстаге около десятка мест из общего числа 491. Консервативные националисты тоже понесли большие потери: если в 1924 году за них голосовало шесть миллионов избирателей, то в 1928 году только четыре миллиона, а число мест в парламенте сократилось со 103 до 73. Социал-демократы, напротив, получили на миллион с четвертью голосов больше (всего за них проголосовало более девяти миллионов человек), обеспечив себе 153 места в рейхстаге. Таким образом, социал-демократическая партия оказалась самой влиятельной партией в Германии. Наконец-то, спустя десять лет после окончания войны, Германская республика прочно встала на ноги.

В том юбилейном, 1928 году национал-социалистская партия насчитывала 108 тысяч членов. Число небольшое, и росло оно медленно. В конце 1924 года, через две недели после выхода из тюрьмы, Гитлер добился аудиенции у Генриха Хольда — министра-президента и руководителя католической народной партии Баварии. В ответ на клятвенное обещание Гитлера вести себя прилично Хольд снял запрет с нацистской партии и ее

печатного органа. "Бестия обуздана, — сообщил он министру юстиции Гюртнеру, — теперь можно ослабить путы". Баварский министр-президент был до отнюдь не последним среди германских политиков, допустивших роковой просчет.

26 февраля 1925 года вышел первый после снятия запрета номер "Фелькишер беобахтер" с редакционной статьей (автором ее был Гитлер) "Новое начало". На следующий день фюрер выступил на собрании возрожденной нацистской партии, состоявшемся в той самой пивной "Бюргербройкеллер", откуда он и его приспешники сам 9 ноября полтора года назад начали свой злосчастный марш. На этот раз многие из верных друзей отсутствовали. Экарта и Шейбнера-Рихтера уже не было в живых. Геринг находился в эмиграции. Людендорф и Рем порвали со своим шефом. Розенберг, враждовавший со Штрейхером и Эссером, считал себя обиженным и держался в стороне. Грегор Штрассер, пока Гитлер сидел за решеткой, а нацистская партия находилась под запретом, возглавлял вместе с Людендорфом "национал-социалистское движение за свободу Германии". Когда Гитлер попросил Антона Дрекслера председательствовать на собрании, старый слесарь, основатель партии, послал его к черту. Тем не менее в пивной собралось около четырех тысяч приверженцев, пожелавших снова послушать Гитлера, и он не обманул их ожиданий. Его красноречие, как всегда, зажигало. В конце двухчасовой речи толпа разразилась аплодисментами. Несмотря на то что многие приспешники покинули его и перспективы движения не радовали, Гитлер ясно дал понять, что считает себя единоличным вождем партии. "Я один руковожу движением, и никто не может навязать мне свои условия, ибо я, только я несу ответственность, — заявил он и добавил: — На мне снова лежит ответственность за все, что происходит в движении".

Идя на это собрание, Гитлер ставил перед собой две задачи: одна из них состояла в том, чтобы сосредоточить в своих руках всю полноту власти, другая — в том, чтобы возродить нацистскую партию как политическую организацию, которая добивалась бы власти исключительно конституционными средствами. Смысл этой тактики он изложил Карлу Людекке — одному из своих приспешников, в то время все еще отбывавшему тюремное заключение:

"Когда я снова начну действовать, то прибегну к новой тактике. Вместо того чтобы добиваться власти путем военного переворота, мы проникнем в рейхстаг и там развернем борьбу с католическими и марксистскими депутатами. Конечно, перестрелять противников быстрее, чем победить их на выборах, зато гарантом нашей власти станет их же

конституция. Всякий юридический процесс требует времени. Но рано или поздно мы все же завоюем большинство сначала в рейхстаге, а потом и в Германии".

Вот почему после освобождения из тюрьмы он заверил министра-президента Баварии, что нацистская партия впредь будет действовать в рамках конституции.

Но 27 февраля, выступая в пивной "Бюргербройкеллер", Гитлер, поддавшись энтузиазму толпы, обрушился на земельные власти с плохо скрытыми угрозами. Врагами были названы и республиканце министры, и марксисты, и евреи. В заключительной части своей речи он воскликнул: "В нашей борьбе возможен только один исход: либо враг пройдет по нашим трупам, либо мы пройдем по его! "

Первое же публичное выступление Гитлера после выхода тюрьмы показало, что "бестия" вовсе не обуздана. Несмотря обещание вести себя прилично, он снова угрожал властям насилием. Правительство Баварии тотчас запретило ему публичные выступления на два года. Примеру Баварии последовали другие земли. Это был тяжелый удар для человека, столь преуспевшего благодаря своему ораторскому искусству. Умолкший Гитлер равнозначен Гитлеру побежденному. Он так же беспомощен, как боксер выпущенный на ринг в наручниках. Так, во всяком случае, думали большинство людей.

Но они ошиблись и на этот раз. Они забыли, что Гитлер не только оратор, но и организатор. Лишенный права выступать публично, он, стиснув зубы, развернул лихорадочную деятельность по реорганизации "национал-социалистского немецкого рабочего союза", намереваясь превратить его в такую партию, какой Германия еще не знала. Он имел в виду создать структуру, похожую на армейскую, — некое государство в государстве. В качестве первоочередной задачи выдвигалась вербовка новых членов, которые платили бы взносы. В конце 1925 года в партии насчитывалось всего 27 тысяч членов. Дело двигалось медленно, но с каждым годом организация росла: в 1926 году в ней уже насчитывалось 49 тысяч членов, в 1927 — 72 тысячи, в 1928 — 108 тысяч, в 1929 — 178 тысяч.

Вторая, и более важная, задача состояла в том, чтобы создать разветвленную партийную структуру по аналогии с существующей системой государственной власти и общественными институтами. Страна была поделена на области, или "гау", приблизительно соответствовавшие 34 избирательным округам по выборам в рейхстаг, во главе которых стояли назначенные Гитлером гауляйтеры. Было учреждено также семь

дополнительных "гау" за пределами Германии: в Австрии, Данциге, Саарской и Судетской областях. "Гау" в свою очередь были поделены на "крайсы" (округа) во главе с крайслейтерами. В округа входили "ортсгруппы", то есть местные организации, которые делились на уличные ячейки, а последние — на квартальные блоки.

Политическая организация нацистской партии состояла из двух отделов: ПО-1 — предназначался для дискредитации и подрыва республиканского строя, ПО-2 — занимался строительством государства в государстве. Ко второму отделу относились подотделы сельского хозяйства, юстиции, экономики, внутренних дел, трудовых ресурсов, а в будущем подотделы расовых отношений, культуры и техники. ПО-1 состоял из подотделов внешних сношений, профсоюзов и печати рейха. Кроме двух ПО существовал особый отдел пропаганды со своей разветвленной структурой.

Часть нацистских головорезов, зачинщиков уличных драк и пьяных дебошей, была против вовлечения женщин и детей в нацистскую партию, но Гитлер и для них создал специальные организации

"Гитлерюгенд", например, объединяла юношей в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет и имела свои секции (культуры, школьного образования, печати, пропаганды, оборонительных видов спорта и другие), а подростки в возрасте от десяти до пятнадцати с вовлекались в организацию под названием "Немецкая молодежь". Для девочек существовала Лига немецких девушек, а для женщин — национал-социалистские союзы женщин. Студенты, преподаватели, служащие учреждений, врачи, адвокаты имели свои организации, а для художников и других деятелей культуры был учрежден "Национальный культурный бунд".

Потребовалось немало усилий, чтобы преобразовать организацию под названием СА (боевые отряды) в вооруженное формирование, насчитывавшее несколько тысяч человек и призванное охранять нацистские сборища, разгонять рабочие митинги и вообще терроризировать тех, кто выступал против Гитлера. Некоторые руководители СА рассчитывали, что с приходом фюрера к власти она заменит регулярную армию. Для начала был создан специальный военно-политический центр во главе с генералом Францем Ритте-ром фон Эппом. По идее, пять его отделов должны были вести такими вопросами, как внешняя и внутренняя безопасность, силы обороны, оборонный потенциал. Однако на деле СА, состоявшая из молодчиков в коричневых рубашках, как была, так и осталась сбродом крикунов и громил. Многие из ее высших

чинов, начиная с главара Рема, были известны как гомосексуалисты, а лейтенант Эдмунд Хайнес, возглавлявший мюнхенские отряды СА, был судим за убийство. Как десятки им подобных, они ссорились и враждовали между собой, как могут враждовать лишь те, кто обременен противоестественными сексуальными наклонностями и кого мучает не свойственное нормальным людям чувство ревности.

Желая иметь в своем распоряжении более надежную опору, Гитлер создал СС; эсэсовцам выдали форму черного цвета (по примеру итальянских фашистов), и они должны были присягать на верность лично фюреру. Сначала отряд СС предназначался только для его личной охраны. Первым начальником СС стал сотрудник "Фелькишер беобахтер" Берхтольд, но он счел себя более пригодным для сравнительно спокойной редакционной работы, чем для роли полицейского и солдата, поэтому вскоре был заменен неким Эрхар-Дом Хайденом, в прошлом подвизавшимся в незавидной роли полицейского осведомителя. Лишь в 1929 году Гитлер подобрал наконец идеальную кандидатуру на пост начальника СС: ею оказался владелец птицефермы в деревне Вальдтрудеринг близ Мюнхена — тихий, вежливый человек, которого люди, впервые его видевшие, в том числе и автор этих строк, ошибочно принимали за учителя провинциальной школы. Когда Гиммлер занял этот пост, в охранных отрядах СС насчитывалось около двухсот человек, а когда заканчивал службу, они занимали в Германии господствующее положение. Одно упоминание СС наводило ужас на оккупированную Европу.

На вершине партийной пирамиды стоял Адольф Гитлер, носивший пышный титул "верховный фюрер партии и СА, председатель национал-социалистской немецкой рабочей организации". При секретариате действовал директорат рейха в составе высших должностных лиц партии и таких деятелей, как "казначей рейха" и "управляющий деловой жизнью рейха". У того, кто посещал помпезный "коричневый дом" в Мюнхене, являвшийся всегерманским центром партии в последние годы существования республики, складывалось впечатление, что именно здесь и размещается государство в государстве. На такое впечатление Гитлер, без сомнения, и рассчитывал, ибо стремился подорвать доверие к существующему республиканскому строю как внутри страны, так и за ее пределами, — строю который он замышлял свергнуть.

Однако в намерения Гитлера входило нечто более важное, чем просто произвести впечатление. Через три года после прихода к власти, 9 ноября 1936 года, выступая в пивной "Бюргерброй-келлер" на юбилейном собрании перед старыми борцами, он объяснил, какую, в частности, цель

преследовал, преобразуя партию в столь грозную и всеобъемлющую организацию. "Мы понимаем, — сказал он, вспоминая те дни, когда партия реорганизовывалась после путча, — что мало свергнуть старую власть — требуется заблаговременно создать и держать наготове новую... В 1933 году речь шла не о свержении старой власти, а об укреплении новой, ибо новое правительство практически уже существовало. Оставалось лишь уничтожить обломки старой, на что потребовалось всего несколько часов".

Ни одна организация при всей ее слаженности и действенности не обходится без внутренних распрей, и Гитлер, создавая нацистскую партию, призванную решать судьбу Германии, имел массу хлопот со своими приспешниками, которые постоянно враждовали не только друг с другом, но и с ним. Однако вот что странно: будучи по натуре крайне нетерпим ко всяким проявлениям инакомыслия, он терпимо относился к фактам аморального поведения своих людей. Ни одна другая партия в Германии не вовлекала в свои ряды такого множества темных личностей. Как мы знаем, в партию толпами шли сутенеры, убийцы, гомосексуалисты, алкоголики и шантажисты, как если бы она была для них землей обетованной. Но Гитлер смотрел на это сквозь пальцы, поскольку считал, что они могут быть полезны. Выйдя из тюрьмы, он обнаружил, что его приспешники перегрызлись между собой; более того, некоторые "добропорядочные" и строгие представители руководящей верхушки (такие, как Розенберг и Людендорф) требовали исключения преступных элементов и извращенцев из движения. Гитлер без обиняков отклонил это требование. "Я не считаю, что в задачу политического руководителя, — заявил он в статье "Новое начало", — входит улучшение, а тем более перековка человеческого материала, которым он располагает".

Однако к 1926 году обвинения и контробвинения, выдвигаемые нацистскими лидерами, приняли настолько скандальный характер, что Гитлер учредил партийный суд, который призван был улаживать конфликты и не позволять соратникам копать в грязном белье друг друга. Этот суд получил название УШЛА — "Комиссия по расследованию и улаживанию". Его первым председателем стал отставной генерал Хейнеман, но он оказался неспособен уяснить истинную цель суда, которая заключалась не в том, чтобы выносить приговоры лицам, обвиняемым в уголовных преступлениях, а в том, чтобы замять то или иное дело, не допускать огласки, которая могла привести к ослаблению партийной дисциплины и подрыву авторитета фюрера. Поэтому на место генерала назначили более сообразительного отставного майора Вальтера Буха, придав ему с двух помощников. Один из них — Ульрих Граф, бывший мясник, ранее служил в

личной охране Гитлера, другой — Ганс Франк, молодой нацист, был юристом. О нем мы расскажем подробнее, когда речь пойдет о его кровавых злодеяниях в оккупированной Польше, где он служил генерал-губернатором, — злодеяниях, за которые он поплатился жизнью на виселице Нюрнберга. Такой судейский триумвират вполне устраивал Гитлера. Если кого-либо из видных нацистов обвиняли в тяжком преступлении, Бух неизменно вопрошал: "Ну и что из этого? " Для него важно было одно: не причинило ли это преступление ущерба партии и не запятнало ли репутацию фюрера?

Во многих случаях партийный суд оказывал нужное воздействие, однако и ему не всегда удавалось держать в узде честолюбивых и агрессивных нацистских бонз. Нередко Гитлеру приходилось вмешиваться лично, дабы не только сохранить видимость единства, но и уберечь себя.

Пока Гитлер томился в заключении в Ландсберге, в нацистском движении выдвинулся молодой человек по имени Грегор Штрассер — аптекарь по профессии, уроженец Баварии, на три года моложе Гитлера. Он также был награжден Железным крестом первой степени. Начав военную службу рядовым, он дослужился до лейтенанта. В 1920 году вступил в нацистскую партию, а некоторое время спустя стал гауляйтером Нижней Баварии. Рослый, крепкого сложения, излучающий энергию, этакий бонвиван, он вырос в крупного деятеля скорее благодаря своей внешности, чем ораторскому искусству, которым владел Гитлер. Однако он был прирожденный организатор. Будучи по характеру человеком независимым, Штрассер отказывался раболепствовать перед Гитлером и не был склонен всерьез относиться к притязаниям австрийца на роль абсолютного диктатора нацистского движения. Это его позиция, равно как и искренняя приверженность "социализму" национал-социалистского движения, в конечном счете имели для него пагубные последствия.

Вопреки воле Гитлера, сидевшего тогда в тюрьме, Штрассер в блоке с Людендорфом и Розенбергом создал "народное движение" с целью баллотироваться на предстоящих весной 1924 года земельных и общегерманских выборах. В Баварии этот блок набрал достаточно голосов, чтобы стать второй по влиятельности партией; В Германии, как мы уже знаем, эта партия набрала два миллиона голосов и получила 32 места в рейхстаге. Одно из этих мест досталось Штрассеру. Гитлер с завистью наблюдал за деятельностью молодого человека, успех которого его отнюдь не радовал. Штрассер в свою очередь не проявлял желания признавать Гитлера хозяином и демонстративно не явился на состоявшееся 27 февраля 1925 года в Мюнхене собрание, которое возродило нацистскую партию.

Гитлер понимал, что подлинно общегерманский размах его движение сможет обрести лишь в том случае, если найдет опору в Северной Германии, то есть в Пруссии, и прежде всего в цитадели врага — Берлине. На выборах 1924 года Штрассер баллотировался на севере и заключил союз с местными крайне националистическими группами во главе с Альбрехтом фон Графе и графом Эрнстом фон Ревентлов. Это помогло ему завязать личные знакомства и заручиться поддержкой региона; кроме него, ни один нацистский лидер такой поддержкой в тех краях не пользовался. Через две недели после собрания Гитлер, смирившись с успехом Штрассера, позвал его к себе и предложил заняться организацией нацистской партии в Северной Германии. Штрассер согласился. Он считал, что ему представился подходящий случай показать свои способности, не ощущая стоящего над душой завистливого и надменного фюрера.

Несколько месяцев спустя он основал в столице газету "Берлинер арбайтерцайтунг", редактором которой стал его брат Отто, и информационный бюллетень "Национал-социалистише брифе", призванный держать нацистскую верхушку в курсе партийной политики. Он же заложил основы политической организации с отделениями в Пруссии, Саксонии, Ганновере и индустриальной Рейнской области. Живой, неутомимый, настоящий генератор идей, Штрассер разъезжал по Северной Германии, выступая на собраниях, назначая областных фюреров, сколачивая партийный аппарат. Положение депутата рейхстага давало ему два преимущества перед Гитлером: право бесплатного проезда по железной дороге, благодаря которому разъезды по стране ни ему, ни партии ничего не стоили, и парламентскую неприкосновенность. Ни один орган власти не мог запретить ему выступать публично; никакой суд не мог привлечь его к ответственности за клевету на тех, кого он избирал своими жертвами. Хайден по этому поводу с сарказмом писал: "Даровой проезд плюс даровая клевета — в этом и состоит крупное преимущество Штрассера перед фюрером".

Своим секретарем и редактором "Национал-социалистише брифе" Грегор Штрассер назначил двадцативосьмилетнего уроженца Рейнской области Пауля Йозефа Геббельса.

Появление Пауля Йозефа Геббельса

Этот смуглый, напоминавший карлика молодой человек с покалеченной ногой, обладавший гибким умом и сложным неврастеничным характером, не был новичком в нацистском движении. Это движение Геббельс открыл для себя еще в 1922 году, когда услышал речь Гитлера в Мюнхене, принял нацистскую веру и вступил в партию. Но

самого его нацистское движение открыло тремя годами позднее, когда Грегор Штрассер, послушав одно из его выступлений, нашел, что этот безусловно небездарный молодой человек может быть ему полезен.

В свои двадцать восемь лет Геббельс был страстным оратором, фанатичным националистом, обладал, насколько было известно Штрассеру, острым пером и — редкий случай в среде нацистских Лидеров — имел солидное университетское образование. Генрих Гиммлер, занимавший должность секретаря Штрассера, только что подал в отставку, отдав предпочтение разведению кур, и на его место Штрассер пригласил Геббельса. Как оказалось, выбор этот имел для него роковые последствия.

Родился Пауль Йозеф Геббельс 29 октября 1897 года в Рейдте — центре текстильной промышленности, насчитывавшем около 30 тысяч жителей. Его отец, Фриц Геббельс, работал мастером на ткацкой фабрике. Мать, Мария Катарина Оденхаузен, была дочерью кузнеца. Оба были набожные католики, и потому образование Йозеф Геббельс получил у католиков. Окончив приходскую школу, он поступил в гимназию города Рейдта. Потом по стипендии католического общества имени Альберта Магнуса учился в университете, вернее, в восьми университетах. Прежде чем получить степень доктора философских наук в 1921 году в Гейдельберге (ему тогда было 24 года), он посещал занятия в университетах Бонна, Фрейбурга, Вюрцбурга, Кельна, Франкфурта, Мюнхена и Берлина. В этих прославленных учебных заведениях Геббельс изучал философию, историю, литературу и искусство, не прекращая занятий латинским и греческим языками.

Он хотел стать писателем. В год защиты докторской он написал роман "Михель", который не заинтересовал ни одного издателя, а еще через два года — две пьесы: "Скиталец" (об Иисусе Христе) и "Одинокый гость". Обе пьесы были написаны в стихах, так что ни один режиссер не взялся их ставить {Роман "Михель" был издан в 1929 году, когда Геббельс приобрел широкую известность как нацистский лидер. Пьесу "Скиталец" поставили после того, как Геббельс стал министром пропаганды и управителем театров. На сцене она продержалась недолго. — Прим. авт. }. Не больше повезло ему и в журналистике. "Берлинер тагеблатт", крупная ежедневная газета либерального толка, отклонила десятки предложенных им статей и отказалась принять его на работу в качестве репортера.

Его личная жизнь с ранней молодости тоже складывалась неудачно. Будучи калекой, он не воевал на фронте и поэтому не имел того опыта, который казался, по крайней мере в начале войны, столь престижным для молодых людей его поколения и наличие которого считалось обязательным

условием для продвижения по иерархической лестнице нацистской партии. Многие утверждали, что Геббельс родился с изуродованной ступней. На самом деле это не так. Семилетним ребенком он заболел остеомиелитом воспалением костного мозга. Ему оперировали левое бедро, но операция прошла неудачно, в результате левая нога усохла и стала короче правой. Это увечье, из-за которого он заметно хромотал, с детства отравляло его существование. Отчаяние Геббельса было столь

Не везло ему и в любви, хотя он всю жизнь обманывал себя, принимая донжуанские приключения, ставшие общеизвестными в годы его могущества, за настоящие романы. Его дневниковые записи за 1925–1926 годы, когда ему было двадцать восемь лет и когда Штрассер только что привлек его к деятельности в нацистской партии, изобилуют выражениями любви к женщинам, коих у него бывало по несколько одновременно.

14 августа 1925 года. Альма прислала мне из Бад-Гарцбурга почтовую открытку. Ее первая после той ночи весточка. Эта игривая очаровательная Альма!

Пришло первое письмо от Эльзи из Швейцарии. Одна милая Эльзи умеет так писать... Скоро я отправлюсь на Рейн, поживу там с неделю в одиночестве. Потом приедет Эльзи... С какой радостью я жду этой встречи!

15 августа. В эти дни я часто вспоминаю об Анке... Как замечательно было с ней путешествовать! Чудесная девушка!

Тоскую по Эльзи. Когда же я обниму тебя, милая Эльзи? Когда мы снова увидимся?

Альма, милая моя былинка! Анке, я никогда тебя не забуду!

27 августа. Эти дни на Рейне... От Эльзи — ни весточки... Или она обиделась на меня? Как я жажду ее! Живу в той самой комнате, где жил с ней тогда, на троицу. Какие мысли! Какие чувства! Почему она не едет?

3 сентября. Эльзи здесь! Во вторник приехала из Швейцарии — такая пышная, миловидная, здоровая, веселая, чуть-чуть загоревшая. Очень счастлива и в прекрасном настроении. Добра ко мне и доставляет много радости.

14 октября. Почему Анке ушла от меня?.. Не надо думать об этом.

21 декабря. Проклятие надо мной и над женщинами. Горе тому, кто меня любит!

29 декабря. Вечер провел в Крефельде с Гессом. Праздновали рождество. Восхитительная, прекрасная девушка из Франконии. В моем вкусе. Домой возвращались с ней в дождь и бурю. *Аи revoir!* {До свидания! (фр. } Приехала Эльзи.

26 февраля 1926 года. Жажду милых женщин! О, такая мучительная боль!

Анке, первая любовь Геббельса, которую он никогда не забывал, — это Анке Гельгорн. С ней Йозеф познакомился, будучи студентом Фрейбургского университета. В его дневнике множество записей, в которых он сперва превозносит красоту ее русских волос, а потом, когда она его бросила, пишет, что разочаровался в ней. Позже, став министром пропаганды, он с присущим ему тщеславию и цинизмом объяснял своим друзьям, почему она ушла от него: "Она изменила потому, что у другого парня оказалось больше денег, так что он имел возможность водить ее по ресторанам и театрам. Как это глупо!.. А ведь могла стать женой министра пропаганды! Теперь-то уж, конечно, кусает локти".

Анке, вышедшая замуж за другого парня, позднее развелась с ним и в 1934 году приехала в Берлин, где Геббельс помог ей получить место в одном из журналов.

Радикализм Штрассера, его вера в "социализм" национал-социалистского движения — вот что привлекало Геббельса. Оба они хотели построить партию пролетарского типа. В дневниках Геббельса много говорилось о его тогдашних симпатиях к коммунизму. "В конечном счете, — записал он 23 октября 1925 года, — уж лучше нам прекратить свое существование под властью большевизма, чем обратиться в рабов капитала". 1 января 1926 года он признался себе: "По-моему, ужасно, что мы (нацисты) и коммунисты колотим друг друга... Где и когда мы сойдемся с руководителями коммунистов? "

Как раз в это время он опубликовал открытое письмо одному из руководителей коммунистов, в котором заявлял, что между нацизмом и коммунизмом нет разницы. "Между нами идет борьба, — отмечал он, — но ведь мы, в сущности, не враги".

В глазах Адольфа Гитлера это была суцая ересь. Он с растущим беспокойством следил за успешной деятельностью братьев Штрассеров и Геббельса по созданию в Северной Германии жизнеспособного, радикального пролетарского крыла партии и думал, что, дай этим людям волю, они приберут к рукам всю партию, причем во имя целей, которые он, Гитлер, категорически отвергает. Конфронтация была неизбежна, и она произошла осенью 1925 — зимой 1926 года. Спор начался по инициативе Грегора Штрассера и Геббельса. Его предметом явилась проблема, чрезвычайно волновавшая в то время жителей Германии. Речь шла о предложении социал-демократов и коммунистов экспроприировать в пользу республики крупные поместья бывших королевских и княжеских

семейств. Вопрос этот предлагалось решить путем референдума в соответствии с Веймарской конституцией. Штрассер и Геббельс рекомендовали нацистской партии присоединиться к коммунистам и социалистам и принять участие в кампании за отчуждение собственности дворянской знати.

Гитлер был вне себя от ярости. Некоторые из бывших правителей Германии сотрудничали с партией. Более того, ряд крупных промышленников оказывали финансовую поддержку возрожденному Гитлером движению именно потому, что видели в нем действенное средство борьбы с коммунистами, социалистами и профсоюзами.

Если бы Штрассер сумел осуществить свои планы, Гитлер немедленно лишился бы источников финансирования.

Но не успел фюрер что-либо предпринять, как Штрассер созвал 22 ноября 1925 года в Ганновере конференцию партийных руководителей Северной Германии. Цель конференции заключалась не только в том, чтобы склонить северогерманскую секцию нацистской партии к поддержке идеи экспроприации, но и в том, чтобы принять новую экономическую программу, которая заменила бы "реакционные" двадцать пять пунктов, принятые в 1920 году. Штрассер и Геббельс предложили национализировать крупные отрасли промышленности и обширные помещичьи владения, а также заменить рейхстаг палатой корпораций по примеру итальянских фашистов. Гитлер отказался присутствовать на конференции и послал своего представителя Готфрида Федера, которому поручил уговорить мятежников. Геббельс потребовал удалить Федера с конференции. "Мы не желаем терпеть здесь доносчиков! " — воскликнул он. На конференции присутствовали ряд членов нацистской верхушки, ставших потом заметными фигурами в третьем рейхе (Бернхард Руст, Эрих Кох, Ганс Керрль, Роберт Лей), однако никто из них, кроме алкоголика Лея, гауляйтера Кельна, не поддержал Гитлера. Когда Лей и Федер заявили, что конференция неправомочна что-либо решать в отсутствие Гитлера, верховного фюрера, Геббельс, по словам присутствовавшего там Отто Штрассера, крикнул: "Я требую исключить мелкого буржуа Адольфа Гитлера из нацистской партии! "

Злоязычный Геббельс сильно переменялся с тех пор, как три года назад поддался обаянию Гитлера, — во всяком случае, так полагал Грегор Штрассер. "В ту минуту я будто заново родился, — вспоминал Геббельс, рассказывая о впечатлении от речи Гитлера, впервые услышанной им в июне 1922 года в Мюнхене, в цирке Крона. — Теперь я знаю, по какому пути мне следовать... Это был приказ! "

Еще большее восхищение вызвало у него поведение Гитлера на процессе по делу о мюнхенском путче. После суда Геббельс писал фюреру:

"Словно восходящая звезда Вы предстали нашим удивленным взорам, Вы сотворили чудо, прояснив наш разум и вселив веру, столь нужную в этом мире скепсиса и отчаяния. Вы возвышались над массами, исполненный уверенности в будущем и решимости раскрепостить массы своей беспредельной любовью к тем, кто верит в новый рейх. Впервые мы смотрели сияющими глазами на человека, сорвавшего маски с лиц, искаженных алчностью, с лиц суетливых парламентских посредственностей... В мюнхенском суде Вы предстали перед нами во всем величии Фюрера. То, что Вы сказали, были величайшие слова, каких в Германии не слышали со времен Бисмарка. Вы выразили не только собственную боль... Вы выразили боль целого поколения людей, блуждающих в потемках в поисках цели. То, что Вы сказали, — это катехизис новой политической веры, рожденной из отчаяния гибнущего безбожного мира... Мы благодарны Вам. Когда-нибудь и вся Германия будет благодарить Вас, "

И вот теперь, полтора года спустя, кумир Геббельса померк, превратился в "мелкого буржуа", которого следует выгнать из партии. Ганноверская конференция, которой противостояли лишь Лей и Федер, приняла выдвинутую Штрассером новую программу партии и одобрила решение поддержать предложение марксистов провести референдум по вопросу о конфискации земель бывших королевских и княжеских семейств.

Гитлер выждал немного и 14 февраля 1926 года нанес ответный удар, созвав конференцию в Бамберге, на юге Германии. Он нарочно выбрал будничным день в расчете на то, что северным нацистским лидерам нелегко будет в течение рабочей недели сняться с места. Его расчет оправдался: на конференции смогли присутствовать только Грегор Штрассер и Геббельс. Тщательно отобрав верных ему людей, Гитлер обеспечил себе численное превосходство. Такие немецкие историки, как Хайден и Олден, а также авторы из других стран, пользовавшиеся их трудами, утверждают, что на Бамбергской конференции Геббельс открыто порвал со Штрассером и перешел на сторону Гитлера. Но дневники Геббельса, обнаруженные после того, как Хайден и Олден написали свои книги, свидетельствуют, что его измена Штрассеру в то время еще не выявилась. Они показывают, что, хотя Геббельс, подобно Штрассеру, и подчинился Гитлеру, фюрера он считал абсолютно неправым и не имел намерения перейти на его сторону. 15 февраля, на другой день после конференции в Бамберге, он доверил свои мысли дневнику:

"Гитлер говорил два часа. Чувствую себя так, словно меня избили. Что за человек этот Гитлер? Реакционер? Крайне несуразен и непостоянен. Совершенно неправ в русском вопросе. Италия и Англия — наши естественные союзники! Ужас!.. Мы должны уничтожить Россию!.. Проблемы собственности дворянской знати нельзя даже касаться! Ну и ну, не нахожу слов. Чувствую себя так, будто меня ударили по голове.

Безусловно, одно из величайших разочарований в моей жизни. Я уже не вполне верю в Гитлера. Это ужасно: я теряю под ногами почву".

Чтобы продемонстрировать Штрассеру свою лояльность, Геббельс отправился на вокзал вместе с ним. Стал его успокаивать. Неделей позже, 23 февраля, он запишет: "Долгая беседа со Штрассером. Итог: не надо завидовать пирровой победе мюнхенской группы. Будем продолжать борьбу за социализм".

Но Гитлер лучше Штрассера оценил этого велеречивого парня из Рейнской области. Уже 29 марта Геббельс записал: "Сегодня утром — письмо от Гитлера. Выступаю 8 апреля в Мюнхене".

Прибыл он туда 7 апреля. "Меня ждет автомобиль Гитлера. Королевский прием! Я выступаю в исторической "Бюргербройкеллер".

На следующий день он действительно выступал с той самой трибуны, с которой выступал фюрер. 8 апреля в его дневнике появилась запись:

"Гитлер мне звонит... Его доброта, несмотря на Бамберг, приводит нас в смущение... В два часа мы едем в "Бюргербройкеллер" — Гитлер уже там. Сердце у меня так сильно колотится, что вот-вот разорвется. Я вхожу в зал. Бурные приветствия... Я говорил два с половиной часа. В зале рев и восклицания. Когда я кончил говорить, Гитлер обнял меня. Я счастлив... Гитлер все время со мной".

Через несколько дней Геббельс сдался окончательно. Запись 13 апреля:

"Гитлер говорил три часа. Блестяще. Он может заставить усомниться в собственных убеждениях. Италия и Англия — наши союзники. Россия вознамерилась проглотить нас... Я люблю его. Он все продумал. Его идеал: справедливый коллективизм и индивидуализм. Что касается земли, все принадлежит народу. Производство должно быть творческим и индивидуальным. Тресты, транспорт и т. д. должны быть обобществлены... Теперь я за него спокоен... Склоняю голову перед великим человеком, перед политическим гением..."

Ко времени отъезда из Мюнхена 17 апреля он стал уже убежденным приверженцем Гитлера и с тех пор был им до конца своей жизни, до последнего вздоха. 20 апреля он писал фюреру по случаю дня его рождения: "Дорогой, обожаемый Адольф Гитлер! Я многому у Вас

научился. Это Вы помогли мне наконец-то прозреть... " А вот запись в дневнике, сделанная вечером того же дня: "Ему тридцать семь лет. Адольф Гитлер, я люблю тебя за то, что ты велик и прост. Таким и должен быть гений".

Большую часть лета Геббельс провел с Гитлером в Берхтесгадене, и его дневник полон панегириков в адрес фюрера. В августе он публично объявил о разрыве со Штрассером в статье, опубликованной в "Фелькишер беобахтер":

"Лишь теперь я понял, кто вы такие: на словах вы (братья Штрассер и их последователи) революционеры, а на деле — нет... Бросьте болтать об идеалах и не внушайте себе, будто вы открыли какие-то идеалы и защищаете их... Мы не налагаем на себя епитимью, оказывая решительную поддержку фюреру. Мы... склоняем перед ним головы... мужественные и не сломленные духом, как древние скандинавы, честно смотрящие в глаза своему германскому феодальному повелителю. Мы убеждены, что он выше, чем вы и я. Он — исполнитель промысла божьего, творящий историю в новом, созидательном порыве".

В конце октября 1926 года Гитлер назначил Геббельса гауляйтером Берлина. Он поручил ему навести порядок в среде драчливых головорезов в коричневых рубашках, которые отпугивали местное население от движения, и завоевать столицу Германии для национал-социалистов. Берлин считался "красным", поскольку большинство избирателей в этом городе составляли социалисты и коммунисты. И Геббельс, которому только что исполнилось двадцать девять лет и который, начав с нуля, всего за год с небольшим превратился в одну из знаменитостей нацистской партии, бесстрашно приступил к исполнению своих обязанностей в этом великом Вавилоне.

Интермедия Адольфа Гитлера: отдых и любовные истории

Годы, бедные политическими событиями, были для Гитлера, как он потом рассказывал, по-настоящему счастливейшим периодом. Выступать с речами он пока не мог — запрет действовал до 1927 года, оставалось только работать над завершением книги "Майн кампф" и размышлять о будущем нацистской партии и собственном будущем. Большую часть времени он проводил в Баварских Альпах, в местечке Оберзальцберг, возвышавшемся над селением Берхтесгаден. Рай для отдыха и развлечений.

Монологи Гитлера в его ставке во время войны, когда он поздно вечером мог рассеяться в кругу старых товарищей по партии и верных секретарей, предавшись воспоминаниям о былых временах, полны ностальгических рассуждений о том, как много для него значила

отшельническая жизнь в горах — единственном месте, где он создал себе подобие домашнего очага. "Да, — воскликнул он в одной из таких бесед в ночь на 17 января 1942 года, — с Оберзальцбергом меня многое связывает. Много там родилось идей. То были счастливейшие дни моей жизни... Там родились и созрели все мои великие замыслы. И было много часов досуга, много очаровательных друзей".

В первые три года по освобождении из тюрьмы Гитлер проживал в разных гостиницах в Оберзальцберге, о чем и рассказывал в ту зимнюю ночь 1942 года. Потом перебрался в "Дойче хаус", где прожил без малого два года. За это время он кончил диктовать "Майн кампф".

По словам Гитлера, он и его партийные друзья любили посещать "Драймедерльхаус", где можно было встретить хороших девушек. "Это доставляло мне огромное удовольствие, — вспоминал он. — Особенно одна из них — настоящая красавица".

В тот вечер на Русском фронте, в штабном блиндаже, Гитлер сделал признание, которое наводит на мысль, что годы приятного времяпрепровождения в Берхтесгадене омрачали два обстоятельства.

"В этот период (в период пребывания в Баварских Альпах) я знал многих женщин. Некоторые чувствовали привязанность ко мне. Почему же тогда я не женился? Чтобы оставить жену одну? — Ведь за малейший проступок я мог снова угодить на шесть месяцев за решетку. Потому я и не позволял себе пользоваться случаями, которые мне представлялись".

Опасение Гитлера, что он может снова оказаться в тюрьме или быть высланным за пределы страны, не было лишено оснований.

Он по-прежнему находился на положении освобожденного под честное слово. Достаточно было ему в нарушение запрета выступить публично, как баварское правительство отправило бы его за решетку или выдворило в родную Австрию. Он и Оберзальцберг-то избрал своим прибежищем отчасти из-за его близости к австрийской границе: в любой момент можно было перебраться на ту сторону и избежать ареста немецкой полицией.

Но возвращаться в Австрию добровольно или в принудительном порядке значило расстроить планы на будущее. Чтобы уменьшить угрозу депортации, Гитлер 7 апреля 1925 года официально отказался от австрийского гражданства. Австрийские власти не замедлили ответить согласием. Но в результате Гитлер превратился в человека без родины. Отказавшись от австрийского гражданства, он не обрел немецкого. Это крайне затрудняло положение политического деятеля в рейхе хотя бы потому, что он был лишен права избираться в какой-либо орган управления.

Гитлер во всеуслышание заявил, что не намерен вымаливать себе немецкое гражданство у правительства республики, поскольку право на такое гражданство гарантируется самим фактом его участия в войне на стороне Германской империи. На самом же деле он скрытно обращался к баварскому правительству с просьбой о получении гражданства, но безуспешно.

В том, что Гитлер говорил вечером 1942 года о женщинах и браке, была доля истины. Вопреки распространенному мнению ему нравилось общество женщин, в особенности красивых. Во время войны в застольных беседах в ставке верховного командования он неоднократно возвращался к этой теме. "Какие прелестные бывают женщины! " — воскликнул он в разговоре с друзьями в ночь на 26 января 1942 года и, приведя несколько примеров из собственной практики, хвастливо добавил: "В юности, живя в Вене, я знал многих женщин".

Хайден приводит имена некоторых его пассий прежних лет: Гении Гауг, брат которой служил у Гитлера шофером (по слухам, она была любовницей фюрера в 1923 году), высокая статная Эрна Ханфштенгль (сестра Путци), Винифред Вагнер (невестка Рихарда Вагнера). Но с кем у Адольфа Гитлера действительно был серьезный роман — так это с его племянницей.

Летом 1928 года Гитлер снял в Оберзальцберге у вдовы гамбургского промышленника виллу "Вахенфельд" за сто марок (25 долларов) в месяц и выписал из Вены овдовевшую сводную сестру Ангелу Раубал для ведения хозяйства в доме, который он впервые в жизни мог назвать своим {Впоследствии он купил эту виллу, а когда стал канцлером, то реконструировал ее, превратив в огромный роскошный особняк, которому дал название "Бергхоф". — Прим. авт. }. Фрау Раубал привезла с собой двух дочерей — Гели и Фридл. Гели было двадцать лет. Пышноволосяя, белокурая, миловидная, с приятным голосом и жизнерадостным характером, она привлекала внимание мужчин.

Вскоре Гитлер влюбился в нее. Он водил ее всюду: на собрания и конференции, в кафе и театры Мюнхена; совершал вместе с ней продолжительные прогулки в горы. В 1929 году он снял на Принц-регентштрассе, одной из самых фешенебельных улиц Мюнхена, роскошную девятикомнатную квартиру. Одну из комнат в этой квартире он предоставил в распоряжение Гели. Разумеется, по городу и в нацистских кругах поползли сплетни о фюрере и его прекрасной светловолосой племяннице. Кое-кто из наиболее строгих — или завистливых — лидеров потребовал, чтобы Гитлер перестал показываться со своей возлюбленной на людях либо

женится на ней. Услышав такие речи, Гитлер пришел в ярость и после очередной ссоры уволил гауляйтера Вюртемберга.

Похоже, Гитлер намеревался жениться на племяннице. Позже его бывшие товарищи по партии рассказывали автору этих строк, что тогда казалось, брак неминуем. Они не сомневались, что Гитлер по уши влюблен в Гели. О ее чувствах можно только гадать. Однако всем было ясно, что ей льстило внимание человека с большим будущим. Отвечала ли она взаимностью на любовь дяди — неизвестно. Думается, вряд ли, даже в самом начале; на поздней же стадии их связи — определенно нет. В отношениях между ними образовалась большая трещина, происхождение и характер которой так и не были установлены. Предположений высказывалось много, а фактов не было. Возможно, определенную роль тут сыграла взаимная ревность. Ее раздражало то, что он оказывал внимание другим женщинам — Винифред Вагнер, например. Он в свою очередь подозревал ее в тайной связи с собственным телохранителем, бывшим заключенным Эмилем Морисом. Гели же не терпела деспотизма дяди, требовавшего, чтобы она избегала общества других мужчин. Он запретил ей ездить в Вену, где она брала уроки пения, желая помешать ей стать солисткой оперы. Он хотел, чтобы она посвятила себя только ему.

Делались также намеки на то, что Гели питала отвращение к мазохистским наклонностям своего любовника. Сущий тиран в политической жизни, он испытывал острую потребность в рабском подчинении любимой женщине. Как считают сексологи, подобные наклонности — не столь редкое явление у мужчин этого типа. Хайден ссылается на письмо Гитлера, посланное племяннице в 1929 году, в котором фюрер признается, что желание такого рода у него действительно есть. Письмо попало в руки сына хозяйки дома, что привело к трагическим последствиям, причем не один он поплатился жизнью.

Так или иначе, роман дяди с племянницей был чем-то омрачен. Между ними происходили яростные перепалки. 17 сентября 1931 года Гели объявила, что возвращается в Вену, где продолжит занятия пением. Гитлер был против. Разразился скандал, свидетелями которого стали соседи. Они слышали, как Гели, высунувшись из окна мюнхенской квартиры, крикнула Гитлеру, садившемуся в автомобиль (он собрался ехать в Гамбург): "Значит, ты запрещаешь мне ехать в Вену?" "Да!" — ответил он.

На следующее утро Гели Раубал обнаружили в ее комнате с простреленной грудью. Следователь после тщательного дознания пришел к заключению, что имело место самоубийство. Пуля проникла в грудь ниже левой ключицы и поразила сердце. Следователю представлялось

очевидным, что выстрел произвела сама Гели. И все же на протяжении нескольких лет по Мюнхену ходили слухи, будто убил ее либо сам Гитлер в припадке гнева, либо Гиммлер, пожелавший покончить с ситуацией, вредившей авторитету партии.

Гитлер был вне себя от горя. Грегор Штрассер вспоминал потом, что ему пришлось двое суток пробыть при фюрере: он боялся, как бы тот не наложил на себя руки. Похороны Гели состоялись в Вене. Неделью спустя австрийское правительство разрешило Гитлеру туда съездить. Весь вечер он провел на могиле. И скорбел потом еще не один месяц.

Через три недели после смерти Гели Гитлер впервые встретился с Гинденбургом. Это была его первая заявка на пост рейхсканцлера. Плохое впечатление, сложившееся у Гинденбурга о лидере нацистов во время этой важной встречи, некоторые друзья Гитлера объясняли тем, что он не сумел в полной мере раскрыть свои способности. Другие, знавшие его, считали, что причиной тому было подавленное настроение Гитлера, вызванное потерей любимой племянницы.

Одним из последствий понесенной утраты явился, на мой взгляд, отказ Гитлера от мясной пищи — так, по крайней мере, объясняли этот акт самоотречения некоторые его приближенные. Он не переставал уверять их, что Гели Раубал была его единственной любовью. Он всегда вспоминал о ней с благоговением, причем нередко со слезами на глазах. Слуги отмечали, что комната Гели на вилле в Оберзальцберге оставалась в том же виде, как и при ее жизни, даже после того, как Гитлер, став рейхсканцлером, реконструировал и достроил здание. В его кабинете на вилле и в здании правительства в Берлине постоянно висели портреты молодой женщины {Портреты написаны после смерти Гели Адольфом Циглером, любимым художником Гитлера, — Прим. авт. }. Каждый год в день рождения Гели и в день ее смерти портреты украшали цветами.

Зная Гитлера как бессердечного циника, неспособного любить никого, кроме себя, трудно поверить в его страсть к юной Гели Раубал. Это — одна из тайн его странной жизни. Как и всякая тайна, она не поддается разумному объяснению, ее можно лишь констатировать. В течение всей последующей жизни — это можно подтвердить почти с полной уверенностью — Адольф Гитлер ни разу не задумался всерьез о браке. Вплоть до того дня, когда спустя четырнадцать лет решил покончить с собственной жизнью.

Письмо Гитлера племяннице, компрометировавшее его, было возвращено хозяйским сыном при содействии патера Бернхарда Штемпфле, члена католического ордена святого Иеронима и журналиста-антисемита, в

свое время помогавшего готовить для печати "Майн кампф". Деньги для выкупа письма, по сведениям Хайдена, предоставил казначей партии Франц Ксавьер Шварц. Таким образом, патер Штемпfle оказался одним из тех, кому стали известны некоторые интимные подробности романа Гитлера с Гели Раубал. По-видимому, он не очень строго держал эти сведения при себе, за что и поплатился жизнью, когда автор "Майн кампф" стал диктатором Германии и в один прекрасный день начал сводить счеты со старыми друзьями.

Источник доходов Гитлера в те годы, когда он приобрел виллу в горах и роскошную квартиру в Мюнхене и разъезжал с шофером в элегантном автомобиле, за который заплатил 20 тысяч марок, не был установлен. Но материалы о подоходных налогах, обнаруженные после войны, проливают некоторый свет на этот предмет. До того как стать канцлером и объявить себя свободным от налогообложения, он постоянно конфликтовал с налоговым управлением. За период с 1925 по 1933 год в финансовом ведомстве Мюнхена накопилось немало сведений на этот счет.

Названное ведомство напомнило ему 1 мая 1925 года, что он не представил сведения о своих доходах за 1924 год и первый квартал 1925 года. Гитлер ответил: "Ни в 1924 году, ни в первом квартале 1925 года я никаких доходов не получал [в этот период он находился в тюрьме]. Прожиточные расходы покрывал займами, которые брал в банке". "А откуда взялись деньги на покупку автомобиля? " — парировал сборщик налогов. Гитлер ответил, что занял их в банке. Во всех своих налоговых декларациях в графе "Профессия" он указывал: "Писатель". В качестве такового он пытался доказать, что значительная доля его заработка шла на расходы, не облагаемые налогом. О том, что у писателей, где бы они ни находились, расходы такого рода бывают, он безусловно знал. Согласно первой налоговой декларации за третий квартал 1925 года, общая сумма его доходов составила 11231 марку, профессиональные расходы — 6540 марок, проценты по займам — 2245 марок. Таким образом, облагаемый налогом доход составил 2446 марок.

В трехстраничной объяснительной записке, напечатанной на машинке, Гитлер оправдывал крупные профессиональные издержки следующим образом: хотя значительная часть расходов была связана с политической деятельностью, эта деятельность, во-первых, помогала ему как писателю-публицисту собрать нужный материал, а во-вторых, способствовала более широкой распродаже книги.

"Если бы я не занимался политической деятельностью, мое имя осталось бы неизвестным и мне не хватило бы материала для политической

книги... Следовательно, мои расходы, связанные с политической деятельностью, которая является необходимым условием для профессионального творчества и в то же время гарантией финансового успеха, не могут служить объектом налогообложения...

Финансовому ведомству следует знать, что лишь малая доля выручки за книгу пошла на мои личные нужды; я не располагаю ни недвижимостью, ни капиталовложениями, которые мог бы назвать своей собственностью. Свои личные потребности я ограничиваю самым необходимым, совершенно не употребляя алкоголя и табака, питаюсь в самых скромных ресторанах, и, если не считать минимальной квартирной платы, не несу никаких затрат за счет расходов писателя-публициста... Это относится и к автомобилю, являющемуся для меня средством существования. Без него я бы не смог выполнять свою повседневную работу".

Финансовое ведомство пошло только на половину удержаний, и, когда Гитлер обратился в кассационную коллегия, последняя подтвердила первоначальное обложение. Налоговое управление согласилось не взимать налог лишь с половины его расходов. Он протестовал, но все же платил.

Суммы валового дохода нацистского лидера, указанные в налоговых декларациях, довольно точно соответствовали его гонорарам за "Майн кампф": 19843 марки в 1925 году, 15903 — в 1926-м, 11494 — в 1927-м, 11818 — в 1928-м и 15448 — в 1929-м. Поскольку бухгалтерские документы издательств подлежали проверке налоговым управлением, Гитлер не мог указывать меньшие суммы доходов, чем те, которые получал в виде гонорара. А как насчет других источников? О них ничего не сообщалось. Между тем было известно, что он требовал — и получал — крупные гонорары за статьи, которые писал в те годы для нацистской прессы, располагавшей весьма скудными средствами. В партийных кругах роптали: мол, Гитлер очень дорого им обходится. Эти статьи дохода в его декларациях отсутствуют. К концу 20-х годов деньги полились в кассу нацистской партии от ряда крупных баварских и рейнских промышленников, которых устраивала антимарксистская и антипрофсоюзная линия Гитлера. Крупные суммы предоставляли, в частности, Фриц Тиссен — глава сталного концерна "Ферайнигте штальверке" и Эмиль Кирдорф — рурский угольный король. Нередко деньги вручались непосредственно Гитлеру. Какую часть этих сумм он утаивал для себя — никто, очевидно, никогда не узнает. Но, судя по тому, с каким размахом он жил перед приходом к власти, в партийную кассу он вносил не все, что получал от своих сторонников.

Разумеется, в период с 1925 по 1928 год Гитлер жаловался на тяготы

подоходного налога; постоянно опаздывая с погашением задолженности, просил о новых и новых отсрочках. В сентябре 1926 года он писал финансовому ведомству: "В настоящее время я не в состоянии уплатить налог; чтобы добыть себе средства на жизнь, я был вынужден брать деньги займы". Вспоминая потом эти годы, он утверждал: "Долгое время я питался одними тирольскими яблоками. Невероятно, какую экономию мы тогда наводили. Каждая сбереженная марка отдавалась партии". А сборщику налогов он неоднократно заявлял, что все больше и больше залезает в долги. В 1926 году он доложил, что его расходы составили 31 209 марок, а доходы — 15 903. Превышение расходов над доходами, по его утверждению, компенсировалось новым "банковским займом".

И вдруг, в 1929 году, из его налоговой декларации каким-то чудом исчезла, причем исчезла навсегда, статья "Проценты по займам", хотя доход в том году, по его словам, был гораздо меньше, чем в 1928-м. Как отметил профессор Гале, данные которого приведены выше, "произошло финансовое чудо, и он перестал быть должником".

Справедливости ради надо сказать, что Гитлер никогда не придавал значения деньгам, если их было достаточно, чтобы жить с комфортом, и если они поступали к нему не в виде платы за тяжелый труд и не в виде простого жалованья. Во всяком случае, уже в 1930 году гонорары за его книгу утроились, составив около 12 тысяч долларов, и когда потекли деньги от крупного бизнеса, с личными финансовыми проблемами было навсегда покончено. Теперь он мог всю свою неистовую энергию, все способности посвятить осуществлению поставленной цели. Пришло время решительной борьбы за власть, за господство над великой нацией.

Возможности, предоставленные экономическим кризисом

Экономический кризис, разразившийся в конце 1929 года и охвативший, словно огромное пламя, весь мир, предоставил Адольфу Гитлеру шанс, которым он не преминул воспользоваться. Он рассчитывал на успех лишь в период всеобщего бедствия: сначала — когда надвинулись массовая безработица, голод и отчаяние, потом — когда сознание людей оказалось отравлено войной. Но Гитлер был в некотором роде уникален: в отличие от революционеров прошлого он пожелал совершить переворот не до, а после обретения политической власти. Чтобы подчинить себе государство, необязательна революция. Этой цели можно достичь волею избирателей или с согласия правителей нации — иными словами, конституционными средствами. Чтобы набрать голоса избирателей, Гитлеру достаточно было воспользоваться обстановкой начала 30-х годов, когда немецкий народ находился в отчаянном положении; чтобы заручиться

поддержкой влиятельных сил, надо было убедить их, что только он может спасти Германию от катастрофы. В то бурное время, с 1930 по 1933 год, хитрый и дерзкий нацистский лидер с удвоенной энергией взялся сразу и за то, и за другое. Сегодня, бросив ретроспективный взгляд на прошлое, легко увидеть, что на руку Гитлеру играло все: и сами события, и слабость горстки растерянных людей, связанных клятвой верности демократической республике, которой они управляли. Но тогда, в начале 1930 года, это не было столь очевидно.

3 октября 1929 года скончался Густав Штресеман. Будучи министром иностранных дел в течение шести предшествовавших лет, он исчерпал свои силы в неустанных трудах, направленных на то, чтобы вернуть побежденную Германию в Лигу Наций, успешно завершил переговоры о планах Дауэса и Юнга, добившись таким образом сокращения репараций до посильных для Германии размеров, а в 1925 году явился одним из главных творцов Локарнского пакта, принесшего Западной Европе успокоение, которого не знало целое поколение народов, уставших от войны и раздоров.

24 октября, через три недели после смерти Штресемана, потерпела крах фондовая биржа Уолл-стрита. Его последствия быстро сказались, причем катастрофически, и на Германии. Основу процветания страны составляли иностранные займы и внешняя торговля. С прекращением новых кредитов и наступлением срока платежей по старым выяснилось, что германская финансовая система не способна выдержать напряжение. Вследствие общего кризиса сократился объем внешней торговли Германии, она уже не могла вывозить за границу достаточное количество товаров, чтобы оплачивать ввоз нужного ей сырья и продовольствия. Без экспорта промышленность страны не могла загрузить свои предприятия, в результате чего объем производства в период с 1929 по 1933 год сократился почти наполовину. Миллионы людей лишились работы, тысячи мелких предприятий разорились. В мае 1931 года лопнул "Кредитанштальт" — крупнейший банк Австрии, за ним 13 июля потерпел крах "Дармштадтер унд Национальбанк" — один из основных немецких банков, что вынудило правительство временно закрыть все остальные банки. Даже введенный по инициативе президента Гувера и вступивший в силу 6 июля мораторий на все долги Германии, включая долги по репарациям, не помог остановить надвигающуюся беду. Весь западный мир оказался во власти силы, которую не могли постичь его заправилы и которая, как они считали, не поддавалась контролю. Как могло случиться, что в условиях изобилия вдруг наступила такая нищета, образовалось целое море человеческого страдания?

Гитлер предвидел катастрофу, однако не лучше других политиков понимал ее причины, а точнее, понимал хуже большинства других политиков, поскольку в экономических вопросах не разбирался, да они его и не интересовали. Но что вызвало у него интерес и о чем он имел представление — так это благоприятные возможности, появлению которых способствовал экономический кризис. Бедственное положение немецкого народа, жизнь которого все еще омрачалась гибельными последствиями катастрофы, имевшей место десяток лет назад, не вызывало у него сочувствия. Напротив, в самые мрачные дни, когда замерли заводы и фабрики, когда число зарегистрированных безработных превысило шесть миллионов, а очереди за хлебом во всех городах страны протянулись на несколько кварталов, он счел возможным на страницах нацистской газеты заявить: "Никогда еще я не был так хорошо настроен и внутренне удовлетворен, как в эти дни. Жестокая реальность открыла миллионам немцев глаза на беспрецедентное надувательство, на вранье и предательство марксистских мошенников". Страдающие немецкие сограждане не заслуживали, чтобы им выражали сочувствие; важнее было хладнокровно и незамедлительно преобразовать свои личные амбиции в политическую платформу. К этому он и приступил в конце лета 1930 года.

Герман Мюллер, последний канцлер, член социал-демократической партии и глава коалиционного правительства, составленного из представителей демократических партий и служившего опорой Веймарской республике, в марте 1930 года подал в отставку вследствие межпартийных разногласий по вопросу о фонде страхования безработных. Его место занял Генрих Брюнинг, лидер парламентской фракции католической партии "Центр", бывший во время войны капитаном пулеметной роты и удостоенный Железного креста. Консервативные речи в рейхстаге снискали ему расположение армии, в особенности некоего генерала Курта фон Шлейхера, в то время еще малоизвестного в Германии. Именно Шлейхер, этот кичливый и честолюбивый "кабинетный офицер", успевший зарекомендовать себя среди военных как изворотливый, беззастенчивый интриган, предложил президенту фон Гинденбургу кандидатуру Брюнинга. Таким образом, новый канцлер оказался ставленником армии, хотя, может быть, и не вполне отдавал себе в этом отчет. Человек безупречной репутации, бескорыстный, скромный, честный, самоотверженный, в некотором смысле аскетичный, Брюнинг надеялся восстановить устойчивое парламентское государство и вывести страну из углубляющегося экономического кризиса и политического хаоса. Трагедия этого благонамеренного и демократично настроенного патриота

заклучалась в том, что, стремясь к своей цели, он, сам того не желая, рыл яму немецкой демократии и расчищал дорогу Адольфу Гитлеру.

Брюнинг не сумел добиться одобрения большинством рейхстага ряда мер, предусмотренных его финансовой программой. Тогда он обратился к Гинденбургу с просьбой применить статью 48 конституции о чрезвычайном положении и утвердить финансовый законопроект президентским декретом. Палата представителей опротестовала этот декрет и потребовала его отмены. Таким образом, парламентское государство начало рушиться как раз в тот момент, когда в условиях экономического кризиса особенно ощущалась необходимость сильной власти. В поисках выхода из тупика Брюнинг в июле 1930 года попросил президента распустить рейхстаг. На 14 сентября были назначены новые выборы. Каким образом Брюнинг предполагал обеспечить угодное ему устойчивое большинство в парламенте — до сих пор неизвестно. Но Гитлеру стало ясно, что его звезда взойшла даже раньше, чем он ожидал.

Народ, задавленный нуждой, жаждал выхода из бедственного положения. Миллионы людей требовали работы. Владельцы магазинов ждали помощи. Около четырех миллионов молодых избирателей, получивших впервые после предыдущих выборов право голоса, хотели иметь какую-то надежду на сносное существование в будущем. Всем этим миллионам недовольных Гитлер, развернувший бурную предвыборную кампанию, предлагал то, что казалось им при их жалкой доле в какой-то мере обнадеживающим. Он обещал вновь сделать Германию сильной, отказаться от уплаты по репарациям, отменить Версальский договор, покончить с коррупцией, умерить аппетиты денежных баронов (особенно если они евреи) и позаботиться о том, чтобы каждый немец имел работу и кусок хлеба. На людей отчаявшихся, голодных, требующих не только утешения, но и новой веры и новых кумиров, такие речи не могли не подействовать.

Как ни велики были шансы Гитлера на успех, но даже он удивился объявленным 14 сентября 1930 года результатам голосования. Два года назад его партия набрала всего 810 тысяч голосов и получила 12 мандатов в рейхстаг. Теперь он рассчитывал на четырехкратное увеличение числа голосов и примерно на 50 мест в парламенте. Фактически же за нацистов проголосовало 6 миллионов 409 тысяч человек, в результате чего они получили 107 мандатов. Таким образом, если прежде НСДАП стояла на девятом, последнем, месте по числу мандатов, то теперь вышла на второе.

Однако и коммунисты продвинулись вперед: если в 1928 году за них было подано 3 миллиона 265 тысяч голосов, то теперь — 4 миллиона 592

тысячи, а число их представителей в рейхстаге увеличилось с 54 до 77. Партии умеренных, представлявших среднее сословие, за исключением католического "Центра", потеряли миллион голосов. Как, впрочем, и социал-демократы, несмотря на то, что ряды их сторонников пополнились 4 миллионами молодых избирателей. Число голосов, поданных за националистов Гугенберга, сократилось с четырех до двух миллионов. Было очевидно, что нацисты отвоевали у партий среднего сословия миллионы приверженцев. Бесспорно также, что с этого момента Брюнингу стало труднее, чем когда-либо кому-либо, влиять на парламентское большинство. А могла ли Веймарская республика выжить, не имея большинства? Вопрос этот возник сразу после выборов 1930 года, в условиях возрастающего интереса к двум главным силам, лидеры которых воспринимали республику не иначе как мрачный эпизод в истории Германии: к армии и крупным промышленникам и финансистам.

Окрыленный успехом на выборах, Гитлер обратил свой взор на эти две мощные силы, задавшись целью завоевать их. Как известно, в давние времена, живя в Вене, он усвоил тактику мэра Карла Люгера, который придавал большое значение завоеванию "существующих мощных институтов".

Еще в марте 1929 года Гитлер, выступая в Мюнхене с речью, призвал военных пересмотреть враждебную по отношению к национал-социализму позицию и перестать поддерживать Веймарскую республику.

"Будущее принадлежит не партиям разрушения, а партиям, несущим в себе силу народа, которые готовы и желают связать себя с армией, чтобы помочь ей, когда придет время, защитить интересы народа. А между тем в нашей армии еще есть офицеры, мучающиеся вопросом: как далеко они могут пойти с социал-демократами? Но, уважаемые господа, неужели вы действительно думаете, что у вас есть что-то общее с идеологией, которая ставит условием ликвидацию всего того, что составляет основу существования армии?"

Это была хитроумная речь, нацеленная на то, чтобы заручиться поддержкой армии. Как считали большинство офицеров и как многократно повторял Гитлер, армия получила удар в спину, стала жертвой предательства поддерживаемой ими республики, которая не питала любви к военной касте и ко всему тому, на чем эта каста зиждилась.

Далее идут слова, которые теперь звучат пророчески: он предсказывал то, что в один прекрасный день совершил сам. Он предупреждал офицеров, какая судьба их постигнет, если марксисты одержат верх над нацистами. Если это случится, то, как предрекал он, "можете сделать надпись: "Конец

немецкой армии". Ибо, господа, вам наверняка придется стать политиками... а может, и палачами на службе у режима и его политических комиссаров. А если будете плохо себя вести, то ваших жен и детей упрячут за решетку. А если и дальше будете так же себя вести, то вас просто вышвырнут, а то и к стенке поставят... "

Речь Гитлера слышали сравнительно немногие, но "Фелькишер беобахтер" опубликовала ее в стенографической записи в целях рекламы в специальном военном выпуске. Кроме того, ее подробно обсуждали на страницах "Дойчер вергайт", нового нацистского журнала, посвященного военной тематике.

В 1927 году армейское командование запрещало вербовку нацистов в рейхсвер, насчитывавший 100 тысяч человек, и не разрешало брать их в качестве вольнонаемных на склады оружия и военного снаряжения. Но к началу 1930 года стало очевидно, что нацистская пропаганда добилась в армии немалых успехов, особенно в среде молодых офицеров. Многих из них привлекал не только фанатичный патриотизм Гитлера, но и открытые им перспективы возвращения армии былого почета и былых размеров, что давало шанс получить повышение в чине, поскольку в тогдашних малочисленных вооруженных силах подобных шансов не было.

Воздействие нацистов на вооруженные силы стало настолько ощутимым, что побудило генерала Тренера, бывшего в то время министром обороны, издать 22 января 1930 года приказ, содержащий предостережение, аналогичное тому, с которым обращался к армии семь лет назад, в канун "пивного путча", генерал фон Сект. Он указывал, что нацисты рвутся к власти, "поэтому они и обхаживают вермахт. Стремясь использовать его в политических интересах своей партии, хотят заставить нас верить, что только национал-социалисты представляют подлинно национальную силу". Генерал Гренер призвал солдат держаться вне политики и "служить государству", не вмешиваясь в борьбу партий.

То, что молодые офицеры вермахта не захотели держаться вне политики, по крайней мере вне нацистской политики, обнаружилось очень скоро. Это наделало много шума, внеся раздор в высшие эшелоны офицерского корпуса и вызвав ликование в нацистском лагере.

Весной 1930 года трое молодых лейтенантов из Ульмского гарнизона — Лудин, Шерингер и Вендт были арестованы за попытку вовлечь сослуживцев в сговор: не стрелять в мятежников в случае вооруженного нацистского восстания. Эти действия квалифицировались как государственная измена, но генерал Гренер, не желая предавать огласке факт государственной измены, решил отдать лейтенантов под трибунал

якобы за нарушение дисциплины. Однако вызывающее поведение лейтенанта Шерингера, тайно переславшего в газету "Фелькишер беобахтер" крамольную статью, обрекло этот маневр на неудачу. Через неделю после успешных для нацистов сентябрьских выборов 1930 года трое младших офицеров предстали перед верховным судом в Лейпциге по обвинению в государственной измене. В числе их защитников были многообещающие адвокаты-нацисты Ганс Франк и Карл Зак {Оба окончили свои дни на виселице: Зака казнили за участие в покушении на Гитлера 20 июля 1944 года, а Франка — за его злодеяния в Польше. — Прим. авт. }. Но не адвокаты и не обвиняемые, а Адольф Гитлер оказался в центре внимания на процессе. Он был вызван в суд по просьбе Франка в качестве свидетеля. Отрекаться от подсудимых лейтенантов ему представлялось невыгодным, поскольку сам факт их деятельности подтверждал наличие пронацистских настроений, значение которых он не хотел умалять. Нацистов компрометировало и то обстоятельство, что были разоблачены их попытки подорвать армию изнутри. Тактике Гитлера вредило и то, что обвинение рассматривало нацистскую партию как революционную организацию, целью которой является насильственное свержение правительства. Чтобы отвести это обвинение, Гитлер обещал Франку дать показания, которых требовала защита. Но в действительности он ставил перед собой более важную задачу: как лидер партии, только что добившейся ошеломляющего успеха на всеобщих выборах, он хотел убедить армию, особенно ее высших чинов, что национал-социализм вопреки выдвинутым против пацифистски настроенных младших офицеров обвинениям не представляет угрозы для рейхсвера. Напротив, национал-социализм несет спасение и рейхсверу, и Германии.

Превратив скамью свидетеля в трибуну, Гитлер сполна использовал свой ораторский талант, продемонстрировав тонкое чутье политического стратега, и хотя его словесная эквилибристика была насквозь лживой, в этом мало кто отдавал себе отчет. Гитлер клятвенно заверил суд и армейских офицеров, что ни СА, ни партия не являются противниками армии. "Я всегда придерживался мнения, — заявил он, — что всякая попытка упразднить армию есть безумие. Никто из нас не заинтересован в ликвидации армии. Когда мы придем к власти, то позаботимся о том, чтобы на базе нынешнего рейхсвера возродилась великая армия германского народа".

И он повторял и повторял суду (и генералам), что нацистская партия будет добиваться власти исключительно конституционным путем, а если молодые офицеры думают, что произойдет вооруженное восстание, то они

ошибаются. "Наше движение не нуждается в насилии. Придет время, и немецкая нация узнает наши идеи, и тогда меня поддержат тридцать пять миллионов немцев... Когда мы получим конституционное право, мы сформируем такое государство, каким оно, по нашему мнению, должно быть". Председатель суда поинтересовался: "Это вы тоже сделаете конституционным путем?" "Да", — ответил Гитлер.

Но хотя фюрер обращался главным образом к военным и другим консервативным элементам, он не мог не учитывать революционного пыла приверженцев своей партии. Не мог подвести их, как подвел троих подсудимых. Поэтому, когда председатель суда напомнил ему о заявлении, сделанном им в 1923 году, за месяц до неудавшегося путча, в котором Гитлер употребил выражение "голова покатыся по песку", и спросил, отрекается ли теперь лидер нацистов от своих слов, тот, пользуясь случаем, сказал:

"Могу вас заверить, что когда национал-социалистское движение одержит победу в этой борьбе, то появится и национал-социалистский суд. И тогда покатыся головы тех, с кого спросят за Ноябрьскую революцию 1918 года".

Никто не может утверждать, что Гитлер не предупредил, каковы его намерения в случае прихода к власти, и тем не менее аудитория, перед которой он выступал на суде, очевидно, ничего не имела против этой угрозы: она долго и шумно аплодировала. Хотя председательствующий и выразил неудовольствие по поводу нарушения порядка, но ни он, ни государственный обвинитель не возразили оратору по существу. По этому поводу во всех газетах Германии и во многих за ее пределами появились сенсационные заголовки. Возбуждение, вызванное речью Гитлера, было столь велико, что о судебном процессе, как таковом, забыли.

Троих молодых офицеров, чья преданность идеям национал-социализма была отвергнута самим верховным вождем национал-социализма, суд признал виновными в заговоре с целью совершить государственную измену, но вынес мягкий приговор — восемнадцать месяцев заключения в крепости. Суровые приговоры по таким делам в республиканской Германии приберегались для тех, кто поддерживал Веймарскую республику {Лейтенант Шерингер, обозленный на Гитлера за предательство, еще будучи в тюрьме, отрекся от нацистской партии и стал фанатиком коммунистом. Во время чистки 30 июня 1934 года он подлежал ликвидации (так поступали со всеми, кто стоял на пути фюрера), но каким-то образом спасся и пережил самого Гитлера. Лейтенант Лудин остался ревностным нацистом, в 1932 году был избран в рейхстаг, получил высокий

чин в СА и СС, а впоследствии служил посланником Германии в марионеточном государстве Словакия. После освобождения Словакии был арестован и казнен. — Прим. авт. }.

Сентябрь 1930 года стал поворотным в жизни немцев, неумолимо вовлекаемых в созидание третьего рейха. Неожиданный успех нацистской партии на общегерманских выборах убедил не только миллионы рядовых граждан, но и ведущих представителей делового мира и армии в том, что появилась сила, которую невозможно одолеть. Им могла не нравиться нацистская демагогия, ее грубость, но она способствовала подъему у немцев патриотических и националистических чувств, ослабленных в первые десять лет существования республики. Она сулила немецкой нации избавление от коммунизма, социализма, тред-юнионизма и бесплодной демократии. К тому же ее влияние распространилось на весь рейх. Успех был очевиден.

Учитывая это, а также обращенное к военным заверение Гитлера на Лейпцигском процессе, некоторые генералы задумались: а не является ли национал-социализм движением, призванным сплотить народ, восстановить старую Германию, вернуть армии ее величие и помочь стране сбросить оковы унижительного Версальского договора? Им пришелся по душе дерзкий ответ Гитлера председателю верховного суда, когда тот спросил фюрера, что он имел в виду под словами "немецкая национальная революция".

"Единственное, что я имел в виду, — сказал фюрер, — это избавление немецкой нации от рабства, в котором она сегодня находится. Германия по рукам и ногам опутана мирными договорами... Национал-социалисты не считают законными договоры, навязанные Германии силой. Мы не миримся с тем фактом, что будущие поколения ни в чем не повинных людей обречены жить под их бременем. Если мы будем сопротивляться любыми доступными нам средствами, то, значит, станем на путь революции".

Таких же взглядов придерживался и офицерский корпус. Некоторые его виднейшие представители резко критиковали министра обороны генерала Тренера за то, что он передал дело трех лейтенантов в верховный суд. Генерал Ганс фон Сект, общепризнанный послевоенный гений немецкой армии, достойный преемник Шарнхорста и Гнейзенау, смещенный незадолго до этого с поста главнокомандующего, упрекнул Тренера за то, что его акция привела к ослаблению солидарности в офицерском корпусе. Полковник Людвиг Бек, ставший спустя короткое время начальником штаба, а впоследствии еще более заметной фигурой,

сыгравшей важную роль в истории (в 1930 году он был командиром артиллерийского полка в Ульме, том самом городе, где служили трое лейтенантов), не только заявил начальству резкий протест по поводу ареста молодых офицеров, но и выступил в Лейпциге в их защиту.

Однако после суда, на котором выступил Гитлер, генералы стали более благосклонно относиться к нацистскому движению, в котором прежде они усматривали угрозу армии. Генерал Альфред Йодль, занимавший в годы второй мировой войны пост начальника штаба оперативного руководства вооруженными силами, показал на Нюрнбергском процессе, какое значение имела для офицерского корпуса речь нацистского лидера в Лейпциге. До этого, по его словам, старшие офицеры полагали, что Гитлер задался целью разложить армию, но потом убедились в обратном. Сам генерал фон Сект, став в 1930 году депутатом рейхстага, в течение некоторого времени открыто выступал на стороне Гитлера, а в 1932 году, во время президентских выборов, настоял на том, чтобы и его сестра голосовала за Гитлера, а не за Гинденбурга.

Уже тогда давала о себе знать, причем во все возрастающей степени, политическая слепота офицеров немецкой армии — слепота, приведшая к столь плачевному концу.

Не меньшую политическую недалекость проявили промышленные и финансовые магнаты, ошибочно считавшие, что, если они предоставят Гитлеру достаточные средства, он почувствует себя обязанным и, придя к власти, станет выполнять их желания, а вероятность того, что после сенсационного успеха на выборах 1930 года этот австрийский выскочка, как называли его в 20-е годы, способен захватить контроль над Германией, влиятельные представители деловых кругов вполне допускали.

Вальтер Функ показал на Нюрнбергском процессе: "... Мои друзья-промышленники и я были убеждены, что приход нацистской партии к власти — дело не столь отдаленного будущего".

Летом того же года Функ, этот пузатенький человечек с вкрадчивым голосом и плутоватыми глазками, физиономия которого всегда напоминала мне лягушку, ушел с доходного места редактора немецкой финансовой газеты "Берлинер берзенцайтунг", вступил в нацистскую партию и стал посредником между партией и рядом крупных предпринимателей. На Нюрнбергском процессе он показал, что некоторые его друзья из делового мира, прежде всего занимавшие руководящее положение в угольных концернах Рейнской области, уговорили его примкнуть к нацистскому движению "с целью убедить партию следовать курсом частного

предпринимательства".

"В то время руководство партии высказывало самые противоречивые, путанные взгляды на экономическую политику. Выполняя свою миссию, я пытался лично воздействовать на фюрера и партию, убедить их, что частная инициатива, уверенность деловых людей в своих силах, творческие возможности свободного предпринимательства и так далее должны быть признаны фундаментом экономической политики партии. В беседах со мной и с ведущими промышленниками, которых я ему представлял, фюрер неоднократно подчеркивал, что он — враг государственной экономики и так называемой плановой экономики, что свободное предпринимательство и конкуренцию он считает абсолютно необходимыми для достижения максимально возможного уровня производства".

Как свидетельствовал будущий президент Рейхсбанка и министр экономики, с тех пор Гитлер, встречаясь с денежными баронами Германии, говорил им то, что они хотели услышать. Партия нуждалась в крупных суммах для финансирования предвыборных кампаний, широкой пропаганды, оплаты профессиональных функционеров и содержания отрядов СА и СС, которые в конце 1930 года насчитывали свыше 100 тысяч человек — больше, чем рейхсвер. Промышленники и банкиры были не единственным источником денежных поступлений. Солидная часть бюджета складывалась из членских взносов, единовременных пожертвований, выручки от продажи книг, газет и журналов, но главным источником все-таки были промышленники и банкиры. И чем больше средств передавали они нацистам, тем меньше становилась их помощь другим консервативным партиям.

"Летом 1931 года, — пишет Отто Дитрих, шеф гитлеровского отдела печати сначала в партии, потом в рейхе, — фюрер решил сосредоточиться на систематической обработке влиятельных промышленных магнатов". Кто же эти магнаты? Их имена хранились в тайне, они были известны лишь узкому кругу приближенных фюрера. Партия должна была вести двойную игру. С одной стороны, она не мешала Штрассеру, Геббельсу и хилому Федеру обманывать массы разглашениями об "истинном социализме" национал-социалистов, будто бы являющихся врагами денежных баронов, а с другой — стремилась добывать нужные ей средства где только можно. В течение второй половины 1931 года, по словам Дитриха, Гитлер "изъездил Германию вдоль и поперек и имел частные беседы с видными [деловыми] людьми". Некоторые встречи так засекречивались, что их назначали в лесу, "на уединенных полянах". "Конспирация была абсолютно необходима, поэтому, чтобы не навредить

делу, представителей прессы лишали всякого доступа к информации. Успех венчал дело".

Почти до смешного противоречивой была политика нацистов и в других вопросах. Например, осенью 1931 года Штрассер, Федер и Фрик внесли в рейхстаг от имени партии законопроект о 4-процентном потолке по всем займам, об отчуждении без всякой компенсации владений "банковских и биржевых магнатов" и всех "восточных евреев" и о национализации крупных банков. Гитлер пришел в ужас: это же не только большевизм, это финансовое самоубийство партии! Он категорически потребовал от партийной фракции отозвать законопроект. Тогда его внесли коммунисты, слово в слово повторив текст. Гитлер призвал свою партию голосовать против.

Из показаний Функа в нюрнбергской тюрьме мы знаем о некоторых "влиятельных промышленных магнатах", чьей благосклонности домогался Гитлер. Лютого врага профсоюзов Эмиля Кирдорфа, угольного барона, председателя фонда, предназначенного для подкупа руководящих политических деятелей, который именовали "Рурским казначейством" (создан угольным концерном Западной Германии), Гитлер обольстил на партийном съезде в 1929 году. Глава стального треста Фриц Тиссен, которому пришлось потом пожалеть о допущенной глупости и признаться в этом в книге под заглавием "Я платил Гитлеру", начал оказывать финансовую помощь нацистам еще раньше. Он познакомился с фюрером в 1923 году в Мюнхене, увлекся его красноречием, после чего через Людендорфа пожертвовал тогда еще малоизвестной нацистской партии первые 100 тысяч золотых марок. К Тиссену присоединился Альберт Феглер, влиятельное лицо в "Объединенных сталелитейных заводах". Иными словами, угольные и стальные магнаты возглавляли список промышленников, которые помогали в 1930–1931 годах Гитлеру преодолевать последние барьеры, преграждавшие ему путь к власти. Но Функ назвал и другие промышленные предприятия и концерны, директора которых боялись, как бы не остаться в одиночестве, если Гитлер в конце концов окажется у власти. Список получился длинный, хотя далеко не полный, ибо к тому времени, когда Функа доставили на Нюрнбергский процесс, его стала подводить память. В нем числятся Георг фон Шницлер, главный директор "И. Г. Фарбениндустри" — гигантского химического треста; Август Ростерг и Август Диен из компании по производству углекислого калия; Куно из паровой компании "Гамбург — Америка"; владельцы шахт по добыче бурого угля в Центральной Германии; Конти — резиновый магнат; Отто Вольф — крупный промышленник из Кельна;

барон Курт фон Шредер — банкир из Кельна, которому суждено было сыграть ведущую роль в заключительной акции прихода Гитлера к власти; несколько банков, в том числе "Дойче банк", "Коммерц унд приват банк", "Дрезденер банк", "Дойче кредит гезельшафт", крупнейшая страховая компания Германии "Аллианц".

Вильгельм Кепплер, один из экономических советников Гитлера, привлек ряд южногерманских промышленников, сформировав из них некое общество деловых людей под названием "Кружок друзей экономики", подчиненное шефу СС Гиммлеру. В дальнейшем эта организация приобрела известность как "Кружок друзей рейхсфюрера СС", то есть Гиммлера. "Кружок" передал этому гангстеру миллионы марок на "исследования" в области происхождения арийской расы.

С самого начала своей политической карьеры Гитлер пользовался финансовой и иной поддержкой Гуго Брукмана, богатого мюнхенского издателя, и Карла Бехштайна, владельца фабрик по изготовлению роялей (жены обоих богачей испытывали трогательную симпатию к растущему молодому шефу нацистов). Именно в особняке Бехштайна в Берлине Гитлер впервые встретился с ведущими представителями деловых и военных кругов, и именно там тайно велись решающие переговоры, в результате которых он в конечном счете стал канцлером.

Не все германские монополисты после успеха нацистов на выборах 1930 года поспешили в лагерь Гитлера. Функ показал, что крупные электротехнические корпорации "Сименс" и "А. Т. Г." оставались в стороне, как и король оружия, глава корпорации "Крупп фон Болен унд Гальбах". Фриц Тиссен в своих "покаяниях" пишет, что Крупп был ярким противником Гитлера и что еще за день до его назначения канцлером настойчиво отговаривал старого, фельдмаршала Гинденбурга от столь безрассудного шага. Однако вскоре понял, что к чему, и быстро превратился, выражаясь словами Тиссена, в "супернациста".

Из всего сказанного следует, что на завершающей стадии борьбы Гитлера за власть его щедро финансировал достаточно широкий круг представителей германского делового мира. Сколько денег предоставили нацистской партии банкиры и промышленники за период 1930–1933 годов — до конца не выяснено. Функ заявлял, что не более "пары миллионов марок". Тиссен же пишет, что нацисты получали по два миллиона в год; по его утверждению, он сам пожертвовал миллион марок. Но, судя по тому, что в те дни партия располагала огромными средствами (хотя Геббельс и жаловался, что денег постоянно не хватает), общая сумма пособий, выдававшихся промышленниками и банкирами, во много раз превосходила

сумму, названную Тиссенем. Какие выгоды из своей благотворительной деятельности извлекли эти политические недоумки из делового мира, мы покажем ниже.

Одним из тех, кто активнее других восторгался Гитлером, а потом громче всех выражал разочарование, был д-р Шахт. В 1930 году он из-за несогласия с планом Юнга оставил пост президента рейхс-банка и, познакомившись сначала с Герингом, а в 1931 году — с Гитлером, в течение последующих двух лет все свои недюжинные способности направил на сближение фюрера с промышленными и финансовыми кругами и достижение им великой цели — поста канцлера. В конце 1931 года этот гений экономики, на совести которого лежит громадная ответственность за рождение и первоначальные успехи третьего рейха, писал Гитлеру: "Не сомневаюсь, что нынешний ход событий неизбежно приведет Вас к власти и Вы станете канцлером... Ваше движение таит в себе такую силу правды и необходимости, что победа не заставит себя ждать... Куда бы ни привела меня моя деятельность в ближайшем будущем, пусть даже в один прекрасный день я окажусь заключенным в крепость, Вы можете рассчитывать на меня как на своего верного сторонника". Одно из двух писем, которые я здесь цитирую, заканчивается словами: "С восторгом приветствую Вас. Хайль! " "Сила правды" нацистского движения состояла, между прочим, в том, что партия в случае прихода к власти в Германии отнимет личную свободу у немцев, в том числе у Шахта и его друзей — банкиров и промышленников. До того как прозреют добродушный Шахт, вернувшийся при Гитлере на пост президента Рейхсбанка, и его партнеры, промышленники и банкиры, пройдет известное время. А поскольку история третьего рейха, как история вообще, исполнена великой иронии, то д-р Шахт в не столь отдаленном будущем докажет, что он был неплохим пророком и в части, касающейся его личной судьбы: он действительно оказался заключенным, но не в крепость, а в концентрационный лагерь (что похуже крепости), и не как "верный сторонник" Гитлера (тут он ошибся), а совсем в ином качестве.

К началу 1931 года Гитлер сколотил небольшую группу фанатиков-авантюристов, которые помогали ему на завершающей стадии борьбы за власть, а потом все, за исключением одного, помогали удерживать эту власть в течение всего периода существования третьего рейха; впрочем, еще один член группы, самый близкий к фюреру и, пожалуй, самый способный и жестокий, долго не протянул — он поплатился жизнью уже на втором году существования нацистского правительства. Из приближенных Гитлера выделились пять человек, стоявшие выше остальных: Грегор

Штрассер, Рем, Геринг, Геббельс и Фрик.

Геринг возвратился в Германию в конце 1927 года после всеобщей политической амнистии, которой правые партии добились от рейхстага при поддержке коммунистов. Годы эмиграции (со времени путча 1923 года) он провел в основном в Швеции, где лечился от наркомании в психиатрической клинике Лангбро, а когда поправился, то поступил на службу в шведскую авиакомпанию.

Бывший летчик-ас, живой, внешне привлекательный, он располнел после войны, но не утратил энергии и жизнелюбия. Поселился он в небольшой, но роскошной холостяцкой квартирке на Бадише-штрассе в Берлине (страдавшая эпилепсией жена, которую он страстно любил, заболела туберкулезом и осталась в Швеции) и начал зарабатывать себе на жизнь в качестве советника авиакомпании "Люфтваганза". Завязывал светские знакомства. Среди его знакомых были разные знаменитости, начиная с наследника престола и принца Филипа Гессенского, женатого на принцессе Мафаль-де — дочери итальянского короля, и кончая Фрицем Тиссенем и другими промышленными магнатами. В круг его знакомых входили и известные армейские офицеры.

Это были те самые связи, которыми не располагал, но в которых нуждался Гитлер, и Геринг не замедлил ввести фюрера в круг своих знакомых, стараясь опровергнуть дурную репутацию, которой пользовались в высшем свете головорезы в коричневых рубашках. В 1928 году Гитлер включил Геринга в состав двенадцати депутатов, призванных представлять в рейхстаге нацистскую партию, а в 1932 году, когда эта партия стала крупнейшей в стране, выдвинул его в председатели рейхстага. Именно официальная резиденция председателя рейхстага явилась местом совещаний, на которых замыслились интриги, приведшие партию к конечной победе, именно там (тут мы забежим немного вперед) был задуман план поджога рейхстага — план, который помог Гитлеру укрепить власть, после того как он стал канцлером.

Эрнст Рем в 1925 году порвал с Гитлером и вскоре уехал, вступив в ряды боливийской армии в чине подполковника. В конце 1930 года Гитлер попросил его вернуться и снова возглавить отряды СА, с которыми стало трудно справляться. Члены этой организации и даже ее руководители, считавшие, очевидно, что грядущий нацистский переворот должен быть совершен насильственным путем, все чаще выходили на улицы и расправлялись с политическими противниками. Ни одна избирательная кампания — общегерманская, земельная или городская — не проходила без кровавых стычек. Об одной из таких стычек уместно упомянуть, ибо она

подарила национал-социализму великомученика. Речь идет о Хорсте Весселе, командире отряда СА в Берлине. Сын протестантского священника, он оставил дом, бросил учебу и, поселившись в трущобах у бывшей проститутки, посвятил себя борьбе за идеи нацизма. Многие противники нацизма утверждали, что средства к существованию он добывал сутенерством, хотя, возможно, они преувеличивали. Но то, что он вращался в кругу сутенеров и проституток, не подлежит сомнению. Его якобы убил кто-то из коммунистов в феврале 1930 года, и о нем забыли бы, как забыли о других потерях, понесенных обеими сторонами в уличных схватках, если бы не тот факт, что после гибели Весселя сохранилась сочиненная им песня, которая впоследствии стала вторым после "Германия превыше всего" гимном третьего рейха. Сам же Хорст Вессель благодаря искусной пропаганде Геббельса превратился в легендарного героя, в "чистого идеалиста", отдавшего жизнь за дело партии.

В то время как Рем взял на себя руководство СА, Грегор Штрассер являлся, без сомнения, вторым человеком в нацистской партии. Страстный оратор, блестящий организатор, он возглавлял важнейший орган партии — политическую организацию, что позволяло ему оказывать огромное влияние на партийных лидеров в землях и городах, которые он курировал. Этот добродушный по натуре баварец был самым популярным после Гитлера партийным вожаком и в отличие от фюрера пользовался уважением и даже симпатией большинства политических противников. В те времена и внутри партии и вне ее было немало людей, которые полагали, что Штрассер заменит когда-нибудь эксцентричного, непредсказуемого австрийца. Такая точка зрения была особенно популярна в рейхсвере и в президентском дворце.

Отто, брат Грегора Штрассера, со счетов был сброшен. К несчастью для него, в официальном названии "национал-социалистская немецкая рабочая партия" он всерьез воспринял не только слово "социалистская", но и слово "рабочая". Он поддержал несколько стачек, организованных социалистическими профсоюзами, и призвал партию выступать за национализацию промышленности. Разумеется, Гитлеру такие призывы представлялись ересью, и он обвинил Отто Штрассера в пропаганде "демократии и либерализма". 21 и 22 мая 1930 года фюрер провел открытую дискуссию с взбунтовавшимся подчиненным и потребовал от него полного раскаяния. Когда Отто отказался, его изгнали из партии. Отто попытался организовать подлинно национальное "социалистическое" движение, дав ему название "Союз революционных национал-социалистов" (его окрестили впоследствии "черным фронтом"), но на сентябрьских

выборах эта организация провалилась, не сумев отвоевать у Гитлера сколько-нибудь значительного числа голосов.

Геббельс, четвертый член большой пятерки, окружавшей Гитлера, был противником Грегора Штрассера со дня их разрыва в 1926 году. Двумя годами позже, когда Штрассера назначили руководителем Политической организации, Геббельс занял его место на посту шефа пропаганды. При этом он оставался и гауляйтером Берлина, и так как его успехи в области реорганизации партии произвели на фюрера не меньшее впечатление, чем пропагандистские таланты. Его бойкий и острый язык, его живой ум не вызывали восторга у остальных приближенных Гитлера, ибо они не доверяли ему. Но фюрера вполне устраивали раздоры среди его подручных, устраивали хотя бы потому, что гарантировали от их совместных посягательств на его руководящую роль. Штрассеру он никогда полностью не доверял, но в лояльности Геббельса не сомневался; более того, маленький хромой фанатик был полон полезных идей. Наконец, таланты Геббельса как беспринципного газетчика (он уже располагал в Берлине газетой "Дер Ангрифф", в которой мог печатать все, что ему заблагорассудится) и как оратора, умевшего возбуждать толпу, приносили партии неоценимую пользу.

Один лишь Вильгельм Фрик, пятый член группы, представлял собой личность бесцветную. Это был типичный немецкий чиновник. До 1923 года он, тогда молодой еще человек, служил офицером мюнхенской полиции, одновременно являясь тайным осведомителем Гитлера, за что фюрер остался навсегда благодарен ему. Нередко на него возлагались неблагодарные миссии. По настоянию Гитлера он стал первым нацистом, возглавившим земельный центр в Тюрингии, а затем — председателем нацистского большинства в рейхстаге. Он был по-собачьи предан фюреру, деловит и внешне скромен, обходителен, что помогало ему в общении с колеблющимися деятелями правительства республики.

Некоторые лица, являвшиеся в начале 30-х годов менее значительными фигурами в партии, впоследствии обрели известность и стали в третьем рейхе людьми, обладающими устрашающей властью. К ним относится Генрих Гиммлер, владелец птицефермы, агроном с дипломом, человек в пенсне, придававшим ему сходство с заурядным директором провинциальной школы. Он исподволь создавал преторианскую гвардию — одетые в черную форму отряды СС, но действовал от имени Рема, командовавшего СА и СС одновременно, поэтому за пределами родной Баварии был мало известен даже в партийных кругах. К ним относятся также д-р Роберт Лей — гауляйтер Кельна; Ганс Франк — шеф

юридического отдела партии; Вальтер Дарре, 1895 года рождения, уроженец Аргентины, вовлеченный в партию Гессом, способный агроном, чья книга "Крестьянство как источник жизни нордической расы" привлекла внимание Гитлера, назначившего его шефом сельскохозяйственного управления партии; сам Рудольф Гесс, лишенный личных амбиций и беззаветно преданный Гитлеру (он являлся всего лишь секретарем фюрера); Мартин Борман — второй личный секретарь фюрера, похожий на хорька, предпочитавший, прячась за кулисами партийной жизни, плести всякого рода интриги, отсидевший год в тюрьме за соучастие в политическом убийстве; Бальдур фон Ширах — шеф молодежи рейха, романтически настроенный парень и энергичный организатор, американец по матери, который, находясь в Нюрнбергской тюрьме, заявил американским надзирателям, что антисемитом стал в семнадцать лет, после того как прочел книгу "Вечный жид" Генри Форда.

К этому ряду относится и Альфред Розенберг, тучный туповатый прибалт, псевдофилософ, который, как мы уже знаем, был одним из первых наставников Гитлера и который после путча 1923 года стал выпускать одну за другой весьма путаные по содержанию и форме книги и брошюры. Апогеем его сочинительства явился 700-страничный труд, озаглавленный "Миф двадцатого века". Книга эта являла собой нелепое нагромождение незрелых идей о превосходстве нордической расы — идей, выдававшихся в нацистских кругах за ученость. Гитлер часто в шутку говаривал, что пытался прочесть ее, а Ширах, воображавший себя писателем заметил однажды, что Розенберг "продал больше экземпляров книги, которую никто не читает, чем какой-либо другой автор". (За десять лет после выхода книги в свет было продано свыше полумиллиона экземпляров.) Гитлер питал неизменную слабость к этому скучному, глупому, нескладному человеку, выдвигая его на разные ответственные должности: в частности, назначил его редактором "Фелькишер беобахтер" и ряда других изданий, а в 1930 году сделал депутатом рейхстага, где он состоял в комиссии по иностранным делам.

Таково было окружение лидера национал-социалистов. Разумеется, в нормальном обществе такой подбор выглядел бы просто абсурдным. Но в последние дни республики, когда в стране царил хаос, эти люди предстали перед взорами оболваненных немцев как спасители нации. К тому же у них было два преимущества перед противниками: ими руководил человек, точно знавший, чего он хочет, и им хватало жестокости и изворотливости, чтобы любыми средствами помогать ему в достижении поставленной цели.

Шел трудный, беспокойный 1931 год. В стране насчитывалось пять

миллионов безработных, среднее сословие стояло на грани разорения, бауэры не знали, чем платить кредиторам по закладным, парламент был парализован, правительство беспомощно барахталось, восьмидесятичетырехлетний президент дряхлел на глазах, а у нацистских вожakov росла уверенность, что ждать им осталось недолго. Недаром Грегор Штрассер хвастливо заявлял: "... Все, что приближает катастрофу... хорошо, очень хорошо для нас и для германской революции".

Часть 6. Последние дни республики: 1931–1933 годы

Среди неразберихи тогдашней Германии появилась любопытная и противоречивая личность, которой суждено было вырыть могилу республике. Этот человек станет на короткое время ее последним канцлером и по иронии судьбы на одном из последних виражей своей удивительной карьеры предпримет отчаянную попытку спасти ее, когда спасать уже будет поздно. Этот человек — Курт фон Шлейхер, фамилия которого в переводе с немецкого означает "проньера", "лицемер".

В 1931 году он служил в армии в чине генерал-лейтенанта. Родился в 1882 году, в восемнадцатилетнем возрасте поступил младшим офицером в 3-й гвардейский пехотный полк, где близко сошелся с Оскаром фон Гинденбургом — сыном фельдмаршала и президента. Вторым человеком, чье расположение оказалось почти столь же полезным ему, был генерал Гренер, у которого сложилось хорошее мнение о способностях Шлейхера в бытность его курсантом военной академии и который, став в 1918 году преемником Людендорфа в ставке верховного командования, взял молодого офицера к себе в адъютанты. Сделавшись с самого начала "кабинетным офицером" — на Русском фронте он пробыл совсем недолго, — Шлейхер сумел сохранить близость к руководителям армии и Веймарской республики; его живой ум, его учтивые манеры и политическое чутье нравились и генералам, и политикам. Под руководством генерала фон Секта он стал играть все возрастающую роль в формировании нелегального корпуса и строго засекреченного "черного рейхсвера". Он же являлся основной фигурой в тайных переговорах с Москвой, в итоге которых немецкие танкисты и летчики тайно проходили обучение в Советской России и там же были размещены немецкие военные заводы. Блестящий комбинатор, страстный любитель интриги, Шлейхер предпочитал действовать под покровом секретности. До начала 30-х годов его имя не было известно широкой публике, но на Бендлерштрассе, где размещалось военное министерство, и Вильгельмштрассе, где были расположены другие министерства, к нему давно приглядывались с нескрываемым интересом.

В январе 1928 года, пользуясь растущим влиянием на президента Гинденбурга, с которым он довольно близко сошелся благодаря дружбе с Оскаром, Шлейхер добился назначения своего бывшего шефа генерала

Гренера министром обороны — первый случай в истории Веймарской республики, когда на этом посту оказался не штатский человек, а военный. Гренер в свою очередь сделал Шлейхера своей правой рукой в министерстве, назначив руководителем нового отдела, так называемого Министерского бюро, где он должен был ведать делами армии и флота в области политики и прессы. "Мой главный политик", — назвал своего помощника Гренер и возложил на него вопросы связи армии с другими министерствами и руководящими политическими деятелями. Заняв такое положение, Шлейхер стал не только влиятельной фигурой в офицерском корпусе, но и авторитетом в политике. В армии он имел возможность влиять на назначение и увольнение высших чинов и однажды — это случилось в 1930 году — воспользовался такой возможностью, добившись с помощью ловкой интриги смещения генерала фон Бломберга с поста заместителя командующего армией и назначения на его место своего старого приятеля по 3-му гвардейскому пехотному полку генерала Хаммерштейна. Весной того же года, как мы уже знаем, он сам предпринял первую попытку выбрать канцлера и при поддержке армии уговорил Гинденбурга назначить на этот пост Генриха Брюнинга.

Добившись этой политической победы, Шлейхер, по его собственному мнению, сделал первый шаг в осуществлении грандиозного плана переделки республики — плана, который он довольно долго вынашивал в своей светлой голове. Он достаточно хорошо понимал — да и кто этого не понимал? — причины слабости Веймарской республики. Слишком много насчитывалось политических партий (десять из них в 1930 году собрали больше миллиона голосов каждая), слишком несогласованно они действовали, слишком озабочены были экономическими интересами социальных групп, которые представляли, и поэтому не могли прекратить междоусобицу и создать прочное большинство в рейхстаге — большинство, которое гарантировало бы стабильное правительство, способное справиться с глубоким кризисом, поразившим страну в начале 30-х годов. Парламентская система превратилась в нечто такое, что немцы называли *Kuhhandel* (скотный рынок), где депутаты от разных партий торгуются из-за особых привилегий в пользу групп, которые их выбирали, в то время как национальные интересы полностью игнорируются. Надо ли удивляться, что для Брюнинга, ставшего 28 марта 1930 года канцлером, оказалось невозможно склонить парламентское большинство к поддержке какой-либо определенной программы, кто бы ее ни предлагал: левые, правые или центр. Для того чтобы правительство могло хоть что-то предпринять в поисках выхода из экономического тупика, оставалось

прибегнуть к статье 48 конституции, позволявшей объявить с согласия президента чрезвычайное положение и управлять страной с помощью чрезвычайных декретов.

Именно так, по мнению Шлейхера, и должен был править канцлер. Такой метод гарантировал наличие сильного правительства, опирающегося на твердую власть президента. В конце концов, рассуждал Шлейхер, президент, как народный избранник, выражает волю народа и пользуется поддержкой армии. Если демократически избранный рейхстаг не в состоянии обеспечить устойчивую власть, то это обязан сделать демократически избранный президент. Шлейхер был убежден, что большинство немцев хотят, чтобы правительство заняло твердую позицию и вывело страну из безнадёжного положения. На самом же деле, как показали выборы, состоявшиеся по инициативе Брюнинга в сентябре, большинство немцев хотели не этого. Или, во всяком случае, они не хотели, чтобы из беды их вызволяло правительство того сорта, на каком остановили свой выбор в президентском дворце Шлейхер и его армейские друзья.

В сущности, Шлейхер допустил две фатальные ошибки. Выдвинув Брюнинга в канцлеры и подтолкнув его к правлению с помощью президентских декретов, он подорвал тот фундамент, на котором зиждился авторитет армии, — ее положение силы, стоящей вне политики. Отказ от этой традиции означал катастрофу и для нее, и для Германии в целом. Кроме того, он допустил грубый просчет в оценке возможных результатов голосования. Когда выяснилось, что за нацистскую партию проголосовали 14 сентября 1930 года 6, 5 миллиона человек против 810 тысяч, проголосовавших за нее два года назад, он понял, что надо менять ориентацию. В конце года он встретился с Ремом, только что возвратившимся из Боливии, и с Грегором Штрассером. Это была первая серьезная встреча нацистов с представителем тех, кто стоял тогда у власти в республике. А всего два года спустя связь эта укрепилась настолько, что Адольфа Гитлера привела к цели, а генерала фон Шлейхера — к падению и в конечном счете к насильственной смерти.

10 октября 1931 года, через три недели после самоубийства Гели Раубал, племянницы и возлюбленной Гитлера, он был впервые принят президентом Гинденбургом. Встречу эту устроил Шлейхер, занявшийся плетением новой сложной интриги. До этого он сам беседовал с Гитлером, после чего и помог ему встретиться с канцлером и с президентом. С одной стороны, его, как и Брюнинга, подсознательно беспокоила мысль: что предпринять, когда истечет семилетний срок президентства Гинденбурга,

то есть весной 1932 года? К тому времени фельдмаршалу исполнится восемьдесят пять лет, периоды ясного сознания у него будут сокращаться. С другой стороны, все понимали, что если не будет найдено приемлемой замены Гинденбургу, то этим может воспользоваться Гитлер. Правда, юридически он не является гражданином Германии, но может найти способ стать таковым, выдвинуть свою кандидатуру, набрать нужное число голосов и сделаться президентом.

В течение лета канцлер, всесторонне образованный человек, провел немало часов в раздумьях о бедственном положении Германии. Он ясно сознавал, что его кабинет оказался самым непопулярным в истории республики. Чтобы справиться с кризисом, он издал декрет о снижении заработной платы рабочим и служащим, об ограничениях в деловой и финансовой сферах и в области социальных услуг. Канцлер Голод — так прозвали его и нацисты, и коммунисты. Но он верил, что выход есть, что в конце концов ему удастся восстановить сильную, свободную, процветающую Германию. Он попытается договориться с союзниками об отмене репараций, платежи по которым прекратились в соответствии с мораторием, объявленным Гувером {Президент США в 1929–1933 годах. — Прим. тит. ред. }. На конференции по разоружению, созыв которой намечен на следующий год, он попытается добиться, чтобы союзники либо выполнили взятое на себя обязательство, зафиксированное в Версальском договоре, касательно снижения собственных вооружений до уровня Германии, либо разрешили Германии узаконить ее умеренную программу перевооружения, осуществление которой в сущности уже началось с его молчаливого согласия. Таким образом, будут сняты последние запреты и ограничения, предусмотренные мирным договором, и Германия станет равной среди крупных держав. Это не только благотворно скажется на ней, но и, как полагал Брюнинг, придаст западному миру уверенности, которая положит конец экономическому упадку, принесшему столько бед немецкому народу, и "выбьет почву из-под ног нацистов.

Брюнинг намеревался действовать открыто и на внутреннем фронте, надеясь прийти к соглашению со всеми главными партиями, исключая коммунистов, о внесении поправки в конституцию страны. В его планы входило восстановить монархию Гогенцоллернов. Даже если удастся, рассуждал он, уговорить Гинденбурга снова выставить свою кандидатуру на выборах, нельзя рассчитывать, что старый человек протянет весь семилетний срок. Если же он умрет через год-два, то дорога к президентству останется для Гитлера открытой. Чтобы этому помешать и гарантировать непрерывность и стабильность власти главы государства,

Брюнинг придумал такой план: отменить, если на то будет согласие двух третей депутатов обеих палат парламента (рейхстага и рейхсрата), президентские выборы, намеченные на 1932 год, и тем самым автоматически продлить срок полномочий Гинденбурга. Как только этот замысел осуществится, Брюнинг внесет в парламент предложение провозгласить монархию, а президенту отвести роль регента. После его смерти один из сыновей наследного принца взойдет на трон. Этот акт тоже был призван выбить почву из-под ног нацистов; более того, Брюнинг был убежден, что он будет означать конец нацизма как политической силы.

Но престарелый президент не проявил интереса к его плану. Человек, на которого как на командующего императорской армией в памятный ноябрьский день 1918 года была возложена обязанность объявить кайзеру, что монархия низложена и он должен уйти, Гинденбург и слышать не хотел о возможности воцарения на престоле кого-либо из Гогенциллернов, кроме самого кайзера, находившегося в то время в изгнании в Доорне (Голландия). Брюнинг объяснил ему, что социал-демократы и профсоюзы, весьма неохотно согласившиеся с его планом, да и то лишь потому, что видели в нем последнюю ничтожную возможность остановить Гитлера, не хотят видеть на престоле ни Вильгельма II, ни его старшего сына и, более того, выразили пожелание, чтобы монархия, если она будет восстановлена в Германии, по образцу британской стала конституционной и демократической. Выслушав канцлера, седовласый президент пришел в такую ярость, что тотчас попросил его удалиться. Неделью спустя он вызвал Брюнинга и объявил, что не намерен бороться за свое переизбрание.

Тем временем сначала Брюнинг, а потом Гинденбург встретились с Адольфом Гитлером. Обе встречи завершились для нацистского лидера неудачей. Он еще не оправился от потрясения, вызванного самоубийством Гели Раубал; мысли его блуждали, и он чувствовал себя неуверенно. На вопрос Брюнинга, поддержат ли нацисты идею оставления Гинденбурга у власти, Гитлер разразился тирадой, направленной против Веймарской республики, дав ясно понять, что не приемлет планов канцлера. На встрече с Гинденбургом ему было не по себе. Он пытался произвести на старого господина впечатление долгими разглагольствованиями, но из этого ничего не получилось. Президенту не понравился этот "богемский ефрейтор", как он назвал фюрера, и он заявил Шлейхеру, что такой человек годится разве что в министры почтовой связи, но никак не в канцлеры. От этих слов ему пришлось потом отказаться.

Разгневанный Гитлер спешно отправился в Бад-Гарцбург, где на следующий день, 11 октября, принял участие в массовом митинге

"национальной оппозиции" правительствам Германии и Пруссии. Большинство собравшихся составляли не крайне правые, представленные национал-социалистами, а более старые, консервативные силы реакции: немецкая национальная партия Гугенберга, правое крыло организации ветеранов под названием "Стальной шлем", так называемая "Молодежь Бисмарка", "Юнкерская аграрная лига" и разрозненные группы отставных генералов. Но лидеру нацистов митинг не пришелся по душе. Он презирал этих увешанных медалями "последышей старого режима" в сюртуках и шлемах, с которыми опасно связывать "революционное", то есть нацистское, движение. Он произнес скороговоркой довольно невнятную речь и ушел с митинга, не дождавшись парада отрядов "Стального шлема", численность которых, к его огорчению, превосходила численность отрядов СА. Таким образом, "гарцбургский фронт", который был создан в тот день и в который консерваторы — сторонники прежнего курса надеялись втянуть нацистов для совместного окончательного наступления на республику (он требовал немедленной отставки Брюнинга), оказался мертворожденным. Гитлера не устраивала роль второй скрипки, которую отводили ему эти господа; их помыслы были обращены исключительно в прошлое, а он был уверен, что к прошлому возврата нет. Он не противился временному союзу с ними, если такой союз поможет ослабить веймарский режим и откроет — а он действительно открыл — ему доступ к дополнительным источникам финансирования, однако использовать себя он им не позволит. "Гарцбургский фронт", раздираемый внутренними распрями, оказался под угрозой развала.

Но в одном вопросе они сошлись: и Гугенберг, и Гитлер отклонили предложение Брюнинга согласиться на продление срока полномочий президента Гинденбурга. Однако канцлер в начале 1932 года предпринял еще одну попытку убедить их. С громадным трудом он уговорил Гинденбурга не уходить в отставку, если парламент решит продлить срок его президентства и тем самым избавит от необходимости обременять себя новой предвыборной кампанией, после чего пригласил Гитлера в Берлин для возобновления переговоров. Его телеграмма застала фюрера в Мюнхене, в редакции "Фелькишер беобахтер", где он беседовал с Гессом и Розенбергом. Размахивая перед ними бумажкой, Гитлер воскликнул: "Вот теперь они в моих руках! Признали-таки меня партнером в переговорах! "

Гитлер встретился с Брюнингом и Шлейхером 7 января, а 10 января беседа была продолжена. Брюнинг повторил свое предложение: если срок президентства Гинденбурга будет продлен, то сам он уйдет в отставку, как только добьется отмены репараций и установления паритета в

вооружениях. По свидетельству некоторых источников, хотя оно и представляется спорным, Брюнинг бросил еще одну приманку, заявив, что на свое место предложит президенту его, Гитлера, кандидатуру.

Гитлер не сразу дал окончательный ответ. Он отправился в отдел "Кайзерхоф" и спросил мнение своих советников. Грегор Штрассер высказался в пользу плана Брюнинга, объяснив свою позицию тем, что если нацисты настоят на проведении выборов, то Гинденбург победит. Геббельс и Рем высказались за категорический отказ 7 января Геббельс записал в своем дневнике: "Дело не в президентстве. Брюнинг всего-навсего хочет укрепить свое положение на неопределенное время. Начинается шахматная борьба за власть... Главное, мы по-прежнему сильны и не идем на компромиссы". А накануне вечером он сделал отметку: "Среди нас есть человек которому никто не доверяет... Это — Грегор Штрассер".

Гитлер и сам не видел резона укреплять позиции Брюнинга и тем продлевать жизнь республики, но в отличие от тупицы Гугенберга, который 12 января без колебаний отклонил предложение Брюнинга, действовал хитрее. Он ответил не канцлеру, а через его голову президенту, заявив, что считает план Брюнинга противоречащим конституции и что выступит за переизбрание Гинденбурга, если фельдмаршал этот план отвергнет. Отто Мейснеру, ловкому статс-секретарю канцелярии президента, который преданно служил сначала социал-демократу Эберту, а потом консерватору Гинденбургу и который начал подумывать, как бы уцелеть на этом посту при новом президенте, кто бы им ни стал, пусть даже Гитлер, фюрер нацистов обещал на тайной встрече в "Кайзерхофе" поддержать Гинденбурга на выборах, если тот предварительно уберет Брюнинга, сформирует "национальное" правительство и издаст декрет о новых выборах в рейхстаг и прусский парламент.

Но Гинденбург на это не пошел. Уязвленный тем, что ни нацисты, ни националисты (а среди последних были его друзья и предполагаемые союзники) не пожелали избавить его от изнурительной предвыборной борьбы, он решился вновь выдвинуть свою кандидатуру. Однако его возмутили не только партии националистов, но и сам Брюнинг, испортивший, как считал президент, все дело и втянувший его в острый конфликт с теми самыми националистическими силами, которые помогли ему в 1925 году одержать верх над либерально-марксистскими кандидатами. Его отношение к канцлеру, которого он не так давно называл "лучшим после Бисмарка", стало заметно прохладнее.

Охладел к Брюнингу и генерал, выдвинувший его в свое время в

канцлеры. Этот аскетического склада католический лидер не оправдал ожиданий Шлейхера, оказавшись самым непопулярным в истории республики главой правительства. Он не смог заручиться поддержкой большинства населения страны; не сумел ни обуздать нацистов, ни привлечь их на свою сторону; не решил вопроса об оставлении Гинденбурга на посту президента. Поэтому он должен уйти, а с ним вместе, пожалуй, и обожаемый Шлейхером шеф — генерал Гренер, потерявший, судя по всему, перспективу, перспективу, которая рисовалась Шлейхеру. Впрочем, этот интриган в генеральском мундире не торопился. Во всяком случае, пока Гинденбурга не переизбрали, эти двое сильных людей в правительстве должны оставаться на своих местах. Без их помощи старому фельдмаршалу не победить. Ну а после выборов надобность в них отпадет.

Гитлер против Гинденбурга

В жизни Адольфа Гитлера бывали моменты, когда, оказавшись перед трудным выбором, он как будто не мог ни на что решиться. Именно так обстояло дело сейчас. Вопрос стоял так: выставлять или не выставлять свою кандидатуру в президенты? Победить Гинденбурга, казалось, невозможно. Этого легендарного героя поддерживали не только многие правые элементы, но и демократические партии, которые в 1925 году выступали против него, а теперь видели в нем спасителя республики. Противостоять кандидатуре фельдмаршала и почти наверняка, как полагал Гитлер, потерпеть поражение значило рисковать репутацией партии, окружившей себя ореолом непобедимости. Добившись столь эффектной победы на всегерманских выборах 1930 года, нацисты начали шаг за шагом завоевывать популярность и на последующих земельных выборах. А если отказаться от борьбы, не будет ли это истолковано как признак слабости, отсутствия веры в то, что национал-социализм стоит на пороге власти? Было и еще одно обстоятельство:

Гитлер не имел в то время юридического права выставлять свою кандидатуру — он не был гражданином Германии.

Йозеф Геббельс тем не менее советовал ему баллотироваться. 19 января они вместе отправились в Мюнхен, и в тот же вечер Геббельс записал в своем дневнике: "Обсуждался вопрос о президентстве фюрера. Решение еще не принято. Я настойчиво рекомендовал ему выставить свою кандидатуру". На протяжении последующего месяца дневник Геббельса показывает, как резко менялось настроение Гитлера. 31 января: "Решение будет принято в среду. Дольше уже нельзя колебаться". 2 февраля казалось, что он окончательно решился: "Он склонен баллотироваться". Но тут же Геббельс добавил, что решение не будет обнародовано до тех пор, пока не

выяснятся намерения социал-демократов. На следующий день лидеры партии съехались в Мюнхен, чтобы узнать, что же решил Гитлер. "Они ждут, а ответа все нет, — жаловался Геббельс. — Все нервничают и устали от напряжения". В тот вечер маленький шеф пропаганды в поисках отдохновения незаметно исчезает, чтобы посмотреть кинофильм с участием Греты Гарбо. "Я взволнован и потрясен, — записывает он, — величайшей из ныне живущих актрис". А поздним вечером к нему "пришли некоторые товарищи по партии. Они в унынии от того, что решения до сих пор нет. Сетуют, что фюрер слишком долго выжидает".

Возможно, ждали они действительно слишком долго, но это не значило, что Гитлер стал меньше верить в свою окончательную победу. В одной из дневниковых записей говорится, что однажды вечером фюрер долго обсуждал с Геббельсом вопрос о том, какой пост ему, Геббельсу, лучше всего занять в третьем рейхе. По словам Геббельса, фюрер имел в виду назначить его "министром народного образования, который будет ведать кино, радио, изобразительным искусством, культурой и пропагандой". Продолжительную беседу имел Гитлер и со своим архитектором профессором Трестом о "грандиозной реконструкции германской столицы". А Геббельс добавляет: "Планы фюрера сложились окончательно. Он говорит, действует чувствует себя так, словно уже у власти".

Однако в словах Гитлера нет намека на то, что он жаждет сразиться с Гинденбургом на выборах. 9 февраля Геббельс записывает: "Фюрер снова в Берлине. Опять дискуссии в "Кайзерхофе" о президентских выборах. Еще ничего не решено". Тремя днями позже Геббельс вместе с фюрером прикинул возможное соотношение голосов и пришел к выводу: "Риск есть, но на него надо идти". Гитлер, пообещав еще раз подумать, возвращается в Мюнхен.

Вопрос этот в конце концов решил за него Гинденбург. 15 февраля престарелый президент объявил о своем намерении баллотироваться. Геббельс торжествует: "Теперь у нас развязаны руки. Мы можем уже не скрывать своего решения". Но Гитлер продолжал скрывать его. Лишь 22 февраля на совещании в "Кайзерхофе" фюрер, к радости Геббельса, разрешил объявить вечером во Дворце спорта, что он выставляет свою кандидатуру.

Это была крикливая, сумбурная кампания. В рейхстаге Геббельс обозвал Гинденбурга "кандидатом партии дезертиров" и был удален из зала за оскорбление президента. Берлинская националистическая газета "Дойче цайтунг", выступавшая на выборах 1925 года в поддержку Гинденбурга,

теперь злобно обрушилась на него, заявив: "Вопрос нынче в том, удастся ли международным предателям и пацифистским свиньям, поощряемым Гинденбургом, довести Германию до окончательного развала".

В суматохе и в пылу предвыборной борьбы смешались все классовые и партийные пристрастия. У Гинденбурга, протестанта, пруссака, консерватора и монархиста, нашлись союзники из среды социалистов, профсоюзных деятелей, католиков из партии "Центр" во главе с Брюнингом и остатков либеральных, демократических партий среднего сословия. Вокруг Гитлера, католика, австрийца, бывшего босняка, национал-социалиста, лидера мелкобуржуазных масс, сплотились кроме его ближайших приспешников протестанты — представители крупной буржуазии Севера, консервативные юнкера-аграрии и некоторые монархисты, в том числе сам бывший наследный принц (он присоединился в последнюю минуту). Сумбур усугубило вступление в борьбу еще двух кандидатов; ни тот, ни другой не могли рассчитывать на победу, но не исключалось, что за обоих проголосует достаточно избирателей, чтобы помешать любому из главных соперников собрать необходимое большинство голосов. Националисты выдвинули Теодора Дюстерберга — бывшего подполковника, заместителя командира "Стального шлема" (почетным командиром был Гинденбург) и заурядного политика, которого нацисты к великой их радости, вскоре "разоблачили" как праправнука еврея. Коммунисты, громогласно обвинившие социал-демократов в том, что своей поддержкой Гинденбурга они "предают рабочих", выдвинули кандидатуру лидера партии Эрнста Тельмана. Это был не первый и не последний случай, когда коммунисты по приказу из Москвы рискованно играли на руку нацистам.

Перед началом предвыборной кампании Гитлер решил проблему своего гражданства. 25 февраля было объявлено, что нацистский министр внутренних дел Брауншвейга назначил герра Гитлера атташе при представительстве Брауншвейга в Берлине. С помощью этого сомнительного, уместного разве что в комической опере, маневра фюрер нацистов автоматически становился гражданином Брауншвейга, а следовательно, и Германии и потому получал юридическое право баллотироваться в президенты германского рейха. С легкостью преодолев это маленькое препятствие, Гитлер рьяно включился в кампанию, колеся по стране, выступая на многочисленных массовых собраниях, доводя до неистовства толпу. Не отставали от него и два других трибуна партии — Геббельс и Штрассер. Но это было не все. Они развернули небывалую по масштабам пропагандистскую кампанию; расклеили в больших и малых

городах множество крикливых цветных плакатов, распространили восемь миллионов брошюр, двенадцать миллионов экземпляров дополнительного тиража партийных газет. По три тысячи митингов в день — больше, чем когда-либо, — проводили они, сопровождая речи показом кинофильмов, передавали грамзаписи с помощью громкоговорителей, установленных на грузовиках.

Брюнинг в свою очередь не устал трудиться во имя победы престарелого президента. На этот раз он не был столь щепетилен в выборе средств, поэтому предоставил своим сторонникам, к неудовольствию Гитлера, все контролируемое правительством время на радио. Сам Гинденбург выступил всего один раз — его речь была предварительно записана и передана по радио 10 марта, в самый канун выборов. Это было впечатляющее выступление, подобных ему во время кампании было немного.

"Избрание партийного деятеля, крайние, односторонние взгляды которого восстановили бы против него большинство народа, ввергнет нашу родину в беспорядки с непредсказуемыми последствиями. Чувство долга повелевает мне этому помешать... Если я потерплю поражение, то по крайней мере не навлеку на себя упреков, что в час кризиса добровольно оставил свой пост... Я не выпрашиваю голоса у тех, кто не хотел бы за меня голосовать".

Тех, кто голосовал за него, оказалось на 0, 4 процента меньше необходимого абсолютного большинства. 13 марта 1932 года, когда избирательные пункты закрылись, результаты были следующие:

Гинденбург 18 651 497 49, 6 процента

Гитлер 11 339 446 30, 1 процента

Тельман 4 983 341 13, 2 процента

Дюстерберг 2 557 729 6, 8 процента

Результаты выборов разочаровали обе стороны. Хотя старый президент и определил нацистского демагога на семь с лишним миллионов голосов, добиться абсолютного большинства он не сумел; требовалось повторное голосование, в результате которого избранным будет считаться кандидат, набравший относительное большинство голосов.

За Гитлера было подано по сравнению с 1930 годом почти на пять миллионов голосов (приблизительно на 86 процентов) больше, но и это число было намного меньше, чем у Гинденбурга. В доме Геббельса в Берлине, где поздно вечером собрались у радиоприемника многие партийные главари, чтобы узнать результаты голосования, царил уныние. "Нас побили, — записал Геббельс в тот вечер в дневнике. — Перспективы

мрачные. Партийные круги сильно разочарованы и удручены... Спасти нас может лишь какой-нибудь ловкий ход".

Но на следующее утро Гитлер заявил в "Фелькишер беобахтер"! "Первая избирательная кампания закончилась. Сегодня началась вторая. Я ее поведу". И он действительно включился в нее с прежней энергией. Наняв пассажирский самолет "юнкерс", он летал из одного конца Германии в другой — в то время такой способ передвижения кандидатов считался новшеством — и выступал на массовых собраниях по три-четыре раза в день, по разу в каждом городе. Чтобы собрать побольше голосов, он применил хитрую тактику. Если перед первым голосованием он упирал в своих речах на бедственное положение народа и на беспомощность республики, то теперь обещал, если его выберут президентом, счастливое будущее для всех немцев: рабочим — работу, крестьянам — более высокие доходы, дельцам — большую деловую активность, военным — большую армию. А выступая в Берлине, в Люстгартене, заверял: "В третьем рейхе каждая девушка найдет себе жениха".

Националисты вывели Дюстерберга из борьбы и призвали своих сторонников отдать голоса Гитлеру. Даже беспутный наследный принц Фридрих Вильгельм занял прежнюю позицию и объявил:

"Я буду голосовать за Гитлера".

Погода 10 апреля 1932 года, в день повторного голосования, выдалась пасмурная, дождливая, и на избирательные пункты пришло людей на миллион меньше. Результаты, объявленные поздно вечером, были следующие:

Гинденбург 19 359 983 53, 0 процента

Гитлер 13 418 547 36, 8 процента

Тельман 3 706 759 10, 2 процента

Несмотря на то что Гитлер получил дополнительно два миллиона голосов, а Гинденбург только миллион, было ясно, что на стороне президента абсолютное большинство. Таким образом, более половины населения Германии подтвердило свою веру в демократическую республику; народ решительно отверг как правых, так и левых. Или так ему казалось.

Гитлеру было над чем задуматься. С одной стороны, он добился впечатляющего успеха: за два года число избирателей, голосовавших за нацистов, удвоилось. С другой — рушились его надежды на поддержку большинства населения и на обретение политической власти. Следовательно, путь, избранный им, ни к чему не привел? Во время партийных дискуссий, последовавших за выборами 10 апреля, Штрассер

откровенно доказывал, что Гитлер именно так и считал. Штрассер настоятельно советовал пойти на сделку с людьми, стоявшими у власти: с президентом, с правительством Брюнинга, с генералом Гренером, с армией. Гитлер не доверял своему главному сподвижнику, но его совет без внимания не оставил. Он не забыл об одном из уроков, усвоенных в годы жизни в Вене: если хочешь добиться власти, ищи поддержки у существующих "могущественных институтов".

Но не успел он решиться на следующий шаг, как один из этих "могущественных институтов" — правительство республики — нанес ему удар.

Более года правительство рейха и правительства ряда земель собирали документы, доказывавшие, что несколько нацистских главарей, в первую очередь из СА, готовились силой захватить власть и обрушить террор на страну. В канун первого этапа голосования отряды СА, насчитывавшие к тому времени 400 тысяч человек, были полностью мобилизованы и взяли Берлин в кольцо. Хотя капитан Рем, шеф СА, и заверил генерала фон Шлейхера, что это всего лишь мера предосторожности, прусская полиция обнаружила в берлинской штаб-квартире нацистов документы, ясно свидетельствовавшие, что СА намеревались в случае избрания Гитлера президентом совершить вечером следующего дня государственный переворот. Таково было нетерпение Рема. Дневниковая запись Геббельса, сделанная вечером 11 марта, подтверждает, что какие-то приготовления действительно велись: "Разговаривал с командирами СА и СС об инструкциях. Всюду глубокое брожение. Слово "путч" носится в воздухе".

Как общегерманское, так и земельные правительства были встревожены. 5 апреля делегация нескольких земель во главе с представителями Пруссии и Баварии (крупнейших в стране земель) потребовала от центральной власти пресечь деятельность СА, пригрозив, что в противном случае местные власти сделают это сами. Канцлер Брюнинг находился в предвыборной агитационной поездке, но Гренер, министр обороны, встречавшийся с делегацией, обещал принять меры, как только вернется в Берлин Брюнинг, то есть 10 апреля, в день повторного голосования. Брюнинг и Гренер считали, что имеют полное основание запретить СА. Эта мера помогла бы ликвидировать угрозу гражданской войны и послужила бы прелюдией к устранению Гитлера с авансцены политической жизни Германии. Они не сомневались, что на этот раз за Гинденбурга проголосует абсолютное большинство избирателей, предоставив, таким образом, правительству полномочия на защиту республики от угрозы насильственного захвата власти нацистами, поэтому

пришли к выводу, что настало время применить силу против силы. Если действовать нерешительно, полагали они, то можно потерять поддержку социал-демократов и профсоюзов, то есть тех самых сил, которые представляли основную часть избирателей, отдавших свои голоса Гинденбургу, и которые служили основной гарантией того, что правительство Брюнинга останется у власти.

10 апреля, в самый разгар выборов, состоялось заседание кабинета министров, на котором было решено немедленно распустить личные военные формирования Гитлера. Однако Гинденбург не сразу подписал этот декрет. Затруднение возникло из-за Шлейхера, который сперва выступил за принятие декрета, а потом вдруг начал шептаться с президентом, высказывая ему какие-то возражения. Но в конце концов 13 апреля Гинденбург поставил-таки свою подпись, а 14 апреля декрет был обнародован.

Удар по нацистам был ошеломляющим. Рем и некоторые другие горячие головы в партии призывали к сопротивлению, но Гитлер предусмотрительно распорядился подчиниться. Время вооруженного выступления еще не настало. Кроме того, стали известны любопытные сведения о Шлейхере. В тот самый день, 14 апреля, Геббельс записал в дневнике: "Нам сообщили, что Шлейхер не одобрял действий генерала... Телефонный звонок от одной известной дамы близкого друга Шлейхера сообщает, что генерал намерен подан в отставку".

Геббельс отнесся к этой информации с интересом, но недоверчиво. "Допускаю, — заключил он, — что это лишь маневр". Ни он, ни Гитлер, ни кто-либо еще, не говоря уже о Брюнинге и Гренере, которому Шлейхер был обязан своей стремительной карьерой в армии и положением в государственных ведомствах, не знали о невероятной склонности этого генерала от политики к предательству. Но скоро они об этом узнают.

Еще до объявления о санкциях против СА Шлейхер, пользуясь попустительством туповатого генерала фон Хаммерштейна, командующего рейхсвером, конфиденциально информировал начальников семи военных округов, что руководство армии не одобряет декрет. Затем 16 апреля по его наущению Гинденбург послал Гренеру колючее письмо, потребовав объяснить, почему тот, наложив запрет на СА, не поступил также в отношении рейхсбаннера — полувоенной организации социал-демократов. Шлейхер пошел и еще на один шаг в целях дискредитации своего шефа: спровоцировал злобную клеветническую кампанию, пустив слух, будто генерал Гренер по состоянию здоровья не может занимать свою должность, будто он начал исповедовать марксизм и даже пацифизм и опозорил армию

тем, что у него родился ребенок через пять месяцев после женитьбы. В кругу военных, как он доложил Гинденбургу, этого ребенка прозвали Нурми — по имени знаменитого финского бегуна, победителя Олимпийских игр.

Одновременно Шлейхер возобновил контакты с СА и имел беседы с Ремом и шефом СА в Берлине графом фон Гелльдорфом.

26 апреля Геббельс записал, что в беседе с Гелльдорфом Шлейхер заявил о намерении "изменить курс". А спустя два дня состоялась беседа Шлейхера с Гитлером и Геббельс отмечал: "Встреча прошла хорошо".

Даже на этой стадии игры было ясно, что Рем и Шлейхер сговариваются за спиной Гитлера, найдя общий язык в вопросе включения СА на правах милиции в состав армии. Но именно против такого шага неизменно возражал фюрер. На этой почве у Гитлера часто возникали споры с начальником штаба СА, который рассматривал отряды штурмовиков как потенциальный военный оплот страны, в то время как Гитлер считал их чисто политической силой, призванной терроризировать политических противников с помощью уличных беспорядков и вообще поддерживать боевой дух в рядах нацистов. Шлейхер, ведя переговоры с нацистскими лидерами, преследовал свои цели. Он хотел присоединить отряды СА к армии, чтобы держать их под своим контролем. Второй его целью было вовлечь Гитлера, единственного консервативного националиста, пользующегося поддержкой масс, в состав правительства, тем самым и его подчинив своему контролю. Достижению и той и другой цели препятствовал орган СА "Фербот".

К концу недели интриги Шлейхера достигли кульминации. 4 мая Геббельс констатирует, что мины, заложенные Гитлером, приводятся в действие. Сначала должен уйти Гренер, за ним — Брюнинг. 8 мая Геббельс пишет в дневнике, что у Гитлера состоялась "решающая встреча с генералом Шлейхером и некоторыми другими господами из близкого окружения президента. Все идет хорошо. Брюнинг через несколько дней уходит. Президент откажет ему в доверии". Далее он излагает план, который наметили Шлейхер и президентская камарилья совместно с Гитлером: распустить рейхстаг, учредить президентский кабинет, снять все запреты с СА и нацистской партии. Чтобы не вызвать у Брюнинга подозрений в связи с этими приготовлениями, добавляет Геббельс, Гитлеру рекомендовано держаться подальше от Берлина. Поздно вечером того же дня Геббельс тайно отправляет своего шефа в Мекленбург, где тот фактически скрывается.

Нацисты рассматривают будущий президентский кабинет, пишет на

следующий день Геббельс, как некий промежуточный орган. Такое "бесцветное" переходное правительство, отмечает он, "расчистит нам путь. Чем слабее оно, тем легче его свалить". Разумеется, иной точки зрения придерживается Шлейхер, уже мечтающий о новом правительстве, которое до пересмотра конституции будет обходиться без парламента и в котором он, Шлейхер, займет господствующее положение. Было ясно, что каждый из них — и Шлейхер и Гитлер — рассчитывает одержать победу. Но Шлейхер мог использовать в этой игре свой лучший козырь. Он предложит старому президенту то, чего не может предложить Брюнинг: правительство, поддерживаемое Гитлером и в то же время не скомпрометированное присутствием в нем этого фанатика и демагога.

Итак, все было готово. 10 мая, через два дня после встречи с Гитлером и приближенными Гинденбурга, Шлейхер нанес удар. Это произошло в рейхстаге. Едва генерал Гренер взял слово в защиту декрета о запрещении СА, как на него яростно обрушился Геринг. Больной диабетом, потрясенный ставшей теперь уже очевидной предательской ролью Шлейхера, министр обороны пытался как мог, защищаться, но поток брани, хлынувший со стороны нацистов, заглушил его. Измученный, оскорбленный, он направился вон из зала, однако у выхода его остановил генерал фон Шлейхер и ледяным тоном объявил, что Гренер "уже не пользуется доверием армии и должен уйти в отставку". Гренер апеллировал к Гинденбургу, которому всегда служил верно, принимая в решающие моменты истории удар на себя: в 1918 году — когда предложил кайзеру отречься от престола, в 1919-м — когда посоветовал правительству республики подписать Версальский договор. Но старый фельдмаршал, которого переполняло чувство досады из-за того, что он остался в долгу у младшего чина, ответил, что, к сожалению, ничего не может для него сделать. 13 мая Гренер, исполненный горечи и разочарования, подал в отставку {"Чувство презрения и гнева клокочет во мне, — писал Гренер Шлейхеру 27 ноября, — ибо я обманулся в вас, мой старый друг, ученик, приемный сын" (см. Крейг Г. Рейхсвер и национал-социализм: политика Вильгельма Гренера. — Политикал сайенс куортерли, 1948, июнь). — Прим. авт. }. В тот вечер Геббельс записал в дневнике: "Получили известие от генерала Шлейхера. Все идет по плану".

Согласно плану теперь очередь была за Брюнингом. Оставалось не так уж много времени до того, как смиренный генерал положит голову на плаху. Отставка Гренера нанесла слабеющей республике тяжелый урон; он был едва ли не единственным военным, служившим ей умело и преданно, и не было в армии человека, столь же авторитетного и порядочного, кто мог

бы его заменить. Однако у власти все еще стоял волевой, трудолюбивый Брюнинг. Это он помог Гинденбургу добиться поддержки большинства избирателей, он продлил (надеялся, что продлил) жизнь республике. Его внешняя политика тоже, казалось, начала приносить плоды: ожидалась отмена платежей по репарациям, готовилось соглашение о паритете рейха в области вооружений. Однако престарелый президент и к нему отнесся удивительно холодно — такова была награда канцлеру за то, что он ценой нечеловеческих усилий добился продления срока пребывания Гинденбурга у власти. Его неприязнь к Брюнингу усилилась, когда тот предложил национализировать за солидную компенсацию несколько разорившихся юнкерских поместий в Восточной Пруссии и передать их безземельным крестьянам. В середине мая Гинденбург поехал на время пасхи в Нейдек — восточно-прусское поместье, которое юнкеры при финансовой помощи промышленников приобрели для него в виде подарка по случаю восьмидесятилетия, и там наслушался от соседей-аристократов разговоров об этом "аграрном большевике" Брюнинге, которого пора, дескать, сместить с должности канцлера.

Нацисты прежде самого Брюнинга узнали (через Шлейхера, конечно), что дни его канцлерства сочтены. 18 мая Геббельс возвратился из Мюнхена в Берлин и, отметив про себя, что "восточный дух" все еще держится, записал в дневнике: "Кажется, на одного Брюнинга пахнуло зимним холодом. Забавно, что он этого не понимает. Не может найти людей для своего кабинета. Они бегут, как крысы с тонущего корабля". Точнее было бы сказать, что главная крыса, далекая от мысли покинуть тонущий корабль, готовилась назначить нового капитана. На следующий день Геббельс записал:

"Генерал Шлейхер отказался принять пост министра обороны". Дело обстояло не совсем так. В действительности, когда Брюнинг, упрекнув Шлейхера в кознях против Гренера, спросил, не согласится ли он занять его место, Шлейхер ответил: "Соглашусь, но не в вашем кабинете".

"Донесение Шлейхера: список министров готов, — записывает Геббельс 19 мая. — Для переходного периода сойдет". Из этого следует, что нацисты на неделю раньше Брюнинга знали, что его песенка спета. В воскресенье 29 мая Гинденбург вызвал Брюнинга к себе и в резкой форме предложил ему подать в отставку, что Брюнинг и сделал на другой же день.

Шлейхер торжествовал. Однако свергнут был не только Брюнинг; с ним вместе гибла демократическая республика, хотя ее предсмертной агонии суждено было длиться еще восемь месяцев, пока не совершится окончательный coup de grace {Удар милосердия {фр.}. }. Немалая доля

вины за ее кончину лежит на самом Брюнинге. Будучи в душе демократом, он в то же время позволил поставить себя в положение человека, который волей-неволей правит страной главным образом с помощью президентских декретов, то есть не спрашивая мнения парламента. Правда, для таких действий имелись веские основания — слепота политиков сделала их практически неизбежными. 12 мая ему удалось получить вотум доверия в рейхстаге в связи с законопроектом по финансовому вопросу. Но в тех случаях, когда он не мог рассчитывать на поддержку парламента, он действовал от имени президента. Теперь его этой власти лишили, передав ее двоим более слабым людям (они правили с июня 1932 по январь 1933 года), которые, не будучи нацистами, в то же время не испытывали желания поддерживать демократическую республику — по крайней мере, в ее нынешнем виде.

Политическая власть, находившаяся со дня рождения республики в руках германского народа и выразителя его воли — рейхстага, отныне им не принадлежала. Пока что она сосредоточилась в руках дряхлого восьмидесятипятилетнего президента и тех нескольких близких к нему мелких честолюбцев, которые влияли на его слабеющий ум, ускользающее сознание. Гитлер прекрасно понимал сложившуюся ситуацию, и она была ему на руку. Поскольку завоевание большинства мест в парламенте представлялось весьма маловероятным, новый курс Гинденбурга открывал перед ним единственно возможный путь к власти. Не в данный момент, понятно, но в ближайшем будущем. Из Ольденбурга, где на состоявшихся 29 мая местных выборах нацисты собрали абсолютное большинство голосов он спешно выехал в Берлин. На следующий день его принял Гинденбург, который одобрил пункты соглашения, достигнутого лидером нацистов со Шлейхером 8 мая: снять запрет с СА; сформировать президентский кабинет из лиц, намеченных Гинденбургом; распустить рейхстаг. Гинденбург спросил, будет ли Гитлер поддерживать новое правительство. И Гитлер сказал, что будет. Вечером 30 мая Геббельс записывает: "Переговоры Гитлера с президентом прошли хорошо... Ф. Папен упоминался в качестве будущего канцлера. Но это нас мало волнует. Важно то, что распустят рейхстаг. Выборы! Выборы! Прямо к народу! Мы все очень счастливы".

Фиаско Франца фон Папена

И вот на политической арене мелькнула нелепая фигура. Человеком, которого генерал фон Шлейхер навязал старому президенту и который 1 июня 1932 года стал канцлером Германии, был пятидесятитрехлетний Франц фон Папен — выходец из вестфальской обедневшей дворянской

семьи, бывший офицер генерального штаба, великолепный наездник, незадачливый, неискушенный политик из католического "Центра", зять богатого промышленника. Известностью в общественных кругах он пользовался разве что как бывший военный атташе в Вашингтоне, выдворенный из страны (в то время США еще придерживались нейтралитета) за соучастие в планировании диверсий, таких, как взрывы мостов и железных дорог. "... Выбор президента был встречен с недоумением, — писал о фон Папене посол Франции в Берлине. — Ничего, кроме улыбки или усмешки, он ни у кого не вызывал, ибо характерной чертой этого человека было то, что ни друзья, ни враги не принимали его всерьез... Он слыл человеком поверхностным, недалеким, вероломным, претенциозным, тщеславным, хитрым и кляузным". И такому человеку — Франсуа-Понсе ничуть не преувеличивал — Гинденбург вверял с подсказки Шлейхера судьбу агонизирующей республики.

В политических кругах Папен не имел никакого веса. Он не был даже депутатом рейхстага. Самое большее, чего он достиг в политике, — место в ландтаге Пруссии. Партия "Центр", в которой Папен состоял, узнав о его назначении канцлером, до того возмутилась этим актом предательства в отношении Брюнинга, руководителя партии, что единогласно исключила его из своих рядов. Тем не менее президент предложил ему сформировать правительство без участия партий, что, впрочем, не составляло труда, поскольку у Шлейхера уже был заготовлен список министров. Так образовался кабинет, ставший известным как "кабинет баронов". Пятеро его членов были дворяне, двое — директора корпораций и один, Франц Гюртнер, назначенный министром юстиции, в дни до и после "пивного путча" представлял интересы Гитлера в баварском правительстве. Генерала Шлейхера Гинденбург вытащил из-за кулис политической жизни, хотя подобное положение его вполне устраивало, и назначил министром обороны. "Кабинет баронов" воспринимался в стране в основном как шутка, и тем не менее некоторые его члены, такие, как барон фон Нейрат, барон фон Эльц-Рубенах, граф Шверин фон Крозиг и д-р Гюртнер, ухитрились удержаться на своих постах даже при третьем рейхе.

Первым шагом Папена было выполнение условий сделки Шлейхера с Гитлером. 4 июня он распустил рейхстаг и назначил на 31 июня новые выборы. А 15 июня под нажимом недоверчивых нацистов снял запрет на СА. После этого Германию сразу охватила невиданная по своим масштабам волна политических беспорядков. Улицы кишели штурмовиками, жаждущими кровавых схваток, и их вызов часто не оставался без ответа, особенно со стороны коммунистов. В одной лишь Пруссии с 1 по 20 июня

произошло 461 заранее подготовленное уличное сражение, стоившее 82 убитых и 400 тяжелораненых. В боях, происходивших в июле, погибло 86 человек, в том числе 38 нацистов и 30 коммунистов. В воскресенье 10 июля в уличных боях погибло 18 человек, а через неделю, когда нацисты устроили в сопровождении полиции шествие по улицам Альтоны — рабочей окраины Гамбурга, было убито 19 человек и ранено 285. Гражданская война, которую "кабинет баронов" должен был прекратить, неуклонно разгоралась. Все партии, кроме нацистской и коммунистической, требовали от правительства восстановления порядка.

Папен реагировал на это двояко. Он запретил все политические демонстрации на две недели, предшествовавшие выборам 31 июля, а потом предпринял шаг, имевший целью не только умиротворить нацистов, но и подрубить одну из немногих оставшихся опор демократической республики. 20 июля Папен сместил прусское правительство и объявил себя рейхскомиссаром Пруссии. Это был крутой поворот в сторону авторитарной системы, которую он хотел распространить на всю Германию. Мера эта была предпринята под тем предлогом, что побоища в Альтоне продемонстрировали неспособность прусского правительства блюсти закон и порядок. Кроме того, на основании "свидетельств", спешно собранных для него Шлейхером, Папен обвинил прусские власти в сговоре с коммунистами. Когда министры-социалисты заявили, что убрать их с занимаемых постов можно только силой, Папен без колебания применил ее.

В Берлине было объявлено военное положение, и генерал фон Рундштедт, командующий местными силами рейхсвера, приказал наряду солдат под командой лейтенанта произвести необходимые аресты. Эту акцию не оставили без внимания правые, взявшие в свои руки федеральную власть. Не мог не оценить ее и Гитлер. Уже не было основания опасаться, что левые силы или даже демократический "центр" окажут серьезное сопротивление атакам на демократическую систему. В 1920 году республику спасла от крушения всеобщая забастовка. Идея проведения такой забастовки дебатировалась лидерами профсоюзов и социалистов и на этот раз, но была отклонена как слишком опасная. Таким образом, ликвидировав конституционное прусское правительство, Папен вбил еще один гвоздь в гроб Веймарской республики. Для этого потребовался, как он хвастливо заметил, всего лишь отряд солдат.

Гитлер и его подручные со своей стороны задались целью свергнуть не только республику, но и Папена с его баронами. Об этом говорится в дневниковой записи Геббельса от 5 июня: "Мы должны как можно скорее отделаться от этого переходного буржуазного кабинета". 9 июня на встрече

с Папеном Гитлер заявил: "Я рассматриваю ваш кабинет лишь как временное решение и буду предпринимать все необходимое, чтобы сделать свою партию самой сильной в стране. И тогда канцлерство перейдет ко мне".

Выборы в рейхстаг 31 июля были третьими по счету на протяжении пяти месяцев, однако нацисты отнюдь не проявляли признаков усталости; наоборот, они с небывалой энергией и фанатическим рвением включились в очередную кампанию. Несмотря на обещание, данное Гитлером Гинденбургу, что нацисты будут поддерживать правительство Папена, Геббельс злобно обрушился на министра внутренних дел, а Гитлер встретился 9 июля со Шлейхером и в резкой форме выразил недовольство политикой правительства.

Между тем было очевидно, что нацисты делают успехи; об этом можно было судить по тому, какие толпы народа собирались посмотреть и послушать Гитлера. 27 июля, например, он выступил в Бранденбурге перед 60 тысячами слушателей, и приблизительно такая же аудитория собралась в Потсдаме. А на огромном Груневальдском стадионе в Берлине, где он выступил вечером того же дня, собралось 120 тысяч, еще 100 тысяч человек, так как стадион не мог вместить всех желающих, слушали речь фюрера на прилегающей к нему улице, где был установлен громкоговоритель.

Выборы в рейхстаг 31 июля принесли национал-социалистской партии внушительную победу. Набрав 13 745 тысяч голосов, она получила 230 мандатов — больше, чем любая другая партия, хотя до завоевания абсолютного большинства мест в парламенте, насчитывавшем 608 членов, было еще далеко. Социал-демократы получили 133 места, то есть на десять мест меньше прежнего, — вне всякого сомнения, в результате робости, проявленной их руководителями в Пруссии. Рабочий класс склонялся на сторону коммунистов, которые получили дополнительно 12 мандатов и, имея 89 мест, стали третьей партией в рейхстаге. Католический "Центр" несколько укрепил свои позиции, получил 73 места вместо 68, но все другие партии среднего сословия, даже немецкая национальная партия Гугенберга (единственная партия, поддержавшая Папена), остались в незначительном меньшинстве. Было очевидно, что все зажиточные и богатые слои населения, кроме католиков, перешли на сторону нацистов.

2 августа Гитлер провел в Тегернзе, близ Мюнхена, совещание лидеров партии, чтобы критически осмыслить свою победу. Со времени последних парламентских выборов, имевших место два года назад, национал-социалисты получили дополнительно семь миллионов голосов и

добились увеличения числа мест в рейхстаге со 107 до 230. За четыре года, прошедшие после выборов 1928 года, нацисты завоевали тринадцать миллионов новых избирателей. И все же большинства, которое привело бы Гитлера к власти, у партии не было. Она получила лишь 37 процентов общего числа голосов. Большая часть немцев по-прежнему была настроена против Гитлера.

Наступила ночь, когда он отпустил своих приспешников. Об итогах совещания Геббельс 2 августа записал: "Фюрер стоит перед трудным вопросом. Легально? В блоке с "Центром"? " Вместе с "Центром" нацисты могли бы рассчитывать на большинство в рейхстаге, но Геббельс считал такой блок невыносимым. Однако, отметил он, "фюрер еще не принял окончательного решения. Требуется время, чтобы такой момент наступил".

Однако Гитлер не хотел ждать долго. Окрыленный успехом, хотя и не решающим, он горел нетерпением. 4 августа он срочно выехал в Берлин, где предполагал встретиться не с канцлером фон Папенем, а с генералом фон Шлейхером, чтобы "предъявить свои требования", как выразился Геббельс. "И требования будут не такими уж скромными", — добавил он.

5 августа, выступая в Фюрстенбергских казармах близ Берлина, Гитлер сообщил, какие условия он предъявил генералу фон Шлейхеру: для себя лично — пост рейхсканцлера, для других представителей партии — пост премьер-министра Пруссии, посты глав министерств внутренних дел рейха и Пруссии, центральных министерств юстиции, экономики и авиации, для Геббельса — создание нового министерства просвещения и пропаганды. Самому Шлейхеру Гитлер посулил в качестве подачки должность министра обороны. Далее он заявил, что потребует от рейхстага законодательного акта о предоставлении ему на определенный срок чрезвычайных полномочий, и пригрозил, что если ему откажут, то рейхстаг "будет распущен по домам".

Уезжая от Шлейхера, Гитлер был уверен, что ему удалось склонить генерала в пользу своей программы; обрадованный, он с легким сердцем отправился на юг, в свое горное прибежище. Но Геббельс, известный своим цинизмом в отношении оппозиции и недоверием к генералу от политики, не вполне разделял его оптимизм. "Хорошо быть скептиком, предугадывая события", — записал он в дневнике 6 августа, выслушав рассказ фюрера о его беседе со Шлейхером. В одном Геббельс был уверен: "Придя к власти, мы уж никогда ее не уступим. Живыми они нас из министерств не вытащат".

Не все шло так гладко, как, возможно, думал Гитлер. 8 августа Геббельс записал: "Телефонный звонок из Берлина. Город полнится

слухами. Вся партия готова к захвату власти. Штурмовики СА покидают рабочие места, чтобы готовиться. Руководители партии ждут, когда пробьет час. Если все пойдет гладко — прекрасно. Если нет случится нечто ужасное". На следующий день Штрассер, Фрик и Функ привезли Гитлеру весть, которую нельзя было назвать вполне обнадеживающей: Шлейхер снова извернулся, как червь. Поставил условие: став канцлером, Гитлер должен будет действовать с согласия рейхстага. Функ сообщил, что его друзья из делового мира обеспокоены возможностью формирования нацистского правительства. В подтверждение этого он привел слова Шахта. В добавление ко всему названная тройка уведомила Гитлера, что на Вильгельм-штрассе опасаются нацистского путча.

Опасения эти не были лишены оснований. 10 августа Геббельсу стало известно, что отряды СА в Берлине находятся "в состоянии боевой готовности... СА охватывают Берлин еще более тесным кольцом. На Вильгельмштрассе сильно обеспокоены".

На следующий день фюрер понял, что не может ждать дольше. Сел в машину и помчался в Берлин. Там он постарается "не мозолить глаза", но все же будет где-то рядом, если вдруг понадобится. Однако он никому не понадобился. Тогда он сам попросил аудиенции у президента, решив предварительно переговорить со Шлейхером и Папеном.

Беседа состоялась в полдень 13 августа. Она прошла бурно. Шлейхер ловко изменил свою позицию, которую занимал неделю назад. Теперь он согласен с Папеном, который считает, что Гитлер может претендовать, самое большее, на пост вице-канцлера. Гитлер пришел в ярость: либо канцлером, либо никем. Папен прервал разговор, заявив, что оставляет "окончательное решение" за Гинденбургом {В своих мемуарах Папен не указывает, что на беседе присутствовал Шлейхер, но, судя по другим источникам, он там был. Это важная деталь, если иметь в виду последующие события. — Прим. авт. }.

Разгневанный фюрер отбыл в отель "Кайзерхоф", расположенный неподалеку от места встречи. А в 3 часа пополудни в его номер позвонили из приемной президента. Кто-то (видимо, Геббельс, если судить по его дневниковой записи) спросил звонившего: "А что, решение уже принято? Если да, то нет смысла ехать". На это последовал ответ: "Президент хочет сначала побеседовать с Гитлером".

Престарелый фельдмаршал принял лидера нацистов в своем кабинете стоя, опершись на трость, как бы подчеркивая этим свою недоброжелательность. Гинденбург в свои восемьдесят пять лет, учитывая, что всего десять месяцев назад он перенес огромное нервное напряжение,

длившееся более недели, на удивление не утратил ясности ума. Он терпеливо слушал Гитлера, пока тот снова и снова требовал предоставления ему поста канцлера и полноты власти. Кроме Отто Мейснера, статс-секретаря канцелярии президента, и Геринга, сопровождавшего Гитлера, на беседе никто не присутствовал, и хотя Мейснер не столь уж надежный источник, его показания в Нюрнберге оказались единственным подлинным свидетельством того, что произошло дальше. И звучит оно вполне правдоподобно.

Гинденбург ответил, что ввиду напряженного положения он не может с чистой совестью рисковать передачей власти новой партии, каковой является партия национал-социалистов, которая не располагает большинством и которая так нетерпима, криклива и недисциплинированна. Далее Гинденбург — его голос выдавал волнение — сослался на ряд недавних событий: столкновения нацистов с полицией, акты насилия со стороны последователей Гитлера против тех, кто придерживается иных взглядов, хулиганские выходки в отношении евреев и другие действия. Все эти инциденты укрепили его во мнении, что в рядах партии много людей распущенных, не поддающихся контролю...

После долгих пререканий Гинденбург заявил: пусть Гитлер скажет во всеуслышание, что готов сотрудничать с другими партиями, в частности с правыми и с "Центром", и откажется от необоснованного требования неограниченной власти. Сотрудничая с другими партиями, он получит возможность доказать, чего может достичь и что улучшить. При наличии положительных результатов ему и в составе коалиционного правительства нетрудно будет добиться не только ощутимого, но и решающего влияния. Это лучший способ рассеять распространенное опасение, что правительство национал-социалистов, злоупотребив властью, начало бы преследовать инакомыслящих и в конце концов уничтожило бы их. Он готов пойти на включение Гитлера и представителей его движения в состав коалиционного правительства, взять же на себя ответственность за предоставление Гитлеру исключительных прав не может... Однако Гитлер стоял на своем. Он заявил, что не желает ставить себя в положение человека, вынужденного торговаться с лидерами других партий из-за состава коалиционного правительства.

Итак, переговоры не привели к соглашению. Но перед тем как прервать аудиенцию, президент, по-прежнему стоя, прочел нацистскому лидеру строгую нотацию. По выражению официального коммюнике, переданного в печать сразу по окончании встречи, Гинденбург "выразил сожаление, что господин Гитлер не счел для себя возможным поддержать

идею формирования национального правительства, пользующегося доверием президента страны, вопреки обещанию, данному им перед выборами в рейхстаг". На глазах у почтенного президента Гитлер нарушил данное им слово, но это не должно повториться в будущем. "Президент, — говорилось далее в коммюнике, — решительно потребовал, чтобы национал-социалистская оппозиция вела себя по-рыцарски, и указал Гитлеру на его ответственность перед родиной и немецким народом".

Коммюнике об этой встрече, переданное в редакции Гинденбурга и утверждавшее, что Гитлер требовал "полноты государственной власти", было опубликовано с такой поспешностью, что застало пропагандистский аппарат Геббельса врасплох и сильно уронило авторитет Гитлера в глазах не только широкой публики, но и самих нацистов. Как ни старался Гитлер уверить, что он требовал не "полноты власти", а только пост канцлера и несколько министерских портфелей, словам Гинденбурга верили больше.

А между тем мобилизованные штурмовики рвались в бой. В тот же вечер Гитлер созвал их командиров и объяснил ситуацию. "Задача не из легких, — записал Геббельс. — Кто знает, удастся ли удержать их в узде. Нет ничего труднее, чем сказать воодушевленным успехом войскам, что победа упущена". Поздно вечером маленький доктор искал утешения в чтении писем Фридриха Великого, а наутро спешно отправился отдыхать на Балтийское побережье. "Унылая атмосфера царит в среде товарищей по партии, — писал он. — Надо хоть на неделю избавиться от разговоров о политике. Хочу только солнца, света, воздуха и покоя".

Отбыл в свой Оберзальцберг и Гитлер — тоже подышать воздухом и поразмыслить о ближайшем будущем. Верно заметил Геббельс, что "первый большой шанс упущен". Герман Раушнинг, тогдашний лидер нацистов в Данциге, навестивший Гитлера, застал его в мрачном настроении. "Мы должны быть беспощадными", — сказал ему Гитлер и разразился бранью в адрес Папена. Но надежды он не терял. Временами заговаривал таким тоном, словно он уже канцлер. "Моя задача сложнее, чем у Бисмарка, — говорил он. — Мне сначала предстоит создать нацию, а уж потом двинуться к поставленной цели". А что будет, если Папен и Шлейхер установят военную диктатуру и запретят нацистскую партию? Гитлер вдруг спросил Раушнинга: имеет ли вольный город Данциг (в то время им управляла Лига Наций) договор с Германией о выдаче преступников? Тогда Раушнинг не понял вопроса. Однако очевидно, что фюрера интересовало место, которое могло служить политическим убежищем. Недаром в одной из записей Геббельса говорится о "слухах, будто Гитлер арестован". И все же даже теперь, после провала переговоров с рейхспрезидентом и

правительством Папена и Шлейхера, несмотря на опасение, что его партия будет объявлена вне закона, он упорно стоял за легальный путь прихода к власти. Он принял меры к тому, чтобы прекратить всякие разговоры о путче. Если исключить случаи, когда его одолевали приступы ипохондрии, он не терял уверенности, что достигнет цели. Не с помощью силы, не посредством завоевания парламентского большинства, что вряд ли было возможно, а тем же путем, каким шли к власти Шлейхер и Папен: путем закулисных интриг. Вот игра, в которую он будет играть.

Прошло немного времени, и он показал, как это делается. 25 августа Геббельс беседовал с Гитлером, после чего записал:

"Мы связались с партией "Центр" хотя бы для того, чтобы припугнуть наших противников". Вернувшись на другой день в Берлин, он обнаружил, что Шлейхер уже осведомлен о пущенных нацистами "пробных шарах в партии "Центр". А потом встретился и с самим генералом, чтобы убедиться в этом окончательно. У него сложилось впечатление, что Шлейхер обеспокоен перспективой альянса Гитлера с католическим "Центром", ибо в этом случае они составили бы абсолютное парламентское большинство. Говоря о личности Шлейхера Геббельс записал: "Не знаю, где кончается его искренность, а где начинается фальшь".

Контакты с партией "Центр", не рассчитанные, по словам Геббельса, на большее, чем оказание давления на правительство Папена, привели, однако же, к фарсовой ситуации, жертвой которой в конечном счете стал этот канцлер-кавалерист. 30 августа состоялось заседание палаты, на котором центристы вместе с нацистами проголосовали за избрание Геринга председателем рейхстага. 12 сентября, когда рейхстаг вновь собрался на заседание, председательское место на нем занял представитель национал-социалистов, и надо признать, что Геринг сполна воспользовался своим положением. Папен, готовясь к заседанию, заручился президентским декретом на право роспуска парламента, и это был тоже первый случай, когда рейхстагу подписывали смертный приговор еще до того, как он приступил к выполнению своих обязанностей. Но Папен не позаботился захватить этот документ с собой, полагая, что на первом рабочем заседании он ему не понадобится. При нем был лишь текст речи, посвященной программе деятельности правительства. Папена предупреждали, что если коммунисты предложат вынести вотум недоверия правительству (такое предложение ожидалось), то кто-нибудь из депутатов-националистов по согласованию с другими партиями выступит против. Возражения одного из более чем 600 депутатов было бы достаточно, чтобы голосование по этому вопросу отложили на более позднее время. Однако, когда Эрнст Торглер,

лидер коммунистов, внес свое предложение как дополнение к повестке дня, ни представитель националистов, ни представитель какой-либо другой партии не встал и не возразил. Фрик от имени депутатов-нацистов попросил объявить получасовой перерыв.

Папен срочно послал в канцелярию курьера, приказав принести текст декрета. "Ситуация сложилась серьезная, — писал он потом в своих мемуарах. — Меня застигли врасплох".

Тем временем Гитлер посовещался со своей парламентской фракцией, собравшейся через улицу во дворце председателя рейхстага. Нацисты оказались в затруднении, перед ними встала дилемма. Националисты подвели их, не внося предложения перенести голосование на другое время. Теперь, чтобы свалить правительство Папена, гитлеровской партии придется вместе с коммунистами голосовать за их предложение. Как ни неприятно было выступать заодно с коммунистами, Гитлер решил проглотить эту горькую пилюлю. Он приказал своим депутатам голосовать за поправку коммунистов и свергнуть Папена до того, как тот распустит рейхстаг. Разумеется, чтобы осуществить это, Геринг, как председатель, должен будет проделать несколько хитроумных трюков с парламентской процедурой. Бывший ас, человек смелый и не лишенный способностей (это он докажет и на более широком поле деятельности), он успешно справился с поставленной задачей.

Получасовой перерыв кончился, и в зале появился Пален со знакомой красной папкой, в которой по традиции хранился декрет о роспуске парламента. Но когда он попросил слова, чтобы зачитать текст, председатель рейхстага ухитрился не заметить его, хотя Папен с покрасневшим лицом размахивал листом бумаги на виду у собравшихся. Это видели все, кроме Геринга. А тот с ухмылкой, глядя в другую сторону, предложил немедленно приступить к голосованию. К этому времени лицо Папена из красного сделалось белым — так он негодовал. Он подошел к председателю и бросил лист бумаги ему на стол. Геринг, не глядя на него, снова предложил голосовать. Папен в сопровождении министров (ни один из них не был депутатом рейхстага) демонстративно покинул зал. Депутаты проголосовали: 513 голосов против правительства, 32 — за. Лишь после этого Геринг заметил наконец лежавший перед ним лист. Он огласил текст и объявил декрет, на котором стояла подпись канцлера, уже смещенного конституционным большинством, недействительным.

Кто в Германии выиграл от этого фарсового представления и как много выиграл — тогда трудно было сказать. Но то, что щеголя Папена сделали посмешищем, не вызывало никаких сомнений; однако он, как заметил в

разговоре с другом посол Франсуа-Понсе, и всегда-то был посмешищем. Своим голосованием рейхстаг достаточно красноречиво показал, что подавляющее большинство немцев настроено против специально подобранного состава президентского кабинета министров. Однако не отразила ли эта правительственная неразбериха дальнейшее ослабление веры общественности в парламентскую систему? А нацисты? Не показали ли они себя людьми: не только безответственными, но и способными ради достижения, корыстных целей пойти даже на союз с коммунистами? И не устали ли граждане от выборных кампаний и не окажутся ли нацисты, перед фактом потери голосов в результате неизбежных новых выборов? Грегор Штрассер и даже Фрик считали, что окажутся и что и такая потеря может обернуться катастрофой для партии. Но, как и записал в тот же вечер Геббельс, фюрер "был весьма доволен случившимся. Он снова принял четкое, безошибочное решение".

Рейхстаг быстро признал декрет о роспуске действительным, и на 6 ноября были назначены новые выборы. Нацистам они сулили определенные трудности. Как писал Геббельс, народ устал от политических речей и пропаганды. В дневнике 15 октября он отметил, что даже партийные функционеры "стали очень раздражительны из-за нескончаемых выборов. Они перетрудились... " Возникли и финансовые осложнения. Крупные промышленники и финансисты стали поворачиваться в сторону Палена, сделавшего им ряд уступок. Их возрастающее недоверие, напоминал Фрик, вызывали и отказ Гитлера от сотрудничества с Гинденбургом, и его усиливающийся, как им казалось, крен в сторону крайностей в политике, и его стремление, как показал известный эпизод в рейхстаге, действовать даже заодно с коммунистами. Геббельс также не преминул отметить в своем дневнике: "Добывать деньги невероятно трудно. Все господа из "Собственности и образования" на стороне правительства".

За несколько дней до выборов нацисты примкнули к коммунистам при проведении забастовки транспортных рабочих в Берлине — забастовки, не поддержанной профсоюзами и социалистами. Это повлекло за собой дальнейшее сокращение притока финансовых средств со стороны деловых кругов как раз в тот момент, когда нацистская партия больше всего нуждалась в деньгах для успешного проведения кампании. 1 ноября Геббельс с грустью констатировал:

"Нехватка средств стала нашей хронической болезнью. Их слишком мало, чтобы как следует провести кампанию. Многие представители буржуазных кругов напуганы нашим участием в стачке. Даже в партии

нашлось немало товарищей, которые заколебались". 5 ноября, в канун выборов: "Последний приступ. Отчаянные попытки партии избежать поражения. В последний момент нам удалось наскрести 10 тысяч марок. В субботу днем они будут брошены на нужды кампании. Мы сделали все, что могли. Теперь пусть решает судьба".

6 ноября судьба и избиратели решили ряд вопросов, но не настолько основательно, чтобы определить будущее слабеющей республики. Нацисты потеряли два миллиона голосов и 34 места в рейхстаге, сохранив за собой 196 мест. За коммунистов проголосовало на три четверти миллиона больше, чем на предыдущих выборах, а за социал-демократов — на столько же меньше. В результате коммунисты получили 100 мест (было 89), а социалисты 121 (было 133). Немецкая национальная партия — единственная оставшаяся на стороне правительства — получила дополнительно около миллиона голосов (очевидно, за счет нацистов) и имела теперь 52 места (было 37). Хотя национал-социалисты и продолжали оставаться крупнейшей партией в стране, потеря двух миллионов голосов была весьма ощутимой. Впервые огромный прилив нацизма пошел на убыль, причем от точки, далеко не достигшей уровня требуемого большинства. Легенда о ее непобедимости рассеялась как дым. Позиции Гитлера ослабели после июля и уже не позволяли торговаться с кем-либо за власть.

Понимая это, Папен отбросил, как он выразился, "личную неприязнь" к Гитлеру и 13 ноября послал ему письмо, приглашая "обсудить обстановку". Но Гитлер выдвинул в своем ответе такие условия, что Папен оставил всякую надежду на взаимопонимание с ним. Непримируемость нацистского лидера не удивила ветреного, недалекого канцлера, но что его озадачило, так это новый курс его друга и наставника Шлейхера. Ибо этот скользкий махинатор решил, что Папен, подобно его предшественнику Брюнингу, больше ему не нужен. В его деятельном мозгу родились новые планы. Его добрый друг Папен должен уйти. Надо развязать президенту руки, чтобы он мог вести дело с политическими партиями, особенно с крупнейшими. По настоянию Гинденбурга 17 ноября Папен и его министры подали в отставку, и президент немедленно послал за Гитлером.

Их встреча, состоявшаяся 19 ноября, проходила в более теплой атмосфере, чем та, что имела место 13 августа. На этот раз президент предложил Гитлеру кресло и провел с ним более часа. Гинденбург предоставил ему выбор: либо пост канцлера, если он сможет склонить реальное большинство депутатов рейхстага в пользу определенной программы, либо пост вице-канцлера в новом президентском кабинете под

руководством Папена, который будет управлять посредством чрезвычайных декретов. 21 ноября Гитлер встретился с президентом еще раз, а потом обменялся несколькими письмами с Мейснером. Но к согласию они не пришли. Гитлер заявил, что не сможет обеспечить реальное большинство в парламенте. Хотя партия "Центр" и согласилась поддерживать его при условии, что он не будет домогаться диктаторских полномочий, от Гинденбурга как выразителя воли националистов таких заверений не поступило. Тогда Гитлер потребовал поста главы президентского кабинета на прежних условиях. Гинденбург не пошел на это. Уж если кабинету министров и дальше придется править посредством чрезвычайных декретов, то президент предпочтет видеть на посту канцлера своего друга Папена. В письме, посланном от его имени Мейснером, Гитлеру было заявлено, что он не может рассчитывать на этот пост, ибо "в этом случае кабинет министров непременно превратится в орудие партийной диктатуры... Я не могу взять на себя за это ответственность, нарушив присягу и идя против совести". А что же Гитлер? Постучался еще раз в дверь — она чуть-чуть приоткрылась и тотчас снова захлопнулась.

Такого исхода и ожидал Папен. Направляясь вечером 1 декабря вместе со Шлейхером на прием к Гинденбургу, он был уверен, что его вновь назначат канцлером. Он и не подозревал, какие планы вынашивал интриган Шлейхер. А тот, встретившись со Штрассером, высказал предложение: если нацисты не желают входить в правительство Папена, то, может, захотят войти в его, Шлейхера, кабинет, если он станет канцлером? После этого разговора Гитлера пригласили в Берлин для консультаций с генералом. Согласно одной из версий, широко распространенной немецкой печатью и впоследствии признанной большинством историков, фюрер отправился вечерним поездом из Мюнхена в Берлин, но по дороге, в Йене, уже глубокой ночью был задержан Герингом и тайно препровожден в Веймар на совещание нацистской верхушки. Однако более вероятной, как ни странно, нам представляется другая версия, исходящая из самих нацистских источников. Дневниковая запись Геббельса за 30 ноября свидетельствует, что Гитлер действительно получил телеграмму с просьбой срочно прибыть в Берлин, но решил не торопиться. Пусть Шлейхер подождет, а он пока посоветуется со своими сподвижниками в Веймаре, где ему предстоит выступить в связи с началом кампании по выборам в ландтаг Тюрингии.

На этом совещании, состоявшемся 1 декабря (в нем участвовала "большая пятерка": Геринг, Геббельс, Штрассер, Фрик и Гитлер), выявились серьезные разногласия. Штрассер и поддержавший его Фрик

считали, что нацисты должны отнестись к правительству Шлейхера по крайней мере терпимо, хотя лично Штрассер предпочел бы войти в его состав. Геринг и Геббельс решительно возражали против такого курса. Гитлер взял сторону последних. На другой день он встретился с посланным Шлейхером человеком, неким майором Оттом, и попросил посоветовать генералу не принимать пост канцлера. Но было уже поздно.

Папен и не догадывался об интриге, которую плел за его спиной Шлейхер. 1 декабря в начале совещания у президента он бойко изложил свои планы на будущее, полагая, что останется на посту канцлера и будет править с помощью чрезвычайных декретов, а рейхстаг пусть остается как есть, пока он, Папен, "не исправит конституцию". Суть поправок, которые он хотел внести, сводилась к тому, чтобы вернуть страну к временам империи и восстановить власть консервативных классов. В своих показаниях на Нюрнбергском процессе и в мемуарах он признал, как признавался фельдмаршалу, что его предложения о поправках предусматривали "нарушение президентом действующей конституции". Но он заверил Гинденбурга, что "его совесть будет чиста, поскольку он ставит благополучие нации выше клятвы верности конституции". Точно так же, добавил он, поступил в свое время Бисмарк, когда дело коснулось "интересов страны".

К великому удивлению Папена, Шлейхер прервал его и стал возражать. Играя на явном нежелании президента нарушать клятву верности конституции, если этого можно избежать (а избежать, считал генерал, можно), он заявил, что поверит в реальность существования правительства, способного завоевать на свою сторону большинство депутатов рейхстага, если во главе этого правительства поставят его, Шлейхера. Он убежден, что ему удастся отколоть от Гитлера по крайней мере 60 нацистских депутатов, в том числе Штрассера. К этой группе нацистов он сможет добавить представителей мелкобуржуазных партий, а также социал-демократов. Он даже считает, что его поддержат и профсоюзы.

Возмущенный такой идеей, Гинденбург повернулся лицом к Папену и предложил ему немедленно приступить к формированию кабинета. "Шлейхер, — свидетельствовал потом Папен, — был явно ошеломлен". После ухода от президента они долго спорили, но ни до чего не договорились. Расставаясь с Папеном, Шлейхер повторил знаменитые слова, которыми напутствовали когда-то Лютера, отправлявшегося в Вормс: "Маленький инок, ты избрал тяжелый путь".

В том, насколько этот путь тяжел, Папен убедился на следующий день,

в девять часов утра, на созванном им заседании кабинета.

"Шлейхер встал, — говорит Папен, — и объявил, что нет никакой возможности выполнить директиву, данную мне президентом. Всякая попытка выполнить ее ввергнет страну в хаос. В случае гражданской войны ни полиция, ни вооруженные силы не смогут обеспечить бесперебойную работу транспорта и системы снабжения. Генеральный штаб тщательно изучил этот вопрос, подготовил доклад и поручил майору Отту (его автору) представить этот доклад кабинету министров".

Вслед за тем генерал пригласил в зал заседаний майора Ойгена Отта (позднее он станет гитлеровским послом в Токио) и попросил представить доклад. Если сказанное Шлейхером потрясло Папена, то появление Отта с таким докладом повергло в ужас. А Отт просто сказал, что "защита границ и поддержание порядка, нарушаемого нацистами и коммунистами, не под силу военным частям, имеющимся в распоряжении федерального и земельных правительств. В связи с этим правительству рейха рекомендуется воздержаться от объявления чрезвычайного положения".

К великому удивлению и огорчению Папена, немецкая армия, некогда спровадившая кайзера, а совсем недавно устранившая по подсказке Шлейхера генерала Гренера и канцлера Брюнинга, избавлялась теперь от него. С этой вестью он немедленно отправился к Гинденбургу, надеясь, что президент, вняв его совету, сместит Шлейхера с должности министра обороны и утвердит его, Папена, в должности канцлера.

"Мой дорогой Папен, — отвечал президент, — вы плохого обо мне мнения, если полагаете, что я изменю свое решение. Я слишком стар и слишком много пережил, чтобы брать на себя ответственность за гражданскую войну. Наша единственная надежда — Шлейхер. Пусть он попытает счастья".

"По щекам Гинденбурга скатились две крупные слезы", — вспоминает Папен. Через несколько часов, когда уволенный канцлер собирал со своего письменного стола бумаги, ему принесли фотографию президента с надписью: "Ich hatt' einen Kameraden! " {У меня был друг (нем.) — слова из популярной солдатской песни времен первой мировой войны. — Прим. ред. } На, следующий день Гинденбург прислал ему записку, написанную собственной рукой, в которой извещал, что с тяжелым сердцем освобождает его от должности, и еще раз заверил в "неизменном доверии" к нему. Президент писал правду и в скором времени сумел это доказать.

2 декабря Курт фон Шлейхер стал канцлером — первым генералом, занявшим этот пост после генерала графа Георга Лео фон Каприви де Капра де Монтекукколи, заменившего Бисмарка в 1890 году.

Многосложные интриги возвели наконец Шлейхера на высшую должность как раз в тот момент, когда экономический спад, о котором он не имел понятия, достиг наивысшей точки, когда рушилась Веймарская республика, которой он причинил так много вреда, когда никто ему уже не верил — не верил даже президент, которым он так долго манипулировал. Дни его пребывания на вершине власти были сочтены — это знали почти все, кроме него. И нацисты в этом не сомневались. В дневнике Геббельса за 2 декабря имеется запись: "Шлейхера назначили канцлером. Долго он не протянет".

Так же думал и Папен. Он страдал от уязвленного самолюбия и жаждал отомстить "другу и преемнику", как он именует его в своих мемуарах. Чтобы убрать Папена с дороги, Шлейхер предложил ему должность посла в Париже, но тот отказался. Президент, как указывает Папен, хотел, чтобы он оставался в Берлине "в пределах досягаемости". Берлин служил ему самым удобным местом для плетения интриг против главного интригана. Живой, энергичный Папен взялся за дело. К концу 1932 года, прошедшего в атмосфере раздоров и междоусобиц, Берлин погряз в заговорах и контрзаговорах. Кроме интриг, которые плели друг против друга Папен и Шлейхер, не затихала возня и в президентском дворце вокруг президента, активную роль в которой играли сын Гинденбурга Оскар и статс-секретарь Мейснер. Кишел заговорами и отель "Кайзерхоф", где Гитлер и его окружение не только замыслили захват власти, но и строили взаимные козни. В конце концов сети интриг настолько переплелись, что к началу 1933 года никто из заговорщиков не мог сказать точно, кто кого предает. Но пройдет немного времени, и все выяснится.

Шлейхер — последний канцлер республики

"Я находился у власти всего пятьдесят семь дней, — сказал как-то Шлейхер в беседе с тактичным французским послом, — и не проходило дня без того, чтобы меня кто-нибудь не предавал. Так что не толкуйте вы мне о "немецкой порядочности"! " Лучшим подтверждением его слов были собственная карьера Шлейхера и его практические дела.

Свою деятельность в качестве канцлера Шлейхер начал с того, что, не сумев заполучить в свой кабинет Гитлера, предложил посты вице-канцлера и министра-президента Пруссии Грегору Штрассеру, надеясь тем самым внести раскол в ряды нацистов. Имелось основание полагать, что расчет его оправдается. Штрассер являлся вторым человеком в партии, а в ее левом крыле, искренне верившем в национал-социализм, пользовался даже большим влиянием, чем Гитлер. В качестве руководителя Политической организации он был непосредственно связан со всеми нацистскими

лидерами в землях и городах и мог, казалось, рассчитывать на их преданность. К этому времени он укрепился в мысли, что Гитлер завел движение в тупик. Сторонники более радикальной политики стали переходить на сторону коммунистов. Опустела партийная касса. Фрицу Тиссену было строго рекомендовано прекратить выдачу субсидий движению. Не было даже денег на выплату жалованья тысячам партийных функционеров и на содержание отрядов СА (одни эти отряды обходились партии в два с половиной миллиона марок в неделю). Типографии, печатавшие обширную нацистскую прессу, грозились остановить машины, если им не заплатят по просроченным счетам.

11 ноября Геббельс записал в дневнике: "Финансовое положение берлинской организации безнадежно. Ничего, кроме долгов и обязательств". А в феврале он пожаловался, что придется сократить жалованье партийным функционерам. В довершение всего земельные выборы в Тюрингии, состоявшиеся 3 декабря, в тот день, когда Шлейхер вызвал к себе Штрассера, показали, что нацисты потеряли 40 процентов голосов. Стало очевидно, по крайней мере Штрассеру, что посредством голосования нацистам прийти к власти не удастся. Посему он настаивал, чтобы Гитлер отказался от девиза "Все или ничего" и брал то, что дают, то есть вошел бы в коалиционное правительство Шлейхера. В противном случае, предостерегал он, партия развалится. Эту мысль он высказывал на протяжении нескольких месяцев, и дневниковые записи Геббельса за период с середины лета до декабря полны горьких сетований на "нелояльность" Штрассера по отношению к Гитлеру.

5 декабря на совещании нацистской верхушки в "Кайзерхофе" произошли открытые дебаты. Штрассер потребовал, чтобы нацисты терпимо отнеслись к правительству Шлейхера. Его поддержал Фрик — глава нацистской парламентской фракции, многие члены которой боялись лишиться депутатского жалованья, если Гитлер спровоцирует новые выборы. Геринг и Геббельс резко выступили против Штрассера и склонили на свою сторону Гитлера. Тот не пожелал "терпеть" режим Шлейхера, хотя, оказывается, по-прежнему готов был "вести с ним переговоры". И миссию эту он возлагает на Геринга (он уже был осведомлен, что за два дня до этого у Штрассера состоялась доверительная беседа с канцлером). 7 декабря Гитлер и Штрассер снова встретились в "Кайзерхофе" для откровенного разговора. Встреча закончилась громким скандалом. Гитлер обвинил своего главного сподвижника в том, что тот пытается нанести ему удар в спину, отстранить от руководства партией и расколоть нацистское движение. Штрассер гневно отверг все обвинения, уверяя, что никогда не

занимался двурушничеством, и в свою очередь обвинил Гитлера в том, что тот ведет партию к гибели. Видимо, во время той перепалки он высказал Гитлеру не все, что у него накопилось после событий 1925 года. Вернувшись в номер отеля "Эксельсиор", где он остановился, Штрассер изложил все это в письме к Гитлеру, закончив просьбой освободить его от всех занимаемых в партии постов.

Это письмо, доставленное Гитлеру 8 декабря, произвело, как; сказано в дневнике Геббельса, впечатление "разорвавшейся бомбы". В "Кайзерхофе" воцарилась кладбищенская тишина. "Все мы удручены и подавлены", — признался Геббельс. Это был жестокий удар.

Таких ударов Гитлер не испытывал на себе с 1925 года — с тех пор, как реорганизовал партию. Именно сейчас, когда он стоит, можно сказать, в преддверии власти, его главный соратник бежит от него, грозя уничтожить все то, что он создал за последние семь лет.

"Вечером, — записал Геббельс, — к нам домой пришел фюрер. Трудно казаться веселым. Все мы угнетены еще и потому, что существует опасность полного развала партии. Все наши усилия оказались напрасными... Телефонный звонок от д-ра Лея. Положение в партии ухудшается с каждым часом. Фюрер должен немедленно вернуться в "Кайзерхоф".

В два часа ночи Геббельса вызвали к Гитлеру. Штрассер успел передать информацию утренним газетам, которые уже появились на улицах. Вот реакция Гитлера, воспроизведенная Геббельсом: "Измена! Измена! Измена! Несколько часов кряду фюрер метался по гостиничному номеру. Акт предательства ожесточил его и глубоко ранил. Наконец он остановился и сказал: "Если партия распадется, то один лишь выстрел — и через три минуты все кончено".

Но партия не распалась, и Гитлер не застрелился. Возможно, Штрассер и достиг бы своей цели, что коренным образом изменило бы ход истории, однако в решающий момент он сдал позиции. С согласия Гитлера Фрик разыскивал его по всему Берлину, чтобы попытаться как-то уладить конфликт и тем спасти партию от катастрофы. Но Штрассеру надоела вся эта история, и он, сев в поезд, отправился отдыхать в солнечную Италию. Гитлер же, оказывавшийся на высоте всякий раз, когда обнаруживал слабину у своих противников, действовал быстро и решительно. Политическую организацию — детище Штрассера — он возглавил лично, а начальником штаба назначил д-ра Лея, гауляйтера Кельна. Приближенные Штрассера были изгнаны, а все лидеры партии приглашены в Берлин подписать новую декларацию верности Адольфу Гитлеру, что они и

сделали.

И снова коварный австриец вывернулся из положения, которое могло стать для него роковым. А Грегор Штрассер, которого многие считали фигурой покрупнее Гитлера, быстро сошел со сцены. В дневниковой записи Геббельса за 9 декабря он значился "мертвецом". Два года спустя, когда Гитлер начал сводить старые счета, он стал мертвецом уже не в переносном, а в буквальном смысле.

10 декабря, через неделю после того, как генерал фон Шлейхер дал ему подножку, Франц фон Папен начал плести собственную интригу. Вечером того же дня он выступил в закрытом клубе "Геррен-клуб", объединявшем представителей аристократических и крупных финансовых кругов (из них он сформировал свой недолговечный кабинет), после чего имел частную беседу с бароном Куртом фон Шредером — кельнским банкиром, оказывавшим финансовую помощь национал-социалистской партии. В этой беседе он попросил названного финансиста устроить ему тайную встречу с Гитлером. В своих мемуарах Папен утверждает, что Шредер сам подсказал ему мысль о такой встрече, а он, дескать, согласился. По странному совпадению мысль о встрече высказал ему от имени нацистского лидера и Вильгельм Кепплер, экономический советник Гитлера и один из посредников между ним и деловыми кругами. И вот два человека, бывшие всего несколько недель назад в столь неприязненных отношениях, съехались утром 4 января в Кельн, в дом Шредера, чтобы побеседовать, как они надеялись, в обстановке строжайшей секретности. К удивлению Папена, еще у входа его встретил какой-то человек и сфотографировал, однако он тотчас забыл о нем. Но наутро ему об этом напомнили. Гитлер явился в сопровождении Гесса, Гиммлера и Кепплера. Он оставил их в гостиной, сам же прошел в кабинет Шредера, где и провел два часа наедине с Папеном и хозяином Дома. Сперва беседа не налаживалась, так как Гитлер начал упрекать Папена за плохое отношение к нацистам в бытность его канцлером, но скоро переключилась на то главное, что определило потом судьбу обоих собеседников и страны в целом.

Момент для шефа нацистов был решающий. После бегства Штрассера он лишь ценой нечеловеческих усилий сохранил целостность партии. Исколесил всю страну, выступая по три-четыре раза в день на собраниях, призывая лидеров партии держаться вместе, следовать его курсу. Но настроение у нацистов по-прежнему было подавленное, финансовое положение партии — бедственное. Многие предрекали ей скорый конец. Настроение в партии нашло отражение в дневниковых записях Геббельса за

последние недели года: "1932 год принес нам сплошные несчастья... Прошлое было трудным, будущее выглядит мрачным и унылым; не видно перспективы, пропала надежда". Из этого следует, что положение Гитлера было далеко не такое выгодное, как прошлым летом и осенью, чтобы торговаться, однако не в лучшем положении находился и Папен, лишенный должности канцлера. И они, как друзья по несчастью, сошлись во мнениях.

Условия, на которых они встретились, являются предметом споров. Папен утверждал на Нюрнбергском процессе и в своих мемуарах, что не стремился действовать во вред Шлейхеру, а лишь рекомендовал Гитлеру войти в состав кабинета, формируемого генералом. Но, зная по опыту, как часто Папен делал лживые заявления и учитывая его естественное желание выставить себя в лучшем свете что нашло подтверждение в дальнейших событиях, более достоверной представляется картина, нарисованная на том же процесс(Шредером. Этот банкир показал, что в действительности Папен предлагал заменить кабинет Шлейхера кабинетом Гитлера — Папена, которым они руководили бы на равных.

Однако "Гитлер... сказал: если он станет канцлером, то будет подлинным главой правительства. Сторонники же Папена могут участвовать в нем в качестве министров, если захотят следовать его курсу многих перемен. Эти перемены включают устранение с руководящих постов социал-демократов, коммунистов и евреев и восстановление общественного порядка в Германии. Фон Папен и Гитлер в принципе договорились... Они согласились разработать дальнейшие детали в Берлине или в другом удобном месте".

Переговоры, разумеется, велись в обстановке строжайшей секретности. Однако 5 января, к ужасу Папена и Гитлера, утренние берлинские газеты вышли с громадными заголовками, сообщавшими о встрече в Кельне, с ругательными редакционными статьями в адрес Папена за его предательство в отношении Шлейхера. Хитрый генерал, будучи человеком догадливым, послал в Кельн своих людей; в их числе, как потом понял Папен, был и тот самый фотограф, который снимал его возле дома Шредера.

Помимо договоренности с Папеном Гитлер извлек из кельнской встречи два весьма ценных для него урока. Во-первых, он узнал от бывшего канцлера, что Гинденбург не сохранил за Шлейхером права на роспуск рейхстага. Это означало, что нацисты, заблокировавшись с коммунистами, могут, когда захотят, легко сместить Шлейхера. Во-вторых, во время беседы ему дали понять, что деловые круги западной части Германии намерены взять на себя долги нацистской партии. Через два дня

после кельнских переговоров Геббельс упоминал о "приятных событиях в политической жизни", но все еще жаловался на "скверное финансовое положение". А уже через десять дней, 16 января, отметил, что финансовое положение партии "за две недели коренным образом улучшилось".

Тем временем канцлер Шлейхер, не теряя оптимизма — близорукого, если не сказать больше, — продолжал попытки создать жизнеспособное правительство. 15 декабря он выступил по радио с неофициальным обращением к нации, призывая забыть, что он генерал, и уверяя слушателей, что он не поддерживает "ни капитализм, ни социализм" и что его уже не приводят в ужас "такие понятия, как частная и плановая экономика". Основная задача Шлейхера, по его словам, состоит в том, чтобы дать работу безработным и вернуть устойчивость экономике государства. Налоги повышаться не будут, зарплата понижаться тоже не будет. Он даже идет на то, чтобы отменить последнее решение Папена о сокращении зарплаты и пособий. Кроме того, он отменяет квоты сельскохозяйственного производства, введенные в угоду крупным землевладельцам, и приступает к осуществлению планов, предусматривающих отчуждение у разорившихся юнкеров восточной части страны 800 тысяч акров земли и раздачу ее 25 тысячам крестьянских семей. Цены на такие предметы первой необходимости, как уголь и мясо, подлежат строгому контролю.

Это была попытка заручиться поддержкой тех самых масс, которым он доселе противопоставлял себя и интересы которых игнорировал. За выступлением по радио последовали беседы Шлейхера с лидерами профсоюзов, у которых создалось впечатление, что в организованных рабочих и в армии он видит две главные будущие опоры нации. Однако рабочие профсоюзы не захотели сотрудничать с человеком, к которому не питали никакого доверия. Что касается промышленников и крупных землевладельцев, то они ополчились на нового канцлера за его программу, которую называли не иначе как большевистской, а дружеские жесты Шлейхера в адрес профсоюзов привели их в смятение. Владельцы крупных поместий негодовали по поводу его решения уменьшить государственные субсидии помещикам и приступить к экспроприации разорившихся поместий в Восточной Германии. 12 января "Ландбунд", объединение крупных помещиков, выступил с яростными нападка на правительство, а его руководство, в состав которого входили двое нацистов, заявило протест президенту. Гинденбург, сам ставший юнкером-землевладельцем, призвал канцлера к ответу. Тогда Шлейхер пригрозил опубликовать секретный доклад рейхстага об афере "Восточная помощь". В этом скандальном деле,

о котором все знали, были замешаны сотни юнкерских семейств, разжиревших на безвозмездных государственных "займах", а также косвенно сам президент, поскольку восточно-прусское поместье, подаренное ему было незаконно зарегистрировано на имя его сына, что освобождало последнего от налога на наследство.

Невзирая на шум, поднятый промышленниками и землевладельцами, невзирая на прохладное отношение профсоюзов, Шлейхер почему-то уверовал, что все идет гладко. По случаю праздника нового, 1933 года он и его министры нанесли визит президенту и тот обласкал их, сказав: "... Самые большие трудности позади, перед нами дорога к лучшему".

4 января, в тот день, когда Папен и Гитлер совещались в Кельне, канцлер устроил Штрассеру, возвратившемуся к тому времени из Италии, встречу с Гинденбургом. В беседе с президентом, имевшей место два дня спустя, Штрассер дал согласие войти в кабинет Шлейхера. Этот шаг внес смятение в стан нацистов, размещавшийся в тот момент на маленькой земле Липпе, где Гитлер и его главные подручные отчаянно бились за успех на местных выборах, чтобы укрепить позиции фюрера в дальнейших переговорах с Папеном. Геббельс сообщает в дневнике о появлении там в ночь на 13 января Геринга с дурными новостями о Штрассере. Главари партии, рассказывает Геббельс, всю ночь обсуждали случившееся. Все были того мнения, что если Штрассер действительно примет предложение Шлейхера, то партия окажется в весьма затруднительном положении.

Так думал и Шлейхер. 15 января в беседе с Куртом фон Шушницгом, тогдашним австрийским министром юстиции, он безапелляционно заявил, что "герр Гитлер уже не проблема, его движение больше не представляет политической угрозы, судьба его решена, он канул в прошлое".

Но Штрассер не вошел в кабинет; не вошел в него и Гугенберг, лидер националистической партии. Оба решили вернуться к Гитлеру. Штрассера без обиняков отвергли, к Гугенбергу же отнеслись радушнее. 15 января, в тот самый день, когда Шлейхер злорадно доказывал Шушницгу, что с Гитлером покончено, нацисты добились успеха на местных выборах в Липпе. Успех, правда, был не столь уж значителен. Из 90 тысяч избирателей за нацистов проголосовало 38 тысяч, или 39 процентов, — на 17 процентов больше, чем на прошлых выборах. Но Геббельс и его компания подняли такой шум вокруг этой "победы", что произвели впечатление на ряд консерваторов, включая приближенных Гинденбурга, и прежде всего статс-секретаря Мейснера и сына президента Оскара.

Вечером 22 января эти господа тайно вышли из президентского дворца, поймали такси, чтобы не бросаться в глаза посторонним, как

выразился Мейснер, и отправились в пригородный дом доселе неизвестного нациста по имени Иоахим Риббентроп, являвшегося другом Папена (во время войны они вместе служили на Турецком фронте). Там их встретили Папен, Гитлер, Геринг и Фрик. По словам Мейснера, до этого рокового вечера Оскар фон Гинденбург был против каких-либо контактов с нацистами. Возможно, Гитлер об этом знал; во всяком случае, он предложил поговорить с Оскаром "с глазу на глаз". К удивлению Мейснера, Гинденбург-младший согласился. Они уединились в соседней комнате и провели там около часа. О том, что сказал Гитлер сыну президента, не отличавшемуся ни блестящим интеллектом, ни твердостью характера, никогда не писалось. В кругу нацистов имели хождение разговоры, будто фюрер обещал и угрожал одновременно. Угрожал, в частности, обнародовать сведения о причастности Оскара к афере "Восточная помощь" и о том, каким образом ему удалось избежать уплаты налогов на поместье отца. Что касается обещаний, то о них можно судить по тому факту, что спустя несколько месяцев семья Гинденбургов присоединила к своим владениям 5 тысяч акров необлагаемой налогом земли, а Оскару, дотоле полковнику, в августе 1934 года присвоили звание генерал-майор.

Как бы то ни было, нет сомнения в том, что Гитлер произвел на сына президента сильное впечатление. "Всю дорогу, пока мы ехали обратно в такси, — показал Мейснер на процессе в Нюрнберге, — Оскар фон Гинденбург молчал. Сказал лишь, что делать нечего, надо пускать нацистов в правительство. Мне показалось, что Гитлеру удалось подчинить его своему обаянию".

Гитлеру оставалось расположить к себе отца. Сделать это, по общему признанию, было трудно: как ни ослаблены были мыслительные способности старого фельдмаршала, годы не смягчили его крутого нрава. Трудно, но не невозможно. Деятельный, как бобр, Папен не переставал обрабатывать старика. И становилось все очевиднее, что Шлейхер, несмотря на свою изворотливость, теряет почву под ногами. Не удалось ему ни привлечь нацистов на свою сторону, ни расколоть их. Не сумел он и заручиться поддержкой националистов, партии "Центр" и социал-демократов.

23 января Шлейхер посетил президента. Он признал, что не может добиться поддержки парламентского большинства, и потребовал распустить рейхстаг, чтобы править страной с помощью президентских декретов, как это предусмотрено статьей 48 конституции. По словам Мейснера, генерал просил, кроме того, "временно упразднить" рейхстаг и откровенно признался, что вынужден будете установить "военную

диктатуру". Таким образом, сколько бы Шлейхер ни хитрил и ни лавировал, он все равно оказался в том же положении, в каком находился в начале декабря Папен, только теперь они поменялись ролями. Прежде Папен требовал предоставления ему чрезвычайных полномочий, а Шлейхер возражал, заявляя, что мог бы, став канцлером, обеспечить поддерживаемое нацистами парламентское большинство. Теперь сам Шлейхер настаивал на установлении диктаторского режима, в то время как Папен, хитрая лиса, заверял фельдмаршала, что сможет склонить Гитлера на сторону правительства, которое получит поддержку парламентского большинства. Вот чем могут обернуться каверзы и интриги!

Гинденбург напомнил Шлейхеру, почему он 2 декабря сместил Папена, и указал, что с тех пор ничего нового не произошло. Поэтому он просит генерала и дальше добиваться парламентского большинства. Шлейхер понял, что дело его проиграно. Поняли это и те, кто был посвящен в его тайну. Геббельс, один из немногих посвященных, на следующий день записал: "Шлейхера свалят в любой момент — так же, как он свалил многих других".

Официальный конец карьеры генерала наступил 29 января, когда он подал президенту прошение об отставке своего кабинета. "Я уже одной ногой в могиле, — заявил Гинденбург обозленному Шлейхеру, — и надеюсь, что мне не придется потом, на небесах, сожалеть о своем решении". "После такой несправедливости, господин президент, я не уверен, что вы действительно попадете на небеса", — парировал Шлейхер и удалился с исторической сцены Германии.

В полдень того же дня президент поручил Папену выяснить, нельзя ли сформировать правительство во главе с Гитлером "на условиях, предусмотренных конституцией". В течение недели этот хитрый, честолюбивый человек тешил себя мыслью: а не предать ли ему Гитлера и не стать ли снова канцлером при поддержке Гугенберга? 27 января Геббельс записал: "До сих пор не исключено, что Папен снова станет канцлером". За день до этого Шлейхер послал главнокомандующего армией генерала фон Хаммерштейна к президенту с поручением предостеречь его от назначения Папена. В обстановке сложных интриг, опутавших Берлин, Шлейхер в последнюю минуту стал настойчиво ратовать за назначение на свое место Гитлера. В ответ на это Гинденбург сказал главнокомандующему, что не намерен назначать австрийского ефрейтора канцлером.

Воскресный день 29 января стал решающим. Заговорщики раскрыли свои последние карты и наводнили столицу самыми тревожными и

противоречивыми слухами, причем многие из них не были беспочвенными. Шлейхер снова отправил верного Хаммерштейна мутить воду. На этот раз тот встретился с Гитлером и предупредил, что Папен может оставить его в дураках, поэтому будет лучше, если фюрер пойдет на союз со смещенным канцлером и военными. Но Гитлер не проявил к этому большого интереса. Возвратившись в "Кайзерхоф", он созвал своих приспешников и заказал кофе с пирожными. За этой трапезой их и застал Геринг, прибывший с известием, что на следующий день фюрера назначат канцлером.

В тот вечер, когда нацистские главари, собравшиеся в квартире Геббельса на Рейхсканцлерплац, радовались этой важной вести, к ним явился эмиссар Шлейхера Вернер фон Альвенслебен и сообщил еще одну потрясающую новость. Этот человек помешался на заговорах — они виделись ему даже там, где их не было. Он донес нацистам, что Шлейхер и Хаммерштейн объявили тревогу в Потсдамском гарнизоне, готовят выслать президента в Нейдек и установить военную диктатуру. Эмиссар сильно преувеличивал. Можно допустить, что названные генералы действительно вынашивали такую идею, однако до практических шагов было, по-видимому, далеко. Тем не менее нацисты не на шутку встревожились. Геринг быстро, насколько позволяла его тучность, направился через площадь во дворец, чтобы предупредить Гинденбурга и Папена об опасности. О том, какие шаги предпринял Гитлер, позднее расскажет он сам:

"Моей немедленной контрмерой в отношении планируемого [военного] путча было вызвать командира СА в Берлине графа фон Гелльдорфа и через него поднять по тревоге все берлинские отряды СА. Одновременно я поручил майору полиции Веке, который, как я знал, заслуживал моего доверия, подготовиться к внезапному захвату здания на Вильгельмштрассе шестью батальонами полицейских... Наконец, я поручил генералу Бломбергу, которого намечали в министры рейхсвера, по прибытии в Берлин в 8 утра 30 января немедленно явиться к Старому Господину и официально вступить в должность, с тем чтобы иметь возможность уже в качестве главы рейхсвера подавлять всякие попытки переворота".

За спиной Шлейхера и главнокомандующего — в то сумасшедшее время все делалось за чьей-то спиной — генерал Вернер фон Бломберг был вызван (не Гитлером, который еще не стоял у власти, а Гинденбургом и Папеном) из Женевы, где он представлял Германию на конференции по разоружению, чтобы стать министром обороны в кабинете Гитлера — Папена. Этот человек, как подтвердил потом сам Гитлер, уже пользовался

доверием фюрера, поскольку находился под влиянием полковника Вальтера фон Рейхенау, начальника его штаба в Восточной Пруссии, известного своими симпатиями к нацистам. Когда Бломберг прибыл в Берлин — это произошло 30 января, рано утром, — на вокзале его встретили два армейских офицера с двумя противоречивыми приказами. Некий майор фон Кунтцен, адъютант Хаммерштейна, предложил ему явиться к главнокомандующему, а полковник Оскар фон Гинденбург, адъютант своего отца, — к президенту республики. Смущенный Бломберг поехал к президенту, который немедленно привел его к присяге в качестве министра обороны, уполномочив не только пресекать любые попытки мятежа в армии, но и подкреплять военной силой новое правительство, которое будет сформировано через несколько часов. Гитлер навсегда остался благодарен военным за поддержку, оказанную ему в тот решающий момент. Выступая вскоре после этих событий на партийном митинге, он сказал: "Если бы в те дни нашей революции армия не пришла к нам на помощь, мы бы сегодня здесь не стояли". Таким образом, военные взяли на себя тяжкую ответственность, о чем им в дальнейшем придется горько пожалеть.

В то ветреное утро 30 января 1933 года трагедия Веймарской республики, длившаяся четырнадцать тягостных лет и состоявшая из неуклюжих попыток немцев заставить демократию действовать, приближалась к концу. Но завершилась она не сразу. В тот самый момент, когда казалось, что занавес вот-вот опустится в последний раз, на сцене разыгрался маленький фарс с участием разношерстной группы заговорщиков, собравшихся на похороны республиканского строя. Вот как описал его позднее Папен:

"Около половины одиннадцатого члены предполагаемого кабинета, собравшись в моем доме, прошли потом садом в президентский дворец и стали ждать в канцелярии Мейснера. Гитлер тут же повторил свои жалобы, что его не назначили комиссаром по делам Пруссии. Он считал, что это серьезно ограничивает его права. Я сказал ему... к вопросу о его прусском назначении можно будет вернуться позже. На это Гитлер ответил, что при таком ограничении власти он вынужден будет потребовать новых выборов в рейхстаг.

Создалась совершенно новая ситуация, спор ожесточился. Гугенберг, в частности, высказался против идеи новых выборов. Гитлер попробовал успокоить его, заверив, что независимо от результатов выборов кабинет будет сохранен в том же составе... Одиннадцать часов, когда должна была начаться беседа с президентом, давно уже пробило, поэтому Мейснер попросил меня прервать дискуссию: Гинденбург не мог ждать дольше.

Эта стычка произошла так внезапно, что я испугался, как бы наша коалиция не распалась еще до появления на свет... Наконец нас пригласили к президенту и я сделал необходимые официальные представления. Гинденбург произнес небольшую речь о необходимости всемерно сотрудничать в интересах нации и привел нас к присяге. Кабинет Гитлера стал фактом".

Вот таким путем — с черного хода, посредством бесчестной сделки с махровыми реакционерами, которых он в душе презирал, — бывший венский босяк, фактический дезертир во время первой мировой войны, сделался канцлером великой страны.

Правда, национал-социалисты составляли в правительстве несомненное меньшинство; на их долю в кабинете пришлось только три министерские должности из одиннадцати, да и те, если не считать поста канцлера, не были ключевыми. Фрика назначили министром внутренних дел, но полиция ему не подчинялась (в Германии в отличие от других европейских стран она входила в ведение отдельных земель). Третьим нацистом в правительстве был Геринг, но для него не нашлось министерства; его пока называли министром без портфеля, имея в виду в дальнейшем, когда Германия будет располагать военно-воздушными силами, поставить во главе министерства авиации. Кроме того, он являлся министром внутренних дел Пруссии (там в его ведение входила и полиция), но эта должность была не столь заметна, поскольку все внимание общественности сосредоточилось на правительстве рейха. Имя Геббельса, к удивлению многих, в списке кабинета не фигурировало — на этом этапе он остался ни с чем.

Важнейшие же министерства отошли к консерваторам, убедившимся в том, что им удалось подчинить нацистов своим интересам: Нейрат как был, так и остался министром иностранных дел; Бломберга назначили министром обороны; Гугенберг взял себе объединенное министерство продовольствия и сельского хозяйства; Зельдт, шеф "Стального шлема", стал министром труда; другие министерства Папен еще восемь месяцев назад отдал беспартийным "экспертам". Сам Папен стал не только вице-канцлером, но и президентом-министром Пруссии. Гинденбург дал ему обещание принимать канцлера не иначе как в его присутствии, и Папен уверовал, что исключительное положение, которое он занял, позволит ему держать экспансивного нацистского лидера в рамках. Более того, такой состав кабинета отвечал замыслам Папена, был его детищем. Папен не сомневался, что благодаря стойкости старого президента, являвшегося его другом, почитателем и опекуном, и умелой поддержке со стороны коллег-

консерваторов, численно превосходивших буйных нацистов в соотношении восемь к трем, он займет в правительстве руководящее положение.

Но этот легкомысленный, слабохарактерный политик не знал Гитлера (его вообще никто не знал) и не представлял, какие силы его породили. Ни Папен, ни кто-либо другой, кроме Гитлера, не отдавал себе полного отчета в необъяснимой податливости тогдашних институтов — армии, церкви, профсоюзов, политических партий, а также широких средних слоев, настроенных не в пользу нацистов, и высокоорганизованного пролетариата, которые, как мрачно констатировал много позднее Папен, "сдались без боя".

Ни один класс, ни одна группа лиц, ни одна партия не может снять с себя вину за отречение от демократической республики и за приход Адольфа Гитлера к власти. Кардинальная ошибка немцев, настроенных против нацизма, заключалась в том, что они не объединились для борьбы с ним. Даже в июле 1932 года, находясь на гребне популярности, национал-социалисты собрали только 37 процентов голосов. Остальные 63 процента немцев, придерживавшихся антигитлеровской ориентации, были слишком разрозненны, слишком недальновидны, чтобы сообща действовать против общей опасности, которая в противном случае — а они не могли этого не предвидеть — сокрушит их. Коммунисты до конца следовали своей сомнительной идее: сначала покончить с социал-демократами, социалистическими профсоюзами и остатками демократически настроенных средних слоев населения (они руководствовались весьма спорной теорией: даже если подобная тактика приведет к временной победе нацизма, за этим последует неизбежное крушение капитализма), а потом взять власть в свои руки и установить диктатуру пролетариата. Фашизм, с точки зрения большевиков-марксистов, есть последняя стадия умирающего капитализма, после него — торжество коммунизма во всем мире!

Социал-демократы за четырнадцать лет пребывания у власти, которую им приходилось делить с другими партиями, и попыток сохранить с помощью всякого рода компромиссов коалиционные правительства истощили свои силы, ослабили энтузиазм до такой степени, что низвели свою партию едва ли не до уровня соглашательско-оппозиционной организации. Вся ее деятельность свелась к выторговыванию уступок в пользу профсоюзов, на которые социал-демократы в значительной мере опирались. То, что говорили некоторые социалисты, могло быть правдой: что им не улыбнулось счастье; что коммунисты раскололи рабочий класс; что экономический кризис усугубил трудное положение социал-

демократов, ослабил профсоюзы, отторгнул от них миллион безработных, которые, впав в отчаяние, стали возлагать надежды либо на коммунистов, либо на нацистов. Но трагедию социал-демократов не объяснить одним лишь невезением. В ноябре 1918 года они имели возможность создать государство, основанное на их же идеалах — идеалах социал-демократии. Однако им не хватило решимости. И вот на заре третьего десятилетия они превратились в усталую, поверженную партию возглавляемую благонамеренными, но в большинстве своем посредственными старыми людьми, которые до конца остались верны республике, однако были слишком растерянны, слишком робки, чтобы идти на большой риск. Без риска же невозможно было думать о сохранении республики. Поэтому, когда Папен снарядил отряд солдат, чтобы ликвидировать конституционное правительство Пруссии, они ничего не смогли ему противопоставить.

Германии не доставало политически сильного среднего сословия, которое стояло бы между левыми и правыми. В других странах — во Франции, Англии, Соединенных Штатах оно составляло основу демократии. В первый год республики демократы, народная партия и "Центр" собрали все вместе 12 миллионов голосов, лишь на два миллиона меньше, чем две социалистические группы. Но впоследствии их влияние ослабело, их приверженцы начали тяготеть к Гитлеру и к националистам. В 1919 году демократы получили 74 места в рейхстаге; к 1932 году они сохранили за собой всего два места. Число мест у народной партии сократилось с 62 в 1920 году до 11 в 1932-м. Лишь католический "Центр" не терял своих избирателей. После выборов 1919 года он имел 71 место, а после выборов 1932 года — 70. Но еще со времен Бисмарка эта партия придерживалась оппортунистической политики (даже в большей степени, чем социал-демократы) и вставала на сторону любого правительства, лишь бы оно шло на уступки ее корыстным интересам. Сохраняя на словах верность республике и ее демократическим основам, руководители этой партии, как мы убедились, вели переговоры с нацистами. о передаче власти Гитлеру. Перецеголяли их только Папен и партия националистов.

Будучи лишена политической силы в лице среднего сословия, Германская республика не имела и того запаса прочности, которым располагали многие другие государства благодаря наличию в них подлинно консервативных партий. Немецкие националисты, находясь на вершине популярности, собрали в 1924 году шесть миллионов голосов и получили в рейхстаге 103 места, став второй по величине партией. Тем не менее, как это происходило почти на всех последующих этапах существования Веймарской республики, они уклонялись от ведущей роли в правительстве

или в оппозиции. Лишь в двух случаях — это было в 20-е годы — они на короткое время вошли в состав правительства. Правые, чьи сторонники по большей части голосовали за партию националистов, хотели одного — гибели республики и восстановления империалистической Германии, которая вернула бы им прежние привилегии. А между тем республика относилась к правым — как к отдельным лицам, так и к классу в целом — исключительно терпимо. Как известно, она позволяла армии быть "государством в государстве", промышленникам и банкирам извлекать высокие прибыли, юнкерам — удерживать за собой убыточные поместья посредством государственных кредитов, которые они никогда не погашали и которые редко использовали для повышения плодородия земли. Но этим своим великодушием республика не добилась от правых ни выражения благодарности, ни лояльного отношения. С присущей им узостью взглядов, предубеждением, слепотой, которые автору этих строк кажутся теперь, в ретроспекции, непостижимыми, они наносили республике удар за ударом, пока в союзе с Гитлером не добились ее окончательно. В этом бывшем австрийском босяке консервативные силы видели человека, который, оставаясь их невольником, поможет достичь желанной цели. Уничтожение республики — это лишь первый шаг. За ним должно было последовать создание авторитарной Германии, внутренняя политика которой заключалась бы в том, чтобы покончить с "демократической ерундой" и с влиянием профсоюзов, а внешняя — в том, чтобы отменить условия перемирия 1918 года, порвать то, что осталось от Версальского договора, воссоздать великую армию и вернуть стране при помощи военной силы "ее место под солнцем". Эти же цели преследовал и Гитлер. И хотя он располагал тем, чего не хватало консерваторам, — поддержкой масс, правые не сомневались, что он в их руках. Разве не на их стороне численное превосходство (восемь к трем) в кабинете рейха? Консерваторы полагали, что господствующее положение в правительстве позволит им осуществить свою задачу и без помощи варварского, оголтелого нацизма. Всеми ведь признано, рассуждали правые, что они порядочные, богобоязненные люди.

Империя Гогенцоллернов зиждилась на военных захватах Пруссии, Веймарская республика — на потерях после поражения в великой войне. Но третий рейх не обязан своим появлением ни ратным победам, ни воздействию извне. Он создан в мирное время мирными средствами, то есть руками самих немцев, сильными и слабыми одновременно. Никто, кроме них самих, нацистскую тиранию им не навязывал. Многие из них, вероятно даже большинство, не совсем понимали, что произошло в тот

полуденный час 30 января 1933 года, когда президент Гинденбург, действуя в рамках конституции, вверил пост канцлера Адольфу Гитлеру. Но пройдет немного времени, и они поймут.

Часть 7. Фашизация Германии: 1933–1934 годы

Урок, который Гитлер усвоил в период бродяжничества в Вене и который никогда не забывал (что путь к победе движения лежит через союз с влиятельными силами в государстве), нашел теперь, как он и рассчитывал, достаточно полное практическое воплощение. Президент, опираясь на армию и консерваторов, назначил Гитлера канцлером. Однако, как ни велика была его политическая власть, она оставалась неполной. Ее приходилось делить с теми тремя силами, которые поставили его во главе правительства и которые, находясь вне нацистского движения, относились к нему с долей недоверия.

Следовательно, первейшая задача Гитлера состояла в том, чтобы как можно быстрее отстранить эти силы от кормила власти, сделать свою партию единственным хозяином в государстве, после чего, используя политическую и военную мощь авторитарного правления осуществить нацистский переворот. Едва минули сутки после назначения Гитлера главой кабинета, как он уже предпринял первый решающий шаг: захлопнул ловушку, в которую угодили легковверные консерваторы, возомнившие себя хозяевами, а его — невольником, и дал толчок целой цепи событий, которые либо спровоцировал, либо подчинил своему контролю, что и привело на исходе шести месяцев к полной фашизации Германии и к превращению его самого в диктатора объединенного, дефедерализованного третьего рейха, какого еще не знала история Германии.

Вечером 30 января 1933 года, через пять часов после вступления в должность, Гитлер созвал первое заседание кабинета. Протокол заседания {Это заседание было, конечно, закрытым. Его протокол и принятые на нем резолюции, как и документы большинства других совещаний, проводимых Гитлером и его политическими и военными помощниками в обстановке строгой секретности, не были известны общественности, пока их не огласили на Нюрнбергском процессе. Таких совершенно секретных документов найдено великое множество, и все они считались государственной тайной. Они будут упоминаться в этой книге, поскольку вся она от начала до конца основана на документах того времени. Ссылки на эти документы будут делаться даже с риском перегрузить ими текст книги. Но не ссылаться на источники было невозможно. Поэтому ни одна летопись жизни народа не документирована так полно, как летопись третьего рейха; отсутствие ссылок на документы значительно обеднило бы

книгу, которая утратила бы историческую достоверность. — Прим. авт. }, обнаруженный во время Нюрнбергского процесса среди сотен тонн захваченных секретных документов, показывает, как быстро и ловко Гитлер при помощи изобретательного Геринга начал водить консерваторов за нос. Гинденбург назначил Гитлера главой не президентского кабинета, а кабинета, опирающегося на парламентское большинство. Однако нацисты и националисты, единственные партии, представленные в правительстве, имели в рейхстаге всего 247 мест из 583, а потому не располагали большинством. Чтобы обеспечить такое большинство, они должны были заручиться поддержкой партии "Центр", имевшей 70 мест. В первые же часы существования нового правительства Гитлер поручил Герингу вступить в переговоры с лидерами "Центра". Тот доложил кабинету, что они требуют "определенных уступок", и предложил распустить рейхстаг и назначить новые выборы. Гитлер согласился. Гугенберг, человек не очень далекий, сколь бы велики ни были его успехи в коммерческих делах, выступил против участия "Центра" в правительстве, но в то же время возражал против проведения новых выборов, хорошо понимая, что нацисты, используя государственные рычаги, могут обеспечить себе абсолютное большинство, после чего попробуют обойтись без его услуг и без услуг его друзей-консерваторов. Он предложил простой выход — запретить коммунистическую партию; ликвидировав таким образом 100 депутатских мест, нацисты и националисты окажутся в большинстве. Но Гитлер счел эту акцию несвоевременной, поэтому было условлено, что утром следующего дня он сам переговорит с лидерами партии "Центр"; если переговоры ни к чему не приведут, то правительство обратится с просьбой назначить новые выборы.

Сорвать переговоры Гитлеру не составило труда. По его просьбе монсеньор Каас, руководитель партии "Центр", представил в качестве основы для переговоров список пунктов, дополнивших требование к Гитлеру управлять конституционными методами. Но Гитлер и не думал обсуждать вопросы, поставленные Каасом; он пошел на обман, заявив членам своего кабинета, что партия "Центр" выдвинула невыполнимые требования и что соглашение с ней невозможно. Поэтому он предложил обратиться к президенту с просьбой распустить рейхстаг и назначить новые выборы. Гугенберг и Папен оказались в западне. Они согласились с предложением нацистского лидера, тем более что он торжественно заверил их: независимо от исхода выборов состав кабинета останется прежним. Новые выборы были назначены на 5 марта.

Впервые — для Германии это были последние свободные выборы —

нацистская партия получила доступ ко всем материальным ресурсам правительства, обеспечивающим голоса избирателей. Геббельс ликовал. "Теперь будет легко вести борьбу, — записал он в дневнике 3 февраля, — ибо мы сможем мобилизовать все государственные средства. В нашем распоряжении и радио, и печать. Мы развернем отличную пропаганду. И денег у нас теперь будет предостаточно".

Крупных предпринимателей, довольных тем, что новое правительство собирается поставить организованных рабочих на место, а им дать возможность хозяйствовать по собственному усмотрению, попросили раскошелиться. Они не возражали. 20 февраля во дворце Геринга, председателя рейхстага, собрались по инициативе Шахта десятка два крупнейших магнатов, в том числе Крупп фон Болен, неожиданно сделавшийся горячим сторонником нацистов, Бош и Шницлер из "И. Г. Фарбениндустри" и Феглер, глава Объединенного стального концерна. Там Геринг и Гитлер и раскрыли свои планы. Записи этого совещания сохранились.

Свою длинную речь Гитлер начал с льстивых слов в адрес промышленников. "Частное предприятие, — сказал он, — нельзя вести в условиях демократии; оно мыслимо, только если народ привержен авторитету личности... Всеми жизненными благами, которыми пользуемся, мы обязаны усилиям избранных... Мы не должны забывать, что преимущества культуры надо внедрять в известной мере силой железного кулака". Он обещал предпринимателям устранить марксистов и восстановить вермахт (последний являлся предметом особого интереса для таких промышленных гигантов, как Крупп, Объединенный стальной концерн, "И. Г. Фарбениндустри", которые рассчитывали умножить свои капиталы с помощью производства оружия.

"Сегодня мы стоим в преддверии последних выборов", — продолжал Гитлер, пообещав своим слушателям "не отступать, чем бы они ни кончились". Он заверил их, что в случае поражения все равно удержит в своих руках власть, только "иными средствами... с помощью иного оружия". Геринг, касаясь практической стороны дела, подчеркнул важность "финансовых жертв", которые деловым людям "гораздо легче будет нести, если они учтут, что выборы 5 марта могут стать последними, — других выборов, конечно, не будет в ближайшие десять, а может, и сто лет".

Все эти разъяснения промышленники сочли достаточно убедительными и с энтузиазмом восприняли обещание покончить с надоевшими выборами, с демократией и с разговорами о разоружении. Крупп, король военной промышленности, совсем недавно, точнее, 20

января уговаривавший Гинденбурга не назначать Гитлера канцлером, встал и выразил от имени деловых кругов благодарность за "ясное изложение позиции". Затем д-р Шахт пустил по кругу шляпу. "Я собрал три миллиона марок", — показал он на Нюрнбергском процессе.

31 января 1933 года, на следующий после назначения Гитлера канцлером день, Геббельс записал в своем дневнике: "На совещании у фюрера мы разработали план борьбы с красным террором. В данный момент мы воздержимся от прямых контрмер. Из попытки большевистской революции сначала должно возгореться пламя. В нужный момент мы нанесем удар".

Несмотря на все усиливавшиеся в ходе избирательной кампании провокации нацистских властей, ни малейшего намека на "революцию" (коммунистическую или социалистическую), да еще на "возгорание пламени", не было. Тем не менее в начале февраля правительство Гитлера запретило коммунистам проводить собрания и закрыло коммунистические газеты и журналы. Собрания социал-демократов тоже либо запрещались официально, либо разгонялись головорезами из СА, выпуск социалистических газет то и дело приостанавливался. Не могла избежать нацистского террора даже партия католического "Центра". Лидера католических профсоюзов Штегервальде молодчики в коричневых рубашках избили, когда он попытался выступить на митинге, а на другом собрании Брюнинг был вынужден искать защиты у полиции, когда отряды СА нанесли ранения некоторым его сторонникам. Общее число противников нацизма, убитых во время избирательной кампании, составило 51 человек, а число нацистов — 18, согласно нацистским источникам.

Ведущая роль Геринга как министра внутренних дел Пруссии становилась все заметнее. Не считаясь с умеренной позицией Папена, которому как министру-президенту Пруссии Геринг должен был подчиняться, он уволил сотни республиканских чиновников, заменив их нацистами, по большей части офицерами СА и СС. По его приказу полиция должна была, с одной стороны, "любой ценой" избегать враждебных акций в отношении СА, СС и "Стального шлема", а с Другой — не щадить "врагов государства". Он потребовал, чтобы полиция "пускала в ход огнестрельное оружие", предупредив, что полицейские, отказавшиеся подчиниться, будут наказаны. Это был откровенный призыв к полиции земли Пруссия, распространявшей свое влияние на две трети территории Германии, расстреливать каждого, кто выступит против Гитлера. Чтобы обеспечить неукоснительное выполнение поставленной задачи, Геринг

объявил 22 февраля о формировании дополнительных полицейских частей численностью 50 тысяч человек; из них 40 тысяч человек были мобилизованы из рядов СА и СС, а остальные — из рядов "Стального шлема". Отсюда следует, что полицейские функции в Пруссии осуществлялись в большой мере руками нацистских громил. Крайне несерьезно было бы поэтому ожидать, что такая полиция защитит немцев от нацистских террористов.

Несмотря на террор, "большевистская революция", которую ждали Геббельс, Гитлер и Геринг, не привела к "возгоранию пламени". Но если такую "революцию" не удалось спровоцировать, нельзя ли ее выдумать?

24 февраля полиция Геринга устроила налет на "Карл-Либкнехт-хаус", штаб-квартиру коммунистов в Берлине. Руководство коммунистов покинуло это помещение еще за несколько недель до налета. Часть его ушла в подполье, а часть нелегально перебралась в Россию. Но в подвале осталось много пропагандистских брошюр. Этого оказалось достаточно, чтобы Геринг заявил в официальном коммюнике, будто захваченные документы свидетельствуют о намерении коммунистов совершить переворот. Общественность и даже некоторые консерваторы — члены правительства отнеслись к этому, заявлению скептически. Было очевидно, что, пока не начались выборы, требуется найти более сильное средство воздействия на публику.

Пожар в рейхстаге

Вечером 27 февраля в двух разных местах Берлина собрались на ужин самые могущественные люди Германии. На Фос-штрассе, в закрытом "Герренклубе", вице-канцлер фон Папен принимал президента фон Гинденбурга. В доме Геббельса, в кругу его семьи, ужинал канцлер Гитлер. По словам Геббельса, они отдыхали, слушали пластинки и рассказывали разные истории. "Вдруг, — записал он потом в дневнике, — телефонный звонок от д-ра Ханфштенгля: "Горит рейхстаг! " Я был уверен, что он говорит ерунду, и даже не сказал ничего фюреру".

Но те, кто ужинал в "Герренклубе", находились совсем рядом с рейхстагом.

"Вдруг, — записал Папен, — мы заметили, что окна осветились красным заревом, а с улицы донеслись крики. Ко мне быстро подошел слуга и шепнул: "Горит рейхстаг! " Эти слова я передал президенту. Он встал, и мы, подойдя к окну, посмотрели на здание рейхстага: его купол был словно освещен изнутри прожекторами. Время от времени из него вырывалось пламя, клубы дыма застилали силуэт".

Отправив престарелого президента домой в своем автомобиле, вице-

канцлер поспешил к горящему зданию. Тем временем Геббельс, еще раз поразмыслив, согласно его записи, над "ерундой", сказанной Путци Ханфштенглем, позвонил в несколько мест и убедился, что рейхстаг действительно в огне. Несколько мгновений спустя он и фюрер уже неслись со скоростью шестьдесят миль в час по шоссе Шарлоттенбергер "к месту преступления".

О том, что это — преступление, содеянное коммунистами, они заявили тотчас по прибытии на пожар. Геринг, потный, запыхавшийся, крайне возбужденный, был уже там и, как вспоминал впоследствии Папен, клялся, что это "преступление коммунистов против нового правительства". Обращаясь к новому шефу прусского гестапо Рудольфу Дильсу, он крикнул: "Это начало восстания коммунистов! Нельзя ждать ни минуты. Мы будем беспощадны. Всех коммунистов расстреливать на месте. Всех коммунистических депутатов сегодня же вздернуть! "

Вся правда о пожаре в рейхстаге, видимо, так и останется невыясненной. Практически никто из тех, кто эту правду знал, не остался в живых — большинство из них Гитлер уничтожил в последующие несколько месяцев. Даже на процессе в Нюрнберге тайна не была до конца раскрыта, хотя имеется достаточно улик, свидетельствующих, что нацисты спланировали и осуществили поджог в своих политических целях.

Дворец Геринга и здание рейхстага соединял подземный туннель, проложенный для труб центрального отопления. По этому туннелю вечером 27 февраля Карл Эрнст, бывший гостиничный посыльный, ставший потом шефом СА в Берлине, провел небольшой отряд штурмовиков в рейхстаг. Там они расплескали бензин и самовоспламеняющуюся смесь, после чего тем же путем ретировались. Одновременно с ними в это огромное полутемное и незнакомое ему помещение проник некто по имени Маринус ван дер Люббе. Он тоже устроил несколько очагов пожара. Этот пироманьяк явился для нацистов счастливой находкой. Они обнаружили его несколькими днями раньше в баре. Кто-то из штурмовиков подслушал, как Люббе хвастал, будто пробовал устроить пожар в ряде правительственных зданий, а теперь собирается поджечь рейхстаг. То, что нацисты обнаружили сумасшедшего поджигателя, который был коммунистом и собирался сделать то же, что и они, кажется невероятным, и тем не менее это подтверждается фактами. Можно почти не сомневаться, что идея поджога принадлежала Геббельсу и Герингу. Ганс Гизевиус, в то время чиновник министерства внутренних дел Пруссии, показал на процессе в Нюрнберге, что "именно Геббельс первым предложил поджечь рейхстаг", а Рудольф Дильс, шеф гестапо, добавил, что

"Геринг во всех подробностях знал о плане поджога" и приказал ему "заранее подготовить список лиц, подлежащих аресту сразу после пожара". Генерал Франц Гальдер, бывший в начале второй мировой войны начальником генерального штаба, заявил на суде, что однажды Геринг сам похвастался, будто пожар его рук дело:

"В 1942 году на завтраке по случаю дня рождения фюрера разговор коснулся здания рейхстага и его архитектурной ценности. Я собственными ушами слышал, как Геринг, прервав беседу, громко сказал: "Уж кто-кто, а я действительно знаю все про рейхстаг, потому что я поджигал его! " При этом он шлепнул себя ладонью по ляжке" {На предварительном следствии и на суде в Нюрнберге Геринг отрицал свою Причастность к поджогу рейхстага. — Прим. авт. }.

Представляется очевидным, что ван дер Люббе был использован нацистами как подставная фигура. Да, его толкнули на поджог. Но основная часть "работы" возлагалась — разумеется, без ведома Люббе — на штурмовиков. И действительно, на последовавшем в Лейпциге судебном разбирательстве было установлено, что этот полоумный голландец не мог так быстро поджечь громадное здание. Прошло всего две с половиной минуты, как он туда проник, а в центральном зале уже вовсю бушевало пламя. Как выяснилось, для растопки он располагал лишь собственной рубашкой. А по заключению судебных экспертов, чтобы развести такое громадное пламя, требовалось немало химикатов и бензина. Одному человеку было бы не под силу принести все это в здание и в короткое время устроить множество очагов пожара.

Ван дер Люббе задержали прямо в горящем здании. Геринг, согласно его собственным показаниям, хотел немедленно его повесить. На следующий день Эрнст Торглер, лидер коммунистической фракции в парламенте, узнав, что Геринг объявил его соучастником преступления, отдался в руки полиции, а через несколько дней полиция схватила Георгия Димитрова, будущего главы правительства Болгарии, и еще двоих болгарских коммунистов — Попова и Танева.

Разбирательство их дела в верховном суде в Лейпциге закончилось провалом для нацистов, и в первую очередь для Геринга, которого Димитров, выступая и в роли собственного адвоката, без труда поставил в дурацкое положение, умело используя перекрестные допросы. Дошло до того, что Геринг, не выдержав, крикнул болгарину: "Вон отсюда, негодяй! "

Судья (полицейскому офицеру): Уведите его.

Димитров (направляясь в сопровождении полицейских к выходу): Испугались моих вопросов, герр министр-президент?

Геринг: Только выйди из зала суда, негодяй!

Торглера и троих болгар оправдали, хотя немецкого коммуниста тотчас взяли под стражу в целях его собственной безопасности, где он находился до самой смерти, наступившей в годы второй мировой войны. Ван дер Люббе признали виновным, и он был обезглавлен.

Оправдательный приговор, вынесенный судом, несмотря на его рабскую зависимость от нацистских властей, сильно подпортил репутацию Геринга и нацистов, однако никаких практических результатов это уже не могло дать. Гитлер не терял времени и максимально использовал пожар в рейхстаге в своих целях.

28 февраля, на следующий после пожара день, Гитлер представил на подпись президенту Гинденбургу проект декрета "Об охране народа и государства", приостанавливавшего действие семи статей конституции, которые гарантировали свободу личности и права граждан. Назвав этот проект "защитной мерой против насильственных действий коммунистов, представляющих угрозу для государства", Гитлер требовал права: ограничивать свободу личности и свободу мнений, включая свободу печати, а также свободу собраний и союзов; нарушать тайну переписки, телеграфной и телефонной связи; устраивать домашние обыски, конфисковывать имущество.

Все это считалось допустимым, даже если выходило за рамки закона. Декрет предоставлял также правительству рейха право пользоваться полнотой власти в землях, когда это вызывалось необходимостью, и вводил смертную казнь за ряд преступлений, таких, как "серьезные нарушения спокойствия" со стороны вооруженных лиц.

Таким образом, с помощью одного юридического акта Гитлер получил возможность не только затыкать рты оппонентам и бросать их по своей прихоти за решетку, но и придать пресловутой коммунистической опасности, так сказать, "официальный" характер, дабы нагнать побольше страха на миллионы сограждан из среднего сословия и крестьянства, внушить им, что если они не проголосуют через неделю за национал-социалистов, то власть могут захватить коммунисты. Было арестовано около четырех тысяч функционеров коммунистической партии и большое число социал-демократических и либеральных лидеров, в том числе депутатов рейхстага, которые по закону должны были пользоваться неприкосновенностью. Это был первый случай, когда немцы стали свидетелями нацистского террора, благословляемого правительством. По улицам страны с ревом носились грузовики, полные штурмовиков, которые вламывались в дома, устраивали облавы, сгоняли свои жертвы в казармы

СА, подвергая их пыткам и избиениям. Печать и политические собрания коммунистов были запрещены, выпуск социал-демократических газет и многих либеральных изданий приостановлен, а собрания демократических партий либо запрещались в официальном порядке, либо разгонялись. Беспрепятственно вести избирательную кампанию могли только нацисты и их союзники из национальной партии.

Располагая всеми материальными ресурсами центрального и прусского правительств и получая огромные суммы денег от крупного бизнеса, нацисты развернули такую пропагандистскую шумиху, какой Германия еще не знала. Впервые по радио, контролируемому правительством, передавались на всю страну речи Гитлера, Геринга и Геббельса. Улицы, украшенные флагами со свастикой, оглашались топотом штурмовиков. Проводились массовые митинги, факельные шествия, на площадях ревели громкоговорители. На щитах были расклеены красочные плакаты с нацистскими призывами, холмы по ночам освещались кострами. Избирателям, которые были напуганы коричневым террором и "разоблачениями" о "коммунистической революции", обещали немецкий рай. На другой день после пожара в рейхстаге прусское правительство выпустило многословное воззвание, в котором будто бы излагалось содержание найденных коммунистических "документов":

"Правительственные здания, музеи, особняки и важные промышленные предприятия должны быть сожжены. Женщины и дети должны быть поставлены в качестве заслонов впереди террористических отрядов... Поджог рейхстага — это сигнал к кровавому воскресенью и гражданской войне... Установлено, что сегодня по всей Германии должны произойти террористические акты в отношении отдельных лиц, частной собственности и жизни мирного населения, а также должна начаться всеобщая гражданская война".

В воззвании содержалось обещание опубликовать документы, подтверждающие наличие коммунистического заговора, но оно не было выполнено. Тем не менее, поскольку прусское правительство официально объявило, что такие документы имеются, многие немцы этому поверили. Известное впечатление на колеблющихся произвели также угрозы Геринга. В своей речи во Франкфурте 3 марта он громогласно заявил:

"Граждане немцы, юридические препоны моим делам не помеха. Правосудие меня не тревожит; все, к чему я стремлюсь, это — уничтожать, искоренять, и ничего больше!.. И будьте уверены, мои дорогие коммунисты, что я сполна воспользуюсь правом, данным мне правительством земли, и силой полиции, так что не стройте никаких

иллюзий; в этой смертельной схватке я возьму вас за горло и поведу за собой вон тех людей в коричневых рубашках".

Голос Брюнинга, бывшего канцлера, был мало кем услышан, хотя в тот самый день он тоже выступил с речью, заявив, что партия "Центр" будет бороться против отмены конституции, потребовав расследовать подозрительное дело о поджоге рейхстага и призвав президента Гинденбурга "защитить угнетенных от угнетателей". Тщетная попытка! Старый президент молчал. Пришло время, когда должен был сказать свое слово народ.

5 марта 1933 года, в день последних демократических и последних в жизни Гитлера выборов, этот народ выразил свою волю на избирательных участках. Несмотря на террор и запугивание, большая его часть отвергла Гитлера. Правда, нацисты набрали больше всех голосов — 17 277 180 (рост на 5, 5 миллиона), но это составило всего 44 процента общего числа проголосовавших. Большинство было настроено явно против Гитлера. Партия "Центр", как ни мешали ей преследования и запреты, набрала на этих выборах больше голосов, чем на предыдущих (4424900 против 4230600), а вместе с католической народной партией Баварии за нее проголосовали 5, 5 миллиона человек. Даже социал-демократы сохранили свое положение второй по численности партии, набрав 7 181 629 голосов (уменьшение на 70 тысяч). Коммунисты потеряли миллион сторонников, и все же за них проголосовали 4 848 058 избирателей. Националисты во главе с Папеном и Гугенбергом сильно обманулись в своих ожиданиях, набрав только 3 136 760 голосов (рост меньше чем на 200 тысяч), или 8 процентов общего числа голосовавших.

Тем не менее 52 депутатских места националистов плюс 288 мест нацистов давали правительству парламентское большинство (перевес в 16 мест). Этого, наверное, было достаточно для осуществления повседневных функций правительства, но далеко не достаточно для того, чтобы Гитлер мог провести в жизнь свой новый дерзкий план — установить при поддержке парламента личную диктатуру.

Унификация рейха

План этот был обманчиво прост; его преимущество состояло в том, что он позволял захватить абсолютную власть как бы законным порядком. Суть его такова: канцлер просит рейхстаг принять "акт о предоставлении чрезвычайных полномочий", предусматривающий передачу кабинету Гитлера исключительного права издавать законы сроком на четыре года. Проще говоря, парламент Германии вручает Гитлеру свои конституционные права, а сам уходит в длительный отпуск. Но такая мера

требовала внесения поправки в конституцию, а эту поправку должно было одобрить большинство в две трети голосов.

Как добиться такого большинства — вот главное, чем был занят кабинет на своем заседании 15 марта 1933 года (протокол этого заседания был оглашен на Нюрнбергском процессе). Этого можно добиться, во-первых, с помощью "неявки" на заседание парламента восьмидесяти одного депутата-коммуниста и, во-вторых, путем "недопущения нескольких социал-демократов", что, по мнению Геринга, не составляло труда.

Гитлер в тот день был весел и чувствовал себя уверенно. Еще бы! У него был декрет от 28 февраля, подписанный по его настоянию Гинденбургом на следующий день после пожара в рейхстаге, который давал ему право бросить за решетку столько депутатов, сколько необходимо для обеспечения большинства в две трети голосов. Оставалась еще проблема католического "Центра", требовавшего каких-то гарантий, но канцлер не сомневался, что эта партия в конце концов окажется на его стороне. Гугенберг, лидер националистов, не желавший отдавать всю власть Гитлеру, потребовал оставить за президентом право участвовать в выработке законов, даже если эта функция будет передана в соответствии с "актом о чрезвычайных полномочиях" кабинету министров. Однако д-р Мейснер, статс-секретарь президентской канцелярии, уже связавший свою судьбу с нацистами, ответил: "Сотрудничество президента не вызывается необходимостью". Он быстро сообразил, что Гитлер не испытывает никакого желания ставить себя в зависимость от строптивого президента, как это было в период существования республиканских кабинетов.

Однако канцлер решил, что на этой стадии лучше сделать красивый жест в отношении престарелого фельдмаршала, армии и консерваторов-националистов, тем более что таким способом он как бы связывал свой разбойничий ("революционный") режим с почтенным именем Гинденбурга и со славным военным прошлым Пруссии. Для этого он и Геббельс, назначенный 13 марта министром пропаганды, придумали ловкий ход: Гитлер сам откроет заседание нового рейхстага, который он собирался упразднить, в гарнизонной церкви в Потсдаме — великой святыне пруссачества, напоминавшей столь многим немцам об имперской славе и величии Пруссии, ибо здесь покоились останки Фридриха Великого, здесь молились короли из династии Гогенцоллернов, сюда в 1866 году, еще будучи молодым гвардейским офицером, совершил свое первое паломничество Гинденбург, вернувшись с австро-прусской войны, положившей начало объединению Германии. Дата торжественного открытия нового парламента третьего рейха — 21 марта — тоже была

выбрана не случайно, поскольку совпадала с годовщиной открытия Бисмарком первого рейхстага второго рейха в 1871 году. Когда в церковь проследовали старые фельдмаршалы, генералы, адмиралы в блестящих мундирах времен империи и возглавлявшие эту компанию бывший наследный принц и фельдмаршал Макензен во внушительных гусарских мундирах и в головных уборах с изображением черепа, собравшимся показалось, что над ними витают тени Фридриха Великого и "железного канцлера".

Гинденбург был явно растроган. Геббельс, дирижировавший этим спектаклем и наблюдавший за работой радио, вещавшего из церкви на всю страну, заметил — и не преминул записать об этом в дневнике — на глазах у старого фельдмаршала слезы. Рядом с ним находился Гитлер; было заметно, что в официальном костюме-визитке он чувствует себя стесненно. Президент, в полевой форме серого цвета, при ордене Черного орла на широкой ленте, обхватив одной рукой каску с шишаком наверху, а в другой держа маршальский жезл, медленно проследовал по проходу, задержался в императорской галерее, чтобы отдать честь пустующему креслу кайзера Вильгельма II, а затем подошел к алтарю и зачитал короткий текст речи со словами доброго напутствия новому правительству Гитлера:

"Да проникнется нынешнее поколение древним духом, этой прославленной святыни! Да избавит он нас от эгоизма и межпартийной вражды и да объединит в национальном самосознании на благо гордой, свободной и неделимой Германии! "

Ответное слово Гитлера было составлено с хитрым расчетом на то, чтобы сыграть на личных симпатиях и заручиться доверием столь блестяще представленного здесь старого порядка.

"Ни кайзер, ни правительство, ни нация не хотели войны. Лишь крушение нации вынудило ослабленный народ возложить на себя, вопреки его святым, убеждениям, ответственность за эту войну".

Повернувшись к Гинденбургу, сидевшему в позе окаменело в нескольких шагах от него, Гитлер продолжал:

"В едином порыве мы за несколько недель отстояли свою национальную честь. Благодаря взаимопониманию с вами, господин фельдмаршал, символы былого величия и новые силы соединились в единое целое. Мы выражаем вам наше почтение. Хранившее вас провидение возвысило вас над новыми силами нашей нации".

Демонстрируя глубокое почтение к президенту, которого он еще до конца недели намеревался лишить политической власти, Гитлер сошел с трибуны, низко поклонился Гинденбургу и взял его руку в свою. При

вспышках блицев и под жужжание кинокамер, расставленных Геббельсом наряду с микрофонами в удобных местах, их торжественное рукопожатие — символ союза новой Германии со старым порядком — было запечатлено для нации и мировой общественности.

"После столь пылких заверений Гитлера в Потсдаме, — писал впоследствии присутствовавший на этом собрании французский посол, — разве могли эти люди, Гинденбург и его друзья — юнкеры и бароны-монархисты, Гугенберг и его национальная партия, офицеры рейхсвера, не предать забвению эксцессы и бесчинства его партии, хотя они и являлись их очевидцами? И не побояться полностью довериться ему, удовлетворить все его требования, предоставить неограниченную власть, которой он домогался? "

Ответ был дан через два дня, 23 марта, в зале берлинского оперного театра Кролла, где состоялось заседание парламента. На рассмотрение был представлен акт о предоставлении чрезвычайных полномочий, официально названный "Законом о ликвидации бедственного положения народа и государства". Пять коротких параграфов предусматривали изъятие законодательных функций, включая контроль за расходованием бюджета рейха, утверждение договоров с иностранными государствами и внесение поправок в конституцию, из юрисдикции парламента и передачу их сроком на четыре года в ведение кабинета министров рейха. Более того, в акте оговаривалось, что законы, принимаемые кабинетом, разрабатываются канцлером и "могут допускать отклонения от конституции". Никакие законы не будут "затрагивать положение рейхстага" (грубее этой шутки ничего нельзя было придумать), а права президента останутся "нерушимы".

Гитлер несколько раз повторил эти фразы в своей необычайно сдержанной речи перед депутатами, собравшимися в нарядном зале оперного театра, в стенах которого привыкли к спектаклям более легкого жанра. Теперь проходы зала заполнили штурмовики в коричневых рубашках; разбойничьи, покрытые шрамами лица этих людей как бы говорили, что никаких вольностей со стороны народных избранников они не потерпят.

"Правительство, — обещал Гитлер, — будет пользоваться этими полномочиями лишь при возникновении необходимости принять жизненно важные меры. Существованию рейхстага или рейхсрата это не угрожает. Положение и права президента остаются неприкосновенными... Автономия федеральных земель сохранится. Права церкви не будут ущемляться, ее отношения с государством не изменятся. Число случаев, когда будет возникать потребность применения этого закона, ограничено".

Вспыльчивый лидер нацистов держался на этот раз спокойно, почти скромно, и в тот момент — в момент зарождения третьего рейха — даже члены оппозиции не представляли в полной мере, чего стоят его обещания. И все же один из них — Отто Вельс, председатель социал-демократической партии, часть депутатов от которой (человек десять) были "задержаны" полицией, встал и под рев штурмовиков, доносившийся с улицы ("Даешь закон, не то смерть! " — орали они), бросил диктатору вызов. Спокойно, с большим достоинством Вельс заявил: правительство может отнять у социал-демократов права, но не может лишить их чести.

"В этот исторический момент мы, немецкие социал-демократы, торжественно клянемся в верности принципам человечности и справедливости, свободы и социализма. Никакой закон о чрезвычайных полномочиях не даст вам права уничтожать идеалы, которые вечны и нерушимы".

Тут разъяренный Гитлер вскочил с места и предстал перед законодательным собранием в своем настоящем обличье:

"Вы опоздали, но вы пришли... — закричал он. — Вы уже не нужны... Звезда Германии взойдет, а ваша закатится. Ваш предсмертный час пробил... Мне не нужны ваши голоса. Германия будет свободна, но не благодаря вам!" (Бурные аплодисменты.)

Хорошо, что социал-демократы, на которых лежит тяжкая ответственность за ослабление республики, уходили с политической сцены с поднятой головой, не изменив своим убеждениям. Не так поступила партия католического "Центра". Если во времена "железного канцлера" она не побоялась открыто противостоять "культур-кампфу", то теперь монсеньор Каас, председатель партии, лишь потребовал от Гитлера письменного заверения, что он будет уважать право президента на вето. До начала голосования Гитлер обещал выполнять это требование, но письменно его не подтвердил. И тем не менее Каас встал и объявил, что депутаты его партии будут голосовать за принятие законопроекта. Брюнинг промолчал, после чего приступили к голосованию. За проект проголосовал 441 человек, против — 84 (все — социал-демократы). Нацистские депутаты повскакали с мест и огласили зал истошными криками. Затем запели песню "Хорст Вессель", ставшую позднее вторым после "Германия превыше всего" национальным гимном:

Выше знамена! Сомкните ряды! Поступью чеканной идут штурмовики...

Вот так было покончено с парламентской демократией в Германии. Если не считать того, что депутатов-коммунистов и некоторых социал-

демократов предварительно упрятали за решетку, все выглядело вполне законно, хотя и сопровождалось террором. Уступив свои конституционные права Гитлеру, парламент совершил самоубийство, хотя его забальзамированное тело и продолжало оставаться на виду вплоть до заката третьего рейха, изредка выполняя роль резонатора грозных "пронунсиаменто" {Призыв к перевороту (исп.). } Гитлера; поскольку выборов больше не проводилось, места в рейхстаге занимали лица, специально подобранные нацистской партией. Акт о чрезвычайных полномочиях был единственным легальным обоснованием диктатуры Гитлера. Начиная с 23 марта 1933 года Гитлер действовал как диктатор, свободный от каких-либо ограничений как со стороны парламента, так и со стороны престарелого, немощного президента. Правда, многое еще предстояло сделать, прежде чем вся нация, все ее институты оказались под нацистской пятой, однако и это, как мы убедимся позднее, было достигнуто одним махом посредством грубых махинаций, вероломства и жестокости.

Контроль над ресурсами великого государства, по выражению Алана Буллока, захватили уличные банды. К власти пришли отбросы общества. Но, как не переставал хвастать Гитлер, "законно", по воле подавляющего большинства парламента. И винить за это немцы могли только самих себя.

Самые могущественные правовые институты Германии начали один за другим капитулировать перед Гитлером и тихо, без борьбы, умирать.

Земли, которые на протяжении всей германской истории упорно отстаивали свою автономию, оказались в ряду первых поверженных. Вечером 9 марта, за две недели до принятия акта о чрезвычайных полномочиях, генерал фон Эпп по приказу Гитлера и Фрика и при помощи нескольких штурмовиков разогнал правительство Баварии и установил там нацистский режим. А в остальные земли (кроме Пруссии, где уже прочно восседал Геринг) через неделю были назначены рейхскомиссары. 31 марта Гитлер и Фрик, впервые воспользовавшись данными им чрезвычайными полномочиями, обнародовали закон о роспуске парламента во всех землях, кроме Пруссии, приказав переформировать их состав в соответствии с распределением голосов на последних выборах в рейхстаг. Депутатские места, занимаемые прежде коммунистами, решено было не заполнять. Но и этого канцлеру показалось мало. Действуя с лихорадочной поспешностью, он уже через неделю, 7 апреля, издал декрет об учреждении во всех землях новой должности — губернатора рейха, которому предоставлялось право формировать и смещать местное правительство, распускать парламент, назначать и увольнять чиновников и судей. Все вновь назначенные губернаторы были нацистами, ото всех

требовалось проводить "генеральную политику, разработанную рейхсканцлером". Так, через две недели после обретения полноты власти, Гитлер достиг того, на что Бисмарк, Вильгельм II и Веймарская республика не могли и рассчитывать: он лишил земли автономии и подчинил их центральной власти рейха, то есть своей личной власти. Впервые в истории он по-настоящему объединил Германию, ликвидировав давнюю федеральную структуру.

30 января 1934 года, в первую годовщину пребывания в должности канцлера, Гитлер официально завершил выполнение поставленной задачи принятием декрета о реорганизации рейха. Народные ассамблеи в землях были упразднены, суверенные права земель переданы рейху, все их правительства подчинены центру, а губернаторы — непосредственно рейхсминистру внутренних дел. Как объяснил министр внутренних дел Фрик, "отныне земельные власти становятся всего лишь административными единицами рейха". В преамбуле декрета от 30 января 1933 года говорилось, что он принят рейхстагом единогласно. Это соответствует действительности, потому что к тому времени все политические партии Германии, кроме нацистской, перестали существовать. И процесс этот протекал без борьбы. 19 мая 1933 года социал-демократы (те, кто остался на свободе и не эмигрировал) без единого возражения проголосовали в рейхстаге за одобрение внешней политики Гитлера. За девять дней до этого полиция захватила помещения социал-демократической партии и редакций газет, конфисковала их имущество. Тем не менее социалисты, продолжая потакать Гитлеру, выступили с осуждением своих товарищей, находившихся в эмиграции, за их нападки на фюрера. 19 июня они избрали новый партийный комитет. Но Фрик три дня спустя лишил их всякой надежды на компромисс, запретив социал-демократическую партию как "подрывную и враждебную государству". Пауль Лобе, уцелевший руководитель, и несколько членов партии — депутатов рейхстага были арестованы. Что касается коммунистов, то их, естественно, репрессировали давно.

Сохранились, хотя и ненадолго, партии среднего сословия. Католическая народная партия Баварии, правительство которой было свергнуто в результате нацистского переворота 9 марта, объявила 4 июля о самороспуске; ее союзница, партия "Центр", так упорно сопротивлявшаяся Бисмарку и являвшаяся опорой республики, последовала ее примеру, впервые оставив Германию без партии католиков. Впрочем, это обстоятельство не помешало Ватикану спустя две недели подписать конкордат с гитлеровским правительством. Старая партия Штреземана

(народная партия) совершила над собой харакири 4 июля; демократы сделали то же самое неделей раньше.

А что случилось с партнершей Гитлера по совместному участию в правительстве — национальной партией Германии, без поддержки которой бывший австрийский ефрейтор не смог бы легально прийти к власти? Увы, несмотря на ее близость к Гинденбургу, к армии, к юнкерам и крупному капиталу и несмотря на то, что Гитлер пребывал у нее в должниках, она так же, как другие партии, безропотно сошла со сцены. 21 июня полиция и штурмовики оккупировали штабы ЭТОЙ партии на всей территории страны, а 29 июня Гугенберг, ее Разгневанный председатель, всего полгода назад помогавший Гитлеру сделаться канцлером, вышел из состава правительства, после чего его помощники "добровольно" ее распустили.

Осталась лишь одна нацистская партия. Декрет от 14 июля гласил:

"Национал-социалистская немецкая рабочая партия является единственной партией в Германии. Всякий, кто предпримет шаги к сохранению организационной структуры какой-либо другой политической партии или к созданию новой политической партии, будет подвергнут наказанию в виде каторжных работ сроком до трех лет или тюремному заключению сроком от шести месяцев до трех лет, если его деяния не потребуют более тяжкого наказания в соответствии с другими предписаниями".

Прошло четыре месяца с тех пор, как рейхстаг отрекся от своих демократических прав и обязанностей, и вот появилось однопартийное тоталитарное государство, не встретив почти никакого сопротивления, не говоря об активной оппозиции.

С независимыми профсоюзами, которые, как мы знаем, когда-то ликвидировали капповский фашистский путч посредством объявления всеобщей забастовки, было покончено так же легко, как с политическими партиями и органами самоуправления в землях, только на этот раз нацисты решили прибегнуть к хитроумному маневру.

Минуло полвека, как день 1 мая стал традиционным праздником рабочих Германии и других европейских стран. С целью усыпить бдительность рабочих и их вожаков нацистское правительство, перед тем как нанести удар, объявило 1 мая 1933 года национальным праздником, дав ему официальное название "День национального труда" и распорядившись провести его с небывалой помпой. Поддавшись на столь неожиданное проявление дружелюбия к рабочему классу со стороны нацистов, профсоюзные лидеры с энтузиазмом помогли правительству и партии в организации празднества. Собрали в Берлине рабочих лидеров со всех

концов страны, увешали улицы тысячами лозунгов, провозглашавших солидарность нацистского режима с рабочими, а Геббельс тем временем вел приготовления на огромном поле в Темпельхофе к демонстрации, которая по своим масштабам должна была превзойти все массовые манифестации, когда-либо проводившиеся в Германии. До начала демонстрации Гитлер принял рабочую делегацию и заявил: "Вы сами увидите, как неверно и несправедливо утверждение, будто наша революция направлена против немецких рабочих. Совсем наоборот". Выступая с речью перед 100 тысячами рабочих, собравшихся на демонстрацию, он бросил лозунг:

"Почитайте труд и уважайте рабочего! " Тогда же он обещал, что день 1 мая будет праздноваться во славу немецких тружеников на протяжении веков.

В тот же день, поздно вечером, Геббельс, изобразив в красочных тонах энтузиазм, проявленный рабочими на первомайских торжествах, которые с таким мастерством организовал, сделал в своем дневнике любопытную приписку: "Завтра мы захватим здания профсоюзов. Сопротивления фактически не будет".

238

Так оно и случилось {Документ, увидевший свет на Нюрнбергском процессе, свидетельствует, что нацисты давно намеревались уничтожить профсоюзы. Секретный приказ от 21 апреля, подписанный д-ром Леом, содержал подробные инструкции относительно "координации" профсоюзов 2 мая. Отряды СА и СС должны были осуществить "оккупацию владений профсоюзов" и взять под "превентивную охрану" всех профсоюзных руководителей. Профсоюзные фонды надлежало конфисковать. Христианские (католические) профсоюзы не были разогнаны 2 мая. С ними покончили 24 июня. — Прим. авт. }. 2 мая центры профсоюзов были закрыты, профсоюзные фонды конфискованы, сами профсоюзы запрещены, а их руководители арестованы. Многих избили и бросили в концентрационные лагеря. Теодор Лейпарт и Петер Грассман, председатели Всеобщего немецкого объединения профсоюзов, открыто заявили о согласии сотрудничать с нацистским режимом. Но их все равно арестовали. "Пусть все эти лейпарты и грассманы лицемерно болтают, сколько им влезет, о своей преданности фюреру, — заявил нацистский лидер из Кельна, алкоголик д-р Роберт Лей, которому Гитлер поручил разогнать профсоюзы и учредить "Немецкий трудовой фронт", — а все же лучше, если они сядут в тюрьму". Там они и оказались.

А ведь вначале и Гитлер, и Лей заверяли рабочих, что их права не

будут ущемляться. Лей в своем первом обращении говорил: "Рабочие! Ваши права для нацистской партии священны. Я сам родом из семьи бедного крестьянина и знаю, что такое нищета... Я испытал на себе капиталистическую эксплуатацию. Рабочие! Клянусь вам, мы не только сохраним все, что вы имеете, но и расширим ваши права".

Что обещания нацистов ничего не стоили — выяснилось через три недели, когда Гитлер издал декрет, отменявший практику переговоров профсоюзов с предпринимателями и возлагавший "регулирование коллективных договоров" и соблюдение "трудоустройства" на "доверенных уполномоченных по труду", которых будет назначать сам фюрер. А поскольку решениям этих доверенных лиц придавалась сила закона, то это означало, что декрет Гитлера, по существу, объявлял забастовки незаконными. Лей в свою очередь обещал "вернуть абсолютное господство на предприятии его естественному руководителю, то есть работодателю... Многие предприниматели в течение ряда лет спрашивали: кто хозяин дома? Теперь они знают, что снова становятся "хозяевами дома".

Предприниматели могли быть довольны: щедрые вложения, которые многие из них делали в кассу национал-социалистской немецкой рабочей партии, начали окупаться. Но для полного преуспевания капиталу требовалась определенная стабильность общества, а ее не было, потому что весной и в начале лета в Германии царил беспорядок: по улицам слонялись оголтелые банды в коричневых рубашках, арестовывая, избивая, а иногда и убивая кого им вздумается, в то время как полиция равнодушно наблюдала за происходящим. Однако уличный террор не являлся нарушением предписаний государственной власти, как это имело место во время Французской революции; напротив, акты терроризма совершались с одобрения, а нередко и по приказу власти, авторитет и централизация которой никогда еще не были так велики, как в тогдашней Германии. Судьи были запуганы, им приходилось опасаться за собственную жизнь, если они выносили приговоры штурмовикам даже за хладнокровное преднамеренное убийство. Как говорил Геринг, фюрер — это и есть закон. В мае — июне 1933 года Гитлер заявлял, что "национал-социалистская революция еще не завершена" и "победоносно закончится лишь после того, как завершится работа по воспитанию нового немецкого народа". На языке нацистов слово "воспитание" означало устрашение людей до такой степени, что они безропотно принимали нацистскую диктатуру и нацистское варварство. С точки зрения Гитлера, как много раз заявлял он публично, евреи не являлись немецкими гражданами; и хотя он не решился на немедленное их истребление (в первые месяцы было ограблено, избито

и умерщвлено сравнительно немного евреев, то есть всего несколько тысяч), но издал ряд законов, требовавших изгнания их с государственной службы, из университетов, отстранения от занятий свободными профессиями. А 1 апреля 1933 года он объявил всенародный бойкот магазинов, владельцами которых были евреи.

Деловые круги, с таким восторгом приветствовавшие разгром несговорчивых профсоюзов, обнаружили, что представители левого нацистского крыла, искренне верившие в "социализм" их партии, стремятся занять главенствующее положение в сообществе работодателей, ликвидировать крупные универсальные магазины и национализировать промышленность. Тысячи алчных функционеров нацистской партии насели на управляющих фирм, которые не помогали Гитлеру. В одних случаях они угрожали им конфискацией имущества, в других — домогались теплых мест в директорате. Д-р Готфрид Федер, дока по части экономики, настаивал на проведении в жизнь партийной программы, требуя национализации крупного капитала, участия в прибылях, а также отмены рентных доходов и "кабальных процентных ставок". Словно желая пострадать и без того достаточно напуганных банкиров, Вальтер Дарре, новый министр сельского хозяйства, пригрозил им значительным сокращением капитальных долгов фермеров и уменьшением ставок до двух процентов на а то, что они оставались должны. А почему бы и нет? К середине лета 1933 года Гитлер стал хозяином Германии. Теперь он мог приступить к осуществлению своих замыслов. Папен при всей его ловкости остался ни с чем; все его расчеты на то, что, имея в кабинете численное превосходство над нацистами (восемь к трем), он вместе с Гугенбергом и другими сторонниками старого порядка сможет держать Гитлера под контролем и использовать в своих интересах, рухнули у него на глазах. С поста министра-президента Пруссии его прогнали, заменив Герингом. Правда, он еще оставался вице-канцлером рейха, но должность эта, как с грустью признавался потом Папен, со временем утратила свое значение. Гугенберг, этот удачливый коммерсант и финансист, с государственной службы ушел, а его партию распустили. Зато в правительство выдвинули Геббельса, третьего человека в нацистской партии. Его назначили министром народного образования и пропаганды. Дарре, считавшийся, как и Геббельс, радикалом, 13 марта стал министром сельского хозяйства.

Д-ра Ганса Лютера, консерватора, президента Рейхсбанка (ключевой пост в экономической системе Германии), Гитлер сместил, отправив послом в Вашингтон. На его место 17 марта был вновь назначен энергичный д-р Шахт, приверженец Гитлера, считавший нацизм,

"оправданным и необходимым". Не было в Германии человека, который столько бы сделал для Гитлера в области укрепления финансовой мощи третьего рейха и осуществления программы перевооружения в годы, предшествовавшие второй мировой войне, сколько сделал Шахт, ставший позднее министром экономики и генеральным уполномоченным по делам военной экономики. Правда, незадолго до войны он начал отворачиваться от своего кумира и в конце концов ушел (либо его попросили уйти) со всех постов и даже примкнул к тем, кто замыслил покушение на Гитлера. Но к этому времени было уже поздно пытаться изменить курс нацистского главаря, которому он так долго и верно служил.

"Второй революции не будет!"

Гитлер подчинил себе Германию без малейшего труда, но перед ним еще стояли нерешенные проблемы. Главных проблем было пять: как предотвратить вторую революцию; как уладить напряженные отношения между СА и армией; как вытянуть из трясины экономику страны и обеспечить работой шесть миллионов человек; как добиться на Женевской конференции права на паритет Германии в области вооружений и ускорить тайное перевооружение рейха, начатое в последние годы существования республики; кто будет президентом страны, когда умрет Гинденбург.

Рем, шеф СА, первым употребил выражение "вторая революция" и призвал приступить к ее свершению. Так же думал и Геббельс. В его дневниковой записи от 18 апреля читаем: "В народе все говорят о неизбежности второй революции. Это значит, что революция не кончилась. Нам надо еще разделаться с реакцией. Революцию надо продолжать повсеместно".

Левых нацисты уничтожили, зато сохранили правых: крупный промышленный и финансовый капитал, аристократию, юнкеров-землевладельцев и прусских генералов, прочно державших армию в своих руках. Рем, Геббельс и другие "радикалы" движения хотели и их ликвидировать. Рем, отряды которого насчитывали теперь около двух миллионов (в двадцать раз больше, чем солдат регулярной армии), так прямо и заявил:

"Первая победа на пути германской революции одержана... СА и СС, на которых возложена великая миссия продолжателей германской революции, не допустят, чтобы ее предали, остановив на полпути... Если филистеры полагают, что национальная революция слишком затянулась... и в самом деле настало время кончать ее, превратив в национал-социалистскую... Мы должны продолжать борьбу с ними или без них, а если потребуется — и против них... Мы — неподкупные гаранты

окончательной победы германской революции".

А в речи, произнесенной в августе, он добавил: "И до сего дня находятся лица, которые никакого понятия не имеют о революционном духе. Мы не колеблясь избавимся от них, если они осмелятся реализовать свои реакционные идеи на практике".

Но Гитлер рассуждал иначе. Он рассматривал социалистические лозунги нацистов лишь как средство пропаганды, завоевания масс на свою сторону в период продвижения к власти. Теперь, когда он уже оказался у власти, эти лозунги его больше не интересовали. Чтобы укрепить его положение и положение страны, требовалось время. С правыми (предприниматели, военные, президент), по крайней мере в данный момент, надо было ладить. Он не намеревался доводить Германию до банкротства и подвергать тем самым опасности само существование режима. Второй революции не должно быть.

Это он дал ясно понять 1 июля в речи, обращенной к главарям СА и СС. "Чего сегодня не хватает Германии, — сказал он, — так это порядка... Я буду беспощадно пресекать любые посягательства на существующий порядок и всякие разговоры о второй революции, которая привела бы только к хаосу". А 6 июля, выступая перед имперскими наместниками, собравшимися в здании правительства, он снова напомнил:

"Революция не есть наше перманентное состояние, и нельзя допускать, чтобы она стала состоянием постоянным. Революционный поток, вызванный к жизни, следует направить в безопасное русло эволюции... Поэтому мы не должны отталкивать предпринимателя, который хорошо ведет дело, даже если он и не стал еще национал-социалистом; тем более это важно, если национал-социалист, пожелавший занять его место, ничего не смыслит в коммерции. В коммерции единственным критерием является умение человека вести дело...

История будет судить о нас не по тому, много ли экономистов мы отстранили или посадили в тюрьмы, а по тому, сумели ли мы обеспечить людей работой... Идеи, заложенные в нашей программе, заключаются не в том, чтобы действовать по-глупому и создавать вселенский хаос, а в том, чтобы вести дело разумно и правильно. В конечном счете наша политическая власть будет тем прочнее, чем больше мы преуспеем в подведении под нашу экономику твердого фундамента. Имперские наместники поэтому должны позаботиться о том, чтобы ни одна партийная организация не брала на себя функций правительства, увольняя или назначая должностных лиц, поскольку функции такого рода являются компетенцией правительства рейха, а в хозяйственной области —

рейхсминистра экономики".

Как видно, в этом заявлении с предельной ясностью указывалось, что нацистская революция — процесс политический, а не экономический. Чтобы доказать, что он не бросает слов на ветер, Гитлер сместил с занимаемых постов ряд нацистских "радикалов", попытавшихся захватить контроль над объединениями предпринимателей. Он вернул Круппу фон Болену и Фрицу Тиссену главенствующее положение в деловом мире, запретил "Боевую лигу коммерсантов среднего сословия", устраивавшую погромы в крупных универсальных магазинах, и назначил д-ра Карла Шмидта министром экономики (вместо ушедшего в отставку Гугенберга). Шмидт, прожженный делец, директор крупнейшей в Германии страховой компании "Аллианц", не терял времени даром: принял все меры к тому, чтобы воспрепятствовать замыслам тех национал-социалистов, которые по наивности всерьез восприняли программу нацистской партии.

Велико было разочарование рядовых нацистов, особенно штурмовиков, составлявших главную силу гитлеровского массового движения. Большинство из них принадлежали к армии обедневших, обездоленных, недовольных элементов. Эти люди на личном опыте убедились, что не могут не быть противниками капитализма, и видели в революции, которая приобрела форму уличных потасовок, возможность поживиться добычей и получить выгодные места в мире коммерции или в органах управления. И вот теперь, после бурных весенних эксцессов, их надежды рушились. Старая клика — партийная или беспартийная — не только не оставляла своих позиций, но и укрепляла их.

Это обстоятельство не было единственной причиной брожения в рядах СА. Снова дали о себе знать давние разногласия между Гитлером и Ремом из-за статуса и целей СА. Гитлер с самого зарождения нацистского движения требовал, чтобы штурмовые отряды выполняли функции политической, а не военной силы; их назначение — насилием и террором прокладывать путь к политической власти. С точки зрения Рема, СА являлись не только ведущей силой нацистской революции, но и костяком будущей армии, которая для Гитлера была бы тем же, чем для Наполеона — армия, созданная после Французской революции на основе воинской повинности. Он считал, что пора избавляться от реакционных прусских генералов — этих старых болванов, как презрительно он их называл, — и формировать боевое революционное войско, народную армию, руководимую им и его крепкими парнями.

Совсем иначе рассуждал Гитлер. Он лучше Рема и лучше любого Другого нациста понимал, что не смог бы прийти к власти без поддержки

или хотя бы терпимого отношения к нему армейских генералов и что в данный момент отчасти от них зависит его дальнейшее пребывание у кормила власти, поскольку они, располагая реальными средствами, могли убрать его, если бы захотели. Гитлер предвидел, что личное расположение к нему военных будет особенно необходимо в тот критический момент — и его не так уж долго ждать, — когда главнокомандующий, 86-летний Гинденбург, покинет сей мир. К тому же фюрер был убежден, что только офицерский корпус с его традициями и его выучкой способен за короткое время создать сильную, Дисциплинированную армию. Что касается СА, то они представляли собой толпу, пригодную разве что для уличных драк, и не могли считаться современной армией. Свою службу они сослужили, и теперь их надо было постепенно выводить из игры. Взгляды Гитлера и Рема на этот счет оказались непримиримыми, и в период с лета 1933 года по 30 июня 1934 года между этими ветеранами нацистского движения, к тому же близкими друзьями (Эрнст Рем был единственным человеком, кому Гитлер говорил "ты"), шла в буквальном смысле смертельная борьба.

Выступая 5 ноября 1933 года в берлинском Шпортпаласте перед 15 тысячами командиров СА, Рем отметил, что в рядах штурмовиков царит глубокое разочарование. "Часто приходится слышать... что надобность в СА уже отпала", — заявил он и добавил, что такое суждение ошибочно. Однако Гитлер был непреклонен. "СА должны относиться к армии точно так же, как относится к ней политическое руководство", — заявил он в речи, произнесенной 19 августа в Бад-Годесберге.

А 23 сентября в Нюрнберге он высказался еще яснее: "Особенно не должны мы забывать сегодня о том, какую роль сыграла наша армия, ибо всем хорошо известно, что если бы в дни революции она была не с нами, то мы бы сейчас перед вами не стояли. Мы можем заверить армию, что всегда будем это помнить, что видим в ней носительницу славных боевых традиций и что от всего сердца и всеми силами будем поддерживать ее дух".

Незадолго перед этим Гитлер дал вооруженным силам тайное обещание, чем снискал расположение многих высших чинов. 2 февраля 1933 года, через три дня после вступления в должность, он произнес двухчасовую речь на встрече с генералами и адмиралами, состоявшейся в доме командующего армией генерала фон Хаммерштейна. Цель этой первой встречи нацистского канцлера с офицерским корпусом была раскрыта в Нюрнберге адмиралом Эрихом Редером. Гитлер, по его словам, рассеял опасения военной элиты относительно того, что вооруженным силам придется участвовать в гражданской войне, и заверил, что армия и

флот получают возможность целиком посвятить себя решению главной задачи — быстрому перевооружению Германии. Адмирал Редер признал, что он остался чрезвычайно доволен перспективой строительства военноморского флота, а генерал фон Бломберг, поспешивший 30 января 1933 года принять пост министра обороны, чем помог предотвратить попытки военных выступить против назначения Гитлера канцлером, указал позднее в своих неопубликованных мемуарах, что фюрер открыл "поле деятельности, таившее в себе огромные возможности на будущее".

Чтобы еще больше воодушевить военную верхушку, Гитлер объявил 4 апреля о создании Совета обороны рейха, призванного разработать новую секретную программу перевооружения. А спустя три месяца, 20 июля, канцлер издал новый закон об армии, освобождавший военнотружущих из-под юрисдикции гражданских судов и упразднявший выборные солдатские представительства, вернув таким образом офицерскому корпусу его исконные привилегии. В результате генералам и адмиралам нацистская революция начала представляться в ином, более благоприятном свете.

Желая задобрить Рема, Гитлер ввел его 1 декабря в состав кабинета (наряду с Рудольфом Гессом, бывшим тогда заместителем председателя партии), а в канун Нового года послал ему теплое дружеское письмо. В нем подчеркивалось, что "армия должна гарантировать безопасность нации от внешнего мира", в то время как задача СА — обеспечить победу национал-социалистской революции и блюсти национал-социалистское государство, что своими успехами СА всецело обязаны ему, Рему. Письмо заканчивалось словами:

"Считаю своим долгом в годовщину национал-социалистской революции поблагодарить тебя, мой дорогой друг Эрнст Рем, за неоценимые услуги, оказанные национал-социалистскому движению и немецкому народу, и заверить, что я благодарен судьбе, давшей мне возможность называть людей, подобных тебе, своими друзьями и соратниками.

С искренним чувством дружбы и признательности твой Адольф Гитлер"

Письмо это, выдержанное в самых дружеских тонах, было напечатано 2 января 1934 года в центральном органе нацистской партии "фелькишер беобахтер". Оно заметно рассеяло недовольство, царившее в рядах СА. В атмосфере благодушия, последовавшего в дни рождественских и новогодних праздников, соперничество между СА и армией на время притупилось, громкие призывы нацистских "радикалов" ко "второй революции" стихли.

Истоки нацистской внешней политики

"Нет никакой победы, ибо некого было побеждать", — заметил Освальд Шпенглер, говоря о том, как легко Гитлер покорил и нацифицировал в 1933 году Германию. "Я с чувством глубокого скепсиса наблюдал, — пишет автор в вышедшей в начале 1934 года книге "Упадок Запада", — как громко изо дня в день восторгались фактом захвата власти. Лучше бы придержать эти восторги до того дня, когда появятся реальные, осязаемые успехи в области внешней политики. Только о них и можно говорить всерьез".

Этот философ и историк, которого нацисты одно время считали своим кумиром (до того, как произошло взаимное охлаждение), поторопился с выводами. Перед тем как приступить к покорению мира, Гитлер должен был подчинить себе Германию. Но как только он покончил с немецкими противниками, то, не теряя времени, занялся тем, что его интересовало больше всего, — иностранными делами.

Международное положение Германии весной 1933 года было хуже некуда. Третий рейх находился в изоляции от внешнего мира, в военном отношении он был бессилен. Весь мир содрогался от безобразий, чинимых нацистами, особенно от гонений на евреев. Соседи Германии, в первую очередь Франция и Польша, относились к ней враждебно и настороженно. Еще в марте 1933 года, после Демонстрации Польшей своей военной силы в Данциге, маршал Пилсудский высказал французам мысль о желательности совместной превентивной войны против Германии. Даже Муссолини, внешне довольный появлением нового фашистского государства, на деле не очень радовался приходу Гитлера к власти. Фюрер государства обладавшего гораздо большим экономическим и военным потенциалом, чем Италия, мог быстро отодвинуть дуче на второй план. Одержимый идеей пангерманизма, рейх посягал на Австрию и Балканы где итальянский диктатор уже успел заявить о своих правах. Враждебно отнесся к нацистской Германии и Советский Союз, который начиная с 1921 года поддерживал дружественные отношения с Германской республикой {16 апреля 1922 года в Рапалло (Италия) между СССР и Германией был подписан договор о восстановлении дипломатических и торгово-экономических отношений, об отказе от взаимных претензий, получивший название Рапалльского. — Прим. тит. ред. }. Да, друзей у третьего рейха фактически не было. К тому же он был безоружен по сравнению с соседями, обладавшими хорошо оснащенными вооруженными силами.

Как следствие, внешнеполитическая стратегия и тактика Гитлера на ближайшую перспективу диктовалась суровой реальностью — слабостью и

изолированностью Германии. Но так уж получилось, что сложившаяся обстановка породила также естественные цели, отвечавшие как его собственному горячему желанию, так и чаяниям огромного большинства немецкого народа: избавиться от оков Версаля, не вызвав при этом ответных санкций, и вооружиться, не рискуя оказаться в состоянии войны. Лишь по достижении этих двух целей он будет располагать свободой действий и военной силой, чтобы начать проводить в жизнь внешнюю политику, задачи и методы которой он столь откровенно и детально изложил в "Майн кампф".

Прежде всего надо было сделать то, что само собой напрашивалось, — спутать карты противников Германии разговорами о мире и разоружении, одновременно выискивая слабые места в их коллективной обороне. 17 мая 1933 года Гитлер выступил в рейхстаге с "мирной речью" — одной из самых эффектных за все годы его деятельности; это был шедевр лживой пропаганды, глубоко взволновавший немецкий народ и сплотивший его вокруг фюрера. Большое впечатление произвела эта речь и за рубежом. Она была произнесена через день после того, как президент Рузвельт обратился к главам сорока четырех государств с сенсационным посланием, выразив в нем стремление Соединенных Штатов к разоружению и миру и призвав запретить всякое наступательное оружие — бомбардировщики, танки, подвижную тяжелую артиллерию. Гитлер не замедлил подхватить этот призыв и использовать его наилучшим образом.

"Предложение, внесенное президентом Рузвельтом, о котором я узнал вчера вечером, заслуживает самых теплых слов благодарности германского правительства. Оно готово одобрить такой способ преодоления международного кризиса... Предложение президента — это луч надежды для каждого, кто желает сотрудничать в деле сохранения мира... Германия целиком и полностью за запрещение всякого наступательного оружия, если вооруженные страны в свою очередь уничтожат наступательное оружие... Германия также готова ликвидировать все свои вооруженные силы и уничтожить те небольшие запасы оружия, которые у нас еще имеются, если также поступят соседние государства... Германия готова пойти на любой торжественный договор о ненападении, ибо думает она не о нападении, с о собственной безопасности".

Вежливая речь Гитлера, полная заверений в любви к миру, приятно удивила встревоженное человечество. Германия не хочет войны. Война — это "безграничное безумие". Она "приведет к крушению социального и политического порядка". Нацистская Германия не испытывает желания "онемечивать" другие народы. "Нам чужд образ мыслей, характерный для

людей прошлого столетия, которые полагали, что из поляка или француза можно сделать немца... Французы, поляки и другие народы — наши соседи, и мы осознаем, что никакие исторически мыслимые обстоятельства не могут изменить эту реальность".

Но в речи прозвучало одно предупреждение. Германия требует равенства с другими странами и прежде всего — в области вооружений. Если равенства не будет, она предпочтет уйти с конференции по разоружению и выйти из Лиги Наций.

Среди всеобщего ликования, вызванного в западном мире столь неожиданным проявлением благоразумия со стороны Гитлера, это предупреждение осталось незамеченным. Лондонская "Таймс" сочла требование Гитлера о равенстве "неоспоримым". Другая лондонская газета, "Дейли геральд", официальный орган лейбористской партии, рекомендовала поверить Гитлеру на слово. Консервативный еженедельник "Спектейтор", также выходящий в Лондоне, заключил, что Гитлер сделал дружеский жест в отношении Рузвельта и что это вселяет в многострадальное человечество новую надежду. Официальное германское бюро информации в Вашингтоне, ссылаясь на помощника президента, сообщило: "Президент доволен, что Гитлер принял его предложение".

Вопреки ожиданиям многих в словах неистового нацистского Диктатора прозвучали не дикие угрозы, а учтивость и деликатность. Человечество было очаровано. В рейхстаге даже депутаты-социалисты, находившиеся не в тюрьмах и не в эмиграции, не высказали никаких возражений, в результате чего внешнеполитическая программа Гитлера была принята единогласно.

Но предупреждение фюрера не было пустой фразой. Узнав в начале октября, что союзники выдвигают требование предоставить им восьмилетний срок, чтобы они могли сократить свои вооружения до уровня германских, он объявил 14-го числа того же месяца, что, поскольку другие участники женевских переговоров отказываются предоставить Германии равные права, она немедленно отзывает своих представителей с конференции по разоружению и из Лиги Наций. Одновременно он принял и другие меры: распустил рейхстаг, объявив, что решение отозвать своих представителей из Женевы вынесет на референдум, и приказал министру обороны генералу фон Бломбергу издать секретную директиву вооруженным силам — оказать вооруженное сопротивление, если Лига Наций прибегнет к санкциям. Этот поспешный шаг показал, что за весенней миролюбивой речью Гитлера не стояло ничего реального. В международных делах это была его первая рискованная игра в открытую.

Она означала, что отныне нацистская Германия начнет перевооружение вопреки всем существующим соглашениям о разоружении и вопреки Версальскому договору. Это был осознанный риск — секретная директива Бломберга армии и флоту, ставшая известной на процессе в Нюрнберге, показала не только то, что Гитлер рисковал подвергнуть страну санкциям, но и то, что положение Германии в случае применения таких санкций оказалось бы безнадежным {За несколько месяцев до этого, 11 мая, лорд Хейлшэм, военный министр Великобритании, публично предупредил, что всякая попытка Германии перевооружиться будет нарушением мирного договора и ответом на нее явятся санкции, предусмотренные указанным договором. В Германии полагали, что санкции подразумевают военное вторжение. — Прим. авт. }. Директива четко обозначала оборонительные рубежи на западе, на границе с Францией, и на востоке, на границе с Польшей и Чехословакией, которые германским вооруженным силам предписывалось "удерживать как можно дольше". Из самого текста приказа Бломберга было видно, что немецкие генералы, по крайней мере, не питали никаких иллюзий относительно способности рейха держать оборону хотя бы короткое время.

Это был первый критический момент. За ним в течение трех лет последует множество других, пока немцы не оккупируют демилитаризованную зону вдоль левого берега Рейна (это произойдет в 1936 году); тогда союзники могли применить санкции — не за то, что Гитлер ушел с конференции по разоружению и из Лиги Наций, а за нарушения условий Версальского договора относительно разоружения — условий, которые Германия начала нарушать уже два года назад, еще до прихода Гитлера к власти. В то время союзники легко могли одолеть Германию; это так же верно, как то, что своими действиями они способны были покончить с третьим рейхом в первый же год его существования. Но в том отчасти и заключалась одаренность бывшего австрийского босняка, что он давно постиг природу своих иностранных противников — постиг с таким же искусством и прозорливостью, с какими оценил характер оппонентов в собственном доме. В этой кризисной обстановке так же, как и в еще более серьезных ситуациях, которые будут следовать быстрой чередой вплоть до 1939 года, союзные государства-победители не предприняли никаких действий; слишком разобщены они были, слишком инертны, слишком слепы, чтобы понять характер и направленность того, что происходило за Рейном. Таким образом, расчет Гитлера оказался удивительно точен — так же точен, как и в отношении немецкого народа. Он прекрасно знал, что скажут немцы во время референдума, который он

решил провести одновременно с выборами в рейхстаг (на них был представлен лишь список кандидатов от нацистской партии). И референдум и выборы должны были состояться 12 ноября 1933 года, другой день после годовщины перемирия 1918 года. День перемирия, продолжавший беречь душу немцев, считался в Германии черным днем.

"Надо сделать так, — сказал Гитлер 4 ноября на предвыборном собрании в Бреслау, — чтобы этот день был отмечен в истории нашего народа как день спасения, чтобы можно было потом сказать: 11 ноября немецкий народ формально потерял свою честь, но вот прошло пятнадцать лет, наступил день 12 ноября, и немецкий народ вернул себе честь".

В канун выборов, 11 ноября, в обращении к народу по радио почтенный Гинденбург тоже призывал: "Проявите завтра стремление к национальному единству и солидарности с правительством. Отстаивайте вместе со мной и рейхсканцлером принципы равноправия и почетного мира и покажите всему миру, что мы оправались от болезни и с божьей помощью сохраняем единство немецкого народа! "

Реакция немецкого народа, прожившего пятнадцать лет в обстановке отчаяния и недовольства в результате поражения в войне, была почти однозначной. В референдуме участвовали 96 процентов зарегистрированных избирателей; 95 процентов этого числа одобрили решение об уходе из Женевы. На выборах в рейхстаг за список нацистской партии (в него вошли также Гинденбург и шестеро ненацистов) отдали свои голоса 92 процента избирателей. Даже в концлагере Дахау 2154 заключенных из 2242 проголосовали за правительство, по вине которого они там оказались! Правда, во многих населенных пунктах раздавались угрозы в адрес тех, кто уклонялся от голосования или кто голосовал "неправильно"; были случаи, когда избиратели боялись, что власти узнают, кто из них голосовал против режима, и подвергнут их наказаниям. Но даже с этой оговоркой итоги голосования (а их-то, во всяком случае, подводили честно) свидетельствовали о потрясающем успехе Адольфа Гитлера. Не оставалось сомнений, что вызов, брошенный им внешнему миру, поддержало подавляющее большинство немецкого народа.

Через три дня после референдума и выборов Гитлер вызвал к себе польского посла Юзефа Липского. Об итогах их беседы было опубликовано совместное коммюнике, удивившее не только немецкую, но и мировую общественность. Правительства Польши и Германии договорились "рассматривать вопросы, касающиеся обеих сторон, путем прямых переговоров и отказаться от всякого применения силы во взаимных отношениях ради укрепления мира в Европе".

К Польше немцы относились с большей ненавистью и презрением, чем даже к Франции. С их точки зрения, тягчайшим преступлением версальских миротворцев было то, что они отделили Восточную Пруссию от рейха Польским коридором с целью отторгнуть Данциг и передали полякам Познанскую провинцию и часть Силезии; хотя там и преобладало польское население, территории эти принадлежали Германии со времен раздела Польши. Никто из немецких государственных деятелей в годы существования республики не считал эти приобретения Польши узаконенными навсегда. Штресеман и слышать не хотел о переговорах с Польшей относительно "восточного Локарно" как дополнения к Локарнским договорам {Локарнские договоры (1925 год) о неприкосновенности границ государств, граничащих с Германией на западе, являлись составной частью англо-французской концепции безопасности и в то же время открывали германскому империализму путь к агрессии на востоке против Польши и СССР. — Прим. тит. ред. } о западных границах Германии. А генерал фон Сект, отец рейхсвера и вдохновитель внешней политики республики в первые годы после ее основания, в 1922 году заявил правительству: "Существование Польши невозможно терпеть, оно несовместимо с самой сутью образа жизни Германии. Польша должна исчезнуть с лица земли, и она исчезнет". А еще он добавил, что ее уничтожение "должно быть одной из основных целей политики Германии... С исчезновением Польши рухнет одна из главных опор Версальского мира — гегемония Франции".

Пока Польша не стерта с лица земли, рассуждал Гитлер, ее надо оторвать от союзной Франции. Курс, который он избрал, сулил кроме достижения конечной цели ряд непосредственных выгод. Декларируя отказ от применения силы к Польше, он мог еще громче кричать о мире, чтобы рассеять подозрения, вызванные в Западной и Восточной Европе его поспешным уходом из Женевы. Склонив поляков к прямым переговорам, он мог действовать в обход Лиги Наций и тем ослабить ее влияние. При этом он не только наносил удар по концепции коллективной безопасности, но и подрывал союзнические отношения Франции с Восточной Европой, оплотом которой являлась Польша. Немецкий народ, традиционно ненавидевший поляков, мог этого не понимать, но ведь в том и состояло, по мнению Гитлера, одно из преимуществ диктатуры перед демократией, что при ней можно, не вызывая шума внутри страны, какое-то время проводить в жизнь политику, не пользующуюся поддержкой народа, однако обещающую важные конечные результаты.

26 января 1934 года, за четыре дня до встречи Гитлера с депутатами

рейхстага по случаю первой годовщины его прихода к власти, было объявлено о подписании сроком на десять лет польско-германского договора о ненападении. С тех пор Польша, уничтожившая под руководством диктатуры маршала Пилсудского остатки собственной парламентской демократии, начала постепенно отходить от Франции, на помощь которой она опиралась с момента своего возрождения в 1919 году, и все теснее сближаться с нацистской Германией. Этот путь и привел ее к гибели задолго до того, как истек срок договора о "дружбе и ненападении".

Выступая 30 января 1934 года в рейхстаге, Гитлер мог взглянуть на истекший год как на год свершений, не имевших аналогов в истории Германии. За какие-то двенадцать месяцев он низверг Веймарскую республику, заменил демократию личной диктатурой, ликвидировал политические партии, кроме собственной, разгромил органы самоуправления земель и их парламенты, разрушил федерацию, объединил рейх, уничтожил профсоюзы и всякого рода демократические организации, изгнал евреев с государственной службы, запретил врачам и адвокатам еврейской национальности заниматься частной практикой, отменил свободу слова и печати, лишил суды независимости и "унифицировал" под властью нацистов политическую, экономическую, культурную и общественную жизнь народа древней цивилизации.

Всеми этими "достижениями" и решительными действиями на международной арене, приведшими к выходу Германии из сообщества наций в Женеве и продемонстрировавшими ее упорное стремление добиться равенства с великими державами, Гитлер снискал себе, как показали результаты референдума и выборов, поддержку подавляющего большинства немецкого народа. Однако с наступлением второго года его господства над нацистами начали сгущаться тучи.

"Кровавая чистка" 30 июня 1934 года

То, что на небосклоне сгущались тучи, объяснялось наличием трех нерешенных взаимосвязанных проблем: продолжающиеся громкие призывы лидеров радикального крыла партии и СА ко "второй революции", соперничество между СА и армией и вопрос о преемнике президента Гинденбурга, которому, как это выяснилось уже в начале весны, жить оставалось недолго.

Рема, начальника штаба СА, численность которых выросла к этому времени до 2, 5 миллиона, не удалось нейтрализовать ни с помощью жеста, который сделал Гитлер, назначив его членом кабинета, ни с помощью дружеского письма, посланного ему лично фюрером по случаю новогоднего праздника. В феврале он представил кабинету пространный

меморандум, в котором предлагал рассматривать СА как основу новой народной армии, в которую кроме СА вошли бы части СС, рейхсвера и объединения бывших фронтовиков. Все эти формирования, согласно проекту, должны были подчиняться единому министерству обороны, главой которого, как легко догадаться, рассчитывал стать Рем.

Ничего более отвратительного, чем эта идея, офицерский корпус не мог себе представить. Его старшие чины не только единодушно отвергли это предложение, но и обратились за поддержкой к Гинденбургу. Рухнули бы все традиции военной касты, если бы армия вдруг оказалась под контролем хулигана Рема и его неотесанных коричневорубашечников. В добавление ко всему генералов потрясли слухи, получившие широкую огласку, о коррупции и оргиях гомосексуалистов, практиковавшихся среди окружения шефа СА. Как показал впоследствии генерал фон Браухич, "переворужение было слишком серьезным и сложным делом, чтобы подпускать к нему казнокрадов, пьяниц и гомосексуалистов".

В то время Гитлер не мог позволить себе обидеть верхушку армии поэтому он не поддержал проект Рема. 21 февраля он доверительно сообщил Антони Идену, приезжавшему в Берлин обсудить тупиковую ситуацию, сложившуюся в связи с проблемой разоружения, что готов сократить численность СА на одну треть и допустить инспекторов, которые могли бы проверить, не получают ли остальные две трети оружия и не проходят ли военное обучение. Когда сведения об этом обещании Гитлера стали известны Рему и другим главарям СА, они ожесточились еще сильнее. С приближением лета 1934 года отношения между начальником штаба СА и высшим командованием армии значительно ухудшились. На заседаниях кабинета происходили громкие скандалы. В марте министр обороны заявил Гитлеру протест по поводу того, что СА, не имея на то права, вооружают тяжелыми пулеметами многочисленный отряд специальной штабной охраны. Фон Бломберг добавил, что это представляет угрозу не только армии, но и осуществляемой под руководством рейхсвера тайной программе перевооружения Германии, поскольку командование СА действует открыто.

Очевидно, что в этих условиях Гитлер в отличие от своевольного Рема и его подручных не мог не думать о близком конце слабеющего Гинденбурга. Он знал, что престарелый президент, армия и другие консервативные силы Германии настроены в пользу восстановления монархии Гогенцоллернов. У него же были другие планы, и в начале апреля, когда ему и Бломбергу сообщили из неофициальных, но надежных источников в Нейдеке, что дни президента сочтены, он понял:

приближается момент решительных действий. Для успеха предприятия ему требовалась поддержка офицерского корпуса; ради этой поддержки он готов был пойти на все.

Вскоре случай для секретных переговоров с военными представился. 11 апреля канцлер в сопровождении генерала фон Бломберга, командующего армией генерала фон Фрича и командующего военноморскими силами адмирала Редера отправился на крейсере "Дойчланд" из Киля в Кенигсберг на маневры у берегов Восточной Пруссии. Сообщив командующим армией и флотом об ухудшающемся состоянии Гинденбурга, Гитлер с согласия Бломберга без обиняков предложил на пост нового президента себя, если на то будет благословение рейхсвера. В обмен на поддержку военных Гитлер обещал отклонить претензии Рема, резко сократить численность СА и гарантировать рейхсверу положение единственной вооруженной силы в третьем рейхе. Кроме того, как полагают, он заверил Фрича и Редера, что в случае их поддержки развернет обширную программу развития армии и флота. Разумеется, Редер, склонный к угодничеству, тотчас согласился. Что касается Фрича, то он, как человек менее сговорчивый, пожелал сначала посоветоваться со старшими генералами.

Совещание старших генералов состоялось 16 мая в Бад-Наугейме. Высшие чины немецкой армии, после того как им объяснили суть пакта на борту крейсера "Дойчланд", единодушно одобрили кандидатуру Гитлера на пост нового президента. Для армии это политическое решение приобретало историческое значение. Добровольно подчинившись неограниченной власти диктатора, одержимого манией величия, она предрешила свою судьбу. Гитлер же в результате этого сговора получил права верховного правителя. Теперь, когда на 3 пути уже не стоял строптивый фельдмаршал, когда миновала опасность реставрации монархии Гогенцоллернов, когда он становится главой государства, а не только правительства, ничто не стесняло свободы его действий. Цена, которую он заплатил за свое восхождение на вершину власти, оказалась ничтожной: он жертвовал СА. Не нужна ему была больше эта организация, ибо теперь он стал полновластным хозяином. От этого дикого сброда одни лишь неприятности. В ту весну его презрение к узколобым генералам резко усилилось, очевидно, потому, что переманить их на свою сторону оказалось на удивление легко. Это мнение о генералах он не изменил до самого конца, за исключением одного трудного момента в июне.

Но с наступлением лета забот у Гитлера не убавилось. Обстановка в Берлине накалялась. Призывы ко "второй революции" раздавались все

громче. Они звучали не только в выступлениях Рема и других главарей штурмовиков, но и в речах самого Геббельса, а также в прессе, которую он контролировал. Правые консерваторы, юнкеры и крупные промышленники из окружения Папена и Гинденбурга требовали остановить "революцию", прекратить произвольные аресты, преследование евреев, нападки на церковь, наглые выходки штурмовиков, положить конец всеохватывающему террору, организованному нацистами.

Внутри самой нацистской партии с новой силой вспыхнула ожесточенная борьба за власть. Против Рема объединились два сильнейших противника — Геринг и Гиммлер, 1 апреля Геринг назначил Гиммлера, шефа СС, которые тогда еще входили в состав СА и подчинялись Рему, шефом прусского гестапо, после чего Гиммлер немедленно приступил к созданию тайной полицейской империи. Геринг, которого Гинденбург произвел в августе 1933 года в генералы от инфантерии, хотя тот был министром авиации, с радостью сменил неказистую коричневую форму СА на более элегантный мундир нового ведомства. Перемена формы была символична: как генерал и выходец из семьи военных, в борьбе с Ремом и СА он быстро принял сторону армии. Чтобы обезопасить себя в этой "войне джунглей", Геринг, кроме того, сформировал личные полицейские силы численностью несколько тысяч человек, выгодно расквартировав их с точки зрения стратегии возможной борьбы в Лихтерфельде, на окраине Берлина, в казармах бывшего кадетского училища, где когда-то началась его военная карьера.

Напряженность в Берлине усиливалась еще и вследствие распространявшихся слухов о заговорах и контрзаговорах. Генерал фон Шлейхер, не привыкший пребывать в скромной безвестности и забывший, что он уже не пользуется доверием Гинденбурга, генералов и консерваторов и поэтому не имеет какого-либо веса, снова начал вмешиваться в политику. Он был связан с Ремом и Грегором Штрассером; до Гитлера дошли сведения, что Шлейхер вынашивает план в случае осуществления которого он станет вице-канцлером, заняв место своего старого врага Папена, Рем — министром обороны а СА сольются с армией. По Берлину распространялись десятки списков будущего кабинета; в некоторых из них Брюнинг фигурировал как министр иностранных дел, а Штрассер — как министр экономики. Разговоры эти были по большей части беспочвенны, но они лили воду на мельницу Геринга и Гиммлера, жаждавших покончить с Ремом и СА, а заодно свести счеты со Шлейхером и недовольными консерваторами. Намеренно сгущая краски, они передавали эти разговоры Гитлеру, возбудить подозрительность которого

особого труда не составляло. Геринг и шеф гестапо преследовали цель не только перетрясти СА, но и ликвидировать левую и правую оппозицию, включая лиц, в прошлом выступавших против Гитлера, но потом прекративших активную политическую деятельность. В конце мая Брюнинга и Шлейхера предупредили, что их хотят убить. Первый тайно покинул страну, а второй отправился на отдых в Баварию, но в конце июня возвратился в Берлин.

В первой половине июня Гитлер имел с Ремом объяснение; беседа, как потом рассказал он в рейхстаге, длилась почти пять часов и затянулась до полуночи. Это была, по словам Гитлера, "последняя попытка" достичь взаимопонимания с ближайшим товарищем по движению: "Я сообщил ему, что из бесчисленных слухов и множества заявлений старых верных партийцев и руководителей СА вынес впечатление, что несознательные элементы готовят всегерманскую большевистскую акцию, которая не принесет ничего, кроме неслыханных бедствий... Я умолял его в последний раз добровольно отказаться от безумия и использовать свое влияние, чтобы предотвратить события, которые в любом случае закончатся только катастрофой".

По словам Гитлера, Рем, уходя, "заверил, что сделает все возможное, чтобы поправить положение". На деле же, как утверждал впоследствии фюрер, он начал вести приготовления к его (Гитлера) ликвидации. В этих словах было мало правды. Хотя история с чисткой, подобно истории с поджогом рейхстага, очевидно, так и останется невыясненной, все говорит за то, что шеф СА и не помышлял

Об устранении Гитлера. К сожалению, захваченные архивы содержат сведений о чистке не больше, чем о поджоге рейхстага. Похоже, что и в том и в другом случае компрометирующие документы были уничтожены по приказу Геринга.

Каким бы ни был характер долгой беседы ветеранов нацистского движения, фактом является то, что через день-два после нее Гитлер приказал отпустить штурмовиков на весь июль в отпуск, запретив им на это время носить форму, а также устраивать парады и учения.

7 июня Рем объявил, что берет отпуск по болезни, однако не преминул выступить с резким предупреждением: "Если враги СА надеются, что после отпуска штурмовики не вернутся в строй или вернутся лишь частично, то мы позволим им немного помечтать. Ответ им будет дан в тот момент и в той форме, какие будут сочтены необходимыми. СА были и остаются уделом Германии".

Перед отъездом из Берлина Рем пригласил Гитлера на совещание с

руководителями СА, намеченное на 30 июня в курортном городке Бад-Висзе, близ Мюнхена. Гитлер охотно согласился, и встреча действительно состоялась, только не при тех обстоятельствах, на которые, возможно, рассчитывал Рем. Да и Гитлер, пожалуй, этого не предвидел. Ибо, как признал потом фюрер в своей речи в рейхстаге, он "долго колебался, перед тем как принять окончательное решение... Я все еще лелеял тайную надежду, что смогу избавить движение и СА от позора разногласий и, может быть, отвести беду без серьезных конфликтов".

Он добавил: "Надо признать, что в последние дни мая стали выявляться все более и более тревожные факты". Но так ли это? Позже Гитлер утверждал, что Рем и его сообщники готовились захватить Берлин и взять его под стражу. Но если это правда, то зачем понадобилось руководителям СА всем скопом уезжать из Берлина и, что еще важнее, зачем сам Гитлер покинул Германию в столь критический момент, предоставив, таким образом, верхушке СА возможность в его отсутствие взять власть в свои руки? Дело в том, что 14 июня Гитлер вылетел в Вену на первую встречу (за ней последовало много других) со своим коллегой — фашистским диктатором Муссолини. Встреча, кстати, прошла неважно: Гитлер, в грязном плаще и помятой шляпе, чувствовал себя неловко рядом с искушенным дуче, облаченным в великолепную, увешанную орденами черную фашистскую форму, и посматривавшим на фюрера покровительственно-высокомерно. Гитлер возвратился в сильном, раздражении. 17 июня, в воскресенье, он созвал в городке Гера (Тюрингия) совещание руководителей партии, чтобы рассказать о встрече с Муссолини и обсудить ухудшающуюся обстановку в стране. Так совпало, что в то же воскресенье в старом университетском городе Марбурге состоялось еще одно совещание, которое привлекло к себе гораздо большее внимание и способствовало тому, что критическая ситуация достигла апогея.

Дилетант Папен, которого Гитлер и Геринг грубо столкнули на обочину политической жизни, но который формально все еще оставался вице-канилером и пользовался доверием Гинденбурга, набравшись мужества, выступил с публичным осуждением крайностей режима — того самого режима, который он так усиленно навязывал Германии. В мае он провожал больного президента в Нейдек (в последний раз он видел своего защитника живым). Озабоченный, но уже слабый фельдмаршал проговорил тогда: "Плохи дела, Папен. Постарайтесь их поправить".

Ободренный этими словами, Папен принял приглашение выступить 17 июня в Марбургском университете. Текст речи был практически составлен его личным консультантом Эдгаром Юнгом, блестящим мюнхенским

адвокатом и писателем, протестантом по вероисповеданию, хотя некоторые идеи были подсказаны Гербертом Фон Бозе, одним из секретарей вице-канцлера, и Эрихом Клаузнером, руководителем организации "Католическое действие" (за это сотрудничество все трое вскоре поплатились жизнью). Это было смелое и благодаря Юнгу выразительное по языку и сдержанной по тону выступление. В нем прозвучал призыв к окончанию революции, прекращению нацистского террора, восстановлению элементарных норм поведения, предоставлению хоть каких-то свобод, в первую очередь свободы печати. Обращаясь к д-ру Геббельсу, министра пропаганды, Папен сказал:

"Откровенные, открытые дискуссии сослужили бы немецкому народу большую службу, чем печать в ее нынешнем положении. Правительство должно помнить известный афоризм "Только слабые не терпят критики"... Не пропаганда делает человека великим... Тот кто хочет иметь тесную связь и единство с народом, не может не считаться с его мнением. Нельзя бесконечно держать его в узде... Никакая организация, никакая пропаганда, как бы хорошо она не была поставлена, не может сама по себе гарантировать доверие. Не подстрекательством... и не угрозами в адрес незащищенной части нации, а только советуясь с народом можно заслужить его доверие и преданность. Люди же, которых третируют как слабоумных, доверия не окажут... Пришло время всем нашим соотечественникам объединиться во имя братской дружбы и взаимного уважения, дабы не мешать работе серьезных людей и заставить фанатиков замолчать".

Весть об этом выступлении, едва оно закончилось, разнеслась по всей Германии; на кучку нацистских главарей, собравшихся в Гере, она произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Геббельс принял экстренные меры с целью замолчать, насколько это возможно, содержание речи: запретил намеченные на вечер того же дня радиопередачи с ее записью, запретил упоминание о ней в печати, приказал полиции конфисковать уже вышедший номер газеты "Франкфурте цайтунг", в котором приводились выдержки из нее. Но и усилий всемогущего министра пропаганды оказалось недостаточно, чтобы помешать немецкому народу и внешнему миру узнать содержание дерзкой речи. Папен предусмотрительно разослал текст своего выступления иностранным корреспондентам и дипломатам в Берлине; кроме того, несколько тысяч экземпляров, отпечатанных в типографии газеты Папена под названием "Германия", было распространено тайно.

Гитлер, узнав о речи Папена в Марбурге, пришел в ярость. Выступив в тот же день в Гере, он осудил "пигмея, который воображает, что может

несколькими фразами остановить гигантское обновление жизни народа". Папен в свою очередь разозлился, что на его речь наложен запрет. 20 июня он спешно приехал к Гитлеру и заявил, что не потерпит запрета, наложенного "младшим министром" на речь которую он произнес как "доверенное лицо президента", и тут же подал в отставку, добавив, что "немедленно доложит обо всем Гинденбургу".

Эта угроза обеспокоила Гитлера; фюрер знал, что президент недоволен сложившейся ситуацией и подумывает об объявлении чрезвычайного положения и передаче власти военным. Чтобы выяснить нить насколько она велика, он на следующий же день, 21 июня, вылетел в Нейдек для встречи с Гинденбургом. Прием, который был ему там оказан, лишь усилил его тревогу. Взглянув на встречавшего его генерала фон Бломберга, фюрер сразу заметил, что с лица министра обороны исчезло привычное выражение подобострастия. Бломберг преобразившийся вдруг в сурового прусского генерала, резким тоном информировал Гитлера, что фельдмаршал поручил ему заявить: если нынешняя напряженная обстановка в стране не будет в ближайшее время ликвидирована, то президент объявит военное положение и передаст власть армии. Гитлеру разрешили пройти к Гинденбургу на несколько минут. В присутствии Бломберга президент повторил свой ультиматум.

Для нацистского канцлера дело принимало скверный оборот. Под угрозой оказались не только его расчеты занять президентский пост; передача власти в руки военных означала бы конец его, фюрера, и конец нацистского правительства. Возвращаясь в тот же день в Берлин, он, должно быть, думал: если хочешь выжить, то выбор всего лишь один. Он должен выполнить обещание, данное армии: запретить СА, приостановить революцию, продолжения которой требовали штурмовики. Было ясно, что на меньшее армия, поддерживаемая почтенным президентом, не согласится.

И тем не менее в ту последнюю неделю июня Гитлер все еще колебался, надо ли ему столь круто поступать с руководителями СА, перед которыми он был в большом долгу. Но Геринг и Гиммлер помогли ему отбросить сомнения. Они уже наметили, с кем свести счеты, и составили длинный список настоящих и бывших врагов, подлежащих, по их мнению, ликвидации. Оставалось убедить фюрера в том, что против него готовится "широчайший заговор" и что действовать надо быстро и решительно. Как явствует из показаний Вильгельма Фрика, в то время министра внутренних дел и одного из самых ярых приверженцев Гитлера, не кто иной, как Гиммлер, сумел в конце концов убедить Гитлера, что "Рем хочет поднять

мятеж". Гиммлеру, добавил Фрик в Нюрнберге, было поручено подавить мятеж в Баварии, а Герингу — в Берлине.

Военные в свою очередь тоже подстрекали Гитлера и, таким образом, брали на себя часть ответственности за варварские действия, которые предстояло предпринять чуть позже. 25 июня главнокомандующий генерал фон Фрич привел армию в состояние боевой готовности, отменив отпуска и запретив войскам покидать казармы. 28 июня Рема исключили из немецкой офицерской лиги — прямое свидетельство того, что начальнику штаба СА грозили неприятности. И чтобы ни у кого, тем более у Рема, не оставалось никаких иллюзий относительно позиции армии, Бломберг предпринял беспрецедентный шаг — опубликовал 29 июня за своей подписью статью в "Фелькишер беобахтер", подчеркнув, что "армия... на стороне Адольфа Гитлера... который остается с нами".

Таким образом, военные требовали чистки, но не хотели пачкать руки. Это дело возлагалось на Гитлера, Геринга и Гиммлера, на отряды СС, а также на специальные полицейские силы Геринга.

28 июня, в четверг, Гитлер отправился из Берлина в Эссен на свадьбу местного гауляйтера Йозефа Тербовена. Само это путешествие и цель, ради которой оно совершалось, едва ли давали повод думать, что он считал драматические события неминуемыми. В тот же день Геринг и Гиммлер приказали отрядам специального назначения СС и полиции Геринга быть наготове. Поскольку Гитлер был в отъезде, они считали возможным действовать по своему усмотрению. На следующий день, 29 июня, фюрер совершил поездку по трудовым лагерям Вестфалии, а во второй половине дня поехал в Годесберг на Рейне, где остановился в прибрежной гостинице, владельцем которой был его старый товарищ по партии Дризен. В тот же вечер в Годесберг прибыл Геббельс, который прежде колебался не зная, к какому лагерю примкнуть (он тайно поддерживал связь с Ремом), но теперь наконец сделал выбор. Он привез вести, которые Гитлер впоследствии назвал "тревожной разведывательной информацией" из Берлина: Карл Эрнст, бывший гостиничный посыльный и бывший вышибала в кафе, часто посещаемом гомосексуалистами (Рем назначил его начальником СА в Берлине), привел штурмовиков в состояние боевой готовности. Молодой человек привлекательной наружности, но небольшого ума, Эрнст был и тогда, и в последующие двадцать четыре часа своего земного существования искренне убежден, что мятеж готовят правые. Уже умирая, он гордо воскликнул: "Хайль Гитлер! "

Позже Гитлер скажет, что до этого времени, то есть до 29 июня, в его планы входило всего лишь "освободить начальника штаба (Рема) от его

обязанностей и поддержать какое-то время под стражей, а также арестовать ряд руководителей СА, преступность которых не вызывает сомнений... и обратиться к остальным с горячим призывом вернуться к своим делам".

"Однако, — заявил он в рейхстаге 13 июля, — в час ночи я получил... два срочных сообщения относительно боевых тревог: одно — из Берлина, где сбор был назначен на четыре часа дня... а в пять часов должно было начаться внезапное нападение; предполагалось оккупировать правительственные здания... другое — из Мюнхена, где сбор частей уже объявили; им было приказано собраться в девять часов вечера... Это был мятеж!.. В данных условиях мне оставалось принять только одно решение... Лишь беспощадное и кровавое вмешательство могло предотвратить расширение восстания... В два часа ночи я вылетел в Мюнхен".

Гитлер ни тогда, ни после не упомянул, от кого получил эти "срочные сообщения", но предполагают, что их прислали Геринг и Гиммлер. С уверенностью можно утверждать лишь то, что в них содержалось сильное преувеличение. Эрнст же не придумал ничего лучшего, как в ту субботу отправиться на автомобиле в Бремен, чтобы там пересечь на пароход и отплыть на Мадеру, где он собирался провести медовый месяц.

В ночь на 30 июня, в два часа, когда Гитлер, прихватив с собой Геббельса, вылетел с аэродрома "Хангелар" (близ Бонна) в Мюнхен, капитан Рем и его приближенные мирно спали на своих кроватях в гостинице "Ганзльбауэр" в Бад-Висзе, на берегу озера Тегернзе. Эдмунд Хайнес, обергруппенфюрер СА в Силезии, судимый за убийство известный гомосексуалист с бабьим лицом и могучим торсом грузчика, лежал в постели с каким-то парнем. По всей вероятности, главари СА были весьма далеки от мысли о мятеже: Рем даже оставил штабную охрану в Мюнхене. Было очевидно, что эти люди всю ночь предавались пьяному разгулу, а не занимались подготовкой заговора.

Гитлер и небольшая группа сопровождающих, к которой присоединились Отто Дитрих, начальник отдела печати, и Виктор Лютце, шеф СА в Ганновере, личность бесцветная, но зарекомендовавшая себя верным сподвижником фюрера, прибыв в субботу 30 июня, в 4 часа утра, в Мюнхен, обнаружили, что акция против "заговорщиков" уже началась. Майор Вальтер Бух, председатель партийного суда УШЛА, и Адольф Вагнер, министр внутренних дел Баварии, при помощи таких давних подручных Гитлера, как Эмиль Морис, бывший уголовник и соперник Гитлера в любовной истории с Гели Раубал, и Кристиан Вебер, торговец лошадьми, когда-то служивший вышибалой в кабаре, арестовали

мюнхенское руководство СА, включая обергруппенфюрера Шнайдхубера, являвшегося одновременно начальником полиции города. Гитлер, начавший взвинчивать себя до буйной истерики, обнаружил арестованных в здании министерства внутренних дел. Стремительно подойдя к Шнайдхуберу (бывшему полковнику армии), он сорвал с него нацистские знаки различия и осыпал бранью за "измену".

С рассветом длинная вереница автомобилей, в которых сидели Гитлер и сопровождавшие его лица, помчалась в Бад-Висзе. Рем и его друзья по-прежнему находились в гостинице и крепко спали. Их грубо разбудили. Хайнеса и его молодого партнера стащили с кровати и выволокли на улицу, где по приказу Гитлера немедленно расстреляли. В номер Рема, как рассказывал потом Отто Дитрих, фюрер вошел один. Он бросил Рему одежду и велел встать. Потом приказал отвезти его в Мюнхен и поместить в тюрьму Штадельхайм, где шеф СА однажды уже отбывал наказание за соучастие в "пивном путче" 1923 года. Минувло четырнадцать бурных лет, и разошлись пути двух соратников, более, чем кто-либо еще, ответственных за рождение третьего рейха, за его террор и деградацию, остававшихся, несмотря на часто возникавшие разногласия, вместе в моменты кризиса, неудач и разочарований; подошла к концу буйная жизнь отчаянного, с лицом, покрытым шрамами, борца за фюрера и нацизм.

Гитлер сделал то, что считал, очевидно, последним актом милосердия: распорядился оставить Рему пистолет на столе. Но тот отказался стреляться, будто бы заявив: "Если решено убить меня, пусть это сделает сам Адольф Гитлер". После чего, по словам лейтенанта полиции, выступавшего свидетелем на судебном процессе в Мюнхене в мае 1957 года, в камеру вошли двое эсэсовцев и в упор расстреляли Рема. "Рем хотел что-то сказать, — показал очевидец, — но эсэсовец знаком приказал ему замолчать. Тогда Рем, голый по пояс, встал по стойке "смирно", его лицо выражало презрение" {Мюнхенский процесс, проходивший в мае 1957 года, был первым, на котором очевидцы и участники резни 30 июня 1934 года давали показания публично. В период существования третьего рейха это было невозможно. Зепп Дитрих, которого автор этих строк знал как одного из самых жестоких людей в третьем рейхе, в 1934 году был начальником охраны СС Гитлера и руководил казнями в тюрьме Штадельхайм. В годы войны он стал генерал-полковником СС, а затем был приговорен к двадцати пяти годам тюрьмы за соучастие в убийстве американских военнопленных, захваченных во время Арденнской операции в 1944 году. Через 10 лет его освободили и доставили в Мюнхен, где 14 мая он был приговорен судом к 18 месяцам заключения за участие в казнях 30

июня 1934 года. Этот приговор, а также приговор Михаэлю Липперту, одному из двух эсэсовцев, убивших Рема, явились первыми из вынесенных нацистским палачам за участие в резне. — Прим авт. }.

Так его жизнь, переполненная насилием, насилием и оборвалась. Он умер, испытывая чувство презрения к другу, которому помог достигнуть высот, коих не достигал еще ни один немец. Подобно сотням других умерщвленных в тот день (подобно Шнайдахберу, который, по словам свидетелей, воскликнул: "Господа, я не знаю в чем дело, но стреляйте метко! "), он не понимал, что случилось и объяснял происходящее только предательством, попустительствуя которому он так долго жил и которое сам часто совершал, — предательством, которого от Адольфа Гитлера, конечно, никак не ожидал.

В Берлине в это время действовали Геринг и Гиммлер. Было арестовано около 150 руководителей СА. Их расстреляли у стен казарм кадетского училища в Лихтерфельде специальные наряды полиции Геринга и СС Гиммлера.

В числе расстрелянных оказался и Карл Эрнст. Его свадебное путешествие прервали эсэсовцы, настигшие автомобиль с новобрачными недалеко от Бремена. Молодая жена и шофер получили ранения, самого Эрнста в бессознательном состоянии доставили на самолете в Берлин, где и казнили.

В те кровавые дни погибли не только руководители СА. Утром 30 июня группа эсэсовцев, переодетых в штатское, подъехала к вилле генерала фон Шлейхера, расположенной в предместье Берлина, и позвонила в дверь. Вышедший им навстречу генерал был тут же застрелен. Его жену, с которой Шлейхер сочетался браком всего полтора года назад, прикончили тем же способом. Та же участь постигла вечером того же дня генерала Курта фон Бредова, близкого друга Шлейхера. Грегора Штрассера взяли по распоряжению Геринга в его берлинской квартире и через несколько часов препроводили в камеру гестаповской тюрьмы на Принц-Альбрехт-штрассе.

Папену повезло больше: он уцелел, но в его служебных помещениях эсэсовцы учинили обыск. Бозе, одного из его секретарей, застрелили прямо за письменным столом; Эдгара Юнга, его личного консультанта, арестованного гестаповцами несколькими днями раньше, убили в тюрьме; другого сотрудника, руководителя организации "Католическое действие" Эриха Клаузенера, убили в его кабинете в министерстве связи; остальной персонал Папена, включая его личного секретаря баронессу Штоцинген, отправили в концентрационный лагерь. Когда же Папен обратился к Герингу с протестом, тот, не желая тратить времени на болтовню, попросту

вышвырнул его вон и посадил под домашний арест. Вооруженные до зубов эсэсовцы окружили его виллу, отрезали телефон и запретили общение с внешним миром — еще одно унижение, которое, однако, вице-канцлер Германии перенес исключительно легко. Не прошло и месяца, как он опозорил себя, приняв от нацистских убийц, уничтоживших его друзей, назначение посланником в Вену, где местные фашисты только что убили канцлера Дольфуса.

Сколько людей было погублено в период чистки — до сих пор точно не установлено. Выступая 13 июля в рейхстаге, Гитлер заявил, что расстрелян шестьдесят один человек, в том числе девятнадцать высших руководителей СА, еще тринадцать человек погибло "при сопротивлении аресту" и трое "покончили с собой" — всего семьдесят семь человек. А "Белая книга о чистке", изданная эмигрантами в Париже, указывала, что был убит 401 человек, однако поименно были названы только 116. На Мюнхенском процессе 1957 года говорилось, что погибших было "более чем 1000".

Многие были убиты просто из мести за бывшую оппозицию к Гитлеру, другие, очевидно, за то, что слишком много знали, а один — потому, что его приняли за кого-то другого. Тело Густава фон Кара, о котором мы рассказывали ранее как об одном из участников подавления "пивного путча" 1923 года и который давно уже отошел от политики, нашли в болоте близ Дахау; его, судя по характеру ран, закололи кирками. Гитлер не забыл и не простил его. Тело патера Бернхарда Штемпфле из ордена святого Иеронима, того самого, который, как уже упоминалось, помогал редактировать "Майн кампф", а потом навлек на себя немилость тем, что слишком много знал и, вероятно, выбалтывал о причинах самоубийства возлюбленной Гитлера — Гели Раубал, нашли в лесу Гарлахинг близ Мюнхена с раздробленным черепом и тремя пулевыми ранами в груди. Хайден утверждает, что группу убийц возглавлял Эмиль Морис, бывший уголовник, крутивший любовь с Гели Раубал. В число других "слишком много знавших" входили и трое членов СА, известных как соучастники Эрнста по поджогу рейхстага. Их, как и Эрнста, тоже отправили на тот свет.

Внимания заслуживает еще одно убийство. 30 июня, в семь часов двадцать минут вечера, д-р Вилли Шмид, известный музыкальный критик, сотрудничавший в ведущей мюнхенской ежедневной газете "Мюнхенер нойесте нахрихтен", музицировал у себя в кабинете на виолончели. Его жена готовила ужин, а трое детей в возрасте девяти, восьми и двух лет играли в гостиной их квартиры на Шакштрассе. Раздался звонок — и в дом ворвались четверо эсэсовцев; без каких-либо объяснений они арестовали

Шмида и увели с собой. Четыре дня спустя его труп в закрытом гробу доставили домой. Представитель гестапо приказал ни при каких обстоятельствах гроб не открывать. Как потом выяснилось, д-ра Вилли Шмида приняли за его однофамильца, местного руководителя СА, который также был арестован отрядом СС и расстрелян на месте {Кейт Эва Херлин, бывшая жена Вилли Шмида, 7 июля 1945 года описала историю убийства мужа в письменных показаниях под присягой в Бингхэмтоне, штат Нью-Йорк. В 1944 году она приняла американское подданство. Чтобы замять дело об этом зверском преступлении, Рудольф Гесс лично посетил вдову, извинился за "ошибку" и назначил ей пенсию за счет правительства Германии. Эти показания приобщены к документам Нюрнбергского процесса. — Прим. авт. }.

А существовал ли вообще заговор против Гитлера? Если верить фюреру — существовал. Об этом говорится в официальном коммюнике и в его речи в рейхстаге 13 июля. Но он не привел никаких доказательств. Рем не делал тайны из того, что хотел превратить СА в ядро новой армии и лично возглавить военное ведомство. Да, он посвящал Шлейхера в эти планы; беседы на эту тему они вели еще в бытность генерала рейхсканцлером. Возможно, Гитлер не лгал, заявляя, что к обсуждению проекта привлекали Грегора Штрассера. Но такие обсуждения, конечно, никак нельзя назвать изменой. Гитлер и сам общался со Штрассером, а в начале июня даже предложил ему, по словам Отто Штрассера, пост министра экономики. И хотя Гитлер, выступая в рейхстаге, повторил свои обвинения, помянув заодно встречи Шлейхера и Рема с "неким иностранным дипломатом" (имея в виду, разумеется, французского посла Франсуа-Понсе), имевшие, как он язвительно выразился, "совершенно невинный характер", подкрепить свои слова фактами не смог. Преступно уже то, неубедительно доказывал он, что какой-либо гражданин третьего рейха общается с иностранными дипломатами без его, фюрера, ведома.

"Когда трое предателей в Германии организуют... встречу с официальным иностранным представителем... и приказывают ничего не говорить мне, то я отдам приказ расстрелять их, даже если потом окажется, что беседа, которую они от меня скрыли, касалась погоды, коллекционирования монет и тому подобных тем". Франсуа-Понсе заявил решительный протест против инсинуации относительно его участия в "заговоре" Рема, в связи с чем министерство иностранных дел Германии официально уведомило французское правительство: какие-либо обвинения в адрес посла лишены оснований, и правительство рейха надеется, что Франсуа-Понсе останется на своем посту. И он остался. Автор этих строк

может подтвердить, что ни с одним послом демократического государства у Гитлера не было таких хороших отношений, как с Франсуа-Понсе.

И в первом коммюнике, и в леденящем душу публичном заявлении Отто Дитриха, начальника отдела печати фюрера, и даже в речи Гитлера в рейхстаге особое внимание обращалось на аморальное поведение Рема и других казненных руководителей СА. Дитрих сказал, что сцена ареста Хайнеса, застигнутого в Бад-Висзе в постели с молодым парнем, не поддается описанию, а Гитлер, выступивший в полдень 30 июня перед оставшимися в живых командирами штурмовиков Мюнхена, утверждал: эти люди заслужили смерть уже тем, что деградировали морально. Но ведь Гитлер с первых дней существования партии знал, что среди его ближайших и самых влиятельных сторонников немало половых извращенцев и лиц с уголовным прошлым. Не было ни для кого тайной, что Хайнес, например, заставлял своих людей из СА рыскать по всей Германии и подыскивать для него подходящих партнеров. И этих типов Гитлер не только терпел, но и защищал; он не раз говорил товарищам по партии, что не следует слишком строго относиться к порочным наклонностям людей, если они беззаветно преданы движению. Теперь же он делал вид, что потрясен фактами моральной деградации некоторых своих сподвижников.

На исходе воскресенья 1 июля, когда вакханалия убийств в основном завершилась, Гитлер, возвратившись из Мюнхена в Берлин, устроил в саду при доме правительства званый чай. В понедельник президент Гинденбург поблагодарил его за "решительное и доблестное личное вмешательство, которое помогло удушить измену в зародыше и отвратить от немецкого народа великую опасность", а Геринга он поздравил с принятием "энергичных и действенных мер" по пресечению "государственной измены". Во вторник генерал Бломберг передал Гитлеру поздравление кабинета министров, решившего "узаконить" расправу как вынужденную меру в интересах "защиты государства". Кроме того, Бломберг издал приказ по армии, выразив удовлетворение высшего командования новым поворотом событий и пообещав установить "добрые отношения с новым руководством СА". Понятно, почему военные были довольны тем, что избавились от соперника в лице СА. Но вот вопрос: куда девалось их понятие чести, не говоря о порядочности? Ведь офицерский корпус не только оправдал, но и похвалил правительство за беспрецедентную в истории Германии резню, в ходе которой двух его видных представителей, генерала фон Шлейхера и генерала фон Бредова, заклеили как предателей и хладнокровно утертвили. Лишь восьмидесятипятилетний

фельдмаршал фон Макензен и генерал фон Хаммерштейн, бывший командующий армией, подняли голоса протеста против расправы с их коллегами — расправы, оправданием которой послужило голословное обвинение в измене {Эти двое военных не прекращали попыток смыть со Шлейхера и Бредова позорное пятно, пока не вынудили Гитлера признать на секретном совещании руководства партии и армии, состоявшемся в Берлине 3 января 1935 года, что убийство генералов было совершено "по ошибке", и дать обещание, что их имена будут возвращены в почетные списки личного состава полков. Официального подтверждения эта "реабилитация" не получила, однако офицерский корпус смирился и с этим фактом (см. Уилер-Беннет. Немезида власти, с. 337). — Прим. авт. }. Позиция офицерского корпуса сильно запятнала честь армии и продемонстрировала ее невероятную близорукость.

Попустительствуя незаконным, по существу бандитским, действиям Гитлера 30 июня 1934 года, генералы поставили себя в положение людей, не способных и в будущем противостоять актам нацистского террора не только на территории страны, но и за ее пределами, даже когда эти акты были направлены против самих военных. Армия поддерживала притязания Гитлера на роль самодержца, ведь в речи, произнесенной в рейхстаге 13 июля, он заявил: "... Если меня упрекнут и спросят, почему я не прибег к услугам обычных судов, я могу лишь ответить: в этот час я считал себя ответственным за судьбу немецкого народа и потому сам стал его верховным судьей". Для вящей убедительности Гитлер добавил: "Пусть все учтут на будущее, что всякого, кто поднимет руку на государство, ждет неминуемая смерть". Ровно через десять лет, почти день в день, эта угроза стала реальностью для генералов, когда самые отчаянные из них решились наконец поднять руку на своего "верховного судью". Члены офицерского корпуса заблуждались, полагая, что 30 июня они навсегда обезопасили себя от посягательств нацистского движения на их традиционные права и привилегии: место СА теперь заняли СС. 26 июля в награду за учиненные расправы ей предоставили независимый от СА статус. Во главе СС стал рейхсфюрер Гиммлер, подчиненный лично Гитлеру. Вскоре эта гораздо более дисциплинированная и управляемая организация превратилась и в более влиятельную силу, что позволило ей как сопернице армии добиться успеха там, где неотесанные коричневорубашечники Рема потерпели неудачу.

Но пока что генералы не теряли надменной самоуверенности. Ведь сказал же Гитлер 13 июля в рейхстаге, что армия останется "единственной обладательницей оружия"! Не иначе как по требованию высшего

командования канцлер разделался с руководителями СА, осмелившимися оспорить это авторитетное заявление. Теперь пришло время, коцда армия выполнит свою часть обязательств по пакту на борту "Дойчланд".

Смерть Гинденбурга

Почти все лето состояние здоровья Гинденбурга, до этого казавшегося несокрушимым, непрерывно ухудшалось, и 2 августа, в девять часов утра, на восемьдесят седьмом году жизни он скончался. Спустя три часа было объявлено, что в соответствии с законом, принятым кабинетом министров за день до смерти фельдмаршала, функции канцлера и президента совмещаются в одном лице и что Адольф Гитлер принял на себя полномочия главы государства и главнокомандующего вооруженными силами. Титул президента упразднялся; отныне Гитлера следовало называть фюрером и рейхсканцлером. Его диктатура становилась всеобъемлющей. Чтобы ни у кого не оставалось на этот счет сомнений, Гитлер потребовал от всего личного состава вооруженных сил присягнуть в верности не Германии, не конституции, которую он нарушил, отказавшись назначить выборы преемника Гинденбурга, а лично ему. Текст присяги гласил:

"Клянусь богом, что буду беспрекословно подчиняться Адольфу Гитлеру, фюреру германского рейха и народа, верховному главнокомандующему вооруженными силами, и никогда не нарушу данную клятву даже если это будет связано с риском для собственной жизни".

Итак, генералы, которые могли бы при желании без особого труда свергнуть нацистский режим, теперь, после августа 1934 года, связали себя с таким человеком, как Адольф Гитлер, признав его высочайшей законной властью в стране и принеся ему клятву верности, клятву, которую считали долгом чести не нарушать ни при каких обстоятельствах, сколь унижительным ни было бы это для них и для родины. Это была клятва, беспокоившая совесть довольно большого числа офицеров, с тех пор как признанный ими руководитель стал на путь, по их мнению, не суливший стране ничего, кроме катастрофы, и потому вызывавший у них чувство протеста. Но еще большему числу офицеров та же клятва позволяла считать себя свободными от ответственности за неслыханные злодеяния, совершавшиеся ими по приказу верховного главнокомандующего, истинное лицо которого они не могли не увидеть во время резни 30 июня. Одно из ужасных заблуждений германского офицерского корпуса заключалось в превратном истолковании слова "честь" — слова, которое, как известно автору этих строк из личного опыта, часто звучало в устах офицеров. Чтя данную им клятву, они часто позорили себя как личности и втапывали в

грязь моральный кодекс своего корпуса.

После смерти Гинденбурга д-р Геббельс, министр пропаганды, официально заявил, что никакого завещания фельдмаршала не обнаружено, исходя из чего следует полагать, что его вообще не существует. Но 15 августа, за четыре дня до референдума, во время которого немецкий народ призывали одобрить решение Гитлера занять место президента, политическое завещание Гинденбурга вдруг обнаружилось — его доставил Гитлеру не кто иной, как Папен. Содержавшиеся в нем лестные эпитеты в адрес Гитлера сослужили Геббельсу хорошую службу во время кампании по подготовке к проведению референдума, а в канун голосования были подкреплены выступлением полковника Оскара фон Гинденбурга по радио:

"Мой отец видел в Адольфе Гитлере своего прямого преемника на посту главы Германского государства, и я, руководствуясь желанием отца, призываю всех немцев — мужчин и женщин — голосовать за передачу его полномочий фюреру и рейхсканцлеру".

Можно почти не сомневаться, что он сказал неправду. Ибо все данные, имеющиеся в нашем распоряжении, говорят о том, что Гинденбург, выражая свою последнюю волю, советовал, когда он умрет, восстановить монархию. Но об этой части завещания Адольф Гитлер умолчал. Хранившаяся в тайне правда о завещании старого президента отчасти, если не полностью, открылась после войны, во время допроса Папена в Нюрнберге, а позднее в его мемуарах. И хотя Папен не вполне надежный источник, да и рассказал он, наверное, не все, что знал, но игнорировать его показания нельзя. Он сам составлял первоначальный текст завещания и делал это, по его словам, по просьбе фельдмаршала.

"Мой проект, — пишет он в мемуарах, — предусматривал установление после его смерти конституционной монархии; при этом я особо подчеркнул нежелательность сосредоточения в одних руках власти президента и канцлера. Чтобы не давать Гитлеру повода для обиды, в текст завещания были включены некоторые лестные слова по поводу позитивных сторон деятельности нацистского режима".

Этот проект, по словам Папена, он передал Гинденбургу 1 апреля 1934 года.

"Через несколько дней он пригласил меня снова и сказал, что решил не принимать документ в том виде, в каком предложил его я. Он считал... что народ сам должен решить, какая форма правления для него желательна. Поэтому пусть его завещанием будет память о служении народу, а пожелание восстановить монархию он выскажет как проявление последней воли в личном письме Гитлеру. Понятно, это означало, что главная суть

моего предложения из проекта выпала, поскольку рекомендация касательно восстановления монархии не адресовалась народу. Этим обстоятельством Гитлер сполна воспользовался".

Ни один немец не мог лучше Папена знать, как именно он этим обстоятельством воспользовался.

"Когда я возвратился из Танненбурга, где хоронили президента, мне позвонил Гитлер и спросил, оставил ли Гинденбург политическое завещание и знаю ли я, где оно находится. Я ответил, что справлюсь у Оскара фон Гинденбурга. "Я вам буду очень обязан, — сказал Гитлер, — если вы позаботитесь о том, чтобы этот документ как можно скорее доставили мне". Тогда я поручил Кагенеку, моему личному секретарю, поехать в Нейдек и спросить сына Гинденбурга, сохранился ли текст завещания и могу ли я его получить для передачи Гитлеру. Поскольку я не виделся с Гинденбургом с тех пор, как в конце мая уехал из Берлина, мне не было известно, уничтожил он текст завещания или нет".

Сразу после смерти отца Оскар не смог обнаружить этот важный документ, а тут вдруг обнаружил. То, что это не составило для него большого труда, подтвердил в своих показаниях помощник Гинденбурга граф фон Шуленбург, выступавший свидетелем по делу Папена на суде по денацификации. Он сообщил, что 11 мая президент подписал два документа: один из них был адресован немецкому народу, другой — рейхсканцлеру. Когда Гинденбург покидал в последний раз Берлин, Шуленбург прихватил их с собой. Папен пишет, что в то время он этого не знал. И вот теперь его секретарь привез из Нейдека два запечатанных конверта, врученных ему Оскаром фон Гинденбургом.

15 августа Папен доставил их Гитлеру в Берхтесгаден.

"Гитлер очень внимательно прочел оба документа и обсудила с нами их содержание. Рекомендации Гинденбурга явно противоречили его планам, поэтому он и воспользовался тем, что на конверте стояла надпись: "Рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру". "Эти рекомендации покойного президента, — сказал он, — предназначены лично мне. Я потом сам решу, когда их опубликовать. и надо ли публиковать вообще". Тщетно упрашивал я его обнародовать оба документа. Начальнику отдела печати был передан лишь тот, в котором подводились итоги деятельности Гинденбурга и говорились лестные слова в адрес Гитлера".

Куда девался второй документ, рекомендовавший не Гитлера, а одного из Гогенцоллернов на пост главы государства, Папен не указывает, да, наверное, и не знает этого. Поскольку среди сотен тонн захваченных нацистских архивов он не был обнаружен, похоже, Гитлер не замедлил его

уничтожить.

Пожалуй, вряд ли что-либо изменилось бы, даже если бы Гитлер, проявив достаточно мужества и честности, обнародовал его. Еще при жизни Гинденбурга он заставил кабинет министров издать закон, предоставлявший ему полномочия президента. Произошло это 1 августа, за день до смерти фельдмаршала. То, что этот закон является актом беззакония, тоже не имело никакого значения для Германии, где законом стало слово бывшего австрийского ефрейтора. Каждому ясно, что это был незаконный акт. 17 декабря 1932 года, когда правительство возглавлял Шлейхер, рейхстаг большинством в две трети голосов принял поправку к конституции, согласно которой не канцлер, а председатель верховного суда исполнял функции президента, пока не состоялись новые выборы. И хотя акт о чрезвычайных полномочиях, подвопивший "законную" основу под диктатуру Гитлера, давал канцлеру право издавать законы в нарушение конституции, в нем специально оговаривалось, что он не может самовольно решать вопросы президентства.

Но что теперь значил закон? До него не было дела Папену, с легким сердцем отправившемуся в Вену в качестве посланника Гитлера и занявшемуся там улаживанием сумятицы, вызванной убийством нацистами канцлера Дольфуса. Не было до него дела и генералам, рьяно взявшимся за строительство гитлеровской армии, и промышленникам, с восторгом занявшимся прибыльным делом перевооружения. Не ушли в отставку консерваторы старой школы — "порядочные" немцы вроде барона фон Нейрата из министерства иностранных дел и д-ра Шахта из Рейхсбанка. Никто не ушел. Более того, д-р Шахт стал еще и министром экономики. Это случилось 2 августа — в тот самый день, когда Гитлер узурпировал права президента.

А что же немецкий народ? 19 августа около 95 процентов зарегистрировавшихся избирателей явились в пункты голосования; 90 процентов из них, или более 38 миллионов человек, одобрили узурпацию Гитлером неограниченной власти. Лишь 4, 25 миллиона немцев имели мужество голосовать против.

Неудивительно, что, когда в Нюрнберге 4 сентября открылся съезд нацистской партии, Гитлер чувствовал себя так уверенно. Утром следующего дня я наблюдал, как он с видом императора-завоевателя шествует под рев оркестра, исполнявшего марш "Баденвайлер", по главному проходу огромного, увешанного флагами зала Лютпольд, а в это время тридцать тысяч рук вскинулись в нацистском приветствии. Спустя минуту он с гордым видом уселся в центре большой эстрады и, скрестив на

грудь руки, с блестящими глазами слушал, как гауляйтер Баварии Адольф Вагнер читает текст его послания:

"Немецкий порядок жизни бесспорно предопределен на тысячелетие вперед. Эпоха нервозности девятнадцатого столетия нашла свое завершение в наше время. Никакой другой революции в Германии не будет тысячу лет! "

Ему, смертному, тысячу лет не прожить, но, сколько бы он прожил, он будет править этим великим народом как самый могущественный и беспощадный самодержец, каких еще не знала история страны. Гинденбург, уйдя в мир иной, уже не мог оспорить его власти — армия, связавшая себя присягой, которую ни один немецкий солдат не решится нарушить с легким сердцем, стала его послушным орудием. Теперь, когда его последние противники либо уничтожены либо бесследно исчезли, вся Германия и все немцы, по существу оказались в его обгаренных кровью руках.

"Это замечательно! " — воскликнул он на встрече с иностранными корреспондентами в Нюрнберге после недели изнурительных парадов, речей, язычески-помпезных представлений и такого безудержного идолопоклонства, какое автору этих строк никогда не приходилось наблюдать. Много воды утекло с тех пор, как Адольф Гитлер покинул трущобы Вены, а он еще не стар — ему лишь сорок пять лет. Все впереди. Даже тот, кто впервые после падения Веймарской республики возвращался в Германию, не мог не видеть, что Гитлер, каковы бы ни были его преступления против человечности, дал выход неисчерпаемым движущим силам, долгое время сдерживавшимся в недрах немецкого народа. Какую цель он преследовал? Ответ легко найти на страницах его книги "Майн кампф" и в сотне речей, которые многие, а лучше сказать, почти все как в самом третьем рейхе, так и за границей, либо вообще не читали, либо воспринимали как абсурд.

Часть 8. Жизнь в Третьем Рейхе: 1933–1937 годы

Как раз в это время, в середине лета 1934 года, я и приехал в третий рейх на постоянную работу. И обнаружил в новой Германии много такого, что впечатляло, озадачивало, тревожило иностранного наблюдателя. Подавляющее большинство немецкого народа, казалось, ничего не имело против того, что его лишили личной свободы, что уничтожили много культурных ценностей, предложив взамен бессмысленное варварство, что его жизнь и работу подвергли такой регламентации, какой не знал даже он, приученный за много поколений к строгому порядку,

Правда, за всем этим скрывались страх перед гестапо, боязнь попасть в концентрационный лагерь, если ты вышел за рамки дозволенного если ты разделяешь взгляды коммунистов или социалистов, если ты слишком либерально или пацифистски настроен или если ты еврей. "Кровавая чистка" 30 июня 1934 года показала, какими беспощадными могут быть новые правители. Однако на первых порах нацистский террор коснулся сравнительно немногих немцев. Стороннего наблюдателя, только что прибывшего в страну, несколько удивляло, что немцы, очевидно, не признавали себя жертвами запугивания и притеснений со стороны бесовской и жестокой диктатуры и наоборот, они с неподдельным энтузиазмом поддерживали эту диктатуру. Некоторым образом нацизм вселял в них надежду, новый стимул и поразительную веру в будущее страны.

Гитлер разрывался с прошлым, принесшим столько бед и разочарований. Шаг за шагом, не теряя времени, о чем мы подробно расскажем позднее, освобождал он Германию от последних обязательств по Версальскому договору, чем ставил в тупик страны-победительницы, и восстанавливал военное могущество Германии. Этого хотело большинство немцев и готово было идти на жертвы, которые требовал фюрер: отказ от личной свободы, скудное питание ("пушки вместо масла") и тяжелый труд. К осени 1936 года с проблемой безработицы было в значительной мере покончено: почти каждый трудоспособный имел работу {С февраля 1933 года до весны 1937 года число безработных сократилось с шести до одного миллиона. — Прим. авт. }. Приходилось слышать, как рабочие, лишённые права создавать профсоюзы, после сытного обеда шутили: "При Гитлере право на голод отменено. Девиз нацистов "Общие интересы выше личных" получил в те дни широкое распространение, и хотя многие представители

партийной верхушки, в первую очередь Геринг, тайно обогащались, а прибыли предпринимателей росли, не оставалось сомнений, что массы поверили в "национальный социализм" который будто бы ставит общественное благосостояние выше чей-либо личной выгоды. Расовые законы, превращавшие евреев в изгоев германского общества, представлялись потрясенному иностранному наблюдателю как возврат к первобытным временам; но поскольку нацистские теории превозносили немцев как соль земли и как высшую расу, то население страны относилось к этим законам далеко не отрицательно. Кое-кто из немцев (бывшие социалисты, либералы или истинные христиане из старых консервативных слоев), с кем приходилось беседовать, возмущались и даже негодовали по поводу гонений на евреев, но, хотя в ряде случаев они и помогали отдельным пострадавшим, остановить кампанию преследований не пытались. "А что мы можем сделать?" — часто спрашивали они. Ответить на этот вопрос было нелегко.

Печать и радио, несмотря на цензуру, давали немцам кое-какое представление о том, насколько критически настроена мировая общественность, однако это обстоятельство, как они могли убедиться не мешало иностранцам толпами наводнять третий рейх и с удовольствием пользоваться его гостеприимством. В то время въезд в нацистскую Германию был намного свободнее, чем въезд в Советскую Россию {Опять же в противоположность Советской России нацистская Германия разрешала всем гражданам, кроме тех нескольких тысяч, что были занесены в черные списки тайной полиции, выезжать за границу, хотя этому и мешали в значительной мере финансовые ограничения из-за недостатка иностранной валюты. Однако финансовые ограничения для немцев в то время были не строже, чем для граждан Великобритании после 1945 года. Видимо, нацистские правители не опасались, что на среднего немца, посещающего демократическую страну, антинацистская идеология подействует разлагающе. — Прим. авт. }. В стране процветал туризм, принося ей большое количество столь необходимой иностранной валюты. Казалось, нацистскому руководству нечего скрывать. Иностранец, будь он каким угодно противником нацизма, мог приехать в Германию и смотреть, изучать все, что он хотел, за исключением концлагерей и, как во всех других странах, военных объектов. И многие приезжали. И если, возвратясь оттуда, не становились приверженцами нацизма то по крайней мере, начинали терпимо относиться к "новой Германии", считая, что обнаружили там, как они выражались, "позитивные сдвиги". Даже такой проникательный человек, как Ллойд Джордж, который привел Англию к

победе над Германией в 1918 году и который проводил свою предвыборную кампанию в том же году под девизом "Кайзера — на виселицу!", считал возможным побывать в 1936 году у Гитлера в Оберзальцберге, после чего публично провозгласил его "великим человеком", проявившим достаточно прозорливости и воли чтобы решить социальные проблемы современного государства, прежде всего — проблему безработицы, от которой, как от незаживающей раны, все еще страдала Англия; предложенная этим выдающимся руководителем либеральной партии программа под названием "Мы можем победить безработицу" не нашла поддержки внутри страны.

Олимпийские игры, состоявшиеся в августе 1936 года в Берлине, предоставили нацистам прекрасную возможность удивить мир достижениями третьего рейха, и те не преминули этой возможностью воспользоваться. Надписи со словами "Евреи нежелательны", висевшие в магазинах, гостиницах, пивных, увеселительных заведениях, потихоньку убрали, гонения на евреев и на две христианские церкви временно прекратили, страна обрела вполне респектабельный облик.

Ни одна предшествующая Олимпиада не была так великолепно организована, не сопровождалась такими впечатляющими зрелищами, как эта. Геринг, Риббентроп и Геббельс устраивали в честь иностранных гостей пышные приемы. Более тысячи приглашенных собралось на ужин у министра пропаганды на острове Пфауенинзель на Ваннзе, где состоялся грандиозный спектакль, названный "Итальянская ночь", который напоминал сцены из "Тысячи и одной ночи". Иностранные гости, особенно из Англии и Америки, были поражены: вид внешне счастливых, здоровых, приветливых людей, сплоченных вокруг Гитлера, далеко не соответствовал их представлениям о Берлине, почерпнутым из газет.

Но за великолепием летних Олимпийских игр сторонний наблюдатель, по крайней мере иностранец, не мог не увидеть то, что скрывалось от туристов и что сами немцы перестали замечать либо восприняли от должное: ухудшение нравственного климата германского общества. Ведь никто же не скрывал принятых Гитлером антиеврейских, так называемых Нюрнбергских, законов от 15 сентября 1935 года, которые лишали лиц этой национальности германского гражданства. Законы запрещали браки и внебрачные связи евреев с арийцами, евреи лишались права нанимать домашнюю прислугу из числа женщин арийского происхождения моложе тридцати пяти лет. В течении последующих нескольких лет было издано еще тринадцать декретов, которые ставили евреев, по существу, вне закона. Причем де летом 1936 года, то есть как раз в то время, когда Германия как устроитель Олимпийских игр старалась пленить воображение прибывших

с Запада гостей, евреям либо в законодательном порядке, ибо с помощью нацистского террора начали ставить так много рогаток при поступлении на службу в государственные и частные учреждения что по крайней мере половина из них остались без каких-либо средств к существованию. В 1933 году, первом году существования третьего рейха, их отстранили от службы в государственных учреждениях и от работы в печати и на радио, не разрешали заниматься сельским хозяйством, преподаванием и работать в области театра и кино; в 1934 году их изгнали с фондовой биржи. Что касается запрета на медицинскую и юридическую практику, а также занятие торговлей, то хотя в законодательном порядке он был наложен только в 1938 году, фактически же начал действовать уже в конце четвертого года правления нацистов.

Мало того, евреям отказывали не только в жизненных благах, но и в самом необходимом. Во многих городах евреям стало трудно, если не невозможно, покупать продукты питания. Над дверьми бакалейных, мясных и молочных магазинов и булочных висели надписи: "Евреям вход воспрещен". Часто они не могли обеспечить своих детей молоком. Аптеки не отпускали им лекарств. Гостиницы не предоставляли ночлега. И всюду, куда бы они ни пошли, их ждали издевательские надписи: "Въезд евреям в этот город строго запрещен" или "Евреи могут входить сюда только на свой страх и риск". На крутой извилине дороги близ Людвигсхафена стоял указатель: "Осторожно — крутой поворот! Евреям — ехать со скоростью 120 километров в час! " {Я подвергся ожесточенным нападениям печати и радио; грозили даже выслать из страны за репортажи о том, что на время Олимпийских игр некоторые из надписей убрали. — Прим. авт. }

Такова была участь евреев в период проведения Олимпийских игр, — то было начало пути, вскоре приведшего их к физической гибели.

Преследование христианских церквей

Борьба нацистов против христианских церквей вначале носила умеренный характер. Хотя Гитлер, будучи католиком, и нападал в своей книге "Майн кампф" как на политизированный католицизм, так и на обе христианские церкви за неприятие расовой теории, он в той же книге подчеркивал: "... Политическая партия ни в коем случае не должна... терять из виду, что, как показывает весь предшествующий исторический опыт, ни одной чисто политической партии еще не удавалось осуществить религиозную реформу". Статья 24 партийной программы предусматривала "свободу для всех религиозных верований постольку, поскольку они не угрожают... национальным чувствам немецкой расы. Партия выступает за позитивное христианство". В речи, произнесенной 23

марта 1933 года в рейхстаге, когда законодательный орган Германии уступил свои функции диктатору, Гитлер, воздав должное христианским церквям как "важным элементам сохранения души немецкого народа", обещал уважать их права. Он заявил также, что цель его правительства — достижение согласия между церковью и государством, и в расчете на голоса членов партии католического "Центра", которые он таки получил, добавил: "Мы надеемся укрепить дружеские отношения со святейшим престолом".

Не прошло и четырех месяцев, а нацистское правительство уже заключило 20 июня конкордат с Ватиканом, гарантировавший свободу католической веры и право церкви самостоятельно "регулировать свои внутренние дела". Со стороны Германии договор подписал Папен, со стороны Ватикана — его государственный секретарь монсеньор Пачелли, ставший потом папой Пием XII. Нацистское правительство начало нарушать условия договора едва ли не раньше, чем его текст был изложен на бумаге; но, будучи заключен в то время, когда по всему миру прокатилась волна возмущения первыми эксцессами нового режима Германии, конкордат, без сомнения, способствовал росту престижа правительства Гитлера, в чем оно очень нуждалось {2 июня 1945 года в обращении к собору кардиналов папа Пий XII защищал подписанный им конкордат, но заявил, что национал-социализм, каким он его увидел впоследствии, есть не что иное, как "неприкрытое отступничество от Иисуса Христа, отрицание его учения и его деяний во искупление людских грехов, проповедь культа насилия и расовой ненависти, пренебрежение свободой и достоинством человека". — Прим. авт. }.

25 июля, через пять дней после ратификации конкордата, германское правительство приняло закон о стерилизации, особенно оскорбивший католическую церковь. А еще через пять дней были предприняты первые шаги по роспуску Лиги католической молодежи. В последующие годы подверглись аресту тысячи католических священников, монахов и деятелей недуховного звания, причем часто по сфабрикованным обвинениям в "безнравственности" и в "контрабанде иностранной валюты". Руководителя организации "Католическое действие" Эриха Клаузенера, как мы уже знаем, умертвили во время чистки 30 июня 1934 года. Были запрещены десятки католических изданий. Под давлением гестаповской агентуры даже нарушалась тайна исповеди. К весне 1937 года католическая иерархия в Германии, которая, подобно большинству протестантских священников, поначалу стремилась сотрудничать с новым режимом, утратила все иллюзии. 14 марта 1937 года папа Пий XI издал энциклику, озаглавленную

"С глубокой скорбью", обвинив нацистское правительство в "отклонении" от положений конкордата, в его нарушении и в распространении "плевел подозрительности, раздора, ненависти, клеветы, тайной и открытой враждебности ко Христу и святой церкви". На "горизонте Германии" папа увидел "надвигающиеся грозовые тучи разрушительных религиозных войн... которые не преследуют никакой другой цели, кроме... истребления".

Преподобный Мартин Нимеллер в 1933 году приветствовал приход нацистов к власти. Тогда вышла его автобиографическая книга под названием "От подводной лодки до кафедры проповедника". История о том, как этот человек, служивший в годы первой мировой войны командиром подводной лодки, стал известным пастором протестантской церкви, заслужила особенно много похвал нацистской печати и имела большой коммерческий успех. Пастору Нимеллеру, как и многим другим протестантским священникам, четырнадцать лет существования республики представляются, как он выразился, "годами мрака". В конце своей автобиографии он с удовлетворением отмечает, что нацистская революция наконец победила и привела к "национальному возрождению", за что он сам так долго боролся, причем некоторое время в рядах "свободного корпуса", откуда вышли многие нацистские руководители.

Вскоре, однако, его постигло жестокое разочарование.

В Германии, как и в Соединенных Штатах, протестантизм делится на разные исповедания и церкви. Лишь очень немногие протестанты — около 150 тысяч из 45 миллионов — принадлежали к различным неконформистским церквям, таким, как баптистская и методистская. Остальные входили в двадцать восемь лютеранских и реформистских церквей, крупнейшей из которых являлась церковь Северо-Германского Союза, объединявшая 18 миллионов прихожан. С появлением движения национал-социализма произошло дальнейшее разделение протестантов. Более фанатично настроенные нацисты этого вероисповедания организовали в 1932 году "движение немецких христиан", самым неистовым лидером которого стал некий Людвиг Мюллер, капеллан из восточно-прусского военного округа, горячий сторонник Гитлера; это он впервые свел Гитлера с генералом фон Бломбергом, бывшим тогда командующим этим округом. "Немецкие христиане" активно проповедовали нацистские идеи расового превосходства, стремясь привить их церкви рейха и тем способствовать вовлечению всех протестантов в единую конгрегацию. В 1933 году из 17 тысяч протестантских пасторов около трех тысяч приходилось на долю "немецких христиан", хотя,

возможно, эти последние располагали непропорционально большим числом прихожан.

Противником "немецких христиан" была другая группа, называвшая себя "исповедальной церковью". В ней состояло примерно столько же пасторов, и во главе ее со временем стал Нимеллер. Она выступила против нацификации протестантских церквей, отвергла расовые теории нацистов и осудила антихристианские идеи Розенберга и других нацистских главарей. Большинство же протестантов заняли промежуточное положение. Очевидно, опасаясь присоединиться к какой-либо из противоборствующих групп, они предпочли роль наблюдателей и в конце концов оказались по большей части в руках Гитлера, приняв как должное его право вторгаться в дела церкви и подчинившись его приказам. Трудно понять поведение большинства протестантов Германии в первые годы нацизма без учета двух вещей: истории протестантизма и влияния Мартина Лютера {Во избежание каких-либо недоразумений, вероятно, следует указать, что автор книги протестант. — Прим. авт. }. Этот великий основатель протестантизма был и ярким антисемитом, и рьяным поборником идеи безусловного подчинения политической власти. Он хотел, чтобы Германия избавилась от евреев, и советовал при их изгнании отбирать "все наличные деньги, драгоценные камни серебро и золото... предавать огню их синагоги и школы, разрушать их жилища... сгонять их, как цыган, в шатры или хлева... и пусть они погрязнут в нищете и неволе, непрестанно стеная и жалуясь на нас господу богу". Этому совету и последовали через четыреста лет Гитлер, Геринг и Гиммлер.

Во время крестьянской войны 1525 года — пожалуй, единственного в истории Германии массового выступления — Лютер призывал князей беспощадно расправляться с "бешеными собаками", как называл он угнетенных, доведенных до отчаяния крестьян. И здесь, как и в выпадах против евреев, Лютер прибегал к таким грубым, ригористичным выражениям, каких история не знала вплоть до появления нацистов. Влияние этой выдающейся личности испытали на себе многие поколения немцев, особенно протестантов. Другим следствием этого влияния была та легкость, с которой протестантизм в Германии превратился в орудие абсолютизма королей и князей, начиная с XVI века и кончая 1918 годом, когда королей и князей свергли. Наследные монархи и мелкие правители становились на своих землях архиепископами протестантской церкви. Так, в Пруссии главой церкви стал король из династии Гогенцоллернов. По сложившейся традиции, ни в одной другой стране, кроме царской России, служители церкви не раболепствовали так перед государственной

политической властью, как в Германии. Все они, за редкими исключениями, твердо стояли за короля, юнкеров и армию. В течение всего XIX века они неизменно выступали против либеральных и демократических движений. Даже Веймарскую республику большинство протестантских пасторов предавали анафеме, и не только потому, что она свергла королей и князей, но и потому, что в основном опиралась на католиков и социалистов. Во время выборов в рейхстаг нельзя было не заметить, что протестантское духовенство, типичным представителем которого являлся тот же Нимеллер, достаточно открыто поддерживало националистов и нацистов — врагов республики. Подобно Нимеллеру, большинство пасторов приветствовали занятие Адольфом Гитлером канцлерского кресла в 1933 году.

Вскоре они узнали, что такое силовая тактика нацистов, приведшая Гитлера к власти. В июле 1933 года представители протестантских церквей составили текст устава новой церкви рейха, который 14 июля был официально признан рейхстагом. Сразу после этого развернулась ожесточенная борьба в связи с выборами первого епископа рейха. Гитлер потребовал посвятить в этот самый высокий сан своего друга капеллана Мюллера, служившего у него советником по делам протестантской церкви. Руководители федерации церквей предложили на этот пост известного богослова пастора Фридриха фон Бодельшвинга. Это был наивный расчет. Вмешалось нацистское правительство: распустило несколько провинциальных церковных организаций, отстранило от должностей в протестантских церквях ряд ведущих сановных лиц, напустило на непокорных священников СА и гестапо — в сущности, терроризировало всех, кто поддерживал Бодельшвинга. В канун выборов делегатов на синод, которому надлежало избрать епископа рейха, Гитлер "призвал" по радио протестантов проголосовать за "немецких христиан", выдвинувших Мюллера своим кандидатом. Тактика запугивания сработала отлично. Бодельшвинга вынудили снять свою кандидатуру, после чего большинство голосов на выборах было отдано "немецким христианам"; они и избрали Мюллера епископом рейха на синоде, состоявшемся в сентябре в Виттенберге, где Лютер впервые бросил вызов Риму.

Однако новый глава церкви, по натуре человек деспотичный, не сумел ни создать единую церковь, ни полностью нацифицировать конгрегацию протестантов. 13 ноября 1933 года, на другой день после того, как подавляющее большинство немецкого народа поддержало Гитлера на общегерманском референдуме, "немецкие христиане" провели в берлинском Шпортпаласте массовый митинг. Некий д-р Рейнхардт Краузе,

глава секты в Берлинском округе, предложил отменить Старый завет "с его торговцами скотом и сводниками" и пересмотреть Новый завет с целью привести учение Христа в "полное соответствие с требованиями национал-социализма". Были подготовлены тексты резолюций под девизом "Один народ, один рейх, одна вера", требовавших, чтобы все пасторы дали клятву верности Гитлеру и чтобы все церкви приняли пункты, касающиеся арийцев и исключения новообращенных евреев. Но это было слишком. Даже для смиренных протестантов, отказавшихся принимать какое-либо участие в войне церквей, поэтому епископ Мюллер вынужден был дезавуировать д-ра Краузе.

В сущности, борьба между нацистским правительством и церквями носила тот же характер, что и извечный спор о том, что есть кесарево, а что — богово. Гитлер заявил: если пронацистски настроенные "немецкие христиане" не в силах подчинить евангелические церкви епископу рейха Мюллеру, то правительство подчинит их себе. Он всегда питал неприязнь к протестантам, которые в его родной католической Австрии составляли ничтожное меньшинство, а в Германии — две трети населения. "Ими можно крутить как угодно, — похвастался он однажды своим подручным. — Они подчиняются... Мелкие людишки, слушаются, как собаки, и потеют от смущения, когда с ними заговариваешь". Гитлер отлично знал, что против нацификации протестантских церквей выступает лишь малое число пасторов и еще меньшее число верующих.

К началу 1934 года разочарованный пастор Нимеллер стал душой оппозиции меньшинства в "исповедальной церкви" и в "чрезвычайной пасторской лиге". На генеральном синоде, состоявшемся в ВВЛ в мае 1934 года, и на специальном совещании, состоявшемся в ноябре в возглавляемой Нимеллером церкви Иисуса Христа, что в Далеме, предместье Берлина, "исповедальная церковь" объявила себя законной протестантской церковью Германии и учредила временное церковное управление. Таким образом, образовались две группы: одна — во главе с епископом рейха Мюллером, другая — во главе с Нимеллером, и каждая претендовала на звание законной церкви Германии.

Стало очевидно, что бывший армейский капеллан, несмотря на близость к Гитлеру, не сумел объединить протестантские церкви, и в конце 1935 года, когда гестапо арестовало семьсот пасторов "исповедальной церкви", он подал в отставку и сошел со сцены. Уже в июле 1935 года Шитлер назначил своего друга нацистского юриста Ганса Керрля министром по делам церкви, поручив ему предпринять еще одну попытку объединить протестантов. Сначала Керрль, являвшийся одним из

умеренных нацистов, добился значительного успеха. Ему удалось не только склонить на свою сторону консервативное духовенство, составлявшее большинство, но и учредить комитет церквей во главе с почтенным доктором Цельнером, пользовавшимся авторитетом во всех фракциях, для выработки общей платформы. Но группа Нимеллера, не отказываясь сотрудничать с комитетом, продолжала считать себя единственной законной церковью. В мае 1936 года, когда она подала Гитлеру меморандум, выдержанный в вежливом, но решительном тоне, протестуя против антихристианских тенденций нового режима, осуждая его антисемитизм и требуя прекратить вмешательство государства в дела церкви, министр внутренних дел Фрик ответил жестокими репрессиями. Сотни пасторов "исповедальной церкви" были арестованы, а д-ра Вейсслера, одного из подписавших меморандум, убили в концентрационном лагере Заксенхаузен. Кассу "исповедальной церкви" конфисковали, сбор пожертвований запретили.

12 февраля 1937 года д-р Цельнер ушел с поста председателя комитета церквей (гестапо запретило ему посетить Любек, где находились в заключении девять протестантских пасторов), пожаловавшись на препятствия, чинимые министром по делам церкви. Д-р Керрль ответил ему в речи, произнесенной на следующий день перед группой покорных священников. Он в свою очередь обвинил Цельнера в неспособности по достоинству оценить нацистскую теорию "расы крови и земли" и ясно продемонстрировал враждебное отношение правительства как к протестантской, так и к католической церкви.

"Партия, — сказал Керрль, — стоит на платформе позитивного христианства, а позитивное христианство есть национал-социализм... Национал-социализм есть волеизъявление господ бога... Воля божия воплотилась в немецкой крови... Доктор Цельнер и граф Гален, католический епископ Мюнстера, попытались внушить мне, что христианство подразумевает веру в Христа как в сына божьего. Мне стало смешно... Нет, христианство не зависит от апостольского вероучения... Истинным олицетворением христианства является партия, а партия, и в первую очередь фюрер, призывает немецкий народ поддерживать истинное христианство... Фюрер — выразитель новой божественной воли".

1 июля 1937 года д-ра Нимеллера арестовали и заключили в берлинскую тюрьму Моабит. 27 июня он, как всегда, читал в переполненной далемской церкви членам своей конгрегации проповедь, ставшую для него последней в третьем рейхе. Словно предчувствуя, что с ним произойдет, он сказал: "Мы не больше древних апостолов помышляем

о применении силы для спасения от руки властей. И не больше их готовы молчать по приказу человека, когда сам господь повелевает нам говорить. Ибо нашим долгом было и остается исполнение воли бога, а не человека".

2 марта 1938 года, после восьми месяцев пребывания в тюрьме, его судили в "специальном суде", учрежденном нацистами для государственных преступников; по главному пункту обвинения ("тайная подрывная деятельность против государства") суд оправдал его, однако признал виновным в "злоупотреблении кафедрой" и в сборе пожертвований в здании церкви, за что наложил на него штраф в размере двух тысяч марок и приговорил к семи месяцам тюремного заключения. Поскольку Нимеллер и без того уже отсидел больше положенного срока, суд постановил освободить его, но при выходе из зала суда он был схвачен гестапо, заключен под стражу и отправлен в концентрационный лагерь Заксенхаузен. Оттуда его переправили в лагерь Дахау, где он пробыл семь лет, пока его не освободили союзные войска.

Кроме Нимеллера, в 1937 году было арестовано 807 пасторов и мирян — активных приверженцев "исповедальной церкви", а в последующие один-два года — сотни других. Если сопротивление нимеллеровского крыла и не было окончательно сломлено, то, во всяком случае, смято. Что касается большинства протестантских пасторов, то они, как почти все граждане Германии, подчинились нацистскому террору. В конце 1937 года д-р Керрль заставил весьма почтенного епископа Мараренса из Ганновера сделать публичное заявление, которое не могло не показаться особенно унижительным таким стойким людям, как Нимеллер: "Национал-социалистское мировоззрение, опирающееся на национальное и политическое учение, определяет и характеризует немецкую зрелость. Как таковое, оно обязательно и для "немецких христиан". А весной 1938 года епископ Мараренс предпринял последний, завершающий шаг, повелев всем пасторам своей епархии дать личную клятву верности фюреру. В скором времени этой клятвой связали себя большинство протестантских священников, тем самым и юридически и морально обязавшись выполнять приказы диктатора.

Было бы ошибкой считать, будто преследования протестантов и католиков со стороны нацистского государства травмировали немецкий народ или очень уж взволновали его широкие слои. Ничего подобного. Народ, который легко отказался от свобод в других областях жизни — политической, культурной, экономической, не собирался, за сравнительно редким исключением, идти на смерть или хотя бы подвергать себя опасности ареста во имя свободы вероисповедания. Что действительно

трогало немцев в тридцатые годы — так это впечатляющие успехи Гитлера в ликвидации безработицы, повышении экономического уровня, восстановлении военного могущества, а также следовавшие одна за другой победы в сфере внешней политики. Мало кто из немцев лишился сна из-за ареста нескольких тысяч священников или из-за ссор между различными сектами протестантов. Еще меньшее их число задумывалось о том, что нацистский режим вознамерился под руководством Розенберга, Бормана и Гиммлера и при поддержке Гитлера искоренить христианское вероисповедание, заменив его старой, дохристианской религией германских племен в сочетании с новым язычеством нацистских экстремистов. Как открыто заявил в 1941 году Борман, один из ближайших сподвижников Гитлера, "национал-социализм и христианство несовместимы".

То, что гитлеровское руководство уготовило Германии, было четко сформулировано в программе из тридцати пунктов "национальной церкви рейха", составленной во время войны Розенбергом, откровенным идеологом язычества. Наряду с другими обязанностями Розенберг выполнял функции "представителя фюрера в системе полного интеллектуального и философского воспитания и образования в духе национал-социалистской партии".

Приведем некоторые наиболее существенные пункты этой программы:

"1. Национальная церковь германского рейха категорически требует исключительного права и исключительных полномочий контролировать все церкви, находящиеся в пределах рейха. Она объявляет их национальными церквями германского рейха...

5. Национальная церковь полна решимости полностью искоренить... чуждые и инородные христианские исповедания, завезенные в Германию в злополучном 800 году...

7. Национальная церковь не имеет проповедников, пасторов, капелланов и других священников, а имеет только национальных ораторов рейха...

13. Национальная церковь требует немедленно прекратить издание и распространение в стране библии.

14. Национальная церковь заявляет... немецкой нации, что "Майи кампф" есть величайший документ. Эта книга... олицетворяет самую чистую и самую истинную этику жизни нашей нации в настоящее время и в будущем...

18. Национальная церковь уберет из своих алтарей все распятия, библии и изображения святых.

19. В алтарях не должно быть ничего, кроме "Майи кампф" (для немецкой нации и, следовательно, для бога это самая священная книга) и... меча...

30. В день основания национальной церкви христианский крест должен быть снят со всех церквей, соборов и часовен... и заменен единственным непобедимым символом — свастикой".

Нацификация культуры

Вечером 10 мая 1933 года, примерно через четыре с половиной месяца после того, как Гитлер стал канцлером, в Берлине произошло событие, свидетелем которого западный мир не был со времен позднего средневековья. Около полуночи в сквере на Унтер-ден-Линден, напротив Берлинского университета, завершилось факельное шествие, в котором приняли участие тысячи студентов. Свои факелы они побросали в собранную здесь огромную гору книг, а когда их охватило пламя, в костер полетели новые кипы. Всего подверглось сожжению около 20 тысяч книг. Подобные сцены можно было наблюдать еще в нескольких городах — так началось массовое сожжение книг.

Многие брошенные в ту ночь в костер с одобрения д-ра Геббельса ликующими берлинскими студентами книги были написаны всемирно известными авторами. Из немецких авторов, чьи книги попали в костер, можно назвать Томаса и Генриха Маннов, Лиона Фейхтвангера, Якоба Вассермана, Арнольда и Стефана Цвейгов, Эриха Марию Ремарка, Вальтера Ратенау, Альберта Эйнштейна, Альфреда Керра и Гуго Пройса. Последний — немецкий ученый, составивший в свое время проект Веймарской конституции. Сжигались книги и многих иностранных авторов, таких, как Джек Лондон, Эптон Синклер, Хелен Келлер, Маргарет Сангер, Герберт Уэллс, Хевлок Эллис, Артур Шницлер, Зигмунд Фрейд, Андре Жид, Эмиль Золя, Марсель Пруст. Согласно студенческой прокламации, огню предавалась любая книга, "которая подрывает наше будущее или наносит удар по основам немецкой мысли, немецкой семьи и движущим силам нашего народа". В то время как книги превращались в пепел, к студентам обратился с речью новый министр пропаганды д-р Геббельс, который считал своей основной задачей надеть на немецкую культуру нацистскую смиренную рубашку. "Душа немецкого народа вновь сумеет выразить себя, — провозгласил он. — Этот огонь призван осветить не только окончательный закат старой эры. Он высвечивает и наступление эры новой".

Начало новой, нацистской эры немецкой культуры ознаменовалось не только кострами из книг и более эффективной, хотя и менее символичной,

мерой — запретом на продажу и выдачу в библиотеках сотен книг, на издание многих новых книг, но и регламентацией всей культурной жизни в масштабах, не известных до той поры ни одному из западных государств. Еще 22 сентября 1933 года была законодательно учреждена Палата культуры рейха во главе с д-ром Геббельсом. Ее назначение закон определил следующим образом "С целью осуществления немецкой культурной политики необходимо собрать творческих работников во всех сферах в единую организацию под руководством рейха. Рейх должен не только определить направление интеллектуального и духовного прогресса, но и организовать деятельность работников различных сфер культуры и руководить ею".

Для руководства и контроля за каждой сферой культурной жизни было создано семь палат: изобразительных искусств, музыки, театра, литературы, прессы, радиовещания и кино. Все лица, работавшие в этих сферах, были обязаны вступить в соответствующие палаты, решения и указания которых имели силу закона. Кроме иных прав палатам было предоставлено право исключать из своего состава лиц ввиду их политической неблагонадежности или не принимать их туда. Это означало, что те, кто без особого восторга воспринимал национал-социализм, могли лишиться права заниматься своей профессиональной деятельностью в искусстве и тем самым лишиться средств существования. Среди тех, кто в 30-е годы проживал в Германии и искренне беспокоился о судьбах ее культуры, не нашлось ни одного деятеля, который не отметил бы ее ужасающего упадка. Естественно, этот упадок стал неизбежен, как только нацистские главари решили, что изобразительное искусство, литература, радио и кино должны служить исключительно целям пропаганды нового режима и его нелепой философии. Ни один из здравствовавших тогда немецких писателей, за исключением Эрнста Юнгера и раннего Эрнста Вихерта, не был издан в нацистской Германии. Почти все писатели во главе с Томасом Манном эмигрировали, а те немногие, кто остался, молчали или их вынуждали молчать. Рукопись любой книги или пьесы необходимо было представлять в министерство пропаганды, чтобы получить разрешение на публикацию или постановку.

Музыка находилась в более выгодном положении, поскольку это искусство наиболее далекое от политики да и немецкая музыкальная сокровищница была наполнена выдающимися произведениями, от Баха, Бетховена и Моцарта до Брамса. Но исполнять музыку Мендельсона, еврея по национальности, было, например, запрещено, так же как и музыку ведущего современного немецкого композитора Пауля Хиндемита. Евреев

быстро отстранили от работы в ведущих симфонических оркестрах и оперных театрах. В отличие от писателей большинство выдающихся деятелей немецкого музыкального искусства решили остаться в нацистской Германии и по существу отдать свои имена и свой талант на службу "новому порядку". Не покинул страну и один из самых выдающихся дирижеров века Вильгельм Фуртвенглер. Около года он находился в опале за то, что выступил в защиту Хиндемита, но затем вернулся к активной музыкальной деятельности, которую вел все последующие годы гитлеровского правления. Остался и Рихард Штраус, ведущий из современных немецких композиторов. Некоторое время он являлся президентом музыкальной палаты, связав свое имя с геббельсовским prostituiрованием культуры. Известный пианист Вальтер Гизекинг с одобрения Геббельса гастролировал преимущественно за рубежом, пропагандируя немецкую культуру. Благодаря тому, что музыканты не эмигрировали, а также благодаря огромному классическому наследию в годы третьего рейха можно было наслаждаться превосходным исполнением оперной и симфонической музыки. Непревзойденными в этом смысле считались оркестры берлинской филармонии и берлинской государственной оперы. Великолепная музыка помогала людям забывать об упадке других искусств и о многих тяготах жизни при нацизме.

Следует отметить, что и театр сохранял традиции, однако лишь в постановках классического репертуара. Конечно, Макс Рейнхардт эмигрировал, как и другие режиссеры, директора театров и актеры еврейской национальности. Пьесы нацистских драматургов были до смешного слабы, и широкая публика старалась их не посещать. Сценическая жизнь таких пьес оказывалась весьма недолговечной. Президентом театральной палаты являлся некто Ганс Йост, драматург-неудачник, который однажды публично прихвастнул, что когда кто-нибудь употребляет при нем слово "культура", его рука непроизвольно тянется к пистолету. Но даже Йост и Геббельс, определявшие, кто должен играть и кто ставить, были не в состоянии помешать немецким театрам осуществлять постановку драматических произведений Гете, Шиллера, Шекспира.

Как ни странно, в нацистской Германии разрешалось ставить некоторые пьесы Бернарда Шоу — вероятно, потому, что он высмеивал в них нравы англичан и язвительно отзывался о демократии, а также потому, что его остроумие и левые политические высказывания не доходили до сознания нацистов.

Еще более странной оказалась судьба великого немецкого драматурга

Герхарда Гауптмана. Во времена кайзера Вильгельма II его пьесы запрещались к постановке в имперских театрах, поскольку он являлся ревностным сторонником социализма. В период Веймарской республики он стал самым популярным драматургом Германии и сумел сохранить это положение в третьем рейхе, где его пьесы продолжали ставиться. Никогда не забуду сцену по окончании премьеры его последней пьесы "Дочь собора", когда Гауптман, почтенный старец с развевающимися седыми волосами, ниспадавшими на его черную накидку, вышел из театра под руку с д-ром Геббельсом и Йостом. Подобно многим другим известным людям Германии, он смирился с гитлеровским режимом, а хитрый Геббельс извлек из этого пропагандистский эффект, не уставая напоминать немецкому народу и всему миру, что крупнейший современный немецкий драматург, бывший социалист и защитник простых тружеников, не только остался в третьем рейхе, но и продолжает писать пьесы, которые идут на сценах театров.

Насколько искренним или приспособляющимся или просто непостоянным был этот престарелый драматург, можно заключить и того, что произошло после войны. Американские власти, считая, что Гауптман слишком ревностно служил нацистам, запретили его пьесы в своем секторе Западного Берлина. Русские же пригласили его в Восточный Берлин и устроили ему прием как герою, организовав фестиваль его пьес. А в октябре 1945 года Гауптман направил пи с надежду, что союз сумеет обеспечить "духовное возрождение" немецкого народа.

Германия, давшая миру Дюрера и Кранаха, не смогла выдвинуть ни одного выдающегося мастера в области современного изобразительного искусства, хотя немецкий экспрессионизм в живописи и мюнхенская градостроительная школа в архитектуре представляли собой интересные и оригинальные направления, а немецкие художники отразили в своем творчестве все эволюции и взлеты, которые были характерны для импрессионизма, кубизма и дадаизма.

Для Гитлера, считавшего себя настоящим художником, несмотря на то, что в Вене его так и не признали, все современное искусство несло на себе печать вырождения и бессмысленности. В "Майн кампф" он разразился на этот счет длинной тирадой, а после прихода к власти одной из его первых мер стало "очищение" Германии от декадентского искусства и попытка заменить его новым искусством. Почти 6500 полотен современных художников, таких, как Кокошка и Грос, а также Сезанн, Ван Гог, Гоген, Матисс, Пикассо и многие другие, были изъяты из немецких музеев.

То, что пришло им на смену, было показано летом 1937 года, когда

Гитлер официально открыл "Дом немецкого искусства" в Мюнхене, в желто-коричневом здании, построенном в псевдоклассическом стиле. Он сам помогал проектировать это здание и назвал его "бесподобным и непревзойденным". На эту первую выставку нацистского искусства втиснули около 900 работ, отобранных из 15 000 представленных. Более нелепого подбора автору этих строк не приводилось видеть ни в одной стране. Гитлер лично произвел окончательный отбор и, как свидетельствовали его товарищи по партии, присутствовавшие при этом, вышел из себя при виде некоторых картин, отобранных для показа нацистским жюри под председательством посредственного живописца Адольфа Циглера {Своим положением Циглер был обязан тому счастливому обстоятельству, что написал в свое время портрет Гели Раубал. — Прим. авт. }. Он не только приказал немедленно их вышвырнуть, но и ударом армейского ботинка продырявил несколько из них.

"Я всегда был настроен, — заявил он в длинной речи на открытии выставки, — если судьба приведет нас к власти, не вдаваться в обсуждение этих вопросов (оценка произведений искусства), а действовать". Он и действовал.

В речи, произнесенной 18 июля 1937 года, он так изложил нацистскую линию в отношении немецкого искусства:

"Произведения искусства, которые невозможно понять и которые требуют целого ряда пояснений, чтобы доказать свое право на существование и найти свой путь к неврастеникам, воспринимающим такую глупую и наглую чушь, отныне не будут находиться в открытом доступе. И пусть ни у кого не остается иллюзий на этот счет! Национал-социализм преисполнен решимости очистить германский рейх и наш народ от всех этих влияний, угрожающих его существованию и духу... С открытием этой выставки безумию в искусстве положен конец, а вместе с ним и развращению таким искусством нашего народа... "

И все же некоторые немцы, особенно в таком центре искусства, как Мюнхен, предпочитали оставаться художественно "развращенными". В противоположном конце города, в ветхой галерее, попасть в которую можно было лишь по узкой лестнице, размещалась выставка "вырожденческого" искусства, которую д-р Геббельс организовал, чтобы показать народу, от чего Гитлер его спасает. На ней была представлена блестящая коллекция современной живописи — Кокошка, Шагал, работы экспрессионистов и импрессионистов. В день, когда я побывал там, предварительно обойдя бесчисленные залы "Дома немецкого искусства", галерея была полна народу. Длинная очередь, выстроившаяся по скрипучей

лестнице, заканчивалась на улице. Осаждавшие галерею толпы стали столь многочисленны, что д-р Геббельс, разгневанный и смущенный, вскоре закрыл выставку.

Контроль над прессой, радио и кино

Каждое утро издатели ежедневных берлинских газет и корреспонденты газет, издававшихся в других городах рейха, собирались в министерстве пропаганды, чтобы выслушать наставления д-ра Геббельса или одного из его заместителей, какие новости печатать, а какие нет, как подавать материал и озаглавливать его, какие кампании свернуть, а какие развернуть, каковы на сегодняшний день наиболее актуальные темы для передовиц. Во избежание каких-либо недоразумений издавалась письменная директива на день, а также давались устные указания. Для небольших сельских газет и периодических изданий директивы передавались по телеграфу или отправлялись по почте.

Для того чтобы быть издателем в третьем рейхе, надлежало прежде всего иметь чистую в политическом и расовом отношении анкету. Закон рейха о прессе от 4 октября 1933 года провозгласил журналистику общественной профессией; в соответствии с этим предусматривалось, что издатели должны иметь немецкое гражданство, арийское происхождение и не состоять в браке с лицами еврейской национальности. Раздел 14 закона о прессе предписывал издателям "не публиковать в газетах того, что так или иначе вводит в заблуждение читателя, смешивает эгоистические цели с общественными и ведет к ослаблению мощи немецкого рейха изнутри или извне, к подрыву воли немецкого народа, обороны Германии, ее культуры и экономики- а также всего того, что оскорбляет честь и достоинство Германии". Подобный закон, будь он введен в действие до 1933 года, означал бы запрещение деятельности всех нацистских издателей и публикации в стране всех изданий нацистского толка. Теперь же он привел к закрытию тех журналов и изгнанию с работы тех журналистов которые не желали находиться в услужении у нацистов.

Одной из первых была вынуждена прекратить свое существование газета "Фоссише цайтунг". Основанная в 1704 году и гордившаяся в прошлом поддержкой таких людей, как Фридрих Великий, Лессинг и Ратенау, она стала ведущей газетой Германии, сопоставимо с такими изданиями, как английская "Таймс" или американская, "Нью-Йорк таймс". Но она была либеральной и владело ею семейств Ульштейн, евреи по происхождению. Закрылась она 1 апреля 1934 года после 230 лет непрерывного существования. Другая всемирно известная либеральная газета "Берлинер тагеблатт" продержалась несколько дольше, до 1937 года,

хотя ее владелец Ганс Лакмага Моссе, тоже еврей, был вынужден отказаться от своей доли капитала еще весной 1933 года. Третья немецкая либеральная газета, выходившая большим тиражом, "Франкфуртер цайтунг" также продолжала выходить после того, как рассталась со своим владельцем издателями, евреями по национальности. Ее издателем стал Рудольф Кирхер. Подобно Карлу Зилексу, издателю консервативной "Доиче альгемайне цайтунг", издававшейся в Берлине, он был корреспондентом своей газеты в Лондоне. Последователь Родса, страстный англофил и либерал, Кирхер верно служил нацистам. При этом по словам Отто Дитриха, шефа прессы рейха, он, как и бывшие "оппозиционные" газеты, был "большим католиком, чем сам папа римский".

Тот факт, что указанные газеты уцелели, частично объясняется вмешательством германского министерства иностранных дел, которое хотело, чтобы эти известные во всем мире газеты являлись чем-то вроде витрины нацистской Германии за рубежом и в то же время служили средством пропаганды. Поскольку все газеты Германии получали указания, что публиковать и как преподносить эти публикации, немецкая пресса неминуемо оказалась в тисках удушающего конформизма. Даже у народа, привыкшего к регламентации и приученного подчиняться властям, газеты стали вызывать скуку. В результате даже ведущие нацистские газеты, такие, как утренняя "Фелькишер беобахтер" и вечерняя "Дер Ангрифф", были вынуждены сократить тираж. Падал и общий тираж немецких газет по мере усиления контроля над ними и перехода в руки нацистских издателей. За первые четыре года существования третьего рейха число ежедневных газет сократилось с 3607 до 2671.

Однако утрата страной свободной и разнообразной прессы ущемляла финансовые интересы партии. Начальник Гитлера в годы первой мировой войны, бывший сержант Макс Аманн, теперь глава партийного издательства нацистов "Эйер Ферлаг", превратился в финансового диктатора немецкой прессы. В качестве главного руководителя прессы рейха и президента палаты печати он имел право запретить по своему усмотрению любое издание, чтобы затем приобрести его за бесценок. За короткое время "Эйер Ферлаг" превратилось в гигантскую издательскую империю, пожалуй, самую обширную и богатую в мире {Личный доход Аманна подскочил со 108 тысяч марок в 1934 году до баснословной цифры 3 миллиона 800 тысяч — в 1942-м. (Из письма, полученного автором от профессора Орона Дж. Нейла, который изучал уцелевшие документы нацистского издательского треста.) — Прим. авт. }. Несмотря на падение спроса на многие нацистские издания, тираж ежедневных газет,

являвшихся собственностью партии или находившихся под контролем партии и отдельных нацистов, накануне второй мировой войны составлял две трети ежедневного общего тиража — 25 миллионов экземпляров. В своих показаниях Нюрнбергскому трибуналу Аманн рассказал, как он действовал: "После того как партия пришла в 1933 году к власти, владельцы многих издательских концернов, таких, как издательство семейства Ульштейн, или тех, которые находились под контролем евреев и служили политическим и религиозным интересам, враждебным нацистской партии, сочли целесообразным продать свои газеты или активы концерну "Эйер". Свободного рынка для продажи таких видов собственности не было, поэтому "Эйер Ферлаг", как правило, оказывался единственным покупателем. В этих условиях "Эйер Ферлаг" совместно с издательскими концернами, которыми он владел или которые контролировал, превратился в монопольный газетный трест Германии. Вложения партии в эти издательские предприятия оказались очень доходными в финансовом отношении. Будет справедливо упомянуть, что основная цель нацистской программы в области прессы состояла в том, чтобы упразднить любую прессу, стоявшую в оппозиции к партии".

В 1934 году Аманн и Геббельс обратились с просьбой к раболепствующим издателям сделать свои газеты менее однообразными. Аманн заявил, что сожалеет о поразившем нынешнюю прессу однообразии, которое не является итогом государственных мер и не отвечает воле правительства. Один опрометчивый издатель, Эм Вель-ке из еженедельника "Грюне пост", допустил просчет, всерьез восприняв заявление Аманна и Геббельса. Он упрекнул министра пропаганды в ущемлении свободы прессы и в давлении на нее, в результате чего она и стала такой нудной. Издание "Грюне пост" сразу же было закрыто на три месяца, а самого издателя Геббельс распорядился отправить в концлагерь.

Радио и кино, как и пресса, были быстро поставлены на службу нацистскому государству. Геббельс всегда рассматривал радио (телевидения в то время еще не было) как главное орудие пропаганды в современном обществе. Через отдел радио своего министерства и через палату радиовещания он установил полный контроль за радиопередачами, приспособлявая их содержание для достижения собственных целей. Его задача облегчалась тем, что в Германии, как и в других странах Европы, радиовещание являлось монополией государства. В 1933 году нацистское правительство автоматически стало владельцем Радиовещательной корпорации рейха.

Кино оставалось в руках частных компаний, но министерство

пропаганды и палата кино контролировали все стороны кинопроизводства. Их задачей являлось, как это было официально объявлено "вывести киноиндустрию из сферы либерально-экономических идей и тем самым позволить ей осуществлять задачи, возложенные на нее национал-социалистским государством".

В обоих случаях был достигнут одинаковый результат — немецкому народу предлагались радиoprogramмы и кинофильмы такие же бессодержательные и навевающие скуку, как и ежедневные газеты и периодические издания. Даже та публика, которая безропотно воспринимала все, что ей внушалось как полезное и необходимое и та воспротивилась. В большинстве своем люди предпочитали нацистским фильмам те немногие иностранные ленты (в основном второсортные голливудские), показ которых на немецких экранах разрешил Геббельс. Одно время, в середине 30-х годов, освистывание немецких фильмов стало столь обычным явлением, что министр внутренних дел Вильгельм Фрик издал строгое предупреждение против "изменнического поведения со стороны кинозрителей". Подобным же образом критиковались и радиoprogramмы, причем критика была настолько резкой, что президент палаты радиовещания некий Хорст Дресслер-Андресс заявил: подобные придирки представляют собой "оскорбление германской культуры" и далее терпеть их нельзя. В те дни немецкий радиослушатель мог настроиться на десяток зарубежных радиостанций, не рискуя, как это было в период войны, своей головой. И многие, наверное, так и поступали, хотя у автора этих строк сложилось впечатление, что д-р Геббельс оказался прав и с годами радио, безусловно, стало самым эффективным средством пропаганды, содействуя более, чем любое другое средство связи, формированию взглядов немецкого народа в гитлеровском духе.

Мне на собственном опыте довелось убедиться, насколько легко овладевают умами лживая пресса и радио в тоталитарном государстве. Хотя в отличие от большинства немцев я имел постоянный доступ к иностранным газетам, особенно к лондонским, парижским и цюрихским, которые поступали на следующий день после выхода, и хотя я регулярно слушал Би-би-си и другие радиостанции, моя работа требовала ежедневной многочасовой сверки сообщений немецкой прессы и радио с сообщениями прессы и радио других стран, а также встреч с нацистскими лидерами и посещений партийных митингов. Удивляло, а подчас ужасало, что, несмотря на возможность получать информацию о происходящих событиях из иностранных источников и вполне обоснованное недоверие к информации, поступавшей из нацистских источников, постоянное в

течение ряда лет навязывание фальсификаций и искажений все же оказывало на меня определенное воздействие и нередко вводило в заблуждение. Тот, кто не жил годами в тоталитарном государстве, просто не в состоянии представить, насколько трудно избежать страшных последствий продуманной и систематической пропаганды господствующего режима. Часто в доме знакомого немца, в конторе или во время случайного разговора с незнакомым человеком в ресторане, в пивной или в кафе я слышал довольно странные утверждения от, казалось бы, интеллигентных людей. Было очевидно, что они, как попугаи, повторяют разные нелепости, услышанные по радио или вычитанные из газет. Иногда я торопился высказать им это, но в таких случаях наталкивался на такой недоверчивый взгляд или на такую реакцию, будто допустил в их присутствии страшное богохульство. И тогда я отдавал себе отчет, насколько тщетны попытки установить контакт с человеком с деформированным сознанием, для которого реальностью было лишь то, что внушили ему Гитлер и Геббельс — эти циничные фальсификаторы правды.

Образование в третьем рейхе

30 апреля 1934 года обергруппенфюрер СС Бернхард Руст, некогда гауляйтер Ганновера, член нацистской партии и друг Гитлера с начала 20-х годов, был назначен рейхсминистром науки, образования и народной культуры. В нелепом суматошном мире национал-социализма Рус как нельзя лучше подходил на этот пост. Провинциальный учитель, в 1930 году он стал безработным, поскольку местные власти уволили его ввиду некоторых отклонений психики. Впрочем, увольнением он был отчасти обязан своей фанатичной приверженности нацизму, ибо нацистской доктрине д-р Руст поклонялся с усердием Геббельса, помноженным на путаницу в мозгах Розенберга. Заняв в феврале 1933 года пост министра науки, искусств и образования Пруссии, он похвалялся тем, что ему одним махом удалось ликвидировать школу как "пристанище интеллектуальной акробатики". И такому человеку, лишенному здравого смысла, был вверен контроль над немецкой наукой, системой образования и молодежными организациями.

Образование в третьем рейхе, как представлял его себе Гитлер, не должно было сводиться к занятиям в душных учебных классах: его следовало дополнить спартанским, политическим и военным обучением в соответствии с определенными возрастными группами. Оно должно было достигать своей вершины не в университетах или технических вузах, где обучалось незначительное число молодежи, а начиная с 18 лет в процессе принудительного отбывания трудовой, а затем и воинской повинности.

Страницы "Майн кампф" буквально испещрены примерами презрительного отношения автора к "профессорам" и интеллектуальной жизни в учебных заведениях. Излагая некоторые свои идеи относительно образования, Гитлер писал: "Все образование, осуществляемое национальным государством, должно быть прежде всего нацелено не на то, чтобы забивать головы учащихся знаниями, а на то, чтобы формировать здоровое тело". Но еще более важным, по мысли автора, является привлечение молодежи на службу "новому национальному государству" — предмет, к которому он часто возвращался и после того, как стал диктатором. "Когда противник говорит "Я не перейду на вашу сторону", — заявил Гитлер в своей речи 6 ноября 1933 года, — я спокойно отвечаю: "Ваш ребенок уже принадлежит нам... А кто вы такой? Вы уйдете. Вас не станет. А ваши потомки уже на нашей стороне. И скоро они не будут знать ничего, кроме своей принадлежности к новому сообществу". А 1 мая 1937 года он сказал: "Наш новый рейх никому не отдаст свою молодежь, он привлечет ее к себе и даст ей свое образование и свое воспитание". Это не было пустой похвалой — именно это и реализовывалось на практике.

Немецкая школа от первого класса до университета включительно быстро нацифицировалась. Поспешно переписывались учебники, менялись учебные программы. По выражению "Дер дойче эрциер", официального органа работников образования, "Майн кампф" стала "педагогической путеводной звездой". Учителей, которые не смогли разглядеть ее света, увольняли. Большинство преподавателей были в большей или меньшей степени нацистами по духу, а то и активными членами нацистской партии. Для идеологической закалки их направляли на специальные курсы, где они интенсивно постигали основы национал-социалистского учения, при этом особый упор делался на штудирование расистской доктрины Гитлера.

Каждый работающий в системе образования — от детского сада до университета — был обязан вступить в Лигу национал-социалистских учителей, на которую законом возлагалась задача координации идеологической и политической деятельности всех учителей и преподавателей в соответствии с национал-социалистской доктриной. Закон 1937 года о гражданской службе обязывал преподавателей быть "исполнителями воли поддерживаемого партией государства" и быть готовыми "в любое время беззаветно защищать национал-социалистское государство". В принятом ранее декрете они квалифицировались как государственные служащие — таким образом, на них распространялось действие законов о расах. Евреям разумеется, преподавать запрещалось. Все преподаватели принимая присягу "на верность и повиновение Адольфу

Гитлеру". Позднее было запрещено преподавать всякому, кто ранее не служил в СС, не отбывал трудовую повинность или не состоял в "Гитлерюгенд". Кандидаты на должность преподавателей в университетах должны были пройти шестинедельные сборы в лагерях, где нацистские специалисты изучали их взгляды и характеры, а затем обобщали свои выводы и представляли их в министерство образования. Последнее в зависимости от политической благонадежности выдавало им свидетельство на право преподавать.

До 1933 года средние учебные заведения в Германии находились в юрисдикции местных властей, а университеты подчинялись властям соответствующих земель. Теперь все они были переданы в ведение рейхсминистра образования, который управлял ими железной рукой. Отныне университетских ректоров и деканов, которых ранее избирали штатные профессора факультетов, назначал только он. Назначал он также и руководителей Союза студентов, в который входили все учащиеся, а также руководителей Союза преподавателей университетов, членами которого надлежало быть всем преподавателям. Национал-социалистская ассоциация университетских преподавателей, руководимая старыми нацистскими функционерами, играла решающую роль в отборе тех, кому доверялось обучение, и контролировала, чтобы обучение велось в соответствии с нацистскими теориями. Результаты такой нацификации образования и науки оказались катастрофическими. В учебниках и лекциях история фальсифицировалась до нелепости. Расовые науки, провозглашавшие немцев высшей расой и клеймившие евреев как источник всех зол на земле, были еще более смехотворны. В одном только Берлинском университете, где в прошлом преподавало столько выдающихся ученых, новый ректор, в прошлом штурмовик, по профессии ветеринар, учредил двадцать пять новых курсов по расовой науке, а ко времени, когда он по существу развалил университет, в нем велось преподавание восьмидесяти шести курсов, связанных с его собственной профессией.

Преподавание естественных наук, чем в течение многих поколений славилась Германия, быстро приходило в упадок. Уволили или заставили уйти в отставку таких ученых, как физики Эйнштейн и Франк, химики Габер, Вильштеттер и Варбург. Из тех, кто остался, многие были заражены бредовой нацистской идеологией и пытались приложить ее к чистой науке. Они стремились преподавать, как сами выражались, "немецкую физику", "немецкую химию" и "немецкую математику". В 1937 году вышел в свет первый номер журнала под названием "Немецкая математика". В

редакционной статье провозглашалось: любая идея, утверждающая, что математика может рассматриваться вне расовой теории, "несет в себе зародыш гибели немецкой науки". Даже непосвященным идеи этих нацистских ученых представлялись бредовыми. "Немецкая физика? — вопрошал профессор Филип Ленард из Гейдельбергского университета, один из наиболее известных ученых третьего рейха. — И вам тут же ответят: "Наука всегда была и остается интернациональной". Это ложное утверждение. На деле наука является расовой, как любое другое творение человека, что обусловлено текущей в его жилах кровью".

Директор института физики в Дрездене Рудольф Томашек пошел еще дальше. "Современная физика, — писал он, — есть орудие мирового еврейства, призванное уничтожить нордическую науку... Истинная физика есть создание немецкого духа... По существу, вся европейская наука есть плод арийской или, точнее, германской мысли". Профессор Иоганнес Штарк, глава Немецкого национального института физической науки, думал точно так же. "Нетрудно обнаружить, — отмечал он, — что основоположники научных исследований в физике и великие первооткрыватели в ней от Галилея и Ньютона до ведущих физиков нашего времени — почти все без исключения были арийцами преимущественно нордической расы".

А некий профессор Вильгельм Мюллер из технического вуза в Ахене обнаружил всемирный заговор евреев с целью осквернить науку и тем самым уничтожить цивилизацию, о чем он поведал в своей книге под названием "Еврейство и наука". Эйнштейна с его теорией относительности он считал архинегодяем. Теорию Эйнштейна, на которой зиждется вся современная физика, этот неподражаемый в своем роде нацистский профессор считал не только теорией, направленной "с самого начала и до конца на преобразование существующего, то есть нееврейского, мира, всего живого, порожденного матерью землей и с ней связанного кровными узами, но и колдовством способным превращать все живое в призрачную абстракцию, где все индивидуальные черты народов и наций и все внутренние границы рас размываются и остаются лишь незначительные различия которые объясняют происхождение всех событий насильственным безбожным подчинением их законам". Всемирное признание теории относительности Эйнштейна, по мнению профессора Мюллера, явилось, по существу, "взрывом радости в предвкушении еврейского правления миром, которое необратимо подавит и навечно низведет дух немецкого мужества до уровня бессильного рабства".

Для профессора Людвиг Бибераба из Берлинского университета

Эйнштейн был "иностранным шарлатаном". Даже в представлении профессора Ленарда "еврею заметно недостает понимания истины... В этом смысле он отличается от арийского исследователя, которого характеризует тщательность и настойчивость в поисках истины... Таким образом, еврейская физика представляет собой мираж и явление дегенеративного распада основ немецкой физики". Тем не менее с 1905 по 1931 год десяти немецким евреям была присуждена Нобелевская премия за вклад в науку. В период второго рейха университетские профессора, подобно протестантскому духовенству Германии, слепо поддерживали консервативное правительство и его экспансионистскую политику. Лекционные залы в те годы стали рассадником ярого национализма и антисемитизма. Веймарская республика настаивала на обеспечении полной свободы преподавания, но одним из результатов такой свободы стало то, что подавляющее большинство преподавателей университетов, настроенных, как правило, антилиберально, антидемократически и антисемитски, способствовали подрыву демократического режима. В большинстве своем профессора были фанатичными националистами, жаждавшими возрождения консервативной монархической Германии. И хотя до 1933 года многим из них нацисты представлялись слишком буйными и жестокими, чтобы они могли питать к ним симпатии, своими поучениями они создавали почву для прихода нацистов к власти. К 1932 году большинство студентов с энтузиазмом относились к Гитлеру. У некоторых вызывало удивление число преподавателей университетов, которые после 1933 года смирились с пацификацией высшего образования. Хотя, по официальным данным, число уволенных профессоров и преподавателей за первые пять лет существования режима составило 2800 человек (около четверти их общего числа), число потерявших работу из-за неприятия национал-социализма, по данным профессора Репке, которого самого уволили из Марбургского университета в 1933 году, совсем невелико. Правда, среди этого небольшого числа были такие известные ученые, как Карл Ясперс, Е. И. Гумбель, Теодор Литт, Карл Барт, Юлиус Эббингхаус, и десятки других. Большинство из них эмигрировали сначала в Швейцарию"

Голландию и Англию, а затем в Америку. Одного из них, профессора Теодора Лессинга, который бежал в Чехословакию, выследили и убили фашистские головорезы. Это произошло в Мариенбаде 31 августа 1933 года.

Однако большая часть профессоров остались на своих постах, а к осени 1933 года около 960 человек, возглавляемые такими светилами, как

хирург Зауэрбрух, философ-экзистенциалист Хейдеггер, искусствовед Пиндер, публично присягнули на верность Гитлеру и национал-социалистскому режиму.

"Это была сцена prostituting убеждений, — писал позднее профессор Репке, — запятнавшая славную историю немецкой науки". А профессор Юлиус Эббингхаус, оглядываясь в 1945 году на прожитое, сказал: "Немецкие университеты не смогли, когда еще было время, открыто, в полную силу выступить против уничтожения науки и демократического государства. Они не сумели поднять факел свободы и права во мраке тирании".

За это пришлось заплатить дорогой ценой. После шести лет нацификации число студентов университетов сократилось более чем наполовину — с 127 920 до 58 325. Набор студентов в технические институты, готовившие для Германии ученых и инженеров, сократился еще разительнее — с 20 474 до 9554. Качество подготовки выпускников снизилось ужасно. К 1937 году ощущалась не только нехватка молодежи в научной и технической областях, но и падение уровня ее квалификации. Задолго до начала войны представители химической промышленности, старательно обеспечивавшие перевооружение нацистской Германии, жаловались в своем журнале "Кемише индустри", что Германия теряет свою ведущую роль в химии. "Под угрозой оказались не только национальная экономика, но и сама национальная оборона", — сетовал этот журнал, видя причину такого положения в недостатке молодых ученых и посредственном уровне их подготовки в технических вузах.

Как оказалось, потери нацистской Германии обернулись выигрышем для свободного мира, особенно в гонке за создание атомной бомбы. Рассказ об успешных попытках нацистских лидеров во главе с Гиммлером подорвать собственную программу развития атомной энергии слишком долгий и запутанный, чтобы приводить его здесь. По иронии судьбы созданием атомной бомбы США оказались обязаны двум ученым, изгнанным по расовому признаку из Германии и Италии, — Эйнштейну и Ферми.

В деле подготовки молодежи к осуществлению намеченных им планов Адольф Гитлер делал ставку не столько на общеобразовательные учебные заведения, откуда сам вылетел так скоро, сколько на "Гитлерюгенд". В годы борьбы нацистской партии за власть движение гитлеровской молодежи не играло большой роли. В 1932 году, последнем году республики, оно насчитывало всего 107 956 человек, в то время как в другие организации, объединенные под началом рейхскомитета ассоциаций немецкой молодежи,

входило приблизительно 10 миллионов юношей и девушек. Ни в одной стране не было такого деятельного и многочисленного молодежного движения, как в Германии времен Веймарской республики. Созная это, Гитлер твердо решил подчинить себе это движение и нацифицировать его. Главным исполнителем этой задачи стал молодой человек привлекательной наружности, с заурядными способностями, но с большой напористостью, Бальдур фон Ширах, который под влиянием Гитлера вступил в партию еще в 1925 году в возрасте 18 лет, а в 1931 году был назначен молодежным лидером нацистской партии. Молодой и неискушенный, среди задиристых, изборожденных шрамами коричневорубашечников он выделялся своим необычным видом студента американского колледжа. Это, очевидно, явилось результатом того, что его предками были американцы (включая двоих, подписавших Декларацию независимости).

В июне 1933 года он был провозглашен молодежным лидером германского рейха. Подражая тактике старших партийных наставников, он поначалу поручил вооруженной банде из полусотни крепких молодчиков, членов "Гитлерюгенд", захватить здание рейхскомитета ассоциаций германской молодежи, а затем обратился к председателю комитета — престарелого прусского генерала по фамилии Фогт. После этого Ширах взялся за одного из самых известных героев германского флота адмирала фон Трота, который в первую мировую войну являлся начальником штаба военно-морских сил, а теперь президентом молодежных ассоциаций. Почтенный адмирал также был вынужден бежать, а его пост и сама организация были упразднены. Одновременно была захвачена собственность организаций, оценивавшаяся в миллионы долларов, главным образом в виде молодежных турбаз и лагерей, разбросанных по всей Германии.

Конкордат от 20 июля 1933 года специально предусматривал беспрепятственную деятельность Ассоциации католической молодежи. 1 декабря 1936 года Гитлер издал закон, запрещающий деятельность этой ассоциации и других ненацистских организаций молодежи. "... Вся немецкая молодежь рейха организуется в рамках "Гитлерюгенд". Германская молодежь помимо воспитания в семье и школе будет получать физическую, интеллектуальную и моральную закалку в духе национал-социализма... через "Гитлерюгенд".

Ширах, деятельность которого ранее направляло министерство образования, отныне стал подчиняться непосредственно Гитлеру. Этот инфантильный молодой человек двадцати девяти лет, писавший сентиментальные стихи, в которых воспевал Гитлера ("сей гений,

касающийся звезд"), являвшийся последователем Розенберга в его странном язычестве и Штрейхера — в его яром антисемитизме, стал в третьем рейхе фюрером молодежи.

Молодежь в возрасте от 6 до 18 лет обязана была вступать в различные организации, существовавшие в гитлеровском рейхе. Родителей, обвиненных в попытке удержать своих детей от вступления в эти организации, приговаривали к длительным срокам тюремного заключения, хотя иногда они возражали просто против участия своих дочерей в деятельности объединений, получивших скандальную известность из-за случаев ранней беременности.

До вступления в "Гитлерюгенд" мальчики в возрасте от 6 до 10 лет проходили что-то вроде курса ученичества в "Пимпфе". На каждого подростка заводилась "книга деятельности", в которой делались записи о его успехах, включая идеологический рост, в течение всего периода пребывания в рядах нацистского молодежного движения. В десять лет после сдачи соответствующих зачетов по физкультуре, навыкам жизни в полевых условиях и по истории, препарированной 0 нацистском духе, он вступал в "Юнгфольк", предварительно приняв следующую присягу:

"Перед лицом этого стяга цвета крови, который олицетворяет нашего фюрера, я клянусь посвятить всю свою энергию и все мои силы спасителю нашей страны Адольфу Гитлеру. Я стремлюсь и готов отдать мою жизнь за него. Да поможет мне бог! "

В 14 лет юноша вступал в "Гитлерюгенд" и оставался ее членом до 18 лет, когда призывался для отбывания трудовой или воинской повинности. "Гитлерюгенд" представляла собой организацию военизированного типа, подобно СА. Подростки вплоть до совершеннолетия получали здесь систематизированную подготовку — овладевали навыками жизни в полевых условиях, занимались спортом, приобщались к нацистской идеологии в преддверии военной службы. Не раз в выходные дни мой отдых на природе в окрестностях Берлина прерывали шумные подростки из "Гитлерюгенд", пробиравшиеся сквозь заросли или перебегавшие через пустошь с винтовками наперевес и с тяжеленными армейскими ранцами за спиной.

Иногда в военных играх принимали участие и девушки — это тоже предусматривалось движением гитлеровской молодежи. Немецкие девочки в возрасте от 10 до 14 лет зачислялись в организацию "Юнгмедель". Они носили одинаковую форму, состоящую из белой блузки и длинной синей юбки, носков и тяжелых, отнюдь не женских военных ботинок. Их обучение во многом было таким же, как у мальчиков того же возраста, и

включало продолжительные походы с тяжелыми рюкзаками по выходным дням, во время которых их обычно приобщали к нацистской философии. Но упор делался все же на роль женщины в третьем рейхе — быть здоровой матерью здоровых детей. Это подчеркивалось еще настойчивей, когда по достижении 14-летнего возраста девушки вступали в Лигу немецких девушек.

По достижении 18 лет несколько тысяч девушек из лиги (они состояли в ней до 21 года) были обязаны отработать год на фермах. Это был так называемый сельхозгод, который соответствовал году трудовой повинности для юношей. Задачей девушек было помогать во дому и в поле. Их размещали на фермах, но чаще в небольших лагерях в сельской местности, откуда каждое утро на грузовиках Отвозили на фермы. Однако вскоре возникли проблемы морального порядка. Присутствие молодых миловидных девушек в сельских домах подчас вносило разлад в семьи. Стали поступать жалобы от раздраженных родителей, чьи дочери забеременели на фермах. Но это было не единственной проблемой. Обычно женский лагерь располагался неподалеку от лагеря, где проходили трудовую повинность юноши. Столь опасное соседство также не способствовало укреплению морали. Недаром подпись под карикатурой на движение "Сила через радость" обошла всю Германию, поскольку она очень удачно ассоциировалась с сельхозгодом молодых девиц:

На полях и в лачугах

Я теряю силу через радость...

Аналогичные моральные проблемы возникали и во время "года домашнего хозяйства", когда девушки обязаны были трудиться домработницами в городских семьях. По правде говоря, более откровенные нацисты вовсе не считали это проблемой — я сам не однажды слышал, как наставницы из лиги, как правило малопривлекательные и незамужние, просвещали своих молоденьких подопечных относительно их морального и патриотического долга — рожать детей для гитлеровского рейха в браке, если это возможно, но коль скоро невозможно, то и вне оно.

К концу 1938 года в "Гитлерюгенд" насчитывалось 7 728 259 человек. Как ни велико это число, все же около 4 миллионов юношей и девушек остались вне этой организации. Поэтому в марте 1939 года правительство издало закон о призыве всей молодежи в "Гитлерюгенд" на тех же основаниях, что и в армию. Родителей, противившихся этой мере, предупредили, что если их дети не вступят в "Гитлерюгенд", то будут направлены в сиротские или другие дома.

Система образования была окончательно подорвана учреждением трех

типов школ для подготовки элиты: школ Адольфа Гитлера под попечительством "Гитлерюгенд", институтов национал-политического образования и замков рыцарского ордена. Школы двух последних типов находились под эгидой нацистской партии. В школы Адольфа Гитлера направлялась наиболее перспективная молодежь из "Юнгфольк" в возрасте 12 лет. Здесь она в течение 6 лет проходила курс обучения в целях дальнейшего использования на руководящих постах в партии и на государственной службе. Ученики жили при школах в условиях спартанской дисциплины и имели право по окончании учебы поступать в университет. Всего после 1937 года было учреждено десять таких школ, главной из них считалась академия в Брауншвейге.

Задачей институтов национал-политического образования было восстановление такого образования, которое давали старые прусские военные академии. Согласно одному официальному разъяснению они культивировали "солдатский дух с его атрибутами доблести, долга и простого образа жизни". К этому добавлялся специальный курс обучения нацистским принципам. Институты курировала служба СС, которая назначала ректоров и большую часть преподавателей. Три подобных вуза открылись в 1933 году, а к началу войны их число достигло 31, причем 3 из них предназначались для женщин.

На самом верху пирамиды находились так называемые замки рыцарского ордена. В этих учебных заведениях с характерной для них атмосферой замков рыцарей Тевтонского ордена XIV–XV веков готовилась нацистская элита из элиты. Рыцари Тевтонского ордена беспрекословно подчинялись своему магистру, а основной целью ордена являлось завоевание славянских земель на Востоке и порабощение местного населения. Нацистские замки ордена держались на принципах такой же дисциплины и преследовали те же цели. Сюда отбирали наиболее фанатичных молодых национал-социалистов, как правило из числа выпускников школ Адольфа Гитлера и национал-политических институтов. Было учреждено четыре орденских замка, в которых обучаемые проходили один из курсов, а затем переходили в другой. Первый год из шести отводился "расовым наукам" и другим аспектам нацистской идеологии. Упор здесь делался на развитие умственных способностей и на строгое соблюдение дисциплины, а физической подготовке отводилось второстепенное место. Второй год обучения проходил в другом замке, где, наоборот, на первом месте стояла атлетическая подготовка и различные виды спорта, включая альпинизм и прыжки с парашютом. В третьем замке в течение последующих полутора лет велось обучение политическим и

военным наукам. На четвертом, последнем, этапе обучения слушателей направляли на полтора года в замок, находившийся в Мариенбурге (Восточная Пруссия) близ польской границы. Здесь, в стенах того самого замка, который был оплотом Тевтонского ордена пять веков назад, основное внимание в политическом и военном образовании уделялось "восточному вопросу" — "праву" Германии расширять свое жизненное пространство за счет славянских земель. Для событий 1939 года и последующих лет эта подготовка, как и предполагалось, сыграла отличную службу.

Вот так готовил третий рейх свою молодежь к жизни, работе и смерти. Хотя ее сознание и отравлялось умышленно, регулярные занятия прерывались, а место обучения неоднократно менялось, юноши и девушки, молодые мужчины и женщины, казалось, были необыкновенно счастливы, полны энтузиазма и готовности жить жизнью члена "Гитлерюгенд". И, несомненно, такая практика, объединявшая детей всех классов и сословий, бедняков и богачей, рабочих и крестьян, предпринимателей и аристократов, которые стремились к общей цели, сама по себе была здоровой и полезной. В большинстве случаев обязательный труд в течение шести месяцев не наносил вреда городскому юноше или девушке. Все это время они жили вдали от дома, узнавали цену физического труда и учились общаться с молодыми людьми разных социальных групп. Все, кто в те дни путешествовал по Германии, беседовал с молодежью, наблюдал, как она трудится и веселится в своих лагерях, не мог не заметить, что, несмотря на зловещий характер нацистского воспитания, в стране существовало необычайно активное молодежное движение.

Молодое поколение третьего рейха росло сильным и здоровым, исполненным веры в будущее своей страны и в самих себя, в дружбу и товарищество, способным сокрушить все классовые, экономические и социальные барьеры. Я не раз задумывался об этом позднее, в майские дни 1940 года, когда на дороге между Ахеном и Брюсселем встречал немецких солдат, бронзовых от загара, хорошо сложенных и закаленных благодаря тому, что в юности они много времени проводили на солнце и хорошо питались. Я сравнивал их с первыми английскими военнопленными, сутулыми, бледными, со впалой грудью и плохими зубами, — трагический пример того, как в период между двумя мировыми войнами правители Англии безответственно пренебрегали молодежью.

Земледелец в третьем рейхе

Когда в 1933 году Гитлер пришел к власти, земледельцы в Германии, как и в большинстве других стран, находились в отчаянной нужде. По

данным одной статьи, опубликованной во "Франкфуртер цайтунг", их положение было хуже, чем когда-либо со времен Крестьянской войны 1524–1525 годов, разорившей немецкую землю. Доходы от сельского хозяйства в 1932/33 финансовом году снизились на один миллиард марок по сравнению с послевоенным 1924/25 годом. Общий долг земледельцев достиг 12 миллиардов (он образовался за последние восемь лет). Выплаты по этому долгу составляли 14 процентов всего дохода ферм. К этому добавлялась примерно такая же сумма в виде налогов и поборов на социальные нужды. "Мои товарищи по партии, у вас должна быть полная ясность по одному вопросу: у немецкого крестьянства остался лишь один, последний и единственный, шанс выжить", — предупреждал Гитлер сразу после вступления на пост канцлера, а в октябре 1933 года он объявил, что "крах немецкого крестьянства станет крахом немецкого народа".

В течение ряда лет нацистская партия проводила политику поддержки земледельцев. Пункт 17 "не подлежащей изменениям" партийной программы обещал им "земельную реформу... закон о конфискации земли без компенсации, отмену процентов на займы, выдаваемые земледельцам, недопущение любых спекуляций землей". Подобно обещаниям, содержащимся в других пунктах программы, обещания, данные земледельцам, не были выполнены, за исключением последнего, направленного против спекуляций землей. В 1938 году, после пяти лет нацистского правления, распределение земли в Германии оставалось более неравномерным, чем в любой другой стране Запада. Цифры, опубликованные в официальном статистическом ежегоднике за тот год, показывают, что на долю 2, 5 миллиона мельчайших ферм земли приходилось меньше, чем на долю землевладельческой верхушки, составлявшей 0, 1 процента всего населения Германии. Нацистская диктатура, подобно социалистическо-буржуазным правительствам Веймарской республики, не осмеливалась произвести раздел огромных феодальных владений юнкеров, которые простирались к востоку от Эльбы.

Тем не менее нацистский режим все же провозгласил новую аграрную программу, сопровождавшуюся громкой сентиментальной пропагандой, суть которой сводилась к тому, что крестьянство — это соль земли и главная опора третьего рейха. Руководить ее осуществлением Гитлер назначил Вальтера Дарре, который, хотя и подписывался под большинством нацистских мифов, был одним из не многих партийных лидеров, профессионально знавших область своей деятельности. Являясь незаурядным специалистом-аграрником с соответствующим университетским образованием, Дарре служил в министерстве сельского

хозяйства Пруссии и рейха. Вынужденный в 1929 году уйти со своего поста в результате конфликтов с руководством, он поселился в Рейнской области, где написал книгу под названием "Крестьянство как источник жизни нордической расы". Такой заголовок должен был непременно обратить на себя внимание нацистов. Рудольф Гесс представил Дарре Гитлеру, на которого тот произвел такое впечатление, что фюрер поручил ему разработать соответствующую аграрную программу партии. После отстранения в июне 1933 года Гугенберга министром продовольствия и сельского хозяйства стал Дарре. К сентябрю он подготовил планы преобразования немецкого сельского хозяйства. Два основных закона, принятые в том же месяце, были направлены на реорганизацию всей структуры производства и сбыта сельскохозяйственной продукции с целью обеспечения роста цен на нее в интересах земледельцев. Одновременно немецкий крестьянин обретал новый статус, что достигалось, как это ни парадоксально, возвращением к феодальным временам, когда земледелец и его наследники в принудительном порядке пожизненно закреплялись за своим наделом земли (при условии, что они являлись немцами арийского происхождения).

Закон о наследовании земли от 29 сентября 1933 года представлял собой причудливую смесь положений: с одной стороны, согласно этому закону крестьянство отбрасывалось в средневековье, с другой — закон защищал крестьян от злоупотреблений. Все фермы с земельными угодьями размером до 308 акров (125 гектаров), которые могли обеспечить семье землевладельца приличное существование, были объявлены наследственными владениями, подпадающими под юрисдикцию древних законов о наследовании земли без права отчуждения. Их нельзя было продать, разделить, заложить или передать в уплату за долги. После смерти владельца они должны были передаваться по наследству старшему или младшему сыну в зависимости от местных обычаев или ближайшему родственнику по мужской линии, который обязан был предоставлять средства на содержание и образование своих братьев и сестер до их совершеннолетия. Владеть такими угодьями мог лишь немецкий гражданин арийского происхождения, доказавший чистоту своей крови вплоть до 1800 года. Лишь такой человек, как определил закон, мог носить "почетный титул" бауэра, или крестьянина, которого он мог лишиться в случае, если нарушал "крестьянский кодекс чести" или прекращал активно вести хозяйство из-за физического состояния или по какой-либо другой причине. Таким образом, в начале существования третьего рейха увязший в долгах немецкий земледелец был избавлен от угрозы потерять свой надел,

скажем, в результате просрочивания уплаты по закладной, или от постепенного его сокращения (теперь не было необходимости продавать часть его для уплаты долга). Но в то же время он был привязан к земле так же нерасторжимо, как крепостной в феодальную эпоху.

Любая сторона его жизни и работы теперь строго регламентировалась продовольственным управлением рейха, которое Дарре учредил на основании закона от 13 сентября 1933 года. Это была большая организация, распоряжавшаяся любым видом сельскохозяйственного производства, переработки и сбыта продукции. В качестве лидера крестьянства в рейхе Дарре лично возглавлял это управление. Он преследовал две главные цели — установить для земледельцев твердые и выгодные цены и превратить Германию в страну, которая полностью обеспечивала бы себя продовольствием.

Насколько это удалось? Вначале земледелец, интересами которого так долго пренебрегало государство, занятое предпринимателями и рабочими, разумеется, был польщен таким вниманием к себе — как к "национальному герою и уважаемому гражданину". Еще больше остался он доволен повышением цен на сельскохозяйственную продукцию, которое Дарре осуществил путем простой волевой фиксации их на уровне, обеспечивающем крестьянину прибыль. В первые два года нацистского правления оптовые цены на сельхозпродукцию выросли на 20 процентов (на овощи, молочные продукты и скот цены повысились даже немного больше). Но эта выгода была частично сведена на нет ростом цен на предметы, которые земледелец вынужден был покупать, прежде всего на машины и удобрения.

Что касается второй цели — самообеспечения продовольствием, то нацистские лидеры считали ее достижение крайне важным, поскольку, как мы увидим, уже тогда замыслили войну. Но решит продовольственный вопрос они так и не смогли из-за количеств и качества производительной земли по сравнению с населением. Несмотря на все призывы нацистов, содержащиеся в широко раз рекламированной программе "Битва за сельхозпродукцию", страна смогла обеспечить себя продовольствием на 83 процента. Лишь за счет захвата чужих земель немцы стали получать столько продовольствия, что смогли продержаться всю вторую мировую войну.

Экономика третьего рейха

Успех Гитлера в первые годы его правления опирался только на достижения внешней политики, которая обеспечила бескровные завоевания, но и на экономическое возрождение Германий, которое в

партийных кругах и даже среди некоторых зарубежных экономистов превозносилось как чудо. Очень многим так и могло показаться. Безработица — это проклятие 20 — начала 30-х годов — сократилась, как мы видели, с шести миллионов в 1932 году до менее одного миллиона спустя четыре года. За период с 1932 по 1937 год национальное промышленное производство возросло на 102 процента, а национальный доход удвоился. Стороннему наблюдателю Германия середины 30-х годов могла показаться огромным пчелиным ульем. Колеса индустрии вращались все быстрее, и каждый трудился изо всех сил.

В течение первого года экономическая политика нацистов, которая в значительной мере определялась д-ром Шахтом (на Гитлера она наводила тоску, поскольку в экономических вопросах он был почти полным невеждой), сводилась к усилиям трудоустроить всех безработных путем резкого увеличения фронта общественных работ и стимулирования частного предпринимательства. Безработным был предоставлен правительственный кредит в виде специальных векселей. Значительно снизились налоги для тех компаний, которые расширяли капитальные вложения и обеспечивали рост занятости.

Но истинной основой возрождения Германии было перевооружение, на которое начиная с 1934 года нацистский режим направил все усилия предпринимателей и рабочих наряду с усилиями военных.

Вся экономика Германии, которая на нацистском жаргоне именовалась военной экономикой, была намеренно организована так, чтобы функционировать не только во время войны, но и в мирное время, также ориентированное на войну. В своей опубликованной в Германии в 1935 году книге "Тотальная война", название которой было неверно переведено на английский как "Нация во время войны", генерал Людендорф подчеркивал необходимость тотальной мобилизации экономики страны, как и всего остального, чтобы надлежащим образом подготовиться к тотальной войне. Эта идея была не нова для нацистов. В течение XVIII–XIX веков Пруссия, как мы убедились, направляла около 5/7 государственного дохода на армию и вся ее экономика всегда рассматривалась в первую очередь как орудие обеспечения военной политики, а не народного благосостояния. Теперь нацистскому режиму оставалось лишь реализовать идею военной экономики с поправкой на третье десятилетие XX века. Результаты косвенно подытожил начальник военно-экономического штаба генерал-майор Георг Томас: "Истории известны лишь несколько случаев, когда страна даже в мирное время намеренно и систематически направляла весь свой экономический

потенциал на нужды войны, как это имеет место в случае с Германией, которая была вынуждена поступить так в период между двумя мировыми войнами".

Германия, конечно, не была "вынуждена" готовиться к войне в таких масштабах — это было преднамеренным решением Гитлера. В секретном Законе об обороне от 21 мая 1935 года он назначил Шахта полномочным генералом военной экономики, обязав его "начать свою работу еще в мирное время" и предоставив ему власть для руководства "экономической подготовкой к войне". Несравненный д-р Шахт не стал ждать наступления весны 1935 года, чтобы начать расширенное строительство немецкой военной экономики. 30 сентября 1934 года, менее чем через два месяца после своего назначения министром экономики, он представил на рассмотрение фюрера "Доклад о ходе работы по экономической мобилизации по состоянию на 30 сентября 1934 года", в котором с гордостью подчеркивал, что на министерство "возложена экономическая подготовка к войне". 3 мая 1935 года, за четыре недели {Точнее, за 18 дней до назначения. — Прим. пер.} до своего назначения полномочным генералом военной экономики, Шахт вручил Гитлеру составленную им лично памятную записку, которая начиналась с утверждения, что "осуществление программы вооружения в надлежащем темпе и в необходимых масштабах есть прямая (подчеркнуто им. — Авт.) задача немецкой политики, поэтому все остальное должно быть подчинено этой цели". Шахт пояснил Гитлеру, что, поскольку вооружения приходилось маскировать вплоть до 16 марта 1935 года (когда Гитлер объявил о призыве в армию для формирования 36 дивизий), на первом этапе необходимо использовать печатный станок для изготовления денег на финансирование вооружений. Он отметил также с ухмылкой, что средства, конфискованные у врагов государства (в основном у евреев) или снятые, например, с замороженных иностранных счетов, позволили оплатить пушки. И похвастался: "Таким образом, расходы на наши вооружения частично покрывались за счет кредитов наших политических врагов".

Хотя во время суда на Нюрнбергском процессе он, набросив; на себя личину невинности, протестовал против предъявленных. ему обвинений в участии в нацистском заговоре в целях подготовки агрессивной войны и заявил, что действовал как раз наоборот, — правда заключается в том, что никто иной не нес большей ответственности за экономическую подготовку войны, спровоцированную Гитлером в 1939 году, чем Шахт. Это полностью признавало и командование немецкой армии. По случаю 60-летия Шахта армейский журнал "Милитервохенблатт" в номере от 22 января 1937 года

превозносил его как "человека, который сделал экономически возможным восстановление вермахта". И далее читаем: "Силы обороны обязаны огромным способностям Шахта тем, что, несмотря на все финансовые трудности, они смогли из армии, насчитывавшей 100 тысяч человек, вырасти до уровня их современной мощи".

Присущее Шахту умение виртуозно устраивать финансовые дела было направлено на оплату подготовки третьего рейха к войне. Печатание банкнотов было лишь одной из его уловок. Он проворачивал махинации с валютой так ловко, что, как подсчитали иностранные экономисты, немецкая марка одно время обладала 237 различными курсами сразу. Он заключал поразительно выгодные для Германии товарообменные сделки с десятками стран и, к удивлению ортодоксальных экономистов, успешно демонстрировал, что, чем больше ты должен стране, тем шире можешь развернуть с ней бизнес. Создание им системы кредита в стране, у которой мало ликвидного (легко реализуемого) капитала и почти нет финансовых резервов, стало находкой гения или, как говорили некоторые, ловкого манипулятора. Изобретение им так называемых векселей "мефо" может служить тому примером. Это были векселя, выдаваемые Рейхсбанком и гарантируемые государством. Использовались они для выплат компаниям по производству вооружений. Векселя принимались всеми немецкими банками, а затем учитывались немецким Рейхсбанком. Они не фигурировали ни в бюллетенях национального банка, ни в государственном бюджете, что позволяло сохранить в секрете масштабы перевооружения Германии. С 1935 по 1938 год они использовались исключительно для финансирования перевооружения и оценивались в 12 миллиардов марок. Разъясняя однажды их функцию Гитлеру, министр финансов граф Шверин фон Крозиг робко заметил, что они были всего лишь способом "печатать деньги".

В сентябре 1936 года в связи с передачей четырехлетнего плана под жесткий контроль Геринга, который стал вместо Шахта диктатором экономики, хотя был в этой области почти таким же невеждой, как Гитлер, Германия перешла к системе тотальной военной экономики. Целью четырехлетнего плана было превратить за четыре года Германию в страну, которая сама обеспечивала бы себя всем необходимым, чтобы в случае войны ее не смогла удушить военная блокада. Импорт был сокращен до минимума, был введен жесткий контроль за ценами и размером заработной платы, дивиденды ограничивались 6 процентами годовых, строились огромные заводы по производству синтетического каучука, тканей, горючего и другой продукции из собственного сырья. Были также

построены гигантские заводы Германа Геринга, производившие сталь из местной низкосортной руды. Короче говоря, немецкая экономика была мобилизована на нужды войны, а промышленники, доходы которых резко подскочили, превратились в винтики военной машины. Их деятельность была скована такими ограничениями, такой огромной отчетностью, что д-р Функ, сменивший Шахта в 1937 году на посту министра экономики, а в 1939 году на посту президента Рейхсбанка, был вынужден с сожалением признать, что "официальная отчетность теперь составляет более половины всей деловой переписки предпринимателей" и что ведение "немецкой внешней торговли предполагает заключение 40 тысяч отдельных сделок ежедневно и на каждую из них необходимо заполнить 40 различных документов".

Заваленные горами бумаг, постоянно получающие указания от государства, что, сколько и по какой цене производить, отягощенные растущими налогами, облагаемые нескончаемыми крупными "специальными отчислениями" на партию, промышленники и коммерсанты, которые с таким энтузиазмом приветствовали установление гитлеровского режима, поскольку рассчитывали, что он уничтожит профсоюзы и позволит им беспрепятственно заниматься свободным предпринимательством, теперь ощутили глубокое разочарование. Одним из них был Фриц Тиссен, который в числе первых сделал наиболее щедрые отчисления в кассу партии. Бежав из Германии накануне войны, он признал, что "нацистский режим разрушил немецкую промышленность", и всем, кого встречал за рубежом, говорил: "Ну и дурак же я был! "

Поначалу, однако, бизнесмены тешили себя надеждами, что нацистское правление ниспослано им в ответ на все их молитвы. Бесспорно, "неизменная" партийная программа провозглашала зловещие призывы национализировать тресты, справедливо делить доходы в оптовой торговле, "коммунизировать универмаги, сдавая торговые места в них за невысокую плату внаем мелким торговцам" (пункт 16 программы), провести земельную реформу и отменить проценты на закладные, но промышленники и финансисты вскоре поняли, что в намерения Гитлера не входило считаться с каким бы то ни было ее пунктом, что радикальные обещания были включены в нее лишь для того, чтобы получить голоса избирателей. В течение первых нескольких месяцев 1933 года ряд партийных радикалов попытались было установить контроль над ассоциациями предпринимателей, взять на себя управление крупнейшими универмагами и учредить корпоративное (с местным самоуправлением) государство по примеру того, какое пытался создать Муссолини, однако

Гитлер быстро добился их замены консервативными предпринимателями. Один из них, Готфрид Федер, бывший в числе первых наставников Гитлера в области экономики, человек со странностями, стремившийся упразднить "процентное рабство", получил пост помощника министра экономики. Но его шеф, д-р Карл Шмидт, страховой магнат, всю жизнь занимавшийся выдачей ссуд и получением на них процентов, не давал ему никакой работы, а когда позднее министерство возглавил Шахт, он и вовсе освободился от услуг Федера.

Мелкие предприниматели, первоначально являвшиеся одной из главных опор партии и многого ожидавшие от канцлера Гитлера, по меньшей мере многие из них, вскоре обнаружили, что их постепенно ликвидируют и вынуждают вновь влиться в ряды тех, кто живет на зарплату. После принятия законов в октябре 1937 года все корпорации с капиталом менее 40 тысяч долларов просто распустили, запретив создавать новые с капиталом менее 200 тысяч долларов. Это сразу привело к сокращению числа мелких фирм на одну пятую. Но крупные картели, которым покровительствовала даже Веймарская республика, получили со стороны нацистов дополнительную поддержку. По закону от 15 июля 1933 года их создание фактически было признано обязательным. Министерству экономики предоставлялось право принудительно создавать новые картели и предписывать фирмам объединяться с существующими. Нацисты сохранили систему промышленных и торговых ассоциаций, образованных во времена республики в огромном количестве. Однако в соответствии с основополагающим законом от 27 февраля 1934 года они были реорганизованы на четких принципах подчиненности и поставлены под контроль государства. Все предприятия были обязаны входить в соответствующие ассоциации. Во главе этой невероятно сложной структуры стояла Экономическая палата рейха, президентом которой назначался государством. Ей подчинялись семь национальных экономических групп, двадцать три экономические палаты, сто палат промышленности и торговли и семьдесят палат кустарных ремесел. В этой запутанной, как лабиринт, системе, среди бесчисленного количества отделов и агентств министерства экономики и управлений четырехлетнего плана, среди похожей на ниагарский водопад лавины специальных законов и указаний часто терялся даже опытный бизнесмен, поэтому, чтобы обеспечить деятельность фирме приходилось нанимать специальных адвокатов. Неудивительно, что взятки за то, чтобы найти путь к нужному высокопоставленному виновнику, принимавшему решения, от которых зависело размещение заказов, взятки за то, чтобы обойти бесчисленные

правила и инструкции, изданные правительством и торговыми ассоциациями, достигли в третьем рейхе астрономических цифр. "Экономической необходимостью" назвал эту систему в беседе с автором книги один бизнесмен.

Однако, несмотря на столь беспокойную жизнь, предприниматель извлекал немалую прибыль. Доходы от перевооружения получала главным образом тяжелая промышленность. С 2 процентов в удачном 1926 году, году промышленного бума, они выросли до 6, 5 процента в 1938 году. Даже закон, ограничивавший прибыль 6 процентами, не создавал трудностей компаниям, скорее наоборот. В теории согласно закону вся прибыль сверх 6 процентов шла на приобретение облигаций правительственных займов, об изъятии ее не могло быть и речи. На практике же большинство фирм вкладывали эту невыплаченную прибыль в собственное дело. Со 175 миллионов марок в 1932 году она возросла до 5 миллиардов марок в 1938 году, когда общие накопления в сберегательном банке достигли лишь 2 миллиардов марок, или менее половины суммы невыплаченных прибылей. Общая сумма выплаченной прибыли в виде дивидендов составила лишь 1, 2 миллиарда марок. Помимо чувства удовлетворения от получения повышенных барышей, предприниматель был доволен также тем, что Гитлер поставил рабочих на место. Отныне не раздавались неоправданные требования повысить заработную плату. В действительности она была даже несколько урезана, несмотря на рост стоимости жизни на 25 процентов. Главное — не было так дорого обходившихся забастовок. Практически же их не было вообще — проявления подобных беспорядков в третьем рейхе были запрещены.

Подневольный труд

Лишенный профсоюзов, коллективных договоров и права на забастовки, немецкий рабочий стал в третьем рейхе промышленным рабом, зависимым от своего хозяина-предпринимателя в такой же степени, как средневековые крепостные от феодала. Так называемый Рабочий фронт, который теоретически заменил профсоюзы, не являлся представительным органом рабочих. Согласно закону от 24 октября 1934 года, которым он был учрежден, Рабочий фронт представлял собой "организацию творчески настроенных немцев, имеющих голову и кулаки". Он включал не только рабочих и служащих, но и предпринимателей и лиц других профессий. По существу, это была широкая пропагандистская организация — "гигантская фальшивка", как называли ее некоторые рабочие. Его целью, как формулировал это закон, была не защита рабочих, а "создание истинно социального и производительного сообщества всех немцев". Его задачей

было следить за тем, чтобы каждый индивидуум "был способен... выполнять максимум работы". Рабочий фронт не был самостоятельной административной организацией, а подобно любой другой организации в нацистской Германии, кроме армии, являлся составной частью НСДАП, или, по определению Тиссена, "инструментом партии". Закон от 24 октября действительно предусматривал, что руководители Рабочего фронта должны выдвигаться из партийных рядов, из членов нацистских союзов, СА и СС, что и осуществлялось на практике.

Ранее закон от 20 января 1934 года о регулировании использования национальных трудовых ресурсов, известный под названием "Рабочая хартия", поставил рабочего на место, а предпринимателя поднял до его прежнего положения абсолютного хозяина. В его исполнение, разумеется, могло вмешиваться всемогущее государство. Предприниматель теперь становился главой предприятия, а рабочие и служащие людьми, "руководимыми" им. Статья 2 закона определяла, что "глава предприятия принимает решения в отношении служащих и рабочих по всем вопросам, касающимся предприятия". И подобно тому, как в древнейшие времена землевладелец считался ответственным за благополучие своих подданных, так по нацистскому закону предприниматель нес ответственность за благополучие своих служащих и рабочих. Как предусматривал закон, "в свою очередь служащие и рабочие должны платить ему верностью", то есть должны были работать напряженно и много, не вступать в спор и не проявлять недовольства, в том числе размером зарплаты.

Зарплата устанавливалась так называемыми рабочими опекунами, которые назначались Рабочим фронтом. На самом же деле они определяли размер зарплаты по указанию предпринимателя, даже совещания с рабочими по этому вопросу закон не предусматривал. Хотя после 1936 года в военной промышленности не доставало рабочих рук и некоторые предприниматели попытались поднять зарплату, чтобы привлечь людей, государство понизило тарифы, и зарплата осталась на прежнем уровне. Гитлер не скрывал причин, по которым зарплата умышленно сохранялась на низком уровне. "Национал-социалистское руководство всегда придерживалось железного принципа, — заявил он в первые годы существования режима, — не допускать повышения уровня почасовой оплаты, а поощрять увеличение заработка только за счет увеличения интенсивности труда". В стране, где большинство тарифов заработной платы основывалось на сдельщине, это означало, что рабочий мог заработать больше только путем повышения интенсивности труда и увеличения продолжительности рабочего дня.

По сравнению с Соединенными Штатами, если сделать скидку на разницу в уровне жизни и социальных услуг, средний уровень зарплаты в Германии всегда был на низком уровне. При нацистском же режиме он еще больше понизился. Согласно данным статистического управления рейха, заработная плата квалифицированных рабочих сократилась с 20, 4 цента в час в 1932 году, в пору наибольшей депрессии, до 19, 5 цента в середине 1936 года. Почасовая заработная плата неквалифицированных рабочих понизилась с 16, 1 до 13 центов. В 1936 году на партийном съезде в Нюрнберге д-р Лей заявил, что среди членов Рабочего фронта средний заработок рабочего при полной занятости составляет 6, 95 доллара в неделю. Средний же заработок немецкого рабочего по всей стране, согласно данным статистического управления, составлял 6, 29 доллара.

Хотя в стране появились миллионы новых рабочих мест, доля всех немецких рабочих в национальном доходе упала с 56, 9 процента в 1932 году (время депрессии) до 53, 6 процента в 1938 году (время экономического бума). Одновременно доля прибыли с капитала и прибыли торгово-промышленных фирм в национальном доходе возросла с 17, 4 до 26, 6 процента. Верно, что вследствие значительно возросшей занятости населения поступления от налогов с заработной платы рабочих и служащих в общий доход выросли с 25 до 42 миллиардов марок, то есть на 66 процентов. Однако прибыли с капитала и прибыли торгово-промышленных фирм выросли еще больше — на 146 процентов. Все пропагандисты третьего рейха, начиная с Гитлера, в своих публичных выступлениях обычно разражались тирадами против буржуазии и капиталистов и ратовали за солидарность с рабочими, но трезвые подсчеты официальной статистики, которыми, вероятно, мало кто занимался в Германии, показывали, что именно капиталисты, а не рабочие больше всего выиграли от нацистской политики.

Наконец, упал и чистый заработок немецкого рабочего. Помимо значительного подоходного налога, обязательных отчислений на случай болезни, страховых взносов на случай потери работы или трудоспособности, взносов в Рабочий фронт, каждого рабочего, занятого ручным трудом, как и всякого другого рабочего в нацистской Германии, постоянно принуждали выплачивать возрастающие поборы различные нацистские благотворительные общества, главным из которых было общество "Зимняя помощь". Многие рабочие потеряли работу потому, что не смогли сделать взносы в эту организацию, или потому, что их взносы оценили как слишком скромные. Такие факты, по определению одного "рабочего суда", поддерживавшего увольнение рабочего без

предупреждения, "являют собой поведение, враждебное человеческому сообществу... и должны быть строго осуждены". По подсчетам, проведенным в середине 30-х годов, налоги и взносы составляли от 15 до 35 процентов общего заработка рабочего. После вычетов из суммы 6, 95 доллара в неделю не слишком много оставалось на оплату жилья, питания, одежду и отдых.

Подобно средневековым крепостным, рабочие гитлеровской Германии оказывались все более привязаны к своему рабочему месту, хотя привязывал их к нему не столько предприниматель, сколько государство. Мы уже видели, как законом о наследовании земли был прикреплен к земле крестьянин в третьем рейхе. Подобным образом прикреплялся к земле и не имел права оставить ее ради работы в городе и сельскохозяйственный рабочий. Следует сказать, что это был единственный нацистский закон, которому практически не подчинялись, — между 1933 и 1939 годом более одного миллиона (1 миллион 300 тысяч) сельскохозяйственных рабочих перешли на работу в промышленность и торговлю. Но промышленным рабочим этому закону пришлось подчиниться. Различные правительственные декреты, начиная с закона от 15 мая 1934 года, резко ограничили свободу перехода рабочих с одной работы на другую. С июня 1935 года государственные ведомства по учету занятости получили особые права. Теперь они решали, кого на какую работу следует нанимать и куда направлять.

В феврале 1935 года были введены "трудовые книжки", и ни один рабочий не мог быть принят на работу, если у него ее не было. В книжке велся учет его трудоустройства и роста квалификации. Трудовые книжки не только давали государству и предпринимателю все самые свежие данные о каждом работнике в стране, но и использовались для того, чтобы удерживать его на рабочем месте. Если он хотел перейти на другую работу, его хозяин мог задержать трудовую книжку, что не позволяло устроиться на другую работу. Наконец, 22 июня 1938 года управление четырехлетнего плана приняло специальное постановление, которое обязывало каждого немца отбывать трудовую повинность там, куда его направляло государство. Рабочие, уклонявшиеся от работы без уважительной причины, подвергались штрафу и тюремному заключению. Ясно, что у этой медали была и обратная сторона. Рабочий, отбывавший трудовую повинность, не мог быть уволен предпринимателем без согласия правительственного ведомства по учету занятости. Таким образом, у него была гарантия сохранения работы, что было редким явлением даже во времена республики.

Связанные по рукам и ногам жестким контролем, получавшие заработную плату немногим выше прожиточного минимума, немецкие рабочие, как и римские пролетарии, получили возможность посещать увеселительные представления, устраиваемые правителями, чтобы отвлечь их внимание от своего жалкого существования. "Нам нужно было переключить внимание масс с материальных ценностей на моральные, — разъяснил однажды д-р Лей. — Гораздо важнее утолить духовный голод людей, чем заполнить их желудки".

И Лей выступил с идеей создания организации под названием "Сила через радость". Она обеспечивала то, что можно было назвать унифицированным досугом. При тоталитарной диктатуре XX века, пожалуй, как и при более ранних, необходимо было держать под контролем не только рабочее, но и свободное время каждого индивидуума. Этим и занималась "Сила через радость". Во времена нацизма в Германии насчитывалось несколько десятков тысяч клубов, занимавшихся буквально всем, начиная с шахмат и футбола и кончая певчими птицами. При нацистах не разрешалось существовать ни одной группе, будь она общественная, спортивная или развлекательная, иначе как под контролем организации "Сила через радость".

Рядовой немец третьего рейха, конечно, предпочитал эту всеобъемлющую организацию по обеспечению отдыха и досуга, чтобы не оказаться предоставленным самому себе. Она, например, организовала для членов Рабочего фронта очень дешевые туристские поездки и морские путешествия. Для "Силы через радость" д-р Лей построил два парохода водоизмещением по 25 тысяч тонн, один из которых назвал в свою честь, а также зафрахтовал десять судов для океанских круизов. Автору этой книги однажды довелось побывать в таком круизе, и, хотя жизнь на пароходах была заорганизована нацистскими лидерами до изнурения (по крайней мере, так мне показалось), немецкие рабочие были довольны тем, как хорошо провели они время. И по бросовой цене! Например, круиз на остров Мадейру стоил всего 25 долларов, включая проезд по железной дороге до немецкого порта и обратно. Так же недорого обходились и прочие увеселительные поездки. Организация заполучила пляжи на морском побережье и около озер, предоставляя их тысячам отдыхающих в летнее время. Одним из них был пляж на острове Рюген на Балтийском море, оборудование которого не успели закончить до войны и который был рассчитан на размещение в близлежащих отелях 20 тысяч человек. В зимнее время устраивались специальные поездки на лыжные базы в Баварских Альпах, и стоило это 11 долларов в неделю, включая проезд на

автобусе, жилье, питание, прокат лыж и занятия с инструктором. Массовые занятия различными видами спорта организовывались исключительно через посредство "Силы через радость". По официальным данным, они охватывали ежегодно до 7 миллионов человек.

Организация распространяла по дешевой цене билеты в театры, оперу и на концерты, делая эти культурные развлечения для избранных доступными для простых трудящихся, чем часто хвастались нацистские деятели. "Сила через радость" имела свой собственный симфонический оркестр в составе девяноста человек, который постоянно гастролировал по стране, часто давая концерты в небольших городах и селениях, где хорошая музыка была, как правило, недоступна. Наконец, эта организация прибрала к рукам более 200 учебных заведений для взрослых. Зародившись в Скандинавии, эти заведения получили распространение и в Германии, особенно широко во времена республики. "Сила через радость" продолжала курировать их, включив в программы солидную порцию нацистской идеологии.

В конечном счете рабочим пришлось расплачиваться и за посещение увеселительных представлений. Годовой доход от выплаты взносов в Рабочий фронт достиг, по данным д-ра Лея, в 1937 году 160 миллионов долларов, а к началу войны превысил 200 миллионов. Правда, здесь не было точной отчетности (ее контролировало не государство, а финансовый отдел партии, который никогда не публиковал своих отчетов). 10 процентов поступлений предназначалось для "Силы через радость". Оплата же отдыхающими стоимости туристических поездок и увеселительных мероприятий, как ни мизерна она была, принесла в год, предшествовавший войне, 1, 25 миллиарда долларов. И еще один вид поборов лежал на тех, кто жил на зарплату. Рабочий фронт, как крупнейшая и единственная в стране Рабочая партийная организация численностью 25 миллионов членов, обладал раздутым бюрократическим аппаратом, насчитывавшим десятки тысяч служащих, занятых полный рабочий день. По проверенным подсчетам, фактически 20–25 процентов поступлений шли на содержание этого аппарата.

Здесь следует упомянуть хотя бы об одной мошеннической уловке Гитлера в отношении немецких рабочих. Она связана с "фольксвагеном" — бредовой идеей самого фюрера, который заявил, что каждый немец или, по меньшей мере, каждый немецкий рабочий должен иметь собственный автомобиль, как, скажем, рабочий Соединенных Штатов. В стране, где до сего времени один автомобиль приходился на пятьдесят человек (для сравнения — в США один автомобиль приходился на пять человек) и где

трудящиеся пользовались велосипедом либо общественным транспортом, Гитлер распорядился создать автомобиль стоимостью всего 990 марок, то есть 396 долларов по официальному обменному курсу. Он лично, по его словам, приложил руку к конструированию автомобиля, которое осуществлялось под руководством австрийского конструктора д-ра Фердинанда Порше.

Поскольку частное производство не способно выпускать автомобили по цене 396 долларов, Гитлер распорядился, чтобы его выпуском занялось государство, и возложил эту задачу на Рабочий фронт. Организация д-ра Лея тогда же, в 1938 году, рьяно взялась за строительство в Фаллерслебене, близ Брауншвейга, "крупнейшего автомобильного завода в мире" производительностью 1, 5 миллиона машин в год — "больше, чем у Форда", как заявляли нацистские пропагандисты. Рабочий фронт выделил капитал в размере 50 миллионов марок, но это не было основной частью финансирования. Хитроумный план Лея состоял в том, чтобы сами рабочие вложили необходимые средства, выплачивая денежные взносы в счет будущей покупки в размере 5 марок в неделю, а то и 10 или даже 15, если это им по карману. План этот стал известен под названием "Выплати, прежде чем получить". Уплатив 750 марок, будущий покупатель получал номерной ордер, позволявший получить машину, как только она сойдет с конвейера. К сожалению для рабочих, ни один автомобиль с конвейера не сошел и не был приобретен за все время существования третьего рейха. Немецкие же трудящиеся выплатили десятки миллионов марок, из которых им не возместили ни пфеннига. К началу войны заводы "Фольксваген" были переоборудованы на выпуск более необходимой для армии продукции.

И хотя немецкий рабочий, одурачиваемый как в вышеприведенном случае, так и во многих других, был низведен, как мы убедились, до уровня промышленного крепостного, получающего зарплату, которая обеспечивала лишь прожиточный минимум, и хотя он менее, чем представитель любого другого класса, был склонен поддерживать нацизм или поддаваться его назойливой пропаганде, он, по-видимому, не так уж сильно сетовал на свое униженное положение в третьем рейхе. Колоссальная немецкая военная машина, обрушившая свою мощь на Польшу на рассвете 1 сентября 1939 года, никогда бы не была создана, если бы не исключительный вклад немецкого рабочего, жившего и трудившегося в соответствии со строжайшей регламентацией, а подчас и подвергавшегося террору — в таком положении оказались и все остальные немецкие трудящиеся, приученные за столетие к беспрекословному подчинению. Возможно, это

не слишком умные обобщения, однако личное мнение автора этой книги о рабочих Берлина и Рура таково: хотя они и относились подчас скептически к обещаниям нацистских властей, они не больше, чем кто-либо другой в третьем рейхе, стремились восстать против него. Впрочем, рабочие часто задавались вопросом: что могли они, лишенные организации и руководства, предпринять.

Но основная причина того, что рабочий класс примирился с этой ролью в нацистской Германии, без малейшего сомнения, коренилась в наличии у него работы и гарантии, что он ее не потеряет. Очевидцы, знающие об опасном и трудном положении, в котором пребывали рабочие в период Веймарской республики, могут понять, почему они не очень беспокоились по поводу утраты политической свободы и даже собственных профсоюзов, пока были заняты полную рабочую неделю. В прошлом для многих, точнее, для 6 миллионов человек и их семей политические свободы в Германии сводились, по выражению рабочих, к свободе голодать. Лишив рабочих этой последней свободы, Гитлер заручился поддержкой класса, пожалуй, самого квалифицированного, трудолюбивого и дисциплинированного в западном мире, и поддержку свою этот класс оказал не надуманной идеологии или чудовищным намерениям Гитлера, а фактически производству военной продукции.

Правосудие в третьем рейхе

С первых дней 1933 года, когда по стране, оказавшейся под пятой национал-социализма, с одобрения властей прокатилась волна массовых арестов, избиений и убийств, национал-социалистская Германия перестала быть обществом, в котором соблюдалась законность. "Гитлер — вот закон!" — гордо провозгласили юридические светила нацистской Германии, а Геринг в беседе с прусскими прокурорами 12 июля 1934 года особо подчеркнул это: "Закон и воля фюрера неразделимы". И это соответствовало действительности. Законом стало то, что сказал диктатор, а в моменты кризиса, например во время "кровавой чистки", о чем стало известно из речи в рейхстаге, произнесенной им сразу же после кровавого злодеяния, он сам будет, как он заявил, "верховным судьей" германского народа, во власти которого казнить или миловать любого сообразно его желанию.

В период республики подавляющее число судей, подобно большинству протестантского духовенства и университетских профессоров, искренне недолюбливали веймарский режим и своими действиями, как считали многие, вписали самые мрачные страницы в историю Германской республики, приблизив тем самым ее конец. Но по веймарской конституции

судьи были независимы, подчиняясь лишь закону. Они были гарантированы от отстранения от должности по воле вышестоящих властей и призваны, по крайней мере теоретически, в соответствии со статьей 109 конституции обеспечивать все общее равенство перед законом. Большинство из них симпатизировали национал-социализму, но едва ли были готовы к тому обращению, которому они подверглись, едва Гитлер пришел к власти. Закон о государственной службе от 7 апреля 1933 года был распространен на все магистраты и предписывал немедленно изгнать из судов не только евреев, но и тех, кто ставил под сомнение нацистскую идеологию, или, как это было записано в законе, тех, "кто давал повод считать, что он не готов постоянно содействовать национал-социалистскому государству". Разумеется, немногих судей уволили по этому закону, но им дали ясно понять, в чем отныне состоял их служебный долг. Чтобы удостовериться, что они это поняли, комиссар юстиции и глава правосудия в рейхе д-р Ганс Франк заявил юристам в 1936 году: "Фундамент всех основных законов — это национал-социалистская идеология, в особенности же ее истолкование в партийной программе и речах фюрера".

И далее д-р Франк разъяснил, как он это понимает: "При национал-социализме не существует независимости закона. Вынося любое решение, спросите самих себя: "А как бы фюрер поступил на моем месте? Согласуется ли это решение с национал-социалистской совестью германского народа? " Только в этом случае вы получите твердое, прочное как сталь основание, которое в сочетании с единством национал-социалистского народного государства и наряду с признанием вами вечной сущности и бессмертия воли Адольфа Гитлера наделит ваше решение авторитетом третьего рейха, и так будет всегда".

Смысл сказанного был достаточно ясен, как и принятый в следующем году новый закон о государственной службе (закон от 26 января 1937 года), требовавший увольнения любого государственного служащего, в том числе и судьи, который был "политически неблагонадежен". Более того, всем юристам предписывалось вступить в Лигу национал-социалистских немецких юристов, где им часто делали внушения в духе Франка.

Однако некоторые судьи, хотя они, возможно, и были настроены антиреспубликански, не слишком горячо восприняли партийную линию. В своей практике они пытались опираться на закон. Примером этого может служить принятое верховным судом Германии решение оправдать на основе свидетельских показаний троих из четырех коммунистов, обвиненных в поджоге рейхстага. Суд над ними состоялся в марте 1934 года (лишь Ван дер Люббе, полусумасшедший голландец, сознался и был

признан виновным). Это настолько распалило Гитлера и Геринга, что месяц спустя, 24 апреля 1934 года, право вести судебные дела о государственной измене, которые до тех пор подпадали под юрисдикцию верховного суда, было отобрано у этого внушающего благоговейный страх органа и передано народному суду, ставшему вскоре самым страшным в стране трибуналом. Он состоял из двух профессиональных судей и пяти судей из числа партийных деятелей, службы СС и вооруженных сил. Этой части суда давалось право принимать решения большинством голосов. Апелляции на вынесенные им решения и приговоры подавать запрещалось, заседания проходили, как правило, при закрытых дверях. Однако иногда в пропагандистских целях, когда ожидалось вынесение относительно мягких приговоров, на его заседаниях разрешалось присутствовать иностранным корреспондентам.

Так, в 1935 году автору этой книги довелось однажды присутствовать на заседании народного суда. Меня поразила царившая там обстановка военно-полевого трибунала, мало похожая на заседание обычного гражданского суда. Разбирательство велось в течение одного дня, представить суду свидетелей защиты было практически невозможно (да разве нашелся бы тот, кто отважился выступить в защиту обвиняемого в "государственной измене"?), а доводы защитников, являвшихся "квалифицированными специалистами" из числа нацистов, были до смешного слабы. При чтении газет, публиковавших лишь приговоры, создавалось впечатление, что большинство несчастных обвиняемых приговаривались к смерти. Число смертных приговоров никогда не объявлялось, хотя в декабре 1940 года наводивший ужас председатель народного суда Роланд Фрейслер (убитый во время войны американской бомбой, попавшей в здание суда во время заседания) заявил, что смертные приговоры были вынесены лишь 4 процентам обвиняемых.

Еще раньше (до зловещего народного суда) существовал специальный суд, который принимал к рассмотрению от обычных судов дела по политическим преступлениям или дела "о вероломных нападениях на правительство", как определил закон от 21 марта 1933 года. Специальный суд состоял из трех судей, которым неизменно являлись испытанные члены нацистской партии, причем суд заседал без присяжных. Нацистский прокурор обладал правом выбора — направлять дело в обычный или в специальный суд. По вполне понятным причинам он неизменно выбирал последний. Кандидатуры защитников для этого суда, так же как для народного суда, всякий раз утверждались нацистским начальством. Иногда, даже будучи утвержденными, защитники страшно боялись поступить

опрометчиво. Так, защитники, пытавшиеся отстоять интересы вдовы д-ра Клаузенера, лидера организации "Католическое действие", убитого во время кровавой чистки, предъявившей государству иск о возмещении ущерба, были брошены в концлагерь Заксенхаузен, где их держали до тех пор, пока они официально не прекратили дело.

Гитлер, а некоторое время и Геринг имели право отменять судебное разбирательство. В документах Нюрнбергского трибунала всплыло дело, по которому министр юстиции настойчиво рекомендовал привлечь к суду высокопоставленного гестаповца и группу лиц из СС, против которых, как он считал, имелись улики, доказывавшие их вину, — применение пыток к заключенным концлагеря. Он направил материалы Гитлеру. Фюрер приказал дело прекратить. Геринг поначалу имел такие же полномочия. Однажды в апреле 1934 года он приостановил судебное разбирательство против одного промышленника. Вскоре обнаружилось, что обвиняемый заплатил ему около трех миллионов марок. Известный в то время в Берлине адвокат Герхард Крамер прокомментировал это следующим образом: "Шантажировал ли Геринг промышленника или промышленник подкупил прусского премьер-министра — установить невозможно". Установить удалось лишь то, что Геринг прекратил дело.

Заместитель Гитлера Рудольф Гесс обладал правом прибегать "к беспощадным мерам" против обвиняемых, в отношении которых, по его мнению, был вынесен слишком мягкий приговор. Ему направлялись судебные приговоры на всех лиц, осужденных за нападки на партию, фюрера или государство, и если наказание не удовлетворяло его, то он назначал "беспощадные меры", которые обычно заключались в том, что осужденного бросали в концлагерь или убивали.

Следует сказать, что иногда судьи специального суда все же проявляли некоторую независимость и даже приверженность букве закона. В этих случаях вмешивались Гесс или гестапо. Так, когда специальный суд снял с пастора Нимеллера основные обвинения и приговорил его лишь к небольшому сроку тюремного заключения, который он фактически уже отбыл за время следствия, гестапо схватило его на выходе из зала, где заседал суд, и отправило в концлагерь, ибо оно, как и Гитлер, тоже воплощало закон.

Первоначально гестапо было учреждено 26 апреля 1933 года для Пруссии по инициативе Геринга вместо прежнего управления разведки старой прусской политической полиции. Он намеревался назвать его тайным политическим управлением, но никому не известный почтовый служащий, которого попросили подсказать сокращение для нового отдела,

предложил назвать его тайной государственной полицией — сокращенно гестапо. Таким образом, сам того не ведая, он придумал название, которое вселяло ужас сначала в Германии, а затем и за ее пределами.

Первоначально гестапо служило средством расправы с противниками режима для Геринга. Лишь в апреле 1934 года, когда он назначил Гиммлера заместителем начальника прусской тайной полиции, гестапо, как орган СС, стало расширяться и под неусыпным оком нового шефа, человека с мягкими манерами, но садистскими наклонностями, бывшего владельца куриной фермы, а также под началом Рейнхарда Гейдриха, молодого человека из "дьявольской касты", ставшего главой службы безопасности — СД, постепенно превратилось в карающий орган, в чьей власти находилась жизнь и смерть любого немца.

Еще в 1935 году прусский верховный административный суд под давлением нацистов принял постановление, в соответствии с которым приказы и действия гестапо не могли быть предметом разбирательства в судах (не подлежали пересмотру в судах?). Основным законом о гестапо, принятый правительством 10 февраля 1936 года, поставил эту тайную полицейскую организацию над законом. Судам запрещалось вмешиваться в действия гестапо в какой-либо форме. Как разъяснил д-р Вернер Бест, один из ближайших подручных Гиммлера, "до тех пор, пока полиция осуществляет волю руководства, она действует в рамках закона".

Покров "законности" был призван скрывать произвол гестапо при арестах и заточении жертв в концлагеря. Обозначалось это термином "охранный арест", а его применение определялось законом от 28 февраля 1933 года, который, как мы убедились, отменял временно положения конституции, гарантировавшие гражданские права. Но "охранный арест" не ограждал человека от нанесения ему вреда, как это делается в более цивилизованных странах. Напротив, его наказывали, бросив за колючую проволоку.

В первый же год правления Гитлера концентрационные лагеря стали расти как грибы после дождя. К концу 1933 года их насчитывалось уже около пятидесяти, в основном созданных усилиями СА для избиения своих жертв и последующего вымогательства у их родственников и друзей приличного выкупа. В основном такие действия являлись грубой формой шантажа, впрочем, иногда узников убивали просто из садизма и жестокости. На Нюрнбергском процессе всплыло четыре таких случая, которые произошли весной 1933 года в концлагере СС Дахау, близ Мюнхена. В каждом из этих случаев заключенные были зверски убиты: кого забили насмерть кнутом, кого повесили. Протест заявил даже

мюнхенский государственный прокурор. После "кровавой чистки" в июне 1934 года с открытым сопротивлением нацистскому режиму было покончено. Многие немцы посчитали, что отныне не будет ни массового террора с целью "охранного ареста", ни отправки в концлагеря. В канун рождества 1933 года Гитлер объявил об амнистии для 27 тысяч заключенных концлагерей, но Геринг и Гиммлер проигнорировали его приказ и в действительности были освобождены лишь немногие. Примерно тогда же, в апреле 1934 года, министр внутренних дел Фрик, заскорузлый бюрократ, попытался ограничить случаи злоупотреблений со стороны нацистских головорезов, отдав секретные распоряжения, которые имели целью сдержать волну "охранных арестов" и сократить число направляемых в концлагеря. Однако Гиммлер убедил его отказаться от этой затеи. Эсэсовский фюрер более четко, чем министр, представлял себе цель концлагерей — не только наказывать врагов режима, но и терроризировать население одним фактом их существования, удерживать его даже от мысли о возможности сопротивления нацистскому правлению.

Вскоре после "кровавой чистки" Гитлер передал концлагеря под начало СС, которая решительно и беспощадно взялась за их реорганизацию, что, кстати сказать, всегда отличало действия этой привилегированной службы. Их охрана была возложена исключительно на подразделения СС "Мертвая голова", в состав которых набирали наиболее жестоких нацистов, призывавшихся на обязательную службу на 12 лет. На своих черных мундирах они носили отличительный знак в виде черепа со скрещенными костями. Начальником всех концентрационных лагерей был назначен командир первого охранного отряда СС "Мертвая голова" и первый комендант концлагеря Дахау Теодор Эйке. Плохо приспособленные для жизни лагеря снесли, а вместо них построили обширные, четко распланированные, наиболее известными из которых до войны (когда она началась, их стали создавать и на оккупационных территориях) были Бухенвальд около Веймара, Заксенхаузен, заменивший печально известный лагерь Ораниенбург под Берлином, Равенсбрюк в Мекленбурге (женский) и созданный после оккупации Австрии в 1938 году Маутхаузен, близ Линца. Названия эти, включая созданные позднее в Польше Аушвиц, Бельзек и Трешлинку, теперь хорошо известны во всем мире.

В этих лагерях вплоть до того, когда наступала милосердная смерть, томились миллионы обреченных, а миллионы других подвергались издевательствам и пыткам, настолько ужасным, что мало кто способен представить их себе. Но вначале — в 30-е годы — численность узников нацистских концлагерей в Германии, по-видимому, не превышала 20–30

тысяч человек, а ужасные истязания и способы убийства, изобретенные и испытанные позднее палачами Гиммлера, еще не были в ту пору известны. Лагерьям смерти, каторжным лагерям, лагерям, где узников использовали в качестве подопытных животных для нацистских "медицинских" экспериментов, предстояло появиться только в годы войны.

Но и первые лагеря отнюдь не славились гуманностью. Передо мной экземпляр правил поведения, разработанных для концлагеря Дахау и утвержденных 1 ноября 1933 года его первым начальником Теодором Эйке, который позднее стал начальником всех лагерей и распространил эти правила повсеместно.

"Статья 11. Нарушители нижеследующих правил считаются агитаторами и подлежат повешению, а именно:

- всякий, кто... занимается политикой, произносит агитационные речи, проводит собрания, организует группировки, слоняется без дела и отвлекает других;

- всякий, кто сообщает подлинные или лживые сведения о концлагере, а также распространяет рассказы о зверствах для передачи врагам в целях ведения пропаганды, кто получает подобную информацию, хранит ее, разбалтывает другим, незаконно переправляет ее из лагеря иностранцам и т. п.

Статья 12. Нарушители нижеследующих правил считаются бунтовщиками и подлежат расстрелу на месте либо позднее повешению:

- каждый, кто нападает на охранника или офицера службы СС;
- каждый, кто отказывается повиноваться или работать по наряду;
- каждый, кто кричит, говорит громким голосом, подстрекает, выступает с речами во время движения в строю или во время работы".

Более мягкие наказания в виде двухнедельного одиночного заключения или в виде двадцати пяти ударов плетью назначались "каждому, кто высказывает в письмах или других документах осуждающие замечания в адрес национал-социалистских вождей, государства или правительства... или кто восхваляет марксистских или либеральных лидеров старых демократических партий".

Заодно с гестапо действовала и служба безопасности. Аббревиатура СД вызывала страх в душе каждого немца, а позднее и у населения оккупированных стран. Созданная в 1932 году Гиммлером в качестве разведслужбы СС и переданная им под начало Рейнхарда Гейдриха, ставшего позднее известным как "вешатель Гейдрих", она вначале ставила своей целью следить за членами партии и докладывать начальству о любой их деятельности, вызывающей подозрения. В 1934 году она превратилась в

разведывательный отдел тайной полиции, а законом от 1938 года ее деятельность распространилась на весь рейх.

Под опытной рукой Гейдриха, бывшего офицера разведки военноморских сил, которого адмирал Редер уволил в 1931 году в возрасте двадцати шести лет за недостойное поведение, так как он, скомпрометировав дочь одного судостроителя, отказался жениться на ней, служба СД вскоре раскинула свои сети по всей стране. Около 100 тысяч осведомителей по совместительству, которые привлекались к слежке за каждым гражданином страны, должны были сообщать о любом его высказывании или деятельности, представлявшейся враждебной нацистскому режиму. Никто, если он только не был глупцом, никогда не позволял себе высказываний или действий, которые могли быть истолкованы как антинацистские, не убедившись сначала, что его не записывают тайно установленные магнитофоны и не подслушивают агенты СД. Осведомителем организации Гейдриха могли оказаться ваш сын, ваш отец, ваша жена, племянник или племянница, ваш близкий друг, ваш начальник или ваш секретарь. Ни в ком нельзя было быть уверенным, и, если вы были достаточно умны, ничего не следовало принимать на веру. В 30-е годы число профессиональных сыщиков СД, по-видимому, не превышало трех тысяч человек, причем большинство из них вербовались из рядов выбитых из колеи молодых интеллектуалов — выпускников университетов, которые не сумели подыскать подходящей работы или хотя бы занять место в нормальном обществе. И среди этих профессиональных ищущих всегда царила странная атмосфера педантизма. Их отличал гипертрофированный интерес к таким побочным отраслям "науки", как тевтонская археология, изучение формы черепов низших рас, евгеника расы господ. Однако постороннему человеку было нелегко установить контакт с этими странными людьми, хотя самого Гейдриха, человека высокомерного, холодного и безжалостного, можно было встретить иногда в берлинском ночном клубе в окружении молодых белокурых головорезов. Они старались не привлекать к себе внимания не только в силу характера своей работы. Известно, что по меньшей мере в 1934–1935 годах те из них, кто следил за Ремом и его сообщниками из СА, были убиты тайной бандой, именовавшей себя "Мстители за Рема". Эту надпись они всегда прикалывали к трупам убитых. Одной из интересных, хотя и второстепенных, задач СД стало выяснение, кто голосовал "против" на плебисцитах, организованных Гитлером. Среди многочисленных документов, фигурировавших на Нюрнбергском процессе, имеется секретный Доклад СД из Кохема в связи с плебисцитом, проведенным 10

апреля 1938 года:

"При сем прилагается список лиц, проголосовавших "против", и тех, чьи бюллетени были признаны недействительными. Контроль был осуществлен следующим образом: члены избирательной комиссии проставили номера на всех бюллетенях. В ходе голосована был составлен список избирателей. Бюллетени раздавались в порядке очередности номеров, поэтому впоследствии оказалось возможным... выявить лиц, которые проголосовали "против", лиц, чьи бюллетени оказались недействительными. Номер проставлялся на обратной стороне бюллетеня симпатическими чернилами. При сем прилагается также бюллетень протестантского священника Альфреда Вольтерса".

16 июня 1936 года впервые в немецкой истории была учреждена объединенная полиция для всего рейха. Первоначально каждая земля формировала для себя полицию отдельно. Когда же начальником германской полиции назначили Гиммлера, это было равносильно передаче полиции в руки службы СС, власть которой с момента подавления "мятежа" Рема в 1934 году быстро усиливалась. Она стала не только преторианской гвардией, не только единственным вооруженным формированием партии, не только элитой, из рядов которой избирались впоследствии будущие вожди новой Германии, но и органом, обладавшим и политической властью. Третий рейх, что неизбежно в ходе развития тоталитарных диктатур, превратился в полицейское государство.

Правительство в третьем рейхе

Хотя Веймарская республика была ликвидирована, официально Гитлер не отменял ее конституцию. Поэтому "законность" его правления — и это нельзя воспринимать без иронии — зиждилась на презираемой им конституции республики. Тем самым тысячи принятых ею законов — а других в третьем рейхе не было — были полностью основаны на чрезвычайном президентском декрете от 28 февраля 1933 года "О защите народа и государства", подписанном Гинденбургом в соответствии со статьей 48 конституции. Хочется напомнить, что именно Гитлер обманом вынудил престарелого президента подписать этот декрет. Это произошло на следующий день после пожара рейхстага, когда Гитлер сумел убедить Гинденбурга в существовании реальной угрозы коммунистической революции. Декрет, который временно отменял все гражданские права, продолжал действовать в течение всех лет существования третьего рейха и позволял фюреру править в условиях своего рода непрерывного чрезвычайного положения.

"Правовой акт", за который рейхстаг проголосовал 24 марта 1933 года

и посредством которого он передал свои законодательные функции нацистскому правительству, явился вторым оплотом "конституционности" гитлеровского правления. С тех пор формально существовавший рейхстаг пунктуально продлевал действие "правового акта" на очередные четыре года, а диктатору так ни разу и не пришлось в голову упразднить этот, в свое время демократический, институт власти. Он лишил его демократических основ. До войны рейхстаг собирался около десяти раз и принял всего четыре закона {Закон о реконструкции от 30 января 1934 года и три антисемитских закона, принятые в Нюрнберге 15 сентября 1935 года. — Прим. авт. }, не прибегнув ни разу ни к дебатам, ни к голосованию и не услышав ни одного выступления, за исключением речей Гитлера.

После нескольких месяцев, в начале 1933 года, серьезные дебаты в рейхстаге прекратились, затем после смерти Гинденбурга, в августе 1934 года, заседания его проводились все реже и реже, а после февраля 1938 года рейхстаг уже не собирался. Однако отдельные члены правительства сохраняли значительную власть, обладая правом подготавливать законопроекты, которые после утверждения фюрером автоматически обретали силу закона. Учрежденный с большой помпой в 1938 году тайный совет кабинета министров, по-видимому, чтобы произвести впечатление на тогдашнего премьер-министра Великобритании Чемберлена, существовал только на бумаге, поскольку так ни разу и не собрался. Совет обороны рейха, учрежденный в начале существования режима как орган военного планирования под председательством Гитлера, официально провел всего два заседания, хотя некоторые из его рабочих комитетов проявляли исключительную активность.

Многие функции кабинета министров были переданы специальным органам, таким, как управление заместителя фюрера (Гесс, а позднее Мартин Борман), полномочных представителей по военной экономике (Шахт), администрации (Фрик) и уполномоченного по четырехлетнему плану (Геринг). Кроме того, были созданы органы, известные как "высшие правительственные учреждения" и "национальные административные учреждения", многие из которых существовали со времен республики. Всего насчитывалось 42 исполнительных учреждения национального правительства, непосредственно подчинявшихся фюреру.

Парламенты и правительства отдельных земель Германии, как мы убедились, были упразднены в первый же год нацистского режима, когда страна стала единой, а губернаторы земель, преобразованных в провинции (области), теперь назначались Гитлером. Местное самоуправление — единственная сфера, в которой немцы, кажется, действительно сделали шаг

вперед в демократическом развитии, — было также ликвидировано. Ряд законов, изданных в период между 1933 и 1935 годом, лишили муниципалитеты их местной автономии и подчинили непосредственно рейхсминистру внутренних дел, который назначал в города бургомистров, если их население превышало 100 тысяч человек, или преобразовывал муниципалитеты, назначая Руководящих лиц. В городах с населением менее 100 тысяч человек бургомистров назначали губернаторы провинций. Право назначать губернаторов в Берлин, Гамбург и Вена (после 1938 года, когда Австрия была оккупирована) Гитлер сохранил за собой.

Органы управления, через которые Гитлер осуществлял свою Диктаторскую власть, состояли из четырех канцелярий; президента (хотя после 1934 года этот титул перестал существовать), канцлера (титул был ликвидирован в 1939 году), партии и фюрера, которая контролировала исполнение личных распоряжений Гитлера и выполняла специальные задачи.

На деле же Гитлер тяготился повседневными управленческими делами и, когда после смерти Гинденбурга укрепил свое положение, переложил их на своих помощников. У его старых товарищей по партии — Геринга, Геббельса, Гимmlера, Лея и Шираха оказались развязаны руки в создании своих собственных империй власти и как правило, в накоплении доходов. Шахт стремился обрести свободу для того, чтобы добывать деньги на растущие правительственные расходы с помощью любых махинаций, на какие только он был способен. Когда приспешники не могли поделить власть или государственные должности, вмешивался Гитлер. Он ничего не имел против ссор и, по существу, часто поощрял их, так как они способствовали укреплению его положения как верховного арбитра и предотвращали возможность сговора против него. Так, например, казалось, что ему доставляло удовольствие наблюдать, как три человека конкурируют друг с другом в области внешней политики: министр иностранных дел Нейрат, глава управления внешних сношений в партии Розенберг и Риббентроп, который возглавил собственное бюро, подвизавшееся около внешней политики. Все трое находились в натянутых отношениях, и Гитлер немало способствовал этому, сохраняя соперничающие ведомства, пока в конце концов не избрал в качестве министра иностранных дел туповатого Риббентропа, выполнявшего его указания в международных делах.

Таково было правительство третьего рейха, руководимое широко разрастающейся бюрократией на основе так называемого "принципа руководящих лиц", малоэффективное, что несвойственно немцам,

парализованное взяточничеством и постоянной неразберихой, а также беспощадным соперничеством, обострившимся в результате невежественного вмешательства партийных бонз и террора СС — гестапо.

На вершине же пирамиды, к которой все лезли, давя друг друга, восседал бывший австрийский бродяга, ставший самым могущественным после Сталина диктатором на земле. Об этом напомнил весной 1936 года собравшимся на съезд юристам д-р Ганс Франк: "Сегодня в Германии есть лишь одна власть, и это власть фюрера".

Силой этой власти Гитлер быстро уничтожил тех, кто противостоял ему, объединил и нацифицировал государство, осуществил регламентацию государственных институтов и культуры, подавил личные свободы, ликвидировал безработицу, раскрутил на полные обороты промышленность и торговлю — немалые достижения за три-четыре года пребывания у власти. Теперь можно было обратиться — в действительности он уже давно обратился — к двум великим страстям своей жизни: проведению внешней политики Германии, направленной на подготовку войны и завоеваний, и созданию мощной военной машины, которая позволила бы ему достичь этой цели.

Итак, пришло время перейти к рассказу — и это будет наиболее документированный рассказ из всех, посвященных современной истории, — о том, как этот неординарный человек, встав во главе столь великой и могущественной нации, приступил к достижению своих целей.

Книга III. Путь к войне

Часть 9. Первые шаги: 1934–1937 годы

Говорить о мире, тайно готовиться к войне, выработать осторожную внешнюю политику, скрытно провести перевооружение, избежать превентивных военных действий против Германии со стороны стран-победительниц — такова была тактика Гитлера в течение первых двух лет пребывания у власти.

Убийство австрийского канцлера Дольфуса в Вене 25 июля 1934 года было его большой ошибкой. Вечером того дня 154 человека из 89-го штандарта СС, переодетые в австрийскую военную форму, ворвались в федеральную канцелярию и с расстояния два фута прострелили Дольфуса шею. В нескольких кварталах от канцелярии нацисты захватили радиостанцию и передали в эфир сообщение, что Дольфус подал в отставку. Гитлер узнал обо всем на ежегодном Вагнеровском фестивале в Байрейте, где слушал "Золото Рейна". Новость необычайно взволновала его. Фриделинд Вагнер, внучка великого композитора, сидела в семейной ложе по соседству и была свидетельницей происходящего. Два адъютанта — Шауб и Брюкнер, рассказывала она позднее, получали новости из Вены по телефону, который стоял в ее ложе, а потом шепотом докладывали о них Гитлеру.

"После спектакля фюрер казался очень взволнованным. Волнение его возрастало по мере того, как он пересказывал нам страшные новости... Он с трудом прогнал со своего лица выражение удовольствия и намеренно заказал, как обычно, обед в ресторане. "Я должен выйти показаться, — сказал он, — иначе люди подумают, что я к этому причастен".

И они были бы недалеки от истины. Еще в первом разделе "Майн кампф" Гитлер писал, что объединение Германии и Австрии — "задача, решить которую надо любыми средствами". Вскоре после того как Гитлер стал канцлером, он назначил депутата рейхстага Теодора Хабихта инспектором австрийской нацистской партии, а чуть позже помог обосноваться в Мюнхене Альфреду Фрауен-фельду — лидеру австрийской нацистской партии, добровольно переехавшему в Германию. Отсюда он каждую ночь выступал по радио, подстрекая своих соратников в Вене к убийству канцлера Дольфуса. За несколько месяцев до июля 1934 года австрийские нацисты с помощью оружия и динамита, предоставленных Германией, развязали в стране настоящий террор. Они взрывали железные дороги, электростанции, правительственные здания, убивали сторонников

клерикально-фашистского режима Дольфуса. В конце концов Гитлер согласился создать австрийский легион численностью несколько тысяч человек, который расположился на границе Австрии и Баварии, готовый в удобный момент перейти ее и оккупировать страну.

В 6 вечера Дольфус умер от ран, но фашистский путч из-за несогласованности действий заговорщиков провалился. Правительственные силы, руководимые доктором Куртом фон Шушнигом, быстро взяли ситуацию под контроль. Мятежников, несмотря на то, что при содействии германского посла им был обещан свободный выезд в Германию, подвергли аресту, причем тринадцать из них позднее повесили. В это время Муссолини, которому Гитлер на последней встрече в Венеции за месяц до описываемых событий обещал оставить Австрию в покое, вызвал смятение в Берлине, приведя в боевую готовность четыре дивизии и подтянув их к Бреннерскому перевалу.

Гитлер быстро отступил. Подготовленное официальным германским агентством ДНБ сообщение, где выражалась радость по поводу падения Дольфуса и провозглашалась Великая Германия, образование которой неизбежно, в полночь было срочно изъято и заменено другим, в котором выражалась скорбь по поводу "жестокое убийства" и все дело представлялось как чисто австрийское. Хабихт был смещен, германский посол в Вене отозван и уволен, а Папен, который едва избежал участи Дольфуса месяц назад во время "кровавой чистки", был в срочном порядке направлен в Вену для восстановления, как заявил Гитлер, "нормальных дружественных отношений" с Австрией.

Чувство радости сменилось у Гитлера страхом. "Мы стоим перед новым Сараево! {Убийство в Сараево 28 июня 1914 года наследника австро-венгерского престола Фердинанда и его жены было использовано австро-германскими империалистами как повод для развязывания первой мировой войны. — Прим, тит. ред. }" — вскричал он, по словам Папена, когда они вдвоем обсуждали, как лучше выйти из кризиса. Фюрер извлек из этого урок. Нацистский путч в Вене, так же как "пивной путч" в Мюнхене в 1923 году, оказался преждевременным. Германия была еще недостаточно сильна в военном отношении, чтобы поддержать такую авантюру. К тому же она находилась в политической изоляции. Даже фашистская Италия присоединилась к Великобритании и Франции, требуя независимости для Австрии. Более того, Советский Союз впервые выразил желание присоединиться к странам-победительницам в "восточном Локарно", чтобы воспрепятствовать продвижению Германии на Восток. Осенью Советский Союз стал членом Лиги Наций. Надежды на раскол среди великих держав

еще более уменьшились, чем в трудный 1934 год. Гитлеру оставалось только произносить проповеди о мире и, продолжая тайно перевооружаться, ждать случая.

Кроме рейхстага у него был еще один способ донести свою мирную пропаганду до внешнего мира — иностранные корреспонденты, редакторы и издатели постоянно искали возможность взять у него интервью. Среди них были англичанин с моноклем Уорд Прайс. Его газета — лондонская "Дейли мейл" и ее читатели всегда были к услугам германского диктатора. Так, в августе 1934 года в очередном интервью, которые Гитлер давал Прайсу вплоть до начала войны, он заявил, что "война не вернется", что Германия "лучше других знает, какие бедствия она несет", что "германские проблемы не могут быть решены военным путем". Осенью он повторил эти высокие слова Жану Гою, лидеру французских ветеранов войны, члену палаты депутатов, который в свою очередь привел их в статье, опубликованной в парижской газете "Матэн".

Нарушения Версальского договора

Одновременно Гитлер с неослабевающей энергией работал над программой создания армии и снабжения ее оружием. К 1 октября 1934 года численность армии должна была утроиться (триста тысяч вместо ста). В апреле того же года начальнику генерального штаба генералу Людвигу Беку дали понять, что 1 апреля следующего года фюрер объявит о введении воинской повинности и отказе соблюдать условия Версальского договора, касающиеся ограничений в отношении армии. Геббельсу строго-настрого наказали не допускать появления в прессе словосочетания "генеральный штаб", поскольку Версальский договор запретил возрождение этого органа. Ежегодные официальные списки германской армии после 1932 года перестали публиковаться, чтобы число фигурирующих там офицеров не навело иностранные разведки на нехорошие мысли. Уже 22 мая 1933 года генерал Кейтель, председатель Рабочего комитета Совета обороны рейха инструктировал своих помощников: "Ни один документ не может быть утерян, иначе вражеская пропаганда воспользуется этим в своих целях. Устные заявления всегда можно опровергнуть".

Военно-морским силам тоже было предписано держать рот на замке. В июне 1934 года Редер имел продолжительную беседу с Гитлером, после которой сделал следующую запись:

"Инструкции фюрера: ни в коем случае не следует упоминать о кораблях водоизмещением 25–26 тысяч тонн, допустимо лишь сообщать о модернизированных кораблях водоизмещением 10 тысяч тонн. Фюрер требует, чтобы строительство подводных лодок велось в строжайшей

тайне".

Все это делалось потому, что военно-морской флот начал строительство двух тяжелых крейсеров водоизмещением 26 тысяч тонн (на 16 тысяч тонн больше, чем было предусмотрено Версальским договором), которые впоследствии получили названия "Шарнхорст" и "Гнейзенау". Строительство подводных лодок по Версальскому договору было вообще запрещено, но они строились тайно в Финляндии, Голландии и Испании и к описываемому времени Редер имел на складах в Киле с десятков подводных лодок в разобранном виде. На встрече с Гитлером в ноябре 1934 года он испросил разрешения собрать шесть подводных лодок, "чтобы они были готовы к моменту критической ситуации в первом квартале 1935 год. (вероятно, ему было известно о планах Гитлера на этот период. Гитлер ответил ему, что сообщит, "когда ситуация потребует собрать лодки".

Во время этой же встречи Редер указал, что строительство новых кораблей (не считая увеличения численности личного состава ВМС втрое) потребует больших денег, которых у него нет. Гитлер рассеял его беспокойство: "Если понадобится, мы уговорим доктора Лея предоставить флоту 120–150 миллионов из средств Рабочего фронта, ведь от этого выиграют сами рабочие". Так деньги немецких рабочих пошли на финансирование военно-морской программы.

Геринг в первые два года пребывания нацистов у власти активно занимался созданием военной авиации. Как министр авиации (считалось, что она гражданская), он давал компаниям заказы на разработку боевых самолетов. Обучение военных летчиков проходило под прикрытием общества летчиков-спортсменов.

Человек, случайно попавший в то время в индустриальные районы Рура или Рейнской области, был бы поражен размахом работ в области вооружения, особенно на заводах Крупна, крупнейшего производителя оружия в Германии в течение последних семидесяти пяти лет, и на заводах ведущего химического концерна "И. Г. Фарбениндустри". Хотя по решению Версальского договора Круппу было запрещено заниматься производством оружия, компания времени даром не теряла. В 1942 году, когда германская армия завоевала почти всю Европу, Крупп хвастался, что "основные принципы вооружения для танков и устройство башни были разработаны еще в 1926 году... Из орудий, использовавшихся в 1939–1941 годах, наиболее совершенные были полностью разработаны еще в 1933 году". Ученые компании "И. Г. Фарбениндустри" спасли Германию от преждевременной катастрофы во время первой мировой войны, изобретя способ производства синтетических нитратов из воздуха, после того как

поставки селитры из Чили прекратились из-за английской блокады. Теперь, при Гитлере, перед компанией поставили цель полностью обеспечить Германию горючим и каучуком, без которых ведение войны было немыслимо и которые ранее импортировались. Способ добычи синтетического топлива из каменного угля был разработан учеными еще в середине 20-х годов. После 1933 года нацистское правительство дало "добро" на увеличение производства концерном синтетических масел, с тем чтобы довести его до 300 тысяч тонн к 1937 году. К тому времени в компании уже был разработан способ производства искусственного каучука из каменного угля и других материалов, которые в Германии добывались в больших количествах. В Шкопау открылись первые четыре завода по выпуску "буна" — так называли искусственный каучук. К началу 1934 года Рабочим комитетом Совета обороны рейха был принят план, по которому 240 тысяч заводов переводились на выполнение военных заказов.

К концу года перевооружение на всех фазах приобрело такой размах, стало настолько заметно, что скрывать его от озабоченных и подозрительных стран-победительниц было уже невозможно.

Эти страны во главе с Великобританией вынашивали идею признать перевооружение Германии, которое, по мнению Гитлера, не было таким уж большим секретом, как свершившийся факт. Они готовы были признать паритет Германии в вооружении в обмен на общеевропейское соглашение, включающее и "восточное Локарно". Это гарантировало бы восточным странам, особенно России, Польше и Чехословакии, такую же безопасность, какую получили после заключения договора в Локарно западные страны. Германии, конечно, тоже были бы даны гарантии безопасности. В мае 1934 года британский министр иностранных дел сэр Джон Саймон, предшественник Невилла Чемберлена, столь же неспособный понять Адольфа Гитлера, предложил Германии паритет в вооружении. Франция такую идею резко отклонила.

Однако предложение об общеевропейском соглашении, включающем вопрос о паритете вооружений и "восточном Локарно", было выдвинуто Великобританией и Францией повторно в начале февраля 1935 года. За месяц до этого, 13 января, жители Саара подавляющим большинством (477 тысяч против 48 тысяч) проголосовали за возвращение в состав рейха небольшой территории, богатой месторождениями каменного угля. Гитлер воспользовался этим, чтобы объявить, что Германия не имеет больше территориальных претензий к Франции. Это означало отказ Германии от Эльзаса и Лотарингии. В обстановке оптимизма и доброй воли, сложившейся в результате мирного присоединения Саара и заявлений

Гитлера, англо-французское предложение было в начале февраля 1935 года официально передано фюреру.

Ответ Гитлера от 14 февраля был по вполне понятным, с его точки зрения, причинам уклончивым. Он приветствовал план, по которому Германия могла открыто перевооружаться, но всячески обходил пункт о ее готовности подписать соглашение о "восточном Локарно". Это связало бы Гитлеру руки в его устремлениях на Восток в целях завоевания жизненного пространства для Германии. Можно ли было в этом вопросе оторвать Великобританию от Франции, которая заключила договоры о взаимной помощи с Польшей, Чехословакией и Румынией и была больше заинтересована в безопасности Запада? Вероятно, об этом думал Гитлер, когда в своем осторожном ответе предложил перед общими переговорами провести Двусторонние консультации. Для таких консультации он пригласил в Берлин англичан. Сэр Джон Саймон с готовностью согласился. Было решено встретиться 6 марта. За два дня до назначенной Даты публикация в Англии Белой книги вызвала притворный гнев на Вильгельмштрассе. Белая книга была воспринята многими иностранными наблюдателями, находившимися в Берлине, как документ, содержащий объективную констатацию тайного перевооружения Германии, что вынуждало Великобританию к умеренному перевооружению. Но Гитлер, рассказывают, был вне себя. А буквально накануне предполагаемого вылета Саймона в Берлин Нейрат сообщил ему что фюрер "простудился" и встречу придется отложить.

На самом ли деле простудился Гитлер или нет — неизвестно но поразмыслить ему было над чем. Если он решился на такой смелый шаг, то ему не нужны ни Саймон, ни Иден. Он считал, что нашел предлог для смертельного удара по Версальскому диктату. Буквально накануне во Франции обсуждался закон о продлении срока воинской службы с восемнадцати месяцев до двух лет ввиду снижения уровня рождаемости во время первой мировой войны. 10 марта Гитлер запустил пробный шар с целью проверить решимость союзников. Призвали услужливого Уорда Прайса. Ему было обещано интервью с Герингом, который официально заявил, что Германия располагает военно-воздушными силами, о чем уже знал весь мир. Гитлер мог с уверенностью предполагать, что реакция Лондона на самовольную отмену Версальского договора будет именно такой, какой он ждал. Сэр Джон Саймон заявил в палате общин, что не потерял надежды поехать в Берлин.

Субботний сюрприз

В субботу 16 марта (большинство сюрпризов Гитлер преподносил по

субботам) канцлер издал закон о всеобщей воинской повинности и создании армии, состоящей из 12 корпусов и 36 дивизий — около полумиллиона человек. Это означало конец ограничениям, установленным для армии по Версальскому договору, и только Англия и Франция могли предпринять какие-то шаги. Как и ожидал Гитлер, они протестовали, но никаких шагов не предприняли. Правда, британское правительство поинтересовалось, примет ли Гитлер британского министра иностранных дел. На этот вопрос диктатор любезно дал утвердительный ответ.

Воскресенье, 17 марта, стало для Германии праздником. Были сброшены версальские кандалы — символ ее позора и унижения. Рядовой немец мог как угодно относиться к Гитлеру и его разбойному правлению, но должен был признать, что ему удалось то, о чем не помышляло ни одно правительство республики. Для большинства немцев это символизировало восстановление немецкой чести. В это воскресенье был как раз День Памяти героев. Вечером я пошел на официальную церемонию, которая состоялась в опере, и увидел там картину, которой Германия не наблюдала с 1914 года. Партер представлял собой море военных мундиров. Среди серых кителей и остроконечных шлемов императорской армии попадалась небесно-голубая форма люфтваффе, до того мало кому известная. Рядом с Гитлером сидел фельдмаршал фон Макензен — последний живой фельдмаршал кайзеровской армии. На нем был красочный мундир дивизии "Мертвая голова". Проектора были направлены на сцену. Там, подобно мраморным статуям, застыли молодые офицеры, гордо державшие боевые знамена нации. За ними висел огромный черно-серебряный Железный крест, прикрепленный к занавесу. Так День Памяти героев, погибших в войне, вылился в празднование похорон Версальского договора и возрождения немецкой армии.

Генералы испытывали необычайное довольство, что было заметно по их лицам. Для них, как и для всех остальных, это был сюрприз, поскольку Гитлер, проведя перед тем несколько дней в горах в резиденции Берхтесгаден, не считал нужным делиться с ними своими соображениями. Генерал Манштейн {С 1942 года генерал-фельдмаршал. — Прим. ред. }, давая показания на Нюрнбергском процессе, заявил, что о решении Гитлера он и начальник третьего военного района Берлина генерал фон Вицлебен впервые услышали по радио 16 марта. Генеральный штаб предпочел бы начать с армии меньшей численности.

"Если бы спросили мнение генерального штаба, — свидетельствовал Манштейн, — то мы бы предложили двадцать одну дивизию. Тридцать шесть дивизий — это решение Гитлера".

За этим последовал ряд ничего не значащих предупреждений со стороны других держав. 11 апреля представители Британии, Франции и Италии встретились в Стрезе. Они осудили действия Германии и подтвердили свою готовность поддержать независимость Австрии и заверили друг друга в верности Локарнского договору. Совет Лиги Наций в Женеве также выразил свое недовольство поведением Гитлера и назначил комиссию, которой надлежало выработать меры, способные сдерживать его в будущем. Франция, понимая, что Германия никогда не присоединится к "восточному Локарно", срочно подписала договор о взаимной помощи с Россией, а Россия — аналогичный договор с Чехословакией.

В газетных заголовках такое сплочение рядов против Германии выглядело чем-то зловещим и даже смутило кое-кого в министерстве иностранных дел Германии и в германской армии, но только не Гитлера. В конце концов, ему все сошло с рук, однако он понимал, что почивать на лаврах еще не время, поэтому решил снова вернуться к речам о мире и посмотреть, насколько крепки ряды противников и нельзя ли их расколоть, пробить в них брешь.

Вечером 21 мая {В тот же день, но немного раньше, Гитлер обнародовал секретный закон о защите рейха. По закону доктор Шахт должен был вести военной промышленностью. По этому же закону армию необходимо было тщательно реорганизовать. Рейхсвер времен Веймарской республики стал вермахтом. Гитлер, как фюрер и канцлер, стал верховным главнокомандующим вооруженными силами. Бломберг, министр обороны, был назначен военным министром и одновременно главнокомандующим вооруженными силами. Такое назначение было произведено в Германии впервые. Каждый из трех видов вооруженных сил имея своего командующего и свой штаб. — Прим авт. } он выступил в рейхстаге с очередной "мирной" речью. Это была, вероятно, самая умная и изощренная речь из всех, которые произнес в рейхстаге Гитлер и которые довелось слышать автору этих строк. Гитлер казался расслабленным. Он излучал не только спокойствие, но и, к удивлению аудитории, терпимость и умиротворение. В его речи не содержалось никаких выпадов против стран, осудивших нарушение Германией условий Версальского договора. Вместо этого следовали уверения, что Германия хочет только мира, основанного на всеобщей справедливости. Гитлер отвергал саму идею войны. Война бессмысленна, война бесполезна, война, в конце концов, ужасна!

"Кровь, лившаяся на Европейском континенте в течение трех последних столетий, не привела к каким бы то ни было национальным изменениям. В конце концов, Франция осталась Францией, Польша

Польшей, а Италия Италией. К чему привели династический эгоизм, слепой патриотизм и политические страсти, к чему привела кровь, пролитая для достижения якобы далеко идущих политических перемен, — это было только прикосновение к коже нации, если говорить о национальных чувствах. Фундамент характера наций не поколебался. Если бы лишь часть жертв была принесена этими государствами во имя более высоких целей, успех был бы значительнее и долговечнее".

Далее Гитлер заявил:

"Германия и не мыслит завоевывать другие народы. Наша расовая теория считает любую войну, направленную на покорение другого народа или господство над ним, затеей, которая рано или поздно приводит к ослаблению победителя изнутри и в конечном счете — к его поражению. В Европе не осталось незавоеванных территорий, так что... любая победа приведет в лучшем случае к количественным изменениям населения. Но если нация считает эту цель столь важной, то достичь ее можно без слез, более простым и естественным способом — надо проводить такую социальную политику, чтобы нация горела желанием иметь детей.

Нет! Национал-социалистская Германия не хочет войны в силу своих убеждений. И еще она не хочет войны потому, что прекрасно понимает: война не избавит Европу от страданий. В любой войне погибает цвет нации...

Германии нужен мир, она жаждет мира! "

Он все время возвращался к этой мысли. В конце речи он выдвинул тринадцать предложений, которые помогли бы сохранить мир. Эти предложения произвели благоприятное впечатление не только в Германии, но и во всей Европе. Перед тем как высказать их, он сделал следующее напоминание:

"Германия торжественно признает границы Франции, установленные после плебисцита в Сааре, и гарантирует их соблюдение. — Таким образом, мы отказываемся от наших притязаний на Эльзас и Лотарингию — земли, из-за которых между нами велись две великие войны... Забыв прошлое, Германия заключила пакт о ненападении с Польшей. Мы будем соблюдать его неукоснительно... Мы считаем Польшу родиной великого народа с высоким национальным самосознанием".

Касательно Австрии:

"Германия не имеет намерений вмешиваться во внутренние дела Австрии, аннексировать Австрию или присоединять ее".

Тринадцать предложений Гитлера казались весьма исчерпывающими. Германия не может вернуться в Женеву, пока Лига Наций не отменит

Версальский договор. Когда это будет сделано и будет признано равенство всех наций, говорил Гитлер, тогда Германия присоединится к Лиге Наций. Тем не менее она будет неукоснительно соблюдать невоенные положения Версальского договора, "включая территориальные. В частности, она поддержит и будет выполнять все требования договора в Локарно". Гитлер также поклялся, что Германия будет стоять на позициях демилитаризации Рейнской области, что она готова в "любое время" присоединиться к системе коллективной безопасности, но предпочла бы двусторонние соглашения и подписание пактов о ненападении с соседними государствами. Она также готова согласиться с предложением Англии и Франции дополнить Локарнский договор неофициальным соглашением по авиации.

Что касается разоружения, то Гитлер был готов идти до конца:

"Правительство Германии готово к любым ограничениям, которые ведут к отмене тяжелого вооружения, особенно наступательного характера, таких, как тяжелая артиллерия и тяжелые танки.

... Германия заявляет о своей готовности пойти на любые ограничения в калибрах артиллерии, классов броненосцев, крейсеров и торпедных катеров. Точно так же правительство Германии готово согласиться с любыми ограничениями водоизмещения подводных лодок или с их полным запрещением... "

В этой связи Гитлер подбросил наживку для Великобритании. Он соглашался с тем, чтобы новый германский флот составлял 35 процентов британского, и добавлял при этом, что это все равно на 15 процентов меньше, чем общий тоннаж французского флота. За границей стали поговаривать, что это лишь начало требований Гитлера, на что он отвечал: "Это последнее требование Германии".

В начале одиннадцатого Гитлер перешел к последней части выступления:

"Если кто-нибудь зажжет в Европе огонь войны, значит, он хочет хаоса. Мы тем не менее живем с твердой уверенностью в том, что наше время будет ознаменовано возрождением Запада, а не его упадком. Германия могла бы внести в это дело бессмертный вклад, она на это надеется и непоколебимо в это верит".

Это были сладкие слова о свободе, мудрости и примирении. В странах Западной Европы, правительства и народы которых отчаянно пытались сохранить мир на любых разумных началах, этими словами просто упивались. Лондонская "Таймс", наиболее влиятельная на Британских островах газета, встретила их почти с исступленной радостью.

"... Это мудрая, откровенная и всеобъемлющая речь. Кто бы ни прочитал ее, обладая непредвзятым умом, он не может сомневаться в том, что направления политики, изложенные господином Гитлером, составляют основу для полного урегулирования всех спорных вопросов с Германией — свободной, равноправной и сильной, а не поверженной Германией с навязанным шестнадцать лет назад миром...

Остается надеяться, что речь эта будет повсюду воспринята как искренняя, хорошо взвешенная и правдивая".

Эта известная газета, флагман британской журналистики, сыграет вместе с правительством Чемберлена сомнительную роль в умиротворении Великобританией Гитлера, приведшем к катастрофе. У автора данной статьи оправданий еще меньше, чем у правительства. Дело в том, что берлинский корреспондент газеты Норман Эббат был прекрасно информирован о деятельности Гитлера. Это продолжалось до тех пор, пока 16 августа 1937 года его не выслали из страны. Причем информация его была более точной и ценной, чем та, которую передавали другие иностранные корреспонденты и дипломаты, в том числе и британские. Многие из того, что он писал в те дни для "Таймс", не было опубликовано {"Я стараюсь изо всех сил, сижу вечерами, чтобы только в газету не попало что-нибудь, что может задеть их (немцев) чувствительность, — писал 23 мая 1937 года редактор "Таймс" Джеффри Доусон женевскому корреспонденту своей газеты Х. Г. Дэниелсу, предшественнику Эббата в Берлине. — Я, честное слово, не припомню ни одного материала за последние месяцы, по поводу которого они могли бы выступить с замечаниями" (Ренч Д. Э. Джеффри Доусон и наше время). — Прим. авт. }. Он часто жаловался по этому поводу. Как потом подтвердилось, редакторы "Таймс" читали все его материалы и, следовательно, прекрасно знали, что в действительности происходило в нацистской Германии и насколько пустыми были пышные обещания Гитлера.

Британское правительство в не меньшей степени, чем "Таймс", было готово расценивать предложения Гитлера как "искренние" и "хорошо взвешенные", особенно в той части, где Германия соглашалась иметь флот, тоннаж которого составлял бы 35 процентов тоннажа британского флота.

Гитлер подбросил хитрую приманку Джону Саймону, когда министр иностранных дел вместе с Иденом приехал в конце марта в Германию с визитом, который так долго откладывался. Гитлер заявил, что соглашение по ВМС между Англией и Германией может быть достигнуто без особых проблем, причем превосходство английского флота будет гарантировано. 21 мая он объявил о том, что тоннаж германского флота будет составлять 35

процентов английского, произнеся при этом теплые слова в адрес Англии. "Германия, — сказал он, — не имеет ни необходимости, ни желания, ни средств, чтобы снова соперничать на море". Это был намек, прекрасно понятый англичанами, на времена, предшествующие 1914 году, когда Тирпиц, яростно поддерживаемый Вильгельмом II, готовил сильный флот для борьбы с англичанами на море. "Правительство Германии, — продолжал он, — понимает жизненную необходимость, а следовательно, справедливость и оправданность защиты Британской империи с моря... Правительство Германии хочет установить и поддерживать с правительством и народом Великобритании такие отношения, которые исключат возможность повторения той единственной войны, которая однажды велась между нашими народами". Примерно такие же мысли есть и в книге Гитлера "Майн кампф", где он говорит, что одной из величайших ошибок кайзера была его вражда с англичанами и бессмысленное стремление соперничать с Британией на море.

Англичане проглотили наживку с необычайной легкостью и быстротой. Риббентроп, который состоял при Гитлере мальчиком на побегушках, когда надо было решать дела за рубежом, получил приглашение приехать в июне в Лондон для переговоров по военноморскому флоту. Самодовольный и нетактичный, Риббентроп ответил, что предложение Гитлера не подлежит обсуждению: его можно принять или отклонить. Англичане предложение приняли. Приняли, не посоветовавшись со своими союзниками по Стресе — Францией и Италией, также морскими державами, обеспокоенными перевооружением Германии и нарушением ею военных параграфов Версальского договора; приняли, не поставив в известность Лигу Наций, которая должна была бы поддержать соблюдение мирного договора 1919 года. Англичане посчитали, что отмена военных пунктов Версальского договора служит их интересам.

Любому здравомыслящему человеку в Берлине было ясно, что, позволяя Германии строить флот тоннажем в треть британского флота, Лондон открыл Гитлеру "зеленую улицу" для скорейшего создания собственного флота. У него появилась возможность полностью обеспечить работой немецкие верфи и сталелитейные заводы лет на десять. Это было не ограничение вооружения Германии, а согласие распространить его на флот, причем сроки реализации программы зависели от возможностей страны.

Франции было нанесено еще одно оскорбление. Британское правительство, выполняя обещание, данное Гитлеру, отказалось сообщить

своему ближайшему союзнику, сколько и каких кораблей позволено в соответствии с соглашением строить Германии. Было только заявлено, что тоннаж немецких подводных лодок, строительство которых запрещалось Версальским договором, может достигать 60 процентов британских, а в исключительных обстоятельствах — 100 процентов. На самом деле по англо-германскому соглашению Германии разрешалось построить пять линкоров, каждый из которых водоизмещением и вооружением превосходил английские корабли, а официальные цифры — 21 крейсер и 64 эскадренных миноносца — были простой подтасовкой с целью обмануть Лондон, хотя к началу войны не все они были построены, но и построенные вместе с подводными лодками нанесли англичанам огромные потери уже в первые годы второй мировой войны.

Муссолини отметил "коварство Альбиона". Играть в умиротворение Гитлера, считал он, можно и вдвоем. Более того, такое циничное отношение англичан к Версальскому договору натолкнуло его на мысль, что не особенно серьезно воспримут они и нарушение Устава Лиги Наций. 3 октября 1935 года армии Муссолини в нарушение Устава вторглись в древнее горное королевство Абиссинию. Лига Наций, возглавляемая Англией и поддерживаемая Францией, понимавшей, что Германия — более серьезный противник в будущем, быстро проголосовала за принятие санкций. Но это были полумеры, и предпринимались они весьма робко. Они не препятствовали завоеванию Абиссинии войсками Муссолини, но послужили поводом для разрыва дружественных отношений между фашистской Италией с одной стороны и Англией и Францией — с другой. Иными словами, они развалили образованный в Стресе единый фронт против нацистской Германии.

Кто выиграл в результате этих событий, кроме Гитлера? 4 октября, следующий после вторжения итальянских войск в Абиссинию день я провел на Вильгельмштрассе, беседуя с официальными лицами и членами партийного руководства. Из записи в дневнике, сделанной) вечером того же дня, видно, как быстро оценили ситуацию немцы:

"На Вильгельмштрассе все очень довольны. Или Муссолини застрянет в Африке, что ослабит его положение в Европе и позволит Гитлеру захватить Австрию, находящуюся пока под защитой дуче или он быстро победит, что явится вызовом для Англии и Франции. Тогда можно считать, что он созрел для союза с Гитлером против Западных демократий. В любом случае выигрывает Гитлер".

Это вскоре и подтвердилось.

Оккупация Рейнской зоны

В своей "мирной" речи в рейхстаге 21 мая 1935 года, поразившей весь мир, а более прочих Англию, Гитлер упомянул об "элементе юридической опасности", привнесенном в Локарнский договор. По его утверждению, это произошло из-за того, что Россия и Франция подписали договор о взаимопомощи (2 марта в Париже и 14 марта в Москве), который до конца года не был ратифицирован французским парламентом. Министерство иностранных дел Германии обратило внимание Парижа на этот "элемент" в официальной ноте французскому правительству.

21 ноября посол Франции в Берлине Франсуа-Понсе имел беседу с Гитлером, во время которой фюрер разразился длинной тирадой, направленной против франко-советского пакта. Франсуа-Понсе сообщил в Париж, что убежден в намерении Гитлера использовать пакт в качестве предлога для вторжения в демилитаризованную Рейнскую зону. "Гитлер ждет одного, — говорил он, — удобного момента".

Франсуа-Понсе был, вероятно, самым информированным из всех послов в Берлине, он знал, о чем говорил, но наверняка не знал, что в начале прошлой весны, 2 мая, за девятнадцать дней до того, как Гитлер уверял в рейхстаге, что будет соблюдать Локарнский договор и уважать территориальные параграфы Версальского договора, генерал фон Бломберг издал свою первую директиву трем видам вооруженных сил — готовить планы повторной оккупации демилитаризованной Рейнской зоны. Операции было дано кодовое название "Шулунг", и планировалась она как внезапный и молниеносный удар. Об операции знало лишь небольшое число офицеров.

В целях соблюдения секретности генерал Бломберг написал приказ от руки.

16 июня на десятом заседании Рабочего комитета Совета обороны рейха проходило дальнейшее обсуждение продвижения в Рейнскую зону. На этом заседании полковник Альфред Йодль, ставший к тому времени главой Совета обороны рейха, доложил о планах и еще раз предупредил о соблюдении строжайшей секретности. Запрещалось делать какие-либо записи без крайней необходимости, а все без исключения материалы предписывалось хранить в сейфах.

Всю зиму 1935/36 года Гитлер выжидал. Он не мог не отметить, что Англия и Франция заняты борьбой, направленной на предотвращение дальнейшего продвижения Италии в Абиссинию. Но Муссолини, казалось, все сходило с рук. Несмотря на широко разрекламированные санкции, Лига Наций на деле оказалась бессильна остановить агрессора. Французский парламент ратифицировать пакт с Советским Союзом не торопился: против

ратификации выступали правые силы в стране. Гитлер, очевидно, полагал, что вероятность разрыва с Москвой достаточно велика. Если это случится, то придется искать другой предлог для "Шулунга". 11 февраля пакт был представлен в палату депутатов, а 12 февраля ратифицирован 353 голосами против 164. Через два дня, 1 марта, Гитлер сообщил о своем решении группе генералов, многие из которых были уверены, что Франция и мокрого места не оставит от немногочисленных немецких частей, предназначенных для похода в Рейнскую зону. Несмотря на это, на следующий день, 2 марта 1936 года, Бломберг в соответствии с указаниями своего хозяина отдал официальный приказ оккупировать Рейнскую зону. Командующим родами войск он говорил, что это должен быть "неожиданный бросок". Бломберг полагал, что это будет "мирная операция", в противном случае, то есть если французы окажут сопротивление, главнокомандующий оставил за собой право принимать решение о возможных боевых контрмерах. Через шесть дней я узнал, а позже это подтвердилось показаниями генералов в Нюрнберге, что это были за контрмеры: стремительное отступление за Рейн!

Но ни французское правительство, уже парализованное внутренними раздорами, ни сами французы, среди которых преобладали пораженческие настроения, ничего этого не знали, когда небольшие отряды немецких войск на заре 7 марта перешли через Рейн и вступили в демилитаризованную зону {Согласно показаниям Йодля в Нюрнберге, Рейн перешли только три батальона, направляясь в Ахен, Трир и Саарбрюкен. Вся территория была занята одной дивизией. Данные разведки союзников оказались сильно завышены — 35 тысяч человек, приблизительно три дивизии. Позднее Гитлер говорил: "На самом деле у меня было только четыре бригады". — Прим. авт. }. В 10 часов утра угодничавший Нейрат, министр иностранных дел, созвал послов Франции, Англии и Италии, сообщил им новости из Рейнской зоны и вручил официальные ноты, из которых явствовало, что Германия не признает Локарнского договора, который Гитлер только что нарушил, после чего предложил новый план сохранения мира. "Гитлер ударил соперника в лицо, — сухо заметил Франсуа-Понсе, — приговаривая при этом: "Я принес предложение мира! "

И действительно, двумя часами позднее Гитлер, стоя на трибуне рейхстага, распространялся перед многочисленной аудиторией о своем желании сохранить мир и о том, как это сделать. Я пошел в оперный театр, где наблюдал картину, которую никогда не забуду. Картина эта была захватывающая и ужасающая. После разглагольствований о зле Версаля и угрозе большевизма Гитлер спокойно заявил, что советско-французский

пакт ослабил Локарнский договор, который в отличие от Версальского Германия подписала без принуждения. Сцену, последовавшую за этим, я описал вечером в своем дневнике.

"Германия более не связана Локарнским договором, — говорил Гитлер. — В интересах права своего народа на безопасность границ и для охраны границ правительство Германии восстановило с сегодняшнего дня абсолютный контроль в районе демилитаризованной зоны! "

И тут же шестьсот депутатов, каждого из которых назначил сам Гитлер, — маленькие люди с грузными телами и бычьими шеями, коротко стриженные, с большими животами, одетые в коричневую форму и тяжелые сапоги, вскочили и, словно автоматы, выбросили правую руку в нацистском приветствии и стали орать: "Хайль! " Гитлер поднимает руку, просит тишины. Он говорит негромко: "Члены германского рейхстага! " Абсолютная тишина.

"В этот исторический час, когда в западных областях рейха германские войска идут навстречу своему мирному будущему, нас всех должны соединить две священные клятвы".

Больше он говорить не может. Для парламентской толпы сообщение о том, что немецкие войска вступили в Рейнскую зону, является новостью. Милитаризм, бродивший в их крови, теперь ударяет им в голову. Они с воплями вскакивают, по инерции вскидывая в приветствии руки. Их лица искажены, рты широко открыты. И они истерически кричат, кричат... Их горящие фанатизмом глаза прикованы к новому богу, к мессии. Сам мессия играет свою роль великолепно. Опустив, будто в смирении, голову, он терпеливо ждет тишины. Потом голосом все еще тихим, но переполненным эмоциями, выкрикивает две клятвы: "Во-первых, мы клянемся не прибегать к силе для восстановления чести нашего народа... Во-вторых, мы клянемся, что теперь, как никогда ранее, будем стремиться к взаимопониманию с европейскими народами, особенно с западными соседями... У нас нет территориальных притязаний в Европе! Германия никогда не нарушит мира! "

Еще долго звучали приветственные возгласы... Некоторые генералы протискивались к выходу. За их улыбками легко угадывалась нервозность... Я столкнулся с генералом Бломбергом... Лицо у него было бледное, щеки подергивались.

И было отчего. Военный министр, всего пять дней назад собственноручно составивший приказ о вторжении, явно нервничал. На следующий день я узнал, что войскам был отдан приказ отступить за Рейн, если французы окажут сопротивление. Но французы не предприняли

никаких шагов. Франсуа-Понсе уверял, будто после его предупреждения в ноябре минувшего года французское верховное командование запросило правительство, что оно намерено предпринять, если посол окажется прав. Ответ, по его словам, был таков: правительство поднимет вопрос в Лиге Наций. На самом деле, когда удар был нанесен {Несмотря на предупреждение Франсуа-Понсе, действия Германии оказались полной неожиданностью для Франции, Англии и их генеральных штабов. — Прим. авт. }, именно правительство Франции призывало к действиям, а генеральный штаб противился. "Генерал Гамелен, — пишет Франсуа-Понсе, — заявил, что боевые действия, даже в малом масштабе, влекут за собой непредсказуемый риск и не могут быть начаты без объявления всеобщей мобилизации". Генерал Гамелен, начальник генерального штаба, счел необходимым предпринять одно — сконцентрировать тринадцать дивизий на границе с Германией, и то для усиления линии Мажино. Даже этого оказалось достаточно, чтобы повергнуть в панику германское высшее командование. Бломберг, поддерживаемый Йодлем и другими старшими офицерами, хотел отозвать три батальона, перешедшие Рейн. Как показывал на Нюрнбергском процессе Йодль, "учитывая положение, в котором мы оказались, французская армия могла разорвать нас на куски".

Бесспорно, разорвала бы, что, конечно же, явилось бы концом Гитлера и история могла бы пойти совсем по другому, более светлому пути, — диктатор не пережил бы такого фиаско, в этом позднее признавался и сам Гитлер: "Наше отступление кончилось бы полным крушением". Только железные нервы Гитлера спасли положение, как и во многих последующих кризисах, ставя в тупик оппозиционно настроенных генералов. Но это был тяжелый для Гитлера момент.

Переводчик Гитлера Пауль Шмидт слышал, как тот говорил:

"Сорок восемь часов после марша в Рейнскую зону были самыми драматическими в моей жизни. Если бы французы вошли тогда в Рейнскую зону, нам пришлось бы удирать, поджав хвост, так как военные ресурсы наши были недостаточны для того, чтобы оказать даже слабое сопротивление".

Будучи уверен в том, что Франция не пошлет свои войска, он резко отклонил предложение колебавшегося армейского командования вернуть войска. Генерал Бек просил фюрера смягчить удар, объявив, что территория к западу от Рейна не будет укрепляться. Как сообщал в своих показаниях Йодль, это предложение "фюрер отверг с особой резкостью" — и не без оснований, как мы потом убедимся. Генералу фон Рундштедту Гитлер позднее заявил, что это был акт трусости.

"Что случилось бы, — говорил Гитлер в кругу приближенных вечером 27 марта 1942 года в своей штаб-квартире, вспоминая дни переворота в Рейнской зоне, — если бы не я, а кто-то другой стоял во главе рейха! У всех, кого бы вы ни назвали, сдали бы нервы. Я был вынужден лгать, а спасло нас мое непоколебимое упрямство и моя удивительная самоуверенность".

Все верно, но нельзя забывать, что ему помогли колебания Франции и бездеятельность ее союзника — Великобритании. Министр иностранных дел Франции Пьер Этьен Фланден 11 марта вылетел в Лондон, где умолял британское правительство поддержать Францию в военных действиях против Германии в Рейнской зоне. Просьбы его были напрасны. Англия не рискнула воевать, несмотря на подавляющее превосходство союзных сил над немецкими. Как заметил лорд Лотиан: "Германия в конце концов просто вышла в свой собственный палисадник". Даже до прибытия французов в Лондон Антони Иден, ставший в декабре минувшего года министром иностранных дел, говорил в палате общин: "Оккупация рейхсвером Рейнской зоны нанесла серьезный удар по принципу соблюдения договоров. К счастью, — добавил он, — у нас нет оснований полагать, что настоящие действия Германии представляют для нас угрозу".

И тем не менее Франция по Локарнскому договору имела право предпринять военные действия против германских войск в демилитаризованной зоне, а Англия была обязана по этому же договору поддержать ее своими вооруженными силами. Пустые разговоры в Лондоне дали Гитлеру повод считать, что авантюра сошла ему с рук.

Великобритания не только постаралась избежать риска войны, но и в очередной раз серьезно восприняла "мирные" заверения Гитлера. В нотах, переданных трем послам 7 марта, и в своей речи в рейхстаге Гитлер предлагал подписать пакт о ненападении сроком на двадцать пять лет с Бельгией и Францией, гарантированный Англией и Италией; заключить аналогичные пакты о ненападении с соседями Германии на Востоке; согласиться на демилитаризацию франко-германской границы; и наконец, вернуться в Лигу Наций. Об искренности Гитлера можно судить по его предложению о демилитаризации границы, так как это привело бы к тому, что Франции пришлось бы пустить на слом линию Мажино — последнюю защиту от внезапного нападения Германии.

Лондонская "Таймс", сокрушаясь по поводу стремительного вторжения Германии в Рейнскую зону, озаглавила передовую статью "Возможность перестройки".

Теперь, в ретроспективе, очевидно, что победа Гитлера в Рейнской

зоне привела к таким роковым последствиям, которые в то время было трудно предугадать. В Германии популярность Гитлера резко возросла {7 марта Гитлер распустил рейхстаг и объявил о новых выборах и референдуме по поводу занятия Рейнской зоны. По официальным данным за 29 марта, 99 процентов избирателей из 45 453 691 пришли на избирательные участки, и 98, 8 процента из них одобрили деятельность Гитлера. Иностранные корреспонденты, посетившие участки, отметили некоторые нарушения — в частности, открытое голосование вместо тайного. И это естественно, так как некоторые немцы боялись, и не без основания, что гестапо возьмет их на заметку, если они проголосуют "против". Доктор Хьюго Экенер рассказывал мне, что на новом дирижабле, который по приказу Геббельса курсировал в целях пропаганды между городами Германии, под словом "да" стояла цифра сорок два, что было на два больше числа членов экипажа. Мне довелось писать репортажи о выборах в разных частях страны, и я могу с уверенностью сказать, что акцию Гитлера одобрило подавляющее большинство населения. А почему бы и нет? Разрыв Версальского договора, немецкие войска, марширующие фактически по немецкой территории, — это одобрил бы каждый немец. "Против" проголосовало 540 211 человек. — Прим. авт. }, поставив его на высоту, которой не достигал в прошлом ни один правитель Германии. Это обеспечило ему власть над генералами, которые в кризисных ситуациях проявляли нерешительность, в то время как Гитлер оставался непреклонным. Это приучило генералов к мысли, что в иностранных и военных делах его мнение неоспоримо. Они боялись, что французы окажут сопротивление; Гитлер оказался умнее. Наконец, оккупация Рейнской зоны — совсем незначительная военная операция — открывала, как понимал Гитлер, а кроме него только Черчилль, новые возможности в потрясенной Европе, поскольку стратегическая обстановка коренным образом изменилась после того, как три немецких батальона перешли через Рейн.

Теперь понятно, что пассивность Франции и отказ Англии поддержать ее хотя бы действиями, которые носили бы чисто полицейский характер, обернулись для Запада катастрофой, положившей начало серии других катастроф, более масштабных. В марте 1936 года две западные державы имели последний шанс, не развязывая большой войны, остановить милитаризацию и агрессивность тоталитарной Германии и привести к полному краху, как отмечал сам Гитлер, нацистский режим. Они этот шанс упустили.

Для Франции это явилось началом конца. Ее восточные союзники — Россия, Польша, Чехословакия, Румыния и Югославия были поставлены

перед фактом: Франция не будет воевать против Германии в случае агрессии, не будет придерживаться системы безопасности, над созданием которой она так кропотливо трудилась. Но и это не все. Вскоре союзники на Востоке начали понимать, что даже если Франция не останется столь бездеятельной, она не сможет быстро оказать им помощь из-за того, что Германия в спешном порядке возводит на франко-германской границе Западный вал. Сооружение этого укрепления, как понимали восточные союзники, очень быстро изменит стратегическую карту Европы, причем не в их пользу. Вряд ли они могли надеяться, что Франция, которая, имея сто дивизий, не выступила против трех батальонов, бросит своих молодых солдат проливать кровь на неприступные немецкие укрепления, в то время как вермахт начнет наступление на Восток. Даже если это и произойдет, то успехи окажутся ничтожными. Франция могла оттянуть на Запад лишь небольшую часть растущей немецкой армии. Остальные войска могли быть использованы для ведения боевых действий против восточных соседей.

О значении укреплений, возводимых в Рейнской области, для гитлеровской стратегии было сказано Уильяму С. Буллит, американскому послу в Берлине, при посещении им министерства иностранных дел Германии 18 мая 1936 года.

Фон Нейрат, как позднее докладывал Буллит госдепартаменту, заявил, что в области внешней политики Германия не будет предпринимать каких-то активных шагов, прежде чем не улягутся страсти вокруг захвата Рейнской зоны. Он пояснил, что до тех пор, пока не закончится возведение оборонительных укреплений на французской и бельгийской границах, правительство Германии будет делать все возможное для предотвращения, а не для поощрения нацистского мятежа в Австрии и проводить взвешенную политику в отношении Чехословакии. "Как только укрепления будут построены и страны Центральной Европы осознают, что Франция не сможет! беспрепятственно вторгнуться на территорию Германии, они пересмотрят свою внешнюю политику и появятся новые союзы", — сказал он.

События начали разворачиваться.

"Стоя возле могилы моего предшественника (убитого Дольфуса), — пишет в своих мемуарах д-р Шушниг, — я понял: чтобы спасти независимость Австрии, я должен стать приверженцем курса умиротворения... Нужно было делать все, чтобы не дать Гитлеру повода для интервенции, все, чтобы вынудить его соблюдать статус-кво".

Нового австрийского канцлера воодушевило заявление Гитлера, сделанное в рейхстаге 21 марта 1935 года, о том, что "Германия не имеет

намерений вмешиваться во внутренние дела Австрии, аннексировать Австрию или присоединять ее". Не менее обнадеживающим представлялось ему сделанное в Стресе заявление Италии, Франции и Англии о готовности помочь отстоять независимость Австрии. Однако вскоре главный защитник Австрии Муссолини завяз в Абиссинии и порвал с Англией и Францией. Когда немцы заняли Рейнскую зону и принялись укреплять ее, д-р Шушниг понял, что настало время для умиротворения. Он начал переговоры о новом договоре с коварным немецким послом Папеном, который прибыл в Вену в конце лета, вскоре после убийства Дольфуса, чтобы завоевать для Гитлера его родину. "Национал-социализм должен превзойти и превзойдет новую австрийскую идеологию", — писал Папен 27 июля 1935 года Гитлеру в отчете о первом годе своей работы.

Австро-германское соглашение, подписанное 11 июля 1936 года, казалось, свидетельствовало о необычайной щедрости и терпимости Гитлера. Германия еще раз подтверждала признание суверенитета Австрии, обещание не вмешиваться во внутренние дела соседа. Взамен Австрия обязалась строить свою внешнюю политику с учетом того, что является "немецким государством".

Но в договоре содержались и секретные пункты. Именно в них Шушниг пошел на уступки, вследствие которых он и его маленькая страна были обречены. Он согласился тайно амнистировать австрийских политических заключенных-нацистов и назначить представителей так называемой национальной оппозиции, то есть нацистов и симпатизирующих им, на политически ответственные посты. Это помогло Гитлеру ввести в Австрию троянского коня. Именно туда перебрался вскоре венский адвокат Зейсс-Инкварт, с которым мы еще встретимся.

Хотя Гитлер и высказал Папену свое одобрение в отношении текста договора, для чего он специально приезжал в Берлин в начале июля, тем не менее фюрер пришел в ярость, узнав, что соглашение подписано, о чем Папен сообщил ему по телефону 16 июля.

"Реакция Гитлера меня удивила, — писал позднее Папен. — Вместо благодарности он обрушил на меня поток оскорблений: я ввел его в заблуждение, он пошел на слишком большие уступки... а вся эта затея была ловушкой".

Как выяснилось, то оказалась ловушка для Шушнига, но не для Гитлера.

Подписание австро-германского договора доказало, что позиции Муссолини в Австрии ослабли. Можно было ожидать, что это соглашение испортит отношения между двумя фашистскими диктаторами, но

случилось обратное — из-за событий, произошедших тогда же, в 1936 году, и сыгравших на руку Гитлеру.

2 мая 1936 года итальянские войска захватили столицу Абиссинии Аддис-Абебу, а 4 июля Лига Наций капитулировала, отменив санкции против Италии. Через две недели Франко поднял военный мятеж в Испании — началась гражданская война.

По давней привычке Гитлер находился в это время на Вагнеровском фестивале в Байрейте. Вечером 22 июля, после того как он вернулся со спектакля, к нему явился немецкий бизнесмен из Марокко в сопровождении тамошнего лидера нацистов. Они прибыли в Байрейт со срочным письмом от Франко — предводителю мятежников нужны были самолеты и другая помощь. Гитлер немедленно вызвал Геринга и генерала фон Бломберга, которые тоже находились в Байрейте. В тот же вечер было принято решение помочь испанским мятежникам.

Хотя помощь Германии Франко не может сравниться с помощью Италии, которая направила в Испанию от 60 до 70 тысяч солдат и большое количество самолетов и оружия, она все же представляется значительной. Позднее немцы подсчитали, что на это предприятие они потратили полмиллиарда марок, не считая поставок самолетов, танков, отправки технического персонала и легиона "Кондор" — авиационного соединения, печально знаменитого тем, что оно уничтожило город Гернику со всем его населением. По сравнению с перевооружением самой Германии это было не так много, но это принесло Гитлеру солидные дивиденды.

В результате на границах Франции появилось третье враждебно настроенное фашистское государство. Внутри Франции это породило новые споры между правыми и левыми силами, что ослабило основного соперника Германии на Западе. Кроме того, это исключило сближение Франции и Англии с Италией, на которое надеялись Париж и Лондон после завершения войны в Абиссинии. Это же толкнуло Муссолини в объятия Гитлера.

Политика фюрера по отношению к Испании с самого начала отличалась расчетливостью. При внимательном прочтении захваченных немецких документов становится ясно, что одной из целей Гитлера было продление гражданской войны в Испании, чтобы и дальше держать в состоянии ссоры Италию и западные державы и одновременно привлечь на свою сторону Муссолини {Более чем через год, 5 ноября 1937 года, Гитлер говорил о политике по отношению к Испании в конфиденциальной беседе со своими генералами и министром иностранных дел. "Полная победа Франко, — заявил он, — с точки зрения Германии нежелательна. Мы более

заинтересованы в продолжении войны и сохранении напряженности в Средиземноморье". — Прим. авт. }. Еще в декабре 1936 года Ульрих фон Хассель, посол Германии в Риме, тогда еще не осознавший целей и методов нацизма, к чему он пришел позднее, что стоило ему жизни, докладывал на Вильгельмштрассе:

"Роль Испанского конфликта с точки зрения отношений Италии" с Англией и Францией похожа на роль Абиссинского конфликта. Она наглядно демонстрирует различие интересов держав и таким образом препятствует вовлечению Италии в сеть западных государств и использованию ее для их махинаций. Борьба за политическое влияние в Испании обнажает природу разногласий между Италией и Францией; в то же время позиция Италии как державы Западного Средиземноморья вступает в конфликт с позицией Англии. Все это даст Италии понять желательность тесного союза с Германией против западных держав".

В результате этих обстоятельств образовалась ось Берлин — Рим. 24 октября после встречи с Нейратом в Берлине граф Галеаццо Чиано, зять Муссолини и министр иностранных дел, совершил свое первое паломничество в Берхтесгаден. Германского диктатора он застал в хорошем настроении. Гитлер дружелюбно заявил, что Муссолини — "государственный деятель мирового масштаба, с которым никто не может сравниться". Италия и Германия вместе могут победить не только большевизм, но и всю Европу, включая Англию! Англия, как полагал Гитлер, вероятно, будет искать союза с Италией и Германией. Если этого не случится, то две державы в состоянии от нее избавиться. "Перевооружение в Италии и Германии, — говорил Гитлер Чиано, — идет гораздо быстрее, чем оно может идти в Англии... Через три года Германия будет готова". Установление этого срока весьма симптоматично — через три года наступит осень 1939-го.

21 октября в Берлине Чиано и Нейрат подписали секретный протокол, определивший общую для Италии и Германии внешнюю политику. Через несколько дней, точнее, 1 ноября Муссолини, не вдаваясь в подробности, говорил об этом соглашении как об образовавшем "ось", вокруг которой будут вращаться другие европейские государства. Впоследствии этот термин станет широко известным, а для дуче роковым.

Имея Муссолини в качестве союзника, Гитлер стал расширять сферу своих интересов. В августе 1936 года он назначил Риббентропа послом в Лондоне, поручив ему прозондировать возможность заключения договора с Англией, естественно, на своих условиях. Как заметил Геринг, ленивый и некомпетентный, тщеславный как павлин, высокомерный и не обладавший

чувством юмора Риббентроп был самой неподходящей кандидатурой на этот пост. "Когда я стал критиковать кандидатуру Риббентропа, заявляя, что он не справится с английскими делами, — говорил позднее Геринг, — фюрер сказал мне, что Риббентроп знает лорда такого-то и министра такого-то. На это я ответил: "Вся беда в том, что и они знают Риббентропа".

Действительно, Риббентроп при всей своей непривлекательности имел влиятельных друзей в Лондоне. Одним из них, как считали в Берлине, была миссис Симпсон, друг короля. Но первые же шаги Риббентропа на новом поприще не внушили надежд, поэтому в ноябре он вернулся в Берлин, чтобы довести до конца не имеющие отношения к Англии дела, в которых он к тому времени погряз. 25 ноября он подписал Антикоминтерновский пакт с Японией, согласно которому, как он не моргнув глазом заявил иностранным корреспондентам, в том числе и автору этих строк, Германия и Япония объединились, чтобы защитить западную цивилизацию. Это могло показаться пропагандистским трюком, с помощью которого Германия и Япония, играя на ненависти к коммунизму и недоверии к Коминтерну, намеревались завоевать поддержку во всем мире, если бы не секретный протокол, направленный против России. В случае неспровоцированного нападения Советского Союза на Германию или Японию две державы договорились провести консультации для определения мер, предусматривающих "защиту общих интересов", а также "не предпринимать каких-либо шагов, способных облегчить положение Советского Союза". Была также достигнута договоренность о том, что ни одна из сторон не будет без согласия другой стороны заключать с Советским Союзом договоров, противоречащих духу достигнутого соглашения. На следующий год пакт подписала и Италия.

30 января 1937 года в своем выступлении в рейхстаге Гитлер заявил, что "Германия убирает свою подпись с Версальского договора" — ничего не значащий жест, так как договор к тому времени уже был похоронен. Гитлер с гордостью подводил итоги своего четырехлетнего правления. Гордость была вполне оправданна, ибо успехи во внутренней и внешней политике были весьма ощутимы. Как мы видели, он покончил с безработицей, создал бум в деловом мире, создал мощную армию, авиацию и флот, снабдив их значительным количеством оружия и обещая дать еще больше. Он единолично порвал цепи Версаля, занял Рейнскую зону. Пребывая в начале своего правления в полной изоляции, теперь он имел надежных союзников в лице Муссолини и Франко. Он оторвал Польшу от Франции. Но самое главное заключалось, вероятно, в том, что он пробудил энергию в немцах, возродил их веру в нацию, укрепил мысль о роли нации

как величайшей в мире.

Разница между процветающей, воинственной Германией, ведущей смелую политику, и западными увядающими демократиями, которые колебались и терпели провал за провалом, была очевидна. Несмотря на охватившую их тревогу, ни Англия, ни Франция и пальцем не пошевелили, чтобы помешать Гитлеру нарушить мирный договор и оккупировать Рейнскую зону; не смогли они остановить и Муссолини в Абиссинии. Теперь, в 1937 году, они предпринимали жалкие попытки остановить Германию и Италию в их стремлении предрешить исход гражданской войны в Испании. Всем было прекрасно известно, что предпринимает Италия и Германия для обеспечения победы Франко. Тем не менее правительства Лондона и Парижа годами вели бесплодные политические дебаты с Берлином и Римом, дабы гарантировать их "невмешательство" в испанские дела. Эта игра очевидно, забавляла германского диктатора. И еще больше увеличила его презрение к нерешительным правителям Франции и Англии *этим "ничтожным червякам"*, которых он вскоре назвал так и унизил с величайшей легкостью.

Ни правительства Франции и Великобритании, ни их народы, ни сами немцы в начале 1937 года, казалось, не понимали, что в течение четырех предшествовавших лет Гитлер занимался одним — подготовкой к войне. Автор этих строк по собственным наблюдениям знает, что до 1 сентября 1939 года немцы были убеждены, что Гитлер достигнет того, чего хочет и чего хотят они, не прибегая к войне. Но среди элиты, правящей Германией и занимающей ключевые посты, сомнений относительно целей Гитлера быть не могло. Четырехлетний "испытательный", как называл его Гитлер, период нацистского правления подходил к концу. Геринг, которому в сентябре 1936 года было поручено следить за осуществлением четырехлетнего плана, открыто заявил об этом в речи, произнесенной им на закрытом собрании промышленных тузов и высоких официальных лиц в Берлине:

"Мы приближаемся к сражению, которое потребует от нас наивысшей производительности труда. Предела перевооружения пока не предвидится. Альтернатива одна — победа или уничтожение... Мы живем в такое время, когда последнее, решительное сражение не за горами. Мы находимся на пороге мобилизации и войны. Не хватает разве что выстрелов".

Это предупреждение Геринга прозвучало 17 декабря 1936 года. А через одиннадцать месяцев, как мы убедимся, Гитлер сделал роковой и окончательный выбор в пользу войны.

1937 год: никаких сюрпризов

30 января, обращаясь к марионеткам в рейхстаге, Гитлер провозгласил: "Время так называемых сюрпризов кончилось". И действительно, в течение 1937 года субботних сюрпризов он не устраивал {На Вильгельмштрассе шутили, что Гитлер оттягивал все сюрпризы до субботы, так как официальные лица в Англии проводили выходные за городом. — Прим. авт. }. Весь год Германия накапливала силы для осуществления замыслов, о которых в конце концов Гитлер объявил в ноябре горстке своих генералов. Этот год был посвящен организации армии, учениям войск, испытаниям новых ВВС в Испании В своих показаниях в Нюрнберге 14 марта 1946 года Геринг с гордостью говорил о том, какую возможность предоставила гражданская война в Испании для испытания люфтваффе: "С разрешения фюрера я послал туда значительную часть транспортной авиации, несколько экспериментальных истребителей, бомбардировщики и зенитные орудия; все это дало мне возможность выяснить в боевых условиях, насколько отвечала поставленной задаче техника. Чтобы личный состав смог приобрести опыт, я позаботился о периодическом обновлении. То и дело кого-то посылали в Испанию, а кого-то отзывали назад". — Прим. авт. }, расширению производства эрзац-горючего и искусственного каучука, укреплению оси Берлин — Рим, выискиванию новых слабых мест в политике Парижа, Лондона и Вены.

В течение первых месяцев 1937 года Гитлер посылал в Рим влиятельных эмиссаров для обработки Муссолини. Германию несколько смущало заигрывание Италии с Англией. 2 января Чиано подписал "джентльменское соглашение" с британским правительством, в котором обе стороны признавали жизненные интересы друг друга в Средиземноморье. Германия сознавала, что вопрос об Австрии оставался для Рима весьма щекотливым. 15 января Геринг встретился с дуче и напрямик заявил ему о неизбежности аншлюса Австрии. По словам немецкого переводчика Пауля Шмидта, легко возбудимый итальянский диктатор яростно замотал головой. Посол фон Хассель сообщал в Берлин, что заявление Геринга по поводу Австрии "было встречено прохладно". В июне Нейрат поспешил заверить дуче, что Германия останется верна пакту, подписанному с Австрией 11 июля, что она предпримет решительные шаги только в случае попытки реставрации Габсбургов.

Успокоенный таким образом насчет Австрии и испытывавший сопротивление со стороны Франции и Англии во всех своих устремлениях — в Эфиопии, Испании и на Средиземном море, Муссолини принял приглашение Гитлера посетить Германию. 25 сентября 1937 года в новой униформе, сшитой специально для этого визита, Муссолини пересек

через Альпы и прибыл в третий рейх. Гитлер и его окружение принимали Муссолини как героя-завоевателя. И дуче не сумел тогда предугадать, как пагубно повлияет это путешествие на его судьбу — приведет к ослаблению его собственного положения и в итоге к печальному концу. В намерения Гитлера не входило продолжать дипломатические переговоры. Он хотел поразить Муссолини мощью Германии и сыграть на его стремлении быть на стороне победителя. Дуче возили по всей стране, ему показывали парады СС, армейские маневры в Мекленбурге, грохочущие военные заводы в Руре.

Кульминацией визита явилось празднество, состоявшееся в Берлине 28 сентября, которое произвело на дуче сильное впечатление. Миллионная толпа собралась на Майфельде, чтобы послушать выступление двух фашистских диктаторов. Муссолини, выступавший на немецком, был необычайно польщен неумолкающими аплодисментами и речами Гитлера. Дуче сказал о фюрере, что это "один из редких людей, на которых не проверяется история, но которые сами творят историю". Я помню, что Муссолини еще не закончил свое выступление, когда разразилась гроза. Многочисленная толпа прорвала ограждение войск СС, и насквозь промокший и озлобленный Муссолини был вынужден в одиночестве из всех сил протискиваться через нее, чтобы отбыть в свою резиденцию. Однако это неприятное происшествие не охладило его желания стать партнером новой, сильной Германии, и на следующий день после парада частей армии, авиации и флота он вернулся в Рим, убежденный в том, что в будущем его место рядом с Гитлером.

Неудивительно, что через месяц, когда Риббентроп отправился в Рим, чтобы получить подпись Муссолини под Антикоминтерновским пактом, дуче во время приема 6 ноября сообщил ему, что Италия утратила интерес к независимости Австрии. "Пусть события (в Австрии) развиваются своим чередом", — сказал Муссолини. Это был сигнал к действию, которого так ждал Гитлер.

И еще на одного правителя растущая мощь Германии произвела впечатление. Когда Гитлер нарушил Локарнский договор, занял Рейнскую зону и направил войска к границе с Бельгией, король Леопольд денонсировал Локарнский пакт, разорвал союз с Францией и Англией и объявил, что впредь Бельгия будет строго придерживаться нейтралитета. Это был серьезный удар по коллективной обороне на Западе, но Англия и Франция в апреле 1937 года примирились с этим, за что вскоре, так же как и Бельгия, дорого заплатили.

В конце мая на Вильгельмштрассе с интересом наблюдали, как Стэнли

Болдуин ушел с поста премьер-министра Великобритании и как его место занял Невилл Чемберлен. Немцы остались довольны сообщением о том, что новый премьер будет заниматься внешней политикой активнее, чем его предшественник, и что он намерен достичь, если это возможно, взаимопонимания с Германией. Какое именно взаимопонимание устроило бы Гитлера — было ясно изложено в секретном меморандуме от 10 ноября, составленном бароном фон Вайцекером, который был тогда статс-секретарем министерства иностранных дел Германии.

"От Британии нам нужны колонии и свобода действий на Востоке.

... Британии спокойствие крайне необходимо. Было бы уместно узнать, чем за это спокойствие она готова заплатить".

Возможность выяснить, чем готова заплатить Англия, появилась в ноябре, когда лорд Галифакс с одобрения Чемберлена совершил паломничество в Берхтесгаден для встречи с Гитлером. 19 ноября они имели продолжительную беседу. В пространном секретном меморандуме, составленном германским министерством иностранных дел, выделяются три момента: Чемберлен, всеми силами стремясь установить отношения с Германией, предложил провести переговоры на уровне глав правительств; Англия желает добиться общего умиротворения в Европе, за это она готова пойти на уступки Гитлеру в вопросе о колониях и действиях в Восточной Европе; Гитлер не очень заинтересован в настоящее время в англо-германском союзе.

Несмотря на в общем-то неудачный итог переговоров, англичане, к удивлению немцев, остались довольны {Чемберлен записал в своем дневнике: "Визит (Галифакса) в Германию, по моему мнению, был успешным, так как он достиг своей цели — создана атмосфера, в которой вполне возможно обсуждать с Германией практические вопросы умиротворения в Европе" (Фейлинг К. Жизнь Невилла Чемберлена, с. 332). }. Правительство Великобритании удивилось бы гораздо сильнее, если бы узнало о сверхсекретном совещании, которое Гитлер провел с высшими военными чинами и министром иностранных дел за две недели до встречи с лордом Галифаксом.

Роковое решение 5 ноября 1937 года

24 июня 1937 года фельдмаршал фон Бломберг издал директиву с грифом "Совершенно секретно", с которой было сделано всего четыре копии. Она предназначалась командующим тремя видами вооруженных сил, и в ней указывалось, как будут развиваться события и какие приготовления к ним необходимо сделать. "Общая политическая обстановка, — писал военный министр и главнокомандующий

вооруженными силами командующим, — дает право предполагать, что Германии не приходится ожидать нападения с какой-либо стороны". И далее он указывал, что ни западные державы, ни Россия не имеют намерения воевать и не готовы к войне.

"Несмотря на эти факты, — указывалось далее в директиве, — неустойчивое политическое равновесие в мире, не исключающее неожиданных инцидентов, требует постоянной готовности вооруженных сил Германии к войне... чтобы быть в состоянии использовать военным путем политически благоприятные условия, если таковые возникнут. Подготовка вооруженных сил к возможной войне должна вестись в течение мобилизационного периода 1937/38 г. в соответствии с изложенными соображениями".

Что за возможная война, если Германия не ждет нападения "с какой-либо стороны"? Бломберг далее пояснял, что существует два варианта развития событий, для которых разрабатываются планы:

I. Война на два фронта при сосредоточении главных усилий на Западе (развертывание по варианту "Рот").

II. Война на два фронта при сосредоточении главных усилий на Юго-Востоке (развертывание по варианту "Грюн").

Первый вариант предусматривал, что Франция могла внезапно напасть на Германию, тогда основные боевые действия велись бы на Западе. Эта операция получила кодовое название "Рот" {Это первое из множества кодовых названий немецких военных операций, которые будут встречаться по ходу повествования. Немцы употребляли слово "Fall", что в переводе означает "случай" (Fall Rot — случай "Красный", и Fall Grün — случай "Зеленый" — соответствующие названия операций на Западе и против Чехословакии). Сначала, как показывали в Нюрнберге немецкие генералы, эти названия использовались, как это принято у любого военного командования, для обозначения предположительных ситуаций. Однако, когда подлинный смысл этих документов стал ясен, они решили употреблять это слово для обозначения планов вооруженной агрессии. Поэтому более точно следовало бы перевести его как "операция", но для удобства я предпочел в дальнейшем употреблять слово "вариант". — Прим. авт. }.

Сам Галифакс, казалось, был обманут Гитлером. В письменном отчете в министерство иностранных дел он докладывал: "Германский канцлер и другие производят впечатление людей, которые не пустятся в авантюры с применением силы и не развяжут войну". По словам Чарльза С. Тэнзилла, Галифакс говорил Чемберлену, что Гитлер "не намерен действовать в

ближайшем будущем частично из-за невыгодности таких действий, частично из-за того, что занят внутригерманскими делами... Геринг уверил его, что ни одна капля немецкой крови не прольется в Европе, если Германию к этому не принудят. Ему (Галифаксу) показалось, что немцы намерены достичь своих целей мирным путем" (Тензилл Ч. Черный ход к войне, с. 365–366). — Прим. авт.

В соответствии со вторым вариантом война на Востоке могла начаться с внезапной операции против Чехословакии с целью упредить нападение превосходящих сил вражеской коалиции. Условия, необходимые для того, чтобы оправдать эту акцию с точки зрения международного права, предстояло создать заранее.

Чехословакию, как указывалось в директиве, необходимо было "сразу уничтожить" и оккупировать.

Еще в трех случаях надо было провести "особые меры подготовки":

I. Вооруженная интервенция против Австрии (операция "Отто"),

II. Военные конфликты с красной Испанией (операция "Рихард").

III. В войне против нас участвуют Англия, Польша, Литва (расширение вариантов "Рот" и "Грюн").

Вариант "Отто" будет часто встречаться на страницах этой книги. "Отто" — это Отто Габсбург, молодой претендент на австрийский престол, проживавший тогда в Бельгии. В июньской директиве Бломберга вариант "Отто" сводился к следующему:

"Целью интервенции будет: силой оружия вынудить Австрию отказаться от реставрации монархии.

Для этого придется, используя внутривнутриполитическую раздробленность австрийского народа, бросить войска в общем направлении на Вену и сломить всякое сопротивление".

В конце этого разоблачительного документа содержится предостережение, проникнутое отчаянием. Оно отражает отсутствие иллюзий в отношении Англии. "Англия, — говорится в нем, — бросит против нас все имеющиеся в ее распоряжении экономические и военные средства". Если она объединится с Польшей и Литвой, указывается в директиве, то положение Германии "ухудшилось бы в критической мере, могло бы даже стать безнадежным. Поэтому политическое руководство приложит все усилия, чтобы сохранить нейтралитет этих стран, в первую очередь Англии и Польши".

Хотя директива и была подписана Бломбергом, очевидно, что исходила она от рейхсканцелярии. В этот мозговой центр третьего рейха для получения дальнейших инструкций от Гитлера вечером 5 ноября 1937 года

пришли шесть человек: фельдмаршал фон Бломберг, военный министр и главнокомандующий вооруженными силами; генерал-полковник барон фон Фрич, главнокомандующий сухопутными войсками; адмирал доктор Редер, главнокомандующий ВМС; генерал-полковник Геринг, главнокомандующий ВВС; барон фон Нейрат, министр иностранных дел; полковник Хоссбах, адъютант фюрера. Имя Хоссбаха в книге ранее не встречалось и впредь не встретится, но, когда на Берлин опускался тот ноябрьский вечер, молодой полковник играл довольно важную роль. Он записывал все, что говорил Гитлер, а через пять дней воплотил все сказанное в сверхсекретный меморандум, зафиксировав для истории (этот отчет фигурировал на Нюрнбергском процессе в числе других трофейных документов) поворотный пункт в судьбах третьего рейха.

Встреча началась в 16. 15 и закончилась в 20. 30. Говорил в основном Гитлер. То, что он скажет, начал он, является плодом "долгих размышлений и пребывания в течение четырех с половиной лет у власти". Он объяснил: это настолько важно, что в случае его смерти все сказанное им следует считать его последней волей и завещанием.

"Цель германской политики, — заявил он, — охранять и сохранять расу, приумножать ее. Стало быть, это вопрос пространства (жизненного пространства)". Немцы, пояснил он, имеют право на большее жизненное пространство, чем другие народы. Значит, будущее Германии полностью зависит от решения этого вопроса. И не где-нибудь в далеких африканских или азиатских колониях, а в сердце Европы, в "непосредственной близости от рейха". Для Германии вопрос стоял так: где она может достичь наибольшего успеха наименьшей ценой?

"История всех веков — от Римской империи до Британской империи — доказала, что экспансию можно проводить только подавляя сопротивление и идя на риск; при этом неудачи неизбежны. Никогда еще не было земель без хозяина, и сейчас их нет; завоеватель всегда вступает в борьбу с владельцем".

Две "дышащие ненавистью" страны, заявил Гитлер, стоят на пути Германии — Англия и Франция. Обе эти страны выступают против "дальнейшего усиления позиций Германии". Он, фюрер, не верит, что Британская империя несокрушима. Подтверждая свою мысль, он указал на слабости Англии: проблемы с Ирландией и Индией, соперничество с Японией на Дальнем Востоке и с Италией в Средиземноморье. Позиция Франции, полагал Гитлер, "выигрышнее, чем позиция Англии... но Франции предстояло столкнуться с внутренними политическими трудностями". Тем не менее Англия, Франция и Россия "должны быть

учтены в наших политических расчетах как важные факторы".

Следовательно:

"Германские проблемы могут быть решены только силой, а это влечет неминуемый риск... Если принять за основу установку на силу с сопутствующим этому риском, то остается ответить на, вопросы: когда и где? Тут возможны три варианта:

Вариант 1: 1943–1945 годы

После этого периода, по нашему мнению, возможны перемены только к худшему. Вооружение армии, военного флота и авиации... следует считать более или менее законченным. Вооружение и оборудование находится на современном уровне, а в случае дальнейшего выжидания возникнет угроза его устаревания. В частности, секрет "особого оружия" не может вечно оставаться секретом... Наша относительная мощь будет уменьшаться в соответствии... с перевооружением... остального мира. К тому же мир ожидал нашего нападения и принимал контрмеры в течение ряда лет. Пока весь мир укреплял свою оборону, мы были вынуждены занять наступательные позиции.

Никто не знает, как сложится обстановка к 1943–1945 годам. Одно ясно: ждать мы больше не можем.

Если фюрер еще будет жив, то не позже 1943–1945 годов он намерен обязательно решить проблему пространства для Германии.

Необходимость действовать ранее 1943–1945 годов может появиться в вариантах 2 и 3.

Вариант 2

Если внутренний кризис во Франции разрастется так широко, что затронет армию и сделает ее неспособной воевать против Германии, тогда настанет время действовать против чехов.

Вариант 3

Если Франция будет находиться в состоянии войны с другим государством, то она не сможет выступить против Германии.

Наша первая задача... опрокинуть Чехословакию и Австрию одновременно, чтобы устранить угрозу на флангах в случае возможных операций на Западе... Если Чехословакия будет разгромлена и будет создана общая германо-венгерская граница, то с большой долей определенности можно рассчитывать на нейтралитет Польши в случае франко-германского конфликта".

Но как поступят Франция, Англия, Италия и Россия? На этот вопрос Гитлер ответил довольно обстоятельно. Он полагал, "что Англия почти наверняка, а Франция предположительно уже списали чехов со счетов.

Трудности в империи и перспектива снова оказаться втянутой в долгую европейскую войну являлись решающими факторами против ее участия в войне с Германией. Позиция Англии несомненно окажет влияние на позицию Франции. Нападение Франции без поддержки Англии мало вероятно, поскольку существует угроза быть остановленной на наших западных укрепленных границах. Точно так же вряд ли следует ожидать марша французских войск через Бельгию и Голландию без поддержки Англии... Конечно, необходимо будет держать крупные силы на наших западных границах во время нападения на Чехословакию и Австрию".

После этого Гитлер перечислил преимущества, связанные с аннексией Чехословакии и Австрии: лучшее стратегическое положение Германии, высвобождение войск "для других целей", дополнительное продовольствие для шести миллионов немцев рейха и людские резервы (приблизительно 12 миллионов "немцев"), из которых можно формировать двенадцать армейских дивизий.

Он забыл упомянуть о том, как могут повести себя в данном случае Италия и Россия, и вернулся к этому вопросу. Он подверг сомнению возможность вмешательства Советского Союза, "учитывая позицию Японии". Италия не будет возражать "против уничтожения чехов", но было неясно, как она отнесется к захвату Австрии. Это зависело главным образом "от того, останется ли у власти дуче".

Вариант 3 предусматривал, что Франция будет находиться в состоянии войны с Италией, — на этот конфликт Гитлер очень рассчитывал. Именно поэтому, объяснял он, его политика и направлена на затягивание гражданской войны в Испании; эта война ссорила Италию с Англией и Францией. Он видел, "что война между ними приближалась". В общем, Гитлер был преисполнен решимости использовать указанное преимущество, даже если это случится в начале 1938 года, — до начала 1938 года оставалось два месяца. Он был уверен, что Италия, если ей будет оказана небольшая помощь сырьем, сможет противостоять Англии и Франции.

"Если Германия воспользуется этой войной, чтобы решить вопрос Чехословакии и Австрии, то можно предположить, что Англия, втянутая в войну с Италией, не решится предпринимать действия против Германии. А без поддержки Англии вряд ли можно ожидать военных действий против Германии со стороны Франции.

Время нашего нападения на Чехословакию и Австрию должно определяться ходом англо-франко-итальянской войны... Такая выгодная ситуация... больше не повторится... Захват Чехословакии должен быть

произведен молниеносно".

5 ноября 1937 года, в половине девятого, когда на Берлин опустился вечер, встреча закончилась. Жребий был брошен. Гитлер объявил о своем окончательном решении встать на путь войны. У горстки людей, которым предстояло вести эту войну, не осталось никаких сомнений. Десять лет, начиная с появления "Майн кампф", диктатор твердил, что "жизненное пространство" Германия обретет на Востоке и нужно быть готовым отобрать его силой; но тогда, десять лет назад, он был мало кому известным агитатором, а книга его, по свидетельству фельдмаршала фон Бломберга, считалась среди солдат, да и не только среди солдат, "обыкновенной пропагандой" и "продавалась чуть ли не насильно".

Но теперь шефам вермахта и министру иностранных дел был представлен план с конкретными сроками агрессии против двух соседних государств, что должно было привести к войне в Европе. Им предстояло закончить подготовку к 1938 году, самое позднее — к 1943–1945 годам.

Осознание этого факта ошеломило их. Не то чтобы, согласно записи Хоссбаха, их поразила безнравственность планов фюрера, нет. Их волновали более практические моменты: Германия еще не готова к большой войне; начало войны в настоящее время означало бы катастрофу.

С этих позиций Бломберг, Фрич и Нейрат осмелились подвергнуть сомнению сказанное фюрером. В течение трех последующих месяцев всех троих вынудили покинуть свои посты. Гитлер избавился от оппозиции, которую они собой представляли, — это была единственная оппозиция за все время его нахождения у власти в третьем рейхе — и открыто встал на путь завоеваний, чтобы исполнить свое предназначение. Первые шаги на этом пути дались очень легко, чего не предвидел ни Гитлер, ни его приспешники.

Часть 10. Странная интерлюдия: Падение Бломберга, Фрича, Нейрата и Шахта

Решение использовать вооруженные силы против Австрии и Чехословакии даже в том случае, если это вовлечет Германию в войну с Англией и Францией, изложенное Гитлером 5 ноября, явилось таким ударом для министра иностранных дел барона фон

Нейрата, что он, человек мягкий, слабовольный, перенес несколько сердечных приступов.

"Речь Гитлера меня очень огорчила, — говорил он на Нюрнбергском процессе, — потому что она подорвала основы той внешней политики, которую я настойчиво проводил в жизнь". Занятый такими мыслями, несмотря на сердечные приступы, он через два дня пригласил генерала фон Фрича и начальника генерального штаба генерала Бека обсудить, что можно предпринять, "чтобы заставить Гитлера отказаться от своих идей". На Бека речь фюрера, по словам полковника Хоссбаха, сообщившего о ней генералу, произвела впечатление ошеломляющее. Решили, что Фрич во время ближайшей встречи с фюрером доложит ему о нежелательности такой акции с военной точки зрения, а Нейрат будет говорить о том, какие опасные политические последствия она может повлечь. Что касается Бека, то он немедленно раскритиковал планы Гитлера на бумаге — впрочем, записей этих он никому не показал. Это было первым признаком прозрения, имевшего роковые последствия для уважаемого генерала, который вначале приветствовал приход нацизма, а после неудавшейся попытки покончить с ним расстался с жизнью.

Генерал фон Фрич и Гитлер встретились 9 ноября. Записи их беседы не сохранилось, но можно предположить, что главнокомандующий сухопутными войсками повторил свои доводы, направленные против планов Гитлера, и — ничего не добился. Гитлер не намеревался терпеть оппозицию со стороны своих генералов и министра иностранных дел. Он отказался принять Нейрата и отправился на длительный отдых в свою резиденцию в горах Берхтесгаден. Только в середине января потрясенный Нейрат смог добиться аудиенции у фюрера.

"Я постарался дать понять ему, — говорил Нейрат в Нюрнберге, — что его политика приведет к мировой войне и что я не желаю быть к этому причастным. Я обращал его внимание на угрозу возникновения войны и на серьезные возражения генералов... Когда, несмотря на мои доводы, он

остался при своем мнении, я заявил, что ему придется поискать себе другого министра иностранных дел... "

Именно этого и добивался Гитлер, хотя Нейрат о его намерениях не догадывался. Через две недели фюреру предстояло отметить пятую годовщину прихода к власти. Он намеревался ознаменовать это событие чисткой не только в министерстве иностранных дел, но и в армии. Втайне он не доверял этим цитаделям "реакционных высших классов", которые никогда полностью не принимали его, не понимали его идей. Бломберг, Фрич и Нейрат вечером 5 ноября показали, что они стоят на пути достижения его целей. Последним двум господам, как, впрочем, и услужливому Бломбергу, которому Гитлер был многим обязан, предстояло уйти в отставку вслед за доктором Шахтом, изворотливым финансистом, одним из первых поддержавшим Гитлера.

Шахт, как мы видели, не жалел энергии и умения для скорейшего перевооружения Германии. Будучи министром экономики, он любыми путями, даже используя печать, изыскивал средства для новой армии, флота и авиации. Он же оплачивал счета за оружие. Но существовал предел, переступив который государство становилось банкротом. По мнению Шахта, в 1936 году Германия подошла к этому пределу. Он предупредил об этом Гитлера, Геринга и Бломберга — все безрезультатно, хотя военный министр некоторое время был на его стороне. После назначения Геринга в сентябре 1936 года ответственным за четырехлетний план, ставящий целью, которую Шахт считал невыполнимой, в течение четырех лет сделать Германию экономически самостоятельным государством, шеф люфтваффе практически превратился в диктатора в области экономики. Шахт был человеком честолюбивым {Французский посол Франсуа-Понсе, хорошо его знавший, в своей книге "Роковые годы" писал, что одно время Шахт был полон надежд сменить президента Гинденбурга и даже Гитлера, "если дела у фюрера пойдут плохо". — Прим. авт. }, к тому же он прекрасно знал, насколько невежествен Геринг в экономике. Попав в столь невыгодное положение, Шахт после ряда ожесточенных стычек с Герингом попросил Гитлера передать бразды правления экономикой в руки соперника, а ему, Шахту, разрешить уйти в отставку. К его разочарованию, представители крупных деловых кругов, как он вспоминал впоследствии, "толпились в приемной Геринга в надежде получить заказы", в то время как он делал все возможное, чтобы голос разума был услышан.

Заставить кого-либо прислушаться к голосу разума в атмосфере нацистского безумия в Германии 1937 года было задачей невыполнимой. Шахт осознал это после очередных столкновений с Герингом в течение

лета, назвав неразумной валютную политику рейха, политику в области производства и финансов. В августе он отправился в Оберзальцберг, чтобы официально объявить Гитлеру о своей отставке. Фюрер противился его отставке, полагая, что это приведет к нежелательной реакции в стране и за рубежом, но министр был непреклонен, и Гитлер в конце концов согласился отпустить его через два месяца. 5 сентября Шахт ушел в отпуск, а 8 декабря его отставка была официально принята.

По настоянию Гитлера Шахт остался в кабинете как министр без портфеля и сохранил за собой пост президента Рейхсбанка. Таким образом, приличия были соблюдены, а удар, нанесенный общественности Германии и всего мира, был несколько смягчен. Влияние Шахта как тормоза на пути лихорадочной милитаризации Германии сошло на нет, но, оставаясь членом кабинета и руководя Рейхсбанком, он использовал свое имя и свою репутацию для оказания помощи Гитлеру. Очень скоро он с энтузиазмом публично поддержал первый акт неприкрытой агрессии фюрера, ибо, подобно генералам и другим консервативным силам, сыгравшим главную роль в приходе нацизма к власти, он очень медленно шел к пониманию истинного положения вещей.

Геринг был временно назначен министром экономики, а однажды вечером в середине января 1938 года Гитлер, встретив в опере Вальтера Функа, между делом объявил ему, что он станет преемником Шахта. Официальное назначение этого елейного, исполненного раболепия ничтожества, которое, как мы помним, сыграло известную роль в начале 30-х годов, сумев привлечь к Гитлеру внимание деловых кругов, все же состоялось. К этому времени в армии третьего рейха обозначился кризис, вызванный многими причинами, в том числе и проблемой сексуальных отношений — нормальных и ненормальных, что сыграло на руку Гитлеру, дав ему возможность обрушить удар на старую военную аристократию. От этого удара она так и не оправилась, что привело к страшным последствиям не только для армии, утратившей остатки своей независимости, которую она столь яростно защищала во времена империи Гогенцоллернов и Веймарской республики, но и для Германии и всего мира.

Падение фельдмаршала фон Бломберга

"Какое влияние может оказать женщина, даже не сознавая того, на историю страны, а следовательно, и всего мира! " — такую запись сделал 26 января 1938 года в своем дневнике полковник

Альфред Йодль. И далее: "Может показаться, что мы живем в роковое для немцев время".

Женщиной, которую имел в виду этот блестящий штабной офицер, была фрейлейн Эрна Грюн. Тогда, в конце 1937 года, она была последним человеком в Германии, который, по заявлению Йодля, мог ввергнуть немецкий народ в роковой кризис и оказать влияние на его историю. Наверное, только в той обстановке безумия, в которой жили правящие круги третьего рейха, подобное было возможно.

Фрейлейн Грюн была секретаршей Бломберга. К концу 1937 года генерал настолько потерял голову, что предложил ей выйти за него замуж. Его первая жена, дочь отставного армейского офицера, на которой он женился в 1904 году, скончалась еще в 1932 году. Пятеро его детей к тому времени были уже взрослыми (его младшая дочь в 1937 году вышла замуж за старшего сына генерала Кейтеля). Устав от вдовства, Бломберг решил, что настало время жениться еще раз. Понимая, что брак высшего военачальника германской армии с простой девушкой вызовет толки в чопорном офицерском корпусе, он обратился за советом к Герингу, и тот не нашел препятствий для этого брака — разве сам он не женился после смерти супруги на разведенной актрисе? В третьем рейхе нет места нелепым армейским предрассудкам. Геринг одобрил намерение Бломберга, более того, он вызвался уладить, если в том возникнет необходимость, это дело с Гитлером и, вообще, оказать фельдмаршалу всяческую помощь. Как выяснилось, его помощь оказалась совсем иной. Фельдмаршал признался, что в деле замешан соперник. Для Геринга это не составляло проблемы: соперника всегда можно было упрятать в концентрационный лагерь. Однако, вероятно, памятуя о старомодной морали фельдмаршала, Геринг все-таки предложил отправить соперника в Южную Америку, что и было сделано.

Тем не менее Бломберг чувствовал себя неуверенно. 15 декабря 1937 года Йодль сделал в своем дневнике любопытную запись: "Генерал-фельдмаршал очень взволнован. Причины неясны. Вероятно, что-то личное. Восьмые сутки он скрывается неизвестно где".

22 декабря Бломберг появился в Мюнхене, где должен был произнести речь на похоронах генерала Людендорфа в Фельдхерн-халле. Гитлер тоже там присутствовал, но говорить отказался, поскольку герой первой мировой войны, после того как фюрер сбежал во время "пивного путча", даже слышать о нем не хотел. После похорон Бломберг рассказал Гитлеру о своем намерении вступить в брак. К радости фельдмаршала, фюрер дал свое согласие.

Свадьба состоялась 12 января 1938 года, Гитлер и Геринг были свидетелями. Но едва молодая чета отбыла в свадебное путешествие в

Италию, как разразился скандал. Офицеры еще могли смириться с тем, что их фельдмаршал женился на своей стенографистке, однако они не желали смотреть сквозь пальцы на ее прошлое, которое начало открываться с самой неприглядной стороны.

Сначала поползли слухи. Потом высокомерным генералам начали названивать какие-то хихикающие девицы, вероятно из ночных клубов и кафе с сомнительной репутацией. Они поздравляли армию с тем, что "одна из их товарок попала в круг военной знати". В штабе полиции в Берлине полицейский инспектор, который проверял слухи, обнаружил досье, озаглавленное "Эрна Грюн". Охваченный ужасом, он отвез его начальнику полиции графу фон Хельдорфу.

Графа, выдавшего виды ветерана добровольческого корпуса и СА, охватил неменьший ужас. Из досье явствовало, что жена фельдмаршала и главнокомандующего прежде состояла на учете в полиции как проститутка и однажды была осуждена за позирование для порнографических открыток. Юная фельдмаршалша, как выяснилось, выросла в берлинском борделе, который содержала ее мать под вывеской массажного салона.

Прямым долгом Хельдорфа было незамедлительно передать разоблачающее досье своему руководству, шефу германской полиции Гиммлеру. Но, даже превратившись в ярого нациста, он остался верен армейским традициям, памятуя о том времени, когда сам был офицером. Он знал, что Гиммлер, не ладивший в последнее время с верховным командованием, которое в свою очередь видело в нем более страшную угрозу, чем в недавнем прошлом Рем, использует досье, чтобы шантажировать фельдмаршала и бороться против консервативных генералов. Вместо этого Хельдорф отнес документы полиции генералу Кейтелю. Он, вероятно, считал, что Кейтель, обязанный своей армейской карьерой Бломбергу, с которым состоял в родстве, устроит так, чтобы это дело разбирали офицерский суд, и предупредит своего начальника о грозящей опасности. Однако Кейтель, высокомерный, тщеславный и в то же время безвольный и недалекий, не имел ни малейшего желания рисковать собственной карьерой и вступать в конфликт с партией и СС. Вместо того чтобы передать документы командующему сухопутными войсками генералу фон Фричу, он вернул их Хельдорфу и посоветовал показать Герингу.

Трудно передать, как обрадовался Геринг, заполучив такие документы, ведь это означало, что Бломбергу придется уйти и тогда пост главнокомандующего достанется ему, Герингу. А он так давно поставил себе эту цель. Бломберг, прервав медовый месяц в Италии, вернулся в

Германию, чтобы похоронить мать. 20 января, не имея представления о том, какая каша вокруг него заварилась, он пришел в свой кабинет в военном министерстве и занялся делами.

Но заниматься ими долго ему не пришлось. 25 января Геринг представил взрывоопасный документ Гитлеру, который только что вернулся из Берхтесгадена. Фюрер пришел в бешенство — фельдмаршал обманул его! Он был свидетелем на свадьбе фельдмаршала, а теперь оказался в дурацком положении. Геринг быстро согласился с фюрером и вечером нанес Бломбергу визит и выложил все новости. Разоблачения прошлого его жены ошеломили фельдмаршала, и он готов был немедленно развестись с ней. Но Геринг вежливо пояснил, что этого недостаточно. Командование армии требовало отставки фельдмаршала. Как следует из дневниковой записи Йодля, сделанной двумя днями позднее, начальник генерального штаба генерал Бек сказал Кейтелю: "Непозволительно, когда главнокомандующий женится на проститутке". 25 января Йодль узнал от Кейтеля, что фюрер уволил фельдмаршала. Через два дня шестидесятилетний опальный военачальник покинул Берлин и отправился на Капри, чтобы завершить свой медовый месяц.

Следом за ним на идиллический остров прибыл его морской адъютант, что добавило еще один гротескный штрих к этой трагикомедии. Адмирал Редер, напутствуя лейтенанта фон Вангенхайма, распорядился потребовать от Бломберга развестись с женой во имя спасения чести офицерского корпуса. Молодой морской офицер, будучи самонадеянным и необычайно ревностным служакой, по прибытии на остров предстал перед фельдмаршалом и сразу вышел за рамки инструкции: вместо того чтобы предложить своему бывшему начальнику развод, он призвал его поступить в соответствии с кодексом чести и стал совать ему в руку револьвер. Несмотря на опалу, жизнь фельдмаршалу не опротивела — вероятно, он все еще был влюблен в жену, невзирая на ее прошлое. Он не принял предложенного ему оружия, заметив, что у них с молодым морским офицером "различные взгляды на жизнь", о чем немедленно написал Кейтелю.

В конце концов, фюрер ведь пообещал вернуть его на высокую должность, едва скандал уляжется. Согласно дневнику Йодля, Гитлер сказал Бломбергу при его увольнении: "Как только пробьет час Германии, вы опять будете рядом со мной и все, что было раньше, забудется". Действительно, Бломберг писал в своих неопубликованных мемуарах, что во время их последней встречи Гитлер неоднократно подчеркивал, что в случае войны его снова назначат верховным главнокомандующим

вооруженными силами.

Однако, как многие другие обещания Гитлера, оно осталось невыполненным. Имя фельдмаршала Бломберга оказалось навсегда вычеркнуто из армейских списков. Даже когда во время войны он предложил свои услуги, они не были приняты и он не был призван на службу ни в каком качестве. По возвращении в Германию Бломберг с женой поселился в небольшой баварской деревушке Бад-Висзе, где в полном забвении прожил до конца войны. Подобно бывшему английскому королю, он сохранил верность своей жене, явившейся причиной его падения. Умер он 13 марта 1946 года в нюрнбергской тюрьме, где, жалкий и измученный, ждал очереди, чтобы дать показания на суде.

Падение генерала Вернера фон Фрича

Барон Вернер фон Фрич, генерал-полковник, главнокомандующий сухопутными войсками, способный и нестигаемо стойкий офицер старой школы (типичный генштабист, по мнению адмирала Редера), считался самым вероятным преемником Бломберга на посту военного министра и главнокомандующего вооруженными силами. Но на этот пост, как нам известно, имел виды и сам Геринг. Полагали, что он, чтобы расчистить себе путь, намеренно толкнул Бломберга на брак с женщиной, чье сомнительное прошлое ему, Герингу, было хорошо известно. Даже если это правда, то сам Бломберг об этом не догадывался, так как во время своей последней встречи с Гитлером 27 января предложил назначить Геринга вместо себя. Гитлер, однако, знал своего старого товарища по партии лучше, чем кто-либо: Геринг, говорил он, слишком любит исполнять свои желания, кроме того, ему недостает прилежания и терпения. Но Гитлер не любил и генерала фон Фрича. Ему не понравились высказывания, сделанные им 5 ноября относительно его грандиозных планов, и он этого не забыл. Более того, фон Фрич никогда не скрывал своей неприязни к нацистам, особенно к СС. Это обстоятельство не ускользнуло от Гитлера, а у Генриха Гиммлера, шефа СС и полиции, всегда вызывало сильное желание устранить грозного конкурента, который стоял во главе армии {1 марта 1935 года, когда Германия захватила Саар, незадолго до начала парада в Саарбрюкене я стоял на трибуне рядом с Фричем. Меня он если и знал, то только как одного из американских корреспондентов в Берлине. И все же мне пришлось выслушать немало саркастических замечаний по поводу СС, нацистов и их главарей, начиная с Гитлера. Он не скрывал своего презрения к ним. — Прим. авт. }.

Теперь представился случай Гиммлеру. Вернее, он сам себе его создал, состряпав столь наглую клевету, что трудно было поверить, как такое

вообще могло произойти в 1938 году, хотя в СС и нацистской партии и ранее господствовали уголовные нравы. Трудно также поверить в то, что армия, имевшая все-таки свои традиции, смирилась с этим. Еще не утих скандал вокруг Бломберга, когда Гиммлер спровоцировал еще более грандиозный скандал, который потряс офицерский корпус до основания, решив тем самым его судьбу.

25 января Геринг показал Гитлеру полицейское досье на жену Бломберга. Но он припас еще один, более компрометирующий документ, кстати, представленный Гиммлером и его главным помощником Гейдрихом, шефом СД — секретной службы СС, в котором утверждалось, что генерал фон Фрич несет ответственность по статье 175, Уголовного кодекса Германии (склонение к гомосексуализму) и что начиная с 1935 года он платил шантажировавшему его бывшему заключенному, чтобы замять дело. Документы, представленные гестапо, казались настолько убедительными, что Гитлер готов был поверить в правдивость предъявленных Фричу обвинений. Бломберг не пытался его разубедить — свое негодование он излил на Фрича, вероятно, в отместку за реакцию армии на его женитьбу. Он лишь заметил, что Фрич не принадлежал к числу дамских угодников и, будучи старым холостяком, "вполне мог поддаться слабостям".

Полковник Хоссбах, адъютант фюрера, присутствовал при чтении гестаповского документа. Он был сражен услышанным и в нарушение приказа Гитлера ни о чем не говорить Фричу немедленно поехал на квартиру главнокомандующего сухопутными силами, чтобы сообщить о том, какие ему собираются предъявить обвинения и какая ему грозит беда {Это стоило Хоссбаху места, но не жизни, как опасались многие. Он вернулся в генеральный штаб, во время войны получил звание генерала. На Русском фронте он командовал 4-й армией, пока не был внезапно смещен фюреров по телефону 28 января 1945 года за то, что отвел войска вопреки его приказу. — Прим. авт. }. Неразговорчивый прусский аристократ был крайне изумлен. "Это грязная ложь! " — взорвался он, а немного успокоившись, дал офицеру честное слово, что эти обвинения не имеют под собой оснований. Ранним утром следующего дня Хоссбах, не задумываясь о последствиях, доложил Гитлеру о своем визите к генералу, о том, что тот категорически отверг предъявляемые ему обвинения. Он убеждал Гитлера принять Фрича, чтобы тот мог лично оправдаться перед фюрером.

К удивлению Хоссбаха, Гитлер согласился с его предложением и поздним вечером того же дня Фрич был вызван в рейхсканцелярию. Там

его ждало такое испытание, к которому он, будучи аристократом, офицером и джентльменом, был вряд ли готов. Встреча произошла в библиотеке канцелярии в присутствии Гиммлера и Геринга. После того как Гитлер перечислил Фричу предъявляемые ему обвинения, генерал дал честное слово офицера, что они ложны. Но в третьем рейхе такие заверения не имели силы. И вот Гиммлер, три года ждавший этого случая, провел через боковую дверь невзрачного маленького человечка дегенеративной наружности. Это был самый странный, если не самый отвратительный посетитель, когда-либо заходивший в здание рейхсканцелярии. Звали его Ханс Шмидт, и у него был длинный "послужной список" пребывания в тюрьмах, начиная с исправительного заведения для малолетних. Его слабостью, как выяснилось, было шпионить за гомосексуалистами, чтобы впоследствии шантажировать их. Теперь он во всеуслышание заявил, что узнает в генерале фон Фриче того армейского офицера, которого он застукал в темном переулке возле Потсдамского вокзала в Берлине в то время, когда тот совершал противоестественный акт с человеком, известным в преступном мире под кличкой Баварец Джо {Это имя приводится в книге Гизевиуса "До печального конца". — Прим, авт. }. Многие годы, уверял Шмидт трех могущественнейших людей Германии, этот офицер платил ему за его молчание. Платежи прекращались только тогда, когда шантажист в очередной раз попадал за решетку.

Генерал Фрич был настолько возмущен и оскорблен, что потерял дар речи. Сам факт, что глава германского государства, наследник Гинденбурга и Гогенцоллернов, пригласил такую темную личность в такое место для такой цели, сразил его. Молчание Фрича Гитлер расценил как подтверждение правдивости обвинения и стал настаивать на его отставке. Фрич не согласился с решением фюрера и потребовал офицерского суда чести, но в планы Гитлера не входило передавать это дело в руки военных, по крайней мере в тот момент. Это был ниспосланный небесами случай расправиться с оппозицией в генеральской среде, которая не желала преклоняться перед его, Гитлера, гением, и он не намерен был этот случай упускать. Там же, в рейхсканцелярии, он приказал Фричу отправляться в отпуск на неограниченный срок, что означало отстранение от поста главнокомандующего сухопутными войсками. На следующий день Гитлер обсуждал с Кейтелем кандидатуру преемника не только Бломберга, но и Фрича. В дневнике Йодля, для которого главным источником информации был Кейтель, появились записи, из которых можно заключить, что предстоит ряд перемещений не только среди армейского командования, но и в самой армии.

Отдадут ли генералы свою власть, не абсолютную власть, но ту, которую Гитлер еще не захватил, или нет? После тяжелейшего испытания, которому подвергся Фрич в библиотеке канцелярии, он вернулся в свой дом на Бендлерштрассе, где имел беседу с генералом Беком, начальником генерального штаба. Некоторые английские историки утверждают, что Бек убеждал Фрича немедленно организовать военный путч, но тот отклонил его предложение. Однако Вольфганг Ферстер, биограф Бека, имевший доступ к документам, утверждает, что в тот роковой вечер Бек встретился сначала с Гитлером, который указал ему на серьезность обвинения, потом с Фричем, который их отверг, а поздним вечером снова с Гитлером. Во время повторной встречи Бек потребовал от Гитлера, чтобы главнокомандующему сухопутными войсками была предоставлена возможность оправдаться перед военным судом чести. Из записей биографа Бека ясно, что последний не понимал в то время замыслов правителей третьего рейха, а когда понял, было поздно. Через несколько дней, когда уже были смещены со своих постов не только Бломберг и Фрич, но и еще шестнадцать высших генералов, а сорок четыре понижены в должности, Фрич и его сторонники, одним из которых был Бек, серьезно задумались о вооруженных контрмерах, однако быстро отказались от этой опасной затеи. "Этим людям было ясно, — указывает Ферстер, — что военный путч неминуемо приведет к гражданской войне, исход которой трудно предсказать". Немецкие генералы, как всегда, хотели удостовериться в успехе, прежде чем рисковать. Далее немецкий автор утверждает, что сторонники Фрича опасались, что им будут противостоять не только авиация Геринга и флот Редера — эти командующие были полностью преданы Гитлеру; они опасались, что не вся армия пойдет за своим свергнутым главнокомандующим.

Тем не менее у армии оставался шанс нанести удар Гитлеру. Предварительное расследование, проведенное представителями армии! совместно с министерством юстиции, показало, что Фрич был ни в чем не виновен, что он явился жертвой гестаповской провокации, подстроенной по указке Гимmlера и Гейдриха. Выяснилось, что уголовник Шмидт действительно застал в затененном месте возле Потсдамского вокзала армейского офицера за противоестественным актом, после чего успешно на протяжении многих лет его шантажировал. Но фамилия того офицера была Фриш, а не Фрич. Это был прикованный к постели отставной кавалерист, который в армейских списках значился как ротмистр фон Фриш, гестапо знало об этом, но арестовало Шмидта и, угрожая ему расправой, вынудило указать на главнокомандующего сухопутными войсками. Больной ротмистр

был также взят под стражу секретной полицией, чтобы не смог сделать никакого заявления. Однако и Шмидт, и Фриш были вырваны армией из цепких лап гестапо и содержались в тайном месте, дожидаясь своего часа, чтобы выступить в оправдание Фрича на военном суде.

Ветераны армейского командования ликовали. И не только потому, что их главнокомандующий будет оправдан и восстановлен в должности, но и потому, что будут разоблачены махинации СС и гестапо, возглавляемых этими беспринципными Гиммлером и Гейдрихом, захватившими такую большую власть в стране, и их вместе с СС постигнет такая же судьба, какая постигла Рема и СА четыре года назад. Это будет также ударом по партии и по Гитлеру. Это настолько сильно потрясет третий рейх, что Гитлер может не удержаться. Если он попытается скрыть правду, то армия, которой она известна, возьмет это дело в свои руки. Но в который раз, что за последние пять лет случалось нередко, бывший австрийский ефрейтор перехитрил генералов, ставших жертвами рокового стечения обстоятельств. Вождь нации в отличие от них знал, как распорядиться представившейся возможностью в своих интересах.

В последнюю неделю января 1938 года обстановка в Берлине по напряженности напоминала положение конца июня 1934 года. По столице опять поползли слухи. Гитлер по непонятным причинам отстранил двух высших военачальников. В генеральской среде начались волнения. Генералы замыслили военный переворот. До посла Франсуа-Понсе дошли слухи, что Фрич, пригласивший его 2 февраля на обед, а затем отменивший приглашение, арестован. Поговаривали, что армия планирует окружить рейхстаг 30 января, когда Гитлер будет там произносить речь по случаю пятилетия пребывания у власти, и арестовать нацистское правительство вместе с марионетками-депутатами. Правдоподобность этих слухов возросла, когда было объявлено, что заседание рейхстага откладывается на неопределенный срок. Немецкий диктатор определенно испытывал трудности. Наконец-то он встретил достойного соперника в лице германского генералитета. Так, вероятно, рассуждали генералы, но они ошибались.

4 февраля 1938 года состоялось заседание кабинета министров. Если Гитлер и столкнулся с трудностями, то он решил их таким образом, чтобы избавиться от неугодных ему людей не только в армии, но и в министерстве иностранных дел. В этот день он поспешно провел через кабинет декрет, который вскоре после полуночи был объявлен нации и всему миру. Декрет начинался словами:

"С этого момента я принимаю на себя командование над всеми видами

вооруженных сил".

Будучи главой государства, Гитлер и так был верховным главнокомандующим вооруженными силами, но, убрав Бломберга, он упразднил и военное министерство, главой которого также был злосчастный молодожен. Вместо военного министерства было создано верховное командование вермахта (ОКВ), ставшее известным всему миру в годы второй мировой войны. Под его началом находились армия, ВВС и ВМС. Гитлер стал верховным главнокомандующим, в числе его подчиненных находился человек, занимавший пост с длинным названием — начальник штаба верховного главнокомандования. Этот пост сразу же занял подхалим Кейтель, которому удалось удержаться на нем до конца.

Для того чтобы подсластить пилюлю Герингу, который не сомневался в том, что станет преемником Бломберга, Гитлер присвоил ему звание фельдмаршала, что поставило его в один ряд с высшими военными руководителями рейха и, очевидно, чрезвычайно обрадовало. Затем было объявлено, что Бломберг и Фрич ушли в отставку по состоянию здоровья. Таким образом Гитлер избавился от Фрича до того, как состоялся военный суд чести, который, как ему было известно, оправдал бы генерала. Это возмутило генералов, но сделать они ничего не могли, потому что их постигла такая же участь: шестнадцать из них, включая генералов фон Рундштедта, фон Лееба, фон Вицлебена, фон Клюге и фон Клейста, были отстранены от командования, сорок четыре других, чья преданность нацизму не внушала доверия, смещены со своих постов.

В качестве преемника Фрича на посту главнокомандующего сухопутными войсками Гитлер после некоторых колебаний утвердил Вальтера фон Браухича, который пользовался авторитетом среди генералов и который, как и Бломберг, оказался безвольным и уступал всякий раз, когда приходилось противостоять фюреру с его неустойчивым темпераментом. Несколько дней во время кризиса казалось, что секс сыграет с фон Браухичем ту же шутку, что с Бломбергом и Фричем. Дело в том, что в тот момент генерал фон Браухич собирался разводиться, что всегда осуждалось в среде; военной аристократии. Заинтересованный Йодль отметил это обстоятельство в своем дневнике. В воскресенье 30 января он записал, что Кейтель вызвал сына Браухича и предложил тому переговорить со своей матерью и добиться от нее согласия на развод. Через пару дней появилась запись о встрече Браухича и Кейтеля с Герингом "в целях обсуждения семейных проблем". Геринг, который к тому времени заделался арбитром в сексуальных делах генералов, обещал рассмотреть этот вопрос. В этот же день Йодль записал, что сын Браухича возвратился с

письмом от матери, написанным с чувством достоинства. Суть его сводилась к тому, что она не будет стоять на пути у мужа. Ни Гитлер, ни Геринг не высказали осуждения по поводу развода, который новый главнокомандующий получил через несколько месяцев после вступления в должность. Оба знали, что фрау Шарлотта Шмидт, на которой Браухич собирался жениться, была, по словам Ульриха фон Хасселя, "стоцентная наци". Свадьба состоялась осенью следующего года. Она еще раз показала — Йодль мог бы отметить в своем дневнике, — как женщина может влиять на ход истории {Как пишет Мильтон Шульман в книге "Поражение на Западе", Гитлер лично посетил первую фрау фон Браухич, чтобы убедить ее дать согласие на развод, а потом помог уладить ее финансовые дела. Таким образом, он оказал личную услугу главнокомандующему армией, чем ставил его в зависимость от себя. В качестве источника информации Шульман ссылается на канадскую военную разведку. — Прим. авт. }.

Домашняя чистка, устроенная Гитлером 4 февраля, коснулась не только генералов. Он убрал также Нейрата из министерства иностранных дел, заменив его недалеким и сговорчивым Риббентропом {Чтобы отвлечь внимание от военного кризиса и не уронить престиж Нейрата в стране и за рубежом, Гитлер по совету Геринга создал так называемый "тайный совет". Как явствовало из декрета фюрера от 4 февраля, совет преследовал цель "вырабатывать направление внешней политики". Президентом совета стал Нейрат. В его состав входили Кейтель, главнокомандующие трех видов вооруженных сил, видные члены кабинета и деятели партии. Пропагандистская машина Геббельса подняла вокруг этого шум, утверждая, что это большое повышение, что Нейрат возглавил "сверхкабинет". На самом деле "тайный совет" был чистой фикцией. Геринг в Нюрнберге говорил; "Я с уверенностью могу сказать, что такого совета не существовало. Но это красиво звучало, всем нравилось и потому имело значение. Я под присягой заявляю, что "тайный совет" ни разу не собирался даже на минуту". — Прим. авт. }. Ветераны дипломатической службы — Ульрих фон Хассель, посол в Риме, и Герберт фон Дирксен, посол в Токио, были отстранены от работы так же, как Папен в Вене. Слабовольного Функа формально назначили вместо Шахта на пост министра экономики.

На следующий день, 5 февраля, "Фелькишер беобахтер" вышла с кричащими заголовками: "КОНЦЕНТРАЦИЯ ВСЕЙ ПОЛНОТЫ ВЛАСТИ В РУКАХ ФЮРЕРА!" На этот раз ведущая ежедневная нацистская газета не преувеличивала.

4 февраля 1938 года является поворотным пунктом в истории третьего рейха, заметной вехой на пути к войне. Можно сказать, что в этот день завершилась "нацистская революция". Гитлер устранил последних противников на том пути, по которому давно хотел повести Германию, как только она будет достаточно хорошо вооружена. Бломберг, Фрич и Нейрат были поставлены на свои посты Гинденбургом и консерваторами старой школы, чтобы не допускать эксцессов нацизма. К ним присоединился и Шахт. Но в борьбе за власть в области внешней политики, экономики и милитаризации Германии им было трудно тягаться с Гитлером. Они не обладали ни моральной силой, ни достаточной проницательностью, чтобы противостоять ему, не говоря уже о том, чтобы одержать над ним верх, Шахт отошел от дел. Нейрат отступил. Бломберг подал в отставку под давлением своих же генералов. Фрич, ставший жертвой подлой провокации, безропотно подал в отставку. И шестнадцать высших генералов покорно ее приняли. Среди офицеров велись разговоры о военном путче, но это были только разговоры. Презрение Гитлера к прусской офицерской касте, которое он сохранил до самого конца, оказалось оправданным. Она смирилась с официально преданным забвению убийством генералов фон Шлейхера и фон Бредова. Она молча сносила травлю высших офицеров. Разве не полон Берлин молодых генералов, желающих занять их место, готовых служить ему? Где же хваленая солидарность армейских офицеров? Или это миф?

Все пять лет до 4 февраля 1938 года армия обладала реальной силой, чтобы сбросить Гитлера и покончить с третьим рейхом. Почему же она не сделала этого, когда 5 ноября 1937 года узнала, куда намерен повести ее и страну Гитлер? На этот вопрос ответил сам Фрич после своего падения. 18 декабря 1938 года он принимал бывшего посла фон Хасселя в своем поместье в Ахтерберге, недалеко от Золтау, которое армия передала в его распоряжение после его отставки. В своем дневнике фон Хассель обобщил его взгляды:

"Этот человек (Гитлер) послан Германии судьбой для добра и зла. Если он шагнет в пропасть, а Фрич полагает, что так оно и случится, то увлечет в нее всех нас. Мы ничего не можем поделать".

Сосредоточив в своих руках политическую, экономическую и военную власть, подчинив себе все вооруженные силы, Гитлер шагал по избранному им пути. Избавившись от Фрича, не дав ему возможности реабилитировать себя, фюрер с некоторым опозданием позволил созвать военный суд чести для слушания его дела. Председательствовал в суде фельдмаршал Геринг, рядом с ним сидели главнокомандующие сухопутными войсками и ВМС —

генерал фон Браухич и адмирал Редер, а также двое профессиональных судей из высшего военного трибунала.

Суд, на который не были допущены ни пресса, ни публика, начался в Берлине 10 марта 1938 года, но неожиданно заседание было прервано в первый же день. Накануне, поздно вечером, были получены новости из Вены, которые вызвали у фюрера один из припадков бешенства {Когда Папен через тридцать шесть часов после этих событий прибыл в берлинскую канцелярию, он застал Гитлера "на грани истерики" (Папен Ф. Воспоминания). — Прим. авт. }. Фельдмаршал Геринг и генерал фон Браухич срочно понадобились в другом месте.

Часть 11. Аншлюс: Насилие над Австрией

К концу 1937 года я переквалифицировался из газетного корреспондента в корреспондента радио и моя штаб-квартира переместилась из Берлина в Вену, с которой я познакомился десятью годами ранее, когда приехал туда молодым корреспондентом. Хотя в последующие три года большую часть времени я провел в Германии и мое новое задание — репортажи из континентальной Европы — дало мне возможность быть в курсе событий, происходящих в третьем рейхе, я подолгу жил в соседних странах, которым предстояло стать жертвами гитлеровской агрессии. Я бывал там перед агрессией и непосредственно во время ее. Я метался между Германией и страной, на которую в тот момент готов был обрушить свой гнев Гитлер, и собирал информацию из первых рук о событиях, описанных далее и приведших к величайшей и кровопролитнейшей из войн в истории человечества. Мы хоть и были их очевидцами, но удивительно мало знали о том, что происходило в действительности. Заговоры и махинации, предательство, роковые решения и моменты неуверенности, драматические встречи основных участников — все это происходило в обстановке секретности, все это было скрыто от любопытных глаз иностранных дипломатов, журналистов и шпионов. В течение многих лет об этих событиях знали лишь их непосредственные участники.

Нам пришлось ждать опубликования секретных документов и показаний уцелевших участников этой драмы, которые долгое время не могли ничего сказать, так как находились в нацистских концентрационных лагерях. Все, что излагается далее, основано на фактах, собранных в течение 1945 года. Конечно, при написании этой книги мне помогало то обстоятельство, что я находился в гуще событий. Случилось так, что я был в Вене и в памятную ночь на 12 марта 1938 года, когда Австрия перестала существовать как государство.

Почти месяц в прекрасной столице на Дунае, отстроенной в стиле барокко, жители которой более, чем жители какого-либо другого города, умели наслаждаться жизнью, царило беспокойство. Доктор Курт фон Шушниг, австрийский канцлер, позднее вспоминал о периоде с 12 февраля по 11 марта как о "четырёхнедельной агонии". С момента подписания 11 июля 1936 года австро-германского соглашения, в секретном дополнении к которому Шушниг пошел на большие уступки австрийским нацистам,

Франц фон Папен, специальный посол в Вене, неустанно содействовал подрыву независимости Австрии и ее поглощению Германией. В объемном докладе фюреру, составленном в конце 1936 года, он указывал о достигнутых в этом направлении успехах. Об этом же он сообщал в своем докладе годом позже, замечая, что "дальнейшие успехи в этом деле могут быть достигнуты только путем сильнейшего давления на федерального канцлера Шушнига". Этот совет, в котором вряд ли кто нуждался, был вскоре претворен в жизнь, причем настолько буквально, что даже Папен не мог этого предположить.

В течение 1937 года австрийские нацисты, подстрекаемые и финансируемые из Берлина, усилили кампанию террора в стране. Почти каждый день рвались бомбы, в горных районах многочисленные и часто буйные нацистские демонстрации ослабляли положение правительства. Были раскрыты заговоры, ставящие целью свержение Шушнига. Наконец 25 января 1938 года австрийская полиция произвела обыск в штаб-квартире так называемого "комитета семи", который официально занимался выработкой условий перемирия между нацистами и австрийским правительством, а на самом деле являлся центром нацистского подполья. Там были найдены документы, подписанные Рудольфом Гессом, заместителем фюрера, из которых становилось ясно, что австрийские нацисты весной должны поднять восстание, а когда Шушниг попытается его подавить, германская армия войдет на территорию Австрии, чтобы "немцы не проливали немецкую кровь". По словам Папена, там был и документ, в котором планировалось его убийство (или военного атташе генерал-лейтенанта Муффа) местными нацистами, чтобы создать повод для германской интервенции.

Если жизнерадостный Папен не пришел в восторг, узнав, что приказом из Берлина он был во второй раз намечен в качестве жертвы нацистских головорезов, то телефонный звонок, раздавшийся в дипломатической миссии 4 февраля, окончательно его расстроил. Звонил из берлинской канцелярии статс-секретарь Ганс Ламмерс, который уведомил Папена, что его специальная миссия в Вене закончилась. Он был уволен, как Нейрат, Фрич и некоторые другие.

"Я был поражен и чуть не лишился дара речи", — вспоминал позднее Папен. Оправившись после такой новости, он решил, что Гитлер, вероятно, намерен принять более серьезные меры против Австрии, избавившись от Нейрата, Бломберга и Фрича. На самом деле Папен настолько свыкся с создавшейся ситуацией, что решил сделать нечто "нетипичное для дипломата" — так он сам выразился. Он вознамерился спрятать копии

своей переписки с Гитлером в "надежном месте" — таким местом оказалась Швейцария. "Мне были слишком хорошо известны все клеветнические кампании третьего рейха", — говорил он. Как мы видели, это чуть было не стоило ему жизни в июне 1934 года.

Увольнение Папена явилось одновременно и предупреждением Шушнигу. Шушниг не доверял бывшему кавалеристу, но быстро понял, что у Гитлера на уме нечто похуже, чем навязать ему общество лукавого посла, который по крайней мере был ревностным католиком, как сам канцлер, и джентльменом. В последние месяцы европейская дипломатия не баловала Австрию. После образования оси Берлин — Рим Муссолини сблизился с Гитлером и не проявлял прежней заинтересованности в независимости маленькой страны, как после убийства Дольфуса, когда он послал на Бреннерский перевал четыре свои дивизии, чтобы напугать фюрера. Ни Англия, проводившая под руководством Чемберлена политику умиротворения Гитлера, ни Франция, пораженная глубоким внутренним политическим кризисом, не выражали желания защищать Австрию в случае нападения на нее Гитлера. Теперь вместе с Папеном ушли с арены и консервативные начальники германской армии и министерства иностранных дел, которые прежде являлись силой, сдерживавшей непомерные амбиции Гитлера. Шушниг не отличался широтой мышления, но считался человеком довольно неглупым. Кроме того, он был достаточно хорошо информирован и не питал иллюзий относительно собственного все ухудшающегося положения. Он понял, что настало время — как после убийства Дольфуса — политики умиротворения немецкого диктатора.

Папен, хоть и изгнанный со службы, предложил свой вариант. Будучи человеком, всегда готовым примириться с пощечиной от вышестоящего начальника, он на следующий после увольнения день поспешил к Гитлеру, "чтобы выяснить, что же происходит". 5 февраля он застал фюрера в Берхтесгадене "рассеянным и измученным" после борьбы с генералами. Но Гитлер обладал способностью быстро восстанавливать силы, и разжалованный посол попытался заинтересовать его идеей, которую уже предлагал две недели назад во время их встречи в Берлине: почему бы не уладить это дело с самим Шушнигом? Почему бы не пригласить его в Берхтесгаден для личной беседы? Гитлера эта идея заинтересовала. Забыв о том, что только что сам выгнал Папена со службы, он велел ему возвращаться в Вену и организовать встречу.

Шушниг быстро согласился на встречу, но, несмотря на то что находился в невыгодном положении, выдвинул ряд условий. Он должен заранее знать, какие вопросы хочет обсудить Гитлер, и ему должны быть

даны гарантии, что соглашение от 11 июля 1936 года, по которому Германия обязалась уважать независимость Австрии и не вмешиваться в ее внутренние дела, останется в силе. Более того, после встречи должно быть подписано совместное коммюнике, в котором обе стороны выразят готовность соблюдать соглашение 1936 года. Шушниг не имел ни малейшего намерения лезть в логово зверя. Папен поспешил в Оберзальцберг посоветоваться с Гитлером и вернулся оттуда с заверениями фюрера, что соглашение 1936 года останется неизменным и что он просто хочет обсудить "недоразумения и трения", возникшие после его подписания. Это было не совсем то, чего хотел австрийский канцлер, но он заявил, что доволен ответом. Встреча была назначена на утро 12 февраля {Четыре года назад в этот день правительство Дольфуса, в состав которого входил и Шушниг, устроило бойню австрийских социал-демократов. 12 февраля 1934 года 17 тысяч правительственных солдат и боевиков из фашистской милиции подвергли артиллерийскому обстрелу рабочие кварталы Вены. При этом было убито около тысячи мужчин, женщин и детей и около четырех тысяч ранено. С демократическими свободами в Австрии было покончено. Последовавшее за этим правление Дольфуса, а потом и Шушнига было клерикально-фашистской диктатурой. Она, конечно, была менее жестокой, чем диктатура нацистского варианта, и те, кто работал тогда в Берлине и Вене, могут это подтвердить. Тем не менее у народа Австрии отняли политическую свободу, на него обрушились репрессии, каких он не знал даже при Габсбургах. — Прим. авт. }.

Вечером 11 февраля Шушниг и сопровождавший его заместитель министра иностранных дел Гвидо Шмидт отправились в специальном поезде в обстановке повышенной секретности в Зальцбург, откуда им на следующее утро предстояло выехать на автомобиле в горную резиденцию Гитлера. Этому путешествию суждено было стать роковым.

Встреча в Берхтесгадене: 12 февраля 1938 года

Папен приехал на границу, чтобы приветствовать гостей из Австрии, и был в то морозное утро, как показалось Шушнигу, в прекрасном настроении. Он заверил австрийских гостей, что и Гитлер великолепно настроен. И тут последовало первое предупреждение. Папен добродушно сообщил: Гитлер надеется, что доктор Шушниг не будет возражать против присутствия в Бергхофе трех генералов, оказавшихся там совершенно случайно, — Кейтеля, нового начальника штаба ОКВ, Рейхенау, командовавшего войсками на баварско-австрийской границе, и Шперле, командовавшего ВВС в этом же районе.

Папен позднее вспоминал, что гостям "такая новость не понравилась".

Шушниг ответил послу, что не возражает, так как "выбора все равно нет", однако, будучи воспитанником иезуитов, насторожился. Но то, что последовало дальше, все равно ошеломило его.

Гитлер, в коричневой рубашке штурмовика и черных брюках, встретил австрийского канцлера и его помощника возле входа. Слова приветствия показались Шушнигу чересчур официальными. Через несколько минут он остался наедине с Гитлером в просторном кабинете на втором этаже. За окнами разворачивалась величественная панорама: Альпы в снежных шапках и Австрия — родина обоих собеседников.

Курту фон Шушнигу исполнилось сорок один год. Все, кто знал его, согласятся, что это был человек с безупречными манерами австрийского аристократа, поэтому неудивительно, что разговор он начал с красивых слов о великолепном виде из окна, отменной погоде, сказал несколько лестных слов о кабинете, который, несомненно, был свидетелем многих встреч, оказавших огромное влияние на развитие событий. Гитлер перебил его: "Мы встретились здесь не для того, чтобы обсуждать вид из окна или беседовать о погоде". И тут разразилась буря. Как вспоминал позднее австрийский канцлер, последовавший затем двухчасовой разговор походил в некотором роде на монолог" {Позднее доктор Шушниг записал по памяти в своих мемуарах то, что он назвал "важными отрывками" разговора. И хотя это не дословная запись, всякий, кто слышал или изучал нескончаемые высказывания Гитлера, поймет, что звучит это вполне правдоподобно. Ее правдивость подтверждают не только дальнейший ход событий, но и те, кто присутствовал в тот день в Бергхофе, в частности Папен, Йодль и Гвидо Шмидт. Я взял этот отчет Шушнига из его книги "Реквием по Австрии" и письменных показаний в Нюрнберге. — Прим. авт. }.

"Вы сделали все, чтобы не проводить дружественную политику, — кипел Гитлер. — Вся история Австрии — это непрекращающаяся государственная измена. Так было в прошлом, и сейчас не лучше. Этому историческому парадоксу пора положить конец. И я могу сказать вам прямо сейчас, герр Шушниг, что твердо намерен положить этому конец. Германский рейх — одна из великих держав, и никто не повысит голоса, если она решит свои пограничные проблемы".

Шокированный вспышкой Гитлера, обходительный австрийский канцлер старался казаться спокойным, но отстаивал свою точку зрения. Он заметил, что имеет несколько иной, чем у хозяина, взгляд на роль Австрии в германской истории. "Вклад Австрии в этом отношении, — настаивал он, — весьма велик".

Гитлер: Ноль. Я говорю вам, абсолютный ноль! На протяжении всей

истории Австрия саботировала любую национальную идею.

Габсбурги и католическая церковь только тем и занимались, что саботировали {Совершенно очевидно, что превратное представление Гитлера об австро-германской истории, полученное, как мы убедились в предыдущих главах, в юности во время пребывания в Линце и Вене, не изменилось. — Прим. авт. }.

Шушниг: Все равно, герр рейхсканцлер, вклад Австрии нельзя отделить от общей картины германской культуры. Возьмите, например, Бетховена...

Гитлер: Ах, Бетховена? Позвольте вам заметить, что Бетховен родился в низовьях Рейна.

Шушниг: Но жить он пожелал в Австрии, как и многие другие...

Гитлер: Очень может быть. Но я еще раз повторяю, что так больше продолжаться не может. На меня возложена историческая миссия, и я эту миссию выполню, потому что судьба избрала для этой цели именно меня... Кто не со мной, тот будет уничтожен... Я направил Германию по самому трудному за всю ее историю пути; я добился того, чего не добивался никакой другой немец. И не с помощью силы, позвольте вам заметить. Меня питает любовь моего народа...

Шушниг: Герр рейхсканцлер, я охотно верю этому. После часового разговора Шушниг попросил своего противника изложить жалобы. "Мы сделаем все, — сказал он, — чтобы устранить препятствия, стоящие на пути взаимопонимания, насколько это возможно".

Гитлер: Это вы так говорите, герр Шушниг. Но я вам говорю, что намерен решить так называемый австрийский вопрос тем или иным способом.

Потом он пустился в пространные рассуждения, обвиняя Австрию в том, что она укрепляет границу с Германией. Это обвинение Шушниг отверг.

Гитлер: Послушайте, неужели вы думаете, что можете передвинуть камень в Австрии, чтобы я не узнал об этом уже на следующий день? ... Мне достаточно приказать, и вся ваша нелепая система обороны в одну ночь разлетится на мелкие кусочки. Вы же не думаете, что сможете задержать меня хотя бы на полчаса, верно?.. Мне бы очень хотелось уберечь Австрию от этого, потому что такая мера приведет к кровопролитию. Вслед за армией двинутся отряды СА и австрийский легион. И никто не сможет остановить их справедливого гнева, даже я!

После этих угроз Гитлер грубо напомнил Шушнигу, называя его по фамилии, не упоминая его ранга, как того требует дипломатический этикет,

об изоляции Австрии и, следовательно, ее беспомощности.

Гитлер: И не думайте, что кто-нибудь сможет помешать мне. Италия? У меня полное взаимопонимание с Муссолини... Англия? Англия и пальцем не пошевелинет ради Австрии... Франция?

Он заметил, что Франция могла бы остановить Германию в Рейнской области, и тогда ей "пришлось бы отступить. А теперь поздно".

И наконец Гитлер заявил: "Я даю вам еще одну возможность, последнюю, прийти к соглашению, герр Шушниг. Или мы с вами находим решение, или события будут развиваться своим чередом. Подумайте, герр Шушниг, хорошенько подумайте. Я могу ждать только до сегодняшнего вечера..."

Шушниг поинтересовался, какие конкретные условия ставит германский канцлер.

"Мы можем обсудить их после полудня", — сказал Гитлер.

Во время обеда Гитлер, что с удивлением отметил Шушниг, пребывал в отличном настроении. Он говорил о лошадях и домах. Он собирался строить самые высокие в мире небоскребы. "Американцы увидят, — говорил он Шушнигу, — что в Германии дома строят выше и лучше, чем в Соединенных Штатах". Что касается измотанного австрийского канцлера, то он, как заметил Папен, "был взволнован и озабочен". Шушниг слыл заядлым курильщиком, но в присутствии Гитлера курить ему не разрешили. Правда, после кофе, когда все перешли в соседнюю комнату, Гитлер извинился и вышел, и Шушнигу удалось покурить. Тогда же у него появилась возможность сообщить заместителю министра иностранных дел Гвидо Шмидту о плохих новостях. Однако вскоре положение еще больше ухудшилось.

После того как австрийцы прождали два часа в небольшой приемной, их провели в комнату, в которой находились Риббентроп, новый немецкий министр иностранных дел, и Папен. Риббентроп протянул им два машинописных листка проекта "соглашения" и добавил, что это окончательные требования Гитлера и обсуждать их он не намерен. Австрийцы просто должны их подписать. Шушниг вспоминал, что почувствовал облегчение, получив наконец-то от Гитлера нечто определенное. Но стоило ему прочесть документ, как облегчение испарилось. Фактически это был немецкий ультиматум Австрии, согласно которому от Шушнига требовали передать власть нацистам в течение одной недели.

В ультиматуме содержались также требования снять запрет на австрийскую нацистскую партию, амнистировать нацистов, находившихся

в тюрьме, пронацистского венского адвоката доктора Зейсс-Инкварта сделать министром внутренних дел, причем в его ведении должны были находиться полиция и служба безопасности. Для другого нациста — Глайзе-Хорстенау предназначался пост военного министра. Германская и австрийская армии должны были установить более тесные связи, для чего намечался ряд мер, в том числе обмен офицерами в количестве ста человек. "Будет проведена подготовка, — гласило последнее требование, — включения Австрии в экономическую систему Германии. Для этого доктор Фишбек (тоже нацист) будет назначен на пост министра финансов".

Шушниг вспоминал позднее, что сразу понял: подпиши он такой ультиматум, это будет означать конец независимости Австрии.

"Риббентроп советовал мне принять требования сразу. Я возражал и ссылаясь на предшествующие соглашения, подписанные с фон Папеном перед приездом в Берхтесгаден. Я дал понять Риббентропу, что не ожидал таких необоснованных требований..."

Но был ли Шушниг готов принять их? Что он не одобрял их — было понятно всем, даже Риббентропу. Вопрос заключался в том, подпишет ли он их. И в этот решающий момент молодой австрийский канцлер дрогнул. Он робко осведомился, может ли рассчитывать на добрую волю со стороны Германии — иными словами, намерено ли правительство рейха соблюдать условия соглашения. Он уверяет, что получил "утвердительный" ответ.

Потом его принялся обрабатывать Папен. Изворотливый посол выразил "удивление", прочитав ультиматум: "Это же незаконное посягательство на суверенитет Австрии!" Шушниг вспоминает, что Папен долго извинялся и выражал недоумение по поводу условий ультиматума, и тем не менее он посоветовал австрийскому канцлеру принять условия фюрера.

"Потом он стал убеждать меня, что я могу быть уверен в том, что если соглашусь на эти условия, то Гитлер позаботится, чтобы

Германия соблюдала условия договора, а у Австрии в дальнейшем не возникало никаких трудностей".

Шушниг, как следует из его заявлений, в том числе сделанных письменно в Нюрнберге, стал поддаваться, пав жертвой собственной наивности.

У него оставался последний шанс. Его снова позвали к Гитлеру. Когда Шушниг вошел, фюрер ходил взад-вперед по кабинету.

Гитлер: Герр Шушниг... вот проект документа. Обсуждать тут нечего. Я не отступлю от своих требований ни на йоту. Или вы подпишете его и выполните мои требования в течение трех дней, или я отдаю приказ

войскам вступить на территорию Австрии.

Шушниг сдался. Он заявил Гитлеру, что готов подписать документ, но напомнил, что по австрийской конституции только президент республики имеет право подписывать такой документ и отвечать за соблюдение условий. Он, конечно, постарается убедить президента принять условия фюрера, но гарантировать ничего не может.

"Вы должны гарантировать это! " — закричал Гитлер.

"Но как же я могу, герр рейхсканцлер? " — именно так, по утверждению Шушнига, он ответил.

Услышав его ответ, Гитлер, по словам Шушнига, казалось, потерял контроль над собой. Он подбежал к двери, открыл ее и громко крикнул: "Генерала Кейтеля! " Потом повернулся к австрийскому канцлеру и сказал: "Вас позовут позже".

Это был чистый блеф, но встревоженный австрийский канцлер, видя вокруг себя столько генералов, мог этого и не знать. Папен пишет, что Кейтель позднее рассказал ему, как Гитлер встретил его широкой улыбкой, а когда он спросил, какие будут приказы, ответил: "Никаких. Просто я хочу, чтобы вы были здесь".

Но на Шушнига и доктора Шмидта, ожидавших в приемной, это произвело впечатление. Шмидт, прошептал, что он не удивится, если их через пять минут арестуют. Через полчаса Шушнига снова проводили к Гитлеру.

"Я решил изменить свое решение — впервые в жизни, — сказал Гитлер. — Но предупреждаю вас, что это ваш последний шанс. Даю вам еще три дня на выполнение условий соглашения".

Германский диктатор пошел на уступки. Формулировки в окончательном варианте соглашения были немного сглажены, но суть условий, как показал в дальнейшем Шушниг, почти не изменилась. Шушниг подписал соглашение, что явилось смертным приговором для Австрии.

Поведение людей, на которых оказывается сильное давление, зависит от их характера и часто непредсказуемо. То, что Шушниг, ветеран политической арены, несмотря на свой относительно молодой возраст, видевший убийство своего предшественника нацистами, был человеком смелым, вряд ли кто возьмется оспаривать, однако его капитуляция перед Гитлером 11 февраля 1938 года под угрозой военного нападения на страну посеяла сомнение в душах его соотечественников и тех, кто наблюдал за тем, как разворачивались события в тот мрачный период, в том числе и историков. Была ли капитуляция неизбежна? Существовала ли

альтернатива? Только сгоряча можно утверждать, что Англия и Франция согласились бы прийти на помощь Австрии, напади на нее тогда Гитлер, особенно если вспомнить, как они реагировали на последующие акты его агрессии. Но Гитлер до сих пор не пересекал границ Германии, он не подготовил ни немцев, ни весь мир к возможности открытой агрессии. Германская армия была не настолько отмобилизована, чтобы вести войну против Франции и Англии в случае их вмешательства. Через несколько недель в результате берхтесгаденского соглашения Австрия уже будет приведена собственными нацистами и махинациями Гитлера в такое состояние, что он с гораздо меньшим, чем 11 февраля, риском сможет захватить страну, не вызывая при этом вмешательства других государств. Сам Шушниг позднее вспоминал, что именно тогда он понял: принятие условий Гитлера означало "полную потерю австрийским правительством своей независимости".

Может, тяжелое испытание сломило его. После того как он буквально под дулом пистолета поставил свою подпись под соглашением, лишив тем самым свою страну независимости, он имел странный разговор с Гитлером, который позднее изложил в своей книге. "Полагает ли герр рейхсканцлер, — спросил Шушниг, — что различные кризисы в современном мире возможно разрешить мирным путем? " На это фюрер глупо ответил, что да, и добавил: "Если следовать моим советам". И тут Шушниг сказал без малейшего сарказма: "Вы не считаете, что в настоящий момент положение в мире обнадеживающее? "

Подобный вопрос в тот момент кажется невероятным, но именно это произнес поверженный австрийский канцлер. Однако у Гитлера было припасено еще одно унижение, через которое должен был пройти Шушниг. Когда он предложил вставить в газетный репортаж мысль о том, что во время встречи было подтверждено желание 1 соблюдать договор от июля 1936 года, Гитлер воскликнул: "О нет! Сначала вы должны выполнить условия нашего соглашения. А пресса напишет вот что: "Сегодня фюрер и рейхсканцлер встретился в Бергхофе с австрийским канцлером. " И все".

Отклонив приглашение Гитлера остаться на обед, Шушниг и Шмидт поехали по горной дороге обратно в Зальцбург. Вечер был тусклый и мглистый. Вездесущий Папен провожал их до границы. Атмосфера была напряженной. Папен вспоминает о "гнетущей тишине". Он не мог удержаться от того, чтобы не подбодрить австрийских друзей:

"Ну что вы! Вы же видели, каким иногда бывает фюрер, хотя через минуту он может быть совершенно другим. А иногда, знаете, ли, он просто очарователен! " {Версия Папена несколько отличается от версии Шушнига,

но последняя звучит правдоподобнее. — Прим. авт. }

Четырехнедельная агония: 12 февраля-11 марта 1938 года

Гитлер дал Шушнигу четыре дня — до вторника 15 февраля, в течение которых последний обязан был дать "ответ", гласящий, что ультиматум принят, и еще три дополнительных дня — до 18 февраля, чтобы выполнить требования ультиматума. Шушниг вернулся в Вену утром 12 февраля и немедленно встретился с президентом Микласом. Вильгельм Миклас был посредственным политическим деятелем, про которого венцы говорили, что его главное достижение в жизни — многочисленное потомство. Но была в нем некая крестьянская твердость, и теперь, в кризисной ситуации, ему, прослужившему пятьдесят два года на государственных постах, требовалось больше мужества, чем любому другому австрийцу. Он был готов пойти на уступки Гитлеру, например объявить амнистию нацистам, сидящим в тюрьмах, но что касается назначения Зейсс-Инкварт начальником над полицией и армией, то он выступал против. Обо всем этом Папен поспешно доложил в Берлин вечером 14 февраля. Он сообщил, что Шушниг надеется "сломить сопротивление президента к завтрашнему утру".

В тот же вечер, в 19. 30, Гитлер одобрил составленный Кейтелем приказ о военном нажиме на Австрию.

"Распространите правдоподобные слухи, из которых можно было бы сделать вывод, что готовится военное вторжение в Австрию",

И в самом деле, как только Шушниг покинул Берхтесгаден, фюрер начал имитировать военные приготовления, чтобы австрийский канцлер поступил так, как ему было ведено. Йодль отразил все это в своем дневнике:

"13 февраля. Во второй половине дня генерал Кейтель просит адмирала Канариса {Вильгельм Канарис возглавлял военную разведку и контрразведку (абвер) ОКВ. — Прим. авт. } и меня прибыть к нему на квартиру. Он сообщает нам, что фюрер приказал продолжать военный нажим на Австрию путем ложных приготовлений к вторжению до 15-го числа. Составлять планы таких операций и передавать фюреру по телефону для рассмотрения.

14 февраля. Эффект получился быстрый и весьма ощутимый. В Австрии создалось мнение, что Германия серьезно готовится к военным действиям".

Генерал Йодль не преувеличивал. Перед угрозой вооруженного вторжения президент Миклас дрогнул. В последний день отсрочки — 15 февраля — Шушниг официально уведомил посла Папена, что требования

берхтесгаденского соглашения будут выполнены до 18 февраля. 16 февраля австрийское правительство объявило всеобщую амнистию нацистам, в том числе и тем, кто участвовал в убийстве Дольфуса, и опубликовало список нового кабинета, в котором Артур Зейсс-Инкварт значился министром государственной безопасности. На следующий же день этот нацистский ставленник поспешил в Берлин к Гитлеру за приказами.

Зейсс-Инкварт, первый предатель, был умным, хорошо воспитанным венским адвокатом. С 1918 года он был одержим желанием видеть Австрию в составе Германии. В первые годы после войны эта идея пользовалась популярностью. 12 ноября 1918 года, на следующий после перемирия день, Временное Национальное собрание в Вене, только что сбросившее монархию Габсбургов и провозгласившее Австрийскую республику, хотело произвести аншлюс, утверждая, будто немецкая Австрия является частью Германской республики. Победители-союзники не допустили этого, а к 1933 году, когда Гитлер пришел к власти, не оставалось сомнений, что большинство австрийцев настроены против присоединения их маленькой страны к нацистской Германии. Но Зейсс-Инкварт, как следует из его показаний на суде в Нюрнберге, поддерживал нацистов, потому что они твердо стояли за аншлюс. Он не вступал в партию, не принимал участия в скандальных выступлениях нацистов, являясь, так сказать, респектабельным представителем австрийских нацистов. После заключения соглашения в июле 1936 года он был назначен государственным советником и сосредоточил свои усилия, поддержанные Папеном и другими немецкими официальными лицами, на размывании границ изнутри. Странно, но Шушниг и Миклас, казалось, верили ему почти до самого конца. Позднее Миклас, как и Шушниг, ревностный католик, сознался, что его приятно удивило, что Зейсс-Инкварт был "прилежным прихожанином". Приверженность католической вере и тот факт, что Зейсс-Инкварт, как и Шушниг, служил во время войны в тирольском императорском полку, где был тяжело ранен, явились основой доверия, которое испытывал австрийский канцлер к этому человеку. Шушниг, к сожалению, никогда не был способен оценить человека с более серьезных позиций. Вероятно, он полагал, что сможет держать нового нацистского министра в руках посредством обыкновенных подачек. В своей книге он указывает, какое магическое воздействие произвела на Зейсс-Инкарта сумма в пятьсот американских долларов, предложенная ему за год до описываемых событий, когда он грозился покинуть пост государственного советника. Получив эту ничтожную сумму, он передумал. Но Гитлер смог предложить молодому тщеславному адвокату больше, в

чем Шушниг скоро убедился.

20 февраля Гитлер наконец произнес в рейхстаге речь, которой от него ждали с 30 января, но она все откладывалась — то в связи с делом Бломберга — Фрича, то из-за его собственных маневров против Австрии. Гитлер, хотя и говорил очень тепло о "понимании" Шушнига и своем "сердечном желании" добиться большего взаимопонимания между Австрией и Германией — такое откровенное лицемерие произвело впечатление на премьер-министра Чемберлена, — вместе с тем обронил предупреждение, на которое не обратил внимания Лондон, но которое хорошо расслышали в Вене и Праге.

"Более десяти миллионов немцев живут в двух государствах, расположенных возле наших границ... Не может быть сомнений, что политическое отделение от рейха не должно привести к лишению их прав, точнее, основного права — на самоопределение. Для мировой державы нестерпимо сознавать, что братья по расе, поддерживающие ее, подвергаются жесточайшим преследованиям и мучениям за свое стремление быть вместе с нацией, разделить ее судьбу. В интересы германского рейха входит защита этих немцев, которые живут вдоль наших границ, но не могут самостоятельно отстаивать свою политическую и духовную свободу".

Так было откровенно заявлено, что отныне третий рейх считает себя вправе определять будущее семи миллионов австрийцев и трех миллионов судетских немцев, проживавших в Чехословакии.

Шушниг ответил Гитлеру через четыре дня — 24 февраля. В этот день он произнес речь в австрийском бундестаге, депутаты которого, как и депутаты германского рейхстага, были тщательно подобраны однопартийным диктаторским режимом. Он хоть и занимал по отношению к Германии примиренческую позицию, но подчеркнул, что Австрия в своих уступках дошла до предела и что пора остановиться и сказать: "Все! Хватит! " Австрия, отметил он, никогда не отдаст добровольно своей независимости. Речь он закончил пламенным призывом в рифму (по-немецки): "Красный, белый, красный! Так будет, пока мы живы! "

"День 24 февраля, — писал Шушниг после войны, — стал для меня решающим". Он с волнением ждал реакции Гитлера на свое дерзкое выступление. Папен на следующий день телеграфировал в Берлин, в министерство иностранных дел, что не следует воспринимать речь канцлера всерьез. По его мнению, Шушниг выразил свои достаточно сильные националистические настроения, чтобы укрепить собственное положение внутри страны, — в Вене были раскрыты заговоры, имеющие

целью сбросить его из-за уступок, сделанных им в Берхтесгадене. В то же время Папен сообщал в Берлин, что "работа Зейсс-Инкварта... идет по плану". Назавтра Папен нанес прощальный визит австрийскому канцлеру и уехал в Киц-бюэль кататься на лыжах. Его продолжительная, скрытая от посторонних глаз деятельность в Австрии вот-вот должна была принести плоды.

Речь Гитлера, произнесенная 20 февраля, передавалась по Австрийскому радио. Вслед за тем по стране прокатилась волна нацистских демонстраций. 24 февраля во время трансляции ответной речи Шушнига озверевшая двадцатитысячная толпа нацистов в Граце ворвалась на городскую площадь, сбита громкоговорители, сорвала австрийские флаги и водрузила немецкий флаг со свастикой. Полицией командовал лично Зейсс-Инкварт, так что попыток остановить разбушевавшихся нацистов не предпринималось. Правительство Шушнига разваливалось. Хаос царил не только в политике, но и в экономике. Вкладчики стали изымать вклады из банков, причем не только иностранцы, но и сами австрийцы. В Вену все чаще поступали отмены заказов. Приток иностранных туристов, приносивших немалый доход австрийской казне, сократился. Тосканини прислал из Нью-Йорка телеграмму, в которой сообщал, что не приедет на фестиваль в Зальцбурге, обычно привлекавший тысячи туристов, "ввиду политических событий". Ситуация в Австрии становилась настолько безнадежной, что Отто Габсбург — молодой претендент на престол, проживавший в Бельгии, прислал Шушнигу письмо. Позднее канцлер вспоминал, что принц умолял его как бывшего офицера императорской армии остаться верным присяге и назначить канцлером его, принца, если такой шаг смог бы спасти Австрию.

В отчаянии Шушниг обратил свой взор в сторону австрийских рабочих. После жестоких репрессий, предпринятых Дольфусом против рабочих в 1934 году, их профсоюзы и политическая партия (социал-демократическая) подвергались гонениям, в том числе и со стороны Шушнига. Рабочий класс составлял 42 процента избирателей Австрии. Если бы в течение последних четырех лет канцлер проявил широту взглядов, а не ограничивался клерикально-фашистской диктатурой, и обратился к рабочим за поддержкой при создании умеренной антинацистской коалиции, то с относительно немногочисленными нацистами можно было бы легко справиться. Но Шушниг не обладал качествами, необходимыми для подобного шага. Прямой и честный, он был одержим идеей авторитарного однопартийного правления и презирал западную демократию.

Рабочие и социал-демократы, недавно вышедшие из тюрем вместе с нацистами, 4 марта откликнулись на призыв канцлера. Несмотря ни на что, они готовы были помочь правительству защитить демократию в стране, но просили канцлера сделать им такую же уступку, какую он уже сделал нацистам, — разрешить их политическую партию. Шушниг согласился, однако было слишком поздно.

3 марта хорошо информированный Йодль записал в своем дневнике:

"Австрийский вопрос начинает обостряться. Туда следует направить сто офицеров. Фюрер желает встретиться с ними лично. Они должны постараться устроить так, чтобы австрийская армия против нас не только плохо воевала, но и вообще не воевала".

В этот критический момент Шушниг предпринял последний отчаянный шаг, о котором подумывал с конца февраля, когда нацисты начали захватывать власть в провинциях. Он решился на плебисцит — выяснить, хочет ли народ иметь "свободную, независимую, христианскую и единую Австрию" {Согласно показаниям президента Микласа на суде над австрийскими нацистами в Вене, идея плебисцита была подсказана Шушнигу из Франции. Папен в своих мемуарах полагает, что "отцом" идеи плебисцита можно считать французского посла в Вене Пюо, личного друга канцлера, однако признает, что Шушниг воспринял эту идею как собственную. — Прим. авт. }.

"Я чувствовал, что наступил момент принять четкое решение, — писал он позднее. — Ответственность перед страной обязывала не ждать, когда тебе через несколько недель заткнут рот... Ставки в игре настолько повысились, что требовалось приложить максимум усилий".

По возвращении из Берхтесгадена Шушниг сообщил Муссолини, защитнику Австрии, об угрозах со стороны Гитлера. Ответ дуче пришел незамедлительно: позиция Италии в отношении Австрии остается неизменной. 7 марта Шушниг отправил в Рим военного атташе с сообщением, что ввиду развития событий ему, "вероятно, придется прибегнуть к плебисциту". Итальянский диктатор ответил, что эта идея ошибочна. Он посоветовал канцлеру придерживаться прежнего курса. Дела идут на поправку, улучшение отношений между Римом и Лондоном помогут ослабить напряженность. Это было последнее, что услышал Шушниг от Муссолини.

Вечером 9 марта в Инсбруке канцлер объявил, что плебисцит состоится в воскресенье 13 марта. Неожиданная весть привела Адольфа Гитлера в ярость. В дневнике Йодля за 10 марта описывается первая реакция Берлина:

"Совершенно неожиданно, не посоветовавшись со своими министрами, Шушниг объявил, что плебисцит состоится в воскресенье 13 марта...

Фюрер не намерен этого терпеть. В ночь на 10 марта он вызывает Геринга. Генерала Рейхенау вызывают из Каира с заседаний Олимпийского комитета, генерал Шоберт (командующий Мюнхенским военным округом на границе с Австрией) тоже получает приказание прибыть, как и (австрийский) министр Глайзе-Хорстенау. Риббентроп задерживается в Лондоне. Министерство иностранных дел возглавляет Нейрат".

На следующий день, 10 марта, в Берлине царил переполох. Гитлер решился на военную оккупацию Австрии, чем, несомненно, поразил своих генералов. Чтобы предотвратить плебисцит, назначенный Шушнигом на воскресенье, армии предстояло войти в Австрию в субботу. Планом такая скоротечная операция не была предусмотрена. Гитлер вызвал Кейтеля на 10 утра, но тот, прежде чем поспешить к фюреру, встретился с Йодлем и генералом Максом фон Фибаном, начальником оперативного штаба ОКБ. Находчивый Йодль вспомнил о плане "Отто", который был разработан на случай предотвращения попытки посадить на австрийский престол Отто Габсбурга. Поскольку это был единственный реально существующий план военных действий против Австрии, Гитлер согласился довольствоваться им. "Приготовьте план "Отто", — приказал он.

Кейтель помчался на Бендлерштрассе, в штаб ОКБ, чтобы посоветоваться с начальником генерального штаба генералом Беком. Когда он попросил Бека ознакомить его с деталями плана "Отто", тот ответил: "Мы ничего не готовили. Ничего не делалось, абсолютно ничего". Бека вызвали в рейхсканцелярию. На встречу с Гитлером он взял с собой генерала фон Манштейна, который собирался покинуть Берлин, чтобы занять пост командира дивизии. Гитлер сказал им, что к субботе армия должна быть готова вступить на территорию Австрии. Никто из генералов против военной агрессии не возразил. Смущало их лишь то, что за столь короткий срок трудно подготовиться к военным действиям. Вернувшись на Бендлерштрассе, Манштейн принялся за работу — надо было подготовить Проекты необходимых приказов. Работу он закончил через пять часов — в 6 вечера. Согласно дневнику Йодля, в 6. 30 мобилизационные приказы были направлены в три армейских корпуса и в ВВС. 11 марта, в 2 часа ночи, Гитлер издал Директиву ОКБ э 1 по плану "Отто". Он так торопился, что даже не подписал ее. Его подпись на директиве появилась только в час дня. **СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО**

1. Я намерен, если другие средства не приведут к цели, осуществить

вторжение в Австрию вооруженными силами, чтобы установить там конституционные порядки и пресечь дальнейшие акты насилия над настроенным в пользу Германии населением.

2. Командование всей операцией в целом я принимаю на себя...

4. Выделенным для операции соединениям сухопутных войск и военно-воздушных сил находиться в походной и боевой готовности не позднее 12. 00 12 марта 1938 г.

5. Войскам действовать с учетом того, что мы не хотим вести войну с братским народом. Мы заинтересованы в том, чтобы вся операция прошла без применения силы, как мирное вступление в страну, население которой приветствует наши действия. Поэтому избегать всяких провокаций. Но если будет оказано сопротивление, то сломить его с полной беспощадностью силой оружия.

Через несколько часов Йодль разослал особое распоряжение с грифом "Совершенно секретно" от имени верховного главнокомандования вооруженных сил:

1. В случае встречи с чехословацкими регулярными войсками или милиционными частями на территории Австрии рассматривать их как противника.

2. Итальянцев повсеместно приветствовать как друзей, тем более что Муссолини объявил о своем невмешательстве в решение австрийского вопроса.

Позиция Муссолини волновала Гитлера. Вечером 10 марта он послал на специальном самолете принца Филипа Гессенского к дуче с письмом, датированным 11 марта. В письме Гитлер сообщал о том, что он собирался предпринять, и просил итальянского диктатора отнестись к его действиям с пониманием. Письмо было нагромождением лжи о договоренности с Шушнигом, о положении в Австрии, которое, по уверению Гитлера, "приближалось к анархии". Письмо начиналось со вздорного вымысла, будто при публикации текста письма в Германии первый абзац пришлось опустить {Опущенный абзац был найден после войны в архивах министерства иностранных дел Италии. — Прим. авт. }. Далее фюрер утверждал, что Австрия и Чехословакия вступили на путь заговора с целью реставрировать династию Габсбургов "и настроить против Германии по меньшей мере 20 миллионов человек". Он изложил суть своих требований, предъявленных Шушнигу, убеждая Муссолини, что они "более чем скромные", но Шушниг не выполнил их. Плебисцит, назначенный австрийским канцлером, фюрер назвал пародией.

Сознавая свой долг как фюрер и канцлер Германии, а также являясь

сыном этой земли, я не могу оставаться безучастным перед лицом развивающихся событий. Теперь я намерен восстановить закон и порядок на своей родине, дать людям возможность определить свою судьбу наверняка, открыто и четко...

Как бы ни проводился этот плебисцит, я хочу заверить Ваше превосходительство как дуче фашистской Италии:

1. Этот шаг следует рассматривать как национальную самооборону. Такой шаг предпринял бы любой сильный человек, окажись он на моем месте. Вы, Ваше превосходительство, не смогли бы поступить по-другому, если бы на карту была поставлена судьба итальянцев...

2. В критический для Италии момент я доказал Вам искренность своих симпатий. Можете не сомневаться, что и в будущем мое отношение не изменится.

3. К каким бы последствиям ни привели надвигающиеся события, я провел четкую границу между Германией и Францией. Теперь я провожу такую же четкую границу между Италией и нами. Это Бреннер {Граница по Бреннеру была подачкой Муссолини. Это означало, что Гитлер не будет претендовать на Южный Тироль, отобранный у Австрии и переданный Италии в Версале. — Прим. авт. } ...

Ваш друг навечно

Адольф Гитлер

Падение Шушнига

Не подозревая, какие лихорадочные приготовления велись по ту сторону границы третьего рейха, доктор Шушниг вечером 10 марта спокойно лег спать, твердо убежденный в том, что плебисцит окажется успешным для Австрии и что "нацисты не станут серьезным препятствием" {Справедливости ради следует отметить, что плебисцит Шушнига прошел бы так же "свободно" и "демократично", как и плебисцит, устроенный Гитлером в Германии. Поскольку в Австрии с 1933 года свободные выборы не проводились, не уточнялись и списки избирателей. Голосовать могли только лица, достигшие двадцати четырех лет. О плебисците было объявлено всего за четыре дня, так что ни нацисты, ни социал-демократы, даже если бы им позволили, не смогли провести предвыборные кампании. Социал-демократы безусловно проголосовали бы "за", поскольку считали Шушнига меньшим злом, чем Гитлер, тем более что Шушниг обещал им политическую свободу. Нет сомнения в том, что их голоса обеспечили бы Шушнигу победу. — Прим. авт. }. В самом деле, в тот вечер доктор Зейс-Инкварт заверил его, что поддержит плебисцит и даже произнесет по этому поводу речь.

В половине пятого утра, уже 11 марта, австрийского канцлера разбудил звонок телефона, стоявшего возле кровати. Доктор Скубл, начальник австрийской полиции, сообщил, что немцы закрыли границу в Зальцбурге и движение поездов между двумя странами прекратилось. Поступили сведения о концентрации немецких войск у австрийской границы.

В 6. 15 Шушниг уже направлялся в свой кабинет на Баллхаус-плац, но по дороге решил зайти в собор Святого Стефана. В соборе царил полумрак, шла утренняя месса. Шушниг занял свое обычное место и задумался о зловещей новости, услышанной от начальника полиции. "Я не до конца понимал, что это значило, — вспоминал он позднее, — но знал, что за этим последуют перемены". Он посмотрел на свечи перед образом богоматери-заступницы, потом украдкой огляделся по сторонам и осенил себя крестным знамением — так поступало в трудные времена не одно поколение венцев.

В канцелярии было все спокойно. Даже тревожных сообщений от австрийских дипломатов в других странах не поступало. Шушниг позвонил в штаб полиции и попросил, чтобы в качестве меры предосторожности были высланы полицейские патрули в центр города и во все правительственные учреждения. Кроме того, он созвал заседание кабинета. Не явился только Зейсс-Инкварт, которого не могли нигде найти. В действительности нацистский министр находился в венском аэропорту. Папен, вызванный ночью ненадолго в Берлин, улетал специальным самолетом в 6 утра, и Зейсс-Инкварт провожал его. Теперь предатель номер один ждал предателя номер два — Глайзе-Хорстенау, тоже министра кабинета Шушнига. Глайзе-Хорстенау должен был возвратиться из Берлина с указаниями Гитлера, какие действия предпринимать им в отношении плебисцита.

Последовал приказ отменить плебисцит, о чем оба господина уведомили Шушнига в десять утра, добавив при этом, что Гитлер просто взбешен. Просоветовавшись несколько часов с президентом Микласом, министрами и доктором Скублом, Шушниг согласился отменить плебисцит. Шеф полиции сообщил, что на полицию, в которой нацисты снова заняли многие командные должности, правительству рассчитывать не следует. В то же время Шушниг полагал, что армия и милиция Патриотического фронта (официальной авторитарной партии) будут драться. В этот критический момент он решил (в воспоминаниях он пишет, что вообще-то давно так решил), что не будет оказывать сопротивление Гитлеру, если это повлечет пролитие немецкой крови. Гитлер был готов пролить кровь, Шушнига же бросало в дрожь при мысли об этом.

В два часа пополудни он вызвал Зейсс-Инкварта и сообщил ему, что отменил плебисцит. Воспитанный предатель тут же бросился к телефону и позвонил в Берлин Герингу. Но по немецкой схеме зажатый в угол противник, пойдя на одну уступку, должен немедленно сделать и другую. Гитлер и Геринг стали поднимать ставки. Сохранилась поминутная запись того, как это делалось, запись всех угроз и обманов. Запись эту, как бы иронично это ни звучало, вел личный "исследовательский институт" Геринга. Им были записаны двадцать семь телефонных разговоров фельдмаршала начиная с 2. 45 утра 11 марта. Эти документы были обнаружены после войны в министерстве авиации Германии. Из них хорошо видно, как за несколько часов телефонных переговоров между Берлином и Веной была решена судьба Австрии.

Впервые Зейсс-Инкварт позвонил фельдмаршалу в 2. 45 утра. Геринг сказал ему, что отмены плебисцита недостаточно, что после совещания с Гитлером он перезвонит. Он сделал это в 3. 05. Шушниц, заявил он, должен уйти в отставку, а на его место в течение двух часов должен быть назначен Зейсс-Инкварт. Геринг велел также Зейсс-Инкварту "послать телеграмму фюреру в соответствии с договоренностью". Это первое упоминание о телеграмме, о которой в течение последующих нескольких часов будут вспоминать не раз и на основании которой Гитлер состряпал ложь, оправдывающую агрессию против Австрии в глазах немцев и всего мира.

Вильгельм Кепплер, специальный агент Гитлера в Австрии, прибыл вечером из Берлина, чтобы заняться делами Папена в его отсутствие. Он передал Зейсс-Инкварту текст телеграммы, которую тот должен был отправить фюреру. В ней содержалась просьба ввести в страну германские войска для ликвидации беспорядков. В Нюрнберге Зейсс-Инкварт заявил, что отказался посылать такую телеграмму, поскольку никаких беспорядков не происходило. Кепплер, настаивая на том, что это сделать необходимо, поспешил в австрийскую канцелярию, где обнаглел настолько, что занял кабинет рядом с кабинетами Зейсс-Инкварта и Глайзе-Хорстенау. Непонятно, как допустил Шушниц, чтобы эти проходимцы и предатели в столь критический момент обосновались в резиденции австрийского правительства, однако он это допустил. Позднее он вспоминал, что канцелярия походила на "растревоженный улей": Зейсс-Инкварт и Глайзе-Хорстенау обосновались в углу со своим "двором", куда то и дело "приходили личности странного вида". Вероятно, вежливому, но подавленному канцлеру просто не пришло в голову выкинуть их вон. Он решил уступить давлению со стороны Гитлера и подать в отставку. Посоветовавшись с Зейсс-Инквартом, позвонил по телефону Муссолини,

но дуче не оказалось на месте и он отменил звонок. Просить Муссолини о помощи, решил он, "значит, терять время". Даже давний защитник Австрии предал ее в трудную минуту. Через несколько минут, когда Шушник пытался уговорить президента Микласа принять его отставку, из министерства иностранных дел пришло сообщение: "Итальянское правительство заявляет, что при сложившихся обстоятельствах оно не сможет дать совета, если к нему за таковым обратятся".

Президент Вильгельм Миклас не был великим человеком, но он был человеком прямым и упрямым. Он неохотно принял отставку Шушника, а назначить Зейсс-Инкварта его преемником и вовсе отказался. "Это совершенно немыслимо, — заявил он. — Они не смогут нас заставить". И он приказал Шушнику передать немцам, что их ультиматум не принят.

Зейсс-Инкварт сообщил об этом Герингу в 5. 30 утра.

Зейсс-Инкварт: Президент принял отставку Шушника... Я предложил возложить обязанности канцлера на меня... но он предпочитает человека типа Эндера...

Геринг: Так не пойдет! Ни в коем случае! Президенту нужно немедленно сказать, что он должен передать полномочия федерального канцлера вам и одобрить предложенный состав кабинета.

В этом месте разговор ненадолго прервался. Зейсс-Инкварт позвал к телефону доктора Мюльмана, ничем не примечательного австрийского нациста (Шушник видел его издали в Берхтесгадене), однако личного друга Геринга.

Мюльман: Президент никак не соглашается. Мы, трое национал-социалистов, хотели поговорить с ним лично... Он просто не пустил нас. Судя по всему, сдаваться он не собирается.

Геринг: Дайте мне Зейсса. Зейссу-Инкварту: Запомните, вы вместе с генерал-лейтенантом Муффом (германский военный атташе) немедленно пойдете к президенту и скажете ему, что если он не примет поставленные условия, то войска, которые уже направляются к границе, этой ночью перейдут ее по всей протяженности и Австрия перестанет существовать... Скажите ему, что шутить не время. Положение таково, что этой ночью начнется вторжение в Австрию со всех сторон. Оно прекратится и войска останутся по эту сторону границы только в том случае, если к 7. 30 мы получим сообщение, что вам передана власть федерального канцлера... Потом обратитесь к национал-социалистам страны. Они уже должны быть на улицах. Запомните, сообщение должно поступить не позднее 7. 30. Если Миклас не понял этого за четыре часа, мы заставим его понять все за четыре минуты.

Но президент не сдавался. В 6. 30 Геринг снова разговаривал по телефону с Кепплером и Зейсс-Инквартом. Оба сообщали, что президент Миклас не желает их слушать.

Геринг: Что ж, тогда Зейсс-Инкварту придется его просто уволить! Пойдите к нему и прямо заявите, что Зейсс-Инкварт поднимет гвардию национал-социалистов, а я через пять минут отдам войскам приказ войти в страну.

После этого приказа генерал Муфф и Кепплер предъявили президенту второй военный ультиматум: если он не подчинится требованиям до 7. 30, то германские войска войдут в Австрию. "Я заявил этим господам, — рассказывал потом Миклас, — что отклоняю их ультиматум... что Австрия сама выберет главу своего правительства".

К этому времени австрийские нацисты уже хозяйничали на улицах и в канцелярии. В тот вечер, около шести часов, я возвращался из больницы, где моя жена боролась за жизнь после трудных родов, которые в конце концов закончились кесаревым сечением. Я вышел из метро на Карлсплац и оказался в истерически настроенной, вопящей толпе нацистов, которая направлялась в сторону центра. Такие озверелые лица я уже видел раньше — на партийных собраниях в Нюрнберге. Нацисты кричали: "Зиг хайль! Зиг хайль! Хайль Гитлер! Повесим Шушнига! " А полицейские, которые всего несколько часов назад на моих глазах без труда разогнали небольшую толпу нацистов, теперь стояли в стороне и усмехались.

Шушниг слышал угрозы толпы, и они на него подействовали.

Он поспешил к президенту, чтобы поговорить с ним в последний раз, но

"... президент Миклас был непреклонен. Он не хотел назначать нациста на пост австрийского канцлера. Когда я стал настаивать на назначении на этот пост Зейсс-Инкварта, он опять воскликнул:

"Вы все предали меня! Все! " Но я не видел, кого можно было бы назначить, кроме Зейсс-Инкварта. Мне оставалось только поверить всем тем обещаниям, которые он мне дал, поверить ему как истинному христианину и честному человеку".

До самого конца Шушниг оставался в плену иллюзий. Бывший канцлер предложил выступить с речью по радио, чтобы объяснить, почему он уходит в отставку. Он утверждает, что президент Миклас согласился, хотя позднее президент опроверг это. Это было самое волнующее выступление из всех, которые я когда-либо слышал.

Микрофон был установлен всего в пяти шагах от того места, где нацисты застрелили Дольфуса.

"... Сегодня германское правительство, — говорил Шушниг, — вручило президенту Микласу ультиматум. В течение короткого времени он должен назначить на пост канцлера человека, которого назовет германское правительство... в противном случае германские войска войдут в Австрию.

Я говорю всему миру, что сообщения, распространяемые в Германии о беспорядках в рабочих кварталах, о проливаемых потоках крови, о неспособности австрийского правительства контролировать положение являются ложью от начала до конца. Президент Миклас просил меня сказать народу Австрии, что мы подчиняемся силе, что даже в такой тяжелый час мы не хотим кровопролития. Мы решили дать войскам приказ не оказывать сопротивления {В своих послевоенных показаниях, на которые мы уже ссылались, Миклас отрицал, что говорил Шушнигу что-либо в этом роде. Он отрицал также, что дал согласие на выступление Шушнига по радио. Оспаривая бывшего канцлера, уверявшего, что президент не был готов противостоять силе, Миклас заявлял, будто сказал Шушнигу: "Дела еще не так плохи, чтобы капитулировать". Он только что отклонил второй немецкий ультиматум. Он был тверд. Однако выступление Шушнига подорвало его позицию. Как мы увидим дальше, упрямый президент продержался еще несколько часов, прежде чем сдаться. 13 марта он отказался подписать закон об аншлюсе, который означал конец существования Австрии как независимого государства, о чем возвестил Зейсс-Инкварт. Миклас хоть и передал дела нацистскому канцлеру, поскольку его лишили возможности выполнять свои обязанности, но постоянно напоминал, что официально никогда не подавал в отставку. "Это было бы трусостью", — говорил он потом на суде в Вене. Это, однако, не помешало Зейсс-Инкварту 13 марта официально объявить, что "президент по просьбе канцлера покинул свой пост", передав дела. — Прим. авт. }.

Я прощаюсь с народом Австрии и от всего сердца прошу: "Боже, защити Австрию! "

Канцлер уже попрощался с народом, а упрямый президент все медлил. Геринг узнал об этом, когда вскоре после выступления Шушнига позвонил генералу Муффу.

"Лучше всего, если Миклас уйдет в отставку", — сказал ему Геринг.

"Конечно! Но он не хочет, — ответил Муфф. — Все очень сложно. Я говорил с ним минут пятнадцать. Он заявил, что ни при каких условиях не подчинится силе".

"Вот как? Не подчинится силе? " — Геринг не мог в это поверить.

"Он не подчинится силе", — повторил генерал.

"Значит, он хочет, чтобы его вышвырнули? "

"Да, — сказал Муфф. — Он остается на прежних позициях".

"Что ж, имея четырнадцать детей, менять ее уже не стоит, — засмеялся Геринг. — Все равно, скажите Зейссу, чтобы брал все в свои руки".

Оставался все еще нерешенным вопрос о телеграмме, которая нужна была Гитлеру, чтобы оправдать вторжение. По словам Папена, который находился в канцелярии фюрера, последний был "на грани истерики". Упрямый австрийский президент спутал все его планы.

Зейсс-Инкварт тоже ломал планы, так как до сих пор не отправил телеграммы с просьбой к Гитлеру прислать войска для ликвидации беспорядков. Вне себя от ярости Гитлер подписал приказ о вторжении в 8. 45 вечера 11 марта {Часть Директивы э 2 с грифом "Совершенно секретно" об операции "Отто" гласила:

"Требования германского ультиматума австрийским правительством не выполнены... Во избежание дальнейшего кровопролития в австрийских городах марш германских вооруженных сил в Австрию начнется в соответствии с Директивой э 1 на рассвете 12 марта. Полагаю, что поставленные задачи при максимальном использовании всех имеющихся сил будут выполнены в кратчайший срок. Адольф Гитлер". — Прим. авт. }. Через три минуты, в 8. 48, Геринг разговаривал по телефону с Кепплером, который находился в Вене.

Геринг: Слушайте внимательно. Зейсс-Инкварт должен послать телеграмму следующего содержания. Запишите! "Временное правительство Австрии, пришедшее к власти после отставки правительства Шушнига, считает своей неотложной задачей установление мира в Австрии и потому обращается к германскому правительству с просьбой о помощи в предотвращении кровопролития. Для этой цели оно просит германское правительство как можно скорее прислать войска".

Кепплер заверил фельдмаршала, что немедленно покажет текст телеграммы Зейсс-Инкварту.

"Хорошо, — сказал Геринг, — ему даже не нужно посылать телеграмму. Пусть просто скажет: "Согласен".

Через час Кепплер звонил в Берлин: "Передайте фельдмаршалу, что Зейсс-Инкварт согласен" {На самом деле Зейсс-Инкварт до глубокой ночи пытался связаться с Гитлером, чтобы тот отменил вторжение. В меморандуме германского министерства иностранных дел записано, что в 2. 10 ночи 12 марта позвонил генерал Муфф и сообщил, что по указанию канцлера Зейсс-Инкварт просит, чтобы "войска оставались в состоянии боевой готовности, но не пересекали границу". Кепплер поддержал эту просьбу. Генерал Муфф, офицер старой школы, человек порядочный, был,

вероятно, обескуражен ролью, выпавшей ему в Вене. Когда ему сообщили, что Гитлер отклонил просьбу не вводить войска, он заметил, что "сожалеет об этом". — Прим. авт. }.

На следующий день берлинская "Фелькишер беобахтер" пестрела заголовками: "НЕМЕЦКАЯ АВСТРИЯ СПАСЕНА ОТ ХАОСА". В ней были помещены сочиненные Геббельсом невероятные рассказы о "красных" беспорядках в Вене — стрельба и грабежи прямо на улицах. Там же был помещен и текст телеграммы, опубликованный ДНБ — официальным агентством новостей Германии. Сообщалось, что эта телеграмма была послана Зейсс-Инквартом Гитлеру предыдущей ночью. Две копии этой "телеграммы" — именно с текстом, продиктованным Герингом, — были обнаружены после войны в архивах министерства иностранных дел Германии. Папен объяснил, как они туда попали: германский министр почты и телеграфа состряпал их задним числом и сдал в государственный архив.

В тот вечер Гитлер очень нервничал. Он с волнением ждал не только момента, когда сдастся австрийский президент. Он ждал вестей от Муссолини. Молчание защитника Австрии казалось ему зловещим. В 10. 25 в канцелярию позвонил из Рима принц Филипп Гессенский. Гитлер сам схватил телефонную трубку. Люди Геринга записали на пленку этот разговор:

Принц: Я только что вернулся из Палаццо Венеция. Дуче воспринял все очень дружелюбно. Он шлет вам свои наилучшие пожелания... Шушницг рассказал ему обо всем... Муссолини сказал, что австрийский вопрос для него не существует.

Гитлер сразу испытал облегчение и пришел в неописуемый восторг.

Гитлер: Тогда, пожалуйста, передайте Муссолини, что я этого никогда не забуду.

Принц: Слушаюсь.

Гитлер: Никогда! Никогда! Что бы ни случилось! Я готов заключить с ним совсем другое соглашение. Принц: Я сказал ему об этом.

Гитлер: Как только вопрос с Австрией будет решен, я готов идти с ним в огонь и в воду, куда угодно! Принц: Да, мой фюрер.

Гитлер: Слушайте! Я договорюсь с ним о чем угодно. Я уже осознаю всю опасность положения с военной точки зрения, в котором мы оказались бы, если бы были вовлечены в конфликт. Передайте ему, что я благодарю его от всего сердца. Никогда, никогда я не забуду этого!

Принц: Слушаюсь, мой фюрер.

Гитлер: Я никогда не забуду этого, что бы ни случилось! Если ему

понадобится моя помощь, если он попадет в беду, он может быть уверен, что я буду рядом с ним, что бы ни случилось! Даже если весь мир ополчится против него. Принц: Слушаюсь, мой фюрер.

Какие же шаги предприняли Англия, Франция и Лига Наций в этот критический момент, чтобы остановить агрессию Германии против мирной соседней страны? Да никаких. Франция в тот момент опять осталась без правительства. В четверг 10 марта Шотан и его кабинет подали в отставку. В пятницу 11 марта, когда Геринг диктовал Вене свои ультиматумы, в Париже не оказалось силы, способной предпринять какие-либо шаги. Французское правительство во главе с Леоном Блюмом было сформировано уже после объявления об аншлюсе.

А что же Англия? 20 февраля, через неделю после того, как Шушниг капитулировал в Берхтесгадене, министр иностранных дел Великобритании Антони Иден подал в отставку в основном из-за того, что выступал против политики умиротворения Муссолини, проводимой премьером Чемберленом. Его место занял лорд Галифакс. Эту смену приветствовали в Берлине. Чемберлен заявил об этом в палате общин после берхтесгаденского ультиматума. Посольство Германии в Лондоне обстоятельно доложило об этом 4 марта. В докладе сообщалось, что Чемберлен заявил: "... То, что случилось (в Берхтесгадене), было только встречей двух государственных деятелей, которые договорились об определенных мерах, направленных на улучшение отношений между их странами. ... Вряд ли можно утверждать, что только потому, что два государственных деятеля договорились об изменениях в одной из стран, — изменениях, проводимых в интересах улучшения отношений между ними, — эта страна лишилась своей независимости. Напротив, речь федерального канцлера, произнесенная 24 февраля, не содержит ничего, что могло бы навести на мысль, будто сам федеральный канцлер Шушниг верит в потерю его страной независимости".

Ввиду того что британская миссия в Вене, как стало известно, сообщила Чемберлену подробности берхтесгаденского ультиматума, предъявленного Гитлером Шушнигу, его речь в палате общин 2 марта может показаться просто поразительной {Давая показания в Нюрнберге, Гвидо Шмидт клялся, что как он, так и Шушниг известили послов великих держав об ультиматуме Гитлера "во всех деталях". Более того, венские корреспонденты газет "Таймс" и "Дейли телеграф", насколько мне известно, также передали в свои газеты подробные отчеты. — Прим. авт. }. Но Гитлеру это было на руку. Теперь он знал, что может вступить в Австрию и это не приведет к осложнениям с Англией. 9 марта в Лондон

прибыл Риббентроп — новый министр иностранных дел Германии, чтобы передать дела в посольстве, где он был прежде послом. Он имел продолжительные беседы с Чемберленом, Галифаксом, королем и архиепископом Кентерберийским. В Берлин он докладывал, что впечатления о премьер-министре и министре иностранных дел у него складываются очень хорошие. 10 марта, после продолжительной беседы с лордом Галифаксом, Риббентроп доложил в Берлин непосредственно Гитлеру о том, что предпримет Англия, "если австрийский вопрос не удастся решить мирным путем". По завершении встреч в Лондоне он был твердо убежден, что "Англия останется безучастной в отношении Австрии".

11 марта Риббентроп обедал на Даунинг-стрит с премьер-министром и членами его кабинета, когда посыльный министерства иностранных дел доставил Чемберлену срочные депеши о событиях в Вене. За несколько минут перед этим Чемберлен просил Риббентропа довести до Гитлера его "искреннее желание и твердое намерение улучшить германо-британские отношения". После получения тревожных новостей из Вены премьер удалился в свой кабинет, где прочитал германскому министру иностранных дел две телеграммы от британской миссии в Вене, в которых сообщалось об ультиматуме Гитлера. "Обсуждение, — докладывал Риббентроп Гитлеру, — проходило в напряженной атмосфере. Обычно спокойный лорд Галифакс был взволнован сильнее, чем Чемберлен, который внешне остался хладнокровным". Риббентроп выразил сомнение "в правдивости доклада". Это, казалось, вполне устроило английских хозяев, потому что "прощание было совершенно дружеским, даже Галифакс успокоился" {Черчилль забавно описал этот обед в своей книге "Надвигающаяся буря". — Прим. авт. }.

Чемберлен прореагировал на сообщение из Вены: он поручил послу в Берлине Гендерсону направить исполняющему обязанности министра иностранных дел Нейрату ноту, предупреждающую, что если сообщения о германском ультиматуме правдивы, то "правительство его величества будет считать вправе выразить протест в самой резкой форме". Но формальный дипломатический протест, сделанный с таким опозданием, меньше всего беспокоил Гитлера. На следующий день, 12 марта, в то время, когда германские войска входили в Австрию, Нейрат послал высокомерный ответ, в котором заявлял, что австро-германские отношения касаются исключительно немецкого народа, а не британского правительства, и повторил ложь о том, что никакого ультиматума Австрии не предъявлялось, а войска были посланы в ответ на просьбу вновь сформированного

австрийского правительства о "неотложной" помощи. Он обратил внимание британского посла на телеграмму, "которая уже опубликована в германской прессе" {Эта ложь была повторена в циркулярной телеграмме, разосланной 12 марта из министерства иностранных дел бароном фон Вайцзекером германским послам в зарубежных странах "для сведения и ориентации в разговорах". Вайцзекер утверждал, что заявление Шушнига о немецком ультиматуме "обыкновенная фальшивка", и информировал своих дипломатов: "Правда заключается в том, что вопрос о посылке немецких вооруженных сил... впервые был затронут в хорошо известной телеграмме нового австрийского правительства. Ввиду опасности гражданской войны, которая постоянно нарастала, правительство Германии решило выполнить эту просьбу". Таким образом, министерство иностранных дел Германии обманывало не только иностранных, но и своих дипломатов. В длинной и скучной книге, которую Вайцзекер написал после войны, он, как и многие другие, служившие Гитлеру, уверяет, что всегда был противником нацизма. — Прим. авт. }.

По-настоящему вечером 11 марта Гитлера волновало одно — реакция Муссолини {В своих показаниях в Нюрнберге 9 августа 1946 года фельдмаршал Манштейн утверждал: "... Когда Гитлер давал нам приказы относительно Австрии, больше всего его беспокоило не то, что могут вмешаться западные державы. Основным предметом его беспокойства было поведение Италии, потому что она всегда выступала заодно с Австрией и Габсбургами". — Прим. авт. }. Некоторое беспокойство вызывали также возможные шаги Чехословакии. Однако неутомимый Геринг быстро выяснил этот вопрос. Несмотря на то что он был очень занят, руководя по телефону переворотом в Вене, он нашел время съездить в "Хаус дер флигер" {Дом авиаторов. — Прим. ред. }, где около тысячи высокопоставленных официальных лиц и дипломатов приятно проводили время, слушая оркестр и солистов государственной оперы, созерцая выступление балета. Когда прибыл чешский министр доктор Войтех Мастны, фельдмаршал немедленно отвел его в сторону и дал честное слово, что Чехословакии нечего опасаться Германии и что вступление войск рейха в Австрию — "не более чем семейное дело". Он сообщил также, что Гитлер намерен добиваться улучшения отношений с Прагой. В обмен на эти новости он просил гарантий, что чехи не проведут мобилизации. Доктор Мастны покинул прием, связался по телефону с министром иностранных дел, находившимся в Праге, после чего вернулся и объявил Герингу, что его страна не прибегнет к мобилизации, что она не намерена вмешиваться в события в Австрии. Герингу вздохнул с

облегчением и повторил свои обещания, подкрепив их честным словом фюрера.

Вероятно, даже проницательному чешскому президенту Эдуарду Бенешу не хватило в тот вечер времени осознать, что конец Австрии означает и конец Чехословакии. Были в ту роковую субботу в Европе люди, которые полагали, что чешскому правительству не хватает дальновидности. Они отстаивали свою точку зрения: стратегическое положение Чехословакии ухудшится после оккупации нацистами Австрии — она окажется окруженной с трех сторон германскими войсками. Они считали также, что действия Чехословакии, предусматривающие оказание помощи Австрии, могут вовлечь в события Россию, Францию, Англию и Лигу Наций, а противостоять им Германия не в состоянии. Из этого следовало, что Чехословакии вечером 11 марта надо было действовать. Дальнейшие события, к описанию которых мы вскоре перейдем, полностью развенчивают эту точку зрения. Немного позднее двум крупным странам, являвшимся оплотом западной демократии, и Лиге Наций представилась лучшая возможность остановить Гитлера, но они ею не воспользовались. Как бы то ни было, в тот вечер Шушниг без промедления направил воззвание в Лондон, Париж, Прагу и Женеву. В своих мемуарах он пишет, что считал это пустой тратой времени. Президент Миклас в свою очередь полагал, как он рассказывал позднее, что австрийское правительство, которое незамедлительно информировало Париж и Лондон о германском ультиматуме, в течение всего вечера "вело разговоры" с французским и британским правительствами с целью выяснить их настроение.

Когда ближе к полуночи выяснилось, что они "не настроены" что-либо предпринимать, кроме как направлять пустые протесты, президент сдался. Он назначил Зейсс-Инкварта канцлером и принял представленный им список министров. "Меня предали и дома и за границей", — с горечью комментировал он.

В полдень 12 марта Геббельс прочитал по Германскому и Австрийскому радио напыщенное воззвание Гитлера. В нем фюрер оправдывал агрессию, как всегда, не говоря ни слова правды, и обещал, что народ Австрии выберет свое будущее путем "настоящего плебисцита". После этого Гитлер отправился на родину. Встречали его всюду торжественно. В каждой деревне, наспех украшенной по случаю его приезда, его ждали ликующие толпы. После полудня фюрер достиг первой цели своего путешествия — Линца, где он провел школьные годы. Здесь ему устроили восторженный прием, и Гитлер был глубоко тронут. На следующий день, после того как он послал Муссолини телеграмму со

словами: "Я никогда этого не забуду!", он возложил венок на могилу своих родителей в Леондинге и вернулся в Линц, чтобы произнести речь:

"Когда много лет назад я покидал этот город, у меня была одна мечта, которая и сейчас в моем сердце. Вы можете представить, что я чувствую, если эта мечта по истечении многих лет осуществилась. И если однажды судьба принудила меня покинуть этот город, чтобы стать вождем рейха, то она же возложила на меня миссию. Этой миссией могло быть только присоединение моей любимой родины к германскому рейху. Я верил в это, я жил и боролся ради этого, и я считаю, что теперь эту миссию выполнил".

Вечером 12 марта Зейсс-Инкварт вместе с Гиммлером прилетел в Линц на встречу с Гитлером. На встрече Зейсс-Инкварт гордо заявил, что статья 88 Сен-Жерменского договора, закрепляющая независимость Австрии и делающая Лигу Наций гарантом этой независимости, отменена. Но Гитлеру, упивавшемуся восторгами толпы, этого казалось мало. Он срочно вызвал в Линц доктора Вильгельма Штукарта, заместителя министра внутренних дел Германии, в задачу которого, по словам его начальника — министра Фрика, входило составить проект закона о назначении Гитлера президентом Австрии. К удивлению искушенного юриста, Гитлер поручил ему, как он позднее показывал в Нюрнберге, "составить проект закона о полном аншлюсе".

Этот проект Штукарт представил новому австрийскому правительству в воскресенье 13 марта, когда должен был состояться плебисцит, назначенный Шушнигом. Президент Миклас, как мы знаем, отказался подписать его, но Зейсс-Инкварт, взявший на себя президентские полномочия, поставил свою подпись и поздно вечером вылетел в Линц, чтобы показать проект фюреру. Закон провозглашал конец Австрии. "Австрия — так начинался этот документ, — есть провинция германского рейха". Как вспоминал впоследствии Зейсс-Инкварт, Гитлер лил слезы умиления. В тот же день так называемый закон об аншлюсе был опубликован и подписан от имени германского правительства Гитлером, Герингом, Риббентропом, Фриком и Гессом. В соответствии с законом 10 апреля предстояло провести "свободный плебисцит с тайным голосованием", во время которого австрийцам предлагалось решить вопрос о "воссоединении Австрии с германским рейхом". Немцам рейха Гитлер 18 марта тоже объявил о плебисците по вопросу аншлюса. Он должен был пройти параллельно с новыми выборами в рейхстаг.

Гитлер отложил свое триумфальное появление в Вене, где он много лет жил как бродяга, до понедельника 14 марта. Сделать это пришлось по двум непредвиденным обстоятельствам. Несмотря на восторг австрийцев

от перспективы увидеть Гитлера в своей столице, Гиммлер попросил еще один день для обеспечения необходимой безопасности. Он уже вплотную занялся арестами "неблагонадежных" — за несколько недель только в Вене их число достигло 79 тысяч. Кроме того, хваленые немецкие танки вышли из строя еще до того, как подошли к Вене. Йодль считал, что около 70 процентов машин застряло на дорогах от Зальцбурга и Пассау до Вены, хотя генерал Гудериан, командующий танковыми войсками, утверждал, что вышли из строя только 30 процентов машин. Как бы то ни было, Гитлер был взбешен. Он провел в Вене всего одну ночь, остановившись в гостинице "Империял". И все-таки триумфальное возвращение в бывшую имперскую столицу, которая обрекла его в молодые года на нищенское существование, которая не поняла и не оценила его тогда и которая пышно встречала его теперь, не могло не поднять его настроения. Вездесущий Папен прилетел из Берлина в Вену на самолете, чтобы принять участие в торжествах. Он застал Гитлера на площадке напротив Хофбурга, древнего дворца Габсбургов. "Могу только сказать, — писал позднее Папен, — что он был в экстазе" {Папен мог не заметить, что фюрера обуревало желание отомстить этому городу и людям, которые не оценили его, Гитлера, в должной мере в молодые годы. В душе он презирал этих людей. Вероятно, поэтому он так недолго пробыл в Вене. Однако публично он заявил через несколько недель бургомистру Вены:

"Уверяю вас, этот город я считаю жемчужиной, я помещу его в оправу, которой он достоин". Скорее всего, это была фраза для предвыборной кампании, а не выражение истинных чувств. Об истинных же чувствах он поведал Бальдуру фон Шираху, нацистскому губернатору и гауляйтеру Вены, во время встречи в Бергхофе в 1943 году, что стало известно во время суда в Нюрнберге: "Тут фюрер начал с безграничной, я бы сказал, с невероятной злобой говорить о венцах... В четыре часа утра он произнес фразу, которую я хочу привести сейчас по историческим соображениям. Он сказал: "Никогда нельзя допускать Вену в союз великой Германии..." "

Праздничное настроение Папена было испорчено в тот же день, 14 марта. Он узнал, что Вильгельм фон Кепплер, его старый друг по дипломатической миссии, исчез при странных обстоятельствах, которые наводили на мысль, что это работа гестапо. Через три года другой его друг и коллега по миссии, барон Чиршки, вынужден был укрыться в Англии, чтобы избежать расправы эсэсовцев. В конце апреля тело Кепплера было выловлено в Дунае, куда его бросили гестаповские головорезы. — Прим. авт. }.

В таком состоянии Гитлер пребывал в течение последующих четырех

недель, колеся вдоль и поперек по Германии и Австрии и призывая население голосовать за аншлюс. В своих бесконечных речах он не забывал обливать грязью Шушнига и повторять затасканную ложь о том, как был произведен аншлюс. В своем выступлении в рейхстаге 18 марта он заявил, что Шушниг "нарушил слово", устроив "шумиху с плебисцитом", и добавил, что так мог вести себя "только ослепленный глупец". 25 марта во время выступления в Кенигсберге "шумиха с плебисцитом" превратилась в "нелепую комедию". Гитлер уверял, что были найдены письма, из которых ясно, что Шушниг намеренно затягивал, выдвигая все новые предложения, претворение в жизнь берхтесгаденского соглашения, пока не настанет "более благоприятный момент для того, чтобы настроить против Германии другие страны".

Кроме того, в Кенигсберге Гитлер ответил на нападки иностранных журналистов, обвинявших его в том, что он, используя силу и обман, добился аншлюса, не дожидаясь плебисцита:

"Некоторые иностранные газеты заявляют, что мы коварно напали на Австрию. На это я могу сказать одно: даже умирая, они не перестанут лгать. За время своей политической борьбы я завоевал любовь своего народа. Но когда я пересек бывшую границу (с Австрией), я был встречен с такой любовью, какой раньше нигде не встречал. Мы пришли не как тираны, а как освободители...

Находясь под впечатлением от всего этого, я решил не ждать 10 апреля, а осуществить объединение сразу... "

Иностранцам это казалось не слишком логичным, но на немцев произвело сильное впечатление. Заканчивая свою речь в рейхстаге, Гитлер дрожащим от волнения голосом сказал: "Народ Германии, дай мне еще четыре года, чтобы я смог использовать наше единство для всеобщего блага! " Эти слова были встречены такой овацией, которая не шла ни в какое сравнение с предыдущими триумфами Гитлера на этой трибуне.

9 апреля, накануне плебисцита, он завершил предвыборную кампанию в Вене. Человек, который когда-то бродил по этим улицам голодный и грязный, за четыре года завоевал в Германии власть, равную власти Гогенцоллернов, и теперь присоединил к ней власть Габсбургов. Его распирало от сознания своей божественной миссии.

"Я верю, что по воле бога юношей покинул эту страну и уехал в рейх, который воспитал меня, сделал вождем нации и позволил вернуть свою родину в лоно рейха.

Существует высший порядок, а мы только его слуги. Когда 9 марта Шушниг нарушил свое слово, я вмиг понял, что это судьба. То, что

произошло в последующие три дня, является воплощением предначертания провидения.

В три дня господь бог сразил их!.. В день предательства на меня снизошла милость, которая позволила объединить мою родину с рейхом...

Я возношу хвалу всевышнему, позволившему мне вернуться на родину, с тем чтобы я мог ввести ее в состав рейха. Пусть завтра каждый немец вспомнит об этом и смиренно преклонит голову перед богом всемогущим, который за три недели сотворил для нас чудо! "

Было ясно, что большинство австрийцев, которые 13 марта сказали бы "да" Шушнигу, 10 апреля скажут "да" Гитлеру. Многие из них искренне верили, что прочный союз с Германией, даже нацистской, желателен и неизбежен для Австрии, что Австрия, от которой в 1918 году отошли обширные славянские и венгерские территории, не сможет долго существовать сама по себе, что она способна выжить лишь в составе германского рейха. Кроме приверженцев подобной точки зрения были еще и ярые нацисты — безработные и имеющие работу, число которых в стране непрерывно росло. Их привлекала возможность поправить свое положение. Многие католики в этой преимущественно католической стране были привлечены широко публиковавшимся заявлением кардинала Иннитцера, в котором он приветствовал приход нацистов в Австрию и призывал голосовать за аншлюс {Через несколько месяцев, 8 октября, толпа нацистских хулиганов ворвалась в резиденцию кардинала, расположенную против собора Святого Стефана. Пусть слишком поздно, но Иннитцер понял, что такое национал-социализм, и выступил с проповедью, в которой осуждал преследование нацистами церкви. — Прим. авт. }.

В такой обстановке только очень смелый человек мог проголосовать "против". Как и в Германии, избиратели не без оснований опасались, что их нежелание голосовать за аншлюс будет замечено. На избирательном участке, который я посетил в то воскресенье, нацистская избирательная комиссия сидела в нескольких футах от кабины с раздвинутыми шторами, и ей было хорошо видно, кто и как голосовал. По всей стране мало кто пожелал, точнее, осмелился голосовать тайно в кабине; все голосовали открыто, чтобы другие видели, за что они голосуют. В 7. 30 вечера, через полчаса после того, как закрылись избирательные участки, я проводил передачу. Подсчет голосов заканчивался. Перед началом передачи официальные лица из числа нацистов заверили меня, что 99 процентов австрийцев проголосовали за аншлюс. Официальные данные были опубликованы позднее: в Германии "за" проголосовало 99, 08 процента жителей, в Австрии — 99, 75 процента.

Итак, Австрия на время ушла с исторической арены. Мстительный австриец, присоединивший ее к Германии, изменил даже название страны. Древнее немецкое название Австрии — Остеррайх он заменил новым — Остмарк, но чиновники в Берлине вскоре перестали его использовать. Их больше устраивало слово "Gau" (земля), что приблизительно соответствует историческому "Laender", таким, как Тироль, Зальцбург, Штирия и Каринтия. Вена стала просто одним из городов рейха, провинциальным центром. Бывший австрийский бродяжка, став диктатором, стер свою родину с политической карты, лишил ее некогда блистательную столицу последних остатков славы. Настроения разочарования охватили австрийцев.

В течение первых недель поведение нацистов в Вене превзошло все, что я видел в Германии. Это была оргия садистов. Множество евреев ежедневно сдирали на улицах плакаты, которые так или иначе напоминали о Шушнице, чистили сточные канавы. В то время как они работали под присмотром ухмылявшихся штурмовиков, вокруг собиралась толпа, из которой постоянно слышались насмешки и издевательства. Евреев — и мужчин и женщин — хватали прямо на улицах и заставляли чистить общественные туалеты и отхожие места в казармах СА и СС. Десятки тысяч представителей этой национальности были брошены в тюрьмы. Их имущество оказалось конфисковано или разграблено. Из окна своей квартиры на Плосслгассе я видел, как эсэсовцы выносили серебро, gobелены, картины и другие ценности из особняка Ротшильда. Сам барон Луи де Ротшильд заплатил большой выкуп, чтобы покинуть Австрию, — его сталелитейные заводы были присоединены к заводам Германа Геринга. К началу войны приблизительно половина из 180 тысяч евреев, проживавших в Вене, смогла покинуть Австрию, оставив нацистам свое состояние.

Эту торговлю человеческой свободой контролировала специальная организация, созданная Гейдрихом под эгидой СС. Она носила название "Комиссия по еврейской эмиграции". Это было единственное учреждение, в котором евреи могли получить разрешение на выезд из страны. С момента возникновения комиссии ею руководил австрийский нацист, земляк Гитлера, Карл Адольф Эйхман. Из органа, занимающегося эмиграцией, комиссия в конце концов превратилась в орган, занимающийся их уничтожением. Ею было ликвидировано в общей сложности около четырех миллионов человек.

Гиммлер и Гейдрих, находясь в Австрии, тоже не теряли времени даром. В первые же недели после аншлюса ими был организован крупный

концентрационный лагерь Маутхаузен, на левом берегу Дуная, недалеко от Энса, поскольку перевозить тысячи австрийцев в концентрационные лагеря Германии было довольно хлопотно. К моменту крушения третьего рейха в лагере содержались заключенные в основном неавстрийской национальности. Маутхаузену принадлежит сомнительный рекорд среди немецких концентрационных лагерей (за исключением лагерей смерти в Восточной Европе) по количеству официально зарегистрированных смертных казней — 35 318 за шесть с половиной лет существования.

Несмотря на гестаповский террор, который Гиммлер и Гейдрих учинили в Австрии после аншлюса, туда хлынули сотни тысяч немцев. Здесь они могли за марки заказать роскошный обед, что давно уже было недоступно в Германии, здесь можно было за весьма умеренную плату прекрасно отдохнуть среди живописных гор и озер. Немецкие промышленники и банкиры просто наводнили страну, за бесценок скупая заводы и фабрики, конфискованные у евреев или антифашистски настроенных лиц. Среди этой улыбающейся публики оказался и вездесущий доктор Шахт. Несмотря на разногласия с Гитлером, он все еще оставался министром без портфеля в кабинете и президентом Рейхсбанка. Он всемерно одобрял аншлюс, а в Австрию прибыл, чтобы от имени Рейхсбанка еще до плебисцита присоединить национальный банк. 21 марта он обратился с речью к служащим австрийского банка, в которой высмеял иностранную прессу, осуждавшую гитлеровские методы объединения. Шахту эти методы нравились. По его словам, аншлюс явился следствием бесчисленных предательств и актов жестокого насилия, которое другие государства применяли против Германии.

"Слава богу!.. Адольф Гитлер соединил воедино германскую волю и германскую мысль! Он подкрепил это единство новым сильным вермахтом и придал внешнюю законченность внутреннему единству Австрии и Германии...

Никто из нас не увидит светлого будущего, если не будет всей душой стоять на стороне Адольфа Гитлера... Рейхсбанк всегда будет только национал-социалистским, иначе я отказываюсь им управлять".

После этого Шахт заставил сотрудников австрийского банка принести "клятву верности и повиновения фюреру".

"Мерзавцем будет тот, кто нарушит эту клятву! " — воскликнул доктор Шахт, на что аудитория отозвалась троекратным "Зиг хайль!".

Доктор Шушниг был арестован и подвергнулся настолько унижительному обращению, что трудно поверить, будто приказ об этом не был подписан самим Гитлером. С 12 марта по 28 мая Шушнига содержали

под домашним арестом. В течение всего этого времени гестапо заботилось о том, чтобы он не спал, причем делало это самыми подлыми методами. Потом его перевели в штаб-квартиру гестапо, размещавшуюся в венской гостинице "Метрополь". Там его поместили в маленькую комнатку на пятом этаже. В ней он провел последующие семнадцать месяцев. Его заставляли с помощью полотенца, выданного для личного пользования, наводить чистоту в комнатах эсэсовских охранников, мыть раковины, помойные ведра, унитазы. Он подвергался всякого рода глумлениям, которые придумывали гестаповцы. К 11 марта — первой годовщине своего падения — Шушниг потерял пятьдесят восемь фунтов веса, но эсэсовский врач докладывал, что он в отличном состоянии. О годах одиночного заключения, о жизни "среди живых мертвецов" в самых страшных немецких концлагерях — Дахау и Заксенхаузене, куда его перевели позднее, доктор Шушниг рассказал в своей книге "Реквием по Австрии".

Вскоре после ареста ему разрешили по доверенности вступить в брак с бывшей графиней Верой Чернин, чей брак был аннулирован церковным судом {В то время Шушниг был вдовцом. — Прим. авт. }. В последний год войны ей позволили жить в концентрационном лагере вместе с Шушнигом и их сыном, родившимся в 1941 году. Просто чудо, как они сумели пережить кошмар концлагеря. К концу войны вместе с ними сидели и другие высокопоставленные жертвы гнева Гитлера: бывший премьер-министр Франции Леон Блюм с мадам Блюм, пастор Нимеллер, большое число генералов, принц Филипп Гессенский, жену которого принцессу Мафальду, дочь короля Италии, эсэсовцы замучили в Бухенвальде в 1944 году — так Гитлер отомстил Виктору Эммануилу за то, что тот перешел на сторону союзников.

1 мая 1945 года группа высокопоставленных пленников была спешно вывезена из Дахау и отправлена на юг, в одну из деревень Тироля, расположенную высоко в горах, где их не могли освободить американцы, приближавшиеся с запада. Гестаповские офицеры показали Шушнигу список лиц, от которых по приказанию Гиммлера надлежало избавиться до того, как они попадут в руки союзников. Шушниг увидел свое аккуратно отпечатанное имя и имя своей жены. Душевные силы чуть не покинули его — столько пережить, чтобы погибнуть в последнюю минуту!

Тем не менее 4 мая Шушниг смог записать в своем дневнике:

"Сегодня днем, в два часа, тревога! Американцы!

Американцы заняли гостиницу!

Мы свободны! "

Без единого выстрела, пользуясь невмешательством Англии, Франции

и России, чьи вооруженные силы могли одолеть Гитлера, он увеличил население рейха на семь миллионов человек и занял выгодную стратегическую позицию, необычайно важную для реализации его будущих планов. Он не только окружил Чехословакию своими войсками с трех сторон, но и получил возможность выйти в Юго-Восточную Европу через Вену. В качестве столицы Австро-Венгерской империи Вена являлась центром в системе торговли и коммуникаций Центральной и Юго-Восточной Европы. Теперь этот центр находился в его руках.

Вероятно, самым важным для Гитлера было убедиться, что Англия и Франция и пальцем не пошевелият, чтобы остановить его. 14 марта Чемберлен выступал в палате общин по поводу событий в Австрии. Германское посольство в Лондоне направляло в Берлин срочные телеграммы о ходе дебатов. Гитлеру особенно бояться было нечего. "Очевидно, — говорил Чемберлен, — что никто не смог бы предотвратить случившегося в Австрии, разве что наша страна вместе с другими странами была бы готова применить силу".

Гитлеру стало ясно, что британский премьер не хотел не только применять силу, но и договариваться с другими ведущими державами о сдерживании действий Германии в будущем. 17 марта Советское правительство предложило созвать международную конференцию под эгидой Лиги Наций или вне ее для обсуждения мер, которые могли бы предотвратить дальнейшую агрессию Гитлера. Чемберлен воспринял перспективу подобной встречи довольно холодно и 24 марта в палате общин публично отклонил это предложение. "Такие действия, — заявил он, — неизбежно приведут к тому, что усилится тенденция к образованию групп государств... что само по себе враждебно перспективам мира в Европе". Очевидно, он не придавал значения оси Берлин — Рим и трехстороннему Антикоминтерновскому пакту (Германия, Италия и Япония) или не захотел его придавать.

В этом же выступлении Чемберлен огласил решение своего правительства, услышать которое Гитлеру было еще приятнее. Он не только резко отклонил предложение, по которому Британия гарантировала бы помощь Чехословакии в случае нападения на нее, но и отказался помогать Франции, если последней придется выполнить свои обязательства по франко-чешскому пакту. Такой прямолинейный ответ значительно упрощал задачу Гитлера. Теперь он знал, что Англия предпочтет наблюдать со стороны, как он будет расправляться с очередной жертвой. Если Англия отступила, не отступит ли и Франция? Из секретных бумаг, отражающих события последующих нескольких месяцев, видно, что он был в этом

уверен. Он знал, что по условиям пактов, заключенных с Францией и Чехословакией, Советский Союз не обязан приходить на помощь Чехословакии, пока Франция первой не окажет этой помощи. Именно этого ему и не доставало, чтобы немедленно приступить к осуществлению своих планов.

После успешного аншлюса Гитлер не сомневался, что его генералы не станут ему мешать. Если какие-то сомнения у него и оставались, то они рассеялись после завершения дела Фрича.

Как известно, суд чести над генералом Фричем по обвинению его в гомосексуализме был внезапно приостановлен в день открытия 10 марта, когда фельдмаршал Геринг и командующие сухопутными войсками и ВМС были срочно отозваны Гитлером для решения австрийского вопроса. Суд возобновил работу 17 марта, но в свете происшедших событий острой борьбы не ожидалось. Несколькими неделями ранее, когда военный суд выявил невероятные махинации Гиммлера и Гейдриха против Фрича, генералы были уверены, что не только добьются восстановления Фрича на его посту, но и так потрясут третий рейх, что это приведет к падению Адольфа Гитлера. Тщетные надежды! Как мы уже писали, 4 февраля Гитлер разбил эти надежды вдребезги, приняв на себя командование вооруженными силами, уволив Фрича и большинство генералов из его окружения. Теперь, после такого головокружительного успеха, когда он завоевал Австрию без единого выстрела, никто в Германии, даже старые генералы, не вспоминал о Фриче.

Надо отметить, что Фрича быстро оправдали. После угроз со стороны Геринга, который мог теперь выступать в роли справедливого судьи, шантажист Шмидт во всем признался и рассказал, что гестапо угрожало ему смертью (угроза эта через несколько дней была приведена в исполнение), если он не укажет на генерала фон Фрича, и что только схожесть имен Фрича и ротмистра фон Фриша, которого он, собственно говоря, и шантажировал на почве его пристрастия к гомосексуализму, позволила выдвинуть такое обвинение против генерала. Ни со стороны Фрича, ни со стороны армии не было предпринято попыток выявить истинную роль гестапо и лично Гиммлера и Гейдриха в фабрикации ложных обвинений. На второй день работы, 18 марта, суд пришел к единому мнению и вынес приговор: "Признать невиновным и оправдать".

Фрича оправдали, но на посту главнокомандующего не восстановили, а армия не вернула себе прежнюю относительную независимость. Поскольку суд проходил при закрытых дверях, широкая публика ничего о нем не знала, как не знала она и предмета обсуждения. 25 марта Гитлер

послал Фричу телеграмму, в которой поздравил его "с выздоровлением", и все.

Отставленный генерал, отказавшийся публично обвинить Гиммлера, сделал теперь последний, и бесполезный, жест — он вызвал шефа гестапо на дуэль. Вызов, составленный по всем правилам офицерского кодекса чести генералом Беком, был передан генералу фон Рундштедту как самому старшему генералу в армии, чтобы он передал его главе СС. Рундштедт побоялся это сделать, проносил письмо в кармане несколько недель, пока не забыл о нем.

А еще через некоторое время никто в Германии уже не вспоминал о генерале фон Фриче и его военно-политической программе. Так чего же он хотел? В декабре он написал письмо своему старому другу, баронессе Маргот фон Шутцбар. Письмо свидетельствует о достойной сожаления путанице в мыслях, свойственной и многим другим генералам.

"Право странно, почему многие смотрят в будущее с таким страхом, несмотря на неоспоримые успехи фюрера в течение последних лет...

Вскоре после войны я пришел к выводу, что мы должны победить в трех битвах, чтобы Германия снова стала сильной:

- 1) в битве с рабочим классом — Гитлер ее выиграл;
- 2) в битве против католической церкви, или, лучше сказать, против ультрамонтанизма;
- 3) и в битве против евреев.

Мы сейчас в самой гуще этих битв, причем битва с евреями самая трудная. Полагаю, что все понимают сложность этой кампании! "

7 августа 1939 года, когда тучи войны уже сгущались, он писал баронессе: "Для меня нет места в Германии господина Гитлера — ни во время войны, ни во время мира. Я буду сопровождать свой полк, пусть даже в качестве мишени, потому что не могу оставаться дома".

Так он и поступил. 11 августа 1938 года ему было присвоено почетное звание полковника в его старом полку — 12-м артиллерийском. А 22 сентября он стал мишенью для польского пулеметчика в пригороде осажденной Варшавы. Через четыре дня его со всеми почестями похоронили в Берлине. Было холодно, шел дождь. Если верить моему дневнику, это был самый мрачный день из всех прожитых мною в Берлине.

Уволив Фрича с поста главнокомандующего вооруженными силами двадцать месяцев назад, Гитлер, как мы убедились, одержал победу над последней цитаделью возможной оппозиции — старой офицерской кастой. Теперь, весной 1938 года, организовав переворот в Австрии, он еще больше укрепил свою власть над армией, подчеркивая, что только он принимает

решения в области внешней политики, а армия существует, чтобы поддержать эти решения силой оружия. Более того, он обеспечил армии, не потеряв при этом ни одного солдата, стратегическую позицию, которая делала Чехословакию практически беззащитной. Необходимо было воспользоваться этим обстоятельством, не теряя времени.

21 апреля, через одиннадцать дней после нацистского плебисцита в Австрии, Гитлер вызвал генерала Кейтеля, начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил, чтобы обсудить с ним операцию "Грюн".

Часть 12. Дорога на Мюнхен

Операция "Грюн" — кодовое название плана внезапного нападения на Чехословакию. Как мы имели возможность убедиться, этот план был впервые представлен фельдмаршалом фон Бломбергом 24 июня 1937 года. Гитлер проработал его, выступая перед генералами 5 ноября. Он предупреждал тогда, что "обрушиться на чехов" следует "молниеносно" и что произойти это может уже в 1938 году.

Очевидно, легкий захват Австрии сделал операцию "Грюн" делом срочным. Однако план нужно было привести в соответствие с современными требованиями. Именно для этого Гитлер и вызвал 21 апреля 1938 года Кейтеля. На следующий день майор Рудольф Шмундт, новый адъютант Гитлера, подготовил запись обсуждения. Она была разделена на три части: "политические аспекты", "военные выводы", "пропаганда".

Гитлер отвергал "стратегическое нападение при отсутствии какого-либо повода к нему или возможности доказать его правомерность" из-за враждебного отношения мирового сообщества, что могло привести к критической ситуации. Нежелательным считал он и другой вариант — "военные действия после некоторого периода дипломатической напряженности, которая постепенно приведет к обострению отношений и к войне", так как полагал, что "чехи смогут предпринять меры для обеспечения безопасности". Фюрер склонялся в тот момент к третьему варианту: "внезапные действия на основе какого-либо инцидента (убийство германского посла в связи с антигерманской демонстрацией)". Такой "инцидент", как мы помним, уже однажды планировался, чтобы оправдать вторжение немецких войск в Австрию. Тогда в качестве жертвы был намечен Папен. В мире Гитлера, где господствовали бандитские нравы, не жалели посланников.

Германский "бог войны", а именно им и стал фюрер после того, как принял на себя верховное главнокомандование, указал генералу Кейтелю на необходимость ускорить операцию.

"В политическом отношении первые четыре дня военных действий имеют решающее значение. Если в течение этого времени не будут достигнуты решающие военные успехи, то вероятно возникновение европейского кризиса. Совершившиеся факты должны убедительно продемонстрировать бесперспективность внешнего военного вмешательства..."

Что касается пропаганды войны, то подключать к делу доктора Геббельса он считал преждевременным. Сам же Гитлер обсуждал проект листовки относительно поведения немцев в Чехословакии и листовок "угрожающего характера" с целью запугать чехов.

Республика Чехословакия, которую Гитлер наметил в качестве очередной жертвы, была образована после подписания ряда мирных договоров по окончании первой мировой войны — договоров, ненавистных Германии. Она была плодом деятельности двух выдающихся умов Чехословакии — Томаша Масарика, сына кучера, известного ученого и в дальнейшем первого президента страны, и Эдуарда Бенеша, крестьянского сына, закончившего Пражский университет и три высших учебных заведения Франции, проработавшего много лет на посту министра иностранных дел и ставшего вторым президентом Чехословакии после отставки Масарика в 1935 году. Чехословакия была "выкроена" из империи Габсбургов, которая еще в XVI веке присоединила к себе королевство Богемия. После создания Республики Чехословакии в 1918 году она стала самым демократичным, просвещенным и процветающим государством Центральной Европы.

Тот факт, что страну населяло несколько национальностей, создавал определенную проблему внутреннего характера, которую Чехословакия на протяжении двадцати лет так и не смогла решить полностью. Это был вопрос о национальных меньшинствах. В стране проживали миллион венгров, полмиллиона русинов и 3, 25 миллиона судетских немцев. Эти люди тянулись к своей "родине" — соответственно к Венгрии, России и Германии, хотя судетские немцы никогда не входили в состав рейха, разве что во времена Священной Римской империи. В общем, эти меньшинства требовали большей автономии.

Даже словаки, составлявшие четверть десятиmillionного населения Чехословакии, требовали автономии. Близкие по расовым признакам и языку к чехам, они прошли иной исторический, культурный и экономический путь развития — вероятно, в результате многовекового господства Венгрии. По соглашению, подписанному чешскими и словацкими эмигрантами 30 мая 1918 года в Питтсбурге, словаки могли иметь свое правительство, парламент и систему судов. Но пражское правительство не считало для себя это соглашение обязательным и не выполняло его.

Несомненно, по сравнению с положением национальных меньшинств в странах Запада, даже в Америке, положение их в Чехословакии было не столь плохим. Они имели полные демократические и гражданские права,

включая право голоса, у них были свои школы, свои культурные учреждения. Лидеры их политических партий нередко занимали министерские посты в центральном правительстве. Тем не менее Чехословакии, так долго находившейся под австрийским гнетом, предстояло решить еще много проблем в области национальной политики. Нередки были случаи проявления шовинизма и бестактности. Помнится, как во время одного из посещений Чехословакии я стал свидетелем кампании протеста, проводимой словаками против осуждения к пятнадцати годам тюремного заключения по обвинению "в измене" доктора Войтеха Туки, уважаемого профессора, которого можно было обвинить разве что в том, что он добивался автономии для словаков. Кроме того, национальные меньшинства видели, что правительство не выполняет обещаний, данных Масариком и Бенешем на Парижской мирной конференции в 1919 году, и не создает в стране кантональной системы, наподобие швейцарской.

Это прозвучит достаточно иронично, особенно в свете того, о чем речь пойдет дальше, но судетские немцы жили в Чехословакии совсем неплохо — лучше, чем любое другое меньшинство в стране и немецкое меньшинство в Польше или в фашистской Италии. Их раздражала мелкая тирания местных властей и дискриминационные меры, принимаемые иногда против них в Праге. Им трудно было примириться с потерей такого господства в Богемии и Моравии, как во времена правления Габсбургов. Населяя компактными группами северо-западные и юго-западные районы страны, где сосредотачивалась большая часть промышленности, судетские немцы процветали и в конце концов достигли относительной гармонии в отношениях с чехами, продолжая при этом требовать большей автономии и уважения к своему языку и культуре. До прихода к власти Гитлера; там не было политических течений, боровшихся за что-то большее. На выборах большинство голосов получали социал-демократическая и другие демократические партии.

В 1933 году, когда Гитлер пришел к власти, судетских немцев поразила вирус национал-социализма. В том же году образовалась судето-немецкая партия (СНП). Возглавил ее учитель физкультуры по имени Конрад Генлейн. Уже в 1935 году партию тайно финансировало министерство иностранных дел Германии, причем субсидии, составляли 15 тысяч марок в месяц. Через пару лет под влияние партии попало почти все население Судетов, исключая социал-демократов и коммунистов. К моменту аншлюса партия Генлейна, три года исполнявшая приказы из Берлина, была готова выполнить любой приказ Гитлера.

Для получения этих приказов Генлейн через две недели после

аншлюса поспешил в Берлин, где 28 марта имел трехчасовую беседу с Гитлером при закрытых дверях. На беседе присутствовали также Гесс и Риббентроп. Как следует из меморандума министерства иностранных дел, приказ Гитлера состоял в том, что "судето-немецкая партия должна выдвигать требования, неприемлемые для правительства Чехословакии". Сам Генлейн потом сформулировал приказ Гитлера так: "Мы должны всегда требовать так много, чтобы наши требования невозможно было удовлетворить".

Таким образом, положение немецкого меньшинства в Чехословакии послужило для Гитлера только предлогом, чтобы захватить страну, — таким же, как через год Данциг для захвата Польши.

Об истинных целях он поведал военному руководству 5 ноября, когда обрисовывал операцию "Грюн": уничтожить чехословацкое государство, присоединить его территорию и население к третьему рейху. Лидеры Англии и Франции так и не поняли, что произошло в Австрии. Всю весну и почти все лето Чемберлен и Даладье — и не только они, а почти весь мир — искренне верили, что Гитлер добивается лишь справедливости для своих соотечественников в Чехословакии.

К концу весны правительства Англии и Франции стали оказывать нажим на правительство Чехословакии, добиваясь от него серьезных уступок судетским немцам. 3 мая германский посол в Лондоне Герберт фон Дирксен докладывал в Берлин, что лорд Галифакс уведомил его о демарше, который британское правительство намерено вскоре предпринять в Праге, "чтобы убедить Бенеша удовлетворить максимум требований судетских немцев". Через четыре дня, 7 мая, английский и французский министры в Праге предприняли демарши, вынуждая правительство Чехословакии "пойти на крайние уступки", как докладывал германский посол в Берлин, в деле удовлетворения требований судетских немцев. Гитлер и Риббентроп могли быть довольны, что правительства Англии и Франции так старательно им помогают.

Соккрытие истинных целей Германии на этой стадии было более чем необходимо. 12 мая Генлейн тайно побывал на Вильгельмштрассе, где получил инструкции Риббентропа. Риббентроп поучал его, как обманывать англичан, — вечером того же дня Генлейн должен был встретиться в Лондоне с сэром Робертом Ванситтартом, главным дипломатическим советником министерства иностранных дел, и другими официальными лицами Англии. В меморандуме, составленном Вайцзекером, изложена линия поведения, которой следовало придерживаться; "В Лондоне Генлейн будет отрицать, что действует по приказу из Берлина... Наконец, Генлейн

заведет разговор о прогрессирующем разложении политической структуры Чехословакии, чтобы охладить те круги, которые считают, что их вмешательство от имени этой структуры может оказаться полезным". В тот же день германский посол в Праге отправил Риббентропу телеграмму, в которой указывал на необходимость принять меры предосторожности, дабы скрыть участие его миссии в деле финансирования и инструктирования судето-немецкой партии.

Хью Р. Вильсон, американский посол в Берлине, 14 мая встретился с Вайцзекером, чтобы обсудить судетский кризис. Во время встречи ему были высказаны опасения немецкой стороны, что чехословацкие власти намеренно провоцируют европейский кризис, чтобы предотвратить "разделение Чехословакии". Через два дня, 16 мая, майор Шмундт послал срочную "сверхсекретную" телеграмму от имени Гитлера, отдохавшего в Оберзальцберге, в штаб ОКВ. В ней он спрашивал, сколько дивизий из числа стоящих на чешской границе "готовы выступить в течение двенадцати часов в случае мобилизации". Представитель ОКВ подполковник Цейцлер немедленно ответил: "Двенадцать". Это не удовлетворило Гитлера. "Сообщите, пожалуйста, номера дивизий", — попросил он. Последовал ответ, в котором перечислялись номера десяти пехотных дивизий, одной танковой и одной горно-пехотной.

Гитлеру не терпелось приступить к действиям. На следующий день, 17 мая, он запросил точную информацию об оборонительных сооружениях, построенных чехами на границе, в Судетских горах. Они были известны под названием "чешской линии Мажино". Цейцлер ответил в тот же день. Это была длинная "сверхсекретная" телеграмма, подробно рассказывающая Гитлеру о чешской обороне. Цейцлер ясно дал понять, что укрепления весьма внушительны.

Первый кризис: май 1938 года

Конец недели ознаменовался кризисом, который впоследствии называли "майским". На протяжении сорока восьми часов Лондон, Париж, Прага и Москва пребывали в сильном беспокойстве, поскольку считали, что впервые после 1914 года Европа так близка к войне. Это случилось, вероятно, потому, что произошла утечка информации о новом плане нападения Германии на Чехословакию, разработанном ОКВ и представленном Гитлеру в пятницу 20 мая. Во всяком случае, в Праге и в Лондоне пришли к выводу, что Гитлер готовится к агрессии против Чехословакии. В качестве ответного шага Чехословакия объявила мобилизацию, а Великобритания, Франция и Россия продемонстрировали твердость и единство перед лицом германской угрозы. В дальнейшем они

не проявляли такого единства до тех пор, пока вторая мировая война едва их не уничтожила.

В пятницу 20 мая генерал Кейтель представил Гитлеру, отдыхавшему в Оберзальцберге, новый вариант операции "Грюн", над которым он и его люди работали с тех пор, как Гитлер изложил его в общих чертах на совещании 21 апреля. В подобострастном письме, сопровождавшем план, Кейтель разъяснял, что была учтена "ситуация, создавшаяся в результате включения Австрии в состав германского рейха", и что план не будет обсуждаться с главнокомандующим трех видов вооруженных сил, пока фюрер лично не одобрит его и не подпишет.

Новая директива по операции "Грюн", подписанная в Берлине 20 мая 1938 года, — документ интересный и важный. Это модель плана агрессии, с которой мир впоследствии познакомился.

"В мои намерения — так начинался этот документ, — не входит военный разгром Чехословакии уже в ближайшее время и без наличия повода с чехословацкой стороны, если только меня не вынудит к этому неизбежное развитие внутривосточной обстановки в самой Чехословакии или если политические события в Европе не создадут для выступления особенно благоприятные и, может быть, неповторимые возможности".

Далее рассматриваются три "политические возможности для начала акции". Нападение "без подходящего внешнего повода или без удовлетворительного оправдания его с политической точки зрения" отвергается.

"Акция скорее всего начнется:

а) после некоторого периода нарастающих дипломатических столкновений и напряженности, связанных с военными приготовлениями и используемых для того, чтобы обвинить противника в развязывании войны...

б) или молниеносными действиями на основе серьезного инцидента, вследствие которого Германия будет недопустимым образом спровоцирована и получит моральное право на военные мероприятия в глазах хотя бы части мирового общественного мнения.

С военной и политической точки зрения более благоприятен вариант "б".

Что касается непосредственно военных действий, то по плану они должны были увенчаться успехом через четыре дня и показать враждебным государствам, которые захотят вмешаться, безнадежность положения Чехословакии с военной точки зрения. В то же время такие действия

должны побудить государства, имеющие территориальные претензии к Чехословакии, немедленно присоединиться к Германии. Этими государствами были Венгрия и Польша. План строился в расчете на вмешательство с их стороны. Выполнение Францией союзнических обязательств по отношению к Чехословакии ставилось под сомнение, однако следовало ожидать "попыток со стороны России оказать помощь".

Германское верховное командование, по крайней мере Кейтель и Гитлер, было уверено в невмешательстве Франции, поэтому считало, что "для прикрытия тылов с запада потребуются только малые силы". Упор делался на то, что "основная масса вооруженных сил должна быть использована при вторжении в Чехословакию". "Задача основной части армии", поддерживаемой люфтваффе, состояла в том, чтобы "разбить чехословацкую армию и оккупировать Богемию и Моравию в кратчайшие сроки".

Это стало бы тотальной войной. Впервые был сделан упор на то, что директива называет "пропагандистской войной" и "экономической войной". Это включалось в общий план нападения.

"Пропагандистская война имеет целью, с одной стороны, запугать Чехословакию и подорвать ее силы сопротивления, с другой — дать национальным меньшинствам стимул к поддержке военных действий, а на нейтральные страны повлиять в нужном нам направлении.

... Экономическая война имеет целью привести в действие все имеющиеся в распоряжении экономические средства, чтобы ускорить окончательный развал Чехословакии.

... В период операций в интересах скорейшего повышения общего военно-экономического потенциала необходимо быстрое выявление и восстановление важных предприятий.

По этой причине для нас имеет решающее значение обеспечить сохранность чешских заводов и промышленных сооружений, насколько это возможно в ходе военных операций".

Эта модель нацистской агрессии практически не менялась и использовалась с большим успехом, пока рейх не пришел к своему концу.

20 мая, после полудня, германский посол в Праге отправил в Берлин "срочную и строго секретную" телеграмму, в которой сообщал о телефонном звонке чешского министра иностранных дел. Последний известил его, что чешское правительство "обеспокоено донесениями о концентрации немецких войск в Саксонии". Посол, по его словам, ответил, что "для беспокойства нет оснований", но просил Берлин разъяснить, что происходит, если что-то в самом деле происходит.

Это была первая ласточка в той лихорадочной дипломатической переписке, в которую оказалась вовлечена вся Европа, испугавшаяся, что Гитлер предпримет очередную агрессию, способную привести ко всеобщей войне. Откуда британская и чешская разведки получили данные о концентрации немецких войск на границе с Чехословакией, насколько мне известно, так и осталось невыясненным. Но Европа, пребывавшая в шоке после военной оккупации Австрии, все же получила несколько предупреждений. 19 мая одна из лейпцигских газет опубликовала данные о передислокации немецких войск. Генлейн, — судетский фюрер, объявил 9 мая о прекращении переговоров своей партии с правительством Чехословакии. Стало известно, что, покинув Лондон 14 мая, он приехал в Берхтесгаден к Гитлеру за инструкциями и все еще находился там. В Судетской области начались волнения с применением оружия. В течение всего мая геббельсовская пропаганда нагнетала напряженность, выдавая один за другим невероятные рассказы о "чешском терроре" против судетских немцев. Обстановка, казалось, обострилась до предела.

Хотя некоторые передвижения немецких войск действительно имели место, проводились они в рамках весенних военных учений, в основном в восточных районах страны. В захваченных немецких документах нет прямых указаний о значительной концентрации войск на границе с Чехословакией в этот период. Напротив, два документа, датированные 21 мая и отправленные полковником Йодлем из ОКВ на Вильгельмштрассе, содержат заверения, что концентрации войск ни в Силезии, ни в Нижней Австрии нет. Как отмечал в документах, не предназначенных для прочтения иностранцами, Йодль, это не что иное, как "мирные маневры". Нельзя сказать, что на чешской границе вообще не было немецких войск. Как известно, 16 мая ОКВ докладывало Гитлеру в ответ на его запрос, что 12 дивизий, стоящих на границе с Чехословакией, готовы "выступить через двенадцать часов".

Могла ли чешская или английская разведка перехватить эти телеграммы и обменяться информацией? Знали ли они о новой директиве по операции "Грюн", представленной Кейтелем на рассмотрение Гитлеру 20 мая? На следующий день начальник чехословацкого генерального штаба генерал Крейчи указывал германскому военному атташе в Праге полковнику Туссену, что у него имеются "неопровержимые доказательства того, что в Саксонии стоит от восьми до десяти немецких дивизий". Цифра была почти верна, хотя район дислокации назван не совсем точно. Во всяком случае, на следующий вечер, 20 мая, состоялось экстренное заседание кабинета во дворце Градчаны под председательством президента

Бенеша. На заседании было решено провести частичную мобилизацию. Были призваны первая категория запаса и некоторые резервисты из технических родов войск. Правительство Чехословакии в отличие от австрийского правительства, столкнувшегося с такой же проблемой двумя месяцами ранее, не собиралось сдаваться без боя.

Чешская мобилизация, хотя и частичная, повергла Гитлера в ярость. Его гнев не могли смягчить даже депеши, присланные в Оберзальцберг из министерства иностранных дел, в которых сообщалось о настойчивых телефонных звонках из английского и французского посольств, — послы обеих стран предупреждали Германию, что агрессия против Чехословакии приведет к европейской войне.

Немцы никогда не подвергались такому политическому давлению, какое оказывали на них в эти дни англичане. Сэр Невилл Гендерсон, посол Великобритании, уполномоченный премьер-министром Чемберленом умиротворить Гитлера, используя для этого все свое дипломатическое искусство, постоянно навещал в германское министерство иностранных дел, чтобы узнать о передислокации немецких войск и посоветовать немцам проявлять осторожность. Несомненно, к этому его побуждали лорд Галифакс и британское министерство иностранных дел, поскольку сам Гендерсон, вежливый и всегда улыбающийся, отнюдь не сочувствовал Чехословакии, о чем знали все его берлинские знакомые. Он дважды встретился с Риббентропом 21 мая, а на следующий день, несмотря на то что было воскресенье, имел встречу с государственным секретарем Вайцзекером, так как Риббентропа срочно вызвали в Оберзальцберг к Гитлеру, чтобы передать ему личное послание от Галифакса, в котором подчеркивалась серьезность сложившейся ситуации. В Лондоне британский министр иностранных дел также вызвал посла Германии и указал ему на напряженность момента.

Во всем этом немцы не могли не заметить одной вещи: посол фон Дирксен сообщал в Берлин после встречи с Галифаксом, что британское правительство, уверенное, что Франция придет на помощь Чехословакии, не подтвердило своего желания поступить так же. По словам Дирксена, лорд Галифакс заявил, что дальше предупреждений Англия не пойдет, что "в случае европейского конфликта трудно сказать, будет ли вовлечена в него Англия". По существу, это была линия, которой придерживалось правительство Чемберлена до той поры, когда остановить Гитлера было уже невозможно. Мне в Берлине тогда казалось, заяви Чемберлен Гитлеру, что Британия поступит так, как она в конце концов поступила перед лицом нацистской агрессии, Гитлер никогда бы не пустился в авантюру;

приведшую в итоге ко второй мировой войне. Впечатление усиливалось по мере того, как я занимался изучением секретных немецких документов. Это была роковая ошибка премьер-министра.

В Берхтесгадене, своей горной резиденции, Адольф Гитлер лихорадочно размышлял. Действия Чехословакии, считал он, унизили его. Чехословакия пользовалась поддержкой Лондона, Парижа и даже Москвы — не было на свете вещи, которая могла бы повергнуть диктатора в более мрачное настроение. Негодование его усиливалось потому, что его публично обвинили в планировании агрессии, которую он действительно планировал. В те дни он как раз рассматривал новый план операции "Грюн", представленный Кейтелем. Однако приступить к его реализации было невозможно. И он, отбросив собственную гордость, приказал министерству иностранных дел сообщить чешскому послу в понедельник 23 мая, что Германия не имеет агрессивных намерений в отношении Чехословакии и что сообщения о концентрации войск на чешской границе не имеют под собой оснований. В Праге, Лондоне, Париже и Москве главы правительств вздохнули с облегчением. Кризис был преодолен. Гитлеру преподали урок. Теперь он должен понимать, что его агрессии не пройдут ему даром, как в Австрии.

Плохо эти государственные деятели знали нацистского диктатора. Проведя несколько дней в Оберзальцберге в дурном настроении, распаляясь от гнева, вынашивая мысли рассчитаться с Чехословакией и особенно с президентом Бенешем, который, по мнению Гитлера, намеренно его унизил, 28 мая он неожиданно появился в Берлине и созвал высших офицеров вермахта в канцелярию, чтобы огласить им свое решение. Через восемь месяцев он сам рассказывал об этом в речи, произнесенной в рейхстаге:

"Я решил раз и навсегда покончить с судетским вопросом. 28 мая я приказал:

1. Ко 2 октября должны быть закончены военные приготовления для действий против Чехословакии.

2. Строительство оборонительных укреплений на западе должно быть расширено и ускорена.

Была запланирована немедленная мобилизация 96 дивизий для начала..."

Своим ближайшим соратникам — Герингу, Кейтелю, Браухичу, Беку, адмиралу Редеру, Риббентропу и Нейрату Гитлер громогласно заявил: "Стереть Чехословакию с карты — мое непоколебимое решение!" Снова на повестку дня был вынесен план операции "Грюн" с целью его

пересмотра.

В дневнике Йодля сохранились записи о том, над чем лихорадочно бился ум Гитлера:

"Намерение фюрера не активизировать решение чешской проблемы изменилось в связи с концентрацией чешских войск, проведенной 21 мая при отсутствии угрозы со стороны Германии и без видимых причин. Сдержанность Германии может привести к потере фюрером престижа, чего он не желает допускать. Поэтому 30 мая издается новая директива по операции "Грюн".

Новая директива по операции "Грюн", подписанная Гитлером 30 мая, мало чем отличается от варианта, предложенного ему за девять дней до этого. Однако в ней имеются два значительных изменения. Вместо первой фразы директивы от 21 мая, гласящей:

"В мои намерения не входит военный разгром Чехословакии уже в ближайшее время" — директиву от 30 мая открывает другая фраза:

"Моим непоколебимым решением является разбить Чехословакию в ближайшем будущем путем проведения военной кампании".

Что такое "ближайшее будущее", Кейтель объясняет в сопроводительном письме: "Исполнение директивы необходимо обеспечить не позднее чем 1. 10 1938 г. " Этой даты Гитлер придерживался неотступно, несмотря ни на какие трудности, балансируя на грани войны.

Колебания генералов

Отметив в своем дневнике тот факт, что 30 мая Гитлер подписал новую директиву по операции "Грюн" с требованием "немедленно прорваться в Чехословакию в день X... в связи с чем должна быть значительно пересмотрена роль армии", Йодль сделал следующую запись:

"Выявляются достаточно резкие противоречия между интуицией фюрера, подсказывающей, что мы должны сделать это в текущем году, и армией, которая считает, что мы не в состоянии этого сделать, так как западные державы наверняка вмешаются, а мы еще не можем с ними равняться".

Проницательный штабной офицер вермахта подметил трещину в отношениях между Гитлером и некоторыми генералами самого высокого ранга. Оппозицию грандиозным агрессивным планам фюрера против Чехословакии возглавил генерал Людвиг Бек, начальник генерального штаба сухопутных войск. Позднее этот восприимчивый, образованный, порядочный, но не очень решительный генерал повел борьбу против нацистского диктатора более широко. Весной же 1938 года его оппозиция, имевшая узкопрофессиональный характер, заключалась в том, что он

уверял фюрера в неспособности Германии противостоять западным державам и, возможно, России.

Как известно, генерал Бек приветствовал приход Гитлера к власти и восстановление германской армии в нарушение условий Версальского договора. Еще в 1930 году Бек, тогда безвестный командир полка, о чем рассказывалось ранее, защитил трех своих подчиненных на суде по обвинению в измене и пропаганде нацизма в армии. Он выступил с показаниями в их пользу после того, как на трибуну поднялся Гитлер и заявил: когда он придет к власти, "покатятся головы". Не захват Австрии — его Бек приветствовал и поддерживал, — а тот факт, что покатилась голова генерала Фрича в результате провокаций гестапо, казалось, несколько просветлил его разум. Он начал осознавать, что политика Гитлера, проводимая вопреки советам высшего генералитета на грани риска войны с Англией, Францией и Россией, приведет Германию к гибели.

Бек узнал о встрече Гитлера с Кейтелем 21 апреля, во время которой вермахту было дано указание ускорить разработку плана нападения на Чехословакию. 5 мая он написал первый из серии меморандумов генералу фон Браухичу, новому главнокомандующему сухопутными войсками, в котором настойчиво предостерегал от подобных действий. Это примечательные документы, в которых открыто излагаются нелицеприятные факты, а аргументация построена на логических выкладках. Хотя он переоценил силу воли Англии и Франции, политическую изворотливость их лидеров, силу французской армии и неверно предсказал решение чехословацкой проблемы, его долгосрочный прогноз относительно будущего Германии оправдался полностью.

Он был убежден, о чем записано в меморандуме от 5 мая, что нападение Германии на Чехословакию повлечет за собой европейскую войну, в которой Германии будут противостоять Англия, Франция и Россия, а Соединенные Штаты послужат для западных демократий арсеналом. Германия просто не в состоянии, по его мнению, выиграть такую войну. Одна нехватка сырья и то делала победу невозможной. Военно-экономическое состояние Германии, как писал он, фактически было хуже, чем в 1917–1918 годах, когда начался развал кайзеровских армий.

28 мая, после "майского кризиса", Бек в числе других генералов был приглашен в канцелярию. Им предстояло выслушать бурное выступление Гитлера, в котором он клялся стереть Чехословакию с карты ближайшей осенью. Бек аккуратно записывал разглагольствования Гитлера, а через двое суток, в тот самый день, когда фюрер подписал новую директиву по операции "Грюн", определяющую дату нападения на Чехословакию — 1

октября, написал другой, более острый меморандум Браухичу, в котором критиковал план Гитлера по пунктам. Чтобы убедиться, что главнокомандующий поймет его правильно, Бек сам прочел Браухичу меморандум. Под конец он заострил свое внимание на том, что в "верхушке военной иерархии" развивается кризис, который уже привел к анархии. Если этот кризис не преодолеть, то армию, да и самое Германию, ждет, по его словам, мрачное будущее. Через несколько дней, 3 июня, он послал Браухичу еще один меморандум, в котором заявил, что "новая директива по операции "Грюн" является несостоятельной с военной точки зрения" и что генеральный штаб сухопутных войск ее отклонил.

Но Гитлер продолжал настаивать на своем. Трофейные документы, касающиеся операции "Грюн", свидетельствуют, как возрастала напряженность в течение лета. Плановые осенние маневры по приказу Гитлера должны были проводиться таким образом, чтобы армия всегда была готова к нападению. Надлежало ввести тренировку "по внезапному овладению укреплениями". До сведения генерала Кей-теля доводилось, что Гитлер постоянно "напоминает о необходимости ускорить работу по строительству укреплений на Западе". 9 июня Гитлер снова запрашивает сведения о вооружении Чехословакии и незамедлительно получает доклад обо всех имеющихся видах вооружения, причем с мельчайшими подробностями. В тот же день он спрашивает: "По-прежнему ли чешские укрепления укомплектованы гарнизонами неполного состава? " Он проводит время в своей резиденции в горах в окружении соратников. В ходе "игры в войну" его настроение то улучшается, то ухудшается. 18 июня он издает новую "основополагающую" директиву по операции "Грюн".

"Угрозы превентивной войны других государств против Германии не существует... Однако я приму окончательное решение начать кампанию против Чехословакии лишь в случае, если буду твердо убежден... что Франция не выступит против нас и это не повлечет за собой вмешательства Англии".

Тем не менее 7 июля Гитлер излагает свои соображения по поводу того, что следует делать, если Франция и Англия все же вмешаются. Первое соображение фюрера состояло в том, что следует удерживать западные укрепления до тех пор, пока Чехословакия не будет разгромлена. Тогда войска можно будет перебросить на Западный фронт. В его разгоряченную голову не приходит, что войск для обороны укреплений на Западе просто нет. Далее он сообщает, что "Россия скорее всего вмешается" и что Польша может последовать ее примеру. Указывает, что это приходится учитывать, но не уточняет каким образом.

Вероятно, находясь в Оберзальцберге в своего рода изоляции, Гитлер не знал о том, что высшие генералы из генерального штаба сухопутных войск не одобряют его намерений. Бек засыпал Браухича меморандумами, но к середине лета начал осознавать, что главнокомандующий не докладывает его мнения фюреру. Тогда Бек решил любым способом довести свою точку зрения до него. 16 июля он послал последний меморандум Браухичу, в котором требовал, чтобы армия обратилась к Гитлеру с просьбой остановить приготовления к войне:

"... Считаю себя в настоящее время обязанным — сознавая значение подобного шага, но учитывая огромную ответственность, возложенную на меня в связи с данным мне по службе указанием о подготовке и развязывании войны, — высказать настоятельную просьбу — побудить верховного главнокомандующего вооруженными силами приостановить военные приготовления, которые он приказал проводить, и отложить решение чешского вопроса насильственным путем до того времени, пока существенно не изменятся необходимые для этого военные предпосылки. В настоящее время я считаю их бесперспективными, и это мое мнение разделяется всеми подчиненными мне оберквартирмейстерами и начальниками отделов генерального штаба, которые во исполнение своих служебных обязанностей заняты вопросами подготовки и осуществления войны против Чехословакии".

Бек лично отвез меморандум Браухичу и, вручая, высказал предложение армейским генералам действовать совместно, если у Гитлера будут возражения. В частности, он предложил всем высшим генералам в этом случае одновременно подать в отставку. Так впервые в истории существования третьего рейха был поднят вопрос: должен ли офицер руководствоваться более высокими соображениями, чем преданность фюреру? Этот вопрос задавался и на Нюрнбергском процессе. Там десятки генералов, пытаясь снять с себя вину за военные преступления, ответили на него отрицательно. Они заявили, что обязаны были подчиняться приказам фюрера.

С 16 июля Бек стал придерживаться иной точки зрения, которую отстаивал до конца, правда не всегда успешно. Он говорил, что есть "предел" подчинения верховному главнокомандующему, когда совесть, знания и ответственность запрещают выполнять приказ. Он чувствовал, что генералы дошли до этого "предела", а в таком случае, настаивал он, война просто невозможна, потому что некому командовать армиями.

Начальнику генерального штаба сухопутных войск положение вещей представлялось, как никогда, ясным. Завеса упала с его глаз. Германия,

нация были не просто ставкой в игре истеричного главы государства, злобно планирующего нападение на маленькую соседнюю страну, рискуя развязать большую войну. Безумие третьего рейха заключалось в терроре, тирании, коррупции, презрении к христианским заповедям. Это пришло в голову генералу, некогда поддерживавшему нацистов. Через три дня, 19 июля, он снова отправился к Браухичу, чтобы поведать ему о своем открытии.

Он настаивал на том, что генералы должны не только объявить забастовку во избежание войны, но и очистить третий рейх. Германский народ и сам фюрер должны избавиться от террора СС и партийных бонз. Необходимо воссоздать законность в государстве. Сам Бек так излагал программу реформы:

"За фюрера, против войны, против правления партийных бонз, за мир с церковью, за свободу мнений. Положить конец террору служб безопасности, восстановить справедливость, сократить наполовину пожертвования для партии, прекратить строительство дворцов, больше строить жилья для простых людей, больше прусской простоты".

Бек был слишком наивен политически, чтобы понять, что Гитлер, как никто другой, повинен в создавшемся в Германии положении, Которое так возмущало генерала. Основной задачей Бека было убедить колеблющегося Браухича передать от имени сухопутных войск ультиматум с требованием прекратить приготовления к войне. Для этой цели 4 августа он созвал на секретное совещание генералов, занимающих командные посты. Он заготовил пламенную речь, с которой должен был выступить главнокомандующий сухопутными войсками. Речь была призвана объединить генералов в их стремлении не дать нацистской аванюре перерасти в войну. К сожалению, у Браухича не хватило смелости произнести эту речь, Беку пришлось довольствоваться тем, что он зачитал свой меморандум от 16 июля, который произвел на большинство генералов сильное впечатление. Однако решительных мер принято не было и встреча верхушки германской армии ни к чему не привела. У генералов не хватило смелости поступить с Гитлером так, как поступили однажды их предшественники с Гогенцоллернами и рейхсканцлером, то есть они побоялись призвать Гитлера к ответу.

Набравшись храбрости, Браухич передал Гитлеру меморандум Бека от 16 июля. Но фюрер, вместо того чтобы вызвать мятежных генералов, причастных к составлению меморандума, вызвал их непосредственных подчиненных — военных более молодого поколения. Ему казалось, что он сможет на них рассчитывать после того, как они выслушают его

аргументированную речь. 10 августа в Бергхофе — Гитлер почти все лето не покидал этой резиденции — они слушали речь фюрера, которая, согласно записи в дневнике Йодля, длилась около трех часов. Однако в данном случае разглагольствования Гитлера не прозвучали так убедительно, как ему хотелось бы. Йодль и Манштейн, присутствовавшие на встрече, свидетельствуют, что произошла "серьезная и неприятная стычка" между генералом фон Витерсгеймом и Гитлером. Витерсгейм, назначенный начальником штаба западной армии, которой командовал генерал Вильгельм Адам, осмелился затронуть проблему разногласий между Гитлером и ОКВ: если бросить все войска против Чехословакии, то Германия окажется беззащитной на Западе и не сможет противостоять Франции — Западный вал более трех недель не устоит.

"Гитлер приходит в ярость, — записал в своем дневнике Йодль, — взрывается и говорит, что в таком случае вся армия никуда не годится. "Я говорю вам, господин генерал, — кричал фюрер, — что позиции будут удерживаться не то что три недели, а целых три года! "

Какими силами они будут удерживаться — он не пояснил. 4 августа генерал Адам на совещании высшего генералитета докладывал, что на Западе в его распоряжении будет всего пять дивизий, что французы превосходят их по силам. Витерсгейм, вероятно, называл Гитлеру те же цифры, но фюрер его не слушал. Йодль, опытный штабной офицер, находился под большим влиянием Гитлера, поэтому он покинул встречу крайне расстроенный тем, что генералы не поняли гения фюрера.

"Эти пораженческие настроения (например, Витерсгейма), охватившие, к сожалению, значительную часть генерального штаба, вызваны следующими причинами.

Во-первых, там (в генеральном штабе) еще живут воспоминаниями о былом; там чувствуют себя ответственными за политические решения, вместо того чтобы просто подчиняться и заниматься чисто военными делами. Там имеет место традиционная преданность, но нет силы духа; там просто не верят в гений фюрера. Некоторые даже сравнивают его с Карлом XII.

Совершенно очевидно, как дважды два, что такие настроения не только наносят огромный политический вред, но и опасно влияют на моральное состояние войск, так как все говорят о разногласиях между генералами и фюрером. Но я не сомневаюсь, что фюрер сможет поднять дух, когда это будет необходимо".

Йодлю следовало бы также добавить, что Гитлер, кроме того, сможет подавить мятеж генералов. В 1946 году в Нюрнберге Манштейн показал,

что это было последнее совещание, на котором фюрер позволил военным задавать вопросы и вести обсуждение. 15 августа на совещании военных в Ютербоге Гитлер заявил, что намерен "решить чешский вопрос с помощью силы", и ни один офицер не осмелился хоть словом возразить ему.

Бек видел, что побежден из-за беспринципности своих же соратников-офицеров. 18 августа он подал в отставку с поста начальника генерального штаба сухопутных войск. Он попытался склонить к такому же поступку Браухича, но командующий уже находился во власти гипнотической силы Гитлера, в чем не последнюю роль сыграла женщина, которая вскоре должна была стать его второй женой {Генерал фон Браухич летом получил развод и 24 сентября женился на Шарлотте Шмидт. — Прим. авт. }. Хассель так сказал о нем: "Браухич поправляет воротник кителя и говорит: "Я — солдат! Мой долг — подчиняться! "

В другое время отставка начальника генерального штаба сухопутных войск, да еще такого уважаемого, как Бек, вызвала бы бурю в военных кругах и, вероятно, получила бы отклик за рубежом. Но Гитлер и здесь проявил изобретательность. Он с удовольствием принял отставку Бека, но запретил упоминать об этом в прессе, а также в военных и правительственных бюллетенях. Генералу и его окружению он также посоветовал не распространяться об этом, что позволило скрыть от Лондона и Парижа разногласия, возникшие в военной верхушке в критический момент. Возможно, что во Франции и Англии об отставке Бека не знали до октября, когда о ней было Объявлено официально. Если бы об этом стало известно раньше, то вполне вероятно, что события развивались бы в дальнейшем по-другому. Политика умиротворения Гитлера могла бы проводиться не столь откровенно.

Бек из чувства патриотизма и лояльности к армии не заявлял публично о своем уходе с поста, хотя его несколько разочаровало, что ни один офицер из числа поддерживавших его выступление против войны не последовал его примеру и не подал в отставку. Сам же он не старался убедить их. Хассель позже сказал про него, что "это чистый Клаузевиц, в нем нет ничего от Блюхера или Йорка", — человек думающий, человек принципа, но не действия. Он сознавал, что Браухич, как главнокомандующий сухопутными войсками, предал его в решающий момент немецкой истории. Это очень разочаровало его. Друзья Бека и его биограф отмечали через много лет, что в речах генерала, когда он говорил о своем главнокомандующем, всегда сквозила горечь. В такие моменты его захлестывали эмоции: "Браухич бросил меня в беде".

Преемником Бека на посту начальника генерального штаба

сухопутных войск стал пятидесятичетырехлетний Франц Гальдер, хотя это держалось Гитлером в тайне в течение нескольких недель до окончания кризиса. Гальдер родился в Баварии, в семье военного — его отец был генералом. Гальдер был артиллеристом, во время первой мировой войны, будучи молодым офицером, он служил в штабе кронпринца Рупрехта. По окончании войны в Мюнхене он сдружился с Ремом, что могло породить чувство недоверия к нему в Берлине, однако он быстро поднимался вверх по военной иерархической лестнице и в последние годы был заместителем Бека. Собственно говоря, Бек и рекомендовал его Браухичу в качестве своего преемника, так как считал, что Гальдер разделяет его взгляды.

Гальдер стал первым баварцем и католиком, получившим должность начальника генерального штаба в германской армии, что явилось серьезным отступлением от традиций прусского офицерского корпуса, опиравшихся на протестантизм. Гальдер слыл интеллектуалом, имел склонность к математике и ботанике — при первом знакомстве он показался мне похожим на университетского профессора математики или естественных наук. Кроме того, он был ревностным католиком. Вне всякого сомнения, такой человек мог быть достойным преемником Бека. Вопрос состоял в том, сможет ли он, подобно его бывшему начальнику, предпринять решительные действия в нужный момент. И если сможет, то хватит ли у него мужества нарушить клятву верности фюреру и смело пойти против него. Дело в том, что Гальдер, как и Бек, знал о заговоре против Гитлера и был готов — опять же, как и Бек, — присоединиться к нему. Будучи начальником генерального штаба, он стал ключевой фигурой первого серьезного заговора, направленного на свержение диктатора третьего рейха.

Зарождение заговора против Гитлера

После пяти с половиной лет правления национал-социалистов в Германии его противникам стало ясно, что только армия является реальной силой, способной свергнуть Гитлера. Рабочие, представители средних и высших классов, даже если бы хотели его свергнуть

Первоначально оппозиционные настроения распространились в основном среди гражданского населения. Генералы, как известно, были вполне довольны системой управления, которая позволила разбить оковы Версальского договора и заняться привычным для них делом — созданием новой мощной армии. Может показаться забавным, но гражданские лица, первоначально настроенные против Гитлера, потом занимали высокие посты в его правительстве и были ревностными защитниками нацизма вплоть до 1937 года, когда им стало ясно, что Гитлер ведет Германию к

войне, которую она почти наверняка проиграет.

Одним из первых, кто оценил истинное положение, был Карл Герделер, бургомистр Лейпцига. Брюнинг назначил его в комиссию по контролю за ценами. Три года он проработал на этом посту при Гитлере. Оставаясь в душе консерватором и монархистом, ревностным протестантом, человеком энергичным и образованным, хитрым и упрямым, он порвал с нацизмом в 1936 году из-за его антисемитизма и политики лихорадочного перевооружения. Он покинул оба поста и примкнул к оппозиционерам. Первое, что он сделал, — это совершил в 1937 году поездку в Англию, Францию и Соединенные Штаты, где предупреждал об угрозе со стороны нацистской Германии.

Немного позднее прозрели два других участника заговора — Иоганнес Попиц, прусский министр финансов, и доктор Шахт. За перевод германской экономики на военные рельсы оба были удостоены высшей награды нацистской партии — почетного Золотого Значка. В 1938 году оба начали понимать, к чему стремится Гитлер. В кругу заговорщиков они, кажется, так и не завоевали полного доверия — из-за своего прошлого и характеров. Шахт был готов соглашаться со всем. Как заметил в своем дневнике Хассель, президент рейхс-банка отличался способностью "говорить одно, а делать другое". Такого же мнения, по словам Хасселя, придерживались о нем генералы Бек и фон Фрич. Попиц же обладал неустойчивым характером. Этот знаток античной Греции и блестящий экономист вместе с Хасселем и генералом Бекком входил в состав клуба "Среда". Членами клуба были шестнадцать человек, собиравшиеся раз в неделю, чтобы побеседовать о философии, истории, искусстве, науке, литературе. По мере того как время шло — или уходило, — они образовали один из центров оппозиции.

Ульрих фон Хассель стал у оппозиционеров кем-то вроде советника по иностранным делам. Как известно, будучи послом в Риме в период войны в Абиссинии и гражданской войны в Испании, он советовал Берлину, как сохранить напряженность между Италией с одной стороны и Англией и Францией с другой, то есть как удерживать Италию на стороне Германии. Позднее он стал опасаться, что война с Францией и Англией окажется для Германии такой же роковой, как и союз с Италией. Будучи человеком эрудированным, он не мог не испытывать ничего, кроме презрения, к вульгарному нацизму, однако служил режиму до тех пор, пока не был вышвырнут с дипломатического поста. Это произошло 4 февраля 1938 года, когда Гитлер учинил большой разгон военным, политикам и дипломатам. Хассель был выходцем из родовитой ганноверской семьи,

женат на дочери гросс-адмирала Тирпица, основателя военно-морского флота Германии. Словом, Хассель был аристократом с головы до ног. Ему, как и многим другим представителям его класса, потребовалась такая встряска, как изгнание, чтобы попытаться сделать что-нибудь, что способствовало бы свержению нацизма. Когда же это произошло, он остался верен поставленной цели до конца, приняв ради нее мученическую смерть.

Были и другие, более молодые и менее известные, которые с самого начала противостояли нацизму и постепенно объединялись в различные группы Сопротивления. Одну из таких групп возглавлял Эвальд фон Клейст, потомок всемирно известного писателя. Он работал в тесном контакте с Эрнстом Никишем, бывшим социал-демократом и издателем "Сопротивления", и Фабианом фон Шлабрендорфом, молодым юристом, правнуком барона фон Штокмара, личного врача и советника королевы Виктории. Среди его соратников были профсоюзные лидеры, в том числе Юлиус Лебер, Якоб Кайзер и Вильгельм Лейшнер. Большую помощь заговорщикам оказывали два сотрудника гестапо — Артур Небе, начальник криминальной полиции, и Бернд Гизевиус, молодой перспективный офицер этого ведомства. Последний стал любимцем американцев, входивших в состав суда в Нюрнберге. После войны он написал книгу, которая пролила свет на многие заговоры против Гитлера, но историки отнеслись как к книге, так и к ее автору с недоверием.

Среди заговорщиков были представители известных немецких фамилий: граф Гельмут, состоявший в родстве с Мольтке, знаменитым фельдмаршалом, сколотивший впоследствии группу молодых идеалистов, известную как кружок Крейсау; граф Альбрехт Берн-шторф, племянник посла Германии в Вашингтоне во время первой мировой войны; барон Карл Людвиг фон Гуттенберг, издатель ежемесячного католического журнала; пастор Дитрих Бонхеффер, потомок выдающихся клерикалов-протестантов по обеим линиям, считавший Гитлера антихристом и полагавший, что уничтожить его — долг каждого христианина.

Почти все эти смельчаки действовали до тех пор, пока не были схвачены, подвергнуты пыткам и казнены — повешены или обезглавлены — или просто убиты эсэсовцами.

В течение долгого времени это маленькое ядро гражданского Сопротивления не могло заинтересовать армейские круги в их деятельности. Фельдмаршал Бломберг говорил в Нюрнберге: "До 1938–1939 годов немецкие генералы не были настроены против Гитлера. Не имело смысла выступать против него, он позволил генералам достичь того,

к чему они стремились". Существовали контакты между Герделером и генералом Хаммерштейном, но бывший главнокомандующий германской армией находился в отставке с 1934 года и не имел влияния на генералов. В первые годы режима Шлабрен-дорф вошел в контакт с полковником Гансом Остером, старшим помощником адмирала Канариса, главы абвера. Выяснилось, что Остер не только убежденный антинацист, но и готов навести мосты между военными и гражданскими оппозиционерами. Лишь в 1937–1938 годах генералы поняли, какую опасность представляет для Германии нацистский диктатор. Но ранее они должны были пережить ряд потрясений: решение Гитлера встать на путь войны, чистку среди военного командования, которой он сам и руководил, грязное дело генерала фон Фрича. Отставка генерала Бека в 1938 году, когда чешский кризис принимал все более угрожающий характер, заставила многих военных пересмотреть свое отношение к Гитлеру. И хотя никто не последовал примеру Бека и не подал в отставку, выяснилось, что генерал Бек — тот человек, вокруг которого могут сплотиться мятежные генералы и лидеры гражданской оппозиции. И те и другие уважали Бека и верили ему.

И те и другие убедились: чтобы остановить Гитлера, нужна сила. Такой силой обладала только армия. Но кто в армии возьмет на себя руководство этой силой? Не Хаммерштейн и не Бек, поскольку оба в отставке. Необходимо было привлечь к делу генералов, которые непосредственно командовали войсками, расположенными в Берлине и его окрестностях, и, следовательно, могли действовать быстро и эффективно. Генерал Гальдер, новый начальник генерального штаба сухопутных войск, не имел войск в непосредственном подчинении. Генералу Браухичу подчинялись все сухопутные войска, но ему не доверяли. Его власть могла пригодиться, однако, как считали заговорщики, его можно было привлечь только в самую последнюю минуту.

Нужные генералы, которые согласны были помочь, быстро нашлись и присоединились к заговору. Трое из них занимали посты, которые были жизненно необходимы для успеха заговора: генерал Эрвин фон Вицлебен — командующий третьим военным округом, включавшим Берлин и прилегающие территории; генерал граф Эрих фон Брокдорф-Алефельд — начальник Потсдамского гарнизона, в состав которого входила 23-я пехотная дивизия; генерал Эрих Гепнер — командир танковой дивизии, расположенной в Тюрингии. Эта дивизия могла противостоять войскам СС, если бы они попытались оказать помощь Берлину.

К концу августа у заговорщиков созрел план, согласно которому, надлежало захватить Гитлера сразу после того, как он издаст приказ о

нападении на Чехословакию, после чего он должен будет предстать перед учрежденным им же народным судом по обвинению в безрассудной попытке вовлечь Германию в европейскую войну. Там он будет объявлен несостоятельным как глава государства. В течение некоторого периода в стране будет существовать военная диктатура, после чего будет сформировано временное правительство во главе с известным и уважаемым гражданским лицом. Со временем в стране будет избрано консервативное демократическое правительство.

Успех заговора зависел от двух факторов и от участия в нем двух человек — генерала Гальдера и генерала Бека. Первый фактор — время. Гальдер договорился с ОКБ, что ему лично сообщат об окончательном решении Гитлера напасть на Чехословакию за сорок восемь часов до нападения. Это позволит ему привести в действие силы заговорщиков до перехода германскими войсками границы Чехословакии. Таким образом, у него будет время не только для того, чтобы арестовать Гитлера, но и для того, чтобы предотвратить роковой шаг, который может привести к войне.

Второй фактор — Бек должен убедить сначала генералов, а потом и немецкий народ (во время предполагаемого суда над Гитлером) в том, что нападение на Чехословакию повлечет за собой вмешательство Франции и Англии, что приведет к европейской войне, к которой Германия не готова и которую неминуемо проиграет. Эта мысль, изложенная в упомянутом меморандуме, мучила его все лето; исходя из этого, он и собирался действовать — свергнуть Гитлера и таким образом уберечь Германию от европейского конфликта, который, по убеждению Бека, уничтожил бы ее.

К несчастью для Бека и для будущего большинства стран мира, не отставной начальник генерального штаба, а Гитлер доказал, что лучше ориентируется в возможностях возникновения большой войны. Бек, всесторонне образованный европеец, разбирающийся в истории, не мог даже предположить, что Англия и Франция поступят собственными интересами и не вмешаются в случае нападения Германии на Чехословакию. Он был знатоком истории, но не разбирался в современной политике. А Гитлер разбирался. Он уже давно укрепился в мысли, что премьер-министр Чемберлен скорее принесет Чехословакию в жертву, чем вступит в войну, а в таком случае и Франция не выполнит своих союзнических обязательств перед Прагой.

Мимо внимания Вильгельмштрассе не прошли публикации нью-йоркских газет за 14 мая, в которых лондонские корреспонденты излагали неофициально содержание беседы с Чемберленом на ленче в отеле "Леди Астор". По сообщениям журналистов, премьер-министр заявил, что ни

Британия, ни Франция, ни, вероятно, Россия не придут на помощь Чехословакии в случае нападения на нее Германии, что Чехословакия не может более существовать как государство в нынешнем виде и что Англия считает целесообразным в интересах сохранения мира передать Судетскую область Германии. На Вильгельмштрассе отметили также, что, несмотря на сердитые запросы палаты общин, Чемберлен не опроверг американских публикаций.

1 июля премьер-министр имел полуофициальную беседу с английскими журналистами. Через два дня в "Таймс" появилась первая редакционная статья, подрывающая позицию Чехословакии. В ней правительству республики предлагалось предоставить право "на самоопределение" национальным меньшинствам, "даже если это приведет к их отделению от Чехословакии". В статье впервые высказывалось предложение о плебисците как средстве выяснения пожеланий судетских немцев и других национальных меньшинств. Через несколько дней германское посольство в Лондоне сообщило в Берлин, что статья основана на идеях Чемберлена, высказанных им во время неофициальной беседы, и отражает его личные взгляды. 8 июня посол фон Дирксен сообщил на Вильгельмштрассе, что правительство Чемберлена будет радо видеть Судетскую область отделенной от Чехословакии, но только по результатам плебисцита и "без применения силы со стороны Германии".

Все это было приятно слышать Гитлеру. Из Москвы тоже поступали неплохие новости. В конце июня граф Фридрих Вернер фон Шуленбург, посол Германии в России, сообщал в Берлин, что Советский Союз "вряд ли придет на помощь капиталистическому государству", то есть Чехословакии. 3 августа Риббентроп оповестил все крупные германские дипломатические миссии, что не следует чересчур опасаться интервенции в Чехословакию со стороны Англии, Франции или России.

В тот же день Чемберлен отправил в Чехословакию лорда Ренсимена с миссией заинтересованного посредника в решении судетского кризиса. Я был в Праге в день его приезда и после пресс-конференции и разговоров с членами немецкой делегации сделал в дневнике запись, гласящую, что "вся миссия Ренсимена дурно пахнет". Сообщая о ней в палате общин, Чемберлен уклонился от прямых ответов — уникальный случай в истории британского парламента. Премьер-министр заявил, что посылает Ренсимена "в ответ на просьбу правительства Чехословакии". На самом же деле Ренсимен был навязан чешскому правительству. Но за всем этим крылась еще большая ложь. Все, в том числе и Чемберлен, понимали, что посредничество Ренсимена между чешским правительством и судетскими

лидерами невозможно и немыслимо. Они знали, что Генлейн, лидер судетских нацистов, не волен вести переговоры и что дело сводится к переговорам между Берлином и Прагой. Из записей, сделанных в моем дневнике в первый и последующие дни визита Ренсима в Чехословакию, явствует, что чехам миссия Ренсима была предельно ясна — Чемберлен послал его, чтобы подготовить передачу Судетской области Германии. Это был нечистоплотный дипломатический прием.

Кончалось лето 1938 года. Ренсимен разъезжал между Судетской областью и Прагой, делая все более дружественные жесты в отношении судетских немцев и оказывая все более сильный нажим на чешское правительство, чтобы оно предоставило судетским немцам все, чего те пожелают. Гитлер, его генералы и министр иностранных дел были необычайно заняты. 23 августа на борту лайнера "Патриа" в Кильском заливе, где проходили маневры флота, Гитлер развлекал регента Венгрии адмирала Хорти и членов венгерского правительства. Если они хотят поспеть на "чешский праздник", уверял их Гитлер, то должны поторапливаться. "Тот, кто хочет сидеть за столом, — говорил он, — должен помогать и на кухне". Среди гостей находился итальянский посол Бернардо Аттолико. Он стал выпытывать у Риббентропа точную дату, "когда Германия двинется на Чехословакию", чтобы Муссолини был к этому готов, но министр иностранных дел Германии дал уклончивый ответ. Очевидно, Германия не до конца доверяла своему фашистскому союзнику. С Польшей все было предельно ясно. В течение лета фон Мольтке, посол в Варшаве, сообщал в Берлин, что Польша не только откажется помогать Чехословакии и пропустить через свою территорию и воздушное пространство советские войска и советскую авиацию, но и будет претендовать на часть чешской территории — Тешин, о чем уже заявил министр иностранных дел Польши полковник Юзеф Бек. Бек проявлял недальновидность, которой в то лето страдала вся Европа и которая привела к таким тяжелым последствиям, каких он не мог себе представить.

В ОКВ (верховное командование вооруженных сил) и ОКХ (верховное командование сухопутных войск) кипела работа. Составлялись окончательные планы, согласно которым войска должны были быть готовы к вторжению в Чехословакию к 1 октября. 24 августа полковник Йодль из ОКВ подготовил Гитлеру срочный меморандум, в котором подчеркивал, что "установление дня и часа, когда произойдет инцидент, необычайно важно". Он подчеркивал, что от этого зависит назначение дня X.

"... До наступления дня "X-I" нельзя осуществлять предварительные меры, которым невозможно дать безобидного объяснения, иначе инцидент

будет выглядеть как инспирированный нами... Если по техническим причинам организация инцидента желательна в вечерние часы, то днем "X" может стать не следующий день, а лишь второй день после инцидента... Целью вышеизложенного является обратить внимание на то, насколько сильно вооруженные силы заинтересованы в инциденте и как им необходимо своевременно узнать о намерениях фюрера, если к тому же организация инцидента будет поручена органам разведки и контрразведки".

К концу лета приготовления к нападению на Чехословакию шли полным ходом. А как обстояли дела с обороной на западе? Вдруг Франция, выполняя свои обязательства перед Чехословакией, совершит нападение на Германию? 26 августа Гитлер отправился инспектировать западные оборонительные сооружения. Его сопровождали Йодль, доктор Тодт, инженер, начальник строительства Западного вала, Гиммлер и несколько партийных функционеров. 27 августа к ним присоединился генерал Вильгельм Адам, прямолинейный, способный баварец, командовавший войсками на западных границах. В течение нескольких дней он наблюдал, как Гитлер упивался приемом, который оказывали ему жители Рейнской области. На самого Адама это впечатления не производило. Более того, он казался крайне обеспокоенным. В результате 29 августа в личном автомобиле Гитлера произошла удивительная сцена, когда Адам заявил, что хотел бы поговорить с ним наедине. Не без некоторой издевки, как вспоминал впоследствии сам генерал, Гитлер попросил Гиммлера и соратников по партии выйти из машины. Адам без лишних слов заявил, что, несмотря на шумиху, поднятую вокруг Западного вала, он не сможет удержать его с теми войсками, которые находятся в его распоряжении. С Гитлером случилась истерика, и он пустился в разглагольствования о том, как сделал Германию более сильной, чем Англия и Франция, вместе взятые. "Человек, который не удержит укреплений, — кричал Гитлер, — мерзавец!" {Согласно дневнику Йодля, Гитлер употребил более крепкое слово. Телфорд Тейлор в своей книге "Меч и свастика" более подробно рассказывает об этом случае, ссылаясь на неопубликованные мемуары генерала Адама. — Прим, авт. }

Мысли, подобные мыслям Адама, возникали и у других генералов. 3 сентября Гитлер вызвал Кейтеля и Браухича в Бергхоф. Договорились, что соединения будут выдвинуты к чешской границе 28 сентября. Но ОКВ должно знать о дне "X" к полудню 27 сентября. Гитлер не был удовлетворен оперативным планом операции "Грюн" и приказал изменить его в нескольких пунктах. Из записи этой беседы, сделанной майором Шмундтом, видно, что Браухич (Кейтель, будучи лизоблюдом, выступить

не осмелился) снова поднял вопрос об обороне западных рубежей. Гитлер заверил его, что распорядился ускорить строительство укреплений.

8 сентября генерал Генрих фон Штюльпнагель встретился с Йодлем, после чего последний сделал в дневнике запись о пессимизме генерала по поводу военного положения на Западе. Оба они понимали, что Гитлер, воодушевленный фанатизмом партийного съезда, только что открывшегося в Нюрнберге, готов начать вторжение в Чехословакию, не задумываясь о том, вмешается Франция или нет. "Должен признать, — писал обычно оптимистично настроенный Йодль, — что я тоже обеспокоен".

9 сентября Гитлер вызвал Кейтеля, Браухича и Гальдера в Нюрнберг на совещание, которое началось в 10 часов вечера, а закончилось в 4 часа следующего утра. Кейтель позже поведал Йодлю, а тот в свою очередь дневнику, что совещание прошло очень бурно. Гальдер оказался в щекотливом положении. Ему, главному заговорщику, собиравшемуся свергнуть Гитлера, как только тот прикажет напасть на Чехословакию, приходилось теперь в деталях излагать план генерального штаба о нападении. Он оказался в еще более затруднительном положении, поскольку Гитлер обрушился на него и на Браухича с обвинениями в трусости и неспособности руководить боевыми действиями. 13 сентября Йодль записал в дневнике, что Кейтель был "потрясен услышанным в Нюрнберге" и тем, что верхушка германской армии заражена пораженческими настроениями.

"Фюреру представляются доказательства пораженческих настроений высшего командования армии... Кейтель заявляет, что не потерпит в ОКБ ни одного офицера, склонного к критике, неуверенности и пораженчеству... Фюрер знает, что командующий сухопутными войсками (Браухич) просил своих — генералов поддержать его, когда он попытается открыть фюреру глаза на ту авантюру, на которую он решился. Сам он не имеет более влияния на фюрера.

Таким образом, атмосфера в Нюрнберге была холодной. Это большое несчастье, что фюрера поддерживает вся нация, кроме высшего генералитета".

Все это очень расстроило молодого честлюбивого Йодля, который связал с Гитлером свою судьбу.

"Только своими действиями могут эти генералы с честью восполнить тот ущерб, который они нанесли отсутствием твердости в мыслях и неповиновением. Здесь то же положение, что и в 1914 году. Единственный случай неповиновения в армии — генералы. Это происходит от их самоуверенности. Они не могут более верить, не могут повиноваться,

потому что не признают гения фюрера. Многие из них видят в нем ефрейтора времен мировой войны, а не величайшего политического деятеля, начиная со времени Бисмарка".

8 сентября генерал фон Штюльпнагель, первый оберквартирмейстер верховного командования сухопутных войск, участник заговора Гальдера, в беседе с Йодлем просил предоставить письменное уведомление от О КВ, что командование сухопутных войск будет оповещено о приказе Гитлера напасть на Чехословакию за пять дней до самого нападения. Йодль ответил, что из-за неустойчивой погоды он может гарантировать такое уведомление только за два дня. Этого заговорщикам было достаточно.

Но им нужны были гарантии и другого рода — правы ли они, полагая, что Англия и Франция объявят войну Германии, если та нападет на Чехословакию. Для этой цели они решили послать в Лондон доверенное лицо. Послать не только для того, чтобы узнать о намерениях английского правительства, но и для того, чтобы в случае необходимости повлиять на решение Лондона, сообщив о том, что Гитлер решил напасть на Чехословакию осенью и что генеральный штаб, которому известна дата нападения, не согласен с этим решением и собирается предпринять самые серьезные меры, чтобы это нападение предотвратить, если Англия будет противостоять Гитлеру до конца.

Первым таким посланником заговорщиков стал Эвальд фон Клейст, выбранный для этой цели сотрудником абвера полковником Остером. Клейст прибыл в Лондон 18 августа. В Берлине английский посол Гендерсон уже готов был уступить Гитлеру все, что тот хотел получить от Чехословакии. Посол сообщил в свое министерство иностранных дел, что принимать Клейста в официальной обстановке нежелательно {Согласно меморандуму министерства иностранных дел Германии от 6 августа, Гендерсон во время неофициальной встречи с немцами заявил: "Англия не станет рисковать ни единым моряком или летчиком из-за Чехословакии. Обо всем можно договориться, если не применять грубую силу". — Прим. авт. }. Несмотря на это, сэр Роберт Ванситтарт, главный дипломатический советник английского министерства иностранных дел и главный противник политики умиротворения Гитлера, принял Клейста в день его приезда. На следующий день его принял Уинстон Черчилль, как политик находившийся в то время в тени. И Ванситтарт, и Черчилль были поражены искренностью собеседника и его трезвым взглядом на положение дел. Клейст рассказал им о том, что Гитлер наметил точную дату нападения на Чехословакию, что генералы в большинстве своем с ним не согласны и готовы действовать, однако, если политика умиротворения Гитлера будет проводиться

Лондоном и в дальнейшем, это выбьет у них почву из-под ног. Если Англия и Франция официально заявят, что не останутся пассивными в случае нападения армии Гитлера на Чехословакию, если кто-нибудь из видных общественных деятелей Британии официально предупредит Гитлера о последствиях такого нападения, немецкие генералы смогут решительными действиями удержать Гитлера от агрессии.

Черчилль передал с Клейстом пламенное послание, которое должно было бы подбодрить его соратников.

"Я уверен, что нарушение чешских границ немецкой армией или авиацией приведет к новой мировой войне. Я уверен, как я был уверен в конце июля 1914 года, что Англия выступит совместно с Францией. ... Умоляю вас не заблуждаться на этот счет..." {Клейст вернулся в Берлин 23 августа и показал письмо Черчилля Беку, Гальдеру, Хаммерштейну, Канарису, Остеру и другим участникам заговора. В своей книге "Немезида власти" Уилер-Беннет пишет, что согласно частному сообщению, сделанному ему Фабианом фон Шлабрендорфом после войны, Канарис снял с письма Две копии: одну — для себя, другую — для Бека и Клейста, после чего спрятал оригинал в своем загородном доме в Померании. Там письмо было найдено сотрудниками гестапо после покушения на Гитлера 20 июля 1944 года и сыграло главную роль в вынесении Клейсту смертного приговора, который был приведен в исполнение 16 апреля 1945 года. В действительности содержание письма Черчилля стало известно властям гораздо раньше, чем могли предположить заговорщики. Я нашел в министерстве иностранных дел Германии документ, который, хотя на нем и не стоит дата, предположительно написан 6 сентября 1938 года. На документе есть пометка: "Выдержка из письма Уинстона Черчилля доверенному лицу в Германии". — Прим. авт. }

Ванситтарт отнесся к предупреждению Клейста достаточно серьезно. Он послал сообщение об этом премьер-министру и министру иностранных дел. И хотя Чемберлен в письме к лорду Галифаксу писал, что не особенно доверяет Клейсту, он все же добавил: "Я не уверен, что мы не должны предпринять определенных шагов". Один шаг он предпринял сразу — 28 августа вызвал в Лондон "для консультаций" посла Гендерсона и поручил ему, во-первых, достаточно сдержанно предупредить Гитлера и, во-вторых, тайно подготовить его, Чемберлена, встречу с фюрером. По словам Гендерсона, он уговорил премьер-министра отказаться от первой просьбы. Что же касается его второй просьбы, Гендерсон с удовольствием взялся ее выполнить {"Я искренне верю, — писал посол лорду Галифаксу из Берлина 18 июля, — что настало время закрутить гайки в Праге... Если Бенеш не

может удовлетворить Генлейна, он не сможет удовлетворить ни одного судетского лидера. Нам следует занять по отношению к чехам жесткую позицию". Кажется непостижимым, что в то время даже Гендерсон не знал, что Генлейн всего лишь орудие в руках Гитлера и что именно от Гитлера исходит приказ постоянно завышать требования, чтобы Бенеш не смог их удовлетворить. — Прим. авт. }.

Это был первый шаг к Мюнхену и величайшая бескровная победа Гитлера.

Не зная о перемене курса в политике Чемберлена, берлинские заговорщики продолжали предпринимать попытки предупредить британское правительство. 21 августа полковник Остер послал своего агента к британскому военному атташе в Берлине с сообщением, что Гитлер намерен совершить нападение на Чехословакию в конце сентября. "Если усилия других стран заставят Гитлера отказаться от своих намерений накануне намеченного срока, он не перенесет такого удара, — сообщил агент англичанам. — Точно так же, если дело дойдет до войны, то немедленное вмешательство Англии и Франции может привести к падению режима". Сэр Невилл Гендерсон быстро препроводил это предупреждение в Лондон, снабдив его комментарием, в котором уверял, что "это все очень пристрастно и больше похоже на пропаганду". По мере того как назревал кризис, шоры на глазах у британского посла становились все более плотными.

Генерал Гальдер чувствовал, что письма заговорщиков не оказывают желаемого воздействия на англичан. 2 сентября он отправил в Лондон своего посланца, отставного подполковника Ганса Бема-Теттельбаха для установления контакта с министерством обороны и военной разведкой. Подполковник, по его собственным словам, виделся в Лондоне с некоторыми ответственными лицами, но, кажется, не произвел на них большого впечатления.

В конце концов заговорщики решили использовать министерство иностранных дел Германии и немецкое посольство в Лондоне, чтобы предпринять последнюю отчаянную попытку убедить англичан сохранить твердость. Советником посольства и поверенным в делах был тогда Теодор Кордт, чей младший брат Эрих возглавлял секретариат Риббентропа в министерстве иностранных дел. Обоим братьям протезировал барон фон Вайцекер, государственный секретарь и несомненный мозговой центр министерства иностранных дел. Этот человек после войны громко кричал о своих якобы антинацистских воззрениях, что не мешало ему служить Гитлеру и Риббентропу до самого конца. Правда, из трофейных документов

министерства иностранных дел явствует, что он выступал против агрессии, причем по тем же причинам, что и генералы: это могло привести к проигранной войне. С согласия Вайцзекера и после консультаций с Беком, Гальдером и Герделером было решено, что Теодор Кордт передаст последнее предупреждение на Даунинг-стрит, — его контакты как советника с британскими властями не вызовут подозрений.

Информация, с которой вечером 5 сентября он пришел к Горацио Вильсону, личному советнику Чемберлена, показалась последнему настолько важной и срочной, что он немедленно проводил Кордта через черный ход на Даунинг-стрит, в дом министра иностранных дел. Там Кордт прямо заявил лорду Галифаксу, что 16 сентября Гитлер планирует объявить всеобщую мобилизацию и что нападение на Чехословакию произойдет самое позднее 1 октября, что германская армия готова выступить против Гитлера в тот момент, когда будет отдан приказ о нападении, и что выступление это окажется успешным, если Англия и Франция будут твердо стоять на своих позициях. Он предупредил также Галифакса, что речь Гитлера на закрытии партийного съезда в Нюрнберге 12 сентября может стать угрозой в адрес Чехословакии и что тогда Англии представится случай противостоять диктатору.

Несмотря на то что Кордт часто бывал на Даунинг-стрит, несмотря на то что на этот раз он был откровенен с министром иностранных дел, он все равно не узнал о намерениях Лондона. О них, как и всем остальным, ему стало известно через два дня, 7 сентября, когда лондонская "Таймс" опубликовала знаменитую передовую статью.

"Правительству Чехословакии стоит задуматься на предмет того, чтобы либо принять, либо отклонить получивший в определенных кругах распространение проект превращения Чехословакии в более однородное государство путем отделения Судетской области, где проживают чуждые Чехословакии немцы, стремящиеся слиться с нацией, к которой они принадлежат по расовому признаку... Преимущества от создания в Чехословакии однородного государства могут оказаться серьезнее, чем недостатки, которые повлечет за собой потеря населенной немцами приграничной Судетской области..."

В статье не говорилось ни слова о том, что отделение Судетской области от Чехословакии лишит последнюю природной горной преграды на границе и чешской линии Мажино, сделав ее беззащитной перед нацистской Германией.

Хотя министерство иностранных дел Англии поспешило опровергнуть тот факт, что в статье выражена точка зрения правительства, Кордт на

следующий день телеграфировал в Берлин, что "статья, вероятно, основывалась на слухах, дошедших до редакции "Таймс" из окружения премьер-министра". Вполне вероятно!

В годы, предшествовавшие второй мировой войне, кризис сменялся кризисом. Обстановка в европейских столицах накалилась до предела к 12 сентября, когда на партийном съезде в Нюрнберге, открывшемся 6 сентября, должен был выступать Гитлер. Ожидалось, что в этой речи он скажет, быть или не быть войне с Чехословакией. Я в это время находился в Праге, то есть в самом центре кризиса. Может показаться странным, но, несмотря на выступления в Судетской области, несмотря на угрозы из Берлина, давление со стороны правительств Англии и Франции с требованием уступок и опасения, что они могут бросить Чехословакию в беде, — несмотря на все это, Прага казалась самой спокойной из всех европейских столиц, по крайней мере внешне.

5 сентября президент Бенеш понял, что для сохранения мира необходимы решительные действия с его стороны. Он вызвал в Градчаны судетских лидеров Кундта и Себековского и попросил их изложить свои требования на бумаге. Какими бы ни были эти требования, он их примет. "Боже мой! — воскликнул на следующий день Карл Герман Франк, заместитель судетского лидера. — Они дали нам все! " Но именно это меньше всего устраивало судетских политиков и их хозяев в Берлине. 7 сентября Генлейн по приказу из Берлина прекратил всякие переговоры с чешским правительством. В качестве объяснения были приведены надуманные столкновения с полицией в Моравска-Остраве.

10 сентября Геринг выступил на партийном съезде с воинственной речью: "Незначительная часть Европы попирает права человеческой расы... Жалкая раса пигмеев — чехов угнетает культурный народ, а за всем этим стоит Москва и вечная маска еврейского дьявола! " В тот же день с речью по радио выступил Бенеш. Он ни словом не обмолвился о злопахательстве Геринга. В своей речи, спокойной и выдержанной, он призывал к проявлению доброй воли и выработке взаимного доверия.

Однако под маской спокойствия скрывалось огромное напряжение. Я встретился с доктором Бенешем в вестибюле здания радиовещания Чехословакии. Лицо его было озабоченным, он, казалось, полностью отдавал себе отчет в том сложном положении, в котором очутился. Железнодорожный вокзал Вильсон и аэропорт были заполнены евреями, которые искали способ перебраться в более безопасные части страны. В конце недели населению роздали противогазы. Из Парижа доходили слухи, что французское правительство в панике от перспективы войны. Из

Лондона сообщали, что Чемберлен обдумывает рискованные шаги, направленные на удовлетворение требований Гитлера — за счет Чехословакии, конечно.

Итак, вся Европа ждала, что скажет Гитлер 12 сентября в Нюрнберге. Это была речь грубая, воинственная, пышущая ненавистью к Чехословакии, особенно к ее президенту. Она была произнесена в день закрытия съезда на огромном стадионе, где собрались тысячи нацистских фанатиков. Но это не было объявлением войны. Гитлер не сообщил о своем решении, по крайней мере публично, так как из трофейных документов известно, что срок перехода чешской границы был им уже назначен — 1 октября. В своей речи Гитлер требовал, чтобы правительство Чехословакии "справедливо" отнеслось к судетским немцам. Если этого не произойдет, то Германия позаботится о том, чтобы оно это сделало.

Гневная речь Гитлера привела к серьезным последствиям. В Судетской области вспыхнуло восстание, которое правительство Чехословакии подавило после двухдневных ожесточенных стычек, причем в Судетской области было объявлено военное положение и туда ввели войска. Генлейн перебрался в Берлин и заявил, что возможен единственный способ решения вопроса — присоединить Судетскую область к Германии.

Как известно, к такому же решению склонялся Лондон, но, чтобы выполнить его, необходимо было заручиться поддержкой Франции. 13 сентября, после произнесения речи Гитлером, французский кабинет заседал весь день, решая, должна ли Франция выполнить свои обязательства перед Чехословакией в случае нападения на нее Германии, которое казалось неизбежным. В тот вечер английский посол в Париже сэр Эрик Фиппс был вызван из Опера комик на срочное совещание к премьер-министру Даладье. Последний призывал Чемберлена постараться немедленно заключить сделку с немецким диктатором, по возможности наиболее выгодную.

Понятно, что господину Чемберлену не нужно было предлагать этого дважды. В тот же вечер, в 11 часов, британский премьер-министр направил Гитлеру срочную телеграмму:

"Ввиду крайне осложнившейся ситуации предлагаю немедленно встретиться с Вами, чтобы попытаться найти мирное решение. Согласен прибыть самолетом и готов вылететь завтра же. Прошу назначить удобное для Вас место встречи в самое ближайшее время. Буду благодарен Вам за скорейший ответ".

За два часа до этого немецкий поверенный в делах в Лондоне Теодор Кордт телеграфировал в Берлин, что, по словам пресс-секретаря

Чемберлена, премьер-министр "готов рассмотреть далеко идущие предложения Германии, включая плебисцит, готов помочь в их осуществлении и публично выступить в их защиту".

Началась полоса уступок, которая закончилась капитуляцией в Мюнхене.

Чемберлен в Берхтесгадене: 15 сентября 1938 года

"О боже! Удача как с неба свалилась!" — воскликнул Гитлер, прочитав телеграмму Чемберлена. Он был поражен, но крайне доволен тем фактом что вершитель судеб Британской империи летел к нему с просьбой. Ему ужасно льстило, что шестидесятидевятилетний государственный деятель, никогда ранее не пользовавшийся самолетом, был готов лететь семь часов в Берхтесгаден через всю Германию. У Гитлера не хватило такта предложить место встречи где-нибудь на Рейне, что сократило бы время перелета вдвое.

С каким бы энтузиазмом англичане {Даже самые суровые критики внешней политики Чемберлена из числа журналистов аплодировали премьер-министру, когда он объявил, что отправляется в Берхтесгаден. Поэт Джон Мэйсфилд сочинил поэму, настоящую хвалебную песнь под названием "Невилл Чемберлен", которая была опубликована в "Таймс" 16 сентября. — Прим. авт. } ни относились к вояжу своего премьер-министра, полагая, что он сделает то, чего не смогли сделать мистер Асквит и сэр Эдуард Грей в 1914 году, а именно предупредить Германию, что агрессия против маленькой страны повлечет за собой вмешательство не только Франции, но и Англии, Гитлер понимал, что для него приезд Чемберлена равнозначен подарку судьбы — это явствует из конфиденциальных бумаг и дальнейшего хода событий. Фюрер уже знал через немецкое посольство в Лондоне, что британский лидер готов выступить в защиту "далеко идущих предложений Германии". Приезд Чемберлена укреплял уверенность Гитлера в том, в чем он был уверен с самого начала — ни Англия, ни Франция не выступят в защиту Чехословакии. В течение первого часа встречи его уверенность подтвердилась.

Сначала шла обычная дипломатическая процедура, хотя говорил все время только Гитлер — по привычке. Самолет Чемберлена приземлился в аэропорту Мюнхена в полдень 15 сентября. Оттуда на открытом автомобиле премьер-министра отвезли на вокзал, где он пересел в специальный поезд, который за три часа доставил его в Берхтесгаден. От взора Чемберлена не ускользнули шедшие навстречу многочисленные поезда с солдатами и артиллерией. Гитлер не встретил высокого гостя на вокзале в Берхтесгадене, но приветствовал его, стоя на верхних ступеньках

лестницы дома в Бергхофе. Как вспоминал позднее доктор Шмидт, немецкий переводчик, начинался дождь, небо потемнело, горы скрылись в облаках — было 4 часа дня, а в путь Чемберлен отправился на заре.

После чая фюрер и премьер-министр поднялись на второй этаж, в кабинет Гитлера, — в ту самую комнату, где семь месяцев назад он принимал Шушнига. По настоянию посла Гендерсона Риббентроп не присутствовал на беседе, что очень обозлило тщеславного министра иностранных дел. В отместку он на следующий день отказался передать премьер-министру запись беседы, сделанную Шмидтом, так что Чемберлен вынужден был, полагаясь на собственную память, вспоминать, что говорил он, а что Гитлер. Это было проявлением крайней невежливости, впрочем, весьма типичным для немцев.

Гитлер начал свою речь как обычно. Он пустился в разглагольствования о том, как много сделал он для Германии, для дела мира, для англо-германского сближения. Теперь на повестке дня стояла одна проблема, которую он намерен решить "так или иначе". Три миллиона немцев, проживающих в Чехословакии, должны "вернуться" в лоно рейха {И в беседе с Гитлером, и во время выступления в палате общин Чемберлен проявил поверхностное знание немецкой истории. В обоих случаях он согласился с трактовкой слова "вернуться" в его прямом значении, хотя судетские немцы проживали на территории Австро-Венгрии, но никогда не входили в состав Германии. — Прим. авт. }.

"Он не желал (так записано в отчете Шмидта. — У. Ш.), чтобы оставались какие-либо сомнения относительно его решимости не мириться более с положением, при котором какая-то маленькая, второстепенная страна не считается с могущественным тысячелетним рейхом.

... Он сказал, что ему сорок девять лет и что он хочет, если Германии суждено быть вовлеченной в мировую войну из-за Чехословакии, провести страну через кризис, будучи еще в расцвете сил... Конечно, ему будет жаль, если из-за этой проблемы вспыхнет мировая война. Но даже такая опасность не поколеблет его решимости... Он готов к любой войне, даже мировой, ради достижения своей цели. Остальной мир пусть делает, что хочет. Он же не отступит назад ни на шаг".

Чемберлен не имел возможности вставить хотя бы слово. Он был человеком терпеливым, но всякому терпению приходит конец. В этот момент он решил вмешаться: "Если фюрер намерен решить этот вопрос с позиции силы, даже не дожидаясь его обсуждения, то зачем он позволил мне приехать? Я даром потеряю время".

Немецкий диктатор не привык, чтобы его перебивали, — к этому

времени в Германии его уже никто не перебивал, — поэтому слова Чемберлена, казалось, возымели действие. Сбавив тон, он заявил, что они могли бы обсудить этот вопрос: а вдруг есть мирный способ его решения? И сразу выпалил свое предложение: "Согласится Англия на отделение Судетской области или не согласится... на отделение на основе права на самоопределение?.. "

Чемберлен не возмутился. Он выразил лишь удовлетворение по поводу того, "что они перешли наконец к делу". Согласно отчету Чемберлена, сделанному по памяти, он ответил, что не может сказать ничего определенного, пока не проконсультируется с кабинетом и правительством Франции. Согласно версии Шмидта, который вел стенограмму параллельно с переводом, Чемберлен действительно так сказал, но добавил, что лично он признает принцип отделения Судетской области, но "должен вернуться в Англию, доложить об этом правительству и заручиться его поддержкой".

Все началось с этой уступки в Берхтесгадене.

Совершенно очевидно, что для немцев такой поворот событий не явился неожиданностью. В то самое время, когда в Берхтесгадене проходила эта встреча, Генлейн, находясь в Эгере, писал Гитлеру письмо. На письме стоит дата — 15 сентября. Это произошло как раз перед тем, как Генлейн пересек границу Германии.

"Мой фюрер!

Вчера я сказал англичанам (Ренсимену), что базой для дальнейших переговоров может быть... только воссоединение с Германией.

Вполне вероятно, Чемберлен предложит такое воссоединение". На следующий день, 16 сентября, министерство иностранных дел Германии отправило конфиденциальные телеграммы в свои посольства в Вашингтоне и некоторых других столицах.

"Фюрер заявил вчера Чемберлену, что намерен так или иначе положить конец протivoестественной ситуации, сложившейся в Судетской области. Речь идет уже не об автономии для судетских немцев, но о присоединении Судетской области к Германии. Чемберлен высказался в поддержку такого решения проблемы. Сейчас он консультируется с британским кабинетом и связывается с Парижем. На ближайшее будущее запланирована новая встреча фюрера с Чемберленом".

К концу встречи Чемберлен вынудил Гитлера пообещать, что до следующей их встречи он не предпримет никаких военных действий, — Чемберлен все еще верил обещаниям фюрера. Через пару дней после их встречи он говорил в частной беседе: "Несмотря на твердость и жестокость, которые, как мне показалось, я прочел на его лице, у меня

создалось впечатление, что передо мной человек, на слово которого можно положиться".

Пока британский лидер пребывал в плену иллюзий, Гитлер продолжал военные и политические приготовления для нападения на Чехословакию. Представитель ОКВ полковник Йодль и министерство пропаганды разрабатывали "совместные меры по оправданию нарушения нами международных законов", как он охарактеризовал это в своем дневнике. Война виделась грубой и жестокой, по крайней мере со стороны Германии, и задачей доктора Геббельса было оправдать излишнюю жестокость. Ложь планировалась очень тщательно. 17 сентября Гитлер откомандировал офицера ОКВ в помощь Генлейну, штаб которого располагался в это время в замке Дондорф, в пригороде Байрейта, для оказания помощи в создании "судетского добровольческого корпуса". Вооружить корпус предстояло австрийским оружием. В основную его задачу, согласно приказу Гитлера, входило создавать "напряженную обстановку и вступать в стычки" с чехами.

День 18 сентября, когда Чемберлен был занят тем, что склонял свой кабинет и французов принять предлагаемую им тактику уступок, для Гитлера и его генералов тоже выдался крайне напряженным. Был издан приказ о боевой готовности для пяти армий — 2, 8, 10, 12 и 14-й, которые имели в своем составе 36 дивизий, в том числе три танковые. Кроме того, Гитлер утвердил список офицеров на командные посты в десяти армиях. Генерал Адам, несмотря на свою несговорчивость, был оставлен на посту командующего западной армией. Любопытно, что двое из числа заговорщиков, находившиеся в отставке, были назначены на посты командующих армиями: генерал Бек — 1-й, а генерал фон Хаммерштейн — 4-й.

Продолжались также и политические приготовления нападения на Чехословакию. Трофейные документы министерства иностранных дел Германии изобилуют сообщениями об усилившемся нажиме на правительства Венгрии и Польши присоединиться к грабежу Чехословакии. Подвергалось нажиму даже правительство Словакии. 20 сентября Генлейн убеждал словаков "более жестко" сформулировать свое требование о предоставлении автономии. В тот же день Гитлер принял премьер-министра Венгрии Имреди и министра иностранных дел Каню, которых отчитал за нерешительную позицию, занимаемую Будапештом. В меморандуме министерства иностранных дел содержится длинный отчет об этой встрече.

"Прежде всего фюрер упрекнул господ венгров за нерешительность.

Он, фюрер, готов решить чешский вопрос даже рискуя развязать мировую войну... Он уверен тем не менее, что ни Англия, ни Франция не станут вмешиваться. Это последняя возможность для Венгрии присоединиться. Если она не присоединится, то Гитлер не сможет защищать ее интересы. По его мнению, лучшее, что можно сделать, — это уничтожить Чехословакию...

Он выдвинул перед венграми два требования: 1) Венгрия должна немедленно потребовать проведения плебисцита в тех районах, на которые она претендует; 2) она не должна гарантировать соблюдение предложенных новых границ Чехословакии".

Гитлер дал понять венграм: что бы ни решил Чемберлен, сам он не намерен долго мириться с существованием Чехословакии, даже в урезанном виде. Что же касается британского премьер-министра:

"Фюрер сказал, что предъявит Чемберлену свои требования совершенно откровенно. По его мнению, только действия армии могут дать удовлетворительный результат. Однако существует опасность, что Чехословакия все требования примет".

Последнее соображение не давало покоя фюреру во время его встреч с ничего не подозревающим британским премьером.

21 сентября польское правительство, подстегиваемое из Берлина, потребовало плебисцита в районе Тешина, где проживала большая польская колония, и стянуло свои войска к границе района. На следующий день с аналогичным требованием выступило венгерское правительство. В тот же день, 22 сентября, "судетский добровольческий корпус" при поддержке немецких подразделений СС занял пограничные чешские города Аш и Эгер, вклинивавшиеся в немецкую территорию.

22 сентября всю Европу охватило напряжение. Именно в этот день Чемберлен снова собрался на встречу с Гитлером. Теперь необходимо рассказать, чем же занимался британский премьер в промежутке между встречами с ним.

Вернувшись в Лондон вечером 16 сентября, Чемберлен собрал своих министров, чтобы ознакомить их с требованиями Гитлера. Из Праги был вызван лорд Ренсимен, рекомендации которого хотел услышать кабинет. Рекомендации эти были удивительными. В своем стремлении умиротворить Германию Ренсимен пошел даже дальше Гитлера. Он выступал за передачу Судетской области Германии без плебисцита. Он горячо рекомендовал пресекать легальными методами любые антигерманские выступления в Чехословакии "со стороны партий или отдельных лиц". Он настаивал, что Чехословакия, даже лишившись горных

преград и укреплений и, следовательно, оказавшись беззащитной перед Германией, тем не менее должна "так строить свою внешнюю политику, чтобы дать гарантии соседям, что она ни при каких обстоятельствах не нападет на них и не предпримет других агрессивных действий в соответствии с условиями договоров с другими государствами". Несмотря на то что мысль Ренсима о возможном нападении Чехословакии на нацистскую Германию была в сложившейся ситуации до смешного нелепой, она произвела впечатление на британский кабинет и способствовала принятию предложения Чемберлена согласиться с требованиями Гитлера {Несмотря на то что с рекомендациями Ренсима кабинет был ознакомлен вечером 16 сентября, сам доклад был представлен только 21 сентября, а опубликован 28 сентября, когда в свете развития событий уже имел интерес чисто академический. Уилер-Беннет замечает, что создается впечатление, будто некоторые части доклада написаны после 21 сентября. Когда Ренсимен покидал утром 16 сентября Прагу, никто — ни Гитлер, ни судетские лидеры не шли так далеко, чтобы настаивать на включении Судетской области в состав Германии без плебисцита. (Уилер-Беннет. Мюнхен. Текст доклада Ренсима; Британская белая книга.) — Прим. авт. }.

Премьер Даладье и его министр иностранных дел Жорж Бонне прибыли 18 сентября в Лондон для консультаций с британским кабинетом. Никому и в голову не пришло пригласить представителей Чехословакии. И англичане, и французы хотели любой ценой избежать войны, поэтому очень быстро договорились о совместных требованиях, которые предстояло принять Чехословакии. Все территории, население которых более чем на 50 процентов состояло из судетских немцев, отходили к Германии "для поддержания мира и охраны жизненных интересов Чехословакии". В свою очередь Англия и Франция выражали согласие объединиться для "международной гарантии новых границ... на случай неспровоцированной агрессии". Этой гарантии предназначалось заменить договоры о взаимопомощи, которые Чехословакия имела с Францией и Россией. Для французов это был чудесный выход из создавшегося положения. Под руководством Бонне, который, как показал дальнейший ход событий, в умиротворении Гитлера стремился перещеголять Чемберлена, они ухватились за такое решение. А потом было много лицемерных слов:

"Правительства Англии и Франции, как было сообщено в официальной ноте, понимают, насколько велика жертва, которую должно принести правительство Чехословакии во имя мира. Однако, поскольку дело это является общим для всей Европы и для Чехословакии, они

считают своим долгом открыто изложить требования, необходимые для сохранения мира".

Они очень торопились. Немецкий диктатор ждать не мог. "Премьер-министр должен возобновить переговоры с герром Гитлером не позднее среды (22 сентября), а если возможно, и раньше. Убедительно просим Вас ответить как можно скорее".

Итак, в полдень 19 сентября английский и французский послы в Праге вручили англо-французские предложения чешскому правительству. Предложения эти были отвергнуты на следующий день. При этом пророчески объяснялось, что принятие таких условий поставит Чехословакию "рано или поздно в полную зависимость от Германии". После напоминания Франции о ее договорных обязательствах и о последствиях, с которыми она столкнется в случае, если Чехословакия примет требования, следовало предложение передать судетский вопрос в арбитраж в соответствии с германско-чешским договором от 16 октября 1925 года {Надо отметить, что ни английское, ни французское правительство не опубликовали текста этой чешской ноты при обнародовании документов, оправдывающих политику, приведшую их к Мюнхену. — Прим. авт. }.

Но ни англичане, ни французы не хотели, чтобы от соблюдения каких-то договоров зависел избранный ими путь. Как только нота протеста была вручена послам в Праге (в 5 часов вечера 20-го числа), английский посол Ньютон предупредил министра иностранных дел Чехословакии доктора Камила Крофту, что если чешское правительство будет настаивать на своем отказе, то правительство Великобритании потеряет всякий интерес к дальнейшей судьбе республики. Французский посол де Лакруа от имени своего правительства поддержал это заявление.

В Лондоне и Париже при получении чешских нот протеста особого удовольствия не испытали. Чемберлен созвал заседание своего кабинета и установил постоянную телефонную связь с Парижем для консультаций с Даладье и Бонне в течение всего вечера. Договорились, что оба правительства усилят нажим на правительство Чехословакии. Чехам нужно сказать, что если они будут упорствовать, то на помощь со стороны Англии и Франции могут не рассчитывать.

К этому времени президент Бенеш понял, что его предадут те, кого он считал своими друзьями. Он предпринял последнюю попытку выяснить отношения хотя бы с Францией. Чуть позднее, в 8 часов утра 20 сентября, он потребовал, чтобы доктор Крофта поставил перед Лакруа жизненно важный вопрос: намерена Франция выполнить свои союзнические

обязательства перед Чехословакией в случае нападения на нее Германии или нет? В 2 часа 15 минут 21 сентября Ньютон и де Лакруа подняли президента Бенеша с постели. Они убедили его отозвать свою ноту протеста, заявляя при этом, что если англо-французские предложения не будут приняты Чехословакией, то в случае нападения на нее Германии она будет противостоять ей в одиночку. Президент попросил французского посла изложить это в письменном виде. Вероятно, он сдался еще раньше, но действовал с оглядкой на историю {Предательство Бонне очевидно. Между прочим он пытался убедить кабинеты Англии и Франции в том, что чехословацкое правительство якобы хочет, чтобы Франция заявила о своем нежелании сражаться за Чехословакию, — тогда у последней появится предлог для капитуляции. (См. Уилер-Беннет. Мюнхен; Рипка Г. Мюнхен: до и после; Пертинакс. Могильщики Франции.) — Прим. авт. }.

Весь следующий день Бенеш ходил разбитый. Он не спал всю ночь; на его глазах совершилось предательство, разыгралась катастрофа. Он созвал свой кабинет, лидеров политических партий и командование армии. Они проявили стойкость перед лицом опасности, но пали духом, узнав о предательстве друзей и союзников. А что же Россия? Именно в этот день советский наркоминдел Литвинов выступал в Женеве с речью, в которой заявил, что Россия намерена соблюдать свои обязательства в отношении Чехословакии. Бенеш вызвал русского посла в Праге, и тот подтвердил все сказанное народным комиссаром по иностранным делам. В Чехословакии с сожалением констатировали, что Россия сможет прийти на помощь только в том случае, если так же поступит и Франция. А Франция их предала {26 апреля 1938 года Председатель Президиума Верховного Совета СССР, изложив формулировку договора, определяющую условия, при которых СССР и Чехословакия были обязаны оказывать помощь друг другу, сделал следующее важное заявление:

"Разумеется, пакт не запрещает каждой из сторон прийти на помощь, не дожидаясь Франции" (Калинин М. О международном положении. М., 1938, с. 14). В сложившейся конкретной ситуации требовалось официальное обращение правительства Чехословакии к правительству СССР с просьбой об оказании такой помощи. Однако правительство Бенеша предпочло капитулировать. — Прим. тит. ред. }.

Поздно вечером 21 сентября правительство Чехословакии капитулировало и приняло англо-французские условия. "У нас не было иного выхода, так как мы остались одни", — с горечью отмечалось в правительственном коммюнике по этому поводу. Бенеш в частном порядке объяснял это проще: "Нас подло предали". На следующий день кабинет

подал в отставку. Генерал Ян Сыровы, генеральный инспектор армии, стал главой нового "правительства национального единства".

Чемберлен в Годесберге: 22–23 сентября

Хотя Чемберлен и предоставил Гитлеру все, о чем тот просил во время встречи в Берхтесгадене, тем не менее во время встречи, состоявшейся 22 сентября в небольшом рейнском городке Годесберг, оба чувствовали себя неловко. Германский поверенный в делах, проводив Чемберлена в лондонском аэропорту, направил в Берлин срочную телеграмму: "Чемберлен и сопровождающие его лица вылетели в Берлин с чувством глубокого беспокойства. Несомненно, оппозиция политике Чемберлена в стране нарастает".

Гитлер заметно нервничал. Утром 22-го я завтракал на террасе гостиницы "Дризен", где должна была состояться встреча. Гитлер прошел мимо. Он направлялся на берег, чтобы взглянуть на свою яхту. Мне показалось, что у него тик. Через каждые несколько шагов у него странно подергивалось правое плечо и одновременно дергалась левая нога. Под глазами залегли неестественные синие круги. Похоже (об этом записано в моем дневнике), он находился на грани нервного срыва. "Teppichfresser", — пробормотал мой сосед-немец, редактор одной из газет, человек, втайне ненавидевший нацизм. Он объяснил, что события, разворачивающиеся вокруг Чехословакии, довели Гитлера до маниакального состояния, что за предшествующие несколько дней он не единожды терял контроль над собой, падал на пол и грыз угол ковра, отсюда и прозвище — Ковроед. Накануне вечером я беседовал в "Дризене" с некоторыми партийными функционерами и слышал, как фюрера называли этим прозвищем — шепотом, конечно.

Несмотря на опасение по поводу оппозиции проводимой им политике у себя на родине, в Годесберге Чемберлен пребывал в прекрасном настроении. Он проследовал по улицам, украшенным не только свастиками, но и британскими флагами, в свою резиденцию — гостиницу "Петерсхоф", расположенную на вершине горы Петерсберг на правом берегу Рейна и похожую на замок. Он приехал, чтобы удовлетворить все просьбы Гитлера, высказанные в Берхтесгадене, и даже больше. Оставалось договориться только о деталях. Для этой цели Чемберлен привез с собой сэра Горация Вильсона, Уильяма Стэнга, эксперта министерства иностранных дел по Восточной Европе, сэра Уильяма Малкина, главу юридической службы министерства иностранных дел.

Вечером премьер-министр пересек Рейн на пароме и направился в гостиницу "Дризен", где его ждал Гитлер {Отель принадлежал старому

другу Гитлера, нацисту Дризену. Именно отсюда Гитлер в ночь на 30 июня 1934 года отправился убивать Рема и проводить "кровавую чистку". Нацистский вождь часто приезжал в этот отель, чтобы собраться с мыслями и рассеять сомнения. — Прим. авт. }. На сей раз говорил только Чемберлен, по крайней мере сначала. Приблизительно в течение часа, если судить по записи, сделанной доктором Шмидтом, Чемберлен рассказывал о "трудных переговорах", которые он с большим успехом провел не только с английским и французским кабинетами, но и с Чехословакией, в результате чего последняя согласилась принять требования Гитлера. Потом он говорил о том, что нужно предпринять, чтобы эти требования были выполнены. Следуя совету Ренсимена, он готов был отдать Судетскую область Германии без плебисцита. Что касается других территорий, то их судьбу предстояло решить комиссии из трех человек — представителей Германии, Чехословакии и какой-нибудь нейтральной страны. Более того, договоры Чехословакии о взаимопомощи с Францией и Россией, которые очень не нравились Гитлеру, заменялись международной гарантией против неспровоцированного нападения на Чехословакию, которой в будущем "надлежит стать полностью нейтральной".

Все это казалось таким простым, разумным и логичным миролюбивому британскому бизнесмену, занимавшему пост премьер-министра. Как отметил один из очевидцев, в этом месте он прервал свою речь с видом крайнего самодовольства в ожидании ответной реакции Гитлера.

"Правильно ли я понял, что правительства Англии, Франции и Чехословакии согласны передать Судетскую область Германии? " — спросил Гитлер {Гитлер знал, что Чехословакия приняла англо-французские предложения. Йодль отметил в своем дневнике, что 21 сентября, в 11. 30 утра, за день до того, как Чемберлен прибыл в Годесберг, ему, Йодлю, позвонил адъютант фюрера и сказал: "Пять минут назад фюрер получил известие, что Прага, судя по всему, безоговорочно согласна". В 12. 45, пишет Йодль, начальники отделов получили приказ продолжать подготовку операции "Грюн", но при этом не упускать из виду мирное проникновение. Вполне возможно, что Гитлер не знал англо-французских условий, пока ему не рассказал о них премьер-министр. — Прим. авт. }. Согласно позднему признанию, его поразило, что уступки столь велики и что пошли на них так быстро. "Да", — ответил улыбаясь премьер-министр. "Мне ужасно жаль, — заявил Гитлер, — но в свете событий последних дней предложенное решение уже утратило всякий смысл".

Доктор Шмидт вспоминал, что при этих словах Чемберлен даже подскочил от удивления и гнева, его свиное лицо покраснело. Но покраснело, очевидно, не от того, что Гитлер обманул его и, как обыкновенный шантажист, ужесточил требования, едва их приняли. Выступая в палате общин через несколько дней, премьер-министр рассказал, что он чувствовал в тот момент:

"Я не хочу, чтобы палата думала, будто Гитлер намеренно обманул меня, — я сам так ни секунды не думаю. Но у был уверен, что еду в Годесберг, чтобы в спокойной обстановке обсудить наши предложения. И я был шокирован, когда мне сказали, что эти предложения уже не являются приемлемыми..."

Чемберлен увидел, что его "дом мира", с таким трудом построенный за счет Чехословакии, рассыпается, словно картонный домик. Он был "разочарован и озадачен одновременно" и мог с полной уверенностью сказать, что "фюрер получил от него все, что требовал".

"Чтобы добиться этого, он (Чемберлен) поставил на карту свою политическую карьеру... Некоторые круги в Великобритании обвиняли его в том, что он предает Чехословакию, торгует ею, идет на поводу у диктатора. Когда сегодня утром он улетал из Англии, его буквально освистали".

Однако фюрера не трогали беды британского премьер-министра. Он выдвигал требование немедленной оккупации Судетской области Германией, причем проблема эта "должна быть решена окончательно не позднее 1 октября". Под рукой оказалась карта, на которой фюрер отметил, какие именно территории подлежат немедленной оккупации.

После этого Чемберлен, "переполненный дурными предчувствиями", как он позднее заявил в палате общин, отправился в свою резиденцию на другой берег Рейна, чтобы решить, что же делать. В тот вечер ничто не вселяло надежд, и после консультаций со своими советниками и телефонных разговоров с французским правительством он нашел решение: правительства Англии и Франции сообщат чешскому правительству, что "не берут на себя ответственность советовать ему не проводить мобилизацию" {Мобилизация в Чехословакии началась 23 сентября, в 10.30 утра. — Прим. авт. }.

В 7.20 вечера генерал Кейтель позвонил по телефону из Годесберга в штаб сухопутных войск: "Дату (день "X") пока точно назвать нельзя. Продолжайте подготовку согласно плану. Операция "Грюн" начнется не раньше 30 сентября. Если она начнется раньше, то это будет, скорее всего, импровизация".

Перед Адольфом Гитлером стояла дилемма. Как он изложил в директиве ОКВ после "майского кризиса", его цель заключалась в том, чтобы "военными действиями уничтожить Чехословакию", о чем Чемберлен конечно не знал. Принять англо-французский план, с которым Чехословакия согласилась, хотя и неохотно, означало не только получить Судетскую область, но и нанести ощутимый удар Чехословакии, поскольку она становилась беззащитной. Но это не были военные действия. Фюрер же намеревался не только унижить президента Бенеша, который нанес ему обиду в мае, но и доказать бесхребетность правительств западных стран. Для этого была необходима именно военная оккупация. Она могла оказаться и бескровной, как в случае с Австрией, но непременно должна была осуществиться. Он жаждал взять реванш над выскочками чехами.

Вечером 22 сентября два государственных деятеля больше не встречались. Чемберлен лег спать с нерешенной проблемой, а когда проснулся на следующее утро, то, постояв на балконе, полюбовавшись Рейном, позавтракав, написал Гитлеру письмо. Он передаст новые требования Германии чешскому правительству, но не уверен, что оно их примет. Более того, он не сомневается, что правительство Чехословакии будет сопротивляться немедленной оккупации. Но он готов предложить Праге, поскольку о передаче Судетской области Германии обе стороны уже договорились, до практического присоединения ее к рейху право поддерживать там закон и порядок предоставить судетским немцам.

О таком компромиссе Гитлер не хотел и слышать. Заставив премьер-министра прождать практически весь день, он послал ответ, опять перечислив все притеснения, которым будто бы подвергались немцы со стороны чехов. Он отказался умерить свои требования и заявил, что "речь теперь, вероятно, идет о войне". Ответ Чемберлена был краток. Он попросил Гитлера изложить все требования на бумаге и приложить карту, а на себя взял роль посредника в передаче этих требований Праге. "Я не вижу, что еще могу сделать, находясь здесь, — заявил он. — Я намерен возвратиться в Англию".

Перед отъездом он еще раз встретился с Гитлером в отеле "Дризен". Встреча состоялась в 10.30 вечера 23 сентября. Гитлер представил свои требования в виде меморандума и приложил карту. Чемберлен был поставлен в жесткие временные рамки. Чехословакия должна была начать эвакуацию населения с территорий, отходящих к Германии, в 8 часов утра 26 сентября, то есть через два дня, и завершить ее 28 сентября.

"Но это же ультиматум! " — воскликнул Чемберлен. "Ничего подобного! " — живо возразил Гитлер. Когда Чемберлен заметил, что это

нельзя назвать иначе как немецким словом "диктат", Гитлер сказал: "Это вовсе не диктат. Взгляните на документ, он озаглавлен словом "меморандум".

В этот момент адъютант принес фюреру срочную телеграмму. Гитлер пробежал ее глазами и передал переводчику Шмидту: "Прочтите господину Чемберлену". Шмидт прочитал: "Только что Бенеш объявил по радио всеобщую мобилизацию в Чехословакии".

Как вспоминал позднее Шмидт, в комнате воцарилась мертвая тишина. Потом заговорил Гитлер: "Теперь вопрос, конечно, закрыт. Чехословакия и не подумает отдать Германии какие-либо территории".

Согласно записям Шмидта, Чемберлен возражал. В действительности разгорелся жаркий спор.

"Чехи первыми объявили мобилизацию", — сказал Гитлер. Чемберлен возразил: "Первой объявила мобилизацию Германия... " Гитлер отрицал, что в Германии была проведена мобилизация.

Переговоры затянулись до утра. В конце концов Чемберлен спросил, является ли меморандум Гитлера его последним словом. Когда Гитлер ответил, что да, является, премьер-министр сказал, что нет смысла продолжать переговоры. Он сделал все, что мог, но его попытки не увенчались успехом. Он уезжает с тяжелым чувством, потому что надежды, с которыми он приехал в Германию, разбиты.

Немецкий диктатор не хотел, чтобы Чемберлен сорвался с крючка, и пошел на "уступки". "Вы один из немногих, для кого я когда-либо делал подобное, — с живостью заметил он. — Я готов установить окончательную дату для эвакуации чехов — 1 октября, если это упростит вашу задачу". Сказав это, он взял карандаш и сам исправил дату. В действительности это не было уступкой, ведь 1 октября было давно назначенным днем "Х" {Меморандум предписывал вывести все чешские войска, в том числе подразделения полиции, к 1 октября с больших территорий, заштрихованных на карте красным цветом. Судьбу территорий, заштрихованных зеленым цветом, предстояло решить в ходе плебисцита. Все военные сооружения на этих территориях предписывалось оставить нетронутыми. Коммерческие, транспортные материалы, особенно подвижной состав железных дорог, передавались немцам неповрежденными. Наконец, не должны были вывозиться продукты питания, товары, скот, сырье и т. д. Сотни тысяч чехов, проживавших в Судетской области, лишались права забрать с собой свой скарб или корову. — Прим. авт. }.

Это, казалось, подействовало на премьер-министра. Как вспоминал

Шмидт, Чемберлен "высоко оценил соображения фюрера по этому вопросу". Тем не менее он добавил, что не готов принять или отвергнуть предложения, а может только передать их.

Лед, однако, был сломан. К половине второго ночи, когда встреча подошла к концу, несмотря на все разногласия, эти два человека были близки друг другу, как никогда. Я имел возможность наблюдать сцену их прощания у дверей отеля с расстояния двадцати пяти футов из своей импровизированной радиостудии, которую оборудовал в комнате портье. Сердечность их прощания поразила меня. Шмидт записывал слова прощания, которые мне не удалось расслышать.

"Чемберлен сердечно прощался с фюрером. Он сказал, что у него появилось чувство, будто между ним и фюрером установились отношения доверия в результате переговоров, прошедших в последние дни... Он не терял надежды, что существующие трудности будут преодолены. После этого он был бы рад обсудить оставшиеся проблемы с фюрером в том же духе.

Фюрер поблагодарил Чемберлена за эти слова и сказал, что тоже на это надеется. Как он неоднократно отмечал, чешская проблема — его последние территориальные притязания в Европе".

Отказ от дальнейших территориальных притязаний, казалось, произвел впечатление на премьер-министра; недаром, выступая в палате общин, он отметил, что Гитлер заявил об этом "со всей серьезностью".

Когда Чемберлен около двух часов ночи вернулся в гостиницу, один из журналистов спросил его: "Положение безнадежно, сэр? " "Я бы этого не сказал, — ответил премьер-министр. — Теперь все зависит от чехов". Ему, вероятно, не пришло в голову, что это зависело также и от немцев, выставлявших наглые требования.

Как только премьер-министр вернулся в Лондон, он сразу сделал то, чего, как он заявлял Гитлеру, делать не собирался: стал убеждать британский кабинет принять новые требования нацистов. Однако неожиданно ему пришлось столкнуться с сильной оппозицией. Ему твердо противостоял Дафф Купер, первый лорд адмиралтейства, и, как ни странно, такую же позицию занял лорд Галифакс, хотя и без явной охоты. Чемберлен не смог уговорить свой кабинет. Не убедил он и французское правительство, которое 24 сентября отвергло Годесбергский меморандум и в тот же день объявило частичную мобилизацию.

Когда в воскресенье, 25 сентября, в Лондон прибыли французские министры во главе с премьером Даладье, английское и французское правительства узнали, что Чехословакия отклонила Годесбергские

предложения {Ответ Чехословакии — документ трогательный и пророческий. В нем говорилось, что Годесбергские предложения лишают ее "гарантий на существование как нации". — Прим. авт. }. Франции не оставалось ничего, кроме как подтвердить свою верность союзническим обязательствам и обещать прийти на помощь Чехословакии в случае, если она подвергнется нападению. Но Франции нужно было знать, как поведет себя Англия. Окончательно загнанный в угол — по крайней мере, так казалось — Чемберлен согласился сообщить Гитлеру, что если Франция в силу союзнических обязательств по отношению к Чехословакии окажется в состоянии войны с Германией, то Британия будет считать себя обязанной поддержать ее.

Но сначала он обратился с последним воззванием к немецкому диктатору. 26 сентября Гитлер должен был выступать в берлинском Шпортпаласте. Чемберлен послал ему личное письмо, в котором убеждал не сжигать мостов. Вечером 26 сентября на специальном самолете письмо повез в Берлин верный помощник Чемберлена сэр Гораций Вильсон.

После отъезда Чемберлена из отеля "Дризен", рано утром 24 сентября, немцы пребывали в мрачном расположении духа. Теперь, когда они стояли практически на пороге войны, эта перспектива перестала им нравиться, по крайней мере некоторым из них. Поздно поужинав, я прохаживался по вестибюлю гостиницы. Там же находились Геринг, Геббельс, Риббентроп, генерал Кейтель и другие. Они были увлечены разговором. Перспектива войны, казалось, их озадачила.

Вечером того же дня в Берлине я заметил некоторое возрождение надежд. На Вильгельмштрассе считали, что если обладающий полномочиями Чемберлен согласился передать в Прагу новые требования Гитлера, то это значит, что он их поддерживает. Как стало известно впоследствии, предположение это было верным.

Воскресный день 25 сентября выдался чудесный. В Берлине стояло бабье лето, было тепло и солнечно. Берлинцы понимали, что больше таких погожих дней в этом году, вероятно, не будет, поэтому спешили в леса и на озера, которых вокруг Берлина множество. Несмотря на сообщения о ярости, охватившей Гитлера по поводу отвергнутого Годесбергского ультиматума, в Париже, Лондоне и Праге не чувствовалось, что наступил кризис, да и в Берлине не было заметно никакой военной лихорадки. "Трудно поверить, что будет война" — такую запись сделал я в тот день в своем дневнике {По окончании переговоров в Годесберге английские и французские корреспонденты, а среди них и главный европейский корреспондент нью-йоркской "Таймс", являвшийся гражданином

Великобритании, поспешили к французской, бельгийской и голландской границам, чтобы не оказаться интернированными в случае объявления войны. — Прим. авт. }.

На следующий день, в понедельник, произошли внезапные перемены к худшему. В пять часов утра сэр Горацій Вильсон в сопровождении посла Гендерсона и первого секретаря британского посольства Киркпатрика привез в канцелярию письмо Чемберлена. Гитлера они застали в отвратительном расположении духа. Вероятно, он уже настраивался на речь, которую ему предстояло произнести через три часа в Шпортпаласте.

Когда доктор Шмидт начал переводить письмо Чемберлена, в котором премьер-министр сообщал, что Прага посчитала Годесбергский меморандум "абсолютно неприемлемым", о чем он предупреждал, Гитлер, по воспоминаниям переводчика, неожиданно вскочил и закричал: "Нет никакого смысла вести дальнейшие переговоры! " — после чего бросился к двери.

Вспоминая об этой жалкой сцене, немецкий переводчик отмечает:

"В первый, и единственный на моей памяти, раз Гитлер совершенно потерял голову". Согласно воспоминаниям присутствовавших англичан, фюрер вскоре сел в кресло, но во время чтения письма часто восклицал: "С немцами обходятся как с грязными неграми... 1 октября я поставлю Чехословакию на место! Если Франция и Англия хотят нападать, пусть нападают! Мне это совершенно безразлично! "

Чемберлен предлагал свой план. Так как Чехословакия готова отдать Гитлеру то, что он требует, а именно Судетскую область, необходимо срочно организовать встречу чешских и немецких представителей и "договориться о способе передачи территории". Чемберлен добавлял, что ему хотелось бы, чтобы на этой встрече присутствовали представители Англии. Гитлер ответил, что готов вступить в переговоры с чехами, если они примут Годесбергский ультиматум, только что ими отвергнутый, и согласятся на оккупацию Судетской области немецкими войсками 1 октября. Он заметил, что положительный ответ должен быть получен в течение сорока четырех часов, то есть к двум часам дня 28 сентября.

В тот вечер Гитлер сжег все мосты — по крайней мере, так казалось тем из нас, кто с удивлением слушал его безумное выступление в переполненном берлинском Шпортпаласте. Раньше я никогда не видел его таким. Он изрыгал проклятия и оскорбления в адрес Бенеша и повторял, что решение вопроса войны и мира зависит теперь всецело от президента Чехословакии, добавляя при этом, что в любом случае к 1 октября завладеет Судетской областью. Извергая потоки гневных слов,

воодушевляемый возгласами толпы, Гитлер, проявив в достаточной мере расчетливость, воздал должное британскому премьеру. Он поблагодарил его за те усилия, которые тот прилагал в целях поддержания мира. Затем он пустился в рассуждения и заявил, что никаких иных территориальных притязаний в Европе не имеет. "Нам не нужны чехи! " — презрительно буркнул он.

Во время выступления фюрера я находился на балконе, расположенном прямо над ним. Я старался дать в эфир синхронный перевод его речи, но мне это плохо удавалось. В этот вечер я записал в своем дневнике:

"... Впервые за время моего пребывания в Германии я видел его таким — он в буквальном смысле утратил контроль над собой. Когда он сел, вскочил Геббельс и прокричал в микрофон: "Одно можно сказать наверняка: 1918 год никогда не повторится! " Гитлер взглянул на него дикими глазами, как будто Геббельс произнес именно те слова, которые он, Гитлер, искал весь вечер, но так и не нашел. Он приподнялся, дотянулся правой рукой до микрофона, прокричал во всю мощь своих легких: "Ja! " — и устало сел на место. Никогда не забуду того фанатичного огня, который горел в его глазах в этот момент".

Когда 27 сентября он во второй раз принимал Горация Вильсона, то уже вполне владел собой. Специальный посланник, человек без дипломатического образования, Вильсон не менее британского премьера, а может, и более был склонен отдать Гитлеру Судетскую область, если только немецкий диктатор возьмет ее мирным путем. Вильсон обратил внимание Гитлера на заявление, которое сделал в Лондоне Чемберлен в ответ на выступление фюрера в Шпортпаласте. Ввиду того что канцлер не верил в обещания Чехословакии, британское правительство предлагало взять на себя "моральную ответственность" за то, чтобы обещания Чехословакии были выполнены "справедливо, полностью и быстро". Чемберлен рассчитывал, что канцлер такое предложение не отвергнет.

Однако Гитлера оно не заинтересовало. Он заявил, что ответа для господина Чемберлена не будет. Теперь все зависело от чехов: они могли принять или не принимать его предложения. Если они не примут его предложения, он уничтожит Чехословакию. С явным удовольствием он прокричал свою угрозу несколько раз.

Вероятно, это вывело из себя даже спокойного Вильсона. Он поднялся и сказал: "В таком случае я уполномочен премьер-министром сделать следующее заявление: "Если Франция вследствие своих союзнических обязательств окажется в состоянии войны с Германией, то Соединенное

Королевство сочтет себя обязанным поддержать Францию".

"Я могу лишь принять к сведению, — парировал Гитлер с жаром, что если Франция решится напасть на Германию, то и Англия сочтет себя обязанной напасть на Германию".

Когда сэр Гораций заметил, что он этого не говорил, что только от Гитлера зависит, начнется война или нет, разгоряченный фюрер воскликнул: "Если Франция и Англия хотят напасть на нас, пусть нападают! Мне это совершенно безразлично! Сегодня вторник, в следующий понедельник мы уже будем в состоянии войны! "

Из записи, сделанной Шмидтом, ясно, что Вильсон хотел продолжить беседу, но посол Гендерсон отговорил его. Тем не менее неопытный посланник встретился с Гитлером с глазу на глаз по окончании встречи. "Я постараюсь образумить этих чехов" {Заверения Вильсона приведены в записи беседы, которую Шмидт сделал на немецком языке, по-английски. — Прим. авт. }, - уверял он Гитлера, на что тот отвечал, что будет "это приветствовать". Вероятно, фюрер решил, что еще можно уговорить Чемберлена "вразумить" чехов.

В тот же вечер он продиктовал на имя премьер-министра витиеватое письмо.

Для написания такого письма имелись серьезные основания. Многое произошло в Берлине — и не только в Берлине — в течение того дня, 27 сентября.

В час дня, сразу по прибытии Вильсона, Гитлер издал "совершенно секретный" приказ, в котором ударным частям — примерно 21 усиленный полк, или семь дивизий — предписывалось покинуть места проведения учений и выйти на рубеж атаки на чешской границе. "Они должны быть готовы, — говорилось в приказе, — начать действия против "зеленых" 30 сентября, уведомив об этом накануне не позднее полудня". Через несколько часов был издан приказ о дальнейшей скрытной мобилизации. В ходе ее было сформировано пять новых дивизий для размещения на западной границе.

Несмотря на то что Гитлер продолжал военные приготовления, события, произошедшие в течение этого дня, заставили его заколебаться. Чтобы повысить боевой дух населения, Гитлер приказал по окончании рабочего дня, когда сотни тысяч берлинцев выйдут из своих контор на улицу, провести в центре Берлина парад моторизованной дивизии. Затея эта обернулась полным фиаско, по крайней мере для верховного главнокомандующего. Берлинцы не желали, чтобы им напоминали о войне. В тот вечер в дневнике я описал удивительную сцену, которую мне

довелось наблюдать.

"Я вышел на угол Унтер-ден-Линден, когда колонна (войск) поворачивала на Вильгельмштрассе. Моему взору на основании прочитанного уже рисовалась одна из картин 1914 года, когда ликующие толпы на этой же улице осыпали марширующих солдат цветами, а девушки — поцелуями... Но сегодня люди ныряли в подземку — они не желали смотреть на все это. На обочине стояла молчаливая кучка людей... Это была самая поразительная антивоенная демонстрация, какую мне когда-либо приходилось видеть".

Руководствуясь указанием полицейского, я пошел вниз по Вильгельмштрассе до Рейхсканцлерплац, где Гитлер, стоя на балконе, производил смотр войскам.

"Там не было и двухсот человек. Гитлер казался угрюмым и рассерженным и очень скоро ушел с балкона... То, что я видел сегодня вечером, возрождает веру в немецкий народ. Он настроен против войны".

Очередные вести, поступавшие в канцелярию из-за границы, тоже не радовали. Из Будапешта сообщили: правительства Югославии и Румынии предупредили правительство Венгрии, что в случае нападения ее войск на Чехословакию они предпримут против Венгрии военные действия. В результате война могла распространиться на Балканы, а это в планы Гитлера не входило.

Новости из Парижа оказались и того хуже. От немецкого военного атташе пришла телеграмма с грифом "очень срочно". Адресована она была не только министерству иностранных дел, но и ОКВ и генеральному штабу. В ней атташе сообщал, что объявленная во Франции частичная мобилизация сильно смахивает на мобилизацию всеобщую и что "к шестому дню мобилизации можно ожидать развертывания первых 65 дивизий на границе с Германией". Этой силе, насколько было известно Гитлеру, Германия могла противопоставить лишь 10–12 дивизий. Половина из них состояла из резервистов, а их боеспособность вызывала тревогу. Более того, по мнению военного атташе, для Германии оставалась реальной угрозой подвергнуться немедленному нападению из Нижнего Эльзаса и Лотарингии в направлении Майнца при первых же попытках с ее стороны предпринять военные действия.

И наконец, как докладывал атташе, итальянцы не делают абсолютно ничего, чтобы сковать французские войска на итало-французской границе. Казалось, что и доблестный союзник Муссолини покинул Гитлера в решающий момент.

Поступили новости от президента Соединенных Штатов и от короля

Швеции. Накануне, 26 сентября, Рузвельт обратился к Гитлеру с призывом помочь сохранить мир, и хотя фюрер в течение двадцати четырех часов ответил, что сохранение мира зависит только от Чехословакии, Рузвельт в среду прислал еще одну телеграмму, в которой предлагал немедленно созвать конференцию всех заинтересованных сторон. В этой же телеграмме американский президент отмечал, что если разразится война, то ответственность за нее мировая общественность возложит на Гитлера.

Король Швеции, друг Германии, подтвердивший свою верность в ходе войны 1914–1918 годов, был более откровенен и прямолинеен. Как сообщалось в депеше немецкого посла из Стокгольма, король срочно вызвал его и заявил, что если Гитлер не оттянет указанный им срок (1 октября) на десять дней, то мировая война неминуема и виноват в этом будет фюрер. Более того, войну эту Германия бесспорно проиграет ввиду "расстановки сил между великими державами".

В своем нейтральном прохладном Стокгольме хитрый король мог более объективно оценить сложившуюся ситуацию, по крайней мере военную, чем главы правительств в Берлине, Лондоне и Париже.

Президент Рузвельт, что, вероятно, объяснялось эмоциональностью американцев, смягчил драматизм своих воззваний к Гитлеру отметив, что Соединенные Штаты не примут участия в войне и не возьмут на себя никаких обязательств "в ходе ведущихся переговоров". Немецкий посол в Вашингтоне Ганс Дикхофф тем не менее счел необходимым послать в Берлин "срочнейшую" телеграмму. В ней он предупреждал, что если Гитлер склоняется к войне, в которой ему будет противостоять Великобритания, то есть веские основания полагать, что "вся мощь Соединенных Штатов будет брошена на чашу весов Англии". Здесь посол, обычно робевший, когда доходило до споров с Гитлером, добавлял: "Считаю своим долгом обратить на это серьезное внимание". Он не хотел, чтобы правительство Германии допустило в отношении Америки ту же ошибку, что и в 1914 году.

А что же Прага? Наблюдались ли там проявления слабости? Вечером в ОКВ пришла телеграмма от немецкого военного атташе полковника Туссена: "В Праге спокойно... Завершены последние меры по мобилизации. ... Общее число призванных составляет около миллиона человек, в полевых войсках — 800 тысяч... " Примерно столько было у Германии на обоих фронтах. Войска Франции и Чехословакии, вместе взятые, превосходили по численности немецкую армию более чем в два раза.

Столкнувшись с этими фактами и учитывая развитие события, а также

прощальные слова Вильсона, характер Чемберлена и его страх перед войной, Гитлер вечером 27 сентября продиктовал премьер-министру письмо. Шмидту, которого вызвали, чтобы перевести письмо, показалось, что диктатор колебался, перед тем как сделать "решающий шаг". Трудно сказать, знал ли Гитлер, что в этот вечер будет издан приказ о мобилизации британского флота. В десять вечера к нему на прием пришел адмирал Редер. Вполне вероятно, что командующему немецкими ВМС было известно о решении англичан. Приказ был подписан в восемь вечера, а в 11. 38 о нем было объявлено официально. Возможно, Редер сообщил об этом Гитлеру по телефону. Во всяком случае, прибыв к фюреру, адмирал убеждал его не начинать войну.

Какими сведениями располагал в тот момент Гитлер? Что Прага не покорилась, что в Париже ускоренными темпами идет мобилизация, что Лондон занял более жесткую позицию, что его собственный народ пребывает в состоянии апатии, что его генералы настроены против него, что срок Годесбергского ультиматума истекает в два часа следующего дня.

Его письмо-воззвание к Чемберлену было хорошо продумано. В сдержанных выражениях Гитлер отрицал тот факт, что его предложения полностью лишат чехов гарантий на существование как нации, что немецкие войска продвинутся дальше демаркационной линии. Гитлер выражал готовность обсудить с чехами детали и "дать гарантии Чехословакии". Чехи держатся только потому, что надеются начать европейскую войну, заручившись поддержкой Англии и Франции, но он, Гитлер, все еще не теряет надежду сохранить мир.

"Я вынужден передать это дело на Ваш суд, — писал он в заключение. — Учитывая все факты. Вы сами решите, следует ли Вам продолжать попытки ... противодействовать этим маневрам и в последнюю минуту призвать правительство Чехословакии прислушаться к голосу разума".

Последняя минута

Послание Гитлера, отправленное в Лондон телеграфом, Чемберлен получил 27 сентября, в 10. 30 вечера. Это произошло в конце напряженного для премьер-министра дня.

Возвратившийся в тот же вечер из Берлина Вильсон привез неутешительные новости, которые вынудили Чемберлена и его кабинет действовать. Было решено отдать приказ о мобилизации флота и вспомогательных сил ВВС, объявить чрезвычайное положение. В парках и на площадях начали рыть траншеи, чтобы укрываться там во время налетов, приступили к эвакуации школьников из Лондона.

Премьер-министр немедленно направил телеграмму президенту Бенешу, в которой приводил полученную из Берлина информацию, свидетельствующую о том, "что немецкая армия получит приказ пересечь границу Чехословакии, если завтра (28 сентября) к 14. 00 правительство Чехословакии не примет предложения Германии". Честно предупредив правительство Чехословакии, Чемберлен не мог удержаться, чтобы в конце своего послания не запугать Бенеша: "Немецкая армия займет Богемию, и ни государство, ни группа государств не смогут ничего сделать для спасения Вашего народа и Вашей страны... Такова правда, каков бы ни был результат мировой войны".

Таким образом, Чемберлен возлагал ответственность за начало войны уже не на Гитлера, а на Бенеша. Он высказал о военном положении мнение, которое даже немецкие генералы, как известно, считали безответственным. Тем не менее, добавлял он, он не возьмет на себя ответственность советовать Чехословакии, как поступить. Это она должна решить сама.

Так ли все обстояло на самом деле? Бенеш еще не ответил на эту телеграмму, когда пришла следующая, в которой Чемберлен уже советовал чешскому правительству, как поступить. Он рекомендовал Чехословакии согласиться на ограниченную оккупацию немецкими войсками 1 октября района по берегам рек Эгер и Аш. Он предлагал также создать германо-чешско-британскую пограничную комиссию, которая быстро установит, какие территории отойдут в дальнейшем к Германии {Эти предложения были переданы послом Гендерсоном в министерство иностранных дел Германии в 11 вечера с просьбой немедленно довести их до сведения Гитлера. — Прим. авт. }. К этому премьер-министр присовокупил следующее предупреждение:

"Единственной альтернативой этому является вторжение и насильственное разделение Чехословакии. Если возникнет конфликт, то он приведет к многочисленным жертвам; после этого восстановить прежние границы Чехословакии не удастся, каков бы ни был исход конфликта".

Таким образом, друзья предупредили чешское правительство (Франция согласилась с последними предложениями), что, даже если союзники и одержат победу в войне с Германией, Чехословакии придется передать ей Судетскую область. Подоплека была ясна: зачем втягивать Европу в войну, если Судетская область для вас все равно потеряна?

Покончив с этим вопросом, премьер-министр в 8. 30 вечера выступил перед нацией по радио:

"Страшно, невероятно, невысказанно! Мы роём траншеи... здесь... из-за спора, разгоревшегося в далекой стране между людьми, о которых мы

ничего не знаем... "

Гитлер получил "почти все, что требовал". Британия гарантировала, что Чехословакия примет предложения и выполнит их.

"Я, не раздумывая ни секунды, готов в третий раз отправиться в Германию, если это принесет пользу...

Как бы мы ни сочувствовали маленькому народу, вступившему в конфликт с сильным соседом, мы не можем только из-за этого вовлекать в войну всю Британскую империю. Если нам и придется воевать, то по более серьезному поводу...

Я сам — человек миролюбивый до глубины души. Мне страшно представить вооруженное столкновение между народами; но если я буду убежден в том, что какая-то нация решила господствовать над миром посредством силы, то соглашусь, что ей надо противостоять. Иначе людям, верящим в свободу, незачем жить; но война — вещь ужасная, поэтому мы должны тщательно все взвесить, прежде чем принять решение, — слишком многое ставится на карту".

Уилер-Беннет отметил, что, прослушав это выступление, большинство англичан легли спать с уверенностью, что в течение двадцати четырех часов Германия и Англия объявят друг другу войну. Однако они не знали, что происходило на Даунинг-стрит в то время, когда они спали.

В 10. 30 было доставлено письмо от Гитлера. За эту соломинку премьер-министр радостно уцепился. Вот что ответил он Гитлеру:

"Прочитав Ваше письмо, я пришел к выводу, что Вы сможете достичь всего очень быстро и не прибегая к войне. — Я готов сам немедленно прибыть в Берлин, чтобы обсудить вместе с вами и с правительством Чехословакии подготовительные меры по передаче территорий в присутствии представителей Франции и Италии, если Вы того пожелаете. Я убежден, что в течение недели мы придем к соглашению. Я не поверю, что из-за задержки на несколько дней решения давно возникшей проблемы Вы возьмете на себя ответственность начать мировую войну, которая может привести к гибели цивилизации".

Была также отправлена телеграмма Муссолини, в которой содержалась просьба склонить фюрера принять изложенный план и согласиться прислать на планируемую встречу своего представителя,

Премьер-министр давно вынашивал идею этой конференции. Еще в июле в своем послании из Берлина сэр Невилл Гендерсон предложил организовать такую встречу. Он выражал надежду, что четыре державы — Германия, Италия, Англия и Франция решат судетский вопрос. Но министерство иностранных дел напомнило послу и премьер-министру, что

будет трудно исключить "другие державы" из числа участников конференции. "Другие державы" — это Россия, у которой с Чехословакией был заключен пакт о взаимопомощи. Вернувшийся из Годесберга Чемберлен был убежден, причем вполне обоснованно, что Гитлер никогда не согласится на встречу, в которой будет принимать участие Советский Союз. Да и сам премьер-министр не жаждал встречаться с русскими. Хотя любой мало-мальски грамотный человек в Англии понимал, что участие Советского Союза на стороне западных держав в войне против Германии необычайно важно, о чем Черчилль неоднократно напоминал правительству, этот аспект, казалось, ускользнул из поля зрения премьер-министра. Как известно, он отверг предложение России созвать конференцию после аншлюса для выработки мер по обузданию дальнейшей агрессии Германии. Несмотря на гарантии, данные Москвой Чехословакии, и постоянные заверения Литвинова, что гарантии эти будут выполнены, Чемберлен не намеревался допускать вмешательства Советского Союза в выполнение плана по поддержанию мира путем передачи Судетской области Германии.

Но до среды 28 сентября он еще не думал о том, чтобы исключить из состава участников конференции и Чехословакию. 25 сентября, после того как Прага отклонила требования Годесбергского меморандума, премьер-министр вызвал к себе посла Чехословакии в Лондоне Яна Масарика и предложил Чехословакии согласиться на переговоры в рамках "международной конференции, в которой смогут принять участие Германия, Чехословакия и другие страны". На следующий день чешское правительство согласилось с этим предложением. Как мы знаем, в своем послании Гитлеру, отправленном поздно вечером 27 сентября, Чемберлен указывал, что представители Чехословакии должны быть включены в число участников конференции наряду с Германией, Италией, Францией и Великобританией.

"Черная среда" и заговор Гальдера против Гитлера

День 28 сентября — "Черная среда" — еще только занимался, а Берлин, Прага, Лондон и Париж уже были охвачены мрачными настроениями. Война казалась неизбежной.

"Вряд ли можно сейчас избежать большой войны, — записал Йодль слова Геринга, сказанные утром. — Она может продолжаться семь лет, и мы ее выиграем".

В Лондоне полным ходом шло рытье траншей, эвакуация школьников, больниц. На парижских вокзалах поезда брали штурмом, на дорогах, ведущих из столицы, образовывались пробки. Аналогичную картину

можно было наблюдать на западе Германии. В то утро в дневнике Йодля появилась запись о беженцах из пограничных районов Германии. В два часа дня истек срок Годесбергского меморандума, и ничто еще не говорило о том, что его требования будут приняты Прагой. Однако активность на Вильгельмштрассе возросла: туда то и дело приезжали послы Франции, Англии и Италии. Но население об этом не знало, как не знали об этом и многие генералы.

Для некоторых из них, в том числе для Гальдера, начальника генерального штаба, настало время выполнить намеченный план и сместить Гитлера, не дав ему втянуть фатерланд в большую войну, которую, как они предчувствовали, Германия проиграет. Весь сентябрь заговорщики, согласно показаниям тех, кто остался жив, тщательно разрабатывали план {Имеются в виду написанные собственной рукой показания Гальдера, Гизевиуса и Шахта. В них много противоречий, по некоторым пунктам они полностью исключают друг друга. Не следует забывать, что все трое с самого начала служили нацистскому режиму, хотя после войны старались доказать, что всегда были противниками Гитлера и выступали за мир.

Эрих Кордт, начальник секретариата Риббентропа в министерстве иностранных дел, тоже был участником заговора — причем не последним — и пережил войну. В Нюрнберге он написал длинный меморандум о событиях сентября 1938 года, с которым автор имел возможность ознакомиться. — Прим. авт. }.

Генерал Гальдер поддерживал тесные контакты с полковником Остером и его шефом в абвере адмиралом Канарисом, который сообщал ему обо всех предпринимаемых Гитлером в области политики шагах, а также знакомил с донесениями разведки. Как известно, заговорщики предупредили Лондон о том, что Гитлер намерен напасть на Чехословакию в конце сентября, и просили правительство Британии недвусмысленно дать понять, что в случае нападения Германии на Чехословакию Англия совместно с Францией откроют военные действия. В течение нескольких месяцев генерал фон Вицлебен, командующий Берлинским военным округом, который должен был выделить войска для переворота, испытывал некоторые колебания. Он подозревал, что Лондон и Париж тайно предоставили Гитлеру свободу действий на Востоке и, следовательно, не вступят в войну за Чехословакию, — точка зрения, которую разделяли некоторые генералы и усиленно пропагандировали Гитлер с Риббентропом. Если это было правдой, то, с точки зрения таких генералов, как Вицлебен и Гальдер, переворот с целью свержения Гитлера терял всякий смысл. На

данном этапе они стремились свергнуть фюрера, чтобы избежать участия Германии в большой войне, которую она была не в состоянии выиграть. Однако опасности большой войны уже не существовало, если Чемберлен собирался отдать Гитлеру то, что он требовал от Чехословакии, без войны. Отпадала и необходимость свергать фюрера.

Чтобы разобраться в позиции Англии и Франции, полковник Остер и Гизевиус организовали встречу Гальдера и фон Вицлебена с Шахтом, который в военных верхах не только высоко котиrowался как человек, финансировавший перевооружение Германии, и до сих пор оставался членом кабинета, но и считался помимо всего прочего специалистом по Англии. Шахт уверил собравшихся, что Англия будет воевать, если Гитлер предпримет вооруженное нападение на Чехословакию.

Эрих Кордт, один из заговорщиков, сотрудник министерства иностранных дел, поздно вечером 13 сентября узнал, что Чемберлен готов "немедленно прибыть самолетом" для поисков мирного способа урегулирования чешского кризиса. Это сообщение посеяло ужас в среде заговорщиков. Они полагали, что с партийного съезда в Нюрнберге Гитлер вернется в Берлин, и планировали организовать путч тогда же или на другой день. Но фюрер в столицу не вернулся {Ни историки, ни заговорщики не могут точно указать, где находился Гитлер 13 и 14 сентября. Черчилль, основываясь на меморандуме генерала Гальдера, утверждает, что фюрер прибыл в Берлин из Берхтесгадена утром 14 сентября и что Гальдер и Вицлебен, узнав об этом, "решили выступить в восемь вечера в тот же день". Они отменили операцию, согласно их показаниям, когда в четыре часа дня узнали, что Чемберлен летит в Берхтесгаден (Черчилль У. Надвигающаяся буря). Но в воспоминания Гальдера, а следовательно, и в утверждение Черчилля вкралась ошибка. Дневник Гитлера с ежедневным расписанием, хранящийся сейчас в библиотеке Конгресса, содержит несколько записей, из которых явствует, что 13 и 14 сентября Гитлер провел в Мюнхене, где помимо всего прочего встречался с Риббентропом на квартире у Бормана и посетил кабаре "Зонненвинкель". Вечером 14 сентября он уехал в Оберзальцберг. — Прим. авт. }. Вместо этого он уехал в Мюнхен, а оттуда 14 сентября в Берхтесгаден, где ждал британского премьера, который собирался прибыть на следующий день.

В ужас заговорщиков повергли два обстоятельства. Во-первых, их план мог быть реализован только при условии, если бы Гитлер находился в Берлине. Они были уверены, что после партийного съезда, в Нюрнберге чешский кризис обострится и фюрер сразу же вернется в столицу. Во-

вторых, некоторые заговорщики, как и англичане, полагали, что Чемберлен летит в Берхтесгаден с целью предупредить Гитлера, чтобы он не повторял той ошибки, которую совершил Вильгельм II в 1914 году, и чтобы сообщить, как поступит Англия в случае германской агрессии. Но Кордт знал кое-что еще. Он видел текст срочного послания Чемберлена Гитлеру, в котором премьер-министр объяснял, что хочет увидаться с Гитлером, "чтобы постараться найти мирные способы решения проблемы". Более того, он видел телеграмму своего брата Теодора Кордта, советника немецкого посольства в Лондоне, датированную тем же днем, в которой тот заверял, что премьер готов поддержать все требования Гитлера относительно Судетской области.

"Это нанесло, — пишет Кордт, — сокрушительный удар по нашим планам. Было бы абсурдно устраивать путч и свергать Гитлера в тот момент, когда британский премьер прибывал в Германию, чтобы обсудить с ним проблему "мира во всем мире".

Между тем вечером 15 сентября, согласно воспоминаниям Эриха Кордта, Пауль Шмидт, тоже участник заговора, который, как известно, исполнял обязанности переводчика и был единственным очевидцем встречи Гитлера с Чемберленом, сообщил Кордту о намерении фюрера захватить всю Чехословакию и о выдвинутых им Чемберлену непомерных требованиях в надежде, что "они будут отклонены". После такого сообщения настроение у заговорщиков поднялось. В тот же вечер Кордт поведал об этом полковнику Остеру, после чего было решено привести план в исполнение, как только Гитлер приедет в Берлин. "Но прежде, — сказал Остер, — необходимо заполучить птичку в берлинскую клетку".

Птичка прилетела в "клетку" из Годесберга по окончании переговоров вечером 24 сентября. К утру "черной среды" (28 сентября) Гитлер находился в Берлине уже около четырех дней. 26-го он сжег все мосты во время своего выступления в Шпортпаласте, а 27 сентября отправил Вильсона назад в Лондон с пустыми руками. Британское правительство отреагировало мобилизацией флота и предупреждением, посланным в Прагу, о близящемся нападении Германии. В течение этого дня, как известно, он отдал приказ ударным частям занять рубежи на чешской границе и быть готовым к действиям 30 сентября, то есть через три дня.

Чего же ждали заговорщики? Все условия, которые они сами для себя определили, были соблюдены. Гитлер прибыл в Берлин. Он намеревался начать войну. Он назвал дату нападения на Чехословакию — 30 сентября. Нужно было немедленно организовать путч, иначе свергать диктатора и предотвращать войну оказалось бы поздно.

Кордт заявляет, что 27 сентября заговорщики определили точную дату действий — 29 сентября. Гизевиус в своих показаниях, данных в Нюрнберге, а позднее в своей книге утверждает, что генералы Гальдер и Вицлебен хотели действовать немедленно, то есть 28 сентября, после того, как накануне вечером получили "высокомерное письмо" Гитлера, в котором он предъявлял "оскорбительные требования" Чемберлену.

"Остер получил копию этого высокомерного письма поздно вечером 27 сентября, — пишет Гизевиус, — а утром 28 сентября отнес его Вицлебену. Вицлебен отправился с письмом к Гальдеру. Теперь наконец начальник генерального штаба имел желаемое доказательство того, что Гитлер не блефовал, а действительно стремился к войне.

По щекам Гальдера текли слезы негодования... Вицлебен настаивал, что пришло время действовать. Он уговорил Гальдера встретиться с Браухичем. Вскоре Гальдер вернулся и сказал, что у него хорошие новости: Браухич также возмущен и, вероятно, присоединится к путчу".

Напрашивается предположение, что в письме при переписывании появились добавления или генералы неверно поняли его смысл, ведь составлено оно было в таких умеренных тонах, изобиловало обещаниями "вступить в переговоры с Чехословакией относительно деталей" — даже предоставить ей "формальные гарантии", казалось, дышало жадой примирения, побуждая Чемберлена не оставлять своих попыток, что премьер-министр немедленно дал телеграмму Гитлеру с предложением созвать конференцию великих держав для обсуждения деталей и одновременно Муссолини с просьбой поддержать это предложение.

Об этой попытке умиротворения, сделанной в последнюю минуту, генералы могли и не знать, но фон Браухич, будучи главнокомандующим сухопутными войсками, вероятно, о чем-то догадывался. Согласно Гизевиусу, Вицлебен позвонил Браухичу из кабинета Гальдера, сообщил, что все готово, и просил его возглавить восстание. Но главнокомандующий дал уклончивый ответ. Он сказал Гальдеру и Вицлебену, что сначала поедет в канцелярию фюрера, чтобы убедиться, верно ли разобрались в ситуации генералы. Гизевиус пишет, что Вицлебен поспешил в свой штаб. "Гизевиус, — взволнованно прокричал он, — время пришло! "

В одиннадцать утра 28 сентября на столе у Кордта зазвенел телефон — звонил Чиано из Рима, он хотел срочно переговорить с министром иностранных дел Германии. Риббентропа на месте не оказалось — он находился в рейхсканцелярии, — и итальянский министр иностранных дел попросил соединить его с послом Бернардо Аттолико. Немцы подслушали этот разговор и записали. Оказалось, что говорить собирался не зять

Муссолини, а сам Муссолини.

Муссолини: Это говорит дуче. Вы слышите меня?

Аттолико: Да, я вас слышу.

Муссолини: Просите канцлера немедленно вас принять. Передайте ему, что британское правительство через лорда Перта {Британский посол В Риме. — Прим. авт. } просило меня быть посредником в решении судетского вопроса. Разногласия очень незначительны. Передайте канцлеру, что я и фашистская Италия на его стороне. Конечно, он сам будет принимать решение, но скажите ему, что я за то, чтобы принять предложение англичан. Вы слышите меня?

Аттолико: Да, я вас слышу.

Муссолини: Поторопитесь!

Задыхаясь, с красным от волнения лицом (так описывает эту сцену переводчик Шмидт), посол Аттолико прибыл в канцелярию, где узнал, что у Гитлера в кабинете уже находится посол Франции. Господину Франсуа-Понсе нелегко было туда пробиться. Накануне, поздно вечером, Бонне, французский министр иностранных дел, вознамерившись превзойти Чемберлена, позвонил своему послу в Берлине и приказал при первой возможности встретиться с Гитлером и предложить французский план оккупации Судетской области, который был гораздо щедрее английского. Если в предложениях премьер-министра, переданных Гитлеру в одиннадцать вечера 27 сентября, оккупации до 1 октября подлежала зона I — территория крошечного анклава, то по французскому плану до 1 октября оккупации подлежали три большие зоны — почти все территории, о которых шла речь.

Это было заманчивое предложение, но французскому послу стоило больших трудов довести его до сведения Гитлера. 28 сентября, в 8 часов утра, он попросил по телефону аудиенции у канцлера. Не получив до 10 часов утра ответа, он спешно направил к немецким генералам своего военного атташе, чтобы тот сообщил им о предложении, которое никак не мог передать сам посол. Он даже призвал на помощь английского посла. Сэр Невилл Гендерсон, готовый услужить всем, кто стремился предотвратить войну, позвонил Герингу. Фельдмаршал пообещал, что постарается организовать встречу. Гендерсон, в общем-то, старался для себя, так как ему было велено представить Гитлеру "окончательное обращение премьер-министра", то самое, которое Чемберлен составил накануне вечером. В нем он уверял Гитлера, что тот сможет добиться всего, чего хочет, "очень быстро и не прибегая к войне", и предлагал созвать конференцию великих держав для разработки деталей.

Гитлер принял Франсуа-Понсе в 11. 15 утра. Канцлер был напряжен и нервничал. Французский посол склонял его принять французские предложения, чтобы спасти Европу от войны. При этом он размахивал картой, где были отмечены большие куски чешской территории, которую главная союзница Чехословакии преподносила Гитлеру на блюде. Несмотря на отрицательные, по словам Франсуа-Понсе, комментарии Риббентропа, Гитлер был приятно поражен, особенно, как отмечает Шмидт, картой, на которой были обозначены щедрые подношения.

В 11. 40 встреча неожиданно прервалась. Вошел курьер и сообщил, что прибыл посол Аттолико со срочным посланием от Муссолини. Гитлер и Шмидт вышли из кабинета, чтобы встретиться с запыхавшимся итальянцем.

— У меня для вас срочное послание от дуче! — прокричал Аттолико хриплым голосом, едва войдя в комнату. Вручая послание, он передал, что дуче умоляет Гитлера повременить с мобилизацией.

По рассказам Шмидта, единственного оставшегося в живых очевидца этой встречи, именно тогда было принято решение о мире. Наступил полдень — до истечения срока ультиматума, предъявленного чехам, оставалось два часа.

— Передайте дуче, — ответил Гитлер Аттолико с заметным облегчением, — что я принимаю его предложение.

Напряжение начало спадать. Вслед за Аттолико и Франсуа-Понсе к Гитлеру прибыл посол Гендерсон.

— По просьбе моего друга и союзника Муссолини, — сказал Гитлер Гендерсону, — я отложил мобилизацию на двадцать четыре часа {Как известно, Гитлер уже мобилизовал все наличные войска. — Прим. авт. }.

Свое решение по другим вопросам, в частности по вопросу о созыве конференции держав, он обещал сообщить после того, как посоветуется с Муссолини.

Начались продолжительные телефонные переговоры между Римом и Берлином. Шмидт уверяет, что однажды два фашистских диктатора вели непосредственные переговоры. За несколько минут до истечения срока ультиматума Гитлер принял решение и распорядился быстро разослать приглашения главам правительств Англии, Франции и Италии встретиться с ним в Мюнхене завтра в полдень для обсуждения чешского вопроса. Ни в Прагу, ни в Москву приглашения не послали. Посчитали, что Россию, одного из гарантов целостности Чехословакии в случае нападения на нее Германии, допускать на конференцию нецелесообразно. Чехословакию не пригласили присутствовать даже во время подписания ей смертного

приговора.

В своих воспоминаниях Невилл Чемберлен главную роль в умиротворении отводит Муссолини. В этом его поддерживают большинство историков, писавших о данном периоде истории Европы {Аллан Буллок в своей книге "Гитлер. Исследование тирании" пишет "Несомненно, что именно вмешательство Муссолини перевесило чашу весов". — Прим. авт. }. Это явное преувеличение. Италия была самой слабой из великих держав, а ее военная мощь настолько незначительна, что немецкие генералы, как видно из документов, относились к ней с юмором. Германия принимала в расчет только Англию и Францию. И именно британский премьер-министр с самого начала вознамерился убедить Гитлера в том, что он сможет получить Судетскую область, не прибегая к войне. Чемберлен, а не Муссолини сделал возможным Мюнхен, сохранив такой ценой мир ровно на одиннадцать месяцев. Во что обошелся этот его подвиг стране, союзникам и друзьям — мы выясним позднее, но с любой точки зрения последствия оказались ужасающими.

Без пяти три в "черную среду", которая уже не казалась такой черной, как утром, британский премьер-министр в палате общин начал свою речь, в которой давал детальный отчет о чешском кризисе, о своей роли и роли правительства в его урегулировании. Положение, которое он обрисовал, все еще оставалось неустойчивым, но улучшилось. Муссолини, сказал он, смог уговорить Гитлера отложить мобилизацию на двадцать четыре часа. В 4.15, когда Чемберлен, проговорив час и двадцать минут, готовился закончить свою речь, его прервали. Сэр Джон Саймон, лорд казначейства, вручил ему записку, которая была передана на переднюю скамью министров лордом Галифаксом, занимавшим место на галерее пэров.

"Какое бы мнение благородные члены палаты не имели о синьоре Муссолини, — говорил Чемберлен, — я верю, что каждый приветствует его мирный жест..."

Здесь премьер-министр остановился, заглянул в записку и улыбнулся:

"Это не все. У меня есть еще что сказать палате. Господин Гитлер приглашает меня встретиться с ним в Мюнхене завтра утром. Он пригласил также синьора Муссолини и месье Даладье. Синьор Муссолини приглашение принял. Не сомневаюсь, что и месье Даладье его примет. Излишне говорить, каков будет мой ответ..."

Действительно, об этом излишне было говорить. Древнее здание "матери парламентов" сотряслось от массовой истерии, которую в этих стенах не приходилось наблюдать за всю историю его существования. Собравшиеся громко кричали, подбрасывали в воздух свои бумаги, многие

плакали. И в этот момент, перекрывая весь этот шум, раздался чей-то голос: "Благодарим тебя, боже, за нашего премьер-министра! "

Ян Масарик, чешский посол, сын основателя Чехословацкой республики, наблюдал за всем этим из дипломатической галереи и не верил собственным глазам. Позднее он нанес визит премьер-министру и министру иностранных дел на Даунинг-стрит, чтобы узнать, будут ли приглашены в Мюнхен представители его страны, приносящей такую жертву. Чемберлен и Галифакс ответили, что не будут, так как Гитлер этого не потерпит.

Масарик смотрел на двух благочестивых англичан и с трудом сдерживал себя. "Если вы принесли в жертву мой народ, чтобы сохранить мир, — сказал он наконец, — то я первый буду аплодировать вам. Но если нет, джентльмены, то пусть бог спасет ваши души! "

А что же заговорщики — генерал Гальдер, генерал фон Вицлебен, Шахт, Гизевиус, Кордт и другие? Ведь еще до полудня того рокового дня они, по словам Вицлебена, считали, что время настало. Ответить можно их же словами, правда сказанными гораздо позднее, когда все было кончено и они стремились доказать всему миру, будто всегда выступали против Гитлера и его безумной политики, способствовавшей превращению Германии после долгой и жестокой войны в руины. Они заявляли, что Невилл Чемберлен просто негодяй: согласившись приехать в Мюнхен, он заставил их в последнюю минуту отменить план свержения Гитлера и нацистского режима!

25 февраля 1946 года, когда долгий Нюрнбергский процесс уже близился к концу, генерала Гальдера допрашивал в частном порядке капитан Сэм Харрис, молодой юрист из Нью-Йорка, работавший тогда в составе американского обвинения.

"Планировалось, — рассказывал Гальдер, — занять силами войск рейхсканцелярию и те правительственные учреждения, в частности министерства, которыми руководили нацисты и сторонники Гитлера. Мы были намерены избежать кровопролития; потом арестованные должны были предстать перед судом всего немецкого народа.

... В тот день (28 сентября), в полдень, ко мне в кабинет зашел Вицлебен. Мы обсудили положение дел. Он хотел, чтобы я отдал приказ действовать. Мы обсудили, сколько ему понадобится времени и т. д. Во время нашего разговора пришло известие о том, что британский премьер-министр и французский премьер согласились приехать к Гитлеру для дальнейших переговоров. Это произошло в присутствии, Вицлебена. Тогда я отменил приказ, так как полученные новости ль щали наш план всякого

смысла...

Мы были абсолютно уверены в успехе. Но вот приехал господин Чемберлен и одним махом ликвидировал опасность возникновения войны... Час для применения силы так и не настал... Оставалось ждать более подходящего случая... "

"Если я правильно вас понял, вы утверждаете, что, не прилети Чемберлен в Мюнхен, вы бы привели свой план в исполнение и Гитлер был бы свергнут?" уточнил капитан Харрис.

"Могу только сказать, что мы привели бы план в исполнение, — ответил Гальдер, — а увенчался бы он успехом — не знаю".

Доктор Шахт, и в показаниях, данных в Нюрнберге, и в своих послевоенных книгах преувеличивавший собственную роль в заговорах против Гитлера, тоже обвиняет в провале плана 28 сентября Чемберлена:

"Дальнейший ход истории наглядно показал, что первая попытка государственного переворота под моим и Вицлебена руководством была единственной, которая действительно могла бы стать поворотным пунктом в истории Германии. Только этот переворот планировалось предпринять в удобный момент... Осенью 1938 года еще можно было рассчитывать на то, что Гитлер предстанет перед верховным судом. Все последующие попытки избавиться от него были сопряжены с покушением на его жизнь... Я подготовил переворот в удобное время и обеспечил ему стопроцентный успех. Но история рассудила иначе. Вмешательство иностранных государственных деятелей явилось фактором, который я не мог предусмотреть".

Гизевиус, выступавший в Нюрнберге в роли твердого сторонника Шахта, добавил:

"Случилось невероятное — Чемберлен и Даладье летели в Мюнхен. Наше выступление было обречено. Несколько часов я еще полагал, что мы можем выступить. Но Вицлебен быстро доказал мне, что войска не захотят пойти против победоносного фюрера... Чемберлен спас Гитлера".

Спас ли? Или это послужило оправданием для немецких заговорщиков — военных и гражданских?

На допросе в Нюрнберге Гальдер объяснял капитану Харрису, что для успешных "революционных действий" необходимы были три условия:

"Первое условие — четкое и решительное руководство. Второе условие — готовность масс принять идею революции. Третье условие — верно выбранный момент. Нам казалось, что твердое руководство у нас есть, то есть первое условие выполнено. Второе условие тоже можно было считать выполненным, потому что... немецкий народ не хотел войны.

Следовательно, народные массы могли поддержать революционную идею из страха перед войной. Третье условие — выбор момента — тоже было соблюдено, так как мы ожидали приказа о начале боевых действий в течение ближайших сорока восьми часов. Исходя из этого, мы были уверены в успехе. Но вот приехал господин Чемберлен и одним махом ликвидировал опасность войны".

Утверждение генерала Гальдера, что первое условие было выполнено, вызывает сомнение. Если имелось "четкое и решительное руководство", то почему генералы пребывали в нерешительности целых четыре дня? В их распоряжении было достаточно войск, чтобы сбросить Гитлера и нацистский режим: у Вицлебена — целый армейский корпус, расквартированный в Берлине и его окрестностях, у Брокдорф-Алефельда — отборная пехотная дивизия в районе Потсдама, у Хефнера — танковая дивизия на юге, а в самой столице у двух высокопоставленных полицейских чинов фон Хельдорфа и фон Шуленбурга — крупные силы вооруженной полиции, которые могли прийти на помощь. Все эти офицеры, согласно показаниям самих же заговорщиков, ждали лишь приказа Гальдера, чтобы ринуться в бой, имея превосходство в силах. Что касается берлинцев, насмерть перепуганных тем, что Гитлер вот-вот начнет войну, то они спонтанно поддержали бы переворот — об этом автор судит не понаслышке.

Приступили бы к действиям Гальдер и Вицдебен, если бы Чемберлен не прилетел, или нет — ответить на этот вопрос категорично не представляется возможным. Если учесть настроение этих генералов в тот момент и предположить, что они стремились свергнуть Гитлера не с целью положить конец тирании и террору, а чтобы избежать войны, которую опасались проиграть, то можно согласиться, что они привели бы свой план в исполнение, если бы не состоялась встреча в Мюнхене. Пока мы не располагаем информацией о том, насколько хорошо был организован заговор, насколько готовы были войска, насколько Гальдер и Вицдебен были близки к тому, чтобы отдать приказ к выступлению. Все, чем мы располагаем, — это утверждения горстки участников заговора, которые после войны всеми силами старались доказать свою оппозиционность национал-социализму. В их показаниях и в том, что они написали в свою защиту, много противоречий и несоответствий {Взять, например, объяснение провала заговора, данное одним из его участников генералом Георгом Томасом, умелым руководителем отдела экономики и вооружения ОКБ: "Исполнение этого плана было, к сожалению, сорвано, потому что, с точки зрения генерала, которому предписывалось командовать нашими

силами (Вицлебена), на молодых офицеров нельзя было положиться в политической акция такого рода". (См. Томас Г. Размышления и события.) — Прим. авт. }.

Если, как утверждают заговорщики, они действительно готовы были осуществить свой план, то поездка Чемберлена в Мюнхен, конечно, выбивала у них почву из-под ног. Однако вряд ли генералы смогли бы арестовать Гитлера и судить его как военного преступника, когда было очевидно, что ему вот-вот удастся совершить крупные завоевания, не прибегая к войне. Впрочем, среди массы неясностей один момент не вызывает сомнений — ив этом доктор Шахт прав — другого такого случая свергнуть Гитлера, положить конец третьему рейху, спасти Германию и весь мир от войны немецким заговорщикам не представилось.

Немцы, если такое обобщение допустимо, имеют слабость: они очень любят обвинять в своих неудачах иностранцев. Ответственность Чемберлена и Галифакса, Даладье и Бонне за Мюнхен, а следовательно, и за все катастрофические последствия огромна. Но у них есть хотя бы частичное оправдание за то, что они не прислушались достаточно серьезно к предупреждениям группы "мятежных" немцев — военных и гражданских, которые ранее ревностно служили Гитлеру. Они сами или по крайней мере их советники в Лондоне и Париже могли припомнить факты из недавней истории Германии: армия помогла прийти к власти бывшему ефрейтору-австрийцу; армия радовалась представившейся возможности перевооружиться; армия не возражала против уничтожения свободы личности при национал-социализме; армия ничего не сделала, когда был убит генерал фон Шлейхер или когда был отправлен в отставку по сфабрикованному обвинению генерал фон Фрич; еще совсем недавно армия активно участвовала в акте насилия над Австрией, предоставив для этого войска. Поэтому, какой бы ни была вина архиумиротворителей из Лондона и Парижа, а она безусловно велика, факт остается фактом: немецкие генералы и их гражданские соратники по заговору не смогли выступить в нужный момент.

Капитуляция в Мюнхене: 29–30 сентября 1938 года

В маленьких кафе баварской столицы Гитлер начинал свою политическую деятельность. В Мюнхене он потерпел фиаско во время "пивного путча". Теперь он в качестве победителя встречал здесь глав правительств Англии и Франции. Было 12. 30 29 сентября.

В этот день, рано утром, он отправился в Куфштейн, город на бывшей австро-германской границе, чтобы встретить Муссолини и договориться о совместных действиях во время конференции. По пути в Мюнхен Гитлер

пребывал в воинственном настроении и по карте объяснял дуче, как он намерен "ликвидировать" Чехословакию. Или переговоры, которые должны начаться сегодня, пройдут успешно, или он вынужден будет прибегнуть к оружию. Чиано, присутствовавший при этом, вспоминает, что Гитлер добавил: "Наступит время, когда нам придется бок о бок сражаться против Франции и Англии". Муссолини согласился.

Чемберлен не предпринял аналогичной попытки — не искал встречи с Даладье, чтобы выработать политику противостояния двух западных демократий двум фашистским диктаторам. Многим из нас, кто общался с английской и французской делегациями, стало ясно: Чемберлен прибыл в Мюнхен в полной уверенности, что никто — ни чехи, ни даже французы не будут препятствовать его скорейшей договоренности с Гитлером {Накануне, в 6. 45 вечера, Чемберлен направил официальное послание президенту Бенешу, в котором сообщал о встрече в Мюнхене. Он писал: "Я буду во всем иметь в виду интересы Чехословакии. Я еду туда (в Мюнхен) с намерением попытаться найти компромисс между позициями чешского и немецкого правительств". Бенеш немедленно ответил: "Я прошу ничего не предпринимать в Мюнхене, пока не будет выслушана Чехословакия". — Прим. авт. }. Что касается Даладье, весь день пребывавшего словно в оцепенении, то вряд ли стоило его остерегаться, но премьер-министр решил все-таки не рисковать.

Переговоры, начавшиеся в 12. 45 в так называемом Фюрерхаусе на Кенигплац, проходили спокойно и скорее напоминали формальную передачу Гитлеру того, что он хотел получить в назначенные им сроки. Шмидт, в обязанности которого входило осуществлять перевод переговоров на три языка — немецкий, английский и французский, отмечает, что с самого начала на переговорах возникла "атмосфера всеобщей доброй воли". Посол Гендерсон впоследствии вспоминал, что "на переговорах не было момента, когда бы атмосфера накалялась". Председательствующего не выбирали. Общение носило неформальный характер и, согласно немецкому отчету, опубликованному после войны, британский и французский премьеры лезли из кожи вон, добиваясь взаимопонимания с Гитлером, даже после того, когда он в начале переговоров сказал: в своей речи в Шпортпаласте он объявил, что вторжение в любом случае начнется 1 октября. Ему ответили, что подобные действия будут расценены как акт агрессии. Отсюда вытекает задача действовать так, чтобы это не было расценено как акт агрессии, тем не менее начать действовать необходимо немедленно.

Собравшиеся перешли к делу после того, как выступил Муссолини.

Он говорил третьим, Даладье — последним. Муссолини сказал, что, "чтобы способствовать практическому решению проблемы", он привез с собой четкие предложения в письменном виде. Я полагаю, что для Чемберлена источник этих предложений оставался неизвестным до самой смерти. Из мемуаров Франсуа-Понсе и Гендерсона явствует, что и они ничего не знали о предложениях. История их возникновения стала известна только после смерти обоих диктаторов.

То, что дуче от своего имени выдвинул в качестве компромиссного решения, на самом деле было в спешном порядке составлено в Берлине Герингом, Нейратом и Вайцзекером за спиной министра иностранных дел фон Риббентропа, которому эти трое не доверяли. Геринг показал проект Гитлеру, и тот решил, что он может сработать. Тогда Шмидт спешно перевел текст проекта на французский, после чего он был передан итальянскому послу Аттолико, который на следующий день передал его по телефону в Рим итальянскому диктатору, незадолго до того, как дуче сел в поезд, чтобы отправиться в Мюнхен. Вот что представляли собой "итальянские предложения", которые не только предопределили повестку дня переговоров, но и легли в основу Мюнхенского соглашения. Все это было заранее состряпано в Берлине {О немецких корнях предложений Муссолини упоминает в своих свидетельских показаниях, данных 4 июня 1948 года в Нюрнберге перед военным трибуналом США IV по делу "США против Эрнста Вайцзекера", Эрих Кордт. В документах по германской внешней политике приводится краткое содержание официального судебного протокола. Кордт рассказывает также об этом в своей книге "Иллюзии и реальность". Доктор Шмидт, подтверждая слова Кордта, говорил, что переводить предложения дуче не составляло труда, поскольку он уже переводил их накануне в Берлине. Чиано, министр иностранных дел Италии, находясь в Мюнхене, записал в своем дневнике 29–30 сентября, что Муссолини представил документ, который на самом деле был продиктован накануне по телефону из итальянского посольства "как пожелания немецкого правительства". — Прим. авт. }.

Это было видно из текста, который очень напоминал отвергнутый Годесбергский ультиматум. Но этого не поняли ни Даладье с Чемберленом, ни их послы, присутствовавшие на переговорах. В немецких записях отмечается, что премьер "приветствовал предложения дуче, составленные в реалистичном духе". Он заметил также, что "приветствует предложения дуче, так как видит в них решение проблемы". Посол Гендерсон позднее писал, что, по его мнению, Муссолини "тактично выдал за свое сочетание англо-французских предложений и предложений Гитлера". У посла

Франсуа-Понсе сложилось впечатление, что собравшиеся положили в основу английский меморандум, составленный Горацием Вильсоном. Как легко было обмануть английских и французских государственных деятелей и дипломатов, добивавшихся умиротворения любой ценой!

Теперь, когда "итальянские" предложения были так тепло встречены собравшимися, оставалось уточнить незначительные детали. Чем-берлен, как бывший бизнесмен и министр финансов, захотел узнать, кто выплатит Чехословакии компенсацию за общественную собственность, которая перейдет к Германии вместе с Судетской областью. Гитлер, который, согласно воспоминаниям Франсуа-Понсе, был бледен и взволнован, так как в отличие от Муссолини не мог следить за переговорами на французском и английском, резко ответил, что никакой компенсации не будет. Когда премьер-министр, ссылаясь на положение, согласно которому чехи, покидающие Судетскую область, не могли брать с собой скот (это было одно из Годесбергских требований), воскликнул: "Значит ли это, что фермеров вышлют, а их скот оставят?" — Гитлер взорвался и закричал на Чемберлена: "Наше время слишком дорого, чтобы тратить его на такие мелочи!" Далее премьер-министр эту тему не развивал.

Сначала он настаивал на том, чтобы чешский представитель присутствовал на переговорах или, как он выразился, "находился в пределах досягаемости". Его страна, заявил он, "не может дать полной гарантии, что эвакуация с территории Судетской области будет закончена к 10 октября (такой срок был указан в предложениях Муссолини), если не будет заявлений об этом со стороны правительства Чехословакии". Даладье неохотно его поддержал. По его словам, французское правительство "не потерпит промедления со стороны чешского правительства", но он полагал, что "было бы желательно присутствие представителей Чехословакии, с которыми можно было бы при необходимости проконсультироваться".

Однако Гитлер был непреклонен. Он заявил, что не потерпит присутствия чехов. Даладье постепенно сдался, но Чемберлен выиграл в конце концов мелкую уступку. Договорились, что чешские представители смогут находиться "в соседней комнате", как выразился премьер-министр.

И действительно, во время вечернего заседания прибыли два представителя Чехословакии — доктор Войтех Мастны, посол Чехословакии в Берлине, и доктор Хуберт Масарик из министерства иностранных дел. Холодно встретив, их проводили в прилегающую к помещению переговоров комнату. Там они просидели в томительном ожидании с двух до семи, после чего на них, образно выражаясь, обвалилась Крыша. В семь часов к ним вошел Фрэнк Эштон-Гуэткин, член

комиссии Ренсима, а теперь человек из свиты Чемберлена, и обрушил на них дурные вести: достигнуто общее соглашение, о деталях которого он ничего сказать еще не может, но ясно одно — условия его гораздо жестче, чем франко-британские предложения. Когда Масарик спросил, получают ли возможность выступить представители Чехословакии, англичанин, как вспоминал впоследствии сам Масарик, заметил, что он, вероятно, не представляет, насколько тяжелое положение великих держав, и не понимает, как трудно вести переговоры с Гитлером.

В десять часов вечера двух несчастных чехов проводили к сэру Горацио Вильсону, верному советнику премьер-министра. Вильсон от имени Чемберлена ознакомил их с основными пунктами четырехстороннего соглашения и вручил карту Судетской области, на которой были отмечены территории с населением, подлежащим немедленной эвакуации. Когда чехи попытались протестовать, англичанин резко оборвал их, заметив, что ему больше нечего сказать, и быстро вышел из комнаты. Чехи заявили протест Эштон-Гуэткину, который находился с ними, но их протесты оказались тщетными.

"Если вы не примете условий, — уговаривал он их, — то вам придется улаживать свои дела с Германией один на один. Может быть, французы изложат вам то же самое в более мягкой форме, но, поверьте мне, они разделяют нашу точку зрения. Они — незаинтересованная сторона".

Это было правдой, какой бы горькой она ни оказалась для представителей Чехословакии. Во втором часу ночи 30 сентября {Соглашение датировано 29 сентября, хотя подписано оно было рано утром 30 сентября. В соответствии с соглашением оккупация немцами "территорий с преобладающим немецким населением" должна была производиться немецкой армией в четыре этапа с 1 по 7 октября. Остальные территории немцы должны были занять к 10 октября, после разграничений, произведенных международной комиссией. Эта комиссия состояла из представителей четырех великих держав и Чехословакии. Англия, Франция и Италия сошлись на том, что к 10 октября необходимо закончить эвакуацию, причем зданиям и сооружениям не должен быть причинен ущерб, и что правительство Чехословакии несет ответственность за сохранность вышеозначенных сооружений.

Далее, международной комиссии не позднее конца ноября предстояло организовать плебисцит в районах со смешанным этническим составом населения, после чего надлежало определить новые границы. В приложении к соглашению Англия и Франция заявили, что они "не отказываются от своего предложения... о международных гарантиях новых границ

Чехословацкого государства на случай неспровоцированной агрессии. Когда будет решен вопрос с польским и венгерским меньшинствами, Германия и Италия в свою очередь дадут гарантии Чехословакии".

Обещание провести плебисцит так и не было выполнено. Ни Германия, ни Италия не дали Чехословакии гарантий даже после того, как был разрешен вопрос о польском и венгерском меньшинствах. Как мы позднее убедимся, не стали выполнять своих гарантий и Англия и Франция. — Прим. авт. } Гитлер, Чемберлен, Муссолини и Даладье (именно в таком порядке) поставили свои подписи под Мюнхенским соглашением, позволявшим немецкой армии вступить на территорию Чехословакии 1 октября, как и обещал Гитлер, и закончить оккупацию Судетской области к 10 октября. Гитлер получил то, в чем ему было отказано в Годесберге.

Оставался один болезненный момент — по крайней мере, для жертв — сообщить чехам, с чем они должны расстаться и в какие сроки. Гитлера и Муссолини эта процедура не интересовала, они ушли, порекомендовав сделать это союзникам Чехословакии — представителям Франции и Англии. Эта сцена живо описана Масариком в его отчете министерству иностранных дел Чехословакии.

"В половине второго утра нас проводили в зал заседаний, где находились господин Чемберлен, месье Даладье, сэр Гораций Вильсон, месье Леже (генеральный секретарь французского министерства иностранных дел), господин Эштон-Гуэткин... Атмосфера была гнетущей, вот-вот должны были зачитать приговор. Французы нервничали, заботясь о сохранении собственного престижа. Господин Чемберлен в длинной вступительной речи ссылаясь на соглашение, а затем вручил его текст доктору Мастны..."

Чехи начали задавать вопросы.

"... Господин Чемберлен все время зевал, даже не пытаясь прикрывать рот. Я спросил Даладье и Леже, ожидают ли они какого-либо ответа от нашего правительства или заявления по поводу соглашения. Даладье — очевидно, от растерянности — молчал. Леже объяснил, что главы четырех правительств не располагают временем, и поспешно добавил с нарочитой небрежностью, что ответа не требуется, что план принят и что нашему правительству необходимо в этот же день, самое позднее в три часа дня, прислать своего представителя в Берлин на заседание комиссии и что человек, которого правительство пришлет, должен быть в Берлине и в субботу, чтобы уточнить детали, связанные с эвакуацией из первой зоны. Он заметил, что атмосфера во всем мире все более накаляется.

Он говорил с нами довольно резко, и это француз... Господин Чемберлен не скрывал скуки. Нам передали вторую карту с небольшими поправками. После этого с нами было покончено и мы могли удалиться".

Я помню этот роковой вечер — победный блеск в глазах Гитлера, спускавшегося после встречи по широким ступенькам Фюрерхауса, напыщенность Муссолини, одетого в сшитую по специальному заказу форму, позевывание Чемберлена и его состояние блаженной сонливости по возвращении в отель "Регина Палас". В тот вечер я записал в своем дневнике:

"Даладье казался сломленным и подавленным. Он заехал в "Регину", чтобы попрощаться с Чемберленом... Кто-то спросил, вернее, начал спрашивать: "Месье президент, вы удовлетворены соглашением? " Он обернулся, словно хотел что-то ответить, но был слишком утомлен и подавлен, чтобы говорить, и предпочел уйти молча... "

Чемберлен еще не закончил дискуссию с Гитлером о всеобщем мире. Поэтому на следующий день, 30 сентября, после нескольких часов освежающего сна, довольный результатами своего труда, сделанного накануне, он встретился с Гитлером на его мюнхенской квартире, чтобы обсудить положение дел в Европе в будущем. Кроме того, он намеревался упрочить свое положение в политической жизни Англии, для чего хотел просить Гитлера о небольшой уступке.

Согласно воспоминаниям переводчика Шмидта, бывшего единственным свидетелем этой неожиданной встречи, Гитлер был не в настроении. Он рассеянно слушал разглагольствования главы британского правительства, выражавшего уверенность в том, что Германия "проявит великодушие при проведении в жизнь Мюнхенского соглашения", и надежду, что чехи "не будут столь неразумны, чтобы чинить препятствия", а если они все-таки будут создавать трудности, то Гитлер не подвергнет бомбардировке Прагу, так как это повлечет "многочисленные жертвы среди гражданского населения". Таково было начало длинной и путаной речи. Невозможно было бы поверить, что произнес ее британский премьер-министр, накануне заискивавший перед немецким диктатором, если бы речь эта не была записана в официальном меморандуме германского министерства иностранных дел. Даже сегодня, читая трофейные документы, трудно в это поверить.

Сказанное премьер-министром явилось только прелюдией к тому, что последовало дальше. После того, что угрюмому немецкому диктатору показалось нескончаемым потоком предложений о дальнейшем сотрудничестве в деле прекращения гражданской войны в Испании,

которую немецкие и итальянские "добровольцы" выигрывали для Франко, дальнейшем разоружении, экономическом процветании в мире, политическом спокойствии в Европе и даже о решении русского вопроса, премьер-министр извлек из кармана листок бумаги, на котором он изложил это в надежде, что они с Гитлером подпишут "документ" и немедленно его опубликуют.

"Мы, фюрер Германии и канцлер и английский премьер-министр, провели сегодня еще одну встречу и пришли к согласию о том, что вопрос англо-германских отношений имеет первостепенное значение для обеих сторон и для Европы.

Мы рассматриваем подписанное вчера вечером соглашение и англогерманское морское соглашение как символизирующие желание наших двух народов никогда больше не воевать друг с другом.

Мы приняли твердое решение, что метод консультаций стал методом, принятым для рассмотрения всех других вопросов, которые могут касаться наших двух стран, и мы полны решимости продолжать наши усилия по устранению возможных источников разногласий и таким образом содействовать обеспечению мира в Европе".

Гитлер прочитал заявление и быстро его подписал, к большому удовлетворению Чемберлена, как отмечает Шмидт в официальном отчете о встрече. У переводчика создалось впечатление, что "фюрер подписал его с некоторой неохотой... скорее для того, чтобы доставить удовольствие Чемберлену", который, как вспоминает далее переводчик, "очень тепло поблагодарил фюрера... и подчеркнул, что ожидает от опубликования этого документа большого психологического эффекта".

Введенный в заблуждение премьер-министр не знал того, что стало позднее известно из трофейных немецких и итальянских документов, а именно, что на встрече в Мюнхене Гитлер и Муссолини договорились при необходимости сражаться "плечом к плечу" против Великобритании. Не разгадал он, в чем мы вскоре убедимся, и много другого, что уже зрело в мрачном мозгу фюрера.

Чемберлен вернулся в Лондон, а Даладье — в Париж с триумфом. Размахивая заявлением, которое он подписал совместно с Гитлером, ликующий премьер-министр приветствовал толпу, запрудившую Даунинг-стрит. Выслушав возгласы "Да здравствует старый добрый Невилл! " и песню "Потому что он веселый парень", Чемберлен, улыбаясь, произнес несколько слов из окна второго этажа дома номер десять: "Друзья мои! Во второй раз в нашей истории сюда, на Даунинг-стрит, из Германии прибывает почетный мир. {Чемберлен имел в виду возвращение Дизраэли с

Берлинского конгресса в 1878 году. — Прим авт. } Я верю, что мы будем жить в мире".

"Таймс" заявила, что "ни один завоеватель, возвратившийся с победой с поля битвы, не был увенчан такими лаврами". Спонтанно возникло движение за основание "Национального фонда благодарения" в честь Чемберлена, но он великодушно отклонил это предложение. Только Дафф Купер, первый лорд адмиралтейства, покинул кабинет и подал в отставку, да еще Уинстон Черчилль во время дебатов в палате общин произнес исторические слова (тогда это был глас вопиющего в пустыне): "Мы потерпели полное и сокрушительное поражение". В этом месте, как вспоминал он позднее, ему пришлось прерваться, чтобы переждать бурю протестов против такого заявления.

В Праге настроение было, естественно, совсем иным. В 6. 20 утра 30 сентября германский поверенный в делах поднял с постели чешского министра иностранных дел доктора Крофту, вручил ему текст Мюнхенского соглашения и сообщил, что правительству Чехословакии надлежит к пяти вечера того же дня прислать в Берлин двух представителей на первое заседание "международной комиссии" по надзору за исполнением соглашения.

У президента Бенеша, который все утро совещался во дворце Градчаны с политическим и военным руководством, не оставалось другого выхода, кроме как подчиниться. Англия и Франция предали его страну, более того, они встали бы на сторону Гитлера, если бы ему вздумалось применить военную силу в случае непринятия Чехословакией условий Мюнхенского соглашения. В десять часов Чехословакия капитулировала. В официальном заявлении говорилось, что при этом был "выражен протест". В своем обращении к народу Чехословакии, сделанном по радио в пять утра, новый премьер генерал Сыровы с горечью говорил: "Все нас покинули. Мы боремся в одиночку".

До последней минуты Англия и Франция оказывали давление на страну, которую бросили на произвол судьбы и предали. В течение всего дня английский, французский и итальянский послы наезжали к доктору Крофте, чтобы убедиться, что чехи в последний момент не взбунтуются против капитуляции. Поверенный в делах Германии доктор Хенке так описывал это в своем послании в Берлин:

"Соболезнования французского посла были встречены резким ответом министра иностранных дел: "Нас просто поставили в безвыходное положение; теперь все подошло к концу; сегодня наш черед, завтра настанет черед для других". Английский посол старался уверить Крофту,

что Чемберлен сделал все возможное, но получил такой же ответ, что и французский. Министр иностранных дел был совершенно подавлен и мечтал только об одном — чтобы все три посла скорее удалились".

По настоянию из Берлина президент Бенеш подал в отставку 5 октября. После того как стало ясно, что жизнь его находится в опасности, он вылетел в Англию. Его пост временно занял генерал Сыровы. 30 ноября президентом того, что осталось от Чехо-Словакии (с этого момента название государства писалось именно через дефис), Национальное собрание избрало 66-летнего доктора Эмиля Гаху, главного судью верховного суда.

Те территории Чехословакии, которые Чемберлен и Даладье не смогли передать Германии в Мюнхене, отдала ей так называемая международная комиссия. В этот спешно сформированный орган вошли итальянский, французский и английский послы, чешский посол в Берлине и барон фон Вайцзекер из германского министерства иностранных дел. Любой спорный вопрос о передаче дополнительных чехословацких территорий Германии разрешался в пользу последней. Нередко в таких случаях Гитлер и ОКВ угрожали применением военной силы. В конце концов 13 октября комиссия проголосовала за отмену плебисцита на территориях, где он должен был проводиться в соответствии с Мюнхенским соглашением. Нужда в нем отпала.

Польша и Венгрия, угрожая применением военной силы против беззащитной Чехословакии, словно стервятники, поспешили урвать свой кусок. Польше по настоянию министра иностранных дел Юзефа Бека (это имя будет часто встречаться на страницах книги, когда речь пойдет о событиях 1939 года) досталась территория в районе Тешина площадью 650 квадратных миль с населением 228 тысяч человек, из которых 133 тысячи были чехами. Венгрия отхватила кусок пожирнее — 7500 квадратных миль с населением 500 тысяч венгров и 272 тысячи словаков. Эта территория была выделена ей 2 ноября во время встречи Риббентропа и Чиано.

Более того, раздробленной и беззащитной стране по наущению Берлина надлежало создать пронемецкое правительство явно фашистского толка. Стало очевидно, что впредь существование Чехословакии будет всецело зависеть от вождя третьего рейха.

Последствия Мюнхена

По условиям Мюнхенского соглашения Гитлер получил все то, что он требовал в Годесберге, а международная комиссия под давлением его угроз дала ему еще больше. Окончательное соглашение, подписанное 20 ноября 1938 года, обязывало Чехословакию отдать Германии 11 тысяч квадратных

милей своей территории, на которой проживало 2 миллиона 800 тысяч судетских немцев и 800 тысяч чехов. На этой территории размещалась широко разветвленная система чешских укреплений, считавшихся самыми неприступными в Европе, уступая разве что линии Мажино во Франции.

Но это еще не все. В Чехословакии была нарушена сложившаяся система железных и шоссейных дорог, телеграфная и телефонная связь. Согласно немецким данным, расчлененная страна лишилась 66 процентов своих запасов каменного угля, 80 процентов запасов бурого угля, 86 процентов запасов сырья для химической промышленности, 80 процентов цемента, 80 процентов текстильной промышленности, 70 процентов электроэнергии и 40 процентов леса. Процветающая индустриальная держава в одну ночь была разорена и разорвана на части.

Неудивительно, что Йодль в ночь подписания Мюнхенского соглашения радостно записал в своем дневнике:

"Мюнхенский пакт подписан. Чехословакии как государства больше не существует... Фюрер с его гением и целеустремленностью, которую не поколебала даже опасность возникновения мировой войны, опять одержал победу без применения силы. Остается надеяться, что те, кто не верил в его гений, теперь переубеждены навечно".

Многие из сомневавшихся были переубеждены, а те немногие, кого переубедить не удалось, впали в отчаяние. Генералы Бек, Гальдер, Вицлебен и их гражданские советники опять ошиблись в своих расчетах. Гитлер получил то, что хотел, — совершил очередное великое завоевание без единого выстрела. Его престиж достиг высот необычайных. Никто из проживавших тогда в Германии, в том числе и автор данной книги, вероятно, не забыл того восторга, который охватил немцев после подписания Мюнхенского соглашения. Они вздохнули с облегчением — ведь опасность войны миновала; они чрезвычайно гордились бескровной победой Гитлера не только над Чехословакией, но и над Англией и Францией. Они не уставали повторять, что всего в течение полугода он завоевал Австрию и Судетскую область, увеличил население третьего рейха на 10 миллионов человек, захватил огромную, важную в стратегическом отношении территорию, после чего перед Германией открылась возможность добиваться господства в Юго-Восточной Европе. И при этом не погиб ни один немец! Интуиция гения помогла ему не только предугадать слабость малых государств Центральной Европы, но и провидеть поведение двух крупнейших государств — Англии и Франции и заставить их подчиниться его воле. Он изобрел и применил на практике с невероятным успехом стратегию и методы "политической войны",

сводившей на нет необходимость войны как таковой.

Примерно за четыре с половиной года этот человек, не отличавшийся знатностью происхождения, превратил безоружную, ввергнутую в хаос и практически разоренную Германию, которая считалась самой слабой из больших государств Европы, в самое сильное государство Старого Света, перед которым трепетали даже Англия и Франция.

Ни на одной ступени этого восхождения державы-победительницы не осмелились остановить его, даже когда у них имелись для этого силы. В Мюнхене, где была зафиксирована его величайшая победа, Англия и Франция наперебой старались поддержать Германию. Но больше всего удивляло Гитлера, как, впрочем, Бека, Хасселя и других членов немногочисленной оппозиции, одно: никто из высоких политических деятелей, входивших в состав правительств Англии и Франции ("жалкие черви", как называл их Гитлер в частных беседах после Мюнхена), не осознавал, к каким последствиям приведет их попустительство каждому новому агрессивному шагу нацистского вождя.

В Англии это понимал, казалось, один Уинстон Черчилль. Никто не смог сформулировать последствия Мюнхена так сжато, как он в своей речи, произнесенной в палате общин 5 октября:

"Мы потерпели полное и сокрушительное поражение... Мы находимся в центре грандиозной катастрофы. Путь вниз по Дунаю... дорога к Черному морю открыты... Все государства Центральной Европы и бассейна Дуная одно за другим будут попадать в орбиту широкой системы нацистской политики... которая диктуется из Берлина... И не надо думать, что этим все кончится. Это только начало".

Но Черчилль не являлся членом правительства, и его предупреждения были оставлены без внимания.

Была ли неизбежна англо-французская капитуляция в Мюнхене? Блефовал Адольф Гитлер или нет?

Теперь мы знаем ответ на оба вопроса. Как это ни парадоксально, но в обоих случаях он отрицателен. Все генералы, близкие Гитлеру, которым удалось пережить войну, соглашались с тем, что если бы не Мюнхенское соглашение, то фюрер напал бы на Чехословакию 1 октября 1938 года. Они полагают, что вопреки сомнениям Лондона, Парижа и Москвы Англия, Франция и Россия все равно оказались бы втянуты в войну.

И, что особенно важно, немецкие генералы в один голос заявляли, что Германия проиграла бы эту войну, причем в кратчайшие сроки. Аргументы защитников Чемберлена и Даладье — а их в то время было подавляющее большинство — насчет того, что Мюнхен спас Запад не только от войны,

но и от поражения в войне, в частности спас Лондон и Париж от полного разрушения в результате варварских бомбардировок люфтваффе, опровергают по двум последним пунктам те, кто знал положение дел лучше остальных, а именно сами немецкие генералы, особенно те, кто фанатично поддерживал Гитлера до самого конца.

Ориентиром для этих генералов служил Кейтель, беспредельно преданный Гитлеру и всегда принимавший его сторону. Когда в Нюрнберге его спросили, какова была реакция немецких генералов на подписание Мюнхенского соглашения, он ответил:

"Мы были необычайно счастливы, что дело не дошло до военного столкновения, потому что... всегда полагали, что у нас недостаточно средств для преодоления чешских пограничных укреплений. С чисто военной точки зрения у нас не было сил брать штурмом чехословацкую оборонительную линию {Даже Гитлер в конце концов убедился в этом, проинспектировав чешские укрепления. Позднее он говорил доктору Карлу Буркхардту, верховному комиссару Лиги Наций в Данциге: "То, что мы узнали о военной мощи Чехословакии после Мюнхена, ужаснуло нас — мы подвергали себя большой опасности. Чешские генералы подготовили серьезный план. Только тогда я понял, почему мои генералы меня удерживали". (Пертинакс. Могильщики Франции.) — Прим. авт. }.

Военные эксперты союзников всегда считали, что немецкая армия прорвет рубежи чешской обороны. К показаниям Кейтеля, который утверждает, что все обстояло не так, нужно добавить свидетельство фельдмаршала Манштейна, ставшего впоследствии одним из крупнейших и талантливейших немецких военачальников. Когда он в свою очередь давал показания в Нюрнберге (в отличие от Кейтеля и Йодля ему не грозил смертный приговор), то на вопрос о немецкой позиции по поводу Мюнхена ответил:

"Если бы началась война, то ни наша западная граница, ни наша польская граница не могли быть защищены должным образом. Не вызывает сомнений, что если бы Чехословакия решила защищаться, то ее укрепления устояли бы, так как у нас не было средств для их прорыва".

Йодль, считавшийся "мозговым трестом" ОКВ, пытаясь оправдаться в Нюрнберге, сформулировал это следующим образом:

"Несомненно, что пять боевых дивизий и семь резервных, находившихся на нашей западной границе, которая представляла собой всего лишь огромную строительную площадку, не смогли бы сдержать натиска ста французских дивизий. С военной точки зрения это невозможно".

Если, как утверждают эти генералы, гитлеровской армии не хватало средств для прорыва чешских укреплений, если французские войска на западной границе значительно превосходили по численности немецкие, что делало ситуацию "непредсказуемой с военной точки зрения", если настроения среди генералов были столь мрачными, что даже начальник генерального штаба готовил заговор против Гитлера, чтобы избежать безнадежной войны, то почему об этом не знали генштабисты Англии и Франции? Или знали? А если знали, то как случилось, что главы правительств Англии и Франции принесли в Мюнхене в жертву жизненные интересы своих стран? В поисках ответа на эти вопросы мы сталкиваемся с тайной мюнхенского периода, которая до сих пор не раскрыта. Даже Черчилль, особенно скрупулезный в военных вопросах, едва касается этой темы в своих объемистых мемуарах.

Невозможно поверить, что английский и французский генеральные штабы и правительства этих стран не знали о нежелании генерального штаба немецких сухопутных войск участвовать в европейской войне. Как известно, берлинские заговорщики в августе — сентябре по крайней мере по четырем каналам предупреждали об этом англичан. Известно также, что информация эта поступила самому Чемберлену. В начале сентября в Париже и Лондоне, вероятно, узнали об отставке генерала Бека и о том, какие последствия повлечет для немецкой армии уход этого талантливого военачальника.

В то время в Берлине английская и французская разведки считались довольно осведомленными. Трудно поверить, что верховное командование в Лондоне и Париже не знало об очевидной слабости немецкой армии и авиации, о их неспособности вести войну на два фронта. Так что же, кроме врожденной мнительности, заставляло начальника штаба французских сухопутных войск генерала Гамелена сомневаться в том, что он, имея под началом почти сто дивизий, легко справится с пятью регулярными и семью резервистскими немецкими дивизиями, сметет их и глубоко проникнет на территорию Германии?

Как вспоминал позднее сам Гамелен, основания для сомнения были. 12 сентября, когда на заключительном заседании партийного съезда Гитлер метал громы и молнии в адрес Чехословакии, французский генерал уверял премьера Даладье, что если дело дойдет до войны, то "страны демократии продиктуют условия мира". Он утверждал, что даже написал письмо, в котором объяснял свой оптимизм. В разгар чешского кризиса, точнее, сразу после встречи в Годесберге Гамелен, сопровождавший главу своего правительства в Лондон, 26 сентября повторил свои заверения Чемберлену

и постарался подкрепить их анализом военной обстановки. Он стремился расшевелить не только британского, но и своего премьер-министра. Это ему, по всей видимости, не удалось. В конце концов, перед тем как Даладье отбыл в Мюнхен, Гамелен объяснил ему, на какие территориальные уступки в Судетской области можно пойти, не опасаясь за безопасность Франции, объяснил, что основные чешские укрепления, важные в стратегическом отношении железные дороги, предприятия оборонной промышленности нельзя отдавать немцам. Кроме того, он добавлял, что ни в коем случае нельзя позволять немцам отрезать Моравский коридор. Совет сам по себе неплохой, но только в том случае, если Чехословакия понадобилась бы Франции в войне против Германии. А как известно, Даладье на это не решался.

Много говорили о том, что одной из причин капитуляции Чемберлена на мюнхенских переговорах явился страх: Лондон будет регулярно подвергаться бомбежкам. Несомненно, что и французов не радовала перспектива увидеть свою великолепную столицу в развалинах. Из того, что нам сегодня известно о мощи люфтваффе той поры, можно заключить, что лондонцы и парижане, а также английский и французский премьер-министры напрасно беспокоились. Военная авиация Германии так же, как и армия, была сосредоточена на границе с Чехословакией и так же, как и армия, была неспособна вести серьезные боевые действия на Западе. Даже если несколько бомбардировщиков и могли быть выделены для бомбардировок Лондона и Парижа, то мало вероятно, чтобы они достигли цели. Истребительная авиация у англичан и французов была довольно слаба, немцы же не могли выделить истребители сопровождения своим бомбардировщикам, даже если бы таковые нашлись, поскольку базы их истребителей находились слишком далеко.

Выдвигался и другой аргумент — в основном послами Франсуа-Пенсе и Гендерсоном: Мюнхенское соглашение якобы помогло западным демократиям выиграть целый год, чтобы догнать по вооружению Германию. Факты опровергают такое утверждение. Черчилль, которого поддерживают все серьезные военные историки стран-союзниц, писал: "Промежуток длиной в год, якобы "выигранный" в Мюнхене, поставил Англию и Францию в положение худшее, чем то, в котором они находились во время мюнхенского кризиса". Как мы убедимся далее, немецкие военные расчеты, сделанные через год, подтвердят это положение, а дальнейший ход событий устранил всякие сомнения.

Сегодня, зная содержание секретных немецких документов и послевоенных показаний самих немцев, можно нарисовать картину во всей

ее полноте, что было совершенно нереально в дни Мюнхена.

1 октября 1938 года Германия была не готова вести войну против Чехословакии, Англии и Франции одновременно, не говоря уже о России. Развязав войну, Германия быстро бы ее проиграла, и это стало бы концом для Гитлера и третьего рейха. Если бы войну удалось предотвратить в последний момент из-за вмешательства армии, то генералы Гальдер, Вицлебен и их сторонники свергли бы Гитлера, как и планировали, то есть в тот момент, когда он отдал бы приказ напасть на Чехословакию.

Гитлер, публично хвастаясь, что 1 октября в любом случае введет войска в Судетскую область, ставил себя в довольно опасное положение. Позиция его была "весьма уязвимой", как и предвидел генерал Бек. Если бы после всех своих категоричных заявлений он постарался самостоятельно выбраться из затруднительного положения, то долго не просуществовал бы, поскольку диктатура есть диктатура. Выпутаться из создавшейся ситуации Гитлеру было бы необычайно трудно, а то и просто невозможно, и если бы он попытался это сделать, то падение престижа в Европе, в собственной стране и среди его генералов стало бы для него роковым.

Фанатичное желание Чемберлена дать Гитлеру то, чего тот хотел, его поездки в Берхтесгаден, Годесберг и, наконец, его роковая поездка в Мюнхен спасли Гитлера, укрепили его позиции в Европе, в Германии, в армии настолько, насколько он и предположить не мог за несколько недель до Мюнхена. Мюнхен укрепил позиции Германии по отношению к западным демократиям и Советскому Союзу.

Для Франции Мюнхен обернулся катастрофой. Трудно понять, почему этого не поняли в Париже. Военное значение Франции в Европе было сведено на нет. По сравнению с полностью отмобилизованной немецкой армией французская армия составляла только половину. По производству оружия Франция также уступала Германии. Правда, Франция состояла в союзнических отношениях с малыми государствами Восточной Европы — Чехословакией, Польшей, Югославией и Румынией и эти страны, вместе взятые, имели военный потенциал "великой державы". Однако утрата 35 хорошо обученных и вооруженных чешских дивизий и укреплений, которые могли сдерживать даже превосходящую по мощи немецкую армию, значительно ослабила французскую армию. И это еще не все. Как могли восточные союзники Франции верить после Мюнхена подписанным ею договорам? Высоко ли ценился теперь союз с Францией? В Варшаве, Бухаресте, Белграде на этот вопрос отвечали однозначно: не очень высоко. В этих столицах старались, пока не поздно, заключить выгодную сделку с

нацистским завоевателем.

Активность Москвы также повысилась. Хотя Советский Союз и состоял в военном союзе с Францией и Чехословакией, Франция вместе с Германией и Англией единодушно исключили Россию из числа участников встречи в Мюнхене. Это был выпад, который Сталин запомнил. Через несколько месяцев западным демократиям пришлось за это расплачиваться. 3 октября, через четыре дня после мюнхенской встречи, Вернер фон Типпельскирх, советник германского посольства в Москве, докладывал в Берлин о последствиях Мюнхена для политики Советского Союза. Он полагал, что "Сталин сделает выводы"; он был уверен, что Советский Союз "пересмотрит свою внешнюю политику"; отношение к союзной Франции станет менее дружественным, а отношение к Германии — более положительным. Немецкий дипломат считал, что "сложившиеся обстоятельства предоставляют возможность для нового, более широкого экономического соглашения с Советским Союзом". Впервые в секретных немецких архивах упоминается об изменениях в политическом курсе Берлина и Москвы, пока еще едва заметных, но через год приведших к важным последствиям.

Несмотря на свою удивительную победу и то унижение, которое он заставил испытать не только Чехословакию, но и Англию с Францией, Гитлер был разочарован результатами мюнхенской встречи. Шахт слышал, как на обратном пути в Берлин фюрер говорил сопровождавшим его эсэсовцам: "Этот парень (Чемберлен) испортил мое вступление в Прагу". А ведь именно этого Гитлер добивался, именно об этом твердил генералам начиная с 5 ноября минувшего года. По его мнению, захват Австрии и Чехословакии явился всего лишь предварительным шагом перед походом на Восток за "жизненным пространством" и решением военного вопроса на Западе. 20 сентября во время беседы с венгерским премьер-министром он заявил, что самое лучшее — "уничтожить Чехословакию". Это, по его мнению, было бы "единственным удовлетворительным решением". Он боялся только одного — чехи могли принять его требования.

И вдруг мистер Чемберлен хватает свой известный во всем мире зонт, отправляется в Мюнхен, заставляет чехов принять все требования и, таким образом, лишает его, Гитлера, военной победы. Так, согласно записям, думал Гитлер после Мюнхена. "Мне с самого начала было ясно, — признавался он позднее своим генералам, — что Судетско-Немецкая область меня не удовлетворит. Это решение половинчатое".

Через несколько дней после подписания Мюнхенского соглашения немецкий диктатор начал приводить в исполнение план, согласно которому

следовало решить эту проблему окончательно.

Часть 13. Чехословакия перестает существовать

Не прошло и десяти дней с того момента, когда Адольф Гитлер поставил свою подпись под Мюнхенским соглашением, еще не завершилась мирная оккупация Судетской области, а фюрер уже направил генералу Кейтелю, начальнику штаба ОКВ, совершенно секретное послание.

1. Какие при сложившейся ситуации требуются пополнения, чтобы полностью подавить сопротивление чехов в Богемии и Моравии?

2. Сколько необходимо времени для перегруппировки или переброски новых сил?

3. Сколько времени понадобится для этой же цели после демобилизации и ответных мер?

4. Сколько потребуется времени, чтобы готовность войск была достигнута к 1 октября?

11 октября Кейтель послал Гитлеру срочную телеграмму, в которой давал на эти вопросы обстоятельные ответы. Он заверил фюрера, что понадобится не так много времени и не слишком крупные пополнения. В Судетской области к этому моменту дислоцировались 24 дивизии, в том числе три танковые и четыре моторизованные. "ОКВ полагает, — сообщал Кейтель, — что операцию можно будет начать, не дожидаясь подкреплений, ввиду имеющихся в настоящее время признаков слабости сопротивления чехов".

Получив такие заверения, Гитлер через десять дней высказал свое мнение высшему генералитету.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Берлин, 21 октября 1938 г.

Задачи, которые предстоит решать вооруженным силам, и указания, связанные с подготовкой к ведению войны, будут мной изложены в специальной директиве.

До вступления в силу этой директивы вооруженные силы должны быть во всяком случае готовы к выполнению следующих задач:

1) оборона границы германской империи и защита от внезапных воздушных налетов;

2) окончательная ликвидация остальной части Чехии;

3) овладение Мемельской областью.

Мемель {Немецкое название литовского порта Клайпеда. — Прим. ред.

}, порт на Балтийском море с населением около 40 тысяч человек, был утрачен Германией в результате Версальского договора и вошел в состав Литвы. Поскольку Литва была меньше и слабее, чем Австрия и Чехословакия, захват одного из ее городов не составлял для вермахта проблемы. В своей директиве Гитлер говорил просто о его "аннексии". Относительно Чехословакии он заявил:

"Необходимо обеспечить возможность в любой момент разгромить оставшуюся часть Чехии, если она попытается проводить враждебную Германии политику.

Меры подготовки, которые вооруженным силам надлежит принять с этой целью, будут по своему объему гораздо ограниченнее, чем те, которых в свое время потребовал план "Грюн". Но, не предусматривая планомерной мобилизации, они должны обеспечивать постоянную и значительно более высокую степень боевой готовности. Структура, организация и степень боевой готовности предусмотренных для выполнения упомянутых задач частей и соединений должны уже в мирное время учитывать предстоящее нападение на Чехию, чтобы лишить ее всякой возможности организованной защиты. Цель нападения: быстро овладеть территорией Чехии и выставить заслон на ее границе со Словакией".

Словакию, конечно, можно было отторгнуть и политическими средствами, что сделало бы необязательным привлечение немецкой армии. Такая задача была поставлена перед министерством иностранных дел Германии. В начале октября Риббентроп и его сотрудники оказывали давление на Венгрию, настоятельно рекомендуя ей требовать своей доли территории Словакии. Однако, когда Венгрия, аппетит которой не надо было подогревать, предложила захватить Словакию немедленно, на Вильгельмштрассе топнули ногой. Там вынашивали иные планы относительно будущего этой территории. Чешское правительство, сформированное в Праге сразу после Мюнхена, предоставило Словакии широкую автономию. Министерство иностранных дел Германии посоветовало относиться к сложившейся ситуации терпимо... до поры до времени. Немецкие планы касательно Словакии наиболее полно отразил д-р Эрнст Верман, директор политического отдела министерства иностранных дел, в своем меморандуме от 7 октября. "Независимая Словакия, — говорилось в меморандуме, — будет конституционно слабым государством, что облегчит Германии задачу проникновения и расселения на Востоке".

Наступил новый поворотный момент в истории третьего рейха. Впервые Гитлеру предстояло завоевать ненемецкие земли. На протяжении

предшествующих шести недель он убеждал Чемберлена — публично и в частных беседах, — что Судетская область его последнее территориальное притязание в Европе. И хотя британский премьер, приняв слова Гитлера на веру, проявил непостижимую недалёковидность, были тем не менее основания полагать, что немецкий диктатор остановится, только полностью "переварив" тех немцев, которые раньше жили за пределами рейха, а теперь оказались в пределах его границ. Разве Гитлер не повторял неоднократно, что не потерпит чехов в третьем рейхе? Разве не писал он в "Майн кампф", не упоминал в своих выступлениях, развивая нацистское учение, что для того, чтобы Германия была сильной, ей необходимо стать чистой в расовом отношении страной, избавившись от других народов, особенно славян? Упоминал. Но он заявлял также, о чем в Лондоне, вероятно, забыли, чуть ли не на каждой странице "Майн кампф", что будущее Германии связано с завоеванием "жизненного пространства" на Востоке — завоеванием земель, более тысячи лет принадлежавших славянским народам.

"Неделя битых стекол"

Осень 1938 года в истории нацистской Германии стала еще одним поворотным моментом. Произошло событие, которое позднее в партийных кругах получило название "недели битых стекол".

7 ноября семнадцатилетний беженец Гершель Гриншпан, немец еврейского происхождения, стрелял в третьего секретаря немецкого посольства в Париже Эрнста фон Рата и смертельно ранил его. Отец этого юноши попал в число 10 тысяч евреев, подлежащих депортации в Польшу. Поступок Гриншпана явился актом мести за отца и всех преследуемых в нацистской Германии евреев. Он пришел в немецкое посольство с целью убить посла графа Иоганнеса фон Вельчека. Третий секретарь вышел узнать, что нужно молодому человеку, и Гриншпан выстрелил в него. Ситуация, как выяснилось, сложилась парадоксальная, так как Рат находился под наблюдением гестапо из-за своих антинацистских настроений. Во всяком случае, он никогда не разделял антисемитских воззрений правителей третьего рейха.

8 ночь на 10 ноября, вскоре после того, как партийные бонзы во главе с Гитлером и Герингом отпраздновали очередную годовщину "пивного путча" в Мюнхене, в стране начался погром, какого третий рейх еще не знал. Согласно заявлениям Геббельса и немецкой прессы, это были "стихийные" выступления немцев, узнавших об убийстве в Париже. После войны из захваченных секретных нацистских документов выяснилось, насколько эти выступления были "стихийными".

Согласно секретному донесению председателя партийного суда майора

Вальтера Буха, д-р Геббельс издал инструкцию о "стихийных демонстрациях", которые необходимо было организовать и провести в течение ближайшей ночи. Истинным же организатором демонстраций был угрюмый Рейнхард Гейдрих, человек номер два в СС после Гиммлера, шеф секретной службы СД и гестапо. Среди трофейных документов обнаружены и его приказы, отправленные по телетайпу накануне вечером.

В 1. 20 он отправил по телетайпу срочное послание в штабы и участки полиции и СД с приказом "обсудить организацию демонстрации" совместно с руководителями партии и СС.

"а) Должны приниматься только такие меры, которые не будут представлять опасности для жизни и имущества немцев (например, синагогу можно поджечь только в том случае, если не существует угрозы, что пожар перекинется на соседние дома).

б) Деловые и частные дома евреев могут быть разрушены, но не разграблены...

г) ...

2) полиция не должна разгонять демонстрации...

5) арестовано может быть столько евреев, особенно богатых, сколько их поместится в имеющихся тюрьмах... После их ареста надлежит немедленно связаться с соответствующим концентрационным лагерем, чтобы препроводить их в этот лагерь в кратчайшие сроки".

Ужасной была эта ночь в Германии. Горели синагоги, дома евреев, магазины. Несколько мужчин, женщин и детей были застрелены или убиты иным способом при попытке выбраться из своих горящих жилищ. На следующий день, 11 ноября, Гейдрих конфиденциально докладывал Герингу о предварительных результатах.

"Результаты разрушения еврейских магазинов и домов пока сложно выразить в точных цифрах... 815 разрушенных магазинов, 171 сожженный или разрушенный дом — это только часть уничтоженного вследствие поджогов... 119 синагог было сожжено, 76 полностью разрушено... Арестовано 20 тысяч евреев. По донесениям, убито 36 человек, столько же серьезно ранено. Все убитые и раненые — евреи... "

Принято считать, что точная цифра, отражающая число убитых той ночью евреев, в несколько раз превосходит предварительные сведения. На следующий день в докладе Гейдриха фигурировала цифра 7500 — столько еврейских магазинов было разграблено. Имели место случаи изнасилования. Партийный суд под председательством майора Буха, по его собственному признанию, считал эти преступления более тяжкими, чем убийства, так как в этом случае нарушались Нюрнбергские расовые законы,

по которым арийцам запрещалось вступать в сношения с евреями. Нарушителей этого закона исключали из партии, и они представляли перед гражданским судом. Члены же партии, которые убивали евреев, не могли быть наказаны, как доказывал майор Бух, поскольку они просто выполняли приказ. "Абсолютно все, — писал он, — понимают, что политические движения, вроде событий 9 ноября, организовывались и проводились партией, признается это или нет".

Несчастья, обрушившиеся на ни в чем не повинных немецких евреев после убийства Рата в Париже, на убийствах, поджогах и мародерстве не закончились. Евреям пришлось платить за собственность, которой они лишились. Государство конфисковало причитающиеся им по закону страховые суммы. Более того, всем евреям предстояло уплатить штраф на общую сумму один миллиард марок в качестве наказания, по определению Геринга, "за их гнусные преступления". Решение об этом дополнительном наказании было принято на походившем на фарс заседании десятка министров и высших государственных деятелей под председательством тучного фельдмаршала, состоявшемся 12 ноября. Сохранилась часть стенограммы этого заседания.

Некоторые немецкие страховые агентства оказались бы на грань банкротства, если бы выплатили свой долг владельцам пострадавших домов (хотя в домах размещались еврейские магазины, сами дома принадлежали неевреям). Одних только стекол, по сообщению Хилгарда, представлявшего интересы страховых компаний, было разбито на 5 миллионов марок. Он напомнил Герингу, что большую часть стекла придется ввозить из-за границы и платить за это валютой, которой у Германии не так уж много.

"Так не может продолжаться! — воскликнул Геринг, который являлся властелином германской экономики. — Если это случится, мы не выживем! Это невозможно!" Потом он повернулся к Гейдриху и закричал: "Лучше бы вы убили двести евреев, вместо того чтобы уничтожать столько ценностей!" {Когда во время допроса в Нюрнберге мистер Джастин Джексон спросил Геринга, действительно ли он говорил так, тот ответил: "... Это было сказано в запальчивости, в волнении... Я не придавал этому значения". — Прим. авт. }

"Было убито тридцать пять евреев", — напомнил Гейдрих.

Не весь разговор, сохранившаяся часть стенограммы которого насчитывает около 10 тысяч слов, носил столь серьезный характер. Геббельс и Геринг много шутили, рассуждая о новых способах унижения евреев. Министр пропаганды предложил использовать евреев на расчистке

от обломков тех мест, где раньше стояли синагоги, а на расчищенных пространствах оборудовать автомобильные стоянки. Он настаивал на том, чтобы евреев изгоняли отовсюду: из школ, театров, кино, с курортов, пляжей, из парков и лесов Германии. Он предложил ввести на железной дороге специальные вагоны и купе для евреев, а также правило, в соответствии с которым они могли входить в вагон только после того, как займут свои места арийцы.

"... Если поезд окажется переполнен, — смеялся Геринг, — мы вышвырнем еврея вон — пусть всю дорогу сидит в клозете".

Когда Геббельс на полном серьезе потребовал, чтобы евреям запретили появляться в немецких лесах, Геринг предложил "отвести им часть лесных угодий и поселить их там вместе со зверями, которые чертовски похожи на евреев — например, у лося такой же горбатый нос... "

Вот в таких или примерно таких беседах проводили время руководители третьего рейха в переломном, 1938 году.

Но вопрос о том, кто будет платить 25 миллионов марок, — таков был ущерб, нанесенный экономике в результате организованного государством погрома, — стоял достаточно серьезно, особенно перед Герингом, который отвечал за экономическое благосостояние нацистской Германии. Хилгард от имени страховых компаний заявил, что если на евреев не будут распространены соответствующие законы, охраняющие интересы частных лиц, то уверенность людей в надежности немецких страховых компаний пошатнется и в стране и за ее пределами. Однако он не видел выхода, при котором мелкие компании могли бы произвести страховые выплаты и при этом не разориться.

Эту проблему быстро решил Геринг: страховые компании заплатят евреям сполна, но суммы эти у последних будут конфискованы государством — таким образом, потери страховым компаниям частично будут возмещены. Это не удовлетворило Хилгарда, который, судя по стенограмме, вероятно, решил, что имеет дело с сумасшедшими.

Геринг: Евреи получают страховку от компаний, но эти деньги будут у них конфискованы. Страховым компаниям это сулит некоторую выгоду, так как им не придется расплачиваться за все убытки. Можете считать, герр Хилгард, что вам чертовски повезло.

Хилгард: У меня нет для этого оснований. Вы называете выгодой то, что нам придется расплачиваться не за все убытки!

Фельдмаршал не привык, чтобы с ним так разговаривали. Он нанес пораженному бизнесмену сокрушительный удар.

Геринг: Минуточку! По закону вам надлежит выплатить пять

миллионов, но тут вдруг к вам является ангел в моем весьма объемистом обличье и говорит, что один миллион вы можете оставить себе. Это ли не выгода?! Я готов войти в половинную долю или как там это называется! Что я вижу? Вы дрожите от удовольствия! Вы оторвали лакомый кусок!

Председатель страховых компаний не мог сразу уяснить суть дела. Хилгард: Все страховые компании в конечном счете проигрывают. Так было, и так будет. В обратном меня никто не сумеет убедить.

Геринг: Так почему же вы не позаботились о том, чтобы били меньше стекол?

Когда коммерсант надоел фельдмаршалу, его отпустили. О его дальнейшей судьбе ничего не известно.

Представитель министерства иностранных дел заметил, что при разработке дальнейших мер в отношении евреев следует учитывать общественное мнение в Америке {Американский посол в Берлине Хью Вильсон был отозван президентом Рузвельтом 14 ноября, то есть через два дня после "консультаций" с Герингом. Больше он на этот пост не вернулся. Немецкий посол в Вашингтоне Ганс Дикхофф, который в тот же день доложил в Берлин о том, что в Штатах "поднялась буря негодования" из-за устроенного немцами погрома, был отозван 18 ноября и тоже не вернулся на свой пост. 30 ноября германский поверенный в делах в Вашингтоне сообщил в Берлин посредством кода, что "ввиду ухудшения отношений и недостаточных мер по обеспечению безопасности секретных материалов" в посольстве "секретные досье политического содержания" следует перевезти в Берлин. "Досье настолько объемны, — предупреждал он, — что их невозможно будет уничтожить сразу, если в том возникнет необходимость". — Прим. авт. }. От этого замечания Геринг взорвался: "Это страна негодяев!.. Страна гангстеров! "

После долгих обсуждений было решено поступить следующим образом: изгнать евреев из германской экономики; передать все промышленные предприятия, принадлежащие евреям, их собственность, включая ювелирные изделия и произведения искусства, в руки арийцев с компенсацией в виде долговых обязательств, по которым евреи смогут получать только проценты, но не сам капитал. Практически меры по изгнанию евреев из школ, с курортов, из парков, лесов и т. д., а также вопрос о том, выдворять их из страны после того, как они будут лишены собственности, или заключать в гетто, предстояло решить на дальнейших заседаниях комитета.

В конце встречи Гейдрих суммировал все сказанное: "Несмотря на то что мы изгоним евреев из экономической сферы, нашей основной задачей

остается вышибить их из Германии вообще". Граф Шверин фон Крозиг, министр финансов, гордившийся тем, что представляет в нацистском правительстве "старую добрую Германию", согласился, что придется сделать все, чтобы изгнать евреев в другие страны.

Когда же речь зашла о гетто, то он нерешительно заявил: "... Перспектива оказаться в гетто — не самая приятная... "

В 14. 30, почти через четыре часа, Геринг прекратил совещание.

"Я закончу наше совещание такими словами: "Немецким евреям придется в качестве наказания за свои гнусные преступления и так далее уплатить один миллиард марок. Это сработает. Эти свиньи не совершат больше убийств. Кстати, должен заметить, что я не хотел бы сейчас быть евреем в Германии".

Много бед обрушилось со временем на евреев по воле этого человека, рейха и его фюрера. А время бежало быстро. В ночь на 9 ноября 1938 года — в ночь, разбуженную погромами и освещенную заревом пожаров, — третий рейх сознательно свернул на темную и страшную дорогу, возврата с которой уже не было. Многие евреи были убиты, замучены и ограблены и раньше, но эти преступления, за исключением тех, что творились в концлагерях, совершали головорезы в коричневых рубашках. Они орудовали, побуждаемые алчностью и желанием удовлетворить свои садистские наклонности, причем государство смотрело на это сквозь пальцы. Теперь само правительство Германии организовало и провело большой погром. Убийства, грабежи, поджоги синагог, домов, магазинов в ночь на 9 ноября — это преступление, содеянное рейхом. Ему же принадлежат и декреты, опубликованные в официальной газете "Рейхсгезецблатт", — три таких декрета были опубликованы в тот день, когда состоялась встреча у Геринга. В соответствии с этими декретами евреев облагали штрафом в размере миллиарда марок, изгоняли из экономики страны, лишали той собственности, которая у них еще оставалась, и отправляли в гетто и еще более страшные места.

Мировая общественность была потрясена и возмущена варварством, происходившим в стране, хваставшейся своей многовековой христианской и гуманистической культурой. Гитлер в свою очередь был взбешен реакцией мировой общественности и еще раз убедил себя, что это доказывает наличие "всемирного еврейского заговора".

Теперь, в ретроспективе, очевидно, что жестокость, которую рейх обрушил на евреев в ночь на 9 ноября, и варварские методы, которые применялись по отношению к ним позднее, являлись признаками фатальной слабости, которая привела впоследствии диктатора, его режим и

нацию к окончательному краху. На страницах этой книги мы встречали много примеров, подтверждающих наличие у Гитлера мании величия. Но до поры до времени он умел сдерживать себя для собственного же блага и для блага своей страны. Были периоды, когда его действия, не только смелые, но и тщательно рассчитанные, помогали ему одерживать одну головокружительную победу за другой. События 9 ноября и их последствия показали, что Гитлер начал терять контроль над собой. Мания величия брала в нем верх. После изучения стенограммы встречи у Геринга 12 ноября стало ясно, что именно Гитлер в ответе за катастрофу, происшедшую в тот ноябрьский вечер; именно с его одобрения была начата эта кампания; именно он требовал от Геринга, чтобы тот очистил Германию от евреев. С этого момента хозяин третьего рейха редко пытался сдерживаться, что спасало его прежде. И хотя в дальнейшем ему еще удавалось одерживать удивительные победы, семя самоуничтожения было посеяно.

Слабость Гитлера передавалась нации подобно вирусу. Будучи очевидцем, автор этих строк может подтвердить, что ад 9 ноября вселил в сердца многих немцев такой же ужас, как в сердца американцев, англичан и других иностранцев. Но при этом ни представители христианской церкви, ни генералы, ни представители "старой доброй" Германии не выступили с открытым протестом. Они смирились с тем, что генерал Фрич назвал "неизбежностью" и "судьбой Германии".

Эйфория, охватившая жителей Европы после подписания Мюнхенского соглашения, быстро улетучилась. Гитлер выступил с речами в Саарбрюкене, Веймаре, Мюнхене. В них он обращался ко всему миру, в частности к англичанам, с советом не лезть не в свои дела и не проявлять озабоченность "судьбой немцев, проживающих в рейхе". Как громогласно заявлял он, их судьба — удел Германии, и только ее. Понадобилось не очень много времени, чтобы даже Невилл Чемберлен понял, что представляет собой правительство Германии, которое он так рьяно умиротворял. Минул насыщенный событиями 1938 год. Наступил зловещий 1939-й. Чемберлен узнал, что у Гитлера, с которым он так истово соглашался в интересах мира в Европе, на уме совсем иное {28 января 1939 года лорд Галифакс тайно предупредил президента Рузвельта, что "еще в ноябре 1938 года появились подозрения, которые теперь почти переросли в уверенность, что Гитлер планирует дальнейшие захваты весной 1939 года". Министр иностранных дел Великобритании сообщал: "Донесения указывают на то, что Гитлер, подбадриваемый Риббентропом, Гиммлером и другими, намеревается совершить нападение на страны Запада в качестве

прелюдии к последующим действиям на Востоке". — Прим. авт. }.

Вскоре после Мюнхена Риббентроп совершил поездку в Рим.

Чиано записал в своем дневнике, что мыслями Риббентроп уже "переключился" на войну.

"Фюрер убежден, — заявил германский министр иностранных дел Муссолини и Чиано, — что мы неизбежно вступим в войну с западными 'демократиями' в ближайшее время — года через три или четыре... Чешский кризис показал нашу силу! У нас есть превосходство в инициативе, поэтому мы будем хозяевами положения. На нас не могут напасть. С военной точки зрения ситуация превосходная: уже в сентябре (1939 года) мы сможем вести войну с великими демократиями" {В немецком варианте записи беседы Риббентропа и Чиано в Риме 28 октября, сделанной доктором Шмидтом, подтверждается воинственное настроение Риббентропа. Приводятся его слова о том, что Германия и Италия должны готовиться к "вооруженному конфликту с западными демократиями... здесь и сейчас". На этой встрече Риббентроп уверял Чиано, что Мюнхен показал силу изоляционистов в США, так что "Америки опасаться нечего". — Прим. авт. }.

Молодому итальянскому министру иностранных дел Риббентроп показался человеком "самовлюбленным, болтливым и пустым". Так записал он в своем дневнике, после чего добавил: "Дуче говорит, что достаточно взглянуть на его голову, чтобы понять, как мало у него мозгов". Германский министр иностранных дел приехал в Рим для того, чтобы убедить Муссолини подписать военный союз между Германией, Японией и Италией, проект которого итальянцам показывали в Мюнхене. Однако Муссолини не торопился. Как отмечает Чиано, он еще не был готов окончательно сбросить со счетов Англию и Францию.

Сам Гитлер в ту осень носился с идеей отколоть Францию от ее союзника, отделенного от нее проливом. 18 октября, принимая в "Орлином гнезде", расположенном высоко над Берхтесгаденом {Это удивительное сооружение возводилось в течение трех лет и обошлось очень дорого. Добираться туда было чрезвычайно трудно. Сперва надо было преодолеть десять миль по дороге, как бы прилепившейся к скале, потом — длинный туннель, прорубленный в горной породе, а оттуда подняться на лифте на 370 футов. В результате человек оказывался на горе высотой шесть тысяч футов, откуда открывалась захватывающая панорама Альп. Вдалеке виднелся Зальцбург. Описывая позднее это убежище, Франсуа-Понсе удивлялся: "Кем же было задумано это строение — человеком, обладающим здравым умом, или человеком, обуреваемым манией величия,

жаждой повелевать и одиночеством? " — Прим. авт. }, французского посла Франсуа-Понсе, он яростно обрушился на Великобританию. Послу показалось, что лицо у фюрера бледное и усталое, но это несколько не помешало ему обрушиться на Альбион. Фюрер утверждал, что от Британии исходит угроза, слышатся призывы к оружию, что она слишком эгоистична, высокомерна, что именно она хотела помешать духу Мюнхена. С Францией же все обстоит наоборот, и потому Гитлер хотел бы установить с ней более тесные дружеские связи. Чтобы доказать это, он готов подписать дружественный пакт, гарантирующий незыблемость существующих границ (это означало, что Германия не претендует на Эльзас и Лотарингию), а в будущем устранение разногласий путем консультаций.

Пакт был подписан в Париже 6 декабря 1938 года германским и французским министрами иностранных дел. К тому времени Франция несколько оправилась от приступа пораженческой паники, охватившей ее после Мюнхена. Автор этих строк в день подписания этого документа находился в Париже и может засвидетельствовать, что оно проходило в довольно холодной атмосфере. Проезжая по улицам, Риббентроп видел, что там безлюдно. Некоторые министры французского кабинета и ряд других политических деятелей обеих палат {Имеются в виду сенат и палата депутатов. — Прим. тит. ред. } отказались присутствовать на встрече с нацистским гостем.

Между Бонне и Риббентропом возникло некоторое недопонимание, определенным образом повлиявшее на дальнейший ход событий. Германский министр иностранных дел заявил: Бонне на встрече уверил его, что после Мюнхена Францию не интересует более ситуация в Восточной Европе. Риббентроп понял его таким образом: французы не будут связывать Германии руки в этом регионе, особенно в деле захвата Чехословакии и Польши. Бонне это отрицал. Из записи беседы, сделанной Шмидтом, следует: в ответ на требование Риббентропа признать сферу влияния Германии на Востоке Бонне заявил, что "после Мюнхена условия изменились коренным образом". Это заявление было передано германским министром иностранных дел Гитлеру в несколько иной форме: "Бонне в Париже заявил, что его больше не интересуют вопросы, касающиеся Востока". Поспешная капитуляция Франции в Мюнхене убеждала Гитлера в этом. Но это была не полная правда.

Словакия "завоевывает" свою независимость

Как же обстояло дело с гарантиями Чехословакии, которые Гитлер торжественно пообещал в Мюнхене предоставить ей? Когда 21 декабря 1938 года новый французский посол в Берлине Робер Кулондр задал этот

вопрос статс-секретарю Вайцзекеру, последний ответил, что судьба Чехословакии в руках Германии и что он отвергает саму идею англо-французских гарантий. Еще 14 октября, когда новый чешский министр иностранных дел Франтишек Хвалковски смиренно выпрашивал у Гитлера в Мюнхене жалкие подачки, он поинтересовался, присоединится ли Германия к англо-французским гарантиям измененных границ его страны, фюрер ответил, что "английские и французские гарантии ничего не стоят", что "единственной эффективной гарантией является гарантия Германии".

К началу 1939 года никаких гарантий Чехословакии еще не дали. Причина была довольно проста: Гитлер не собирался их давать, поскольку они не позволили бы ему осуществить те планы, к составлению которых он приступил сразу после Мюнхена. В ближайшем будущем с независимостью Чехословакии будет покончено — следовательно, давать гарантии не придется. Для начала же предстояло отколоть от нее Словакию.

17 октября Геринг принял двух словацких лидеров — Фердинанда Дурчанского и Маха, а также лидера немецкого меньшинства в Словакии Франца Кармазина. Дурчански, заместитель премьер-министра новой, автономной Словакии, уверил фельдмаршала, что в действительности словаки хотят "полной независимости и тесных политических, экономических и военных контактов с Германией". В секретном меморандуме министерства иностранных дел, датированном тем же числом, отмечается: Геринг прямо заявил, что требования Словакии о предоставлении ей независимости следует поддержать. "Чешское государство без Словакии будет полностью зависеть от нас... Авиационные базы в Словакии для операций на Востоке имеют огромное значение" — так считал Геринг в середине октября.

Таким образом, немецкий план относительно Чехословакии предусматривал достижение двух целей: отделение Словакии от Праги и подготовку к ликвидации остатков государственности посредством военной оккупации Богемии и Моравии. 21 октября 1938 года, как известно, Гитлер издал директиву для вермахта о готовности осуществить эту ликвидацию {24 ноября Гитлер издал еще одну секретную директиву, которая предписывала вермахту готовиться к военной оккупации Данцига, но об этом будет рассказано ниже. Уже тогда фюрер думал о том, что произойдет после окончательного завоевания Чехословакии, — Прим. авт. }. 17 декабря генерал Кейтель выпустил документ, который он назвал дополнением к директиве от 21 октября. **СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО**

В отношении окончательной ликвидации остальной части Чехии фюрер дополнительно приказал:

Разработку вести исходя из предположения, что серьезного сопротивления оказано не будет.

Также и вне Германии всем должно быть совершенно ясно, что осуществляется лишь усмирительная акция, а не военная кампания. Поэтому акция должна проводиться только вооруженными силами мирного времени, без мобилизационных усиления...

К удовольствию Гитлера, новое, прогермански настроенное правительство Чехословакии ближе к Новому году начало сознавать, что вопрос с их страной уже решен. Незадолго до рождества 1938 года, чтобы еще больше ублажить Гитлера, чешский кабинет запретил Коммунистическую партию и уволил из немецких школ всех учителей-евреев. 12 января 1939 года министр иностранных дел Хвалковски в послании германскому министерству иностранных дел подчеркивал, что его правительство и впредь "будет делать все, чтобы доказать свою лояльность и добрую волю, и выполнять все пожелания Германии". В тот же день он обратил внимание немецкого поверенного в делах в Праге на усиленно распространявшиеся слухи о том, что "включение Чехословакии в состав рейха неизбежно".

Чтобы выяснить, возможно ли сохранить хоть остатки независимости, Хвалковски добился приема у Гитлера в Берлине 21 января. Встреча оказалась довольно мучительной для чешской стороны, хотя и не до такой степени, как события, вскоре последовавшие. Чешский министр иностранных дел раболепствовал перед немецким диктатором, который открыто запугивал его, заявляя, что от катастрофы Чехословакию спасла только "сдержанность Германии". Однако, если Чехословакия не переменит своего отношения к Германии, он, фюрер, "уничтожит" ее. Чехи должны забыть свою историю, которая не более чем "ученический вздор", и делать то, что велят немцы, — в этом их единственное спасение. Чехословакия должна выйти из Лиги Наций, значительно сократить свою армию ("она все равно не играет никакой роли"), присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, позволить Германии диктовать внешнюю политику, подписать выгодное для нее экономическое соглашение, одно из условий которого заключается в том, что Чехословакия не должна без согласия Германии развивать новые отрасли промышленности {Гитлер потребовал также, чтобы чехословацкий национальный банк передал часть своего золотого запаса в Рейхсбанк (он запросил 391, 2 миллиона чешских крон золотом). 18 февраля Геринг писал в министерство иностранных дел: "Ввиду того что валютное положение все ухудшается, я настоятельно требую, чтобы 30–40 миллионов рейхсмарок золотом (из чехословацкого национального банка)

были переданы нам немедленно. Они необходимы для выполнения важных заданий фюрера". — Прим. авт. }, уволить всех официальных лиц и редакторов, не проявляющих дружелюбности к рейху, объявить вне закона евреев, как это сделала Германия в соответствии с Нюрнбергскими законами ("У нас евреи будут просто уничтожены", — заявил Гитлер своему посетителю). В тот же день Риббентроп предъявил Хвалковскому ряд требований, угрожая "катастрофическими последствиями", если чехи не одумаются и не станут делать то, что им велят. Германский министр иностранных дел, предельно подбодрастный в присутствии Гитлера и грубый и наглый с теми, кто от него зависел, запретил Хвалковскому сообщать о германских требованиях англичанам и французам и приказал немедленно приступить к их выполнению, не рассуждая о немецких гарантиях неприкосновенности чешских границ. Об этом, кстати, мало беспокоились в Париже и Лондоне. Четыре месяца прошло со времени мюнхенской встречи, а Гитлер не сдержал своего честного слова и не присоединился к гарантиям, данным Англией и Францией. В итоге 8 февраля английским правительством в Берлин была направлена вербальная нота, гласящая, что два правительства "были бы рады узнать точку зрения германского правительства относительно претворения в жизнь договоренности, достигнутой в Мюнхене в отношении гарантий Чехословакии".

Как явствует из трофейных документов, Гитлер сам составил проект ответа, который отправили только 28 февраля. В нем говорилось, что время для предоставления немецких гарантий еще не пришло, что Германии придется ждать "развития событий в самой Чехословакии".

Фюрер уже планировал финал этих событий. 12 февраля он принял в рейхсканцелярии д-ра Войтеха Туку, одного из словацких лидеров, который, проведя длительное время в заключении, был настроен против чехов. Апеллируя к Гитлеру, он, используя обращение "мой фюрер", просил, как явствует из секретных документов, предоставить Словакии независимость и свободу: "Мой фюрер, я вверяю в ваши руки судьбу своего народа! От вас мой народ ждет полного освобождения".

Гитлер ответил довольно уклончиво. Он уверял, что, к сожалению, незнаком со словацкой проблемой, а если бы знал, что словаки жаждут независимости, то устроил бы это в Мюнхене. Он был бы "рад видеть Словакию независимой", он мог бы гарантировать "независимость Словакии в любой момент, хоть сегодня". Эти слова очень понравились профессору Туке. "Это, — говорил он позднее, — был самый светлый день моей жизни".

Пришла пора поднять занавес перед следующим действием чехословацкой трагедии. По иронии, которой изобилует данная книга, именно чехи и подняли этот занавес, причем несколько преждевременно. В начале марта 1938 года они стояли перед ужасной дилеммой: движения сепаратистов в Словакии и Рутении {Немецкое название Закарпатской Украины. — Прим. тит. ред. }, подстрекаемых, как известно, немецким правительством (а в Рутении еще и Венгрией, которая жаждала захватить эту небольшую территорию), достигли такого накала, что стало очевидно: если их не подавить, то страна окажется разорванной на части. В этом случае Гитлер, несомненно, оккупирует Прагу. Если же сепаратистские движения будут подавлены центральным правительством, то Гитлер непременно воспользуется результатами волнений и опять-таки войдет в Прагу.

После долгих колебаний, когда провокации стали слишком явными, чешское правительство склонилось ко второму варианту. 6 марта д-р Гаха, президент Чехословакии, распустил автономное правительство Рутении, а к 10 марта — автономное словацкое правительство. На следующий день он издал приказ об аресте монсеньера Тисо, словацкого премьера, д-ра Туки и Дурчанского и ввел в Словакии военное положение. Этот единственный смелый поступок правительства сыграл на руку Берлину и привел к гибели самого правительства.

Действия, предпринятые неустойчивым пражским правительством, оказались для Берлина неожиданностью. Геринг уехал отдыхать в солнечный Сан-Ремо. Гитлер собирался в Вену на празднование первой годовщины аншлюса. Пришлось мастеру импровизации лихорадочно обдумывать положение. 11 марта он решил заполучить Богемию и Моравию ультимативным путем. Проект ультиматума по его приказу был в тот же день составлен генералом Кейтелем и передан в министерство иностранных дел Германии. В нем чехам предлагалось согласиться на военную оккупацию без сопротивления. Однако пока это оставалось военной тайной.

Настало время для Гитлера "освободить" Словакию. Карол Сидор, представлявший автономное словацкое правительство в Праге, был назначен президентом Гахой новым премьер-министром вместо Тисо. Вернувшись 11 марта в Братиславу, где находилось правительство Словакии, Сидор созвал новый кабинет. В десять вечера его заседание было прервано появлением непрошенных гостей — Зейсс-Инкварта, нацистского губернатора Австрии, и Йозефа Бюркеля, гауляйтера Австрии, в сопровождении пяти немецких генералов. Ворвавшись в здание кабинета,

они приказали немедленно провозгласить независимость Словакии. В случае отказа Гитлер, вознамерившийся решить наконец словацкий вопрос, пригрозил, что вообще перестанет интересоваться судьбой Словакии.

Сидор, не желавший порывать связей с чехами, некоторое время сопротивлялся, но на следующее утро Тисо сбежал из монастыря, где он содержался под домашним арестом, и потребовал созыва кабинета, хотя сам уже членом кабинета не являлся. Чтобы избежать дальнейшего вмешательства со стороны немецких официальных лиц, Сидор созвал кабинет у себя на квартире, а когда и это стало небезопасно, поскольку немецкие штурмовые отряды начали хозяйничать в городе, перенес заседание в помещение редакции местной газеты. Там Тисо сообщил ему, что получил телеграмму от Бюркеля, в которой содержится приглашение немедленно прибыть в Берлин для встречи с фюрером. Бюркель угрожал, что если приглашение не будет принято, то две немецкие дивизии, дислоцировавшиеся на другом берегу Дуная, войдут в Словакию и она будет разделена между Германией и Венгрией. Тучный, низкорослый прелат {Монсеньер Тисо, насколько я его помню, имел одинаковые размеры как в высоту, так и в ширину. Он был невероятный обжора. "Когда я чувствую усталость, — признался он однажды Паулю Шмидту, — я съедаю полфунта ветчины, и это успокаивает мои нервы". Ему было суждено кончить жизнь на виселице. 8 июня 1945 года он был арестован американскими военными властями и передан вновь образовавшейся Чехословакии, где после четырехмесячного суда 15 апреля 1947 года его приговорили к смертной казни. 18 апреля приговор был приведен в исполнение. — Прим. авт. } утром 13 марта прибыл в Вену, намереваясь сесть в поезд и ехать в Берлин. Но немцы перехватили его и посадили в самолет — фюрер не мог себе позволить терять время.

Когда в 7. 40 вечера 13 марта Тисо и Дурчански прибыли в рейхс-канцелярию, они встретили там помимо Гитлера Риббентропа, главнокомандующего сухопутными войсками Браухича и начальника штаба ОКБ Кейтеля. Гитлер пребывал в обычном настроении, хотя словаки могли этого и не осознавать. И опять-таки благодаря трофейным документам мы имеем возможность проникнуть в коварные замыслы немецкого диктатора, одержимого манией величия. Мы узнаем об обрушившихся на чехов потоках лжи и угроз, причем с такими подробностями, которые, как полагал Гитлер, никогда не станут достоянием гласности.

"Чехословакия, — говорил он, — обязана исключительно Германии тем, что ее не перекроили окончательно". Со стороны рейха "была проявлена удивительная сдержанность", но чехи этого не оценили. "За

последние недели, — продолжал фюрер, все больше взвинчивая себя, — положение стало невыносимым. Опять возродился дух Бенеша".

Словаки его тоже расстроили. После Мюнхена он поссорился со своими друзьями — венграми, не позволив им захватить Словакию, поскольку полагал, что она хочет быть независимой.

Сейчас он вызвал Тисо, чтобы выяснить этот вопрос в самые короткие сроки... Вопрос ставился так: хочет Словакия быть независимой или нет? Это вопрос не дней, а часов. Если Словакия хочет быть независимой, он поддержит ее и даже даст ей гарантии... Если она будет колебаться и откажется отделиться от Праги, то судьба ее решится в результате событий, ответственность за которые он не несет.

Из немецких документов явствует, что в этот момент Риббентроп "вручил Гитлеру донесение, в котором говорилось, что венгерские войска начали продвижение к границам Словакии. Фюрер прочитал донесение и сообщил Тисо о его содержании, после чего выразил надежду, что Словакия быстро примет решение".

Тисо попросил "извинить его, если после всего сказанного канцлером он не сможет дать ответ сразу", и поспешил добавить, что словаки докажут: они достойны благоволения фюрера.

Они доказали это на встрече в министерстве иностранных дел, завершившейся поздно ночью. Согласно показаниям Кепплера, который являлся секретным агентом Гитлера в Братиславе, а перед тем в Вене, немцы помогли Тисо составить проект телеграммы, которую премьер должен был отправить, как только вернется в Братиславу. В телеграмме провозглашалась независимость Словакии и содержалась просьба к фюреру взять новое государство под свою защиту. Она очень напоминала телеграмму, продиктованную Герингом год назад, в которой Зейсс-Инкварт просил ввести в Австрию немецкие войска. К моменту описываемых событий нацистская технология подготовки телеграмм была значительно усовершенствована. На этот раз телеграмма была более короткой. Тисо послушно отправил ее 16 марта, и Гитлер немедленно ответил, что будет рад "взять на себя защиту Словацкого государства".

В тот вечер в министерстве иностранных дел Риббентроп составил проект провозглашения словацкой "независимости" и повелел перевести его на словацкий язык к моменту отбытия Тисо в Братиславу. На следующий день, 14 марта, премьер зачитал ее текст в парламенте, причем, по сообщению немецкого агента, в несколько измененном виде. Попытки некоторых словацких депутатов обсудить текст жестоко пресекались Кармазином, лидером немецкого меньшинства, который предупредил, что в

случае проволочек с провозглашением независимости немецкие войска войдут в страну. Перед лицом этой угрозы сомневающиеся депутаты сдались.

Так 14 марта 1939 года родилась "независимая" Словакия. Английские дипломаты срочно сообщили об этом в Лондон, и Чемберлен не замедлил воспользоваться "событиями" в Чехословакии, чтобы отказаться от выполнения данных Чехословакии гарантий. А Гитлер вечером 14 марта завершил наконец то, что не успел сделать в Мюнхене.

Существование Чехословацкой республики времен Масарика и Бенеша закончилось. Растерянные лидеры в Праге опять сыграли на руку Гитлеру — начался последний акт чехословацкой трагедии. Стареющий и подавленный президент Гаха просил Гитлера о встрече {На этот счет точки зрения историков расходятся. Некоторые убеждены, что немцы заставили Гаху приехать в Берлин. Их убежденность основана, вероятно, на сообщении французского посла в Берлине, который ссылаясь на "надежные источники". Но из обнаруженных впоследствии документов министерства иностранных дел Германии очевидно, что инициатива исходила от Гахи. 13 марта через германскую миссию в Праге он обратился с просьбой о встрече с Гитлером, а потом повторил ее 14 марта. Во второй половине дня 14 марта Гитлер согласился встретиться с ним. — Прим. авт. }, и тот милостиво согласился удовлетворить его просьбу. Эта встреча дала Гитлеру возможность осуществить одну из самых наглых акций за всю его карьеру.

Можно представить, как тщательно готовился диктатор к встрече с президентом Чехословакии вечером 14 марта. После провозглашения независимости Словакии и Рутении, так старательно им устроенного, под началом Праги остались только Богемия и Моравия. Разве не перестало существовать государство Чехословакия — государство, незыблемость границ которого на случай агрессии гарантировали Англия и Франция? Чемберлен и Даладье, партнеры Гитлера по Мюнхену, где были торжественно даны эти гарантии, уже "вышли" из игры. Гитлер не сомневался, что такое положение их устроит, и был прав. Это обезопасило его от вмешательства со стороны других держав. Однако, чтобы на двести процентов быть уверенным в том, что его следующий шаг будет обоснованным с точки зрения расплывчатого международного права, по крайней мере на бумаге, он намеревался заставить слабовольного Гаху, слезно молившего о встрече, самого принять это решение и тем самым добиться того, чего раньше он хотел достичь военным путем. Если это удастся ему — ему, единственному в Европе мастеру бескровных завоеваний, подтверждением чему служили аншлюс и Мюнхен, — то он

представит дело так, будто сам президент Чехословакии просил его об этом. Тогда окажется, что захват ненемецкой земли будет осуществлен с соблюдением тех юридических тонкостей, которые оправдали себя при захвате им власти в Германии.

Таким образом, Гитлер готовился обмануть немцев и другие доверчивые народы Европы. Уже в течение нескольких дней немецкие провокаторы пытались организовать волнения в разных городах Чехословакии. Особого успеха они не достигли, поскольку, как докладывала немецкая миссия в Праге, чешской полиции "был отдан приказ не предпринимать мер против немцев даже в случае провокаций". Но эти неудачи не могли остановить доктора Геббельса, развернувшего в прессе шумиху по поводу террора, якобы развязанного чехами против несчастных немцев. Французский посол Кулондр докладывал в Париж, что это те же рассказы и те же заголовки, что и во времена судетского кризиса, вплоть до беременной немки, которую сбили с ног чешские звери, и "кровавой бани", которую чешские варвары устроили беззащитным немцам. Гитлер заверял гордый немецкий народ, что они не останутся беззащитными.

Таковы были ситуация и планы Гитлера (это известно нам из немецких архивов), когда 14 марта, в 10. 40 вечера, на берлинский вокзал прибыл поезд с президентом Гахой и министром иностранных дел Чехословакии Хвалковским. Самолетом президент воспользоваться не мог из-за больного сердца.

Тяжкие испытания доктора Гахи

Протокольная часть была организована немцами безукоризненно. Чешского президента встретили так, как положено встречать главу государства. На вокзале был выстроен почетный караул, министр иностранных дел Германии лично приветствовал высокого гостя и даже вручил его дочери букет чудесных цветов. В отеле "Адлон", где были размещены гости, в одном из лучших номеров для мисс Гахи был приготовлен набор шоколадных конфет — личный подарок Адольфа Гитлера, полагавшего, что все разделяют его любовь к сладкому. Когда президент со своим министром иностранных дел прибыли в рейхсканцелярию, их встретил почетный караул СС.

К Гитлеру их не допускали до 1. 15. Гаха, должно быть, догадывался, что его ожидает. Перед тем как поезд пересек чешскую границу, он получил из Праги сообщение, что немецкие войска оккупировали Моравску-Оставу, важный индустриальный центр Чехословакии, и встали на границе Богемии и Моравии, готовые к нападению. Войдя в этот

поздний час в кабинет Гитлера, Гаха сразу заметил рядом с фюрером не только Риббентропа и Вайцзекера, но и фельдмаршала Геринга, срочно вызванного из Сан-Ремо, где он отдыхал, и генерала Кейтеля, однако не увидел врача Гитлера, шарлатана по имени Теодор Морелль. Доктор же находился там не без причины.

На основании секретных записей об этой встрече вырисовывается весьма жалкая картина. Несчастный доктор Гаха, несмотря на то что в прошлом был уважаемым судьей верховного суда, откровенно пресмыкался перед чванливым фюрером, позабыв о чувстве собственного достоинства. Президент, вероятно, полагал, что таким образом сможет добиться милости диктатора и спасти хоть что-нибудь для своего народа. Но вопреки благим намерениям его речь, записанная в ходе встречи, вызывает у читателя тошноту. Гаха уверял Гитлера, что никогда не занимался политикой, что редко встречался с основателями Чехословацкой республики Масариком и Бенешем и они никогда не нравились ему. Он говорил, что их режим был ему "настолько враждебен, что после смены власти (после Мюнхена) он сразу задался вопросом: следует ли вообще Чехословакии оставаться независимой? "

Он высказал твердое убеждение, что судьба Чехословакии всецело в руках фюрера и в таком случае за нее можно быть спокойным... Потом он перешел к тому, что волновало его больше всего, — к судьбе своего народа. Он чувствовал, что именно Гитлер поймет его, — Чехословакия имеет право на существование как нация... Чехословакия подвергается постоянным нападкам из-за того, что в стране осталось довольно много сторонников Бенеша. Правительство всеми средствами старается заставить их молчать. Вот и все, что он хотел сказать...

Потом заговорил Адольф Гитлер. Рассказав о том, какие трудности он испытывал, имея дело с Чехословакией Масарика и Бенеша, о том, какие обиды они нанесли немцам и Германии, поразглагольствовав о том, что после Мюнхена позиция чехов, к сожалению, несколько не изменилась, он перешел к основному вопросу.

Он пришел к выводу, что приезд президента, несмотря на его преклонный возраст, может принести его стране большую пользу, так как всего несколько часов отделяет Чехословакию от вторжения немецких войск... Он не испытывает вражды ни к одной нации. ... То, что осталось от Чехословакии, еще существует как государство только благодаря его лояльному отношению... Осенью он не хотел делать окончательных выводов, потому что полагал, сосуществование все-таки возможно. Однако теперь у него не оставалось сомнения в том, что если дух Бенеша не будет

уничтожен в стране окончательно, то придется уничтожить страну.

В подтверждение того, что дух Бенеша в стране не исчез, были приведены многочисленные "примеры".

Итак, в прошлое воскресенье, 12 марта, жребий был брошен. Он отдал приказ германским войскам о вторжении в Чехословакию и присоединении ее к германскому рейху.

По воспоминаниям доктора Шмидта, Гаха и Хвалковски сидели словно каменные изваяния. Только по их глазам можно было догадаться, что они живые. Но Гитлер еще не закончил. Ему необходимо было унижить гостей угрозой тевтонского террора.

Он заявил, что немецкая армия уже вступила в пределы Чехословакии. Встреченное ею в казармах сопротивление было безжалостно подавлено.

В шесть утра немецкой армии предписано двинуться со всех сторон на территорию Чехии, а немецкой авиации занять чешские аэродромы. При этом возможны два варианта. Если вступление немецких войск встретит сопротивление, то это сопротивление будет подавлено путем применения грубой силы. Если же вступление немецких войск пройдет мирно, то фюреру будет легче предоставить Чехословакии автономию и определенную национальную свободу, а чехам — привычный для них образ жизни.

Делает он все это не из чувства ненависти, а в целях защиты Германии. Если бы прошлой осенью Чехословакия не пошла на уступки, чехи были бы уничтожены. И никто не смог бы помешать ему. Если дело дойдет до военных действий... то через два дня чешская армия перестанет существовать. Конечно, будут убитые и среди немцев, но это породит ненависть и вынудит его в целях самосохранения не предоставлять чехам автономии. Остальному миру до этого нет никакого дела. Он сочувствует чехам, когда читает газеты. У него сложилось мнение, которое можно выразить так: мавр сделал свое дело, мавр может уходить...

Поэтому он и просил доктора Гаху приехать. Это последняя добрая услуга, которую он может оказать чешскому народу... Возможно, визит Гахи предотвратит самое худшее...

Время идет. В шесть часов немецкие войска вступят на территорию Чехословакии. Ему неловко говорить об этом, но каждому чешскому батальону противостоит немецкая дивизия. Он посоветовал бы сейчас Гахе с Хвалковским удалиться и обсудить, что делать.

А что оставалось делать? Старому, сломленному президенту не нужно было и удаляться, чтобы все решить. Он сразу сказал Гитлеру:

"Положение ясно. Сопротивление было бы безумием". Но что сейчас,

в 2 часа ночи, когда до вторжения осталось всего четыре часа, он может предпринять, чтобы чешский народ не оказал сопротивления? Фюрер ответил, что об этом Гахе лучше всего посоветоваться со своими соратниками. Германская военная машина уже запущена, и остановить ее невозможно. Гахе необходимо немедленно связаться с Прагой. "Это ответственное решение", — сказал Гитлер, если верить секретным записям, но зато на горизонте ему виделся долгий период мира между двумя нациями. Если же будет принято другое решение, то уничтожение Чехословакии, очевидно, неминуемо.

Когда Гитлер отпустил своих гостей, было 2. 15. В соседней комнате Геринг и Риббентроп усилили давление на несчастных чехов. Согласно докладу в Париж французского посла, ссылавшегося на достоверные с его точки зрения, источники, Гаха и Хвалковски протестовали против унижения своей нации. Они заявили, что не могут подписать документ о капитуляции, что в противном случае народ проклянет их.

"Немецкие министры (Геринг и Риббентроп) были неумолимы, — отмечал в своем докладе Кулондр. — Они буквально бегали за Гахом и Хвалковским вокруг стола, на котором лежал документ, стараясь вложить им перо в руки, и предупреждали, что если те не подпишут документ, то через два часа половина Праги будет превращена бомбардировщиками в руины, причем это будет только начало. Сотни бомбардировщиков ожидают приказа на взлет. Они получают его в шесть утра, если на документе не будет подписей" {В Нюрнберге Геринг вспоминал, что сказал Гахе: "Мне будет жаль, если придется бомбить прекрасную Прагу". Выполнять свою угрозу, по его словам, он не собирался. "Этого и не требовалось, — объяснял он. — Но мне казалось, что такая фраза послужит хорошим аргументом и позволит быстрее закончить дело". — Прим. авт. }.

В это время доктор Шмидт, который, как может показаться, был очевидцем самых драматичных моментов истории третьего рейха, услышал, как Геринг крикнул: "Гахе плохо!" Позвали доктора Морелля.

По воспоминаниям Шмидта, нацистская верхушка на мгновение испугалась, что чешский президент скончается у них на руках, "а назавтра весь мир скажет, что его убили в канцелярии". Доктор Морелль считался специалистом по уколам — позднее он чуть не свел своими уколами в могилу Гитлера. Он сделал укол доктору Гахе, после чего тот пришел в себя. Президент почувствовал себя достаточно бодро, чтобы взять телефонную трубку, которую вложили ему в руку, и поговорить с Прагой по каналу, заказанному Риббентропом. Гаха рассказал чешскому правительству о том, что произошло, и дал совет подчиниться требованиям

немцев. Потом, получив второй укрепляющий укол от доктора Морелля, президент республики, существование которой близилось к закату, снова встретился с Адольфом Гитлером и подписал смертный приговор собственной стране. Это случилось 15 марта 1939 года без пяти четыре утра.

Шмидт вспоминает, что текст был составлен Гитлером заранее. Пока Гахе было плохо, немецкий переводчик переписывал официальное коммюнике, также составленное заранее, которое Гаху и Хвалковского заставили подписать. Текст его гласил:

Берлин, 15 марта 1939 года

Сегодня фюрер принял президента Чехословакии доктора Гаху и министра иностранных дел Чехословакии доктора Хвалковского по их просьбе. На встрече присутствовал министр иностранных дел фон Риббентроп. На встрече, прошедшей в доверительной атмосфере, обсуждалось серьезное положение, сложившееся в Чехословакии в результате событий последних недель.

Обе стороны высказали единодушное мнение, что их усилия должны быть направлены на поддержание спокойствия, порядка и мира в этой части Центральной Европы. Президент Чехословакии заявил, что для достижения этой цели и мирного урегулирования он готов вверить судьбу чешского народа и самой страны в руки фюрера и германского рейха. Фюрер выслушал это заявление и выразил намерение взять чешский народ под защиту германского рейха и гарантировать ему автономное развитие в соответствии с национальными традициями.

Этот шаг стал, пожалуй, вершиной политической изворотливости Гитлера. Одна из секретарш Гитлера вспоминала, что после подписания документов он вбежал в комнату, обнял по очереди всех женщин, которые там находились, и воскликнул: "Дети мои, это величайший день в моей жизни! Я войду в историю как величайший деятель Германии! "

Ему не приходило в голову — да и как могло прийти? — что конец Чехословакии означает начало конца Германии. На рассвете 15 марта 1939 года Германия ступила на дорогу, ведущую к войне, и, как известно, к поражению, к катастрофе. Эта дорога была прямой и короткой. Встав на нее, Гитлер уже не мог остановиться, как не могли в свое время остановиться Александр Македонский и Наполеон.

В 6 утра 15 марта немецкие войска вошли на территорию Богемии и Моравии. Им не было оказано сопротивления, и к вечеру Гитлер с триумфом прибыл в Прагу. Он полагал, что в Мюнхене Чемберлен пытался лишить его этого триумфа. Перед отъездом из Берлина он обратился к

народу Германии, повторив все ту же ложь о "страшных притеснениях" и "терроре" со стороны чехов, которым он был вынужден положить конец. Он гордо провозгласил: "Чехословакия перестала существовать! "

Ночевал он в Градчанах — древней резиденции чешских королей, вознесшейся на высоком берегу Влтавы. Еще недавно здесь жили Масарик и Бенеш, строившие первое в Центральной Европе демократическое государство. И вот месть фюрера свершилась. Свое удовлетворение по этому поводу он выразил в ряде заявлений. Он сполна отплатил чехам, жгучая ненависть к которым переполняла его, австрийца, еще 30 лет назад, в период бродяжничества в Вене, и которая вновь вспыхнула в нем, когда Бенеш осмелился противостоять ему, всемогущему диктатору Германии.

На следующий день он объявил о создании протектората Богемия и Моравия, который получит автономию и самоуправление, что на самом деле означало: чехи окончательно попали под пяту Германии. Вся полнота власти передавалась "рейхспротектору", его статс-секретарю и главе гражданской администрации, которые назначались фюрером. Чтобы успокоить общественное мнение Англии и Франции, Гитлер вновь вспомнил об "умеренном" Нейрате и назначил его протектором {На Нюрнбергском процессе Нейрат говорил, что это назначение явилось него "полной неожиданностью" и что ему этот пост был "не по душе". Тем не менее он согласился, когда Гитлер объяснил ему; назначая его на этот пост, он хотел уверить Англию и Францию, будто "не собирается вести враждебную Чехословакии политику". — Прим. авт. }. Два судетских лидера — Конрад Генлейн и Карл Герман Франк получили возможность отомстить чехам, так как были назначены соответственно главой гражданской администрации статс-секретарем. Немного времени оставалось до того дня, когда Гиммлер, шеф германской полиции, полностью подчинил себе протекторат. С этой целью он назначил Франка главой полиции протектората и присвоил ему высокий эсэсовский чин {Вероятно, будет интересно, забегая несколько вперед, рассказать о том, что произошло с некоторыми действующими лицами этой драмы в дальнейшем. Франк был приговорен к смерти в послевоенной Чехословакии и публично повешен неподалеку от Праги 22 мая 1946 года. Генлейн покончил с собой после того, как в 1945 году его арестовали бойцы чешского Сопротивления. Хвалковски, который стал представителем протектората в Берлине, погиб во время бомбежки союзников в 1944 году. Гаха был арестован чехами 14 мая 1945 года, но умер, не дождавшись суда. — Прим. авт. }.

В течение тысячелетий, по заявлению Гитлера, провинции Богемия и

Моравия являлись частью жизненного пространства для немецкого народа... Чехословакия продемонстрировала свою неспособность выжить и пала жертвой распада. Германский рейх не может более терпеть беспорядки на этих землях... Сегодня, следуя закону самосохранения, он полон решимости восстановить основы разумного порядка в Центральной Европе. Тысячелетняя история доказала, что именно на немецкий народ благодаря величию его духа и отличительным качествам возложена эта миссия.

Долгая ночь германского варварства опустилась над Прагой и всей Чехословакией.

16 марта Гитлер взял Словакию под свою милостивую защиту в ответ на телеграмму премьера Тисо, составленную, как известно, в Берлине. Немецкие войска немедленно вошли в Словакию для ее "защиты". 18 марта Гитлер прибыл в Вену, чтобы одобрить "Договор о защите", который 23 марта подписали в Берлине Риббентроп и Тука. В договор был включен секретный протокол, по которому Германия получала право использовать мощности словацкой экономики. Что касается Рутении — восточной части Чехословакии, то она просуществовала как независимая Карпатско-Украинская республика только 24 часа со времени ее провозглашения 14 марта. Призывы к Гитлеру взять республику под свою защиту оказались тщетными, так как эта земля была обещана Венгрии. В трофейных немецких архивах было обнаружено интересное письмо, написанное от руки 13 марта регентом Венгрии Миклошем Хорти Адольфу Гитлеру.

"Ваше превосходительство, сердечно благодарю Вас! Не могу выразить, насколько я счастлив, поскольку эта земля (Рутения) для Венгрии — не хотелось бы употреблять высокие слова — жизненно необходима... Мы с энтузиазмом трудимся над решением этой задачи. Планы уже составлены. Во вторник, 16-го числа, произойдет пограничный инцидент, на который в субботу в качестве ответной меры последует мощный удар".

В действительности нужды в "инциденте" не было. Венгерские войска просто вошли в Рутению в шесть утра 15 марта — в то самое время, когда немецкие войска вторглись на территорию Чехословакии с запада. На следующий день Рутения была формально присоединена к Венгрии.

Итак, 15 марта началось с того, что в 1. 15 Гаха прибыл в рейхсканцелярию, а закончилось тем, что Чехословакия, по заявлению Гитлера, перестала существовать.

Ни Англия, ни Франция не предприняли ни малейшей попытки спасти Чехословакию, хотя в Мюнхене торжественно давали ей гарантии на случай агрессии.

После этой встречи не только Гитлер, но и Муссолини понял: англичане настолько слабы, а их премьер-министр настолько податлив, что в дальнейшем на них можно не обращать внимания. 11 января 1939 года Чемберлен в сопровождении лорда Галифакса прибыл в Рим, чтобы нащупать пути улучшения англо-итальянских отношений. Автор этих строк присутствовал на вокзале в Риме, когда прибыли англичане, и в свой дневник занес тот факт, что на лице Муссолини при встрече гостей играла "глуповато-самодовольная улыбка". "Когда Муссолини проходил мимо меня, — записал я в дневнике, — я слышал, как он шутил со своим зятем (Чиано), острил". Я, конечно, не мог уловить все, о чем они говорили, но записи в дневнике Чиано передают его впечатления о встрече:

"Приезд Чемберлена. Как далеки мы от этих людей! Это другой мир. Мы говорили об этом с дуче после обеда. "Эти люди сделаны не из того теста, — сказал он, — что их фрэнсисы дрейки и другие блистательные авантюристы, которые создали империю. Эти — просто утратившие вкус к жизни сыновья многих поколений богачей, они растеряют свою империю".

Англичане не хотят воевать. Они стараются отступить, отступить как можно медленнее, но не воевать... Наши беседы с англичанами подошли к концу. Мы ни до чего не договорились. Я позвонил Риббентропу и сказал, что это был "большой лимонад" (фарс)... "

14 января Чиано записал:

"Я был с дуче на вокзале, когда уезжал Чемберлен... Глаза его были полны слез, когда поезд тронулся и соотечественники запели "Потому что он хороший парень". "Что это за песенка? " — спросил дуче... "

Во время судетского кризиса Гитлер интересовался мнением Чемберлена, но в трофейных немецких документах нет ни слова о том, что его беспокоило мнение премьер-министра в связи с уничтожением остатков Чехословакии, несмотря на гарантии Англии и Мюнхенское соглашение. 14 марта, когда Гитлер ждал Гаху, чтобы унижить его, в палате общин в Лондоне обсуждался вопрос о планах Гитлера "отделить" Словакию и позиции Англии в свете этих планов. Чемберлен горячо заверял: "Никакой агрессии не было! "

Однако на следующий день, 15 марта, когда агрессия стала фактом, премьер-министр использовал провозглашение "независимости" Словакии в качестве оправдания за несдержанное Англией обещание. "Эта декларация, — сказал он, — покончила изнутри с тем государством, незыблемость границ которого мы гарантировали. Правительство его величества не может считать себя далее связанным этим обещанием".

Таким образом, стратегия Гитлера полностью себя оправдала. Он

предложил Чемберлену "выход", и тот его принял. Интересно, что премьер-министр даже не собирался обвинять Гитлера в нарушении слова. "Я так часто слышал обвинения в невыполнении обещаний, которые мне казались плохо обоснованными, — говорил он, — что не хотел бы сейчас выступать с обвинениями подобного рода". Он не высказал ни слова упрека в адрес фюрера, даже за прием Гахи и махинации, подробности о которых пока еще были неизвестны, но которые наверняка были сфабрикованы в рейхсканцелярии рано утром 15 марта.

Неудивительно, что протест, заявленный в тот день Англией, если это вообще можно назвать протестом, был настолько слаб, что немцы отнеслись к нему, а позднее и к англо-французскому протесту, с высокомерным презрением.

"Правительство его величества не имеет намерения вмешиваться в дела, в которых могут быть непосредственно заинтересованы правительства других стран... Тем не менее оно — этот факт правительство Германии непременно оценит — крайне заинтересовано в успехе мер, принимаемых для поддержания атмосферы доверия и ослабления напряженности в Центральной Европе. Оно будет сожалеть обо всех действиях, которые могут привести к нарушению атмосферы растущего всеобщего доверия..."

Нота была доставлена Риббентропу послом Гендерсоном 15 марта как официальное послание лорда Галифакса. О событиях текущего дня в ней не было сказано ни слова.

Французы, по крайней мере, были более решительны. Робер Кулондр, новый посол Франции в Берлине, не одобрял ни точку зрения англичан на нацизм, ни презрение Гендерсона по отношению к чехам. Утром 15-го числа он потребовал встречи с Риббентропом, но тщеславный и мстительный министр иностранных дел находился в это время на пути в Прагу, где намеревался вместе с Гитлером насладиться унижением сломленного народа. Вместо него в полдень посла принял статс-секретарь фон Вайцзекер. Посол сразу высказал то, о чем Чемберлен и Гендерсон еще не были готовы говорить: военное вторжение в Богемию и Моравию — это нарушение Мюнхенского соглашения и нарушение франко-германского заявления от 6 декабря. Вайцзекер, который позднее лез из кожи вон, пытаясь доказать, что всегда был антинацистом, вел себя с таким высокомерием, которому мог бы позавидовать сам Риббентроп. Вот что он вспоминал об этом:

"Я говорил с послом довольно резко и просил его не упоминать о Мюнхенском соглашении, которое, как он считал, было нарушено, и не

читать нам лекций... Я сказал ему, что в свете договоренности, достигнутой прошлой ночью с правительством Чехословакии, не вижу оснований для демарша, предпринятого французским послом... и выразил уверенность, что, вернувшись в посольство, он найдет там новые инструкции, которые его наверняка удовлетворят".

Когда через три дня, 18 марта, правительства Англии и Франции собрались-таки заявить протест, чтобы успокоить взбудораженное общественное мнение в своих странах, Вайцекер превзошел по наглости даже своего шефа — Риббентропа. В меморандуме, обнаруженном в бумагах министерства иностранных дел Германии, он не без юмора сообщает о том, как вообще отказался принять официальную ноту протеста Франции.

"Я немедленно вложил ноту обратно в конверт и отдал ее назад послу, сказав при этом, что не собираюсь принимать от него какой-либо протест касательно событий в Чеха-Словакии. Я пообещал оставить сам факт без внимания, а месье Кулондру посоветовал убедить свое правительство пересмотреть текст протеста..."

Кулондр в отличие от Гендерсона был не из тех послов, которые позволяли немцам дать запугать себя. Он ответил, что нота была написана его правительством после тщательного обсуждения и что он не видит оснований просить правительство о ее пересмотре. Статс-секретарь продолжал отказываться принять ноту, и посол, напомнив ему о дипломатической практике, стал настаивать на том, что Франция имеет право донести свои взгляды до правительства Германии. В конце концов Вайцекер оставил ноту на столе, сказав, что будет "относиться к ней, как к пришедшей по почте". Но перед этим бесстыдным жестом он заявил следующее:

"С юридической точки зрения существует Декларация, выработанная фюрером и президентом Чехо-Словацкого государства. Чешский президент по собственной воле прибыл в Берлин и немедленно заявил, что хочет вручить судьбу своей страны фюреру. Не могу представить, что члены французского правительства большие католики, чем папа римский, чтобы вмешиваться в дела, которые уже должным образом улажены между Берлином и Прагой". {На суде в Нюрнберге статс-секретарь пытался доказывать, что в записях бесед и встреч подобного рода умышленно преувеличивал свои нацистские настроения, чтобы скрыть свою антинацистскую деятельность. Однако рассказ Кулондра свидетельствует, что в действительности Вайцекер ничего не преувеличивал. — Прим. авт. }

Совершенно по-иному вел себя Вайцзекер, принимая английского посла, который доставил ноту протеста своего правительства во второй половине дня 18 марта. Теперь английское правительство заявляло, что "рассматривает события последних дней не иначе как полный отход от Мюнхенского соглашения" и что "военные действия Германии лишены каких-либо законных оснований". Вспоминая об этом, Вайцзекер замечает, что англичане не пошли так далеко, как французы, заявившие, что Франция "не признает законности немецкой оккупации".

17 марта Гендерсон посетил Вайцзекера и сообщил ему, что его отзывают в Лондон для "консультаций". По словам секретаря, посол пытался выудить у него факты, которые Чемберлен мог бы использовать против оппозиции... Гендерсон объяснил, что у Англии нет прямой заинтересованности в чешских территориях. Его, Гендерсона, больше волнует будущее.

Даже уничтожение Гитлером Чехословакии не помогло британскому послу понять, что представляет собой правительство, при котором он аккредитован; он не представлял также, что происходило в этот день в правительстве его собственной страны.

Совершенно неожиданно 17 марта, через два дня после ликвидации Чехословакии, на Невилла Чемберлена снизошло прозрение. Снизошло оно не само собой. К величайшему удивлению премьера, большинство английских газет (даже "Таймс", но не "Дейли мейл") и палата общин враждебно отнеслись к новой агрессии Гитлера. Более того, многие его сторонники в парламенте и половина членов кабинета восстали против продолжения курса на умиротворение Гитлера. Лорд Галифакс, как сообщал в Берлин немецкий посол, настаивал на всесторонней оценке премьер-министром случившегося и резком изменении курса. Чемберлену стало ясно, что его положение как главы правительства и лидера партии консерваторов под угрозой.

Перемена во взглядах произошла весьма неожиданно. Вечером 16 марта сэр Джон Саймон от имени правительства выступил в палате общин с настолько циничной по отношению к чехам и выдержанной в духе Мюнхена речью, что она вызвала, по сообщениям прессы, "невиданный взрыв негодования". На следующий день, накануне семидесятилетия, Чемберлен должен был выступать с речью в своем родном городе — Бирмингеме. Он подготовил проект речи, посвященной внутреннему положению, в которой делал особый акцент на социальном обеспечении. Из французских дипломатических кругов автор этих строк узнал, что в поезде по пути в Бирмингем Чемберлен решил отказаться от первого

варианта своей речи и тут же набросал тезисы совершенно отличного от него варианта.

Перед всей Британией и почти перед всем миром, так как речь передавалась по радио, Чемберлен извинился за "очень сдержанное и осторожное... несколько прохладное и объективное заявление", которое он считал себя обязанным сделать двумя днями ранее в палате общин. "Я надеюсь сегодня вечером внести поправки в это заявление", — сказал он.

Премьер-министр наконец понял, что Адольф Гитлер его обманул. Он кратко повторил слова фюрера о том, что Судетская область его последнее территориальное притязание в Европе и что чехи его не интересуют. Теперь Гитлер добрался и до них.

"Нам говорят, что захват Чехословакии был продиктован беспорядками внутри этой страны... Если там и были беспорядки, то не стимулировали ли их извне?.. Конец ли это прежней авантюры или начало новой? Станет ли это нападение на малое государство последним или за ним произойдут и другие? Не является ли этот шаг попыткой добиться мирового господства при помощи силы? ... Хотя я не готов связать нашу страну новыми довольно неопределенными обязательствами на случай непредвиденных обстоятельств, было бы большой ошибкой полагать, будто только потому, что наша нация считает войну бессмысленной жестокостью, она настолько утратила боевой дух, что не приложит всех усилий, чтобы противостоять подобному вызову, если он последует".

Это был важнейший поворотный пункт для Чемберлена и всей Британии, о чем Гитлера уведомил на следующий же день пронизательный германский посол в Лондоне. "Было бы иллюзорно считать, — писал Герберт фон Дирксен в длинном отчете в министерство иностранных дел 18 марта, — что в отношении Англии к Германии не произошло резкого поворота".

Для всех, кто читал "Майн кампф", кто, подойдя к карте, мог оценить позиции немецкой армии в Словакии, кто имел представление о дипломатических шагах Германии после Мюнхена, кто мог сделать верные выводы после бескровного завоевания Гитлером Австрии и Чехословакии в течение предыдущего года, было совершенно очевидно, какое "малое государство" стояло следующим в списке Гитлера. Как и все, прекрасно знал это и Чемберлен.

31 марта, через 16 дней после того, как Гитлер вошел в Прагу, премьер-министр сказал в палате общин:

"При открытии действий, которые, по мнению польского правительства, представят угрозу независимости Польши и которым оно

сочтет необходимым дать отпор национальными силами, правительство его величества обязуется немедленно оказать польскому правительству поддержку всеми имеющимися у него силами. На этот случай правительство дает гарантии польскому правительству. Должен добавить, что правительство Франции уполномочило меня со всей определенностью заявить, что оно занимает такую же позицию".

Итак, настала очередь Польши.

Часть 14. На очереди Польша

24 октября 1938 года, меньше чем через месяц после подписания Мюнхенского соглашения, Риббентроп устроил в честь посла Польши в Германии Юзефа Липского в "Гранд-отеле" в Берхтесгадене обед, длившийся три часа. Польша, следуя примеру Германии, точнее, при ее попустительстве только что захватила небольшой клочок чешской территории. Отчасти поэтому, как записано в меморандуме министерства иностранных дел Германии, обед проходил "в теплой, дружеской обстановке".

Тем не менее германский министр иностранных дел, чтобы не терять времени, приступил к главному, заявив, что пришла пора окончательно выяснить отношения между Польшей и Германией. Прежде всего, продолжал он, речь пойдет о Данциге, который необходимо "вернуть" Германии. По словам Риббентропа, рейх планирует построить шоссе и проложить двухколейную железную дорогу через Польский коридор, чтобы соединить Германию с Данцигом и Восточной Пруссией. Обе дороги будут экстерриториальными. И наконец, Гитлер требует, чтобы Польша присоединилась к Антикоминтерновскому пакту, направленному против России. В обмен на это Германия готова продлить польско-германский договор на 10–20 лет и гарантировать незыблемость польских границ.

Риббентроп отметил, что все это он говорит "строго конфиденциально". Он предложил послу передать эту информацию министру иностранных дел Беку устно, так как опасность утечки информации, особенно на страницы прессы, чрезвычайно велика. Липский обещал доложить обо всем в Варшаву, но от себя добавил, что лично ему возвращение Данцига Германии не представляется возможным. Он напомнил немецкому министру иностранных дел о 5 ноября 1937 года и 14 января 1938 года, когда Гитлер заверял поляков, что не будет поддерживать проекты изменения статуса Данцига. Риббентроп на немедленном ответе не настаивал и посоветовал полякам хорошенько "все обдумать".

Правительству в Варшаве много времени на раздумья не понадобилось. 31 октября министр иностранных дел Бек направил послу в Берлин подробные инструкции, что отвечать немцам. Но послу удалось встретиться с Риббентропом только 19 ноября — вероятно, немцы хотели, чтобы поляки обдумали свой ответ обстоятельно. Ответ последовал отрицательный, однако, желая выразить немцам понимание, поляки

предложили заменить гарантии, предоставленные Данцигу Лигой Наций, германо-польскими гарантиями, дающими Данцигу статус вольного города. "Любое другое решение, — писал Бек в меморандуме, который Липский зачитал Риббентропу, — как и любая попытка присоединить вольный город к рейху, неизбежно приведет к конфликту". Он добавил, что маршал Пилсудский, покойный диктатор Польши, в 1934 году во время переговоров, закончившихся подписанием пакта о ненападении, предупреждал немцев, что "вопрос о Данциге всегда будет критерием намерений Германии относительно Польши".

Такой ответ не удовлетворил Риббентропа. Он высказал сожаления по поводу позиции, занятой Беком, и посоветовал полякам "потрудиться и серьезно рассмотреть предложения Германии".

Гитлер отреагировал на сопротивление Польши более решительно. 24 ноября, через пять дней после встречи Липского с Риббентропом, он издал директиву главнокомандующим видами вооруженных сил.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Фюрер приказал:

1. Кроме трех перечисленных в директиве от 21. 10. 1938 г. задач необходимо также вести подготовку к внезапному захвату немецкими войсками свободного государства Данциг.

... При подготовке руководствоваться следующими основными положениями.

Действия строить с расчетом на захват Данцига быстрым ударом, используя благоприятную политическую обстановку. Война с Польшей в планы не входит. ... Сухопутным войскам осуществлять вторжение из Восточной Пруссии. Привлекаемые для этого силы не разрешается использовать также для овладения Мемельской областью, чтобы при необходимости можно было обе операции провести одновременно. Военно-морскому флоту осуществлять с моря поддержку операций сухопутных войск...

Разработанные видами вооруженных сил решения представить мне к 10. 1. 1939 г.

Несмотря на предупреждение Бека о том, что любая попытка Германии захватить Данциг неизбежно приведет к конфликту, Гитлер убедил себя, что это можно сделать, не прибегая к войне. Данциг находился под контролем местных нацистов, а они выполняют любые приказы из Берлина, как раньше выполняли их судетские нацисты.

Таким образом, создать там "квазиреволюционную" ситуацию будет нетрудно. Заканчивался 1938 год — год, когда европейцы стали

свидетелями бескровного захвата Австрии и Судетской области. Теперь Гитлера волновали будущие завоевания: остатки Чехословакии, Мемель и Данциг. Усмирить Шушнига и Бенеша оказалось несложно. Настала очередь Юзефа Бека.

Тем не менее когда 5 января 1939 года Гитлер встретился в Берхтесгадене с польским министром иностранных дел, он еще не был готов повести себя с ним так, как с Шушником. Сначала надо было уничтожить остатки Чехословакии. Согласно польским и немецким секретным документам с записью беседы, Гитлер пребывал в миролюбивом настроении и даже сказал, что "всегда к услугам Бека". А потом поинтересовался, что так тяготит польского министра иностранных дел. Бек ответил, что его мысли заняты Данцигом. Об этом, очевидно, думал и Гитлер.

"Данциг — немецкий город, — напомнил он гостю. — Таким он останется навсегда и рано или поздно станет частью Германии". При этом он старался заверить Польшу, что не будет пытаться захватить город силой.

Ему нужен Данциг, нужны железная дорога и шоссе, проложенное вдоль Польского коридора. Однако если он и Бек "отойдут от старых стереотипов и будут искать решение в совершенно ином направлении", то, он уверен, они придут к соглашению, которое окажется справедливым для обеих сторон.

Бек не разделял его уверенности. Хотя он и признался на следующий день Риббентропу, что не хотел бы показаться фюреру чересчур прямолинейным, он тем не менее сказал, что "Данциг — проблема очень сложная". По его мнению, в предложении канцлера не содержалось равноценной для Польши компенсации. Гитлер в ответ на это заметил, что Польша "имеет преимущество — общую границу с Германией, гарантированную договором". Вероятно, это не произвело впечатления на Бека, но в конце концов он согласился подумать над этим вопросом.

На следующий день польский министр иностранных дел имел в Мюнхене беседу с Риббентропом. Бек просил его передать Гитлеру, что, если все предыдущие переговоры с немцами внушали ему оптимизм, то последняя встреча впервые настроила его пессимистически. В частности, при той постановке вопроса, которую предлагает Гитлер, "он не видит путей для достижения соглашения" о Данциге.

Полковнику Беку, как и многим другим деятелям, чьи имена встречались на страницах этой книги, понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя и утвердиться в своих пессимистических взглядах. Как большинство поляков, он был настроен против русских. Более того, он

не любил французов, против которых затаил обиду еще в 1923 году, когда его выслали из Парижа, где он находился в качестве военного атташе, якобы за продажу документов, касающихся французской армии. Вполне естественно, что этот человек, став в ноябре 1932 года министром иностранных дел, склонялся в сторону Германии. Он с самого начала сочувствовал нацистской диктатуре и в течение последних шести лет старался сблизить свою страну с третьим рейхом, ослабляя при этом традиционные связи с Францией.

Из граничащих с Германией государств больше всего следовало беспокоиться Польше. Ей реальнее, чем какой-либо другой стране, угрожала опасность со стороны Германии, но правители Польши этого не понимали. Ни один из пунктов Версальского договора не раздражал Германию так, как тот, по которому был образован Польский коридор, дававший Польше выход к морю и отсекавший Восточную Пруссию от рейха. Отделение старого ганзейского порта Данциг и придание ему статуса вольного города под гарантией Лиги Наций и при экономическом господстве Польши задевало общественное мнение Германии. Даже слабая и миролюбивая Веймарская республика расценивала историю с Данцигом как ущемление прав Германии со стороны Польши. Еще в 1922 году генерал фон Сект определил отношение немецкой армии к этому вопросу:

"Существование Польши непереносимо и несовместимо с условиями существования Германии. Польша должна исчезнуть — и исчезнет с нашей помощью — из-за своей внутренней слабости и действий России... Уничтожение Польши должно стать основой политики Германии... Это будет достигнуто силами России и при помощи России".

Пророческие слова!

Немцы забыли или, может, просто не желали помнить, что почти все немецкие территории, отошедшие по Версальскому договору к Польше, включая провинцию Позен {Немецкое название Познани. — Прим. ред. } и Польскую Померанию {Поморье. — Прим. ред. }, которые и составили Польский коридор, были захвачены Пруссией во времена раздела Польши, когда Пруссия, Россия и Австрия ликвидировали польское государство. Более тысячи лет на этих землях проживали поляки, да и к тому времени, о котором идет речь, они составляли большинство населения.

После заключения Версальского договора ни одно государство не переживало столь бурного восстановления, как Польша. В первые годы своего возрождения она вела агрессивные войны против России, Литвы, Германии и даже Чехословакии — в последнем случае из-за богатого углем района Тешина. Лишенная в течение полутора веков политической свободы

и самоуправления, Польша неспособна была создать стабильное правительство или решить проблемы промышленности и сельского хозяйства. В 1926 году маршал Пилсудский, герой революции 1918 года, вошел в Варшаву, захватил власть и, несмотря на то что был когда-то социалистом, заменил хаотичный демократический режим своей единоличной диктатурой. Одним из последних актов его правления было подписание примерно за полтора года до смерти — 26 января 1934 года пакта о ненападении с Гитлером, направленного на подрыв французской политики союзов с восточными соседями Германии, ослабление Лиги Наций и ее системы коллективной безопасности. После смерти Пилсудского Польшей управляла горстка полковников из Польского легиона, сражавшегося против России на фронтах первой мировой войны. Во главе этой группы стоял маршал Рыдз-Смиглы — весьма способный военный, но никудышный государственный деятель. Внешней политикой ведал полковник Бек. И с 1934 года Польша неуклонно поддерживала Германию.

Такая политика была равносильна самоубийству. В самом деле, если взглянуть на положение Польши в Европе после Версальского договора, нетрудно прийти к выводу, что в 30-е годы, как и много веков назад, поляки из-за определенных черт национального характера толкали нацию к самоуничтожению. Пока Данциг и Польский коридор существовали в прежнем виде, не могло быть и речи о длительном мире между Польшей и нацистской Германией. Кроме того, Польша была недостаточно сильна, чтобы ссориться с обоими сильными соседями — Россией и Германией. Отношения между Польшей и Россией складывались неважно с 1920 года, когда Польша напала на Россию, ослабленную первой мировой и гражданской войнами, что привело к серьезному конфликту {В результате Польша отодвинула свою границу на 150 миль к востоку от линии Керзона за счет Советского Союза. После переноса границы 4, 5 миллиона украинцев и 1, 5 миллиона белорусов оказались в Польше. Таким образом, польская западная и восточная границы были неприемлемы для Германии и для Советского Союза соответственно. Этот факт странами Запада, очевидно, не учитывался. — Прим. авт. }.

Чтобы заключить союз со страной, настроенной явно против России, и в то же время отколоть эту страну от Женевы и Парижа, подорвав таким образом систему Версальского договора, Гитлер в 1934 году выступил с инициативой по заключению польско-германского договора. В Германии этот шаг не вызвал восторгов. Не нашел он поддержки и в немецкой армии, которая со времен Секта была настроена прорусски и антипольски. Но со

временем этот шаг очень пригодился Гитлеру. Дружественные отношения с Польшей помогли ему снова занять Рейнскую область, уничтожить независимость Австрии и Чехословакии. На эти действия, которые укрепили Германию, ослабили Запад и усилили угрозу для Востока, Бек и другие полковники в Варшаве смотрели благосклонно, проявляя непонятную слепоту.

Если польский министр иностранных дел, по его собственному признанию, в начале года пребывал в пессимистическом настроении из-за требований Гитлера, то с приходом весны его настроение еще больше ухудшилось. И хотя Гитлер в своей юбилейной речи в рейхстаге 30 января 1939 года тепло отозвался "о дружбе между Германией и Польшей", назвав эту дружбу одним из "самых важных факторов политической жизни Европы", Риббентроп, посетивший за четыре дня до этого с официальным визитом Варшаву, был более откровенен. Во время бесед с Бекон он снова поднимал вопрос о Данциге и коммуникациях вдоль коридора, отмечая, что предлагаемые немцами условия "необычайно скромны". Но ни на эти вопросы, ни на вопрос о присоединении Польши к Антикоминтерновскому пакту, направленному против России, польский министр иностранных дел удовлетворительного ответа не дал — очевидно, он опасался своих друзей. Он даже начал тревожиться. 26 февраля немецкий посол в Варшаве докладывал в Берлин, что Бек по собственной инициативе организует себе приглашение в Лондон в конце марта и что после этого, вероятно, посетит и Париж. Мольтке указывал в своем докладе, что Польша, хотя и слишком поздно, "решила вступить в контакт с западными демократиями... (так как) опасается, что из-за Данцига может возникнуть конфликт с Германией". Бек, как и многие другие, пытавшиеся умиротворить Гитлера с его неумными аппетитами, начал прозревать.

Окончательно пелена упала с его глаз 15 марта, когда Гитлер оккупировал Богемию и Моравию и направил войска для защиты "независимой" Словакии. В то утро, проснувшись, Польша увидела немецкие армии на границе со Словакией, а с севера, со стороны Померании и Восточной Пруссии, она была окружена немецкими армиями еще раньше. Ее военное положение стало безнадежным всего за одну ночь.

21 марта 1939 года занимает особое место в истории сползания Европы к войне. Этот день был отмечен необычайной дипломатической активностью в Берлине, Лондоне и Варшаве. Президент Французской республики в сопровождении министра иностранных дел Бонне прибыл в столицу Британии с официальным визитом. Чемберлен предложил французам совместно с Польшей и Советским Союзом официально

заявить, что четыре страны немедленно соберутся для консультаций о дальнейших мерах по пресечению агрессии в Европе. За три дня до этого Литвинов, как и год назад после аншлюса, предложил собрать Европейскую конференцию, в которой на этот раз должны были принять участие Франция, Англия, Польша, Россия, Румыния и Турция. Этим странам предстояло объединиться, чтобы остановить Гитлера. Однако британский премьер-министр считал идею "преждевременной". Он не доверял Москве и считал, что совместное обращение четырех стран (в их число входила и Россия) является пределом, до которого он может пойти {В личном письме от 28 марта Чемберлен указывал: "Должен признаться, что я совершенно не доверяю России. Я не верю, что она сможет вести эффективные наступательные действия, даже если захочет... Более того, ее ненавидят и относятся к ней с подозрением многие маленькие государства, особенно Польша, Румыния и Финляндия". — Прим. авт. }.

В тот же день это предложение было передано Беку британским послом в Варшаве. Реакция Бека на участие русских была довольно сдержанной. Польский министр иностранных дел доверял Советскому Союзу еще меньше, чем Чемберлен. Кроме того, он разделял точку зрения британского премьера относительно малой эффективности военной мощи русских. Он не пересмотрел своей позиции в этом вопросе и придерживался ее вплоть до момента катастрофы.

Однако самое печальное для Польши событие произошло 21 марта в Берлине. Риббентроп предложил польскому послу встретиться с ним в полдень. Как отметил в своем отчете Липский, во время этой встречи министр иностранных дел Германии впервые был с ним не просто холоден, а агрессивен. Он предупредил посла, что фюрер "необычайно удивлен отношением Польши" к его предложениям. Германия желает получить удовлетворительный ответ на вопросы о Данциге и шоссе и железной дороге вдоль коридора. От этого зависят дальнейшие дружественные отношения между Германией и Польшей. "Польша должна понять, — продолжал Риббентроп, — что она не может балансировать между Россией и Германией". Ее единственное спасение — в "разумных отношениях с Германией и ее фюрером". Это включает в себя проведение "совместной антисоветской политики". Более того, фюрер желает, чтобы "Бек в самое ближайшее время посетил Берлин". А пока Риббентроп настаивал, чтобы посол поторопился в Варшаву и разъяснил своему министру иностранных дел обстановку. "Он посоветовал, — докладывал Липский Беку, — не откладывать беседу (с Гитлером), иначе Гитлер может подумать, будто Польша отвергает все его предложения... "

Небольшая агрессия по ходу дела

Перед тем как покинуть Вильгельмштрассе, Липский спросил у Риббентропа, как проходят переговоры с министром иностранных дел Литвы. Немец ответил, что обсуждается вопрос о Мемеле, "который требует решения".

Накануне Риббентроп принял министра иностранных дел Литвы Юозаса Урбшиса, находившегося в Берлине проездом из Рима. Риббентроп потребовал, чтобы Литва передала Германии навечно район Мемеля, в противном случае "фюрер будет действовать с молниеносной быстротой". Он предупредил, что литовцам не стоит тешить себя надеждой получить "какую-либо помощь из-за границы".

Несколькими месяцами ранее, 12 декабря 1938 года, французский посол в Берлине и британский поверенный в делах обратили внимание правительства Германии на многочисленные донесения, свидетельствовавшие о том, что немецкое население Мемеля готовит восстание, и апеллировали к немецкому правительству, призывая его повлиять на соотечественников в целях соблюдения статуса Мемеля, гарантами которого являлись и Англия, и Франция. Министерство иностранных дел в своем ответе выразило "удивление и недоумение" по поводу англо-французского демарша, а Риббентроп приказал на случай, если подобные заявления со стороны обоих посольств повторятся, ответить: "Мы с полным основанием ждали, что Франции и Англии надоест наконец вмешиваться в немецкие дела".

В течение некоторого времени правительство Германии, в частности лидеры партии и СС, вело работу среди немецкого населения Мемеля уже знакомыми нам по Австрии и Судетской области методами. Были привлечены к этому и руководители вооруженных сил. Как известно, через три недели после Мюнхена Гитлер приказал генералитету разработать не только план уничтожения остатков Чехословакии, но и план оккупации Мемеля. Поскольку военно-морской флот не имел возможности отличиться и снискать славу при захвате сухопутной Австрии и Судетской области, Гитлер предусматривал взять Мемель с моря. В ноябре планы были разработаны и получили кодовое название "Транспортные учения "Штеттин". Гитлеру и адмиралу Редеру так хотелось провести демонстрацию военно-морской мощи, что 22 марта, через неделю после триумфального въезда фюрера в Прагу, они отправились в плавание на карманном линкоре "Дойчланд" из Свинемюнде в Мемель, и у незащитной Литвы после получения германского ультиматума времени на размышление не оставалось.

21 марта Вайцзекер, впоследствии заявлявший, что ему всегда претили жестокие методы нацистов, уведомил литовское правительство, что во избежание пустой траты времени его полномочные представители должны прилететь в Берлин завтра специальным самолетом, чтобы подписать документ о передаче района Мемеля Германии. Литовцы прибыли в Берлин к вечеру 22 марта, но, несмотря на давление, оказанное на них с немецкой стороны Риббентропом, которого подстегивал Гитлер, страдавший от морской болезни, сдались не сразу. Из захваченных немецких документов очевидно, что дважды за ночь Гитлер посылал срочные радиогаммы с борта линкора "Дойчланд", в которых спрашивал Риббентропа, не капитулировали ли литовцы. Диктатору и его адмиралу необходимо было знать, как входить в Мемельский порт — с применением силы или без. В конце концов в 1. 30 ночи Риббентроп передал фюреру по радио, что литовцы документ подписали.

В 14. 30 23 марта Гитлер с триумфом вошел в очередной завоеванный город — Мемель и выступил в "Штадттеатре" с речью перед неистовствовавшей толпой "освобожденных" немцев. Так был перечеркнут еще один пункт Версальского договора. Свершилось еще одно бескровное завоевание. Однако фюрер не мог предвидеть, что завоевание подобного рода окажется последним {Оккупировав в марте 1939 года порт Клайпеда (Мемель) и Клайпедский край, гитлеровцы навязали Литве соответствующий "договор". Правительства Англии и Франции не воспрепятствовали этому новому акту германской агрессии, хотя под Клайпедской конвенцией стояли их подписи (в 1924 году представители Франции, Англии, Италии и Японии подписали в Париже конвенцию, согласно которой Клайпедский край признавался составной частью Литвы). — Прим. тит. ред. }.

Давление на Польшу

Присоединение к Германии Мемеля и прилегающего к нему района явилось для правительства Польши "очень неприятным сюрпризом" — так на следующий день докладывал в Берлин посол Германии в Польше Ганс Адольф фон Мольтке, при этом добавляя: "Это в основном из-за опасения, что следующими на очереди будут Данциг и коридор". Он информировал также министерство иностранных дел Германии, что объявлена мобилизация польских резервистов.

На следующий день, 25 марта, адмирал Канарис, шеф абвера, докладывал, что в Польше мобилизованы три категории резервистов; и что войска стягиваются в район Данцига. Генерал Кейтель не верил, что этот шаг можно расценивать как "проявление агрессивных намерений со

стороны поляков", однако генеральный штаб сухопутных войск, по его словам, "отнесся к этому сообщению серьезнее".

24 марта Гитлер вернулся из Мемеля и имел продолжительную беседу с главнокомандующим сухопутными войсками генералом фон Браухичем. Из записи беседы, сделанной Браухичем позднее, следует, что фюрер еще не пришел к окончательному решению относительно дальнейших действий против Польши. Его голова была полна противоречивых мыслей. На следующий день должен был вернуться посол Липский, но у Гитлера не было желания встречаться с ним.

"В воскресенье 26 марта Липский вернется из Варшавы, — записал Браухич. — Ему было поручено узнать, согласится ли Польша уладить вопрос с Данцигом. Ночью 25 марта фюрер уехал; он не хочет находиться здесь, когда вернется Липский. Пусть сначала с ним побеседует Риббентроп. Фюрер не хочет решать вопрос о Данциге с помощью силы, чтобы не толкнуть Польшу в объятия англичан.

О военном захвате Данцига речь пойдет только в том случае, если Липский даст понять, что польское правительство не сможет взять на себя ответственность и объявить населению о том, что Данциг сдан добровольно, то есть если им удобнее будет представить это как свершившийся факт".

Здесь проявляется интересная черта характера Гитлера и своеобразие его ума. За три месяца до описываемых событий он лично уверял Бека, что в случае с Данцигом не будет использована сила. В то же время он помнил: польский министр иностранных дел предупреждал, что польский народ никогда не согласится с передачей Данцига Германии. Тогда, если немцы захватят Данциг, не проще ли будет польскому правительству представить это как свершившийся факт. До этого Гитлер гениально распознавал слабости своих иностранных оппонентов, но в данном случае его дар ему изменил. Полковники, управлявшие Польшей, хоть и являлись толпой заурядностей, менее всего были настроены воспринимать захват Данцига как свершившийся факт.

Размышляя о "вольном городе", Гитлер размышлял и о проблеме в целом, как делал это раньше в отношении Чехословакии, когда в результате Мюнхенского соглашения заполучил Судетскую область.

"В настоящее время, — писал Браухич, — фюрер не намерен решать польский вопрос. Тем не менее над ним придется работать. Решение его в будущем должно опираться на очень благоприятную политическую обстановку. В этом случае Польше будет нанесен удар такой силы, что в ближайшие несколько десятилетий с ней перестанут считаться как с

политической реальностью. Решится вопрос и о переносе границы с восточных рубежей Восточной Пруссии к восточной оконечности Верхней Силезии".

Браухич хорошо понимал, что означает такая граница. Это была довоенная восточная граница Германии, уничтоженная Версальским договором, — граница, существовавшая до образования Польши.

Если Гитлер и сомневался относительно того, каким будет ответ Польши, то его сомнения окончательно развеялись, когда в воскресенье 26 марта Липский вернулся в Берлин и привез в качестве ответа своего правительства письменный меморандум. Риббентроп немедленно его прочитал, отверг, разразился бранью по поводу мобилизации в Польше и предупредил посла о возможных последствиях. Он заявил также, что любые действия польских войск в районе Данцига будут расцениваться как агрессия против рейха.

В своем письменном ответе, хотя и составленном в примирительном тоне, польское правительство решительно отвергло немецкие требования. Выражая готовность обсудить предложения по строительству автострады и железной дороги вдоль коридора, оно категорически отрицало идею экстерриториальности. Что касается Данцига, то Польша соглашалась заменить гарантии Лиги Наций германо-польскими, но отказывалась считать "вольный город" частью рейха.

К этому времени нацистская Германия уже уверовала, что малая нация не способна дать ей отпор и отвергнуть ее требования, поэтому Риббентроп в разговоре с Липским заметил, что поведение Польши "напоминает некоторые рискованные шаги небезызвестного государства", явно намекая на Чехословакию, расчленив которую Германии помогла именно Польша. Когда на следующий день Риббентроп опять вызвал Липского в министерство иностранных дел, последнему стало ясно, что третий рейх применит к Польше ту же тактику, которая столь успешно сработала в отношении Австрии и Чехословакии. Министр иностранных дел Германии долго выражал сожаление по поводу преследования немецкого населения в Польше, что, по его словам, "произвело в Германии неблагоприятное впечатление".

"В заключение министр иностранных дел (Германии) сказал, что не понимает более польского правительства... Предложения, переданные вчера польским послом, не могут служить основой для достижения соглашения, поэтому отношения между двумя странами резко ухудшатся".

Но Варшаву было не так легко запугать, как Вену или Прагу. 28 марта Бек вызвал немецкого посла и заявил ему, что если действия польских

войск в районе Данцига будут расцениваться Германией как акт агрессии, то и Польшей любые действия нацистского сената Данцига, направленные на подрыв статуса города, будут восприняты как акты агрессии.

"Вы стремитесь вести переговоры под дулом пистолета!" — воскликнул посол.

"Это и есть ваш метод", — ответил Бек.

Прозревший министр иностранных дел Польши мог позволить себе более твердо противостоять Берлину, чем Бенеш. Бек знал, что английское правительство, еще год назад стремившееся удовлетворить запросы Гитлера в Чехословакии, в отношении Польши придерживается совершенно противоположной точки зрения. Бек сам торпедировал английское предложение о совместной декларации четырех держав, заявив, что Польша никоим образом не хочет быть связанной с Россией. Вместо этого 22 марта он предложил Говарду Кеннарду, английскому послу в Варшаве, немедленно заключить секретное англо-польское соглашение о консультациях в случае угрозы агрессии со стороны третьей державы. Однако Чемберлен и Галифакс, обеспокоенные маневрами немецких войск в районе Данцига и Польского коридора и данными британской разведки о немецких требованиях, предъявляемых Польше (хитрый Бек умолчал о них в разговоре с англичанами), не хотели останавливаться на консультациях.

Вечером 30 марта Кеннард передал Беку англо-французские предложения о заключении договоров о взаимной помощи в случае агрессии со стороны Германии {В инструкции, направленной Кеннарду по телеграфу, ясно давалось понять, что Россию привлекать к переговорам не следует. "Становится очевидно, — говорилось в телеграмме, — что наши попытки укрепить положение будут сорваны, если в самом начале мы открыто привлечем Россию. Последние телеграммы из некоторых зарубежных миссий его величества содержат предупреждение о том, что участие России не только создаст опасность для наших конструктивных начинаний, но и будет способствовать сплочению членов Антикоминтерновского пакта, а также вызовет беспокойство правительств ряда дружественных стран". — Прим. авт. }. Но события опередили их. Последние данные, подтверждающие неизбежность нападения Германии на Польшу, заставили английское правительство в тот же вечер запросить Бека, имеются ли у него возражения против временной односторонней гарантии Англией независимости Польши. Чемберлен просил дать ответ до утра, так как ему необходимо ответить на парламентский запрос. Можно себе представить, какое облегчение испытал Бек, — он возражений не имел. Кеннард он ответил, что "согласен без колебаний".

31 марта Чемберлен, как известно, сделал в палате общин историческое заявление о том, что Англия и Франция "предоставят польскому правительству всю возможную помощь, какую в силах оказать, если Польша подвергнется нападению".

Всем, кто, как автор этих строк, в тот мартовский день 1939 года находился в Берлине, внезапная односторонняя английская гарантия независимости Польши была непонятна, хотя ее и приветствовали страны, расположенные к востоку и к западу от Германии. Уже много раз Англия и Франция имели возможность при поддержке России остановить Гитлера: когда немцы вошли в демилитаризованную Рейнскую зону; когда они захватили Австрию и угрожали Европе войной, если не получат Судетскую область; когда за две недели до описываемых событий они захватили Чехословакию. Однако жаждущий мира Чемберлен уклонился от каких-либо конкретных шагов. Этим он не ограничился: отойдя, по его собственным словам, от своих принципов, поставив на карту политическую карьеру, он помог Адольфу Гитлеру получить в соседних с Германией странах все, что тот хотел. Чемберлен ничего не предпринял ради спасения независимости Австрии. Он не противился немецкому диктатору, когда тот уничтожил независимость Чехословакии — единственного граничащего с Германией демократического и дружественного западным демократиям государства, поддерживавшего Лигу Наций и ее систему коллективной безопасности. Он даже не учел военного значения для Запада 35 чехословацких хорошо обученных и вооруженных дивизий, размещенных за неприступными горными укреплениями, в то время как Англия могла отправить во Францию всего две дивизии, а немецкая армия, по свидетельству немецких генералов, была не способна вести войну на два фронта и даже преодолеть чешские укрепления.

Теперь, после того как Гитлер завладел остатками Чехословакии, реакцию Чемберлена нетрудно понять — британский премьер, намеренно упустивший столько представлявшихся ранее возможностей, решился в одностороннем порядке дать гарантии восточной стране, управляемой горсткой незрелых в политическом отношении полковников, которые тесно сотрудничали до последнего времени с Гитлером и, словно гиены, набросились вместе с Германией на Чехословакию. Сегодня их собственная страна оказалась беззащитной с военной точки зрения в результате завоеваний Германии, совершить которые помогли ей Англия и Польша {Чемберлен не мог не знать о военной слабости Польши. Неделями ранее, 22 марта, британский военный атташе в Варшаве полковник Сорд отправил в Лондон пространный отчет о безнадежном стратегическом положении

Польши, "окруженной с трех сторон Германией", о низкой боеспособности польской армии, испытывающей нехватку современного вооружения.

6 апреля, когда полковник Бек находился в Лондоне по вопросу обсуждения пакта о взаимопомощи, полковник Сорд и британский военно-воздушный атташе Вачелл составили новые доклады, которые оказались еще пессимистичнее. Вачелл отмечал, что ВВС Польши в течение ближайшего года "будут иметь не более 600 самолетов, которые не могут составить конкуренции немецким". Сорд докладывал, что польская армия и ВВС настолько плохо оснащены, что не смогут оказать значительного сопротивления массированному наступлению немцев. Посол Кеннард, суммируя доклады своих атташе, сообщал в Лондон, что в случае нападения со стороны Германии поляки не в состоянии защитить свой коридор или западные границы, что им придется отступить к Висле, в самое сердце Польши. "Дружественное отношение России, — добавлял он, — для Польши вопрос первостепенной важности". — Прим. авт. }. Чемберлен решился на этот рискованный шаг, даже не рассчитывая на помощь России, предложения которой о совместных действиях против Гитлера он отклонял дважды в течение последнего года.

В конце концов он сделал именно то, от чего решительно отрекся более года: он предоставил другой стране право решать, вступит ли в войну его страна.

Тем не менее этот поспешный шаг британского премьера, хотя и предпринятый с опозданием, поставил Гитлера в совершенно новую ситуацию. Стало очевидно, что впредь на пути его агрессии окажется Англия, что теперь он не сможет завоевывать одну страну за другой, в то время как западные демократии предаются размышлениям, что же им делать. Более того, заявление Чемберлена явилось, по сути дела, первым шагом на пути создания коалиции держав, направленной против Германии. Если этой коалиции не противостоять серьезно, то Германия окажется во враждебном кольце, что являлось кошмаром для рейха со времен Бисмарка.

Операция "Вайс"

Известие о гарантии, предоставленной Польше Чемберленом, вызвало у Гитлера один из характерных для него припадков ярости. Свидетелем этой сцены оказался адмирал Канарис, шеф абвера. Позднее он вспоминал, что Гитлер метался по комнате, стучал кулаками по мраморной крышке стола, лицо его перекошилось от злости, он постоянно выкрикивал угрозы в адрес англичан: "Я приготовлю им такое жаркое, что они подавятся! "

На следующий день, 1 апреля, он выступал с речью в Вильгельмсхафене, где спускали на воду линкор "Тирпиц". Фюрер находился в таком

воинственном настроении, что, не будучи уверен в себе, приказал в последний момент отменить трансляцию своей речи по радио; он сказал, что речь можно будет дать в записи после редактирования {Трансляция речи Гитлера на Америку была прервана уже после того, как он начал говорить. Вследствие этого в Нью-Йорке стали распространяться слухи, будто на него совершено покушение. Я находился в аппаратной коротковолновой секции Германской радиовещательной компании в Берлине, когда передача внезапно прервалась. В ответ на мое возмущение немцы заявили, что приказ исходил от самого фюрера. В течение пятнадцати минут сотрудники Си-Би-Эс звонили мне из Нью-Йорка и спрашивали о покушении. Я опровергал подобные домыслы, так как по телефонной линии, проложенной из Вильгельмсхафена, слышал, как кричал Гитлер. Застрелить его в тот день было вообще невозможно, поскольку выступал он, стоя за перегородкой из пуленепробиваемого стекла. — Прим. авт. }. Но даже отредактированная речь изобиловала угрозами в адрес Англии и Польши.

"Если они (западные союзники) полагают, что Германия будет сидеть сложа руки и ждать, пока они создадут государства-сателлиты и натравят их на нее, то они ошибаются, принимая Германию сегодняшнюю за Германию довоенную.

Если кто-то заявляет, что готов таскать для этих стран каштаны из огня, то он должен быть готов к тому, что придется обжечь пальцы...

Когда в других странах говорят, что будут вооружаться и еще раз вооружаться, я могу ответить таким государственным деятелям: "Вам не удастся измотать меня! " Я не намерен сворачивать с избранного пути".

Отменяя прямую трансляцию своей речи, Гитлер проявил осторожность — он не хотел слишком явно провоцировать общественное мнение за границей. В Берлине в тот день было объявлено, что в качестве ответа Чемберлену Гитлер денонсирует англо-германский морской договор, но в своей речи он просто сказал, что если Англия не желает более его соблюдать, то Германия "отнесется к этому совершенно спокойно".

Как часто случалось и ранее, Гитлер закончил речь на знакомой уже миролюбивой ноте: "Германия не намерена нападать на другие народы... Исходя из этого, я три недели назад решил назвать приближающийся съезд партии "съездом мира". Лозунг этот по мере дальнейшего развития событий летом 1939 года все чаще звучал как насмешка.

То были заявления для широкой публики. Через два дня, 3 апреля, в обстановке строжайшей секретности Гитлер дал настоящий ответ Чемберлену и полковнику Беку. Ответ этот содержался в совершенно

секретной директиве видам вооруженных сил, существовавшей только в пяти экземплярах. Начиналась директива словами: "Операция "Вайс". Это кодовое название впоследствии всплывало в мировой истории довольно часто.

Операция "Вайс"

Позиция Польши на данном этапе требует от нас осуществления особых военных приготовлений, чтобы при необходимости исключить всякую угрозу с ее стороны даже на отдаленное будущее.

1. Политические предпосылки и постановка задачи

... Целью в этом случае будет: разбить польские вооруженные силы и создать на Востоке такую обстановку, которая соответствовала бы потребностям обороны страны. Свободное государство Данциг будет объявлено частью германской империи не позднее чем в момент начала конфликта.

Политическое руководство считает своей задачей добиться по возможности изолированного решения польского вопроса, то есть ограничить войну исключительно польской территорией.

Ввиду приближающегося к кризисной точке развития событий во Франции и обусловленной этим сдержанности Англии обстановка, благоприятствующая решению польского вопроса, может возникнуть в недалеком будущем.

Содействие России, если она вообще окажется на него способной, Польша никак не сможет принять...

Германия может рассчитывать, что в качестве ее союзника выступит Венгрия, однако этот вопрос окончательно еще не решен. Позиция Италии определяется осью Берлин — Рим.

2. Выводы военного характера

Главное направление дальнейшего строительства вооруженных сил по-прежнему будет определяться соперничеством западных демократий. Операция "Вайс" составляет лишь предварительную меру в системе подготовки к будущей войне...

В период после начала войны изоляция Польши сохранится тем вернее, чем в большей мере нам удастся открыть военные действия внезапными мощными ударами и добиться быстрых успехов.

3. Задачи вооруженных сил

Задача вооруженных сил состоит в уничтожении польской армии.

С этой целью необходимо стремиться к внезапному началу наступательных действий и заранее готовить эти действия. Скрытная или явная всеобщая мобилизация будет назначена лишь в канун наступления, в

самый последний момент.

О захвате Данцига в директиве говорится следующее:

Может представиться возможность захватить свободное государство Данциг внезапным ударом независимо от операции "Вайс", пользуясь благоприятной политической обстановкой.

... Сухопутные войска должны наступать на Данциг из Восточной Пруссии.

Военно-морской флот поддержит операцию сухопутных войск действиями с моря...

Операция "Вайс" — достаточно длинный документ с несколькими приложениями, дополнениями, специальными приказами, которые были изданы целиком 11 апреля. Конечно, число их увеличивалось по мере приближения военных действий. Но уже 3 апреля Гитлер составил следующие дополнения:

1. Подготовку проводить с таким расчетом, чтобы обеспечить готовность к проведению операции не позднее 1 сентября 1939 года.

Как и дату захвата Судетской области — 1 октября 1938 года, Гитлер и эту, более важную дату — 1 сентября 1939 года объявил заранее, и она также была соблюдена.

2. Верховному главнокомандованию вооруженных сил поручено составить для операции "Вайс" календарный план мероприятий и, проведя совещание с участием всех трех видов вооруженных сил, организовать между ними взаимодействие по времени.

3. Соображения главнокомандующих видами вооруженных сил и данные с указанием продвижения по срокам представить в ОКБ к 1 мая 1939 года.

Вопрос теперь ставился так: сможет ли Гитлер измотать поляков настолько, что они примут его требования, как это сделали австрийцы и чехи (при помощи Чемберлена), или Польша будет стоять на своем и окажет противодействие немецкой агрессии, а если окажет, то какими силами. В поисках ответа на эти вопросы автор провел первую неделю апреля в Польше. Ответы были такие: поляки не поддадутся угрозам Гитлера и будут сражаться, если враг вторгнется на их территорию, но их положение с военной и политической точек зрения ужасно. Авиация у Польши была отсталая, армия — громоздкая и неманевренная, стратегическое положение — почти безнадежное, поскольку Польша с трех сторон была окружена немецкими войсками. Более того, укрепление Западного вала необычайно затрудняло наступление англичан и французов на Германию в случае ее нападения на Польшу. В довершение всего

польские полковники ни за что не согласились бы принять помощь от России, даже если бы немцы стояли у ворот Варшавы.

События развивались стремительно. 6 апреля полковник Бек подписал в Лондоне соглашение с Англией, трансформировав одностороннюю английскую гарантию во временный договор о взаимопомощи.

Постоянный договор, как было объявлено, планировалось подписать после уточнения деталей.

На следующий день, 7 апреля, Муссолини двинул свои войска в Албанию и захватил эту маленькую горную страну, присовокупив ее к своим трофеям после Эфиопии. Тем самым он создал трамплин для нападения на Грецию и Югославию, что в обстановке напряженности в Европе заставило трепетать малые государства, бросавшие вызов оси. Как явствует из документов министерства иностранных дел Германии, действия эти совершались с ее одобрения. 13 апреля Франция и Англия в качестве ответного шага объявили о своих гарантиях Греции и Румынии. Группировки стали постепенно вырисовываться. В середине апреля Геринг прибыл в Рим и, к неудовольствию Риббентропа, имел две продолжительные беседы с Муссолини 15 и 16 апреля. Они согласились, что для подготовки к "всеобщему конфликту необходимо еще два-три года", однако Геринг заявил, что в случае, если война разразится раньше, "положение оси достаточно прочно" и она "может противостоять любому вероятному противнику".

В беседе упоминалось обращение президента Рузвельта, которое в Риме и Берлине было получено 15 апреля. Как вспоминал Чиано, дуче сначала отказался его читать, а Геринг заявил, что на него не стоит отвечать. Муссолини предположил, что такое мог прислать только пораженный "детским параличом", Герингу же казалось, что "Рузвельт страдает умственным расстройством".

В телеграмме, направленной Гитлеру и Муссолини, президент напрямую спрашивал, не нападут ли вооруженные силы Германии и Италии на указанные независимые государства, и далее следовал список из 31 государства, в который были включены Польша, Прибалтийские государства, Россия, Дания, Нидерланды, Бельгия, Франция и Англия. Президент полагал, что гарантия ненападения может быть дана по крайней мере лет на десять или "на четверть века, если позволительно заглядывать так далеко вперед". Если такие гарантии будут даны, он обещал, что Америка примет участие в обсуждении вопроса, как избавить мир "от тяжкого бремени вооружения" и как расширить международную торговлю.

"Вы неоднократно заверяли, — напоминал он Гитлеру, — что ни вы,

ни немецкий народ не желаете войны. Если это правда, то войны не должно быть".

В свете известных фактов это воззвание может показаться наивным, но Гитлера оно смутило и он дал понять, что ответит на него. И он ответил, но не непосредственно, а в речи, произнесенной 28 апреля на специально созванной сессии рейхстага.

До того, как явствует из трофейных документов германского министерства иностранных дел, 17 апреля, с Вильгельмштрассе ушла циркулярная телеграмма во все перечисленные страны, кроме Польши, России, Англии и Франции. В телеграмме содержалось два вопроса: считают ли в этих странах, что Германия каким-то образом им угрожает? уполномочивали ли они Рузвельта выступить с таким обращением?

"Мы не сомневаемся, — телеграфировал Риббентроп своим послам в этих странах, — что на оба вопроса будет дан отрицательный ответ. Но по ряду причин мы хотели бы немедленно получить подтверждение у вас". "Ряд причин" станет ясен из речи Гитлера, произнесенной 28 апреля.

К 22 апреля министерство иностранных дел Германии уже могло доложить фюреру: большинство стран, среди них Югославия, Бельгия, Дания, Норвегия, Голландия и Люксембург, ответили на оба вопроса отрицательно, что вскоре доказало, как недооценивали они третий рейх. Из Румынии, правда, пришел язвительный ответ, что "правительство рейха само должно знать, существует ли такая опасность". Маленькая Латвия вначале не поняла, какого ответа от нее ожидают, но министерство иностранных дел Германии быстро внесло ясность. 18 апреля Вайцзекер сам позвонил послу в Ригу, чтобы высказать ему, что ответ министерства иностранных дел Латвии на вопрос о телеграмме Рузвельта непонятен.

"В то время как практически все страны уже дали ответ — отрицательный, естественно, — господин Мунтерс считает, что по поводу этого нелепого выпада американской пропаганды надо совещаться с кабинетом. Если господин Мунтерс немедленно не ответит на наш вопрос "нет", мы будем вынуждены считать Латвию одной из тех стран, которые сделали добровольными союзниками господина Рузвельта. Я полагаю, что слова герра фон Котце (немецкого посла) будет достаточно, чтобы он (Мунтерс) дал нужный ответ".

Слова фон Котце оказалось достаточно.

Ответ Гитлера Рузвельту

Эти ответы стали мощным оружием Гитлера. Он мастерски воспользовался им, когда 28 апреля 1939 года начал свою речь. Мне кажется, это было самое продолжительное выступление фюрера — оно

длилось два часа, а может, и дольше. Во многих отношениях, особенно по силе воздействия на немцев и сторонников нацистской Германии за рубежом, это была самая блестящая его речь — по крайней мере, мне не приходилось слышать более яркой. По красноречию, изворотливости, сарказму и лицемерию Гитлер в этой речи превзошел самого себя. Таких высот в дальнейшем он не достигал ни разу. Речь была заготовлена для немецкой аудитории, но кроме немецких станций ее транслировали сотни радиостанций по всему миру; в Соединенных Штатах ее передавали все ведущие сети. Ни до этой речи, ни после нее у Гитлера не было такой огромной аудитории {В день, когда фюрер должен был произнести речь, Вайцзекер отправил Гансу Томсену, немецкому поверенному в делах в Вашингтоне, телеграмму, в которой приказывал как можно шире рекламировать обращение Гитлера, добавив, что для этой цели будут выделены дополнительные средства. 1 мая Томсен отвечал: "Интерес к речи превосходит все, что мне доводилось видеть раньше. Я приказал разослать отпечатанный английский вариант речи... по десяткам тысяч адресов в соответствии с нашим планом. Счета будут высланы позднее". — Прим. авт. }.

Фюрер начал с привычных слов о несправедливости Версальского договора, о тех несправедливостях" и притеснениях, которые немецкий народ вынужден испытывать вследствие этого. Потом он перешел к ответам Англии и Польше, которые потрясли Европу.

Выразив чувство восхищения англичанами и поклявшись им в дружбе, Гитлер напал на Англию за недоверие, которое она питает к Германии, и за новую "политику окружения", которую она проводит против нее. После этого он денонсировал англо-германский морской договор 1935 года. "Основания для него, — заявил он, — более не существует".

Приблизительно так же обстоит дело с Польшей. Гитлер рассказал о сделанных Польше по поводу Данцига и коридора предложениях, которые раньше держались в секрете, назвав это "величайшей уступкой во имя мира в Европе, какую только можно представить", после чего довел до сведения рейхстага, что польское правительство отклонило это "замечательное предложение".

"Я сожалею о таком непонятном поведении польского правительства... Самое худшее, что теперь Польша, как год назад Чехословакия, под давлением лживой международной кампании полагает, что необходимо провести мобилизацию войск, хотя Германия не призвала ни одного солдата и не намерена вынашивать каких-либо планов против Польши. Это достойно сожаления, и потомки рассудят, правильно ли было отвергать мое

предложение... этот поистине уникальный компромисс... "

Далее он заявил, что сообщение о том, что Германия собирается напасть на Польшу — "чистейшая выдумка международной прессы". (Никто из десятков миллионов, слушавших Гитлера, не знал, что за три недели до этого он отдал своей армии письменный приказ быть готовой уничтожить Польшу самое позднее к 1 сентября.) Эти выдумки газетчиков, продолжал Гитлер, привели к тому, что Польша заключила соглашение с Англией, которое "при определенных обстоятельствах вынудит Польшу предпринять военные действия против Германии". Польша нарушила польско-германский пакт о ненападении. Следовательно, пакт этот более не существует.

Разорвав, таким образом, в одностороннем порядке два официальных договора, Гитлер заявил рейхстагу, что готов обсудить возможность их замены: "Я не могу не приветствовать такую идею! — воскликнул он. — Я более других буду рад такому повороту событий! " Это был старый трюк, и раньше он, как известно, часто срабатывал. Однако Гитлер не мог предвидеть, что на этот раз номер не пройдет,

Затем он перешел к телеграмме Рузвельта. В этом месте немецкий диктатор достиг вершин ораторского искусства. Человек непредубежденный понимал, что речь его исполнена обмана и лицемерия. Но тщательно отобранных членов рейхстага и миллионы немцев сарказм и ирония этой речи приводили в восторг. Депутаты рейхстага покатывались со смеху, когда фюрер принялся насмехаться над американским президентом, причем казалось, насмешкам не будет конца. Гитлер зачитывал по порядку пункты телеграммы Рузвельта, потом делал паузу, слегка улыбался и голосом школьного учителя тихо произносил: "Ответ", после чего отвечал. (Я, как сейчас, вижу: после паузы и слов Гитлера сидящий наверху в председательском кресле Геринг старается подавить усмешку, депутаты парламента настороженно прислушиваются, чтобы после того, как прозвучит ответ, разразиться хохотом.)

"Мистер Рузвельт заявляет, будто ему совершенно ясно, что все международные проблемы можно решить за столом переговоров.

Ответ: ... Я был бы счастлив, если бы эти проблемы действительно могли решиться за столом переговоров. Скептицизм мой основан на том, что Америка сама продемонстрировала свое неверие в действенность конференций. Величайшая конференция всех времен — Лига Наций ... представляющая все народы мира, была создана по желанию американского президента, однако первым государством, которое вышло из этой организации, были Соединенные Штаты... Я последовал примеру

Америки только после долгих лет бесполезного членства...

Свобода Северной Америки была завоевана не за столом переговоров, не там решался конфликт между Севером и Югом. Я уже не говорю о многочисленных сражениях, предшествовавших полному покорению Североамериканского континента.

Я упомянул обо всем этом здесь только для того, мистер Рузвельт, чтобы показать, что ваши взгляды, безусловно заслуживающие уважения, не подтверждаются примерами ни из истории вашей собственной страны, ни из истории остального мира".

Гитлер напомнил президенту Рузвельту, что Германия однажды приняла участие в конференции в Версале, но не для обсуждений, а для того, чтобы выслушать, что ей делать, и именно там представители Германии "подвергались большему унижению, чем когда-то вожди племени сиу".

Наконец Гитлер дошел до просьбы президента дать гарантии ненападения на 31 государство.

"Ответ: Как господин Рузвельт узнал, какие нации видят для себя угрозу в политике Германии, а какие нет? Или, может быть, мистер Рузвельт, несмотря на огромный объем работы, который ему приходится выполнять в своей стране, имеет время вникать во внутренние проблемы других народов и их правительств?

Наконец, мистер Рузвельт просит заверений по поводу того, что вооруженные силы Германии не совершат нападение, более того, не вторгнутся в пределы и не будут покушаться на собственность следующих независимых государств... "

Гитлер очень медленно зачитал список стран, причем с каждым словом смех в рейхстаге нарастал. И никто из депутатов рейхстага и жителей Берлина, включая автора этих строк, не заметил, что фюрер опустил Польшу.

Гитлер вытащил туза из колоды — он, по крайней мере, так полагал.

"Ответ: Я потрудился выяснить у перечисленных государств, во-первых, считают ли они, что для них существует угроза, во-вторых, был ли запрос американского президента сделан по их просьбе или по крайней мере с их согласия.

Во всех случаях ответ был отрицательным... Правда, от некоторых государств, перечисленных в списке, я не мог получить ответа на свои вопросы, потому что в настоящее время они, как, например, Сирия, не являются свободными, а оккупированы и, следовательно, лишены прав армиями демократических государств.

Кроме того, все государства, граничащие с Германией, получили с ее стороны обязательства более четкие... чем те, о которых просит меня мистер Рузвельт в своей курьезной телеграмме...

Я вынужден обратить внимание мистера Рузвельта на пару исторических ошибок. Он упомянул Ирландию и просит от меня заверения, что Германия не нападет на нее. Так вот, я только что прочитал речь де Валера, ирландского премьер-министра, в которой он выражает мнение, противоречащее высказыванию мистера Рузвельта. Он не обвиняет Германию в притеснении Ирландии, а обвиняет Англию в постоянно совершаемой против Ирландии агрессии...

Точно так же, вероятно, от внимания мистера Рузвельта ускользнул тот факт, что Палестина в настоящее время оккупирована не немецкими, а английскими войсками и что свобода этой страны попирается жесточайшим образом с помощью оружия... "

Тем не менее Гитлер заявил, что готов дать каждой из перечисленных стран гарантии, как того хочет мистер Рузвельт, более того... Глаза его загорелись.

"Я не хотел бы упускать возможности дать помимо всего прочего президенту Соединенных Штатов заверения по поводу территорий, которые в конечном счете должны волновать его больше всего, — я имею в виду сами Соединенные Штаты и другие государства Американского континента.

Я клятвенно заявляю, что любые бытующие сейчас утверждения, так или иначе связанные с нападением Германии на Америку или вторжением Германии на ее территорию, являются чудовищной ложью. Я уже не говорю о том, что такие утверждения могут быть плодом больного воображения, если взглянуть на них с военной точки зрения".

Рейхстаг сотряслся от хохота, в то время как Гитлер сохранял серьезное выражение на лице. Затем последовало резюме, еще раз подтвердившее, что это было самое эффектное выступление фюрера, которое мне доводилось слышать.

"Мистер Рузвельт! Я прекрасно понимаю, что обширность вашего государства и несметность богатств вашей страны заставляют вас испытывать ответственность за историю всего мира, за историю каждого народа. Сэр, я возвращаюсь в более скромных сферах...

Однажды я пришел к власти в стране, которая лежала в руинах, потому что поверила обещаниям остального мира и потому что ею плохо управляли демократические правительства... Я победил хаос в Германии, восстановил порядок, резко повысил выпуск продукции... развил

транспорт, организовал строительство дорог и рытье каналов, способствовал созданию новых гигантских заводов и в то же время поощрял развитие образования и культуры нашего народа.

Мне удалось дать работу более чем семи миллионам безработных... Я не только политически объединил немцев, я их перевооружил. Я смог страницу за страницей уничтожить тот договор, все четыреста сорок восемь статей которого содержат величайшие и самые злодейские притеснения, с которыми когда-либо приходилось мириться человеку.

Я вернул рейху провинции, отнятые у нас в 1919 году. Я вернул на родину миллионы немцев, которые были от нее оторваны и жили в нищете... И все это, мистер Рузвельт, без кровопролития, не принес ни моему народу, ни, следовательно, другим ужасов войны...

Ваша задача, мистер Рузвельт, по сравнению с моей гораздо проще. Вы стали президентом Соединенных Штатов в 1933 году, когда я был избран канцлером рейха. С самого начала вы стояли во главе одной из крупнейших и богатейших стран мира... У вас в стране имеются все условия для того, чтобы в свободное время вы могли уделить внимание мировым проблемам... Ваши помыслы и предложения распространяются гораздо шире, чем мои, потому что мой мир, мистер Рузвельт, в который поместило меня провидение и ради которого я считаю своим долгом трудиться, к сожалению, гораздо меньше, хотя для меня он дороже всего на свете, потому что это мир моего народа!

Я полагаю, что именно так лучше всего смогу служить всему тому, в чем мы все заинтересованы: справедливости, процветанию, прогрессу, миру на земле".

С точки зрения обмана немецкого народа эта речь Гитлера является шедевром. Но, путешествуя по Европе в дни, последовавшие за этим, легко было убедиться в том, что эта речь Гитлера в отличие от предыдущих не помогла ему одурачить народы других стран и их правительства. Другие народы в отличие от немцев сумели отличить правду от обмана. Они понимали, что, несмотря на все свое красноречие, несмотря на одержанную победу над Рузвельтом, фюрер Германии не ответил на основной вопрос президента: возможны ли впредь агрессии? нападет ли он на Польшу?

Как выяснилось в дальнейшем, это была последняя речь Гитлера, произнесенная им в мирное время. Бывший австрийский бродяга дошел до предела — идти дальше, опираясь на ораторское искусство, было невозможно. Теперь ему предстояло попытаться занять свое место в истории военным путем.

Удаляясь на летний отдых в горную резиденцию Берхтесгаден, Гитлер

не отреагировал публично на ответ, данный Польшей. Полковник Бек дал его в своей речи в сейме 5 мая и в официальном меморандуме польского правительства, переданном Германии в тот же день. Ответ Польши и речь Бека были выдержаны в благородных, примирительных, но в то же время твердых тонах. В нем говорилось:

"Ясно, что переговоры, в ходе которых одна сторона формулирует требования, а другая обязана принимать эти требования без изменений, таковыми не являются".

Вмешательство России: I

В своей речи в рейхстаге 28 апреля Гитлер избежал традиционных нападок на Советский Союз. О России вообще не было сказано ни слова. Полковник Бек упомянул о "некоторых намеках", сделанных Германией, которые "выходили далеко за рамки обсуждаемых тем", и оставил за собой право "вернуться к обсуждению этого вопроса, если это будет необходимо", — здесь явно имелись в виду усилия Германии склонить Польшу присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, нацеленному против России. Однако Бек, как, впрочем, и Чемберлен, не знал, что от этого намерения в Берлине уже отказались. В Берлине и в Москве рождались новые идеи.

Трудно указать точно, когда в указанных двух столицах были предприняты попытки достичь взаимопонимания, которые имели столь серьезные последствия для всего мира. Первый намек на изменение отношений между двумя странами прозвучал еще 3 октября 1938 года, через четыре дня после встречи в Мюнхене. Советник германского посольства в Москве докладывал тогда в Берлин, что Сталин сделает определенные выводы после разрешения судетского конфликта, к урегулированию которого он не был привлечен, и впредь будет относиться к Германии, вероятно, "более положительно". Дипломат ратовал за расширение экономического сотрудничества между двумя странами, он повторил это в своем послании через неделю. В конце октября посол Германии в Москве граф Шуленбург уведомил министерство иностранных дел Германии, что "намерен в самом ближайшем будущем встретиться с Молотовым, Председателем Совета Народных Комиссаров, чтобы попытаться решить вопросы, осложняющие германо-советские отношения". Мало вероятно, что посол сам пришел к подобному решению, учитывая недавнее враждебное отношение Гитлера к Москве. Скорее всего, инструкция поступила из Берлина.

Из трофейных архивов министерства иностранных дел становится ясно, что так оно и было. Первым шагом, по мнению Германии, должно

было стать улучшение торговых отношений между двумя странами. В меморандуме министерства иностранных дел от 4 ноября 1938 года говорится о "настойчивом требовании из ведомства фельдмаршала Геринга хотя бы попытаться реактивировать... торговлю с Россией, особенно в той части, где речь идет о русском сырье". Сроки советско-германских торговых соглашений истекали в конце года, и документы с Вильгельмштрассе изобилуют материалами о взлетах и падениях во время переговоров о их возобновлении. Каждая из сторон относилась к другой с большим подозрением, и все-таки они медленно, но неуклонно сближались. 22 ноября в Москве состоялись переговоры между представителями внешнеторговых организаций Советского Союза и известным немецким специалистом по урегулированию экономических конфликтов Юлиусом Шнурре.

Вскоре после Нового года посол СССР в Берлине Мерекалов прибыл на Вильгельмштрассе, что делал нечасто, чтобы сообщить:

"Советский Союз намерен положить начало новой эре в германо-советских экономических отношениях". В течение нескольких последующих недель велись многообещающие переговоры, но в феврале 1939 года они практически прекратились в основном из-за того, что стороны не могли решить, где их продолжать — в Москве или в Берлине. Однако подлинная причина стала ясна из меморандума директора отдела экономической политики министерства иностранных дел от 11 марта 1939 года: хотя Германии не хватает русского сырья, хотя Геринг постоянно требует его закупки, рейх просто не в состоянии снабжать Советский Союз теми товарами, которые придется поставлять в обмен. Директор полагал, что свертывание переговоров "крайне прискорбно для Германии с точки зрения положения дел с сырьем".

Хотя первая попытка установить более тесные экономические отношения потерпела неудачу, не все еще было потеряно. 10 марта 1939 года Сталин выступил с большой речью на первом заседании XVIII съезда партии. Через три дня внимательный Шуленбург представил отчет об этой речи в Берлин. Он считал знаменательным тот факт, что "ирония Сталина и его критика были направлены в гораздо большей степени против Англии, чем против так называемых государств-агрессоров, в частности Германии". Посол выделял замечание Сталина о том, что слабость демократических держав со своей очевидностью подчеркивается тем фактом, что они отказались от политики коллективной безопасности, и переходом их на позицию невмешательства, на позицию нейтралитета. Подоплекой этой политики было стремление натравить государства-агрессоры на их жертвы.

Далее он цитировал советского диктатора, который обвинял страны Запада в том, что они ведут двурушническую политику, "толкая немцев дальше на восток, обещая им легкую добычу и приговаривая: вы только начните войну с большевиками, а дальше все пойдет хорошо. Нужно признать, что это тоже очень похоже на подталкивание, на поощрение агрессора... Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии... и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований".

В заключение Сталин сформулировал основные принципы в области внешней политики:

"1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами;

2. ... Не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками... "

Человек, принимавший в России окончательные решения, открыто предупреждал, что Советский Союз не намерен оказаться втянутым в войну с нацистской Германией во имя спасения Англии и Франции.

Если в Лондоне это предупреждение проигнорировали, то в Берлине на него обратили внимание {Хотя в корреспонденции Ассошиэйтед Пресс из Москвы, опубликованной в "Нью-Йорк Таймс" 12 марта, говорилось, что заявление Сталина о том, что Советский Союз не позволит втянуть себя в войну с Германией, дало повод для разговоров в дипломатических кругах, будто возможность сближения Германии и Советского Союза вполне реальна, однако британский посол в СССР сэр Уильям Сидс, вероятно не принимавший участия в подобных разговорах, в своем отчете, посланном в Лондон, не упомянул ни о них, ни о такой возможности. Джозеф Дэвис, бывший посол США в Москве, находившийся в то время в Брюсселе, сделал правильные выводы из речи Сталина. В своем дневнике 11 марта он отметил: "Это открытое предупреждение правительствам Англии и Франции, что Советы устали от "нереальной" оппозиции агрессору. Это... действительно представляет угрозу для переговоров... между британским Форин оффис и Советским Союзом. Это настоящий сигнал опасности... " 21 марта он писал сенатору Питтману: "... Гитлер предпринимает отчаянные попытки настроить Сталина против Англии и Франции. Если Англия и Франция не пробудятся, то, боюсь, ему это удастся". — Прим. авт. }.

Из речи Сталина и из некоторых дипломатических обменов, последовавших вскоре, явствует, что советская внешняя политика была очень осторожной, но вместе с тем открытой. 15 марта, через три дня после

оккупации нацистами Чехословакии, правительство России предложило, о чем мы уже рассказывали, созвать конференцию шести держав с целью обсудить меры по предотвращению дальнейшей агрессии. Это предложение Чемберлен назвал "преждевременным" {19 марта, объясняя советскому послу в Лондоне Ивану Майскому, почему русские предложения о конференции (желательно в Бухаресте) неприемлемы, лорд Галифакс, в частности, сказал, что в настоящий момент ни один из министров его кабинета не может поехать в Бухарест по причине занятости. Очевидно, что желания вести дальнейшие переговоры с Англией после такого отказа у русских поубавилось. Позднее Майский говорил Роберту Бутби, члену парламента от партии консерваторов, что непринятие русских предложений было расценено как очередной сокрушительный удар по политике коллективной безопасности и что это решило судьбу Литвинова. — Прим. авт. }. Произошло это 18 марта. Через два дня в официальном коммюнике Москвы, которое было спешно передано по телеграфу немецким послом в Берлин, отрицался тот факт, что Советский Союз предлагал Польше и Румынии помощь "в случае, если они станут жертвами агрессии". Причина: "Ни Польша, ни Румыния не обращались к Советскому правительству за помощью и не информировали (его) об опасности, грозящей им".

Односторонняя гарантия, данная Англией Польше 31 марта, вероятно, помогла Сталину убедиться в том, что Англия предпочитает союз с поляками союзу с Россией и что Чемберлен, как и в случае с Мюнхеном, намерен отстранять Советский Союз от решения европейских проблем.

В сложившейся ситуации немцы и итальянцы увидели для себя некоторые перспективы. Геринг, к этому времени оказывавший серьезное влияние на Гитлера в вопросах внешней политики, 16 апреля встретился в Риме с Муссолини и обратил внимание дуче на речь Сталина на съезде коммунистической партии. Особенно сильное впечатление произвело на маршала заявление советского диктатора, что "русские не позволят делать из себя пушечное мясо для капиталистических государств". Он сказал, что поинтересуется у фюрера, нельзя ли осторожно выяснить перспективы сближения с Россией. Согласно немецкому меморандуму, дуче приветствовал сближение между государствами оси и Советским Союзом. Он также уловил, что в Москве происходят перемены, и полагал, что сближение может быть осуществлено "сравнительно легко".

"Нашей задачей, — говорил Муссолини, — будет убедить Россию холодно отреагировать на проводимую Англией политику окружения, что соответствует высказываниям Сталина в его речи... Более того, в своей

идеологической борьбе против плутократии и капитализма державы оси в некотором роде имеют общие с русским режимом цели".

Это был радикальный поворот в политике держав оси. Чемберлен был бы крайне удивлен, узнав об этом. Удивило бы это, вероятно, и Литвинова.

16 апреля, в тот самый день, когда Геринг беседовал с Муссолини, советский Народный комиссар иностранных дел принял английского посла в Москве и выступил с официальным предложением заключить трехсторонний договор о взаимопомощи между Англией, Францией и Советским Союзом. Предлагалось подписать военную конвенцию трех государств, к которой могла при желании присоединиться Польша. Подписавшиеся должны были гарантировать безопасность всех государств Центральной и Восточной Европы, которые считают, что для них существует угроза со стороны нацистской Германии. Это была последняя попытка Литвинова организовать союз, направленный против третьего рейха. Народный комиссар по иностранным делам поставил на карту свою карьеру, пытаясь остановить Гитлера коллективными мерами; он полагал, что ему наконец-то удастся объединить для этой цели демократические страны Запада и Россию. Черчилль в своей речи от 4 мая, сожалея, что предложения России до сих пор не приняты в Лондоне, сказал, что "невозможно создать на Востоке фронт против нацистской агрессии без активной помощи со стороны России". Ни одно другое государство Восточной Европы — и уж, конечно, ни Польша — не обладало достаточными силами, чтобы держать фронт в этом регионе. И все-таки предложения русских повергли Лондон и Париж в ужас.

Но еще до того, как они были отвергнуты, Сталин сделал серьезный шаг в ином направлении.

17 апреля, на следующий день после того, как Литвинов выступил со своим далеко идущим предложением, советский посол в Берлине нанес визит Вайцекеру в министерстве иностранных дел. Как записал статс-секретарь, это был первый визит Мерекалова за все время пребывания на занимаемом посту. После обмена общими фразами о германо-русских экономических отношениях посол перешел к вопросам политики и напрямую спросил Вайцекера, что он думает о русско-германских отношениях. Посол говорил приблизительно следующее:

"Русская политика всегда следовала прямым курсом. Идеологические разногласия мало повлияли на отношения между Россией и Италией, не должны они повлиять и на отношения с Германией.

Россия не воспользовалась существующими трениями между государствами Запада и Германией и не намерена ими воспользоваться,

поэтому нет причин, по которым между нашими странами не могли бы существовать нормальные отношения. А нормальные отношения всегда могут улучшиться".

К этому, очевидно, и клонил Мерекалов, на этом он и закончил беседу, добавив, что через пару дней собирается в Москву.

В столице России, куда вернулся посол, что-то затевалось. Выяснилось это 3 мая, когда на последних страницах советских газет в разделе "Новости" появилось короткое сообщение о том, что Литвинов освобожден от должности Народного комиссара иностранных дел по собственной просьбе, а его место занял Председатель Совета Народных Комиссаров Вячеслав Молотов.

Немецкий поверенный в делах на следующий день докладывал в Берлин:

"Внезапная замена вызвала здесь крайнее удивление, так как Литвинов вел переговоры с английской делегацией и на параде 1 мая стоял рядом со Сталиным...

Поскольку Литвинов принимал посла Британии 2 мая и был на параде, о чем сообщалось вчера в прессе, причиной его отставки могло явиться только внезапное решение Сталина... На последнем съезде партии Сталин говорил о том, что Советский Союз не должен оказаться втянутым в конфликт. Молотов — не еврей, известен как "один из самых близких друзей и соратников" Сталина. Его назначение должно, вероятно, служить гарантией, что внешняя политика будет проводиться строго по предначертаниям Сталина".

Значение внезапной отставки Литвинова было понятно всем. Она свидетельствовала о крутом повороте в советской внешней политике. Литвинов ратовал за коллективную безопасность, за укрепление Лиги Наций, искал способ обезопасить Россию от агрессии со стороны нацистской Германии путем заключения военного союза с Англией и Францией. Колебания Чемберлена по поводу такого союза оказались роковыми для Народного комиссара иностранных дел. По мнению Сталина, — а это было единственное мнение, с которым считались в Москве, — политика, проводимая Литвиновым, провалилась. Более того, над Советским Союзом нависла угроза войны с Германией — войны, в которой страны Запада, возможно, и не захотят принять участия. Сталин пришел к выводу, что настало время поменять политический курс. Если Чемберлен сумел умиротворить Гитлера, то почему этого не сможет сделать русский диктатор? Тот факт, что еврей Литвинов был заменен не евреем Молотовым (это особенно подчеркивалось в докладе, направленном

в Берлин), должен был произвести определенное впечатление в нацистских кругах.

Чтобы удостовериться в том, что немцы оценили значение этой замены, советский поверенный в делах Георгий Астахов поднял этот вопрос в беседе с доктором Юлиусом Шнурре, экспертом министерства иностранных дел Германии по вопросам экономики Восточной Европы.

"Астахов коснулся вопроса об отставке Литвинова, — докладывал Шнурре, — надеясь выяснить, повлияет ли смена министров на наше отношение к Советскому Союзу. Он подчеркивал значение личности Молотова, который не был специалистом в области внешней политики, но а будущем несомненно сыграет в ней большую роль".

Поверенный в делах предложил немцам возобновить торговые переговоры, прерванные в феврале.

На советские предложения о военном союзе, сделанные 16 апреля, английское правительство ответило только 8 мая. Предложения были фактически отклонены. Это укрепило Москву в подозрениях, что Чемберлен не хочет заключать военный пакт с Россией с целью воспрепятствовать захвату Гитлером Польши.

Неудивительно, что русские в связи с этим предприняли попытки сближения с Германией. 17 мая Астахов опять встретился со Шнурре в министерстве иностранных дел. Обсудив торговые проблемы, собеседники затронули более широкий круг вопросов.

"Астахов сказал, — докладывал Шнурре, — что во внешней политике Германии и Советского Союза противоречий нет, а следовательно, нет и повода для вражды между нашими странами. Действительно, в Советском Союзе ощущают угрозу со стороны Германии, однако эти ощущения могут несомненно исчезнуть, как и недоверие Москвы... В ответ на мой случайно оброненный вопрос он прокомментировал ход англо-советских переговоров, сказав, что в ситуации, сложившейся к настоящему "моменту, результат, к которому стремится Англия, вряд ли достигим".

Через три дня, 20 мая, посол Шуленбург имел в Москве продолжительную беседу с Молотовым. Новый комиссар по иностранным делам был настроен необычайно дружелюбно и сообщил немецкому послу, что экономические переговоры между двумя странами могут возобновиться, если для этого будут созданы необходимые политические предпосылки. Это был новый подход Кремля, осторожно изложенный Молотовым. Когда Шуленбург попытался уточнить, что имеет в виду Народный комиссар под "политическими предпосылками", он ответил, что над этим вопросом должны подумать оба правительства. Все попытки

посла выяснить, на что намекает лукавый Народный комиссар, оказались безуспешны. "Он известен своим упрямством", — напоминал Шуленбург Берлину. По дороге из министерства иностранных дел посол зашел к Владимиру Потемкину, заместителю Народного комиссара по иностранным делам, и пожаловался, что не понимает, какие цели преследует Молотов в политическом плане. "Я попросил герра Потемкина выяснить это", — докладывал посол в Берлин.

Возобновление контактов между Берлином и Москвой не осталось незамеченным французским послом в немецкой столице. 7 мая, всего через четыре дня после отставки Литвинова, Кулондр информировал министерство иностранных дел Франции, что, согласно данным, полученным от лица из окружения Гитлера, Германия ищет контакта с Россией, в результате которого, помимо всего прочего, может произойти четвертый раздел Польши. Два дня спустя французский посол отправил в Париж еще одну телеграмму, в которой сообщал о циркулировавших по Берлину слухах о том, что Германия "сделала или собирается сделать России предложения, направленные на раздел Польши".

Стальной пакт

Хотя верхушка вермахта была невысокого мнения о военной мощи Италии, Гитлер настаивал на военном союзе с ней, однако Муссолини не спешил его заключать. Переговоры между двумя верховными командованиями начались в апреле. Кейтель докладывал в ОКБ о своих впечатлениях: и итальянские войска, и темпы их перевооружения оставляют желать лучшего. На войну, полагал он, нужно решаться быстро, иначе итальянцы не примут в ней участия.

Как явствует из дневников Чиано, в середине апреля он был сильно встревожен тем, что все ощутимее проявлялись признаки, что Германия в любой момент может напасть на Польшу и развязать европейскую войну, к которой Италия не готова. Когда 20 апреля посол Италии в Берлине Аттолико прислал в Рим телеграмму, в которой сообщал, что действия против Польши неизбежны, Чиано приказал ему ускорить подготовку встречи с Риббентропом, чтобы Италия не оказалась застигнутой врасплох.

Министры иностранных дел встретились в Милане 6 мая. Чиано прибыл с письменными инструкциями Муссолини, в которых упор делался на пожелание Италии в ближайшие три года избежать войны. К удивлению итальянца, Риббентроп заявил, что и Германия хотела бы сохранить мир на это время. Чиано впервые лицезрел немецкого министра иностранных дел "удивительно спокойным". Они обсудили положение в Европе, пришли к согласию, что необходимо улучшить отношения держав оси с Советским

Союзом, после чего сделали перерыв на торжественный обед.

Когда после обеда позвонил Муссолини и поинтересовался, как прошли переговоры, Чиано ответил ему, что переговоры прошли хорошо, и дуче принял неожиданное решение: попросил своего зятя опубликовать в прессе коммюнике, в котором бы сообщалось, что Германия и Италия договорились заключить военный союз. Риббентроп сперва колебался. Потом согласился доложить об этом Гитлеру. Когда же ему удалось связаться по телефону с фюрером, то последний с готовностью откликнулся на предложение Муссолини.

Так, под воздействием внезапного порыва, Муссолини после более чем годового колебания безвозвратно вверил свою судьбу Гитлеру. Это было одним из первых признаков, свидетельствовавших о том, что итальянский диктатор, так же как немецкий фюрер, начал утрачивать тот железный самоконтроль, который помогал им обоим до 1939 года хладнокровно следовать интересам нации. Для Муссолини последствия этого шага вскоре обернулись катастрофой.

22 мая Стальной пакт (под таким названием он вошел в историю) в обстановке невообразимой шумихи был подписан в рейхсканцелярии в Берлине. Чиано повесил на Риббентропа цепь ордена Святой девы.

Это привело Геринга в такое бешенство, что он прослезился, — этот факт не ускользнул от итальянского министра иностранных дел. Тучный фельдмаршал закатил сцену: он сетовал на несправедливость и утверждал, что орден нужно было дать ему, так как именно он способствовал скорейшему заключению союза.

"Я обещал Макензену (послу Германии в Риме) попытаться сделать так, чтобы и Герингу дали орден", — рассказывал Чиано. Гитлера он нашел "прекрасно выглядевшим, совершенно безмятежным и менее агрессивным", хотя он заметно постарел и морщин у глаз прибавилось, вероятно от недосыпания {Дневник Чиано за 22 мая изобилует пикантными подробностями о жизни Гитлера и его окружения, фрау Геббельс, например, жаловалась, что Гитлер заставляет своих друзей бодрствовать по ночам, что "все время говорит один только Гитлер", что "он повторяется и надоедает гостям". До Чиано доходили слухи "о нежных чувствах фюрера по отношению к красивой девушке. Ей двадцать два года, у нее большие глаза, правильные черты лица и великолепная фигура. Зовут ее Зигрид фон Лаппус. Они часто видятся наедине". Чиано, сам дамский угодник, был, несомненно, заинтригован. Вероятно, он еще ничего не слышал о Еве Браун, любовнице Гитлера, которой в то время не разрешалось часто навещать в Берлин. — Прим. авт. }. Пребывая в великолепном

настроении, фюрер наблюдал, как два министра иностранных дел подписывают документ о военном союзе.

Положения документа были сформулированы с военной прямоотой. Его агрессивную сущность подчеркивало предложение, вставленное по настоянию Гитлера в преамбулу. В нем говорилось, что две страны, "спаянные внутренним родством идеологий ... полны решимости действовать рука об руку объединенными силами в целях обеспечения жизненного пространства". Сущность договора содержалась в статье III:

"Если вопреки надеждам и пожеланиям Высоких Договаривающихся Сторон у одной из них возникнут осложнения военного характера с другой страной или странами, другая Высокая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет ей содействие в качестве союзника и поддержит всеми вооруженными силами на земле, на море и в воздухе".

Статья V гласила, что в случае войны ни одна из сторон не будет заключать сепаратного перемирия или мира.

Как показал дальнейший ход событий, сначала не выполнил первого пункта Муссолини, потом нарушила второй пункт Италия.

Гитлер сжигает корабли: 23 мая 1939 года

На следующий после подписания Стацкого пакта день, то есть 23 мая, Гитлер собрал в рейхсканцелярии военачальников и прямо заявил им, что дальнейшие успехи невозможны без кровопролития и что, следовательно, война неизбежна. На этой встрече было больше народу, чем на подобном собрании, состоявшемся 5 ноября 1937 года, на котором Гитлер сообщил командующим трех видов вооруженных сил о своем решении держать курс на войну.

Всего присутствовало четырнадцать человек, среди них фельдмаршал Геринг, адмирал Редер, генерал фон Браухич, генерал Гальдер, генерал Кейтель, генерал-инспектор люфтваффе Эрхард Мильх, начальник штаба ВМС контр-адмирал Отто Шнивинд. Присутствовал также адъютант фюрера подполковник Рудольф Шмундт, который вел запись беседы (впоследствии она была обнаружена среди трофейных документов). Все, что говорил Гитлер на совещании, было настолько секретно, что копий с записи не делалось, поэтому запись Шмундта оказалась единственным документальным подтверждением.

Это один из наиболее важных секретных документов, которые позволяют проследить путь Гитлера к войне. Перед горсткой людей, которым предстояло руководить вооруженными силами в будущем военном конфликте, Гитлер не прибегает к пропагандистским трюкам и замаскированному обману. Он открыто говорит о том, почему должен

напасть на Польшу, а если потребуется, то и на Англию и Францию. С невероятной точностью предсказывает он ход военных действий — по крайней мере, на первый год войны. Но, несмотря на всю прямоту, в докладе фюрера больше неуверенности, чем когда бы то ни было. Более того, Англия и англичане продолжали оставаться для него загадкой и остались таковыми до конца его дней.

Все, что касалось войны и ее целей, было ясно. Не было генерала или адмирала, который бы, покинув 23 мая канцелярию, не знал, что должно случиться к концу лета. Экономические проблемы Германии, начал фюрер, могут быть решены только путем расширения жизненного пространства, а это "невозможно без вторжения в другие страны".

"Дальнейшие успехи фюрера невозможны без кровопролития... Данциг — вообще не предмет для обсуждения. Это вопрос расширения жизненного пространства на Востоке, вопрос обеспечения продовольствием, решение проблемы Прибалтийских государств... В Европе нет другой возможности... Если волею судеб нам предстоит испытать силы на Западе, то очень важно иметь большие территории на Востоке. Во время войны надежд на рекордные урожаи значительно меньше, чем в мирное время".

Кроме того, добавляет Гитлер, население негерманских территорий станет источником рабочей силы — первый намек на рабовладельческую программу, которую он позже привел в исполнение.

Выбор первой жертвы очевиден. О том, чтобы щадить Польшу, вопрос не стоит. Решение уже принято: напасть на Польшу при первом удобном случае.

"Мы не можем ожидать, что события начнут разворачиваться так же, как в Чехословакии. Будет война. Наша задача — изолировать Польшу. От успешной изоляции Польши зависит успех всего".

Итак, будет война. Только с "изолированной" Польшей? Здесь мысль фюрера не совсем ясна. Его высказывания становятся противоречивыми. Он говорит, что сам решит, когда отдать приказ о нападении.

"Это не должно случиться одновременно с пробой сил на Западе..."

Не исключено, что германо-польский конфликт приведет к войне с Западом, тогда на первом месте будет борьба против Англии и Франции.

Следовательно, главное: конфликт с Польшей... завершится успешно только в том случае, если в нем не будут участвовать страны Запада.

Если это невозможно, лучше напасть на западные страны и одновременно покончить с Польшей".

От быстро следующих друг за другом противоречивых заявлений

генералы, вероятно, смутились, может быть, даже вынули монокли, но в записи Шмундта об этом ничего не сказано, как и о том, что кто-либо осмелился выяснить, что же все-таки произойдет.

После этого Гитлер перешел к вопросу о России. "Не исключено, — заявил он, — что России судьба Польши окажется безразлична". Однако, если Советский Союз объединится с Англией и Францией, то это заставит его, фюрера, "напасть на Англию и Францию и нанести им несколько сокрушительных ударов". Это явилось бы повторением той ошибки, которую допустил в 1914 году Вильгельм II. Хотя в своей речи Гитлер анализировал ошибки мировой войны, уроков из них он, очевидно, не извлек. Теперь мысли его обратились к Англии:

"Фюрер сомневается в возможности мирного соглашения с Англией. Нужно быть готовыми к пробе сил. Англия усматривает в нашем развитии стремление установить гегемонию, которая ее ослабит. Следовательно, Англия — наш враг и борьба с ней является вопросом жизни и смерти.

В чем же будет заключаться этот конфликт?

Англия не может покончить с Германией несколькими мощными ударами, не может сокрушить нас силой. Для Англии необычайно важно вести боевые действия как можно ближе к Руру. Французской крови жалеть не будут. (Западный вал!) Наше существование зависит от того, будем ли мы владеть Руром".

Решив повторить одну ошибку кайзера — напасть на Францию и Англию в случае, если они вступят в союз с Россией, Гитлер объявил, что последует по стопам императора и в другом деле, потом обернувшимся для Германии катастрофой.

"Голландские и бельгийские авиационные базы должны быть заняты нашими войсками. Заявления о нейтралитете можно проигнорировать. Если Англия захочет вмешаться в польскую войну, мы должны молниеносно напасть на Голландию. Наша задача — создание новой линии обороны на территории Голландии. Война с Англией и Францией станет вопросом жизни и смерти.

Мысль о том, что мы можем дешево отделаться, вызывает опасение... Нам остается только сжечь корабли, и тогда вопрос будет ставиться не "правильно это или нет", а "быть или не быть восьмидесяти миллионам людей".

Хотя Гитлер заявил, что Германия нападет на Польшу "при первом удобном случае", и все присутствовавшие знали, что на это будет нацелена вся военная мощь Германии, по словам фюрера, он не мог не думать об Англии. "Англия, — отмечал он, — ведущая антигерманская сила". После

этого он перешел к обсуждению ее сильных и слабых сторон:

"Англичанин горд, смел, тверд, решителен, хороший организатор. Он умеет использовать любую ситуацию. У него в крови страсть к приключениям и отвага нордической расы...

Англия сама по себе — держава мирового масштаба. Она остается нерушимой на протяжении трех столетий. У нее есть союзники. Но держава — это не только нечто конкретное, нужно учитывать и ее психологическое воздействие на окружающий мир.

К этому нужно добавить несметные богатства и вытекающую отсюда платежеспособность.

Геополитическая безопасность, гарантированная Сильным флотом и храбрыми летчиками".

Затем Гитлер напомнил своим слушателям о слабых сторонах Британии, перечислив их:

"Если бы в минувшей войне у нас было на два броненосца и на два крейсера больше и Ютландское сражение началось утром, то английский флот был бы разбит, а Англия была бы поставлена на колени {В Ютландском морском сражении (1916 год), крупнейшем в первой мировой войне, ни одна из сторон не достигла цели, однако английский флот, располагавший превосходящими силами, сохранил господствующее положение на море. — Прим. тит. ред. }. Это означало бы конец мировой войны. В давние времена... для того, чтобы завоевать Англию, необходимо было вторгнуться в ее пределы. Англия могла прокормить себя. Сегодня она уже не способна на это.

Как только Англия окажется отрезанной от источников снабжения, она вынуждена будет капитулировать. Ввоз продовольствия и топлива зависит от защищающего ее флота.

Налеты люфтваффе на Англию не заставят ее капитулировать. Но если будет уничтожен флот, тогда капитуляция последует немедленно. Нет сомнений в том, что внезапное нападение может привести к быстрому решению вопроса".

Внезапное нападение? Какими силами? Безусловно, адмирал Редер должен был воспринимать слова Гитлера как вздор. В соответствии с так называемым планом Z мощность немецких ВМС только приблизится к мощности английского флота к 1945 году. А в данный момент, весной 1939 года, у Германии не было тяжелых кораблей, чтобы потопить британский флот, даже внезапно его атаковав.

Вероятно, Англию можно было победить другим способом. Здесь Гитлер спустился на землю и изложил стратегический план, который через

год был осуществлен с необычайным успехом.

"Задачей должно быть нанесение противнику сокрушительного или решающего удара с самого начала. Вопросов о правоте и неправоте, о договорах касаться в данном случае не следует. Это будет возможно только в случае, если мы не "скатимся" к войне с Англией из-за Польши.

Следует готовиться к длительной войне, но нужно готовить и внезапное нападение. Любые английские силы, вторгшиеся на континент, необходимо уничтожить.

Армия должна занять позиции, важные для флота и люфтваффе. Если мы успешно оккупируем и удержим Голландию с Бельгией и одолеем Францию, плацдарм для успешной войны против Англии будет создан.

Тогда люфтваффе смогут плотно блокировать Англию с западного побережья Франции, а флот будет осуществлять более широкую блокаду силами подводных лодок".

Все это было выполнено примерно через год. И еще один важный стратегический план, изложенный Гитлером 23 мая, был в дальнейшем реализован. Если бы в начале первой мировой войны немецкая армия продвигалась в направлении Ла-Манша, а не в направлении Парижа, то итог войны оказался бы другим. Может быть. Во всяком случае, он попытается сделать это в 1940 году.

"Наша задача, — сказал в заключение Гитлер, вероятно, забыв на время о Польше, — поставить Англию на колени".

Под конец было сделано еще одно замечание:

"Секретность — основное условие успеха. Наши планы необходимо держать в тайне как от Италии, так и от Японии".

Гитлер не доверял даже своему генеральному штабу, начальник которого, генерал Гальдер, находился в числе прочих слушателей. "Наши разработки, — продолжал фюрер, — не должны вестись силами генерального штаба. Иначе не стоит говорить о полной секретности". По его приказу разработка военных операций была поручена небольшой группе офицеров ОКВ.

23 мая 1939 года Гитлер, по его собственному выражению, сжег корабли. Война казалась неминуемой. Германии требовалось жизненное пространство на Востоке. Для завоевания его нападение на Польшу необходимо осуществить при первой возможности. Данциг в данном случае ни при чем, он — просто предлог. На пути стоит Англия — она действительно является основной антигерманской силой — отлично! Достанется и ей, и Франции. Это будет борьба не на жизнь, а на смерть.

Когда 5 ноября 1937 года фюрер впервые изложил свои агрессивные

планы, фельдмаршал фон Бломберг и генерал фон Фрич протестовали, что Германия для участия в европейской войне слишком слаба. Летом следующего года из-за несогласия с Гитлером ушел в отставку начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Бек. Однако 23 мая 1939 года ни один из присутствовавших генералов и адмиралов не усомнился в мудрости выбранного Гитлером курса — по крайней мере, в записях о ходе встречи об этом ничего не говорится.

Их удел, как они понимали, беспрекословно подчиняться, а не задавать вопросы. Они применяли свои незаурядные способности для разработки планов агрессии. 7 мая сотрудником генерального штаба сухопутных войск полковником Гюнтером Блюментритом, который вместе с генералами Рундштедтом и Манштейном вошел в состав небольшой рабочей группы, были представлены примерные разработки операции "Вайс". Фактически это был план завоевания Польши — талантливый и смелый. Перед реализацией в него были внесены лишь незначительные поправки.

Адмирал Редер в директиве с грифом "совершенно секретно" от 16 мая изложил план действий ВМС в рамках операции "Вайс". Поскольку Польше принадлежало всего несколько миль побережья Балтийского моря к западу от Данцига и располагала она слабым флотом, проблем тут не предвиделось. Адмирала волновали больше Англия и Франция. Вход в Балтийское море предполагалось блокировать подводными лодками и двумя карманными линкорами, тогда как остальным подводным лодкам и линкорам предписывалось готовиться к войне в Атлантике. По приказу фюрера ВМС надлежало быть готовыми принять участие в операции "Вайс" к 1 сентября, но Редер торопил командиров, потому что "в свете последних политических событий" боевые действия могли начаться раньше.

В мае 1939 года в Германии полным ходом велись приготовления к войне, которая должна была начаться в конце лета. Глухо гудели большие военные заводы, выпуская пушки, танки, самолеты и военные корабли. Штабы армии, ВВС и ВМС вносили последние коррективы в свои планы. Численность вооруженных сил была увеличена за счет призванных на летние сборы. Гитлер мог быть доволен.

На следующий после его выступления день, 24 мая, генерал Георг Томас, начальник отдела экономики и вооружений ОКВ, подытожил достигнутое на закрытом совещании в министерстве иностранных дел. Генерал напомнил собравшимся, что императорской армии для того, чтобы увеличить свою численность с 43 до 50 дивизий, понадобилось шестнадцать лет — с 1898-го по 1914-й, тогда как армия третьего рейха

увеличилась с семи дивизий до 41 всего за четыре года. В их число входили пять тяжелых танковых дивизий и четыре легких ("современная кавалерия"), каких не было ни в одной армии мира. На флоте практически из ничего построили два линкора водоизмещением 26 тысяч тонн {Указывая тоннаж немецких линкоров, генерал Томас обманывал даже министра иностранных дел. Имеется интересный документ ВМС Германии, датированный 18 февраля 1938 года, из которого явствует, что фальшивые цифры тоннажа немецких линкоров публиковались специально, чтобы не было несоответствий англо-германскому морскому соглашению. В документе говорится, что в действительности водоизмещение линкоров составляло 31 300 тонн и 41 700 тонн. Любопытный образчик хитрости нацистов. — Прим. авт. }, два тяжелых крейсера, 17 эсминцев и 47 подводных лодок. На верфях строились два линкора водоизмещением 35 тысяч тонн, авианосец, четыре тяжелых крейсера, пять эсминцев, семь подводных лодок; планировалась постройка еще большего числа кораблей. Люфтваффе смогли создать 21 эскадрилью и имеют в своем составе 260 тысяч человек. Военная промышленность, говорил генерал Томас, производит на настоящий момент продукции больше, чем в период своего расцвета во время минувшей войны. Во многих ее отраслях показатели были более высокими, чем в любой другой стране мира. Перевооружение Германии, по заявлению генерала Томаса, стало беспрецедентным явлением.

Хотя военная мощь Германии к лету 1939 года неизмеримо возросла, успех в войне, которую Гитлер планировал начать осенью, зависел от того, какой характер примет эта война. Германия все еще не была и, вероятно, никогда бы не стала настолько сильна, чтобы воевать одновременно с Англией, Францией и Россией, не считая Польшу. В начале этого рокового лета все зависело от того, сможет ли Гитлер ограничить масштабы войны. Прежде всего нельзя было допустить, чтобы Россия заключила военный союз с Западом — а именно этим занимался Литвинов до своего падения, — союз, который Чемберлен сначала отверг, но к мысли о котором вернулся в конце мая.

Вмешательство России: II

Во время дебатов, проходивших в палате общин 19 мая, британский премьер в очередной раз холодно, даже презрительно отнесся к предложениям России — так, во всяком случае, показалось Черчиллю. Чемберлен долго и нудно объяснял, что "между двумя правительствами существует некая завеса, некая стена, преодолеть которую очень трудно". Черчилль, поддерживаемый Ллойд Джорджем, в свою очередь доказывал,

что Москва сделала "предложение... более простое, более откровенное и более эффективное", чем предложения самого Чемберлена. Черчилль умолял правительство его величества "взглянуть горькой правде в глаза: без надежного фронта на Востоке невозможна надежная защита на Западе, а без России невозможно создать надежный Восточный фронт".

Учитывая бурю протестов, раздававшихся с обеих сторон, Чемберлен 27 мая отослал наконец инструкцию послу в Москве, предписывавшую согласиться на обсуждение пакта о взаимопомощи, военной конвенции и гарантий государствам, которым угрожает Гитлер {27 мая британский посол и французский поверенный в делах передали Молотову англо-французский проект предполагаемого соглашения. К удивлению западных послов, Молотов воспринял его довольно холодно. — Прим. авт. }. Посол фон Дирксен извещал министерство иностранных дел Германии, что английское правительство пошло на этот шаг "крайне неохотно". Далее он отметил причины, побудившие Чемберлена пойти на такой шаг. Он срочно доложил в Берлин, что в британском министерстве иностранных дел циркулируют слухи, будто Германия прощупывает пути сближения с Москвой, что там "опасаются, что Германии удастся нейтрализовать Советскую Россию и даже убедить ее сделать заявление о своем благожелательном нейтралитете. Это будет равнозначно полному краху политики окружения".

В последний день мая Молотов впервые выступил с речью в качестве Народного комиссара по иностранным делам. Обращаясь к Верховному Совету СССР, он сурово клеймил западные демократии за их колебания и предупредил, что если они всерьез намерены заключить соглашение с Советским Союзом, чтобы остановить агрессора, то должны перейти к решительным действиям и достичь договоренности по трем основным пунктам:

1. Заключить трехсторонний договор о взаимопомощи, носящий чисто оборонительный характер.
2. Дать гарантии всем государствам Центральной и Восточной Европы, включая все европейские государства, граничащие с Советским Союзом.
3. Заключить соглашения, определяющие форму и размеры немедленной и эффективной помощи сторон друг другу и малым государствам, над которыми нависла угроза агрессии.

Молотов заявил также, что переговоры с Западом не означают отказ России от "деловых отношений на практической основе" с Германией и Италией, не исключено, что торговые отношения с Германией будут

возобновлены. Посол Шуленбург, докладывая об этом выступлении в Берлин, подчеркнул слова Молотова о готовности России подписать соглашение с Англией и Францией "при условии, если все ее требования будут приняты", и отметил, что из сказанного в докладе следует: до реального соглашения пока далеко. Шуленбург обратил внимание на то, что Молотов в своем выступлении "избегал нападок на Германию и проявлял готовность продолжить переговоры, начатые в Берлине и в Москве". Такую же готовность совершенно неожиданно выразил в Берлине Гитлер.

Всю последнюю декаду мая фюрер и его советники ломали голову над тем, как подступиться к России и сорвать англо-русские переговоры. В Берлине казалось, что Молотов во время беседы с Шуленбургом 20 мая достаточно холодно воспринял предложения Германии. Поэтому на следующий день Вайцзекер сообщил послу, что в свете всего сказанного Народным комиссаром "мы должны сидеть тихо и ждать, пока русские не выскажутся более откровенно".

Однако Гитлер, уже назначивший точную дату нападения на Польшу — 1 сентября, не мог сидеть тихо. Примерно 25 мая Вайцзекер и Фридрих Гаус, заведующий юридическим отделом министерства иностранных дел Германии, были вызваны в загородную резиденцию Риббентропа в Зонненбурге. Там, согласно письменным показаниям Гауса на Нюрнбергском процессе {Письменные показания не были приняты в качестве свидетельских, но это не лишает их достоверности. Все документы, касающиеся советско-германского сотрудничества, рассматривались трибуналом очень осторожно, поскольку один из четырех судей был русский. — Прим. авт. }, им сообщили, что фюрер желает "установить более приемлемые отношения между Германией и Советским Союзом". Риббентроп составил проект инструкции Шуленбургу, в котором была детально разработана новая линия поведения и указывалось, что встречи с Молотовым следует добиваться "как можно скорее". Этот документ был обнаружен среди прочих трофейных документов министерства иностранных дел.

Судя по визе, документ был представлен Гитлеру 26 мая, что говорит о многом. Становится очевидно, что немецкое министерство иностранных дел было убеждено, что англо-русские переговоры успешно завершатся, если Германия не предпримет самые решительные меры. Риббентроп предложил Шуленбургу сказать Молотову следующее:

"Столкновений между внешнеполитическими интересами Германии и Советской России не существует... Настало время наладить нормальные мирные советско-германские отношения... Итало-германский союз

направлен не против Советского Союза, а против англофранцузского союза...

Если вопреки нашим желаниям дело дойдет до столкновения с Польшей, то это никоим образом не затронет интересов Советского Союза. Более того, мы твердо заверяем, что при решении польско-германского вопроса — неважно, каким способом, — мы будем учитывать русские интересы, насколько это возможно".

Далее нужно было обратить внимание на опасность для России союза с Англией.

"Мы не можем понять, что заставляет Россию играть важную роль в политике окружения, проводимой Англией... Для России это будет означать одностороннее обязательство без равноценной замены с британской стороны... Британия не в состоянии предложить России равноценной замены, как бы ни были сформулированы договоры. Существование Западного вала делает оказание помощи Европе невозможным... Мы убеждены, что Англия в очередной раз сохранит приверженность своей традиционной политике, при которой другие государства таскают для нее каштаны из огня".

Шуленбург должен был также подчеркнуть, что у Германии "нет агрессивных намерений по отношению к России". И наконец, ему предписывалось сообщить Молотову, что Германия готова не только обсудить с Советским Союзом экономические вопросы, но и "вернуться к нормальным политическим отношениям".

Гитлер полагал, что проект может завести слишком далеко и велел его придержать. На фюрера, как уверял Гаус, произвело впечатление недавнее оптимистичное заявление Чемберлена — 24 мая премьер-министр сказал в палате общин, что в результате новых английских предложений договор с Россией может быть подписан "в ближайшем будущем". Гитлер опасался, что его предложения будут отвергнуты. Он не оставил идеи сближения с Советским Союзом, но полагал, что искать подходы для этого следует более осторожно.

Все, что волновало фюрера в последнюю неделю мая, документально отражено в трофейных бумагах министерства иностранных дел. Примерно 25 мая — точную дату установить трудно — он неожиданно пришел к выводу, что необходимо форсировать переговоры с Советским Союзом, чтобы сорвать англо-советские переговоры. Шуленбургу было предписано немедленно встретиться с Молотовым. Но инструкция Риббентропа, проект которой показали Гитлеру 26 мая, так и не была отослана Шуленбургу. Фюрер отменил ее. В тот вечер Вайцзекер отправил Шуленбургу

телеграмму, в которой советовал проявлять сдержанность и не предпринимать никаких шагов без дальнейших инструкций.

Эта телеграмма, а также письмо, составленное статс-секретарем 27 мая, но отправленное в Москву только 30 мая с очень важным постскриптумом, во многом объясняют колебания Берлина. В письме от 27 мая Вайцекер писал Шуленбургу, что, по мнению, циркулирующему в Берлине, англо-русские переговоры "не так легко будет сорвать" и Германия опасается решительно вмешиваться, чтобы не вызвать "раскатов татарского хохота" в Москве. Помимо того, статс-секретарь сообщил, что как Япония, так и Италия холодно отнеслись к планируемому сближению Германии с Москвой. Такое отношение союзников способствовало формированию в Берлине мнения, что лучше сидеть тихо. "Таким образом, — писал он в заключение, — мы хотим выждать и посмотреть, насколько Москва и Лондон с Парижем свяжут себя взаимными обязательствами".

По каким-то причинам Вайцекер не отправил это письмо сразу — вероятно, он полагал, что Гитлер еще не принял, окончательного решения. Когда же 30 мая он все-таки отправил письмо, то добавил к нему постскриптум:

"P. S. К изложенному выше могу добавить, что с благословения фюрера подход к русским отыскать все-таки придется, но очень осторожно, во время беседы, которую мне надлежит провести сегодня с русским поверенным в делах".

Беседа с Георгием Астаховым дала немного, но для немцев она знаменовала начало нового этапа. Предлогом для вызова русского поверенного стало обсуждение вопроса о советском торговом представительстве в Праге, которое русские хотели сохранить. Беседа крутилась вокруг этого вопроса — каждый дипломат пытался выяснить, что на уме у другого. Вайцекер выразил свое согласие с Молотовым в том, что экономические и политические вопросы нельзя разделять полностью, после чего проявил заинтересованность в "нормализации отношений между Советским Союзом и Германией". Астахов заверил коллегу, что Молотов не имеет намерения "закрыть дверь для дальнейших русско-германских переговоров".

Оба дипломата проявляли определенную осторожность, но немцев эта беседа вдохновила. В 10. 40 вечера 30 мая Вайцекер отправил сверхсрочную телеграмму Шуленбургу в Москву:

"Несмотря на разработанную ранее тактику, мы в конечном счете решили пойти на определенный контакт с Советским Союзом {В книге

"Нацистско-советские отношения", представляющей собой подборку документов немецкого министерства иностранных дел по этой тематике и изданной в 1949 году госдепартаментом США, эта телеграмма в переводе на английский звучит более сильно: "... Мы решили пойти на вполне определенные переговоры с Советским Союзом". Это побудила многих историков, в том числе и Черчилля, сделать вывод, что телеграмма от 30 мая знаменовала поворотный пункт в усилиях Гитлера заключить сделку с Москвой. Этот поворотный пункт наметился позднее. Как писал Вайцзекер в постскрипуме к письму Шуленбургу, шаги, направленные на сближение, должны быть "очень осторожными". — Прим. авт. }".

Может быть, пространный секретный меморандум, который Муссолини направил Гитлеру 30 мая, укрепил решимость фюрера пойти на сближение с Советским Союзом, хотя и с оглядкой. К лету сомнения дуче относительно преждевременного начала войны возросли. Он писал Гитлеру, что убежден: "война между плутократами, консервативными нациями" и государствами оси неизбежна. Но "Италии необходимо время на подготовку, которая может продлиться до конца 1942 года... Только начиная с 1943 года можно рассчитывать на успешное ведение войны". Перечислив ряд причин, по которым "Италии необходим известный мирный период", дуче писал: "По вышеизложенным причинам Италия не хотела бы форсировать начало европейской войны, хотя она убеждена в ее неизбежности".

Гитлер, так и не открыв своему большому другу и союзнику, что уже наметил на 1 сентября нападение на Польшу, заверил, что прочел секретный меморандум "с большим интересом", и предложил организовать встречу глав правительств для обсуждения поднятых в нем вопросов. А пока что он решил выяснить, возможно ли пробить брешь в Кремлевской стене. В течение всего июня в Москве между посольством Германии и Анастасом Микояном, Народным комиссаром внешней торговли, велись предварительные переговоры о заключении торгового соглашения.

Советское правительство все еще относилось к Берлину с большой долей подозрительности. Как сообщал 27 июня Шуленбург, в Кремле полагают, что, настаивая на заключении торгового соглашения, немцы стремятся торпедировать переговоры русских с Англией и Францией. "Здесь боятся, — докладывал посол в Берлин, — что, как только мы получим это преимущество, переговоры прекратятся сами собой".

28 июня Шуленбург имел продолжительную беседу с Молотовым, которая, как он докладывал в срочной секретной телеграмме, прошла в дружественной обстановке. Тем не менее, когда немецкий посол уверенно

сослался на договоры о ненападении, которые Германия совсем недавно заключила с Прибалтийскими государствами {Желая упредить предоставление англо-франко-русских гарантий Латвии и Эстонии, которые граничили с Советским Союзом, Германия 7 июня срочно заключила с ними пакты о ненападении. А 31 мая она заключила аналогичный пакт с Данией, которой, учитывая предшествующие события, казалось, была гарантирована безопасность. — Прим. авт. }, советский комиссар иностранных дел язвительно заметил, что "должен усомниться в действенности таких договоров после опыта, приобретенного Польшей". В конце отчета о беседе Шуленбург писал:

"У меня сложилось впечатление, что Советское правительство внимательно следит за нашим политическим курсом и что оно заинтересовано в контакте с нами. Несмотря на то что недоверие очевидно, Молотов говорил о нормализации отношений с Германией как о деле желаемом и возможном".

Посол затребовал по телеграфу инструкции относительно своих последующих шагов. Он был одним из сторонников Секта, которые выступали за сближение Германии с Советской Россией после 1919 года и добились этого в Рапалло, и во всех его донесениях за 1939 год проглядывает искреннее стремление восстановить отношения, существовавшие во времена Веймарской республики. Но, как и многие другие дипломаты старой школы, он плохо знал Гитлера.

29 июня из своей горной резиденции Берхтесгаден Гитлер неожиданно приказал прервать переговоры с русскими.

Берхтесгаден, 29 июня 1939 года

... Фюрер решил так:

До сведения русских необходимо довести, что из их отношения мы поняли, что продолжение контактов они ставят в зависимость от того, устраивают ли их основы экономических переговоров, как было определено в январе. Поскольку эти основы не удовлетворяют нас, мы в настоящее время не заинтересованы в возобновлении экономических переговоров с русскими.

Фюрер согласен, чтобы ответ был задержан на несколько дней.

В действительности же суть этого решения была передана в посольство Германии в Москве на следующий день. Вайцзекер телеграфировал:

"Министр иностранных дел придерживается мнения, что в части политической сказано достаточно много и что до получения дальнейших инструкций возобновлять переговоры не следует.

Что касается возможности экономических переговоров с русскими, то здесь окончательное мнение еще не выработано. В этой области Вас просят также ничего не предпринимать до получения инструкций".

В трофейных немецких документах невозможно найти объяснение столь резкой перемене в настроении Гитлера. Русские уже были готовы пойти на компромисс по части предложений, сделанных ими в январе и феврале. Шнурре предупреждал 15 июня, что срыв экономических переговоров будет означать для Германии неудачу и в экономическом и в политическом отношении.

Не мог заставить Гитлера принять столь обескураживающее решение и тернистый путь англо-франко-советских переговоров. Из сообщений посольства Германии в Москве он знал, что Советский Союз и западные демократии не сумели разрешить вопрос о гарантиях Польше, Румынии и Прибалтийским государствам. Польша и Румыния были рады получить гарантии Англии и Франции, которые вряд ли помогли бы им в случае немецкой агрессии, разве что косвенно способствовали бы созданию Западного фронта. Но они отказывались от русских гарантий, даже отказывались пропускать через свою территорию советские войска для отражения немецкого нападения. Латвия, Эстония и Финляндия тоже наотрез отказались от русских гарантий. Как явствует из трофейных немецких документов, такое решение было принято не без участия министерства иностранных дел Германии, причем в ход шли самые обыкновенные угрозы на случай, если не будет проявлено должной решимости.

Попав в такое затруднительное положение, Молотов в начале июня предложил Англии прислать в Москву министра иностранных дел, чтобы тот принял участие в переговорах. По мнению русских, это, вероятно, не только помогло бы выйти из тупика, но и наглядно продемонстрировало бы серьезное желание Англии достичь договоренности с Советским Союзом. Лорд Галифакс ехать отказался {Согласно документам британского министерства иностранных дел, 8 июня Галифакс сказал Майскому, что он предполагал просить премьер-министра послать его в Москву, но "вырваться было совершенно невозможно". 12 июня, после того как уехал Стрэнг, Майский сказал Галифаксу, что неплохо бы было министру иностранных дел поехать в Москву, "когда обстановка стала спокойнее", но Галифакс опять заявил о невозможности отлучиться в настоящее время из Лондона. — Прим. авт. }. Вместо него предложил свои услуги Антони Иден, бывший министр иностранных дел, но Чемберлен отклонил его кандидатуру. Было решено послать Уильяма Стрэнга, способного

сотрудника министерства, работавшего ранее в посольстве в Москве и хорошо говорившего по-русски, но малоизвестного как у себя в стране, так и за ее пределами. Тот факт, что сотрудника столь низкого ранга поставили во главе миссии, которой предстояло вести переговоры напрямую с Молотовым и Сталиным, ясно давал понять русским, как они сами потом говорили, что Чемберлен не принимал всерьез идею создания союза, способного остановить Гитлера.

Стрэнг прибыл в Москву 14 июня. До этого он принимал участие в одиннадцати англо-французских встречах с Молотовым, тем не менее появление его мало повлияло на ход англо-советских переговоров. Через две недели, 29 июня, недоверие и раздражительность русских нашли отражение в статье, опубликованной Андреем Ждановым в "Правде". Статья называлась "Английское и французское правительства не хотят договора с Советским Союзом на основе равенства". Жданов пытался представить статью как "написанную рядовым гражданином, не выражающую официальную точку зрения Советского правительства", но он был не только членом Политбюро, не только председателем иностранной комиссии советского парламента, но и, что особенно отмечал Шуленбург в своем докладе в Берлин, "доверенным лицом Сталина; (его) статья была написана по приказу сверху".

"... Английское и французское правительства, — писал Жданов, — не хотят равного договора с СССР... Англичане и французы хотят не настоящего договора, приемлемого для СССР, а только лишь разговоров о договоре для того, чтобы, спекулируя на мнимой неуступчивости СССР перед общественным мнением своих стран, облегчить себе путь к сделке с агрессорами".

Недоверие Сталина к Англии и Франции и опасение, что западные союзники могут в конце концов пойти на сделку с Гитлером, как они это сделали год назад в Мюнхене, было высказано, чтобы весь мир мог над этим задуматься. Посол Шуленбург, поразмыслив над статьей, доложил в Берлин, что, по его мнению, одним из мотивов написания ее было желание "обвинить Англию и Францию в возможном срыве переговоров".

Планы тотальной войны

Адольф Гитлер все еще не поддавался на русскую приманку — может, потому, что в течение всего июня он был занят в Берхтесгадене тем, что следил за подготовкой к вторжению в Польшу, которое намечалось на конец лета.

К 15 июня он уже имел на руках совершенно секретный план военных операций против Польши, составленный генералом Браухичем. "Целью

операции, — вторил своему хозяину главнокомандующий сухопутными войсками, — является уничтожение польских вооруженных сил. Политическое руководство требует начать войну внезапными, мощными ударами и добиться скорых успехов. Замысел главнокомандующего сухопутными войсками сводится к тому, чтобы внезапным вторжением на польскую территорию упредить организованную мобилизацию и сосредоточение польской армии и концентрическими ударами из Силезии, с одной стороны, из Померании — Восточной Пруссии, с другой, разгромить главные силы польской армии, находящиеся западнее линии рек Висла — Нарев".

Для реализации этого плана Браухич создал две группы армий — группу армий "Юг", в которую вошли 8, 10 и 14-я армии, и группу армий "Север", в состав которой вошли 3-я и 4-я армии. Группе армий "Юг" под командованием генерала Рундштедта предписывалось наступать из Силезии в направлении на Варшаву, сломить сопротивление польской армии и по возможности раньше и максимально крупными силами выйти к Висле по обе стороны Варшавы, имея целью во взаимодействии с группой армий "Север" уничтожить польские войска, еще находящиеся в Западной Польше. Главной задачей группы армий "Север" было установление связи между рейхом и Восточной Пруссией путем захвата коридора. Для каждой армии, так же как для ВВС и для флота, были разработаны и определены свои задачи. Данциг, по Браухичу, планировалось объявить территорией Германии в первый же день боевых действий, порядок там предполагалось поддерживать местными силами под командованием немцев.

Дополнительной директивой, изданной тогда же, предусматривалось, что приказ на проведение операции "Вайс" будет отдан войскам 20 августа. "Все приготовления, — говорилось в директиве, — должны быть закончены к этому числу".

Через неделю, 22 июня, генерал Кейтель представил Гитлеру предварительный график по операции "Вайс". Фюрер после ознакомления с документом в целом одобрил его, но приказал, "чтобы не будоражить население призывом большего, чем обычно, числа резервистов... отвечать гражданским учреждениям, предпринимателям, частным лицам, интересующимся этим вопросом, что резервисты призываются для осенних маневров". Гитлер приказал также в целях соблюдения секретности эвакуацию госпиталей в приграничной зоне, которую главное командование сухопутных войск планировало на середину июля, не проводить.

Война, которую собирался начать фюрер, должна была стать

тотальной войной, она требовала не только военной мобилизации, но и мобилизации всей страны, всех ее ресурсов. В целях координации этих усилий на следующий день, 23 июня, был созван Совет обороны рейха под председательством Геринга. На заседании присутствовали тридцать пять высших государственных деятелей, в том числе военачальники Кейтель, Редер, Гальдер, Томас, Мильх и министры: внутренних дел, экономики, финансов, транспорта, а также Гиммлер. Это было лишь второе заседание совета, но Геринг объяснил, что он собирается только для принятия необычайно важных решений. Ни у кого из собравшихся, как явствует из трофейных документов, не осталось сомнений в том, что война не за горами, но предстоит сделать еще очень многое — обеспечить людскими ресурсами промышленность и сельское хозяйство и решить другие вопросы по тотальной мобилизации.

Геринг сообщил собравшимся, что Гитлер планирует призвать в вооруженные силы семь миллионов человек. Поэтому доктору Функу, министру экономики, в целях увеличения людских ресурсов надлежало решить, "на каких видах работ будут использоваться военнопленные и лица, содержащиеся в тюрьмах и концлагерях". Здесь в разговор вступил Гиммлер и сказал, что "во время войны концентрационные лагеря будут использоваться с большей пользой". Геринг заметил, что могут быть привлечены сотни тысяч рабочих из протектората Чехия и Моравия. Они будут размещены в бараках и использованы на работах, в частности на сельскохозяйственных, под присмотром немецких специалистов. Уже тогда стало очевидно, в какие формы выльется нацистская программа использования подневольного труда.

Доктор Фрик, министр внутренних дел, обещал "изыскать рабочую силу в аппарате управления". Он внес некоторое оживление, заявив, что при нацистском режиме бюрократический аппарат "вырос в 20–40 раз, что просто невероятно". Была создана комиссия, которой поручили исправить положение.

Еще более пессимистично прозвучал доклад полковника Рудольфа Герке, начальника транспортного отдела генерального штаба сухопутных войск. "С точки зрения транспорта, — заявил он напрямик, — Германия в настоящий момент к войне не готова".

Вопрос о том, готова ли транспортная сеть Германии к войне, зависел от того, будет ли вестись война только с Польшей. Если предстояли боевые действия на Западе против Франции и Англии, то возникало опасение, что транспортная система просто не справится с задачей. В течение июля состоялись два экстренных заседания Совета обороны для обсуждения мер

"по приведению Западного вала самое позднее к 25 августа в состояние повышенной готовности с помощью средств, которые могут быть раздобыты к этому сроку путем принятия чрезвычайных мер". Концерну Круппа и стальному картелю была поставлена задача изыскать необходимое количество металла для вооружения западного рубежа. Немцы понимали, что именно от мощи этих укреплений зависит, предпримут англо-французские войска серьезное наступление или нет, пока вермахт будет занят решением польского вопроса.

Хотя Гитлер с несвойственной откровенностью заявил своим генералам 23 мая, что вовсе не Данциг является предметом споров с Польшей, вольный город на протяжении нескольких недель в середине лета был пороховой бочкой, которая могла в любой момент взорваться и положить начало войне. В течение некоторого времени немцы нелегально переправляли в Данциг оружие и направляли офицеров обучать местные силы самообороны обращению с ним {19 июня главное командование сухопутных войск сообщило в министерство иностранных дел, что 168 офицеров германской армии "получили разрешение на проезд через вольный город Данциг в гражданской одежде на учебу". В начале июля генерал Кейтель направил в министерство иностранных дел запрос, "целесообразно ли с политической точки зрения продемонстрировать публике 12 легких и 4 тяжелые пушки, которые находятся в Данциге, или лучше скрыть их при проведении учений". Из немецких документов неясно, как немцам удалось провезти тяжелую артиллерию мимо польских таможенников. — Прим. авт. }. Оружие и офицеров переправляли через границу из Восточной Пруссии, и, чтобы этот процесс не вышел из-под контроля, поляки увеличили там число таможенников и пограничников. Местные власти Данцига, действовавшие теперь по указке из Берлина, в ответ на это старались всячески помешать полякам выполнять их обязанности.

Конфликт достиг кризиса 4 августа. Польский дипломатический представитель в Данциге известил местные власти о том, что польские таможенники получили приказ при выполнении своих обязанностей в случае необходимости применять оружие и что если им будут чинить препятствия, то это будет расцениваться как акт насилия по отношению к польским официальным лицам, после чего польское правительство "незамедлительно применит санкции к вольному городу".

Поляки в очередной раз напомнили Гитлеру о том, что их не так-то просто запугать. Это напоминание было подкреплено сообщением немецкого посла в Варшаве, который 6 июля телеграфировал в Берлин:

"... Вряд ли стоит сомневаться, что поляки окажут сопротивление, если будет иметь место явное нарушение их прав (в Данциге)". Пометка, сделанная на полях этой телеграммы рукой Риббентропа, свидетельствует о том, что она была показана Гитлеру.

Фюрер пришел в ярость. 7 августа он вызвал в Берхтесгаден Альберта Форстера, нацистского гауляйтера Данцига, и заявил ему, что поляки вывели его из терпения. Произошел обмен сердитыми нотами между Берлином и Варшавой, причем такими резкими по тону, что ни одна из сторон не решилась их опубликовать. 9 августа правительство рейха предупредило Польшу, что повторение данцигского ультиматума "приведет к ухудшению германо-польских отношений... за что немецкая сторона ответственности нести не желает". На следующий день последовал дерзкий ответ польского правительства, в котором говорилось, что оно, как и прежде, будет реагировать на любые действия властей Данцига, направленные на ущемление прав и интересов Польши, любыми способами, которые сочтет допустимыми, а вмешательство правительства рейха будет расценивать как акт агрессии.

Ни одно малое государство, стоявшее на пути Гитлера, не говорило с ним таким языком. Он пребывал в дурном настроении, когда на следующий день, 11 августа, принимал швейцарца Карла Буркхардта, верховного комиссара Лиги Наций в Данциге, который давно шел навстречу требованиям немцев. Гитлер заявил своему гостю, что, "если поляки хоть что-нибудь предпримут, он как молния обрушится на них всеми силами, которые имеются в его распоряжении и о которых поляки не подозревают".

"Месье Буркхардт заметил, что это приведет к всеобщему конфликту. Герр Гитлер ответил, что если ему суждено начать войну, то лучше начать ее сегодня, а не завтра, что он не будет ее вести, как Вильгельм II, который не решался максимально использовать любое оружие, и что война эта будет беспощадной".

Против кого война? Против Польши конечно. Против Англии и Франции, если потребуется. И против России тоже? Гитлер наконец принял решение относительно Советского Союза.

Вмешательство России: III

Русские выступили с новой инициативой. 18 июля Е. Бабарин, советский торговый представитель в Берлине, в сопровождении двух своих помощников прибыл в министерство иностранных дел Германии и сообщил Юлиусу Шнурре, что Россия хотела бы улучшить германо-советские экономические отношения. Он принес с собой подробный меморандум о торговом соглашении, в котором фигурировал возросший

список товаров для обмена между двумя странами, и сообщил, что если незначительные разногласия между сторонами будут улажены, то он уполномочен подписать соглашение в Берлине. Из отчета о встрече, который представил доктор Шнурре, явствует, что немцы остались довольны. "Такой договор, — писал Шнурре, — неизбежно окажет влияние по крайней мере на Польшу и Англию". Через четыре дня, 22 июля, советская пресса сообщила, что в Берлине возобновлены советско-германские торговые переговоры.

В тот же день Вайцекер с воодушевлением телеграфировал послу Шуленбургу в Москву новые инструкции. О торговых переговорах он писал: "... Мы будем действовать, так как заключение соглашения, причем, чем скорее, тем лучше, считают здесь необходимым из конъюнктурных соображений. Что же касается чисто политического аспекта наших переговоров с русскими, мы полагаем, что период ожидания, предписанный... в нашей телеграмме (от 30 июня), можно считать закончившимся. Вы уполномочены снова взять нити в свои руки, не оказывая, однако, никакого давления".

На самом деле все нити взяли в руки четыре дня спустя, 26 июля, в Берлине. Доктор Шнурре получил от Риббентропа указание устроить в шикарном берлинском ресторане обед для советского поверенного Астахова и Бабарина с целью прощупать их. Русских долго прощупывать не пришлось. В своем отчете Шнурре отмечал, что "русские просидели до половины первого ночи и очень оживленно и заинтересованно говорили о волнующих нас политических и экономических проблемах".

Астахов, горячо поддержанный Бабариным, сказал, что советско-германская политика сближения отвечает жизненным интересам обеих стран, что в Москве никак не могут понять, почему нацистская Германия так антагонистически настроена по отношению к Советскому Союзу. В ответ немецкий дипломат заявил, что "политика Германии на Востоке идет сейчас совершенно другим курсом".

"С нашей стороны вопрос об угрозе Советскому Союзу не стоит. Наши интересы лежат в совершенно другом направлении... Политика Германии нацелена против Англии... Мне видится далеко идущее соглашение, отражающее взаимные интересы и учитывающее жизненные интересы русских.

Однако такая возможность исчезнет, как только Советский Союз объединится с Англией против Германии. Сейчас имеется шанс достичь понимания между Германией и Советским Союзом, но он исчезнет, как только будет заключен пакт с Лондоном.

Что может предложить Англия России? В лучшем случае участие в европейской войне и враждебность по отношению к России со стороны Германии. Что можем предложить взамен мы? Нейтралитет и усилия, направленные на то, чтобы Россия не участвовала в возможном европейском конфликте, и, если пожелает Москва, германо-русское взаимопонимание, что, как в былые времена, послужит интересам обеих стран. Противоречий (между Германией и Россией), по-моему, не существует на пространствах от Балтийского моря до Черного и на Дальнем Востоке. Кроме того, несмотря на различия во взглядах, существует общность в идеологиях Германии, Италии и Советского Союза: оппозиция капиталистическим демократиям Запада".

Так поздно вечером 26 июля в небольшом берлинском ресторане за вином и закусками, которыми наслаждались второстепенные дипломаты, Германия сделала первый серьезный шаг к сближению с Советской Россией. Новый курс, которым пошел Шнурре, был указан самим Риббентропом. Астахов очень обрадовался, услышав об этом, и пообещал Шнурре немедленно доложить обо всем в Москву.

На Вильгельмштрассе с нетерпением ожидали, какова будет реакция в советской столице. Через три дня, 29 июля, Вайцзекер отправил Шуленбургу с курьером секретную депешу.

"Нам очень важно знать, какую реакцию вызвали в Москве соображения, высказанные Астахову и Бабарину. Если у вас появится возможность организовать еще одну беседу с Молотовым, прозондируйте почву по тем же направлениям. Если в результате Молотов откажется от сдержанной позиции, на которой стоял до сих пор, то можете сделать еще один шаг ... Это относится, в частности, и к польской проблеме... Мы были бы готовы, как бы ни развивалась польская проблема, охранять интересы Советского Союза и прийти к соглашению с правительством в Москве. При решении прибалтийского вопроса, если переговоры будут развиваться успешно, можно сформулировать наше отношение так, чтобы не затрагивать интересы Советов на Балтийском море".

Два дня спустя, 31 июля, статс-секретарь "срочно и секретно"; телеграфировал Шуленбургу:

"Относительно нашего послания от 29 июля, которое должно прибыть в Москву сегодня с курьером: Просим сообщить телеграфом точную дату и время следующей встречи с Молотовым, как только это станет известно,

Мы заинтересованы в том, чтобы встреча состоялась как можно, скорее".

Впервые в посланиях из Берлина в Москву прозвучала нотка

торопливости.

В Берлине имелись веские причины торопиться. 23 июля Франция и Англия приняли наконец предложение Советского Союза о штабных переговорах, на которых предстояло выработать военную конвенцию, конкретно предусматривающую, как три государства будут вести борьбу против гитлеровских армий. Хотя до 31 июля о достигнутом соглашении не упоминалось — в этот день Чемберлен объявил о нем в палате общин, — немцы уже обо всем знали. 28 июля посол Германии 1 в Париже фон Вельчек сообщил по телеграфу в Берлин, что из "прекрасно информированного источника" ему стало известно о том, что Франция и Англия направляют в Москву военные миссии и что французскую миссию возглавляет генерал Думенк, которого он охарактеризовал как "очень способного офицера", в прошлом заместителя начальника штаба у генерала Вейгана {Вейган в состав миссии не входил. — Прим. гит. ред. }. В дополнительном послании спустя два дня немецкий посол высказал свое мнение о происходящем. Он полагал, что Париж и Лондон согласились на военные переговоры, с Москвой, видя в них последнее средство, способное продлить переговоры.

Это предположение имело под собой достаточно веское основание.

Из секретных документов британского Форин оффис известно, что политические переговоры в Москве в последнюю неделю июля зашли в тупик в основном из-за того, что стороны не смогли договориться о единой трактовке термина "косвенная агрессия". Для англичан и французов трактовка русских — довольно широкая — была неприемлема. При такой трактовке Советы могли оправдать интервенцию в Финляндию и Прибалтийские государства даже при отсутствии серьезной угрозы со стороны нацистов. Лондон на это не соглашался, хотя французы готовы были пойти на уступки.

Кроме того, русские настаивали на том, чтобы военное соглашение, досконально определяющее "методы, формы и размеры" военной помощи, которую три государства окажут друг другу, вступило в силу одновременно с договором о взаимопомощи. Западные державы были невысокого мнения о военной мощи России {Британское верховное командование, как впоследствии и немецкое командование, сильно недооценивало мощь Красной Армии. По большей части это произошло, вероятно, из-за докладов военных атташе, поступавших из Москвы. 6 марта, например, военный атташе Файрбрейс и военно-воздушный атташе Хэллауэлл в пространном докладе в Лондон писали, что, хотя Красная Армия и ВВС способны достаточно хорошо обороняться, вести серьезные

наступательные действия они не могут. Хэллауэлл полагал, что препятствием для советской авиации, так же как для армии, "будет отсутствие нормально функционирующих служб, равно как и действия противника". Файрбрейс находил, что чистка среди командного состава сильно ослабила Красную Армию, но отмечал, что "Красная Армия считает войну неизбежной и наверняка напряженно к ней готовится". — Прим. авт. } и пытались поколебать позиции Молотова. Они соглашались только на то, чтобы переговоры между представителями военных начались после подписания договора. Но русские были непреклонны. 17 июня англичане предложили пойти на компромисс: начать военные переговоры сразу, если Советский Союз не будет настаивать на одновременном подписании политического и военного договоров и согласится с английским определением "косвенной агрессии". Молотов ответил недвусмысленным отказом: пока французы и англичане не согласятся принять политический и военный договор в одном пакете, продолжать переговоры не имеет смысла. Угроза русских прервать переговоры вызвала переполох в Париже, где о советско-германском флирте знали больше, чем в Лондоне. Возможно, благодаря давлению французов английское правительство 23 июля неохотно согласилось на переговоры о заключении военной конвенции, хотя и не приняло русской трактовки "косвенной агрессии".

Чемберлен весьма прохладно относился к вопросу о военных переговорах {2 Стрэнг, прибывший в Москву для переговоров с Молотовым, относился к этому вопросу еще сдержаннее. "Это просто невероятно, — писал он 20 июля в Форин оффис, — что мы вынуждены разговаривать о военных тайнах с Советским правительством, даже не будучи уверенными в том, станет ли оно нашим союзником".

Взгляд русских на этот вопрос оказался прямо противоположным. Он был изложен Молотовым 27 июля членам англо-французской делегации "Очень важно было увидеть, сколько дивизий сможет выделить каждая сторона для общего дела и где эти дивизии будут размещены". Еще не связав себя политическими обязательствами, русские хотели знать, на какую военную помощь Запада они могут рассчитывать. — Прим. авт. }. 1 августа посол в Лондоне фон Дирксен сообщал в Берлин, что в английских правительственных кругах к ведущимся военным переговорам "относятся скептически".

"Об этом свидетельствует, — писал он, — состав английской военной миссии {В состав английской миссии входили адмирал сэр Реджинальд Дракс, который был комендантом военно-морской базы в Плимуте в 1935–1938 годах, маршал авиации сэр Чарльз Барнет и генерал-майор Хейвуд. —

Прим. авт. }: адмирал... практически находился в отставке и никогда не состоял в штате адмиралтейства; генерал — точно так же простой строевой офицер; генерал авиации — выдающийся летчик и преподаватель летного искусства, но не стратег. Это свидетельствует о том, что военная миссия скорее имеет своей задачей установить боеспособность Советской Армии, чем заключить оперативные соглашения".

В самом деле, английское правительство было настроено настолько скептически, что забыло дать адмиралу Драксу письменные полномочия на ведение переговоров, — недосмотр, если это был недосмотр, по поводу которого сокрушался маршал Ворошилов при первой встрече. Полномочия адмирала были подтверждены только 21 августа, когда в этом уже не было нужды.

Хотя у адмирала Дракса не было письменных полномочий, у него наверняка имелись тайные инструкции относительно того, какого курса придерживаться на переговорах в Москве. Много лет спустя из документов Форин оффис выяснилось, что предписывалось "продвигаться" с (военными) переговорами медленно, не упуская из вида развитие событий в области переговоров политических, пока не будет заключено политическое соглашение. Ему также объяснили, что до подписания политического договора не следует делиться с русскими секретной военной информацией.

Но политические переговоры застопорились 2 августа. Тогда Молотов ясно дал понять, что не согласится на их возобновление, пока не будет достигнут определенный прогресс на военных переговорах. Нетрудно сделать вывод, что правительство Чемберлена намеревалось тянуть время в деле выработки военных обязательств каждой страны в рамках предлагаемого договора о взаимопомощи {Вывод, к которому Арнольд Тойнби и его сотрудники приходят в книге "Канун войны", основан преимущественно на документах британского Форин оффис. — Прим. авт. }. Из документов британского министерства иностранных дел явствует, что к началу августа Чемберлен и Галифакс уже почти не надеялись достигнуть соглашения с Советским Союзом, чтобы остановить Гитлера, однако полагали, что, затягивая военные переговоры в Москве, они смогут какое-то время сдерживать немецкого диктатора и он в ближайшие четыре недели не сделает рокового шага к войне {16 августа маршал авиации сэр Чарльз Барнет писал из Москвы в Лондон: "Я понимаю, что политика правительства — это затягивание переговоров, насколько возможно, если не удастся подписать приемлемый договор". Сидс, британский посол: в Москве, телеграфировал в Лондон 24 июля, то есть на следующий день

после; того, как его правительство согласилось на военные переговоры: "Я не могу смотреть с оптимизмом на переговоры и не верю, что они быстро завершатся, но если их начать, сейчас, то это будет неплохой встряской для стран оси и стимулом для наших друзей. Но переговоры можно затягивать и, таким образом, пережить несколько тревожных месяцев". Учитывая, что англо-французская разведка знала о встречах Молотова; с немецким послом и о попытках Германии заинтересовать Россию новым разделом Польши — Кулондр еще 7 мая предупреждал Париж о скоплении немецких войск на польской границе и о намерениях Гитлера, — учитывая все это, трудно понять приверженность англичан политике затягивания переговоров в Москве. — Прим. авт. }.

В отличие от английской и французской военных миссий в состав русской миссии входили представители высшего генералитета: Народный комиссар обороны маршал Ворошилов, начальник Генерального штаба Красной Армии генерал Шапошников, главнокомандующие военноморским флотом и военно-воздушными силами. Русские ничего не могли поделать с англичанами, которые в июле отправили в Варшаву для переговоров с польским генштабом начальника генерального штаба генерала Эдмунда Айронсайда, а на переговоры в Москву послать офицера такого высокого ранга не посчитали нужным.

Нельзя сказать, что с отправкой англо-французской миссии в Москву очень торопились, ведь на самолете она могла бы добраться туда за один день, но миссия добиралась пароходом — медленным, грузопассажирским, который доставил ее в Россию за такое же время, за какое на "Куин Мэри" она могла бы добраться до Америки. В Ленинград миссия отплыла 5 августа, а в Москву прибыла только 11-го.

Но было уже поздно. Гитлер ее опередил.

Пока английские и французские военные ждали парохода на Ленинград, немцы действовали. День 3 августа стал решающим для Берлина и Москвы. В этот день министр иностранных дел Риббентроп, который обычно предоставлял рассылку телеграмм статс-секретарю Вайцзекеру, сам отправил Шуленбургу в Москву телеграмму с пометкой "срочно, совершенно секретно".

"Вчера я имел продолжительную беседу с Астаховым, содержание которой изложу в отдельной телеграмме.

Выразив желание немцев улучшить германо-русские отношения, я сказал, что на всем протяжении от Балтийского до Черного моря не существует таких проблем, которые мы не могли бы решить к взаимному удовлетворению. В ответ на пожелание Астахова перейти к переговорам по

конкретным вопросам ... я заявил, что готов к таким переговорам, если Советское правительство сообщит мне через Астахова, что оно также стремится к установлению германо-русских отношений на новой основе".

В министерстве иностранных дел знали, что в тот же день, но чуть позже, Шуленбург встречается с Молотовым. Через час после того, как была отправлена телеграмма Риббентропа, Вайцзекер направил телеграмму от себя, также помеченную грифом "срочно, совершенно секретно": "Ввиду сложившейся политической ситуации и в целях ускорения мы заинтересованы безотносительно к вашему сегодняшнему разговору с Молотовым продолжить беседы по более конкретным вопросам в Берлине во имя нормализации германо-советских отношений. С этой целью Шнурре сегодня же встретится с Астаховым и сообщит ему, что мы готовы продолжать беседы по конкретным вопросам".

Неожиданное желание Риббентропа вести переговоры по "конкретным вопросам", вероятно, удивило русских. По крайней мере, в телеграмме Шуленбургу, отправленной в 15. 47, он сообщал: "... Намекнул Астахову, что мы близки к тому, чтобы договориться с Россией о судьбе Польши". Министр подчеркивал, что сказал русскому поверенному: "... Мы не торопимся".

Это был блеф. И наблюдательный советский поверенный в делах во время встречи со Шнурре в министерстве иностранных дел в 12. 45 отметил, что тот, казалось, торопил события, тогда как министр иностранных дел Германии накануне "не проявлял такой спешки". Шнурре воспользовался ситуацией.

"Я сказал господину Астахову, — отмечал он в секретном меморандуме, — что, хотя министр иностранных дел накануне и не говорил о срочности, мы считаем, что это необходимо сделать в течение нескольких ближайших дней — продолжить беседы, чтобы заложить фундамент как можно быстрее".

Немцам необходимо было решить вопрос в течение ближайших дней. Астахов сообщил Шнурре, что получил "промежуточный ответ" от Молотова по поводу германских предложений. По большей части это был ответ отрицательный. По сообщению Астахова, Молотов заверял, что Москва также желает улучшения отношений, "но пока что неизвестно ничего конкретного о намерениях Германии".

Народный комиссар иностранных дел изложил свою точку зрения непосредственно Шуленбургу в тот же вечер. Посол доложил о беседе в телеграмме, отправленной после полуночи. Он сообщал, что во время беседы, длившейся час с четвертью, Молотов "отошел от своей обычно

сдержанной позиции и вел себя довольно открыто". Это бесспорно. Потому что после того, как Шуленбург еще раз изложил точку зрения Германии об отсутствии у двух стран противоречий и еще раз выразил пожелание достичь взаимопонимания, негибачый русский министр перечислил несколько действий рейха, враждебных Советскому Союзу: Антикоминтерновский пакт, поддержка Японии в ее антисоветской деятельности, невключение Советского Союза в число участников Мюнхенской конференции.

"Как согласуются утверждения о новой позиции Германии, — спрашивал Молотов, — с указанными тремя моментами? Пока что доказательств изменившейся точки зрения правительства Германии не существует".

Шуленбург, казалось, был немного обескуражен.

"У меня сложилось впечатление, — телеграфировал он в Берлин, — что Советское правительство в настоящее время намерено заключить соглашение с Англией и Францией, если они примут все требования Советов... Я уверен, что мои заявления произвели на Молотова впечатление, тем не менее с нашей стороны потребуются серьезные усилия, чтобы изменить курс Советского правительства".

Хотя ветеран дипломатической службы хорошо разбирался в делах Советского Союза, он явно переоценивал прогресс на переговорах Советского Союза с Англией и Францией. Не знал он и до каких пределов готов идти Берлин в "серьезных усилиях", которые, как он полагал, были необходимы, чтобы совершить поворот в политическом курсе советской дипломатии.

На Вильгельмштрассе зрела уверенность, что цель эта вполне достижима. Если удастся нейтрализовать Россию, то Англия и Франция не станут воевать за Польшу, а если и станут, их легко сдержать на западных рубежах, а за это время Польша будет уничтожена и немецкая армия сможет обрушить всю свою мощь на Запад.

Проницательный французский поверенный в делах в Берлине Жак Тарбе де Сэн-Хардуэн заметил перемену в атмосфере столицы Германии. 3 августа, когда была необычайно высока дипломатическая активность в Берлине и Москве, он докладывал в Париж: "В течение последней недели в политической атмосфере Берлина наблюдались определенные перемены... Период растерянности, колебаний, склонности к выжиданию и даже умиротворению, наблюдавшийся среди нацистской верхушки, перешел в новую фазу".

Колебания союзников Германии

Что касается союзников Германии — Италии и Венгрии, то к концу лета правительства в Будапеште и Риме все больше опасались, что их страны окажутся втянутыми Гитлером в войну на стороне Германии.

24 июля граф Телеки, премьер-министр Венгрии, направил одинаковые письма Гитлеру и Муссолини, в которых сообщал, что "в случае всеобщего конфликта Венгрия будет строить свою политику сообразно политике стран оси". Сделав такой шаг, он затем отступил. В тот же день он написал двум диктаторам еще одно письмо, в котором говорил: "... Во избежание неверного толкования моего письма от 24 июля я... повторяю, что Венгрия по моральным причинам не сможет предпринять вооруженные действия против Польши".

Второе письмо из Будапешта вызвало у Гитлера свойственный ему приступ ярости. Когда 8 августа он в присутствии Риббентропа принимал в Оберзальцберге министра иностранных дел Венгрии графа Чаки, то начал разговор с того, что он был шокирован письмом венгерского премьера. Согласно секретному меморандуму, составленному для министерства иностранных дел, он подчеркнул, что не ждал помощи ни от Венгрии, ни от какой-либо другой страны "в случае германо-польского конфликта". Письмо Телеки, по его словам, было "просто невыносимым". Потом он напомнил венгерскому гостю, что только благодаря щедрости Германии Венгрия смогла получить за счет Чехословакии такую большую территорию. Если Германия потерпит поражение в войне, заметил он, то "Венгрия будет уничтожена автоматически".

Этот секретный меморандум, оказавшийся в числе трофейных документов в руках союзников, отражает ход мысли Гитлера в тот роковой август. Польша, по его мнению, не представляла для Германии проблемы с военной точки зрения. Тем не менее он не забывал о возможности войны на два фронта. "Никакая сила в мире, — хвастался он, — не сможет преодолеть укрепления на западных границах Германии. В жизни меня еще никто не смог напугать, не напугает и Англия. Не будет у меня и нервного срыва, который все предсказывают". Что касается России:

"Советское правительство не станет воевать против нас... Советы не повторяют ошибки царского правительства и не станут лить потоки крови в угоду Англии. Они наверняка попытаются извлечь для себя выгоду за счет Прибалтийских государств или Польши, не прибегая при этом к боевым действиям".

Эта демагогия Гитлера так подействовала на графа Чаки, что в конце второй беседы, которая состоялась в тот же день, он попросил фюрера "относиться к двум письмам Телеки так, будто они вообще не были

написаны", и заверил, что о том же самом попросит Муссолини.

Уже несколько недель дуче беспокоился, что Гитлер втянет Италию в войну. Аттолико, его посол в Берлине, слал все более тревожные телеграммы о намерении Гитлера напасть на Польшу {Типичным можно назвать сообщение Аттолико о встрече с Риббентропом 6 июля. На этой встрече нацистский министр иностранных дел заявил, что если Польша осмелится напасть на Данциг, то Германия решит данцигский вопрос за сорок восемь часов (в Варшаве!). Если Франция вмешается в данцигский вопрос и начнет таким образом всеобщую войну, пусть ей же будет хуже. Германия только и ждет этого. Франция будет уничтожена. Если вмешается Англия, то это приведет к развалу Британской империи. Россия? Скоро будет подписан русско-германский договор и Россия не станет вмешиваться. Америка? Одной речи фюрера оказалось достаточно, чтобы поставить Рузвельта на место. Американцы в любом случае не станут вмешиваться. Сидеть спокойно их заставит страх перед Японией.

"Я с удивлением молча слушал, — писал Аттолико, — пока Риббентроп рисовал картину войны, угодной Германии, картину, которая крепко засела в его мозгу. Он не видит ничего, кроме своего удивительного плана, он уверен в победе Германии над кем угодно и где угодно... В конце беседы я заметил, что в моем понимании между фюрером и дуче, между Германией и Италией было достигнуто полное согласие по вопросу подготовки к войне, которая не может начаться немедленно".

Дальновидный Аттолико не верил в это. В течение июля он во всех посланиях предупреждал о неизбежности действий Германии против Польши. — Прим. авт. }. С первых чисел июня Муссолини настойчиво добивался новой встречи с Гитлером. В июле было назначено место и время встречи: на Бреннерском перевале 4 августа. 24 июля через Аттолико Муссолини представил Гитлеру перечень основных вопросов, о которых пойдет речь. Если фюрер считает войну "неизбежной", то Италия будет стоять плечом к плечу с Германией. Но дуче напоминал ему, что война с Польшей не останется локальной, а перерастет в европейский конфликт. Муссолини не считал, что это самое удачное время для стран оси, чтобы начать такую войну. Взамен он предлагал "конструктивную миролюбивую политику в течение нескольких лет", за которые Германия решит свои проблемы с Польшей, а Италия дипломатическим путем свои проблемы с Францией. Он даже шел дальше: предлагал созвать еще одну международную конференцию великих держав.

Реакция фюрера, как отметил в своем дневнике 26 июля Чиано, была неблагоприятной, поэтому Муссолини решил, что встречу с ним

целесообразнее отложить. Вместо нее 7 августа он предложил немедленно созвать встречу министров иностранных дел двух стран. Записи в дневнике Чиано, относящиеся к этому периоду, передают растущее беспокойство в Риме. 6 августа он записал:

"Нам нужно найти какой-то выход. Если мы последуем за немцами, то ввяжемся в войну при самых неблагоприятных для стран оси, особенно для Италии, обстоятельствах. Наш золотой запас сократился почти до нуля, так же как и наши запасы металла... Нам необходимо избежать войны. Я предложил дуче, чтобы я встретился с Риббентропом... Во время этой встречи я попытаюсь развить мысль Муссолини о созыве всемирной конференции".

Запись от 9 августа:

"Риббентроп поддерживает идею нашей встречи. Завтра вечером я намерен выехать на встречу с ним в Зальцбург. Дуче хочет, чтобы я документально доказал немцам, что начать войну сейчас было бы ошибкой".

10 августа:

"Дуче, как никогда, уверен в том, что конфликт необходимо отложить. Он сам разработал план выступления на встрече в Зальцбурге, который заканчивается ссылкой на международные переговоры, имеющие целью решить проблемы, так будоражащие Европу.

Перед отъездом он советует мне откровенно заявить немцам, что мы должны избежать конфликта с Польшей, так как не будет возможности его локализовать, а всеобщая война обернется катастрофой для всех".

Вооруженный такими рекомендациями — похвальными, но при сложившихся обстоятельствах наивными, — молодой фашистский министр иностранных дел отправился в Германию, где 11, 12 и 13 августа Риббентроп и Гитлер удивили его так, как никто в жизни.

Чиано в Зальцбурге и Оберзальцберге; 11, 12, 13 августа

Почти десять часов длилась встреча Чиано с Риббентропом 11 августа. Она проходила в имении Риббентропа Фушль, расположенном в пригороде Зальцбурга. Немецкий министр иностранных дел позаимствовал его у австрийского монархиста, причем хозяина как нельзя более кстати переправили в концентрационный лагерь. Темпераментному итальянцу атмосфера, как он писал позднее, показалась холодной и мрачной. Во время обеда министры не сказали друг другу ни слова. В этом, собственно, не было нужды. Еще раньше Риббентроп сообщил своему гостю, что решение напасть на Польшу непоколебимо.

"Хорошо, Риббентроп, — так, по словам Чиано, сказал он. — Что же

вам нужно — Данциг или коридор? " "Уже ни то, ни другое, — ответил Риббентроп, глядя на него холодными, отливающими металлом глазами. — Нам нужна война! "

Возражения Чиано, что польский конфликт невозможно будет локализовать, что если напасть на Польшу, то в войну вступят западные державы, решительно отклонялись. Четыре года спустя, в 1943 году, в канун рождества, лежа в тюремной камере э 27 в Вероне в ожидании казни, к которой привели его подстрекательства немцев, Чиано вспоминал холодный день 11 августа и имение Фушль близ Зальцбурга. В своей последней дневниковой записи от 23 декабря 1943 года он отмечал, что Риббентроп "во время одного из обедов, проходившего в мрачной атмосфере Зальцбурга", предложил ему пари: он ставил коллекцию старинного немецкого оружия против старой итальянской картины, что Франция и Англия сохраняют нейтралитет. И далее Чиано сокрушенно замечает, что своего проигрыша он так и не заплатил.

Чиано переехал в Оберзальцберг, где Гитлер в течение 12 и 13 августа распространялся по поводу того, что Англия и Франция в войну не вступят. В отличие от министра иностранных дел Гитлер старался казаться сердечным и добродушным, но был также непреклонен. О его настроении можно судить не только по дневнику Чиано, но и по записи беседы, которую обнаружили среди трофейных документов.

Когда итальянский министр вошел, Гитлер стоял возле большого стола с военными картами. Он начал с того, что рассказал о мощи немецкого Западного вала. По его словам, вал был непреодолим. К тому же, добавил он пренебрежительно, Англия сможет переправить во Францию лишь три дивизии. Конечно, у Франции сил больше, но с Польшей будет покончено в очень сжатые сроки и Германия сможет сконцентрировать на Западе сто дивизий для "борьбы не на жизнь, а на смерть".

А начнется ли борьба? Некоторое время спустя Гитлер, раздраженный реакцией Чиано, стал противоречить самому себе. Итальянский министр, как и намеревался, высказал Гитлеру все. Согласно немецкой записи, он выразил "крайнее удивление Италии по поводу возникновения такой сложной ситуации". Он пожаловался, что Германия ничего не сообщила своей союзнице, "напротив, министр иностранных дел рейха утверждал в Милане и в Берлине в мае, что вопрос с Данцигом будет решен в свое время". Когда Чиано заявил, что конфликт с Польшей выльется в европейскую войну, хозяин перебил его: "Лично я абсолютно убежден в том, что западные демократии в любом случае воздержатся от развязывания всеобщей войны". На это Чиано, согласно немецким

документам, возразил, что он "надеется, что фюрер окажется прав, но вряд ли так будет". Затем итальянский министр иностранных дел обстоятельно обрисовал слабость Италии. После этого скорбного повествования, как записано в немецких документах, Гитлер, должно быть, окончательно убедился, что в приближающейся войне от Италии ждать большой помощи не придется {Риббентроп вдруг раздраженно сказал Чиано: "Вы нам не нужны! " "Время покажет", — ответил Чиано. (Из неопубликованных дневников генерала Гальдера, запись от 14 августа. Гальдер пишет, что узнал об этом от Вайцзекера.) — Прим. авт. }. Чиано уверял, что одной из причин, по которой Муссолини стремится отсрочить войну, является Всемирная выставка, которая по плану должна состояться в 1942 году в Италии и которой дуче придавал большое значение. Это высказывание поразило Гитлера, все мысли которого были заняты военными картами и расчетами. Вероятно, не меньше поразила его наивность Чиано, предложившего текст коммюнике и потребовавшего его немедленного опубликования. В коммюнике говорилось, что на встрече министров стран оси "нашли свое подтверждение миролюбивые устремления их правительств" и их уверенность в том, что мир может быть сохранен "путем дипломатических переговоров". Чиано объяснил, что дуче имел в виду созыв мирной конференции с участием ведущих европейских держав, но, принимая во внимание опасения фюрера, он готов согласиться на очные дипломатические переговоры.

В первый день Гитлер не отверг окончательно идею созыва конференции, но предупредил Чиано, что "Россию более нельзя исключать из числа участников будущей встречи". Это было первое упоминание о Советском Союзе, но не последнее.

Потом Чиано попытался узнать у хозяина точную дату нападения на Польшу. Гитлер ответил, что опасается осенней распутицы, которая не позволит использовать танковые и моторизованные соединения в стране, где всего две-три мощные дороги, поэтому урегулирование польского вопроса должно так или иначе состояться в конце августа.

Наконец-то Чиано узнал дату нападения на Польшу. По крайней мере, самый поздний срок, так как через минуту Гитлер уже бушевал, что если поляки будут устраивать новые провокации, то он не преминет напасть на них "в течение сорока восьми часов". В общем, добавил он, "начала действий против Польши можно ожидать в любой момент". Этой вспышкой и завершился первый день встречи. Правда, Гитлер обещал подумать над предложениями итальянцев.

Обдумав их в течение суток, он заявил Чиано, что лучше никакого

коммюнике по встрече не публиковать {Хотя в немецких документах ясно сказано, что Чиано договорился с Гитлером не публиковать "никакого коммюнике" после завершения переговоров, немцы не преминули обмануть своего итальянского союзника. Официальное информационное агентство Германии ДНБ опубликовало коммюнике через два часа после отъезда Чиано, не проводя никаких консультаций с итальянцами. В коммюнике говорилось, что в ходе переговоров были затронуты все злободневные проблемы, в частности проблема Данцига, и что по всем вопросам было достигнуто "стопроцентное" понимание. Более того, в коммюнике сообщалось, что не остался не рассмотренным ни один вопрос и что в будущем встреч не намечается, так как для этого нет необходимости. Аттолико был вне себя. Он заявил немцам протест, обвиняя их в нечестной игре. Он намекнул Гендерсону, что война неизбежна. В своем сердитом послании в Рим он говорил о немецком коммюнике как о документе, составленном "в духе Макиавелли", с помощью которого Германия намерена привязать к себе Италию после того, как сама нападет на Польшу. Он заклинал Муссолини проявить твердость и требовать от Гитлера соблюдения пункта Стального пакта о консультациях и настаивать при этом на месячной отсрочке, за время которой вопрос о Данциге можно будет решить дипломатическим путем. — Прим. авт. }. Ввиду того что погода осенью ожидается плохая, сейчас очень важно: во-первых, чтобы в течение самого короткого времени Польша ясно изложила свои намерения, и во-вторых, Германия не станет больше терпеть никаких провокаций.

Когда Чиано спросил, что стоит за словами "самое короткое время", Гитлер ответил: "Самое позднее — в конце августа". Для того чтобы победить Польшу, объяснял он, потребуется не больше двух недель, для окончательного уничтожения — еще недели три-четыре. Впоследствии выяснилось, что прогноз был абсолютно точен.

В конце беседы Гитлер по традиции произнес льстивые слова в адрес Муссолини, на которого, как, должно быть, убедил его Чиано, он не может больше рассчитывать. Однако он, Гитлер, счастлив, потому что живет в такое время, когда, кроме него самого, есть еще один государственный деятель, который войдет в историю как уникальная личность. Он просто счастлив, что может быть другом такого человека. Когда пробьет час всеобщей битвы, он будет рядом с дуче, что бы ни случилось.

Эти слова, вероятно, подействовали бы на Муссолини, но на его зятя они не подействовали. "Я вернулся в Рим, — записал Чиано в своем дневнике 13 августа, — с чувством отвращения к немцам, к их вождю и к тому, что и как они делают. Они предали нас и обманули. Теперь они хотят

втянуть нас в авантюру, которая нам совершенно не нужна, которая может скомпрометировать режим и страну в целом".

Но Италия в данный момент волновала Гитлера меньше всего. Все его мысли были прикованы к России. 12 августа, когда встреча с Чиано подходила к концу, Гитлеру вручили "телеграмму из Москвы" — так это называется в немецких документах. Беседа была на время прервана, чтобы Гитлер и Риббентроп изучили телеграмму. Потом они сообщили Чиано ее содержание.

"Русские, — сказал Гитлер, — согласны принять в Москве представителя Германии для ведения политических переговоров".

Часть 15. Германо-Советский пакт

"Телеграмма из Москвы", о содержании которой Гитлер рассказал Чиано 12 августа в Оберзальцберге, имела, как и многие другие "телеграммы", о которых рассказывалось в этой книге, весьма сомнительное происхождение. Такая телеграмма из Москвы не была найдена в немецких архивах. Шуленбург действительно послал 12 августа телеграмму из Москвы, но в ней сообщалось только о прибытии в русскую столицу англо-французской военной миссии и о тостах, которыми обменялись русские и их гости.

И все-таки у Гитлера и Риббентропа были основания произвести "телеграммой" впечатление на Чиано. 12 августа с Вильгельмштрассе в Оберзальцберг по телетайпу было направлено сообщение о результатах встречи русского поверенного в делах и Шнурре, которая состоялась в тот же день в Берлине. Астахов сообщил министерству иностранных дел, что Молотов готов приступить к обсуждению вопросов, предложенных немцами, в том числе вопроса о Польше. Советское правительство предложило провести переговоры в Москве. Однако Астахов дал понять, что форсировать переговоры не следует. Он отметил, сообщал Шнурре в своем докладе, который, вероятно, был немедленно передан в Оберзальцберг, что "основной упор в инструкциях Молотова был сделан на слове "постепенно"... Обсуждения должны проходить постепенно".

Но Адольф Гитлер не мог ждать "постепенных" переговоров с Россией. Он только что сообщил Чиано, что самый поздний срок нападения на Польшу — 1 сентября, а была уже середина августа. Если добиваться срыва военных переговоров русских с англо-францу-зами и заключения сделки со Сталиным, то делать это нужно быстро: не постепенно, а одним большим скачком.

Понедельник 14 августа стал еще одним поворотным днем. В то время как посол Шуленбург, которому Гитлер и Риббентроп полностью не доверяли, сообщал в Берлин Вайцзекеру: Молотов — "странный человек с трудным характером", "я до сих пор придерживаюсь мнения, что в наших отношениях с Советским Союзом следует избегать поспешных шагов", ему несли "необычайно срочную" телеграмму из Берлина. Телеграмма была послана с Вильгельмштрассе, но подписана Риббентропом, хотя министр все еще находился в Фушле. Это произошло в 22. 53 14 августа. В телеграмме послу предписывалось пойти к Молотову и зачитать ему

длинное сообщение "дословно".

В послании Гитлер устанавливал наконец свою огромную цену. Германо-русские отношения, писал Риббентроп, "подшли к историческому поворотному моменту... Не существует противоречий в интересах Германии и России... История отношений между двумя странами показывает, что нам лучше быть друзьями, а не врагами".

"Кризис германо-польских отношений, спровоцированный политикой Англии, — продолжал Риббентроп, — и попытки организации союза на основе этой политики делают желательным скорейшее выяснение германо-русских отношений. В противном случае... дела могут принять такой оборот, что оба правительства лишатся возможности восстановить германо-советскую дружбу и совместно разрешить территориальные вопросы, связанные с Восточной Европой. Правительства обеих стран не должны выпускать сложившуюся ситуацию из-под контроля и обязаны предпринять своевременные меры. Будет фатальной ошибкой, если вследствие незнания взглядов и намерений друг друга два народа не договорятся".

Министр иностранных дел Германии был готов к своевременным действиям "от имени фюрера".

"Как нам стало известно. Советское правительство также ратует за выяснение германо-русских отношений. Поскольку из предыдущего опыта известно, что такое выяснение может быть достигнуто постепенно посредством обычных дипломатических каналов, я готов прибыть с кратким визитом в Москву, чтобы от имени фюрера изложить его взгляды господину Сталину. По моему мнению, только посредством такого прямого обсуждения можно достигнуть перемен и тем самым заложить фундамент для окончательного урегулирования германо-русских отношений".

Британский министр иностранных дел не изъявлял горячего желания ехать в Москву, а его немецкий коллега не просто выражал желание, но стремился туда поехать — контраст, который, как точно рассчитали нацисты, должен был произвести впечатление на недоверчивого Сталина. Немцы полагали крайне важным, чтобы их идеи были доложены русскому диктатору лично. В связи с этим Риббентроп добавил к срочной телеграмме "приложение".

"Я прошу Вас не вручать этих инструкций господину Молотову в письменном виде, а зачитать их ему. Я считаю важным, чтобы они дошли до господина Сталина в как можно более точном виде, и я уполномочиваю Вас в то же самое время просить от моего имени господина Молотова об аудиенции с господином Сталиным, чтобы вы могли передать это важное сообщение еще и непосредственно ему. В дополнение к беседе с

Молотовым условием моего визита являются широкие переговоры со Сталиным".

В предложении министра иностранных дел была замаскирована приманка. Немцы не без оснований полагали, что Кремль на эту приманку клюнет. Говоря о том, что "нет проблемы от Балтийского до Черного моря, которая не могла бы быть решена к взаимному удовлетворению сторон", Риббентроп выделял Прибалтийские государства, Польшу, юго-восточный вопрос и т. д. А кроме того, не забывал упомянуть о необходимости "совместного разрешения территориальных вопросов, связанных с Восточной Европой".

Германия была готова разделить Восточную Европу с Советским Союзом. Англия и Франция не могли ответить равноценным предложением, даже если бы и хотели. Сделав это предложение, Гитлер, уверенный, очевидно, в том, что оно не будет отвергнуто, в тот же день, 14 августа, еще раз собрал командующих видами вооруженных сил, чтобы поведать им о планах и перспективах будущей войны.

Военная конференция в Оберзальцберге: 14 августа

{Единственным источником, сообщающим, что же все-таки происходило на этом совещании, является дневник генерала Гальдера, начальника генерального штаба сухопутных войск. Первая запись в нем сделана 14 августа 1939 года. Гальдер делал записи в дневнике пос р

Что касается совещания в Оберзальцберге, то в записных книжках Гитлера подтверждается дата его проведения. Из них также следует, что на совещании кроме главнокомандующих Браухича, Геринга и Редера присутствовал доктор Тодт, инженер, соорудивший Западный вал. — Прим. авт. }

"Величайшая драма, — сказал Гитлер своим слушателям, — приближается к кульминации". Для достижения политических и военных успехов необходимо пойти на риск. Он уверен, что Англия и Франция воевать не будут. Во-первых, в Англии "нет лидера настоящего калибра. Те люди, которых я видел в Мюнхене, не из тех, кто способен начать новую мировую войну". Как и во время предыдущих совещаний с генералами, Гитлер не мог не думать об Англии. Он обстоятельно рассказал о сильных и слабых ее сторонах, особенно о слабых.

В отличие от 1914 года, по словам Гитлера, записанным Гальдером, Англия не позволит себе участвовать в войне, которая продлится годы... Это удел богатых стран... Даже у Англии сегодня нет денег, чтобы вести мировую войну. За что же воевать Англии? Ради союзника умирать никто не захочет.

Задаваясь вопросом, какие военные меры могут предпринять Англия и Франция, Гитлер отвечал следующим образом:

"Наступление на Западный вал мало вероятно. Бросок на север через Бельгию и Голландию не принесет скорой победы. Ни то ни другое не поможет полякам.

Все эти факты говорят за то, что Англия и Франция в войну не вступят... Нет ничего, что может заставить их вступить в эту войну. Те, кто был в Мюнхене, просто побоятся рисковать... Английский и французский генеральный штабы довольно трезво оценивают перспективы военного конфликта и высказываются против него...

Все это укрепляет нас в убеждении, что Англия может угрожать на словах, даже может отозвать своего посла или наложить эмбарго на торговлю, но она никогда не склонится к участию в вооруженном конфликте".

Затем Гитлер объяснил, что, хотя предстоит сражаться только с Польшей, ее надо разгромить "в течение одной-двух недель", так, чтобы весь мир понял, что с ней покончено, и не пытался помогать ей.

В тот день Гитлер не был готов сообщить своим генералам, насколько далеко он зашел в переговорах с Россией, хотя генералы восприняли бы это с удовлетворением, так как были убеждены, что Германия не может вести большую войну на два фронта. Но Гитлер сказал вполне достаточно, чтобы у них разыгрался аппетит.

"Россия, — говорил фюрер, — ни в коей мере не расположена таскать для кого-то каштаны из огня". Он объяснил систему контактов с Москвой, сложившуюся после начала торговых переговоров. Теперь он рассуждал, "нужно ли посылать в Москву человека для ведения переговоров и должен ли этот человек быть влиятельным". Далее он заявил, что Россия, не связанная никакими обязательствами с Западом, осознала необходимость уничтожения Польши. Она заинтересована в "разграничении сфер влияния", а он, фюрер, "готов пойти на компромисс".

В длинной стенограмме, сделанной на встрече Гальдером, нет ни единого упоминания о том, что он, начальник генерального штаба сухопутных войск, или генерал Браухич, главнокомандующий сухопутными войсками, или Геринг подвергли сомнению курс Гитлера, который вел Германию к европейскому конфликту. Хотя Гитлер был уверен, что Англия и Франция не примут участия в войне, а Россия останется нейтральной, Геринг всего за неделю до этого получил прямое предупреждение, что в случае нападения Германии на Польшу Англия несомненно будет воевать.

Еще в июле друг Геринга, швед Биргер Далерус, пытался убедить его, что общественное мнение Англии не смирится с распространением нацистской агрессии. Шеф люфтваффе усомнился в этом, и тогда Далерус организовал 7 августа у себя дома в Шлезвиг-Гольштейне, неподалеку от датской границы, встречу Геринга с семьей английскими бизнесменами. Британские бизнесмены в устной форме и в письменном меморандуме изо всех сил старались убедить Геринга в том, что в случае нападения Германии на Польшу Англия останется верна союзническим обязательствам. Мало вероятно, что их попытки увенчались успехом, но Далерус, сам бизнесмен, был склонен считать, что увенчались {19 марта 1946 года Далерус выступал в Нюрнберге свидетелем по делу Геринга. Он рассказал, что фельдмаршал давал английским бизнесменам честное слово всеми силами стараться избежать войны. Однако точнее его настроения отразились в высказывании, сделанном два дня спустя после встречи с англичанами. Хвастаясь мощью люфтваффе, он говорил: "На Рур не упадет ни одна бомба! Если вражеский бомбардировщик долетит до Рура, то я — не Герман Геринг! " В своем хвастовстве ему вскоре пришлось раскаться. — Прим. авт. }. Этот швед вообще был интересной личностью. В течение нескольких следующих суматошных недель он выступил в роли миротворца между Германией и Англией. У него несомненно были солидные связи в Лондоне и Берлине. Он был вхож на Даунинг-стрит, где 20 июля его принял лорд Галифакс, чтобы обсудить предстоящую встречу английских бизнесменов с Герингом. Вскоре его приняли Гитлер и Чемберлен. Несмотря на благородные стремления сохранить мир, он был весьма наивен, а как дипломат в высшей степени некомпетентен. Через много лет на Нюрнбергском процессе при допросе, который вел сэр Дэвил Максвелл-Файф, шведский дипломат-любитель был вынужден с горечью признать, что Гитлер и Геринг его жестоко обманули.

Почему же генерал Гальдер, который одиннадцать месяцев назад возглавил заговор, имевший целью свергнуть Гитлера, не выступил 14 августа против него, хотя он намеревался начать войну? Или, если он считал такое выступление бесполезным, почему он не организовал заговор против диктатора по той же причине, что и накануне Мюнхена, ведь война в настоящее время грозила обернуться для Германии катастрофой? Гораздо позднее, на допросе в Нюрнберге, Гальдер объяснил, что даже в середине августа 1939 года он все еще не верил, будто Гитлер рискнет начать войну, несмотря на все, что он говорил. Запись, сделанная Гальдером в дневнике 15 августа, то есть на следующий день после совещания, гласит, что он также не верил в то, что Франция и Англия решатся воевать.

Что касается Браухича, то это был не тот человек, который мог поставить под сомнение планы Гитлера. Хассель, 15 августа узнав от Гизевиуса о военном совещании в Оберзальцберге, заявил командующему сухопутными войсками, что он "абсолютно уверен": Англия и Франция вмешаются, если Германия нападет на Польшу. "С ним ничего нельзя поделать, — с грустью отмечал Хассель в своем дневнике. — Он боится или не понимает, о чем идет речь... На генералов надеяться не стоит... Лишь некоторые из них сохранили ясные головы — это Гальдер, Канарис, Томас".

Только генерал Томас, блестящий начальник отдела экономики и вооружения ОКВ, осмелился открыто возразить фюреру. Через несколько дней после совещания 14 августа он вместе с бывшими участниками заговора — Герделером, Беком и Шахтом составил меморандум, который лично зачитал шефу ОКВ генералу Кейтелю. "Скоротечная война и скоротечный мир, — писал он, — полнейшая иллюзия. Нападение на Польшу приведет к мировой войне, для ведения которой Германия не имеет ни сырья, ни продовольствия". Но Кейтель, в голове которого роились лишь мысли, заимствованные у Гитлера, отмел саму идею продолжительной войны. Англичане — декаденты, французы — дегенераты, у американцев в этом деле нет никакой заинтересованности. Никто из них за Польшу воевать не будет.

Итак, во второй половине августа 1939 года немецкие военачальники с лихорадочной поспешностью планировали уничтожение Польши и защиту западных границ рейха в случае, если западные державы вопреки ожиданиям вступят в войну. 15 августа секретным распоряжением был отменен ежегодный партийный съезд в Нюрнберге, который должен был открыться в первых числах сентября и который Гитлер 1 апреля назвал "съездом мира". Четверть миллиона человек были призваны в армии, которым предстояло развернуться на западных границах. Мобилизованные приказы были разосланы по железным дорогам. Разрабатывались планы, согласно которым штабу сухопутных войск предстояло передислоцироваться в Цоссен, к востоку от Берлина. В тот же день, 15 августа, ВМС доложили, что карманные линкоры "Граф Шпее" и "Дойчланд", а также 21 подводная лодка готовы к действиям в Атлантическом океане.

17 августа генерал Гальдер сделал в своем дневнике странную запись: "Канарис сверил с первым управлением (оперативным). Гиммлер, Гейдрих, Оберзальцберг: 150 комплектов польской военной формы и снаряжения для Верхней Силезии".

Что бы это значило? Только после окончания войны выяснилось, что запись относилась к одному из самых тщательно спланированных инцидентов, которые когда-либо организовывали нацисты. Подобно тому как Гитлеру и его генералам были необходимы такие, например, "инциденты", как убийство немецкого посла, чтобы оправдать вторжение в Австрию и Чехословакию, так и теперь, когда времени оставалось совсем немного, они должны были устроить инцидент, который оправдал бы в глазах мировой общественности их нападение на Польшу.

Этой инсинуации было дано кодовое название "Операция "Гиммлер". Идея ее была груба и примитивна. СС и гестапо должны были организовать "нападение" на немецкую радиостанцию в Глейвице, неподалеку от польской границы. С этой целью предполагалось использовать заключенных концлагеря, переодетых в польскую военную форму. Тогда Польшу можно будет обвинить в нападении на Германию. Еще в начале августа адмирал Канарис, шеф абвера, получил личный приказ Гитлера доставить Гиммлеру и Гейдриху 150 комплектов польской военной формы и стрелковое оружие польского образца. Задание несколько удивило его, и 17 августа он спросил о нем у генерала Кейтеля. Шеф ОКВ стал уверять, что он плохо относится к делам "подобного рода", однако при этом заметил, что "делать нечего", ведь приказ исходит от самого фюрера. Канарис, испытывая чувство отвращения, подчинился приказу и доставил форму Гейдриху.

Руководство операцией шеф СД возложил на молодого, но уже опытного в тайных делах эсэсовца по имени Альфред Гельмут Нау-йокс. Для него это было не первое задание подобного рода. Не первое и не последнее. Еще в марте 1939 года Науйокс по поручению Гейдриха занимался доставкой взрывчатки в Словакию, где, согласно его собственным показаниям, данным позднее, она использовалась для "организации инцидентов".

Альфред Науйокс был типичным продуктом СС и гестапо — этакий интеллектуальный гангстер. Он учился на инженера в Кильском университете, где впервые приобщился к борьбе с антинацистами. Однажды в драке коммунисты сломали ему нос. В 1931 году он поступил на службу в СС, а со дня основания СД в 1934 году работал там. Как многие другие молодые люди из окружения Гейдриха, он старался выглядеть интеллектуалом, увлекался историей и философией, одновременно превращаясь в головореза (Скорцени был точно таким же), которому поручали выполнение наименее "грязных" дел, спланированных Гиммлером и Гейдрихом {Науйокс был участником "инцидента Венло", о

котором речь пойдет дальше. Он принимал участие в операции по переодеванию немецких солдат в голландскую и бельгийскую военную форму, когда в мае 1940 года осуществлялось вторжение на Запад. В начале войны он руководил отделом СД, который занимался изготовлением фальшивых паспортов. Тогда же он предложил провести операцию "Бернхард" — фантастический план, заключавшийся в том, чтобы наводнить Англию фальшивыми банкнотами. Гейдриху он в конце концов надоел, и тот отправил его в полк СС, дислоцированный в России. Там он был ранен. В 1944 году Науйокс объявился в Дании в качестве экономиста-администратора, на самом же деле его работа заключалась в расправе над участниками датского Сопротивления. Он сдался американцам, чтобы спасти свою шкуру. Как военнопленный содержался в специальном лагере в Германии, но в 1946 году сбежал при невыясненных обстоятельствах и избежал суда. — Прим. авт. }. 19 октября 1944 года Науйокс сдался американцам и через год на Нюрнбергском процессе дал ценные показания, в том числе рассказал правду об "инциденте", которым Гитлер воспользовался, чтобы оправдать нападение на Польшу.

"Приблизительно 10 августа 1939 года шеф СД Гейдрих приказал мне лично организовать ложное нападение на немецкую радиостанцию в районе Глейвица, неподалеку от польской границы, — писал Науйокс в своих показаниях, датированных 20 ноября 1945 года. — Предстояло подстроить все так, чтобы нападавших потом можно было выдать за поляков. Гейдрих сказал: "Нужны практические доказательства нападения поляков. Это потребуется для зарубежной прессы и немецкой пропаганды..."

Мне предписывалось захватить радиостанцию и удерживать ее достаточно долго, чтобы немец, говорящий по-польски, — а такой у меня в группе был — мог выйти в эфир с речью на польском языке. Гейдрих сказал мне, что в речи должно быть утверждение, что настало время для конфликта между немцами и поляками... Гейдрих сказал также, что ожидает нападения Польши на Германию в ближайшие дни.

Я приехал в Глейвиц и прождал там две недели... Между 25 и 31 августа я встретился с Генрихом Мюллером, шефом гестапо, который находился тогда в Оппельне, неподалеку от нас. В моем присутствии Мюллер обсуждал с неким Мельхорном {Оберфюрер СС доктор Мельхорн, сотрудник Гейдриха. Шелленберг в своих мемуарах вспоминает, как 26 августа Мельхорн сказал, что ему поручено подстроить нападение в Глейвице, но он не захотел участвовать в этом деле, симулировав болезнь. С годами его нервная система "окрепла", и во время войны он

зарекомендовал себя как один из главных подстрекателей гестаповского террора в Польше. — Прим. авт. } план пограничного инцидента, смысл которого состоял в том, чтобы инсценировать нападение поляков на немцев... Мюллер сказал также, что направит в мое распоряжение человек 12–13 уголовников, которых переоденут в польскую военную форму; этих людей следует убить и оставить на месте инцидента, чтобы создавалось впечатление, будто они убиты во время нападения. Для верности врач, присланный Гейдрихом, заранее сделает им смертельные инъекции, а уж потом нам предстояло изрешетить их пулями. По окончании операции Мюллер намеревался собрать на месте происшествия представителей прессы и свидетелей...

Мюллер сказал мне, что по приказу Гейдриха одного из этих преступников он передаст мне, чтобы я мог использовать его в Глейвице. Этих преступников мы условились называть "консервами".

Пока Гиммлер, Гейдрих и Мюллер по приказу Гитлера обдумывали, как лучше использовать "консервы", чтобы сфабриковать доказательства, подтверждающие агрессивные действия Польши против Германии, Гитлер сделал первый решительный шаг по развертыванию вооруженных сил для широкомасштабной войны. 19 августа — еще один роковой день — был издан приказ по ВМС Германии. Двадцать одна подводная лодка была сосредоточена на позиции севернее и северо-западнее Британских островов. Карманный линкор "Граф Шпее" получил приказ направиться к побережью Бразилии, а его близнец линкор "Дойчланд" — курсировать в районе морских путей английских судов в Северной Атлантике {Подводные лодки отплыли в период с 19 по 23 августа, "Граф Шпее" — 21 августа, а "Дойчланд" — 24 августа. — Прим. авт. }.

Очень важна дата, когда был отдан приказ на выход военных кораблей в предвидении возможной войны с Англией. Именно 19 августа, после недели призывов из Берлина, Советское правительство дало Гитлеру ожидаемый им ответ.

Германо-советские переговоры: 15–21 августа 1939 года

Посол Шуленбург встретился с Молотовым 15 августа в 20. 00, зачитал, как было приказано, срочную телеграмму Риббентропа и сказал, что министр иностранных дел рейха готов прибыть в Москву для урегулирования советско-германских отношений. Как докладывал в тот же вечер в "сверхсрочной секретной" телеграмме в Берлин посол, советский комиссар иностранных дел выслушал информацию "с величайшим интересом" и "тепло приветствовал намерения Германии улучшить отношения с Советским Союзом". При этом искусный дипломат Молотов

не подал виду, что дело это срочное. Визит, о котором упомянул Риббентроп, сказал он, "требуется соответствующей подготовки, чтобы обмен мнениями оказался результативным".

Насколько результативным? Хитрый русский ограничился намеками: не заинтересует ли Германию пакт о ненападении между двумя странами, не сможет ли Германия использовать свое влияние на Японию для улучшения советско-японских отношений и "прекращения пограничных конфликтов" — речь шла о необъявленной войне, которая в течение всего лета велась на границе Монголии и Маньчжурии. Под конец Молотов спросил, как относится Германия к совместным гарантиям Прибалтийским государствам.

Все эти вопросы, сказал он в заключение, "необходимо обсудить конкретно, чтобы в случае приезда сюда германского министра иностранных дел речь шла не об обмене мнениями, а о принятии конкретных решений". И он опять подчеркнул, что "соответствующая подготовка этих вопросов совершенно необходима".

Итак, предложение о германо-советском пакте о ненападении исходило от русских — в то самое время, когда они вели переговоры с Францией и Англией о том, вступят ли они в войну с Германией для предотвращения дальнейшей агрессии {Английское правительство вскоре узнало об этом 17 августа Самнер Уэллес, заместитель госсекретаря США, сообщил английскому послу в Вашингтоне о предложениях, сделанных Молотовым Шуленбургу Американский посол в Москве передал их телеграммой в Вашингтон накануне, и они были абсолютно точны. Посол Штейнгардт встретился с Молотовым 16 августа. — Прим. авт. }. Гитлер более чем горячо желал обсудить пакт "конкретно", поскольку, если такой пакт будет заключен, Россия не вступит в войну и он сможет напасть на Польшу, не опасаясь вмешательства с ее стороны. А если Россия не будет участвовать в конфликте, то Англия и Франция тоже не рискнут вмешаться — в этом он был убежден.

Молотов предлагал как раз то, что требовалось Гитлеру. Он даже предлагал то, что сам Гитлер предлагать не осмеливался. Возникла только одна трудность. Август близился к концу, а Гитлер не мог принять тех темпов, которые предлагал Молотов, говоря о "соответствующей подготовке" визита министра иностранных дел в Москву. Доклад Шуленбурга о встрече с Молотовым был передан по телефону с Вильгельмштрассе в Фушль Риббентропу в 6. 40 утра 16 августа. Риббентроп сразу поспешил в Оберзальцберг к фюреру за дальнейшими инструкциями. Пополудни они уже составили ответ Молотову, который по

телетайпу был передан Вайцзекеру в Берлин с указанием отправить его в Москву "самым срочным образом".

Нацистский диктатор безоговорочно принял советские предложения. Риббентроп приказывал Шуленбургу немедленно встретиться с Молотовым и сообщить ему, что Германия готова заключить с Советским Союзом пакт о ненападении, если желает Советское правительство, не подлежащий изменению в течение двадцати пяти лет. Далее, Германия готова совместно с Советским Союзом гарантировать безопасность Прибалтийских государств. Наконец, Германия готова, и это полностью соответствует позиции Германии, попытаться повлиять на улучшение и укрепление русско-японских отношений.

Маска была сброшена. Стало очевидно, что правительство рейха торопится заключить договор с Москвой.

"Фюрер, — писал далее в телеграмме Риббентроп, — считает, что, принимая во внимание настоящую ситуацию и каждодневную возможность возникновения серьезных инцидентов (в этом месте, пожалуйста, объясните господину Молотову, что Германия не намерена бесконечно терпеть провокации со стороны поляков), желательно принципиальное и быстрое выяснение германо-русских отношений и взаимное урегулирование актуальных вопросов.

По этим причинам имперский министр иностранных дел заявляет, что начиная с пятницы 18 августа он готов в любое время прибыть самолетом в Москву, имея от фюрера полномочия на рассмотрение всего комплекса германо-советских отношений, а если представится возможность, то и для подписания соответствующих договоров".

И опять Риббентроп заканчивал телеграмму приложением, состоящим из его собственных инструкций послу:

"Я прошу вас немедленно зачитать это послание слово в слово господину Молотову и выяснить точку зрения по этому вопросу Советского правительства и господина Сталина. Строго конфиденциально, только для вашего сведения добавляется, что мы особенно заинтересованы в том, чтобы мой визит в Москву мог состояться в конце этой недели или в начале следующей".

На следующий день Гитлер и Риббентроп с нетерпением ждали ответа из Москвы. Около полудня 17 августа Риббентроп направил "очень срочную" телеграмму Шуленбургу, требуя доложить телеграммой, когда посол попросил Молотова о встрече, и сообщить время, на которое эта встреча назначена. К обеду пришел ответ от посла, сообщившего, что телеграмму министра иностранных дел он получил только в 11 часов

вечера накануне, когда было поздно предпринимать какие-либо дипломатические шаги, но сегодня утром он первым делом попросил о встрече и она была назначена на восемь часов вечера.

Сгоравших от нетерпения нацистских лидеров эта встреча разочаровала. Несомненно, полностью сознавая причины лихорадочной спешки Гитлера, русский комиссар иностранных дел вел игру с немцами, дразня и подначивая их. После того как Шуленбург вечером 17 августа зачитал ему телеграмму Риббентропа, Молотов, не обращая особого внимания на ее содержание, передал письменный ответ Советского правительства на первое послание имперского министра иностранных дел от 15 августа.

В ответе не без сарказма говорилось о многолетнем враждебном отношении нацистского правительства к России, о том, что "до недавнего времени Советское правительство исходило из предпосылки, что правительство Германии ищет повода для столкновения с Советским Союзом...", в частности, оно "пыталось создать с помощью так называемого Антикоминтерновского пакта объединенный фронт ряда государств против Советского Союза". Именно по этой причине, указывалось в ноте, Россия "участвует в организации оборонительного фронта против (немецкой) агрессии. Далее в ноте говорилось: "Тем не менее если правительство Германии готово отойти от прежней политики в сторону серьезного улучшения политических отношений с Советским Союзом, Советское правительство может только приветствовать подобную перемену и со своей стороны готово пересмотреть свою политику в отношении Германии в плане ее серьезного улучшения".

А затем в русской ноте подчеркивалось, что "это должны быть серьезные практические шаги", реализуемые поэтапно, а не за один раз, как предлагал Риббентроп.

Какие шаги? Первый — заключение торгового и кредитного соглашения, второй-заключение пакта о ненападении, он должен последовать вскоре после первого.

Одновременно со вторым шагом Советы предложили "заключить специальный протокол, уточняющий интересы договаривающихся сторон по тем или иным вопросам внешней политики", намекая на то, что в Москве отнеслись с пониманием к точке зрения Германии по вопросу раздела Восточной Европы, полагая, что сделка возможна.

Что касается визита Риббентропа, Молотов заявил, что Советское правительство с удовлетворением восприняло эту идею, поскольку "визит такого известного политического и государственного деятеля

свидетельствует о серьезности намерений правительства Германии", и добавил, что это заметно отличается "от линии поведения" Англии, которая в лице Стрэнга прислала в Москву второстепенное официальное лицо. Тем не менее визит министра иностранных дел Германии требует тщательной подготовки. Советскому правительству хотелось бы избежать лишней шумихи, которая может его сопровождать. Оно желало бы, чтобы практическая работа по подготовке визита проходила без особого шума.

Молотов не упомянул о настойчивом предложении Риббентропа прибыть в Москву к концу недели, а Шуленбург, вероятно, ошеломленный ходом встречи, не настаивал на нем.

Это сделал на следующий день сам Риббентроп после того, как получил отчет посла. Очевидно, Гитлер начал приходить в отчаяние. Вечером 18 августа из его летней штаб-квартиры в Оберзальцберге Шуленбургу была послана еще одна "необычайно срочная" телеграмма за подписью Риббентропа. Посольством Германии в Москве она была получена в 5. 45 утра 19 августа. В ней послу предписывалось "немедленно добиться второй встречи с Молотовым и сделать все, чтобы эта встреча состоялась без задержки". Времени терять было нельзя.

"Я прошу вас, — писал Риббентроп в телеграмме, — сообщить господину Молотову следующее:

... При нормальных обстоятельствах мы, конечно, тоже были бы готовы добиваться улучшения германо-русских отношений через дипломатические каналы и делать это традиционным путем. Но в сложившейся ситуации, по мнению фюрера, необходимо использовать другие методы, способные привести к быстрому результату.

Германо-польские отношения ухудшаются день ото дня. Мы не должны упускать из вида, что инциденты могут произойти в любой момент, что неминуемо приведет к открытому конфликту.

... Фюрер считает необычайно важным, чтобы возникновение германо-польского конфликта не застало нас врасплох, пока мы добиваемся выяснения германо-русских отношений. Поэтому он считает предварительное выяснение необходимым хотя бы для того, чтобы суметь учесть русские интересы в случае такого конфликта, что, конечно, будет сложно без проведения предварительного выяснения".

Послу предписывалось заявить, что первая стадия упомянутых Молотовым консультаций — заключение торгового соглашения — завершилась в Берлине в тот же день (18 августа) и что пришло время приступить ко второй стадии. С этой целью германский министр иностранных дел предполагал немедленно прибыть в Москву с

полномочиями от фюрера решить "весь комплекс проблем". В Москве он "сможет принять в расчет русские пожелания". Какие пожелания? Наконец немцы перестали ходить вокруг да около.

"Я смогу также, — продолжал Риббентроп, — подписать специальный протокол, регулирующий интересы обеих сторон в решении той или иной внешнеполитической проблемы, например, согласовать сферы интересов в районе Балтики. Такое соглашение будет возможно, однако, только посредством (прямых) устных переговоров".

Теперь посол не должен был принимать русского "нет".

"Пожалуйста, подчеркните, — писал в заключение Риббентроп, — что внешняя политика Германии достигла сегодня исторического поворотного момента... Настаивайте, в духе предыдущих заявлений, на скорейшем осуществлении моей поездки и соответствующим образом противьтесь любым возможным советским возражениям. В этой связи вы должны иметь в виду главенствующий факт, что вероятно скорое начало открытого германо-польского конфликта и что поэтому мы крайне заинтересованы в том, чтобы мой визит в Москву состоялся немедленно".

День 19 августа действительно стал решающим. Приказы немецким подводным лодкам и карманным линкорам задерживались до получения ответа из Москвы. Боевые корабли должны были сняться с якоря сразу по получении приказа, чтобы успеть достичь указанных им районов действий в день, когда Гитлер планировал начать войну, — 1 сентября, до которого оставалось тринадцать дней. Две большие группы армий, которым ставилась задача напасть на Польшу, также должны были начать развертывание немедленно.

Напряжение в Берлине, а особенно в Оберзальцберге, где в ожидании ответа из Москвы нервничали Гитлер и Риббентроп, становилось невыносимым. Депеши и меморандумы министерства иностранных дел хорошо передают нервную обстановку, царившую на Вильгельмштрассе. Доктор Шнурре докладывал, что переговоры с русскими по поводу торгового соглашения завершились накануне вечером к "полному обоюдному согласию", но Советы тянут с его подписанием. Подпись под соглашением нужно было поставить сего дня, 19 августа, но в полдень русские сообщили, что должны дождаться инструкций из Москвы. "Очевидно, они получили из Москвы инструкцию отложить подписание договора по политическим причинам", — предполагал Шнурре. Из Оберзальцберга Риббентроп направил Шуленбургу "необычайно срочную" телеграмму, в которой просил максимально точно передавать слова Молотова или подробности, способные объяснить намерения русских. Но в

течение дня от посла была получена только одна телеграмма, в которой приводилось опровержение ТАСС по поводу того, что переговоры между русской и англо-французской миссиями застопорились из-за вопроса о Дальнем Востоке. Правда, в сообщении ТАСС говорилось, что стороны расходятся во взглядах по совершенно другим вопросам. Это был сигнал Гитлеру, что есть еще время и надежда.

И вот 19 августа, в 19. 10, пришла телеграмма, которую все с таким нетерпением ждали. СЕКРЕТНО

ОЧЕНЬ СРОЧНО

Советское правительство согласно, чтобы имперский министр иностранных дел прибыл в Москву через неделю после опубликования сообщения о подписании экономического соглашения. Молотов заявил, что если о подписании экономического соглашения будет объявлено завтра, то имперский министр иностранных дел смог бы прибыть в Москву 26 или 27 августа.

Молотов передал мне проект пакта о ненападении. Подробный отчет о двух беседах, которые я имел с Молотовым сегодня, а также текст советского проекта передаются срочной телеграммой.

Шуленбург

Первая беседа, которая состоялась 19 августа в 14. 00 и продолжалась час, прошла, по сообщению посла, не очень гладко. Русские, казалось, никак не соглашались принять министра иностранных дел. "Молотов отстаивал свое мнение, — сообщал Шуленбург, — что в настоящее время невозможно даже приблизительно определить дату визита, поскольку к нему нужно тщательно подготовиться... На выдвигавшиеся мною неоднократно и весьма настойчиво доводы о необходимости спешить Молотов возразил, что пока даже первый шаг — заключение экономического соглашения — не осуществлен. Прежде необходимо подписать и опубликовать это соглашение и получить отклики на него. Затем настанет очередь пакта о ненападении и протокола.

Мои возражения, видимо, не оказали влияния на Молотова, так что первая беседа закончилась его заявлением, что он изложил мне соображения Советского правительства и добавить к сказанному ему нечего".

Но кое-что добавить он смог. И даже очень скоро.

"Не прошло и получаса после окончания беседы, — сообщал Шуленбург, — как Молотов попросил меня снова посетить его в Кремле в 16. 30. Он извинился за доставленное мне беспокойство и объяснил, что докладывал Советскому правительству".

После этого комиссар иностранных дел передал удивленному, но обрадованному послу проект пакта о ненападении, сказав, что Риббентроп может приехать в Москву 26 или 27 августа, если экономическое соглашение будет подписано и опубликовано на следующий день.

"Молотов не назвал причин, — писал далее Шуленбург, — внезапного пересмотра им своего решения. Я полагаю, что вмешался Сталин".

Предположение было несомненно верным. Черчилль пишет, что о намерении Советов подписать пакт с Германией Сталин объявил на заседании Политбюро вечером 19 августа. В этот же день, между 15. 00 и 16. 30, он обсуждал это важное решение с Молотовым, что явствует из сообщения Шуленбурга.

Ровно через три года, в августе 1942 года, "в ранние утренние часы", советский диктатор объяснил британскому премьеру Черчиллю, находившемуся в то время с миссией в Москве, некоторые мотивы этого шага.

"У нас сложилось впечатление, — рассказывал Сталин, — что правительства Англии и Франции не решатся вступить в войну в случае нападения на Польшу, но при этом они полагают, что политическое единство Англии, Франции и России сможет сдержать Гитлера. Мы были уверены, что этого не случится. "Сколько дивизий, — спросил Сталин, — сможет мобилизовать Франция против Германии? " Ответ был: "Около ста". "А сколько пошлет Англия? " Ответ был: "Две, а позже еще две". "А! Две, и позже еще две, — повторил Сталин. — А знаете, сколько дивизий придется выставить на русском фронте, если мы вступим в войну с Германией? — Последовала пауза. — Более трехсот".

В своем сообщении о результатах бесед с Молотовым 19 августа Шуленбург добавлял, что все его попытки убедить комиссара иностранных дел согласиться на более раннюю дату приезда Риббентропа в Москву "к сожалению, не увенчались успехом".

Немцам же успех в этом деле был необходим. От этого зависели график вторжения в Польшу, более того, сама возможность проведения наступления до начала осенних дождей. Если Риббентроп не будет принят в Москве до 26–27 августа, если русские будут тянуть с визитом, чего опасались немцы, то Германия не сможет напасть на Польшу в намеченный срок — 1 сентября.

В этот критический момент Адольф Гитлер сам вступил в контакт со Сталиным. Поборов собственную гордость, он лично попросил Сталина, против которого яростно выступал раньше, немедленно принять его министра иностранных дел в Москве. Его телеграмма на имя Сталина была

срочно отправлена в Москву в воскресенье 20 августа, в 18. 45, через двенадцать часов после того, как было получено сообщение Шуленбурга. Фюрер приказал послу вручить телеграмму Молотову незамедлительно. ГОСПОДИНУ СТАЛИНУ, МОСКВА

Я искренне приветствую подписание нового германо-советского торгового соглашения как первый шаг в перестройке германо-советских отношений {Соглашение было подписано в Берлине в воскресенье 20 августа, в 14. 00. — Прим. авт. }.

Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня определение долгосрочной политики Германии. Поэтому Германия возобновляет политический курс, который был выгоден обоим государствам в течение минувших столетий...

Я согласен с проектом пакта о ненападении, который передал мне Ваш министр иностранных дел господин Молотов, но считаю крайне необходимым как можно скорее выяснить ряд вопросов, связанных с ним.

Текст дополнительного протокола, желаемого Советским Союзом, может быть, я убежден, выработан в самые короткие сроки, если ответственный государственный деятель Германии сможет лично прибыть в Москву для переговоров. Иначе правительство рейха не представляет, как можно в короткое время выработать и согласовать дополнительный протокол.

Напряженность в отношениях между Германией и Польшей стала невыносимой... Кризис может разразиться в любой день. Германия преисполнена решимости с этого момента и впредь отстаивать интересы рейха всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

По моему мнению, ввиду намерения двух наших государств вступить в новые отношения друг с другом желательно не терять времени. Поэтому я еще раз предлагаю Вам принять моего министра иностранных дел во вторник 22 августа, самое позднее в среду 23 августа. Имперский министр иностранных дел будет облечен всеми чрезвычайными полномочиями для составления и подписания пакта о ненападении, а также протокола. Более длительное пребывание министра иностранных дел в Москве, чем один или самое большее два дня, невозможно ввиду международного положения. Я был бы рад получить Ваш скорый ответ.

Адольф Гитлер

В течение последующих суток — с вечера 20 августа, когда телеграмма Гитлера Сталину передавалась телеграфом в Москву, до вечера следующего дня — фюрер находился в состоянии, близком к срыву. Спать он не мог. Среди ночи позвонил Герингу и поделился с ним своими

опасениями по поводу реакции Сталина на его послание и задержки ответа из Москвы. 21 августа, в три часа ночи, министерство иностранных дел получило "очень срочную" телеграмму от Шуленбурга, в которой сообщалось, что телеграмма Гитлера, о которой Вайцзекер известил ранее Шуленбурга, до сих пор не получена. "Официальные телеграммы из Берлина в Москву, — напоминал посол министерству иностранных дел, — идут от четырех до пяти часов с учетом разницы во времени в два часа. Надо учитывать также время на расшифровку". В понедельник 21 августа, в 10. 15, взволнованный Риббентроп послал Шуленбургу срочную телеграмму:

"Прошу сделать все возможное, чтобы мой визит состоялся. Даты указаны в телеграмме". Вскоре после полудня посол сообщил в Берлин: "Я встречаюсь с Молотовым сегодня в 15. 00".

Наконец, в 21. 35 21 августа по телеграфу в Берлин пришел ответ Сталина. КАНЦЛЕРУ ГЕРМАНСКОГО РЕЙХА А. ГИТЛЕРУ

Я благодарю Вас за письмо. Я надеюсь, что германо-советский пакт о ненападении станет решающим поворотным пунктом в улучшении политических отношений между нашими странами.

Народам наших стран нужны мирные взаимоотношения. Согласие германского правительства заключить пакт о ненападении создаст фундамент для устранения политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство поручило мне сообщить Вам, что оно согласно на прибытие в Москву господина Риббентропа 23 августа.

И. Сталин

По части неприкрытого цинизма нацистский диктатор в лице советского деспота нашел равного себе. Теперь они вдвоем могли расставить все точки над і в одной из самых грязных сделок нашей эпохи.

Ответ Сталина был передан Гитлеру в Бергхоф в 22. 30. Через несколько минут, где-то сразу после одиннадцати, о чем автор очень хорошо помнит, музыкальная программа германского радио была прервана и последовало объявление: "Правительство рейха и Советское правительство договорились заключить пакт о ненападении друг с другом. Рейхсминистр иностранных дел прибудет в Москву в среду 23 августа для завершения переговоров".

На следующий день, 22 августа, Гитлер, получивший от Сталина гарантию, что Россия будет соблюдать дружественный нейтралитет, еще раз собрал высших военачальников в Оберзальцберге, где разлагольствовал о своем собственном величии, о необходимости вести войну беспощадно и

безжалостно, а также сообщил, что, вероятно, отдаст приказ о нападении на Польшу через четыре дня, то есть в субботу 26 августа, на шесть дней ранее намеченного срока. Это стало возможным благодаря Сталину, смертельному врагу фюрера.

Военное совещание 22 августа 1939 года

Генералы застали Гитлера в настроении высокомерном и непримиримом {Официальная запись этого совещания не обнаружена, однако сохранились заметки, которые делали присутствовавшие на нем адмирал Бем и генерал Гальдер. — Прим. авт. }. "Я позвал вас, — сказал он присутствующим, — чтобы обрисовать политическую картину, дабы вы могли полнее оценить факторы, на которых я основываю свое непоколебимое решение действовать, а также для того, чтобы вселить в вас большую уверенность. После этого мы перейдем к обсуждению военных тонкостей".

Вначале он остановился на двух личных моментах.

"О моей личности и о личности Муссолини.

Все зависит от меня, от моего существования, от моих талантов как политика. Вряд ли кто-нибудь когда-нибудь будет пользоваться доверием всего немецкого народа в такой же степени, как я, — это факт. Вряд ли когда-либо появится человек, обладающий большей властью, чем я. Значит, сам факт моего существования необычайно важен. Но меня в любой момент может убить преступник или сумасшедший.

Следующий личный фактор — это дуче. Его существование тоже очень важно. Если что-нибудь случится с ним, то за лояльность Италии нельзя будет поручиться. Королевский двор настроен против дуче... "

Франко тоже союзник. Он гарантирует "благожелательный нейтралитет" Испании. Что касается "противной стороны", то он заверил собравшихся, что ни в Англии, ни во Франции выдающихся личностей нет.

Диктатор разглагольствовал в течение нескольких часов с перерывом на поздний завтрак. В записях этой встречи не упоминается о том, что Гитлера кто-то перебивал. Ни генералы, ни адмиралы, ни командиры люфтваффе не осмелились подвергнуть сомнению его высказывания или опровергать ложь. Еще весной, по его словам, он понял, что конфликт с Польшей неизбежен, но полагал, что вначале придется повернуть оружие на Запад. Однако стало очевидно что в таком случае Польша нападет на Германию. Значит, ее необходимо уничтожить сейчас.

В таком случае пришло время войны.

"Решение принять очень легко. Нам нечего терять; мы можем только выиграть. Наше экономическое положение таково, что мы сможем

продержаться всего несколько лет. Геринг может это подтвердить. У нас нет выбора, мы должны действовать...

Помимо личностного фактора благоприятно складывается для нас и политическая обстановка; в Средиземноморье соперничают Италия, Англия и Франция; на Востоке — напряженность-Англия находится в большой опасности. Положение Франции тоже ухудшилось. Снижение уровня рождаемости... Югославия на грани полного развала... Румыния сейчас слабее, чем раньше... После смерти Кемаля Ататюрка Турцией управляют ограниченные и слабые люди.

Такая благоприятная обстановка не продлится два или три года, Никто не знает, сколько проживу я. Так что пробу сил не стоит откладывать на четыре-пять лет, она необходима сейчас".

Таковы вкратце мысли, с жаром изложенные нацистским лидером. Он считал "вполне вероятным", что Запад не захочет воевать, однако некоторый риск все-таки существовал. А разве он не рисковал раньше, когда оккупировал Рейнскую зону, против чего возражали генералы? Разве не рисковал, когда присоединял Австрию, Судет-скую область, а потом и всю Чехословакию? "Ганнибал в Каннах, Фридрих Великий в Лейтене, Гинденбург и Людендорф в Танненберге — все рисковали, — говорил он. — Мы тоже должны рисковать, но мы должны обладать железной решимостью". Слабости нет места.

"Нам был нанесен вред, когда некоторые несогласные с нами немцы, находящиеся на высоких постах, вели переговоры с англичанами и писали им после решения чешского вопроса. Фюрер доказал свою правоту, когда у вас сдали нервы и вы слишком быстро капитулировали".

Гальдер, Вицлебен и Томас, а может, и другие участники мюнхенского заговора, вероятно, поморщились при этих словах. Очевидно, Гитлер знал больше, чем они предполагали.

В любом случае для них пришло время проявить свои бойцовские качества. Гитлер напомнил им, что он создал великую Германию посредством "политического блефа". Пришло время "испытать военную машину. Армия должна проявить себя в настоящем бою перед решающей пробой сил на Западе". Такая возможность предоставляется в Польше.

Потом он снова заговорил об Англии и Франции.

"У Запада есть только два пути борьбы против нас:

1. Блокада: она не будет эффективной из-за нашей самообеспеченности и наличия у нас источников снабжения на Востоке.

2. Нападение с Запада от линии Мажино. Я считаю это невероятным.

Еще одна возможность: нарушение нейтралитета Голландии, Бельгии

и Швейцарии. Англия и Франция не пойдут на это. Польше они помочь не смогут".

Будет ли война долгой?

"Никто не рассчитывает на затяжную войну. Если бы герр фон Браухич сказал, что для завоевания Польши мне понадобится четыре года, то я бы ответил ему, что это невозможно. Утверждения о том, что Англия хочет большой войны, — нонсенс".

"Разделавшись", к своему большому удовольствию, с Польшей, Англией и Францией, Гитлер вытащил из колоды туза. Он заговорил о России.

"Наши враги рассчитывали еще на то, что Россия станет нашим противником после завоевания Польши. Враги не учли моей решимости. Наши враги подобны маленьким червячкам. Я видел их Мюнхене.

Я был убежден, что Сталин никогда не примет предложения англичан. Только безоглядные оптимисты могли думать, что Сталин настолько глуп, что не распознает их истинной цели. Россия не заинтересована в сохранении Польши... Отставка Литвинова явилась решающим фактором. После этого я моментально понял, что в Москве отношение, к западным державам изменилось.

Я предпринял шаги, направленные на изменение отношений с Россией. В связи с экономическим соглашением завязались политические переговоры. В конце концов от русских поступило предложение подписать пакт о ненападении. Четыре дня назад я предпринял специальный шаг, который привел к тому, что Россия вчера объявила о своей готовности подписать пакт. Установлен личный контакт со Сталиным. Послезавтра Риббентроп заключит договор. Теперь Польша оказалась в положении, в котором я хотел ее видеть... Положено начало уничтожению гегемонии Англии. Теперь, когда я провел необходимые дипломатические приготовления, путь солдатам открыт".

Путь солдатам будет открыт, если Чемберлен не устроит очередной Мюнхен. "Я только боюсь, — сказал Гитлер военным, — что какая-нибудь Schweinehund {Грязная собака (нем.). } предложит свои услуги в качестве посредника".

После этого был объявлен перерыв на завтрак. Но к еде приступили только после того, как Геринг поблагодарил фюрера за указанный путь и заверил, что вооруженные силы выполняют свой долг {Согласно отчету, приводимому в Нюрнберге, Геринг вскочил на стол и стал "рассыпаться в благодарностях и выкрикивать клятвенные обещания. Он плясал, как дикий. Сомневающиеся стояли рядом молча". Это описание очень обидело

Геринга. Во время допроса в Нюрнберге 28 и 29 августа 1945 года он сказал: "Я оспариваю факт, что я стоял на столе. Довожу до вашего сведения, что речь произносилась в большом зале в доме Гитлера. У меня нет привычки вскакивать на стол в чужих домах. Такой поступок несовместим со званием немецкого офицера".

"Хорошо, — сказал полковник Джон Х. Эймен, допрашивавший Геринга с американской стороны. — Но вы первый начали аплодировать после речи, верно? " "Да, но не стоя на столе", — возразил Геринг. — Прим. авт. }.

Во второй части выступления Гитлер в основном внушал своим военачальникам важность стоящей перед ними задачи. По кратким записям, сделанным во время этой речи, можно судить о ее сути.

"Железная решимость с нашей стороны. Не отступать ни перед чем. Каждый должен осознавать, что мы с самого начала собирались воевать с западными демократиями. Борьба не на жизнь, а на смерть... Продолжительный мир не приведет ни к чему хорошему. Выше голову... Наши люди лучше... У них люди слабее... В 1918 году нация потерпела катастрофу только потому, что духовные предпосылки были недостаточны. Фридрих Великий выжил, потому что был силен духом.

Уничтожение Польши — первоочередная задача. Цель — уничтожить действующую армию, а не выйти на указанный рубеж. Даже если начнется война на Западе, уничтожение Польши останется первоочередной задачей. Это должно произойти быстро, учитывая время года.

Я найду пропагандистские причины для начала войны, пусть вас не волнует, правдоподобны они будут или нет. Победителя не будут потом спрашивать, правду он говорил или нет. Когда начинаешь и ведешь войну, главное не право, а победа.

Закройте ваши сердца для жалости! Действуйте жестоко! Восемьдесят миллионов человек должны получить то, на что они имеют право... Прав сильнейший... Будьте безжалостны! Пусть вам будет чуждо сострадание... Тот, кто размышлял о мире и порядке в нем, знает, что главное — успех, который достигнут лучшими при помощи силы... "

Выкрикивая ницшеанские лозунги, Гитлер довел себя до состояния крайней тевтонской ярости, но потом успокоился и дал несколько директив по поводу предстоящей кампании. Необычайно важна скорость. Он испытывает "непоколебимую веру" в немецкого солдата. Если что-нибудь произойдет, то только потому, что у командиров сдадут нервы. Прежде всего необходимо вбить клинья с юго-востока и с севера в направлении Вислы. При проведении военных операций не следует задумываться о том,

что он намерен сделать с Польшей после ее поражения. На этот счет ничего конкретного он не сказал. Новая граница Германии, по его словам, будет основана "на здравом смысле". Не исключено, что он сделает из Польши маленькое буферное государство на границе Германии и России.

Приказ о начале военных действий, заявил Гитлер в заключение, будет отдан позднее, вероятно утром 26 августа.

На следующий день, 23 августа, после совещания начальников отделов ОКВ генерал Гальдер записал в своем дневнике: "День начала вторжения в Польшу определенно намечен на 26-е (суббота) ".

Совместное заявление в Москве

К середине августа военные переговоры в Москве между западными демократиями и Советским Союзом окончательно зашли в тупик — большей частью из-за упрямства Польши. Англо-французская военная миссия, как мы помним, приплыла сначала в Ленинград, а потом прибыла в Москву. Это случилось 11 августа, через неделю после того, как мистер Стрэнг покинул русскую столицу, с облегчением свалив на генералов и адмиралов трудное и неприятное дело — переговоры с русскими {"Унизительная процедура" — так характеризовал это Стрэнг в своем докладе в министерство иностранных дел 20 июля. — Прим. авт. }.

Советский маршал Ворошилов задавал вполне конкретные вопросы. Существует ли договор, по которому определялись бы действия Польши? Какую помощь войсками сможет оказать Англия французской армии в начале войны? Как поведет себя Бельгия? Ответы были неутешительными. Думенк сказал, что планы Польши ему неизвестны. Генерал Хейвуд заверил, что Англия предполагает выделить "16 дивизий на ранней стадии ведения войны и 16 позднее". Под давлением Ворошилова, который хотел знать, какова будет численность войск Англии к началу войны, Хейвуд ответил: "В настоящий момент Англия располагает пятью регулярными дивизиями и одной механизированной дивизией". Такие цифры явились для русских неприятным сюрпризом. Они были готовы выставить 120 дивизий против агрессора в самом начале военных действий.

Что касается Бельгии, то генерал Думенк на вопрос русских ответил так: "Французские войска не могут войти в Бельгию, пока их об этом не попросят, но Франция с готовностью откликнется на подобную просьбу".

Такой ответ повлек за собой основной вопрос, ради которого и собрались в Москве стороны и которого английская и французская миссии старались избежать. Во время первой встречи и во время заседания 14 августа маршал Ворошилов настаивал, что самым главным является вопрос о том, согласится ли Польша пропустить через свою территорию советские

войска для противодействия немецким армиям. Если нет, то как могут союзники предотвратить быстрый разгром Польши немецкой армией? 14 августа он спросил, полагают ли генеральные штабы Англии и Франции, что Красная Армия может пройти через территорию Польши, в частности через Вильно и Галицию, чтобы вступить в соприкосновение с вражескими войсками?

Это был вопрос по существу. Сидс телеграфировал в Лондон, что русские коснулись главной проблемы, от решения которой зависит успех или провал переговоров и которая лежит в основе трудностей, возникших с самого начала политических переговоров, а именно: как достичь полезного соглашения с Советским Союзом, если граничащие с ним страны объявили нечто вроде бойкота, который будет нарушен, когда уже будет поздно.

Итак, вопрос был поставлен. Да и можно ли было его избежать?

У адмирала Дракса имелись инструкции британского правительства, как вести себя в данном случае. Сегодня эти инструкции могут показаться наивными. Ввиду того что Польша и Румыния "отказались даже обсуждать планы возможного сотрудничества", ему предписывалось аргументировать свою позицию следующим образом: Вторжение в Польшу и Румынию резко изменит их точку зрения. Более того, России крайне невыгодно, чтобы Германия заняла позиции прямо у ее границ, так что в интересах России иметь готовые планы оказания помощи Польше и Румынии на случай, если эти страны подвергнутся нападению.

Если русские предложат правительствам Англии и Франции передать Польше, Румынии и Прибалтийским государствам предложения о сотрудничестве с Советским правительством или Генеральным штабом, делегации не следует брать на себя ответственность, а следует обратиться за консультациями.

Так все и было.

На заседании 14 августа Ворошилов потребовал прямых ответов на его вопросы. "Без точного и прямого ответа, — сказал он, — продолжать переговоры не имеет смысла... Советская военная делегация, — добавил он, — не может рекомендовать своему правительству принять участие в предприятии, которое со всей очевидностью обречено на неудачу".

Генерал Гамелен посоветовал из Парижа генералу Думенку увести внимание русских от этого вопроса в сторону, но это не так-то легко было сделать.

Как докладывал позднее генерал Думенк, заседание 14 августа было драматическим. Английские и французские делегаты оказались загнаны в угол и понимали это. Они изворачивались, как могли. Драке и Думенк

выражали уверенность в том, что поляки и румыны попросят русских о помощи, как только подвергнутся нападению. Думенк был уверен, что они будут "умолять маршала поддержать их". Драке считал, что они "неизбежно" попросят русской помощи. Он добавил — не очень дипломатично, как может показаться, — что "если они не попросят помощи в нужный момент и дадут завоевать себя, то можно ожидать, что они станут немецкими провинциями". Этого русские хотели меньше всего, потому что это означало бы присутствие нацистских армий на советской границе. Поэтому Ворошилов особо выделил замечание адмирала, сделанное так некстати.

В конце концов англо-французские представители, почувствовавшие себя не очень уютно, пришли к выводу, что Ворошилов затронул политические вопросы, в решении которых они не компетентны. Драке заявил, что, поскольку Польша является суверенным государством, ее правительство обязано сначала санкционировать проход русских войск по своей территории. Но поскольку это политический вопрос, он должен быть согласован между правительствами. Он предложил Советскому правительству задать свои вопросы правительству Польши. Русская делегация согласилась с тем, что это вопрос политический, но настаивала, чтобы английское и французское правительства также обратились к польскому правительству и призвали его реально взглянуть на создавшееся положение.

Были ли русские до конца откровенны с англо-французской делегацией, учитывая, что они вели переговоры с целью заключить сделку с Германией? Или они настаивали на пропуске своих войск Через Польшу только для того, чтобы затянуть переговоры и выяснить, нельзя ли договориться с Гитлером? {Здесь очень важно точно указать время. Молотов не принимал предложения нацистов о визите Риббентропа в Москву до вечера 15 августа. Не принимая его, он, однако, дал понять: Россия заинтересована в подписании пакта о ненападении с Германией, что, конечно, делало переговоры о военном союзе с Англией и Францией излишними. Самый верный вывод, к которому смог прийти автор книги, заключается в том, что до 14 августа, когда Ворошилов потребовал "прямого" ответа на вопрос о допуске советских войск в Польшу для соприкосновения с немцами, в Кремле еще не решили, в какую сторону склониться. К сожалению, русские документы, которые могли бы внести ясность в этом ключевом вопросе, не опубликованы. В любом случае Сталин, по-моему, не принимал окончательного решения до вечера 19 августа. — Прим. авт. } Именно к такому выводу пришли министерства

иностранных дел Англии и Франции, не говоря уже об адмирале Драксе.

Вначале, как явствует из конфиденциальных английских и французских источников, западные союзники считали, что советская военная делегация вполне искренна, поскольку она относилась к работе слишком серьезно. 13 августа, после двух дней переговоров, посол Сидс телеграфировал в Лондон, что русские военачальники действительно "намерены серьезно работать". В результате инструкция "продвигаться медленно", данная адмиралу Драксу, была нарушена 15 августа. Британское правительство приказало ему поддерживать Думенка, чтобы завершить военные переговоры "как можно быстрее". Ограничения на предоставление русским секретной военной информации были частично сняты.

Если английскому адмиралу первоначально была дана инструкция затягивать переговоры, то генералу Думенку премьер Даладье лично приказал подписать военную конвенцию с Россией как можно скорее. Несмотря на то что англичане опасались утечки информации в Германию, Думенк уже на второй день переговоров сообщил русским такие "совершенно секретные цифры", касающиеся французской армии, что члены советской делегации обещали "забыть" их сразу же по окончании встречи.

До 17 августа адмирал Драке и генерал Думенк тщетно ждали от своих правительств инструкций, какую занять позицию при обсуждении польского вопроса. Тогда Думенк телеграфировал в Париж:

"СССР хочет военного пакта... Ему не нужен от нас листок бумаги, за которым не стоят конкретные действия. Маршал Ворошилов утверждает, что все проблемы... будут сняты, как только решится, как он говорит, основной вопрос". Думенк настоятельно советовал Парижу связаться с Варшавой и порекомендовать полякам согласиться принять русскую помощь.

Несмотря на распространенное в то время не только в Москве, но и в западных столицах мнение, что Англия и Франция ничего не предпринимали с целью склонить Польшу к тому, чтобы она пропустила через свою территорию советские войска для защиты от немцев, из опубликованных недавно документов следует, что это не так. Англия и Франция продвинулись в этом деле далеко, но не достаточно далеко. Из этих документов ясно также, что поляки проявили непостижимую глупость.

18 августа, после первой англо-французской попытки открыть полякам глаза, министр иностранных дел Польши Бек заявил французскому послу Леону Ноэлю, что русские "не заслуживают внимания с военной точки

зрения", а генерал Стахевич, начальник польского главного штаба, поддержал его, заметив, что Польша не получит "никаких выгод от того, что Красная Армия будет действовать на ее территории".

На следующий день английский и французский послы снова встретились с Бекем и снова уговаривали его принять предложения русских. Польский министр иностранных дел тянул время, но обещал завтра дать официальный ответ. Англо-французский демарш в Варшаве явился результатом разговора, состоявшегося в этот же день, но раньше, в Париже между министром иностранных дел Франции Бонне и британским поверенным в делах. К удивлению англичанина, бывший архиумиротворитель Гитлера очень опасался потерять в лице России союзника из-за упрямства поляков.

"Произойдет катастрофа, — говорил ему Бонне, — если из-за отказа Польши сорвутся переговоры с русскими. Поляки не в том положении, чтобы отказываться от единственной помощи, которая может прийти к ним в случае нападения Германии. Это поставит английское и французское правительства почти в невыносимое положение, если мы попросим каждый свою страну идти воевать за Польшу, которая отказалась от этой помощи".

Если дело обстояло так — а оно именно так и обстояло, — тогда почему правительства Англии и Франции в столь критический момент не оказали давления на Варшаву или не сказали просто польскому правительству, что, пока оно не примет помощи от русских, Англия и Франция не видят необходимости в защите Польши? И если официальный англо-польский договор о взаимной безопасности еще не был подписан, то разве не могло принятие Варшавой помощи России стать одним из пунктов этого договора?

19 августа Бонне в своей беседе с британским поверенным предложил этот вариант, но в Лондоне к такому "маневру", как окрестили его на Даунинг-стрит, отнеслись прохладно. На крайнюю меру Чемберлен и Галифакс не пошли.

Утром 20 августа польский начальник главного штаба сообщил британскому военному атташе, что "согласия на допуск в Польшу советских войск не будет". Вечером того же дня Бек официально отклонил англо-французскую просьбу. Тогда Галифакс через своего посла в Варшаве нажал на польского министра иностранных дел чтобы тот пересмотрел позицию Польши, поскольку она "торпедирует" военные переговоры в Москве. Но Бек оставался непреклонен. "Я не могу допустить, — говорил он французскому послу, — даже каких-либо обсуждений возможности предоставления части нашей территории в распоряжение иностранных

войск. У нас нет военного соглашения с СССР. И мы не хотим такого соглашения".

Отчаявшись сломить слепое упрямство со стороны польского правительства, премьер Даладье, согласно отчету, который он дал учредительному собранию 18 июля 1946 года, взял дело в свои руки. После еще одной попытки призвать поляков взглянуть на вещи реалистично утром 21 августа он послал телеграмму генералу Думенку, в которой уполномочил его подписать военную конвенцию с Россией на самых выгодных условиях, которых тот сможет добиться, с оговоркой, что конвенция эта должна быть одобрена французским правительством. В то же самое время французский посол Поль-Эмиль Наджиар получил инструкцию от Бонне, в соответствии с которой он должен был сказать Молотову, что Франция в принципе согласна на проход советских войск через Польшу в случае нападения на нее Германии.

Это был только жест, так как Польша своего согласия на это не давала, к тому же, как мы знаем, жест бесполезный, имея в виду германо-русские отношения. Думенк получил телеграмму Даладье только вечером 21 августа. Когда он на следующий день вечером, накануне отъезда Риббентропа в Москву, показал ее Ворошилову, советский маршал отнесся к ней весьма скептически. Он захотел получить от французского генерала подтверждение, что французское правительство уполномочивает его подписать военный пакт, разрешающий проход русских войск через Польшу. Думенк, очевидно, отклонил просьбу. Тогда Ворошилов захотел узнать, каков ответ английского правительства и получено ли согласие Польши. На эти вопросы Думенк ответить не смог, заявив, что не располагает подобной информацией.

Но к этому времени ни вопросы, ни ответы не имели значения:

Риббентроп уже находился на пути в Москву. О визите было объявлено накануне вечером; была названа и причина визита: заключение пакта о ненападении между нацистской Германией и Советским Совдзом.

Ворошилов, которому, казалось, нравился французский генерал, старался мягко дать понять ему, что их общение скоро закончится.

"Я одного боюсь, — говорил Ворошилов. — Английская и французская стороны слишком долго затягивали политические и военные переговоры. Поэтому мы не исключаем, что за это время могли произойти важные политические события" {Во время встречи военных делегаций 21 августа Ворошилов потребовал сделать перерыв в переговорах на неопределенный срок под тем предлогом, что он и его коллеги будут заняты на осенних маневрах. В ответ на протесты англо-французской стороны

против такой задержки маршал сказал "Намерением советской делегации было и остается заключение договора о сотрудничестве вооруженных сил сторон. ... СССР, не имея общих границ с Германией, сможет оказать помощь Франции, Англии, Польше и Румынии только при условии, что его войскам будет предоставлено право прохода через территории Польши и Румынии... Советские вооруженные силы не могут взаимодействовать с вооруженными силами Англии и Франции, если они не будут пропущены через польскую и румынскую территории... Советская военная делегация не представляет, как генеральные штабы Англии и Франции, посылая свои миссии в СССР ... могли не дать им инструкции, какую занять позицию в этом элементарном вопросе... Из этого следует, что есть все основания сомневаться в искренности их желаний серьезно и эффективно сотрудничать с Советским Союзом".

Аргументы маршала логичны, а неспособность французского и особенно английского правительств ответить на них обернулась катастрофой. Но такой аргумент, приведенный 21 августа, когда Ворошилов не мог не знать о решении, принятом Сталиным 19 августа, был обманом. — Прим. авт. }.

Риббентроп в Москве: 23 августа 1939 года

"Важные политические события" как раз происходили.

Вооруженный письменными полномочиями фюрера, позволяющими ему подписать договор о ненападении "и другие соглашения" с Советским Союзом, которые вступают в силу с момента подписания, Риббентроп вылетел в Москву 22 августа. Многочисленная немецкая делегация провела ночь в Кенигсберге в Восточной Пруссии, где министр иностранных дел, согласно записям Шмидта, вел постоянные переговоры по телефону с Берлином и Берхтесгаденом и подготовку к переговорам со Сталиным и Молотовым.

Два больших транспортных "Кондора", на борту которых находилась немецкая делегация, приземлились в Москве в полдень 23 августа. Торопливо пообедав в посольстве, Риббентроп поспешил в Кремль на встречу с советским диктатором и комиссаром иностранных дел. Первая встреча продолжалась три часа и закончилась, как сообщал Риббентроп Гитлеру в "очень срочной" телеграмме, благоприятно для немцев. Судя по сообщению министра иностранных дел, вообще не было никаких проблем при обсуждении условий пакта о ненападении, предусматривающих, что Советский Союз не примет участия в войне, которую начнет Гитлер. Собственно говоря, он упоминал об одной небольшой проблеме, связанной с дележом. Русские, писал Риббентроп, потребовали, чтобы Германия

признала маленькие порты Латвии Либав и Виндау "входящими в сферу их интересов". Поскольку вся Латвия при разграничении сфер интересов отходила к Советскому Союзу, это требование не составляло проблемы, и Гитлер быстро согласился. После первой встречи Риббентроп сообщил также фюреру, что "рассматривается вопрос о под писании секретного протокола по разграничению сфер интересов во всем Восточном регионе".

Оба документа — пакт о ненападении и секретный протокол — были подписаны во время второй встречи в Кремле в тот же вечер. Немцы и русские на этой встрече, которая продлилась до утра следующего дня, легко договорились обо всем. Жарких споров не было, были лишь обсуждения в теплой дружеской обстановке мировых проблем — страна за страной. Все это закончилось обильными тостами, без которых не обходилась ни одна встреча подобного рода в Кремле. В секретном меморандуме, составленном одним из членов немецкой делегации, рассказывается об удивительной сцене.

На вопрос Сталина о целях партнеров Германии — Италии и Японии — Риббентроп бойко давал убедительные ответы. По отношению к Англии советский диктатор и нацистский министр иностранных дел, пребывавший в прекрасном настроении, проявили редкое единодушие. Британская военная миссия, признался Сталин своему гостю, "так и не сказала Советскому правительству, что ей надо". Риббентроп ответил, что политика Англии всегда была направлена на подрыв отношений между Германией и Советским Союзом. "Англия слаба, — хвастливо уверял он, — и хочет, чтобы другие сражались за ее претенциозные притязания на мировое господство".

"Сталин ему подыгрывал, — отмечается в меморандуме. — Он сказал: "Если Англия и господствовала в мире, то только по причине глупости других стран, которые позволяли себя обманывать".

К этому времени советский лидер и гитлеровский министр иностранных дел настолько нашли общий язык, что упоминание об Антикоминтерновском пакте их больше не смущало. Риббентроп объяснял, что Антикоминтерновский пакт направлен не против России, а против западных демократий. Сталин заметил, что "Антикоминтерновский пакт больше всего напугал лондонский Сити (то есть британских финансистов) и английских лавочников".

В немецком меморандуме записано: к этому моменту настроение Риббентропа настолько улучшилось, что он даже начал шутить, чего от него, начисто лишённого чувства юмора, трудно было ожидать.

"Рейхсминистр иностранных дел, — говорится далее в

меморандуме, — шутливо отметил, что господин Сталин наверняка меньше испугался Антикоминтерновского пакта, чем лондонский Сити и английские лавочники. Отношение к этому факту немцев хорошо просматривается в шутке, которая родилась среди берлинцев, известных своим чувством юмора. Они говорят, что Сталин вскоре сам присоединится к Антикоминтерновскому пакту".

Наконец нацистский министр иностранных дел заговорил о том, как горячо приветствует немецкий народ соглашение с Россией. "Господин Сталин сказал, — говорится в документе, — что искренне верит в это. Немцы хотят мира".

То же самое продолжалось, когда подошло время тостов.

"Господин Сталин предложил тост за фюрера: "Я знаю, как немецкий народ любит своего фюрера. Поэтому я хотел бы выпить за его здоровье".

Господин Молотов выпил за здоровье рейхсминистра иностранных дел... Господин Молотов и господин Сталин неоднократно пили за пакт о ненападении, за новую эру в русско-германских отношениях, за немецкий народ.

Рейхсминистр иностранных дел в свою очередь предложил тост за господина Сталина, за Советское правительство, за улучшение отношений между Германией и Советским Союзом".

И все-таки, несмотря на теплую встречу смертельных врагов, Сталин не был до конца уверен, что немцы будут соблюдать договор. Когда Риббентроп уезжал, он отвел его в сторону и сказал: Советское правительство очень серьезно относится к пакту, он может дать честное слово, что Советский Союз не предаст своего партнера.

Так что же подписали партнеры?

В опубликованном договоре говорилось, что договаривающиеся стороны не будут нападать друг на друга. Если одна из сторон станет "объектом военного нападения" со стороны третьей державы, то другая сторона "ни в коей мере не будет оказывать поддержки этой третьей державе". Ни Германия, ни Россия не вступят в союз держав, прямо или косвенно нацеленный против другой стороны {Формулировка основных статей практически не отличалась от их формулировки в проекте, который Молотов передал Шуленбургу и с которым Гитлер в своей телеграмме на имя Сталина согласился. В русском проекте указывалось, что пакт о ненападении вступит в силу после одновременного подписания секретного протокола, который станет составной частью пакта.

Фридрих Гаус, присутствовавший на вечерней встрече, сообщал, что написанная Риббентропом в высоком стиле преамбула об установлении

дружественных советско-германских отношений была вычеркнута по настоянию Сталина. Советский диктатор сказал, что "Советское правительство не может представить на суд общественности уверений в дружбе после того, как в течение шести лет нацистское правительство обливало СССР грязью". — Прим. авт. }.

Таким образом, Гитлер добился того, чего хотел: немедленного договора с Россией, по которому она обязалась не присоединяться к Англии и Франции, если они выполняют свой союзнический долг в случае нападения на Польшу {В статье VII говорилось, что договор вступает в силу с момента подписания. Ратификация договора в двух тоталитарных государствах была, по сути, чистой формальностью. Тем не менее на это ушло несколько дней. На этом настоял Гитлер. — Прим. авт. }.

Цена, которую заплатил за это Гитлер, определялась в "Дополнительном секретном протоколе" к договору:

По случаю подписания Пакта о ненападении между Германским рейхом и Союзом Советских Социалистических республик уполномоченные представители обеих сторон, подписавшие документ, в ходе строго конфиденциального обмена мнениями обсудили вопрос о разграничении сфер интересов обеих сторон в Восточной Европе. Этот обмен мнениями привел к следующему:

1. В случае территориально-политических изменений в областях, принадлежащих балтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы образует одновременно границу между сферами интересов Германии и СССР. При этом обеими сторонами признается заинтересованность Литвы в области Вильно (Вильнюса).

2. В случае территориально-политических изменений в областях, принадлежащих польскому государству, разграничение сфер интересов Германии и СССР будет проходить примерно по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос о том, явится ли в интересах обеих сторон желательным сохранение независимого польского государства, может быть окончательно решен только в ходе дальнейшего политического развития.

В любом случае оба правительства будут решать этот вопрос на путях дружеского взаимопонимания.

Еще раз Германия и Россия, как во времена германских королей и российских императоров, договорились о разделе Польши. Кроме того, Гитлер предоставил Сталину свободу действий на Балтике.

3. Относительно Юго-Запада Европы советской стороной была подчеркнута заинтересованность в Бессарабии (утрачена Россией в 1919

году и отошла к Румынии). Германская сторона заявила о своей полной незаинтересованности в этой территории (уступка, о которой Риббентроп впоследствии очень сожалел).

4. Обе стороны будут держать этот протокол в строгой тайне.

Действительно, содержание этого протокола стало известно только после войны, когда он обнаружился среди захваченных немецких документов.

На следующий день, 24 августа, когда торжествующий Риббентроп летел назад в Берлин, миссия союзников в Москве попросила Ворошилова о встрече. Адмирал Драке просто послал срочное письмо Ворошилову, в котором спрашивал о взглядах маршала относительно продолжения переговоров.

25 августа Ворошилов изложил свои взгляды представителям английской и французской делегаций: "Ввиду изменившейся политической обстановки нет смысла продолжать переговоры".

Два года спустя, когда немецкие войска, нарушив пакт о ненападении, вторглись в Россию, Сталин все еще продолжал оправдывать свою одиозную сделку с Гитлером, заключенную в Москве за спиной англо-французской делегации. "Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов, — заявил он в своем выступлении по радио 3 июля 1941 года, — и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии".

Так ли это? Споры об этом ведутся с того самого времени. То, что в результате сделки с Гитлером Сталин получил передышку, — так же, как получил ее царь Александр I в Тильзите в 1807 году, договорившись с Наполеоном, и Ленин в Брест-Литовске в 1917 году, договорившись с немцами, — очевидно. Это позволило Советскому Союзу в течение короткого времени укрепить свои границы в ожидании нападения Германии, создать базы на Балтийском море в Прибалтийских республиках и в Финляндии — за счет интересов поляков, латышей, эстонцев и финнов. Но самое главное, что подчеркивалось потом в официально изданной "Истории дипломатии", — в Кремле возросла уверенность, что если Германия и нападет на Россию, то к этому времени западные демократии уже будут в состоянии войны с ней и Советскому Союзу не придется противостоять ей в одиночку, чего опасался Сталин летом 1939 года.

Это, безусловно, верно. Но есть и другая сторона. К тому времени, когда Гитлер готовился напасть на Россию, польская армия, французская армия и английский экспедиционный корпус были уже разгромлены и

Германия располагала ресурсами всей Европы и не опасалась открытия фронта на западных границах, который мог бы оттянуть часть сил. В течение 1941, 1942 и 1943 годов Сталин постоянно сетовал, что в Европе нет второго фронта и что России приходится одной принимать на себя удар почти всех немецких сил. В 1939–1940 годах такой фронт имелся, и он мог бы оттянуть на себя часть сил Германии, и Польша не была бы завоевана в течении двух недель, если бы Россия поддержала ее, а не нанесла ей удар в спину. Более того, войны вообще могло бы не быть, если бы Гитлер знал, что, воюя с Польшей, ему придется воевать также с Россией, Англией и Францией. Даже робкие в политике немецкие генералы, что явствует из показаний в Нюрнберге, могли бы воспротивиться участию в войне с такой грозной коалицией. К концу мая, как рассказывал французский посол в Берлине, и Кейтель и Браухич предупреждали Гитлера, что у Германии мало шансов выиграть войну, если Россия окажется на стороне ее врагов.

Никакие государственные деятели, даже диктаторы, не могут предвидеть ход событий. Как пишет Черчилль, вопрос, была ли хладнокровная сделка Сталина с Гитлером "в тот момент в высшей степени реалистичным шагом", является спорным. Главной целью Сталина как главы правительства было обеспечение безопасности своей страны. Летом 1939 года Сталин, как он признался позднее Черчиллю, был уверен в том, что Гитлер затевает войну. Он не хотел, чтобы Россия была поставлена в такое сложное положение, когда ей пришлось бы одной сдерживать натиск германской армии. Если заключение полноценного соглашения с западными союзниками стало невозможным, как было не повернуться к Гитлеру, который сам шел ему навстречу?

К концу июля 1939 года Сталин пришел к выводу, что Франция и Англия не хотят оборонительного союза, что правительство Чемберлена хочет склонить Гитлера к ведению войн в Восточной Европе. Он весьма скептически относился к выполнению Англией союзнического долга перед Польшей, полагая, что он будет выполнен не лучше, чем долг Франции перед Чехословакией. События, произошедшие на Западе в течение предшествующих двух лет, укрепляли его в этой мысли: отклонение Чемберленом после аншлюса и после оккупации нацистами Чехословакии советских предложений о созыве конференции для выработки мер по предотвращению дальнейшей агрессии; умиротворение Чемберленом Гитлера в Мюнхене, куда Россия не была приглашена; медлительность и колебания Чемберлена на переговорах о создании оборонительного союза против Германии, когда роковое лето 1939 года подходило к концу.

Практически всем, кроме Чемберлена, было ясно одно:

англофранцузская дипломатия, которая бездействовала всякий раз, когда Германия предпринимала какие-то шаги, потерпела фиаско {Это же можно сказать и о польской дипломатии. Посол Ноэль сообщал в Париж о реакции министра иностранных дел Бека на подписание германо-советского пакта: "Бек совершенно не изменился и не выглядит ни в коей мере обеспокоенным. Он полагает, что, в сущности, мало что изменилось". — Прим. авт. }. Шаг за шагом две эти западные державы отступали: первый раз, когда Гитлер бросил им вызов, введя в 1935 году воинскую повинность; второй раз, когда он оккупировал Рейнскую область в 1936 году; потом, в 1938 году, когда он захватил Австрию и потребовал Судетскую область; они отступили, когда в марте 1939 года он захватил всю Чехословакию. Имея на своей стороне Советский Союз, они могли бы отвлечь немецкого диктатора от войны, а если бы это не удалось, то достаточно быстро разгромили бы его в вооруженной борьбе. Но они упустили эту последнюю возможность {И это несмотря на многочисленные предупреждения о том, что Гитлер заигрывает с Кремлем. 1 июня Кулондр, французский посол в Берлине, информировал своего министра иностранных дел Бонне, что Россия занимает все большее место в мыслях Гитлера. "Гитлер рискнет начать войну, — писал Кулондр, — если ему не придется воевать с Россией. Более того, если он будет знать, что с ней ему тоже придется воевать, он скорее отступит, чем ввергнет свою страну, свою партию и самого себя в катастрофу". Посол советовал поторопиться с завершением англо-французских переговоров в Москве и сообщал, что английский посол в Берлине обратился к своему правительству с таким же призывом. (Французская желтая книга, с. 180–181).

15 августа и Кулондр и Гендерсон побывали у Вайцзекера в министерстве иностранных дел. Британский посол сообщал в Лондон: статс-секретарь уверен, что Советский Союз "в конечном счете присоединится к разделу Польши" (Британская синяя книга, с. 91). Кулондр после беседы с Вайцзекером телеграфировал в Париж:

"Необходимо любой ценой допвогриться с русскими, и как можно скорее" (Французская желтая книга, с. 282).

Весь июнь и июль Лоренс Штейнгардт, американский посол в Москве, слал предупреждения о готовящейся советско-германской сделке. Президент передал эту информацию в английское, французское и польское посольства. Еще 5 июля, когда советский посол Константин Уманский направлялся в Москву в отпуск, он вез с собой послание Рузвельта Сталину, в котором президент предупреждал, что если "Советское правительство заключит союз с Гитлером, то ясно как божий день, что, как

только Гитлер завоюет Францию, он двинет свои войска на Россию" (Дэвис Д. Е. Миссия в Москву, с. 450). Предупреждение президента было передано по телеграфу Штейнгардту вместе с инструкцией повторить его Молотову, что и было проделано послом 16 августа (Дипломатическая переписка США. 1939, т. 1, с 296–299). — Прим. авт. }. Теперь, при самых неблагоприятных обстоятельствах и в самое неподходящее время, им предстояло оказать помощь Польше в случае, если она подвергнется нападению.

В Лондоне и Париже горько сокрушались по поводу двойной игры Сталина. Многие годы советский деспот кричал о "фашистских зверях", призывая все миролюбивые государства сплотиться, чтобы остановить нацистскую агрессию. Теперь он сам становился ее пособником. В Кремле могли возразить, что, собственно, и сделали: Советский Союз сделал то, что Англия и Франция сделали год назад в Мюнхене — за счет маленького государства купили себе мирную передышку, необходимую на перевооружение, чтобы противостоять Германии. Если Чемберлен поступил честно и благородно, умиротворив Гитлера и отдав ему в 1938 году Чехословакию, то почему же Сталин повел себя нечестно и неблагородно, умиротворяя через год Гитлера Польшей, которая все равно отказалась от советской помощи?

О тайной циничной сделке Сталина с Гитлером, предусматривающей раздел Польши и предоставление свободы рук России, чтобы она могла захватить Литву, Латвию, Эстонию, Финляндию и Бессарабию, знали только в Берлине и Москве. Правда, вскоре о ней узнали все по тем шагам, которые предприняла Россия и которые даже тогда поразили весь мир. Русские могли сказать — и говорили, — что они только возвращают территории, утраченные ими в конце первой мировой войны. Но люди, жившие на этих территориях, не были русскими и не испытывали желания вернуться в состав России {Обстановка в Прибалтийских странах не была столь однозначной, как полагает автор. Значительная часть населения Прибалтийских стран ратовала за вхождение в состав СССР, но, несомненно, имелись и силы, не желавшие этого. — Прим. тит. ред. }. Только применение силы, чего Советы избегали во времена Литвинова, помогло возвращению этих территорий.

Вступив в Лигу Наций, Советский Союз завоевал репутацию поборника мира и ведущей силы, противостоявшей фашистской агрессии. Теперь этот моральный капитал он быстро терял.

Кроме всего прочего, заключив сделку с Гитлером, Сталин дал сигнал к началу войны, которой наверняка предстояло перерасти в конфликт

мирового масштаба. Это он, несомненно, знал {В данном случае автор грешит против исторической истины. Нападение Германии на Польшу произошло бы независимо от подписания советско-германского I пакта о ненападении. — Прим. тит. ред. }. Как оказалось, это была величайшая ошибка в его жизни.

Часть 16. Последние дни мира

Английское правительство не бездействовало в ожидании подписания германо-советского пакта в Москве. Объявление в Берлине вечером 21 августа о визите Риббентропа в Москву для подписания германо-советского пакта привело британский кабинет в движение. На заседании, состоявшемся 22 августа, в 15. 00, было составлено коммюнике, в котором категорически заявлялось, что германо-советский пакт о ненападении "никоим образом не повлияет на обязательства в отношении Польши, о которых неоднократно публично заявлялось и которые Англия полна решимости выполнить".

На 24 августа было назначено заседание парламента, на котором предстояло принять закон об обороне; были предприняты мобилизационные меры превентивного характера.

Хотя заявление кабинета было сформулировано довольно четко, Чемберлен не хотел, чтобы у Гитлера оставались какие-либо сомнения на этот счет. Когда на заседании кабинета был объявлен перерыв, он написал личное письмо фюреру.

"... Вероятно, в некоторых кругах в Берлине полагают, что после объявления о германо-советском соглашении с обязательствами Англии по отношению к Польше уже не следует считаться. Думать так было бы грубейшей ошибкой. Что бы ни лежало в основе германо-советского соглашения, это не может повлиять на обязательства Англии по отношению к Польше.

Существует мнение, что если бы в 1914 году правительство его величества заняло более четкую позицию, то можно было бы избежать большой катастрофы. Что бы ни служило основой для такого утверждения, на этот раз правительство его величества не допустит такого недопонимания.

В любом случае оно полно решимости и готово употребить в дело все имеющиеся в его распоряжении силы. Трудно предсказать, чем закончатся военные действия, если они начнутся... "

Окончательно прояснив позицию правительства, премьер-министр еще раз призвал Гитлера найти мирные пути решения проблем с Польшей и предложил свои услуги в качестве посредника.

Письмо Гитлеру привез посол Гендерсон, который прилетел в Берхтесгаден из Берлина около часа дня 23 августа. Письмо повергло

диктатора в ярость.

"Гитлер был взволнован и не шел ни на какие компромиссы, — писал Гендерсон лорду Галифаксу. — Речь его была грубой, в ней содержались выпады против Англии и Польши".

Доклад Гендерсона и немецкий меморандум о встрече — последний обнаружен среди трофейных документов — не расходятся в оценках. Англия, бушевал Гитлер, сама виновата в упрямстве Польши, так же как год назад она была виновата в неразумном поведении Чехословакии. Десятки тысяч фольксдойче в Польше подвергаются преследованиям. Имели место шесть случаев кастрации — это стало для него навязчивой идеей. Он не намерен больше мириться с потерями. Дальнейшие преследования немцев со стороны поляков повлекут за собой немедленные действия.

"Я оспаривал каждый пункт, — телеграфировал Гендерсон Галифаксу, — обращал внимание на то, что его данные неточны, но это вызывало только новые тирады".

В конце концов Гитлер согласился дать письменный ответ премьер-министру через два часа, и Гендерсон уехал в Зальцбург, чтобы немного передохнуть {Вайцзекер, присутствовавший при этой встрече, писал позднее "Как только дверь за послом закрылась, Гитлер усмехнулся и сказал "Чемберлен не перенесет этого разговора. Его кабинет падет сегодня вечером". (Вайцзекер. Мемуары, с. 203.) — Прим. авт. }. Через некоторое время Гитлер вызвал его и вручил ответ. Гендерсон сообщал в Лондон, что в отличие от первой встречи Гитлер "был спокоен и ни разу не повысил голоса", что он сказал: ему пятьдесят лет и он предпочитает начать войну сейчас, а не когда ему будет пятьдесят пять или шестьдесят.

Мания величия немецкого диктатора, восседающего на вершине пирамиды власти, проступает еще резче в немецком варианте отчета о встрече. После упоминания о том, что он охотнее начнет войну в пятьдесят лет, чем позднее, там написано:

"Англия хорошо сделает, если уяснит, что он, как бывший фронтовик, знает войну лучше и будет использовать все возможные средства. Всем, вероятно, понятно, что мировая война (1914–1918 гг.) не была бы проиграна, если бы канцлером в то время был он".

Ответ фюрера Чемберлену состоял из потока лжи и преувеличений, который он извергал на иностранцев и свой народ с тех пор, как Польша осмелилась противостоять ему. Германия, говорил он, не ищет конфликта с Великобританией. Германия всегда была готова обсудить с Польшей вопрос о Данциге и коридоре на беспримерно великодушных условиях. Но

объявление Англии о гарантии Польше воодушевило поляков, и они "развязали волну неприкрытого террора" против полутора миллионов немцев, проживающих в Польше. Такие зверства, по его заявлению, ужасны для жертв, но совершенно невыносимы для такой великой державы, как германский рейх. Германия не станет больше этого терпеть.

Под конец он отреагировал на уверения премьер-министра, что Англия будет верна обязательствам, данным Польше, и в свою очередь заверил Чемберлена, что это "ни в коей мере не повлияет на решимость правительства рейха стоять на страже интересов рейха... Если Германия подвергнется нападению со стороны Англии, то она к этому готова".

Чем же закончился обмен письмами? Гитлер удостоверился, что Англия вступит в войну, если Германия нападет на Польшу. Премьер-министр получил от Гитлера ответ, что он не придает этому значения. Но, как показали события последующих восьми дней, никто из них не считал, что противник сказал свое окончательное слово.

В большей степени это относилось к Гитлеру. Ободренный новостями из Москвы и уверенный в том, что Англия, а вслед за ней и Франция, несмотря на письмо Чемберлена, хорошо подумают, перед тем как реализовать свои обещания Польше, узнав о нейтралитете России, Гитлер вечером 23 августа, когда Гендерсон улетал обратно в Берлин, назначил точную дату и время нападения на Польшу: суббота 26 августа, 4. 30 утра.

"Дальнейших распоряжений относительно дня "Y" и часа "X" не будет, — записал генерал Гальдер в своем дневнике. — События должны развиваться автоматически".

Но начальник штаба сухопутных войск ошибался. 25 августа произошли два события, которые заставили Гитлера отойти от той пропасти, в которую меньше чем через двадцать четыре часа должна была шагнуть его армия, перейдя границы Польши. Одно из них произошло в Лондоне, другое — в Риме.

Утром 25 августа Гитлер вернулся в Берлин, чтобы приветствовать возвратившегося из Москвы Риббентропа и выслушать доклад о переговорах с русскими. Тогда же он отправил письмо Муссолини. В письме содержались расплывчатые объяснения, почему он не мог сообщить своему партнеру по оси о переговорах с Советским Союзом: ему якобы "и в голову не приходило", что они так быстро и так далеко продвинутся. Далее он заявлял, что германо-советский пакт "следует считать величайшим выигрышем для стран оси".

Но настоящей причиной, которая побудила Гитлера написать письмо дуче, было желание предупредить своего союзника, что война с Польшей

может начаться в любой момент. Однако точной даты нападения Гитлер ему не сообщил. "Если события — примут недопустимый характер, — писал он, — я буду действовать немедленно... В таком случае трудно будет сказать, что произойдет в течение следующего часа". Гитлер не просил помощи со стороны Италии. По итало-германскому договору она подразумевалась автоматически. Он ограничился тем, что выразил надежду на понимание со стороны итальянского союзника. Тем не менее ответ он хотел получить незамедлительно. Письмо было продиктовано лично Риббентропом немецкому послу в Риме и вручено дуче в 15. 20.

В тот же день, в 13. 30, Гитлер принял в канцелярии посла Гендерсона. В своем намерении уничтожить Польшу фюрер не колебался. Вместе с тем он гораздо сильнее, чем во время предыдущей встречи с Гендерсоном в Берхтесгадене, стремился предпринять последнюю попытку удержать Англию от участия в войне. Как сообщал посол в Лондон, он нашел Гитлера "совершенно спокойным"; фюрер "говорил серьезно и казался искренним". Несмотря на опыт, который Гендерсон приобрел в течение предыдущих лет, он даже в самый последний момент не разглядел, что скрывалось за "искренностью" немецкого вождя. Сказанное Гитлером было лишено всякого смысла, а он говорил послу, что "считается" с Британской империей, что готов поклясться: он ратует за ее существование и готов предоставить для этого все силы рейха".

Гитлер объяснял, что хочет сделать в направлении Англии такой же серьезный шаг, как и в направлении России. Он не только готов заключить договоры с Англией, гарантирующие существование Британской империи при любых обстоятельствах, насколько это будет зависеть от Германии, но и готов оказывать помощь, если таковая ей понадобится.

Он готов также, добавлял он, "согласиться с разумным ограничением в вооружении" и признать западные границы рейха незыблемыми. В какой-то момент Гитлер дал волю сентиментальным излияниям, хотя в своем докладе Гендерсон не изобразил их таковыми" Гитлер говорил, что он по натуре художник, а не политик, и, как только польский вопрос будет решен, он предпочтет жизнь художника, а не поджигателя войны.

Но закончил свою речь диктатор, как записано в отчете, сделанном немцами для Гендерсона, на другой ноте:

"Фюрер повторил, что он человек очень решительный... и что это его последнее предложение. Если они (английское правительство) отвернут его идеи, то будет война".

В течение всей встречи Гитлер неоднократно повторял, что "его всеобъемлющее предложение Англии", как он сам его называл, сможет

стать предметом обсуждения только при одном условии: после решения германо-польского конфликта. Когда Гендерсон заметил, что Англия не сможет рассматривать его предложение, если оно не будет включать в себя мирного урегулирования вопроса с Польшей, Гитлер ответил: "Если вы считаете это бессмысленным, тогда вообще не передавайте мое предложение".

Тем не менее, как только Гендерсон вернулся в посольство, расположенное на Вильгельмштрассе, в двух шагах от канцелярии, его тут же посетил д-р Шмидт, который принес запись беседы с Гитлером — правда, с заметными сокращениями — и послание от него с просьбой посоветовать английскому правительству "отнестись к предложению со всей серьезностью". Он даже предлагал Гендерсону самому слетать в Лондон, обещая предоставить для этой цели немецкий самолет.

Читатели, вероятно, уже поняли, насколько трудно порой постичь работу воспаленного мозга Гитлера. Его нелепое "предложение" от 25 августа о гарантии Британской империи было, очевидно, сделано в состоянии какого-то временного умопомрачения, тем более что через два дня, когда он обсуждал с Гендерсоном письмо Чемберлена и составлял ответ на него, об этом речь не заходила. Даже учитывая приступы умопомрачения, случавшиеся у диктатора, трудно поверить, что сам он относился всерьез к этому предложению, как пытался внушить английскому послу. К тому же, как могло английское правительство "отнестись всерьез" к его предложению, если у Чемберлена практически не оставалось на это времени, поскольку немецкие армии должны были обрушиться на Польшу на рассвете следующего дня — ведь день "X" никто не отменял?

Но "предложение" несомненно было продиктовано серьезными причинами. Гитлер, вероятно, полагал, что Чемберлен, как и Сталин, стремится уберечь свою страну от войны {Если не от войны, то от серьезного участия в ней. Генерал Гальдер в дневниковой записи, сделанной 28 августа, воспроизводит ход событий 25 августа. Он пишет, что в 13. 30 Гитлер принял Гендерсона. При этом он добавляет: "Фюрер не обидится, если Англия будет делать вид, что ведет войну". — Прим. авт. }. Сталинский дружественный нейтралитет он купил за два дня до этого, предоставив России полную свободу действий в Восточной Европе "от Балтийского до Черного моря". Не сможет ли он купить и невмешательство Англии, пообещав британскому премьер-министру, что третий рейх в отличие от Германии Гогенцоллернов никогда не станет угрожать Британской империи? Гитлер не понимал, как не понимал и Сталин, дорого

заплативший за это, что у Чемберлена наконец открылись глаза и что для него господство Германии в Европе и есть самая грозная опасность для Британской империи, как, впрочем, и для России. На протяжении веков, как писал сам Гитлер в "Майн кампф", основой британской внешней политики было стремление не допустить господства какой-либо нации на континенте.

В 17. 30 Гитлер принимал французского посла. Ничего нового он сказать ему не мог, кроме того, что "польские провокации, направленные против рейха", терпеть дольше невозможно, что он не станет нападать на Францию, но если Франция вступит с ним в конфликт, то он будет воевать с ней до победы. При этом Гитлер встал, давая понять французскому послу, что аудиенция закончена. Но Кулондру было что сказать фюреру третьего рейха, и он настоял на том, чтобы ему позволили это сделать. Он дал Гитлеру честное слово старого солдата, что "в случае нападения на Польшу Франция будет на стороне Польши со всеми своими силами".

"Мне горько думать, — сказал Гитлер, — что придется воевать с вашей страной. Но это от меня не зависит. Передайте это месье Даладье".

Все это происходило в шесть вечера 25 августа в Берлине. Напряженность в столице нарастала весь день. После полудня приказом с Вильгельмштрассе были запрещены все телеграфные и телефонные сношения с внешним миром. Накануне вечером оставшиеся английские и французские корреспонденты, а также неофициальные лица поспешно выехали в сторону ближайшей границы. Днем 25 августа стало известно, что министерство иностранных дел Германии направило телеграммы в свои посольства и консульства в Польше, Англии и Франции с требованием, чтобы все немцы покинули эти страны в кратчайший срок. Записи в моем дневнике, относящиеся к 24–25 августа, передают лихорадочную обстановку в Берлине. Погода стояла теплая и солнечная. Все было до предела напряжено. По всему городу расставлялись зенитные орудия, над городом то и дело пролетали бомбардировщики в сторону Польши. "Это похоже на войну", — записал я в дневнике вечером 24-го. "Война неизбежна", — записал я на следующий день. Помню, что вечерами 24-го и 25-го немцы, которых мы встречали на Вильгельмштрассе, перешептывались о том, что фюрер дал приказ армии на рассвете вторгнуться в Польшу.

Как известно, приказом предписывалось напасть на Польшу в 4. 30 утра в субботу, 26 августа {Хотя приказ Гитлера, который не был отменен, предписывал начать наступление в этот день и час и, как замечает Гальдер, действовал "автоматически", некоторые немецкие авторы пишут, что незадолго до 15. 00 фюрер приказал начать операцию "Вайс" на следующее

утро. (См Вайцзекер. Мемуары; Кордт Э. Иллюзия и реальность; Хофер У. Преднамеренная война.) Хофер пишет, что приказ был отдан в 15. 02, и ссылается при этом на генерала фон Формана, который находился в тот момент в канцелярии. В официальных немецких документах об этом не упоминается. — Прим авт. }. До шести вечера 25-го никакие события — даже заверения английского и французского послов, что Англия и Франция выполнят свои обязательства перед Польшей, — не могли поколебать решимости Гитлера начать войну в намеченный срок. Но в шесть вечера или около того были получены новости из Лондона и Рима, которые заставили этого человека с железной волей заколебаться.

Из немецких документов и послевоенных показаний сотрудников с Вильгельмштрассе неясно, когда именно Гитлер получил известие из Лондона о том, что официально подписан договор между Англией и Польшей, который превратил одностороннюю гарантию Англии в договор о взаимопомощи {Вместе с договором был подписан секретный протокол, где в статье I указывалось, что "европейская держава", способная совершить агрессию, при которой будет оказана помощь, — это Германия. Это спасло английское правительство от катастрофы, так как Англии пришлось бы объявить войну Советскому Союзу, когда Красная Армия вступила в Восточную Польшу. — Прим. авт. }. В дневнике Гальдера имеются упоминания о том, что в полдень 25 августа на Вильгельмштрассе стали поговаривать, что этот договор будет подписан в течение дня. Начальник генерального штаба пишет, что в полдень у него раздался звонок. Звонили из ОКВ: спрашивали, на сколько можно максимально отложить намеченный час нападения. На это он ответил: до 15. 00. Документы штаба военно-морских сил свидетельствуют, что "известие от дуче" и сообщение об англо-польском договоре поступили в полдень. Но это невозможно. Письмо Муссолини, как свидетельствует немецкая запись, прибыло только в 18. 00. О подписании англо-польского пакта Гитлер не мог узнать раньше этого времени, поскольку само подписание состоялось только в 17. 35, через пятнадцать минут после того, как посол Польши в Англии граф Эдвард Рачиньский получил по телефону разрешение от министерства иностранных дел в Варшаве скрепить документ своей подписью {Германия не переходила на летнее время, как Англия Таким образом, разницы во времени на один час между Лондоном и Берлином не существовало. — Прим авт. }.

Когда бы Гитлер ни получил эти сообщения из Лондона — а время 18. 00 кажется вполне правдоподобным, — оно встревожило его. Его можно было расценивать как ответ Англии на "предложение", которое к этому

времени уже могло быть передано в Лондон. Это означало, что его попытки купить невмешательство Англии, как он купил невмешательство России, провалились. Доктор Шмидт, находившийся в кабинете Гитлера, когда прибыло сообщение, пишет, что, прочитав его, фюрер в задумчивости сел за стол.

Муссолини трусит

Его размышления были очень скоро прерваны новостями из Рима, причем плохими. Согласно показаниям Шмидта, Гитлер весь вечер, "не скрывая нетерпения", ждал ответа дуче на свое послание. Вскоре после того как ушел Гендерсон, в 15. 00 в канцелярию был вызван Аттолико, но он не смог сообщить ничего, кроме того, что ответ еще не получен. К этому времени нервы у Гитлера были уже на пределе. Он послал Риббентропа позвонить Чиано по телефону, но министр иностранных дел не смог дозвониться и Аттолико отпустили "не особенно вежливо".

Уже в течение нескольких дней Гитлер получал из Рима предупреждения о том, что его партнер по оси может отвернуться от него в момент нападения на Польшу, и эти сведения не были лишены оснований. Не успел Чиано вернуться в Рим после обескураживающих встреч с Гитлером и Риббентропом 11–13 августа, как принялся настраивать дуче против немцев. Его действия не ускользнули от бдительного ока немецкого посольства в Риме. По дневнику фашистского министра иностранных дел можно проследить все успехи и неудачи в его попытках открыть Муссолини глаза и побудить его вовремя отвернуться от Гитлера, который планирует начать войну. Вечером 13 августа, когда Чиано вернулся из Берхтесгадена, он встретился с дуче, описал ему ход переговоров с Гитлером и стал убеждать его, что немцы не раз предавали и обманывали их и теперь "втягивают в авантюру".

"Дуче все время меняет взгляды, — записал Чиано в дневнике в тот вечер. — Сначала он соглашается со мной. Потом говорит, что честь требует, чтобы он выступил вместе с Германией. В конце концов заявляет, что ему нужна его доля в Хорватии и Далмации.

14 августа. Я нашел Муссолини обеспокоенным. Я не колеблясь настраиваю его антигермански всеми доступными мне средствами. Я говорю о том, что падает его престиж, что он — вторая скрипка. Наконец, я показываю ему документы, из которых очевидно вероломство немцев в польском вопросе. В основе союза лежат обещания, которые они теперь отрицают; мы должны отделаться от них без всяких сомнений".

Но Муссолини еще колебался.

На следующий день Чиано проговорил с Муссолини около шести

часов кряду.

"75 августа. Дуче ... убежден, что мы не должны безоглядно следовать за немцами. Тем не менее... ему нужно время, чтобы подготовить разрыв с Германией. ... Он все более и более убеждается, что западные демократии будут драться... На сей раз это будет война. А наше положение не позволяет нам участвовать в войне.

18 августа. Разговор с дуче утром; настроение у него, как обычно, переменчивое. Он все еще считает, что западные страны все-таки не вступят в войну и Гитлер ловко провернет дело, а дуче не хочет, чтобы дело проворачивали без него. Кроме того, он боится гнева Гитлера. Он полагает, что расторжение договора или любой подобный шаг могут привести к тому, что Гитлер на время оставит Польшу и сведет счеты с Италией. Из-за всего этого дуче крайне обеспокоен и раздражен.

20 августа. Дуче сделал полный поворот кругом. Он всеми силами стремится поддерживать Германию в конфликте, который вот-вот начнется... Мы с Муссолини встретились с Аттолико. (Посол вернулся из Берлина в Рим для консультаций.) Суть разговора: уже слишком поздно порывать с немцами... Пресса всего мира обвинит Италию в трусости... Я пытаюсь обсудить этот вопрос, но все бесполезно. Муссолини упрямо придерживается своей точки зрения 21 августа. Сегодня я говорил очень откровенно... Когда я вошел в кабинет, Муссолини уверил меня, что утвердился в своем решении выступить совместно с немцами. "Вы, дуче, не можете этого сделать и не должны этого делать... Я ездил в Зальцбург, чтобы выработать общую линию поведения. Там я лично столкнулся с диктатом! Немцы, а не мы предали наш союз... Расторгните пакт. Разорвите его и бросьте Гитлеру в лицо... "

В результате было решено, что Чиано встретится на следующий день с Риббентропом на Бреннерском перевале и сообщит ему, что Италия не примет участия в конфликте, вызванном нападением Германии на Польшу. В течение нескольких часов Чиано не мог застать Риббентропа, но в половине шестого Риббентроп подошел к телефону. Нацистский министр иностранных дел не мог сразу дать обещание встретиться, получив предложение столь неожиданно, потому что ждал "важного известия из Москвы". Он обещал перезвонить позже, что и сделал в 22. 30. Чиано записал в своем дневнике:

"22 августа. Начался новый акт. Вечером в 22. 30 позвонил Риббентроп и сказал, что хотел бы встретиться со мной в Инсбруке, а не на границе, потому что ему вскоре предстоит лететь в Москву для подписания политического пакта с Советским правительством".

Эта новость поразила Чиано и Муссолини. Они решили, что встреча двух министров иностранных дел "не является более актуальной". Еще раз немецкие союзники продемонстрировали свое презрение к ним, ничего не сообщив о договоре с Москвой.

Колебания дуче, антинемецкие настроения Чиано, вероятность того, что Италия не выполнит обязательство по пункту III Стального пакта, по которому она должна автоматически вступить в войну, если другая сторона "окажется вовлечена в военные действия с третьей стороной", — обо всем этом узнали в Берлине еще до того, как Риббентроп отправился в Москву 22 августа.

20 августа граф Массимо Магистрати, итальянский поверенный в делах в Берлине, встретился в министерстве иностранных дел с Вайцзекером. Статс-секретарь писал в конфиденциальном меморандуме Риббентропу, что итальянец сообщил ему о "том, что думают в Италии. Хотя меня это и не удивляет, но, по-моему, это нужно определенным образом учитывать". Магистрати выговорил Вайцзекеру, что Германия не соблюла условий договора, по которым должна была консультироваться со своим союзником по основным вопросам, посчитав польский вопрос делом чисто немецким. Таким образом, она отказывается от военной помощи Италии. И если вопреки расчетам Германии польский конфликт перерастет в большую войну, Италия будет считать, что "предпосылок" для военного союза с Германией нет. Короче говоря, Италия желала отколоться.

Через два дня, 23 августа, пришло еще одно предупреждение. Оно было прислано Гансом Георгом фон Макензеном, послом в Риме. Он пересказывал Вайцзекеру то, что слышал в кулуарах. Это письмо, оказавшееся среди трофейных документов, судя по отметке Вайцзекера, сделанной на полях, было передано Гитлеру и, вероятно, открыло ему глаза. Макензен писал, что после встреч Муссолини, Чиано и Аттолико позиция Италии выглядела следующим образом: если Германия нападет на Польшу, то тем самым нарушит Стальной пакт, предусматривающий воздерживаться от войны до 1942 года. Далее, Муссолини в отличие от немецкой точки зрения считает, что в случае нападения Германии на Польшу в борьбу вступят Англия и Франция, "а через пару месяцев и Соединенные Штаты". Пока Германия будет обороняться на западных границах, Англия и Франция, полагал дуче, смогут обрушиться на Италию всеми своими силами. В таком случае Италии придется принять на себя всю тяжесть войны и дать Германии возможность уладить свои дела на Востоке...

Зная обо всем этом, Гитлер утром 25 августа направил послание

Муссолини и весь день с нарастающим нетерпением ждал ответа. Накануне, сразу после полуночи, Риббентроп, который весь вечер рассказывал фюреру о своем триумфе в Москве, позвонил Чиано, чтобы предупредить его "по настоянию фюрера" о "необычайно сложном положении из-за польских провокаций" {Нельзя забывать, что "польские провокации", о которых Гитлер и Риббентроп кричали во время встреч и дипломатических переговоров с англичанами, французами, русскими и итальянцами в те дни, а также новости, которые подавались под кричащими заголовками в прессе, контролируемой нацистами, от начала до конца являлись выдумкой самих немцев. Большинство провокаций в Польше творилось немцами же по прямому приказу из Берлина. В трофейных немецких документах тому есть масса подтверждений. — Прим. авт. }. Из записи Вайцзекера ясно, что звонок был сделан с целью "не дать итальянцам возможности говорить о непредвиденных событиях".

К тому моменту, когда посол Макензен передал письмо Гитлера дуче — в 15. 20 25 августа в Палаццо Венеция в Риме, — дуче уже знал, что до нападения Германии на Польшу осталось совсем немного, В отличие от Гитлера Муссолини был уверен, что Англия и Франция немедленно вступят в войну, что приведет к катастрофическим для Италии последствиям, поскольку ее ВМС заметно уступали английскому Средиземноморскому флоту, а итальянская армия по численности уступала французской {Днем раньше, 24 августа, Чиано посетил короля в его резиденции в Пьемонте. Старейший правитель, оттесненный Муссолини, презрительно отзывался об итальянской армии. "Армия находится в плачевном состоянии — так, по словам Чиано, сказал король. — Даже оборона границ неудовлетворительна. Я сам тридцать два раза выезжал туда с инспекцией и убежден, что французы пройдут сквозь пограничные заслоны довольно легко. Офицеры итальянской армии обладают низкой квалификацией, а вооружение у нас устаревшее" (Чиано. Дневник, с. 127). — Прим. авт. }. Согласно донесению Макензена, отправленному в Берлин в 22. 25, в котором он описывал свою встречу с Муссолини, дуче дважды внимательно прочитал послание в его присутствии, потом сказал, что "полностью согласен" с оценкой Гитлером германо-советского пакта и с тем, что "вооруженный конфликт с Польшей неизбежен". В конце встречи, как писал Макензен, Муссолини заявил, что он безоговорочно рядом с нами.

Но в письме Гитлеру, содержание которого не было известно послу, Муссолини писал совсем другое. Текст письма срочно продиктовал Аттолико, к тому времени уже вернувшемуся в Берлин, Чиано. Около

шести часов вечера Аттолико прибыл в канцелярию, чтобы лично вручить это письмо Адольфу Гитлеру. Шмидт, при этом присутствовавший, вспоминает, что письмо произвело на Гитлера эффект разорвавшейся бомбы. После выражения "полного одобрения" германо-советского пакта и понимания причин конфликта с Польшей Муссолини переходил к главному: Что касается практического отношения Италии (слово это было выделено самим Муссолини) к возможным военным действиям, то, на мой взгляд, его можно сформулировать так: если Германия совершит нападение на Польшу и конфликт останется локальным, то Италия предоставит Германии любую политическую и экономическую помощь, которая от нее потребуется.

Если Германия нападет на Польшу {В немецком переводе письма Муссолини, обнаруженном в архивах министерства иностранных дел, слово "Германия" зачеркнуто, а наверху впечатано "Польша", так что получается: "Если Польша нападет... " В итальянском оригинале, опубликованном после войны итальянским правительством, в этом месте написано: "Если Германия нападет на Польшу". Странно, что нацисты фальсифицировали даже секретные документы, хранящиеся в их архивах. — Прим. авт. } и союзники последней нападут на Германию, то должен предупредить Вас заранее, что для меня это будет невыгодный момент, чтобы проявить военную инициативу, учитывая состояние военных приготовлений Италии, о которых мы заблаговременно неоднократно информировали Вас, фюрер, и герра фон Риббентропа.

Тем не менее наше вмешательство может произойти незамедлительно, если Германия обеспечит нас военными и сырьевыми поставками, которые позволят нам сдерживать удары Англии и Франции, направленные главным образом против нас.

На наших встречах мы планировали начало войны на 1942 год. К тому времени в соответствии с разработанными планами я был бы готов к войне на суше, на море и в воздухе.

Я придерживаюсь мнения, что чисто военные меры, которые уже приняты, и меры, которые будут приняты позднее, смогут сдерживать — в Европе и в Африке — значительные французские и английские силы.

Как Ваш верный друг, я считаю своим святым долгом сказать Вам всю правду и предупредить заранее о реальном положении вещей. Если я этого не сделаю, то это может привести к печальным для всех нас последствиям. Такова моя точка зрения. Поскольку в ближайшем будущем мне предстоит созвать высшие правительственные органы, то мне хотелось бы знать и Вашу точку зрения.

Муссолини

{Вероятно, считая, что письмо Муссолини явилось недостаточной пилюлей Гитлеру, некоторые немецкие авторы, в большинстве своем очевидцы драматических событий тех дней, приводят вымышленный текст этого письма дуче фюреру. Эрих Кордт, один из антинацистов-заговорщиков, который возглавлял секретариат министерства иностранных дел, первым привел этот вымышленный текст в своей книге "Иллюзия и реальность", выпущенной в Штутгарте в 1947 году. Кордт не включил его во второе издание книги, но другие авторы продолжали цитировать текст первого издания. Этот текст фигурирует в книге Петера Клейста "Между Гитлером и Сталиным", выпущенной в 1950 году, и даже в английском переводе мемуаров Пауля Шмидта, вышедшем в Нью-Йорке и Лондоне в 1951 году. Подлинный же текст письма был опубликован в Италии в 1946 году, а его английский перевод был включен в сборник "Нацистско-советские отношения", выпущенный госдепартаментом в 1948 году. Д-р Шмидт, который находился рядом с Гитлером, когда Аттолико передал ему письмо, утверждает, что оно звучало так: "В один из самых мучительных моментов своей жизни должен сообщить вам, что Италия не готова к войне. Согласно тому, что говорят ответственные начальники служб, бензина у итальянских ВВС хватит только на три недели боевых действий. Так же обстоит дело с поставками для армии и с сырьем... Войдите, пожалуйста, в мое положение". Удивительно интересно о подделке текста письма рассказывается в книге Нэмира "В нацистскую эру". — Прим. авт. }

Итак, хотя Россия стала теперь дружественной и нейтральной и не надо было опасаться, что с ней придется воевать, союзница Германии по Стальному пакту пыталась из него выйти — и это в тот самый день, когда Англия, кажется, бесповоротно связала себя, подписав договор с Польшей о взаимопомощи на случай нападения Германии. Гитлер прочитал письмо дуче и холодно сказал Аттолико, что ответит на него немедленно.

"Итальянцы ведут себя так же, как в 1914 году" — такие слова услышал от Гитлера Шмидт после того, как Аттолико удалился. В тот вечер в канцелярии недобро поговаривали о "неверности партнера по оси". Но слов было недостаточно. Через десять часов — в 18. 30 25 августа немецкой армии предстояло обрушиться на Польшу, а на 4. 30 утра 26 августа было назначено вторжение. Немецкому диктатору предстояло принять решение: то ли твердо идти вперед, то ли после получения новостей из Лондона и Рима отложить агрессию, то ли вообще отменить ее.

Шмидт, провожавший Аттолико из кабинета Гитлера, столкнулся с генералом Кейтелем, который спешил к фюреру. Через несколько минут

Кейтель выбежал из кабинета, крикнув своему адъютанту:

"Приказ о выступлении нужно снова задержать! "

Гитлер, загнанный в угол Муссолини и Чемберленом, быстро принял решение. "Фюрер испытал сильное потрясение", — отметил Гальдер в своем дневнике. Далее идет такая запись:

"19. 30 — ратифицирован договор между Польшей и Англией. Военные действия не начинаются. Передвижения войск прекратить пусть даже на границе, если не найдется другого выхода.

20. 35 — Кейтель сообщает о том, что приказ выполнен. Кана-рис: ограничение телефонной связи с Англией и Францией. Подтверждение развития событий".

Немецкий морской журнал дает более развернутое объяснение задержки с указанием причин:

"25 августа. Операция "Вайс", уже начавшаяся, должна быть приостановлена в 20. 30 из-за изменений политической ситуации. (Англо-польский договор о взаимопомощи, подписанный в полдень 25 августа, информация от дуче о том, что он будет верен своему слову, но вынужден просить о поставках сырья в большом количестве.)"

Трое из числа главных обвиняемых на Нюрнбергском процессе представили каждый свою версию. Риббентроп заявил, что после того, как "услышал" об англо-польском договоре и узнал о ведущихся военных приготовлениях для нападения на Польшу (как будто он не знал об этом раньше!), он "немедленно" пошел к Гитлеру и потребовал отменить нападение, с чем "Гитлер сразу согласился". Это, разумеется, неправда.

Показания Кейтеля и Геринга представляются более правдивыми. "Неожиданно я был вызван в канцелярию к Гитлеру, — вспоминал Кейтель во время допроса в Нюрнберге, — и он сказал мне:

"Немедленно все прекратите. Срочно свяжитесь с Браухичем. Мне нужно время для переговоров".

То, что Гитлер до последнего момента верил, будто путем переговоров ему удастся найти выход из создавшегося положения, подтверждается в показаниях Геринга, данных во время предварительного следствия в Нюрнберге: "В тот день, когда Англия официально дала гарантии Польше, фюрер позвонил мне по телефону и сказал, что остановил запланированное нападение на Польшу. Я спросил, сделал ли он это на время или вообще отменил нападение. Он сказал: "Нет, я попытаюсь выяснить, сможем ли мы избежать вмешательства Англии".

Предательство Муссолини в последний момент было тяжелым ударом для Гитлера, но из свидетельства, приведенного выше, явствует, что именно

подписание Англией договора о взаимопомощи с Польшей так сильно повлияло на немецкого фюрера, что он отложил срок нападения на последнюю. И все-таки странно, что после того, как посол Гендерсон в тот же день еще раз предупредил его, что Англия будет воевать, если Германия нападет на Польшу, и что британское правительство торжественно подкрепило свое слово письменным договором, Гитлер все еще был уверен, по словам Геринга, будто сможет "избежать вмешательства Англии". Вероятно, опыт его встреч с Чемберленом в Мюнхене позволял ему думать, что премьер-министр опять сдастся, если подбросить ему выход из положения. Опять-таки странно, что человек, который ранее так хорошо ориентировался в международной политике, не знал о переменах, произошедших во взглядах Чемберлена и английского правительства. В конце концов, Гитлер сам спровоцировал их на это.

Для того чтобы остановить немецкую армию вечером 25 августа, потребовались усилия, поскольку часть соединений уже находилась на марше. В первый корпус генерала Петцеля, дислоцированный в Восточной Пруссии, приказ пришел в 9. 37 вечера, и только отчаянные усилия нескольких офицеров штаба, которые срочно отбыли в передовые части, помогли остановить войска. Моторизованные колонны корпуса генерала Клейста, в темноте подходившие к польской границе, были остановлены только на границе штабным офицером, который прилетел туда на легком разведывательном самолете. Некоторые подразделения получили приказ уже после того, как началась перестрелка. Но поскольку немцы постоянно провоцировали стычки на границе, польский главный штаб, вероятно, не подозревал, что происходит в действительности. В его сводке от 26 августа говорится, что "немецкие банды" перешли границу и атаковали блокгаузы и таможенные посты автоматным огнем и ручными гранатами и что в одном случае это "было регулярное армейское подразделение".

Ликование и замешательство заговорщиков

Сообщение о том, что вечером 25 августа Гитлер отменил нападение на Польшу, вызвало ликование среди заговорщиков абвера. Полковник Остер, сообщая об этом Шахту и Гизевиусу, воскликнул: "Теперь с Гитлером покончено! " На следующее утро адмирал Канарис был настроен весьма оптимистично. "Гитлер не перенесет этого удара, — заявил он. — Мир спасен на ближайшие двадцать лет". Оба эти человека считали, что более нет нужды сбрасывать немецкого диктатора, что с ним и без того покончено.

В течение нескольких недель, по мере того как роковое лето приближалось к концу, заговорщики, как они сами себя называли, были

очень заняты — правда, трудно понять, чем именно. Герделер, Адам фон Тротт, Гельмут фон Мольтке, Фабиан фон Шлабрендорф и Рудольф Пехель — все ездили в Лондон, где поставили в известность не только Чемберлена и Галифакса, но и Черчилля и других британских лидеров, что Гитлер планирует напасть на Польшу в конце августа. Эта немецкая оппозиция фюреру могла собственными глазами убедиться, что со времен Мюнхена Британия, во главе которой стоял Чемберлен с его неизменным зонтом, в немалой степени изменилась. Кроме того, они не могли не заметить, что условие, которое они ставили год назад, собираясь сбрасывать Гитлера, — заявление Англии и Франции о том, что они выступят на стороне Польши, если Германия на нее нападет, — выполнено. Чего же они могли желать? Из записок, которые они оставили, понять это невозможно, и складывается впечатление, что они сами этого толком не знали. Хотя ими руководили благородные помыслы, они находились в замешательстве и страдали от собственного бессилия. Гитлер крепко держал в руках Германию — армию, полицию, правительство, население, — и они не могли придумать ничего такого, что ослабило бы эту хватку.

15 августа Хассель нанес визит доктору Шахту на его новой холостяцкой квартире в Берлине. Отставной министр экономики только что вернулся из шестимесячной поездки в Индию и Бирму. "Шахт считает, — записал Хассель в своем дневнике, — что нам ничего не остается, как, широко раскрыв глаза, ждать, что события будут развиваться так, как было предопределено". В тот же день Хассель, о чем также свидетельствует дневниковая запись, говорил Гизевиусу, что он "тоже за то, чтобы отложить непосредственные действия".

Но какие "непосредственные действия" следовало отложить? Генерал Гальдер, который, как и Гитлер, желал разгрома Польши, в тот момент не был заинтересован в свержении диктатора. Генерал Вицлебен, который должен был год назад руководить войсками при свержении Гитлера, теперь командовал группой армий на западных границах и, следовательно, не мог предпринять никаких действий в Берлине, даже если бы хотел. А хотел ли он? Гизевиус навел его в его штаб-квартире и застал слушающим Лондонское радио. Очень скоро он понял, что генералу просто интересно, что происходит вокруг.

Что касается генерала Гальдера, то он был занят разработкой окончательных планов нападения на Польшу, так что у него не оставалось времени на предательские мысли, направленные против Гитлера. На допросе 26 февраля 1946 года в Нюрнберге он очень неопределенно, как и другие вероятные противники нацистского режима, отвечал на вопрос,

почему ничего не предпринимал в последние дни августа, чтобы сместить фюрера и таким образом спасти Германию от вовлечения в войну. "Не было такой возможности", — говорил он. Почему? Потому что генерала Вицлебена перевели на Запад, а без Вицлебена армия действовать не могла.

А простые немцы? Капитан Сэм Харрис, допрашивавший Гальдера с американской стороны, напомнил ему его же собственное замечание, что немецкий народ был настроен против войны, после чего спросил: "Если Гитлер бесповоротно встал на путь войны, почему в преддверии нападения на Польшу вы не обратились к поддержке народа? " Гальдер ответил: "Простите, но это вызывает улыбку. Когда я слышу, как применительно к Гитлеру употребляют слово "бесповоротно", мне хочется возразить, что ничто не казалось бесповоротным". И начальник генерального штаба стал объяснять, что даже 22 августа, когда на встрече в Оберзальцберге Гитлер сообщил своим генералам, что он "бесповоротно" принял решение напасть на Польшу и воевать, если это будет необходимо, с Западом, он, Гальдер, не поверил, что фюрер так и поступит. В свете записей в дневнике Гальдера, относящихся к тому периоду, это заявление действительно удивляет. Но подобной точки зрения придерживался не только Гальдер, но и другие участники заговора.

А где же был генерал Бек, предшественник Гальдера на посту начальника генерального штаба сухопутных войск, признанный руководитель заговорщиков? Гизевиус сообщает, что Бек отправил письмо Браухичу, но главнокомандующий сухопутными войсками даже не ответил на него. Потом, пишет Газевиус, Бек имел беседу с Гальдером, который согласился с тем, что большая война обернется катастрофой для Германии, но полагал при этом, что "Гитлер не допустит большой войны", а следовательно; в данный момент нет нужды его свергать.

14 августа Хассель обедал наедине с Беком, после чего описал в дневнике свои настроения:

"Бек — человек культурный, привлекательный и интеллигентный. К сожалению, он очень низкого мнения о тех, кто стоит во главе армии. Поэтому он не видит, где мы могли бы укрепиться. Он твердо убежден в том, что характер политики третьего рейха порочен".

Устремления Бека и тех, кто его окружал, были высоки и благородны, но никто из этих благородных людей ничего не сделал, чтобы остановить Гитлера, когда он готовился втянуть Германию в войну. Возможно, задача была не из легких, а возможно, в тот момент ее уже поздно было решать, но никто из них даже не попытался это сделать. Разве что генерал Томас. В продолжение идей своего меморандума, который он лично зачитал шефу

ОКВ в середине августа, он прибыл к нему в воскресенье 27 августа и, согласно его собственному отчету, "представил ему графическое подтверждение статистических данных, которые наглядно показывали огромное военно-экономическое превосходство стран западной демократии и те беды, которые мы будем иметь в результате этого". Кейтель с несвойственной ему смелостью предъявил эти материалы Гитлеру, но фюрер заявил, что не разделяет опасений генерала Томаса по поводу мировой войны, особенно теперь, когда Советский Союз на его стороне.

На этом и закончились попытки заговорщиков помешать Гитлеру развязать вторую мировую войну, если не считать вялых поползновений доктора Шахта, на которых хитрый финансист строил свою защиту в Нюрнберге. Вернувшись в августе из Индии, он написал письма Гитлеру, Герингу и Риббентропу — в столь сложный момент никто из лидеров оппозиции не шел дальше того, чтобы писать письма и меморандумы, — но, к его величайшему удивлению, ни от кого не получил ответа. Тогда он решил поехать в Цоссен, расположенный в нескольких милях к юго-востоку от Берлина, где находилась штаб-квартира верховного командования сухопутных войск, задействованных для нападения на Польшу, чтобы встретиться с генералом Браухичем лично. И что же он собирался сказать генералу? Выступая в Нюрнберге, Шахт уверял, будто намеревался сказать командующему сухопутными войсками, что по конституции Германия может вступить в войну только с одобрения рейхстага и что генерал обязан выполнять клятву, данную конституции.

Увы! Доктор Шахт так и не встретился с Браухичем. Канарис предупредил Шахта, что, если тот приедет в Цоссен, командующий, "вероятно, прикажет его немедленно арестовать", — такая перспектива не прельщала бывшего приспешника Гитлера. Но о настоящей причине, по которой Шахт не совершил поездки в Цоссен со своей нелепой миссией (для Гитлера было бы просто детской забавой заставить бесхребетный рейхстаг одобрить войну, если бы он захотел связываться с формальностями), рассказал Гизевиус, выступая в Нюрнберге в защиту Шахта. Выходит, что Шахт действительно собирался поехать в Цоссен 25 августа, но не поехал, узнав, что Гитлер отменил нападение, планировавшееся на следующий день. Через три дня, согласно показаниям Гизевиуса, Шахт снова собрался в Цоссен, но Канарис предупредил его, что уже слишком поздно. Нельзя сказать, что от заговорщиков, как говорится, "поезд ушел", — они и не пытались на этот поезд успеть и даже не были на вокзале.

Таковыми же бесполезными, как протесты кучки антинацистов, были и

попытки руководителей нейтральных стран обратиться к Гитлеру с призывом избежать войны. 24 августа президент Рузвельт направил срочные послания Гитлеру и президенту Польши, призывая их решить разногласия, не прибегая к оружию. Президент Мосьцицкий в веском ответе, который он послал на следующий день, напоминал Рузвельту, что Германия, а не Польша "выдвигает требования и требует уступок", тем не менее Польша готова решить вопросы путем прямых переговоров или путем примирения, как призвал американский президент. Гитлер на послание не ответил (президент напомнил, что он не ответил и на его апрельское послание), и на следующий день, 25 августа, Рузвельт направил ему еще одну телеграмму, в которой сообщал о миролюбивом ответе Мосьцицкого и призывал "согласиться с мирными мерами урегулирования, на которые правительство Польши согласно".

Второе послание также осталось без ответа, хотя вечером 26 августа Вайцзекер вызвал американского поверенного в делах в Берлине Александра Кэрка и просил его передать президенту, что фюрер обе телеграммы получил и передал их "в руки министра иностранных дел на рассмотрение правительства".

24 августа папа римский выступил по радио с призывом к миру:

"Во имя крови Христовой... сильные да услышат нас и не станут слабыми из-за несправедливости... Пусть захотят они, чтобы сила их не стала разрушающей". Во второй половине дня 31 августа папа римский послал ноты одинакового содержания правительствам Германии, Польши, Италии и двух западных держав, "умоляя во имя господства правительства Польши и Германии избежать инцидента", прося английское и французское правительства поддержать его. При этом он добавлял: "Папа не теряет надежды на то, что переговоры, которые сейчас ведутся, приведут к мирному решению".

Его святейшество, как почти весь остальной мир, не осознавал, что "ведущиеся переговоры" — это пропагандистский трюк Гитлера для оправдания агрессии. На самом деле, как мы расскажем далее, в последний мирный вечер не велось вообще никаких переговоров.

За несколько дней до этого, 23 августа, король Бельгии от имени правителей ряда государств (Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Финляндии и трех Скандинавских стран) также выступил по радио с обращением, призвав "людей, от которых зависит ход событий, вынести их проблемы и претензии на открытые переговоры". 28 августа король Бельгии и королева Нидерландов совместно предложили свои услуги "в надежде предотвратить войну".

Как бы ни были благородны по форме и по содержанию эти призывы, сегодня они кажутся просто нереальными. Можно подумать, что президент Соединенных Штатов, папа римский и правители маленьких европейских государств жили не на той же планете, что и жители третьего рейха, и о том, что происходило в Берлине, знали не больше, чем о том, что происходит на Марсе. За такое незнание образа мыслей Гитлера, его характера, его целей, за незнание немцев, которые, за редким исключением, готовы были идти за фюрером куда угодно, невзирая на мораль, этику, честь, христианскую гуманность, — за все это людям, которые шли за Рузвельтом и монархами Бельгии, Голландии, Люксембурга, Норвегии и Дании, вскоре пришлось заплатить дорогой ценой.

Те из нас, кто находился в Берлине в те последние предвоенные дни и передавал миру новости из Германии, мало что знали о происходящем на Вильгельмштрассе, где располагались канцелярия и министерство иностранных дел, или на Бендлерштрассе, где располагались военные ведомства. Мы, как могли, старались фиксировать все поспешные посещения Вильгельмштрассе. Ежедневно нам приходилось фильтровать кучу сплетен и слухов. Мы замечали перемену в настроениях людей на улицах, государственных чиновников, партийных лидеров, дипломатов и военных из числа наших знакомых. Но что сказали друг другу посол Гендерсон и Гитлер во время их, как всегда, бурной встречи, о чем переписывались Гитлер и Чемберлен, Гитлер и Муссолини, Гитлер и Сталин, о чем говорили Риббентроп и Молотов, Риббентроп и Чиано, каково было содержание секретных депеш, которые растерянные дипломаты направляли в свои министерства иностранных дел, что планировали генералы — обо всем этом ни мы, ни широкая общественность тогда не знали абсолютно ничего.

Существовали, конечно, вещи, о которых мы и общественность были осведомлены. Нацистско-советский пакт превозносился в Германии до небес, хотя о секретном протоколе, по которому была поделена Польша и Восточная Европа, стало известно только после войны. Мы знали, что до подписания пакта Гендерсон летал в Берхтесгаден, чтобы еще раз сказать Гитлеру, что подписание пакта не повлияет на гарантии, данные Англией Польше. Когда же наступила последняя неделя августа, мы в Берлине понимали, что война неизбежна, если не последует еще один Мюнхен, и что начнется она в ближайшие дни. К 25 августа из Берлина исчезли последние англичане и французы. Было отменено нацистское собрание в Танненберге, назначенное на 27 августа, на котором должен был выступать Гитлер, как раньше был отменен ежегодный съезд партии в Нюрнберге,

который Гитлер провозглашал "съездом мира". Сборище было перенесено на первую неделю сентября. 27 августа правительство объявило, что со следующего дня вводятся карточки на продовольствие, мыло, обувь, ткани и уголь. Я помню, что это объявление, сделанное среди прочих, ясно дало понять немцам, что грядет война, и по этому поводу они довольно громко возмущались. В понедельник 28 августа берлинцы могли видеть на улицах колонны войск, двигавшихся на восток. Переправлялись они на грузовиках и других транспортных средствах, которые удалось наскрести.

Это тоже заставляло прохожих задуматься над тем, что их ждет. В субботу и воскресенье, помнится, было сухо и солнечно. Берлинцы, не очень обеспокоенные тем, близится война или нет, отправились в пригород, на озера и в леса. Вернувшись в воскресенье вечером, из сообщений по радио они узнали, что в канцелярии состоялась секретная встреча с членами рейхстага. В коммюнике ДНВ говорилось, что "фюрер подчеркнул серьезность ситуации" — первое коммюнике, в котором Гитлер напомнил немецкому народу, что настал серьезный момент. О подробностях встречи не сообщалось. Никто, кроме членов рейхстага и окружения Гитлера, не знал, в каком настроении пребывал в тот день немецкий диктатор. В дневнике Гальдера — значительно позже — была обнаружена запись, датированная 28 августа, сделанная со слов полковника Остера из абвера:

"... Совещание в 17. 30 в имперской канцелярии... Положение очень серьезное. Фюрер исполнен желания так или иначе решить восточный вопрос. Минимальные требования: возвращение Данцига, решение вопроса о коридоре. Максимальные — "в зависимости от складывающейся военной обстановки".

Если минимальные требования не будут удовлетворены, тогда война. Жестокая! Он (Гитлер) сам будет в первых рядах. Поведение дуче послужит нам на пользу. Война очень тяжелая, возможно безнадежная. "Пока я жив, о капитуляции не будет и речи".

Пакт с Советским Союзом неправильно понят партией. Это пакт с сатаной, чтобы изгнать дьявола... В конце речи — "аплодисменты по приказу, однако жидкие".

Внешний вид: крайне изнурен, голос хриплый, рассеян. Больше не выходит из рук своих эсэсовских советников".

В Берлине иностранный наблюдатель мог заметить, как пресса, умело руководимая Геббельсом, обманывала легковверную немецкую публику. Все шесть лет нацистской "унификации" ежедневных газет, что само по себе означало полное уничтожение свободной прессы, немцы совершенно не знали правды о том, что происходит в мире. Одно время можно было

достать швейцарские газеты на немецком языке, в которых давалась объективная оценка событий. Но в последние годы их продажа в рейхе была запрещена или продавалось всего несколько экземпляров. Немцы, читавшие по-английски или по-французски, могли время от времени получать лондонские или парижские журналы, но их поступало так мало, что они оставались доступны лишь горстке людей.

"В каком изолированном мире живут немцы, — записал я в своем дневнике 10 августа 1939 года, — об этом напоминают вчерашние и сегодняшние газеты". Я возвращался в Германию после короткого отпуска, проведенного в Вашингтоне, Нью-Йорке и Париже. Добираясь из Швейцарии поездом, я два дня назад купил стопку берлинских и рейнских газет. Они быстро вернули меня в мир нацизма, настолько непохожий на тот, который я только что покинул, что казалось, он находится на другой планете. 19 августа, прибыв в Берлин я записал:

"В то время как весь мир считает, что Германия вот-вот нарушит мирное спокойствие, что Германия не сегодня завтра нападет на Польшу... здесь, в Германии, местные газеты рисуют прямо противоположную картину... Вот что пишут нацистские газеты: это Польша подрывает мир в Европе; Польша угрожает Германии вооруженным вторжением...

"Берегись, Польша! " — предупреждает "Берлинер цайтунг". Или такой заголовок в "Дер фюрер", ежедневной газете Карлсруэ, которую я купил, путешествуя в поезде: "Варшава угрожает сбросить бомбы на Данциг — польская архиглупость".

Вы можете спросить: вероятно, немцы не верят этой лжи? Тогда поговорите с ними. Многие верят".

К субботе 26 августа, дню, на который Гитлером первоначально было назначено нападение на Польшу, газетная кампания, организованная Геббельсом, достигла апогея. Я переписал в дневник некоторые заголовки:

"Берлинер цайтунг": "Полный хаос в Польше! Немецкие семьи бегут. Польские солдаты подошли вплотную к границе Германии! "

"12-ур блатт": "Игра с огнем зашла слишком далеко. Поляки обстреляли три немецких пассажирских самолета. В коридоре фермы многих немцев объаты пламенем! "

В полночь, по дороге в Дом радиовещания, я купил воскресный выпуск "Фелькишер беобахтер" (за 27 августа). Во всю первую полосу огромными буквами было набрано: **ВСЯ ПОЛЬША В ВОЕННОЙ ЛИХОРАДКЕ! МОБИЛИЗОВАНО 1 500 000 ЧЕЛОВЕК! БЕСПЕРЕБОЙНО СЛЕДУЮТ В СТОРОНУ ГРАНИЦЫ ТРАНСПОРТЫ С ВОЙСКАМИ! ХАОС В ВЕРХНЕЙ СИЛЕЗИИ! "**

Конечно, о мобилизации в Германии не говорилось ни слова, хотя мы знали, что германские войска были отмобилизованы уже две недели назад.

Последние шесть дней мира

Письмо Муссолини, полученное Гитлером вечером 25 августа, действовало на него словно холодный душ, а узнав, что англо-польский союз подписан, он вынужден был отложить нападение на Польшу. Тогда он отправил дуче короткое письмо, в котором спрашивал, какие военные припасы и сырье нужны и в какое время, чтобы Италия смогла "вступить в крупный европейский конфликт". Письмо было продиктовано Риббентропом германскому послу в Риме в 19. 40 и передано итальянскому диктатору в 21. 30.

На следующее утро Муссолини встретился в Риме с командующими видами вооруженных сил, чтобы составить список минимальных поставок материалов для войны, рассчитанной на год. По словам Чиано, который помогал этот список составлять, "он мог бы убить быка, если бы бык умел читать". В нем фигурировали семь миллионов тонн нефти, шесть миллионов тонн угля, два миллиона тонн стали, миллион тонн леса. Список оказался очень длинным. Завершали его 600 тонн молибдена, 400 тонн титана, 20 тонн циркония. Кроме того, Муссолини требовал 150 зенитных батарей, чтобы защитить индустриальные районы на севере страны, находившиеся в нескольких минутах лета от французских баз, — обстоятельство, о котором дуче напоминал Гитлеру в письме. Это послание Чиано продиктовал в Берлин Аттолико 26 августа, пополудни, после чего оно было немедленно передано Гитлеру.

Послание являлось не просто списком материалов, в которых нуждался Муссолини. Фашистский лидер совершенно определенно вознамерился отвертеться от обязательств перед третьим рейхом. Фюрер, прочитав его письмо, перестал в этом сомневаться.

"Фюрер! — писал Муссолини своему другу. — Я не посылал бы Вам этого списка или он был бы короче и цифры в нем были бы не столь велики, если бы я заранее знал о сроках и имел бы время для накопления запасов материалов и ускорения темпов автократии.

Считаю своим долгом заявить Вам, что, пока я не буду уверен в том, что получу все эти материалы, те жертвы, принести которые я буду призывать итальянский народ... окажутся напрасными и могут скомпрометировать Ваше дело и мое тоже".

Посол Аттолико, не будучи сторонником войны и выступая против союза Италии с Германией в случае ее начала, вручая письмо Гитлеру, по собственной инициативе подчеркнул: решающее условие {Это еще больше

усугубило неудовольствие Берлина и замешательство Рима, и ситуацию пришлось улаживать Чиано. Аттолико позднее рассказывал ему, что сделал это намеренно (то есть потребовал доставки перечисленных материалов до начала военных действий), чтобы "убить в немцах желание удовлетворять наши просьбы". Доставить 13 миллионов тонн грузов за несколько дней было, естественно, невозможно, и Муссолини извинился перед послом Макензеном за "недоразумение", заметив при этом, что даже сам господь бог не смог бы перевезти такое количество грузов за несколько дней и что ему никогда не приходила в голову такая абсурдная просьба. — Прим. авт. } — "все эти материалы должны быть в Италии до начала военных действий".

Муссолини все еще надеялся на очередной Мюнхен. Он сделал добавление к письму: если фюрер считает, что есть "хоть какая-то возможность добиться решения вопроса политическими средствами", то он, как и раньше, готов оказать своему немецкому соратнику активную помощь. Несмотря на близкие отношения, несмотря на Сталинский пакт, несмотря на многочисленные публичные выражения солидарности, Гитлер даже в преддверии войны не открывал Муссолини своей истинной цели — уничтожение Польши. Муссолини об этом не знал. Только под вечер 26 августа этот пробел был наконец ликвидирован.

26-го же августа, три часа спустя, Гитлер отправил Муссолини пространный ответ. Риббентроп продиктовал его по телефону в 15. 08 послу в Риме Макензену, который доставил письмо дуче сразу после 17. 00. В то время как некоторые из потребностей Италии, например в угле и стали, могут быть удовлетворены полностью, писал Гитлер, многие другие требования удовлетворены быть не могут. В любом случае требование Аттолико доставить материалы до начала военных действий выполнить невозможно.

Здесь Гитлер открыл наконец другу и союзнику свои ближайшие цели:

"Поскольку ни Франция, ни Англия не смогут добиться значительного успеха на Западе, Германия в результате договоренности, достигнутой с Россией, после разгрома Польши сможет высвободить свои силы на Востоке... Я полон решимости покончить с восточным вопросом, даже рискуя пойти на осложнения на Западе.

Дуче, я вхожу в Ваше положение. Я бы только просил Вас сковать англо-французские силы активной пропагандой и военными демонстрациями, которые Вы мне уже предлагали".

Это первое документальное подтверждение, что спустя двадцать четыре часа после отмены Гитлером приказа о наступлении на Польшу он

вновь обрел решимость и собирался претворить в жизнь свои планы, даже "рискуя" ввязаться в войну с Западом.

В тот же вечер Муссолини предпринял своего рода попытку остановить Гитлера. Он снова написал ему, а Чиано снова звонил по телефону Аттолико. Послание дуче поступило в рейхсканцелярию около 19.00.

"Я полагаю, что то недоразумение, причиной которого невольно стал Аттолико, уже разъяснилось... То, о чем я Вас просил, кроме зенитных батарей, должно быть доставлено в течение двенадцати месяцев. Но даже несмотря на то, что недоразумение разъяснилось, очевидно, что вы не в состоянии прикрыть те бреши, которые сделала в вооружении итальянской армии война в Испании и Эфиопии.

В таком случае я поступлю так, как Вы советуете, по крайней мере на начальной стадии конфликта, то есть буду сдерживать как можно большее количество англо-французских сил, как делаю это сейчас, и максимально ускорю при этом военные приготовления".

Удрученный дуче — удрученный тем, что в столь сложный момент предстал в довольно жалком виде, — все еще надеялся изыскать возможность нового Мюнхена.

"Я хотел бы подчеркнуть еще раз, отнюдь не из пацифистских соображений, чуждых моему характеру, но исходя из интересов наших народов и наших режимов, что полагаю: существует и возможность политического решения вопроса, которое принесет Германии удовлетворение моральное и материальное".

Как явствует из этих записей, итальянский диктатор жаждал мира, потому что не был готов к войне. Его смущала отведенная ему роль. "Предоставляю Вам догадываться, — писал он в письме за 26 августа, — о моем душевном состоянии, когда силы, над которыми я не властен, не позволяют мне проявить подлинную солидарность с Вами в момент решительных действий".

Чиано после этого напряженного дня записал в своем дневнике, что "дуче совершенно рехнулся. Его воинственный дух и чувство чести вели его к войне. Теперь и здравый смысл заставляет его остановиться. Это очень его угнетает... Ему пришлось столкнуться с горькой правдой. А это для дуче большой удар".

После столь интенсивного обмена посланиями Гитлер окончательно убедился, что Муссолини его покинул. Поздно ночью он продиктовал еще одно послание своему партнеру по оси. Оно было отправлено по телеграфу из Берлина в 00. 10 27 августа. Муссолини получил его в 9 утра.

Я получил послание, в котором изложена Ваша окончательная точка зрения. Я понимаю причины и мотивы, которые заставили Вас принять именно такое решение. При определенных обстоятельствах и его можно обратить на пользу.

Я считаю необходимым, чтобы по крайней мере до начала боевых действий мир не знал, какое решение примет Италия. Поэтому искренне прошу Вас поддержать мою борьбу психологически — средствами прессы или любыми другими. Я бы даже попросил Вас, дуче, если это возможно, предпринять хотя бы действия демонстративного характера, чтобы принудить Англию и Францию отвлекать часть своих сил или держать их в неопределенности.

Дуче, самое главное — следующее: если, как я уже говорил, дело дойдет до большой войны, восточный вопрос все равно решится прежде, чем западные державы достигнут какого-либо успеха. Тогда этой зимой, а самое позднее весной, я нападу на Запад силами, которые будут по крайней мере равны силам Англии и Франции...

Я должен просить Вас, дуче, о большом одолжении. Вы и Ваш народ очень поможете мне в этой трудной борьбе, если согласитесь присылать мне итальянских рабочих для использования их в промышленности и сельском хозяйстве... Полагаясь в этой моей просьбе на Вашу щедрость, я благодарю Вас за все усилия, которые Вы предпринимаете во имя нашего общего дела.

Адольф Гитлер

В ответе, отправленном вечером, дуче смиренно уверял, что "до начала военных действий мир не узнает о позиции Италии", — он будет свято хранить тайну. Он также свяжет как можно больше англо-французских сил на суше и на море. Он будет посылать Гитлеру итальянских рабочих, о которых тот просит. Позднее, в этот же день, Муссолини повторил послу фон Макензену — "довольно решительно", как доложил тот в Берлин, — что "еще возможно достичь всех наших целей, не прибегая к войне", и добавил, что напишет об этом Гитлеру. Однако не написал. В тот момент он казался чересчур обескураженным, чтобы упоминать об этом.

Несмотря на то, что в случае войны Франция выставила бы большую армию на западной границе Германии, несмотря на то, что в первые недели войны ее численность намного превосходила бы численность противостоящей ей немецкой армии, Гитлер в конце августа, казалось, совершенно не задумывался об этом. 26 августа премьер Даладье направил ему красноречивое письмо, в котором напоминал, что Франция будет воевать, если Польша подвергнется нападению.

"Если вы только не полагаете, что чувство чести у французского народа ниже, чем у немецкого, то можете не сомневаться, что Франция останется верна обязательствам, данным другим государствам, например Польше..."

Попросив Гитлера найти мирный способ решения конфликта с Польшей, Даладье добавлял:

"Если снова, как двадцать пять лет назад, прольется кровь Франции и Германии в войне более долгой и более убийственной, каждый из народов будет драться с верой в свою победу, но совершенно очевидно, что победят силы разрушения и варварства".

Посол Кулондр, передавая письмо премьера, обратился к Гитлеру со страстным призывом "во имя человеколюбия и сохранения чистой совести не упустить последний шанс мирного урегулирования". Но посол вынужден был "с горечью" доложить в Париж, что письмо Даладье не тронуло Гитлера, что "он твердо придерживается своего решения".

Ответ Гитлера французскому премьер-министру был составлен с расчетом на то, что французы не захотят "умирать за Данциг", — иными словами, письмо было рассчитано на сторонников политики умиротворения. Гитлер уверял, что после того, как Германия вернула Рур, у нее нет территориальных претензий к Франции. Стало быть, у Франции нет никаких оснований вступать в войну. Если Франция будет воевать, то это произойдет не по его вине и он будет "крайне опечален".

Это был последний политический контакт между Германией и Францией в оставшиеся дни мира. После 26 августа Кулондр уже не встречался с Гитлером, пока все не было кончено. Больше всего канцлера Германии теперь волновала Англия. Вечером 25 августа Гитлер говорил Герингу, что, откладывая нападение на Польшу, он хотел выяснить, "можно ли избежать вмешательства Англии".

Германия и Великобритания в последние дни мира

"Фюрер весьма удручен" — такую запись сделал 26 августа в своем дневнике генерал Гальдер после того, как новости, полученные из Рима и Лондона, заставили Гитлера вопреки его планам отложить начало войны. Но через два дня начальник генерального штаба сообщает о переменах в поведении фюрера. "Фюрер очень спокоен и собран", — записал он в дневнике в 16. 15. Для этого должна быть причина, и генерал о ней сообщает: "Генерал-полковник (фон Браухич): Подготовиться к утру 7-го дня к мобилизации (1. 9)". (Сообщено по телефону из имперской канцелярии.)

Итак, Гитлер будет воевать с Польшей. Это вопрос решенный. А пока

необходимо сделать все возможное, чтобы в войне не участвовала Англия. В дневнике Гальдера есть записи о том, что думал Гитлер в тот решающий день — 28 августа.

"По слухам, Англия, по-видимому, склонна сделать серьезные встречные шаги. Подробности будут сообщены лишь Гендерсоном. Также по слухам, Англия подчеркивает, что само собой разумеется, жизненные интересы Польши поставлены под угрозу. Во Франции в правительстве усиливаются антивоенные настроения...

Итог: мы требуем присоединения Данцига, прохода через Польский коридор и референдума (подобного проведенному в Саарской области). Англия, возможно, примет эти условия. Польша, по-видимому, нет. Раскол!"

Последнее слово Гальдером выделено. Нет сомнений в том, что это отражает точку зрения Гитлера. Он намеренно добивается раскола между Польшей и Англией, чтобы дать тем самым Чемберлену предлог для отказа от обязательств перед Варшавой. Отдав армии приказ быть готовой напасть на Польшу 1 сентября, он хотел теперь услышать мнение Англии о его грандиозных "гарантиях", предложенных Британской империи.

Гитлер имел два контакта с английским правительством кроме германского посольства в Лондоне. Посол Дирксен находился в отпуске, но все равно он не играл никакой роли в лихорадочных дипломатических переговорах, происходивших в эти последние дни. Первый канал — официальный, через посла Гендерсона, который вылетел в Лондон на специально предоставленном ему немецком самолете утром в субботу 26 августа с предложениями Гитлера. Второй канал — неофициальный, скрытый и, как оказалось, совсем непрофессиональный, через шведского друга Геринга Биргера Далеруса, который прилетел в Лондон из Берлина днем раньше с посланием шефа люфтваффе правительству Англии.

"В это время, — говорил Геринг во время допроса в Нюрнберге, — я поддерживал контакт с Галифаксом через специального курьера, который действовал независимо от дипломатических каналов {"Риббентроп не знал о том, что был послан Далерус, — показал Геринг. — Я никогда не говорил о нем с Риббентропом, который не знал ничего о том, что Далерус курсирует туда и обратно между британским правительством и мной". Но Гитлера Геринг держал в курсе дела. — Прим. авт. }. Именно к министру иностранных дел Англии и летел шведский "курьер" в 18. 30 25 августа. Накануне Геринг вызвал Далеруса из Стокгольма в Берлин и сообщил ему, что, несмотря на подписание германо-советского пакта, Германия стремится к взаимопониманию с Англией. Он предоставил в распоряжение

шведа один из своих личных самолетов, чтобы тот мог без промедления отправиться в Лондон и довести этот знаменательный факт до лорда Галифакса.

Министр иностранных дел, который всего за час до этого подписал англо-польский договор о взаимопомощи, поблагодарил Далеруса за хлопоты и сообщил ему, что Гендерсон только что встречался с Гитлером и сейчас находится на пути в Лондон с последними предложениями фюрера и что, следовательно, установлены официальные каналы связи между Берлином и Лондоном и в шведском посреднике более нет необходимости. Но очень скоро выяснилось что такая необходимость имеется. Позднее, этим же вечером, Далерус позвонил Герингу и рассказал о встрече с Галифаксом. Фельдмаршал сообщил Далерусу, что в результате подписания англопольского пакта положение значительно ухудшилось и что, вероятно только встреча представителей Англии и Германии может спасти мир. Как признавался позднее в Нюрнберге Геринг, он, как и Муссолини, надеялся на новый Мюнхен.

Еще позднее неутомимый швед проинформировал Форин оффис о своем разговоре с Герингом, а на следующее утро был снова приглашен Галифаксом на встречу. На этот раз Далерус уговорил министра иностранных дел написать письмо Герингу, которого он охарактеризовал как немца, способного предотвратить войну. Написанное общими фразами письмо оказалось коротким и ни к чему не обязывающим. В нем опять говорилось о желании Англии достигнуть мирного урегулирования и подчеркивалось, что для достижения такого результата "необходимо несколько дней".

Тем не менее письмо показалось тучному фельдмаршалу "необычайно важным". Далерус доставил ему это письмо вечером 26 августа, когда фельдмаршал ехал в специальном поезде в штаб люфтваффе в Ораниенбург, пригород Берлина. На ближайшей станции поезд был остановлен, и они вдвоем помчались на автомобиле в канцелярию. Прибыли туда в полночь. Канцелярия была погружена во мрак. Гитлер уже спал. Геринг настоял на том, чтобы его разбудили. До этого момента Далерус, как и многие другие, верил, что Гитлер не лишен здравого смысла и что он готов согласиться на мирное урегулирование, как уже однажды сделал это год назад в Мюнхене. Теперь шведу предстояло ознакомиться с бредовыми фантазиями диктатора и его отвратительным характером. Это было необычайное зрелище.

Гитлер даже не взглянул на письмо, которое доставил Далерус и которое показалось Герингу настолько важным, что он счел возможным

поднять диктатора среди ночи. Зато он в течение двадцати минут читал шведу лекцию о начальном периоде своей борьбы, о своих достижениях и попытках добиться взаимопонимания с Англией. Когда Далерусу удалось вставить слово, он сказал, что одно время проживал в Англии в качестве рабочего, и Гитлер принялся расспрашивать его об этом странном острове и странных людях, которые его населяют и которых он тщетно пытается понять. Последовал длинный и обстоятельный доклад о мощи немецкой армии, изобилующий техническими деталями. Именно тогда, как вспоминал Далерус, он подумал, что "от его визита пользы не будет". В конце концов швед все-таки улучил момент, чтобы рассказать Гитлеру об англичанах.

"Гитлер слушал меня не перебивая... потом, придя в крайнее возбуждение, вскочил и стал ходить по комнате из угла в угол и говорить самому себе, что Германия несокрушима.

... Он неожиданно остановился посередине комнаты и уставился в одну точку. Голос его стал глух, а сам он походил на сумасшедшего. Он заговорил рублеными фразами: "Если будет война, я стану строить подводные лодки, подводные лодки, подводные лодки". Он говорил все более неразборчиво, и его уже невозможно было понять. Потом он пришел в себя, повысил голос и, как бы обращаясь к большой аудитории, прокричал: "Я буду строить самолеты, самолеты, самолеты, я уничтожу своих врагов". Он походил больше на привидение, чем на живого человека. Я с удивлением смотрел на него, потом оглянулся на Геринга, чтобы узнать его реакцию на происходящее. Геринг оставался невозмутим".

Наконец возбужденный канцлер подошел к своему гостю и сказал: "Герр Далерус, вы хорошо знаете Англию. Можете ли вы сказать, почему кончаются неудачей все мои попытки достичь взаимопонимания с ней? " Далерус признается, что "сначала заколебался", не зная, что ответить, но потом изложил свою точку зрения: причина заключается в том, что "англичане не доверяют его правительству".

"Идиоты! — воскликнул Гитлер, выбросив в сторону правую руку, а левой ударив себя в грудь: — Разве я солгал хоть раз в жизни? "

Потом, когда нацистский диктатор успокоился, обсудили его предложения, с которыми Гендерсон улетел в Лондон. Было решено, что Далерус полетит в Лондон с дальнейшими предложениями британскому правительству. Геринг протестовал против того, чтобы предложения были переданы в письменном виде, поэтому услужливому шведу пришлось их запомнить. Состояли они из шести пунктов:

1. Германия желает союза с Англией.

2. Англия поможет Германии получить Данциг, при этом Польша будет иметь в Данциге свободную гавань, чтобы сохранить балтийский порт Гдыня и коридор к нему.

3. Германия гарантирует новые границы Польши.

4. Германии должны быть возвращены ее колонии или предоставлены равноценные территории.

5. Немецкому меньшинству в Польше должны быть предоставлены гарантии.

6. Германия возьмет на себя обязательство защищать Британскую империю.

Держа в голове эти предложения, Далерус отправился в Лондон утром в воскресенье, 27 августа. Вскоре после полудня его скрытно от вездесущих репортеров привезли на встречу с Чемберленом, лордом Галифаксом, сэром Горацием Вильсоном и сэром Александром Кадоганом. Было очевидно, что на этот раз английское правительство отнеслось к шведскому курьеру вполне серьезно.

Он привез с собой составленный наскоро в самолете отчет о встрече накануне ночью с Гитлером и Герингом. В этом отчете, представленном двум ведущим членам британского кабинета, которые его тут же просмотрели, поведение Гитлера во время встречи характеризовалось как "спокойное". Хотя в архивах Форин оффис документа об этой встрече не сохранилось, по документам английского министерства иностранных дел (том 7, серия 3), которые были составлены на основе данных, представленных лордом Галифаксом и Кадоганом, удалось восстановить ее ход. Английская версия несколько отличается от той, которую Далерус привел в своей книге и в Нюрнберге, но, сопоставив различные отчеты, изложенное ниже можно считать наиболее достоверным.

Чемберлен и Галифакс сразу поняли, что у них есть два набора предложений Гитлера: один — привезенный Гендерсоном, другой — привезенный Далерусом, и что эти варианты отличаются друг от друга. Если в первом варианте предлагалось дать гарантии Британской империи после того, как Гитлер уладит разногласия с Польшей, то во втором варианте предлагались переговоры с Англией по поводу Данцига и коридора, после чего Гитлер обещал "гарантировать" новые границы Польши. Это было знакомо Чемберлену по опыту Чехословакии, и он достаточно скептически отнесся к предложениям Гитлера в том виде, в каком их изложил Далерус. Он сказал шведу, что не видит возможности добиться урегулирования на этих условиях: "поляки, возможно, и уступят Данциг, но будут скорее драться, чем уступят коридор".

Наконец, было решено, что Далерус вернется в Берлин с предварительным неофициальным ответом и сообщит в Лондон о реакции Гитлера, прежде чем будет составлен официальный ответ, который Гендерсон на следующий вечер отвезет в Берлин. Как сказал, согласно английской версии, Галифакс, "дело может несколько усложниться вследствие неофициальной секретной связи через господина Далеруса. Было бы желательно, чтобы ответ, который вечером отвезет в Берлин Далерус, считался не ответом правительства его величества, а подготовкой к официальному ответу", который привезет Гендерсон.

Безвестный шведский бизнесмен стал играть такую важную роль в переговорах между правительствами двух сильнейших в Европе государств, что в этот критический момент он просил премьер-министра и министра иностранных дел "задержать Гендерсона до понедельника (то есть до следующего дня), чтобы ответ можно было дать после того, как станет известно мнение Гитлера о позиции Англии".

Какова же была позиция Англии, которую Далерус должен был сообщить Гитлеру? Здесь есть некоторые неясности. Согласно записям Галифакса об устных инструкциях, данных им Далерусу, позиция Англии была такова:

1. Торжественные заверения в желании добиться взаимопонимания между Германией и Великобританией. Ни один член правительства не думает по-другому.

2. Великобритания должна выполнить свои обязательства перед Польшей.

3. Германо-польские разногласия должны быть решены мирным путем.

По версии Далеруса, переданный ему неофициальный ответ англичан был более полным.

Естественно, пункт 6, в котором предлагалась защита Британской империи, был отвергнут. Точно так же они не собирались вести разговоров о колониях, пока Германия находится в состоянии мобилизационной готовности. Что касается польских границ, то им хотелось, чтобы они были гарантированы пятью великими державами. В отношении коридора они полагали необходимым немедленно начать переговоры с Польшей. Что касается первого пункта (предложений Гитлера), Англия в принципе склонялась к соглашению с Германией.

Далерус вылетел обратно в Берлин в воскресенье вечером и незадолго до полуночи встретился с Герингом. Фельдмаршал не воспринял ответ англичан как "очень благоприятный". Но после встречи с Гитлером, состоявшейся в полночь, он позвонил в гостиницу Далерусу и сообщил, что

канцлер "примет английскую позицию", если официальный ответ будет основан на ней.

Геринг остался доволен, Далерус — в еще большей степени. В два часа ночи он поднял с постели советника британского посольства сэра Джорджа Огильви Форбса, чтобы сообщить ему приятные новости. И не только сообщить, но и посоветовать — так возросло его влияние или, по крайней мере, так он считал — английскому правительству, что именно необходимо сказать в официальном ответе. В ответе, который Гендерсону предстояло доставить в этот же день (в понедельник 28 августа), необходимо было сказать — на этом Далерус настаивал, — что Англия убедит Польшу немедленно вступить в прямые переговоры с Германией.

Только что звонил Далерус от Геринга, указывается в докладе Форбса от 28 августа. Продиктовал следующие предложения, которые он считает необычайно важными:

1. В английском ответе Гитлеру не должно быть никаких ссылок на план Рузвельта {Вероятно, имеется в виду послание президента Рузвельта Гитлеру от 24–25 августа с требованием проведения прямых переговоров между Германией и Польшей. — Прим. авт. }.

2. Гитлер подозревает, что поляки захотят избежать переговоров. В ответе должно содержаться четкое заверение в том, что полякам настойчиво рекомендовано немедленно установить контакт с Германией и начать переговоры {Справедливости ради надо отметить, что Далерус был совсем не так прогермански настроен, как может показаться на основании ряда документов. Ночью в тот понедельник, после встречи с Герингом, состоявшейся в штаб-квартире люфтваффе в Ораниенбурге и длившейся два часа, он позвонил Форбсу и сказал: "Немецкая армия будет готова к нападению на Польшу в ночь на 31 августа". Форбс поспешил передать эту информацию в Лондон. — Прим. авт. }.

В течение дня швед, обретя уверенность, засыпал советами Форбса, который аккуратно передавал их по телеграфу в Лондон. Более того, Далерус сам позвонил в английское министерство иностранных дел и передал Галифаксу дальнейшие предложения.

В этот критический момент мировой истории шведский дипломат-любитель стал основным связующим звеном между Берлином и Лондоном. 28 августа, в два часа дня, Галифакс, который знал о совете шведа не только от самого Далеруса, звонившего ему по телефону, но и от своего берлинского посольства, телеграфировал английскому послу в Варшаве сэру Говарду Кеннарду, чтобы тот тотчас же встретился с министром иностранных дел Беком и просил его уполномочить правительство

Великобритании ответить Гитлеру, "что Польша готова немедленно вступить в переговоры с Германией". Министр иностранных дел торопился. Он хотел включить это обстоятельство в официальный ответ, которого ожидал Гендерсон, чтобы в тот же день доставить его в Берлин. Галифакс просил посла в Варшаве продиктовать ответ Бека по телефону. Ближе к вечеру Бек предоставил полномочия английскому правительству, что было сразу же включено в официальный ответ.

Гендерсон прибыл с этим ответом в Берлин вечером 28 августа. В канцелярии его приветствовал почетный караул СС, после чего его проводили к Гитлеру, которому в 22.30 он вручил немецкий перевод английской ноты. Канцлер сразу же его прочитал.

В послании говорилось, что британское правительство "полностью согласно" с ним, что "сначала" надо устранить разногласия между Германией и Польшей. "Однако, — говорилось далее, — все зависит от того, каковы будут методы и способы урегулирования разногласий". Об этом, как отмечалось в ноте, канцлер умалчивает. Предложения Гитлера о "гарантии" Британской империи были в мягкой форме отклонены. Британское правительство "не может, несмотря ни на какие выгоды, принять участия в урегулировании, ставящем под угрозу независимость государства, которому оно дало гарантии".

Гарантии будут выполнены, и хотя английское правительство "скрупулезно" подходит к выполнению своих обязательств перед Польшей, канцлер не должен думать, что оно не заинтересовано в справедливом решении.

"Из этого явствует, что следующим шагом станет начало германо-польских переговоров на основе... сохранения жизненных интересов Польши и урегулирование конфликта путем международных гарантий.

Они (члены правительства Англии) уже получили весьма конкретный ответ правительства Польши, что оно готово вступить в переговоры на такой основе, и правительство его величества выражает надежду, что правительство Германии согласится с этим курсом.

Справедливое урегулирование ... между Германией и Польшей откроет дорогу миру во всем мире. Если достичь договоренности не удастся, то рухнут надежды на взаимопонимание между Германией и Великобританией, что может привести к конфликту между нашими двумя странами и послужить началом мировой войны. Такой исход будет катастрофой, не имеющей себе равной в истории".

После того как Гитлер кончил читать послание, Гендерсон стал развивать его на основании записей, которые, как он сказал Гитлеру, были

сделаны им во время беседы с Чемберленом и Галифаксом. Это была единственная встреча с Гитлером, рассказывал он позднее, когда говорил в основном посол. Суть его дополнений состояла в том, что Англия хочет дружбы с Германией, она хочет мира, но будет драться, если Германия нападет на Польшу. Гитлер (отнюдь не безмолвствовавший) принялся разглагольствовать по поводу вины Польши и своих "великодушных" предложений по части мирного урегулирования разногласий с ней, с которыми он выступал и к которым больше не вернется. Сегодня "он удовлетворится лишь Данцигом и коридором, а также исправлением границ в Силезии, где во время послевоенного плебисцита более 90 процентов населения проголосовало в пользу Германии". Это было неправдой, как и последующее утверждение Гитлера, будто миллион немцев был выселен из коридора после 1918 года. Там проживало, согласно немецкой переписи, всего 385 тысяч немцев, но нацистский диктатор полагал, что его лжи поверят. Это была последняя встреча Гендерсона с Гитлером, во время которой посол выслушал много лжи. В своей книге "Последний доклад" он писал: "Во время этой встречи герр Гитлер был настроен дружески, казался рассудительным. Нельзя было сказать, что он остался недоволен ответом, который я ему привез".

"В конце встречи я задал ему два прямых вопроса, — телеграфировал Гендерсон в Лондон в 2. 35, описывая встречу с Гитлером, — собирается ли он вести прямые переговоры с Польшей и готов ли он обсудить вопрос, связанный с перемещением населения. На второй вопрос он ответил положительно (хотя не сомневаюсь, что в то же время думал об исправлении границ)".

Что касается первого вопроса, то фюрер обещал скрупулезно изучить ответ английского правительства. В этот момент, сообщал Гендерсон, канцлер обратился к Риббентропу: "Мы должны вызвать Геринга и обсудить этот вопрос с ним". Он обещал дать письменный ответ на послание британского правительства на следующий день, во вторник 29 августа.

"Беседа протекала, — сообщал Гендерсон, — в спокойной, дружественной обстановке, хотя обе стороны оставались тверды". Вероятно, Гендерсон, несмотря на богатый личный опыт общения с Гитлером, не понял, почему хозяин придал встрече дружеский характер. Фюрер все еще был полон решимости начать в конце недели войну против Польши и все еще питал надежду, что Англия не примет участия в войне, несмотря на заявления английского правительства и Гендерсона.

Очевидно, Гитлер, поддерживаемый недалеким Риббентропом, просто

не мог поверить, что англичане поступят так, как говорят, хотя и утверждал, что верил.

На следующий день Гендерсон прибавил к своему длинному отчету постскрипtum:

"Гитлер подчеркивает, что он не блефует и что те, кто этого не донимают, совершают большую ошибку. Я ответил, что ничуть в этом не сомневаюсь, и сказал, что мы тоже не блефуем. Герр Гитлер заявил, что он прекрасно это понимает".

Так он сказал, но понимал ли? В своем ответе от 29 августа он намеренно пытался ввести в заблуждение британское правительство, полагая, будто ему удастся устроить так, что и волки будут сыты и овцы целы.

Ответ английского правительства и первая реакция на него фюрера вызвали в Берлине взрыв оптимизма, особенно в окружении Геринга, где Далерус проводил теперь большую часть времени. В половине второго 29 августа швед был разбужен телефонным звонком. Звонил один из адъютантов Геринга. Звонил из канцелярии, где Гитлер, Риббентроп и Геринг изучали после отъезда Гендерсона послание английского правительства. Далерусу его немецкий друг сказал, что ответом англичан "в высшей степени удовлетворен и есть надежда, что угроза войны миновала".

Далерус сообщил это приятное известие по телефону в Форин оффис, известив Галифакса: "Гитлер и Геринг полагают, что теперь существует реальная возможность мирного урегулирования". В 10. 50 Далерус встретился с Герингом, который тепло его приветствовал, долго жал руку, восклицая: "Будет мир! Мы сохранили мир! " Воодушевленный такими заверениями, шведский "курьер" немедленно отправился в британское посольство, чтобы сообщить эту приятную новость Гендерсону, с которым раньше не встречался. Согласно отчету посла об этой встрече, Далерус заявил, что немцы настроены в высшей степени оптимистично. Они "одобряют" основной пункт британского послания. Далерус сообщил, что Гитлер просит только Данциг и коридор — не весь коридор, а только небольшое пространство вдоль железной дороги, ведущей в Данциг. В общем, заявил Далерус, Гитлер готов проявить максимум благоразумия. Он готов встретиться с поляками.

Сэр Невилл Гендерсон, который начал наконец понимать, что происходит, не был в этом уверен. Он сказал посетителю, как вспоминал впоследствии сам Далерус, что нельзя верить слову Гитлера. Это же относится и к другу Далеруса Герману Герингу, который обманывал посла "несчетное число раз". Гитлер, по мнению Гендерсона, вел нечестную,

грязную игру.

Но шведа, который оказался в самом центре событий, трудно было переубедить. Прозрение пришло к нему даже позднее, чем к Гендерсону. Для того чтобы убедиться в том, что необъяснимый пессимизм посла не повредит его собственным усилиям, в 19. 10 Далерус снова позвонил в Форин оффис и оставил послание Галифаксу, в котором сообщал, что министерство иностранных дел "не столкнется с трудностями в ответе немцев". Однако при этом, советовал швед, британское правительство должно сказать полякам, чтобы они "вели себя соответствующим образом".

Через пять минут после этого, в 19. 15, Гендерсон прибыл в канцелярию за ответом фюрера. Вскоре выяснилось, насколько беспочвенным был оптимизм Геринга и его шведского друга. Сразу по завершении встречи Галифакс докладывал в Лондон, что она "носила бурный характер, Гитлер был далеко не столь благоразумен, как накануне".

Официальный письменный ответ немцев повторял разглагольствования о желании дружбы с Великобританией, однако в нем подчеркивалось, что "эту дружбу нельзя купить ценой отказа Германии от своих жизненных интересов". После длинного и знакомого уже перечня злодеяний Польши, провокаций, "варварских актов, вызывающих к отмщению", следовали требования Гитлера, впервые изложенные на бумаге: возврат Данцига и коридора, обеспечение безопасности немцев, проживающих в Польше. До того момента, когда будет уничтожено существующее положение вещей, говорилось в ноте, "остались не недели и даже не дни, а, быть может, считанные часы".

Германия, говорилось дальше, не может более разделять точку зрения Англии о достижении решения путем прямых переговоров с Польшей. Тем не менее "исключительно" для того, чтобы не портить отношения с английским правительством, и в интересах англогерманской дружбы Германия готова "принять предложение Англии и вступить в прямые переговоры" с Польшей. "В случае территориальных перемен в Польше" правительство Германии не может дать гарантий без согласия Советского Союза. (Английское правительство, конечно, не знало о секретном протоколе к советско-нацистскому пакту, предусматривающем раздел Польши.) Во всем остальном, говорилось далее в ноте, "выступая с такими предложениями, правительство Германии никогда не имело намерения затрагивать жизненные интересы Польши или ставить под вопрос ее существование как независимого государства".

А в самом конце таилась ловушка:

"Правительство Германии охотно принимает предложение британского

правительства о посредничестве в организации приезда в Берлин польского представителя, наделенного полномочиями. Оно рассчитывает, что это лицо прибудет в среду, 30 августа 1939 года.

Правительство Германии немедленно представит все предложения по урегулированию разногласий, которые оно считает приемлемыми и, если возможно, передаст их в распоряжение британского правительства до приезда польского представителя.

Гендерсон читал ноту, Гитлер и Риббентроп, стоя рядом, смотрели на него. Посол читал молча, пока не дошел до параграфа, в котором говорилось, что немцы ждут представителя Польши на следующий день.

"Это похоже на ультиматум", — сказал он, но Гитлер с Риббентропом это яростно отрицали. Просто они сочли нужным подчеркнуть, сказали они, "важность момента, когда две готовые к бою армии стоят друг против друга".

Посол, который, несомненно, помнил, какой прием был оказан Шушнигу и Гахе, спросил, будет ли польский представитель, если он приедет, "хорошо принят" и будут ли обсуждения вестись "на основе полного равенства".

"Конечно!" — ответил Гитлер.

Затем последовала язвительная дискуссия, вызванная замечанием Гитлера о том, что посол напрочь забывает об огромном числе немцев, подвергающихся издевательствам в Польше. Гендерсон, как сообщил он в Лондон, "бурно возражал" {"Я старался перекрыть Гитлера, — телеграфировал Гендерсон Галифаксу на следующий день. — ... Я повышал голос до предела". Об этом проявлении эмоции не упоминалось в английских документах более раннего периода. — Прим. авт. }.

"В тот вечер я покинул рейхсканцелярию переполненный дурными предчувствиями", — писал он позднее в своих мемуарах, хотя в докладе в Лондон об этом не сообщил. "Мои солдаты, — сказал ему Гитлер, — спрашивают меня: "Да или нет?" Они уже потеряли одну неделю и не могут себе позволить потерять еще одну, "иначе к их врагам в Польше прибавятся еще и осенние дожди".

Из официального доклада посла и из его книги очевидно, что он не разглядел ловушки, расставленной Гитлером, до следующего дня, когда была подстроена еще одна ловушка и обман Гитлера выявился. Игра диктатора становится ясна из текста официального ответа. Вечером 29 августа он потребовал, чтобы полномочный представитель Польши прибыл в Берлин на следующий день. Можно не сомневаться, что он собирался оказать ему такой же прием, как австрийскому канцлеру и президенту

Чехословакии при аналогичных, как ему казалось, условиях. Если поляки срочно не пришлют своего представителя в Берлин — а в том, что они его не пришлют, он был уверен — или если даже пришлют, но он не примет требований Гитлера, тогда Польшу можно будет обвинить в отказе от "мирного урегулирования", а Англию и Францию убедить не оказывать ей помощь. Примитивно, но коротко и ясно {Генерал Гальдер изложил в своем дневнике 29 августа суть замысла Гитлера. "Фюрер надеется, что он вобьет клин между Англией, Францией и Польшей... Основные идеи — выставить только демографические и демократические претензии... 30. 8 — Поляки в Берлине. 31. 8 — Разрыв. 1. 9 — Применение силы". — Прим. авт. }.

Однако Гендерсону вечером 29 августа это еще не было ясно. Когда он составлял для Лондона отчет о встрече с Гитлером, он пригласил в посольство польского посла. Рассказав ему о содержании немецкой ноты, он уже от себя добавил: "... Необходимо действовать быстро. Я убеждал его, что в интересах Польши следует немедленно просить правительство тотчас же назначить кого-либо, чтобы он представлял интересы Польши на предложенных переговорах".

В лондонском Форин оффис на этот вопрос смотрели по-другому. В два часа утра 29 августа Галифакс, изучив ответ правительства Германии и отчет Гендерсона о встрече с Гитлером, отправил послу телеграмму, в которой сообщал, что ответ немцев будет тщательно изучен правительством, но, "конечно, неразумно ожидать, что мы сможем сделать так, чтобы представитель Польши прибыл в Берлин сегодня, на это правительство Германии может не рассчитывать". Дипломаты и сотрудники министерства иностранных дел лихорадочно работали круглые сутки, так что Гендерсон уже в 4. 30 утра доставил это послание на Вильгельмштрассе.

В течение 30 августа он передал еще четыре послания из Лондона. Одно поступило от Чемберлена лично Гитлеру. Премьер сообщал, что ответ Германии рассматривается "со всей срочностью" и что ответ на него последует в течение дня. А пока премьер-министр просил немецкое правительство — с аналогичной просьбой он обратился и к правительству Польши — принять меры во избежание пограничных инцидентов. Во всем остальном он приветствовал "стремление к англо-германскому взаимопониманию, которое имело место при состоявшемся обмене мнениями". Второе послание — аналогичное первому — поступило от Галифакса, третье — тоже от министра иностранных дел. В нем говорилось о фактах саботажа со стороны немцев в Польше и содержалась просьба воздержаться от подобных действий. Четвертое послание Галифаксом было

отправлено в 18. 50. В нем отражалось ужесточение позиции по отношению к Германии как министерства иностранных дел, так и посла В Берлине.

Поразмыслив, Гендерсон в тот же день дал в Лондон телеграмму:

"Хотя я все еще рекомендую правительству Польши использовать эту последнюю возможность и установить прямой контакт с Гитлером, чтобы убедить мировую общественность, что Польша готова принести жертву ради сохранения мира, из ответа немцев можно заключить, что Гитлер твердо намерен достичь своей цели так называемым мирным и справедливым путем, если это ему удастся, а если не удастся — то при помощи силы".

К этому времени даже Гендерсон не думал о втором Мюнхене. Поляки о такой возможности для себя вообще никогда не помышляли. 30 августа, в 10 часов утра, английский посол в Варшаве прислал Галифаксу телеграмму, в которой сообщал, что "невозможно будет убедить правительство Польши немедленно послать в Берлин Бека или другого представителя для обсуждения путей урегулирования конфликта на предложенной Гитлером основе. Они скорее будут драться и погибнут, чем согласятся на такое унижение, особенно после опыта Чехословакии, Литвы и Австрии". Он предлагал провести переговоры в нейтральной стране, если это будут переговоры "равных".

Ужесточение позиции Галифакса было подкреплено сообщениями его послов в Берлине и Варшаве. В телеграмме Гендерсону он указывал, что британское правительство не может "советовать" правительству Польши принять требование Гитлера и прислать полномочного эмиссара в Берлин. Министр иностранных дел считал это "совершенно необоснованным".

"Не могли бы вы предложить германскому правительству, — продолжал Галифакс, — прибегнуть к обычной в таких случаях процедуре: когда будут готовы их предложения, пригласить посла Польши, вручить ему предложения для передачи в Варшаву и попросить их высказать свои предложения по ведению переговоров".

В полночь 31 августа Гендерсон доставил Риббентропу обещанный ответ английского правительства. Единственным свидетелем этой встречи был д-р Шмидт, впоследствии вспоминавший о ней как о самой бурной за все двадцать три года его работы в качестве переводчика.

"Должен вам сказать, — телеграфировал посол Галифаксу сразу после встречи, — что Риббентроп во время этой неприятной встречи подражал Гитлеру в самых худших его проявлениях". Спустя три недели в своем "Последнем докладе" посол вспоминал, что министр иностранных дел

Германии вел себя "откровенно враждебно", причем чувство это перерастало в ненависть каждый раз, когда я переходил к следующему пункту. Он все время поднимался со стула и спрашивал, есть ли у меня еще что-нибудь, а я каждый раз отвечал, что есть". Шмидт вспоминал, что Гендерсон тоже встал. Несколько мгновений, вспоминал единственный свидетель, два этих человека смотрели друг на друга с такой ненавистью, что ему показалось, будто вот-вот начнется драка.

Но для истории важна не фарсовая сторона встречи между министром иностранных дел Германии и послом его величества в Берлине, проходившей в ночь на 31 августа, а событие, которое произошло во время этой бурной встречи и которое выявило последнее мошенничество Гитлера и открыло наконец сэру Невиллу Гендерсону, хотя и слишком поздно, глаза на третий рейх.

Риббентроп едва взглянул на ответ английского правительства, а пояснений Гендерсона и вовсе почти не слушал {Хотя и написанная в примирительном тоне, британская нота по сути оказалась жесткой. Правительство его величества "разделяет" желание Германии улучшить отношения, но оно не может жертвовать интересами своих друзей ради достижения этого улучшения. Оно отчетливо осознает, что правительство Германии "не может жертвовать интересами Германии, но и правительство Польши находится в таком же положении". Правительство Великобритании вынуждено сделать "небольшую оговорку" в отношении условий Германии и, выступая всецело за скорейшие прямые переговоры между Берлином и Варшавой, "считает невозможным установить контакт уже сегодня". (Текст из Британской синей книги, с. 142–143.) — Прим. авт. }. Когда Гендерсон спросил о предложениях Германии, которые Гитлер обещал представить английскому правительству в своем последнем послании, Риббентроп презрительно ответил, что уже поздно об этом говорить, так как польский эмиссар до полуночи не прибыл. Тем не менее предложения были подготовлены и Риббентроп стал их зачитывать.

Читал он по-немецки, очень быстро, невнятно произнося слова. "Тон его был раздраженным", — докладывал Гендерсон.

"Из шестнадцати пунктов я уловил содержание только шести, но совершенно невозможно гарантировать точность восприятия без тщательного изучения самого текста. Когда он закончил чтение, я попросил разрешения взглянуть на текст. Риббентроп категорически отказал, презрительным жестом швырнул текст на стол и сказал, что теперь предложения устарели, так как польский эмиссар не прибыл до полуночи" {Риббентроп, который, как показалось автору этих строк, являл собой в

Нюрнберге весьма жалкое зрелище и хуже всех защищался, заявил, что Гитлер сам "лично продиктовал" все шестнадцать пунктов и "настрога запретил выпускать текст предложений из рук". Почему — он не объяснил, да ему и не было задано такого вопроса. "Гитлер сказал мне, — уверял Риббентроп, — что я могу довести до сведения британского посла только суть предложений, если сочту нужным. Я сделал намного больше: я зачитал предложения от начала до конца". Д-р Шмидт отрицает тот факт, что Риббентроп читал так быстро, что английский посол не мог ничего понять. Он утверждает, что министр иностранных дел читал, "не особенно торопясь". Гендерсон, по словам Шмидта, "не был большим знатоком немецкого языка", и от встречи было бы больше пользы, если бы он говорил на родном языке. Риббентроп прекрасно владел английским, но отказался говорить на этом языке во время встречи. — Прим. авт. }.

Может, они и устарели, поскольку немцы предпочли считать именно так. Важно другое — немецкие предложения не были рассчитаны на то, чтобы их воспринимали всерьез. Это был чистый обман. Он нужен был для того, чтобы убедить немецкий народ, а если удастся, то и общественное мнение, что Гитлер в самую последнюю минуту пытался добиться разумного урегулирования разногласий с Польшей. Фюрер фактически это признал. Д-р Шмидт слышал, как позднее он говорил: "Мне нужно было алиби, особенно в глазах немецкого народа, чтобы показать, что я сделал все ради сохранения мира. Этим объясняются мои великодушные предложения относительно урегулирования вопросов о Данциге и коридоре" {Все шестнадцать пунктов предложений были переданы немецкому поверенному в делах в Лондоне в 21. 15 30 августа, за четыре часа до того, как Риббентроп "невнятно" зачитал их Гендерсону. Однако немецкому послу в Лондоне был дан приказ держать предложения "в строжайшей тайне и не говорить о них никому до дальнейших распоряжений". Гитлер в ноте, направленной накануне, как мы помним, обещал предоставить предложения в распоряжение британского правительства до приезда представителя Польши. — Прим. авт. }.

В сравнении с требованиями последних дней эти требования действительно можно назвать на удивление великодушными. Гитлер требовал возвращения Германии Данцига и плебисцита на территории коридора, и то только через двенадцать месяцев после того, как улягутся страсти. Польше остается порт Гдыня. Какой бы из сторон ни достался коридор, она предоставляет другой стороне возможность иметь в коридоре шоссе и железную дорогу с правами экстерриториальности. Это означало пересмотр "предложения" Гитлера, выдвинутого весной прошлого года.

Предполагалось перемещение населения, предоставление прав гражданам каждой страны, живущим в другой стране.

Напрашивается вывод, что если бы эти предложения выдвигались серьезно, то они несомненно составили бы по крайней мере основу для переговоров между Германией и Польшей, помогли бы избежать еще одной войны в течение жизни одного поколения. Немцы услышали эти предложения по радио в 21. 00 31 августа, через восемь с половиной часов после того, как Гитлер отдал наконец приказ о нападении на Польшу. Насколько я могу судить, они сыграли свою роль в обмане немцев. Они ввели в заблуждение и автора этих строк, который слушал предложения по радио и на которого они произвели сильное впечатление, о чем он упомянул в радиопередаче на Америку в тот последний мирный вечер.

Гендерсон вернулся в посольство его величества в ночь на 31 августа убежденный, как он вспоминал позднее, что "последняя надежда сохранить мир испарилась". Но он не бездействовал. В два часа он поднял с постели польского посла и попросил его срочно приехать в посольство, где дал ему "объективный и достаточно сдержанный отчет" о своем разговоре с Риббентропом. Он сказал, что основные немецкие требования — передача Германии Данцига и плебисцит в коридоре и что эти требования не кажутся ему неправомерными. Он предложил Липскому рекомендовать своему правительству немедленно выступить с предложением об организации встречи между Рыдз-Смиглы и Герингом. "Я счел своим долгом добавить, — пишет Гендерсон, — что не могу поручиться за успешный исход переговоров, если их будет вести герр фон Риббентроп" {В послании Галифаксу, которое было зарегистрировано в 5. 15 утра (31 августа), Гендерсон докладывал, что "в сильных выражениях" посоветовал Липскому "позвонить Риббентропу" и выяснить суть немецких предложений, чтобы передать их в Варшаву. "Польский посол, — писал далее Гендерсон, — обещал немедленно связаться по телефону со своим правительством, но он настолько инертен и настолько связан инструкциями... что я слабо верю, что его действия принесут успех". — Прим. авт. }.

Неутомимый Далерус тоже не бездействовал. В десять вечера 29 августа Геринг пригласил его к себе домой и рассказал о "неблагоприятном течении" только что закончившейся встречи Гитлера и Риббентропа с Гендерсоном. Тучный фельдмаршал пребывал в истерическом состоянии и обрушил на своего шведского друга проклятия по поводу поляков и англичан. Потом, успокоившись, он заверил гостя, что фюрер в настоящий момент готовит "великодушные" предложения Польше, по которым к

Германии отойдет Дан-циг, а будущее коридора определится путем плебисцита "под международным контролем". Далерус осторожно поинтересовался, на каких территориях будет проводиться плебисцит. Тогда Геринг вырвал страницу из старого атласа и цветными карандашами обвел на ней "немецкую" и "польскую" зоны, включив в первую не только довоенную Прусскую Польшу, но и индустриальный город Лодзь, который от границы 1914 года находился в шестидесяти милях к востоку. Швед не мог не заметить, "с какой быстротой и безрассудством" решаются в третьем рейхе серьезные проблемы. Тем не менее он согласился исполнить просьбу Геринга и немедленно вылететь в Лондон, чтобы убедить английское правительство в том, что Гитлер все еще стремится к миру, и намекнуть, что в настоящее время он разрабатывает самые великодушные предложения в отношении Польши.

Далерус, который, похоже, не знал, что такое усталость в четыре часа утра 30 августа вылетел в Лондон. По дороге с аэродрома он несколько раз пересаживался из одного автомобиля в другой, чтобы сбить со следа журналистов, которые вряд ли догадывались о его существовании. В десять утра он уже был на Даунинг-стрит, где его немедленно приняли Чемберлен, Галифакс, Вильсон и Кадоган, постоянный заместитель министра иностранных дел.

Теперь три английских устроителя Мюнхена (Кадоган всегда был невосприимчив к нацистским чарам) уже не могли поддаться с прежней легкостью на уловки Гитлера и Геринга. Не очень впечатляли их и усилия Далеруса. Исполненному благими пожеланиями шведу показалось, что они "в высшей степени не доверяют" двум нацистским лидерам и "склонны думать, что теперь ничто уже не остановит Гитлера от нападения на Польшу". Более того, как ясно дали понять шведскому посреднику, английское правительство не попало на уловку Гитлера, который требовал приезда в Берлин представителя Варшавы.

Далерус, как и Гендерсон в Берлине, целых двадцать четыре часа не прекращал усилий. Он позвонил в Берлин Герингу и предложил, чтобы представители Польши и Германии встретились "за пределами Германии", на что получил ответ, который вкратце можно сформулировать так: "Гитлер в Берлине, и встреча должна проходить там".

Таким образом, поездка шведского посредника ни к чему не привела. К полуночи он вернулся в Берлин, где ему еще раз представился случай оказаться полезным. В половине первого ночи он прибыл к Герингу, фельдмаршал опять был настроен благодушно. Фюрер, сказал он, только что через Риббентропа вручил Гендерсону "демократичное, справедливое и

вполне реалистичное" предложение относительно Польши. Далерус, расстроенный результатами встречи на Даунинг-стрит, позвонил в британское посольство Форбсу, чтобы удостовериться в этом. Он узнал, что Риббентроп "зачитывал" пункты предложений так быстро и невнятно, что Гендерсон практически ничего не смог понять, а сам текст документа не попал ему в руки. Далерус пишет, что сказал Герингу: нельзя вести себя подобным образом с послом "такой империи, как Великобритания". Он предложил фельдмаршалу, у которого имелся экземпляр предложений Гитлера, позвонить в британское посольство и продиктовать пункты по телефону. После недолгих колебаний Геринг согласился {В Нюрнберге Геринг заявил, что, передавая англичанам текст "предложения" фюрера, он "ужасно рисковал, так как Гитлер запретил предавать огласке эту информацию". "Только я, — хвастался Геринг, — мог пойти на подобный риск". — Прим. авт. }.

Таким образом, с подачи безвестного шведского бизнесмена и не без помощи шефа люфтваффе, в обход Гитлера и Риббентропа, англичане ознакомились с "предложениями" Гитлера Польше. В этот момент фельдмаршал, о котором нельзя сказать, что он был неопытен в вопросах внешней политики, быстрее Гитлера и его министра иностранных дел понял, что, раскрыв англичанам тайну, можно добиться некоторых преимуществ.

Чтобы окончательно убедиться в том, что Гендерсон понял все правильно, на следующий день, 31 августа, Геринг в десять утра послал Далеруса в британское посольство с отпечатанным текстом всех шестнадцати пунктов. Гендерсон не оставлял попыток убедить польского посла установить "желаемый контакт" с немцами. В восемь утра он еще раз говорил с Липским — на этот раз по телефону — и предупредил его, что, если Польша не предпримет никаких действий до полудня, начнется война {Даже недаленовидный французский посол поддержал в этом своего британского коллегу. Гендерсон позвонил ему в девять утра и сказал, что если поляки не согласятся к полудню прислать в Берлин своего полномочного представителя, то германская армия начнет наступление. Кулондр немедленно отправился в польское посольство, чтобы заставить Липского связаться по телефону со своим правительством и просить разрешения на немедленную встречу с правительством Германии в качестве "полномочного представителя". (Французская желтая книга, с 366–367.) — Прим. авт. Вскоре после того, как Далерус прибыл в британское посольство с текстом предложений, Гендерсон отправил его вместе с Форбсом в посольство Польши. Липский, ранее никогда не

слышавший о Далерусе, был несколько смущен, встретив шведа, — к этому времени польский посол, как и все дипломаты в Берлине, находился в невероятном напряжении и чувствовал себя смертельно усталым. Он не скрыл раздражения, когда Далерус стал настаивать, чтобы польский посол немедленно поехал к Герингу и принял предложения фюрера. Отослав шведа в соседнюю комнату, чтобы последний продиктовал там секретарю текст предложений, Липский высказал свое раздражение Форбсу, упрекнув его в том, что в такой момент и по такому важному делу он привел "незнакомца". Вероятно, польский посол испытывал давление со стороны Гендерсона, влиявшего на него и его правительство и призывавшего немедленно начать переговоры с немцами на основе предложений, которые только что были переданы ему неофициальным путем и о которых британский посол накануне сказал, что в целом они не кажутся ему неправомерными. {К этому времени, то есть к полудню 31 августа, Гендерсон, предпринимавший отчаянные попытки сохранить мир, убедил самого себя в том, что условия немцев вполне разумны и даже умеренны. И хотя Риббентроп накануне в полночь сказал ему, что предложения Германии "уже устарели, так как представитель Польши не прибыл", хотя польское правительство не видело этих предложений, которые по сути своей являлись чистейшим обманом, Гендерсон весь день настойчиво призывал Галифакса оказать давление на поляков и потребовать прислать полномочного представителя, как того хотел Гитлер. В то же время он продолжал указывать на разумность шестнадцати пунктов предложений Гитлера.

В 12. 30 (31 августа) Гендерсон отправил Галифаксу телеграмму, в которой "убедительно просил" его "настоять" на том, чтобы правительство Польши поручило Липскому запросить у немцев текст предложений для срочной передачи их на рассмотрение своему правительству с целью решения вопроса о направлении полномочного представителя. "Условия кажутся мне умеренными, — писал Гендерсон. — Это не Мюнхен... Польше никогда больше не предложат таких выгодных условий... "

В то же самое время Гендерсон направил Галифаксу длинное письмо: "... Предложения Германии не угрожают независимости Польши... Похоже, что позже ей предстоит гораздо худшая сделка... "

Продолжая придерживаться этой точки зрения, Гендерсон послал Галифаксу телеграмму. Эта телеграмма была отправлена в половине первого 1 сентября, то есть за четыре часа до запланированного начала немецкого наступления, о чем Гендерсон не знал. В телеграмме он писал: "Немецкие предложения кажутся мне правомерными... Принятие их

сделает войну неоправданной". Он снова настаивал на том, чтобы британское правительство "откровенно и четко" сказало полякам, что они должны заявить "о своем намерении послать в Берлин полномочного представителя".

Британский посол в Варшаве придерживался иной точки зрения. 31 августа в телеграмме Галифаксу он указывал: "Мне кажется, что посол его величества в Берлине считает предложения Германии разумными. С точки зрения Варшавы, я не могу с ним согласиться". — Прим. авт. } Липский не знал, что на Даунинг-стрит мнения Гендерсона не разделяли. Но он знал другое — он не намерен принимать советов неизвестного шведа, несмотря на то что его прислал британский посол, и идти к Герингу, чтобы принять предложения Гитлера. Этого он не сделает, даже если бы имелись на то полномочия, которых у него не было.

{В последний день мира в дипломатических кругах произошло еще одно странное событие, о котором стоит упомянуть. Далерус вместе с Липским посетил британское посольство. Оттуда, из кабинета Гендерсона, он позвонил по телефону в Форин оффис сэру Горацию Вильсону и сказал, что предложения Германии необычайно либеральны, тем не менее польский посол только что отклонил их. "Очевидно, — сказал он, — что поляки отвергают возможность переговоров".

В этот момент Вильсону показалось, что он слышит странный шум в телефонной трубке. Он решил, что немцы прослушивают разговор, и постарался поскорее его закончить, но Далерус продолжал распространяться о неразумном поведении поляков. В меморандуме Форин оффис Вильсон записал: "Я снова посоветовал Далерусу заткнуться, а когда он этого не сделал, я просто положил трубку".

Об этой неосторожности, допущенной в кабинете посла его величества в Берлине, Вильсон доложил своему начальству. В час дня, то есть менее чем через час, Галифакс послал Гендерсону кодированную телеграмму: "Вы должны с большей осторожностью пользоваться телефоном. Звонок Д. (так именовался Далерус в переписке между Форин оффис и британским посольством в Берлине), который он сделал в полдень из посольства, был в высшей степени безрассуден и наверняка подслушан немцами". — Прим. авт. }

Последний день мира

Уговорив, как им казалось, правительства Германии и Польши согласиться на прямые переговоры, английское и французское правительства, отчасти настроенные в отношении Гитлера скептически, сосредоточили свои усилия на том, чтобы эти переговоры состоялись.

Англия в этом деле играла ведущую роль, Франция дипломатически поддерживала ее в Берлине и особенно в Варшаве. Хотя англичане и не дали полякам прямого совета принять ультиматум Гитлера и прислать 30 августа своего представителя в Берлин, считая, как телеграфировал Галифакс Гендерсону, что это требование "неразумно", они тем не менее уговорили полковника Бека заявить, что он готов "незамедлительно" начать переговоры с Берлином. Об этом сообщалось в депеше, которую 30 августа Галифакс направил своему послу в Варшаве. Кеннард должен был информировать Бека о содержании британской ноты, которую Гендерсон передал Риббентропу, и заверить польского министра, что Англия выполнит обещание, данное Польше, но при этом подчеркнуть важность немедленного контакта с Берлином.

"Мы считаем необычайно важным, — телеграфировал Гендерсон, — учитывая внутреннюю ситуацию в Германии и мнение мировой общественности, тот факт, что до тех пор, пока Германия открыто заявляет о своей готовности вести переговоры, нельзя давать ей возможность возложить вину за конфликт на Польшу".

Кеннард встретился с Беком в полночь. Министр иностранных дел обещал проконсультироваться со своим правительством и представить "продуманный ответ" к полудню 31 августа. Доклад Кеннарда об этой встрече был получен Форин оффис в восемь утра, но Галифакса он полностью не удовлетворил. В полдень — это был последний день августа — он направил Кеннарду телеграмму, в которой просил его проконсультироваться со своим французским коллегой в Варшаве (с Леоном Ноэлем, послом Франции) и предложить польскому правительству сообщить правительству Германии (желательно напрямую, а если это невозможно, то через посредство англичан), что ему известно содержание ответа Англии немцам и что оно подтверждает свое согласие на ведение прямых переговоров. Далее в телеграмме указывалось: "Французское правительство опасается, что правительство Германии может использовать молчание польского правительства в своих интересах".

Лорда Галифакса все еще беспокоила позиция польских союзников. Менее чем через два часа после отправки предыдущей телеграммы — в 13.45 — он снова телеграфировал Кеннарду:

"Прошу вас немедленно снестись с правительством Польши и предложить ему, учитывая, что оно согласилось с принципом прямых переговоров, тотчас проинструктировать польского посла в Берлине о необходимости сообщить правительству Германии, что, если оно имеет какие-либо предложения, он готов передать их своему правительству,

чтобы оно могло рассмотреть и внести предложение по скорейшему открытию переговоров".

Однако незадолго до того, как эта телеграмма была отправлена, Бек в ответ на демарш, предпринятый в полночь, письменно информировал британского посла, что правительство Польши "подтверждает свою готовность принять участие в прямом обмене мнениями с правительством Германии". Он сообщил также (устно), что дал Липскому указание искать встречи с Риббентропом и передать последнему, что "Польша приняла британское предложение". Когда Кеннард спросил Бека, что станет делать Липский, если Риббентроп вручит ему предложения Германии, министр иностранных дел ответил, что польский посол в Берлине не уполномочен принять их, "так как опыт прошлого показывает, что они могут оказаться ультимативными". Важно возобновить контакт, считал Бек, а позднее будет установлено, кто, с кем и на какой основе начнет переговоры. В свете "опыта прошлого", о котором говорил некогда пронацистски настроенный министр иностранных дел, такая позиция была не лишена смысла. Как телеграфировал в Лондон Кеннард, Бек заявил, что "если он будет приглашен в Берлин, то конечно не поедет, потому что не желает пережить то, что пережил президент Гаха".

В действительности Бек отправил Липскому не совсем такую инструкцию. Липскому было приказано сказать немцам, что в Польше предложения Англии встретили "благоприятное отношение", вместо того, чтобы сказать, что правительство Польши эти предложения "приняло". Ему также надлежало сообщить, что официальный ответ польского правительства будет дан в течение нескольких часов.

Инструкция Бека Липскому содержала и другие пункты, и немцы, расшифровавшие код поляков, об этом узнали.

По ряду причин, которые вскоре станут ясны, немцы не спешили принять польского посла в Берлине. Было уже слишком поздно. В час дня, через несколько минут после получения по телеграфу инструкций из Варшавы, Липский попросил встречи с Риббентропом, чтобы вручить ему послание своего правительства. Последовало напряженное ожидание в течение двух часов, после чего раздался телефонный звонок. Звонил Вайцзекер. От имени министра иностранных дел он спрашивал, прибудет ли Липский как полномочный представитель или в другом качестве.

"Я ответил, — сообщал Липский в докладе, — что прошу о встрече как посол, чтобы передать послание своего правительства".

Опять последовало долгое ожидание. В пять вечера Риббентропу позвонил Аттолико и сообщил, что дуче просил фюрера принять Липского,

чтобы "установить хотя бы минимальный контакт, который позволит избежать окончательного разрыва". Министр иностранных дел Германии обещал передать фюреру пожелание дуче.

В последний день августа это была не первая попытка итальянского посла уведомить Вильгельмштрассе о своем желании сохранить мир. Еще в девять утра Аттолико звонил в Рим и сообщал, что ситуация "отчаянная" и что "если ничего нового не произойдет, то через несколько часов начнется война". В Риме Муссолини и Чиано пытались найти выход. В результате сначала Чиано позвонил Галифаксу и сказал, что Муссолини не вмешается, если не будет уверен, что сможет обеспечить Гитлеру "лакомый кусок — Данциг". Английский министр иностранных дел не попался на эту приманку. Он ответил Чиано, что вначале надо установить прямой контакт между немцами и поляками через Липского.

В 11. 30 Аттолико встретился с Вайцзекером в министерстве иностранных дел и сообщил ему, что Муссолини вошел в контакт с Лондоном и предложил считать возврат Данцига первым шагом в урегулировании польско-германского конфликта. Он добавил также, что дуче необходимо некоторое время, чтобы довести до конца свой план сохранения мира, и поинтересовался, не сможет ли правительство Германии до тех пор принять Липского.

Риббентроп принял Липского в 18. 15, то есть более чем через пять часов после того, как Липский просил о встрече. Продолжалась встреча недолго. Посол, несмотря на крайнюю усталость и нервное перенапряжение, держался с достоинством. Он зачитал министру иностранных дел текст послания:

"Прошлой ночью правительство Великобритании сообщило правительству Польши, что имело с правительством Германии обмен мнениями относительно возможности ведения прямых переговоров между польским и немецким правительством.

Правительство Польши намерено положительно отнестись к предложению Великобритании и направит официальный ответ по этому поводу в течение нескольких часов".

"Я добавил, — сообщал позже Липский, — что старался передать это послание начиная с часа дня". Когда Риббентроп уточнил, прибыл ли он в качестве полномочного представителя для ведения переговоров, посол ответил, что пока имеет лишь поручение передать министру иностранных дел послание своего правительства, что он и выполняет. Риббентроп сказал, будто надеялся, что Липский прибыл в качестве "делегата, имеющего полномочия". После того как посол еще раз заверил, что не наделен такими

полномочиями, Риббентроп отпустил его, пообещав сообщить обо всем фюреру.

"Вернувшись в посольство, — рассказывал позднее Липский, — я обнаружил, что не могу связаться с Варшавой, так как немцы отключили мой телефон".

Вопросы Вайцзекера и Риббентропа относительно статуса посла носили чисто формальный характер — для протокола. С полудня, с того времени, когда Липский получил телеграмму из Варшавы, немцы уже знали, что он не будет выступать, как они того требовали, полномочным представителем. Телеграмма была немедленно ими расшифрована. Копию телеграммы отправили Герингу, который показал ее Далерусу. Фельдмаршал немедленно направил шведа с текстом телеграммы к Гендерсону, чтобы, как он позднее объяснял в Нюрнберге, английское правительство "как можно скорее поняло, насколько непримиримую позицию занимали поляки". Геринг зачитал суду секретную инструкцию, направленную Липскому, в которой ему предписывалось ""при любых обстоятельствах" воздерживаться от официальных переговоров и настаивать на том, что он "не наделен подобными полномочиями" и что ему поручено лишь передать послание своего правительства. В Нюрнберге Геринг приводил немало подобных доводов, тщетно пытаясь убедить суд, что Польша "саботировала" предложения Гитлера спасти мир в последний момент. Геринг утверждал, что сам он войны не хотел и делал все, чтобы ее избежать. Такая правдивость немногим отличалась от правдивости Риббентропа. Примером тому может служить его утверждение, что только после встречи с Липским на Вильгельм-штрассе в 18. 15 31 августа Гитлер принял решение "на следующий день начать вторжение".

В действительности все обстояло совершенно не так. Все попытки измотанных до предела дипломатов и тех, кто направлял их деятельность, сохранить мир в последний момент, 31 августа 1939 года свелись к сотрясанию воздуха, а со стороны немцев являлись к тому же сплошным обманом.

Дело в том, что в половине первого дня 31 августа, еще до того, как лорд Галифакс настаивал, чтобы поляки стали более сговорчивыми, до того, как Липский позвонил Риббентропу, до того, как немцы публично объявили о своих "великодушных" предложениях Польше, до того, как пытался вмешаться Муссолини, Адольф Гитлер принял окончательное решение и издал приказ, который вверг планету в самую кровопролитную в ее истории войну. **ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ**

Берлин, 31 августа 1939 года

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Директива э 1 на ведение войны

1. Теперь, когда исчерпаны все политические возможности урегулировать мирным путем положение на восточной границе, которое стало невыносимым для Германии, я решил добиться этого силой.

2. Нападение на Польшу должно быть проведено в соответствии с приготовлениями, сделанными по плану "Вайс", учитывая изменения, которые произошли в результате почти полностью завершено стратегического сосредоточения развертывания сухопутных войск.

Распределение задач и оперативная цель остаются без изменений.

Дата наступления: 1 сентября 1939 года.

Начало наступления: 04. 45.

Это же время распространяется на операции против Гдыни и в Данцигской бухте и на захват моста у Диршау.

3. На Западе ответственность за открытие боевых действий следует возложить исключительно на Англию и Францию. Незначительные нарушения наших границ следует вначале ликвидировать чисто местным порядком.

Строго соблюдать нейтралитет, гарантированный нами Голландии, Бельгии, Люксембургу и Швейцарии.

Германская сухопутная граница на западе не должна быть пересечена ни в одном пункте без моего специального разрешения. То же самое относится ко всем военно-морским операциям, а также к другим действиям на море, которые могут расцениваться как военные операции {Заметки на полях директивы проясняют этот пункт, который можно толковать двояко: "Таким образом, силы в Атлантике некоторое время будут занимать выжидательную позицию". — Прим. авт. }.

... 4. Если Англия и Франция начнут военные действия против Германии, то задача действующих на западе войск будет состоять в том, чтобы, максимально экономя силы, создать предпосылки для победоносного завершения операции против Польши. В соответствии с этими задачами необходимо нанести по возможности больший урон вооруженным силам противника и его военно-экономическому потенциалу. Приказ о начале наступления будет отдан мною.

Сухопутные силы удерживают Западный вал и готовятся к предотвращению его обхода с севера в случае вступления западных держав на территорию Бельгии и Голландии...

Военно-морской флот ведет борьбу с торговым флотом противника,

главным образом с английским...

Военно-воздушные силы имеют своей задачей в первую очередь воспрепятствовать действиям французской и английской авиации против германских сухопутных войск и жизненного пространства Германии.

В войне против Англии военно-воздушные силы должны быть использованы для воздействия на морские коммуникации Англии, для нанесения ударов по военно-промышленным объектам и уничтожения транспортов с войсками, отправляемых во Францию.

Необходимо использовать благоприятные возможности для нанесения эффективных ударов по скоплениям английских военно-морских сил, в особенности по линейным кораблям и авианосцам. Приказ о бомбардировке Лондона будет отдан мною.

Налеты на английскую метрополию должны быть подготовлены с таким расчетом, чтобы по возможности избежать незначительных успехов вследствие нанесения удара ограниченными силами.

Адольф Гитлер

Итак, 31 августа, вскоре после полудня, Гитлер отдал письменный приказ о нападении на Польшу на рассвете следующего дня. Из его первой директивы видно, что он не был уверен, как поведут себя Англия и Франция. Он не хотел нападать на них первым. Если они начнут военные действия, то он будет готов им противостоять. Вероятно, писал Гальдер в своем дневнике 28 августа, англичане, учитывая их обязательства перед Польшей, будут "вести мнимую войну". Если так случится, фюрер "не обидится".

Скорее всего, нацистский диктатор принял роковое решение даже раньше, чем в первой половине дня 31 августа. В 18. 40 предыдущего дня Гальдер записал в дневнике сообщение подполковника Курта Зиверта, адъютанта генерала Браухича: "Подготовку осуществить таким образом, чтобы можно было начать наступление 1. 9 в 4. 30. В случае если переговоры в Лондоне вызовут необходимость отсрочки, начало наступления будет перенесено на 2. 9. Тогда нам будет сообщено об этом завтра до 15. 00... Фюрер: (Приказ о наступлении) либо 1. 9, либо 2. 9. После 2. 9 уже ничего не будет". Из-за осенних дождей наступление надо было начинать немедленно или совсем его отменить.

Рано утром 31 августа, когда Гитлер все еще заявлял, что он ожидал польского представителя, германская армия уже получила приказ. В 6. 30 утра Гальдер записал: "Хаузер сообщает, что из имперской канцелярии отдан приказ выступить 1. 9... В 11. 30:

Штюльпнагель доложил по вопросу урегулирования срока начала

наступления — 4. 45. Избежать выступления западных держав, по-видимому, нельзя. Тем не менее фюрер принял решение начать наступление". Через час была издана официальная Директива э 1.

Я помню, какой напряженной была атмосфера в Берлине в тот день. Казалось, все пребывали в каком-то трансе. В 7. 25 утра Вайцзекер позвонил Ульриху фон Хасселю, одному из заговорщиков, и попросил приехать к нему немедленно. Статс-секретарь видел последнюю надежду в том, чтобы Гендерсон убедил Липского и его правительство немедленно прислать полномочного представителя или по крайней мере объявить о таком намерении. По мнению статс-секретаря, Хассель в этой связи мог бы навестить своего друга Гендерсона, а заодно и Геринга. И Хассель постарался. Он дважды встретился с Гендерсоном и один раз с Герингом. Казалось, ветеран дипломатической службы и антинацист не понимает, что развитие событий зашло так далеко, что его жалкие усилия ничего не дадут. Не понял он и степени растерянности Вайцзекера, как и других "хороших" немцев, которые, конечно, хотели мира на немецких условиях, хотя 31 августа всем было ясно, что война неизбежна, если Гитлер или поляки не уступят, а об этом не шло и речи. И все же, как явствует из дневниковой записи, сделанной в этот день Хасселем, он полагал, что поляки уступят и пойдут по тому же гибельному пути, что Австрия и Чехословакия.

Когда Гендерсон пытался указать Хасселю на то, что основной трудностью в этом деле являются методы немцев, которые "хотят командовать поляками, как маленькими глупыми мальчиками", Хассель отвечал, что "упорное молчание поляков тоже вызывает возражения". Он говорил, что все зависит от Липского, "который должен не задавать вопросы, а заявить о готовности вести переговоры". Даже Хассель считал, что поляки, над которыми нависла угроза вторжения от мобилизованной армии, не должны задавать вопросов. Суммировав свою "окончательную точку зрения" по поводу начала войны, бывший посол не только обвинил в этом Гитлера и Риббентропа, которые "сознательно шли на развязывание войны с западными державами", но и возложил большую долю ответственности на поляков, а вместе с ними на французов и англичан. "В свою очередь поляки, — писал он, — с их польским чванством, славянской праздностью, уверенностью в помощи со стороны Англии и Франции упустили последний шанс избежать войны". Может возникнуть вопрос: какой шанс они упустили, кроме как подчиниться всем требованиям Гитлера? "Правительство в Лондоне, — пишет далее Хассель, — прекратило свои попытки в последние дни и беззаботно взирало на развитие событий со стороны. Франция проделала такой же путь, но с

большими колебаниями. Муссолини делал все, что было в его силах, чтобы избежать войны". Если так заблуждался высокообразованный и опытный дипломат Хассель, то совсем неудивительно, что Гитлеру легко удалось одурачить большинство немецкого народа.

В тревожный вечер последних мирных суток вплетается гротескная интерлюдия. Зная о решениях, принятых в течение дня, можно подумать, что главнокомандующий люфтваффе, которому на завтра " предстояло проводить все воздушные операции против Польши, был занят необычайно. Напротив, Далерус пригласил его в отель "Эспланада", где был организован шикарный стол с коньяком. Коньяк был настолько хорош, что Геринг, уходя, прихватил с собой две бутылки; Далерус, доведя фельдмаршала до нужного ему расположения духа, предложил пригласить для беседы Гендерсона. Получив на это разрешение Гитлера, Геринг так и сделал — пригласил Гендерсона и Форбса к себе на чашку чая к пяти часам. Далерус, о присутствии которого Гендерсон не упоминает ни в своем последнем докладе, ни в своей книге, предложил, чтобы Геринг от имени Германии встретился с представителем Польши в Голландии. Гендерсон обещал передать это предложение в Лондон. По версии английского посла во время беседы за чашкой чая Геринг "в течение двух часов говорил о прегрешениях Польши и о желании герра Гитлера и самого Геринга дружить с Англией. Это был разговор, который не мог к чему-либо привести... У меня сложилось впечатление, что это была последняя попытка отколоть Англию от Польши... Я догадался о самом худшем из того факта, что в столь ответственный момент он смог уделить нам так много времени... Вряд ли он мог бы потратить на нас столько времени, тем более в такой сложный момент, если бы все до мельчайших деталей не было подготовлено... "

Третье описание этого странного чаепития было сделано Форбсом по просьбе адвоката Геринга.

"Атмосфера была безнадежной, но вместе с тем дружественной.

... Геринг довел до сведения английского посла следующее: если поляки не сдадутся, Германия передавит их, как блох, а если Британия объявит Германии войну, то он будет очень сожалеть об этом, потому что это будет крайне неразумно со стороны Британии".

Вечером же Гендерсон направил в Лондон телеграмму, в которой говорилось: "Бесполезно будет с моей стороны делать дальнейшие предложения, поскольку события все равно обгонят их. Для нас остается один путь: мы должны со всей решительностью показать, что силе противопоставим силу" {Он, возможно, составил проект доклада в тот же

вечер, но отправил его в Лондон только а 15. 45 на следующий день, то есть через двенадцать часов после нападения Германии на Польшу. Этому предшествовал ряд телеграмм и телефонных звонков, в которых он сообщал о начале военных действий. В докладе говорилось;

"Взаимное недоверие между немцами и поляками настолько велико, что я не думаю, что могу с пользой и против своей воли согласиться с любыми новыми предложениями, поскольку они окажутся опрокинуты дальнейшими событиями. Последней надеждой остается наша непримиримая позиция силе противопоставить силу". — Прим. авт. }.

Иллюзии сэра Невилла Гендерсона, похоже, окончательно рассеялись. Несмотря на свои многолетние попытки умиротворить ненасытного нацистского диктатора, его миссия в Германии, по его собственным словам, провалилась. Этот недалёковидный англичанин, чью дипломатическую деятельность в Берлине можно охарактеризовать как деятельность вслепую, вдруг трезво взглянул на свои разрушенные надежды и невыполненные планы. И хотя на следующий день, в первый день войны, он испытал еще один сокрушительный удар, накануне ему в голову пришла древняя как мир истина: иногда силе надлежит противопоставить силу {Так как некоторые мои друзья, прочитав этот отрывок, поставили под сомнение мою объективность, вероятно, имеет смысл привести иное мнение о британском после в Берлине. Сэр Л. Б. Нэмир, английский историк, характеризует Гендерсона следующим образом: "Самодовольный и высокомерный, тщеславный, не признающий чужого мнения, строго придерживавшийся своих предвзятых суждений, он слал телеграммы, доклады и письма в огромных количествах и невероятной длины. В них сто раз повторялись его необоснованные взгляды и суждения. Достаточно глупый, чтобы считаться опасным, и достаточно неглупый, чтобы считаться неопасным, он был типичным неудачником". (Нэмир Л. Б. В нацистскую эру, с. 162.) — Прим. авт. }.

На Европу опускался вечер 31 августа 1939 года. В это время немецкая армия численностью в полтора миллиона человек начала движение к исходным рубежам на польской границе. Все было готово к нападению, и Гитлеру оставалось лишь состряпать пропагандистский трюк, чтобы оправдать в глазах немецкого народа агрессию.

Необходимо было дать людям объяснение. А Гитлер не без помощи Геббельса и Гиммлера слыл крупным специалистом в этом деле. Я был в это время на улице среди простых людей. Наутро я записал в своем дневнике: "Все против войны. Люди открыто об этом говорят. Как может страна, население которой против войны, начать войну? " Несмотря на мой

опыт, приобретенный за годы жизни и работы в третьем рейхе, я задавался таким наивным вопросом! Гитлер прекрасно знал ответ на него. Разве не он неделей раньше обещал своим генералам, что "объяснит с пропагандистской точки зрения причины начала войны", и убеждал их не задумываться, будет это правдой или нет? "Победителя, — внушал он им тогда, — не будут спрашивать, правду он говорил или нет. Для войны важна победа, а не правота".

В 21. 00, как мы знаем, все радиостанции Германии передали мирные предложения Гитлера. Во время радиопередачи они казались мне довольно разумными. О том, что предложения эти никогда не были представлены Польше, разве что неофициально в туманных выражениях о них сказали англичанам, и то менее чем за двадцать четыре часа до передачи, просто не упоминалось. И действительно, пространное заявление, которое было зачитано в передаче и объясняло населению Германии, как ее правительство исчерпало все политические средства сохранить мир, показало, что канцлер, опять-таки не без помощи Геббельса, несколько не утратил искусства мистификации. Когда 28 августа британское правительство предложило свои посреднические услуги, правительство Германии на следующий день ответило:

"... Несмотря на скептическое отношение к желанию польского правительства прийти к взаимопониманию, оно объявляет о своей готовности во имя мира принять посреднические услуги Великобритании или ее предложение.

... Оно считает... чтобы избежать катастрофы, эти действия должны быть предприняты без промедления. Оно готово принять лицо, назначенное правительством Польши, до вечера 30 августа при условии, что это лицо будет уполномочено не только принять участие в обсуждениях, но и вести переговоры и подписать соглашение.

Вместо сообщения о том, что прибывает полномочный представитель, первым ответом на свое стремление к пониманию, который получило правительство рейха, было сообщение о мобилизации в Польше...

В то время как правительство рейха не только заявляло о своей готовности начать переговоры, но и действительно было готово вести переговоры, с польской стороны следовали увертки и ничего не значащие заявления.

После демарша, предпринятого послом Польши, стало еще яснее, что он не обладает полномочиями не только на ведение переговоров, но даже на обсуждение.

Таким образом, фюрер и правительство Германии в течение двух дней

напрасно прождали представителя Польши.

При сложившихся обстоятельствах правительство Германии сочло, что его предложения были и на этот раз... отвергнуты, хотя оно считало эти предложения в той форме, в какой они были представлены правительству Великобритании, более чем справедливыми и вполне реальными".

Для того чтобы пропаганда была эффективной, нужно нечто большее, чем слова, — это Гитлер и Геббельс знали по опыту. Для этого нужны дела пусть даже сфабрикованные. Убедив немцев (а автор этих строк может подтвердить это как очевидец) в том, что поляки отклонили "великодушные" мирные предложения фюрера, ему оставалось только сфабриковать дело, чтобы "доказать", что первой на Германию напала Польша.

К этому, как известно, немцы тщательно готовились по приказу Гитлера. Уже шесть дней как Альфред Науйокс, интеллектуальный злодей-эсэсовец, ждал в Глейвице, близ польской границы, сигнала, чтобы организовать "нападение" поляков на расположенную там немецкую радиостанцию. План претерпел некоторые изменения. Эсэсовцы, переодетые в польскую военную форму, должны были спровоцировать стрельбу, а в качестве "жертв" предполагалось оставить на месте происшествия одурманенных наркотиками узников концлагеря, которым организаторы операции подобрали выразительное название "консервы". "Нападений поляков" планировалось организовать несколько, но главной призвана была стать операция в Глейвице.

Из письменных показаний Науйокса в Нюрнберге: "В полдень 31 августа я получил кодированный приказ Гейдриха, предписывавший произвести нападение в восемь часов того же вечера. Кроме того, для выполнения этого задания Гейдрих велел обратиться к Мюллеру за "консервами". Я так и поступил и попросил Мюллера доставить человека к радиостанции. Привезли мужчину — я приказал положить его возле входа. Он был жив, но находился без сознания... Я не обнаружил у него никаких огнестрельных ранений, но лицо его было вымазано кровью. Он был одет в гражданскую одежду.

Мы захватили, как было приказано, радиостанцию, вышли на три-четыре минуты в эфир {Текст речи на польском языке набросал Науйоксу Гейдрих. В ней содержались подстрекательские выпады против Германии и сообщалось, что поляки начали войну. — Прим. авт. }, немного постреляли из пистолетов и ушли {"Нападение поляков" на Глейвиц было использовано на следующий день Гитлером в его выступлении в рейхстаге и приводилось в качестве оправдания нацистской агрессии Риббентропом,

Вайцекером и другими работниками министерства иностранных дел в пропагандистских целях. Нью-йоркская "Таймс" и другие газеты сообщили об этом и похожих инцидентах, в своих выпусках 1 сентября 1939 года. Остается только добавить, что все эсэсовцы, переодетые в польскую форму и участвовавшие в "нападениях", были быстро ликвидированы. — Прим. авт. }.

В тот вечер Берлин фактически оказался отрезанным от внешнего мира. Только из Берлина расходились новости о "предложениях" фюрера и ложь о "нападениях" поляков в пограничных районах. Я пытался связаться по телефону с Варшавой, Лондоном и Парижем, но мне было заявлено, что телефонная связь с ними нарушена. В самом Берлине внешне все было спокойно. Женщин и детей не эвакуировали, как в Париже и Лондоне, никто не закладывал мешками с песком витрины магазинов, как, судя по радиопередачам, это делалось в других столицах. В четыре часа утра 1 сентября я ехал из здания радиостанции в отель "Адлон". Машин на улицах не было. В окнах не горел свет. Люди спали. Кто знает, может, они ложились с надеждой на лучшее, с надеждой на мир.

Гитлер весь день был в прекрасном настроении. В шесть вечера 31 августа генерал Гальдер записал в дневнике: "Фюрер спокоен, хорошо выспался... Из отмены эвакуации вытекает: он (Гитлер) рассчитывает на то, что французы и англичане не вступят на территорию Германии". {В течение дня Гитлер выбрал время, чтобы послать телеграмму герцогу Виндзорскому в Антиб во Францию.

Берлин, 31 августа 1939 года

Благодарю Вас за Вашу телеграмму от 27 августа. Вы можете быть совершенно уверены в том, что мое отношение к Британии и мое желание избежать новой войны между нашими народами остается неизменным. Однако от Британии зависит, сможет ли осуществиться мое желание развивать германо-британские отношения.

Адольф Гитлер

Это первое, но не последнее упоминание о бывшем английском короле, встречающееся в трофейных немецких документах. Со временем, о чем будет рассказано далее, герцог Виндзорский будет занимать важное место в расчетах Гитлера и Риббентропа. — Прим. авт. }

Настроение у адмирала Канариса, шефа абвера в ОКВ и одного из ведущих заговорщиков, было совершенно иным.

Хотя Гитлер вовлек Германию в войну, то есть сделал то, чего заговорщики поклялись избежать путем устранения диктатора, теперь, в самый подходящий для этого момент, никакого заговора не последовало.

Позднее, в тот же вечер, Гизевиус был вызван полковником Остером в штаб ОКБ. В мозговом центре военной машины Германии кипела работа. Канарис вывел Гизевиуса в тускло освещенный коридор. Дрожащим от волнения голосом сказал: "Это конец Германии".

Часть 17. Начало Второй Мировой войны

На рассвете 1 сентября 1939 года, в тот самый день, который Гитлер еще 3 апреля выбрал для начала операции "Вайс", немецкая армия пересекла границы Польши и двинулась по направлению к Варшаве с севера, юга и запада.

В воздухе ревели немецкие самолеты, заходя на свои цели — колонны польских войск, эшелоны с боеприпасами, мосты, железные дороги, незащищенные города. Через несколько минут поляки — военные и гражданские — поняли, что такое смерть, внезапно обрушивающаяся с неба. Такого в мире еще не бывало, но в последующие шесть лет это чувство poznali сотни миллионов мужчин, женщин и детей в Европе и Азии. Тень этого ужаса, особенно после создания атомной бомбы, будет преследовать человечество, напоминая ему об угрозе полного уничтожения.

В Берлине это утро выдалось душноватым и пасмурным. Облака, нависшие над городом, должны были послужить некоторой защитой от вражеских бомбардировщиков, которых так опасались, но которые так и не появились.

Люди на улицах казались мне апатичными, несмотря на важность сообщения по радио и экстренные выпуски утренних газет {Обращение Гитлера к армии, в котором сообщалось о начале военных действий, было прочитано по радио в 5. 40 утра. Вскоре на улицах появились экстренные выпуски газет. — Прим. авт. }. Напротив гостиницы "Адлон" находилось новое здание "И. Г. Фарбен". Рабочие утренней смены шли на работу как ни в чем не бывало; никто не остановился, чтобы купить у мальчишек-газетчиков утренние экстренные выпуски. И мне подумалось, вероятно, немцы еще находятся в полудреме и не осознают, что война, избежать которую так или иначе обещал им Гитлер, началась.

Какой разительный контраст между нынешней апатией и настроениями, с которыми немцы вступали в войну 1914 года. Тогда по улицам шли ликующие толпы, колонны войск забрасывали цветами, все радостно приветствовали кайзера и верховного главнокомандующего Вильгельма II.

На этот раз не было никаких демонстраций, никто не приветствовал нацистского верховного главнокомандующего, после десяти часов утра ехавшего по пустынным улицам из канцелярии в рейхстаг, чтобы

обратиться к немецкому народу по поводу событий, которые он сам хладнокровно спровоцировал. Даже послушные марионетки в рейхстаге, назначенные самим Гитлером, не проявили большого энтузиазма, слушая объяснения Гитлера о том, что произошло и почему Германия этим утром оказалась втянута в войну. Восторгов было гораздо меньше, чем во время прошлых выступлений диктатора по менее важным поводам в зале Оперы.

Временами он был резок, но в речи его странным образом проглядывало стремление оправдаться. Во время этой речи у меня складывалось впечатление, что Гитлер говорил с таким напряжением, будто его потрясло, что он попал в переделку и испытывал разочарование. Его объяснения по поводу того, почему союзная Италия нарушила свои обязательства и отказалась прийти на помощь Германии, что должна была сделать автоматически, не нашли понимания даже среди тщательно подобранной аудитории.

"Я бы хотел, — говорил он, — прежде всего поблагодарить Италию, которая всегда нас поддерживала. Вы должны понять, что для ведения борьбы нам не потребуется иностранная помощь. Мы выполним свою задачу сами".

Столько раз солгав на пути к власти и укреплению достигнутой власти, Гитлер и в такой важный момент истории не смог удержаться, чтобы не солгать еще раз доверчивому немецкому народу, дабы оправдать свои действия.

"Вам известны мои бесконечные попытки, которые я предпринимал для мирного урегулирования вопросов с Австрией, потом с Судетской областью, Богемией и Моравией. Все они оказались напрасны.

В разговоре с польскими государственными деятелями... я сформулировал наконец свои предложения. Нет на свете ничего более скромного и лояльного, чем эти предложения. Я хотел бы сказать всему миру, что только я мог сделать такие предложения, потому что знал, что, делая такие предложения, я противопоставляю себя миллионам немцев. Эти предложения были отвергнуты...

Два дня кряду я сидел со своим правительством и ждал, сочтет ли возможным правительство Польши послать полномочного представителя или не сочтет... Однако не прав окажется тот, кто станет расценивать мою любовь к миру и мое терпение как слабость или даже трусость... Я не вижу со стороны польского правительства желания вести серьезные переговоры... Тогда я решил прибегнуть к языку, который в разговоре с нами поляки употребляют в течение последних месяцев...

Прошедшей ночью польские солдаты впервые учинили стрельбу на

нашей территории. До 5. 45 утра мы отвечали огнем, теперь бомбам мы противопоставим бомбы".

Таким образом, инсценированное нападение на немецкую радиостанцию в Глейвице, которое, как известно, было организовано эсэсовцами в польской форме под руководством Науйокса, канцлер Германии использовал в качестве предлога для хладнокровной агрессии против Польши. Действительно, в первых коммюнике германского верховного командования эта военная операция называлась "контратакой". Даже Вайцекер из всех сил пытался поддержать эту гнусную ложь. В течение дня он разослал циркулярную телеграмму всем дипломатическим миссиям Германии за рубежом, ориентируя их на определенную линию поведения.

"Для отражения постоянных польских атак сегодня на рассвете германская армия начала военные действия против Польши. Эти действия нельзя охарактеризовать как войну, это просто действия, к которым привели постоянные польские атаки".

Даже на немецких солдат, видевших, кто на кого нападал на польской границе, обрушились потоки лжи Гитлера. 1 сентября в грандиозной прокламации Гитлера, обращенной к германской армии, говорилось:

"Польское государство отказалось от мирного урегулирования конфликта, как это предлагал сделать я, и взялось за оружие... Несколько нарушений границы, которые нестерпимы для великого государства, доказывают, что Польша не намерена с уважением относиться к границам рейха.

Чтобы прекратить это безумие, у меня нет другого выхода, кроме как отныне и впредь силе противопоставить силу".

В тот день Гитлер только однажды сказал правду.

"Я не прошу ни от одного немца, — заявил он в рейхстаге, — делать больше того, к чему я готовился все эти четыре года... С настоящего момента я — первый солдат германского рейха. Я снова надел форму, которая была для меня дорога и священна. Я не сниму ее до тех пор, пока не будет одержана победа, ибо поражение для меня равносильно смерти".

Свое обещание он выполнил. Но в тот день я не встретил в Берлине ни одного немца, который обратил бы внимание на слова Гитлера о том, что он и мысли не допускал о возможном поражении.

В своей речи Гитлер назвал своим преемником Геринга на случай, если с ним что-нибудь произойдет. Следующим в ряду единомышленников шел Гесс. "Если что-нибудь случится с Гессом, — добавил Гитлер, — тогда в соответствии с законом соберется сенат и выберет из числа членов сената

наиболее достойного, наиболее храброго преемника". Какой закон? Какой сенат? Ни того ни другого в природе не существовало!

Сравнительно подавленное настроение Гитлера в рейхстаге сменилось злобой, едва он вернулся в рейхсканцелярию. Вездесущий Далерус, которого привел в рейхсканцелярию Геринг, застал Гитлера "необычайно нервным и взволнованным".

"Он сказал мне, — рассказывал впоследствии шведский посредник, — что всегда подозревал, что Англия хочет войны. Потом он сказал, что разгромит Польшу и аннексирует всю страну. — Нервозность его нарастала, он начал размахивать руками и кричать мне в лицо: "Если Англия хочет воевать год, я буду воевать год, если Англия хочет воевать два года, я буду воевать два года... " Он замолчал, но потом закричал так, что голос его превратился в визг, и при этом яростно размахивал руками: "Если Англия хочет воевать три года, я буду воевать три года... "

Теперь вслед за руками начало двигаться все его тело. В конце концов он завопил: "Если будет необходимо, я буду воевать десять лет". При этом он пригнулся и так сильно взмахнул кулаком, что кулак почти коснулся пола".

Несмотря на истерику, Гитлер совсем не был уверен, что ему вообще придется воевать с Англией. Перевалило за полдень. К этому времени немецкие войска продвинулись в глубь Польши на несколько миль. Темпы наступления были высокими. Большинство польских городов, включая Варшаву, подверглись бомбардировкам, что привело к большим жертвам среди гражданского населения. Но ни в Лондоне, ни в Париже не было произнесено ни слова о том, что Англия и Франция торопятся выполнить свои обязательства перед Польшей. Их курс был довольно ясен, но Далерус и Гендерсон делали все, чтобы ясности не было,

В 10. 30 утра британский посол передал по телефону послание Галифаксу.

"Я узнал, — писал он, — что этой ночью поляки взорвали мост Диршау, {Операция немцев по захвату моста Диршау через Вислу до того, как поляки смогут его взорвать, была разработана еще летом и часто встречается в документах, связанных с операцией "Вайс". Она особо упоминалась Гитлером в Директиве э 1 от 31 августа. Операция провалилась, вероятно, из-за того, что утренний туман помешал выброске парашютистов, которые должны были захватить мост. Поляки смогли взорвать его как раз вовремя. — Прим. авт. } а также то, что имела место перестрелка с жителями Данцига. Получив эти известия, Гитлер отдал приказ отбросить поляков от границы, а Герингу приказал уничтожить

польскую авиацию, размещенную вдоль границы".

Только в конце своего послания Гендерсон добавил:

"Эта информация получена лично от Геринга.

После заседания рейхстага Гитлер может назначить мне встречу, чтобы в последний раз попытаться сохранить мир".

Какой мир? Мир для Британии? Уже в течение шести часов Германия вела войну — всеми имеющимися силами — против союзника Великобритании.

Гитлер не вызвал Гендерсона после заседания рейхстага. Посол, услужливо передавший в Лондон ложь, которую выдал ему Геринг, был обескуражен, но не окончательно. В 10. 50 утра он продиктовал по телефону еще одно послание Галифаксу. В его мозгу, плодовитом, но путаном, родилась еще одна идея.

"Считаю своим долгом сообщить, что последний способ спасти мир, как бы мала ни была вероятность положительного исхода, — объявление маршалом Рыдз-Смиглы о его готовности немедленно прибыть в Берлин в качестве военного и полномочного представителя и обсудить все вопросы с фельдмаршалом Герингом".

Похоже, английскому дипломату не приходило в голову, что маршал Рыдз-Смиглы в это время руководил отражением неспровоцированного нападения Германии, а если бы он бросил это занятие и приехал бы в Берлин в качестве "полномочного представителя", то в данных условиях это было бы равносильно капитуляции. Поляков можно быстро разбить, но нельзя заставить их сдаться.

В первый день нападения Германии на Польшу Далерус вел себя еще активнее, чем Гендерсон. В восемь утра он встретился с Герингом, который заявил ему, что "война началась потому, что поляки напали на радиостанцию в Глейвице и взорвали мост недалеко от Диршау". Швед немедленно позвонил в Форин оффис, чтобы сообщить эти новости.

"Я сказал кому-то, — показывал он на допросе в Нюрнберге, — что согласно полученной мной информации поляки совершили нападение, и меня, естественно, спросили, что происходит в настоящий момент". В конечном счете его сообщение не отличалось от сведений, переданных послом его величества в Берлине двумя часами позже.

В секретном меморандуме Форин оффис отмечено время звонка шведа — 9. 05 утра. Подобно Герингу, Далерус убеждал Лондон, что "поляки саботируют все" и что у него есть "доказательства того, что они никогда не собирались вести переговоры".

В половине первого Далерус снова звонил в Лондон и на этот раз

разговаривал с Кадоганом. Он опять обвинял поляков в саботаже мирного решения и предлагал тотчас же прилететь в Лондон вместе с Форбсом. Но жесткий, неуступчивый Кадоган, которому швед изрядно надоел, тем более теперь, когда война, которую он всеми силами старался избежать, началась, заявил Далерусу, что уже "ничего нельзя поделать".

Однако Кадоган, будучи постоянным заместителем министра иностранных дел, не являлся членом кабинета. Далерус же настаивал, чтобы с его предложением был ознакомлен кабинет, после чего надменно сообщил Кадогану, что перезвонит через час. Он так и сделал. И получил ответ.

"Идея посредничества, — произнес Кадоган, — в то время как немецкие войска шагают по Польше, просто отпадает. Единственное, что может предотвратить мировую войну, это, во-первых, приостановка военных действий и, во-вторых, немедленный вывод немецких войск с территории Польши".

В десять часов утра польский посол в Лондоне граф Рачиньский встретился с лордом Галифаксом и официально сообщил ему об агрессии Германии, добавив, что "это как раз тот случай, который предусмотрен договором". Министр иностранных дел сказал, что не сомневается в правдивости изложенных фактов. В 10. 50 он вызвал германского поверенного в делах Теодора Кордта в министерство иностранных дел и поинтересовался, располагает ли тот какой-либо информацией. Кордт ответил, что не располагает информацией о нападении Германии на Польшу и не имеет каких-либо инструкций по этому поводу. Галифакс заявил, что новости, полученные им, свидетельствуют об "очень серьезной ситуации". Однако дальше этого он не пошел. В 11. 45 Кордт передал полученную информацию в Берлин.

Таким образом, к полудню Гитлер имел основания надеяться, что Англия, несмотря на то что она расценивает ситуацию как очень серьезную, может и не принять участия в войне. Но его надежды вскоре рухнули.

В 7. 15 вечера сотрудник британского посольства в Берлине позвонил в министерство иностранных дел Германии и попросил Риббентропа принять Гендерсона и Кулондра "по срочному делу как можно скорее". Через несколько минут аналогичная просьба поступила из французского посольства, Риббентроп отказался встречаться с двумя послами одновременно. Гендерсона он принял в девять вечера, Кулондра — часом позже. Английский посол вручил Риббентропу официальную ноту правительства Великобритании.

"... Если правительство Германии, — говорилось в ноте, — не даст правительству его величества приемлемых гарантий, что остановит агрессивные действия против Польши и что оно готово немедленно вывести свои войска с польской территории, то правительство его величества без колебаний выполнит свои обязательства перед Польшей".

Французская нота была составлена в идентичных выражениях.

Обоим послам Риббентроп сказал, что передаст ноты их правительств Гитлеру, после чего пустился в пространные рассуждения по поводу того, что "нет вопроса германской агрессии", но можно говорить о польской агрессии, повторяя уже несколько затасканную ложь о том, как "регулярные" польские войска накануне напали на Германию. Тем не менее дипломатический этикет был соблюден. Сэр Невилл Гендерсон не преминул отметить в своем отчете о встрече с Риббентропом, что последний был "вежлив и любезен". Когда посол собирался уезжать, возник спор по поводу того, действительно ли министр иностранных дел Германии невнятно зачитал предложения Германии Польше два вечера назад. Гендерсон настаивал, что так оно и было; Риббентроп, возражая, уверял, что читал "медленно и отчетливо и даже давал устные разъяснения по ключевым пунктам, чтобы Гендерсон мог понять все до конца". Этот спор был не разрешен, да и какая теперь разница?

Вечером 1 сентября, когда германские войска продвигались в глубь Польши, а германская авиация бомбила польские города, Гитлер уже знал из английской и французской нот, что если не остановит продвижение своих армий и не выведет их быстро с польской территории — что было немыслимо, — то получит мировую войну. Или он до последнего момента надеялся, что удача будет сопутствовать ему, как в Мюнхене, или его друг Муссолини, который боялся войны и опасался, что превосходящие силы Англии и Франции нанесут удар по Италии, отчаянно старался организовать новый Мюнхен.

Муссолини вмешивается в последнюю минуту

Как известно, еще 26 августа дуче, пытаясь уклониться от выполнения союзнических обязательств Италии, вытекающих из Стальского пакта, убеждал Гитлера, что еще есть "возможность решить вопрос политическими средствами", в результате чего Германия обретет "моральное и материальное удовлетворение". Гитлер даже не снизошел до возражений, что огорчило младшего партнера по оси. Тем не менее 31 августа, после получения сообщения от своего посла в Берлине о том, что ситуация ухудшилась, Муссолини и Чиано стремились убедить Гитлера встретиться с польским послом Липским и заверяли фюрера, что стараются

склонить английское правительство отдать Германии Данциг в качестве "первого Шага" в переговорах о мире.

Но столь мелкая приманка Гитлера уже не соблазняла. Данциг был просто предлогом, о чем фюрер говорил своим генералам. Теперь он жаждал уничтожения Польши. Дуче же этого не знал. Утром 1 сентября перед ним самим стоял выбор: немедленно объявить Италию нетральной или подвергнуться риску нападения со стороны Англии и Франции. Запись в дневнике Чиано дает возможность понять, Ф-ИК страшился подобной перспективы его тестя {О решении Муссолини англичанам стало известно накануне ночью. 31 августа, в 23. 15, Форин оффис получило сообщение из Рима от сэра Перси Лорэйна: "Итальянское правительство приняло решение: Италия не будет воевать ни против Англии, ни против Франции... Об этом сообщил мне в 21. 15 Чиано, сказав, что это совершенно секретно".

В тот вечер англичане напугали итальянцев, отключив в 20. 00 телефонную связь с Римом. Чиано опасался, что это преддверие англо-французского нападения. — Прим. авт. }.

Рано утром 1 сентября несчастный итальянский диктатор позвонил в Берлин послу Аттолико и, по словам Чиано, "просил его умолить Гитлера послать ему, Муссолини, телеграмму, освобождающую его от союзнического долга". Фюрер на удивление быстро согласился. Перед тем как уехать в рейхстаг, приблизительно в 9. 40 утра, он послал своему другу телеграмму — в целях экономии времени она была продиктована по телефону в немецкое посольство в Риме.

Дуче!

От всего сердца благодарю Вас за ту дипломатическую и политическую помощь, которую Вы оказываете Германии в ее справедливом деле. Я убежден, что мы сможем выполнить стоящую перед нами задачу силами германской армии. Таким образом, я не ожидаю при сложившихся обстоятельствах военной помощи со стороны Италии. Я также благодарю Вас, дуче, за все то, что Вы сделаете в будущем для общего дела фашизма и национал-социализма.

Адольф Гитлер

{В 16. 30, после заседания в Риме, итальянское радио передало сообщение совета министров итальянскому народу о том, что "Италия не станет инициатором военных действий". Сразу после этого было передано послание Гитлера Муссолини, в котором Италия освобождалась от обязательств. — Прим. авт. }

В 12. 45, выступив в рейхстаге и, вероятно, придя в себя после вспышки, свидетелем которой явился Далерус, Гитлер решил написать еще

одно письмо Муссолини. В нем он заявлял, что был готов решить польский вопрос "путем переговоров", но "напрасно в течение двух дней прождал польского представителя", что "только в течение последней ночи произошло четырнадцать нарушений границы" и что теперь он "решил силе противопоставить силу". В заключение следовали выражения благодарности партнеру по оси:

Я благодарю Вас, дуче, за Ваши усилия, в частности за предложенное Вами посредничество. Но я с самого начала скептически относился к этим попыткам, потому что польское правительство, если оно вообще имело желание решить вопрос мирным путем, всегда могло это сделать. Но оно отказалось...

Поэтому, дуче, я не хотел подвергать Вас риску и возлагать на Вас роль посредника, чья деятельность ввиду неразумной позиции польского правительства, скорее всего, была бы обречена на провал-Адольф Гитлер

Но Муссолини, поддерживаемый Чиано, предпринял еще одну отчаянную попытку взять на себя опасную роль посредника. Накануне, сразу после полудня, Чиано предложил английскому и французскому послам в Риме созвать 5 сентября, если дадут согласие их правительства, конференцию с участием Германии для "изучения пунктов Версальского договора, из-за которых в настоящее время происходят все беды".

Можно было бы предположить, что поступившее на следующее утро сообщение о нападении Германии на Польшу сделает предложение Муссолини ненужным. Но, к удивлению итальянцев, Жорж Бонне, министр иностранных дел Франции и крупный специалист по умиротворению, позвонил Франсуа-Понсе, который был в то время послом в Риме, уже в 11.45 1 сентября и попросил его передать Чиано, что правительство Франции приветствует проведение такой конференции с тем условием, что на ней не будут обсуждаться проблемы, касающиеся государств, не представленных на конференции, и что участники конференции не ограничатся "поиском частичных и временных решений неотложных проблем". Бонне даже не упомянул о выводе немецких войск или приостановке их продвижения как условия проведения подобной конференции {1 сентября Бонне дважды в течение второй половины дня просил Ноэля, посла Франции в Варшаве, справиться у Бека, принимает ли Польша предложение Италии о конференции. Ближе к вечеру он получил от него ответ: "Мы ведем войну в результате неспровоцированного нападения. Теперь речь идет не о конференции, а о совместных с союзниками действиях, чтобы противостоять нападению". Послание Бонне и ответ Бека приведены во Французской желтой книге.

Британское правительство не присоединилось к усилиям Бонне. В меморандуме Форин оффис говорится, что британское правительство "не было поставлено в известность о таком демарше и консультации с ним не проводились". — Прим. авт. }.

Но англичане настаивали на таком условии и смогли убедить французский кабинет, обуреваемый противоречиями, к вечеру 1 сентября направить в Берлин аналогичное предупреждение. Тексты нот, из которых явствовало, что Англия и Франция вступят в войну, если Германия не выведет свои войска из Польши, были опубликованы в тот же вечер. Муссолини, который хватался теперь за любую соломинку, даже за несуществующую, на следующее утро снова обратился с призывом к Гитлеру, будто он, дуче, не понимал сути англо-французских заявлений.

День 2 сентября, как писал об этом Гендерсон, выдался напряженным {Накануне, во второй половине дня, во исполнение инструкций, полученных от Галифакса, Гендерсон сжег свой шифр, секретные документы и обратился к поверенному в делах Соединенных Штатов с просьбой "принять на себя заботу об интересах Великобритании в случае войны". (Британская синяя книга, с. 21.) — Прим. авт. }. Он и Кулондр с волнением ждали, каков будет ответ Гитлера на ноты их правительств, однако его не последовало. Вскоре после полудня в британское посольство прибыл слегка запыхавшийся Аттолико и заявил, что ему необходимо немедленно узнать одну чрезвычайно важную вещь: была ли нота Британии, направленная накануне вечером, ультиматумом?

"Я сказал ему, — писал позже Гендерсон, — что мне было поручено передать министру иностранных дел, если он задаст такой вопрос — а он такого вопроса не задал, — что это не ультиматум, а предупреждение".

Получив ответ, итальянский посол поспешил на Вильгельмштрассе в министерство иностранных дел Германии, чтобы передать послание от Муссолини. Аттолико прибыл на Вильгельмштрассе в 10 утра, узнал, что Риббентроп нездоров, и вручил послание Вайцзекеру.

3 сентября 1939 года

Довожу до вашего сведения, оставляя право принимать решение за фюрером, что у Италии до сих пор имеется возможность созыва конференции с участием Англии, Франции и Польши при соблюдении следующих условий:

1. Перемирие, при котором войска остаются там, где они находятся в настоящий момент.

2. Созыв конференции в ближайшие 2–3 дня.

3. Решение польско-германского конфликта, что, учитывая

сегодняшнее положение, будет, конечно, в пользу Германии.

Идея, выдвинутая первоначально дуче, теперь поддерживается и Францией {Чиано заявляет, что нота была составлена "под давлением Франции". (Дневники Чиано, с. 136.) Но это не так. Хотя Бонне и делал все, чтобы созвать конференцию, Муссолини действовал еще более настойчиво. — Прим. авт. }.

Данциг уже немецкий, Германия уже получила заверения, которые гарантируют выполнение большей части ее требований. Более того, Германия уже получила "моральное удовлетворение". Если она согласится с условиями проведения конференции, то достигнет всех своих целей и избавит мир от войны, которая, насколько можно судить сейчас, будет всеобщей и очень продолжительной.

Дуче не настаивает, но для него очень важно, чтобы изложенное выше было немедленно доведено до герра фон Риббентропа и фюрера.

Неудивительно, что, когда поправившийся Риббентроп принял в 12. 30 Аттолико, он отметил, что послание дуче "не увязывается" с полученными накануне вечером нотами Англии и Франции, которые "носят характер ультиматума".

Итальянский посол, который не меньше своего шефа хотел избежать мировой войны и был, безусловно, более искренен в этом желании, в этом месте перебил Риббентропа, сказав, что "последнее послание дуче сводит на нет" заявления Англии и Франции. Аттолико, конечно, не имел полномочий на такое заявление, тем более что оно было неправдой, но он рассудил, что терять ему нечего. Когда министр иностранных дел стал выражать сомнения, Аттолико твердо стоял на своем.

"Заявления Англии и Франции, — говорил он, — не принимаются более во внимание. Граф Чиано звонил по телефону сегодня утром, в 8. 30, то есть в то время, когда тексты заявлений уже были переданы в Италии по радио. Значит, эти заявления можно считать утратившими свое значение. Более того, граф Чиано заявил, что Франция, в частности, активно поддерживает предложение дуче. Ее примеру последует и Англия".

Риббентроп продолжал относиться к этому скептически. Он только что обсудил послание Муссолини с фюрером. Гитлер сказал, что ему нужно знать следующее: являются ли английская и французская ноты ультиматумами? Министр иностранных дел в конце концов согласился с Аттолико, который предлагал немедленно выяснить этот вопрос у Гендерсона и Кулондра.

Именно в связи с этим Аттолико и прибыл в британское посольство. "Я, как сейчас, вижу Аттолико, человека не первой молодости, — писал

позднее переводчик Шмидт, — выбегающего, тяжело дыша, из кабинета Риббентропа и сбегающего вниз по лестнице, чтобы проконсультироваться с Гендерсоном и Кулондром... Через полчаса Аттолико прибежал назад, все так же тяжело дыша".

Отдыхавшись, итальянский посол сообщил, что, по заявлению Гендерсона, британская нота не является ультиматумом. Риббентроп ответил, что, поскольку "ответ на англо-французскую ноту может быть только отрицательным, Гитлер рассматривает сейчас предложение дуче. В случае если Рим подтвердит, что англо-французская нота ни в коей мере не является ультиматумом, то проект ответа будет представлен дня через два". Аттолико стал настаивать на том, чтобы ответ был дан раньше, и Риббентроп согласился представить ответ на следующий день, в воскресенье 3 сентября, к полудню.

Тем временем в Риме рушились надежды Муссолини. В 2 часа дня Чиано встретился с английским и французским послами, в их присутствии позвонил Галифаксу и Бонне и сообщил им результаты переговоров Аттолико с министром иностранных дел Германии. Как записано во Французской желтой книге, экспансивный Бонне тепло поблагодарил Чиано за его усилия в деле спасения мира. Галифакс был более сдержан. Он подтвердил, что британская нота не является ультиматумом, — можно только удивляться, до чего государственные деятели любят цепляться за слова, ведь и английская, и французская ноты были сформулированы предельно ясно — и добавил, что, по его мнению, Англия не может принять предложение Муссолини о созыве конференции, пока немецкие войска не будут выведены с территории Польши. По этому поводу Бонне опять не проронил ни слова. Галифакс пообещал решение британского кабинета по этому вопросу сообщить Чиано по телефону.

Ответ пришел вскоре после семи вечера. Британия принимала предложение дуче при условии, если немецкие войска отойдут к границе Германии. Министр иностранных дел Италии понял, что Гитлер на такие условия никогда не пойдет и что "сделать ничего нельзя", как записал он в своем дневнике.

"Это не мое дело, — писал он далее, — давать Гитлеру совет, который он решительно отвергнет, может, даже с презрением. Я сказал это Галифаксу, обоим послам, дуче, я, наконец, позвонил в Берлин и передал, что, если немцы не изменят свою позицию, мы прекратим переговоры. Последняя надежда исчезла".

Итак, а 8. 50 вечера 2 сентября усталый и подавленный Аттолико еще раз отправился на Вильгельмштрассе. На этот раз Риббентроп принял его в

канцелярии, где он имел встречу с Гитлером. В трофейном секретном меморандуме министерства иностранных дел эта сцена описывается так:

"Итальянский посол передал министру иностранных дел информацию о том, что Англия не готова вступить в переговоры на основе итальянского предложения о посредничестве. Англичане требуют, чтобы до начала переговоров немецкие войска были срочно выведены с оккупированных польских территорий и из Данцига...

В заключение итальянский посол заявил, что дуче считает свое предложение о посредничестве более не действующим. Министр иностранных дел выслушал заявление итальянского посла без комментариев".

И ни слова благодарности неутомимому Аттолико за все его труды! Только презрительное молчание по отношению к союзнику, который хотел надуть Германию, лишив ее польской добычи.

Последний шанс предотвратить вторую мировую войну был упущен. Это, вероятно, понимали все действующие лица драмы, кроме одного В 9 вечера малодушный Бонне позвонил Чиано и еще раз подтвердил, что французская нота Германии "не носит характера ультиматума", и сообщил, что французское правительство готово ждать ответа немцев до полудня 3 сентября. Бонне заявил Чиано, что правительство Франции согласно с британским правительством в том, что немецкие войска должны быть "эвакуированы" из Польши. Этот вопрос Бонне затронул впервые, и то только потому, что на этом настояли англичане. Чиано ответил, что не думает, чтобы правительство рейха приняло такое условие. Но Бонне не сдавался. Всю ночь он размышлял, как избежать выполнения французских обязательств перед терзаемой Польшей. Чиано воспроизводит этот момент в дневниковой записи за 3 сентября:

"Ночью меня разбудил звонок из министерства. Бонне спросил итальянского посла в Париже, не можем ли мы добиться хотя бы символического вывода немецких войск с территории Польши... Я бросил это предложение в корзину и даже не стал докладывать о нем дуче. Но это показывает, что Франция приближается к серьезному испытанию без энтузиазма и в растерянности".

Польская война превращается во вторую мировую войну

В воскресенье 3 сентября в Берлине стояла прекрасная погода. Светило солнце, воздух был чист и прозрачен. В дневнике я записал: "Такой день берлинцы предпочитают проводить в окрестных лесах или на озерах".

На рассвете в британское посольство пришла телеграмма на имя сэра

Невилла Гендерсона от лорда Галифакса. В ней послу предписывалось договориться о встрече с министром иностранных дел в 9 утра и передать ему заявление, текст которого приводился.

Правительство Чемберлена пришло к окончательному решению. Тридцать два часа назад оно сообщило Гитлеру, что если немецкие войска не будут выведены из Польши, то Англия вступит в войну. Ответа от Гитлера не последовало, и теперь английское правительство решило перейти от слов к делу. В течение минувшего дня английское правительство опасалось, что Гитлер намеренно тянет с ответом, чтобы оккупировать побольше польских территорий, после чего, захватив Данциг, коридор и другие районы, договориться о мире на базе своих "необычайно великодушных" шестнадцати пунктов. (Об этом Шарль Корбэн, французский посол в Лондоне, сообщил колеблющемуся Бонне в 14. 30.)

Чтобы избежать этой ловушки, Галифакс предложил французам объявить, что если Германия в течение ближайших нескольких часов не даст положительного ответа на англо-французское заявление от 1 сентября, то Англия и Франция будут считать себя в состоянии войны с Германией. После заседания британского кабинета вечером 2 сентября, на котором было принято конкретное решение, Галифакс предложил в полночь объявить ультиматум, срок которого будет истекать в 6 часов утра 3 сентября. Бонне даже слышать не хотел о столь поспешных шагах.

Французский кабинет, раздираемый противоречиями, переживал трудные времена. Нужно было принять решение относительно выполнения обязательств перед Польшей и в первую очередь перед Англией. В роковой день 23 августа, ошеломленный известием о том, что Риббентроп прибыл в Москву для подписания нацистско-советского пакта о ненападении, Бонне убедил Даладье созвать заседание совета национальной обороны, чтобы решить, что должна Франция делать дальше {Стенограмма этой встречи, сделанная генералом Деканом, шефом военного кабинета премьера Даладье, впервые была обнародована на суде в Риоме. Этот документ никогда не предоставлялся другим участникам встречи для внесения уточнений. Генерал Гамелен в своей книге "Служить" заявляет, что запись сделана настолько сокращенно, что может ввести в заблуждение. Но основное содержание встречи подтверждает даже пугливый "генералиссимус", — Прим. авт. }. Кроме премьера Даладье и Бонне на заседании присутствовали командующие трех видов вооруженных сил, генерал Гамелен, командующие ВМС, ВВС и еще четыре генерала — всего 12 человек.

Из протокола совещания видно, что Даладье поставил три вопроса:

1. Может ли Франция пребывать в бездействии, если Польшу и Румынию (или одну из них) стирают с карты Европы?

2. Как она может противостоять этому?

3. Какие меры должны быть предприняты в настоящее время?

Сам Бонне, рассказав о мрачном повороте событий, поставил вопрос, который, как он считал, останется самым важным до конца:

Принимая во внимание сложившуюся ситуацию, должны ли мы оставаться верны своим обязательствам или нам следует пересмотреть их и получить, таким образом, короткую передышку?..

Ответ на этот вопрос носит преимущественно военный характер.

На этот вопрос адмирал Дарлан и генерал Гамелен ответили следующее:

"Армия и флот готовы. На ранней стадии войны с Германией мы сможем оказать лишь небольшую помощь. Но мобилизация во Франции сама по себе принесет некоторое облегчение Польше тем, что будет оттягивать на себя значительное число немецких войск.

... Генерал Гамелен спросил, как долго смогут сопротивляться Польша и Румыния. Добавил, что уверен: поляки будут защищаться доблестно. Это приведет к тому, что Германия не сможет перебросить свои основные силы для ведения войны против Франции до весны следующего года, а к тому времени к Франции присоединится и Англия" {В своей книге "Служить" Гамелен отмечает, что он не хотел поднимать на встрече вопрос о военной слабости Франции, потому что не верил Бонне. Он пишет, что Даладье позднее сказал ему: "Вы поступили правильно. Если бы вы раскрыли нашу слабость, то немцы знали бы об этом на следующий день".

Гамелен утверждает также, что на конференции он не упоминал о невыгодном военном положении Франции, а только объяснил, что если Германия "уничтожит Польшу" и обрушится всей мощью на Францию, то Франция окажется в "трудном положении". "В этом положении, — пишет он, — Франции невозможно будет вступить в борьбу... Я полагал, что весной при поддержке английских войск и американского снаряжения мы смогли бы вести оборонительные действия (если, конечно, возникнет необходимость). Я добавлял также, что мы не можем надеяться на победу, разве что в затяжной войне. Я всегда считал, что мы будем неспособны вести наступательные действия раньше 1941–1942 годов".

Робость французского генерала во многом объясняет последующее развитие событий. — Прим. авт. }.

После продолжительных дебатов французы в конце концов пришли к решению, которое было тщательно зафиксировано в протоколе совещания.

"В ходе обсуждений отмечалось, что если мы и станем сильнее через несколько месяцев, то Германия все равно окажется сильнее нас, так как к тому времени будет располагать ресурсами Польши и Румынии.

Таким образом, у Франции нет выбора.

Возможно единственное решение — придерживаться обязательств относительно Польши, принятых до начала переговоров с СССР".

Приняв такое решение, французское правительство начало действовать. После заседания 23 августа была объявлена тревога, в результате чего все войска на границах были приведены в боевую готовность. На следующий день призвали 360 тысяч резервистов. 31 августа кабинет опубликовал коммюнике, в котором говорилось, что Франция "твердо выполнит" свои обязательства. На следующий день, в первый день немецкой агрессии против Польши, Галифакс убедил Бонне предупредить Берлин, что обе страны выполняют свои союзнические обязательства.

Но когда 2 сентября англичане предложили предъявить Гитлеру в полночь ультиматум, генерал Гамелен и французский генеральный штаб заколебались. В конце концов именно Франции придется воевать, если Германия нападет на Запад. И ни один английский солдат не поможет французам. Генеральный штаб настоял на отсрочке всеобщей мобилизации на сорок восемь часов.

В шесть часов вечера Галифакс разговаривал по телефону с сэром Эриком Фиппсом, английским послом в Париже: "Британское правительство не может согласиться с отсрочкой на сорок восемь часов. Отношение французов вызывает недоумение в правительстве его величества".

Ситуация действительно могла оказаться угрожающей. Через два часа Чемберлен выступал в палате общин, большинство членов которой, несмотря на различие в партийной принадлежности, выражали нетерпение и недовольство тем, что Британия откладывает выполнение своих союзнических обязательств. После выступления премьер-министра их терпение окончательно истощилось. Он сообщил палате, что ответ из Берлина до сих пор не получен. Если ответа так и не последует и немцы не согласятся вывести свои войска из Польши, то правительство "сочтет себя обязанным действовать". Если же немцы согласятся вывести войска, то британское правительство, говорил Чемберлен, "будет склонно расценивать ситуацию как сходную с той, которая была до того, как немецкие войска пересекли границу Польши". В настоящее время британское правительство ведет переговоры с правительством Франции по поводу истечения срока их

предупреждения, посланного Германии.

После тридцати девяти часов войны в Польше английское правительство не желало придерживаться только выжидательной тактики. В резиденции правительства, казалось, повеяло духом Мюнхена. "Говорите от имени Англии! " — прокричал со скамейки консерваторов Леопольд Эмери, когда поднялся, чтобы произнести речь, лидер лейбористской оппозиции Артур Гринвуд.

"Доколе мы будем заниматься пустой болтовней, — сказал Гринвуд, — когда Британия, все, что ей дорого, и сама цивилизация находятся под угрозой?.. Наш долг — выступить вместе с французами... "

В этом и состояла трудность. Выяснилось, что совсем нелегко заставить французов выступить. Чемберлен был так удручен сердитым настроением членов палаты, что вмешался в жаркий спор, заявив:

для того чтобы по телефону скоординировать с Парижем "мысли и поступки", требуется время. "Я пришел бы в ужас, если бы палата хоть на мгновение подумала, что заявление, которое я только что сделал, есть проявление слабости нашего правительства или правительства Франции". Далее он сказал, что правительство Франции как раз заседает по этому поводу и сообщения из Парижа можно ожидать "в течение ближайших часов". Во всяком случае, он пытался убедить взволнованных членов палаты: "... Уверен, что завтра смогу дать палате единственный ответ... Я убежден, что палата поверит мне ... что я говорю от всего сердца... "

О неотвратимом приближении самого тяжелого в истории Англии испытания было объявлено, как написал потом Нэмир, со странными паузами.

Чемберлен прекрасно понимал, как явствует из секретных бумаг, что будет иметь проблемы внутри собственной страны, которая переживала критический момент, что в такой ситуации его правительство может быть лишено доверия.

Покинув палату общин, он немедленно позвонил Даладье. Известно время звонка — 9. 50 вечера. Кадоган, который тоже слушал разговор, сделал его запись.

Чемберлен: Положение очень серьезное... Только что в палате все яростно выражали свой гнев... Если Франция будет настаивать на 48-часовом ультиматуме, срок действия которого начнется с завтрашнего полудня, правительство не сможет справиться с ситуацией.

Премьер-министр сказал, что он прекрасно понимает, что именно Франции предстоит принять на себя главный удар Германии. Но он полагает, что сегодня же вечером необходимо принять какое-то решение.

Он предложил компромисс... Ультиматум, действие которого начнется в 8 утра и истечет к полудню...

Даладье ответил, что пока английские бомбардировщики не будут готовы немедленно вступить в бой, для французов лучше, если это возможно, отсрочить нападение на немецкие армии на несколько часов.

Менее чем через час, в 10. 30 вечера, Галифакс позвонил Бонне. Он убеждал французов принять предложение Англии, то есть предъявить Германии в 8 часов 3 сентября ультиматум, срок которого будет истекать к полудню того же дня. Министр иностранных дел Франции не соглашался с английским предложением, он протестовал, заявляя, что столь поспешные действия произведут "удручающее впечатление". Он требовал от Лондона выждать хотя бы до полудня, прежде чем предъявлять Германии ультиматум.

Галифакс: Правительство его величества не может дожидаться указанного вами часа... Сомнительно, чтобы (английское) правительство смогло сохранить свои позиции.

Палата общин должна была собраться в воскресенье 3 сентября, в полдень. Чемберлену и Галифаксу после того, что произошло на предыдущем заседании, было ясно: чтобы кабинет остался у власти, необходимо дать палате ответ на поставленный ею вопрос. В 2 часа ночи французский посол в Лондоне Корбэн предупредил Бонне, что кабинет Чемберлена может быть низложен, если не даст парламенту конкретного ответа. Заканчивая разговор с Бонне, Галифакс заявил, что Англия предлагает действовать "на свой страх и риск".

Телеграмма Галифакса Гендерсону прибыла в Берлин в 4 утра {В течение ночи министр иностранных дел послал Гендерсону две телеграммы с предупреждением. В первой, отправленной в 23. 30, говорилось:

"Может случиться, что этой ночью я пришлю инструкции, в соответствии с которыми вам придется немедленно сделать заявление правительству Германии. Прошу вас быть готовым к действиям. Лучше предупредить министра иностранных дел, что вы можете попросить его принять вас в любой момент".

Из этой телеграммы может показаться, что правительство Британии еще не приняло окончательного решения действовать в одиночку, невзирая на Францию. Но через 35 минут, в 00. 05 3 сентября, Галифакс писал Гендерсону:

"Вам надлежит просить министра иностранных дел принять вас в 9 утра в воскресенье. Инструкции последуют".

Эта решающая телеграмма от Галифакса была отправлена в 5 утра по лондонскому времени. Гендерсон в своей книге указывает, что получил ее в четыре утра. — Прим авт. }. В заявлении, которое он должен был сделать правительству Германии в 9 утра в воскресенье 3 сентября, упоминалось о британской ноте от 1 сентября, в которой Великобритания заявляла о своей готовности выполнить обязательства, данные Польше, если немецкие войска не будут быстро выведены оттуда.

"Хотя это сообщение было сделано более чем 24 часа назад, — говорилось далее, — на него не получено никакого ответа, более того, удары немецких войск в Польше продолжались и становились все более интенсивными. Имею честь сообщить вам, что если до 11 утра по британскому летнему времени сегодня, 3 сентября, правительство Германии не представит удовлетворительных гарантий правительству его величества в Лондоне, два государства будут находиться в состоянии войны, начиная с указанного выше времени" {В пять часов утра Галифакс послал еще одну, дополнительную, телеграмму, в которой сообщал послу, что Кулондр "не сделает аналогичного заявления правительству Германии до сегодняшнего (воскресенье) полудня" Он не знал, когда истекает срок французского ультиматума, но полагал, что, вероятнее всего, между шестью и девятью. — Прим. авт. }.

В предраассветные часы Гендерсону нелегко было связаться с Вильгельмштрассе. Ему сказали, что в 9 утра Риббентроп не сможет его принять, однако посол может оставить свое заявление официальному переводчику д-ру Шмидту.

В тот исторический день д-р Шмидт проспал. Когда он в спешке подъезжал на такси к министерству иностранных дел, то увидел, как британский посол уже поднимается по ступенькам. Вбежав через боковой вход, Шмидт умудрился ворваться в приемную Риббентропа как раз в тот момент, когда часы били девять, и принять Гендерсона минута в минуту. "Он вошел с очень серьезным видом, — вспоминал позднее Шмидт, — пожал мне руку, но отказался сесть, когда я ему предложил. Он так и стоял с торжественным видом посреди комнаты". Посол зачитал вслух британский ультиматум, вручил его копию Шмидту, попрощался и ушел.

Официальный переводчик поспешил с документом на Вильгельмштрассе. В приемной фюрера он застал многих членов кабинета, а также некоторых высших партийных деятелей, которые в тревоге ждали новостей.

"Когда я вошел в следующую комнату, — вспоминал Шмидт, — Гитлер сидел за столом, а Риббентроп стоял у окна. Оба выжидательно поглядели

на меня. Я остановился в некотором отдалении от стола Гитлера и медленно перевел английский ультиматум. Когда я закончил, стояла абсолютная тишина.

Гитлер молча смотрел прямо перед собой... После недолгого молчания, показавшегося мне вечностью, он повернулся к Риббентропу, который так и остался стоять у окна. "Что теперь? " — спросил Гитлер, гневно глядя на него, как будто министр иностранных дел ввел его в заблуждение по поводу возможной реакции Англии.

Риббентроп чуть слышно произнес: "Я полагаю, Франция предъявит аналогичный ультиматум в течение часа".

Исполнив свой долг, Шмидт удалился, по дороге через приемную рассказав собравшимся, что произошло. Они тоже замолчали. Потом произошло следующее:

"Геринг повернулся ко мне и сказал: "Спаси нас боже, если мы проиграем войну! "

Геббельс стоял в углу, подавленный, погруженный в свои мысли. Все, кто находился в комнате, были крайне встревожены".

В это время вездесущий Далерус предпринимал дилетантские попытки предотвратить неизбежное. В 8 часов Форбс рассказал ему о британском ультиматуме, который через час будет предъявлен правительству Германии. Он помчался в штаб-квартиру люфтваффе, чтобы встретиться с Герингом и призвать его позаботиться о том, чтобы ответ немцев на английский ультиматум был "разумным". Он предложил фельдмаршалу до 11 часов самому объявить о своей готовности прилететь в Лондон "для переговоров". В своей книге шведский бизнесмен утверждает, что Геринг принял его предложение, позвонил Гитлеру и тот тоже согласился. В немецких документах об этом не упоминается. Д-р Шмидт дает понять, что в начале десятого Геринг находился не в штаб-квартире люфтваффе, а в приемной Гитлера.

В любом случае не вызывает сомнений, что шведский посредник звонил в Форин оффис, причем не один раз, а два. В первый раз он позвонил в 10. 15 утра и взял на себя смелость сообщить, что ответ немцев на ультиматум правительства Великобритании "на подходе" и что немцы все еще "очень хотят удовлетворить британское правительство и дать гарантии не покушаться на независимость Польши" (!). Он полагал, что Лондон рассмотрит ответ Гитлера "в самом благоприятном свете".

В 10. 50, за 10 минут до истечения срока ультиматума, он снова позвонил в министерство иностранных дел в Лондон. На этот раз он изложил свое предложение, заключающееся в том, чтобы Геринг

немедленно вылетел в английскую столицу. Он все еще не мог взять в толк, что время дипломатических маневров прошло. Однако ему сразу же дали это понять. Галифакс твердо заявил, что его предложение не может быть принято. Правительству Германии задан конкретный вопрос, на который "ждут конкретного ответа". Правительство его величества не может терять времени на переговоры с Герингом.

После этого Далерус повесил трубку и исчез с авансцены истории. Объявился он только после войны на Нюрнбергском процессе, чтобы рассказать, как, впрочем, и в своей книге, о своей эксцентричной попытке спасти человечество от войны {Он объявился ненадолго 24 сентября. В этот день он встретился с Форбсом в Осло, чтобы выяснить, как он заявил на Нюрнбергском процессе, "не осталось ли все-таки возможности избежать мировой войны". — Прим. авт. }. У него были благородные устремления, он действительно хотел мира. На какое-то время он оказался в эпицентре удивительных событий мировой истории. Но, как это случалось со многими другими, все вокруг было слишком запутано, чтобы он мог в этом разобраться. В Нюрнберге он сказал, что никогда не подозревал, насколько был обманут немцами.

Вскоре после 11 часов, когда срок британского ультиматума истек, Риббентроп, за два часа до этого отказавшийся принять британского посла, послал за ним, чтобы вручить ему ответ правительства Германии. Правительство Германии, говорилось в нем, отказывается "принять, не говоря уже о том, чтобы выполнить", ультиматум Великобритании. За этим следовало пространное и гнусное пропагандистское заявление, состряпанное, вероятно, на скорую руку Гитлером и Риббентропом во время их двухчасового совещания. Ответ был призван одурачить легковверных немцев, поэтому включал в себя перечисление всех тех вымыслов, которые нам уже известны, в том числе "нападение" поляков, возлагал на Англию вину за то, что произошло, и отвергал попытку "заставить Германию вывести свои войска, которые приготвились к защите рейха". Далее следовало лживое заверение, что Германия приняла предложения Муссолини, сделанные в последний момент, а Англия эти предложения отклонила. После всех попыток Чемберлена умиротворить Гитлера он бросал обвинение в адрес правительства Британии в том, что оно "стремится уничтожить народ Германии" {Этот наспех состряпанный документ заканчивался следующим заявлением:

"Намерение Англии, переданное нам по приказу английского правительства господином Кинг-Холлом, нанести немецкому народу еще больший урон, чем нанес ему Версальский договор, принято нами к

сведению, и на любой акт агрессии со стороны Англии мы ответим тем же оружием и тем же способом". Разумеется, британское правительство никогда не разделяло намерений Стивена Кинг-Холла, отставного морского офицера. Выпускаемый им бюллетень носил частый характер. Тем не менее Гендерсон послал в министерство иностранных дел протест против распространения издания Кинг-Холла в Германии, и британское правительство рекомендовало издателю воздержаться от подобного. — Прим. авт. }.

Гендерсон прочитал документ ("это полностью фальсифицированное изложение событий", как он позднее назвал его) и заметил: "Предоставим истории рассудить, кто виноват на самом деле". Риббентроп ответил, что "история уже подтвердила факты".

Я стоял на Вильгельмштрассе, напротив рейхсканцелярии, когда по громкоговорителю вдруг сообщили о том, что Англия объявила Германии войну {В Лондоне в 11. 15 утра Галифакс вручил поверенному в делах Германии официальную ноту, в которой говорилось, что, поскольку гарантий от Германии не получено, он имеет честь объявить, что "два наших государства находятся в состоянии войны начиная с 11 часов 3 сентября". — Прим. авт. }. На улице, залитой солнцем, находилось человек двести пятьдесят, не больше. Они молча и внимательно слушали. Когда диктор кончил читать, никто не проронил ни звука. Люди стояли ошеломленные. Им трудно было осознать, что Гитлер вверг их в мировую войну.

Несмотря на то что был выходной, мальчишки-газетчики продавали экстренный выпуск. Точнее, я заметил, что они раздавали газеты бесплатно. Я взял одну. Это была "Дойче альгемайне цайтунг". Первая страница пестрела заголовками, набранными большими буквами: "Британский ультиматум отклонен", "Англия объявила о том, что находится в состоянии войны с Германией", "Английская нота требует вывода немецких войск на Востоке", "Сегодня фюрер отбывает на фронт".

Заголовок официального отчета, казалось, был просто продиктован Риббентропом: "Меморандум Германии подтверждает вину Англии".

Может, таким легковерным людям, какими были в то время немцы, и казалось, что меморандум что-то подтверждает, но в тот день это не породило враждебности по отношению к англичанам. Когда я проезжал мимо британского посольства, откуда Гендерсон и его сотрудники перебирались в гостиницу "Адлон", находившуюся за углом, я заметил одинокого полицейского у входа. Делать ему было нечего, и он прохаживался туда-сюда.

Французы выжидали немного дольше. Бонне до последнего момента старался выиграть время. Он все еще упорно надеялся, что Муссолини сумеет заключить с Гитлером сделку и это позволит Франции соскочить с крючка. Он даже настаивал, чтобы посол Бельгии убедил короля Леопольда, имевшего влияние на Муссолини, воздействовать на дуче, чтобы тот в свою очередь оказал влияние на Гитлера. Всю субботу 2 сентября он провел в спорах со своим кабинетом, как до этого спорил с британским кабинетом. Он говорил, что обещал Чиано ждать ответа немцев на англо-французское заявление от 1 сентября до полудня 3 сентября и что не может нарушить данное слово. Он даже позвонил по телефону министру иностранных дел Италии, чтобы подтвердить это, но позвонил только в 9 часов вечера 2 сентября. К этому времени предложение дуче о созыве конференции утратило всякий смысл, что Чиано и попытался объяснить. Англичане же оказывали давление на Бонне, принуждая его совместно выдвинуть в полночь ультиматум Берлину.

2 сентября, вскоре после полуночи, правительство Франции приняло решение. Ровно в полночь Бонне послал Кулондру телеграмму, где сообщалось, что утром он пришлет текст "нового демарша", который надлежит "представить в полдень на Вильгельмштрассе" {Даже после этого, как известно, Бонне предпринял последнюю попытку удержать Францию от вступления в войну, предложив ночью итальянцам убедить немцев вывести войска из Польши "символически". — Прим. авт. }.

Он сделал это 3 сентября, в 10. 20 утра, за сорок минут до истечения срока британского ультиматума. Французский ультиматум был составлен практически в тех же выражениях, что и британский, с той только разницей, что в нем заявлялось, что Франция в случае отрицательного ответа выполнит свои обязательства по отношению к Польше, "которые известны правительству Германии", — даже в самый последний момент Бонне воздерживался от формального объявления войны.

В официальной Французской желтой книге приводится текст ультиматума, переданного по телеграфу Кулондру. В нем время истечения ультиматума обозначено 17. 00. На самом деле в телеграмме было указано не это время. В 8. 45 утра посол Фиппс сообщал Галифаксу из Парижа: "Бонне говорит, что срок французского ультиматума истекает в 5 часов утра в понедельник (4 сентября)". Это время Бонне и указал в телеграмме.

Хоть это и явилось уступкой, которую Даладье вырвал ранним воскресным утром у французского генерального штаба, о чем Бонне узнал по телефону (раньше генеральный штаб настаивал на том, чтобы срок ультиматума составил сорок восемь часов), у британского правительства

оно вызвало раздражение, что и было высказано Бонне незадолго до полудня. Премьер Даладье еще раз попытался убедить военных. Он вызвал генерала Колстона из генерального штаба и в 11. 30 утра постарался уговорить его сократить срок действия ультиматума. Генерал неохотно согласился передвинуть срок окончания ультиматума на двенадцать часов, то есть на 17 часов.

Таким образом, в тот момент, когда Кулондр выходил из здания французского посольства в Берлине, направляясь на Вильгельм-штрассе, Бонне позвонил ему по телефону и распорядился указать новое время.

В полдень Риббентроп не мог принять французского посла. В это время он участвовал в церемонии, которая происходила в рейхсканцелярии. Там фюрер тепло встречал нового советского посла Александра Шкварцева — это придало своеобразный оттенок тому историческому дню в Берлине. Кулондр, неуклонно следуя полученным инструкциям, прибыл на Вильгельмштрассе ровно в полдень и был принят там Вайцзекером. На вопрос посла, обладает ли статс-секретарь полномочиями дать "удовлетворительный" ответ Франции, Вайцзекер ответил, что находится в таком положении, которое не позволяет ему "вообще давать какой-либо ответ".

За этим последовала небольшая дипломатическая комедия. Когда Кулондр попытался истолковать ответ Вайцзекера как отрицательный, к чему он был готов, и вручить статс-секретарю официальный ультиматум, последний отказался его принять. Он предложил послу "любезно проявить еще немного терпения и встретиться с министром иностранных дел лично". Получив такой отпор, причем уже не впервые, Кулондр провел в напряженном ожидании еще полчаса. В 12. 30 его проводили в канцелярию для встречи с Риббентропом.

Хотя министр иностранных дел прекрасно знал, с чем явился к нему Кулондр, он не мог упустить возможности — последней возможности — изложить французскому послу свойственный ему извращенный взгляд на происходящие события. Указав, что Муссолини, выступая в последнюю минуту с мирными предложениями, говорил, что Франция их одобрила, Риббентроп заявил, что "Германия сообщила о своем согласии с предложениями дуче. Однако через несколько часов, продолжал он, дуче сообщил, что его предложения не могут быть выполнены из-за жесткой позиции британского правительства".

Но Кулондр в течение последних месяцев слишком часто слышал лживые заявления Риббентропа. Послушав еще немного министра иностранных дел, который говорил, что будет сожалеть, если Франция

последует примеру Англии, и что Германия не имеет ни малейшего намерения нападать на Францию, посол сделал то, для чего и пришел, — задал вопрос: означает ли сказанное министром иностранных дел, что ответ на французское заявление от 1 сентября можно считать отрицательным?

"Да", — ответил Риббентроп.

Тогда посол вручил министру иностранных дел французский ультиматум, "в последний раз" отметив, что "на правительство рейха падает тяжелая ответственность" за нападение на Польшу "без объявления войны" и отказ выполнить пожелание, выраженное в англо-французском заявлении, — вывести войска.

"Тогда Франция станет агрессором", — заявил Риббентроп.

"История рассудит", — ответил Кулондр.

В это воскресенье все участники последнего акта драмы стремились призвать в судьи историю.

Хотя Франция проводила мобилизацию армии, которая по численности во много раз превосходила силы немцев на западной границе, не Франция, а Англия, чья армия была гораздо малочисленней, занимала мысли Гитлера. Фюрер хотел свалить на Англию всю вину за то положение, в котором оказался 3 сентября 1939 года. Это становится очевидно из двух заявлений, которые он сделал в тот вечер. Обращенные к немецкому народу и к армии, дислоцированной на западных рубежах, они были полны ненависти и истерической злобы по отношению к Англии.

"Великобритания, — говорилось в "Воззвании к немецкому народу", — в течение многих веков преследовала цель сделать народы Европы беззащитными против британской политики мирового господства... оставляла за собой право под ничтожным предлогом нападать на то европейское государство, которое в тот или иной момент было наиболее опасным...

Мы сами были свидетелями политики блокады, которую Великобритания проводила по отношению к Германии начиная с довоенных времен... Британские подстрекатели... подавили немецкий народ Версальским диктатом... "

"Солдаты Западной армии! — писал Гитлер в воззвании к солдатам, которые в течение многих недель могли противостоять только французской армии. — Великобритания преследует политику блокады Германии... Правительство Великобритании, подстрекаемое поджигателями, которые известны нам со времен последней войны, решило сбросить маску и объявить войну под ничтожным предлогом... "

О Франции не говорилось ни слова.

В Лондоне спустя шесть минут пополудни Чемберлен выступил в палате общин и сообщил, что Англия находится в состоянии войны с Германией. Хотя Гитлер под страхом смерти запретил с 1 сентября слушать иностранные радиостанции, мы в Берлине узнали об этом заявлении премьер-министра из сообщений Би-би-си. Для нас, видевших, как он рисковал своей политической карьерой в Годесберге и Мюнхене, его слова прозвучали особенно трагично.

"Это печальный день для всех нас, для меня же он печальнее, чем для кого-либо другого. Все, во имя чего я работал, все, во что я верил на протяжении своей жизни в политике, все рухнуло. Мне остается только одно: употребить все силы и власть, которую я имею, для достижения победы в деле, в жертву которому я так много принес... Я верю, что доживу до того дня, когда гитлеризм будет уничтожен и освобожденная Европа будет восстановлена".

Чемберлену не было суждено дожить до этого дня. Он умер 9 ноября 1940 года, надломленный человек, но все еще член кабинета. В свете того, что было сказано о нем на страницах этой книги, я считаю, что должен привести слова Черчилля, которого Чемберлен в течение стольких лет не допускал к общественной жизни Великобритании и который сменил его на посту премьер-министра 10 мая 1940 года. Отдавая дань Чемберлену в палате общин 12 ноября 1940 года, Черчилль сказал:

"... Невиллу Чемберлену довелось столкнуться во время одного из тяжелейших мировых кризисов с противоречивыми событиями, разочароваться в своих надеждах, быть обманутым негодяем. Каковы же были те надежды, в которых он разочаровался? Каковы же были те желания, которые он не сумел осуществить? Какова была вера, которой злоупотребили? Несомненно, это были самые благородные порывы человеческого сердца — любовь к миру, труд во имя мира, стремление к миру, стремление к поддержанию мира даже в самое опасное время, даже несмотря на потерю популярности и возмущение".

Когда провалились дипломатические попытки Гитлера удержать Англию и Францию от вступления в войну, он во второй половине дня 3 сентября обратился к вопросам чисто военным, издав совершенно секретную Директиву э 2 для ведения войны. Несмотря на объявление Англией и Францией о состоянии войны с Германией, говорилось в директиве, "целью ведения войны Германией остается прежде всего победоносное завершение операций против Польши". После "возвещенного Англией открытия военных действий и объявления

Францией состояния войны" разрешались наступательные операции против Англии на море. Люфтваффе разрешалось нападать на британские ВМС в том случае, если англичане предпримут аналогичные действия против немцев или же "будут иметься особенно благоприятные виды на успех". Был издан приказ о переводе всей промышленности Германии на рельсы "военной экономики".

В 9 часов вечера Гитлер и Риббентроп в двух разных специальных поездах выехали в ставку верховного главнокомандования на Восток. Но перед этим они предприняли два дипломатических хода. Британия и Франция находились теперь в состоянии войны с Германией. Однако были еще две великие европейские державы, поддержка которых сделала возможной авантюру Гитлера, а именно:

Италия, союзник, изменивший данному слову в последний момент, и Советская Россия, способствовавшая тому, что нацистский диктатор, не доверявший ей, счел возможным сделать ставку на войну.

Перед тем как покинуть столицу, Гитлер послал еще одно письмо Муссолини. Оно было отправлено телеграфом в 21. 51, за девять минут до того, как поезд фюрера медленно отошел от перрона. Письмо это не вполне откровенное и даже не лишено лжи. Но оно дает самое полное представление об умонастроении Адольфа Гитлера, когда он в первый раз покинул затемненную столицу третьего рейха, чтобы взять на себя роль верховного главнокомандующего. Письмо это было обнаружено среди трофейных документов.

Дуче!

Прежде всего хочу поблагодарить Вас за Вашу последнюю попытку выступить в качестве посредника. Я был бы рад принять предложение, но только в том случае, если бы было возможно дать мне определенные гарантии, что исход конференции будет успешным. Уже два дня немецкие войска необычайно быстро продвигаются по Польше. Было бы недопустимо, если бы кровь, пролитая там, из-за дипломатических интриг оказалась напрасной.

Тем не менее я верю, что можно было бы найти решение, если бы Англия с самого начала не стремилась развязать войну в любом случае. Я не поддался на английские угрозы, дуче, потому что больше не верю, что мир можно было бы сохранить дольше чем шесть месяцев или, скажем, год. В этих обстоятельствах я решил, что настоящий момент, несмотря ни на что, самый подходящий, чтобы защищаться.

... Польская армия будет разбита в кратчайшие сроки. Я сомневаюсь, что можно было бы добиться такого успеха через год или через два. Англия

и Франция продолжали бы вооружать своих союзников, и решающее техническое превосходство вермахта не было бы столь очевидным, как сейчас. Я понимаю, дуче, что борьба, в которую я вступил, это борьба не на жизнь, а на смерть... Но я также понимаю, что такой борьбы в конце концов не избежать и что момент для сопротивления должен быть выбран с холодным расчетом, чтобы с наибольшей вероятностью обеспечить успех; а моя вера в успех, дуче, тверда как камень.

Далее следовало предупреждение в адрес Муссолини:

Недавно Вы любезно заверили меня, что сможете оказывать мне помощь в некоторых областях. С искренней благодарностью заранее принимаю Вашу помощь. Я также верю, что несмотря на то, что сейчас мы с Вами идем разными путями, судьба еще крепко нас свяжет. Если национал-социалистская Германия будет уничтожена западными демократиями, то фашистскую Италию ждет трудное будущее. Лично я всегда был уверен, что будущее наших двух режимов тесно связано, и я знаю, дуче, что Вы придерживаетесь такого же мнения.

Перечислив первоначальные успехи немецкой армии в Польше, Гитлер писал:

... На Западе я буду обороняться. Франция может первой пролить свою кровь. Тогда настанет момент, когда мы сможем противостоять врагу силами всей нации.

Позвольте еще раз поблагодарить Вас, дуче, за всю ту помощь, которую Вы оказывали мне в прошлом и в которой я прошу Вас не отказать мне в будущем.

Адольф Гитлер

Разочарование по поводу того, что Италия не сдержала своего слова даже после того, как Англия и Франция объявили войну, Гитлер таил глубоко в себе. Дружественная Италия, даже невоюющая, все еще могла оказать ему помощь.

Но еще большую помощь могла оказать ему Россия.

Уже в первый день нападения немецких войск на Польшу Советское правительство, как это явствует из немецких документов, оказало люфтваффе услугу. В то утро начальник главного штаба ВВС генерал Ганс Ешоннек позвонил в посольство Германии в Москве и сказал, что для оказания помощи пилотам бомбардировщиков при нанесении бомбовых ударов по Польше (в разговоре он назвал это "срочным навигационным испытанием") он просит русскую радиостанцию в Минске постоянно подавать позывные. Во второй половине дня посол Шуленбург уже сообщил в Берлин, что Советское правительство "готово пойти навстречу".

Русские согласились подавать позывные со станции в Минске в программах возможно чаще и продлить время ее вещания на два часа, чтобы помочь немецким летчикам в ночное время.

Но, покидая Берлин вечером 3 сентября, Гитлер и Риббентроп имели в виду более существенную военную помощь России в завоевании Польши. В 18. 50 Риббентроп отправил "совершенно секретную" телеграмму в посольство в Москве. Начиналась телеграмма словами: "Только для посла... Главе миссии или его представителю лично. При работе предпринимать меры безопасности. Расшифровать лично. Абсолютно секретно".

В обстановке строжайшей секретности немцы предлагали Советскому Союзу напасть вместе с ними на Польшу!

Мы совершенно уверены в окончательном разгроме польской армии в течение ближайших недель. После этого мы оккупируем территорию, которая в Москве была определена как сфера интересов Германии. Вполне естественно по чисто военным причинам, что мы продолжим боевые действия против польских частей, которые к тому времени окажутся на территории, являющейся сферой интересов России.

Пожалуйста, обсудите немедленно с Молотовым, не предпочтительнее ли для русских выступить в нужный момент против Польши в сфере интересов русских и оккупировать эту территорию. Мы считаем, что это не только облегчит наше положение, но будет также в духе соглашения, подписанного в Москве, и в советских интересах.

Что такой циничный поступок "облегчит" положение — Гитлеру и Риббентропу казалось очевидным. Он помог бы не только избежать недопонимания и трений между Германией и Россией при дележе добычи, но и переложить часть ответственности за немецкую агрессию против Польши на Советский Союз. Если они поделят добычу, то почему бы не разделить и вину?

Самым мрачным немцем в Берлине в тот полдень, когда стало известно, что Англия находится в состоянии войны с Германией, казался гросс-адмирал Эрих Редер, главнокомандующий ВМС Германии. Он полагал, что война начата преждевременно, что требовалось еще 4–5 лет. К 1944–1945 годам был бы выполнен план Z, в результате чего Германия имела бы внушительный флот, который смог бы противостоять английскому. Но на дворе было 3 сентября 1939 года. Адмирал понимал, хотя Гитлер его и не слушал, что у него недостаточно боевых кораблей, а тем более подводных лодок, чтобы вести эффективную войну против Англии.

В своем дневнике адмирал писал:

"Сегодня началась война против Англии и Франции, война, которой нам не следовало по прежним заверениям фюрера опасаться до 1944 года. Фюрер до последней минуты уверял, что ее удастся избежать, даже если для этого придется отложить решение польского вопроса...

Что касается флота, совершенно очевидно, что он не оснащен в такой степени, чтобы вести большую войну против Великобритании... Силы подводного флота еще слишком малы, чтобы оказать решающее влияние на ход войны. Более того, надводный флот настолько уступает британскому по численности и мощи, что, даже если собрать его весь, он сможет лишь продемонстрировать, что моряки умеют погибать с честью..."

Тем не менее в 9 часов вечера 3 сентября 1939 года, в тот самый момент, когда Гитлер выезжал из Берлина, германский флот нанес удар. Немецкая подводная лодка "U-30" без предупреждения торпедировала и потопила в двухстах милях к западу от Гебридских островов британский лайнер "Атения". Лайнер шел из Ливерпуля в Монреаль, имея на борту 1400 пассажиров. Погибло 112 человек, среди них 28 американцев.

Книга IV. Война: Первые победы и великий поворот

Часть 18. Падение Польши

В 10 часов утра 5 сентября 1939 года у генерала Гальдера состоялась беседа с генералом фон Браухичем, главнокомандующим немецкой армией, и генералом фон Боком, возглавлявшим группу армий "Север". Рассмотрев общую обстановку, какой она представлялась им в начале пятого дня нападения на Польшу, они, как записал Гальдер в своем дневнике, пришли к единому мнению, что "противник разбит".

Накануне вечером сражение за Польский коридор закончилось соединением 4-й армии генерала фон Клюге, наступавшей из Померании в восточном направлении, с войсками 3-й армии под командованием генерала фон Кюхлера, наступавшей из Восточной Пруссии в западном направлении. Именно в этом сражении прославил себя и свои танки генерал Гейнц Гудериан. На одном участке, когда танки неслись на восток через Польский коридор, они были контратакованы Поморской кавалерийской бригадой, и взору автора этих строк, посетившего несколько дней спустя участок, где разворачивалась контратака, предстала отвратительная картина кровавой мясорубки.

Для скоротечной польской кампании это было символично. Лошади против танков! Длинные пики кавалеристов против длинных стволов танковых пушек. И сколь ни были мужественными, доблестными и безрассудно храбрыми поляки, немцы просто раздавили их стремительной танковой атакой превосходящими силами. Для них, да и для всего мира, это был первый опыт блицкрига — внезапно обрушившегося наступления: в небе с ревом проносились истребители и бомбардировщики, проводя воздушную разведку, атакуя цели на земле, сея огонь и ужас; визжали пикирующие бомбардировщики, устремляясь на свои жертвы; танки, целые дивизии танков, прорывая оборону, покрывали за день 30–40 миль; самоходные скорострельные тяжелые артиллерийские установки мчались со скоростью до 40 миль в час по изрытым колеями польским дорогам; невероятные скорости развивала даже пехота — целая армия в полтора миллиона солдат неслась на колесах, направляемая и координируемая с помощью специальной связи, состоящей из сложных радиосетей, телефонных и телеграфных средств. Эта сила, какой никогда не видел мир, казалась неким механизированным безжалостным чудовищем.

Примерно через 48 часов польские военно-воздушные силы перестали существовать, большая часть из 500 самолетов первой линии были

уничтожены на аэродромах бомбовыми ударами, не успев подняться в воздух; аэродромные сооружения были сожжены; подавляющая часть личного состава аэродромных команд были либо убиты, либо ранены. Краков, второй по величине город Польши, пал 6 сентября. В ту же ночь польское правительство бежало из Варшавы в Люблин. На следующий день Гальдер занялся планами переброски войск из Польши на Западный фронт, хотя там не наблюдалось какой-либо активности западных союзников. В полдень 8 сентября 4-я танковая дивизия достигла окраин польской столицы, в то время как на южном направлении со стороны Силезии и Словакии продвигалась 10-я армия Рейхенау, которая захватила Кельце, а 14-я армия Листа заняла Сандомир у слияния Вислы и Сана. За неделю польская армия была полностью разбита. Большая часть из ее 35 дивизий — все, что успели мобилизовать, — была либо разгромлена, либо зажата в огромные клещи, которые сомкнулись вокруг Варшавы.

Теперь немцам предстояло осуществить вторую фазу: более плотно стянуть кольцо вокруг ошеломленных и дезорганизованных польских частей, оказавшихся внутри, уничтожить их и захватить в более крупные, на сотни миль к востоку, клещи остальные польские формирования, дислоцированные к западу от Брест-Литовска и реки Буг.

Эта фаза началась 9 сентября и завершилась 17-го. Левое крыло группы армий "Север" под командованием Бока устремилось на Брест-Литовск. 19-й корпус Гудериана подошел к городу 14 сентября и через два дня овладел им. 17 сентября части корпуса Гудериана встретились с патрульными дозорами 14-й армии Листа в 50 милях к югу от Брест-Литовска, возле Влодавы, — так сомкнулись вторые гигантские клещи. Контрнаступление, как заметил позднее Гудериан, нашло "четкое завершение" 17 сентября. Все польские войска, за исключением незначительных групп у русской границы, были окружены. Польские войска, оказавшиеся в варшавском треугольнике и возле Познани, мужественно оборонялись, но были обречены. Польское правительство, или то, что от него осталось после непрерывных бомбардировок и обстрелов с воздуха самолетами люфтваффе, 15 сентября добралось до румынской границы. Для него и гордого польского народа все кончилось. Оставалось только умирать в рядах тех частей, которые все еще с неимоверной стойкостью оказывали сопротивление.

Русские вторгаются в Польшу

Правительство в Кремле, как и правительства других стран, было ошеломлено той быстротой, с какой немецкие армии пронесли по Польше. 5 сентября, давая официальный письменный ответ на

предложение нацистов напасть на Польшу с востока, Молотов сообщал, что это будет сделано "в подходящее время", но "это время еще не наступило". Он считал, что "излишняя поспешность" может нанести ущерб, но настаивал на том, чтобы немцы, хотя они первыми вошли в Польшу, скрупулезно соблюдали "демаркационную линию", согласованную и подтвержденную в секретных статьях германо-советского пакта. Подозрительность русских в отношении немцев уже начала проявляться. В Кремле полагали, что на завоевание немцами Польши может потребоваться довольно много времени. Однако вскоре после полуночи 8 сентября, когда немецкие танковые дивизии достигли предместий Варшавы, Риббентроп направил "срочное, совершенно секретное" сообщение Шуленбургу в Москву о том, что успех операций в Польше превзошел "все ожидания" и что в сложившихся обстоятельствах Германия хотела бы знать о "военных намерениях Советского правительства". На следующий день, в 16. 10, Молотов ответил, что Россия применит вооруженные силы в ближайшие дни. Несколько ранее советский комиссар по иностранным делам официально поздравил немцев по случаю вступления войск в Варшаву.

10 сентября Молотов и посол фон дер Шуленбург запутались. После заявления о том, что Советское правительство ошеломлено неожиданными военными успехами немцев и потому находится в "затруднительном положении", комиссар по иностранным делам коснулся обоснования, которое Кремль собирался выдвинуть в оправдание своей агрессии по отношению к Польше, Это было, как телеграфировал Шуленбург в Берлин, делом "наиболее срочным" и "совершенно секретным".

Польша разваливалась, и вследствие этого у Советского Союза возникла необходимость прийти на помощь украинцам и белорусам, которым "угрожала" Германия. Этот довод, утверждал Молотов, необходим для того, чтобы Советский Союз смог оправдать свое вмешательство в глазах широких масс и не предстал агрессором. Более того, Молотов сетовал на Немецкое информационное бюро, которое цитировало заявление генерала фон Браухича, утверждавшего, что "больше нет необходимости вести военные действия на немецкой восточной границе". Если это так, если война закончена, то Россия, по словам Молотова, "не может начать новую войну". Он был крайне недоволен сложившейся обстановкой. Стремясь еще больше усложнить дело, 14 сентября он вызвал Шуленбурга в Кремль и, сообщив ему, что Красная Армия выступит раньше, чем предполагалось, поинтересовался, когда падет Варшава, — чтобы оправдать свое вступление в Польшу, русские должны были дожидаться падения польской столицы.

Поднятые комиссаром вопросы смутили посла. Когда падет Варшава? Как отреагируют немцы, если Россия возложит на них вину за свое вступление в Польшу? Вечером 15 сентября Риббентроп направил "сверхсрочную, совершенно секретную" депешу Молотову через своего посла в Москве, в которой сообщал, что Варшава будет занята "в ближайшие дни" и Германия "приветствовала бы начало советских военных операций именно теперь". Что касается намерения возложить на Германию вину за вторжение русских в Польшу, то об этом не может быть и речи. "... Вопреки истинным немецким намерениям... это противоречило бы договоренностям, достигнутым в Москве, и наконец... представило бы два государства перед всем миром противниками". Депеша заканчивалась просьбой к Советскому правительству установить день и час нападения русских на Польшу.

Это было сделано вечером следующего дня, и два оказавшихся в числе захваченных немецких документов донесения от Шуленбурга, показывающие, как это было сделано, раскрывают всю лживость Кремля.

"Я встретился с Молотовым в 6 часов вечера, — телеграфировал Шуленбург в Берлин 16 сентября. — Он сообщил, что военное вмешательство Советского Союза произойдет, вероятно, завтра или послезавтра. В настоящее время Сталин совещается с военными руководителями. Молотов добавил, что... Советское правительство намерено оправдать свои действия следующими мотивами: Польское государство развалилось и более не существует, поэтому все соглашения и договоры, ранее заключенные с ним, утратили силу; третьи державы могли попытаться воспользоваться хаосом, который там возник, поэтому Советское правительство сочло своим долгом вмешаться, чтобы взять под защиту украинских и белорусских братьев и дать возможность этим несчастным людям жить в мире".

Поскольку единственной возможной "третьей державой" в данном случае могла быть Германия, Шуленбург возразил против такой формулировки.

"Молотов согласился с тем, что предлагаемый довод Советского правительства содержит ссылку, задевающую немецкую чувствительность, но просил нас, учитывая затруднительное положение Советского правительства, не придавать этому доводу значения. У Советского правительства, к сожалению, нет возможности выдвинуть какие-либо другие доводы, поскольку ранее Советский Союз никогда не проявлял беспокойства о положении национальных меньшинств в Польше и вынужден так или иначе оправдывать свое нынешнее вмешательство перед

заграницей".

17 сентября, в 5. 30 вечера, Шуленбург отправил еще одну "сверхсрочную, совершенно секретную" депешу в Берлин:

"Сталин принял меня в 2 часа ночи... и заявил, что Красная Армия пересечет советскую границу в 6 часов утра... Советские самолеты сегодня начнут бомбить районы к востоку от Львова".

Когда Шуленбург высказал свои возражения по трем пунктам советского коммюнике, русский диктатор "с подчеркнутой готовностью" внес в текст изменения.

Таким образом, был выдвинут именно этот жалкий предлог: Польша прекратила свое существование, и польско-советский пакт о ненападении, следовательно, утратил свое значение и силу, а поскольку требовалось защитить свои интересы и интересы украинского и белорусского национальных меньшинств, Советский Союз утром 17 сентября направил свои войска в поверженную Польшу. Чтобы нанести дополнительное оскорбление, польского посла в Москве проинформировали, что Россия в польском конфликте будет строго придерживаться нейтралитета. На следующий день, 18 сентября, советские и немецкие войска встретились в Брест-Литовске, где ровно двадцать один год назад молодое большевистское правительство порвало узы, связывавшие прежнюю Россию с западными союзниками, и заключило сепаратный мирный договор с Германией на тяжелейших для себя условиях.

И хотя теперь русские выступали в роли соучастников нацистской Германии в уничтожении древней Польши, они сразу же продемонстрировали недоверие к своим новым друзьям. Как информировал Берлин посол Шуленбург, на встрече с ним накануне советской агрессии Сталин выразил сомнение, будет ли немецкое верховное командование придерживаться условий Московских соглашений, предусматривающих отвод немецких войск на демаркационную линию. Посол пытался успокоить Сталина, но, очевидно, без особого успеха. "Ввиду присущей Сталину подозрительности, — телеграфировал он в Берлин, — я был бы признателен, если бы меня уполномочили дать дальнейшие заверения подобного характера, дабы устранить его последние сомнения". На следующий день, 19 сентября, Риббентроп телеграммой уполномочил своего посла сообщить Сталину: "... Соглашения, которые я подписал в Москве, будут, конечно, соблюдаться... Они рассматриваются нами как прочная основа для новых дружественных отношений между Германией и Советским Союзом".

Тем не менее трения между участниками противоестественного

партнерства продолжались. 17 сентября возникли разногласия по поводу текста совместного коммюнике, призванного оправдать русско-германское уничтожение Польши. Сталин высказался против немецкого варианта, поскольку в нем факты излагались "слишком откровенно". Затем он составил свой собственный вариант — образец изощренности — и вынудил немцев согласиться с ним. В нем утверждалось, что общей целью Германии и России являлось "восстановление мира и порядка в Польше, которые были подорваны развалом польского государства, и оказание помощи польскому народу в установлении новых условий для его политической жизни". По цинизму Гитлер нашел в Сталине достойного партнера.

Поначалу оба диктатора, по-видимому, были склонны создать на территории Польши государство наподобие наполеоновского Варшавского герцогства, чтобы успокоить мировое общественное мнение. Однако 19 сентября Молотов объявил, что у большевиков на этот счет иные соображения. После сердитого протеста, выраженного Шуленбургу по поводу того, что немецкие генералы игнорируют Московские соглашения и пытаются захватить территорию, которая должна отойти к России, он перешел к сути.

"Молотов намекнул, — телеграфировал в Берлин Шуленбург, — что первоначальное соображение, поддержанное Советским правительством и лично Сталиным, которое сводилось к существованию

Польши на остальной территории, привело к идее раздела Польши по линии Писса — Нарве — Висла — Сан. Советское правительство желает немедленно начать переговоры по данному вопросу".

23 сентября Риббентроп по телеграфу поручил Шуленбургу сообщить Молотову, что "русская идея о пограничной линии вдоль хорошо известных четырех рек совпадает с точкой зрения правительства рейха". Он выразил пожелание вновь прилететь в Москву для отработки деталей этого вопроса, а также "окончательной структуры польского района".

Теперь переговоры взял в свои руки Сталин, и его немецкие союзники убедились — а английские и американские союзники убедятся в этом несколько позднее, — насколько упорным, циничным, склонным к соглашательству партнером он был. 25 сентября, в 8 часов вечера, советский диктатор вызвал в Кремль Шуленбурга, а несколько позднее, в тот же вечер, германский посол предостерегал Берлин относительно суровой реальности и хитроумных замыслов Сталина:

"... Он считает ошибочным сохранить независимую Польшу (на тех землях, которые останутся после изъятия части земель в пользу Германии и

России). Он предложил территорию к востоку от демаркационной линии, всю Варшавскую провинцию, которая простирается до самого Буга, добавить к нашей доле. За это мы должны отказаться от наших притязаний на Литву.

Сталин... добавил, что если мы согласны, то Советский Союз немедленно возьмется за решение проблемы Прибалтийских государств в соответствии с (секретным) протоколом от 23 августа и ожидает в этом вопросе безоговорочной поддержки со стороны немецкого правительства. Сталин выразительно указал на Эстонию, Латвию и Литву, но не упомянул Финляндию".

Это была хитроумная и трудная сделка. Сталин предлагал две польские провинции, которые немцы уже захватили, за Прибалтийские государства. Оказав Гитлеру огромную услугу — предоставив ему возможность напасть на Польшу, он стремился теперь, пользуясь благоприятными условиями, получить все, что возможно. Более того, он предложил включить в состав Германии основную массу польского народа. Хорошо усвоив урок многовековой истории России, он понимал, что польский народ никогда не примирится с потерей своей независимости. Так пусть по этому поводу болит голова у немцев, а не у русских! А между тем он получит Прибалтийские государства, которые были отняты у России после первой мировой войны и географическое положение которых позволяло Советскому Союзу обезопасить себя на случай внезапного нападения нынешнего союзника.

Риббентроп во второй раз прибыл самолетом в Москву в 6 часов вечера 27 сентября. Прежде чем отправиться в Кремль, он нашел время прочитать телеграммы из Берлина, в которых его информировали о том, чего хотят русские. Это были переправленные из Берлина в Москву донесения немецкого посланника в Таллинне, в которых тот сообщал Риббентропу, что эстонское правительство только что проинформировало его о требовании Советского Союза "под самой серьезной угрозой немедленного нападения" предоставить ему военные и авиационные базы. Поздней ночью, после долгого совещания со Сталиным и Молотовым, Риббентроп телеграфировал Гитлеру, что в эту самую ночь заключается пакт, на основании которого Советский Союз разместит две дивизии Красной Армии и одну авиационную бригаду "на эстонской территории, однако на сей раз без упразднения эстонской системы правления". Но фюрер, имевший опыт в делах подобного рода, знал, чем обернется это для Эстонии. На следующий день Риббентропу сообщили, что фюрер приказал эвакуировать из Эстонии и Латвии 86 тысяч фольксдойче. Сталин

предъявлял свой счет, и Гитлер был вынужден, по крайней мере пока, оплатить его. Он немедленно оставлял не только Эстонию, но и Латвию, которые по обоюдному согласию, достигнутому при заключении нацистско-советского пакта, были включены в советскую сферу интересов. Но прежде чем день закончился, Гитлер уступил также и Литву, которая по условиям дополнительного секретного протокола к Московскому пакту входила в сферу интересов рейха. Во время совещания с Риббентропом, которое началось в 10 часов вечера 27 сентября и продолжалось до часу ночи, Сталин предоставил немцам на выбор два варианта. Эти два варианта, как он сообщил 25 августа Шуленбургу, состояли в следующем: принятие первоначальной демаркационной линии по рекам Писса, Нарев, Висла и Сан, при этом Германия получает Литву; или, уступив Литву России, Германия получает дополнительно польскую территорию (Люблинскую провинцию и земли к востоку от Варшавы), что поставило бы под контроль немцев почти все польское население. Сталин упорно настаивал на втором варианте, и Риббентроп в обстоятельной телеграмме, отправленной Гитлеру в 4 часа утра 28 сентября, оставлял этот вопрос на его усмотрение. Гитлер согласился.

Раздел Восточной Европы потребовал соответствующего точного обозначения на картах, и днем 28 сентября, после трех с половиной часов переговоров, после чего в Кремле был устроен банкет, Сталин и Молотов прервали переговоры с Риббентропом, чтобы принять латвийскую делегацию, которую они вызвали в Москву. Риббентроп поехал в Большой театр смотреть "Лебединое озеро" и вернулся в Кремль в полночь для дальнейших консультаций по составлению карт и по другим вопросам. В 5 часов утра Молотов и Риббентроп поставили свои подписи под новым пактом, получившим официальное название "советско-германского договора о дружбе и границе". При этом Сталин улыбался, как докладывал позднее один немецкий дипломат, "от удовольствия" {Андор Хенке, помощник министра иностранных дел, долгие годы работавший в немецком посольстве в Москве, составил подробный и забавный отчет об этих переговорах Это единственная немецкая запись о втором дне совещаний Риббентропа со Сталиным и Молотовым — Прим авт. }. Для этого у него были основания.

Сам договор, сразу же опубликованный, провозглашал границу "соответствующих государственных интересов" двух стран в "бывшем польском государстве" и утверждал, что в пределах полученной ими территории эти страны восстановят "мир и порядок" и "гарантируют людям, проживающим там, мирную жизнь в соответствии с их

национальными традициями".

Однако, как и при предыдущей нацистско-советской сделке, на этот раз также имелись секретные протоколы, в двух из которых была заключена суть соглашения. В одном из протоколов содержалось положение, согласно которому Литва входила в советскую сферу интересов, а Люблинская провинция и земли к востоку от Варшавы — в сферу интересов Германии. Второй протокол был краткий и конкретный:

Обе стороны не допустят на своих территориях никакой польской агитации, затрагивающей интересы другой стороны. Обе стороны обязуются на своих территориях подавлять в зародыше любую подобную агитацию и информировать друг друга относительно принятых с этой целью мер.

Таким образом, Польша, как ранее Австрия и Чехословакия, исчезла с карты Европы. Однако на сей раз Адольфу Гитлеру содействовал в уничтожении страны Союз Советских Социалистических Республик, долгое время выдававший себя за защитника угнетенных народов. Это был четвертый раздел Польши, осуществленный Германией и Россией {Арнольд Тойнби в своих трудах называет это пятым разделом Польши — Прим авт. } (в других разделах Польши участвовала и Австрия), и раздел этот должен был стать наиболее безжалостным и бесчеловечным.

Гитлер развязал войну против Польши и выиграл ее, но куда в большем выигрыше оказался Сталин, войска которого вряд ли произвели хоть один выстрел {По официальным данным, немецкие потери в Польше составили 10 572 убитых, 30 322 раненых и 3400 пропавших без вести — Прим авт. }. Советский Союз получил почти половину Польши и взялся за Прибалтийские государства. Это, как никогда ранее, отдалило Германию от ее основных долгосрочных целей: от украинской пшеницы и румынской нефти, остро ей необходимых, чтобы выжить в условиях английской блокады. Даже польские нефтеносные районы Борислав, Дрогобыч, на которые претендовал Гитлер, Сталин выторговал у него, великодушно пообещав продавать немцам эквивалент годовой добычи нефти в этих районах. Почему Гитлер согласился заплатить русским столь высокую цену? Очевидно, что он пошел на это, чтобы удержать Советский Союз от консолидации с западными союзниками и от участия в войне. Но он никогда не был сторонником соблюдения договоров, и теперь, когда Польша пала под не поддающимся сравнению ударом немецкого оружия, можно было ожидать, что он не сдержит, как настаивал на том рейхсвер, обязательств, принятых согласно пакту от 23 августа. Если бы Сталин стал возражать, фюрер мог пригрозить ему нападением самой мощной армии в

мире, как только что подтвердила польская кампания. А мог ли? Нет, не мог, пока английские и французские армии стояли на западе в боевой готовности. Чтобы разделаться с Англией и Францией, он должен был обезопасить свой тыл. Именно в этом, как явствует из его более поздних заявлений, заключалась причина, по которой он позволял Сталину брать верх в сделках с нацистской Германией. Но он не забывал жесткого поведения советского диктатора в ходе этих сделок, хотя в данный момент и устремлял все свое внимание на Западный фронт.

Часть 19. Сидячая война на Западе

На Западе ничего не случилось. Едва ли прозвучал хоть один выстрел. Рядовой немецкий обыватель стал называть эту войну "сидячей". На Западе же ее вскоре назвали "странной войной". Сильнейшая армия в мире (французская), как напишет позднее английский генерал Фуллер, имея перед собой не более 26 (немецких) дивизий, все еще сидела за укрытиями из стали и бетона, в то время как ее по-донкихотски мужественного союзника уничтожали. Были ли немцы удивлены этим? Едва ли. В самой первой дневниковой записи от 14 августа начальник генерального штаба сухопутных войск Гальдер дает подробную оценку обстановки на Западе, если Германия нападет на Польшу. Он считает французское наступление маловероятным. Он уверен, что Франция не станет посылать свою армию через Бельгию вопреки желанию бельгийцев. Его вывод сводился к тому, что французы предпочтут остаться в обороне. 7 сентября, когда судьба польской армии была решена, Гальдер уже разрабатывал планы переброски немецких дивизий на запад. В этот вечер он записал в дневнике о результатах совещания Браухича с Гитлером, состоявшегося днем 7 сентября.

"Перспективы на Западе еще не ясны. Кое-какие факты говорят о том, что западные державы не хотят войны... Французский кабинет отнюдь не настроен на решительность и героизм. Из Англии уже раздаются первые робкие голоса разумных людей".

Через два дня Гитлер издал Директиву э 3 "на ведение войны", предложив осуществить необходимые меры для переброски частей армии и военно-воздушных сил из Польши на запад. Но не обязательно для того, чтобы сражаться. В директиве говорилось: даже после нерешительного открытия военных действий Англией... и Францией... оставляю за собой право отдать приказ относительно:

- а) всякого перехода сухопутной германской границы на западе,
- б) любого перелета германской западной границы, если это только не вызывается необходимостью отражения крупных воздушных налетов противника...

Что обещали Франция и Англия Польше, если она подвергнется нападению? Английские гарантии носили общий характер. Но французские были достаточно определенными. Они были изложены во франко-польской военной конвенции от 19 мая 1939 года. В соответствии с конвенцией

стороны соглашались, что французы будут постепенно наращивать наступательные операции с ограниченными целями к третьему дню после объявления общей мобилизации. Общая мобилизация была объявлена 1 сентября. Однако, как говорилось в конвенции, "как только определится главное немецкое усилие против Польши, Франция предпримет наступательные действия против Германии остальной массой своих войск пятнадцать дней спустя после начала общей французской мобилизации". На вопрос заместителя начальника польского генерального штаба полковника Яклинча о том, сколько французских войск будет выделено для этого крупного наступления, генерал Гамелен ответил, что приблизительно 35–38 дивизий.

Но к 23 августа, когда немецкое нападение на Польшу стало неминуемым, робкий французский "генералиссимус" говорил своему правительству, как мы убедились, что ему, вероятно, не удастся предпринять серьезное наступление "раньше, чем через два года" (то есть в 1941–1942 годах), и добавлял, что Франция к этому времени получит "помощь английских войск и американскую технику".

В первые недели войны Англия действительно имела прискорбно мало войск, чтобы послать их во Францию. К 11 октября, спустя три недели по окончании войны в Польше, во Франции находились четыре английские дивизии — 158 тысяч человек. "Символический вклад", как назвал их Черчилль, а Фуллер отмечал, что первая потеря английских войск — капрал, застреленный во время патрулирования, — пришлось только на 9 декабря {9 октября автор этих строк совершил поездку поездом на правый берег Рейна, где проходил франко-германский фронт, и записал в своем дневнике: "Никаких признаков войны, и железнодорожники говорили мне, что не слышали на этом фронте ни одного выстрела за все время, как началась война... Мы могли видеть французские бункеры и во многих местах огромные маты, за которыми французы воздвигали оборонительные сооружения. Идентичная картина наблюдалась и на немецкой стороне. Войска... занимались своим делом на виду у противника и в пределах действительного огня. Немцы перевозили по железной дороге орудия и технику, но французы им не мешали. Странная война" (Берлинский дневник, с. 234). — Прим авт. }. "Такой бескровной войны, — комментировал Фуллер, — мир еще не знал... "

Ретроспективно на процессе в Нюрнберге немецкие генералы были единодушны в том, что, не предприняв наступления на Западе во время польской кампании, западные союзники упустили блестящую возможность.

"Успех в Польше стал возможен лишь благодаря тому, — заметил

генерал Гальдер, — что на нашей западной границе войск почти не было. Если бы французы прочувствовали ситуацию и воспользовались тем обстоятельством, что основные немецкие силы находились в Польше, то они смогли бы без помех форсировать Рейн и стали бы угрожать Рурскому району, который являлся для Германии самым решающим фактором при ведении войны".

"... Если мы не потерпели, крах в 1939 году, — сказал генерал Йодль, — то только благодаря тому, что во время польской кампании приблизительно 110 французских и английских дивизий, дислоцированных на Западе, ничего не предпринимали против 23 немецких дивизий".

А генерал Кейтель, начальник штаба ОКБ, добавил следующее: "Мы, военные, все время ожидали наступления французов во время польской кампании и были очень удивлены, что ничего не произошло... При наступлении французы натолкнулись бы лишь на слабую завесу, а не на реальную немецкую оборону".

Тогда почему же французская армия, располагавшая на Западе подавляющим превосходством (только к первой неделе октября были развернуты две английские дивизии), не предприняла наступление, как письменно обещали генерал Гамелен и французское правительство?

Тому было много причин: пораженческие настроения французского высшего командования, правительства и народа; память о том, как была обескровлена Франция в первую мировую войну, и стремление при малейшей возможности не допустить подобной бойни; осознание, что к середине сентября польские армии будут окончательно разгромлены и немцы вскоре смогут перебросить свои превосходящие силы на Запад и остановить первоначальное продвижение французов; страх перед немецким превосходством в артиллерии и авиации. В самом деле, французское правительство с самого начала настаивало на том, чтобы английские военно-воздушные силы не бомбили объекты в самой Германии, опасаясь, что в качестве ответной меры немцы могут нанести бомбовые удары по французским заводам, хотя массированная бомбардировка Рура, индустриального сердца рейха, могла обернуться для немцев катастрофой. Этого больше всего боялись в сентябре немецкие генералы, как они признавались впоследствии.

На вопрос о том, почему Франция не выступила против Германии в сентябре, наиболее обоснованный ответ дал, пожалуй, Черчилль. "Это сражение, — писал он, — было проиграно несколько лет назад".

В Мюнхене в 1938 году; во время занятия Германией Рейнской области в 1936 году, за год до того, как Гитлер ввел воинскую повинность,

игнорируя условия Версальского мирного договора. Теперь подошло время расплаты за горестное бездействие союзников, хотя в Париже и Лондоне, казалось, думали, что этой расплаты можно избежать путем такого же бездействия. А немцы уже действовали на море.

Немецкий военно-морской флот не был окутан такой секретностью, как немецкая армия на Западе. И за первую неделю боевых действий он потопил 11 английских судов общим водоизмещением 64 595 тонн, что составляло почти половину тоннажа судов, потопленных немцами за неделю подводной войны в самый ее разгар — в апреле 1917 года, когда Англия была поставлена на грань катастрофы. После этого английские потери пошли на убыль: 51 561 тонна — за вторую неделю, 12 750 тонн — за третью неделю и только 4646 тонн — за четвертую, а всего за сентябрь подводными лодками было потоплено 26 судов общим водоизмещением 135 552 тонны и три судна общим водоизмещением 16 488 тонн подорвались на минах.

Англичанам не были известны причины столь резкого сокращения числа потопленных судов. Дело в том, что 7 сентября адмирал Редер имел продолжительную беседу с Гитлером, который, радуясь первоначальным успехам в Польше и спокойствию на француско-германском фронте на Западе, посоветовал флоту замедлить темпы. Франция проявила "политическую и военную сдержанность", англичане "колебались". Учитывая такую обстановку, решили, что подводные лодки, бороздящие воды Атлантики, будут щадить все без исключения пассажирские суда и воздерживаться от нападения на французские суда, что карманный линкор "Дойчланд" в Северной Атлантике и "Граф Шпее" в Южной Атлантике должны вернуться на некоторое время на свои базы. Как отметил Редер в своем дневнике, общая политика сводится к проявлению "сдержанности, пока не прояснится политическая ситуация на Западе, на что уйдет около недели".

Потопление "Атении"

На совещании Редера с Гитлером 7 сентября было принято еще одно решение. Адмирал Редер записал в своем дневнике: "Никаких попыток не будет предпринято для выяснения истины по делу "Атении" до возвращения подводных лодок".

Война на море, как было уже отмечено, началась через десять часов после объявления Англией войны, когда 3 сентября, в 9 часов вечера, английский лайнер "Атения" с 1400 пассажирами на борту был без предупреждения торпедирован в 200 милях к западу от Гебридских островов. При этом погибло 112 человек, в том числе 28 американцев.

Немецкое министерство пропаганды сразу сверило сообщения из Лондона с информацией высшего командования военно-морских сил Германии и, получив заверения, что близ этого района не было немецких подводных лодок, выступило с опровержением причастности немецкого флота к гибели "Атении". У Гитлера и военно-морского командования эта катастрофа вызвала очень серьезную озабоченность. Сначала они вообще не поверили сообщениям англичан. Всем командирам подводных лодок были даны строжайшие указания соблюдать Гаагскую конвенцию, согласно которой запрещалось нападать на судно без предупреждения. Поскольку все подводные лодки поддерживали радиомолчание, то невозможно было выяснить немедленно, что же произошло {На следующий день, 4 сентября, всем подводным лодкам был передан сигнал. "Приказ фюрера: ни под каким предлогом не предпринимать операций против пассажирских судов, даже если они идут в сопровождении эскорта". — Прим. авт. }. Однако это не помешало контролируемой нацистами прессе через пару дней обвинить англичан в потоплении собственного лайнера с целью спровоцировать вступление в войну Соединенных Штатов.

На Вильгельмштрассе действительно были обеспокоены американской реакцией на катастрофу, повлекшую смерть 28 американских граждан. На второй день после потопления "Атении" Вайцзекер пригласил поверенного в делах США Александра Кирка и заявил ему, что немецкие подводные лодки к этому делу непричастны. Он заверил американского дипломата, что ни один немецкий корабль не находился близ района катастрофы. В тот вечер, согласно свидетельским показаниям Вайцзекера на Нюрнбергском процессе, он разыскал Редера и напомнил ему о том, как немцы, потопив "Лузитанию" во время первой мировой войны, содействовали вступлению в войну Америки, и настойчиво советовал сделать все, дабы не спровоцировать Соединенные Штаты. Адмирал заверил его, что "ни одна немецкая подводная лодка не могла быть замешана" в этом деле.

По настоянию Риббентропа 16 сентября адмирал Редер пригласил к себе американского военно-морского атташе и заявил ему, что к настоящему времени получены донесения от всех подводных лодок, "в результате чего установлено совершенно определенно: "Атения" не была потоплена немецкой подводной лодкой". Он просил его так и проинформировать свое правительство, что атташе и сделал Немедленно {Очевидно, сообщение он не зашифровывал, поскольку копия его телеграммы в Вашингтон была обнаружена в документах немецких ВМС на суде в Нюрнберге. — Прим. авт. }.

Гросс-адмирал говорил не всю правду. Не все подводные лодки,

находившиеся в море 3 сентября, вернулись на базу. Среди невернувшихся числилась и лодка "U-30" под командованием обер-лейтенанта Лемпа — она не появлялась на базе до 27 сентября. В порту командира лодки встретил адмирал Карл Дениц, командующий подводным флотом Германии, который спустя многие годы рассказывал об этой встрече на судебном процессе в Нюрнберге и ответил наконец на вопрос, кто же потопил лайнер.

"Я встретил капитана подводной лодки обер-лейтенанта Лемпа возле шлюза в Вильгельмсхафене, когда лодка входила в гавань, и он попросил побеседовать со мной с глазу на глаз. Выглядел он, как я заметил, очень несчастным и сразу признался мне, что, по его мнению, именно он ответствен за потопление "Атении" в районе Северного Ла-Манша. В соответствии с моими предыдущими указаниями он вел наблюдение за возможным проходом вооруженных торговых судов на подступах к Британским островам и торпедировал корабль, в котором по следовавшим затем радиосообщениям опознал "Атению". Ему показалось, что это вооруженное торговое судно ведет патрулирование...

Я тут же отправил Лемпа самолетом в штаб военно-морских сил в Берлин; между тем в качестве предварительной меры я приказал держать все в полной тайне. Позднее в тот же день или рано утром на следующий день я получил приказ, гласивший:

1. Дело должно быть сохранено в строжайшей тайне.
2. Высшее командование военно-морских сил считает, что нет необходимости судить командира лодки военным судом, поскольку оно удовлетворено тем, что капитан в своих действиях руководствовался лучшими намерениями.
3. Политические объяснения будут подготовлены главным командованием военно-морских сил.

Я не имел никакого отношения к политическим событиям, во время которых фюрер заявил, что ни одна немецкая подводная лодка непричастна к потоплению "Атении".

Однако Дениц, судя по всему, догадывался об истинных виновниках гибели "Атении" (иначе зачем бы он пошел в док встречать возвратившуюся подводную лодку "U-30"?) и имел прямое отношение к изъятию записей в вахтенном журнале лодки и в своем дневнике, связанных с этим событием. Как признал он на суде в Нюрнберге, он лично отдал приказ уничтожить в вахтенном журнале любое упоминание об "Атении" и проделал то же самое в своем дневнике. Он потребовал от экипажа лодки дать клятву хранить в строжайшей тайне все сведения,

связанные с этим событием {Офицеры, в том числе Лемп, и некоторые члены экипажа подводной лодки "U-30" были переведены на лодку "U-110" и вместе с ней отправились на дно 9 мая 1941 года. Один из членов экипажа был ранен спустя несколько дней после потопления "Атении". Его выгрузили в Рейкьявике (Исландия), взяв предварительно клятву о сохранении тайны, а позднее перевели в лагерь для военнопленных в Канаде. И только после войны он дал письменные показания об известных ему фактах. Немцы, по-видимому, беспокоились, что он заговорит, но он молчал до конца войны. — Прим. авт. }.

У высшего военного командования любой страны в ходе войны появляются тайны, и можно понять, хотя это и недостойно похвалы, почему. Гитлер, как свидетельствовал адмирал Редер на Нюрнбергском процессе, настаивал на сохранении в тайне подлинной истории с "Атенией", особенно если учесть, что поначалу военно-морское командование действовало, руководствуясь твердым убеждением, будто немецкие подводные лодки непричастны к катастрофе. Следовательно, признание своей непосредственной вины в гибели лайнера поставило бы немецкую сторону в исключительно тяжелое положение. Но Гитлеру этого было мало. Воскресным вечером 22 октября по радио выступил министр пропаганды Геббельс (автор хорошо помнит это выступление) и обвинил Черчилля в потоплении собственного лайнера. На следующий день "Фелькишер беобахтер" на первой полосе под огромным заголовком "Черчилль потопил "Атению" сообщила, что первый лорд адмиралтейства подложил бомбу замедленного действия в трюм лайнера. На суде в Нюрнберге было установлено, что Гитлер лично приказал выступить с таким заявлением по радио и дать материал в газету и что, несмотря на крайнее недовольство Редера, Деница и Вайцзекера таким приказом, они не решились возражать.

Эта бесхребетность адмиралов и Вайцзекера, в полной мере присущая и генералам, когда на них оказывал давление их демонический фюрер, неминуемо должна была привести к одной из самых мрачных страниц немецкой истории.

Гитлер предлагает мир

"Сегодня пресса открыто говорит о мире, — отметил я 20 сентября в своем дневнике. — Все немцы, с кем я разговаривал, совершенно уверены, что не пройдет и месяца, как у нас будет мир. У всех приподнятое настроение".

За день до этого в парадно украшенном Гильдхалле в Данциге я слушал первую после выступления в рейхстаге 1 сентября в связи с

началом войны речь фюрера. Он был разъярен, так как ему помешали произнести эту речь в Варшаве, гарнизон которой все еще мужественно сопротивлялся; он исходил желчью каждый раз при упоминании Великобритании и сделал легкий жест в сторону мира. "У меня нет никаких военных целей против Англии и Франции, — заявил он. — Мои симпатии на стороне французского солдата. Он не знает, за что сражается". А затем он призвал всемогущего, благословившего немецкое оружие, "ниспослать другим народам понимание того, насколько бесполезной будет эта война... и натолкнуть их на размышление о мирном благоденствии".

26 сентября, за день до падения Варшавы, предприняли широкое наступление немецкая пресса и радио. Основной смысл всех аргументов, судя по моим записям в дневнике, сводился к следующему: "Почему Франция и Англия хотят войны теперь? Воевать-то не за что. У Германии нет претензий к Западу".

Пару дней спустя, поспешно проглотив свою долю Польши, включилась в мирное наступление и Россия. Наряду с подписанием советско-германского договора о дружбе и границе с секретными статьями к нему, предусматривающими раздел Восточной Европы, Молотов и Риббентроп состряпали и подписали в Москве 28 сентября трескучую декларацию мира.

В ней говорилось, что правительства Германии и России, урегулировав конкретные проблемы, возникшие в результате распада польского государства, и заложив прочную основу для длительного мира в Восточной Европе, выражают уверенность, что это будет служить подлинным интересам всех народов, положит конец состоянию войны между Германией и Англией и Францией. Оба правительства будут направлять совместные усилия на скорейшее достижение этой цели. Если же, однако, усилия договаривающихся правительств окажутся бесплодными, то это должно подтвердить тот факт, что Англия и Франция ответственны за продолжение войны...

Хотел ли Гитлер мира или он стремился продолжать войну, с помощью Советов переложив ответственность за ее продолжение на западных союзников? Пожалуй, он и сам не осознавал этого до конца.

26 сентября у него состоялся продолжительный разговор с Далерусом, который упорно вел поиски мира. За двое суток до этого неутомимый швед встречался со своим старым другом Форбсом в Осло, где бывший советник английского посольства в Берлине занимал аналогичную должность. Далерус сообщил Гитлеру, как явствует из конфиденциального меморандума доктора Шмидта, что английское правительство, по словам

Форбса, занято поисками мира. Оставался невыясненным лишь один вопрос: как при этом англичанам избежать позора?

"Если англичане действительно хотят мира, — отвечал Гитлер, — они могут обрести его через две недели, и без каких-либо унижений". Однако, как он заявил, им пришлось бы примириться с фактом, "что Польша не сможет возродиться вновь". Более того, он был готов гарантировать статус-кво "остальной Европе", включая гарантии безопасности Англии, Франции и Нидерландам. Затем разговор перешел к вопросу о том, как начать мирные переговоры. Гитлер предложил сделать это Муссолини. По мнению Далеруса, королева Нидерландов могла быть более нейтральной. Геринг, присутствовавший при этом, выдвинул предложение: представители Англии и Германии должны предварительно тайно встретиться в Голландии, а затем, если наметится прогресс, королева могла бы пригласить представителей обеих стран на переговоры по перемирию. Гитлер, неоднократно заявлявший о своем скептицизме в отношении "стремления англичан к миру", в конце концов согласился направить на следующий же день в Англию шведа для того, чтобы провести зондаж в указанном направлении.

"Англичане могут получить мир, если хотят его, — сказал Гитлер на прощание Далерусу. — Но им следует поторопиться".

Это было одно направление в замыслах фюрера. Второе он открыл своим генералам. В дневниковой записи Гальдера от 25 сентября упоминается о "плане фюрера предпринять наступление на Западе". А 27 сентября, на второй день после того, как он заверял Далеруса, будто готов заключить мир с Англией, он собрал в имперской канцелярии командующих видами вооруженных сил и сообщил им о своем решении "наступать на Западе как можно скорее, поскольку франко-английская армия пока еще не подготовлена". Как утверждает Браухич, он даже наметил дату наступления — 12 ноября. Несомненно, в тот день Гитлер был воодушевлен известием, что Варшава наконец капитулировала. Возможно, он думал, что Францию так же легко, как и Польшу, поставить на колени, хотя через два дня Гальдер делает в дневнике пометку: фюреру необходимо пояснить, что "боевой опыт, приобретенный в Польше, не является рецептом для наступления на Западе; не годится против крепко спянной армии". Пожалуй, лучше всех уловил настроение Гитлера молодой итальянский министр иностранных дел Чиано во время продолжительной беседы, имевшей место 1 октября в Берлине. К этому времени у него возникло глубокое отвращение к немцам, но он был обязан соблюдать приличия. Фюрера он застал в приподнятом настроении. Когда

Гитлер излагал ему в общих чертах свой план, то его глаза, как успел заметить Чиано, "загорались зловещим отблеском всякий раз, едва он касался путей и методов ведения войны". Подводя итог своим впечатлениям, итальянец записал в дневнике:

"... Сегодня перед Гитлером, пожалуй, все еще маячит соблазнительная цель предложить своему народу прочный мир после достигнутой им крупнейшей победы. Но если ради достижения этой цели пришлось бы пожертвовать хоть в самой малой степени чем-либо из того, что представляется ему законным плодом его победы, он бы тысячу раз предпочел сражение" {Муссолини не разделял уверенности Гитлера в победе, о чем доложил ему Чиано. Он считал, англичане и французы "будут стоять твердо... Зачем скрывать это?". 3 октября Чиано записал в дневнике: "Он (Муссолини) несколько огорчен столь неожиданной славой Гитлера" (Чиано Г. Дневники, с. 155). — Прим. авт. }.

Когда 6 октября, днем, я сидел в рейхстаге и слушал выступление Гитлера с его призывами к миру, мне казалось, что я слушаю старую граммофонную запись, проигрываемую пятый или шестой раз. Как часто с этой самой трибуны после очередного захвата чужой страны произносил он речи! Какими честными и искренними казались его призывы к миру, если забыть на время о его очередной жертве! В этот свежий солнечный осенний день он прибег к столь обычным для него красноречию и лицемерию. Это была длинная речь, самая длинная из всех его публичных выступлений, но под конец, после того как он более часа бессовестно искажал историю и хвастался успехами немецкого оружия в Польше ("это смехотворное государство"), он перешел к конкретным предложениям заключения мира и их обоснованию.

"Мои главные усилия были направлены на то, чтобы освободить наши отношения с Францией от всех следов злой воли и сделать их приемлемыми для обоих народов... У Германии нет никаких претензий к Франции... Я даже не буду касаться проблемы Эльзаса и Лотарингии... Я не раз высказывал Франции свои пожелания навсегда похоронить нашу старую вражду и сблизить эти две нации, у каждой из которых столь славное прошлое... " А как насчет Англии?

"Не меньше усилий посвятил я достижению англо-германского взаимопонимания, более того, установлению англо-германской дружбы. Я никогда не действовал вопреки английским интересам... Даже сегодня я верю, что реальный мир в Европе и во всем мире может быть обеспечен только в том случае, если Германия и Англия придут к взаимопониманию". А как насчет мира?

"Зачем нужна эта война на Западе? Для восстановления Польши? Польша времен Версальского договора уже никогда не возродится... Вопрос о восстановлении польского государства является проблемой, которая будет решена не посредством войны на Западе, а исключительно Россией и Германией... Бессмысленно губить миллионы людей и уничтожать имущество на миллионы же для того, чтобы воссоздать государство, которое с самого рождения было признано мертворожденным всеми, кто не поляк по происхождению. Какие еще существуют причины?"

Если эту войну действительно хотят вести лишь для того, чтобы навязать Германии новый режим... тогда миллионы человеческих жизней будут напрасно принесены в жертву... Нет, эта война на Западе не может решить никаких проблем..."

Но проблемы существовали, и они требовали решения. Гитлер сам выдвинул целый перечень таких проблем: "создание польского государства" (которое по договоренности с русскими не должно существовать); "решение еврейской проблемы"; колонии для Германии; проблемы сохранения международной торговли; "безоговорочные гарантии мира"; сокращение вооружений; "правила ведения воздушной войны, использования химического оружия, подводных лодок и т. д."; урегулирование проблемы национальных меньшинств в Европе.

Для достижения этих "великих целей" он предложил "после самой тщательной подготовки" созвать конференцию ведущих европейских стран.

"Недопустимо, — продолжал он, — чтобы такая конференция, призванная определить судьбу континента на многие годы вперед, могла спокойно вести обсуждение назревших проблем в то время, когда грохочут пушки или отмобилизованные армии оказывают давление на ее работу. Если, однако, эти проблемы рано или поздно должны быть решены, то было бы более разумно урегулировать их до того, как миллионы людей будут посланы на бессмысленную смерть и уничтожено на миллиарды национальных богатств. Продолжение нынешнего состояния дел на Западе невыносимо. Скоро каждый день будет требовать новых жертв... Национальное благосостояние Европы будет развеяно снарядами, а силы каждого народа истощены на полях сражений... Одно совершенно ясно. В ходе всемирной истории никогда не было двух победителей, но очень часто только проигравшие. Пусть народы, которые придерживаются того же мнения, и их лидеры дадут сегодня свой ответ. И пусть те, кто считает войну лучшим средством разрешения проблем, оставят без внимания мою протянутую руку".

Он думал о Черчилле.

"Если, однако, верх возьмут взгляды господ Черчилля и его последователей, то это мое заявление будет последним. Тогда мы будем сражаться... Но в истории Германии уже не будет нового Ноября 1918 года".

Мне показалось крайне сомнительным — и я записал об этом в своем дневнике после возвращения из рейхстага, — чтобы англичане и французы хоть краем уха прислушались к этим туманным предложениям. Но немцы были настроены оптимистично. В тот вечер по пути на радиостанцию я прихватил утренний выпуск "Фелькишер беобахтер". Бросались в глаза кричащие заголовки: "Воля Германии к миру", "Никаких военных целей против Англии и Франции мы не преследуем", "Никакого пересмотра требований, кроме колоний", "Сокращение вооружений", "Сотрудничество со всеми народами Европы", "Предложение о созыве конференции".

На Вильгельмштрассе, как стало теперь известно из секретных немецких документов, стремились уверовать в донесения, поступавшие из Парижа через испанского и итальянского послов, что у французов нет желания продолжать войну. Еще 8 сентября испанский посол сообщал немцам, что Бонне "ввиду огромной непопулярности войны во Франции попытается прийти к взаимопониманию, как только закончатся боевые действия в Польше. Наблюдаются признаки того, что в связи с этим он вступил в контакт с Муссолини".

2 октября Аттолико вручил Вайцзекеру текст последнего донесения от итальянского посла в Париже, в котором утверждалось, что большинство французского кабинета высказалось в пользу мирной конференции и теперь основной вопрос сводился к тому, "как Франции и Англии избежать позора". Однако премьер Даладье не принадлежал к большинству {Немного позднее, а именно 16 ноября, итальянцы в соответствии с информацией, полученной ими из Парижа, сообщили немцам "Маршал Петен рассматривается как поборник мирной политики во Франции... Если вопрос о мире приобретет во Франции более острый характер, то Петен сыграет свою роль". Это был первый намек немцам, что Петен может оказаться полезен для них. — Прим. авт. }.

Это была ценная разведывательная информация. 7 октября Даладье ответил Гитлеру. Он заявил, что Франция не сложит оружия до тех пор, пока не будут получены гарантии "подлинного мира и общей безопасности". Но Гитлера больше интересовал ответ Чемберлена, чем французского премьера. 10 октября в своей краткой речи, произнесенной в Шпортпаласте по случаю развертывания кампании "зимней помощи", он вновь подчеркнул свое "стремление к миру". У Германии, добавил он, "нет

никаких причин воевать против западных держав".

Ответ Чемберлена пришел 12 октября. Для немецкого народа, если не для Гитлера {За день до этого, 11 октября, в Берлине произошли "мирные беспорядки". Рано утром берлинская городская радиосеть сообщила, что английское правительство пало и теперь немедленно начнутся переговоры о перемирии. Когда этот слух распространился, в городе началось ликование. На овощном рынке старые торговки на радостях подбрасывали вверх кочаны капусты, ломали стойки и направлялись в ближайшие пивные выпить в честь мира. — Прим авт. }, он явился своего рода холодным душем. Обращаясь к членам палаты представителей, премьер-министр охарактеризовал предложения Гитлера как "туманные и неопределенные" и отметил, что "они не содержат никаких предложений по устранению зла, причиненного Чехословакии и Польше". Нельзя полагаться на обещания "нынешнего правительства Германии". Если Германия хочет мира, нужны "дела, а не только слова". Он призвал Гитлера представить "убедительные доказательства", что он желает мира.

Главного инициатора Мюнхена уже нельзя было одурачивать обещаниями. На следующий день, 13 октября, в официальном немецком заявлении констатировалось, что Чемберлен, отклоняя мирные предложения Гитлера, преднамеренно избрал войну. Теперь у нацистского диктатора имелось оправдание.

Фактически, как теперь известно из захваченных немецких документов, Гитлер и не ждал ответа от премьер-министра и еще раньше отдал приказ о подготовке к немедленному наступлению на Западе. 10 октября он созвал всех своих военачальников, зачитал им длинный меморандум о состоянии войны и положении дел в мире и решительно положил перед ними Директиву э 6 на ведение войны.

Когда в конце сентября Гитлер выдвинул требование предпринять как можно скорее наступление на Западе, это привело руководителей армии чуть ли не в полное замешательство. Браухич и Гальдер сговорились при поддержке еще нескольких генералов доказать своему вождю, что не может быть и речи о немедленном наступлении. Потребуется несколько месяцев, чтобы отремонтировать танки, использованные в польской кампании. Генерал Томас представил расчеты, доказывающие, что ежемесячный дефицит стали у Германии составляет 600 тысяч тонн. Фон Штюльпнагель, генерал-квартирмейстер, докладывал, что запас боеприпасов составляет лишь одну треть потребности немецких дивизий на две недели боевых действий, чего явно недостаточно, чтобы выиграть войну с Францией. Однако фюрер не стал слушать главнокомандующего сухопутными

войсками и начальника генерального штаба, когда они 7 октября представили ему официальный доклад о причинах, не позволяющих начать немедленное наступление на Западе. Генерал Йодль, первый после Кейтеля лакей Гитлера в ОКБ, предупредил Гальдера, что "назревает очень серьезный кризис" из-за возражений армии против наступления на Западе и что фюрер крайне "раздражен, так как генералы не подчиняются его указаниям".

Именно на этом фоне Гитлер собрал 10 октября, в 11 часов, своих генералов. Их мнение его не интересовало. Директива э 6 от 9 октября четко предписывала, что им делать.

Совершенно секретно

1. Если в ближайшее время станет ясно, что Англия и под ее руководством Франция не пожелают окончить войну, то я намерен без промедления приступить к активным и наступательным действиям...

3. Поэтому для дальнейшего ведения военных операций я приказываю следующее:

а) На северном фланге Западного фронта подготовить наступательные операции через люксембургско-бельгийско-голландскую территорию. Это наступление должно быть проведено как можно более крупными силами и как можно скорее.

б) Целью этих наступательных операций является разгром по возможности большей части французской действующей армии и сражающихся на ее стороне союзников и одновременно захват возможно большей голландской, бельгийской и северофранцузской территории в качестве базы для ведения многообещающей воздушной и морской войны против Англии...

8. Я прошу главнокомандующих по возможности скорее доложить мне детально о своих намерениях на основе этой директивы и постоянно держать меня через штаб ОКБ в курсе дела о состоянии подготовки.

Секретный меморандум также от 9 октября, который Гитлер зачитал своим военачальникам перед тем, как вручить им директиву, является одним из наиболее впечатляющих документов, когда-либо составленных бывшим австрийским ефрейтором. Он продемонстрировал не только понимание истории, разумеется с немецкой точки зрения, и военной стратегии и тактики, что весьма примечательно, но и, как мы убедимся дальше, предвидение относительно того, как будут развиваться военные действия на Западе и с какими результатами. Борьбу между Германией и западными державами, которая, как сказал он, продолжается со времен распада первого германского рейха, закрепленного Мюнстерским

(Вестфальским) договором 1648 года {Заключением договора завершилась Тридцатилетняя война в Европе (1618–1648 годы) и было закреплено превращение "Священной римской империи германской нации" в конгломерат независимых государств и распад Германии на территориальные княжества. — Прим. тит. ред. }, немецкий народ "так или иначе должен выдержать". Однако после крупной победы в Польше "не было бы никаких возражений против окончания войны" при условии, "если заключение мира не поставило бы под вопрос успех, достигнутый оружием".

В этом меморандуме не ставится цель изучить или вообще рассмотреть имеющиеся в этом отношении возможности. Я хочу в этом меморандуме заняться совсем другим вопросом, а именно — необходимостью продолжения борьбы... Цель Германии в войне должна, напротив, состоять в том, чтобы окончательно разделаться с Западом военным путем, т. е. уничтожить силу и способность западных держав еще раз воспротивиться государственной консолидации и дальнейшему развитию германского народа в Европе.

Правда, эта внутренняя целевая установка должна в зависимости от обстоятельств претерпевать перед мировой общественностью психологически обусловленные пропагандистские коррективы. Но от этого в самой цели войны ничего не меняется. Ею есть и остается уничтожение наших западных противников.

Генералы возражали против чересчур поспешного наступления на Западе. Но фюрер пояснил им, что время работает на противника. Победы в Польше, напомнил он, стали возможны потому, что Германия сражалась на одном фронте. Эта обстановка еще сохраняется, но как долго?

Никаким договором и никаким соглашением нельзя с определенностью обеспечить длительный нейтралитет Советской России. В настоящее время есть все основания полагать, что она не откажется от нейтралитета. Через восемь месяцев, через год или даже через несколько лет это может измениться. Незначительная ценность соглашений, закрепленных договорами, именно в последние годы проявилась во всех отношениях. Самая большая гарантия от какого-либо русского вмешательства заключена в ясном показе немецкого превосходства, в быстрой демонстрации немецкой силы.

Что касается Италии, то ее поддержка Германии зависит главным образом от "прочности фашистского влияния в этом государстве и в значительной степени от жизни самого дуче". Здесь тоже играет роль фактор времени, как это было с Бельгией и Голландией, которые оказались

бы вынужденными под давлением западных союзников отказаться от своего нейтралитета, а это нечто такое, чего Германия не может ждать сложа руки. Даже в отношении Соединенных Штатов "время следует рассматривать как фактор, работающий против Германии".

Конечно, признавал Гитлер, в большой войне Германию подстерегают и опасности. И он тут же перечислил некоторые из них. Дружественные или недружественные нейтралы (в данном случае он, вероятно, имел в виду прежде всего Россию, Италию и Соединенные Штаты) могут перейти при известных условиях на сторону противника, как это случилось во время первой мировой войны. Нужно также иметь в виду, продолжал он, "ограниченную продовольственную и сырьевую базу" Германии, что затруднит производство средств, необходимых для ведения войны. Величайшая опасность заключается в уязвимости Рура, подчеркивал фюрер. Если противнику удастся поразить сердцевину немецкого промышленного производства, это "рано или поздно приведет к нарушению военной экономики Германии и, следовательно, к крушению ее военных возможностей".

Следует признать, что в этом меморандуме бывший ефрейтор продемонстрировал поразительное понимание военной стратегии и тактики, не отягощенное никакими моральными соображениями. На нескольких страницах анализируется новая тактика использования танков и самолетов, получившая развитие в ходе польской кампании, и даются подробные указания, как эта тактика может сработать на Западе и даже где именно. Главное, по мнению фюрера, заключается в том, чтобы не допустить повторения позиционной войны 1914–1918 годов. Бронетанковые дивизии должны быть использованы для решающего прорыва.

Ни при каких обстоятельствах их нельзя бросать на гибель в бесконечные лабиринты улиц бельгийских городов. Поэтому им необязательно самим атаковать города. Необходимо, чтобы они обеспечивали в оперативном отношении непрерывное продвижение войск и массированными ударами по обнаруженным слабым местам препятствовали стабилизации фронта противника.

Это был потрясающе точный прогноз войны на Западе, и когда читаешь этот прогноз, невольно удивляешься, почему же никому из союзников не пришло в голову ничего подобного.

А это тоже относится к стратегии Гитлера. Единственно возможный район наступления, по мысли фюрера, через Люксембург, Бельгию и Голландию. При этом необходимо иметь в виду две военные задачи:

разгромить голландские, бельгийские, французские и английские армии и овладеть позициями на берегах Ла-Манша и Северного моря, откуда люфтваффе смогут "со всей жестокостью" поразить Великобританию.

Возвращаясь к вопросам тактики, он сказал, что прежде всего необходимо импровизировать.

Особенности этой кампании могут вынудить применять в самых широких масштабах импровизации в максимально большом объеме, сосредоточивать на отдельных участках как в обороне, так и в наступлении силы сверх нормативов (например, танковые и противотанковые части), в то же время на других участках довольствоваться меньшими силами.

Что касается времени наступления, то Гитлер говорил своим несговорчивым генералам, что "время наступления при всех обстоятельствах, если есть хоть какая-то возможность, нужно определить на эту осень".

Немецкие адмиралы в отличие от генералов не нуждались в подталкивании со стороны Гитлера к наступательным действиям, несмотря на существенное превосходство британского военно-морского флота над немецким. По существу, на протяжении второй половины сентября и первых дней октября адмирал Редер уговаривал фюрера снять путы с военно-морских сил. Это делалось постепенно. 17 сентября немецкая подводная лодка торпедировала английский авианосец "Карейджес" у берегов Ирландии. 27 сентября Редер приказал карманным линкорам "Дойчланд" и "Граф Шпее" покинуть район укрытий и атаковать английские суда. К середине октября на их счету уже было семь английских торговых судов и захваченное в качестве приза американское судно "Сити оф Флинт".

4 октября немецкая подводная лодка "U-47" под командованием оберлейтенанта Гюнтера Приена проникла, казалось бы, в недоступную английскую военно-морскую базу Скапа-Флоу и торпедировала стоявший на якоре линкор "Ройал Оук"; при этом погибло 786 офицеров и матросов. Это был бесспорный успех, в полной мере использованный Геббельсом в пропагандистских целях и поднявший авторитет флота в глазах фюрера.

С генералами дело обстояло хуже. Вопреки указаниям, содержавшимся в длинном, обстоятельно продуманном меморандуме фюрера и Директиве э б и предписывавшим быть готовыми в ближайшее время к наступлению на Западе, они явно не торопились. Их не волновали какие-либо моральные аспекты, связанные с нарушением гарантированного нейтралитета Бельгии и Голландии. Они просто сомневались в успехе в настоящее время.

Исключение составлял генерал Вильгельм Риттер фон Лееб, командующий группой армий "С", развернутой вдоль линии Мажино. Он не только выражал скептицизм в отношении победы на Западе, но и, судя по имеющимся архивным материалам, высказывался против наступления через территорию Бельгии и Голландии, руководствуясь отчасти моральными соображениями. На второй день после совещания генералов у Гитлера, 11 октября, Лееб составил обстоятельный меморандум, который адресовал Браухичу и другим генералам. Он писал в меморандуме, что весь мир повернется против Германии, которая второй раз в течение двадцати пяти лет нападает на нейтральную Бельгию. Германия, правительство которой торжественно ручалось за соблюдение этого нейтралитета всего лишь несколько недель назад! Детально проанализировав все военные аргументы против наступления на Западе, он призвал к миру. "Нация, — утверждал он в заключение, — жаждет мира".

Однако Гитлер уже стремился к войне, к схватке и не хотел больше мириться с непростительной, по его мнению, для генералов робостью. 14 октября Браухич и Гальдер встретились, чтобы обсудить создавшееся положение и выработать единую линию. Начальник генерального штаба сухопутных войск усматривал три возможности: наступление, ожидание или коренное изменение. Гальдер занес в свой дневник эти три возможности в тот же день, а после войны разъяснил, что под "коренным изменением" он подразумевал устранение Гитлера. Однако слабовольный Браухич считал, что столь радикальная мера "по существу негативна" и имеет тенденцию сделать рейх уязвимым. Они не остановились ни на одной из этих взаимоисключающих "перспективных возможностей". Оставалось одно: продолжать воздействовать на Гитлера.

17 октября Браухич снова встретился с фюрером, но его доводы, как рассказывал он Гальдеру, не оказали никакого воздействия на фюрера. Ситуация становилась "безнадежной". Гитлер коротко заметил Браухичу, как записал в своем дневнике Гальдер, что "англичане (уступят) лишь после ударов. Следует как можно скорее (наступать). Срок: самое раннее — между 15 и 20 ноября".

Впоследствии состоялось еще несколько совещаний с нацистским вождем, который в конце концов 27 октября призвал генералов к порядку. После вручения четырнадцати генералам Рыцарского креста фюрер перешел к вопросу о наступлении на Западе. Когда Браухич попытался было доказывать, что армия будет готова не раньше чем через месяц, то есть к 26 ноября, Гитлер ответил, что это слишком поздно. Наступление начнется 12 ноября. Браухич и Гальдер ушли с совещания подавленные и

побитые. В тот вечер они пытались утешить друг друга. Гальдер записал в своем дневнике, что Браухич "измотан и разочарован".

Заговор против Гитлера в Цоссене

Для заговорщиков опять настало время действовать — во всяком случае, так они думали. Незадачливые Браухич и Гальдер стояли перед суровой реальностью — либо осуществить третью "возможность", которую они обсуждали 14 октября, то есть устранить Гитлера, либо готовить наступление на Западе, которое, по их мнению, грозило Германии катастрофой. Как военные, так и гражданские заговорщики, разом ожившие, настаивали на первом варианте.

С момента начала войны их планы однажды уже срывались. Накануне нападения на Польшу из длительной отставки был вызван генерал фон Хаммерштейн и назначен командующим на Западе. В первую неделю войны он упрашивал Гитлера посетить его штаб-квартиру, чтобы показать, что он не пренебрегает Западным фронтом, хотя и занят захватом Польши. На самом деле Хаммерштейн, непримиримый противник Гитлера, собирался арестовать его при посещении штаба. Фабиан фон Шлабрендорф шепнул об этом заговоре Форбсу еще 3 сентября, во время торопливой встречи в берлинском отеле "Адлон", когда Англия объявила Германии войну. 26

Но фюрер отклонил приглашение бывшего главнокомандующего сухопутными войсками, а вскоре уволил его в отставку.

Заговорщики продолжали поддерживать контакт с англичанами. Потерпев неудачу в попытках предотвратить уничтожение Гитлером Польши, они сосредоточили свои усилия, чтобы не допустить распространения войны на Западе. Гражданские участники заговора понимали, что армия оказалась единственной организацией в рейхе, способной остановить Гитлера; после всеобщей мобилизации и молниеносной победы в Польше ее мощь и значение выросли неизмеримо. Однако ее разросшиеся размеры, как пытался объяснить им Гальдер, являлись также и препятствием. Офицерские кадры, раздутые за счет офицеров резерва, многие из которых были фанатичными нацистами, и солдатские массы оказались пропитаны нацистскими настроениями. Трудно было, указывал Гальдер — а он слыл большим мастером подчеркивать трудности другу или недругу, — отыскать такое армейское соединение, которое можно было бы вовлечь в заговор против фюрера.

Было и другое соображение, на которое указывали генералы и с которым гражданские заговорщики полностью соглашались. Если они поднимут бунт против Гитлера, сопровождаемый хаосом в армии и в

стране, не воспользуются ли этим англичане и французы, чтобы напасть на Германию, оккупировать ее и навязать немецкому народу жесткие условия мира, несмотря на то что он свергнет своего преступного лидера? Поэтому нужно поддерживать контакт с англичанами, чтобы иметь четкую договоренность, что западные союзники не воспользуются благоприятными для них условиями в случае антинацистского заговора.

Для поддержания контактов использовали несколько каналов. Один из них осуществлял через Ватикан доктор Йозеф Мюллер, ведущий мюнхенский адвокат, убежденный католик, человек столь крупного телосложения, огромной энергии и стойкости, что в молодости его прозвали "быком". В самом начале октября с молчаливого согласия полковника Остера из абвера Мюллер отправился в Рим и установил в Ватикане контакт с английским посланником при святейшем престоле. Согласно немецким источникам, он сумел получить не только заверения от англичанина, но и согласие самого папы римского выступить в качестве посредника между будущим антинацистским режимом в Германии и Англией.

Другой канал проходил через Берн. Вайцзекер направил туда Теодора Кордта, в недавнем прошлом немецкого поверенного в посольстве в Лондоне, в качестве атташе немецкой дипломатической миссии, и именно здесь, в швейцарской столице, он встречал иногда англичанина доктора Филипа Конуэлл-Эванса, который, будучи профессором университета в Кенигсберге, считался экспертом по нацизму и до некоторой степени сочувствовал ему. В конце октября Конуэлл-Эванс доставил Кордту известие, которое тот охарактеризовал впоследствии как торжественное обещание Чемберлена сотрудничать с будущим антинацистским правительством Германии на справедливой основе. Фактически же англичанин доставил лишь выдержки из речи Чемберлена в палате общин, где премьер-министр, отклоняя мирные предложения Гитлера, заявил, что Англия не намерена "лишать законного места в Европе Германию, которая будет жить в мире и согласии с другими народами". Хотя это и подобные ему высказывания из выдержанной в дружественном по отношению к немецкому народу тоне речи, передававшейся по радио из Лондона, предположительно были услышаны заговорщиками, тем не менее они приветствовали "обязательство", доставленное в Берн неофициальным английским представителем, как акт исключительной важности. С этим "обязательством" и с английскими заверениями, которые, как они считали, получили через Ватикан, гражданские заговорщики с надеждой обратились к немецким генералам. С надеждой, но и с отчаянием. "Наша единственная

надежда на спасение, — говорил Вайцзекер 17 октября Хасселю, — связана с военным переворотом. Но как его осуществить? "

Времени оставалось совсем мало. Немецкое наступление через Бельгию и Голландию было запланировано на 12 ноября. Заговор необходимо было осуществить до этого срока, поскольку после нарушения Германией нейтралитета Бельгии, как предупреждал Хассель, получить "приличный" мир будет невозможно.

Существует несколько вариантов объяснений, данных участниками по поводу того, что же произошло потом, или, скорее, по поводу того, почему ничего не произошло. Эти объяснения крайне противоречивы. Генерал Гальдер, начальник генерального штаба сухопутных войск, как и во времена Мюнхена, был ключевой фигурой. Но он постоянно менял свои взгляды, колебался и путался. Во время допроса в Нюрнберге он объяснял, что действующая армия не могла поднять бунт, поскольку "ей противостоял хорошо вооруженный противник". Он утверждал, что обращался с призывом действовать к войскам тыла, которым не угрожал противник, но самое большее, чего ему удалось добиться от их командующего генерала Фридриха Фромма, — это согласия выполнить любой приказ Браухича.

Однако Браухич был еще более нерешительным, чем начальник генерального штаба. "Если у Браухича не хватает смелости принять решение, — говорил генерал Бек Гальдеру, — тогда вы должны принять решение и поставить его перед свершившимся фактом". Гальдер же настаивал на том, что поскольку Браухич является главнокомандующим сухопутными войсками, то вся ответственность ложится на него. Так они и перекладывали ответственность за принятие решения друг на друга. "Ни личные качества, ни полномочия не позволяли Гальдеру овладеть нынешней ситуацией", — с огорчением отметил в своем дневнике Хассель в конце октября.

Что касается Браухича, то он, по словам Бека, казался просто шестиклассником. И все же заговорщики, на этот раз возглавляемые генералом Томасом, армейским экспертом по экономике, и полковником Остером из абвера, работали на Гальдера, который в конце концов, как они надеялись, согласится организовать путч, как только Гитлер отдаст окончательный приказ о наступлении на Западе. Сам Гальдер заявлял, что окончательное решение все же зависело от Браухича. Во всяком случае, 3 ноября, согласно утверждениям полковника Ганса Гроскурта из ОКБ, доверенного лица Гальдера и Остера, Гальдер по условленному каналу передал генералу Беку и Герделеру, двум главным заговорщикам, предупреждение находиться в готовности с 5 ноября. Цоссен, штаб-

квартира командования сухопутных войск и генерального штаба сухопутных войск, стал очагом заговорщической деятельности.

5 ноября явилось днем свершения. В этот день должно было начаться перемещение войск на исходные позиции для наступления на Голландию, Бельгию и Люксембург. На этот же день назначили встречу Браухича с Гитлером, на которой должен был произойти откровенный обмен мнениями. Браухич и Гальдер 2 и 3 ноября посетили высших армейских командиров и убедились в их отрицательном отношении ко всей операции и ее исходу. "Ни одна высшая командная инстанция не рассматривает наступление... как обеспечивающее успех", — доверительно писал Гальдер в своем дневнике об итогах поездки. Так, набрав вполне достаточно доводов как от генералов на Западном фронте, так и от своих собственных и генералов Гальдера и Томаса, которые были сведены в меморандум, и прихватив с собой на всякий случай "контрмеморандум", как окрестил Гальдер ответ на меморандум Гитлера от 9 октября, главнокомандующий сухопутными войсками, полный решимости отговорить фюрера от наступления на Западе, 5 ноября отправился в Берлин, в имперскую канцелярию. Если Браухич теперь потерпит неудачу, он присоединится к заговору с целью устранить диктатора — так или примерно так оценивали ситуацию участники заговора. Они находились в состоянии крайнего возбуждения и наивысшего подъема. Герделер, по утверждению Гизевиуса, уже наскоро набросал состав временного антинацистского правительства, и генерал Бек, как человек мыслящий более трезво, был вынужден его сдерживать. Один Шахт был настроен крайне скептически. "Вот увидите, — говорил он, — Гитлер почует недоброе и завтра не примет вообще никакого решения".

Они, как обычно, ошиблись.

Браухич, как и следовало ожидать, ни своим меморандумом, ни донесениями от командующих армиями, ни своими доводами ничего не добился. Когда он сослался на плохие погодные условия на Западе в это время года, Гитлер отпарировал, что погода одинаково плохая как для немцев, так и для противника, более того, весной она может оказаться не лучше. Окончательно впав в отчаяние, бесхребетный Браухич стал уверять фюрера, что моральное состояние войск на Западе аналогично тому состоянию, в котором они находились в 1917–1918 годах, когда в германской армии получили широкое распространение пораженческие настроения, случаи неповиновения и даже бунт.

Услышав это, Гитлер, по словам Гальдера, чей дневник является основным свидетельством об этом секретном совещании Браухича с

фюрером, пришел в ярость. "В каких частях имели место случаи нарушения дисциплины? — требовательно вопрошал он. — Что случилось? Где? " Он кричал, что завтра вылетит туда сам. Бедный Браухич, как замечает Гальдер, преднамеренно преувеличил, "чтобы сдержать Гитлера", и теперь ощутил на себе всю силу неуправляемой ярости фюрера. "Какие акции предприняло командование? — продолжал кричать фюрер. — Сколько смертных приговоров приведено в исполнение? " По его словам, "армия просто не желает драться".

"Дальше разговаривать было невозможно, — рассказывал Браухич на Нюрнбергском процессе, вспоминая этот неприятный эпизод. — Так я и ушел". Другие вспоминают: он вернулся в штаб в Цоссене, расположенный в 18 милях от Берлина, в таком состоянии, что некоторое время даже не мог связно изложить, что же там произошло.

Это был конец "цоссенского заговора". Он так же позорно провалился, как и "заговор Гальдера" в период Мюнхена. Каждый раз, когда заговорщики излагали условия, при которых они будут действовать, эти условия выполнялись. На этот раз Гитлер придерживался своего решения начать наступление на Западе 12 ноября. После того как ошеломленный Браухич покинул канцелярию фюрера, последний фактически еще раз подтвердил свой приказ о наступлении 12 ноября телефонным звонком в Цоссен. Когда Гальдер попросил сделать подтверждение в письменной форме, Гитлер тотчас прислал его. Таким образом, заговорщики имели письменные доказательства, которые были нужны им для того, чтобы свергнуть фюрера, — приказ на наступление, который, по их мнению, должен был привести Германию к катастрофе. Но дальше они ничего не предприняли, а просто запаниковали. Начали поспешно сжигать бумаги, которые могли выдать их причастность к заговору, и заметать следы. Только полковник Остер, казалось, сохранял спокойствие. Он послал предупреждение бельгийскому и голландскому посольствам в Берлине, что наступление на Западном фронте начнется утром 12 ноября. Затем отправился в свою бесплодную поездку, чтобы еще раз попытаться уговорить генерала Вицлебена устранить Гитлера. Генералы, в том числе и Вицлебен, знали, что потерпели неудачу. Бывший ефрейтор снова одержал над ними верх, причем довольно легко. Спустя несколько дней Рундштедт, командующий группой армий "А", собрал командиров корпусов и дивизий, чтобы обсудить детали наступления. И хотя он все еще сомневался в успехе операции, тем не менее он посоветовал генералам отбросить свои сомнения. "Армии поставлена задача, — сказал он, — и она выполнит ее".

На следующий день после того, как Гитлер довел Браухича до

нервного припадка, он принялся составлять воззвание к голландскому и бельгийскому народам, оправдывающее нападение на них. Гальдер записал в дневнике: "Повод — вступление французских войск".

Однако 7 ноября, к облегчению генералов, Гитлер отложил наступление.

Совершенно секретно Берлин,

7 ноября 1939 года

... Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами, заслушав доклады о метеорологической обстановке и о положении на железнодорожном транспорте, приказал:

День "А" перенести на три дня. Следующее решение будет принято в 6 часов вечера 9 ноября 1939 года.

Кейтель

Это первая из четырнадцати отсрочек, принятых Гитлером в течение осени и зимы, копии которых были найдены в архивах ОКВ в конце войны. Они показывают, что фюрер никогда не отказывался от своего решения напасть на западных союзников; просто он переносил дату нападения со дня на день: с 9 ноября нападение было перенесено на 19 ноября; с 13 ноября — на 22 ноября и так далее, каждый раз с уведомлением за пять или шесть суток и, как правило, со ссылкой на плохие погодные условия.

Возможно, в определенной степени фюрера сдерживали генералы. Возможно, он все-таки осознал, что армия еще не готова. Его стратегические и тактические планы, бесспорно, не были в полной мере отработаны, ибо он все время вносил в них поправки.

Возможно, у Гитлера были и другие причины для первой отсрочки наступления. 7 ноября, когда было принято решение об отсрочке, немцев смутило совместное заявление короля Бельгии и королевы Нидерландов, в котором монархи предлагали свое посредничество в мирных переговорах, "пока война в Западной Европе не начала бушевать во всей ее разрушительной силе". При таких обстоятельствах было бы трудно убедить, как это пытался сделать Гитлер в воззвании, что германская армия вторгается на территорию Бельгии и Голландии, потому что стало известно, будто Франция собирается ввести в Бельгию свои войска. Возможно, Гитлер пронюхал, что его наступление через территорию маленькой нейтральной Бельгии не окажется внезапным, на что он рассчитывал. В конце октября Герделер совершил поездку в Брюссель с секретным поручением от Вайцзекера уговорить германского посла Бюлова-Шванте в частном порядке предупредить короля "об исключительно серьезном положении". Посол выполнил эту просьбу, и вскоре король Леопольд

выехал в Гаагу, чтобы обсудить ситуацию с королевой Голландии и составить совместную декларацию. Однако бельгийцы располагали более точной информацией. Частично, как мы убедились, она поступила от Остера. 8 ноября Бюлов-Шванте телеграфом предупредил Берлин: король Леопольд сообщил королеве Голландии, что располагает информацией о наращивании немецких войск на бельгийской границе, указывающем на подготовку немецкого наступления через Бельгию, которое начнется в ближайшие два-три дня.

Вечером 8 ноября и около полудня 9-го произошли два странных события — взрыв бомбы, которым чуть было не убило Гитлера, и похищение эсэсовцами двух английских агентов в Голландии, недалеко от немецкой границы, которые сначала отвлекли нацистского главаря от планов нападения на Запад, но в конечном счете еще больше укрепили его престиж в Германии, до смерти напугав "цоссенских заговорщиков", фактически не имевших к этим двум событиям никакого отношения.

Похищение и взрыв бомбы в пивной

Спустя двенадцать минут после того, как вечером 8 ноября в мюнхенской пивной Гитлер закончил свою традиционную в ознаменование "пивного путча" 1923 года речь, обращенную к старым борцам, речь более короткую, чем обычно, там взорвалась бомба, заложенная в колонну за трибуной. При этом было убито семеро и ранено шестьдесят три человека. К тому времени все важные нацистские лидеры во главе с Гитлером поспешно покинули зал, хотя в предыдущие годы просиживали здесь за пивом гораздо дольше, предаваясь воспоминаниям со старыми товарищами по партии.

На следующее утро только газета "Фелькишер беобахтер" поместила сообщение о покушении на жизнь фюрера. Она обвиняла в этом подлом деле английскую секретную службу и даже самого Чемберлена. "Попытка убийства", — отметил я в тот вечер в своем дневнике, — несомненно настроит общественное мнение в пользу Гитлера и возбудит ненависть к Англии... Большинство из нас считают, что происшедшее пахнет так же, как и поджог рейхстага".

Только в воспаленном мозгу Геббельса могла родиться версия о причастности к этому делу английской секретной службы. Сразу же была предпринята попытка связать одно с другим. Часа через два после взрыва бомбы в Мюнхене Генрих Гиммлер, шеф СС и гестапо, позвонил в Дюссельдорф одному из своих молодых, но быстро растущих подчиненных — Вальтеру Шелленбергу и от имени фюрера приказал на следующий день пересечь голландскую границу и организовать похищение двух агентов

английской секретной службы, с которыми Шелленберг поддерживал личный контакт.

Приказы Гиммлера привели к одному из самых странных инцидентов времен второй мировой войны. Более месяца Шелленберг, гангстер с университетским образованием, как и Альфред Науйокс, встречался в Голландии с двумя офицерами английской разведывательной службы — капитаном С. Пейном Вестом и майором Сти-венсом. Англичанам он представился майором Шеммелем, антинацистски настроенным офицером из ОКБ (Шелленберг взял имя реально существовавшего офицера), и убедительно поведал, что немецкие генералы настроены свергнуть Гитлера. Майор Шеммель (он же Шелленберг) говорил англичанам, будто немцы хотят получить от них заверения, что лондонское правительство отнесется положительно к новому антинацистскому режиму. Поскольку англичане, очевидно, уже слышали из других источников о существовании в Германии военного заговора, участники которого добивались точно таких же заверений, Лондон был заинтересован в развитии дальнейших контактов с майором Шеммелем. Бест и Стивенс снабдили его маленьким радиопередатчиком и приемником, после чего имели место многочисленные радиообмены и встречи в различных городах Голландии. К 7 ноября, когда обе стороны встретились в небольшом голландском городке Венло у немецкой границы, английские агенты передали Шеммелю послание из Лондона для лидеров немецкого Сопротивления, в котором в довольно туманных выражениях излагалась основа для заключения справедливого мира с антинацистским режимом. Договорились, что на следующий день Шеммель привезет в Венло одного из будущих лидеров, немецкого генерала, чтобы начать конкретные переговоры. Эта встреча была перенесена на 9-е.

До этого момента цели обеих сторон были ясны. Англичане пытались установить прямой контакт с немецкими путчистами, чтобы оказать им помощь и поддержку. Гиммлер же пытался выяснить через англичан, кто входил в число заговорщиков и каковы их связи с секретной службой противника. Очевидно, что Гиммлер и Гитлер уже подозревали некоторых генералов, а также таких людей, как Остер и Канарис из абвера. Но теперь, в ночь на 8 ноября, Гитлер и Гиммлер поставили новую задачу: похитить Беста и Стивенса и обвинить этих двух агентов английской секретной службы в организации взрыва бомбы в мюнхенской пивной.

И вновь на сцене появляется уже знакомая нам личность — Альфред Науйокс, тот самый, который инсценировал нападение поляков на немецкую радиостанцию в Глейвице. С дюжиной крепких парней из

службы безопасности (СД) он взялся помочь Шелленбергу осуществить похищение английских агентов. Акция прошла гладко. 9 ноября, в 4 часа дня, когда Шелленберг на террасе кафе в Венло потягивал маленькими глотками сок в ожидании Беста и Стивенса, два английских агента подъехали на своем "бьюике", припарковали машину за кафе и пошли... И тут по ним открыли огонь из эсэсовского автомобиля, в котором находились головорезы Науйокса. Лейтенант Клоп, офицер голландской разведки, обычно сопровождавший англичан на переговоры с Шелленбергом, был смертельно ранен. Англичан вместе с раненым лейтенантом люди Науйокса засунули в эсэсовскую автомашину, "точно несколько охапок сена", как позднее вспоминал Шелленберг, и на большой скорости укатили через государственную границу {Согласно официальной голландской версии, английская автомашина, в которой находились Стивенс, Бест и Клоп, была на буксире увезена немцами через границу, проходившую всего в 125 футах от места происшествия. — Прим. авт. } в Германию.

Итак, 21 ноября Гиммлер публично заявил, что имел место заговор с целью убийства Гитлера в мюнхенской пивной. Взрыв был подготовлен и проведен по наущению английской секретной службы, два организатора — Стивенс и Бест были арестованы "на голландско-германской границе" на следующий после взрыва день.

Фактическим исполнителем был назван некто Георг Эльсер, немецкий коммунист, столяр, проживавший в Мюнхене.

Обстоятельства преступления, детально изложенные Гиммлером, вызвали у меня сомнения, о чем я не преминул записать в тот день в дневнике. Но поставленной цели он достиг. "Совершенно очевидно, что Гиммлер и его банда ставят своей целью, — отмечал я в дневнике, — убедить доверчивый немецкий народ, будто английское правительство пыталось выиграть войну путем убийства Гитлера и его главных помощников".

Тайна организации взрыва в мюнхенской пивной так и осталась не раскрытой до конца. Эльсер, хотя и не такой слабоумный, каким предстал Маринус ван дер Люббе в истории с поджогом рейхстага, оказался человеком ограниченным и совершенно бесхитростным. Он не только признал себя виновным в установке и подрыве бомбы, но и хвастался этим. Конечно, до взрыва ни с Вестом, ни со Стивенсом он никогда не встречался, зато за долгие годы пребывания в концентрационном лагере Заксенхаузен он познакомился с Вестом и рассказал ему длинную и запутанную историю.

Однажды в октябре в концентрационном лагере Дахау, куда Эльсер был заключен с середины лета как сочувствующий коммунистам, его вызвали в управление начальника лагеря, где представили двум незнакомым людям. Они объяснили Эльсеру, что возникла необходимость избавиться от некоторых "предательски" настроенных соратников фюрера путем подрыва бомбы в пивной "Бюргерброй-келлер" сразу же после того, как на вечере 8 ноября Гитлер обратится к присутствующим с традиционной речью и покинет зал. Бомбу нужно было установить в колонне за трибуной. Поскольку Эльсер был столяром высокого класса, электриком и жестянщиком, ему и предложили выполнить все работы. Если он это сделает, ему дадут большую сумму денег и устроят побег в Швейцарию, чтобы он мог там жить в свое удовольствие. В подтверждение серьезности предложения ему обещали лучшее обращение до принятия им окончательного решения: улучшенное питание, гражданскую одежду, много сигарет, ибо он курил непрерывно, а также верстак и соответствующий столярный инструмент. Там, в лагере, Эльсер изготовил примитивное, но эффективное взрывное устройство с восьмисуточным часовым механизмом и с приспособлением для подрыва с помощью электропереключателя. Он утверждал, что однажды ноябрьским вечером его забрали из лагеря и доставили в пивной зал, где он и установил в колонне взрывное устройство.

Вечером 8 ноября, примерно в то время, когда должна была взорваться бомба, его, как позднее рассказывал он, доставили к швейцарской границе, предварительно выдав деньги и — что довольно любопытно — почтовую открытку с изображением зала пивной с колонной, на которой на месте заложенной бомбы была сделана пометка крестиком. Однако вместо того, чтобы помочь ему пересечь границу — и это, кажется, ужасно удивило туповатого столяра, — его вместе с почтовой открыткой и со всем прочим схватили гестаповцы. Позднее в гестапо его натаскивали с целью втянуть Веста и Стивенса в судебный процесс, на котором ему предстояло стать объектом всеобщего внимания {В лагере Дахау Эльсер рассказывал аналогичную историю пастору Нимеллеру, который утверждал, что организация взрыва была несомненно санкционирована самим Гитлером, чтобы поднять собственную популярность среди немецкого народа и вызвать военную истерию. Справедливости ради следует добавить, что, по мнению Гизевиуса, этого архиврага Гитлера, Гиммлера и Шелленберга, о чем он говорил в своих показаниях в Нюрнберге и писал в своей книге, Эльсер действительно готовил покушение на Гитлера и не было никаких нацистских соучастников. Шелленберг, как не очень надежный в данном

случае источник, утверждает, что, хотя вначале он подозревал в причастности к взрыву Гиммлера и Гейдриха, затем, после допроса столяра и чтения протоколов, пришел к выводу, что действительно имело место покушение на фюрера. — Прим. авт. }.

Суд так никогда и не состоялся. Теперь нам известно, что Гиммлер по известным причинам не рискнул его устраивать. Мы знаем также, что в концентрационных лагерях Заксенхаузен и Дахау Эльсер жил в сносных условиях, вероятно, по распоряжению Гитлера, авторитет которого в глазах общественности после взрыва значительно возрос. Однако Гиммлер не спускал с Эльсера глаз до самого конца. Нельзя было допустить, чтобы столяр пережил войну и рассказал всю правду. И вот незадолго до ее окончания, точнее, 16 апреля 1945 года гестапо сообщило, что Георг Эльсер накануне погиб во время воздушного налета авиации союзников. Теперь мы знаем, что он был убит гестапо.

Гитлер обращается к своим генералам

Избежав смерти от покушения (или имитации его) и подавив сопротивление своих генералов, Гитлер вновь обратился к уточнению планов крупной наступательной операции на Западе. 20 ноября он издал Директиву э 8 на ведение военных действий, приказав "сохранять готовность", с тем чтобы "немедленно воспользоваться благоприятными метеоусловиями", и изложил планы уничтожения Голландии и Бельгии. А затем, чтобы вдохнуть мужество в малодушных и поднять их настроение накануне крупных сражений, он счел необходимым днем 23 ноября собрать руководителей вермахта в имперской канцелярии.

Из всех секретных совещаний, состоявшихся у Гитлера, это, рассчитанное на то, чтобы вселить уверенность в военачальников, наилучшим образом разоблачает его политику. В обнаруженных союзниками архивных материалах ОКБ во Фленсбурге сохранились отрывки записи его выступления, сделанной неизвестным участником совещания.

"Цель этого совещания, — начал Гитлер, — довести до вас мои идеи о мире, которыми я руководствуюсь в преддверии будущих событий, и сообщить вам мои решения... "

В его голове перемешалось прошлое, настоящее и будущее, и перед этой группой избранных он, используя свое потрясающее красноречие и первобытную прямоту, сделал поразительные выводы из всего того, что переполняло его извращенный, но изобретательный ум, с убийственной точностью предсказав ход предстоящих событий. Трудно вообразить, чтобы кто-либо из слушавших его все еще сомневался, что человек, который в

настоящее время держал в своих руках судьбу Германии, да и всего мира, страдает опасной манией величия.

"У меня достанет ясности ума, чтобы представить вероятный ход исторических событий, — сказал он, рассуждая о начальном периоде своей борьбы, — и твердой воли, чтобы принять жестокие решения... В качестве последнего фактора я со всей скромностью должен назвать собственную личность — я незаменим. Ни одна личность ни из военных, ни из гражданских кругов не смогла бы меня заменить. Попытки покушений могут повториться. Я убежден в силе своего разума и в своей решимости... Никто не сделал того, что сделал я... Я поднял немецкий народ на большую высоту, хотя сейчас нас и ненавидят во всем мире... Судьба рейха зависит лишь от меня. Я буду действовать в соответствии с вышеизложенным..."

Он пожурил своих генералов за их сомнения, когда он принимал нелегкое решение покинуть Лигу Наций, ввести всеобщую воинскую повинность, оккупировать Рейнскую демилитаризованную зону, укрепить ее оборону и захватить Австрию. "Число людей, веривших в успех, — сказал он, — незначительно". "Следующим шагом была Богемия, Моравия и Польша", — цинично заявил он, перечисляя свои завоевания, чего так и не услышал, к сожалению, Чемберлен.

"... С самого начала я понимал, что не могу остановиться на Судетской области. Это было лишь частичное решение. Было решено занять Богемию. Затем последовало установление протектората — тем самым была создана основа для захвата Польши. Но в тот период мне еще не было ясно, должен ли я буду выступить сначала против Востока и затем против Запада или же наоборот... Объективно получилось так, что сначала пришлось начать борьбу против Польши. Возможно, мне возразят — борьба и снова борьба. В борьбе я вижу судьбу всего живого. Никто не может уйти от борьбы, если он не хочет погибнуть.

Рост численности нации требовал большего жизненного пространства. Целью моей являлось установление разумных пропорций между численностью нации и ее жизненным пространством. А этого можно добиться только путем борьбы. От решения этого вопроса не может уйти ни один народ; если он откажется от этого, он постепенно погибнет... Никакое умничанье здесь не поможет, решение возможно только с помощью меча. Народ, который не найдет в себе сил для борьбы, должен уйти со сцены..."

Вся беда немецких "руководящих личностей" прошлого, говорил Гитлер, в том числе Бисмарка и Мольтке, заключалась в том, что они не проявили "достаточной твердости", а "решения возможно было добиться

лишь путем нападения на ту или иную страну при самых благоприятных условиях". Непонимание этого привело в 1914 году к войне на нескольких фронтах, что "не принесло решения проблемы".

"Сегодня, — продолжал Гитлер, — пишется второй акт этой драмы. В первый раз за последние 67 лет можно констатировать, что нам не придется вести войну на два фронта... Но никто не знает, как долго продлится это состояние... В принципе я создал вооруженные силы не для того, чтобы бездействовать. Решение действовать было во мне всегда".

Мысли о представившейся благоприятной возможности вести войну на одном фронте вернули фюрера к вопросу о России.

"Россия в настоящее время опасности не представляет. Сейчас она ослаблена в результате многих внутренних процессов. Кроме того, у нас есть договор с Россией. Однако договоры соблюдаются до тех пор, пока они целесообразны. Россия будет соблюдать договор лишь до тех пор, пока она будет считать его выгодным для себя... Сейчас Россия решает большие задачи, прежде всего по укреплению своих позиций на Балтийском море. Мы сможем выступить против России лишь после того, как освободимся на Западе".

Что касается Италии, то многое зависит от Муссолини, смерть которого "может изменить все". "Как и смерть Сталина, смерть дуче таит для нас угрозу, — сокрушался фюрер. — А как легко может наступить смерть государственного деятеля, я сам недавно испытал". Гитлер считал, что "Америка благодаря принятым в ней законам о нейтралитете... опасности не представляет" и "помощь, оказываемая Америкой противнику, пока несущественна". "Все указывает на то, что настоящий момент благоприятен для нас, — утверждал фюрер, — но через шесть месяцев положение, быть может, станет иным". Поэтому он настроен решительно:

"Мое решение непоколебимо. В ближайшее время я выберу благоприятнейший момент и нападую на Францию и Англию. Нарушение нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет никакого значения. Ни один человек не станет спрашивать об этом, когда мы победим. Мы не станем обосновывать нарушение нейтралитета так идиотски, как в 1914 году".

Наступление на Западе, говорил Гитлер своим генералам, означало "окончание мировой войны, а не отдельной кампании. Речь идет не о каком-то частном вопросе, а о жизни или смерти нации". Затем он пустился в разглагольствования:

"Всех нас должны вдохновлять идеи великих людей нашей истории. Судьба требует от нас не больше того, что она требовала от великих людей

германской истории. Пока я жив, я буду думать только о победе моего народа. Я ни перед чем не остановлюсь и уничтожу каждого, кто против меня... Я намерен уничтожить врага... "

Это была эффектная речь, и, насколько известно, ни один генерал не поднял свой голос, чтобы высказать сомнения, имевшиеся почти у всех армейских командующих, относительно успеха наступления в это время или относительно аморальности нападения на Бельгию и Голландию, нейтралитет которых и незыблемость границ Германия торжественно гарантировала. По утверждению некоторых присутствовавших на этом совещании генералов, замечания Гитлера относительно невысокого духа в высших армейских эшелонах и генеральном штабе были высказаны в куда более сильных выражениях, чем в приведенной записи.

В этот же день, в шесть часов вечера, нацистский диктатор вновь послал за Браухичем и Гальдером. Начальника генерального штаба сухопутных войск он продержал в приемной как провинившегося мальчишку, а главнокомандующему прочитал мораль о "цоссенском духе". Главное командование сухопутных войск (ОКХ) Гитлер обвинял в пораженческих настроениях, а генеральный штаб, возглавляемый Гальдером, в том, что он "проявляет упрямство, которое мешает ему присоединиться к фюреру и поддерживать его". Униженный Браухич, согласно его показаниям, данным позднее в Нюрнберге, предложил свою отставку, но Гитлер не принял ее, резко напомнив главнокомандующему, что он "обязан выполнять... долг и обязанности точно так же, как любой другой солдат". В тот вечер Гальдер нацарапал стенографическим знаком в своем дневнике: "День кризиса! "

День 23 ноября 1939 года во многих отношениях стал вехой в развитии событий. Он ознаменовал собой решительную победу Гитлера над армией, которая в первую мировую войну свергла императора Вильгельма II и взяла на себя высшую политическую и военную власть в Германии. С этого дня бывший австрийский ефрейтор начал оценивать свои не только политические, но и военные суждения как более квалифицированные, чем суждения его генералов, и перестал прислушиваться к их советам, отвергая их критику, что в конечном счете привело к катастрофе.

"Произошел конфликт, — говорил на суде в Нюрнберге Браухич, описывая события 23 ноября, — который позднее был улажен, но так и не залатан до конца".

Более того, разглагольствования Гитлера перед генералами в тот осенний день полностью отбили у Гальдера и Браухича охоту помышлять о свержении нацистского диктатора. Он ведь предупредил, что уничтожит

любого, кто встанет на его пути, и, по словам Гальдера, намеренно добавил, что подавит любую оппозицию со стороны "генерального штаба" "со всей жестокостью".

По крайней мере, в то время Гальдер не был тем человеком, который смело встречает столь серьезные угрозы. Когда спустя четыре дня, 27 ноября, генерал Томас по настоянию Шахта и Попитца явился к Гальдеру с просьбой уговорить Браухича действовать против фюрера (по воспоминаниям Гальдера, Томас сказал: "Гитлера нужно устранить! "), начальник генерального штаба напомнил ему о возникших трудностях, заметив, что не уверен в желании Браухича принять "активное участие в перевороте".

Спустя несколько дней Гальдер привел Герделеру довольно смехотворные доводы, мотивируя ими отказ от дальнейших планов свержения нацистского диктатора. Хассель записал их в своем дневнике. Кроме того факта, что "нельзя устраивать бунт в то время, когда стоишь лицом к лицу перед противником", Гальдер выдвинул следующие причины: "Необходимо дать Гитлеру последний шанс избавить немецкий народ от рабства британского капитализма... Другого столь крупного деятеля сегодня нет... Оппозиция еще не созрела... Нельзя быть уверенными в молодых офицерах". Хассель обратился к адмиралу Канарису, одному из основных заговорщиков, с просьбой продолжить начатое дело, но ничего не добился. "Он уже не надеется, что генералы способны оказать сопротивление, — записал в своем дневнике 30 ноября бывший посол, — и считает, что предпринимать что-либо в этом направлении бесполезно". Немного позднее Хассель отмечал, что "Гальдер и Браухич для Гитлера не более чем мальчики, подносящие клюшки и мячи во время игры в гольф".

Нацистский террор в Польше (первая фаза)

Прошло немного времени после нападения на Польшу, как в моем дневнике начали появляться заметки о нацистском терроре в захваченной стране. И последующие страницы дневника полны подобных записей. 19 октября Хассель сообщил, что слышал об "ужасных жестокостях эсэсовцев, особенно в отношении евреев". Еще позднее он доверительно изложил в своем дневнике историю, рассказанную ему немецким землевладельцем из провинции Позен {Немецкое название Познани. — Прим. ред. }. "Последнее, что он там видел, — это пьяный партийный лидер, который приказал открыть тюрьму, застрелил пять проституток и пытался изнасиловать еще двух".

18 октября Гальдер записал в своем дневнике основные пункты, обговоренные с Эдуардом Вагнером, генерал-квартирмейстером, который в

тот день совещался с Гитлером относительно будущего Польши. Будущее ее представлялось мрачным.

"Мы не хотим оздоровления Польши... Польша должна управляться самостоятельно. Ее не следует превращать в образцовое, по немецким понятиям, государство. Не допустить, чтобы польская интеллигенция стала новым правящим классом. Жизненный уровень должен оставаться крайне низким. Дешевые рабы... Добиться всеобщей дезорганизации в экономике. Никакой помощи от имперских инстанций! Рейх должен только обеспечить генерал-губернатору средства для осуществления этого дьявольского плана". И рейх обеспечивал.

Теперь на основе захваченных немецких документов и показаний свидетелей на различных судебных процессах в Нюрнберге можно коротко описать, как стал осуществляться нацистский террор в Польше. Но это было только начало тех мрачных злодеяний, которые впоследствии немцы совершали во всех захваченных ими странах. Однако самые ужасные злодеяния они совершили в Польше, где нацистское варварство достигло невероятных масштабов.

Перед самым нападением на Польшу на совещании в Оберзальцберге 22 августа Гитлер говорил своим генералам, что там начнут твориться такие дела, которые им не понравятся, и предупредил, чтобы они в подобные дела "не вмешивались, ограничиваясь выполнением своих чисто военных обязанностей". Он знал, о чем говорил. Автора этих строк как в Берлине, так и в Польше вскоре завалили сообщениями об устраиваемых нацистами убийствах. Доходили эти сообщения и до генералов. 10 сентября, когда польская кампания была в полном разгаре, Гальдер занес в свой дневник случай, который вскоре стал широко известен в Берлине. Несколько бандюг из эсэсовского артиллерийского полка привели пятьдесят евреев на ремонт моста; когда те после целого дня напряженной работы закончили ремонт, эсэсовцы загнали их в синагогу и устроили там побоище, уничтожив всех до одного. Даже генерал фон Кюхлер, командующий 3-й армией, который впоследствии не мучился угрызениями совести, отказался утвердить вынесенные убийцам приговоры военно-полевого суда — один год тюрьмы на том основании, что наказания оказались слишком мягкими. Однако главнокомандующий армией Браухич после вмешательства Гиммлера вообще отменил приговоры, сославшись на то, что осужденные подпадают под общую амнистию.

Немецких генералов, считавших себя истинными христианами, это смущало. 12 сентября в вагоне фюрера состоялось совещание между Кейтелем и адмиралом Канарисом, на котором последний протестовал

против зверств, творимых в Польше. Подхалимствующий шеф штаба ОКБ коротко заметил в ответ, что "фюрер уже решил этот вопрос". Если армия хочет оставаться "непричастной к подобным происшествиям, то ей придется принять эсэсовских комиссаров в каждую воинскую часть для осуществления этих убийств".

"Я указал генералу Кейтелю, — записал Канарис в своем дневнике, который был предъявлен суду в Нюрнберге, — что знаю о запланированных в широких масштабах казнях в Польше, особенно в среде аристократии и духовенства. В конечном счете мир возложит ответственность за эти деяния на вермахт".

Гиммлер был слишком хитер, чтобы позволить генералам хоть частично уйти от ответственности за творимые злодеяния. 19 сентября Гейдрих, главный помощник Гиммлера, посетил главное командование вермахта и сообщил генералу Вагнеру о планах эсэсовцев относительно чистки среди польских евреев, интеллигенции, духовенства и дворянства. Свою реакцию на сообщение Вагнера Гальдер поспешил отразить в дневнике:

"Требования армии: "чистку" начать после вывода войск и передачи управления постоянной гражданской администрации, то есть в начале декабря".

Эта краткая дневниковая запись начальника генерального штаба сухопутных войск дает ключ к пониманию морали немецких генералов. Всерьез противиться "чистке", то есть уничтожению польских евреев, интеллигенции, духовенства и дворянства, они не собирались. Просто намеревались просить отсрочить ее до вывода армии из Польши, чтобы тем самым снять с себя ответственность. Кроме того, необходимо было считаться с международным общественным мнением. На следующий день после долгого обсуждения этого вопроса с Браухичем Гальдер записал в дневнике:

"Не должно произойти ничего такого, что могло бы дать повод к развертыванию за границей пропаганды о зверствах немцев. (Католическое духовенство! В настоящее время еще невозможно лишить его влияния на польское население.)"

21 сентября Гейдрих передал высшему командованию вермахта копию своего первоначального плана "чистки" в Польше. В качестве первого шага предусматривалось собрать всех евреев в города (где их было бы легко сгонять в определенные места для уничтожения). Для "окончательного решения" потребуется некоторое время, и этот вопрос должен оставаться в строжайшей тайне, но ни у одного генерала, ознакомившегося с этим

конфиденциальным меморандумом, не могло остаться сомнений в том, что под "окончательным решением" подразумевалось уничтожение. В течение двух лет, когда подошло время для его осуществления, оно превратилось в одно из наиболее зловещих кодовых названий, которыми пользовались высшие немецкие чиновники, чтобы прикрыть наиболее ужасные нацистские преступления в годы войны.

То, что осталось от Польши после того, как Россия захватила свою часть на востоке, а Германия официально аннексировала свои бывшие земли и некоторые территории на западе, декретом Гитлера от 12 октября получило наименование Польского генерал-губернаторства (Ганс Франк занял пост генерал-губернатора, а Зейсс-Инкварт, венский квислинг, стал его заместителем).

Франк представлял собой типичный образец нацистского гангстера-интеллектуала. Он вступил в нацистскую партию в 1927 году, по окончании юридической школы, и быстро приобрел среди нацистов репутацию знатока юриспруденции. Остроумный, энергичный, начитанный, поклонник искусств, особенно музыки, он стал крупной фигурой в юридическом мире после прихода к власти нацистов, занимая сначала пост министра юстиции Баварии, а затем рейхс-министра без портфеля и президента юридической академии и ассоциации немецких адвокатов. Смуглый щеголь, крупного телосложения, отец пятерых детей, Франк умело скрывал свою изуверскую сущность под маской интеллектуала и оттого казался менее отталкивающей фигурой среди окружения Гитлера. Но за внешним лоском таился хладнокровный убийца. Он вел журнал о своей жизни и деятельности, который составил сорок два тома и был представлен суду в Нюрнберге {Журнал был обнаружен в мае 1945 года лейтенантом Вальтером Штейном из американской 7-й армии в апартаментах Франка в гостинице "Бергхоф", расположенной возле Нойхауса в Баварии. — Прим авт. }. Это один из самых зловещих документов, выплывших на свет из нацистского мрака, в котором автор предстает как человек знающий свое дело, холодный, безжалостный и кровожадный. Очевидно, в журнале нашли отражение все его варварские высказывания.

"Поляки будут рабами германского рейха", — заявил он на второй день своего пребывания в новой роли. Когда однажды он услышал, что протектор Богемии Нейрат приказал вывесить объявление о казни семи чешских студентов, то, по свидетельству нацистского журналиста, воскликнул: "Если бы я приказал вывешивать объявления о казни каждого семи поляков, то на территории Польши не хватило бы леса на

изготовление бумаги для таких объявлений".

Гитлер поручил уничтожение евреев Гиммлеру и Гейдриху. В обязанности Франка кроме изъятия у населения продовольствия, поставок сырья и принудительной рабочей силы из Польши в рейх входило уничтожение интеллигенции. Этой операции нацисты дали кодовое название "Экстраординарная акция умиротворения" (или "Акция АВ"). Франку потребовалось время, чтобы осуществить задуманное. О первых результатах стало известно на исходе весны следующего года, когда крупное немецкое наступление на Западе отвлекло внимание мировой общественности от Польши. К 30 мая, как явствует из журнала Франка, он уже мог похвастаться в доверительной беседе, что в деле наметился прогресс — несколько тысяч польских интеллигентов лишены жизни или будут вот-вот лишены.

"Умоляю вас, господа, — говорил он, — принимать самые строгие меры, чтобы помочь нам в этом деле". И при этом добавлял, что это приказ фюрера. По его словам, Гитлер выразил свою мысль таким образом:

"Мужчины, способные руководить в Польше, должны быть ликвидированы. Те, которые следуют за ними... должны быть уничтожены в свою очередь. Нет надобности перегружать рейх... нет надобности отправлять подобные элементы в концентрационные лагеря рейха".

Фюрер объяснил, что их надо ликвидировать прямо здесь, в Польше. На совещании, как записал в своем журнале Франк, начальник полиции безопасности сообщил о ходе выполнения операции "Акция АВ". Он доложил, что около двух тысяч мужчин и несколько сот женщин были задержаны в начале "экстраординарной акции умиротворения" и большинство из них уже "суммарно осуждены" — нацистский эвфемизм, означающий уничтожение. В настоящее время готовится новая партия интеллигентов для "суммарного осуждения". А всего для этой акции будет подготовлено около 3500 человек польских интеллигентов из числа наиболее опасных.

Франк не пренебрегал еврейской проблемой, несмотря на то, что гестапо освободило его от непосредственного участия в истреблении евреев. Его журнал пестрит соображениями и выводами, связанными с осуществлением этой акции. 7 октября 1940 года он записал в журнал свою речь по итогам первого года, с которой он обратился к нацистскому собранию в Польше:

"Дорогие камерады! ... Я не мог уничтожить всех вшей и евреев за один год. ("Публику это позабавило", — отметил он в этом месте записи.) Но со временем, если вы мне поможете, эта цель будет достигнута".

Через год, за две недели до рождества, закрывая совещание руководящего состава в штаб-квартире в Кракове, Франк произнес такие слова:

"Что касается евреев, то хочу вам сказать совершенно откровенно, что их нужно убрать так или иначе... Господа, я вынужден просить вас избавиться от какой бы то ни было жалости. Наш долг — уничтожить евреев".

И далее он признался, что "расстрелять или отравить три с половиной миллиона евреев в генерал-губернаторстве трудно", но заверил, что в состоянии "принять такие меры, которые все же приведут к их уничтожению". Судьба евреев была predetermined.

Охота за евреями и поляками, выселение из домов, в которых проживали их предки, начались сразу по завершении военных действий в Польше. 7 октября, на следующий после "мирной речи" в рейхстаге день, Гитлер назначил Гиммлера руководителем новой организации — имперского комиссариата по укреплению германской нации. Эта организация должна была осуществить депортацию поляков и евреев из польских провинций, аннексированных Германией, и заменить их немцами и фольксдойче (последние представляли собой иностранцев немецкого происхождения, бежавших сюда из Прибалтийских государств и различных областей Польши). Гальдер слышал про этот план еще две недели назад и в дневнике отметил: "Из этих областей выселять вдвое больше поляков, чем туда прибудет немцев".

9 октября, через два дня после принятия на себя функций главы новой организации, Гиммлер издал распоряжение переместить 550 тысяч евреев из 650 тысяч, проживающих на аннексированных польских территориях, вместе с поляками, непригодными для "ассимиляции", на территорию генерал-губернаторства, к востоку от Вислы. Нацисты перегнали на восток в течение года 1 миллион 200 тысяч поляков и 300 тысяч евреев, и только 497 тысяч фольксдойче расселились на месте их проживания. Это было несколько лучшее соотношение, чем у Гальдера: изгонялись три поляка и еврея, а на их место поселялся один немец.

Зима 1939/40 года выдалась, помнится, необычайно суровая и снежная, и переселение в этих условиях уносило жертв не меньше, чем нацистские пули и виселицы. Подтверждением могут служить высказывания такого авторитета, как Гиммлер. Обращаясь к дивизии СС "Лейбштандарт" после падения Франции, он провел параллель между депортациями, осуществляемыми его людьми на Западе, и депортациями, проводимыми на Востоке.

"В Польше случалось, что мы должны были гнать при 40-градусном морозе тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч; там нам нужно было проявлять твердость — вы должны об этом узнать, чтобы тут же забыть, — чтобы расстреливать тысячи видных польских деятелей... Господа, во многих случаях гораздо легче идти в бой с ротой, чем подавлять ставшее помехой население с низким уровнем культуры, осуществлять казни и гнать людей, как скот, или выгонять из домов истерично рыдающих женщин".

Уже 21 февраля 1940 года оберфюрер СС Рихард Глюке, начальник инспекции в управлении концентрационных лагерей, выяснив обстановку в районе Кракова, информировал Гимmlера, что нашел "подходящее место" для нового "карантинного лагеря" возле Аушвица {Немецкое название Освенцима. В этом крупнейшем концентрационном лагере гитлеровцами в годы войны было истреблено свыше 4 миллионов человек. Освобожден Красной Армией 27 января 1945 года. — Прим. тит. ред. } в заброшенном и заболоченном районе с 12 тысячами жителей, где кроме нескольких фабрик находились бывшие австрийские кавалерийские казармы. Работы начались немедленно, и уже 14 июня Аушвиц начал функционировать как концентрационный лагерь для польских политических заключенных, с которыми немцам предписывалось обращаться с особой суровостью. Вскоре Аушвицу суждено было стать куда более зловещим местом. Между тем руководство "И. Г. Фарбениндуcтри", крупнейшего немецкого химического концерна, выбрало Аушвиц как вполне подходящее место для нового завода по производству синтетического топлива и каучука. Оно возлагало надежды на дешевый рабский труд, необходимый не только для строительства новых корпусов, но и для эксплуатации новых предприятий.

Весной 1940 года в Аушвиц для управления лагерем и снабжения "И. Г. Фарбениндуcтри" рабской рабочей силой прибыла шайка отъявленных мерзавцев из СС, в том числе Йозеф Крамер, впоследствии известный у англичан как "бельзенский зверь", и Рудольф Франц Зесс, отсидевший пять лет в тюрьме за убийство (он вообще основную часть своей жизни провел в тюрьме: сначала в качестве заключенного, затем — тюремщика), а в 1946 году, в возрасте сорока шести лет, хваставшийся в Нюрнберге тем, что в Аушвице под его руководством было уничтожено 2, 5 миллиона людей, не считая полмиллиона, которым было позволено "умереть от истощения".

Вскоре Аушвиц превратится в наиболее известный лагерь уничтожения, который следует отличать от концентрационных лагерей, где кое-кто все-таки выживал. Немаловажное значение для понимания психологии немцев имеет тот факт, что при Гитлере даже такие респектабельные немцы, как директора всемирно известной фирмы "И. Г.

Фарбениндустри", ведущие бизнесмены Германии, люди набожные, намеренно выбрали район лагеря смерти как наиболее подходящее для обеспечения прибылей своему предприятию место.

Трения между Германией и Италией

Ось Рим — Берлин в ту первую военную осень начала скрипеть. Разногласия вылились в обмены резкими посланиями на различных уровнях: немцы не выполнили обещание эвакуировать всех фольксдойче из итальянского Южного Тироля, о чем была достигнута договоренность в июне прошлого года; немцы не соблюдали график ежемесячной поставки угля в размере 1 миллиона тонн; итальянцы нарушали обещание поставлять Германии сырье через свою территорию в обход английской блокады; Италия активно торговала с Англией и Францией, в том числе продавала им военные материалы; усиливались антигерманские настроения у Чиано. Муссолини, как обычно, колебался, и Чиано отразил это в своем дневнике. 9 ноября у дуче возникли трудности при составлении поздравительной телеграммы по случаю неудавшегося покушения на жизнь фюрера. Он хотел, чтобы телеграмма была теплой, но не слишком, так как, по его мнению, ни один итальянец не испытал особой радости по поводу того, что Гитлер избежал смерти, а меньше всех сам дуче.

"20 ноября... Для Муссолини мысль о том, что Гитлер ведет войну и — что еще хуже — выигрывает ее, просто невыносима".

На второй день после рождества дуче желал поражения немцам и дал указание Чиано секретно сообщить Бельгии и Голландии, что на них готовится нападение {Чиано передал предупреждение бельгийскому послу в Риме 2 января, как об этом записано в его дневнике. Согласно Вайцзекеру, немцы перехватили две шифрованные телеграммы бельгийского посла в Брюссель с предупреждениями итальянцев и расшифровали их. — Прим. авт. }. Однако накануне Нового года он снова заговорил о вступлении в войну на стороне Гитлера.

Главной причиной трений между державами оси являлась прорусская политика Германии. 30 ноября 1939 года Красная Армия напала на Финляндию, и Гитлер оказался в самом унижительном положении. Пакт со Сталиным предусматривал срочную эвакуацию из Прибалтики немецких семей, проживавших там на протяжении столетий. Теперь Гитлеру пришлось официально простить неспровоцированное нападение России на маленькую страну, которая имела тесные связи с Германией и независимость которой была получена, главным образом, в результате интервенции регулярных германских войск в 1918 году {9 октября 1918 года — это малоизвестный забавный эпизод в истории — финский

парламент под впечатлением, что Германия выигрывает войну, избрал 75 голосами "за" и 25 голосами "против" принца Фридриха Карла Гессенского королем Финляндии. Победа, одержанная союзниками через месяц после "выборов", положила конец этому надуманному варианту. — Прим авт. }. Горькая пилюля, но ему пришлось ее проглотить. Немецкие дипломатические миссии, а также пресса и радио получили строгие инструкции поддержать агрессию России и избегать выражения какого-либо сочувствия финнам.

Возможно, это явилось последней соломинкой для Муссолини, которому нужно было расправиться с антинемецкими демонстрациями, охватившими Италию. Во всяком случае, 3 января нового, 1940 года дуче написал обстоятельное письмо, как бы снимая тяжелый груз со своих плеч. Никогда ранее и, разумеется, никогда потом дуче не был столь откровенен с Гитлером и не выражал готовности давать ему столь резкие и неприятные советы.

Дуче писал, что глубоко убежден: Германия даже при поддержке Италии никогда не сможет "поставить на колени Англию и Францию или хотя бы разорвать их союз. Верить в это — значит обманывать себя. Соединенные Штаты не допустят полного поражения этих демократий". Поэтому теперь, когда Гитлер обеспечил безопасность своих восточных границ, какая необходимость "рисковать всем, в том числе и режимом, и приносить в жертву цвет нации", чтобы попытаться нанести им поражение? Можно было бы заполучить мир, утверждал Муссолини, если бы Германия смирилась с существованием некоей "скромной, разоруженной Польши, которая была бы только польским государством". "Если бы вы не были непоколебимо настроены вести войну до конца, — добавил дуче, — то я считаю, что создание польского государства... явилось бы фактором, который положил бы конец войне и создал предпосылки для заключения мира".

Но больше всего итальянского диктатора беспокоила сделка Германии с Россией.

"... Не участвуя в войне, Россия получила большой выигрыш в Польше и Прибалтике. Но я, прирожденный революционер, говорю вам, что вы не можете постоянно жертвовать принципами вашей революции из тактических соображений текущего политического момента... Мой прямой долг добавить, что еще один шаг к сближению с Москвой будет иметь катастрофические отзвуки в Италии..."

Письмо Муссолини не только свидетельствовало об ухудшении итало-германских отношений, но и било по уязвимому месту: по медовому

месяцу фюрера с Советской Россией, который начал действовать на нервы обеим сторонам. Сделка с Россией позволила фюреру напасть на Польшу и уничтожить ее. Кроме того, она принесла ему выгоды иного порядка. Из захваченных немецких документов стал, например, известен один из наиболее строго охраняемых секретов: Германия осуществляла импорт остро дефицитного сырья для военной промышленности через предоставленные Советским Союзом порты в Арктике, на Черном море и на побережье Тихого океана, поскольку другие районы оказались недоступны для немцев в результате английской морской блокады.

10 ноября 1939 года Молотов согласился даже оплатить перевозку грузов по русским железным дорогам. Немецкие корабли, в том числе подводные лодки, пополнялись топливом и ремонтировались в арктическом порту Териберка, восточнее Мурманска, — Молотов считал, что Мурманск "недостаточно изолирован", в то время как Териберка являлась "более отдаленной и не посещалась иностранными судами".

Всю осень и начало зимы 1939 года между Москвой и Берлином велись непрерывные переговоры об увеличении объема торговли. К концу октября русские поставки сырья в Германию, особенно зерна и нефти, значительно возросли, но немцы хотели еще больше. Однако они начали понимать, что в экономике, как и в политике, Советы являлись упрямым и ловким партнером. 1 ноября фельдмаршал Геринг, гросс-адмирал Редер и генерал-полковник Кейтель "независимо друг от друга", как отметил Вайцзекер, заявили протест министерству иностранных дел по поводу чрезмерных требований русских на поставки немецких военных материалов. Спустя месяц Кейтель вновь жаловался Вайцзекеру, что русские требования на поставки немецкой продукции, особенно станков по производству военного снаряжения, "становились все более непомерными". Но если Германия хочет получать продовольствие и нефть из России, то ей придется платить теми товарами, в которых нуждается Москва. Английская блокада настолько ощутимо ударила по рейху, что потребность в русском сырье приобрела острейший характер, и 30 марта 1940 года, в самый критический момент, Гитлер распорядился, чтобы поставки военных материалов русским пользовались приоритетом даже над поставками германским вооруженным силам {После захвата Франции, Бельгии и Голландии Геринг информировал генерала Томаса начальника экономической службы ОКБ, что "фюрер желает пунктуального соблюдения соглашения о поставках русским только до весны 1941 года". "В дальнейшем, — добавил он, — мы не будем заинтересованы в полном удовлетворении русских требований". — Прим. авт. }. Одновременно

немцы предложили Москве недостроенный тяжелый крейсер "Лютцов" в качестве частичной компенсации за текущие поставки. Еще раньше, 15 декабря, адмирал Редер предложил продать русским планы и чертежи строившегося тогда крупнейшего в мире линкора "Бисмарк" водоизмещением 45 тысяч тонн, если русские заплатят "очень высокую цену".

В конце 1939 года Сталин сам принял участие в переговорах с немецкой торговой делегацией в Москве. Немецкие экономисты нашли его очень трудным партнером. В захваченных на Вильгельмштрассе документах были обнаружены длинные и обстоятельные меморандумы о трех примечательных встречах с внушающим страх советским диктатором, который обладал способностью вникать в такие детали, что поражал немцев. Как выяснилось, Сталина невозможно было обмануть, а иногда он становился настолько требовательным, что, как докладывал в Берлин один из участников переговоров, доктор Шнурре, "приходил в крайнее возбуждение". Советский Союз, напоминал Сталин немцам, "оказал Германии исключительно большую услугу (и) приобрел себе врагов за оказание этой помощи". В ответ Советский Союз ожидает от Берлина понимания этого обстоятельства. На совещании в Кремле в преддверии Нового, 1940 года Сталин заявил, что цена за самолеты непомерна и во много раз превышает их реальную стоимость. Если Германия не хочет поставлять их Советскому Союзу, то он предпочитает, чтобы об этом было сказано открыто.

На ночном совещании в Кремле 8 февраля Сталин попросил немцев не устанавливать слишком высокие цены, как это случалось раньше. В качестве примеров он упомянул сумму на 300 миллионов рейхсмарок за самолеты и 150 миллионов марок за крейсер "Лютцов". Он советовал не злоупотреблять благожелательностью Советского Союза.

11 февраля 1940 года в Москве было наконец подписано замысловатое торговое соглашение, предусматривавшее обмен товарами в течение ближайших восемнадцати месяцев на общую сумму не менее 640 миллионов рейхсмарок. Это явилось дополнением к предыдущему торговому соглашению, подписанному в августе прошлого года и предусматривавшему товарный обмен на 150 миллионов в год. Россия должна была получить кроме крейсера "Лютцов" и проектной документации на "Бисмарк" тяжелые морские орудия и другое оборудование, а также примерно 30 самолетов новейших марок, в том числе истребители "Мессершмитт-109" и "Мессершмитт-110" и пикирующие бомбардировщики "Юнкерс-88". Кроме того, Советский Союз

должен был получить машины и оборудование для нефтяной и электротехнической промышленности, локомотивы, турбины, генераторы, дизельные двигатели, корабли, станки и образцы немецкой артиллерии, танков, взрывчатых веществ, оснащение для ведения химической войны и т. д.

То, что немцы получили в первый год, зарегистрировано ОКБ — один миллион тонн зерновых, полмиллиона тонн пшеницы, 900 тысяч тонн нефти, 100 тысяч тонн хлопка, 500 тысяч тонн фосфатов, значительное количество другого сырья и один миллион тонн соевых бобов транзитом из Маньчжурии.

А в Берлине доктор Шнурре, экономический эксперт министерства иностранных дел, возглавлявший немецкую торговую делегацию на переговорах в Москве, подготовил длинный меморандум о том, что он выиграл для рейха. Помимо остро необходимого для военного производства сырья, которое Россия будет поставлять в Германию, Сталин, по словам Шнурре, обещал "щедрую помощь... в качестве покупателя металлов и сырья в третьих странах".

"Соглашение, — писал в заключение Шнурре, — означает широко открытую для нас дверь на Восток... Влияние английской блокады будет решающим образом ослаблено".

В этом заключалась одна из причин, вынуждавших Гитлера проглотить горькую пилюлю, поддержать агрессию русских против Финляндии, весьма непопулярную в Германии, и примириться с тем, что появление советских войск и летчиков на создаваемых на территории трех Прибалтийских государств базах представляло угрозу для Германии (в конечном счете против кого, как не против Германии, они будут использованы?). Сталин помогал ему преодолеть английскую блокаду. Но еще более важно то, что Сталин давал ему возможность вести войну на одном фронте, сосредоточить всю свою военную мощь на Западе, чтобы нокаутировать Францию и Англию, захватить Бельгию и Голландию, после чего... Ну да ладно, о том, что он задумал, Гитлер уже говорил своим генералам.

Еще 17 октября 1939 года, когда едва закончилась польская кампания, он напомнил Кейтелю, что польская территория является важной с военной точки зрения как передовой плацдарм и как место для стратегического сосредоточения войск. С этой целью железные дороги, дороги и каналы связи должны содержаться в порядке.

В конце памятного 1939 года Гитлер стал осознавать, как он уже указывал своим генералам в меморандуме от 9 октября, что нельзя вечно

полагаться на советский нейтралитет. За восемь месяцев или за год обстановка может измениться. И в своей речи перед ними 23 ноября он подчеркнул: "Мы сможем выступить против России лишь после того, как освободимся на Западе". Эта мысль никогда не покидала его беспокойный ум.

Конец рокового года вошел в историю как странное, внушающее суеверный страх время. Несмотря на то что шла мировая война, никаких сражений на суше не велось, а в небе тяжелые бомбардировщики разбрасывали только пропагандистские листовки, к тому же скверно составленные. Только на море шла настоящая война. Подводные лодки продолжали собирать свою дань с английских, а подчас и с нейтральных судов в суровой Северной Атлантике. "Граф Шпее", один из трех немецких карманных линкоров, появившийся в Южной Атлантике из своего района выжидания, за три месяца потопил девять английских торговых судов общим водоизмещением 50 тысяч тонн. 14 декабря 1939 года немецкая общественность была взбудоражена новостью о крупной победе на море, о которой под кричащими заголовками поведали газеты, оперативные сводки радио. Как говорилось в сообщении, "Граф Шпее" завязал вчера морское сражение с тремя английскими крейсерами в 400 милях от Монтевидео и вывел их из строя. Однако вскоре бурные восторги сменились недоумением. Через три дня в прессе появились заметки: экипаж затопил карманный линкор в устье Ла-Платы как раз напротив уругвайской столицы. Какая же это победа? 21 декабря командование военно-морских сил Германии известило, что командир "Графа Шпее" капитан Ганс Лангсдорф "последовал за своим кораблем" и тем самым "как боец и герой оправдал доверие своего фюрера, немецкого народа и военно-морских сил".

Несчастный немецкий народ так никогда и не узнал, что "Граф Шпее" был сильно поврежден тремя английскими крейсерами, значительно превосходившими линкор в артиллерии, что ему пришлось отправиться в Монтевидео для ремонта, что уругвайское правительство в соответствии с международным правом разрешило ему оставаться в порту только 72 часа, чего для изуродованного линкора было недостаточно, что "герой" капитан Лангсдорф, не рискуя ввязываться в новые сражения с англичанами, затопил его, а сам, вместо того чтобы пойти на дно заодно с кораблем, застрелился через два дня в уединенном номере отеля в Буэнос-Айресе {За день до затопления Геббельс заставил немецкую прессу опубликовать липовое донесение из Монтевидео, будто "Граф Шпее" получил лишь "незначительные повреждения", а английские сообщения о том, что линкор жестоко искалечен, являются "чистейшей ложью". — Прим. авт. }. Не

сказали немецкому народу, разумеется, и о том, что, как записал в своем дневнике 18 декабря Йодль, фюрер "страшно зол из-за того, что "Граф Шпее" затоплен без боя", и послал за адмиралом Редером, которому устроил головомойку.

12 декабря Гитлер издал очередную совершенно секретную директиву об отсрочке наступления на Западе, оговариваясь, что новое решение последует не раньше 27 декабря и что самым ранним сроком для дня "А" является 1 января 1940 года. Поэтому рождественские увольнения в отпуск, говорилось в директиве, можно предоставлять. Рождество, самый радостный для немцев праздник, как явствует из моих дневниковых записей, получилось в Берлине в ту зиму невеселым: скудные подарки, скудная пища, отсутствие мужского пола, неосвещенные улицы, плотно закрытые ставни — все это порождало недовольство.

Между Гитлером и Сталиным произошел обмен рождественскими поздравлениями. Гитлер телеграфировал:

"Лучшие пожелания личного благополучия Вам, а также будущего процветания народам дружественного Советского Союза". Сталин на это ответил:

"Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной".

А в Берлине посол фон Хассель использовал рождественские праздники, чтобы посоветоваться с коллегами по заговору Попитцем, Герделером и генералом Беком, и 30 декабря набросал в своем дневнике новый, последний план:

... Оставить в Берлине некоторое число дивизий, следующих "транзитом с запада на восток". Затем Вицлебен появляется в Берлине и распускает СС. На основе этой акции Бек направляется в Цоссен и отбирает у Браухича верховное командование. Врач объявляет, что Гитлер неспособен руководить, после чего он будет взят под стражу. Затем будет объявлено воззвание к народу, в котором предусматривается решение трех вопросов: предотвращение дальнейших зверств СС; возрождение порядочности и христианской морали; продолжение войны, но с готовностью к миру на разумной основе...

Все это были одни разговоры. И заговорщики настолько запутались, что Хассель в своем дневнике отвел немало места обсуждению вопроса, нужно или не нужно задерживать Геринга.

Сам Геринг, как Гитлер, Гиммлер, Геббельс, Лей и другие партийные руководители, использовал Новый год для того, чтобы выступить с напыщенными воззваниями. Лей в своем воззвании говорил: "Фюрер

всегда прав! Подчиняйтесь фюреру! " Фюрер заявил, что не он, а "евреи и капиталистические поджигатели войны" развязали войну, и продолжал:

"Объединенные внутри страны, экономически подготовленные и в высшей степени вооруженные, мы вступаем в этот самый решающий в германской истории год... Пусть 1940 год принесет разрешение. Что бы ни случилось, это будет год нашей победы".

27 декабря он опять отложил наступление на Западе "по меньшей мере на пару недель". 10 января он назначил конкретную дату — 17 января, "за 15 минут до восхода солнца, то есть в 8. 16 утра". Военно-воздушные силы должны были начать свое наступление 14 января, на три дня раньше, чтобы разрушить аэродромы противника во Франции, но не в Бельгии и Голландии. Две маленькие нейтральные страны нужно было держать в неведении относительно их судьбы до самого последнего момента.

Однако 13 января нацистский диктатор вновь неожиданно отложил наступление "из-за метеорологической обстановки". В захваченных документах ОКВ после этого срока вплоть до 7 мая нигде не упоминается о дне наступления. Возможно, в отмене наступления, назначенного на 13 января, сыграли свою роль метеоусловия. Но теперь мы знаем, что произошло два других события, которые и повлияли главным образом на решение об отмене наступления, — вынужденная посадка в Бельгии 10 января особо важного немецкого военного самолета и новые возможности, открывшиеся на севере. В тот самый день, 10 января, когда Гитлер отдал приказ на наступление через Бельгию и Голландию рано утром 17 января, немецкий военный самолет, летевший из Мюнстера в Кельн, потерял над Бельгией ориентировку в облаках и совершил вынужденную посадку возле Мехелена. В самолете находился майор Гельмут Рейнбергер, ответственный штабной офицер люфтваффе, а в его портфеле лежали немецкие планы со всеми картами наступления на Западе. Когда бельгийские солдаты стали приближаться к самолету, майор отбежал в соседние кусты и поджег содержимое своего портфеля. Привлеченные этим необычным явлением, бельгийцы загасили пламя ногами и собрали то, что не успело сгореть. Приведенный в расположенную поблизости военную казарму, Рейнбергер пошел на отчаянный шаг: он схватил обгоревшие бумаги, которые бельгийский офицер выложил на стол, и бросил их в горящую печь. Бельгийский офицер быстро выхватил их оттуда.

Рейнбергер немедленно сообщил через свое посольство в Брюсселе в штаб люфтваффе, находящийся в Берлине, что сумел сжечь бумаги "до незначительных обрывков размером с ладонь". Однако в высших штабах в Берлине это событие повергло всех в оцепенение. Йодль немедленно

доложил Гитлеру, о чем противник может знать или не знать. Но сам он не имел об этом представления. "Если противнику достались все документы, — записал он в дневнике 12 января после встречи с фюрером, — то ситуация просто катастрофическая". В тот вечер Риббентроп послал срочную шифровку в немецкое посольство в Брюсселе, требуя немедленного доклада об "уничтожении багажа курьера". Утром 13 января, как явствует из записи в дневнике Йодля, у Геринга состоялось совещание с участием срочно вызванного из Брюсселя военно-воздушного атташе. "Результат: основная часть наверняка сожжена", — записал Йодль в дневнике.

Но это, как явствует из записей Йодля, был показной оптимизм. В час дня он записал: "Приказ генералу Гальдеру (по телефону) — задержать все передвижения".

В тот же день немецкий посол в Брюсселе в срочном порядке информировал Берлин о значительных передвижениях бельгийских войск, расценив их "как результат тревожных донесений, полученных бельгийским генеральным штабом". На следующий день посол направил в Берлин новое сверхсрочное донесение: "Бельгийцы осуществляют "Фазу Д" — предпоследний шаг в мобилизации, призвав две новые категории призывников". Причиной, как полагал посол, являлись "сообщения о крупных перемещениях немецких войск на бельгийской и голландской границах, а также содержание не полностью сгоревшей курьерской почты, обнаруженной у офицера германских военно-воздушных сил".

К вечеру 15 января у высших военных руководителей в Берлине возникли сомнения, действительно ли майор Рейнбергер уничтожил, как он утверждал, изобличающие их документы. Йодль после еще одного совещания по этому вопросу заметил, что они были "предположительно сожжены". Но 17 января бельгийский министр иностранных дел Поль Анри Спаак вызвал немецкого посла и прямо, о чем тот немедленно доложил в Берлин, заявил ему:

"... Самолет, сделавший вынужденную посадку 10 января, предоставил в руки бельгийцев документ исключительно серьезного характера, который содержит четкие доказательства намерения совершить нападение. Это был не просто оперативный план, а разработанный во всех деталях приказ на наступление, в котором осталось только указать время".

Немцы так и не выяснили, блефует или не блефует Спаак. А среди союзников — английскому и французскому генеральным штабам были представлены копии немецкого плана — проявлялась тенденция рассматривать захваченные немецкие документы как "подделку" с целью

ввести противника в заблуждение. Черчилль говорит, что он выступал решительно против такой интерпретации, и сетует, что в связи со столь серьезным предупреждением ничего не было предпринято. Определенно можно лишь утверждать, что 13 января, после того как Гитлера проинформировали о случившемся, он отменил назначенное наступление, и к тому времени, когда весной надо было снова принимать решение, стратегический план был полностью изменен.

Однако вынужденная посадка в Бельгии и плохая погода не единственные причины, по которым было отложено наступление. В Берлине между тем созревали планы внезапного нападения на две другие маленькие нейтральные страны, расположенные дальше на север, и теперь они получили приоритет. Странная война, по крайней мере для немцев, с приближением весны подходила к концу.

Часть 20. Захват Дании и Норвегии

Под невинно звучащим кодовым названием "Везерюбунг" {"Учения на Везере". — Прим. тит. ред. } скрывался новый план очередной германской агрессии. Истоки этого плана и его разработка уникальны и в корне отличаются от других агрессий неспровоцированностью нападения, которому посвящена значительная часть нашего рассказа. Захват Дании и Норвегии — это не порождение ума Гитлера в отличие от всех предыдущих планов нападения; это — замысел честолюбивого адмирала и одурманенного успехами нацистского работяги. Это был единственный акт немецкой военной агрессии, в которой решающую роль сыграл немецкий военно-морской флот. Это был также единственный план, для реализации которого ОКБ скоординировало действия всех трех видов вооруженных сил. По существу с руководством армии даже не посоветовались, к великому раздражению военных. Геринга пригласили на авансцену только в последний момент — пренебрежение, приведшее в ярость разжиревшего шефа люфтваффе.

Германский военно-морской флот давно устремлял свои взоры на север. Германия не имела прямого выхода на широкие океанские просторы — факт, который запечатлелся в сознании офицеров флота еще во времена первой мировой войны. Непроницаемая сеть, протянутая англичанами через узкое Северное море от Шетландских островов до побережья Норвегии и поддерживаемая минными заграждениями и патрульными кораблями, закупорила мощный имперский флот, серьезно мешала подводным лодкам прорваться в Северную Атлантику и не допускала немецкое торговое судоходство к основным морским артериям. Немецкий военно-морской флот, созданный для действий в открытом море, никогда не доходил до него. Английская морская блокада задушила императорскую Германию во время первой мировой войны.

В период между войнами горстка немецких офицеров, командовавших скромным по размерам нацистским военно-морским флотом, не забывала о прошлом опыте и об этом географическом факте и по размышлении пришла к выводу: в любой будущей войне с Англией Германия должна попытаться заполучить базы в Норвегии, что позволило бы ей прорвать английскую блокаду в Северном море, сделать морские просторы доступными для немецкого надводного и подводного флотов и на деле предоставить рейху возможность, поменявшись ролями с Англией,

предпринять эффективную блокаду Британских островов.

Неудивительно поэтому, что в начале войны, в 1939 году, адмирал Рольф Карле, третье лицо в командовании немецкого военно-морского флота, личность весьма влиятельная, принялся соответствующим образом обрабатывать адмирала Редера, который отметил в своем дневнике, а затем подтвердил в Нюрнберге "важность оккупации норвежского побережья Германией". Редера не надо было долго уговаривать, ибо 3 октября, в конце польской кампании, он направил конфиденциальный вопросник в штаб военно-морских сил (ОКМ) с просьбой выяснить возможность заполучить "базы в Норвегии под комбинированным давлением со стороны России и Германии". Риббентроп проконсультировался об отношении Москвы к этому вопросу и ответил, что можно надеяться на "далеко идущую поддержку". Редер сообщил своему штабу, что Гитлера необходимо поскорее проинформировать о такой возможности.

10 октября в ходе затянувшегося доклада фюреру о военно-морских операциях Редер высказал мысль о важности приобретения военно-морских баз в Норвегии, если нужно, то и с помощью России. Насколько явствует из конфиденциальных записей, впервые военно-морской флот обратил внимание фюрера непосредственно на данную проблему. Редер утверждает, что фюрер "сразу же понял всю важность норвежской проблемы". Он попросил оставить ему памятки по данному вопросу и обещал его обдумать. Однако в данный момент все помыслы нацистского заправила были заняты наступлением на Западе и преодолением колебаний у генералов {Было уже 10 октября, когда Гитлер вызвал к себе всех военачальников, зачитал им пространный меморандум о необходимости немедленного наступления на Западе и вручил Директиву э 6, в которой предписывалось подготовиться к наступлению через Бельгию и Голландию. — Прим. авт. }. Норвегия, вероятно, выпала из его поля зрения.

Мысли фюрера вернулись к ней через два месяца по трем причинам. Одной из них являлось наступление зимы. Само существование Германии зависело от импорта железной руды из Швеции. В первый военный год немцы рассчитывали на 11 миллионов тонн шведской руды из годового потребления 15 миллионов. В теплые месяцы эту руду доставляли в Германию из Северной Швеции по Ботническому заливу и Балтийскому морю и никаких проблем даже в военное время не возникало, поскольку Балтика была прочно ограждена от проникновения туда английских подводных лодок и надводных боевых кораблей. Но в зимнее время пользоваться этим путем было невозможно, так как море покрывалось толстым слоем льда. В холодные месяцы шведскую руду приходилось

доставлять по железной дороге в ближайший норвежский порт Нарвик и оттуда вдоль норвежского побережья на судах в Германию. Почти весь этот маршрут немецкие рудовозы могли идти в норвежских территориальных водах, тем самым спасаясь от ударов английских боевых кораблей и бомбардировщиков.

Таким образом, как указывал командованию военно-морского флота Гитлер, нейтралитет Норвегии имел свои преимущества. Он позволял Германии получать жизненно необходимую ей железную руду без помех со стороны Англии.

Уинстон Черчилль, в то время первый лорд адмиралтейства, сразу понял этот маневр и в первые же недели войны пытался убедить кабинет разрешить ему поставить минные заграждения в норвежских территориальных водах, чтобы воспрепятствовать доставке шведской руды этим путем в Германию. Однако Чемберлен и Галифакс не хотели нарушать нейтралитет Норвегии и предложение Черчилля на некоторое время было отклонено.

Вторжение России в Финляндию 30 ноября 1939 года радикально изменило обстановку в Скандинавии, в огромной мере усилив ее стратегическое значение как для западных союзников, так и для Германии. Франция и Англия приступили к формированию экспедиционных сил в Шотландии в целях их отправки на помощь финнам, которые вопреки предсказаниям упорно выдерживали жесточайшие удары Красной Армии. Однако эти силы могли добраться до Финляндии только через Норвегию и Швецию, и Германия сразу поняла, что если войскам союзников будет разрешен транзит или они пройдут через северную часть двух скандинавских стран без такого разрешения, то под предлогом обеспечения линий коммуникации в этих странах останется достаточно войск и Германия тем самым полностью лишится поставок шведской руды {Это было правильное предположение. Как известно, Высший военный совет союзников на заседании 5 февраля 1940 года в Париже решил, что одновременно с отправкой экспедиционных сил в Финляндию войсками, высаженными в Нарвике, должны быть оккупированы районы шведских железорудных разработок (см. Ширер У. Вызов Скандинавии, с. 115–116). Черчилль отмечает, что на этом совещании было решено, "между прочим, взять под контроль железорудные залежи Гулливаре" (Черчилль У. Надвигающаяся буря, с. 560). — Прим. авт. }. Более того, западные союзники обошли бы рейх с северного фланга. Адмирал Редер не упускал случая напоминать Гитлеру об этих угрожающих факторах.

Наконец, шеф германского военно-морского флота нашел в Норвегии

для осуществления своих замыслов ценного союзника в лице майора Видкуна Абрахэма Лауритца Квислинга, имя которого станет синонимом слова "предатель" почти во всех языках мира.

Появление Видкуна Квислинга

Жизнь Квислинга началась вполне достойно. Родился он в 1887 году в исконно крестьянской семье, окончил с отличием норвежскую военную академию и совсем молодым человеком получил назначение военным атташе в Петроград. За услуги в обеспечении английских интересов после разрыва дипломатических отношений с большевистским правительством Великобритании наградила Квислинга орденом Британской империи второй степени. В это время он был настроен и пробритански, и пробольшевистски. Некоторое время он оставался в Советской России в качестве помощника Фритьофа Нансена, великого норвежского исследователя и гуманиста, одного из организаторов помощи голодающим Поволжья.

Успехи коммунистов в России произвели настолько глубокое впечатление на молодого норвежского офицера, что по возвращении в Осло он предложил свои услуги лейбористской партии, которая в то время являлась членом Коминтерна. Он внес предложение о создании "красной гвардии", однако в лейбористской партии к нему — относились с подозрением и его предложение было отклонено. Затем он впал в другую крайность: с 1931 по 1933 год он занимал пост министра обороны, в мае 1933 года создал фашистскую партию под названием Национальный союз, положив в основу ее деятельности идеологию и тактику нацистов, только что пришедших к власти в Германии. Однако в обстановке демократизма в Норвегии нацизм не получал того развития, которого ожидал Квислинг. На выборах он даже не прошел в парламент. Потерпев поражение в собственной стране, он обратил взоры в сторону нацистской Германии.

Там он установил контакт с Альфредом Розенбергом, официальным расистом-философом нацистского движения, который помимо прочих обязанностей выполнял функции шефа отдела по иностранным делам нацистской партии. Этот прибалтийский олух, один из первых наставников Гитлера на политическом поприще, связывал с норвежским офицером осуществление своей давнишней сумасбродной идеи — создания огромной нордической империи, откуда будут изгнаны евреи и другие "нечистые" расы и которая в конечном счете станет господствовать над всем миром под руководством нацистской Германии. Начиная с 1933 года он поддерживал контакт с Квислингом и пичкал его своей абсурдной философией и пропагандой.

В июне 1939 года, когда над Европой сгущались грозовые тучи, Квислинг воспользовался своим присутствием в Любеке на конференции нордического общества, чтобы заручиться у Розенберга чем-то большим, чем просто идеологическая поддержка. Согласно конфиденциальным докладам Розенберга, оглашенным на Нюрнбергском процессе, Квислинг предупреждал его об угрозе установления английского контроля над Норвегией в случае войны и о тех преимуществах, которые получит Германия, если оккупирует ее. Квислинг просил о солидной материальной помощи для своей партии и печати.

Розенберг, большой мастак составлять меморандумы, тут же подготовил их трем адресатам — Гитлеру, Герингу и Риббентропу, однако эти три высших нацистских сановника, по-видимому, проигнорировали их — никто в Германии не воспринял слишком серьезно "официального толкователя" нацистской философии. Сам же Розенберг в лучшем случае был в состоянии организовать в августе двухнедельные курсы для двух-трех десятков штурмовиков Квислинга.

В течение первых месяцев войны адмирал Редер — так он утверждал на Нюрнбергском процессе — не имел никаких контактов с Розенбергом, которого едва знал, а о Квислинге вообще ничего не слышал. Однако сразу после вторжения русских в Финляндию Редер начал получать донесения от своего военно-морского атташе в Осло капитана Рихарда Шрайбера о нависшей над Норвегией угрозе высадки западных союзников. 8 декабря, напомнив Гитлеру об этих донесениях, он прямо заявил ему: "Очень важно оккупировать Норвегию".

Вскоре после этого Розенберг направил адмиралу Редеру меморандум (без указания даты) "относительно визита тайного советника Квислинга из Норвегии". Норвежский заговорщик прибыл в Берлин, и Розенберг считал, что следовало бы сообщить Редеру, кто такой Квислинг и чего он хочет. По словам Розенберга, у Квислинга было много сочувствующих среди высокопоставленных офицеров в норвежской армии. В качестве доказательства Розенберг показал письмо, полученное недавно от полковника Конрада Сундло, командира в Нарвике, который характеризовал норвежского премьер-министра как болвана, а одного из ведущих министров как старого пьянчугу и заявлял о готовности "рискнуть своей шкурой ради национального восстания". Позднее полковник Сундло рисковал шкурой, чтобы защитить свою страну от агрессии, не пожелал.

По сути, Розенберг информировал Редера о наличии у Квислинга плана подготовки заговора. Это, должно быть, дошло до чуткого уха в Берлине, ибо он был скопирован с варианта австрийского аншлюса. В

Германии некоторое число штурмовиков Квислинга в ускоренном порядке стали натаскивать нужному ремеслу "опытные и неустрашимые" национал-социалисты, практиковавшиеся в проведении подобных операций". Их ученики, вернувшись в Норвегию, должны были захватить стратегические пункты в Осло, в то время как германский военно-морской флот с контингентами германской армии намеревался высадиться в заранее условленном месте за пределами Осло в ответ на специальное обращение нового норвежского правительства.

Это была все та же тактика аншлюса, а в роли Зейсс-Инкварт на сей раз выступал Квислинг.

"Квислинг не сомневается, — добавлял Розенберг в своем меморандуме, — что такой переворот... будет встречен с одобрением в тех частях армии, с которыми он имеет теперь связь... Что касается короля, то, по его мнению, он воспримет это как *fait accompli* {Свершившийся факт (франц.).}. Оценка Квислинга относительно численности немецких войск, необходимых для проведения операции, совпала с оценкой немецких специалистов.

11 декабря адмирал Редер встретился с Квислингом. Встречу организовал Розенберг при помощи некоего Вильяма Хагелина, норвежского бизнесмена, который по роду своей деятельности большую часть времени проводил в Германии и выполнял роль главного связного у Квислинга. Хагелин и Квислинг наговорили Редеру кучу всякой всячины, и адмирал добросовестно занес все это в конфиденциальные военно-морские архивы.

"Квислинг сообщил... английский десант планируется поблизости от Ставангера, а Кристиансанн предполагается использовать как возможную английскую базу. Деятельность нынешнего норвежского правительства, как и парламента, да и вся внешняя политика находятся под контролем хорошо известного еврея Хамбро (Карл Хамбро, президент стортинга, большой друг Хор-Белиша)... Опасности, возникающие для Германии вследствие английской оккупации, были рассмотрены во всех деталях... "

Чтобы опередить англичан, Квислинг предлагал предоставить "в распоряжение германских вооруженных сил необходимые базы. По всему побережью на важных участках (железные дороги, коммуникации, почты) с этой целью уже подкуплены влиятельные люди". Он и Хагелин прибыли в Берлин, чтобы четко определить отношения с Германией в будущем... Желательно провести совещания для обсуждения совместных действий, перевода войск в Осло и т. д.

На Нюрнбергском процессе, давая показания, Редер утверждал, будто

все это произвело на него большое впечатление и он объяснил своим собеседникам, что посоветуется с фюрером и сообщит им о результатах. Он сделал это на следующий день на совещании, где присутствовали Кейтель и Йодль. Главнокомандующий военно-морскими силами (его доклад на этом совещании был обнаружен среди других захваченных документов) информировал Гитлера, что Квислинг произвел на него "благоприятное впечатление". Затем он изложил в общих чертах основные предложения норвежцев, отметив "прочные связи Квислинга с офицерами норвежской армии" и его готовность "взять на себя функции правительства посредством политического переворота и просить Германию о помощи". Все присутствовавшие согласились с тем, что английская оккупация Норвегии не может быть допущена, однако Редер вдруг начал осторожничать, указав, что немецкая оккупация, "несомненно, столкнулась бы с сильным английским противодействием... а немецкий флот еще не готов справиться с английским в течение более или менее длительного времени. В случае оккупации это будет слабым местом". В то же время Редер предложил, чтобы ОКВ было разрешено составить вместе с Квислингом планы подготовки и осуществления оккупации:

а) либо дружественным путем, то есть Норвегия обратится с просьбой ввести германские вооруженные силы;

б) либо посредством силы.

В данный момент Гитлер не был готов пойти так далеко. Он ответил, что сначала хочет лично переговорить с Квислингом, чтобы составить впечатление о нем.

Это произошло на следующий же день, то есть 14 декабря. Адмирал Редер лично сопровождал двух норвежских предателей в канцелярию фюрера. Хотя не обнаружено никаких записей о содержании этой встречи, но Квислинг, вероятно, произвел впечатление на немецкого диктатора {Он не произвел впечатления на немецкого посла в Осло доктора Курта Брейера, который в декабре дважды предупреждал Берлин, что Квислинга "не следует принимать всерьез", что "его влияние и перспективы крайне незначительны". За такую откровенность и нежелание говорить то, что хотелось услышать фюреру, посол очень скоро поплатился. — Прим. авт. }, как, впрочем, и на Редера, поскольку в тот же вечер Гитлер приказал ОКВ разработать проект плана, консультируясь при этом с Квислингом. Гальдер слышал, что в план войдет и "акция против Дании".

Несмотря на огромную занятость, связанную с неприятными известиями о линкоре "Граф Шпее", Гитлер встречался с Квислингом еще дважды — 16 и 18 декабря. Однако неудача военно-морского флота, по-

видимому, вынудила фюрера проявлять осторожность в отношении скандинавского предприятия, успех которого всецело зависел от военно-морского флота. Согласно утверждениям Розенберга, фюрер заявил своему визитеру, что "наиболее предпочтительным для Норвегии... был бы полный нейтралитет". Но если англичане собираются вступить на территорию Норвегии, то немцам придется их опередить. А пока что он предоставит Квислингу фонды для ведения пропаганды против англичан и укрепления его прогерманского движения. В январе была выделена первоначальная сумма 200 тысяч марок золотом и обещано в последующем выдавать по 10 тысяч фунтов стерлингов в течение трех месяцев начиная с 15 марта.

Незадолго до рождества Розенберг направил в Норвегию специального агента Ганса Вильгельма Шейдта работать вместе с Квислингом, а после рождественских праздников группа офицеров в ОКВ, посвященная в эту проблему, приступила к разработке плана, который первоначально получил название "Север". Среди руководства военно-морского флота мнения разделились. Редер был убежден, что Англия намерена оккупировать Норвегию в ближайшее время. Оперативный отдел штаба фронта не соглашался с такой точкой зрения, и в конфиденциальном военном дневнике 13 января 1940 года эти расхождения были зафиксированы:

"В частичном несогласии с точкой зрения главкома ВМС находится 1-й отдел военно-морского штаба, по мнению которого вероятность захвата в скором времени Норвегии Англией не подкрепляется никакими данными... Оккупация же Норвегии Германией, осуществленная в условиях отсутствия угрозы подобных действий со стороны Англии, представляла бы собой... опасное предприятие".

Штаб флота пришел к выводу, "что наиболее благоприятное решение вопроса заключалось бы, бесспорно, в сохранении статус-кво", и подчеркивал, что это "позволило бы Германии обеспечить надежное использование норвежских территориальных вод для своих стратегически важных морских перевозок при условии, что со стороны Англии не стали бы предприниматься серьезные попытки поставить под угрозу эти морские коммуникации".

Гитлер был недоволен как колебаниями руководства военно-морского флота, так и результатами "Севера", которые ОКВ представило ему в середине января. 27 января он приказал Кейтелю издать совершенно секретную директиву, подтверждающую, что дальнейшая работа над планом "Север" будет продолжена под непосредственным контролем фюрера, а на Кейтеля возлагается ответственность за все практические

приготовления. В ОКВ была образована небольшая рабочая группа — по одному представителю от каждого из трех видов вооруженных сил — для отработки плана операции, которая теперь получила кодовое название "Везерюбунг".

Как представляется, это означало конец колебаниям фюрера относительно оккупации Норвегии, но если у него и оставались какие-либо сомнения, то инцидент 17 февраля в норвежских территориальных водах развеял их окончательно.

Вспомогательное судно "Альтмарк" из группы боевых кораблей сумело проскочить через английскую блокаду, но 14 февраля, когда оно следовало на юг в сторону Германии в норвежских территориальных водах, английский разведывательный самолет вновь его обнаружил. Английскому правительству было известно, что на борту "Альтмарка" находятся триста британских моряков с потопленного линкора "Граф Шпее" английского судна. Их везли в Германию в качестве военнопленных. Офицеры норвежского военно-морского флота, произведя поверхностный осмотр "Альтмарка" и не обнаружив на нем ни пленных, ни оружия, разрешили ему проследовать курсом на Германию. Черчилль, которому была доподлинно известна обстановка на "Альтмарке", отдал приказ английской флотилии эсминцев войти в норвежские территориальные воды, взять на бордаж "Альтмарк" и освободить пленных английских моряков.

Английский эсминец "Коссак" под командованием капитана Филипа Вайэна выполнил задачу в ночь на 17 февраля в Йесинг-фьорде, где искал укрытия "Альтмарк". После короткой схватки, в ходе которой четыре немца были убиты, а пятеро ранены, английская абордажная группа освободила 299 моряков, запертых в складских помещениях и в пустом топливном отсеке, чтобы их не обнаружили норвежцы.

Норвежское правительство заявило резкий протест Англии в связи с нарушением ею норвежских территориальных вод, но Чемберлен в палате общин возразил, что Норвегия сама нарушила международный закон, разрешив использовать свои территориальные воды для перевозки английских военнопленных в германскую тюрьму.

Для Гитлера инцидент стал последней каплей. Он убедил его, что норвежцы в их собственных территориальных водах не окажут серьезного сопротивления британской демонстрации силы. Его также привело в ярость, как отмечает в дневнике Йодль, что члены экипажа "Графа Шпее", находившиеся на борту "Альтмарка", даже не подрались по-настоящему: "... Никакого сопротивления, никаких потерь у англичан". 19 февраля Йодль пишет: "Фюрер очень торопит с подготовкой операции

"Везерюбунг". "Оснастить корабли. Подготовить соединения", — приказал он Йодлю. Но еще не был назначен офицер, который возглавил бы предприятие, и Йодль напомнил Гитлеру, что пора назначить генерала и его штаб для проведения операции.

Кейтель предложил кандидатуру генерала Николауса фон Фалькенхорста, воевавшего в дивизии генерала фон дер Гольца в Финляндии в конце первой мировой войны, а в настоящее время командовавшего армейским корпусом на Западе, и Гитлер тут же послал за ним. Хотя генерал происходил из старой силезской семьи военных по фамилии Ястржембски, которую он сменил на Фалькенхорст (по-немецки "соколиное гнездо"), он не был известен фюреру.

Впоследствии на Нюрнбергском процессе Фалькенхорст описал свою первую встречу в имперской канцелярии, состоявшуюся утром 21 февраля и прошедшую не без забавных нюансов. Никогда не слышавший о плане операции "Север" генерал, встретившись лицом к лицу с нацистским главарем, очевидно, не испытал того страха, который внушал он всем другим генералам.

"Меня пригласили сесть, — вспоминал генерал на суде в Нюрнберге. — Затем я должен был рассказать фюреру про боевые действия в Финляндии в 1918 году... Он сказал: "Садитесь и просто расскажите мне, как все это было", что я и сделал.

Потом он встал и подвел меня к столу, на котором лежали развернутые карты. Он сказал: "Правительство рейха располагает данными, что англичане намерены высадить десант в Норвегии..." Фалькенхорст отметил: у него сложилось впечатление, что именно инцидент с "Альтмарком" повлиял на принятие Гитлером решения "теперь же осуществить план". И тогда генерал, к своему удивлению, узнал, что назначен командующим по реализации этого плана. Гитлер добавил, что армия выделяет в его распоряжение пять дивизий. Идея заключалась в захвате основных портов Норвегии.

В полдень фюрер отпустил Фалькенхорста, предупредив, что в пять часов вечера он будет слушать его доклад по проведению оккупации Норвегии.

"Я вышел на улицу и купил путеводитель Бедекера для путешествий, — объяснял генерал на суде в Нюрнберге, — для того, чтобы просто уяснить для себя, что такое Норвегия. Я не имел ни малейшего представления об этой стране... Затем я направился в свой номер в отеле и принялся изучать страну по Бедекеру. В пять часов вечера я опять направился к фюреру".

Планы генерала, подготовленные на основе справочника для туристов, — планы, разработанные в ОКВ, ему так и не показали — были, по нашим представлениям, весьма схематичны, но они, по-видимому, устраивали Гитлера. На каждую из пяти важнейших норвежских гаваней — Осло, Ставангер, Берген, Тронхейм и Нарвик выделялось по одной дивизии. "Не оставалось ничего другого, что можно было бы еще сделать, — говорил впоследствии Фалькенхорст, — потому что это были крупнейшие гавани". Генерал дал клятву хранить тайну, и его отпустили с напутствием "Спешите", после чего он приступил к работе.

Браухич и Гальдер, поглощенные проблемами подготовки наступления на Западе, обо всех этих делах почти ничего не знали, пока Фалькенхорст не явился 26 февраля в генеральный штаб сухопутных войск с требованием предоставить в его распоряжение некоторое количество войск, особенно горно-егерские части, для выполнения порученной ему операции. Гальдер не проявил особого желания сотрудничать с ним; он был, несомненно, возмущен и требовал более полной информации о планируемой операции и ее обеспечении. "По этому вопросу между фюрером и главкомом не было сказано ни слова, — возмущается Гальдер в своем дневнике. — Это следует отметить для военной истории".

Однако, сколь презрительно ни относился Гитлер к генералам старой школы, особенно к начальнику генерального штаба сухопутных войск, не считаться с ним он не мог. 29 марта фюрер с энтузиазмом одобрил представленный Фалькенхорстом план, включив сюда требование командующего операцией выделить ему две горные дивизии, и, более того, заявил, что потребуются дополнительные силы, поскольку ему не хотелось иметь "сильную группировку у Копенгагена". Дания, бесспорно, была включена в перечень жертв Гитлера; военно-воздушные силы Геринга давно присматривались к имевшимся там авиационным базам для использования их против Англии.

На следующий день, 1 марта, Гитлер издал официальную директиву по операции "Везерюбунг".

Совершенно секретно

Директива на операцию "Везерюбунг"

1. Развитие обстановки в Скандинавии требует осуществить все подготовительные меры, чтобы... оккупировать Данию и Норвегию ("Операция "Везерюбунг"). Тем самым должны быть упреждены английские попытки вторжения в Скандинавию и район Балтийского моря, обеспечена безопасность наших источников получения руды в Швеции, а для военно-морских и военно-воздушных сил — расширены исходные

позиции для действий против Англии.

... Учитывая наше военно-политическое превосходство над Скандинавскими странами, необходимо выделить для выполнения операции "Везерюбунг" по возможности небольшие силы. Их немногочисленность должна быть компенсирована отважными действиями и ошеломляющей внезапностью в проведении операции.

В принципе следует стремиться к тому, чтобы придать операции характер мирного захвата, имеющего целью вооруженную защиту нейтралитета Скандинавских стран. Одновременно с началом операции правительствам этих стран будут предъявлены соответствующие требования. В случае необходимости для оказания нужного давления будут проведены демонстративные действия флота и авиации.

Если же, несмотря на это, будет оказано сопротивление, оно должно быть сломлено с помощью всех имеющихся военных средств...

3. Переход датской границы и высадка десантов в Норвегии должны быть осуществлены одновременно...

Исключительно важно, чтобы наши меры застали врасплох как Скандинавские страны, так и западных противников. Войска должны быть ознакомлены с настоящими задачами операции лишь после выхода в море.

В тот самый вечер 1 марта в штабе армейского верховного командования, судя по записям в дневнике Йодля, разыгралась буря, вызванная требованиями Гитлера выделить войска для операции на Севере. На следующий день Геринг, разозлившись на Кейтеля, пошел к фюреру с жалобой. Тучный фельдмаршал пришел в ярость от того, что от него так долго держали в тайне подготавливаемую операцию, а теперь силы люфтваффе подчинили Фалькенхорсту. Опасаясь возникновения серьезного межведомственного спора, Гитлер 5 марта собрал в своей канцелярии командующих тремя видами вооруженных сил, чтобы разрядить обстановку, но это оказалось не так-то легко.

"Фельдмаршал (Геринг) крайне раздражен тем, — записал Йодль в своем дневнике, — что с ним заранее не посоветовались. Он главенствует в споре и пытается доказать, что все предыдущие приготовления никуда не годятся".

Фюрер успокоил его некоторыми небольшими уступками, и разработка планов продолжалась в ускоренном темпе. Еще 21 февраля, судя по дневниковым записям, у Гальдера сложилось мнение, что нападение на Данию и Норвегию не произойдет, пока не начнется наступление на Западе и пока это наступление не "даст определенные результаты". Сам Гитлер колебался, какую из операций начать в первую очередь, и 22 февраля

поднял этот вопрос в разговоре с Йодлем. Йодль порекомендовал не связывать одну операцию с другой, и Гитлер с ним согласился, заметив: "Если это окажется возможно".

Но 3 марта он решил, что операция "Везерюбунг" должна предшествовать операции "Гельб" (кодовое название наступления на Западе через Голландию и Бельгию), и в присутствии Йодля в очень резкой форме высказался за "необходимость быстрых и решительных акций в Норвегии". К этому времени мужественная финская армия оказалась перед катастрофой под давлением массированного наступления численно и технически превосходящих сил русских, а сообщения из надежных источников подтверждали опасения, что англо-французский экспедиционный корпус готовится отправиться со своих баз в Шотландии в Норвегию и, пройдя через эту страну и Швецию, добраться до Финляндии, чтобы попытаться спасти финнов {7 марта генерал Айронсайд, начальник английского генерального штаба, информировал маршала Маннергейма о том, что союзные экспедиционные силы в составе 57 тысяч человек готовы прийти на помощь финнам и что первая дивизия в составе 15 тысяч может прибыть в Финляндию в конце марта, если Норвегия и Швеция разрешат транзит. За пять дней до этого, 2 марта, как было известно Маннергейму, Норвегия и Швеция отклонили просьбу Англии и Франции о транзите. Это не помешало премьеру Даладье 8 марта пожуричь финнов за то, что те официально не просили помощи союзными войсками, и намекнуть, что союзные войска могут быть посланы вопреки норвежским и шведским протестам. Однако Маннергейма провести не удалось и, посоветовав своему правительству добиваться мира, пока финская армия еще не разгромлена, он одобрил немедленную отправку мирной делегации в Москву 8 марта. Финский главнокомандующий, очевидно, был настроен скептически относительно рвения французов сражаться на финском фронте более рьяно, чем на собственном (см. мемуары маршала Маннергейма).

Можно только догадываться о той полной неразберихе, которая сложилась бы среди воюющих держав, если бы англо-французский экспедиционный корпус прибыл-таки в Финляндию и стал сражаться против русских. Через год с небольшим, когда Германия начала воевать с Россией, противники на Западе были бы союзниками на Востоке. — Прим. авт. }. Эта угроза являлась главной причиной поспешности, проявленной Гитлером.

Однако 12 марта русско-финская война внезапно закончилась — Финляндия приняла жесткие условия русских. И если в Берлине приветствовали заключение мира, поскольку это освобождало Германию от

необходимости защищать агрессивные действия русских против финнов, а также положило конец, пусть временно, советским устремлениям захватить Прибалтику, тем не менее это обстоятельство смущало Гитлера в связи с его собственной затеей в Скандинавии. Как отмечает в своем дневнике Йодль, это существенно затруднило мотивировку оккупации Норвегии и Дании. "Заключение мира между Финляндией и Россией, — писал он в дневнике 12 марта, — лишило Англию, а также нас всяких политических оснований для высадки в Норвегии".

Теперь Гитлеру трудно было подыскать предлог для оккупации Норвегии. 13 марта Йодль добросовестно записывает, что фюрер "занимается поисками обоснования". На следующий день: "Фюрер еще не решил, как обосновать "Везерюбунг". Положение еще больше осложнилось в связи с тем, что адмирал Редер начинал терять интерес к этой операции. Он "сомневался, не утратила ли значение игра в превентивную войну (?) в Норвегии".

На некоторое время Гитлер заколебался. Между тем возникли две другие проблемы: 1) как вести переговоры с Самнером Уэллесом, заместителем государственного секретаря США, который прибыл в Берлин 1 марта по поручению президента Рузвельта, чтобы на месте выяснить, есть ли шансы положить конец войне, прежде чем начнется бойня на Западе; 2) как успокоить своего брошенного, униженного итальянского союзника. Гитлер все еще не удосужился ответить на вызывающее письмо Муссолини от 3 января, и отношения между Берлином и Римом заметно охладели. А теперь Уэллес появился в Европе, как считали не без некоторых оснований немцы, чтобы попытаться оторвать Италию от скрипучей оси и убедить ее в любом случае не вступать в войну на стороне Германии, если конфликт будет продолжаться. До Берлина доходили из Рима предупреждения: настало время что-то сделать, чтобы удержать рассердившегося дуче в упряжке.

Гитлер встречается с Уэллесом и Муссолини

Неосведомленность Гитлера, как, впрочем, и Геринга и Риббентропа, относительно намерений Соединенных Штатов Америки можно было охарактеризовать как полное невежество {Примеры странных взглядов Гитлера на Америку уже приводились в предыдущих главах, однако в захваченных архивах министерства иностранных дел имеется поразительный документ, свидетельствующий о представлениях фюрера о Соединенных Штатах как о государстве. 12 марта Гитлер имел продолжительную беседу с немецким экспертом Колином Россом, недавно вернувшимся из США, где он читал лекции, внося свою лепту в

нацистскую пропаганду. Когда Росс заметил, что в Соединенных Штатах превалирует "империалистическая тенденция", Гитлер, согласно стенографическим записям доктора Шмидта, спросил, "не усилит ли эта империалистическая тенденция желания присоединить к Соединенным Штатам Канаду, что усугубит антианглийские настроения".

Следует признать, что советники Гитлера по США не способствовали получению более объективного представления об этой стране. Во время вышеупомянутой беседы Росс, пытаясь ответить на вопросы Гитлера о том, почему Америка настроена против Германии, в числе других доводов привел следующий: "... Дополнительным фактором ненависти против Германии... является чудовищная мощь еврейства, которое с поистине фантастической изобретательностью и мастерством ведет борьбу против всего немецкого и национал-социалистского... Затем Колин Росс рассказал о Рузвельте, который, по его убеждению, является врагом фюрера по причинам личной жажды власти. Он пришел к власти в тот же год, что и фюрер, и ему приходится наблюдать, как фюрер осуществляет свои грандиозные планы, в то время как он, Рузвельт, своих целей не достиг. Он тоже привержен идеям диктатуры, в некотором отношении почти аналогичным национал-социалистским. И именно осознание, что фюрер добился своей цели, в то время как он, Рузвельт, ее не добился, породило у последнего патологическое желание выступить на мировой арене в качестве соперника Гитлера. После того как Колин Росс ушел, фюрер заметил, что он — очень интеллигентный человек, у которого, бесспорно, много хороших идей. — Прим, авт. }. И хотя их политика сводилась к тому, чтобы стараться удержать Америку от вступления в войну, они, как и их предшественники в Берлине в 1914 году, не воспринимали всерьез военный потенциал янки. Еще 1 октября 1939 года немецкий военный атташе в Вашингтоне генерал Фридрих фон Беттихер рекомендовал ОКБ не беспокоиться по поводу появления американских экспедиционных сил в Европе. Далее, 1 декабря он сообщал своим начальникам в Берлине, что американское вооружение неадекватно "агрессивной военной политике", и добавлял, что генеральный штаб в Вашингтоне "в отличие от госдепартамента, проводящего бесплодную политику ненависти, и Рузвельта с его импульсивной политикой, часто основанной на переоценке американской военной мощи, по-прежнему относится с пониманием к Германии и ведению ею войны". В своем первом донесении Беттихер отмечал, что "Линдберг и знаменитый воздухоплаватель Рикенбакер" выступают за то, чтобы Америка воздержалась от вступления в войну. Несмотря на его невысокое мнение об американской военной мощи, к 1

декабря он пришел к выводу: "Соединенные Штаты все же вступят в войну, если придут к убеждению, что нависает угроза Западной полушарии", — и предупреждал об этом ОКБ.

Ганс Томсен, немецкий поверенный в делах в Вашингтоне, прилагал усилия, чтобы довести до своего невежественного министра иностранных дел некоторые сведения о США, очень важные для Германии. 18 сентября, когда польская кампания приближалась к завершению, он предупреждал Вильгельмштрассе: "... Симпатии подавляющего большинства американского народа на стороне наших врагов... Америка убеждена в виновности Германии в этой войне". В том же самом донесении он указывал на страшные последствия любой попытки Германии осуществить диверсии в Америке и настаивал, чтобы никакие подобные акции не предпринимались. Эта его просьба, по-видимому, не была воспринята в Берлине со всей серьезностью, ибо 25 января 1940 года Томсен вновь писал в Берлин:

"Насколько мне стало известно, американец немецкого происхождения, некто фон Хаусбергер, и немецкий гражданин Вальтер, оба из Нью-Йорка, по указанию немецкого абвера якобы собираются предпринять диверсии против объектов американской военной промышленности. Фон Хаусбергер, по слухам, располагает детонаторами, спрятанными в его доме".

Томсен просил Берлин воздержаться от подобного рода акций:

"Нет более надежного способа подтолкнуть Америку к вступлению в войну, чем прибегая к действиям, которые однажды, перед мировой войной, уже привели Америку в стан наших противников и, между прочим, ни в коей мере не помешали развертыванию военной промышленности Соединенных Штатов".

Кроме того, как добавлял он, "обе эти личности ни в каком отношении не годятся для действий в качестве агентов абвера".

С ноября 1938 года, когда Рузвельт отозвал американского посла в Берлине в знак протеста против устроенных нацистами еврейских погромов, дипломатическая служба в обеих странах не была представлена послами. Торговля едва сочилась тонкой струйкой, главным образом, вследствие американского бойкота, а теперь и вовсе прекратилась под воздействием английской блокады. 4 ноября 1939 года после голосования в сенате и палате представителей было снято эмбарго на вывоз оружия — тем самым был открыт путь для доставки американского оружия западным союзникам. Именно на фоне быстро ухудшающихся отношений Самнер Уэллес прибыл 1 марта 1940 года в Берлин.

За день до его приезда, то есть 29 февраля, Гитлер предпринял необычный шаг, издав секретную "Директиву по ведению переговоров с мистером Самнером Уэллесом". Директива требовала проявления на переговорах сдержанности с немецкой стороны и рекомендовала, "насколько это удастся, дать возможность говорить Уэллесу". Затем перечислялись пять пунктов — ими должны были руководствоваться все высшие чиновники, которым предстояло принимать специального американского посланника. Основной довод немцев сводился к следующему: не Германия объявила войну Англии и Франции, а наоборот; фюрер предлагал в октябре заключить мир, но его предложение отвергли; Германия приняла вызов; военные цели Англии и Франции сводились к "уничтожению германского государства", поэтому у Германии нет иной альтернативы, кроме продолжения войны.

"От обсуждения конкретных политических вопросов, — указывалось далее в директиве Гитлера, — таких, как вопрос о будущем польского государства, следует уклоняться, насколько это возможно. В случае если (Уэллес) поднимет такого рода вопросы, в ответ следует сказать, что такие вопросы решаются мной. Само собой разумеется, полностью исключается обсуждение таких вопросов, как Австрия и протекторат Богемии и Моравии... Следует избегать заявлений, которые могут быть интерпретированы... как означающие, что в настоящее время Германия в какой-либо мере заинтересована в обсуждении возможностей достижения мира. Напротив, у мистера Уэллеса не должно быть ни малейших оснований сомневаться в том, что Германия решительно настроена победоносно завершить эту войну..."

Не только Риббентроп и Геринг, но и сам фюрер следовали букве этой директивы, когда они, каждый в отдельности, встречались с Уэллесом соответственно 1, 3 и 2 марта. Судя по обстоятельным записям бесед, которые делал доктор Шмидт (эти записи были обнаружены среди захваченных документов), у американского дипломата, человека неразговорчивого и циничного, должно было сложиться впечатление, будто он, если верить собственным ушам, оказался в психиатрической лечебнице. Каждый из большой тройки нацистских заправил излагал Уэллесу свою фальсифицированную версию, в которой факты были фантастически искажены и даже простейшие слова теряли свое значение {В присутствии Уэллеса Геринг восклицал, что он, фельдмаршал, мог бы заявить перед богом и всем миром: "Германия не хотела этой войны. Она была навязана ей. Но что ей оставалось делать, когда другие хотели ее уничтожить?" — Прим. авт. }. Подписав 1 марта директиву о подготовке операции

"Везерюбунг", Гитлер на следующий день, принимая Уэллеса, утверждал, что целью западных союзников в войне является уничтожение, а целью Германии — мир. Своему собеседнику он прочитал целую лекцию о том, какие усилия он прилагал, чтобы поддерживать мир с Англией и Францией.

"Незадолго до начала войны английский посол сидел на том же самом месте, где сидел сейчас Уэллес, и фюрер сделал ему величайшее за всю свою жизнь предложение".

Все его предложения англичанами были отвергнуты, и теперь Англия прилагала усилия, чтобы уничтожить Германию. Поэтому Гитлер считал, "что конфликт придется довести до конца... что не может быть иного решения, чем борьба не на жизнь, а на смерть".

Неудивительно, что Уэллес доверительно сказал Вайцзекеру и повторил Герингу: если Германия решительно настроена добиваться военной победы на Западе, то его поездка в Европу "оказалась бесцельной... и больше сказать ему нечего".

Хотя Уэллес на переговорах с немцами подчеркивал, что услышанное им из уст европейских государственных деятелей в ходе поездки предназначено только для ушей президента, тем не менее он посчитал разумным проявить некоторую неосторожность и рассказать и Гитлеру, и Герингу, что у него был "долгий, конструктивный и полезный" разговор с Муссолини и что, по мнению дуче, "все еще имеется возможность установить в Европе прочный и длительный мир". Если таковы были мысли итальянского диктатора, то немцы решили, что самое время поправить своего союзника. Мир — да, но только после оглушительной немецкой победы на Западе.

Отсутствие ответа от Гитлера на письмо Муссолини от 3 января вызывало у дуче все большее недовольство. В течение целого месяца посол Аттолико выяснял у Риббентропа, когда можно ожидать ответа, и намекал при этом, что отношения Италии с Францией и Англией, как и торговля с ними, улучшаются.

Эта торговля, включавшая продажу итальянских военных материалов, раздражала немцев, которые без конца заявляли в Риме протесты, утверждая, что она чрезмерно помогает западным союзникам. Посол фон Макензен по-прежнему докладывал своему другу Вайцзекеру о "серьезной обеспокоенности" по поводу отношений с Италией. Вайцзекер и сам опасался, что если ответ на письмо Муссолини задержится, то это предоставит дуче свободу действий и он и Италия могут быть потеряны для Германии навсегда.

И тут Гитлеру представился благоприятный случай. 1 марта англичане

объявили, что заблокировали поставку немецкого угля морем через Роттердам в Италию. Это был тяжелый удар по итальянской экономике. Он вызвал у дуче яростное возмущение против англичан и в то же время дал толчок для потепления отношений с немцами, которые тут же пообещали изыскать средства доставки угля по железным дорогам. Воспользовавшись этими благоприятными для Германии обстоятельствами, Гитлер 8 марта подготовил ответное письмо Муссолини, которое Риббентроп через два дня лично доставил в Рим.

Фюрер не извинялся за задержку с ответом на письмо дуче, но в весьма корректном тоне детально излагал свои замыслы почти по каждому вопросу, проявив такое многословие, каким не отличался ни в одном предыдущем письме, адресованном итальянскому партнеру. Он оправдывал нацистский альянс с Россией, оставление финнов на произвол судьбы, полное уничтожение польского государства.

"Если бы я вывел германские войска из генерал-губернаторства, это не принесло бы умиротворения Польше, а вызвало бы страшный хаос. И церковь оказалась бы не в состоянии осуществлять свою функцию восхваления всевышнего, а священникам отрубили бы головы..."

Что касается визита Самнера Уэллеса, продолжал Гитлер, то американец ничего не добился. Фюрер по-прежнему полон решимости предпринять наступление на Западе. Он понимает, "что предстоящий поход не из легких, что это будет ожесточеннейшее в истории Германии сражение... сражение не на жизнь, а на смерть".

И тут, как опытный игрок, делающий хорошую подачу, Гитлер предлагает Муссолини вступить в войну:

"... Дуче, не может быть никаких сомнений в том, что исход войны решит также и будущее Италии... Наступит день, и Вы столкнетесь с теми самыми противниками, которые сегодня сражаются против Германии... Я также понимаю, что судьбы наших двух стран, наших народов, наших революций и наших режимов неразрывно связаны..."

И наконец, позвольте заверить Вас, что, несмотря на все, я верю, рано или поздно судьба заставит нас сражаться бок о бок, то есть и Вам не избежать этого вооруженного столкновения независимо от того, как отдельные аспекты нынешней ситуации развиваются сегодня, и тогда Ваше место, как никогда раньше, будет рядом с нами, точно так же, как мое место — рядом с Вами".

Муссолини был польщен содержанием письма и тотчас заверил Риббентропа в своем глубоком убеждении, что его место "на огневом рубеже" на стороне Гитлера. Нацистский министр иностранных дел со

своей стороны, не теряя времени, старался умаслить гостеприимного хозяина. Фюрер, сказал он, "глубоко возмущен последними шагами англичан, пытавшихся блокировать доставку в Италию немецкого угля морем". Сколько угля требуется итальянцам? От 500 до 700 тысяч тонн в месяц, отвечал Муссолини. Германия готова, бойко заверил Риббентроп, поставлять миллион тонн ежемесячно и обеспечить железнодорожный транспорт для его доставки.

11 и 12 марта состоялись две продолжительные встречи этих деятелей при участии Чиано, и стенографические записи доктора Шмидта свидетельствуют, что Риббентроп на них в полной мере проявил свою претенциозность. Хотя имелись и более важные вопросы, нуждавшиеся в согласовании, немецкий министр иностранных дел вытащил на свет перехваченные польские дипломатические депеши из западных столиц, чтобы показать "чудовищную вину Соединенных Штатов в этой войне".

"Министр иностранных дел пояснил, что эти документы показывают особо зловещую роль американских послов Буллита (Париж), Кеннеди (Лондон) и Дрекслея Биддла (Варшава)... Они дают лишь в общих чертах представление о тех махинациях еврейско-плутократических клик, под влиянием которых при поддержке Morgana и Рокфеллера оказались все, включая самого Рузвельта".

В течение нескольких часов надменный нацистский министр иностранных дел самовлюбленно витийствовал, выдавая при этом привычное для него незнание обстановки в мире, подчеркивая общность судеб двух фашистских государств, делая акцент на том, что Гитлер вскоре предпримет наступление на Западе, в течение лета разобьет французскую армию и выгонит англичан с континента еще "до окончания года". Муссолини в основном слушал, лишь изредка делая замечания, сарказм которых, очевидно, не доходил до нацистского министра. Когда, например, Риббентроп высокопарно заявил, что "Сталин отвергает идею мировой революции", дуче, как свидетельствует запись Шмидта, возразил: "И вы этому действительно поверили? " Когда Риббентроп сказал, что "нет ни одного немецкого солдата, который бы не верил, что победа будет достигнута в этом году", Муссолини заметил: "Это исключительно интересно". В тот вечер Чиано записал в своем дневнике:

"После беседы, когда мы остались вдвоем, Муссолини сказал, что не верит ни в немецкое наступление, ни в полный успех немцев".

Итальянский диктатор обещал изложить свою точку зрения на совещании, намеченном на следующий день. Риббентроп почувствовал некоторую обеспокоенность по поводу того, какой она, эта точка зрения,

может оказаться, и телеграфировал фюреру, что ему не удалось хотя бы прояснить замыслы дуче.

Но оснований для беспокойства не было. Муссолини на следующий день предстал совсем другим человеком. Совершенно неожиданно, как замечает Шмидт, он "стал выступать в поддержку войны". Вопрос заключается не в том, говорил он Риббентропу, вступит ли Италия в войну на стороне Германии, а когда. Вопрос времени "крайне деликатен", ибо ему не следует вмешиваться, пока не будут завершены все приготовления у партнера, чтобы не обременять его дополнительными заботами.

"Во всяком случае он должен заявить на этот раз со всей ясностью, что Италия в финансовом отношении не в состоянии выдержать длительную войну. Он не может позволить себе расходовать по миллиарду лир ежедневно, как это делают Англия и Франция".

Это заявление на некоторое время привело, очевидно, в замешательство немецкого министра, и он попытался было вынудить дуче назвать конкретную дату вступления Италии в войну, но тот, проявляя осмотрительность, старался не связывать себя обязательствами. "Наступит момент, когда четко определятся отношения Италии с Францией и Англией, то есть произойдет разрыв отношений с этими странами", — сказал Муссолини и добавил, что спровоцировать такой разрыв не составит особого труда. Сколько ни упорствовал Риббентроп, он так и не добился, чтобы Муссолини назвал конкретную дату. Очевидно, Гитлеру самому придется вмешаться в это дело. Затем нацистский министр иностранных дел предложил провести очередную встречу между двумя вождями в Бреннере во второй половине марта, после 19-го, с чем Муссолини охотно согласился. Риббентроп, между прочим, даже словом не обмолвился о планах Гитлера оккупировать Данию и Норвегию. Существуют такие секреты, о которых не извещают своего союзника, даже если оказывают на него давление, чтобы перетянуть его на свою сторону.

Хотя ему и не удалось выяснить у Муссолини конкретную дату вступления в войну, все же немецкий министр вырвал у дуче обязательство вступить в нее. "Если он хотел усилить союз держав оси, — писал Чиано в дневнике, — то он этого добился". По возвращении Самнера Уэллеса в Рим после посещения Берлина, Парижа и Лондона он вновь встретился с Муссолини 16 марта и обнаружил в нем разительную перемену.

"Казалось, он сбросил с себя какой-то огромный груз, — писал позднее Уэллес. — ... Я часто размышлял, не решился ли он за две недели, прошедшие со времени моего первого визита в Рим, перейти Рубикон, а во время визита Риббентропа втянуть Италию в войну".

Уэллесу не было надобности удивляться этому. Как только Риббентроп в своем специальном поезде покинул Рим, колеблющийся итальянский диктатор стал сомневаться, правильно ли он вел себя с немецким министром иностранных дел. "Он опасается, — записал Чиано в своем дневнике 12 марта, — что зашел слишком далеко, дав обязательство вступить в войну против западных союзников. Теперь он хотел бы убедить Гитлера не предпринимать наступления на суше и надеется — добиться этого во время встречи на Бреннерском перевале". Однако Чиано, каким бы ограниченным он ни был, предвидел, чем все кончится. "Нельзя отрицать того, — писал он в дневнике, — что дуче восхищен Гитлером, причем восхищение это связано с какими-то глубоко укоренившимися в его мозгу понятиями. Фюрер добьется от дуче значительно больше, чем Риббентроп". Это было правдой, но с некоторыми оговорками, в чем мы вскоре убедимся.

Едва Риббентроп вернулся в Берлин, как тут же (13 марта) позвонил Чиано, передав просьбу провести встречу в Бреннере раньше, чем было договорено, а именно 18 марта. "Немцы просто невыносимы, — взорвался Муссолини. — Они не дают времени ни вздохнуть, ни обдумать вопрос". Тем не менее он согласился с новой датой.

"Дуче нервничает, — отмечает Чиано в дневнике. — До настоящего времени он питал иллюзии, что реальную войну вести не придется. Перспектива предстоящего столкновения, в котором он может остаться в стороне, беспокоила его и, выражаясь его словами, унижала". Падал снег, когда утром 18 марта 1940 года поезда двух диктаторов приближались к небольшой приграничной станции у Бреннерского перевала. Эта встреча, как некая уступка Муссолини, состоялась в его личном вагоне, но говорил почти все время только Гитлер. Вечером Чиано в своем дневнике подвел итоги этого совещания:

"Совещание скорее напоминает монолог... Все время говорит Гитлер... Муссолини слушает его с интересом и вниманием. Он говорит мало и подтверждает свое намерение идти вместе с Германией. Он оставляет за собой лишь выбор времени вступления в войну". Далее Муссолини сказал, когда ему наконец представилась возможность вставить хотя бы слово, что "невозможно оставаться нейтральным до окончания войны". Сотрудничество с Англией и Францией немыслимо. Мы их ненавидим. Поэтому вступление Италии в войну неизбежно". Гитлер потратил более часа на то, чтобы убедить дуче в этом, если, конечно, Италия не хочет остаться в стороне и, как он добавил, превратиться во "второстепенную державу". Но, ответив на главный вопрос, к удовлетворению фюрера, дуче начал выдвигать условия, позволявшие ему

не связывать себя конкретными обязательствами.

... Большой проблемой являются сроки вступления... Для этого необходимо выполнить одно условие. Италии предстоит "очень хорошо подготовиться"... Финансовое положение не позволяет ей вести затяжную войну... Он спросил у фюрера, угрожает ли Германии какая-либо опасность, если наступление будет отсрочено. Он не думает, что такая опасность существует... Иначе он завершил бы свои военные приготовления в три-четыре месяца и не оказался в затруднительном положении, видя, как его товарищ сражается, а он обречен только демонстрировать силу... Ему хотелось бы предпринять нечто большее, но в настоящее время он не в состоянии это сделать.

Нацистский главарь не намеревался откладывать наступление на Западе — он так прямо и сказал об этом. Но у него имелось "несколько теоретических соображений", которые помогли бы Муссолини разрешить его трудности, предприняв фронтальное наступление в гористой Южной Франции, поскольку этот конфликт, по его мнению, "будет стоить много крови". Фюрер предложил: а почему бы не выделить сильную итальянскую группировку, которая вместе с немецкими войсками будет наступать вдоль швейцарской границы в сторону долины реки Рона "для того, чтобы обойти французо-итальянский альпийский фронт"? Перед этим, разумеется, основные немецкие армии начнут теснить назад французские и английские силы на севере. Гитлер явно пытался облегчить положение итальянцев.

"Когда враг будет разгромлен (в Северной Франции), наступит момент для активного вмешательства Италии, и не на самом тяжелом участке альпийского фронта, а где-то в другом месте... — продолжал фюрер. — Исход войны будет решен во Франции. Покончив с Францией, Италия становится хозяйкой Средиземноморья, и Англии придется пойти на заключение мира".

Следует отметить, что Муссолини сразу же уловил забрезжившую перспективу получить так много после того, как немцы возьмут на себя основную тяжесть войны.

"Дуче ответил, что, как только Германия осуществит победоносное наступление, он немедленно вмешается... Он не станет терять времени... когда союзники окажутся настолько ошеломлены в ходе немецкого наступления, что потребуются только второй удар, чтобы поставить их на колени".

Но с другой стороны, если прогресс Германии будет медленным, то дуче со вступлением в войну повременит.

Эта грубая, трусливая сделка, очевидно, не вызвала особого

беспокойства у Гитлера. Если личная привязанность Муссолини к фюреру, как говорит Чиано, была связана с "какими-то глубоко укоренившимися в его мозгу понятиями", то можно утверждать, что тяготение друг к другу было взаимным по тем же самым необъяснимым причинам. Вероломный, каким он показал себя по отношению к некоторым из самых близких друзей, Гитлер вместе с тем сохранял странную лояльность по отношению к своему ничтожному партнеру, которая не ослабевала, а усиливалась, когда превратности судьбы настигли чванливого и спесивого "римского цезаря", а затем наступила катастрофа. Это один из парадоксов нашего повествования.

Во всяком случае, очень немногие из немцев, особенно среди генералов, считали: очень важно, что наконец-то Италия торжественно обязалась вступить в войну. Нацистский главарь опять сумел направить помыслы дуче в сторону новых, предстоявших в скором времени завоеваний. Но о самом ближайшем завоевании, намечавшемся на Севере, Гитлер ни словом не обмолвился своему другу и союзнику.

Планы заговорщиков снова срываются

Еще раз участники антинацистского заговора попытались уговорить генералов сместить фюрера — на этот раз до того, как он предпримет новую агрессию на Севере, о которой они прознали. Гражданские заговорщики вновь хотели получить от английского правительства заверение в том, что оно заключит мир с антинацистским режимом и что при любом соглашении с новым правительством рейха за Германией сохранятся территории, приобретенные во время пребывания Гитлера у власти: Австрия, Судеты и польские земли в границах 1914 года, хотя последнее условие в прошлом было достигнуто путем истребления польского народа.

Именно с таким предложением Хассель, проявив большое личное мужество, отправился в Арозу, Швейцария, 21 февраля 1940 года на встречу с английским тайным посредником, которого он называет в своем дневнике мистером Икс и которым определенно был Лонсдейл Брайенс. 22 и 23 февраля они провели четыре совещания в обстановке строжайшей секретности. Брайенс был известен в дипломатических кругах Рима и слыл одним из тех самозванных и несколько наивных людей, которые пытались добиться мира путем переговоров. У него имелись связи с людьми на Даунинг-стрит, и на Хасселя, встретившегося с ним, он произвел сильное впечатление. После того как майор Стивенс и капитан Бест потерпели фиаско в своих попытках установить связь из Голландии с немецкими заговорщиками, англичане проявляли некоторый скептицизм в отношении

всей этой затеи, и когда Брайенс стал настаивать, чтобы Хассель представил более надежную информацию о людях, от имени которых он говорил, немец возразил: "Я не могу назвать имена людей, которые поддерживают меня. Я могу только заверить вас, что переданное вами заявление Галифакса будет доведено до них".

Затем Хассель изложил в общих чертах точку зрения немецкой "оппозиции": подразумевалось, что Гитлера следует свергнуть "до того, как начнутся крупные военные операции"; что это должно быть "исключительно немецкое дело"; что должно последовать "авторитетное английское заявление" по поводу того, как относиться к новому антинацистскому режиму в Берлине, и что "принципиальным препятствием любому изменению режима являются события 1918 года, то есть обеспокоенность немцев, как бы события не стали развиваться так же, как после того, когда в жертву был принесен кайзер". Хассель и его друзья хотели получить гарантии, что, если они избавятся от Гитлера, к Германии отнесутся более великодушно, чем тогда, когда немцы избавились от Вильгельма II.

После этого он вручил Брайенсу меморандум, составленный им самим на английском языке. Это очень расплывчатый документ, полный благородных высказываний о будущем мире, "основанном на принципах христианской этики, справедливости и закона, социального благополучия, свободы мысли и совести". Хассель писал, что величайшей опасностью "этой сумасшедшей войны" является "большевизация Европы", — он считал, что это хуже, чем сохранение нацизма. А главное его условие сводилось к тому, чтобы за новой Германией остались почти все завоеванные Гитлером территории, которые тут же перечислялись. Присоединение к Германии Австрии и Судет не подлежало пересмотру при любом предложении мира; Германия должна была иметь границу с Польшей, как до 1914 года, что соответствовало, о чем он, разумеется, не упомянул, границе с Россией, поскольку в 1914 году Польша как самостоятельное государство не существовала.

Брайенс соглашался, что необходимо действовать быстро ввиду скорого немецкого наступления на Западе, и обещал доставить меморандум Хасселя лорду Галифаксу. Хассель вернулся в Берлин, чтобы ознакомить участников заговора с последними предпринятыми им мерами. Хотя они ждали большего от встречи Хасселя с мистером Икс, теперь их больше беспокоил так называемый "доклад X", разработанный одним из членов группы в абвере Гансом фон Донаньи на основе встречи доктора Мюллера с англичанами в Ватикане. В этом докладе говорилось, что папа римский

готов обратиться к англичанам с просьбой предложить разумные мирные условия новому антинацистскому правительству Германии. В этой связи характерна точка зрения оппонентов Гитлера, ставивших в качестве одного из условий, которое, по их утверждению, согласен был поддержать папа римский, "урегулирование восточного вопроса в пользу Германии". Демонический нацистский диктатор добился урегулирования на Востоке "в пользу Германии" посредством вооруженной агрессии; добродетельные немецкие заговорщики хотели, чтобы то же самое сделали для них англичане с благословения папы римского.

В зиму 1939/40 года "доклад X" в умах заговорщиков приобретал преувеличенное значение. В конце октября генерал Томас показал "доклад X" Браухичу в надежде убедить главнокомандующего сухопутными войсками уговорить Гитлера отменить осеннее наступление на Западе. Однако Браухичу это не понравилось. Он пригрозил арестовать Томаса за "государственную измену", если тот еще раз обратится к нему с этим вопросом.

Теперь, в момент подготовки новой нацистской агрессии, Томас пришел с "докладом X" к генералу Гальдеру в надежде, что он возьмется за него. Но надежды оказались тщетными. Начальник генерального штаба ответил Герделеру, одному из наиболее активных заговорщиков, также умолявшему Гальдера возглавить заговор, поскольку слабовольный Браухич сделать это отказался, что, будучи солдатом, не может в такое время оправдать нарушение клятвы, данной на верность фюреру. А кроме того, Англия и Франция объявили Германии войну, и надо довести ее до победного конца. Мир на условиях компромисса был бы бессмыслен. Только в крайнем случае можно предпринять действия, желательные Герделеру.

"Стало быть, так! — записал Хассель в своем дневнике 6 апреля 1940 года, подробно фиксируя настроение Гальдера со слов Герделера. — Гальдер начал плакать во время обсуждения степени его ответственности и произвел впечатление слабого человека с расстроенными нервами".

Достоверность подобной реакции со стороны Гальдера вызывает большие сомнения. Когда я просматривал его дневниковые записи за первую неделю апреля, связанные с подготовкой гигантского наступления на Западе, у меня сложилось впечатление, что начальник генерального штаба, совещаясь с командующими войсками и уточняя детали наиболее дерзкой в немецкой военной истории операции, пребывал в жизнерадостном, бодром настроении. В его дневниках нет и намека на изменнические помыслы или какие-либо угрызения совести. Хотя у него и

были сомнения в вопросах, связанных с подготовкой нападения на Данию и Норвегию, но они основывались на чисто военных соображениях. И нет в дневниках даже намек на угрызения совести по поводу нацистской агрессии против четырех маленьких нейтральных стран, неприкосновенность границ которых Германия торжественно гарантировала. Более того, он сам руководил разработкой планов агрессии против двух из них — Бельгии и Голландии.

Так завершилась последняя попытка "добродетельных" немцев устранить Гитлера, пока не поздно. Это была последняя возможность заключить мир на выгодных условиях. Генералы, как это дали ясно понять Браухич и Гальдер, не были заинтересованы в мире, добытом путем переговоров. Теперь они, как и их фюрер, думали о мире, навязанном силой, — навязанном после победы немецкого оружия. И пока шансы на установление мира путем переговоров не улетучились окончательно, они всерьез не возвращались к своим старым изменническим замыслам устранить своего безумного диктатора, которым придавали огромное значение во времена Мюнхена и Цоссена.

Оккупация Дании и Норвегии

Приготовления Гитлера к захвату Дании и Норвегии многие авторы относят к немецким секретам, наиболее строго охранявшимся во время войны, но, как представляется автору, две скандинавские страны и даже англичане были застигнуты врасплох не потому, что их не предупреждали о надвигающейся опасности, а потому, что они никак не хотели поверить в реальность подобной опасности. За десять дней до катастрофы полковник Остер из абвера предупреждал своего близкого друга полковника Саса, голландского военного атташе в Берлине, о плане "Везерюбунг" и Сас немедленно сообщил об этом датскому военно-морскому атташе капитану Кельсену. Однако самодовольное датское правительство не поверило своему военно-морскому атташе, и, когда 4 апреля датский посол в Берлине отправил Кельсена в Копенгаген, чтобы тот лично предупредил правительство о нависшей угрозе, предупреждение не было воспринято всерьез. Даже накануне нападения, вечером 8 апреля, когда уже было получено сообщение о торпедировании немецкого военного транспорта у южного побережья Норвегии и когда датчане собственными глазами видели, как отплывает на север немецкая военно-морская армада, датский король, сидя за обеденным столом, ответил непринужденной улыбкой на замечание о том, что над его страной нависла угроза.

"Он действительно не поверил в это", — подтвердил позднее гвардейский офицер, присутствовавший при разговоре. После обеда

король, по словам того же офицера, в самоуверенном и приподнятом настроении отправился в Королевский театр.

Норвежское правительство еще в марте получило от своего посла в Берлине и от шведов предупреждение о сосредоточении немецких войск и военных кораблей в Северном море и балтийских портах, а 5 апреля из Берлина поступили разведывательные данные о предстоящем десантировании немецких войск на южном побережье Норвегии. Однако самонадеянный норвежский кабинет отреагировал на подобного рода сигналы скептически. 7 апреля, когда были замечены немецкие крупные военные корабли, следовавшие курсом на север вдоль норвежского берега, и получены сообщения от английских пилотов, обстрелявших группу немецких военных кораблей у входа в Скагеррак, и даже 8 апреля, когда английское адмиралтейство проинформировало норвежское посольство в Лондоне, что большая группа немецких кораблей приближается к Нарвику, а газеты в Осло сообщили, что немецкие солдаты, спасенные с транспортного судна "Рио-де-Жанейро", торпедированного у норвежского берега возле Лиллесанн польской подводной лодкой, заявили, что они следовали в Берген, чтобы помочь оборонять его от англичан, — даже тогда норвежское правительство не нашло нужным провести такие элементарные мероприятия, как мобилизация армии, укомплектование личным составом фортов, охраняющих входы в важнейшие гавани, блокирование взлетно-посадочных полос на аэродромах и, самое важное, минирование узких проливов на подступах к столице и крупнейшим городам. Если бы оно осуществило эти мероприятия, история могла бы пойти по совершенно иному пути.

Зловещие известия, по выражению Черчилля, начали просачиваться в Лондон к 1 апреля, а 3 апреля британский военный кабинет обсуждал последние разведывательные данные, поступавшие прежде всего из Стокгольма, о значительном сосредоточении немецких войск и техники в портах Северной Германии с целью вторгнуться в Скандинавию. Спустя два дня, 5 апреля, когда первая волна немецких кораблей обеспечения и снабжения уже находилась в море, премьер-министр Чемберлен в своей речи заявил, что Гитлер, не сумев организовать наступление на Западе, когда англичане и французы не были подготовлены, "опоздал на автобус", — об этих словах ему очень скоро пришлось пожалеть {Первые три немецких транспорта отправились в Нарвик в 2 часа дня 3 апреля. Крупнейший немецкий танкер, загруженный русской нефтью, вышел из Мурманска 6 апреля. — Прим. авт. }.

Английское правительство в этот момент, как утверждает Черчилль,

было склонно поверить, будто немецкое наращивание сил в портах Балтики и Северного моря производилось, чтобы помочь Гитлеру нанести контрудар, если англичане, заминировав норвежские воды с целью перерезать пути доставки в Германию шведской руды из Нарвика, оккупируют этот и другие норвежские порты, расположенные к югу.

Действительно, английское правительство предусматривало возможность такой оккупации. После долгих месяцев безуспешных усилий Черчиллю, первому лорду адмиралтейства, в конце концов 8 апреля удалось получить одобрение военного кабинета и Высшего военного совета союзников заминировать норвежские водные пути — операция "Уилфред". Поскольку было очевидно, что последует яростная реакция немцев на блокирование путей доставки в Германию шведской железной руды — жесточайший для немецкой военной экономики удар, — было решено послать небольшую англо-французскую оперативную группу в Нарвик и продвигаться в сторону ближайшей шведской границы. Другие контингента предполагалось высадить в Тронхейме, Бергене и Ставангере и далее к югу, чтобы, как объяснял Черчилль, "лишить противника возможности воспользоваться этими базами". Эти меры получили кодовое наименование "План Р-4".

Таким образом, в течение первой недели апреля, в то время как немецкие войска грузились на различные суда и боевые корабли для отправки в Норвегию, английские войска, хотя и в значительно меньшем количестве, грузились на военные транспорты в Клайде и на крейсера в Форте, чтобы отправиться туда же.

В полдень 2 апреля после долгого совещания с Герингом. Редером и Фалькенхорстом Гитлер издал официальную директиву, в которой предписывалось начать операцию "Везерюбунг" в 5. 15 утра 9 апреля. В это же время он издал другую директиву, предупреждавшую, что "бегство королей Дании и Норвегии из своих стран во время оккупации необходимо предотвратить всеми доступными средствами". В этот же день ОКВ посвятило министерство иностранных дел в свою тайну: Риббентропу вручили длинную директиву с инструкцией, какие предпринять дипломатические шаги, чтобы убедить Данию и Норвегию капитулировать без боя, как только на их территориях появятся немецкие войска, и как сострять какое-нибудь оправдание очередной агрессии Гитлера.

Но этот обман не ограничивался рамками министерства иностранных дел. Военно-морской флот также должен был прибегнуть к маскировочным трюкам. 3 апреля, после выхода в море первых судов, Йодль писал в своем дневнике, как ввести в заблуждение норвежцев, если у них возникнут

подозрения в связи с присутствием столь большого количества немецких боевых кораблей. Корабли и транспорты получили указания выдать себя за английские, а если потребуется, идти под английскими флагами! В секретных приказах по частям и кораблям флота, участвовавшим в операции, были даны детальные указания по "введению в заблуждение противника и по маскировке во время вторжения в Норвегию".

Секретно, особой важности

Поведение во время входа в гавань

Все суда идут с погашенными огнями... Маскировку под английские корабли следует сохранять как можно дольше. На все запросы норвежских кораблей отвечать по-английски. В ответах выбирать что-либо вроде:

"Иду в Берген с кратким визитом. Враждебных намерений не имею".

... На запросы называться именами английских боевых кораблей:

"Кельн" — корабль Его Величества "Каир";

"Кенигсберг" — корабль Его Величества "Калькутта"... и т. д.

Принять заранее меры, чтобы при необходимости можно было освещать развевающийся английский флаг...

Для Бергена... руководствоваться следующими принципиальными указаниями, если одна из наших частей окажется вынуждена ответить на запрос проходящего корабля:

Отвечать на запрос (в случае с кораблем "Кельн"): "Корабль Его Величества "Каир".

На приказ остановиться: (1) "Пожалуйста, повторите последний сигнал". (2) "Невозможно понять ваш сигнал".

В случае предупредительного выстрела: "Прекратите огонь. Британский корабль. Добрый друг".

В случае запроса относительно назначения и цели: "Иду в Берген. Преследую немецкие пароходы" {На Нюрнбергском процессе гросс-адмирал Редер оправдывал подобную тактику на том основании, что это были законные "военные хитрости, против которых с юридической точки зрения не может быть возражений". — Прим. авт. }.

Итак, 9 апреля 1940 года, в 5 часов 20 минут утра (а в Дании — 4 часа 20 минут), за час до рассвета, немецкие послы в Копенгагене и Осло подняли министров иностранных дел с постели ровно за 20 минут до начала вторжения (Риббентроп настаивал на строгом соблюдении графика в соответствии с прибытием немецких войск) и предъявили датскому и норвежскому правительствам ультиматум, требуя немедленно и без сопротивления встать под "защиту рейха". Ультиматум был, пожалуй, самым беззастенчивым документом из тех, какие когда-либо составляли

Гитлер и Риббентроп, к тому времени изрядно поднаторевшие в дипломатическом обмане.

После заявления, что рейх пришел на помощь Дании и Норвегии, чтобы защитить их от англо-французской оккупации, в меморандуме говорилось:

... Немецкие войска вступили на норвежскую землю не как враги. Немецкое верховное командование не намерено использовать районы, занятые немецкими войсками, в качестве баз для операций против Англии до тех пор, пока его не принудят к этому... Наоборот, немецкие военные операции нацелены исключительно на защиту Севера от предполагаемой оккупации норвежских баз англо-французскими силами...

... В духе добрых отношений между Германией и Норвегией, которые существовали до сих пор, правительство рейха заявляет королевскому норвежскому правительству, что у Германии нет намерений ущемлять своими действиями территориальную целостность и политическую независимость Королевства Норвегии ни в настоящее время, ни в будущем...

Поэтому правительство рейха ожидает, что норвежское правительство и норвежский народ... не окажут сопротивления. Любое сопротивление будет подавлено всеми возможными средствами... и поэтому приведет лишь к совершенно бессмысленному кровопролитию.

Немецкие расчеты оказались верны в отношении Дании, но не в отношении Норвегии. Об этом стало известно на Вильгельмштрассе после получения первых срочных донесений от соответствующих послов в этих странах. Немецкий посол в Дании телеграфировал в 8. 34. Риббентропу из Копенгагена, что датчане "приняли все требования (хотя) и заявили протест". Посол Курт Брейер в Осло был вынужден отправить донесение совершенно иного содержания. В 5 часов 52 минуты, ровно через 32 минуты после вручения ультиматума, он сообщил в Берлин ответ норвежского правительства: "Добровольно мы не подчинимся: сражение уже началось".

Надменный Риббентроп пришел в негодование {Мне редко доводилось видеть нацистского министра иностранных дел более несносным, чем в то утро. Облачившись в крикливую униформу, он явился на специально созванную в министерстве иностранных дел пресс-конференцию с таким важным, напыщенным видом, "точно владел всей Землей". "Фюрер дал свой ответ... — резко заговорил он. — Германия оккупировала землю Дании и Норвегии, чтобы защитить эти страны от союзников, и будет бороться за их подлинный нейтралитет до конца войны. Таким образом,

лучшая часть Европы спасена от неминуемой деградации".

Берлинскую прессу в этот день стоило поглядеть. Газета "Берзен цейтунг" писала: "Англия хладнокровно шагает по трупам малых народов. Германия защищает слабые государства от английских грабителей с большой дороги, и Норвегии следовало бы понять справедливость действий Германии, призванных обеспечить свободу норвежского народа". Рупор Гитлера "Фелькишер беобахтер" поместила аншлаг на всю страницу. "Германия спасает Скандинавию! " — Прим. авт. }. В 10. 55 он послал Брейеру "исключительно срочную" телеграмму: "Еще раз решительно внушите норвежскому правительству, что сопротивление совершенно бессмысленно".

Однако незадачливый немецкий посол этого уже не мог сделать. Норвежский король, правительство и члены парламента к этому времени бежали из столицы на север, в горы. Сколь ни безнадежным казалось положение, они были полны решимости сопротивляться. В сущности, в некоторых районах с появлением на рассвете немецких боевых кораблей сопротивление уже началось.

Датчане оказались в более безнадежном положении. Их прекрасное государство не было приспособлено к обороне. Оно было слишком маленькое и слишком равнинное, а большая его часть — Ютландия — была открыта для танков Гитлера. Не было никаких гор, где могли бы укрыться король и правительство, как в Норвегии; бесполезно было ждать и какой-либо помощи от Англии. Словом, датчане оказались слишком цивилизованны, чтобы сражаться в таких условиях; во всяком случае, они не сражались. Генерал Приор, главнокомандующий армией, практически один высказался за сопротивление, но его предложение отклонили премьер Торвальд Стаунинг, министр иностранных дел Эдвард Мунх и король, который, даже получив 8 апреля скверные известия, отверг предложение командующего о проведении мобилизации. По причинам, которые остались неясны автору этих строк даже после обстоятельного изучения соответствующих материалов в Копенгагене, военно-морской флот Дании не произвел ни единого выстрела ни со своих кораблей, ни с береговых батарей, когда немецкие транспорты с войсками проходили вблизи этих орудий, способных разнести их вдребезги. В Ютландии произошло несколько стычек между армией и оккупантами, королевская гвардия произвела несколько выстрелов возле королевского дворца в столице, потеряв несколько человек ранеными. Ко времени, когда датчане заканчивали свой завтрак, оккупация завершилась. По рекомендации правительства, но вопреки мнению генерала Приора король капитулировал.

Планы захвата Дании, построенные на внезапности и обмане, как видно из захваченных немецких военных архивов, были разработаны с удивительной педантичностью. Генерал Курт Химер, начальник штаба оперативной группы, сформированной для захвата Дании, прибыл поездом в гражданской одежде в Копенгаген 7 апреля, чтобы лично провести там разведку в целях осуществления необходимых мер по швартовке транспорта "Ганзештадт Данциг" с войсками и техникой. Командир батальона также находился в Копенгагене пару дней в гражданской одежде, чтобы набросать план порта, пристаней, пирсов и т. д. Все это было необходимо для захвата крупного города.

Поэтому нет ничего странного в том, что планы генерала и майора, командовавшего батальоном, были претворены в жизнь практически без сучка и задоринки. Транспорт с войсками подошел к Копенгагену перед рассветом, проследовал мимо береговых батарей форта, охранявших гавань, и датских патрульных кораблей и спокойно пришвартовался у пирса Лангелини в центре города, всего в 50 метрах от Цитадели, где размещался штаб датской армии, на некотором расстоянии от дворца Амалиенбург, постоянной резиденции короля. Оба объекта были быстро захвачены единственным батальоном без какого-либо заслуживающего упоминания сопротивления.

В верхнем этаже дворца под трескотню автоматных выстрелов король совещался со своими министрами, которые ратовали за капитуляцию без сопротивления. Только генерал Приор умолял разрешить ему оказать сопротивление. В самом крайнем случае, по его мнению, король должен был укрыться в расположенном поблизости военном лагере у Хевелте, чтобы избежать пленения. Но король согласился с министрами. Как утверждает свидетель, присутствовавший при этом, монарх спросил, "сражались ли солдаты достаточно долго", на что Приор ответил отрицательно {Общие потери Дании составили 13 убитых и 23 раненых. Немцы потеряли примерно 20 человек. — Прим. авт. }.

Генерала Химера задержка обеспокоила. Он позвонил в штаб комбинированных операций, созданный в Гамбурге, — датские власти не удосужились прервать телефонную связь с Германией — и, как он сам рассказывает, попросил несколько бомбардировщиков с ревом пронестись над Копенгагеном, "чтобы вынудить датчан принять" условия ультиматума. Переговоры велись шифром, и в люфтваффе решили, что он действительно просил бомбардировать столицу, и обещали сделать это незамедлительно — в конечном счете ошибка была исправлена. Генерал Химер говорит, что "бомбардировщики с ревом пронесли над датской столицей и произвели

соответствующее впечатление: правительство приняло германские требования".

Определенные затруднения возникли при поисках радиосредств, потребовавшихся, чтобы передать обращение к датским войскам о капитуляции правительства, поскольку местные радиостанции в столь ранний час еще не работали. Обращение было передано на датской волне с помощью передатчика, который привез с собой немецкий батальон, а генерал Химер предусмотрительно раздобыл грузовик, чтобы доставить радиостанцию в Цитадель.

В 2 часа дня генерал Химер в сопровождении немецкого посла Сесилия фон Ренте-Финка нанес визит королю Дании, который уже не был сувереном, но еще не осознавал этого. В немецких военных архивах сохранилась запись беседы Химера с королем:

"Во время аудиенции семидесятилетний король выглядел потрясенным, хотя внешне держался превосходно, сохраняя королевское достоинство. ... Король заявил, что он и его правительство сделают все возможное, чтобы сохранить мир и порядок в стране и устранить любые трения между датчанами и немецкими войсками. Он хотел избавить свою страну от дальнейших несчастий и бед.

Генерал Химер ответил: лично он очень сожалеет, что был вынужден явиться к королю с такой миссией, но он только выполняет долг солдата... Мы пришли сюда как друзья и т. д. ... Когда король спросил, может ли он держать при себе телохранителей, генерал Химер ответил... что фюрер наверняка позволит ему сохранить их возле себя. Он в этом не сомневался.

Король заметно приободрился, услышав это. В ходе аудиенции... он становился все более раскованным и в заключение обратился к генералу Химеру со следующими словами: "Генерал, могу я, как старый солдат, сказать вам кое-что? Как солдат солдату? Вы, немцы, опять совершили невероятное. Следует признать, это было проделано великолепно! "

Около четырех лет, пока фортуна не отвернулась от нацистов, датский король и его народ, добродушный, цивилизованный и беззаботный, доставляли очень мало беспокойства немцам. Дания приобрела известность как "образцовый протекторат". Монарху, правительству, судам и даже парламенту и прессе завоеватели на первых порах предоставили на удивление большую свободу.

Их даже не беспокоили семь тысяч евреев, проживавших в Дании. Пока не беспокоили. Однако датчане, позднее других народов оказавшиеся под пятой немецких оккупантов, в конце концов поняли, что дальнейшее "лояльное сотрудничество", как это у них называлось, с тевтонскими

тиранами, жестокость которых с каждым годом и с каждой неудачей на фронтах усиливалась, невозможно, если они хотят сохранить хоть малую толику чувства собственного достоинства и чести. Они стали понимать, что Германия в конечном счете может проиграть войну и что маленькая Дания не безнадежно обречена, как считалось вначале, находиться в вассальной зависимости от гитлеровского государства, построенного на принципах отвратительного "нового порядка". И началось сопротивление.

Норвежское сопротивление

В Норвегии сопротивление началось сразу, хотя, разумеется, не повсюду. В Нарвике, незамерзающем порту и конечном пункте железной дороги, по которой сюда доставлялась шведская руда для Германии, начальник местного гарнизона полковник Конрад Сундло, который, как мы убедились, являлся фанатичным последователем Квислинга, сдался немцам без единого выстрела. Местный начальник военно-морских сил был человеком иного склада. При появлении десяти немецких эсминцев у входа в длинный фьорд норвежский старый броненосец "Эйдсволд", один из двух находившихся в гавани, дал предупредительный выстрел и просигнализировал эсминцам, чтобы те сообщили, кто они и куда следуют. В ответ контрадмирал Фриц Бонте, командовавший немецкой флотилией, послал к норвежскому кораблю офицера на катере с требованием сдаться. Тогда же немцы прибегли к своему обычному вероломству, хотя немецкий морской офицер позднее приводил в свое оправдание довод, что на войне приказ выше законов. Когда офицер на катере передал сигнал немецкому адмиралу, что норвежцы намерены оказать сопротивление, Бонте выждал, пока катер отойдет в сторону, и стремительно торпедировал "Эйдсволд". Тогда открыл огонь второй норвежский линкор — "Норге", но и с ним немцы разделились очень быстро. Триста норвежских моряков — экипажи двух кораблей — погибли. К 8 часам утра Нарвик уже был захвачен десятью немецкими эсминцами, проскочившими через грозный британский флот, и оккупирован двумя батальонами нацистских войск под командованием бригадного генерала Эдуарда Дитля, старого баварца, закадычного друга Гитлера со времен "пивного путча", которому еще предстояло проявить командирскую изобретательность и смелость, когда дела в Нарвике пошли туго.

Тронхейм, расположенный в центре западного побережья Норвегии, был захвачен немцами с такой же легкостью, как и Нарвик. Береговые батареи у входа в гавань огня по немецким военным кораблям, во главе которых шел тяжелый крейсер "Хиппер", не открывали на всем протяжении длинного фьорда, и войска, находившиеся на борту крейсера и

четырёх эсминцев, без помех высадились на пирсе городской гавани. Некоторые форты не сдавались в течение нескольких часов, а ближайший аэродром у Ваернеса сопротивлялся два дня, однако это не повлияло на захват прекрасной гавани, способной принимать самые крупные боевые корабли, а также подводные лодки. Здесь же находился важный пункт железной дороги, которая проходила через центральную часть Норвегии до Швеции и по которой немцы рассчитывали — и не без оснований — получать подкрепления, если Англия перекроет им морские пути снабжения.

Берген, второй по величине порт и город Норвегии, расположенный примерно в 300 милях от Тронхейма и связанный железной дорогой со столицей, оказал некоторое сопротивление. Огнем батарей у входа в гавань были сильно повреждены крейсер "Кенигсберг" и вспомогательное судно, однако с других кораблей войска благополучно высадились и к полудню овладели городом. Именно у Бергена потрясенные норвежцы впервые ощутили реальную помощь англичан. В полдень 15 пикирующих бомбардировщиков морской авиации потопили крейсер "Кенигсберг", самый крупный корабль из когда-либо отправленных на дно в результате атаки с воздуха. За пределами гавани у англичан находилась мощная группировка в составе четырех крейсеров и семи эсминцев, которые могли разгромить более слабую немецкую группировку внутри гавани. Английские корабли уже собрались было войти в гавань, но получили из адмиралтейства приказ об отмене атаки из-за риска напороться на мины или попасть под бомбовые удары с воздуха. К этому решению был причастен Черчилль, который позднее очень сожалел о нем. В этом решении проявилась склонность англичан к осторожности и полумерам, что дорого обошлось им в последующем.

Аэродром Сола возле Ставангера на юго-западном побережье не имел противовоздушной обороны и оказался захвачен немецкими парашютистами после того, как были подавлены норвежские пулеметные позиции. Это был крупнейший в Норвегии аэродром, в стратегическом отношении исключительно важный для люфтваффе, поскольку отсюда бомбардировщики могли действовать не только против английских кораблей возле норвежского побережья, но и против расположенных на севере Англии военно-морских баз. Захват этого аэродрома позволял немцам обеспечить превосходство непосредственно в небе Норвегии и означал провал любой попытки англичан высадить там более или менее крупные силы. Кристиансанн, расположенный на южном берегу, оказал немцам серьезное сопротивление; его береговые батареи дважды заставили

отходить немецкий флот во главе с легким крейсером "Карлсруэ". Однако форты были быстро выведены из строя ударами немецкой авиации с воздуха и во второй половине дня порт был занят. Легкий крейсер "Карлсруэ" покинул гавань и в тот же вечер был торпедирован английской подводной лодкой и так сильно поврежден, что его пришлось затопить.

Таким образом, к полудню или чуть позднее пять крупнейших норвежских городов и портов и один крупный аэродром, расположенные на западном и южном побережье общей протяженностью около 1500 миль от Скагеррака до Арктики, оказались в руках немцев. Они были захвачены очень небольшими силами, доставленными туда военно-морским флотом, значительно уступавшим британскому флоту. Считалось, в результате обмана и внезапности нападения Гитлер сумел одержать блестящую победу малой ценой.

Однако у Осло, который немцы расценивали как главный приз, их военная группировка и дипломатия столкнулись с неожиданными трудностями. Всю промозглую ночь на 9 апреля группа сотрудников немецкого посольства во главе с капитаном 1 ранга Шрайбером, военно-морским атташе, и случайно присоединившийся к ним посол доктор Брейер, пребывая в приподнятом настроении, провели в гавани столицы в ожидании подхода немецких боевых кораблей и транспорта с войсками. Помощник военно-морского атташе носился на моторной лодке по заливу, чтобы взять на себя роль лоцмана подошедшей армады во главе с карманным линкором "Лютцов" (ранее он назывался "Дойчланд", но был переименован, так как Гитлер не хотел рисковать кораблем с таким названием) и совершенно новым тяжелым крейсером "Блюхер", флагманом эскадры.

Но прождали они напрасно. Крупные корабли так и не пришли.

У входа в 50-мильный Осло-фьорд их встретил норвежский минный заградитель "Олав Трюгверсон". Он потопил немецкий торпедный катер и повредил легкий крейсер "Эмден". Высадив небольшую группу для подавления береговых батарей, немецкая эскадра продолжила свой путь по фьорду. Примерно в 15 милях к югу от Осло, где фьорд сужается до 15 миль, у немцев возникли новые осложнения. Здесь стояла старинная крепость Оскарсбург, защитники которой вопреки ожиданиям немцев не были застигнуты врасплох. Перед самым рассветом 280-миллиметровые крупнокалиберные орудия крепости открыли огонь по "Лютцову" и "Блюхеру", а с берега по ним были выпущены торпеды. Тяжелый крейсер "Блюхер" водоизмещением 10 тысяч тонн объяло пламя, начали взрываться имевшиеся на его борту боеприпасы, и он пошел на дно, унеся с собой

1600 человек, в том числе нескольких гестаповских и административных чиновников (со всеми документами), которые должны были арестовать короля и правительство и взять на себя управление столицей. "Лютцов" также был поврежден, но не полностью выведен из строя. Находившиеся на "Блюхере" контр-адмирал Оскар Куммец, командир эскадры, и генерал Эрвин Энгельбрехт, командир 163-й пехотной дивизии, сумели вплавь добраться до берега, где их взяли в плен норвежцы. После этого эскадра на некоторое время отошла назад, чтобы зализать полученные раны. Она не сумела выполнить свою главную задачу — захватить столицу Норвегии. Туда она попала только на следующий день.

По существу, Осло был захвачен чуть ли не иллюзорными силами, сброшенными с самолетов на необороняемый аэропорт. Катастрофические известия, поступившие из других морских портов Норвегии, и доносившийся с Осло-фьорда грохот орудий заставили норвежскую королевскую семью, правительство и членов парламента в 9. 30 утра бежать на специальном поезде из столицы в Хамар, расположенный в 80 милях к северу. Двадцать грузовиков, нагруженных золотом из подвалов банка Норвегии, и еще три грузовика с секретными документами министерства иностранных дел покинули Осло в это же время. Таким образом, мужественные действия небольшого гарнизона крепости Оскарсборг сорвали замыслы Гитлера захватить норвежского короля, правительство и золото.

Население Осло пребывало в полном замешательстве. В столице находились кое-какие войска, но они не были приведены в состояние боевой готовности. Не было ничего предпринято и для организации обороны, хотя, чтобы заблокировать ближайший аэропорт Форнебу, достаточно было установить на взлетно-посадочной полосе и около нее несколько старых автомашин. Накануне, поздно вечером, капитан Шпиллер, немецкий военно-воздушный атташе в Осло, сам встал на аэродроме, чтобы встретить воздушно-десантные войска, которые должны были прибыть после того, как корабли флота войдут в порт. Когда корабли потерпели неудачу, из немецкого посольства в Берлин полетела отчаянная радиограмма, извещавшая о неожиданных неприятностях. Ответ последовал немедленно — парашютисты и авиадесантники уже вскоре спешно высаживались на аэродроме Форнебу. К полудню там собралось около пяти рот. Поскольку они имели при себе только легкое оружие, то находившиеся в столице норвежские войска могли легко их уничтожить. Однако по не выясненным до сих пор причинам — такая неразбериха царилла тогда в Осло — наличные силы не были собраны воедино, и в

результате чисто символический отряд немецкой пехоты промаршировал по столице вслед за военным духовым (возможно, импровизированным) оркестром. Так пал последний из норвежских городов. Но не пала еще Норвегия.

Днем 9 апреля стортинг, норвежский парламент, собрался в Хамаре, причем из двухсот депутатов отсутствовали только пятеро. Но в 7. 30 вечера заседание было прервано в связи с приближением немецких войск, и стортинг переехал в Эльверум, расположенный в нескольких милях к востоку, ближе к шведской границе. Доктор Брейер под давлением Риббентропа требовал немедленной аудиенции у короля, и норвежский премьер-министр дал на нее согласие, но при условии, что немецкие войска отойдут на юг и будут находиться на безопасном удалении. На это немецкий посол не согласился.

В это же время нацисты готовили очередную подлость. Капитан Шпиллер, военно-воздушный атташе, во главе двух рот немецких парашютистов отправился из аэропорта Форнебу в Хамар, чтобы захватить там неподатливого короля и его правительство. Задуманная операция казалась им скорее веселой шалостью. Поскольку норвежские войска не произвели ни одного выстрела, чтобы предотвратить вступление немцев в Осло, Шпиллер не ожидал встретить сопротивление и у Хамара. Две роты, по сути, устроили себе увеселительную поездку по красивым местам на реквизированных автобусах. Но они не учли того обстоятельства, что их встретит норвежский офицер, который будет действовать совершенно иначе в отличие от многих других. Полковник Руге, генеральный инспектор пехоты, сопровождавший короля на север, настоял на том, чтобы обеспечить какое-то прикрытие правительству, бежавшему из оккупированного врагом района, и устроил на дороге засаду в составе двух батальонов пехоты, которые наскоро собрал перед отъездом из Осло. Автобусы с немцами были остановлены, и в последовавшей стычке Шпиллера смертельно ранило. Понеся потери, немецкие парашютисты отошли назад к Осло. На следующий день доктор Брейер в одиночку отправился из Осло по той же самой дороге, чтобы увидеться с королем. Профессиональный дипломат старой школы, немецкий посол не находил в этом особого удовольствия, но Риббентроп непрерывно требовал, чтобы он уговорил короля и правительство согласиться на капитуляцию. Трудная задача Брейера еще больше усложнилась в результате политических событий, которые только что произошли в Осло. Накануне вечером Квислинг наконец приступил к энергичным действиям. Когда столица, казалось, находилась в руках немцев, он ворвался на радиостанцию и в

обращении к норвежцам провозгласил себя главой нового правительства и приказал немедленно прекратить сопротивление. Хотя Брейер еще не понял этого, а Берлин так никогда и не сумел понять, но этот акт предательства обрек на провал все усилия немцев склонить Норвегию к капитуляции. Парадоксально, что, хотя это был момент национального позора для норвежцев, измена Квислинга подвигла их на сопротивление, которому предстояло стать грозной и героической силой.

Доктор Брейер встретился с Хокон VII, единственным в двадцатом столетии королем, который был избран на трон путем всенародного голосования {Норвегия на протяжении четырех веков являлась составной частью Дании, затем в течение столетия — составной частью Швеции. Только в 1905 году она обрела полную независимость, разорвав унию со Швецией, и народ выбрал принца Карла Датского королем Норвегии. Он принял имя Хокон VII (Хокон VI умер в 1380 году). Хокон VII являлся братом датского короля Кристиана X, так быстро сдавшегося немцам утром 9 апреля 1940 года. — Прим. авт. }, в помещении школы в небольшом городке Эльверум в 3 часа дня 10 апреля. Из личной беседы с монархом и после внимательного изучения как норвежских архивных материалов, так и секретного доклада доктора Брейера, который был обнаружен среди захваченных документов германского министерства иностранных дел, я сумел составить довольно полную картину того, что произошло. После продолжительного сопротивления король согласился принять немецкого посла в присутствии своего министра иностранных дел доктора Хальдана Кота. Когда Брейер стал настаивать, чтобы сначала состоялась встреча с глазу на глаз с королем, то тот с одобрения Кота в конце концов уступил.

Немецкий посол, действуя в соответствии с полученными инструкциями, то льстил королю, то пытался его запугать. Германия хотела сохранить династию. Она просто просит Хокон сделать то, что сделал днем раньше в Копенгагене его брат. Безрассудно сопротивляться вермахту. Это приведет лишь к бессмысленной гибели норвежцев. Короля просят утвердить правительство Квислинга и вернуться в Осло. Хокон, человек честный и демократичный, приверженец конституционных процедур, даже находясь в столь критическом положении, пытался объяснить немецкому дипломату, что в Норвегии король не принимает политических решений, что это исключительно дело правительства, с которым он теперь хотел бы посоветоваться. Здесь к разговору присоединился Кот, и было решено, что ответ правительства будет передан Брейеру по телефону в условленном месте, когда он будет возвращаться в Осло.

Для Хокон, который хотя и не принимал политических решений, но

конечно же мог влиять на них, существовал только один ответ немцам. Укрывшись в скромной гостинице в деревне Нибергсунн возле Эльверума — на случай, если немцы после ухода Брейера попытаются внезапно захватить его в плен, — он собрал членов правительства на заседание государственного совета.

"... Что касается меня, — сказал он собравшимся, — то я не могу принять немецкие требования. Это противоречило бы моему пониманию долга короля Норвегии, куда я приехал почти тридцать пять лет назад... Я не хочу, чтобы правительство приняло решение под влиянием моего заявления. Но... я не могу назначить премьер-министром Квислинга, человека, к которому не питает никакого доверия, как мне известно, ни наш народ... ни его представители в стортинге. Поэтому, если правительство будет вынуждено принять немецкие требования, — мне полностью понятны доводы в пользу такого решения, если принять во внимание нависшую угрозу войны, в которой столь многим молодым норвежцам придется отдать свои жизни, — единственно возможным для меня выбором остается отречение".

Правительство не захотело уступить королю в мужестве, хотя до этого момента многие его члены колебались, и быстро сплотилось вокруг монарха. Ко времени, когда Брейер достиг местечка Эйдсволл, на полпути к Осло, Кот по телефону сообщил ему ответ норвежского правительства. Немецкий посол тут же перезвонил в свое посольство в Осло, а оттуда — немедленно в Берлин.

"Король не назначит никакого правительства во главе с Квислингом. Решение это принято по единодушной рекомендации правительства. На мой прямой вопрос министр иностранных дел Кот ответил: "Соппротивление будет продолжаться, пока хватит сил".

В тот вечер через оказавшуюся поблизости слабенькую радиостанцию, единственное средство для поддержания связи с внешним миром, норвежское правительство бросило перчатку могущественному третьему рейху. Оно сообщило о своем решении не принимать немецких требований и призвало народ — а норвежцев насчитывалось всего три миллиона — оказывать захватчикам сопротивление. Король официально поддержал это воззвание.

Однако нацистские захватчики не могли сразу поверить, что норвежцы готовы к тому, к чему они призывают. Было предпринято еще две попытки убедить короля. Утром 11 апреля появился эмиссар Квислинга капитан Иргенс, который настаивал на возвращении монарха в столицу. Он обещал, что Квислинг будет лояльно служить ему. С молчаливым презрением его

предложение было отклонено.

В полдень поступила срочная депеша от Брейера, в которой посол просил новой аудиенции у короля, чтобы обговорить "конкретные предложения". Посол получил очередные инструкции от Риббентропа передать монарху, что он "хотел предоставить норвежскому народу последний шанс прийти к разумному соглашению" {Зловещий намек на очередное вероломство имеется в секретных инструкциях Риббентропа. Брейеру было сказано, чтобы он попытался договориться о встрече где-нибудь между Осло и нынешним местом пребывания короля. Очевидно, Брейеру предписывалось обсудить все в деталях с генералом фон Фалькенхорстом и затем проинформировать его о том, на каком месте и в какое время состоится встреча с королем. Гаус, который по телефону передавал указания Риббентропа, докладывал, что "господин Брейер хорошо уяснил смысл указаний". Напрашивается мысль, что если бы король пошел на эту встречу, то солдаты Фалькенхорста там бы его и схватили. — Прим. авт. }. На этот раз доктор Кот, посовествовавшись с королем, ответил, что, если у немецкого посла имеются "конкретные предложения", он может их сообщить министру иностранных дел.

Нацистская реакция на такой резкий отказ от такой маленькой и теперь такой беспомощной страны оказалась весьма характерной для немцев. Сначала они не сумели захватить короля и членов правительства, затем не сумели убедить их капитулировать. Теперь они попытались их убить. Поздно вечером 11 апреля были посланы бомбардировщики люфтваффе, чтобы хорошенько проучить деревню Нибергсунн. Нацистские летчики с помощью фугасных и зажигательных бомб полностью уничтожили деревню, а затем расстреляли из пулеметов тех, кто пытался бежать подальше от пылавших руин. Вначале немцы, вероятно, полагали, что им удалось уничтожить заодно короля и членов его правительства. В дневнике одного немецкого пилота, позднее захваченного в плен в Северной Норвегии, имелась следующая запись, датированная 11 апреля: "Нибергсунн. Правительство Осло полностью уничтожено".

Деревня действительно была стерта с лица земли, но король и его правительство не пострадали. С приближением нацистских бомбардировщиков они укрылись в соседнем лесу. Стоя по колено в снегу, они наблюдали, как нацистская авиация уничтожала скромные домики этой деревушки. Они оказались перед выбором: либо идти к шведской границе и просить политического убежища в нейтральной Швеции, либо продвигаться дальше на север и укрыться в собственных горах, все еще покрытых глубоким снегом. Решили идти вверх по сильно пересеченной

долине Гудбраннс, которая пролежала от Хамара и Лиллехаммера до Ондалснаса, расположенного примерно в 100 милях юго-западнее Тронхейма. Продвигаясь по этому маршруту, они надеялись организовать ошеломленные и рассеянные норвежские войска на дальнейшее сопротивление оккупантам. К тому же оставалась некоторая надежда, что на помощь норвежцам придут английские войска.

Сражение за Норвегию

На далеком севере, у Нарвика, английский военно-морской флот быстро отреагировал на внезапную немецкую оккупацию. По признанию Черчилля, возглавлявшего в то время британское адмиралтейство, немцы "полностью перехитрили" англичан. Теперь, находясь за пределами радиуса действия немецких бомбардировщиков, базирующихся на суше, английский флот перешел в наступление. Утром 10 апреля, через 24 часа после того, как десять немецких эсминцев захватили Нарвик и высадили войска Дитля, группа английских кораблей в составе пяти эсминцев вошла в гавань Нарвика, потопила два из пяти находившихся там немецких эсминцев, три эсминца повредила и потопила все немецкие транспортные суда, за исключением одного. В ходе этого побоища был убит контр-адмирал Бонте, командовавший немецкими морскими силами в Нарвике. Но, покидая гавань, английские корабли натолкнулись на пять немецких эсминцев, которые шли сюда из других фьордов. На немецких кораблях оказалось более мощное вооружение, и они сумели потопить один английский эсминец, другой, на котором был смертельно ранен командир группы кораблей капитан 1 ранга Варбертон-Ли, вынудили выброситься на мель, а третий повредили. Трем из пяти английских эсминцев удалось проскочить в открытое море, где они потопили крупное немецкое грузовое судно с боеприпасами, направлявшееся к порту Нарвик.

В полдень 13 апреля английская флотилия эсминцев во главе с линкором "Уорспайт", уцелевшим участником Ютландского сражения времен первой мировой войны, вернулась в Нарвик и уничтожила остальные немецкие корабли. Вице-адмирал Уитворт, командовавший флотилией, радируя в адмиралтейство о результатах своих действий, настаивал, что Нарвик необходимо занять немедленно "сильной десантной группой", поскольку немецкие войска на берегу ошеломлены и дезорганизованы, — Дитль со своими солдатами бежал в горы. К несчастью для союзников, английский командир такой группы генерал-майор П. Мэкеси, человек чрезмерно осторожный, прибыв на следующий день с передовым отрядом в составе трех пехотных батальонов, предпочел не рисковать и выгрузил свои войска у Харстада, на 35 миль севернее

населенного пункта, где дислоцировались норвежцы. Дорого обошлась эта ошибка союзникам.

Англичане заранее подготовили небольшой экспедиционный корпус для использования в Норвегии, но в критический момент проявляли непостижимую медлительность вместо того, чтобы поскорее использовать войска по своему назначению. Днем 8 апреля, когда были получены известия о продвижении групп немецких кораблей к северу вдоль норвежского побережья, английский флот срочно выгрузил войска, находившиеся на судах и предназначавшиеся для оккупации Ставангера, Бергена, Тронхейма и Нарвика, мотивируя это тем, что теперь для боевых действий на море будет необходим каждый корабль. К тому времени, когда английские сухопутные войска были вновь погружены на суда, все вышеперечисленные портовые города находились в руках немцев. А к тому времени, когда они достигли центральной части норвежского побережья, они оказались обречены, как и английские корабли, прикрывавшие их, поскольку в небе уже господствовала немецкая авиация.

К 20 апреля одна английская бригада, усиленная тремя батальонами французов, высадилась в Намсусе, небольшом порту, расположенном примерно в 80 милях северо-восточнее Тронхейма, а другая — высадилась на берег возле Ондалсна, в 100 милях к юго-западу от Тронхейма, который, таким образом, надо было атаковать с севера и юга. Однако отсутствие полевой артиллерии, зенитных орудий и авиационной поддержки, а также продолжавшиеся днем и ночью налеты немецкой авиации на позиции этих бригад, господство немцев в воздухе — все это не позволило англичанам наладить доставку подкреплений и боевой техники и поставило эти бригады в такое положение, что они не смогли серьезно угрожать занятому немцами Тронхейму. Бригада, высадившаяся у Ондалсна, после встречи с норвежским подразделением возле Думбоса, железнодорожного узла, расположенного в 60 милях к востоку, отказалась от предполагавшегося наступления на север в сторону Тронхейма и двинулась на юго-восток, чтобы помочь норвежским войскам, которые под руководством энергичного полковника Руге сдерживали главное немецкое наступление вверх по долине от Осло.

21 апреля у Лиллехаммера, к северу от Хамара, произошло первое сражение между английскими и немецкими войсками, которые находились явно не в равных условиях. Корабль, загруженный артиллерией английской бригады, был потоплен, поэтому англичане имели только винтовки и пулеметы, чтобы противостоять натиску немцев, оснащенных артиллерией и легкими танками. Хуже того, английская пехота, не получая поддержки с

воздуха, подвергалась непрерывным ударам немецкой авиации, действовавшей с ближайших норвежских аэродромов. Лиллехаммер пал после 24-часового боя, и английские и норвежские войска начали 140-мильный отход вверх по долине вдоль железной дороги на Ондалснес, останавливаясь то здесь, то там, чтобы вести арьергардные бои, которые замедляли, но никогда не останавливали продвижение немцев. В ночь на 1 мая английские войска были эвакуированы из Ондалснеса, а 2 мая был эвакуирован англо-французский контингент из Намсуса. Саму эвакуацию можно приравнять к героическим подвигам, ибо обе гавани, подвергаясь непрерывной бомбардировке немецкой авиацией, превратились в море огня. В ночь на 29 апреля король Норвегии и члены его правительства были взяты на борт английского крейсера "Глазго" возле Молде и доставлены в Тромсе, находившийся далеко за Полярным кругом, севернее Нарвика, где 1 мая была провозглашена временная столица.

К тому времени Южная Норвегия, где находились все основные города и порты, оказалась безвозвратно потерянной. Однако Северная Норвегия, казалось, оставалась в безопасности. 28 мая союзные силы в составе 25 тысяч человек, в том числе две бригады норвежцев, одна бригада поляков и два батальона французского иностранного легиона, изгнали намного уступавшие им в численности силы немцев из Нарвика. Казалось, нет оснований сомневаться, что теперь Гитлер будет лишен железной руды и не сможет оккупировать всю Норвегию и заставить норвежское правительство капитулировать. Однако в это время вермахт нанес ошеломляющий удар на Западном фронте, и теперь там был нужен каждый союзный солдат, чтобы затыкать образовавшиеся бреши. Союзные войска оставили Нарвик, поспешно погрузились на суда и отбыли, а генерал Дитль, отсиживавшийся в суровых горах возле шведской границы, 8 июня вновь занял город и порт Нарвик, а спустя четыре дня принял капитуляцию доблестного полковника Руге и ошеломленных норвежских войск, считавших, что англичане бросили их в беде. Король Хокон и его правительство 7 июня были взяты на борт крейсера "Девоншир" в Тромсе и вывезены в Лондон, где провели пять горьких лет изгнания {Первая попытка Квислинга управлять Норвегией длилась недолго. 15 апреля, спустя шесть дней после того, как он провозгласил себя премьер-министром, немцы изгнали его и назначили Административный совет в составе шести видных норвежских граждан, включая епископа Эйвинна Бергграва, главу лютеранской церкви в Норвегии, и Пола Берга, президента Верховного суда. Это было делом рук Берга, блестящего, но непоследовательного в своих убеждениях юриста, который позднее стал тайным руководителем норвежского движения

Сопротивления. 24 апреля Гитлер назначил Тербовена, известного своей беспощадностью молодого нацистского гаулейтера, рейхскомиссаром Норвегии. По существу, он и управлял страной, все время ужесточая оккупационный режим. Брейер, с самого начала выступавший против Квислинга, 17 апреля был отозван, уволен с дипломатической службы и направлен солдатом на Западный фронт. Немцы вновь поставили Квислинга на пост премьер-министра в 1942 году, но, будучи исключительно непопулярной личностью среди народа, он не обладал практической властью, несмотря на отчаянные усилия истово служить своим немецким хозяевам. В конце войны его судили как предателя и 24 октября 1945 года казнили.

Рейхскомиссар Норвегии Тербовен предпочел покончить с собой, чем сдаться. Кнут Гамсун, известный норвежский писатель, который открыто сотрудничал с немцами и восхвалял их деяния, был признан виновным в измене, но обвинения были сняты ввиду его преклонного возраста. Тем не менее его судили "за использование нацистского режима в целях наживы" и присудили к штрафу в 65 тысяч долларов. Умер он 19 февраля 1952 года в возрасте 93 лет. Генерал фон Фалькенхорст был предан суду как военный преступник. Смешанный англо-норвежский военный суд приговорил его к смертной казни за передачу военнопленных из числа союзных командос в руки СС в целях уничтожения. 2 августа 1946 года смертная казнь была заменена ему пожизненным тюремным заключением. — Прим. авт. }. А Дитля произвели в Берлине в генерал-майоры, наградили Рыцарским крестом, и сам Гитлер провозгласил его "победителем Нарвика".

Несмотря на потрясающие успехи, у фюрера были тяжелые минуты во время норвежской кампании. Дневник генерала Йодля испещрен немногословными записями о нервных вспышках фюрера. "Ужасное возбуждение" Йодль фиксирует 14 апреля после получения известия об уничтожении немецких военно-морских сил в Нарвике. 17 апреля у Гитлера произошел приступ истерии из-за потери Нарвика: он требовал эвакуировать войска Дитля по воздуху, что было совершенно невозможно. "Каждое скверное известие, — отмечал в тот день в своем дневнике Йодль, — порождает самые худшие опасения". Еще спустя два дня: "Снова кризис. Политическая акция не удалась. Посол Брейер отозван. По мнению фюрера, необходимо применить силу..." {13 апреля генерал Фалькенхорст, несомненно по наущению Гитлера, который неистовствовал из-за сопротивления норвежцев, подписал приказ, предусматривающий взятие в заложники двадцати наиболее выдающихся граждан Осло, в том числе епископа Бергграва и Пола Берга, которых, по словам Брейера,

намеревались расстрелять в случае продолжения сопротивления или актов саботажа. — Прим. авт. } Совещание в имперской канцелярии в Берлине 19 апреля, когда руководители трех видов вооруженных сил стали обвинять друг друга за задержку и промедление, приобрели столь ожесточенный характер, что "лакей" Кейтель даже потихоньку вышел из комнаты. "Опять в руководстве назревает угроза хаоса", — замечает Йодль. А 22 апреля добавляет: "Фюрер все сильнее беспокоится по поводу английских десантов".

23 апреля медленное продвижение немецких войск из Осло в направлении Тронхейма и Ондалснаса вызвало у фюрера, по записям Йодля, "нарастающее возбуждение", но на следующий день поступили неплохие известия. С этого дня они стали все более утешительными. К 26 апреля настроение нацистского правителя настолько улучшилось, что в 3. 30 утра, после ночи, проведенной с военными советниками, он заявил, что намерен начать операцию "Гельб" между 1 и 7 мая. Хотя 29 апреля Гитлер опять проявлял "обеспокоенность относительно Тронхейма", на следующий день он "сиял от радости", получив известие, что боевая группа из Осло достигла Тронхейма. Наконец он снова мог сосредоточить свое внимание на Западе. 1 мая он приказал завершить приготовления к крупному наступлению 5 мая.

Руководители вермахта — Геринг, Браухич, Гальдер, Кейтель, Йодль, Редер и другие впервые в ходе норвежской кампании наблюдали, как их демонический лидер теряет самообладание даже при незначительных военных неудачах. Эта слабость впоследствии проявлялась все сильнее, когда после целой серии поразительных успехов военное счастье изменило ему, что в немалой степени способствовало краху третьего рейха.

И все же, с какой стороны ни посмотри, быстрый захват Дании и Норвегии явился важной победой Гитлера и обескураживающим поражением англичан. Эта победа обеспечила безопасность доставки руды зимой в Германию, дала дополнительное прикрытие подступов к Балтике, позволила немецкому военно-морскому флоту решительно прорваться в Северную Атлантику и обеспечила немцев прекрасными портовыми сооружениями для базирования подводных лодок и надводных кораблей, чтобы вести войну на море против Англии. Она позволила Гитлеру приблизить свои авиационные базы на сотни миль к главному противнику. И, пожалуй, самое важное — это огромный рост военного престижа третьего рейха и, соответственно, упадок престижа западных союзников. Нацистская Германия казалась непобедимой. Австрия, Чехословакия, Польша, а теперь Дания и Норвегия легко развалились под ударами

Гитлера или под угрозой применения силы, и даже помощь двух крупных западных союзников в последнем случае не оказала никакого влияния на ход событий. Казалось, будущее, как писала одна известная американка, принадлежит Гитлеру и нацизму.

Для остальных нейтральных стран захват Гитлером Дании и Норвегии являлся вместе с тем ужасающим уроком. Очевидно, нейтралитет уже не давал гарантии маленьким демократическим государствам, пытающимся выжить в мире, где господствовали тоталитарные режимы. Только что это поняла Финляндия, а теперь Дания и Норвегия. Им, отказавшимся принять в свое время — до фактической агрессии — помощь дружественных держав, приходилось теперь винить себя за свою слепоту.

"Я верю, — говорил Черчилль в палате общин 11 апреля, — этот факт станет предметом размышлений для других стран, которые могут завтра, через неделю или через месяц сами стать жертвами столь же тщательно разработанных штабами плана их уничтожения и порабощения".

Говоря это, он, очевидно, думал о Голландии и Бельгии, но даже в этом случае, когда они получили месячную отсрочку, размышлений подобного рода не было {Шведы, оказавшиеся между Россией и Финляндией, балтийскими странами и Германией, захватившей граничащие со Швецией Норвегию и Данию, после долгих размышлений пришли к выводу, что у них нет иного выбора, как цепляться за свой драгоценный нейтралитет или погибнуть в бою, если они подвергнутся нападению. Они умиротворили Советский Союз, отказав западным союзникам в транзите их войск в Финляндию, а теперь, уступая сильному давлению Германии, умиротворили ее. Хотя Швеция и послала внушительную партию оружия в Финляндию, теперь, когда Норвегия подверглась нападению, она отказала ей в продаже оружия и топлива. В течение всего апреля немцы требовали, чтобы шведы разрешили транзит своих войск в Нарвик на выручку Дитля, но шведы так и не дали разрешения до конца боевых действий, хотя поезд с медицинским персоналом и продовольствием пропустили. 19 июня, опасаясь прямого нападения со стороны Германии, шведы уступили давлению Гитлера и согласились пропускать через свою территорию железнодорожные составы с нацистскими войсками и военными материалами в Норвегию при условии, что число войск гарнизонов в Норвегии не нарушит существующего баланса. Это была огромная помощь Германии. Перевозка свежих гитлеровских войск и военных грузов по шведской территории избавляла их от риска быть уничтоженными англичанами при транспортировке по морю. За первые шесть месяцев в Норвегии было заменено 140 тысяч немецких солдат и немецкий

контингент значительно увеличился. Позднее, перед самым нападением немцев на Россию, Швеция дала разрешение нацистскому верховному командованию на пропуск через свою территорию целой дивизии с боевой техникой и оружием из Норвегии в Финляндию для использования против Советского Союза. То, в чем она отказала западным союзникам годом раньше, теперь было разрешено нацистской Германии. Более подробно о немецком давлении на Швецию, включая обмен письмами между королем Густавом V и Гитлером, см. "Документы по внешней политике Германии" (IX). Автор подробно изложил этот вопрос в своей работе "Вызов Скандинавии". — Прим. авт. }.

Нужно было извлечь определенные выводы из молниеносного захвата Гитлером скандинавских стран. Наиболее серьезный вывод — значение авиации, ее превосходства над военно-морскими силами, когда наземные авиабазы находятся поблизости. Не менее важен был старый вывод, что победы часто достигает тот, кто действует решительно и изобретательно. И то и другое было присуще нацистской авиации и флоту, а Дитль в Нарвике проявил изобретательность, какая отсутствовала у союзников.

И еще один существенный военный итог скандинавской кампании, который не был оценен сразу, поскольку не представлялось возможным заглянуть слишком далеко вперед. Потери в живой силе с обеих сторон оказались сравнительно невелики. Немцы потеряли 1317 человек убитыми, 2375 пропавшими без вести и 1604 ранеными, всего — 5296 человек; потери норвежцев, французов и англичан составили чуть менее 5 тысяч. Англичане потеряли один авианосец, один крейсер и семь эсминцев, поляки и французы — по одному эсминцу. Немецкие потери оказались более существенными: десять из двадцати эсминцев, три из восьми крейсеров, линейные крейсера "Шарнхорст" и "Гнейзенау", а также карманный линкор "Лютцов" получили столь серьезные повреждения, что в течение нескольких месяцев находились в ремонте. Для предстоящей летней кампании у Гитлера не было настоящего флота. Когда подошло время осуществлять вторжение на Британские острова — а время это подошло очень скоро, — отсутствие достаточных военно-морских сил оказалось непреодолимым для операции "Морской лев".

Однако тяжелые потери немецкого флота не вызывали теперь особой тревоги у фюрера, и, включив в начале мая Данию и Норвегию в длинный список своих завоеваний, он работал рука об руку со своими старательными генералами, ибо они уже отбросили сомнения, обуревавшие их прошлой осенью, над последними приготовлениями к операции, которая — они были в этом уверены — должна была привести их к величайшей

победе.

Часть 21. Победа на Западе

Прекрасным весенним утром 10 мая 1940 года посол Бельгии и посланник Нидерландов в Берлине были вызваны на Вильгельмштрассе, где Риббентроп сообщил им, что немецкие войска вступают на территорию их стран в целях обеспечения их нейтралитета перед лицом нависшей угрозы нападения англо-французских армий — аналогичный бесчестный предлог был использован всего месяц назад для оправдания оккупации Дании и Норвегии. Официальный немецкий ультиматум призывал оба правительства принять необходимые меры, чтобы воспрепятствовать оказанию сопротивления. В случае такового оно будет решительно подавлено всеми имеющимися средствами и ответственность за кровопролитие "всецело ляжет на королевское бельгийское и королевское нидерландское правительства".

В Брюсселе и Гааге, как недавно в Копенгагене и Осло, немецкие послы направились в министерства иностранных дел с аналогичными посланиями. По иронии судьбы в Гааге ультиматум должен был вручить граф Юлиус фон Зех-Буркерсроде, немецкий посланник, являвшийся зятем Бетман-Холвега, бывшего канцлера кайзера, который в 1914 году публично назвал немецкие гарантии нейтралитета Бельгии, только что нарушенные империей Гогенцоллернов, клочком бумаги.

В министерстве иностранных дел в Брюсселе, в то время как немецкие бомбардировщики с ревом проносились над бельгийской столицей и от разрывов сбрасываемых ими на ближайшие аэродромы бомб дребезжали стекла, Бюлов-Шванте, немецкий посол, начал было извлекать из своего кармана официальную бумагу, но Поль Анри Спаак остановил его:

"Прошу прощения, господин посол. Первым буду говорить я. Германская армия только что напала на нашу страну, — сказал Спаак, не пытаясь скрыть своего возмущения. — Уже во второй раз за двадцать пять лет Германия совершает преступную агрессию против нейтральной и лояльной Бельгии. То, что случилось, является даже более одиозным, чем агрессия 1914 года. Ни ультиматума, ни ноты, ни протеста какого бы то ни было характера не было предъявлено бельгийскому правительству. Только после нападения Бельгия узнала, что Германия нарушила взятые на себя обязательства... Германский рейх будет нести за это ответственность перед историей. Бельгия полна решимости защищать себя".

Незадачливый немецкий дипломат начал было читать немецкий

ультиматум, но Спаак прервал его: "Дайте мне документ. Я хочу избавить вас от исполнения неприятной обязанности".

Третий рейх не первый раз давал этим двум маленьким государствам гарантии нейтралитета. Независимость и нейтралитет Бельгии были гарантированы "бессрочно" пятью великими европейскими державами в 1839 году пактом, который соблюдался в течение 75 лет, пока Германия в 1914 году не нарушила его. Веймарская республика обещала никогда не поднимать оружие против Бельгии, и Гитлер, придя к власти, неоднократно заверял, что соблюдение нейтралитета Бельгии незыблемо, и дал такие же гарантии Нидерландам. 30 января 1937 года, отказавшись считаться с условиями Локарнского договора, нацистский канцлер публично заявил:

"Германское правительство дало дальнейшие заверения Бельгии и Голландии, что оно готово признать и гарантировать нейтралитет этих территорий и нерушимость их границ".

Напуганная ремилитаризацией третьего рейха и оккупацией им Рейнской области весной 1936 года Бельгия, разумно отказавшаяся после 1918 года от политики нейтралитета, теперь вновь искала спасения в провозглашении нейтралитета. 24 апреля 1937 года Англия и Франция освободили ее от обязательств по Локарнскому договору, а 13 октября этого же года Германия официально и торжественно подтвердила свою решимость ни при каких обстоятельствах не причинять ущерба неприкосновенности и целостности Бельгии и во все времена уважать неприкосновенность бельгийской территории и оказывать Бельгии помощь, если она окажется объектом нападения...

Начиная с этого дня в частных указаниях Гитлера генералам появляется пункт, совершенно противоположный тем публичным заверениям, которые он источал в адрес Бельгии и Нидерландов. 24 августа 1938 года, касаясь одного из докладов, подготовленных для него в связи с разработкой плана "Грюн" (нападение на Чехословакию), он говорил о том огромном преимуществе, которое дала бы Германии оккупация Бельгии и Голландии, и спросил у армии мнение, "при каких условиях можно было бы осуществить оккупацию этого района и сколько времени для этого потребовалось бы". 28 апреля 1939 года в своем ответе Рузвельту Гитлер вновь подчеркивал "обязывающие заверения", которые он сделал Нидерландам и Бельгии в числе других. Не прошло и месяца, как 23 мая фюрер заявил своим генералам, что "голландские и бельгийские аэродромы должны быть отняты силой... с молниеносной быстротой", что "следует игнорировать декларации о нейтралитете". Он еще не начал войну, но планы у него уже созрели. 22 августа, за неделю до нападения на Польшу,

он совещался со своими генералами относительно возможности нарушить нейтралитет Голландии и Бельгии. "Англия и Франция, — сказал он, — не станут нарушать нейтралитет этих стран". Четырьмя днями позднее, 26 августа, он приказал своим послам в Брюсселе и Гааге проинформировать соответствующие правительства, что в случае возникновения войны "Германия ни при каких обстоятельствах не нарушит неприкосновенность границ Бельгии и Голландии" — заверение, которое он публично повторил 6 октября по завершении польской кампании. На следующий день, 7 октября, генерал Браухич по указанию Гитлера предложил своим командующим группами армий осуществить все приготовления для немедленного вторжения на территорию Голландии и Бельгии, если этого потребует политическая обстановка.

А еще двумя днями позднее, 9 октября, в Директиве э 6 Гитлер приказывал:

"... Подготовить наступательные операции через люксембургско-бельгийско-голландскую территорию. Это наступление должно быть проведено как можно более крупными силами и как можно скорее... Целью этих наступательных операций является разгром по возможности большей части французской действующей армии и сражающихся на ее стороне союзников и одновременно захват возможно большей голландской, бельгийской и северофранцузской территории..."

Бельгийцы и голландцы, разумеется, были не в курсе секретных приказов Гитлера, тем не менее они получили предостережение относительно того, что их ожидало. О некоторых предостережениях уже говорилось ранее: полковник Остер, один из антинацистских заговорщиков, предупредил 5 ноября голландского и бельгийского военных атташе в Берлине, что немецкое нападение запланировано на 12 ноября. В конце октября Герделер, другой участник антинацистского заговора, выехал по настоянию Вайц-зека в Брюссель, чтобы предупредить бельгийцев о предстоящем нападении. А вскоре после Нового года, точнее, 10 января 1940 года гитлеровские планы наступления на Западе попали в руки бельгийцев, когда офицер, который вез эти документы, совершил вынужденную посадку в Бельгии.

К тому времени генеральные штабы Бельгии и Голландии знали от своих приграничных разведывательных служб, что Германия сосредоточивает у границы около 50 дивизий. Воспользовались они и необычным источником информации в самой немецкой столице. Таким источником оказался полковник Г. Дж. Сас, нидерландский военный атташе в Берлине. Сас был близким другом полковника Остера и часто обедал в его

уединенном доме, расположенном в пригороде Берлина Целендорф, — этой практике способствовало введенное с начала войны затемнение, под прикрытием которого ряд лиц, как иностранцев, так и немцев, осуществляли в Берлине свои рискованные миссии, не опасаясь попасть в поле зрения немецкой контрразведки. Именно Сасу полковник Остер сообщил в начале ноября о немецком нападении, назначенном на 12 ноября. Он же сообщил в январе военному атташе о новом сроке нападения. Ни в первом, ни во втором случае нападения не произошло, и в Брюсселе, и в Гааге вера в правдивость информации Саса оказалась несколько поколеблена — там, разумеется, не знали, что Гитлер действительно дважды устанавливал даты нападения, а затем отменял их. Однако предупреждение, переданное Сасом в Гаагу за десять дней до нападения на Норвегию и Данию, позднее подтвердившееся, очевидно, до некоторой степени восстановило его престиж.

3 мая Остер совершенно четко сообщил Сасу, что немецкое наступление на Западе через территорию Нидерландов и Бельгии начнется 10 мая, и военный атташе немедленно сообщил об этом своему правительству. На следующий день в столице Нидерландов получили подтверждение этой информации от голландского посла в Ватикане. Гаага немедленно известила об этом Брюссель. 5 мая было воскресенье, а уже в начале следующей недели всем нам в Берлине стало очевидно, что удар на Западе последует в ближайшие дни. Напряжение в столице усиливалось. К вечеру 8 мая я отправил в свой офис в Нью-Йорке телеграмму с просьбой задержать одного из наших корреспондентов в Амстердаме, вместо того чтобы отправлять его в Норвегию, где война, вероятно, уже закончилась. В тот вечер военные цензоры позволили мне намекнуть в радиопередаче, что вскоре развернутся события на Западе, включая Голландию и Бельгию.

Вечером 9 мая Остер и Сас обедали вдвоем, и этот совместный обед оказался для них последним. Немецкий офицер подтвердил, что отдан приказ начать наступление на Западе завтра на рассвете. Чтобы еще раз удостовериться в том, что никаких изменений в последнюю минуту не произойдет, Остер после обеда (скорее, после ужина) наведлся в штаб ОКБ на Бендлерштрассе. Никаких изменений. "Свинья отбыла на Западный фронт", — передал Остер Сасу. Под "свиньей", естественно, подразумевался Гитлер. Сообщив эту новость бельгийскому военному атташе, Сас направился в свое посольство и позвонил в Гаагу. Для передачи такого сообщения существовал специальный код, и Сас произнес несколько безобидных на первый взгляд слов, которые означали: "Завтра на рассвете. Держитесь! "

Как ни странно, но две великие западные державы — Англия и Франция оказались застигнуты врасплох. Их генеральные штабы игнорировали тревожные донесения из Брюсселя и Гааги. Лондон был охвачен правительственным кризисом, который продлился три дня и разрешился только вечером 10 мая, когда Чемберлена на посту премьер-министра сменил Черчилль. Французский и английский штабы впервые услышали о немецком нападении, когда тишину предрассветного утра разорвал грохот немецких самолетов и визг пикирующих бомбардировщиков. С наступлением утра голландское и бельгийское правительства, до того державшие союзников на почтительном расстоянии в течение восьми месяцев, вместо того чтобы согласованно действовать в интересах укрепления общей обороны, обратились к ним с отчаянной мольбой о помощи.

Тем не менее планы союзников ответить на немецкое наступление в Бельгии начали осуществляться почти без задержек в первые два дня. Огромная англо-французская армия устремилась на северо-восток с франко-бельгийской границы, чтобы занять главную оборонительную линию вдоль рек Диль и Маас восточнее Брюсселя. Именно этого и добивалось высшее немецкое командование, ибо массированный обходный маневр союзников был ему крайне выгоден. Англо-французские войска, не осознавая этого, шли прямо в западню, что вскоре и привело союзные армии к полной катастрофе.

Альтернативные планы

Первоначальный вариант плана наступления на Западе, который в январе стал известен бельгийцам и, как подозревали немцы, французам и англичанам, подвергся коренным изменениям. Операция, получившая кодовое название "Гельб", была наскоро состряпана в конце 1939 года высшим командованием вермахта под давлением Гитлера, требовавшего предпринять наступление на Западе не позднее середины ноября. Среди военных историков да и среди самих немецких генералов ведутся споры о том, не являлся ли первый план модифицированной версией старого плана Шлиффена; Гальдер и Гудериан утверждали, что это именно так. Этот план предусматривал нанесение немцами основного удара на правом фланге через Бельгию и Северную Францию с целью захватить порты на французском побережье Ла-Манша. Совсем немногим отличался он от знаменитого плана Шлиффена, претворение в жизнь которого едва не привело немцев к успеху в 1914 году и который обеспечивал не только захват портов на Ла-Манше, но и мощный обходный маневр, что могло завершиться выходом правого крыла немецких армий через Бельгию и

Северную Францию и через Сену в район, откуда они могли повернуть на восток южнее Парижа и там окружить и разгромить остатки французских вооруженных сил. Целью такой операции было стремление быстро покончить с вооруженным сопротивлением французов, с тем чтобы Германия уже в 1914 году обратила свою военную мощь против России.

Однако в 1939–1940 годах у Гитлера не было оснований беспокоиться по поводу русского фронта. Тем не менее его цель была более ограниченной. Во всяком случае, на первой фазе кампании он собирался не разгромить французскую армию, а только потеснить ее таким образом, чтобы, оккупировав побережье Ла-Манша и тем самым отрезав Англию от своего союзника на континенте и обеспечив себя авиационными и военноморскими базами, Германия могла тревожить Британские острова и осуществлять их блокаду. Как явствует из его разглаговольствований перед генералами в те дни, Гитлер полагал, что после такого поражения Англия и Франция согласятся на заключение мира и он сможет еще раз направить свои устремления на Восток.

Еще до того как первоначальный вариант плана "Гельб" попал в руки западных союзников, их верховное командование предвидело его основную идею. 17 ноября Высший военный совет союзников на своем заседании в Париже одобрил "План Д", который в случае немецкого наступления через Бельгию предусматривал немедленную переброску французских 1-й и 9-й армий и английских экспедиционных сил к главному бельгийскому оборонительному рубежу по рекам Диль и Маас от Антверпена через Левен, Намюр и Живе к Шер-левиль-Мезьер. За несколько дней до этого французский и английский генеральные штабы в ходе ряда секретных совещаний с представителями высшего военного командования Бельгии получили от последних заверения, что они усилят оборону на этом рубеже и окажут здесь основное сопротивление. Однако, все еще цепляясь за свой иллюзорный нейтралитет, что поддерживало в них надежду, будто им удастся избежать войны, бельгийцы да пыле этих договоренностей не пошли. Английский комитет начальников штабов доказывал, что если немцы начнут наступление, то времени для развертывания сил союзников на столь близком расстоянии не будет, тем не менее по настоянию генерала Гамелена "План Д" был принят.

В конце ноября союзники добавили к плану пункт, предусматривавший быструю переброску 7-й армии под командованием генерала Анри Жиро на побережье Ла-Манша в помощь голландцам, если Нидерланды подвергнутся немецкому нападению. Таким образом, попытка немцев вторгнуться через Бельгию — и, возможно, через Голландию — в

обход линии Мажино натолкнется в самом начале на мощь английских экспедиционных сил, основных сил французской армии, 22 бельгийских и 10 голландских дивизий — силе в целом, как выяснилось, по численности равной немецкой.

Чтобы избежать фронтального столкновения и в то же время заманить в западню английскую и французскую армии, которые будут опрометчиво стремиться вперед, генерал Эрих фон Манштейн (урожденный Левинский), начальник штаба группы армий "А" под командованием Рундштедта, предложил радикально изменить план "Гельб". Манштейн, штабной офицер, имевший относительно невысокое звание, но богатое воображение, в течение зимы сумел изложить свою смелую идею Гитлеру вопреки первоначальным возражениям Браухича, Гальдера и ряда других генералов. Его предложение сводилось к тому, чтобы главный удар был нанесен в центре, через Арденны, массированными бронетанковыми силами, которым затем предстоит форсировать реку Маас севернее Седана, вырваться на оперативный простор и устремиться к Ла-Маншу, в район Абвиля.

Гитлер, которому всегда импонировали дерзкие решения, заинтересовался этим вариантом. Рундштедт стал без устали проталкивать эту идею не только потому, что он поверил в нее, но и потому, что в этом случае его группа армий "А" приобретала решающую роль в наступлении. Хотя личная неприязнь Гальдера и профессиональная зависть некоторых старших по званию генералов и привели в конце января к переводу Манштейна со штабной должности на должность командира корпуса, он все же использовал представившуюся ему во время обеда, устроенного фюрером в честь ряда новых командиров корпусов 17 февраля в Берлине, возможность и изложил Гитлеру свои неортодоксальные взгляды. Он доказывал, что удар танковыми силами через Арденны пришелся бы как раз по тому участку, где его союзники меньше всего ожидают, поскольку их генералы, как и большинство немецких генералов, считают эту сильно пересеченную, покрытую лесами местность непригодной для танков. Ложное наступление на правом фланге вынудило бы английские и французские армии устремиться в Бельгию. Затем, прорвав оборону французов у Седана и продвигаясь на запад вдоль правого берега реки Соммы к Ла-Маншу, немцы захлопнули бы западню для крупных англофранцузских сил, а также для бельгийской армии.

Это был довольно рискованный, как подчеркивали некоторые генералы, в том числе и Йодль, план. Но к этому времени Гитлер, считавший себя военным гением, практически уверовал в то, что идея эта

его собственная, и высказывался в ее поддержку со все большим энтузиазмом. Генерал Гальдер, вначале отвергавший эту идею как сумасбродную, затем начал воспринимать ее как разумное предложение и при помощи офицеров генерального штаба значительно улучшил предложенный вариант. 24 февраля 1940 года план был официально одобрен и принят новой директивой ОКБ, а генералам было предложено к 7 марта произвести перегруппировку своих войск. В ходе пересмотра из общего плана кампании, утвержденного 29 октября 1939 года, случайно выпал вопрос об оккупации Нидерландов, но 14 ноября был включен вновь по настоянию военно-воздушных сил, которые нуждались в голландских аэродромах для проведения воздушных операций против Англии и для снабжения значительной части воздушно-десантных войск в этой небольшой, но сложной операции. Такого рода соображения иногда играют решающую роль в судьбах небольших государств.

Итак, по мере того как кампания в Норвегии приближалась к победоносному завершению и становилось тепло, немецкая армия, самая мощная, какую когда-либо видел мир, наращивала готовность нанести удар на Западе. В численном отношении силы сторон были почти равны-136 немецких дивизий против 135 французских, английских, бельгийских и голландских. Преимущество обороняющейся стороны заключалось в наличии широкой сети оборонительных сооружений: непреодолимая линия Мажино на юге, вытянутая линия бельгийских фортов в середине и укрепленные водные рубежи в Голландии на севере. Даже по количеству танков союзники не уступали немцам. Однако они не сосредоточили их так, как это сделали немцы. А из-за приверженности голландцев и бельгийцев к идее нейтралитета не было тесного взаимодействия и согласованности между штабами союзников, чтобы обороняющаяся сторона могла объединить свои ресурсы и усилия в целях достижения наилучших результатов. У немцев было единое командование, инициатива нападающей стороны, их не обуревали сомнения морального порядка.

Готовясь к агрессии, они обладали непоколебимой уверенностью в самих себе и смелым планом. У них имелся боевой опыт, приобретенный в польской кампании. Там они проверили на практике свою новую тактику и новое оружие. Им уже были известны возможности пикирующего бомбардировщика и массированного применения танков. И они знали, со слов Гитлера, который не переставал их повторять, что, хотя французам придется защищать родную землю, чудеса героизма они не проявят.

Несмотря на уверенность и решимость, немецкое верховное командование, как это явствует из секретных документов, по мере

приближения часа "Ч" временами впадало в панику. По крайней мере, это испытывал Гитлер как верховный главнокомандующий. Об этом пишет генерал Йодль в своем дневнике. В самый последний момент Гитлер отменял ранее назначенное время наступления: 1 мая он наметил наступление на 5 мая; 3 мая он передвинул дату наступления с 5 мая на 6-е, сославшись на плохой прогноз погоды, в действительности же, очевидно, из-за того, что министерство иностранных дел не находило достаточно оправданными предложенные им мотивы для нарушения нейтралитета Бельгии и Нидерландов. На следующий день он наметил "день X" на 7 мая, а затем опять перенес его на 8 мая. "Фюрер закончил обдумывание оправдательных доводов для плана "Гельб", — отметил в своем дневнике Йодль. Бельгию и Голландию нужно было обвинить в действиях, совершенно недопустимых для нейтральной страны.

"7 мая. Поезд фюрера должен был отправиться из Финкенкруга в 16.38 по расписанию (из дневника Йодля). Однако погода оставалась неопределенной, поэтому приказ (на наступление) был отменен... Фюрер крайне обеспокоен переносом начала наступления, поскольку существует опасность предательства. Разговор бельгийского посла в Ватикане с Брюсселем дает основание полагать, что измена совершена каким-то немцем, выехавшим из Берлина в Рим 29 апреля...

8 мая. Тревожные вести из Голландии. Отмена отпусков, эвакуации, блокирование дорог и другие мобилизационные приготовления... Фюрер больше не хочет ждать. Геринг просит отодвинуть начало наступления хотя бы до 10-го... Фюрер крайне обеспокоен; он соглашается передвинуть дату наступления на 10 мая, по его словам, вопреки интуиции. Но ни на один день дольше...

9 мая. Фюрер принял решение начать наступление 10 мая. Это уже наверняка. Отъезд вместе с фюрером в его поезде назначен на 17.00 из Финкенкруга. После получения благоприятной сводки погоды на 10-е, вечером 9-го, в 21.00, в войска было передано кодовое слово "Данциг".

Гитлер в сопровождении Кейтеля, Йодля и некоторых других представителей ОКБ прибыл в штаб-квартиру возле Мюнстера, название которой дал он сам — Фельзеннест, как раз перед самым рассветом 10 мая. В 25 милях к западу германские вооруженные силы устремились через бельгийскую границу. На фронте протяженностью 175 миль от Северного моря до линии Мажино нацистские войска пересекли границы трех небольших нейтральных государств Голландии, Бельгии и Люксембурга, грубо нарушив свои торжественно данные и многократно повторенные гарантии. захваченных районов. Неужели союзные командующие не

изучили особенностей этих кампаний и не сделали для себя соответствующих выводов?

Шестинедельная война: 10 мая — 25 июня 1940 года

Для Нидерландов война закончилась через пять дней. За этот же короткий период времени фактически была решена судьба Бельгии, Франции и английских экспедиционных сил. Для немцев все шло по плану, и не только по плану, а в соответствии со стратегическими и тактическими замыслами. Их успехи превзошли даже самые безрассудные мечты Гитлера. Его генералы были поражены молниеносной быстротой и размахом собственных побед. Что касается руководителей союзных держав, то развитие событий, которых они никоим образом не ожидали, и последовавшая затем полнейшая неразбериха, которой они не могли ожидать, просто парализовала их.

Сам Уинстон Черчилль, который вступил на пост премьер-министра в первый день сражения, был ошеломлен. В половине седьмого утра 15 мая его разбудил телефонный звонок премьер-министра Франции Поля Рейно из Парижа, который взволнованным голосом сообщил: "Нас разбили! Нас бьют! " Черчилль не мог этому поверить. Чтобы великая французская армия исчезла за одну неделю? Это невозможно. "Для меня были непостижимы масштабы революции, произошедшей в военном деле со времен последней войны и проявившейся в массированном применении танков", — писал позднее Уинстон Черчилль.

Танки — семь танковых дивизий, сосредоточенные на самом слабом участке обороны западных союзников для крупного прорыва, — вот что позволило добиться таких результатов. Эти танки и пикирующие бомбардировщики, парашютисты и десантируемые по воздуху войска, высадившиеся далеко позади оборонительных рубежей союзников или прямо на казавшиеся неприступными форты, повергли в полнейшее смятение западных союзников.

И все же мы, кто в это время находился в Берлине, не могли не удивляться тому, что тактика немцев и их способы действий оказались столь ошеломляющими для лидеров западных держав.

Разве войска Гитлера не продемонстрировали свою эффективность в боевых действиях против Польши? И там крупнейшие прорывы, завершавшиеся окружением или уничтожением польских армий в пределах недели, были осуществлены благодаря массированному применению танков после того, как пикирующие бомбардировщики сломили сопротивление поляков. Парашютисты и воздушно-десантные войска действовали в Польше неэффективно, даже когда их использовали в

ограниченных масштабах; они не смогли захватить ключевые мосты в исправном состоянии. Но в Норвегии, за месяц до наступления на западном направлении, они действовали удивительно успешно, захватив Осло и все аэродромы, усилив отдельные небольшие группы, которые были высажены с моря в Ставангере, Бергене, Тронхейме и Нарвике, и тем самым обеспечив успешное удержание этими группами

Завоевание Нидерландов

Только одну танковую дивизию выделили немцы для захвата Нидерландов, который был осуществлен всего за пять дней в основном парашютистами и войсками, доставленными на самолетах в районы позади крупных водных рубежей, созданных посредством затопления, что, как считали многие в Берлине, должно было надолго задержать немецкие войска. К изумлению озадаченных голландцев, впервые в истории военного дела действия против них свелись к проведению крупномасштабной воздушно-десантной операции. Учитывая внезапность такой акции, голландцы тем не менее сделали больше, чем можно было от них ожидать.

Первоочередная задача немцев состояла в том, чтобы доставить сюда по воздуху крупные силы, высадить их на аэродромах близ Гааги, сразу же оккупировать столицу и захватить королеву и правительство, как пытались они это сделать месяцем ранее в Норвегии. Однако в Гааге, как и в Осло, осуществить намеченные планы не удалось, правда из-за иных обстоятельств. Придя в себя после неожиданного нападения и преодолев неразбериху, голландская пехота, поддержанная артиллерией, к вечеру 10 мая оттеснила немцев в составе двух полков с трех аэродромов, расположенных вокруг Гааги. Это задержало на некоторое время захват столицы и спасло правительство, однако скованы голландские резервы, которые были крайне необходимы в других местах.

Ключевым моментом в немецком плане был захват воздушно-десантными подразделениями мостов через Маас, расположенных чуть южнее Роттердама и в устье Мааса у Дордрехта, на юго-востоке. Именно через эти мосты генерал Георг фон Кюхлер надеялся переправить в Голландию свою 18-ю армию, двигавшуюся от границы Германии, проходившей почти в 100 милях отсюда. Никаким иным путем нельзя было быстро овладеть этим районом, находившимся за грозными водными препятствиями и охватывавшим Гаагу, Амстердам, Утрехт, Роттердам и Лейден,

Мосты были захвачены утром 10 мая воздушно-десантными подразделениями, причем одна рота приземлилась на реке у Роттердама в отживших свой век гидросамолетах, прежде чем ошарашенная

внезапностью голландская охрана успела их взорвать. Голландские подразделения предпринимали отчаянные усилия, чтобы отогнать немцев от мостов, и уже были близки к успеху, но немцы сумели продержаться до утра 12 мая, когда здесь появилась танковая дивизия из армии Кюхлера, ранее прорвавшая оборонительный рубеж Греббе, Пиил на востоке, усиленный несколькими водными препятствиями, на которых, как надеялись голландцы, можно было задержать противника на несколько дней.

Оставалась некоторая надежда, что немцев удастся задержать до мостов, у Мердика, силами французской 7-й армии под командованием генерала Жиро, которая направилась сюда с берегов Ла-Манша и достигла Тилбурга в полдень 11 мая. Однако у французов, как и у голландцев, оказавшихся под сильнейшим давлением, не хватало авиационной поддержки, бронетанковых средств, противотанковых и зенитных орудий, поэтому их легко отбрасывали назад, к Бреде. Это открыло немецкой 9-й танковой дивизии дорогу через мосты у Мердика и Дордрехта, и в полдень 12 мая она появилась на левом берегу Мааса, где немецкие десантники все еще удерживали в своих руках мосты.

Но пройти по мостам в Роттердам танки не могли, так как голландцы за это время сумели заблокировать их с севера. К утру 14 мая обстановка для голландцев сложилась крайне тяжелая, но небезнадежная. Голландия пока что не была повержена. Немецкие воздушно-десантные подразделения, высадившиеся вокруг Гааги, были либо взяты в плен, либо рассеяны по близлежащим деревням. Роттердам все еще держался. Немецкое верховное командование, надеявшееся снять с голландского фронта одну танковую дивизию и части поддержки, чтобы использовать их в развитие только что возникших благоприятных условий во Франции, оказалось в затруднительном положении. Утром 14 мая Гитлер издал Директиву э 11, в которой констатировал: "... Соппротивление голландской армии оказалось более стойким, чем предполагалось. Как политические, так и военные факторы требуют сломить это сопротивление в кратчайший срок". Как? Он приказал высвободить часть сил и средств из полосы 6-й армий в Бельгии, чтобы "облегчить быстрое овладение крепостью Голландия".

Гитлер и Геринг отдали специальный приказ об ожесточенной бомбардировке Роттердама. Голландцев вынудят капитулировать, используя для этого нацистский террор, тот самый, который был использован против осажденной Варшавы прошлой осенью.

Утром 14 мая немецкий штабной офицер из 39-го корпуса прошел с

белым флагом по мосту у Роттердама и потребовал сдачи города. Он предупредил, что в случае отказа город будет подвергнут бомбардировке. Пока голландский офицер вел переговоры о капитуляции в штабе немцев, размещавшемся возле моста, обсуждая ее детали, а потом возвращался к себе с немецкими условиями, над городом появились бомбардировщики и стерли с лица земли всю центральную часть Роттердама. Около 800 человек, в основном из числа гражданского населения, было убито, несколько тысяч ранено и 78 тысяч остались без крова {Тогда было сообщено, что погибло не менее 25–30 тысяч голландцев, и долгое время этому верили. Однако на Нюрнбергском процессе голландское правительство назвало цифру 814. — Прим. авт. }.

Этот акт вероломства, акт преднамеренной жестокости надолго сохранился в памяти голландцев, хотя на Нюрнбергском процессе Геринг, так и Кессельринг обосновывали бомбардировку Роттердама тем, что он не являлся открытым городом и упорно оборонялся. И тот и другой утверждали, что им не было ничего известно о переговорах по поводу капитуляции города, когда они направили туда бомбардировщики, хотя, как явствует из архивных документов немецкой армии, они хорошо знали об этом. Во всяком случае, ОКВ не принесло в то время никаких извинений. Вечером 14 мая я слушал специальную сводку ОКВ по Берлинскому радио:

"Впечатляющие удары немецких пикирующих бомбардировщиков и неотвратимость танковой атаки заставили город Роттердам капитулировать и тем самым спасти себя от разрушения".

После того как Роттердам сдался, капитулировали и голландские вооруженные силы. Королева Вильгельмина и правительство на двух английских эсминцах бежали в Лондон. 14 мая, с наступлением сумерек, генерал Винкельман, главнокомандующий голландскими вооруженными силами, отдал своим войскам приказ сложить оружие, а на следующий день, в 11 часов, подписал официальный документ о капитуляции. За пять дней все было закончено. То есть с боями было закончено. Над маленькой цивилизованной страной, подвергшейся насилию, почти на пять лет опустилась ночь жестокого немецкого террора.

Падение Бельгии и окружение англо-французских армий

Ко времени капитуляции Голландии уже был брошен жребий, определивший судьбу Бельгии, Франции и английских экспедиционных сил. 14 мая оказалось фатальным, хотя с начала Немецкого наступления это был всего лишь пятый день. Накануне вечером германские танковые части захватили четыре моста через реку Маас с крутыми, покрытыми густым лесом берегами между Динаном и Седаном, овладев последним, который в

1870 году был свидетелем капитуляции Наполеона III перед немецким генералом Мольтке и конца третьей империи, и теперь создавали серьезную угрозу центру обороны союзников и важнейшему участку, откуда цвет французской и английской армий так быстро достиг Бельгии.

На следующий день, то есть 14 мая, лавина прорвалась. Танковая армия, невиданная в истории войн по своей численности, концентрации боевой техники, мобильности и ударной мощи, которая начала продвижение от немецкой границы еще 10 мая, тремя колоннами, растянувшись на сотни километров, теперь прорвалась через французские 9-ю и 2-ю армии и устремилась к Ла-Маншу, оставив союзные войска в Бельгии. Это была грозная, неумолимая сила. Ее появлению предшествовали следовавшие одна за другой атаки пикирующих бомбардировщиков, которые обрабатывали французские оборонительные рубежи; на месте переправ через реки и каналы кишмя кишели саперы и понтонеры, ставившие на воду резиновые лодки и наводившие понтонные мосты; у каждой танковой дивизии имелась своя самоходная артиллерия и по одной бригаде мотопехоты; а непосредственно за танковыми корпусами шли дивизии моторизованной пехоты с целью закрепиться на позициях, захваченных танковыми частями, — такую махину из стали и огня невозможно было остановить теми средствами, которыми располагали ошеломленные обороняющиеся. По обе стороны от Динана на Маасе французы не выдержали натиска 15-го танкового корпуса генерала Германа Гота, в котором одной из двух танковых дивизий командовал молодой энергичный бригадный генерал Эрвин Роммель. Далее на юг вдоль реки возле Монтерме танковый корпус генерала Георга Рейнхардта тоже прорвал двумя танковыми дивизиями оборону французов.

Однако самый главный удар по союзникам был нанесен у Седана, который в памяти французов всегда ассоциировался с катастрофой. Утром 14 мая две танковые дивизии из 19-го танкового корпуса генерала Гейнца Гудериана быстро проскочили по наскоро наведенному через Маас понтонному мосту и нанесли удар в западном направлении. Хотя французские бронетанковые силы и английские бомбардировщики предпринимали отчаянные усилия, чтобы разрушить этот мост (только в ходе одного налета 40 (из 71) английских самолетов было сбито огнем зенитной артиллерии и уничтожено 70 французских танков), им не удалось даже повредить его. К вечеру немецкий плацдарм у Седана составлял уже 30 миль в ширину и 15 в глубину, а французские войска на центральном участке обороны союзников оказались разгромлены. Те же, кто не попал в окружение или в плен, в беспорядке отступали. Над франко-английскими

армиями на севере, а также 22 бельгийскими дивизиями нависла зловещая угроза оказаться отрезанными.

Первые два дня для союзников прошли довольно хорошо — так, по крайней мере, они думали. Для Черчилля, только что окунувшегося в водоворот событий в новом для него качестве премьер-министра, до вечера 12 мая, как писал он впоследствии, "не было никаких оснований считать, что операции развиваются плохо" {Два танковых корпуса Рейнхардта и Гудериана составляли танковую группу генерала фон Клейста, в которую входили пять танковых и три моторизованные пехотные дивизии. — Прим. авт. }. Гамелен, "генералиссимус" союзных вооруженных сил, был тоже доволен сложившейся обстановкой. Накануне вечером лучшая и главная часть французских войск — 1, 7 и 9-я армии — вместе с английскими экспедиционными силами в составе девяти дивизий под командованием лорда Горта соединились с бельгийцами, как и предусматривалось планом, на мощном оборонительном рубеже по реке Диль от Антверпена через Левен к Вавру и далее через Жамблу и Намюр вдоль Мааса на Седан. Между мощными бельгийскими крепостями Намюр и Антверпен на фронте 60 миль союзники фактически превосходили по численности приближавшихся немцев, располагая 36 дивизиями против 20, входивших в состав 6-й армии генерала Рейхенау.

Несмотря на то что бельгийцы довольно успешно действовали на своем участке фронта, они не смогли задержать противника на такое время, которое было предусмотрено планом. Как и голландцы, они оказались не в состоянии противодействовать совершенно новой тактике вермахта. Здесь, как и в Голландии, немцы захватили важнейшие мосты при помощи специально обученных штурмовых подразделений, которые на рассвете были бесшумно доставлены сюда на планерах. Они устранили охрану двух или трех мостов через Альберт-канал, прежде чем та сумела привести в действие взрывные устройства.

Еще более крупного успеха добился противник, захватив форт Эбен-Эмаэль, господствовавший над районом пересечения реки Маас и Альберт-канала. Эту современную, очень важную в стратегическом отношении крепость как союзники, так и немцы считали самым мощным фортификационным сооружением в Европе, которое превосходило все, что создали, французы на линии Мажино, а немцы на Западном валу. Форт состоял из серии казематов, сооруженных из стали и бетона глубоко под землей, с орудийными башнями, защищенными мощной броней, с гарнизоном в 1200 человек. Считалось, что такой форт может выдерживать удары самых мощных авиационных бомб и артиллерийских снарядов в

течение неопределенно долгого времени. А между тем 80 немецких солдат под командованием унтер-офицера за 30 часов вынудили гарнизон крепости сложить оружие. Операцию по обезвреживанию крепости немцы начали с того, что на ее крышу высадили вышеупомянутых 80 солдат. Потери нападающей стороны составили шесть убитых и девятнадцать раненых. В Берлине, помнится, ОКВ представило дело в самом таинственном свете, сообщив в специальном коммюнике вечером 11 мая, что форт Эбен-Эмаэль взят "новым методом". Сообщение породило различного рода слухи, будто у немцев появилось новое смертоносное "секретное оружие", вероятно нервно-паралитический газ, на время парализующий противника; и доктор Геббельс с удовольствием раздувал эти слухи.

Однако правда была куда более прозаичной. С присущим немцам педантизмом зимой 1939/40 года они воздвигли в Хильдесхайме макет форта и мостов через Альберт-канал и тренировали на них около 400 солдат, которых доставляли к объектам захвата на планерах. Три группы должны были захватить три моста, четвертая группа — овладеть фортом. Эта группа в составе 80 человек высадилась с планеров на крышу форта, заложила в бронированные орудийные башни специально приготовленную взрывчатку, с помощью которой не только вывела из строя крепостную артиллерию, но и вызвала пожары и распространение газа в расположенных ниже казематах. Используя портативные огнеметы, немцы в течение какого-то часа проникли в верхние казематы, вывели из строя легкие и тяжелые орудия и пункты наблюдения. Бельгийская пехота тщетно пыталась выбить небольшой отряд немцев из крепости, но ее отогнали прилетевшие пикирующие бомбардировщики и подоспевшие подкрепления парашютистов. К утру 11 мая здесь появились головные части наступавших танковых соединений, которые по двум исправным мостам двинулись на север; они окружили еще сопротивлявшийся форт, последовали новые бомбовые удары с воздуха, и после рукопашных схваток в самих казематах в полдень 11 мая над крепостью поднялся белый флаг и 1200 ошеломленных бельгийских защитников крепости вышли из нее и сложили оружие.

Такое мастерство немецких солдат наряду с захватом мостов и яростью наступательных действий 6-й армии генерала Рейхенау, поддержанных 16-м танковым корпусом генерала Гепнера в составе двух танковых и одной механизированной дивизий, убедило высшее военное командование союзников, что, как и в 1914 году, главный удар немецкого наступления осуществляется правым крылом войск противника и что они,

западные союзники, приняли соответствующие контрмеры, чтобы остановить его. И действительно, еще вечером 15 мая бельгийские, английские и французские войска прочно удерживали фронт по линии Даль — Антверпен — Намюр.

Именно этого и добивалось немецкое верховное командование. Теперь ему представился случай применить план Манштейна и нанести ошеломляющий удар в центре. Генерал Гальдер, начальник генерального штаба сухопутных войск, хорошо понимал возможности сложившейся обстановки. Вечером 13 мая он записал в своем дневнике:

"Следует предполагать, что севернее Намюра будет закончено сосредоточение войск в количестве примерно 24 англо-французских и около 15 бельгийских дивизий. Им противостоят 15 дивизий нашей 6-й армии и 6 из резерва... Если противник перейдет в контрнаступление, мы сумеем создать достаточно прочную оборону. Развертывать новые силы не нужно... Южнее Намюра противник уступает нам в численности. Соотношение сил 2: 1. Исход наступления на Маасе решит, где и когда мы сможем использовать это превосходство. На этом участке фронта никакими крупными подвижными силами противник не располагает..."

Никакими крупными силами противник не располагает на участке фронта, который на следующий день был прорван?

16 мая премьер-министр Черчилль вылетел в Париж для выяснения обстановки. К полудню, когда он направлялся в министерство иностранных дел на встречу с премьером Рейно и генералом Гамеленом, передовые немецкие части уже находились в 60 милях западнее Седана и стремительно продвигались по открытой местности, не встречая никакого сопротивления. Между ними и Парижем или между ними и Ла-Маншем не было никаких значительных сил, однако Черчилль еще не знал об этом. "Где стратегические резервы? — обратился он к Гамелену и, переходя на французский, спросил: — А есть ли силы для маневра?" Командующий союзными армиями повернулся к нему и, отрицательно качнув головой и пожав плечами, ответил: "Нет никаких" {После войны Гамелен утверждал, что ответил не "Нет никаких", а "Больше нет никаких". — Прим. авт. }.

"Я был поражен, — писал впоследствии Черчилль. — Это было неслыханно, чтобы великая армия, подвергнувшаяся нападению, не держала никаких войск в резерве. Я признался, что это одна из самых больших неожиданностей в моей жизни".

Едва ли это вызвало меньшее удивление у немецкого верховного командования, по крайней мере, у фюрера и его генералов в ОКВ, если не у Гальдера. Гитлер дважды заколебался во время кампании на Западе,

которой руководил сам лично.

Первый раз он заколебался 17 мая, когда нервное напряжение достигло наивысшей точки. В то утро Гудериан, танковый корпус которого шел третьим клином на Ла-Манш, получил приказ остановиться там, где его застанет приказ. По данным воздушной разведки, проведенной люфтваффе, французы предпринимали крупное контрнаступление с целью отрезать танковые немецкие клинья, вытянувшиеся в западном направлении от Седана. В связи с этим Гитлер стал поспешно совещаться с главнокомандующим сухопутными войсками Браухичем и Гальдером. Он был уверен, что серьезная угроза со стороны французов нарастает с юга. Генерал Рундштедт, командующий группой армий "А", которая составляла основную силу, осуществившую прорыв на Маасе, поддержал фюрера, когда они обсуждали этот вопрос позднее. Он заметил, что ожидает "крупного внезапного контрнаступления французов со стороны Вердена и Шалон-сюр-Марн".

В лихорадочном мозгу Гитлера возникал призрак второй Марны {В сентябре 1914 года на реке Марна англо-французские войска остановили наступление германской армии. — Прим. тит. ред. }. "Я пристально слежу за этим, — писал он на следующий день Муссолини. — Чудо на Марне, как в 1914 году, не повторится! "

"Безрадостный день, — записал в своем дневнике Гальдер вечером 17 мая. — Фюрер ужасно нервничает. Он боится собственного успеха, не хочет ничем рисковать и охотнее всего задержал бы наше дальнейшее продвижение. Предлог — озабоченность левым флангом! Переговоры... вызвали лишь недоумение и сомнения".

Настроение у нацистского главаря не улучшилось и на следующий день, несмотря на поток сообщений, свидетельствовавших о крахе французов. 18 мая Гальдер зафиксировал в своем дневнике кризисное состояние в настроении фюрера:

"Фюрер, непонятно почему, озабочен южным флангом. Он беснуется и кричит, что можно погубить всю операцию и поставить себя перед угрозой поражения. Он и слушать не хочет о продолжении операции в западном направлении, не говоря уже о юго-западном, и все еще одержим идеей наступления на северо-запад. Это явилось предметом в высшей степени неприятной полемики между фюрером, с одной стороны, и главкомом и мной — с другой..."

Генерал Йодль из ОКВ, для которого фюрер почти всегда был прав, также отмечал разногласия на самом высшем уровне военного руководства.

"День огромного напряжения, — писал он 18 мая. —

Главнокомандующий сухопутными войсками (Браухич) не претворил в жизнь намерение как можно быстрее наращивать силы на новой фланговой позиции к югу... Немедленный вызов Браухича и Гальдера, и они получают категорический приказ немедленно принять необходимые меры".

Однако Гальдер оказался прав: у французов не было резервов, чтобы предпринять контрнаступление с юга. И хотя танковые дивизии, проявляя нетерпение, рвались в бой, полученные приказы предписывали ограничиваться "разведкой боем" — именно это и было нужно, чтобы продолжать оттеснять противника в сторону Ла-Манша. К утру 19 мая мощный клин в составе семи танковых дивизий, безостановочно продвигаясь от реки Соммы на север мимо знаменитых полей сражения времен первой мировой войны, находился уже примерно в 50 милях от Ла-Манша. Вечером 10 мая, к удивлению штаба Гитлера, 2-я танковая дивизия вышла к Абвилю у устья Соммы. Бельгийцы, английские экспедиционные силы и три французские армии оказались в западне.

"Фюрер вне себя от радости, — записал в тот вечер в своем дневнике Йодль. — Самой высокой похвалы достойны немецкая армия и ее руководство. Фюрер работает над проектом мирного договора, не упуская из вида основную мысль: возвращение территорий, которые были отняты у немецкого народа на протяжении последних 400 лет, и других ценностей..."

В архивных документах хранится специальный меморандум, зафиксировавший взволнованные слова фюрера, которому главнокомандующий сухопутными войсками по телефону доложил о захвате Абвиля. У армий союзников оставалась единственная надежда выйти из окружения и избежать катастрофы — немедленно повернуть на юго-запад, оторваться от немецкой 6-й армии, которая наседала на них, пробиться через немецкий танковый клин, протянувшийся через Северную Францию к морю, и соединиться со свежими французскими силами, направлявшимися от Соммы на север. По существу к этому и сводился приказ Гамелена, отданный им утром 19 мая, но в тот же вечер он был замещен генералом Максимом Вейганом, который тут же отменил его приказ. Генерал Вейган, приобретший огромный военный авторитет еще в первую мировую войну, хотел посоветоваться с союзными командующими в Бельгии, прежде чем принимать какие-либо решения. В результате, пока Вейган пришел к тому решению, которое уже принял его предшественник, было потеряно три дня. Задержка эта дорого обошлась союзникам. На севере имелось 40 французских, английских и бельгийских дивизий, получивших боевой опыт, и если бы они ударили в южном направлении

через немецкий танковый клин 19 мая, как приказал Гамелен, то могли бы вырваться из западни. К тому же времени, когда они предприняли попытку действовать, связь между штабами союзных войск нарушилась, и в условиях сильного давления со стороны противника удары союзных армий оказались несогласованными. Во всяком случае, план Вейгана остался существовать в его голове. В действительности французские войска, стоявшие на Сомме, не двинулись с места.

Между тем немецкое верховное командование бросило все оказавшиеся в наличии пехотные соединения, чтобы расширить брешь, проделанную в войсках союзников танковым клином. К 24 мая танки Гудериана, двигавшиеся вдоль Ла-Манша от Абвиля, захватили Булонь и окружили Кале, два главных порта, и вышли к Гравлину, расположенному примерно в 20 милях от Дюнкерка. В Бельгии фронт перемещался в юго-западном направлении по мере того, как союзные войска пытались оторваться от противника. И к 24 мая английские, французские и бельгийские армии на севере оказались загнанными в относительно небольшой треугольник, основание которого составляло побережье Ла-Манша, а вершина находилась где-то в районе Валансьена, примерно в 70 милях от побережья. Теперь у союзников уже не было надежды вырваться из окружения. Оставалась лишь надежда, и та слишком слабая, что удастся осуществить эвакуацию морем из Дюнкерка.

Именно в этот момент, 24 мая, когда немецкие танки уже находились на ближних подступах к Дюнкерку, готовясь нанести завершающий удар вдоль Аа-канала между Гравлином и Сент-Омером, был получен странный — а для наступавших солдат просто необъяснимый — приказ прекратить дальнейшее наступление. Это была первая во второй мировой войне крупная ошибка немецкого верховного командования, ставшая предметом острейших споров не только для немецких генералов, но и для военных историков, старавшихся выяснить, кто ответствен за такой приказ и почему он был отдан. К этому вопросу мы еще вернемся и попытаемся разобраться в потоке материалов, которые в настоящее время стали доступны для исследователей. Каковы бы ни были причины, побудившие отдать такой приказ, он предоставил союзникам, особенно англичанам, отсрочку, приведшую к чуду Дюнкерка. Но это чудо не спасло бельгийцев.

Капитуляция короля Леопольда

Король Бельгии Леопольд III сдался рано утром 28 мая. Молодой упрямый правитель, разорвавший альянс с Францией и Англией во имя абсурдного нейтралитета, отказывавшийся восстановить этот альянс даже тогда, когда стало известно, что немцы готовят массированное наступление

через бельгийскую границу, в самый последний момент, когда Гитлер уже нанес удар, обратившись к французам и англичанам за военной помощью и получивший ее, теперь, в час отчаяния, дезертировал и бросил их, открыв дорогу немецким дивизиям, которые ринулись во фланг оказавшимся в западне англо-французским войскам. Более того, он сделал это, как заявил в палате общин 4 июня Черчилль, "без предварительной консультации, без какого-либо уведомления, без учета мнения министров его правительства, поступив по своему усмотрению".

Практически он сделал это вопреки единодушному мнению бельгийского правительства, указаниям которого согласно конституции обязан был следовать. 25 мая, в 5 часов пополудни, у короля состоялся откровенный обмен мнениями с тремя членами кабинета, включая премьер-министра и министра иностранных дел, по поводу складывавшейся обстановки; все участники совещания настаивали, чтобы король не сдавался в плен немцам, ибо в противном случае "его унижат и заставят играть ту же роль, что играл чешский президент Гаха". Министры также напомнили ему, что он является главой государства и одновременно главнокомандующим и что в худшем случае до победы союзников он мог бы выполнять функции главы государства в изгнании, как королева Голландии и король Норвегии. "Я принял решение остаться, — заявил Леопольд. — Дело союзников проиграно".

27 мая, в 5 часов, он направил генерала Деруссо, заместителя начальника бельгийского генерального штаба, к немцам с просьбой о перемирии. В 10 часов вечера генерал вернулся с немецкими условиями: "Фюрер требует сложить оружие безоговорочно". В 11 часов вечера король согласился на безоговорочную капитуляцию и предложил прекратить огонь в 4 часа утра следующего дня, что и было сделано.

Премьер-министр Франции Поль Рейно в своем гневном выступлении по Парижскому радио в резких выражениях осудил капитуляцию Леопольда, а бельгийский премьер в более сдержанном тоне проинформировал бельгийский народ о том, что король действовал вопреки единодушному мнению правительства, порвал связи со своим народом и более не в состоянии управлять страной и что бельгийское правительство в изгнании будет продолжать борьбу. Выступая в палате представителей 28 мая, Черчилль оставил за собой право дать оценку поступка Леопольда позднее, но уже 4 июня присоединился к общему мнению и осудил действия короля Бельгии.

Ожесточенные споры по этому вопросу долго длились и после войны. Защитники Леопольда, а их оказалось немало как внутри страны, так и за

ее пределами, считали, что он поступил правильно и благородно, решив разделить судьбу своих солдат и всего бельгийского народа. Они особенно напирала на то, что, соглашаясь на капитуляцию, король действовал не как глава государства, а как главнокомандующий бельгийской армией.

То, что разбитые бельгийские войска к 27 мая оказались в отчаянном положении, бесспорно. Они мужественно согласились растянуть свой фронт, чтобы дать возможность англичанам и французам пробиваться на юг, и этот растянутый фронт быстро разваливался под мощными ударами немцев, хотя бельгийцы упорно оборонялись на занятых рубежах. Леопольду не сообщили, что 26 мая лорд Горт получил из Лондона приказ отступить к Дюнкерку и спасти то, что еще можно спасти из английских экспедиционных сил. Это одна сторона доводов, но есть и другая. Бельгийская армия подчинялась общему союзному командованию, а Леопольд пошел на сепаратный мир без согласования этого вопроса с ним. В оправдание Леопольда приводят тот факт, что 27 мая, в 12. 30, он направил Горту телеграмму, в которой сообщал, что скоро "вынужден будет капитулировать во избежание развала". Однако английский командующий этой телеграммы не получил. Впоследствии, давая показания, он утверждал, что впервые услышал о капитуляции только после 11 вечера 27 мая и оказался "неожиданно перед брешью протяженностью 20 миль между Ипром и морем, через которую танковые силы противника могли выйти к побережью". Генерал Вейган, являвшийся для короля старшим военачальником, узнал эту новость из телеграммы от французского офицера связи в бельгийском штабе вскоре после 6 часов вечера. Она поразила его, по утверждению командующего, "как гром среди ясного неба, ведь никакого предупреждения не было... "

Наконец, даже в роли главнокомандующего вооруженными силами Леопольд был обязан в условиях конституционной, демократической монархии согласиться с единодушным мнением своего правительства. Ни в этой роли, ни в роли главы государства он не имел полномочий на капитуляцию по своему усмотрению. Окончательное решение относительно своего суверена — и это было правомерно — вынес бельгийский народ. Его попросили вернуться на трон из Швейцарии, где он нашел убежище в конце войны, только через пять лет после разгрома вермахта. Когда 20 июля 1950 года после референдума, показавшего, что 57 процентов участвовавших в нем высказались за возвращение Леопольда, такая просьба наконец поступила, его появление в Бельгии вызвало столь бурную реакцию со стороны народа, что возникла угроза гражданской войны. Вскоре король отрекся от престола в пользу своего сына.

Что бы ни говорили о поведении Леопольда, не может быть никаких споров, хотя они и велись: его армия вела себя мужественно. В течение нескольких дней мая я шел по следам 6-й армий Рейхенау через Бельгию и видел собственными глазами, с каким упорством сражались бельгийские солдаты в самых неблагоприятных условиях. Их не сломило ни огромное численное превосходство, противника, ни безраздельное господство в воздухе пикирующих, бомбардировщиков, беспрепятственно обрушивавших свой смертоносный груз, ни попытки немецких танков прорвать бельгийскую оборону. Этого нельзя сказать о некоторых других войсках союзников, участвовавших в кампании. Бельгийцы стойко держались в течение 18 суток и держались бы гораздо дольше, если бы, подобно английским экспедиционным силам и французским северным армиям, не угодили в западню, причем не по своей вине.

Дюнкерское чудо

Начиная с 20 мая, когда танки Гудериана прорвались к Абвилю, английское адмиралтейство по личному указанию Черчилля собирало в одном месте всевозможные средства морского транспорта на случай эвакуации с французского побережья Ла-Манша английских экспедиционных сил и других союзных войск. Эвакуация через узкий пролив в Англию персонала, не принимавшего непосредственного участия в сражениях, началась сразу же. Как мы уже видели, к 24 мая бельгийский участок фронта на севере оказался на грани полного развала, а на юге немецкие танковые части, нанося удары вдоль побережья от Абвиля, захватили Булонь, окружили Кале и вышли в район Аа-канала, что всего в 20 милях от Дюнкерка. В этом промежутке находились бельгийская армия, девять дивизий английских экспедиционных сил и десять дивизий французской 1-й армии. Хотя местность в южной части образовавшегося котла, вдоль и поперек пересеченная каналами, траншеями и затопленными участками, была труднопроходимой для танков, танковые корпуса Гудериана и Рейнхардта овладели пятью плацдармами на противоположной стороне основного препятствия — Аа-канала, между Гравелином на побережье и Сент-Омером, и нацелились на нанесение сокрушающего удара по войскам союзников, которые оказались между молотом (танковые корпуса) и наковальней (с северо-востока немецкие 6-я и 18-я армии).

Неожиданно вечером 24 мая поступил категорический приказ верховного командования, изданный по настоянию Гитлера при поддержке Рундштедта и Геринга и вопреки решительному возражению Браухича и Гальдера, согласно которому танковые войска должны были остановиться на рубеже канала и не предпринимать никаких попыток к дальнейшему

продвижению. Для лорда Горта это было равносильно отсрочке приведения в исполнение смертного приговора, которую он, а также английский военно-морской флот и авиация использовали в полной мере и которая, по словам Рундштедта, привела "к одному из крупнейших поворотных моментов в войне".

Как все-таки возник этот непостижимый приказ приостановить дальнейшее наступление, как представляется, на пороге величайшей победы немцев в этой кампании? Какие на то были причины? И кто ответствен за такой приказ? Эти вопросы вызвали ожесточеннейшие споры среди немецких генералов, причастных к данному событию, и среди историков. Генералы, возглавляемые Рундштедтом и Гальдером, возлагали вину исключительно на Гитлера. Черчилль подлил масла в огонь, утверждая во втором томе своих мемуаров, что инициатива издания такого приказа исходила от Рундштедта, а не от Гитлера, и цитируя в качестве доказательства материалы из военных дневников штаба самого Рундштедта. Из путаницы противоречивых и взаимоисключающих показаний трудно было выявить факты. В ходе подготовки этой главы автор письменно обратился к генералу Гальдеру за дальнейшими разъяснениями и вскоре получил вежливый и обстоятельный ответ. На основе этого ответа, а также многих других доказательств, которыми мы располагаем в настоящее время, можно сделать определенные выводы и разрешить спор, если не окончательно, то, по меньшей мере, довольно убедительно.

Что касается ответственности за тот знаменитый приказ, то Рундштедту вопреки его утверждениям придется разделить ее вместе с Гитлером. Утром 24 мая фюрер посетил штаб-квартиру группы армий "А" Рундштедта в Шарлевиль-Мезьере. Рундштедт предложил остановить танковые дивизии на рубеже по каналу перед Дюнкерком, пока сюда не будут подтянуты дополнительно пехотные дивизии {Установление этого факта на основании архивов штаба Рундштедта тем не менее не удержало генерала от нескольких заявлений, сделанных им после войны, в которых он возлагал вину на Гитлера. "Если бы я мог поступить по-своему, — говорил он майору Мильтону Шульману, офицеру канадской разведки, — то англичане у Дюнкерка так легко не отделались бы. Но руки у меня были связаны приказами, исходившими от самого Гитлера. В то время как англичане карабкались на суда в прибрежных водах, я продолжал отсиживаться в стороне от порта, не имея возможности действовать. Я сидел за городом и наблюдал, как спасаются бегством англичане, в то время как моим танкам и пехоте было запрещено идти вперед. Эта невероятная ошибка произошла из-за того, что Гитлер весьма своеобразно воспринимал

проблемы военного руководства" (см. Шульман М. Поражение на Западе, с. 42–43).

На заседании Международного военного трибунала в Нюрнберге 20 июня 1946 года Рундштедт добавил: "Это была очень крупная ошибка главнокомандующего... Трудно описать, какое раздражение вызвал его приказ в то время". Аналогичные заявления Рундштедт сделал и Лиддел Гарту (см. Говорят немецкие генералы, с. 112–113; Соединенные Штаты против Лееба, с. 3350–3353, 3931–3942 (материалы Нюрнбергского процесса)).

Тейлор в "Марше завоеваний" и Эллис в "Войне во Франции и Фландрии", проанализировав немецкие армейские архивы, пришли к несколько иному заключению. Труд Эллиса является официальным английским изложением этой кампании и опирается как на английские, так и на немецкие документы. Тейлор, в течение четырех лет представлявший обвинение от США на Нюрнбергских процессах, считается авторитетом по части немецких документов. — Прим. авт. }. Гитлер согласился, заметив, что танковые силы следует сохранить для последующих операций против французов к югу от Соммы. Более того, он заявил, что если котел, в который угодили союзники, стал слишком мал, то это будет мешать действиям люфтваффе. Вероятно, Рундштедт с одобрения фюрера тут же издал приказ о приостановке наступления, ибо, как пишет Черчилль, штаб английских экспедиционных сил перехватил немецкое указание по радио в 11. 42 того же дня. Гитлер и Рундштедт в этот момент совещались. Во всяком случае, в тот вечер Гитлер официально отдал приказ из ОКВ и это зафиксировали в своих дневниках и Йодль, и Гальдер. Начальник генерального штаба сухопутных войск был страшно огорчен.

"Подвижное левое крыло, перед которым нет противника, по настойчивому требованию фюрера остановлено! В указанном районе судьбу окруженных армий должна решить наша авиация".

Этот презрительный восклицательный знак указывает на то, что Геринг переговорил с Гитлером, и теперь известно, что так оно действительно было. Он предложил ликвидировать окруженную вражескую группировку лишь силами люфтваффе. В своем письме автору от 19 июля 1957 года Гальдер сообщал о тщеславных замыслах Геринга, которыми тот руководствовался, подталкивая Гитлера на отдачу такого приказа.

"В ходе последующих дней (то есть после 24 мая) стало известно, что принятие Гитлером этого решения было сделано под влиянием главным образом Геринга. Быстрое продвижение армии, риск и перспективы успеха

которого были недоступны пониманию фюрера из-за отсутствия у него военного образования, обретало для него почти зловещий смысл. Он находился под постоянным давлением тревоги, что произойдет обратное...

Геринг, хорошо знавший фюрера, воспользовался его беспокойством. Он предложил завершить последнюю часть грандиозного сражения против окруженного противника только силами люфтваффе, тем самым устранив риск использования столь важных для дальнейших планов танковых соединений. И он сделал это предложение... из соображений, присущих столь неразборчивому в средствах, тщеславному человеку. Он хотел, чтобы после поразительно удачных операций армии осуществление решающего, заключительного акта в этом грандиозном сражении было поручено его военно-воздушным силам. Тем самым он надеялся в глазах мировой общественности снискать славу за успех всей операции...

Далее в письме генерал Гальдер сообщает подробности разговора с Браухичем после того, как тот имел обстоятельную беседу с генералами люфтваффе Мильхом и Кессельрингом в нюрнбергской тюрьме в январе 1946 года. Мильх и Кессельринг заявили, что Геринг внушал в то время (май 1940 года) Гитлеру, что если эту большую победу в развертывавшемся сражении поставят в заслугу только армейским генералам, то престижу фюрера в глазах немецкого народа будет нанесен непоправимый ущерб. Это можно предотвратить только в том случае, если люфтваффе, а не армия доведут это решающее сражение до победного конца.

Таким образом, совершенно очевидно, что замысел Гитлера, подогреваемый Герингом и Рундшtedтом, но решительно не одобряемый Браухичем и Гальдером, сводился к тому, чтобы позволить люфтваффе и группе армий "Б" под командованием Бока без использования танковых соединений медленно теснить бельгийцев и англичан в юго-западном направлении к Ла-Маншу, уничтожая их в образовавшемся котле. Группе армий "А" под командованием Рундшtedта примерно с семью танковыми дивизиями, остановленной на водных рубежах к западу и югу от Дюнкерка, предстояло твердо стоять на занятых позициях и не выпускать противника из окружения. Однако ни люфтваффе, ни группа армий Бока оказались не в состоянии решить эту задачу. Утром 26 мая Гальдер раздраженно отмечал в своем дневнике, что высочайшие приказы "совершенно непостижимы", что "танки, моторизованные соединения по высочайшему приказу стоят как пригвожденные".

Наконец вечером 26 мая Гитлер отменил этот злополучный приказ и согласился, что ввиду медленного продвижения войск Бока в Бельгии и большой активности морского транспорта противника в прибрежных водах

танковые войска могут возобновить наступление на Дюнкерк. Но было уже поздно: за это время загнанный в западню противник успел усилить свои оборонительные рубежи и под их прикрытием начал уходить в море.

Теперь мы знаем, что в поддержку этого рокового приказа у Гитлера имелись и политические соображения. Гальдер в своем дневнике отметил, что 25 мая "день снова начался с неприятных стычек между Браухичем и фюрером относительно дальнейшего ведения битвы на окружение". Далее он пишет:

"Однако политическое руководство считает, что решающая битва должна произойти не на территории Фландрии, а в Северной Франции".

Эта запись меня озадачила, и, когда я обратился к бывшему начальнику генерального штаба сухопутных сил генералу Гальдеру с просьбой припомнить, какие политические мотивы выдвигал Гитлер в обоснование своего желания завершить сражение на территории Франции, а не Бельгии, Гальдер припомнил все довольно подробно. "Я очень хорошо помню, — писал он, — что в ходе наших разговоров в то время Гитлер в обоснование своего приказа приостановить наступление приводил два главных соображения. Первое было связано с причинами чисто военного характера: неподходящий для использования танков рельеф местности, что могло привести к большим потерям в танках и в свою очередь привело бы к ослаблению сил для предстоящего наступления на остальную часть Франции, и т. п.". Затем, как отмечает Гальдер, фюрер привел вторую причину:

"... Он знал, что мы, как солдаты, не могли ее оспаривать, поскольку она была политической, а не военной. Эта вторая причина заключалась в том, что он не хотел, чтобы решающее сражение, которое неизбежно нанесло бы огромный урон населению, произошло на территории, заселенной фламандцами. По его словам, он собирался создать независимый национал-социалистский регион на территории, заселенной фламандцами немецкого происхождения, тем самым тесно связав этот регион с Германией. Его сторонники на фламандской земле активно работают в этом направлении уже давно; он обещал им не подвергать их земли разрушениям войны, если он не выполнит это обещание, их вера в него будет серьезно поколеблена. Это было бы политически невыгодно для Германии, и он, как несущий политическую ответственность лидер, не должен допустить этого".

Абсурд? Если это представить как еще одну внезапную аберрацию Гитлера (Гальдер пишет, что ни его, ни Браухича "эти доводы не убедили"), то другие политические доводы, которые излагал своим генералам Гитлер,

были более здоровыми и важными. Описывая после войны совещание Гитлера с Рундштедтом, состоявшееся 24 мая, генерал Гюнтер Блюментрит, в то время начальник оперативного отдела в штабе Рундштедта, говорил английскому военному писателю Лиддел Гарту:

"Гитлер пребывал в очень хорошем настроении... и высказал нам свое мнение, что война будет закончена в шесть недель. После этого ему бы хотелось заключить разумный мир с Францией, и тогда была бы открыта дорога для соглашения с Англией...

Затем он удивил нас своими восторженными высказываниями о Британской империи, о необходимости ее существования и о цивилизации, которую Англия принесла миру... Он сказал, что все, чего он хочет от Англии, так это чтобы она признала положение Германии на континенте. Возвращение Германии ее колоний желательно, но это несущественно... В заключение он сказал, что его целью является заключение мира с Англией на такой основе, которую бы совместимой с ее честью и достоинством".

С подобного рода суждениями Гитлер часто выступал в последующие несколько недель перед своими генералами, перед Чиано и Муссолини и, наконец, публично. Месяц спустя Чиано был поражен, узнав, что нацистский диктатор, находясь в зените славы, высказывался о важности сохранения Британской империи как "фактора мирового равновесия", а 13 июля Гальдер отметил в своем дневнике, что фюрера крайне занимает вопрос, почему Англия до сих пор не ищет мира. "... Он считает, что придется силой принудить Англию к миру. Однако он несколько неохотно идет на это. ... Разгром Англии будет достигнут ценой немецкой крови, а пожинать плоды будут Япония, Америка и др. "

Хотя многие в этом сомневались, но, возможно, Гитлер остановил свои танки перед Дюнкерком для того, чтобы избавить Англию от горького унижения и тем самым содействовать миру. Это был бы, по его словам, мир, в котором Англия предоставила бы Германии свободу снова направить свои усилия на Восток, на этот раз против России. Лондону пришлось бы в таком случае согласиться с господством третьего рейха на континенте. В течение последующих двух-трех месяцев Гитлер пребывал в уверенности, что такой мир вот-вот будет достигнут. Как прежде, так и теперь он не понимал характера английской нации, которая во главе со своими лидерами была полна решимости сражаться до конца.

Ни фюрер, ни его генералы, невежественные в морском деле, какими они остались и впредь, не осознавали, что морская нация сумеет эвакуировать треть миллиона людей через крохотный осажденный порт у них под носом.

Примерно в семь часов вечера 26 мая, вскоре после того, как Гитлер отменил приказ о приостановке наступления танковых соединений, британское адмиралтейство передало сигнал о начале операции "Динамо" — эвакуации из Дюнкерка в Англию оставшейся части английских экспедиционных сил. В ту же ночь немецкие танки возобновили свое наступление на порт, но теперь продвигаться было трудно. У лорда Горта оказалось достаточно времени, чтобы развернуть против немецких танков три пехотные дивизии с мощной артиллерийской поддержкой.

Танки продвигались очень медленно. Между тем началась эвакуация. Армада в составе 850 судов и кораблей самых разных классов — от крейсеров и эсминцев до парусных шлюпок и голландских спортивных глиссеров, ведомых подчас экипажами, укомплектованными добровольцами из прибрежных населенных пунктов, устремилась к Дюнкерку. В первый день, 27 мая, они вывезли 7669 человек; во второй день — 17804; затем — 47310; 30 мая — 53 823 солдата и офицера. Таким образом, всего за первые четыре дня было эвакуировано 126 606 человек — значительно больше, чем надеялось вывезти адмиралтейство. Когда операция началась, адмиралтейство предполагало за двое суток, на которые оно рассчитывало, эвакуировать приблизительно 45 тысяч человек.

И только на четвертые сутки операции "Динамо", то есть 30 мая, немецкое верховное командование осознало, что происходит. В течение четырех дней в сводках ОКБ повторялось, что окруженные вражеские армии обречены. В сводке от 29 мая, которую я занес в свой дневник, прямо говорилось: "Судьба французской армии в Артуа {Историческая область Франции. — Прим. ред. } решена... Английская армия, зажата на узкой полосе... вокруг Дюнкерка, также уничтожается под ударами нашего концентрического наступления".

Но она не уничтожалась. Она уходила в море. Конечно, побросав свое тяжелое оружие и оснащение, но сохранив уверенность, что в будущем сможет снова вступить в бой. Утром 30 мая Гальдер доверительно записал в своем дневнике: "В окруженном нашими войсками "мешке" начинается процесс разложения. Английские части обороняются стойко и ожесточенно, тогда как часть сил устремилась к побережью и — пытается на судах и кораблях всех видов бежать через пролив. Разгром! " Он использовал название знаменитого романа Эмиля Золя, в котором изображено поражение Франции во франко-прусской войне.

После совещания у Браухича он делает следующую запись в дневнике: "Браухич раздражен, так как просчеты, которые мы допустили по вине

ОКБ... теперь начинают сказываться... Главное состоит в том, что вследствие остановки механизированных соединений кольцо не замкнулось на побережье и теперь нам приходится лишь созерцать, как многие тысячи солдат противника у нас под носом бегут в Англию, так как из-за плохой погоды авиация действовать не может". Фактически именно это они и делали. Несмотря на усиление давления, которое было немедленно предпринято немцами по всему периметру котла, англичане удерживали рубежи обороны и продолжали дальнейшую эвакуацию своих войск. 31 мая в этом плане был самым успешным днем: около 68 тысяч человек отправились в Англию, причем треть из них была подобрана прямо с берега, а остальные — , в гавани Дюнкерка. Теперь общее число вывезенных из окружения составило 194 620 человек, то есть в четыре раза больше, чем предусматривалось первоначально. Где же были знаменитые люфтваффе? Часть времени, как отмечает Гальдер, авиация оставалась прикованной к земле из-за нелетной погоды, а остальное время проходило в схватках с английскими королевскими военно-воздушными силами, которые впервые предпринимали успешные вылеты со своих баз на английском побережье Ла-Манша в ответ на действия немецкой авиации {Тысячи англичан, измотанные на французском побережье ожесточенными (бомбардировками, об этом не знали, поскольку воздушные бои происходили либо за облаками, либо где-то далеко. Они знали только, что на всем пути от Восточной Бельгии до Дюнкерка их без конца бомбили и обстреливали, и считали, что авиация бросила их на произвол судьбы. Добравшись до английских берегов, они нередко осыпали оскорблениями людей в голубой форме английских ВВС. Черчилль был крайне удручен этим обстоятельством и внес ясность, когда 4 июня, выступая в палате общин, заявил, что спасение армии из Дюнкерка "обеспечивали военно-воздушные силы". — Прим. авт. }. Несмотря на численное превосходство противника, новые английские "спитфайеры" оказались достойными противниками "мессершмиттов", успешно сбивая тяжелые немецкие бомбардировщики.

В перерывах между сражениями с английскими самолетами самолетам Геринга удалось совершить несколько опустошительных налетов на Дюнкерк, после которых порт на некоторое время полностью выходил из строя, и тогда эвакуацию личного состава производили прямо с побережья. Люфтваффе совершили также несколько мощных налетов на плавучие средства, сосредоточившиеся у Дюнкерка, и в общей сложности потопили 243 (из 861) корабля и судна, принимавших участие в эвакуации. Однако выполнить данное Гитлеру обещание — уничтожить английские

экспедиционные силы Герингу не удалось. 1 июня, когда немецкая авиация совершила самый мощный налет (и понесла самые тяжелые потери — 30 самолетов, как и противная сторона), потопив три английских эсминца и несколько небольших транспортных судов, для англичан оказался довольно успешным: в этот день было эвакуировано 64 429 человек. К рассвету следующего дня внутри котла оставалось только 4 тысячи английских солдат, которых прикрывали 100 тысяч французов, сменивших англичан на оборонительных рубежах вокруг Дюнкерка.

Между тем немецкая артиллерия среднего калибра подошла на дистанцию действительного огня, и эвакуацию в дневное время пришлось прекратить. С наступлением сумерек немецкая авиация тоже прекращала налеты, поэтому за две ночи, на 2 и на 3 июня, были успешно эвакуированы остатки английских экспедиционных сил и 60 тысяч французских солдат и офицеров. Дюнкерк, все еще упорно обороняемый 40 тысячами французов, продержался до утра 4 июня, когда из немецких клещей вырвалось 338 226 английских и французских солдат. К этому времени они уже перестали быть армией и являли собой довольно жалкое зрелище. Но это были испытанные в сражениях солдаты, которые знали, что при подходящем боевом оснащении и соответствующем прикрытии с воздуха они бы успешно противостояли немецкой армии. Большинство из них это доказали, когда был достигнут баланс в вооружении, и доказали это на прибрежных плацдармах, недалеко от тех мест на французском побережье Ла-Манша, откуда их эвакуировали в конце мая — начале июня.

Дюнкерк явился для англичан спасением. Однако 4 июня Черчилль в палате представителей напомнил, что "войны не выигрываются посредством эвакуации". Великобритания оказалась действительно в крайне тяжелом положении, в более тяжелом, чем во времена норманнских завоевателей почти тысячелетие назад. У нее не было армии, чтобы оборонять острова. Военно-воздушные силы оказались серьезно ослаблены после боев во Франции. Оставался только военно-морской флот, но норвежская кампания показала, насколько уязвимы крупные боевые корабли для авиации наземного базирования. Теперь бомбардировщики Геринга базировались всего в пяти — десяти минутах лета над узким проливом Ла-Манш. Французы все еще держались, но их лучшие войска и вооружение были потеряны в Бельгии и в Северной Франции, а их немногочисленные и устаревшие военно-воздушные силы разгромлены. Что касается двух наиболее известных генералов — маршала Петена и генерала Вейгана, которые теперь верховодили в нестабильном правительстве, то они не испытывали желания драться с превосходящим их

по численности противником.

Держа в голове эти удручающие факты, Черчилль и выходил на трибуну палаты общин 4 июня 1940 года, в то время когда разгружались последние транспорты, прибывшие из Дюнкерка, полный решимости, как писал он впоследствии, показать не только своему собственному народу, но и всему миру, и прежде всего Соединенным Штатам Америки, что "наша решимость сражаться базировалась на серьезной основе". Именно в этот раз он произнес знаменитую речь, которую затем будут долго вспоминать и сравнивать с величайшими пророчествами, делавшимися когда-либо в прошлые века.

"Даже если огромные части Европы и многие старые и знаменитые государства падут или попадут в лапы гестапо и всего одиозного аппарата нацистского правления, мы не расслабимся и не дрогнем. Мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и океанах, мы будем сражаться со все возрастающей уверенностью и усиливающейся мощью в воздухе, мы будем защищать наш остров, чего бы нам это ни стоило; мы будем сражаться на побережье, мы будем сражаться в местах десантирования, мы будем сражаться в полях и на улицах; мы будем сражаться в горах; мы никогда не сдадимся, даже если этот остров или большая часть его будут порабощены и начнут умирать с голода, во что я никогда не поверю. Тогда наша империя за морями, вооруженная и охраняемая британским флотом, будет сражаться до тех пор, пока по воле божьей Новый Свет со всей своей мощью и могуществом не выступит на спасение и освобождение Старого Света".

Крушение Франции

Решимость англичан сражаться, по-видимому, не вызывала беспокойства у Гитлера. Он был уверен, что англичане прозреют, когда он покончит с Францией, к чему он и приступал. После падения Дюнкерка, утром 5 июня, немцы предприняли массированную атаку на Сомме, и вскоре они уже наступали превосходящими силами по всему 400-мильному фронту, растянувшемуся от Абвиля до Верхнего Рейна. Французы были обречены. 143 немецким дивизиям, в том числе десяти танковым, они могли противопоставить только 65 дивизий, в большинстве своем второсортных, ибо лучшие соединения и бронетанковые силы были утрачены в Бельгии. Немного сохранилось и от маломощных французских ВВС. Англичане могли внести вклад лишь в виде одной пехотной дивизии, которая дислоцировалась в Сааре, и некоторых частей танковой дивизии. Королевские военно-воздушные силы для участия в этом сражении могли выделить всего несколько самолетов, чтобы не оставить Британские

острова без защиты. Наконец, французское верховное командование, которое возглавляли теперь Петен и Вейган, было насквозь пропитано пораженческими настроениями. Тем не менее некоторые французские части сражались с большим мужеством и упорством, то здесь, то там преграждая на время путь немецким танкам, стойко выдерживая непрерывные удары вражеской авиации.

Но это была неравная борьба. В "победоносной неразберихе", как метко заметил Тэлфорд Тейлор, немецкие войска неслись по Франции, подобно приливной волне, и путаница происходила из-за того, что их, этих войск, было слишком много и продвигались они так быстро, что часто оказывались на пути друг у друга. 10 июня французское правительство поспешно покинуло Париж, а 14 июня этот великий город, гордость Франции, оставленный без защиты, был оккупирован войсками 18-й армии генерала Кюхлера. На Эйфелевой башне была немедленно водружена свастика. 16 июня премьер Рейно, правительство которого бежало в Бордо, подал в отставку. Его сменил Петен, который на следующий день через испанского посла обратился к немцам с просьбой о перемирии. В тот же день Гитлер ответил, что сначала должен посоветоваться со своим союзником Муссолини, ибо этот чванливый вояка, убедившись, что французские армии окончательно разбиты, 10 июня вступил в войну, дабы, подобно шакалу, успеть поживиться.

Дуче вонзает свой маленький кинжал в спину Франции

Несмотря на свою исключительную занятость развертывавшимися сражениями на Западе, Гитлер находил время довольно часто писать Муссолини, информируя его о все возрастающем числе немецких побед.

После первого письма от 7 мая, в котором фюрер одобрительно отзывался о нападках дуче на Бельгию и Голландию, преследующих цель "обеспечения их нейтралитета", и сообщал, что будет регулярно информировать своего друга о прогрессе в делах, с тем чтобы дуче мог в нужное время принимать решения, последовали новые письма от 13, 18 и 25 мая, с каждым разом все более детальные и все более вдохновенные. Как видно из дневниковых записей Гальдера, немецким генералам было наплевать, вступит дуче в войну или не вступит, однако сам фюрер придавал этому важное значение. Как только Бельгия и Нидерланды капитулировали, а англо-французские армии на севере были разбиты и остатки английских войск начали грузиться на суда в Дюнкерке, Муссолини решил вступить в войну. В письме от 30 мая он информировал Гитлера, что на 5 июня назначено вступление Италии в войну. Гитлер немедленно ответил, что глубоко тронут таким решением.

"Если и было что-нибудь такое, что могло бы укрепить мою непоколебимую веру в победоносное завершение этой войны, — писал Гитлер 31 мая, — так это ваше заявление... Сам факт вашего вступления в войну является элементом, рассчитанным на нанесение сокрушительного удара по нашим противникам".

Тем не менее фюрер просил своего союзника передвинуть дату вступления в войну на три дня, так как сначала хотел разгромить остатки французских ВВС. И Муссолини передвинул дату на пять дней — на 10 июня, заверив, что боевые действия начнутся на следующий день.

Однако боевые действия для итальянской стороны разворачивались не слишком удачно. К 18 июня, когда Гитлер вызвал своего младшего партнера в Мюнхен, чтобы рассмотреть условия перемирия с Францией, около 32 итальянских дивизий после недели боев оказались не в состоянии потеснить каких-нибудь шесть французских дивизий на фронте в Альпах и дальше вдоль Ривьеры, несмотря на то что теперь над обороняющимися там французами нависла угроза со стороны немцев, наступавших вниз по долине реки Рона и угрожавших тылам французов на итальянском фронте {Пораженчески настроенное французское верховное командование запретило любые наступательные действия против Италии. 14 июня французская эскадра обстреляла заводы, нефтеочистительные предприятия и топливные резервуары возле Генуи, однако адмирал Дарлан запретил дальнейшие акции подобного рода. Когда английская авиация собралась было вылететь с аэродрома в Марселе на бомбардировку Милана и Турина, французы загроздили грузовыми машинами взлетные полосы и не позволили бомбардировщикам взлететь. — Прим. авт. }. 12 июня Чиано записал в своем дневнике:

"Муссолини совершенно унижен, так как наши войска не продвинулись ни на шаг. Даже сегодня они потерпели неудачу в наступлении и остановились перед первым французским укреплением, оказавшим некоторое сопротивление".

Лживость хвастливых заявлений Муссолини о военной мощи итальянцев обнаружилась в самом начале военных действий против Франции, и это вызывало у оскандалившегося итальянского диктатора настроение подавленности, когда вечером 17 июня он выехал с Чиано на встречу с Гитлером, чтобы обсудить условия перемирия с Францией.

"Муссолини недоволен, — писал Чиано в своем дневнике. — Этот внезапно наступивший мир беспокоит его. В дороге мы долго обговаривали условия, при которых может быть удовлетворена просьба французов о перемирии. Дуче... подумывает даже о полной оккупации французской

территории и требовании сдать французский военно-морской флот. Но он понимает, что его мнение имеет только консультативную ценность. Война выиграна Гитлером без какого-либо активного участия в ней Италии, поэтому последнее слово остается за ним. Это, естественно, беспокоит Муссолини и омрачает его настроение". Умеренность "последнего слова" фюрера вызвала у итальянцев откровенную растерянность, когда они совещались с нацистским главарем в Доме фюрера в Мюнхене, где Чемберлен и Даладье проявили такую уступчивость по отношению к двум диктаторам в вопросе о Чехословакии менее чем два года назад. Из секретного немецкого меморандума по поводу этого совещания явствует, что Гитлер был настроен прежде всего не допустить, чтобы французский военно-морской флот попал в руки англичан. Его также беспокоило, как бы французское правительство не сбежало в Северную Африку или в Лондон и оттуда не продолжило войну. Исходя из этих соображений условия перемирия — окончательные условия могут оказаться иными — должны быть умеренными, рассчитанными на то, чтобы "французское правительство функционировало на французской земле", а "французский флот был нейтрализован". Фюрер резко отклонил требование Муссолини предоставить итальянцам право оккупировать долину реки Рона, включая Тулон (крупная французская военно-морская база на Средиземном море, где сосредоточилась основная часть французского военного флота) и Марсель, а также требование о разоружении Корсики, Туниса и Джибути. В немецком меморандуме отмечается, что город Джибути, ворота в оккупированную Италией Эфиопию, вполголоса назвал Чиано.

Даже воинственный Риббентроп, как отметил в дневнике Чиано, проявил "исключительную умеренность и спокойствие и высказывался в поддержку мира". И воинственный Муссолини, как заметил его зять, был "очень сильно смущен".

"Он чувствует, что его роль второстепенная... По правде говоря, дуче боится, что с наступлением мира мечта его жизни — слава, добытая на поле боя, — снова останется неосуществленной".

Муссолини оказался неспособен убедить Гитлера вести переговоры о перемирии с французами совместно. Фюрер не собирался делить с дуче триумф на историческом месте (он даже не назвал своему другу место, где будет подписано перемирие с французами), но пообещал, что его перемирие с Францией не вступит в силу до тех пор, пока французы не подпишут перемирие с Италией.

Муссолини покинул Мюнхен огорченный и расстроенный, однако на Чиано Гитлер произвел весьма благоприятное впечатление, чего с ним

ранее не случалось. Об этом свидетельствует запись, сделанная Чиано в дневнике по возвращении в Рим:

"Из всего этого определенно следует, что он (Гитлер) хочет действовать быстро, чтобы покончить со всем этим. Сегодня Гитлер похож на игрока, который сорвал огромный куш и хотел бы встать из-за стола, чтобы больше не рисковать. Говорит он сдержанно, с той осмотрительностью, которая после такой победы просто удивительна. Меня нельзя обвинить в излишней нежности к нему, но сегодня я действительно им восхищаюсь".

Второе перемирие в Компьене

Я прибыл следом за германской армией в Париж в июне — время, когда все в исполненной величия, а теперь поверженной столице наполняется неизъяснимым очарованием, и 19-го разузнал, где Гитлер собирается изложить французам свои условия перемирия, о которых два дня назад просил Петен. Вручение немецких условий должно было состояться на том самом месте, где германская империя капитулировала перед Францией и ее союзниками 11 ноября 1918 года, — на небольшой поляне в Компьенском лесу. Там нацистский вождь выплеснет на французов свою месть, и сам окрестный ландшафт добавит сладости его отмщению. Эта идея осенила его 20 мая, спустя десять дней после начала великого наступления на Западе, в день, когда немецкие танки достигли Абвиля. Йодль отметил в тот день в своем дневнике: "Фюрер работает над мирным договором... Первые переговоры пройдут в Компьенском лесу".

После полудня 19 июня я поехал туда и застал там немецких саперов, разрушавших стены музея, где хранился спальный вагон маршала Фоша, в котором в 1918 году было подписано перемирие. Уходя, я видел, как саперы, орудовавшие пневматическими молотами, разобрав стену, уже тащили вагон на рельсы на то самое место в центре поляны, где он стоял в 5 часов утра 11 ноября 1918 года, когда под нажимом Фоша германские представители поставили свои подписи под условиями перемирия.

Итак, это было в полдень 21 июня. Я стоял у края поляны в Компьенском лесу, чтобы увидеть собственными глазами последний и крупнейший из триумфов Гитлера, которых я в ходе своей работы видел так много за эти бурные годы. Был один из самых прекрасных летних дней, какие мне запомнились в мою бытность во Франции. Теплые лучи солнца задерживались на мощных ветвях величественных вязов, дубов, кипарисов и сосен, которые отбрасывали приятную тень на заросшие дорожки, ведущие к небольшой круглой поляне. Точно в 3 часа 15 минут пополудни прибыл на своем мощном "мерседесе" Гитлер в сопровождении Геринга,

Браухича, Кейтеля, Редера, Риббентропа и Гесса, — каждый в своей, отличной от других форме и Геринг — единственный фельдмаршал рейха с маршалским жезлом в руке. Они вышли из своих автомобилей примерно в 200 ярдах от монумента в ознаменование освобождения Эльзаса и Лотарингии, который был задрапирован немецкими военными флагами так, чтобы фюрер не мог увидеть огромный меч (я помнил это по предыдущим посещениям), меч победоносных союзников 1918 года, пронзивший жалкого орла, символизировавшего германскую империю Гогенцоллернов. Взглянув на монумент, Гитлер двинулся дальше.

"Я наблюдал за его лицом, — записал я в своем дневнике. — Оно было серьезным, торжественным и тем не менее полным жажды мести. В нем, как и в его пружинистой походке, было что-то от победоносного завоевателя, бросившего вызов всему миру. Было что-то... вроде злобной радости от свершения этого величайшего поворота судьбы, поворота, который он сам устроил".

Когда он подошел к маленькой поляне в лесу, где в центре был установлен его личный штандарт, его внимание привлек огромный гранитный блок, возвышавшийся примерно на три фута над землей.

"Гитлер, сопровождаемый свитой, медленно подходит к гранитному блоку и читает надпись, выгравированную (по-французски) крупными буквами: "Здесь 11 ноября 1918 года была сломлена преступная гордыня германской империи, побежденной свободными народами, которые она пыталась поработить". Гитлер читает надпись, и Геринг тоже. Все читают ее, стоя в тишине под июньским солящем. Я стараюсь разглядеть выражение лица Гитлера. Я всего в 50 ярд от него и вижу его лицо в бинокль, точно он прямо передо мной. Я много раз видел это лицо в величайшие минуты жизни фюрера. Но сегодня! Оно пылает презрением, гневом, ненавистью, неистребимой жаждой мести, торжеством. Он отходит от монумента, всем своим видом показывая презрение, что удастся ему в совершенстве. Он еще раз оглядывается назад — презрительно, зло, — вы почти осязаете, как он зол, что не может сразу же одним взмахом своего прусского сапога {По распоряжению Гитлера монумент был взорван три дня спустя. — Прим. авт.} уничтожить эти отвратительные, провокационные слова. Внимательным взглядом обводит он поляну, и, когда его глаза встречаются с вашими, вы чувствуете всю глубину ненависти, таящейся в них. Но в его глазах таится и торжество — мстительная, ликующая ненависть. Вдруг, будто лицо его еще не в полной мере отразило чувства, он придает своему телу положение, созвучное его настроению. Он быстро кладет руки на бедра, расправляет плечи, широко

расставляет ноги. Это великолепная поза, она выражает вызов, жгучее презрение к этому месту, ко всему тому, что стояло здесь двадцать два года, будучи немым свидетелем уничтожения германской империи".

Затем Гитлер и его свита вошли в вагон, где фюрер уселся в кресло, на котором в 1918 году сидел Фош. Через пять минут появилась французская делегация во главе с генералом Шарлем Хюнтцигером, командовавшим 2-й армией у Седана, в составе одного адмирала, генерала авиации и одного гражданского лица, Леона Ноэля, бывшего французского посла в Польше, ставшего свидетелем краха еще одного государства под ударами немецкого оружия. Они были потрясены, но сохраняли достоинство даже в этих трагических обстоятельствах. Им заранее не сказали, что доставят в эту французскую святыню, чтобы подвергнуть унижительной процедуре, и французы, вне всякого сомнения, пережили как раз то шоковое состояние, на какое рассчитывал Гитлер. В тот вечер, после того как Браухич детально описал ему всю процедуру, Гальдер записал в своем дневнике:

"Французы... не подозревали, что им придется вести переговоры в том самом месте где проходили переговоры в 1918 году. Этот факт так подействовал на них, что они долго не могли прийти в себя".

Разумеется, французы были ошеломлены, и это было заметно. Тем не менее вопреки сообщениям, которые публиковались в те дни, они пытались, как теперь стало известно из официальных протоколов этой встречи, обнаруженных среди нацистских секретных документов, смягчить наиболее жесткие пункты условий, выдвинутых фюрером, и устранить те из них, которые, по их мнению, являлись позорными. Однако их усилия оказались тщетными.

Гитлер и его свита покинули вагон, как только генерал Кейтель зачитал французам преамбулу к условиям перемирия, предоставив ведение переговоров начальнику штаба ОКБ, но при этом не разрешив ему ни на йоту отступить от составленных им самим условий.

Хюнтцигер, ознакомившись с условиями, заявил, что они "тяжелые и безжалостные", значительно хуже, чем те, которые французы вручили немцам здесь в 1918 году. Более того, продолжал Хюнтцигер, если "страна по ту сторону Альп, которая не нанесла поражения Франции (Хюнтцигер слишком презирал Италию, чтобы назвать ее), предъявит аналогичные требования, то Франция ни при каких обстоятельствах не подчинится. Она будет сражаться до горького конца... Поэтому он не считает возможным поставить свою подпись под немецкими условиями перемирия... "

Генерал Йодль, второй человек в ОКБ, председательствовавший на совещании, не ожидал столь дерзких слов от полностью разгромленного

противника и ответил, что хотя не может не выразить своего "понимания" относительно всего сказанного Хюнтцигером об итальянцах, тем не менее он не имеет полномочий изменить условия, выдвинутые фюрером. Он может сделать одно — "дать комментарии и разъяснить непонятные пункты". Французам придется либо подписать этот документ по перемирию, либо оставить его в том виде, в каком он есть.

Немцы были раздражены тем, что французская делегация приехала без полномочий заключить перемирие, а только для того, чтобы передать согласие правительства, находившегося в Бордо. То ли в результате технического чуда, то ли по счастливой случайности, но им удалось установить телефонную связь с правительством в Бордо из старого спального вагона прямо через линию фронта, где еще шли бои. Французской делегации разрешили воспользоваться этим телефоном, чтобы передать текст условий перемирия и обсудить их со своим правительством. Доктора Шмидта, выступавшего на переговорах в роли переводчика, для подслушивания переговоров поместили в армейскую спецмашину связи, стоявшую в нескольких ярдах за деревьями. На следующий день мне удалось прослушать отрывок записанных немцами на пленку переговоров между Хюнтцигером и генералом Вейганом.

К чести последнего, который несет серьезную ответственность за поражение французов, за полную капитуляцию и за разрыв с Англией, следует заметить, что он энергично возражал против многих требований немцев. Одним из наиболее одиозных требований было обязательство французов передать рейху всех антинацистски настроенных беженцев, нашедших убежище во Франции и на ее территориях. Вейган назвал это требование позорным, сославшись на французские традиции предоставления права на политическое убежище, но когда на следующий день об этом было заявлено немцам, надменный Кейтель, не слушая никаких доводов, стал кричать, что "немецкие эмигранты" являются "величайшими поджигателями войны", что они "предали свой собственный народ" и должны быть переданы рейху "любой ценой". Французы не высказали возражений против статьи, в которой говорилось, что с теми французами, которых схватят с оружием в руках в войсках других стран, воюющих против Германии, будут обращаться как с франтирерами, то есть немедленно расстреляют. Этот пункт был направлен против де Голля, который уже пытался организовать в Англии движение "Свободная Франция". Как Вейган, так и Кейтель знали, что это являлось грубейшим нарушением элементарных правил войны. Не возражали французы и против параграфа, в котором предусматривалось, что все военнопленные

будут содержаться в плену до заключения мира. Вейган был уверен, что англичане покорятся в пределах трех недель и после этого французские военнопленные будут отпущены домой. Тем самым он обрек полтора миллиона французов на пятилетнее содержание в лагерях для военнопленных.

Самым сложным в соглашении о перемирии являлся вопрос о судьбе французского военно-морского флота. Когда Франция зашаталась, Черчилль предложил освободить ее от обязательства не заключать сепаратный мир, если французский военный флот получит указание направиться в английские порты. Гитлер был полон решимости не допустить этого; он хорошо понимал, как говорил он Муссолини 18 июня, что это неимоверно усилило бы Англию. Поскольку на карту было поставлено так много, он решил пойти на некоторые уступки или по крайней мере пообещать пойти на уступки разгромленному противнику. Соглашением о перемирии предусматривалось, что французский флот будет демобилизован, а сами корабли поставлены на стоянку в своих портах. В ответ на это германское правительство торжественно заявило французскому правительству, что оно не намерено использовать французский флот, находившийся в портах под немецким наблюдением, в своих военных интересах. Более того, правительство торжественно заявило, что оно не имеет намерения предъявлять какие-либо права на французский военный флот во время заключения мира. Как и все обещания Гитлера, это тоже будет нарушено.

Наконец, Гитлер оставлял французскому правительству неоккупированную зону на юге и юго-востоке Франции, где оно якобы будет управлять по своему усмотрению. Это был коварный ход, позволивший не только разделить саму Францию географически и административно, но и затруднить, если не исключить полностью, возможность формирования французского правительства в изгнании и перечеркнуть любые планы политических деятелей в Бордо сделать местом пребывания правительства Северную Африку, — замысел, который был близок к осуществлению, но оказался в конечном счете сорван не немцами, а французскими пораженцами: Петеном, Вейганом, Лавалем и их сторонниками. Более того, Гитлер знал, что те, кто теперь контролировал французское правительство в Бордо, являлись врагами французской демократии и можно было надеяться на сотрудничество с ними в установлении нацистского "нового порядка" в Европе.

Однако и на второй день переговоров в Компьене французская делегация продолжала препирательства и проволочки. Одна из причин

задержек — Хюнтцигер настаивал, чтобы Вейган не просто уполномочил его подписать условия перемирия: никто во Франции не хотел брать на себя такую ответственность, а приказал это сделать. В конце концов в 6. 30 вечера Кейтель предъявил ультиматум: французы должны в течение часа принять или отклонить немецкие условия перемирия. Французское правительство капитулировало. В 6 часов 50 минут вечера 22 июня 1940 года Хюнтцигер и Кейтель подписали соглашение о перемирии {Соглашением предусматривалось, что оно вступит в силу, как только будет подписано франко-итальянское соглашение о перемирии, и боевые действия прекратятся через шесть часов после его подписания. — Прим. авт. }.

Я слушал, как проходил последний акт подписания перемирия, поскольку все было записано на пленку с помощью скрытых микрофонов. Перед тем как поставить свою подпись, французский генерал дрожащим голосом сказал, что хочет сделать заявление от себя лично. Мне удалось записать это по-французски. Он говорил:

"Я заявляю, что французское правительство приказало мне подписать эти условия перемирия... Вынужденная силой оружия прекратить борьбу, которую мы вели на стороне союзников, Франция сознает тяжесть навязанных ей условий. На будущих мирных переговорах Франция вправе ожидать, что в Германии возобладают настроения, которые позволят двум великим державам жить и трудиться в мире и добрососедстве".

Тем мирным переговорам, о которых говорил французский генерал, не было суждено состояться, но настроения, которые должны были возобладать в нацистском третьем рейхе, если бы они состоялись, начали выявляться по мере того, как оккупация становилась все более жесткой, а давление на раболопный режим Петена все более сильным. Франции было предначертано превратиться в германского вассала, с чем Петен, Вейган и Лаваль, очевидно, были согласны.

Пошел мелкий дождь, когда участники переговоров покидали вагон. На дороге сквозь лес можно было видеть бесконечную цепочку усталых, едва переставлявших ноги беженцев, которые возвращались домой на велосипедах, на телегах, а немногие счастливчики — на старых грузовиках. Я вышел из тени деревьев и направился к поляне. Группа немецких саперов, громко крича, уже начала передвигать старый вагон, в котором велись переговоры.

— Куда? — поинтересовался я.

— В Берлин, — последовал ответ {В Берлин вагон был доставлен 8 июля. По иронии судьбы в ходе войны он был разбит во время одного из

налетов союзной авиации. — Прим. авт. }.

Франко-итальянское перемирие было подписано в Риме двумя днями позднее. Согласно перемирию, Муссолини мог оккупировать только ту территорию, которую захватили его войска, то есть всего несколько сот ярдов французской земли. Франции была также навязана 50-мильная демилитаризованная зона как перед границей с Италией, так и в Тунисе. Перемирие было подписано в 7. 35 вечера 24 июня. Спустя шесть часов пушки во Франции смолкли.

Та самая Франция, которая в минувшей войне выдержала четыре года борьбы, на сей раз была выведена из войны всего за шесть недель. Немецкие войска завоевали территорию большей части Европы от мыса Нордкап за Полярным кругом до Бордо, от берегов Ла-Манша до реки Буг в Восточной Польше. Адольф Гитлер достиг вершины славы. Бывший австрийский бродяга, объединивший немцев в национальное государство, прошел путь от ефрейтора времен первой мировой войны до величайшего германского завоевателя. Теперь установить германскую гегемонию в Европе мешал ему лишь неукротимый англичанин Уинстон Черчилль и возглавляемый им народ, полный решимости и отвергающий возможность поражения, в то время как Англия стояла на грани поражения; народ, оставшийся в одиночестве, фактически безоружный, осажденный в своем островном доме самой мощной военной машиной, какую когда-либо видел мир.

Гитлер ведет игру с целью заключить мир

Спустя десять дней после начала немецкого наступления на Западе, в тот самый вечер, когда немецкие танки вышли к Абвилю, генерал Йодль, описав в своем дневнике, как фюрер был "вне себя от радости", добавил, что он "работает над мирным договором" и что "Англия может получить сепаратный мир в любое время после возвращения германских колоний". Это было 20 мая. Затем в течение нескольких недель Гитлер, по-видимому, не сомневался, что после выхода Франции из войны Англия будет стремиться к заключению мира. Выдвигаемые им условия, с точки зрения немцев, представлялись исключительно щедрыми, учитывая, что Англия потерпела поражение в Норвегии и во Франции. 24 мая фюрер детально изложил их генералу фон Рундшtedту, выразив при этом свое восхищение Британской империей и подчеркнув необходимость ее существования. От Лондона он требовал одного — свободы рук в континентальной Европе.

Он был настолько уверен, что англичане согласятся с его предложением, что после падения Франции даже не намечал никаких планов относительно продолжения войны против Англии, а его хваленый

генеральный штаб, который, считалось, с прусской тщательностью разработал все возможные в будущем варианты, не надоедал ему со своими планами. Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер не делает никаких записей по этому вопросу в своем объемистом дневнике. Он больше обеспокоен русской угрозой на Балканах и на Балтике, чем поведением англичан.

В самом деле, разве будет Великобритания сражаться в одиночестве, оказавшись в столь безнадежном положении? Особенно сейчас, когда она может заключить мир, сохранив, в отличие от Франции, Польши и других потерпевших поражение стран, свою целостность и свободу? Этот вопрос задавали повсюду, но не на Даунинг-стрит, где, как позднее признавался Черчилль, он никогда даже не обсуждался, ибо ответ напрашивался сам собой. Однако немецкий диктатор этого не знал и, когда Черчилль публично заявил, что Англия не сдастся, он, вероятно, этому не поверил. Не поверил, даже когда 4 июня, по завершении дюнкеркской эпопеи, Черчилль выступил со своей знаменитой речью о продолжении борьбы на холмах и побережье; не поверил, даже когда 18 июня, после того как Петен запросил перемирия, Черчилль снова заявил в палате общин о "непоколебимой решимости продолжать войну", а в заключение другого, не менее красноречивого и запоминающегося выступления сказал:

"Давайте напряжем все свои усилия, чтобы каждый выполнил свой долг, и будем помнить, что если Британская империя и ее Содружество просуществуют тысячу лет, то люди скажут: "Это был их звездный час".

Это могли быть просто высокопарные слова талантливого оратора — так, должно быть, думал и Гитлер, будучи сам блестящим оратором. Его уверенность, вероятно, подкреплялась итогами зондажа в столицах нейтральных государств и призывами покончить с войной, исходившими оттуда. 28 июня Гитлер получил от папы римского конфиденциальное послание — аналогичные обращения были адресованы Муссолини и Черчиллю, — в котором глава Ватикана предлагал свое посредничество в интересах "установления справедливого и почетного мира". В своем обращении папа подчеркивал, что, прежде чем предпринимать такой шаг, он желал бы удостовериться, как будет воспринято его предложение заинтересованными сторонами. Король Швеции также проявлял активность, предлагая свои услуги в деле заключения мира между Лондоном и Берлином.

В Соединенных Штатах германское посольство во главе с Гансом Томсеном, поверенным в делах, расходовало каждый доллар, на который могло наложить лапу, на поддержку изоляционистов, высказывавшихся

против вступления Америки в войну, тем самым подталкивая Англию к отказу от ее продолжения. Захваченные документы германского министерства иностранных дел изобилуют донесениями Томсена, который докладывал в Берлин об усилиях посольства склонить американское общественное мнение в пользу Гитлера. Этим летом в США проходили партийные съезды, и Томсен всеми силами стремился оказать влияние на внешнеполитические программы партий, особенно республиканской.

Например, 12 июня под грифом "совершенно секретно, срочно" он сообщил в Берлин, что "хорошо известный конгрессмен-республиканец", тесно сотрудничающий с германским посольством, предложил за 3 тысячи долларов пригласить пятьдесят конгрессменов-республиканцев, поддерживающих программу изоляционистов, на съезд республиканцев, "с тем чтобы они могли воздействовать на остальных делегатов в поддержку изоляционистской внешней политики". Тот же "тесно сотрудничающий" конгрессмен, докладывал в Берлин Томсен, просит 30 тысяч долларов, чтобы оплатить рекламу в американских газетах на всю полосу под заголовком "Держать Америку вне войны!" {Такая реклама появилась в "Нью-Йорк таймс" 25 июня 1940 года. — Прим. авт. } На следующий день Томсен писал в Берлин о новом проекте, который он обсуждает с неким американским литератором; в данном случае вопрос сводился к тому, чтобы пять хорошо известных американских писателей написали книги, от которых он ждет "больших результатов". На осуществление этого проекта ему потребуется 20 тысяч долларов — сумма, которую одобрил Риббентроп через несколько дней {5 июля 1940 года Томсен настолько испугался возможного разоблачения, что шифром запросил у Берлина разрешения на уничтожение всех расписок и отчетов по расходам за вышеупомянутые операции: "Выплаты получателям... производятся через надежных посредников, однако при нынешних обстоятельствах очевидно, что никаких расписок получать нельзя... Подобные расписки или памятные записки могут попасть в руки американских секретных служб, если посольство вдруг будет захвачено американскими властями, и, несмотря на все усилия по маскировке, сам факт существования таких документов вызовет серьезный политический скандал и другие нежелательные последствия для наших друзей, которые, возможно, известны нашим врагам... Поэтому я прошу разрешить посольству уничтожить эти расписки и отчеты и впредь обходиться без них". Это телеграфное донесение было уничтожено. — Прим. авт. }.

Одним из первых публичных высказываний Гитлера о его надеждах на мир с Англией явилось его интервью с Карлом фон Ви-гандом,

корреспондентом газетного магната Херста, которое было опубликовано в нью-йоркском "Джорнэл Американ" 14 июня. Спустя две недели Томсен информировал германское министерство иностранных дел о том, что отпечатал дополнительно 100 тысяч экземпляров этого интервью и что ему удалось, кроме того, через надежного агента убедить изоляциониста, члена палаты представителей Торкелсона (республиканец от штата Монтана), включить интервью фюрера в "Конгрешнл рекорд" ("Протоколы Конгресса") от 22 июня. Это еще раз гарантирует его самое широкое распространение.

Нацистское посольство в Вашингтоне хваталось за любую соломинку. Однажды летом пресс-атташе посольства пытался протолкнуть идею, которая, по его словам, была предложена неким Фултоном Люисом, радиокомментатором, которого атташе характеризовал как искреннего поклонника Германии и фюрера и исключительно уважаемого американского журналиста.

"Фюреру нужно будет обратиться к Рузвельту с телеграммой... приблизительно следующего содержания: "Вы, господин Рузвельт, неоднократно зывали ко мне, и я всегда выражал желание избежать кровопролитных войн. Я не объявлял войну Англии; наоборот, я всегда подчеркивал, что не желаю уничтожения Британской империи. Мои неоднократные просьбы к Черчиллю проявить здравомыслие и согласиться на заключение почетного мира упорно им отвергались. Я вполне осознаю, что Англия жестоко пострадает, когда я отдам приказ начать тотальную войну против Британских островов. Поэтому я прошу Вас обратиться от своего имени к Черчиллю и убедить его отказаться от бессмысленного упрямства". Люис добавил, что Рузвельт, конечно, даст грубый и язвительный ответ, но это не играет роли. Такое обращение произвело бы глубокое впечатление как на Северную Америку, так и на Южную Америку..."

Адольф Гитлер не принял рекомендации Люиса, однако министерство иностранных дел в Берлине телеграфом запросило свое посольство, насколько авторитетен упомянутый радиокомментатор в Америке. Томсен ответил, что Люис "пользовался успехом в последнее время... но по сравнению с ведущими американскими комментаторами никакого политического веса не имеет" {Описание действий германского посольства в Вашингтоне в этот период, как это видно из донесений и других документов, опубликованных в томах "Документы по внешней политике Германии", могло бы стать темой для большой, захватывающей книги. Поражаешься тенденции немецких дипломатов говорить нацистскому

диктатору именно то, что он желал услышать, — практика, распространенная во всех тоталитарных странах. Два офицера из ОКВ в Берлине рассказывали мне, что высшее командование, по крайней мере генеральный штаб, относилось с недоверием к донесениям, поступавшим из посольства в Вашингтоне, и создало свою военную разведывательную службу в Соединенных Штатах. ОКВ и генеральный штаб не получали нужной информации от немецкого военного атташе в Вашингтоне генерала Фридриха фон Беттихера, если судить по его донесениям, включенным в тома "Документов". Он все время предупреждал ОКВ, генеральный штаб сухопутных войск и главный штаб ВВС, куда были адресованы его депеши, что Америка находится под контролем евреев и франкмасонов, что точно соответствовало мыслям Гитлера. Беттихер переоценивал влияние изоляционистов в американской политике, особенно влияние полковника Чарлза Линдберга, который в его донесениях фигурировал как величайший герой. Одна или две выдержки из этих донесений дадут полное представление об их тоне:

"20 июля 1940 года. ... Как выразитель интересов евреев, которые через франкмасонов осуществляют контроль над широкими массами американского народа, Рузвельт хочет, чтобы Англия продолжала сражаться... В кругах Линдберга стали осознавать развитие событий и теперь пытаются по крайней мере помешать распространению фатального контроля над американской политикой со стороны евреев... Я неоднократно докладывал о подлой и злобной кампании против Линдберга, которого евреи считают своим наиболее сильным противником...

6 августа 1940 года. Теперь еврейские элементы занимают ключевые позиции в американских вооруженных силах... в последние недели посты военного министра, помощника военного министра, министра военноморских сил оказались заняты раболепствующими личностями, а в качестве секретаря к военному министру приставили очень влиятельного еврея полковника Юлиуса Охс-Адлера.

В своих донесениях я уже упоминал о силах, противостоящих еврейским элементам и нынешней политике Соединенных Штатов, учитывая также важность генерального штаба. Исключительно одаренный Линдберг, у которого довольно обширные связи, является самой важной фигурой. Еврейские элементы и Рузвельт боятся духовного и особенно морального превосходства этого человека.

В воскресенье (4 августа) Линдберг нанес удар, который скажется на евреях. Он... подчеркнул, что Америке следует стремиться к искреннему сотрудничеству с Германией, имея в виду сохранение мира и западной

культуры. Несколькими часами позднее престарелый генерал Першинг, который долгое время оставался игрушкой в руках Рузвельта, то есть в руках евреев, прочитал по радио декларацию, подsunутую ему мастерами закулисных махинаций, о том, что поражение Англии вызовет реальную угрозу для Америки...

Шайка еврейских элементов, бросающих посредством прессы тень подозрения на Линдберга, обвинения в его адрес со стороны сенатора... Лукаса, который в своем выступлении по радио вечером в понедельник по указанию Рузвельта назвал Линдберга представителем "пятой колонны", то есть предателем, — все это подчеркивает страх перед духовной мощью этого человека, об успехах и значимости которого для развития будущих германо-американских отношений я докладывал в начале войны". 18 сентября в очередном донесении Томсен изложил конфиденциальный разговор, который, по его словам, состоялся между Линдбергом и несколькими офицерами американского генерального штаба. Линдберг высказал мнение, что Англия скоро развалится под ударами немецкой авиации. Однако офицеры генерального штаба считали, что авиационная мощь Германии недостаточна, чтобы добиться нужных для нее результатов. — Прим. авт. }.

Черчилль был несколько обеспокоен, судя по его мемуарам, усилиями определенных кругов через Швецию, Соединенные Штаты и Ватикан прозондировать возможность заключения мира с Англией и, убедившись, что Гитлер пытается максимально использовать такие настроения, принял решительные контрмеры. Узнав о попытках немецкого поверенного в делах в Вашингтоне Томсена начать переговоры с английским послом, Черчилль по телеграфу предупредил, чтобы "лорд Лотиан ни под каким видом не отвечал на послание немецкого поверенного в делах".

Королю Швеции, который настойчиво требовал, чтобы Великобритания пошла на мирное урегулирование, непреклонный премьер-министр подготовил твердый ответ:

"... Прежде чем любое подобное требование или предложение будет рассмотрено, необходимо, чтобы Германия не на словах, а на деле дала надежные гарантии восстановления свободной и независимой Чехословакии, Польши, Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии и прежде всего Франции..." {В "Документах по внешней политике Германии" имеются донесения, адресованные германскому министерству иностранных дел, о якобы имевших место контактах с различными английскими дипломатами и деятелями, иногда прямых, иногда через нейтралов, таких, например, как франкистские испанцы. Принц Макс фон

Гогенлоэ, англофил из судетских немцев, докладывал в Берлин о своих беседах с английским послом в Швейцарии Давидом Келле и Ага-ханом. Он утверждал, что последний просил его отправить фюреру сообщение следующего содержания: "Хедив Египетский, также находящийся здесь, согласился, что в тот день, когда фюрер остановится на ночь в Виндзоре, они вместе разопьют бутылку шампанского... Если Германия или Италия планируют отобрать у англичан Индию, он в их распоряжении... Борьба против Англии — это борьба не против английского народа, а против евреев. Черчилль многие годы находился на содержании у евреев, а король слишком слаб и ограничен в правах... Если бы он направился с этими мыслями в Англию, Черчилль бы заключил его в тюрьму..."

Необходимо принять во внимание, что эти донесения могут быть совсем неправдивыми, но они содержат то, что хотелось услышать Гитлеру. Нацистский план перетянуть на свою сторону герцога Виндзорского состоял в том, чтобы похитить его, а затем попытаться использовать в своих целях, как это явствует из секретных документов германского министерства иностранных дел. — Прим. авт. }

В этом заключалась позиция Черчилля, и, вероятно, никто в Лондоне не собирался ставить такую позицию под угрозу путем заключения мира, гарантирующего сохранение Англии, но оставляющего народы стран, поработанных Гитлером, на положении рабов. Но этого не понимали в Берлине, где, помнится, в те летние дни, особенно на Вильгельмштрассе и Бендлерштрассе, были уверены, что с войной, в сущности, покончено.

Вторую половину июня и первые дни июля Гитлер все еще надеялся получить из Лондона известие о готовности английского правительства сдаться и заключить мир. 1 июля он говорил новому итальянскому послу Дино Альфиери {Аттолико был заменен Альфиери по наущению Риббентропа в мае 1940 года. — Прим. авт. }, что "не может даже представить, чтобы кто-либо в Англии всерьез верил в победу". И верховное командование ничего не предпринимало для продолжения войны против Англии.

Но на следующий день после разговора с итальянским послом ОКБ наконец издало первую директиву по этому вопросу. Это был скорее нерешительный приказ.

Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами решил:

1. При наличии определенных предпосылок, важнейшей из которых является завоевание превосходства в воздухе, может встать вопрос о высадке в Англии. Ввиду этого дата пока не назначается. Приготовления к

проведению операции начать как можно ранее...

Прохладное отношение Гитлера к идее вторжения на Британские острова и его уверенность, что такая операция в конце концов окажется ненужной, нашли отражение в заключительной фразе директивы:

... Во всех приготовлениях учитывать, что план высадки в Англии отнюдь еще не является твердым и что речь идет лишь о подготовке возможной операции.

Когда Чиано встретился с фюрером 7 июля в Берлине, у него сложилось впечатление, судя по записям в его дневнике, что нацистский главарь в растерянности и не может пока что принять решение.

"Он, по-видимому, склонен продолжать борьбу и обрушить бурю гнева и стали на головы англичан. Однако к окончательному решению он еще не пришел и по этой причине откладывает свою речь, в которой, как он выразился, должно быть взвешенным каждое слово".

11 июля Гитлер собрал своих военачальников в Оберзальцберге, чтобы узнать их мнение по этому вопросу. Адмирал Редер, флоту которого пришлось бы перебрасывать армию вторжения через Ла-Манш, имел в этот день продолжительный разговор с фюрером. Ни тот, ни другой не проявили особого желания тщательно рассмотреть возникшую проблему, по существу, основную часть времени они посвятили обсуждению вопросов, связанных с развертыванием военно-морских баз в Тронхейме и Нарвике (Норвегия).

Верховный главнокомандующий, судя по конфиденциальному докладу адмирала о прошедшей встрече, находился в подавленном настроении. Он поинтересовался у адмирала, произведет ли эффект намеченное выступление в рейхстаге. Адмирал ответил, что речь произведет эффект, если ей будет предшествовать "концентрированный" налет на Англию. Напомнив своему шефу, что английские военно-воздушные силы наносят ощутимый урон немецким военно-морским базам в Вильгельмсхафене, Гамбурге и Киле, адмирал высказал мнение, что люфтваффе следовало бы немедленно активизировать свои действия против англичан. Что касается вторжения на Британские острова, то к этим планам командующий военно-морскими силами отнесся довольно сдержанно. Он настоятельно советовал, чтобы оно было предпринято "только как последнее средство вынудить Англию пойти на заключение мира".

"Он (Редер) убежден, что Англию можно принудить запросить мира, перерезав ее артерии снабжения посредством беспощадной войны подводного флота, воздушных налетов на конвои и сильных воздушных налетов на ее главные центры...

Поэтому командующий военно-морскими силами (Редер) не может выступать в поддержку идеи вторжения в Англию, как в случае с Норвегией".

Далее адмирал принялся подробно и долго объяснять трудности, связанные с таким вторжением, которые, вероятно, несколько охладили Гитлера. Охладили, но и убедили. Ибо Редер отметил, что "фюрер также рассматривает вторжение как последнее средство".

Спустя два дня после разговора с адмиралом, 13 июля, в Бергхоф на совещание с верховным главнокомандующим прибыли генералы. Они нашли фюрера все еще озадаченным поведением англичан. "Фюрера, — записал в тот вечер в своем дневнике Гальдер, — больше всего занимает вопрос, почему Англия до сих пор не ищет мира". Но теперь для него стала ясна одна из причин. Гальдер это отметил:

"Он, как и мы, видит причину этого вопроса в том, что Англия еще надеется на Россию. Поэтому он считает, что придется силой принудить Англию к миру. Однако он несколько неохотно идет на это. Причина: если мы разгромим Англию, вся Британская империя распадется. Но Германия ничего от этого не выиграет. Разгром Англии будет достигнут ценой немецкой крови, а пожинать плоды будут Япония, Америка и др. "

В тот же день Гитлер в письме Муссолини с благодарностью отклонял предложение дуче использовать итальянские войска и самолеты для вторжения в Англию. Из этого письма очевидно, что фюрер наконец начинал приходить к определенным выводам. Странные англичане просто не желали прислушиваться к голосу разума.

"Я столько раз обращался к Англии с предложением заключить соглашение, даже сотрудничество, и в ответ на это со мной обращались так бесчестно, — писал он, — что теперь я убежден, что любой новый призыв к разуму будет так же отвергнут, ибо в этой стране в настоящее время правит не разум..."

Тремя днями позднее, 16 июля, нацистский правитель наконец принял решение. Он издал "Директиву э 16 о подготовке операции по высадке войск в Англии".

Ставка фюрера,

16 июля 1940 года

Совершенно секретно

Поскольку Англия, несмотря на свое бесперспективное военное положение, все еще не проявляет никаких признаков готовности к взаимопониманию, я решил подготовить и, если нужно, осуществить десантную операцию против Англии. Цель этой операции — устранить

английскую метрополию как базу для продолжения войны против Германии и, если это потребуется, полностью захватить ее.

Операция получила кодовое название "Морской лев". Приготовления планировалось закончить к середине августа.

"... Если нужно, осуществить десантную операцию... " Несмотря на то что интуиция подсказывала, что такая необходимость возникнет, он, как явствует из директивы, не был в этом уверен. Это "если" все еще оставалось большим знаком вопроса, когда Адольф Гитлер вечером 19 июля поднимался на трибуну в рейхстаге, чтобы сделать свое последнее предложение Англии заключить мир. Это было последнее продолжительное выступление фюрера в рейхстаге и последнее выступление, услышанное автором этих строк. В тот же вечер я записал свои впечатления об этом выступлении:

"Гитлер, которого мы видели сегодня вечером в рейхстаге, предстал завоевателем и, сознавая это, тем не менее настолько искусно играл, настолько владел умами немцев, что непоколебимая уверенность завоевателя великолепно сочеталась с почтительным смирением — это всегда хорошо воспринимается широкими массами, когда они знают, что наверху настоящий человек. Его голос звучал сегодня гораздо тише; вопреки обыкновению, он редко повышал голос на трибуне и ни разу не перешел на истерический крик, какой мне не раз приходилось слышать с этой трибуны".

Разумеется, его длинная речь изобиловала фальсификациями истории и щедрыми вкраплениями оскорблений в адрес Черчилля. Но по тону она была умеренной, учитывая исключительно благоприятные для Германии обстоятельства, умело выстроенной, что позволяло ему рассчитывать на поддержку не только своего народа, но и нейтралов и подбросить широким слоям англичан пищу для раздумий.

"Из Британии, — сказал он, — я слышу сегодня только один крик — не народа, а политиканов — о том, что война должна продолжаться. Я не знаю, правильно ли представляют себе эти политиканы, во что выльется продолжение борьбы. Верно, они заявляют, что будут продолжать войну, а если Великобритания погибнет, то будут продолжать войну из Канады. Я не могу поверить, что под этим они подразумевают то обстоятельство, будто английскому народу придется перебраться в Канаду. Очевидно, в Канаду поедут те джентльмены, которые заинтересованы в продолжении войны. Боюсь, народу придется остаться в Британии и... увидеть войну другими глазами, нежели это представляется их так называемым лидерам в Канаде.

Поверьте мне, господа, я питаю глубокое отвращение к подобного рода

бессовестным политикам, которые обрекают на гибель целые народы. У меня вызывает почти физическую боль одна только мысль, что волею судеб я оказался тем избранным лицом, которому придется наносить последний удар по структуре, уже зашатавшейся в результате действий этих людей... Мистер Черчилль... будет к тому времени в Канаде, куда несомненно уже отосланы деньги и дети тех, кто принципиально заинтересован в продолжении войны. Однако миллионы простых людей ждут великие страдания. Мистеру Черчиллю, пожалуй, следовало бы прислушаться к моим словам, когда я предсказываю, что великая империя распадется, — империя, разрушение которой или даже причинение ущерба которой никогда не входило в мои намерения... "

Сделав, таким образом, выпад против упрямого премьер-министра и предприняв попытку оторвать английский народ от него, Гитлер подошел к самой сути своей большой речи:

"В этот час я считаю долгом перед собственной совестью еще раз обратиться к разуму и здравому смыслу как Великобритании, так и других стран. Я считаю, что мое положение позволяет мне обратиться с таким призывом, ибо я не побежденный, выпрашивающий милости, а победитель, говорящий с позиций здравого смысла.

Я не вижу причины, почему эта война должна продолжаться" {Затем последовала беспрецедентная в истории Германии колоритная сцена, когда Гитлер, неожиданно прервав свою речь, принялся вручать фельдмаршальские жезлы двенадцати генералам и специальный, сродни "королевским", жезл Герингу, которому было присвоено вновь введенное звание "рейхсмаршал великого германского рейха", ставившее его выше всех других маршалов. Он был также награжден Большим Железным крестом — единственный случай за всю войну. Гальдера в этой лавине фельдмаршальских званий обошли: его повысили только на один ранг — из генерал-лейтенантов в генералы. Такое неразборчивое присвоение маршальских званий — кайзер за всю первую мировую войну произвел в фельдмаршалы только пять генералов, и даже Людендорф не был удостоен этого звания — несомненно помогало Гитлеру задушить даже скрытую оппозицию среди генералов, что в прошлом имело место трижды. Поступая таким образом, Гитлер хоть и умалял ценность высших воинских рангов, но достигал поставленной цели — укреплял свою власть над генералами. В фельдмаршалы были произведены девять армейских генералов: Браухич, Кейтель, Рундштедт, Бок, Лееб, Лист, Клюге, Вицлебен, Рейхенау, и три генерала люфтваффе: Мильх, Кессельринг и Шперле. — Прим. авт. }.

И все. В детали он не вдавался, не внес никаких конкретных предложений относительно условий для заключения мира, относительно того, что же будет в случае заключения мира с сотнями миллионов людей, находящихся в настоящее время под нацистским ярмом в захваченных немцами странах. Но в тот вечер в рейхстаге нашлось бы очень немного людей, если бы вообще нашлось, которые считали, что на этой стадии нужно что-то детализировать. Я общался с довольно многими высокопоставленными лицами и офицерами при закрытии заседания, и ни один из них не сомневался, что англичане примут великодушное, по их убеждению, предложение фюрера. Но заблуждение их длилось недолго.

С заседания я поехал прямо на радиостанцию, чтобы передать для Соединенных Штатов радиорепортаж о речи фюрера. Едва я прибыл на студию, как тут же поймал передачу Би-би-си на немецком языке из Лондона. Би-би-си уже передавала английский ответ Гитлеру, хотя после выступления фюрера прошло не более часа. Ответом англичан было решительное "Нет! " {Позднее Черчилль утверждал, что мирные предложения Гитлера были немедленно и решительно отклонены Би-би-си "без какой-либо подсказки со стороны правительства его величества, как только отзвучала речь Гитлера по радио" (Черчилль У. Вторая мировая война, т. 2, с. 260). — Прим. авт. }.

Младшие офицеры из верховного командования и чиновники из различных министерств сидели в комнате и с восторженным вниманием слушали радио. Постепенно их лица вытянулись. Они отказывались верить своим ушам. "Вы что-нибудь понимаете? " — кричал мне один из них. Казалось, он оцепенел. "Вы в состоянии понять этих английских дураков? — продолжал он кричать. — Теперь отклонить мир? Да они просто с ума сошли! "

В тот же вечер Чиано {Итальянский министр иностранных дел вел себя точно клоун во время выступления фюрера в рейхстаге — вскакивал, как марионетка, чтобы фашистским салютом приветствовать каждую паузу в его речи. Я заметил Квислинга, маленького человечка со свинячьими глазками, сидевшего в углу первого балкона. Он приехал в Берлин, чтобы просить снова поставить его у власти в Осло. — Прим. авт. } стал свидетелем реакции на безумие англичан на более высоком уровне, чем я. "Поздно вечером, — отмечал он в своем дневнике, — когда стали поступать первые спокойные отклики англичан на речь фюрера, у немцев возникло чувство трудно скрываемого разочарования". Согласно утверждению Чиано, воздействие речи на Муссолини оказалось совершенно противоположным.

"Он... характеризует ее как "слишком коварную". Он опасается, что англичане могут усмотреть в ней предлог для начала переговоров. Это совершенно не устраивает Муссолини, потому что сейчас, как никогда раньше, ему хочется вести войну".

Дуче, как позднее заметил Черчилль, "не стоило беспокоиться по этому поводу. Он сполна получит войну, о которой мечтал".

"Маневр, рассчитанный на то, чтобы сплотить немецкий народ на борьбу против Англии, — так расценил я речь фюрера в тот вечер в своем дневнике. — Речь Гитлера — настоящий шедевр, ибо теперь немцы будут говорить: "Гитлер предлагает англичанам мир, причем без всяких условий. Он говорит, что не видит причин для продолжения войны. Если она будет продолжаться, то лишь по вине англичан".

И не крылась ли главная причина в том, что за трое суток до своего выступления с мирными предложениями в рейхстаге он издал Директиву э 16 о подготовке операции по высадке войск на Британские острова? 1 июля он доверительно признался в этом двум итальянцам — Альфиери и Чиано:

"... Всегда считалось хорошей тактикой переложить ответственность за будущий ход событий в глазах мировой общественности и общественности Германии на противника. Это укрепляет наш собственный моральный дух и подрывает моральное состояние противника. Такая операция, какую планирует Германия, будет кровопролитной... Поэтому нужно убедить общественное мнение, что было предпринято все, чтобы избежать этого ужаса..."

В своей речи от 6 октября {Тогда он предлагал Западу мир по завершении польской кампании. — Прим. авт. } он тоже руководствовался мыслью переложить всю ответственность за последующий ход развития событий на противника. Поэтому он выиграл войну еще до того, как начал ее. И опять он намеревался по психологическим соображениям подкрепить моральный дух, так сказать, ради действий, которые будут предприняты.

А 8 июля, то есть через неделю, Гитлер доверительно пояснял Чиано, что он инсценирует еще одну демонстрацию, с тем чтобы в случае продолжения войны (по его мнению, это единственная реальная возможность) произвести нужный психологический эффект на англичан... Может, посредством ловко состряпанного обращения к английскому народу еще больше удастся изолировать английское правительство.

Но это оказалось невозможным. Речь фюрера от 19 июля произвела впечатление на немецкий народ, но не на английский. 22 июля лорд Галифакс в выступлении по радио официально отклонил мирные предложения Гитлера. Хотя это и не явилось неожиданностью для

Вильгельмштрассе, тем не менее многих это встревожило, и в тот день я встречал там немало сердитых лиц. "Лорд Галифакс, — говорил один официальный представитель правительства, — отклонил мир, предложенный фюрером. Джентльмены, будет война! "

Легче сказать, чем сделать. В действительности ни Гитлер, ни верховное командование, ни высшие штабы сухопутных войск, ВМС и ВВС никогда всерьез не рассматривали вопрос о том, как вести и выиграть войну против Великобритании. А теперь, в середине лета 1940 года, они не знали, что делать с блестящей победой: у них не было никаких планов и почти никакого желания воспользоваться величайшими военными победами, достигнутыми собственным народом-солдатом.

В этом заключается один из парадоксов третьего рейха. В тот самый момент, когда Гитлер находился в зените военной славы и основная часть Европы лежала поверженной у его ног, а его победоносные армии, растянувшиеся от Пиренеев до Полярного круга, от Атлантики до берегов Вислы, отдыхали, готовясь к дальнейшим действиям, он не имел четкого представления, что делать дальше, как довести войну до победного завершения. Не имели об этом представления и его генералы, двенадцать из которых получили из его рук маршальские жезлы.

Конечно, на то была причина, хотя и неясная нам в то время. Несмотря на их хваленые военные таланты, у немцев не было какой-либо грандиозной стратегической концепции. Их кругозор был ограничен — всегда был ограничен! — войной на суше против соседних государств Европейского континента. Гитлер боялся моря {"На суше я герой, а на воде трус", — говорил он однажды Рундштедту (Шульман М. Поражение на Западе, с. 50). — Прим. авт. }, и его крупнейшие полководцы совершенно не были знакомы с военными концепциями, связанными с использованием морей или океанов. Все они были сухопутчиками, а не моряками, и мыслили соответствующим образом. И хотя их армии за неделю сумели бы разгромить довольно-таки слабые английские сухопутные войска, если бы дело дошло до схватки один на один, даже Ла-Манш — такая отделявшая их друг от друга неширокая водная преграда, что можно было разглядеть противоположный берег, — в их воображении становился непреодолимым препятствием.

Существовала, конечно, и другая альтернатива. Немцы могли поставить Англию на колени, нанеся ей мощные удары через Средиземное море при поддержке своего итальянского союзника, захватив Гибралтар у западной горловины Средиземного моря, а затем про-вйгаясь на восток через Египет и далее через Суэцкий канал в Иран, перерезав тем самым

одну из жизненно важных артерий снабжения метрополии. Но для этого необходимо было осуществлять крупные морские операции на огромном удалении от баз в Германии, а в 1940 году все это выходило за рамки немецкого стратегического мышления.

Таким образом, достигнув поразительного успеха, Гитлер и его военачальники заколебались. Они не продумали ни следующего шага, ни способа его осуществления. Этот промах впоследствии сыграет роковую роль в войне, в недолгом существовании третьего рейха и головокружительной карьере Адольфа Гитлера. На смену столь ярким победам пришли неудачи. Однако это, разумеется, невозможно было предвидеть, когда в конце лета осажденная, оставшаяся в одиночестве Англия готовилась отразить имевшимися у нее небольшими силами удар немецких войск.

Часть 22. Операция "Морской лев": Сорванное вторжение в Англию

"Окончательная победа Германии над Англией теперь только вопрос времени, — писал 30 июня 1940 года начальник штаба оперативного руководства вермахта генерал Йодль. — Вражеские наступательные операции в крупных масштабах более невозможны". Любимый стратег Гитлера пребывал в самодовольном настроении.

За неделю до этого капитулировала Франция, оставив в одиночестве, очевидно, беспомощную Англию. 15 июня Гитлер проинформировал генералов, что собирается провести частичную демобилизацию — из 160 дивизий оставить только 120. "Предпосылкой для такого приказа, — писал в этот день в своем дневнике Гальдер, — является мнение, что в связи с уже очевидным окончательным разгромом противника сухопутные войска выполнили свою задачу и что мы можем на территории противника спокойно провести эту перестройку, которая явится основой для дальнейшей организации в мирное время. На ВВС и ВМС ложится задача — вести войну с Англией одним".

По правде говоря, армия не проявляла особого интереса к этому вопросу. Да и самого фюрера эта проблема не очень волновала. 17 июня полковник Вальтер Варлимонт, заместитель Йодля, информировал руководство военно-морских сил, что "относительно высадки в Великобритании фюрер... до сих пор не высказал такого намерения... Поэтому даже в настоящее время ОКБ не осуществляет никаких подготовительных мер". Четыре дня спустя, 21 июня, в тот самый момент, когда Гитлер входил в салон-вагон в Компьене, чтобы унижить французов, военно-морские силы были проинформированы, что генеральный штаб сухопутных войск не занимается вопросами вторжения в Англию, так как считает его осуществление невозможным.

Ни один из талантливых руководителей любого из трех видов немецких вооруженных сил не знал, как следует организовать вторжение на Британские острова, хотя, естественно, флот первым начал обдумывать эту проблему. Еще 15 ноября 1939 года, когда Гитлер тщетно торопил своих генералов предпринять наступление на Западе, адмирал Редер дал указание штабу военно-морских сил изучить "возможность вторжения в Англию при определенных условиях, вызванных дальнейшим ходом войны". Впервые в истории немецкий военный штаб получил распоряжение рассмотреть

такую акцию. Похоже, Редер предпринял этот шаг главным образом для того, чтобы предупредить любое неожиданное помрачение ума своего непредсказуемого лидера. Нет никаких данных, указывающих на то, что Гитлера информировали об этом. Все его помыслы были направлены в это время на захват аэродромов и военно-морских баз в Голландии, Бельгии и во Франции для усиления блокады Британских островов.

К декабрю 1939 года командование сухопутных войск и люфтваффе стали высказывать свои соображения относительно вторжения в Англию. Три вида вооруженных сил обменивались довольно расплывчатыми предложениями и, разумеется, недалеко продвинулись в этом вопросе. В январе 1940 года военно-морские и военно-воздушные силы отвергли армейский план как нереалистичный. Моряки утверждали, что этот план совершенно не учитывал мощь британского военно-морского флота, а люфтваффе считали, что он недооценивал возможности английских королевских военно-воздушных сил. В заключении докладной главного штаба люфтваффе, адресованной главному командованию сухопутных войск, говорилось: "Комбинированная операция с высадкой в Англии в качестве ее цели должна быть отклонена". Позднее, как мы убедимся, Геринг и его помощники заняли совершенно противоположную позицию.

Первое упоминание в немецких архивах о том, что Гитлер считался с возможностью вторжения в Англию, относится к 21 мая (второй день после того, как танковые части вермахта вышли к морю в районе Абвиля). Редер в частном порядке обсуждал с фюрером "возможность высадки в Англии на более поздней стадии". Источником такой информации является сам командующий флотом, которому не перепало славы от выдающихся побед армии и военно-воздушных сил на Западе и который, бесспорно, искал пути и средства, чтобы вывести свой вид вооруженных сил на передний план. Однако все помыслы Гитлера были заняты сражением на севере и на Сомме, поэтому он не беспокоил своих генералов вопросами, выходящими непосредственно за рамки этих задач.

Офицеры военно-морских сил, не обремененные заботами, тем не менее продолжали изучать проблему вторжения, и к 27 мая контр-адмирал Курт Фрике, начальник оперативного отдела главного штаба ВМС, вынес на суд начальства новый план под заглавием "Исследование Англии". Была начата также предварительная работа по сбору соответствующих судов и созданию десантно-высадочных средств, которых у германского военно-морского флота совершенно не было. В этой связи доктор Готфрид Федер, кудесник от экономики, который помогал Гитлеру составить партийную программу в дни Мюнхена, а ныне являлся статс-секретарем в

министерстве экономики, где быстро расправлялись с его сумасшедшими идеями, разработал планы подготовки десантно-высадочных средств, назвав их "военными крокодилами".

Это была своеобразная самоходная баржа, изготовленная из бетона. Она могла нести на себе роту из 200 человек с полной боевой выкладкой, несколько танков или артиллерийских орудий, выкатываться на берег и обеспечивать прикрытие десантируемых солдат и боевых машин. Эта идея была всерьез воспринята командованием военно-морских сил и даже Гальдером, который упоминает о ней в своем дневнике, и обстоятельно обсуждалась Гитлером и Редером 20 июня. Но в итоге ничего из этого не вышло.

Июнь близился к концу, а толкового плана вторжения на Британские острова адмиралы так и не представили. После появления в Компьенском лесу 21 июня Гитлер в сопровождении нескольких закадычных друзей отправился осматривать Париж {Гитлер намеревался также поглазеть на гробницу Наполеона в Доме инвалидов. Своему верному фотографу Генриху Гофману он при этом сказал: "Это была величайшая и счастливейшая минута моей жизни". — Прим. авт. }, затем поля сражений, но не этой, а первой мировой войны, когда он служил связным. Его сопровождал Макс Аманн, старший унтер-офицер в те далекие годы, а ныне нацистский издатель-миллионер. Будущий ход войны, особенно продолжение сражения против Англии, казалось, сейчас интересовал его меньше всего, или он просто считал, что этот несущественный вопрос фактически решен, поскольку англичане теперь образумятся и согласятся на мирное урегулирование.

В свою новую ставку в Танненберге, западнее Фройденштадта в Шварцвальде, Гитлер не возвращался до 29 июня. На следующий день по возвращении, спустившись с облаков на землю, он задумался над представленным Йодлем докладом относительно планов дальнейшего ведения войны. Доклад был озаглавлен так: "Продолжение войны против Англии". Хотя в фанатической вере в гений фюрера Йодль в ОКВ уступал лишь Кейтелю, тем не менее он проявлял осторожность при решении стратегических вопросов. Однако теперь он разделял общее мнение, царившее в штабе верховного главнокомандующего, что война практически выиграна и почти завершена. Если Англия не поняла этого, то придется опять применить силу, чтобы напомнить ей об этом. Осуществить осаду Англии в докладной предлагалось в три этапа: интенсификация воздушной и морской войны против английского судоходства, складов, заводов и английской военной авиации; "терроризирующие" налеты на густо

населенные центры; высадка войск в целях оккупации Англии.

Йодль признавал, что "борьбе против английских военно-воздушных сил должно быть придано первостепенное значение". Однако в целом, по его мнению, этот, как и другие аспекты удара, могут быть осуществлены без особых затруднений.

Наряду с пропагандистскими усилиями и периодическими терроризирующими налетами, квалифицируемыми как возмездие, резкое ухудшение продовольственной базы парализует и в конечном счете подорвет волю народа к сопротивлению и тем самым вынудит правительство к капитуляции {Йодль предусматривал также возможность "перенесения военных действий на периферию", то есть нападение на Британскую империю не только при помощи Италии, но и при поддержке Японии, Испании и России. — Прим. авт. }.

Что касается высадки войск на острова, то это можно детально рассматривать только после обеспечения господства в воздухе. Поэтому высадка войск не должна преследовать военное завоевание Англии; эту задачу необходимо возложить на военно-воздушные силы и флот. Целью высадки десанта скорее является нанесение смертельного удара по Англии, экономически уже парализованной и более не способной сражаться в воздухе, если необходимость в этом еще сохранится.

Однако, по мнению Йодля, это может и не оказаться необходимым.

Поскольку Англия уже не может надеяться на победу, а может сражаться только ради сохранения своих владений и своего престижа, она вынуждена будет проявить склонность, судя по прогнозам, к заключению мира, когда поймет, что все это пока еще она может получить по относительно низкой цене.

Это был тот же ход рассуждений, что и у Гитлера, и фюрер немедленно приступил к подготовке своей мирной речи в рейхстаге. А между тем, как мы уже убедились, 2 июля он отдал приказ о предварительном планировании высадки в Англии и 16 июля, когда из Лондона не последовало "здравой" оценки ситуации, издал Директиву э 16 о подготовке операции "Морской лев". Наконец, после колебаний, длившихся более шести недель, было решено, "если возникнет необходимость", осуществить вторжение на Британские острова. Гитлер и его генералы, хоть и с запозданием, начали осознавать, что это крупная и довольно рискованная военная операция, ибо успех ее будет зависеть от того, удастся ли люфтваффе и военно-морскому флоту расчистить путь на остров для пехоты вопреки противодействию куда более мощного британского военно-морского флота и далеко не слабого королевского военно-воздушного

флота.

Являлся ли "Морской лев" серьезно задуманным планом? И были ли серьезными намерения осуществить его?

На этот счет до сих пор высказываются сомнения, и такие взгляды подтвердили после войны многие немецкие генералы. Рундштедт, на которого возлагалось руководство войсками вторжения, рассказал союзным следственным органам в 1945 году:

"Предложение осуществить вторжение в Англию было абсурдно, так как для этого не имелось необходимого числа судов... На все это мы смотрели как на некую игру, ибо было ясно, что никакое вторжение

неосуществимо, поскольку наш военно-морской флот не был в состоянии гарантировать безопасное пересечение Ла-Манша десантными судами или доставку на острова подкреплений. Да и немецкая авиация не могла взять на себя эти функции, если бы это не удалось флоту... Я всегда скептически относился ко всей этой затее... У меня было такое чувство, что фюрер никогда всерьез не намеревался осуществлять план вторжения. У него никогда не хватило бы для этого мужества... Он определенно надеялся на то, что англичане согласятся на мирное урегулирование... "

Блюментрит, начальник оперативного отдела в штабе Рундштедта, высказал после войны аналогичную точку зрения Лидделу Гарту, утверждая, что между собой они говорили об этом (операция "Морской лев") как о блефе. '

Я сам в середине августа в течение нескольких дней выискивал на берегу Ла-Манша, на участке от Антверпена до Булони, следы присутствия армии вторжения. 15 августа возле Кале и у мыса Гри-Не мы увидели, как армады немецких бомбардировщиков в сопровождении истребителей направились через Ла-Манш в сторону Англии, — позднее выяснилось, что это был первый массированный налет на Англию. И хотя было очевидно, что люфтваффе обрушатся всей своей мощью, отсутствие судов и особенно десантно-высадочных средств в портах, каналах и на реках укрепило меня во мнении, что немцы блефовали. Насколько я мог убедиться, у них просто не было десантно-высадочных средств, чтобы преодолеть такую водную преграду, как Ла-Манш.

Конечно, один репортер способен увидеть очень немного, но теперь мы знаем, что до 1 сентября немцы не начинали сбор судов вторжения. Что касается генералов, то те, кто знакомился с их показаниями на допросах или слушал их во время перекрестных допросов в ходе судебных процессов в Нюрнберге, научились относиться к их послевоенным свидетельским показаниям более чем скептически {Даже такой проницательный военный

критик, как Лиддел Гарт, не всегда придерживался данного правила, и это сказалось на содержании его книги "Говорят немецкие генералы". Говорить-то они говорили, но или им изменяла память, или они грешили против правды. — Прим. авт. }. Человеческая память — инструмент несовершенный, и память немецких генералов не исключение из общего правила. К тому же они преследовали и свои личные цели, прежде всего стремились дискредитировать военное руководство Гитлера. Действительно, в их скучных и длинных мемуарах, в их показаниях на допросах, в их свидетельствах на судебных процессах красной нитью проходит мысль, что если бы они обладали свободой при принятии решений, то Гитлер никогда бы не привел третий рейх к поражению.

К несчастью для них, но к счастью для последующих поколений и истины, горы немецких секретных военных документов не оставляют сомнений, что план Гитлера осуществить в начале осени 1940 года вторжение в Англию был абсолютно невыполним и что, несмотря на колебания, нацистский диктатор отважился бы претворить в жизнь операцию "Морской лев", если бы имелись какие-либо шансы на успех. В конечном счете от осуществления этого плана пришлось отказаться не из-за отсутствия решимости или достаточных усилий, а из-за фортуны, которая впервые начала ему изменять.

17 июля, через день после издания Директивы э 16 об операции по высадке войск в Англии и за два дня до выступления фюрера в рейхстаге с "мирными" предложениями, главное командование сухопутных войск выделило войска для операции "Морской лев" и приказало 13 отобранным для этого дивизиям занять исходные позиции на побережье Ла-Манша в составе первой волны сил вторжения. В тот же день командование закончило детальную разработку плана высадки войск на южном побережье Англии.

Здесь, как и во Франции, главный удар должен был наносить фельдмаршал фон Рундштедт (этот титул он получил 19 июля) в качестве командующего группой армий "А". Шесть пехотных дивизий из 16-й армии генерала Эрнста Буша, погрузившись на суда в районе Па-де-Кале, должны были высадиться на английском побережье между Рамсгитом и Бексхиллом. Четирем дивизиям из 9-й армии генерала Адольфа Штраусса предстояло пересечь Ла-Манш из района Гавра и высадиться между Брайтоном и островом Уайт. Далее на западе трем дивизиям из 6-й армии фельдмаршала фон Рейхенау (из группы армий "Б" фельдмаршала фон Бока) предстояло отправиться из района Шербура и высадиться в заливе Лайм между Уэймаутом и Лайм Регис. Первую волну, таким образом,

составляли 90 тысяч человек; к третьему дню верховное командование планировало доставить на английское побережье в общей сложности до 260 тысяч человек. Этому должны были содействовать воздушно-десантные части, выбрасываемые в заливе Лайм и в других районах. Бронетанковые силы в составе не менее шести танковых дивизий, усиленные тремя моторизованными дивизиями, последуют в составе второй волны десантируемых сил через несколько дней, чтобы иметь на островах в общей сложности 39 дивизий плюс две воздушно-десантные дивизии. Их задача сводилась к следующему. После овладения плацдармами на английском побережье дивизии из группы армий "А" будут продвигаться на юго-востоке к своей первой цели — рубежу Гравесенд, Саутгемптон. 6-я армия Рейхенау будет наступать на север на Бристоль, отрезав Девон и Корнуэлл. Вторая цель — захват рубежа от Малдона на восточном побережье до района севернее устья Темзы, заблокировав Уэльс. Ожидалось, что по выходе немецких войск к первому рубежу "развернутся тяжелые бои с крупными силами англичан", однако они будут быстро разгромлены, Лондон окружен и наступление в северном направлении возобновится. 17 июля Браухич говорил Редеру, что вся операция завершится в течение одного месяца и окажется относительно легкой.

Однако Редер и командование ВМС были настроены довольно скептически. Операция такого масштаба и на таком широком фронте — на протяжении свыше 200 миль от Рамсгита до залива Лайм — была для немецкого флота непосильна. Спустя два дня Редер так и информировал ОКБ; позднее (21 июня) он поднял этот вопрос, когда Гитлер вызвал его, Браухича и генерала Ганса Ешонека, начальника главного штаба люфтваффе, на совещание в Берлин. Фюрер по-прежнему имел весьма смутное представление о том, "что же происходит в Англии". Он с пониманием относился к трудностям военно-морского флота, но вместе с тем подчеркивал важность скорейшего завершения войны. Фюрер уверял, что для осуществления вторжения потребуется сорок дивизий и что главная операция должна быть завершена к 15 сентября {Немецкая разведка считала, что сухопутные силы Англии в июле, августе и сентябре составляли около восьми дивизий. В начале июля немецкий генеральный штаб сухопутных войск оценивал английские силы как 15–20 боеспособных дивизий. Фактически в это время в Англии было 29 дивизий, но боеспособных — не более половины десятка, поскольку остальные не имели практически ни танков, ни артиллерии. Однако вопреки широко распространенному мнению, которое бытует и сегодня, в середине сентября английская армия была бы достойным противником для немецких

дивизий, включенных в состав первой волны вторжения. К этому времени англичане имели 16 хорошо обученных дивизий, готовых встретить противника на южном побережье Англии, из которых три являлись танковыми; а восточный берег от Темзы до залива Уош прикрывали четыре пехотные дивизии плюс танковая бригада. Это означало, что англичане восстановили силы после краха у Дюнкерка, в результате которого страна в июне оставалась на суше фактически беззащитной.

Английская разведка имела превратное представление о немецких планах вторжения, а в течение первых трех месяцев, когда угроза вторжения стала реальной, и вовсе ошибочное. На протяжении лета Черчилль и его военные советники были убеждены, что немцы предпримут главные усилия по десантированию на восточном участке побережья, и поэтому именно там англичане до сентября держали свои основные силы. — Прим. авт. }. В целом главный нацистский заправила пребывал в приподнятом настроении, несмотря на отказ Черчилля именно в тот самый момент пойти на заключение мирного соглашения.

"Положение Англии безнадежно, — сказал, по словам Гальдера, Гитлер. — Война выиграна нами. Перспективы на успех не могут претерпеть поворота к худшему".

Однако военно-морской флот, перед которым стояла задача огромной сложности — переброска целой армии через бурный Ла-Манш на глазах у намного превосходящего своей мощью британского флота и все еще активно действующей авиации, не был так уверен в исходе операции. 29 июля главный штаб ВМС представил подготовленный им меморандум, в котором высказывался против проведения операции в этом году и предлагал "рассмотреть ее в мае 1941 года или еще позднее".

Гитлер же настаивал на рассмотрении плана 31 июля 1940 года и вновь созвал своих военачальников — на этот раз в Оберзальцберге. Помимо Редера, Кейтеля, Йодля из ОКВ здесь присутствовали Браухич и Гальдер из ОКХ. "

Гросс-адмирал — так теперь звучало воинское звание Редера — говорил на совещании больше других, хотя будущее представлялось* ему мало обнадеживающим.

По его мнению, 15 сентября — самая ранняя дата для начала* операции "Морской лев" и то только в том случае, если не возникнут "непредвиденные обстоятельства, связанные с погодными условиями или с действиями противника". Когда Гитлер поинтересовался погодой, Редер в ответ прочитал на эту тему целую лекцию, нарисовав картину красочную, но не вселяющую оптимизма.

За исключением первых двух недель, докладывал гросс-адмирал, погода в октябре в Ла-Манше и в Северном море в целом плохая; в середине месяца наползают легкие туманы, которые к концу месяца сильно сгущаются. Но это лишь часть проблемы. "Операция, — заявил он, — может быть осуществлена только в том случае, если море спокойно". При сильной волне баржи потонут и даже крупные корабли окажутся бесполезны, поскольку не смогут разгружаться. По ходу своего доклада гросс-адмирал все более мрачнел, поскольку вопросы, которые он затрагивал, становились все сложнее и сложнее.

"Даже если первой партии десанта удастся пересечь Ла-Манш при благоприятных погодных условиях, — продолжал адмирал, — то нет никакой гарантии, что такие же благоприятные условия будут сопутствовать переброске второй и третьей партий десанта. ... Реальная действительность такова, что мы должны помнить: не может быть и речи о переброске в течение нескольких дней через Ла-Манш значительных подкреплений, пока не появится возможность использовать определенные гавани".

А это может поставить в крайне тяжелое положение армию, высаженную на побережье и оказавшуюся без снабжения и без подкреплений. Далее Редер затронул основные расхождения между армией и флотом. Армия хотела иметь широкий фронт от Дувра до залива Лайм. Однако военно-морской флот был просто не в состоянии выделить число кораблей, необходимое для такой операции в условиях ожидаемого сильного противодействия британского флота и военно-воздушных сил. Поэтому Редер убедительно настаивал на сокращении фронта от Па-де-Кале до Истборна. Решающий довод адмирал приберег к концу своего доклада.

"Принимая во внимание все вышеизложенное, — заявил он, — лучшим временем для операции был бы май 1941 года".

Но Гитлер не хотел ждать так долго. Он допускал, что погода от них не зависит. Однако и они должны учитывать все последствия упущенного времени. Немецкий военно-морской флот не станет к весне сильнее британского. Английская армия в настоящее время находится в жалком состоянии. Но дайте ей еще восемь — десять месяцев, и она будет насчитывать от 30 до 35 дивизий — значительная сила на ограниченном участке предполагаемого фронта вторжения. Поэтому его решение, судя по конфиденциальным записям, сделанным как Редером, так и Гальдером, сводилось к следующему:

"... Этот отвлекающий маневр (в Африке) следует продумать...

Решающая победа может быть достигнута лишь воздействием на Англию. Поэтому необходимо попытаться подготовить операцию к 15 сентября 1940 года... Решение о том, состоится ли операция в сентябре или будет отложена до мая 1941 года, предстоит принять после того, как военно-воздушные силы проведут в течение недели концентрированные налеты на Южную Англию. Если эффект от этих воздушных налетов окажется таков, что вражеская авиация, порты и гавани, военно-морские силы и т. п. понесут тяжелый урон, операция "Морской лев" будет осуществлена в 1940 году. В противном случае ее следует отложить до мая 1941 года".

И теперь все зависело от люфтваффе.

На следующий день, 1 августа, как результат этого совещания, Гитлер издал две директивы ОКБ: одну — за собственной подписью, другую — за подписью Кейтеля.

Ставка фюрера

1 августа 1940 года

Совершенно секретно

Только для командования

Директива э 17 о ведении воздушной и морской войны против Англии

С целью создания предпосылок для окончательного разгрома. Англии я намерен вести воздушную и морскую войну против Англии в более острой, нежели до сих пор, форме.

Для этого приказываю:

1. Германским военно-воздушным силам всеми имеющимися в их распоряжении средствами как можно скорее разгромить английскую авиацию...

2. По достижении временного или местного превосходства в воздухе продолжать действия авиации против гаваней, особенно против сооружений, предназначенных для хранения запасов продовольствия... * Налеты на порты южного побережья производить с учетом запланированной операции в возможно меньшем масштабе...

4. Усиленную воздушную войну вести таким образом, чтобы авиация в любой момент могла быть привлечена к поддержке операций военно-морского флота... Кроме того, она должна сохранить свою боеспособность для операции "Морской лев".

5. Терроризирующие налеты в качестве возмездия остаются в моей компетенции.

6. Усиление воздушной войны можно начать с 5. 8... Военное морскому флоту одновременно разрешается предусмотренное усиление военных действий на море.

Адольф Гитлер

Директива, подписанная Кейтелем по поручению Гитлера в тот же день, в частности, гласила:

Совершенно секретно

Только для командования

Содержание: Операция "Морской лев"

По докладу главнокомандующего военно-морскими силами от 31. 7 о том, что подготовка к операции "Морской лев" не может быть закончена до 15. 9 1940 г., фюрер принял следующее решение:

1) продолжать приготовления к операции "Морской лев", продлить их до 15. 9 как в сухопутных войсках, так и в военно-воздушных силах;

2) через 8, самое позднее через 14 дней с начала массированных воздушных налетов на Англию, которые начнутся примерно 5. 8, фюрер примет решение, в зависимости от результатов этих налетов, может ли быть операция "Морской лев" предпринята еще в этом году или нет...

4) оперативную подготовку и дальше продолжать на широкой основе, как это запланировано, несмотря на указание военно-морских сил, что они смогут гарантировать только узкую полосу (на запад примерно до Истборна)...

Последний параграф содействовал только разжиганию вражды между армией и флотом из-за ширины фронта высадки. За пару недель до этого главный штаб военно-морских сил подсчитал, что для десантирования на 200-мильном участке побережья от Рамсгита до залива Лайм 100 тысяч солдат с боевой техникой и материальным обеспечением потребуется 1722 баржи, 1161 моторный катер, 471 буксир и 155 транспортов. Если бы даже удалось собрать столь большое число судов, говорил Редер Гитлеру 25 июля, это подорвало бы экономику Германии, так как изъятие такого числа барж и буксиров расстроило бы всю систему перевозок по внутренним водам, от работы которой в значительной мере зависит экономическая жизнь. Во всяком случае, Редер ясно дал понять, что обеспечение безопасности такой армады, пытающейся снабжать столь широкий фронт под неизбежными ударами английского флота и авиации, выходит за рамки возможностей военно-морских сил Германии. При обсуждении одного из пунктов плана штаб ВМС предупреждал представителей командования сухопутных сил, что если они будут настаивать на широком фронте, то флот может потерять все корабли.

Однако армия продолжала настаивать на своем предложении. Переоценивая возможности английской обороны, она доказывала, что при высадке на узком участке фронта наступающие войска столкнутся с

превосходящими сухопутными войсками англичан. 7 августа произошла открытая перепалка между двумя видами вооруженных сил, когда Гальдер встретился с равным ему по положению адмиралом Шнивиндом, начальником главного штаба ВМС. Произошла острая, даже драматическая стычка.

"Я полностью отвергаю предложение военно-морского флота, — возмущенно заявил начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер, обычно очень выдержанный. — С точки зрения армии, я считаю предлагаемый флотом вариант настоящим самоубийством. С таким же успехом мы могли бы только что высаженные войска пропустить через мясорубку! "

Согласно протокольной записи этого совещания, имеющейся в архивах флота, Шнивинд ответил, что было бы "равносильно самоубийству" пытаться транспортировать войска на столь широком фронте, как это предлагает армия, "при наличии английского военно-морского превосходства" {В своих дневниковых записях, сделанных в тот же вечер, Гальдер этой цитаты не приводит, однако говорит, что "совещание привело лишь к выявлению непримиримых разногласий по ряду вопросов". Флот, сказал он, "отклоняет возможность высадки десанта в более западных районах из страха перед Портсмутом и английским надводным флотом. Решительную ликвидацию этой угрозы с помощью авиации ОКМ считает невозможной". По-видимому, к этому времени у немецкого флота, если не у армии, уже не было особых иллюзий относительно ударной мощи авиации Геринга. — Прим. авт. }.

Это была суровая дилемма. Если попытаться предпринять высадку войск на широком фронте и в крупных размерах, то вся экспедиция может быть потоплена англичанами во время переправы. Если десантироваться на узком участке английского побережья и, следовательно, с меньшим количеством десантируемых войск, то англичане смогут сбросить высадившихся в море. 10 августа Браухич, главнокомандующий сухопутными войсками, информировал ОКВ, что он не может принять вариант высадки между Фолкстоном и Истборном. Однако он выразил готовность, хотя и не очень охотно, отказаться от десантирования в районе залива Лайм для того, чтобы сократить фронт и хотя бы наполовину удовлетворить требование флота.

Но твердолобым адмиралам этого было недостаточно, и их осторожность и упрямство уже начинали оказывать влияние на ОКВ. 13 августа Йодль набросал оценку ситуации, положив в основу, успеха операции "Морской лев" пять условий, которые генералы и адмиралы

восприняли бы как нелепые, не окажись дилемма" столь серьезной. В-первых, сказал он, придется исключить участие британских военно-морских сил в событиях у южного побережья; Англии и, во-вторых, придется удалить королевские военно-воздушные силы из воздушного пространства над Англией. Прочие условия, касающиеся высадки войск, их численности и темпов десантирования, очевидно, выходят за рамки полномочий военно-морского флота. Если эти условия не будут выполнены, то, по его мнению, высадка явится "актом безрассудства, который придется осуществлять в крайне безнадежной обстановке, но у нас нет причин претворять его в жизнь именно теперь".

Если опасения руководства военно-морского флота начали оказывать воздействие на Йодля, то сомнения последнего стали оказывать влияние на фюрера. На протяжении всей войны фюрер в своих решениях все чаще полагался на Йодля, чем на начальника штаба ОКВ, бесхребетного, тупоумного, неповоротливого Кейтеля. Поэтому неудивительно, что 13 августа, когда Редер встретился с верховным главнокомандующим в Берлине и попросил его пересмотреть решение в пользу более узкого фронта десантирования, Гитлер был склонен согласиться с руководством флота о проведении десантирования в меньших масштабах. Он обещал внести в этот вопрос окончательную ясность на следующий день, после того как переговорит с главнокомандующим сухопутными войсками. Выслушав 14 августа мнение Браухича по этому вопросу, Гитлер пришел к окончательному решению, и 16 августа директивой ОКВ за подписью Кейтеля было объявлено, что фюрер решил отказаться от десантирования в районе залива Лайм, где должны были высадиться дивизии 6-й армии Рейхенау. Приготовления к высадке на более узком участке фронта, запланированные на 15 сентября, должны продолжаться; но теперь впервые в секретной директиве прозвучали сомнения самого фюрера. "Окончательные приказы последуют только после того, как прояснится обстановка", — говорилось в заключении директивы. Этот новый приказ явился чем-то вроде компромиссного решения. Ибо в следующей директиве, изданной в тот же день, участок фронта вновь расширился.

Основная переправа через Ла-Манш должна быть осуществлена на узком участке фронта. Одновременно производятся высадки у Брайтона от четырех до пяти тысяч солдат на моторных лодках и некоторое число воздушно-десантных войск высаживается в районе Дил, Рамсгит. Кроме того, накануне дня "Д" люфтваффе осуществят мощный налет на Лондон, который вызовет бегство населения из города, в результате чего окажутся заблокированы дороги.

Хотя 23 августа Гальдер наскоро застенографировал в своем дневнике, что "при таких обстоятельствах проведение десантной операции в этом году не имеет никаких шансов на успех", директива от 27 августа за подписью Кейтеля устанавливала окончательные планы десантирования в четырех основных районах на южном побережье между Фолкстоном и Селси Билл и восточнее Портсмута с целью, как и было первоначально определено, овладеть рубежом Портсмут, Темза, восточнее Лондона у Грейвсенда; на этот рубеж необходимо было выйти сразу же, как только плацдармы соединятся и войска смогут ударить на север. В это же самое время поступил приказ быть готовыми к проведению ложных маневров, в которых главным являлась акция под кодовым названием "Осеннее путешествие". Эта акция предусматривала проведение крупномасштабной демонстрации силы на участке против восточного побережья Англии, где, как уже отмечалось, Черчилль и его военные советники все еще ожидали вторжения главных сил немцев. С этой целью четыре крупных лайнера, включая "Европу" и "Бремен", а также десять других транспортных судов под эскортом четырех крейсеров предстояло вывести из южных норвежских портов и Гельголандской бухты в день "Д" и взять курс на английское побережье между Абердином и Ньюкаслем. Транспорт, разумеется, будут пустыми, и вся экспедиция с наступлением темноты ляжет на обратный курс, чтобы на следующий день повторить маневр.

30 августа Браухич издал длиннейшие указания по предстоящему десантированию, однако получивших эти указания генералов, должно быть, немало удивило, сколько души вложил он в это предприятие. Документ, озаглавленный "Инструкция по подготовке операции "Морской лев", запоздал, учитывая, что начало операции было намечено на 15 сентября. "Приказ на исполнение зависит от развития политической обстановки", — добавил Браухич, должно быть, озадачив аполитичных генералов. 1 сентября началось перемещение транспортных средств из немецких портов в Северном море в сторону гаваней на французском побережье Ла-Манша, где предполагалось погрузить на суда войска и технику вторжения, однако через два дня, то есть 3 сентября, поступила очередная директива ОКБ.

1. Самый ранний срок для:
  - а) выхода транспортного флота — 20. 9 1940 г.
  - б) дня "Д" (день высадки) — 21. 9 1940 г.
2. Приказ о начале операции будет отдан в день "Д" минус 10 дней, то есть предположительно 11. 9 1940 г.
3. Окончательное установление дня "Д" (начало первой высадки)

последует самое позднее в день "Д" минус 3 дня в полдень.

4. Все мероприятия должны предприниматься с таким расчетом, чтобы операцию еще можно было отменить за 24 часа до часа "Ч".

Начальник штаба верховного главнокомандования
вооруженных сил Кейтель

Звучало по-деловому, но все это было обманом. 6 сентября гросс-адмирал Редер еще раз долго совещался с Гитлером. "Намерение фюрера высадиться в Англии, — писал адмирал в дневнике боевых операций штаба флота в тот же вечер, — никоим образом не приобрело характера окончательного решения, поскольку он твердо убежден, что поражения Британии можно добиться даже без высадки". Как явствует из обстоятельной записи этой беседы адмирала, фюрер говорил обо всем, за исключением операции "Морской лев": о Норвегии, Гибралтаре, Суэце, США, об обращении с французскими колониями и о фантастических планах создания некоего "Северного германического союза".

Если бы Черчилль и его военачальники хоть что-то вывели об этом примечательном совещании, то вечером 7 сентября по Лондонскому радио не прозвучал бы кодовый сигнал "Кромвель", обозначающий "Вторжение неминуемо" и вызвавший хаос, несмолкаемый звон церковных колоколов, начавшийся по инициативе войск местной обороны, взрывы ряда важных мостов армейскими саперами и потери среди тех, кто напоролся на установленные впопыхах минные заграждения {Черчилль утверждал, что ни он, ни комитет начальников штабов не знали о том, что по всем службам передан кодовый сигнал "Кромвель". Сигнал был разослан штабом войск местной обороны (Черчилль У. Их звездный час, с. 312). Однако четыре дня спустя, 11 сентября, в своем выступлении по радио премьер-министр предупредил, что если вторжение должно состояться, то оно не может "долго откладываться". "Поэтому, — сказал он, — необходимо рассматривать ближайшие дни как очень важные в нашей истории. Эти дни можно сравнить разве что с теми днями, когда испанская армада приближалась к Ла-Маншу, а Дрейк завершал кругосветное путешествие или когда Нельсон встал между нами и великой армией Наполеона у Булони". — Прим. авт. }.

Но на исходе 7 сентября немцы предприняли первую массированную бомбардировку Лондона — 625 бомбардировщиков в сопровождении 648 истребителей. Это был самый опустошительный воздушный налет, какие когда-либо совершались на города, — бомбардировки Варшавы и Роттердама по сравнению с этим налетом булавоочные уколы, — и к вечеру весь район, прилегающий к докам огромного города, скрылся в бушующем

пламени, а железнодорожная линия, ведущая на юг, столь важная для обеспечения обороны на случай вторжения, оказалась заблокированной. В этой обстановке многие лондонцы восприняли чудовищный налет как прелюдию к вторжению немцев на Британские острова, и главным образом поэтому на всю страну прозвучал кодовый сигнал, предупреждавший: "Вторжение неминуемо". Как вскоре выяснилось, варварская бомбардировка Лондона 7 сентября хотя и послужила предупреждением для англичан, причинив большой урон, но она обозначила поворотный пункт в битве за Англию. После этого крупнейшего сражения в воздухе, какие когда-либо знала планета, битва за Англию быстро достигла своей кульминации.

Приближалось время, когда Гитлеру предстояло принять окончательное решение: начинать или не начинать вторжение на Британские острова? Директивой от 3 сентября предусматривалось, что такое решение нужно принять не позднее 11 сентября, чтобы дать всем видам вооруженных сил время для осуществления предварительных мер. Но 10 сентября Гитлер отложил принятие окончательного решения до 14 сентября. Как представляется, по крайней мере две причины побудили его отложить на несколько дней принятие решения. Первая заключалась в том, что среди руководителей ОКБ сложилось мнение, будто бомбардировка Лондона нанесет Англии такой ущерб как материального, так и морального порядка, что вторжение может оказаться просто ненужным {На немцев производили большое впечатление донесения из германского посольства в Вашингтоне, основанные на информации, получаемой из Лондона и затем приукрашиваемой в посольстве. Как докладывали, в американском генеральном штабе считали, что Англия не сможет долго продержаться. Согласно утверждениям представителя сухопутных войск в ОКБ подполковника фон Лоссберга (В штабе руководства вермахта, с. 9), Гитлер всерьез надеялся, что в Англии вспыхнет революция. — Прим. авт. }.

Вторая причина вытекала из трудностей, испытываемых немецким военно-морским флотом, которому требовалось набрать необходимое число судов, катеров и прочих средств транспортировки людей и боевой техники по морю. Не говоря уже о погодных условиях, характеризующихся, по прогнозам соответствующих специалистов военно-морского флота от 10 сентября, как "совершенно ненормальные и неустойчивые", английская авиация, которую Геринг обещал уничтожить, и британский военно-морской флот все настойчивее мешали немцам сосредоточить плавсредства, чтобы переправиться через Ла-Манш и осуществить вторжение. В тот самый день, когда штаб немецкого флота предупреждал о

вероятной опасности со стороны англичан, английская авиация и корабли британского флота предприняли несколько налетов на немецкие морские транспорты, которые, по словам того же штаба, оказались успешными. Через два дня, 12 сентября, штаб военно-морской оперативной группы "Запад" направил в Берлин зловещую депешу:

"Помехи, причиняемые вражеской авиацией, дальнобойной артиллерией и легкими боевыми кораблями, приобретают серьезное значение. Гавани в Остенде, Дюнкерке, Кале и Булони не могут быть использованы в качестве ночных якорных стоянок судов из-за угрозы налетов авиации и обстрелов дальнобойной артиллерией. Части английского флота уже орудуют на Ла-Манше почти беспрепятственно. В силу вышеизложенных трудностей ожидаются дальнейшие задержки в концентрации морских транспортных средств, необходимых для переброски войск вторжения через канал".

На следующий день обстановка еще больше ухудшилась. Легкие корабли британского флота обстреляли главные порты погрузки войск вторжения на Ла-Манше — Остенде, Кале, Булонь и Шербур, в то время как английская авиация потопила 80 барж в гавани Остенде. В этот день в Берлине Гитлер совещался за завтраком со своими командующими видами вооруженных сил. Он считал, что воздушная война складывается в пользу Германии, и заявил, что не собирается идти на риск вторжения. На основе этого замечания у Йодля создалось впечатление, что фюрер, "очевидно, решил полностью отказаться от проведения операции "Морской лев", — впечатление, которое на тот момент соответствовало действительности, что и подтвердил на следующий день сам Гитлер, в очередной раз изменив свое мнение и вернувшись к плану операции "Морской лев".

Как Редер, так и Гальдер оставили в своих дневниках доверительные записи об этом совещании фюрера со своими командующими, состоявшемся в Берлине 14 сентября. Гросс-адмирал воспользовался случаем и до начала общего обсуждения вручил Гитлеру меморандум, в котором излагалась точка зрения флота: нынешняя авиационная обстановка не обеспечивает условий для осуществления операции ("Морской лев"), поскольку риск все еще слишком велик.

В начале совещания нацистский вершитель судеб был настроен негативно, мысли его путались, противоречия друг другу. Он заявил, что не отдаст приказа на вторжение, но и не станет отменять его. Как отмечал в дневнике операций флота Редер, "он, очевидно, надеялся сделать это 13 сентября".

Каковы же причины, побудившие фюрера изменить свои взгляды?

Гальдер довольно подробно останавливается на некоторых из них: "Успешный десант с последующей оккупацией Англии приведет к быстрому окончанию войны. Англия умрет с голоду. Несмотря на необходимость десанта, он не может быть обусловлен определенным сроком, в который его следует во что бы то ни стало провести... Длительная война связана с обострением обстановки, в особенности в области политики... В любой момент возможны неожиданности..." Далее Гитлер сказал, что надежды Англии на Россию и Америку не оправдались. Россия не собирается проливать кровь ради англичан.

"Военный потенциал Америки в полной мере может дать о себе знать лишь в 1945 году. Длительная война для нас нежелательна...

Самым быстрым способом окончания войны явилась бы высадка десанта в Англии. Предварительные условия для этого, которые должен был создать военно-морской флот, созданы (похвала флоту!)... Действия авиации заслуживают всяческой похвалы. Необходимо четыре-пять дней хорошей погоды, чтобы перейти к решительным действиям... Шансы на то, что удастся провести тотальный разгром Англии, очень велики..."

В чем же тогда причина задержки? Что заставляет колебаться и не начинать вторжение?

"Полностью ликвидировать истребительную авиацию противника, — признал фюрер, — еще не удалось. Наши донесения о потерях, нанесенных противнику, не создают достоверной картины. Но, несомненно, противник понес тяжелые потери. Однако, несмотря на все успехи, предпосылки для операции "Морской лев" еще не созданы".

Гитлер делает выводы из вышесказанного:

"1. Успешная высадка десанта означает победу, но это требует полного господства в воздухе.

2. Неблагоприятные условия погоды, существовавшие до сих пор, помешали достижению превосходства в воздухе.

3. Все другие факторы благоприятны.

Поэтому решение: В настоящий момент мы еще не отказываемся от проведения операции".

Придя к такому заключению, Гитлер все еще питал фантастические надежды, что люфтваффе добьются победы, которая была так дразняще близка. "Наши воздушные налеты, — говорил он, — оказали очень сильное воздействие, хотя, возможно, главным образом психологическое. К этому присоединяется также страх перед высадкой десанта. Угроза высадки десанта не должна исчезать. Даже если мы будем продолжать непрерывные воздушные налеты только в течение десяти — двенадцати дней, в Англии

может возникнуть массовая паника".

Чтобы содействовать этому, начальник штаба люфтваффе Ешонек упорно просил разрешения бомбить жилые кварталы Лондона, поскольку в городе, по его утверждению, пока не наблюдалось никаких признаков "массовой паники". Адмирал Редер с энтузиазмом поддерживал идею таких бомбардировок, чтобы запугать англичан и вызвать среди них панику. Однако Гитлер считал более важным сосредоточение бомбовых ударов по военным объектам. "Массовая паника — самая последняя цель... — говорил он. — Ужасная угроза сброса бомб на массу гражданского населения должна оставаться последним козырем в наших руках".

Энтузиазм адмирала Редера в поддержку терроризирующих налетов авиации объясняется, очевидно, тем, что он относился индифферентно к идее вторжения. Теперь он снова начал подчеркивать "огромный риск", связанный с операцией "Морской лев". Он указывал, что обстановка в воздухе едва ли улучшится до назначенной даты десантирования — 24–27 сентября, поэтому высадку следует отложить до 8 октября.

Но практически это означало, по мнению Гитлера, отмену операции, и он установил, что от исполнения своего решения будет воздерживаться лишь до 17 сентября (еще трое суток). Таким образом, десантирование может быть предпринято через десять дней — 27 сентября. Если это окажется невозможным, он наметит дату вторжения в октябре. После этого по данному вопросу в войска была направлена директива верховного главнокомандования.

Берлин

14 сентября 1940 года

Совершенно секретно

... Фюрер принял следующие решения:

... Начало операции отодвигается на новый срок. Соответствующий приказ... будет отдан 17. 9 1940 г. Все приготовления продолжать...

... Налеты авиации на Лондон и в дальнейшем производить главным образом на важные в военном отношении и жизненно необходимые для большого города цели (включая вокзалы), до тех пор пока еще будут сохраняться такие цели...

Массированные терроризирующие налеты исключительно на жилые кварталы должны сохраняться как последнее возможное средство давления...

Таким образом, хотя Гитлер и отложил принятие окончательного решения на трое суток, он вовсе не отказался от плана вторжения. Получи люфтваффе несколько дней хорошей летной погоды для окончательного

разгрома английской авиации и деморализации Лондона, и высадка могла бы состояться. Она принесла бы окончательную победу. Таким образом, вновь все зависело от хваленной авиации Геринга. И действительно, на следующий же день она предприняла максимум усилий.

Однако мнение военно-морского флота о люфтваффе с каждым часом ухудшалось. В тот вечер, когда в Берлине состоялось решающее совещание, штаб ВМС докладывал об ожесточенных бомбовых ударах, которым английская авиация подвергла порты от Антверпена до Булони, где должны были собираться силы и средства вторжения.

"... В Антверпене... бомбардировкой нанесен серьезный урон транспортным средствам — сильно повреждены пять транспортных судов, потоплена одна баржа, повреждены два крана, взорван железнодорожный состав с боеприпасами, несколько депо охвачено огнем". Следующая ночь выдалась еще хуже. Как докладывал штаб ВМС, противник подверг "сильным воздушным налетам объекты на всем побережье между Гавром и Антверпеном". Моряки посылали сигналы SOS, прося защиты от вражеской авиации в портах, предназначенных для сосредоточения сил вторжения. 17 сентября штаб флота докладывал:

"Английская авиация все еще не разгромлена, наоборот, она проявляет все возрастающую активность, совершая налеты на порты в Ла-Манше и создавая все больше помех нашим усилиям по сосредоточению сил и средств для вторжения". {Согласно одному немецкому источнику, 16 сентября английские бомбардировщики внезапным налетом сорвали крупное учение по десантированию, нанеся тяжелые потери в людях и десантно-высадочных средствах. Это породило слухи, распространившиеся как в рейхе, так и в других странах на континенте, будто немецкие войска предприняли попытку высадиться на побережье Англии, но были отброшены англичанами (см. Фухтер Г. История воздушной войны, с. 176). Об этом сообщении я услышал вечером 16 сентября в Женеве, где находился на отдыхе. 18 сентября, а затем и 19-го я видел два длинных санитарных поезда, из которых выгружали раненых солдат в пригородах Берлина. По повязкам я определил, что ранения носили в основном ожоговый характер, ибо более трех месяцев боев на суше нигде не велось. — Прим. авт. }

В ту ночь было полнолуние, и английские ночные бомбардировщики в полной мере этим воспользовались. Штаб немецкого флота докладывал о "весьма существенных потерях" в судах, предназначенных для погрузки армии вторжения {21 сентября в секретном документе штаба германских ВМС отмечалось, что 21 транспорт и 214 барж, что составляло около 12

процентов общего числа сосредоточенных в целях вторжения плавсредств, было потеряно или повреждено. — Прим. авт. }, которыми были забиты все порты. У Дюнкерка было потоплено или повреждено 84 баржи, а от Шербура до Ден Хелдер среди прочих потерь значилось: взорван склад, где хранилось 500 тонн боеприпасов; сгорели продовольственные склады; потоплены различные транспорты и торпедные катера; значительные потери в личном составе. Эта ожесточенная бомбардировка и обстрел из тяжелой дальнобойной артиллерии через Ла-Манш сделали необходимым, как докладывал штаб флота, рассредоточить боевые корабли и транспортные суда, уже собранные по побережью Ла-Манша, и прекратить дальнейшую переброску судов и десантно-высадочных средств в порты, предназначенные для погрузки армии вторжения. В противном случае, говорилось в докладной, энергичные действия противника со временем приведут к таким потерям, что само осуществление операции в намеченном масштабе окажется проблематичным.

Оно уже и стало таковым.

Поэтому в журнале боевых действий германского флота появляется лаконичная запись от 17 сентября о том, что фюрер принял решение отложить на неопределенное время операцию "Морской лев".

После стольких головокружительных успехов Адольфа Гитлера постигла наконец неудача. Еще в течение месяца поддерживалась видимость, будто вторжение не снято с повестки дня, будто оно может состояться той же осенью, но это был всего лишь показной оптимизм. 19 сентября фюрер официально отдал приказ прекратить дальнейшее сосредоточение средств и флота вторжения, а суда, собранные в портах погрузки армии вторжения, рассредоточить "во избежание лишних потерь от налетов вражеской авиации".

Однако невозможно было поддерживать в боевой готовности рассредоточенную армаду и все войска, орудия, танки и средства материального обеспечения, которые были собраны на французском побережье Ла-Манша для вторжения, теперь отложенного на неопределенный срок. "... Длительное неопределенное положение становится невыносимо", — негодует по поводу "Морского льва" Гальдер в дневниковой записи от 28 сентября. После встречи Чиано и Муссолини с Гитлером у Бреннера 4 октября итальянский министр иностранных дел записал в своем дневнике: "... Никаких разговоров о высадке на Британские острова больше не велось". Неудача Гитлера крайне обрадовала его партнера Муссолини. "Редко я видел дуче в столь хорошем расположении духа... как сегодня у Бреннерского перевала", — записал

Чиано.

Теперь уже и флот и армия оказывали на фюрера давление, чтобы тот принял решение об отмене операции "Морской лев" вообще. Генеральный Штаб сухопутных войск докладывал ему, что сохранение войск на французском побережье Ла-Манша "под непрерывными налетами английской авиации ведет к неоправданным потерям".

Наконец 12 октября нацистский правитель официально признал неудачу и отменил вторжение на всякий случай до весны.

Ставка фюрера,

12 октября 1940 года

... Фюрер принял решение о том, чтобы приготовления к высадке в Англии с настоящего времени и до весны сохранялись лишь как средство политического и военного давления на Англию.

Если весной или в начале лета 1941 года вновь появится намерение осуществить высадку в Англии, то своевременно будет отдан приказ о необходимой степени боевой готовности...

Армия получила указание распустить формирования, выделенные в состав войск вторжения, и направить их для выполнения других задач или для использования на других фронтах. Военно-морской флот получил указание принять все меры, чтобы высвободить личный состав и рассредоточить корабли и суда.

Оба вида вооруженных сил были обязаны действовать с максимальной скрытностью. "У англичан необходимо поддерживать впечатление, что мы продолжаем готовить высадку широким фронтом", — требовал Гитлер.

Что же в конце концов заставило Адольфа Гитлера уступить? Причин тому две: фатальный ход битвы за Англию в воздухе и желание еще раз обратить свои устремления в восточном направлении, на Россию.

Битва за Англию

Широкомасштабное наступление люфтваффе Геринга на Англию (операция "Орел") было начато 15 августа с целью уничтожить английские военно-воздушные силы и тем самым создать условия для германского вторжения на Британские острова. Тучный рейхсмаршал, как его теперь величали, не сомневался в своей победе. В середине июля он пришел к твердому убеждению, что английскую истребительную авиацию в Южной Англии можно будет разгромить в течение четырех дней посредством массовой атаки. Для полного уничтожения британских военно-воздушных сил, по мнению Геринга, времени требовалось немного больше: от двух до четырех недель. Увешанный орденами шеф люфтваффе считал, что они смогут самостоятельно поставить Англию на колени и тогда,

вероятно, отпадет необходимость вторжения сухопутных войск.

Для достижения такой важной в стратегическом отношении цели у него имелось три воздушных флота: 2-й — под командованием фельдмаршала Кессельринга, действовавший с авиабаз на территории Нидерландов и Северной Франции; 3-й — под командованием фельдмаршала Шперле, базирующийся в Северной Франции; 5-й — под командованием генерала Штумпфа, базировавшийся на территории Дании и Норвегии. Два первых воздушных флота насчитывали в общей сложности 929 истребителей, 875 бомбардировщиков и 315 пикирующих бомбардировщиков; 5-й воздушный флот по численности значительно уступал им — он располагал 123 бомбардировщиками и 34 двухмоторными истребителями Me-ПО. Британские военно-воздушные силы в системе противовоздушной обороны в начале августа могли противопоставить этим огромным силам 700–800 истребителей.

В течение июля авиация Геринга постепенно наращивала свои удары по английским кораблям, бороздящим воды Ла-Манша и базирующимся в портах южного побережья Британских островов. По существу, люфтваффе прощупывали возможности английской авиации. Хотя и необходимо было очистить узкий Ла-Манш от английских кораблей, прежде чем предпринимать вторжение на Британские острова, свою главную задачу в ходе этих предварительных налетов немецкая авиация видела в том, чтобы втянуть английские истребители в воздушное сражение. Однако это им не удалось. Командование английских ВВС, проявляя осмотрительность, уклонялось от ввода в бои большого числа истребителей, в результате чего значительный урон понесло английское судоходство, а также некоторые порты. Немцам удалось потопить четыре эсминца, восемнадцать торговых судов, потеряв при этом 296 самолетов. Кроме того, 135 самолетов были повреждены. Английские же ВВС потеряли 148 истребителей.

12 августа Геринг отдал приказ приступить на следующий день к операции "Орел", но уже 12-го были произведены мощные налеты на вражеские радарные станции. Пять радарных станций были повреждены, одна — полностью выведена из строя, однако на этой стадии немцы еще не осознали, насколько важны эти станции для английской ПВО, и не возобновили налеты на них. 13 и 14 августа немцы поднимали в воздух около 1500 самолетов, направив бомбовые удары главным образом по аэродромам английской истребительной авиации, и хотя позднее они утверждали, что пять аэродромов разрушили полностью, на самом деле ущерб оказался совершенно незначительным, а люфтваффе потеряли 47 самолетов против 13 английских {Руководители люфтваффе утверждали,

что в эти два дня было уничтожено 143 английских самолета и 34 немецких. С этого момента обе стороны сильно преувеличивали урон, наносимый противнику. — Прим. авт. }.

Первое крупное воздушное сражение произошло 15 августа. Немцы бросили в сражение основную часть самолетов всех трех воздушных флотов, причем бомбардировщики совершили 801 самолето-вылет, а истребители- 1149. 5-й воздушный флот, действовавший с аэродромов в Скандинавии, в этот день потерпел небывалую катастрофу. Предприняв силами примерно 800 самолетов массированный налет на южное побережье Англии, немцы рассчитывали, что северо-восточное побережье останется без защиты. Однако на подходе к району Тайнсайд отряд в составе 100 бомбардировщиков в сопровождении 34 двухмоторных истребителей Me-110 был неожиданно встречен семью эскадрильями "харрикейнов" и "спитфайеров" и понес тяжелые потери. Тридцать немецких самолетов, в основном бомбардировщики, были сбиты, при этом англичане не потеряли ни одной машины. Так закончилось участие 5-го воздушного флота в битве за Англию. Больше его к ней не подключали.

Более успешно немцы действовали в тот день на юге Англии. Они предприняли четыре массированных налета, причем один на Лондон. Были нанесены бомбовые удары по четырем авиационным заводам в Кройдоне и повреждены пять аэродромов истребительной авиации. Всего немцы потеряли 75 самолетов против 34 английских {В Лондоне в тот вечер появилась официальная сводка: сбито 182 немецких самолета и еще 43, вероятно, повреждено. Это резко повысило моральный дух англичан, особенно пилотов истребительной авиации, тяжело переживавших свои потери. — Прим. авт. }. При таком соотношении, несмотря на численное превосходство, немцы едва ли могли надеяться на то, что сумеют очистить небо от английских самолетов.

И здесь Геринг допустил свою первую тактическую ошибку. Умение английского командования истребительной авиации вводить свои самолеты в бой с численно превосходящим атакующим противником основывалось на хитроумном использовании радаров. Как только немецкие самолеты поднимались в воздух с аэродромов в Западной Европе, их обнаруживали и с такой точностью определяли курс полета, что английское командование истребительной авиации знало, где и когда лучше всего атаковать. Эта новинка воздушной войны ставила немцев, далеко отстававших от англичан в разработке и использовании электроники, в тупик.

"Мы понимали, что английскими истребительными эскадрильями, должно быть, управляют с земли каким-то новым способом, — сообщил,

давая свидетельские показания, Адольф Галланд, знаменитый немецкий ас-истребитель, — потому что мы слышали команды, умело и точно направлявшие "спитфайеры" и "харрикейны" против немецких самолетов в полете... Для нас этот радар и управление истребителями с земли явились неожиданностью, очень горькой неожиданностью".

Тем не менее дальнейших ударов по английским радарным станциям, которым 12 сентября был нанесен столь ощутимый урон, не последовало, и 15 августа, в день, когда немецкая авиация получила тяжелый ответный удар, Геринг вообще отменил налеты на радарные станции, заявив: "Очень сомневаюсь, есть ли смысл продолжать налеты на радарные станции, поскольку ни одна из станций пока что не выведена из строя".

Вторым ключом к успешной обороне в небе над Южной Англией явилась так называемая секторная станция. Это был подземный центр управления, откуда "харрикейны" и "спитфайеры" наводили по радиотелефону на основе последних разведывательных данных, получаемых от радарных установок, от наземных постов воздушного наблюдения и от пилотов, находящихся в воздухе. Немцы, как отмечал Галланд, наверняка слышали постоянные переговоры по радио между секторными станциями и пилотами в небе и в конце концов начали осознавать важность этих наземных центров управления. 24 августа они переключились на уничтожение секторных станций, семь из которых играли исключительно важную роль в противовоздушной обороне южных районов Англии и самой столицы. Это был удар по жизненно важным объектам в системе английской противовоздушной обороны.

До этого дня казалось, исход воздушного сражения складывается не в пользу люфтваффе. 17 августа немцы потеряли 71 самолет против 27 английских. Тихоходные пикирующие бомбардировщики, которые помогали прокладывать дорогу немецкой победоносной армии в Польше и на Западе, для английских истребителей оказались легкой добычей, и 17 августа приказом Геринга их вывели из боя, сократив численность бомбардировочной авиации на одну треть. Между 19 и 23 августа в небе над Англией царил из-за плохой погоды затишье. Проанализировав складывавшуюся ситуацию, Геринг из своего роскошного загородного имения Каринхалле, расположенного недалеко от Берлина, отдал 19 августа приказ: после улучшения погодных условий люфтваффе нацелить свои удары исключительно на английские военно-воздушные силы.

"Мы подошли к решающему моменту в воздушной войне против Англии, — заявил он. — Важнейшей задачей является нанесение поражения вражеским военно-воздушным силам. Нашей первой задачей

является уничтожение истребителей противника".

С 24 августа по 6 сентября немцы ежедневно посылали в небо над Англией до тысячи самолетов, чтобы добиться поставленной цели. Тут рейхсмаршал оказался прав. Битва за Англию вступила в решающую фазу. Хотя английские пилоты порядком вымотались за месяц непрерывных воздушных боев, совершая иногда по несколько боевых вылетов в день, они сражались мужественно, однако численное превосходство немцев начало сказываться. Пять передовых аэродромов истребительной авиации на юге Англии были основательно разрушены, хуже того, шесть из семи ключевых секторных станций подверглись такой ожесточенной бомбардировке, что на грани краха оказалась вся система связи. А это уже грозило Англии катастрофой.

Рост потерь начал сказываться на истребительной авиации английской противовоздушной обороны. В те решающие две недели — между 23 августа и 6 сентября — англичане потеряли 466 истребителей, включая серьезно поврежденные, немцы же потеряли 385 самолетов, из которых истребителей — 214. Более того, потери английских летчиков составили 103 убитых и 128 тяжелораненых, то есть почти четверть личного состава. "Чаша весов склонилась не в пользу истребительного командования, — писал позднее Черчилль. — Это вызвало большую тревогу". Еще несколько таких недель, и у Англии не стало бы никакой организованной противовоздушной обороны. В подобных условиях вторжение наверняка оказалось бы успешным.

Но в этот момент Геринг неожиданно допустил вторую тактическую ошибку, которую по последствиям можно сравнить с приказом Гитлера остановить продвижение танков у Дюнкерка 24 мая. Ошибка Геринга спасла измотанные, обескровленные английские военно-воздушные силы и стала одним из поворотных пунктов в истории крупнейшей воздушной битвы.

В то время когда английская истребительная авиация несла невосполнимые потери в воздухе и на земле, немецкая авиация 7 сентября переключилась на проведение массированных ночных налетов на Лондон. Английская истребительная авиация получила передышку.

Что же произошло в лагере противника, если это привело к изменению в тактике и оказалось роковым для честолюбивых замыслов Гитлера и Геринга? Ответ на этот вопрос исполнен мрачной иронии.

Началось с того, что пилоты примерно десяти немецких бомбардировщиков в ночь на 23 августа допустили небольшую навигационную ошибку. Имея задачу сбросить бомбовый груз на

авиационные заводы и нефтехранилища на окраине Лондона, летчики ошиблись в расчетах и сбросили бомбы на центр английской столицы, взорвав несколько домов и убив некоторое число мирных жителей. Англичане решили, что это преднамеренная бомбардировка густонаселенных кварталов столицы, и на следующий вечер английская авиация в качестве ответной меры совершила налет на Берлин.

С военной точки зрения налет оказался малорезультативным. Берлин в ту ночь был закрыт плотной пеленой облаков, поэтому только половина бомбардировщиков из 81 посланного вышли на свои цели. Материальный ущерб был ничтожен, но зато моральный — огромен, ведь впервые на Берлин упали бомбы.

"Берлинцы в оцепенении, — писал я в своем дневнике на следующий день, 26 августа. — Они не думали, что это может когда-нибудь случиться. Когда начиналась война, Геринг заверил их, что этого не будет... И немцы поверили ему. Тем сильнее сегодня их разочарование. Нужно было видеть их лица, чтобы это понять".

Берлин хорошо охранялся двумя мощными поясами зенитных средств, и в течение трех часов, пока английские бомбардировщики носились над облаками, закрывавшими для летчиков город, но и не позволявшими прожекторам обнаружить их, зенитные орудия вели самый интенсивный огонь, какой я когда-либо наблюдал. Однако ни один самолет не был сбит. Англичане сбросили также листовки, в которых говорилось, что "война, которую начал Гитлер, будет продолжаться, пока жив сам Гитлер". Это была хорошая пропаганда, но взрывы бомб еще лучше.

В ночь на 29 августа английская авиация появилась над Берлином в более мощном составе, и я отметил в дневнике: "Впервые в столице рейха есть убитые". Официально сообщалось, что в результате налета убито десять и ранено двадцать девять человек. Нацистские заправилы пришли в ярость. Геббельс, сначала приказавший прессе опубликовать всего несколько строк о первом воздушном налете, теперь дал указание кричать вовсю о зверствах английских летчиков, бомбивших беззащитных детей и женщин в Берлине. Большинство ежедневных газет вышли с одним и тем же аншлагом: "Подлое нападение англичан". После третьего ночного налета заголовки газет гласили: "Английские воздушные пираты над Берлином".

"Главный эффект от непрерывных ночных налетов на Берлин, — отметил я 1 сентября в своем дневнике — это сильнейшее разочарование народа и возникшие в умах немцев сомнения... Вообще-то бомбардировки не причинили тяжелого урона городу".

1 сентября была первая годовщина начала войны. Делая запись в дневнике, я остановился на настроении людей, страдающих от нервного напряжения, которое вызвали тревожные бессонные ночи, неожиданные налеты и ужасный грохот зенитных орудий.

"В этом году германское оружие добилось таких побед, равных которым не было даже в блестящей военной истории этого воинственного народа. И все же война еще не закончена и не выиграна. И именно на этом сосредоточены все помыслы людей сегодня. Они жаждут мира. И они хотят, чтобы мир пришел до наступления зимы".

Гитлер посчитал необходимым 4 сентября выступить перед народом в Шпортпаласте по случаю открытия кампании зимней помощи. Его выступление держали в секрете до самого последнего момента, очевидно, из опасения, что вражеские самолеты могут воспользоваться облачностью и сорвать собрание, хотя оно проводилось за час до сумерек.

Я редко наблюдал, чтобы нацистский диктатор пребывал в таком саркастическом настроении и отпускал шутки, считавшиеся у немцев забавными, хотя Гитлер был почти лишен чувства юмора. Черчилля он называл не иначе как "небезызвестный военный корреспондент", а о Даффе Купере сказал: "В немецком языке нет даже подходящего слова, чтобы точно его охарактеризовать. Только у баварцев оно есть. Слово это можно перевести как "старая истеричная курица".

"Болтовня мистера Черчилля или мистера Идена, — продолжал Гитлер, — уважение к преклонному возрасту не позволяет мне упомянуть о мистере Чемберлене — не означает для немецкого народа равным счетом ничего. В лучшем случае это вызывает у него смех".

И Гитлер продолжал веселить аудиторию, состоявшую в основном из женщин, вызывая у них сначала смех, а затем истерические аплодисменты. Он вынужден был дать ответ на два самых важных вопроса, которые волновали каждого немца: когда же будет осуществлено вторжение в Англию? Что будет предпринято в связи с ночными бомбардировками Берлина и других немецких городов? Что касается первого вопроса:

"В Англии все полны любопытства и постоянно спрашивают: "Почему он не приходит? " Будьте спокойны. Будьте спокойны. Он идет! Он идет! "

Слушатели нашли шутку весьма забавной, но вместе с тем восприняли ее и как недвусмысленное обязательство. Что касается бомбардировок, то начал он с обычной фальсификации, а закончил зловещей угрозой:

"Ну теперь... мистер Черчилль демонстрирует новое порождение своего ума — ночные воздушные налеты. Черчилль осуществляет эти налеты не потому, что они обещают принести значительный эффект, а

потому, что его авиация не смеет летать над Германией в светлое время... в то время как немецкие самолеты летают над английской землей каждый день... Едва увидев огоньки на земле, англичанин бросает бомбу... на жилые кварталы, фермы и деревни".

И тут же последовала угроза:

"В течение трех месяцев я не отвечал, так как верил, что подобному безумию придет конец. Но мистер Черчилль воспринял это как признак нашей слабости. Теперь мы ответим налетом на налет.

Если английская авиация сбрасывает две, три или четыре тысячи килограммов бомб, то мы будем сбрасывать на них за одну ночь 150, 230, 300 или 400 тысяч килограммов".

В этом месте, согласно моим записям, Гитлер был вынужден сделать паузу, так как разразились истеричные аплодисменты.

"Если они заявляют, — продолжал Гитлер, — что усилят налеты на наши города, то мы будем стирать с лица земли их города".

Здесь я отметил, что молодые дамы просто выходили из себя, истерично хлопая в ладоши. Когда они успокоились, Гитлер добавил:

"Мы покончим с этими ночными воздушными пиратами. Да поможет нам бог! "

Судя по моим записям, услышав эти слова, "молодые немки вскочили на ноги, их грудь высоко вздымалась, и они принялись с неистовством выражать свое одобрение".

"Придет час, — закончил свое выступление Гитлер, — когда один из нас рухнет, но это будет не национал-социалистская Германия! "

При этих словах неистовствовавшие девицы издали дикие крики радости и принялись скандировать: "Никогда! Никогда! "

Несколько часов спустя выступление Гитлера передали в записи по радио, и министра иностранных дел Италии Чиано, слушавшего передачу в Риме, оно озадачило. "Гитлер, должно быть, нервничает", — сделал он в связи с этим пометку в дневнике.

Нервозность фюрера послужила существенным фактором при принятии фатального решения переключить люфтваффе с успешных дневных налетов против английских ВВС на массированную ночную бомбардировку Лондона. Это решение имело как военное, так и политическое значение и отчасти было принято в порядке мести за бомбардировки Берлина и других немецких городов, которые представляются булавочными уколами по сравнению с деяниями авиации Геринга в английских городах, предпринятыми с целью подорвать этими опустошительными налетами на столицу волю англичан к дальнейшему

сопротивлению. Если это удастся (а Гитлер и Геббельс в этом не сомневались), то, вероятно, отпадет и необходимость вторжения.

Итак, на исходе 7 сентября начался сильнейший воздушный налет на Лондон. Немцы бросили на английскую столицу, как мы уже видели, 625 бомбардировщиков и 648 истребителей. Примерно в 5 часов пополудни первая волна в составе 320 бомбардировщиков под прикрытием истребителей появилась над Темзой и самолеты начали сбрасывать бомбовый груз на Вулидж, на нефтеперегонные заводы, электростанции, склады и доки. Вскоре весь огромный район был охвачен пламенем. Население Сильвертауна оказалось в огненном кольце, и людей пришлось срочно эвакуировать по воде. С наступлением темноты, в 8 часов 10 минут, появилась вторая волна в составе 250 бомбардировщиков. И так до 4. 30 воскресного утра немецкие самолеты волна за волной обрушивали на Лондон свой смертоносный груз. В 7. 30 вечера налеты возобновились силами 200 бомбардировщиков и продолжались всю ночь. Согласно официальным данным, приводимым английскими историками, за это время в городе погибло 842 человека и было ранено 2347, причинены огромные разрушения. Всю следующую неделю налеты на Англию совершались каждую ночь {В это время средства ночной противовоздушной обороны еще не были усовершенствованы и немцы несли ничтожные потери. — Прим. авт. }.

И тогда, окрыленные успехом или результатом, который они приняли за успех, немцы решили осуществить на искалеченную, охваченную пожарами английскую столицу мощный дневной налет. Этот налет пришелся на воскресенье 15 сентября и вошел в историю как одно из решающих сражений войны.

Около 200 немецких бомбардировщиков под прикрытием 600 истребителей появились над Ла-Маншем около полудня, держа курс на Лондон. Однако командование английских ВВС было готово к встрече с этой армадой и на экранах радаров вело за ней наблюдение. Немецкие самолеты были перехвачены еще на подходе к столице. Некоторым из них, правда, удалось прорваться к городу, но в основном они были рассеяны, а часть бомбардировщиков оказались сбиты, не успев сбросить бомбовый груз. Через два часа накатила еще более мощная волна немецких самолетов, но результат оказался тот же. Хотя англичане и заявили тогда, что сбили 185 самолетов люфтваффе, но, как выяснилось после войны из немецких архивных документов, в действительности потерь было значительно меньше — 56 немецких самолетов, из них 34 бомбардировщика. Англичане потеряли всего 26 самолетов.

Этот день показал, что люфтваффе пока не в состоянии осуществлять крупные дневные налеты на Англию. А это означало, что перспективы высадки через Ла-Манш по-прежнему весьма туманны. Поэтому 15 сентября стало поворотным пунктом — "перекрестком", по выражению Черчилля, — в битве за Англию. На следующий день Геринг приказал изменить тактику и использовать бомбардировщики не для бомбардировки, а в качестве приманки для английских истребителей; при этом он хвастливо заявлял, что с вражескими истребителями "будет покончено в пределах четырех-пяти дней". Гитлер и командующие армией и флотом лучше разбирались в обстановке и спустя два дня после решающего воздушного сражения — 17 сентября — фюрер отложил операцию "Морской лев" на неопределенное время.

В этот мрачный период (с 7 сентября до 3 ноября) Лондону предстояло выдержать непрерывные ночные налеты, в которых участвовало в среднем 200 бомбардировщиков, так что иногда, как впоследствии признавался Черчилль, возникало опасение, что вскоре весь город превратится в груды развалин. В это же время большинство городов Англии, особенно Ковентри, подверглись ужасным разрушениям, и тем не менее моральный дух англичан не был подорван, а уровень военного производства не упал вопреки надеждам Гитлера. Как раз наоборот, английские авиационные заводы — главные цели для бомбардировщиков люфтваффе — обогнали в 1940 году Германию: англичане выпустили 9924 самолета, а немцы всего 8070. Немецкие потери в бомбардировщиках оказались настолько серьезными, что восполнить их впоследствии, как это явствует из немецких секретных документов, так и не удалось, и люфтваффе так и не оправилась в полной мере от ударов, полученных в то время в небе над Англией.

Немецкие военно-морские силы, ослабленные потерями, понесенными ранней весной у берегов Норвегии, оказались неспособны, как признало командование, обеспечить десантирование войск и их прикрытие боевыми средствами флота. Без мощных ВМС и без господства в воздухе немецкая армия была бессильна преодолеть воды пролива Ла-Манш. Впервые в ходе войны планы Гитлера относительно дальнейших завоеваний оказались сорваны, и как раз в тот самый момент, когда, как мы убедились, он был уверен, что окончательная победа достигнута.

Он никогда не предполагал, да и никто до сих пор не предполагал, что решающее сражение произойдет в воздухе. Возможно, ему и в голову не приходило, что, когда над Европой сгустились зимние сумерки, десяток английских летчиков, сорвав планы немецкого вторжения, сохранили Англию в качестве огромного плацдарма для будущего освобождения

континента. Его мысли волей-неволей поворачивались в другом направлении, а фактически, как мы убедимся, они уже повернулись.

Англия была спасена. Почти целое тысячелетие она успешно защищала себя посредством своей морской мощи. Ее лидеры, правда очень немногие, преодолев свои заблуждения, о которых так много говорилось на страницах книги, в предвоенные годы поняли, что воздушная мощь в середине двадцатого столетия является решающим фактором обороны, а маленький самолет-истребитель, ведомый пилотом, ее главным щитом. Как выразился в палате общин 20 августа Черчилль, когда исход воздушного противоборства был все еще не ясен, "в сфере человеческих конфликтов никогда еще люди не были так многим обязаны совсем немногим".

Если бы вторжение удалось

Оккупация Англии немецкими нацистами вряд ли оказалась бы акцией гуманной. Захваченные немецкие документы не оставляют в этом никаких сомнений. 9 сентября командующий армией Браухич подписал директиву, в которой говорилось, что "все здоровое мужское население Англии в возрасте от 17 до 45 лет должно быть интернировано и, если обстановка на месте не требует какого-либо исключения, отправлено на континент". Во исполнение этой директивы спустя несколько дней последовали приказы генерал-квартирмейстерской службы главного командования сухопутных войск (ОКХ) в 9-й и 16-й армиях, сосредоточенных для вторжения. Ни для одной захваченной страны, даже для Польши, немцы не планировали таких драконовских мер. Указания Браухича были оформлены как "Распоряжения, касающиеся организации и функций военной администрации в Англии" и излагались довольно подробно. Как видно из содержания этих указаний, они были рассчитаны на систематическое ограбление Британских островов и устрашение местного населения. 27 июля был создан специальный "военный экономический штаб Англии" для решения первоочередных задач. Все продовольствие, за исключением минимальных домашних запасов, подлежало немедленной реквизиции. Должны были быть взяты заложники. Любой англичанин, захваченный за развешиванием плакатов, направленных против немцев, будет подвергнут немедленной казни; аналогичное наказание предусматривалось и для тех, кто не сдаст огнестрельное оружие или радиоприемник в течение 24 часов.

Однако настоящий режим террора должна была осуществлять СС Гиммлера. Для этой цели в свое время было создано так называемое главное управление имперской безопасности во главе с Гейдрихом {РСХА — главное управление имперской безопасности, которое начиная с 1939 года контролировало гестапо, уголовную полицию и службу безопасности

(СД). — Прим. авт. }. Человеком, которому предстояло руководить из Лондона деятельностью службы безопасности на местах, был некий полковник СС, профессор, доктор Франц Сикс, один из тех гангстеро-интеллектуалов, которых во времена нацизма привлекали к службе в секретной полиции Гиммлера. Профессор Сикс оставил пост декана факультета Берлинского университета, чтобы поступить на секретную службу в ведомство Гейдриха, где он специализировался по "научным вопросам", скрытая сторона которых так привлекала кровавого Генриха Гиммлера и его головорезов. О том, что не пришлось испытать англичанам, так как доктору Сиксу не довелось похозяйничать на английской земле, можно судить по его последующей карьере в России. Он орудовал в составе эсэсовских эйнзатцкоманд, которые отличились при проведении массовых расстрелов, а одна из обязанностей Сикса сводилась к тому, чтобы выявлять среди советских пленных комиссаров в целях их ликвидации {Доктора Сикса осудили в 1948 году в Нюрнберге как военного преступника на 20 лет тюремного заключения, но в 1952 году выпустили. — Прим. авт. }.

1 августа, как явствует из немецких архивных документов, Геринг призвал Гейдриха приниматься за дело. Полиция безопасности (СС) и служба безопасности (СД) должны были начать свою деятельность одновременно с военным вторжением на Британские острова, чтобы захватить и эффективно обезвредить многочисленные важные организации и общества в Англии, настроенные враждебно по отношению к Германии.

17 сентября Гитлер отложил вторжение на неопределенное время, и в тот же день профессор Сикс по иронии судьбы был официально назначен на этот новый пост Гейдрихом, который дал ему следующее напутствие:

"Ваша задача состоит в том, чтобы, применяя все необходимые средства, бороться со всеми антинемецкими организациями, институтами, оппозиционными группами, которые можно захватить в Англии, предотвратить утаивание наличных материальных ценностей, сосредоточить их в определенных местах, обеспечить их сохранность для использования в будущем. Я назначаю Лондон местом пребывания вашей штаб-квартиры... и уполномочиваю вас сформировать небольшие эйнзатцкоманды в различных частях Великобритании, как подскажет вам обстановка и когда в этом возникнет необходимость".

Фактически Гейдрих еще в августе организовал шесть эйнзатцкоманд для Англии с центрами в Лондоне, Бристоле, Бирмингеме, Ливерпуле, Манчестере, Эдинбурге или Глазго. Они должны были осуществлять нацистский террор: для начала арестовать всех, кто числился в

"специальном поисковом списке" по Великобритании, который из-за спешки был довольно небрежно составлен аппаратом Вальтера Шелленберга, еще одного интеллектуала, окончившего университет и работавшего у Гиммлера во главе отдела IVE (контрразведка главного управления имперской безопасности). Так, по крайней мере, утверждал позднее Шелленберг хотя тогда он больше времени проводил в Лиссабоне, занятый подготовкой головокружительной авантюры, связанной с похищением герцога Виндзорского.

"Специальный поисковый список по Великобритании" относится к числу наиболее забавных документов, связанных с подготовкой вторжения и, разумеется, случайно обнаруженных среди документов аппарата Гиммлера. В списке содержались имена примерно 2300 видных деятелей Великобритании, причем не все из них являлись англичанами, которых гестапо считало необходимым немедленно заключать в тюрьму. Естественно, Черчилль и члены кабинета значились в этом списке, равно как и ведущие политические деятели других партий. В этом же списке оказались ведущие редакторы, издатели, репортеры, в том числе два бывших корреспондента газеты "Таймс" в Берлине — Норман Эббатт и Дуглас Рид, репортажи которых не вызывали особого удовольствия у нацистов. Английские писатели удостоились самого пристального внимания. Имя Бернарда Шоу в списках отсутствовало, зато Герберт Уэллс был занесен туда наряду с такими писателями, как Вирджиния Вулф, Э. М. Форстер, Олдос Хаксли, Джон Пристли, Стефен Спендер, Ч. П. Сноу, Ноэль Ковард, Ребекка Уэст, Филип Гиббс и Норман Ангелл. Не были обделены вниманием и ученые: Гилберт Муррей, Бертран Рассел, Гарольд Ласки, Беатриса Уэбб и Дж. Б. С. Холдейн.

Гестапо намеревалось также, пользуясь своим пребыванием в Англии, переловить там всех иностранных и немецких эмигрантов. В списках гестапо числились Падеревски, Фрейд {Знаменитый психоаналитик. Умер в Лондоне в 1939 году. — Прим. авт. }, Ч. Вейсман; президент Бенеш и министр иностранных дел чехословацкого правительства в эмиграции Ян Масарик. В список немецких эмигрантов были включены два бывших близких друга Гитлера, позднее отвернувшиеся от него: Герман Раушнинг и Путци Ханфштенгль. Многие английские имена были настолько искажены, что их почти невозможно было узнать. После каждого имени стоял штамп бюро главного управления имперской безопасности, что означало: данной персоной будет заниматься это ведомство. Черчилля планировалось передать VI отделу (иностранная разведка), но большинство должно было быть передано гестапо {Ряд американцев тоже значатся в этих списках, в

том числе Бернард Барух, Джон Гюнтер, Поль Робсон, Луис Фишер, Даниел де Лис, корреспондент агентства "Ассошиэйтед Пресс", Б. Фодор, корреспондент чикагской газеты "Дейли ньюс", хорошо известный своими антинацистскими публикациями. — Прим. авт. }.

Эта нацистская "Черная книга", очевидно, являлась дополнением к совершенно секретной книге — справочнику под названием Информационсхефт {Информационная тетрадь. — Прим. авт. }, который, по утверждению Шелленберга, был составлен им самим в качестве пособия по ограблению Англии и уничтожению там всех антинемецких институтов. Она еще более забавна, чем поисковый список. В числе опасных институтов здесь значатся помимо масонской ложи, еврейских организаций, которые вызывали особое внимание имперской службы безопасности, общественные школы (в Англии — частные школы), церковь Англии, которая характеризуется как "мощный инструмент в руках британских имперских политиков", и организация бойскаутов, занесенная в список как "превосходный источник информации английской разведывательной службы". Глубокоуважаемый основатель и руководитель этой детской организации лорд Баден-Пауэлл подлежал немедленному аресту.

Если бы немцы попытались вторгнуться на территорию Англии, они бы не встретили там джентльменского приема. Впоследствии Черчилль признавался, что часто задумывался над тем, что бы произошло в таком случае. Он был уверен в одном: "с обеих сторон началась бы резня, страшная и беспощадная, без сострадания и жалости. Они стали бы прибегать к террору, а мы готовы были на все".

Черчилль не раскрывает, что подразумевается под выражением "готовы были на все". Однако Питер Флеминг в своей книге, посвященной операции "Морской лев", упоминает, что англичане решили в качестве последнего средства, если все другие обычные способы обороны окажутся несостоятельными, произвести газовую атаку против захваченных немцами плацдармов, распространив горчичный газ с низко летящих самолетов. Это решение, принятое на высшем уровне после долгих душевных мук, по мысли Флеминга, как тогда, так и теперь окутано тайной.

До резни, о которой говорит Черчилль, и террора, который собиралось развязать гестапо, дело в то время не дошло по причинам, изложенным в настоящей главе. Но менее чем через год в другой части Европы немцы развязали такой террор и в таких масштабах, каких дотоле не ведал мир.

Еще до того, как отказаться от вторжения в Англию, Адольф Гитлер пришел к новому решению: весной будущего года он повернет свое оружие

против России.

Нацистский заговор в целях похищения герцога и герцогини Виндзорских

История о нацистском заговоре в целях похищения герцога и герцогини Виндзорских, чтобы вынудить бывшего короля Великобритании к сотрудничеству с Гитлером во имя мирного урегулирования конфликта с Англией, представляет собой скорее забавный эпизод, свидетельствующий о смехотворных усилиях заправил третьего рейха, которые именно в то лето добились крупнейших успехов на полях сражений. Эволюция этого фантастического плана подробно излагается в захваченных документах германского министерства иностранных дел. Касается в своих мемуарах этого вопроса и молодой Вальтер Шелленберг, шеф отдела контрразведки главного управления имперской безопасности, которому была поручена реализация замысла.

Сама идея такого плана, как говорил Шелленбергу Риббентроп, принадлежала Гитлеру. Нацистский министр иностранных дел ухватился за нее с большим энтузиазмом, которым он всякий раз прикрывал свое глубочайшее невежество, и теперь МИД Германии со своими дипломатическими представителями в Испании и Португалии были вынуждены тратить огромные усилия и время в течение лета 1940 года.

После падения Франции в июне 1940 года герцог, входивший в состав британской военной миссии при французском высшем командовании армии, переехал с герцогиней в Испанию, чтобы не попасть в плен к немцам. 23 июня немецкий посол в Мадриде Эберхард фон Шторер, профессиональный дипломат, телеграфировал в Берлин:

"Испанский министр иностранных дел просил совета в отношении того, как обращаться с герцогом и герцогиней Виндзорскими. Сегодня ожидается их прибытие в Мадрид, очевидно, по пути в Англию через Лиссабон. Министр иностранных дел полагает, что, возможно, мы заинтересованы в том, чтобы задержать герцога здесь, а может быть, вступить с ним в контакт. Прошу ваших указаний".

Риббентроп на следующий же день по телеграфу передал указания. Он предлагал задержать герцогскую чету на пару недель в Испании, но предупреждал: не должно казаться, что такое предложение исходит из Германии. На следующий день, 25 июня, Шторер ответил Берлину: "Министр иностранных дел (Испании) обещал сделать все возможное, чтобы задержать здесь герцога на некоторое время". Испанский министр иностранных дел полковник Хуан Бейгбедер Атиенза встретился с герцогом и доложил о состоявшейся беседе послу Германии, который в

свою очередь информировал Берлин совершенно секретной телеграммой от 2 июля, что герцог не возвратится в Англию до тех пор, пока его жену не признают членом королевской семьи, а ему самому не предоставят солидный пост. В противном случае он поселится в Испании в одном из замков, обещанном ему правительством Франко.

"Герцог Виндзорский высказал министру иностранных дел и другим знакомым свое отрицательное отношение к Черчиллю и к войне", — добавлял посол в своем докладе.

В начале июля герцог с супругой выехали в Лиссабон, и 11 июля немецкий посланник докладывал оттуда Риббентропу, что герцога назначили губернатором Багамских островов, но он "намерен откладывать свой отъезд туда как можно дольше... в надежде *а поворот событий, благоприятный для него".

"Он высказал убежденность, — докладывал посланник, — что если бы оставался на троне, то этой войны можно было бы избежать, и охарактеризовал себя как твердого сторонника мирного урегулирования отношений с Германией. Герцог считает, что длительные ожесточенные бомбардировки сделают Англию податливой к заключению мира".

Эта информация натолкнула надменного германского министра иностранных дел на мысль отправить поздно вечером 11 июля сверхсрочную и совершенно секретную телеграмму в немецкое посольство в Мадриде. Он хотел, чтобы герцога, предпочтительно при помощи его испанских друзей, уговорили не ехать на Багамские острова и вернуться обратно в Испанию. "После их возвращения в Испанию, — рекомендовал далее Риббентроп, — герцога и его жену нужно убедить или заставить оставаться на испанской территории". Если потребуется, Испания может интернировать его как английского офицера и обращаться с ним как с военным беженцем.

"В подходящий момент, — инструктировал далее Риббентроп, — герцога нужно проинформировать, что Германия стремится к миру с английским народом, но на пути к этому стоит клика Черчилля и что было бы хорошо, если бы герцог подготовился к последующим событиям. Германия полна решимости принудить Англию заключить мир, используя для этого все средства, и по достижении мира с готовностью удовлетворит любые его пожелания, особенно связанные с намерением герцога и герцогини вернуться на британский трон. Если у герцога имеются иные планы, но он готов сотрудничать в установлении добрых отношений между Германией и Англией, мы готовы оказать ему и его жене такую материальную поддержку, которая позволила бы ему... вести образ жизни,

подобаяющий королю" {Риббентроп сообщил Шелленбергу, что 50 миллионов швейцарских франков депонированы в швейцарском банке, добавив, что "фюрер согласен повесить эту цифру". — Прим. авт. }.

Далеко не умный нацистский министр, который во время своего пребывания в Лондоне в качестве германского посла так и не научился понимать англичан, добавил, будто располагает информацией о намерении английской секретной службы убрать герцога, как только он появится на Багамских островах.

12 июля германский посол в Мадриде встретился с министром внутренних дел Испании Романом Серрано Суньером, шурином генерала Франко, который обещал вовлечь генералиссимуса в этот заговор и осуществить следующий план. Испанское правительство направит в Лиссабон старого друга герцога Мигуэла Примо де Риверу, мадридского лидера фаланги и сына бывшего испанского диктатора. Ривера пригласит герцога в Испанию поохотиться, а также обсудить с правительством некоторые вопросы англо-испанских отношений. Суньер проинформирует герцога о заговоре английских секретных служб с целью убрать его с политической сцены. Затем, как сообщал в Берлин немецкий посол, "министр посоветует герцогу и герцогине воспользоваться испанским гостеприимством, а также финансовой поддержкой... Может быть, есть какой-либо иной способ предотвратить отъезд герцога. Во всем этом деле мы остаемся совершенно в стороне".

Согласно немецким архивным документам, Ривера вернулся в Мадрид из Лиссабона после своего первого визита к герцогской чете 16 июля и привез донесение испанскому министру иностранных дел, который препроводил его далее германскому послу, а тот в свою очередь по телеграфу передал его содержание в Берлин. Черчилль, говорилось в донесении, назначил герцога губернатором Багамских островов в "очень сдержанном и категоричном по тону письме" и приказал ему немедленно следовать к месту назначения. В случае невыполнения указания "Черчилль угрожает герцогу Виндзору военным трибуналом". Испанское правительство согласилось, как добавлялось в донесении в Берлин, еще раз самым настоятельным образом "предостеречь герцога от занятия этого поста".

Ривера вернулся после второй поездки в Лиссабон 22 июля, а на следующий день германский посол в Мадриде по телеграфу "очень срочно" и "совершенно секретно" докладывал Риббентропу в Берлин:

"У него состоялось два долгих разговора с герцогом Виндзорским; при втором разговоре присутствовала герцогиня. Герцог выражался очень

свободно... Политически он все больше отдаляется от короля и нынешнего английского правительства. Герцог и герцогиня меньше опасаются короля, который глуповат, нежели коварной королевы, которая искусно плетет интриги против герцога и, в частности, против герцогини. Герцог собирается выступить... с неодобрением нынешнего курса английской политики и с намерением порвать со своим братом... Герцог и герцогиня сказали, что очень хотят вернуться в Испанию".

С целью ускорить их возвращение посол договорился с Суньером, как указывалось далее в телеграмме, что тот направит в Лиссабон другого испанского эмиссара, "чтобы убедить герцога покинуть Лиссабон под предлогом длительной экскурсии на автомобиле, а затем пересечь границу в установленном месте, где испанская тайная полиция позаботится о том, чтобы все прошло без осложнений".

Спустя два дня посол сообщил дополнительную информацию, полученную от Риверы в "срочной, совершенно секретной" телеграмме:

"Когда он посоветовал герцогу не ехать на Багамы, а вернуться в Испанию, поскольку герцога, вероятно, попросят сыграть важную роль в политике Англии и попытаются возвести на английский престол, как герцог, так и герцогиня не смогли скрыть своего изумления. Оба... ответили, что, согласно английской конституции, это невозможно после отречения. Когда эмиссар конфиденциально пояснил им, что ход войны может привести даже к изменениям 3 английской конституции, герцогиня глубоко задумалась". В этом донесении немецкий посол напомнил Риббентропу, что Ривера ничего не знал о "каком-либо немецком интересе в данном вопросе". Молодой испанец, вероятно, считал, что действует в интересах своего правительства.

К концу июля план похищения нацистами герцога Виндзорского был в основном составлен. Гитлер назначил персонально Вальтера Шелленберга ответственным за осуществление этой операции. С этой целью он вылетел из Берлина в Мадрид, посоветовался там с германским послом, переехал в Португалию и приступил к делу. 26 июля посол уже мог обстоятельно изложить Риббентропу суть плана:

"... Можно считать, что герцог и герцогиня принимают твердое решение возвратиться в Испанию. Для подкрепления такого намерения туда сегодня выезжает второй тайный эмиссар с письмом к герцогу, составленным очень искусно. В качестве дополнения к письму прилагается тщательно разработанный план пересечения границы.

Согласно этому плану, герцог и его супруга должны по официальной версии отправиться на летние каникулы в горы недалеко от испанской

границы для того, чтобы пересечь ее точно в установленном месте и в конкретное время в ходе охоты. Поскольку у герцога нет паспорта, то придется заручиться согласием португальского пограничного чиновника на данном участке.

В это же время в соответствии с планом первый законспирированный эмиссар (Примо де Ривера) должен находиться у границы с испанским отрядом, расположенным так, чтобы была гарантирована безопасность герцога Виндзорского. Шелленберг со своей группой действует из Лиссабона в интересах операции. С этой целью во время поездки к месту летнего отдыха, а также в период самого отдыха чета будет находиться под неослабным наблюдением заслуживающего доверия шефа португальской полиции...

Планом предусматривалось, что в момент пересечения границы группа Шелленберга возьмет на себя обеспечение безопасности на португальской стороне и выполнит эту задачу на испанской территории в качестве эскорта, который будет периодически незаметно меняться.

В целях обеспечения безопасности всего плана министр (испанский) подобрал другого тайного агента — женщину, которая при необходимости могла бы установить контакт со вторым тайным агентом и доставлять информацию группе Шелленберга.

При возникновении какого-либо непредвиденного чрезвычайного обстоятельства в результате действий английской Интеллидженс сервис предусматривалась переброска герцога и герцогини в Испанию самолетом. В этом случае, как и в первом варианте, главным условием являлось согласие герцога на выезд, которого предполагали добиться путем искусного психологического воздействия на его типично английский образ мышления, не создавая у него при этом впечатления бегства из-за действий английской Интеллидженс сервис и привлекая его перспективой свободной политической деятельности с территории Испании.

При необходимости помимо мер безопасности в Лиссабоне предусматривалось проведение "операции запугивания", чтобы убедить герцога покинуть Португалию.

Таков был нацистский план похищения герцога Виндзорского и его жены. Он отличался типичной немецкой неуклюжестью, а его реализация осложнялась неспособностью немцев понять "английский образ мышления" герцога.

"Операцию запугивания" предстояло осуществить группе Шелленберга. Однажды ночью он организовал группу лиц, которые забросали камнями окна на вилле, где проживали герцог с женой, а затем

распространили среди прислуги слухи, будто это сделали агенты английской секретной службы. Герцогине был доставлен букет цветов с запиской: "Будьте осторожны, английская секретная служба не дремлет. От португальского друга, сердечно заинтересованного в Вашем благополучии". А в официальном донесении в Берлин Шелленберг докладывал: "... Открытие огня по окнам (безопасное для герцогини битье окна в спальне), запланированное в ночь на 30 июля, было отложено, поскольку психологический эффект от этого на герцогиню скорее усилил бы ее желание побыстрее уехать на Багамы".

Времени оставалось мало. 30 июля Шелленберг докладывал о прибытии в Лиссабон сэра Уолтера Монктона, высокопоставленного чиновника английского правительства и старого друга герцога. Его задача, очевидно, заключалась в том, чтобы как можно скорее отправить герцога с женой на Багамские острова. В тот же день германский посол в Мадриде срочно телеграфировал шифром Риббентропу, что его немецкий агент в Лиссабоне только что сообщил ему: герцог и герцогиня собираются уехать из Португалии 1 августа, то есть через два дня. В связи с этой информацией он запрашивал Риббентропа, не следует ли им "выйти из тени". Согласно сообщениям немецкой разведки, продолжал посол, герцог в присутствии своего хозяина, португальского банкира Рикардо до Эспирито Санто Сильва, выразил "желание вступить в контакт с фюрером". Почему бы не организовать встречу герцога Виндзорского с фюрером?

На следующий день, 31 июля, посол опять писал "очень срочно, совершенно секретно", пересказывая только что услышанное от испанского эмиссара, вернувшегося из Лиссабона после встречи с герцогом: герцогская чета, "находясь под сильнейшим впечатлением от сообщений об английских интригах против них и опасаясь за свою безопасность", очевидно, планирует отплыть 1 августа, хотя герцог пытается скрыть истинную дату отъезда. В своем донесении посол добавил, что испанский министр внутренних дел намерен предпринять "последнее усилие, чтобы воспрепятствовать отъезду герцога и герцогини".

Известие о том, что герцог собирается вскоре покинуть Португалию, вызвало тревогу у Риббентропа, и 31 июля, поздно вечером, из своего специального поезда в Фушле он направил "очень срочную, совершенно секретную" телеграмму немецкому послу в Лиссабоне, в которой просил довести до сведения герцога через его друга-банкира следующее:

"По существу, Германия хочет мира с английским народом. На пути к этому миру стоит клика Черчилля. После того как был отвергнут последний призыв фюрера к здравому смыслу, Германия полна решимости вынудить

Англию пойти на заключение мира, используя для этого все имеющиеся средства. Было бы хорошо, если бы герцог был готов к трезвому восприятию дальнейшего хода событий. В таком случае Германия была бы готова тесно сотрудничать с герцогом и выполнить любое желание герцога и герцогини... Если у герцога и герцогини иные намерения, но они готовы к установлению добрых отношений между Германией и Англией, Германия также готова сотрудничать с герцогом и договориться относительно будущего герцогской четы в соответствии с их пожеланиями. Португальское доверенное лицо, у которого проживает в настоящее время герцог с супругой, должно предпринять самые искренние усилия, чтобы воспрепятствовать завтрашнему отъезду герцога, поскольку мы располагаем достоверными данными, что Черчилль намеревается прибрать герцога к рукам и держать его на Багамах постоянно, а также поскольку для нас будет чрезвычайно трудно установить с герцогом контакт на Багамах, если в этом возникнет необходимость.... "

Срочные указания германского министра иностранных дел достигли посольства в Лиссабоне около полуночи. Тогда же германский посол встречался с Эспирито Санто Сильвой и уговаривал его передать суть вышеприведенной телеграммы именитому гостю. Банкир сделал это утром 1 августа, и, согласно депеше, переданной из посольства в Берлин, информация произвела на герцога сильное впечатление.

"Герцог воздал должное желанию фюрера заключить мир, поскольку оно совпадало с его собственной точкой зрения. Он был твердо убежден, что если бы был королем, то дело никогда не дошло бы до войны. Обращенный к нему призыв сотрудничать в установлении мира он воспринял с радостью. Однако в настоящее время он обязан следовать официальным приказам своего правительства. Неповиновение может преждевременно открыть его намерения, вызвать скандал и подорвать его авторитет в Англии. Он также убежден, что для него пока преждевременно выходить на передний план, поскольку еще не существует признаков, что Англия готова к сближению с Германией. Однако, как только в стране изменятся настроения, он будет рад немедленно вернуться... Либо Англия обратится к нему, что он считает вполне вероятным, либо Германия выразит желание вступить с ним в переговоры. И в том, и в другом случае он готов на любые жертвы личного порядка и предоставит себя в распоряжение обстоятельств, пренебрегая малейшими личными амбициями.

Он готов поддерживать постоянную связь со своим гостеприимным хозяином и даже согласовал с ним пароль, получив который немедленно

вернется".

К удивлению немцев, герцог и герцогиня отплыли на Багамы вечером 1 августа на американском лайнере "Эскалибур". В донесении министру иностранных дел Риббентропу, свидетельствовавшем о провале миссии, Шелленберг на следующий день сообщал, что он предпринимал все меры до последнего момента, чтобы предотвратить отъезд. Брата Франко, который был испанским послом в Лиссабоне, уговорили сделать последнюю попытку отговорить герцога не покидать Лиссабон. Автомобиль с личными вещами герцога был задержан и, как утверждает Шелленберг, прибыл к лайнеру с большим опозданием. Немцы распространили слухи, что в лайнер заложена бомба замедленного действия. Португальские власти задержали отправку лайнера, пока не осмотрели весь корабль сверху донизу в поисках этой мифической бомбы.

Тем не менее герцог Виндзорский с супругой в тот же вечер отплыли. Нацистский заговор сорвался. Шелленберг в своем последнем донесении Риббентропу писал, что срыв плана произошел в результате влияния на герцога Монктона, "краха испанского варианта" и "умонастроений самого герцога".

В захваченных досье немецкого министерства иностранных дел имеется еще один документ по этому делу. 15 августа немецкий посол в Лиссабоне телеграфировал в Берлин: "Доверенное лицо только что получило телеграмму от герцога с Багамских островов, в которой тот просит сообщить ему пароль, едва возникнут обстоятельства, благоприятные для принятия нужных акций. Следует ли давать ответ? "

Никакого ответа на Вильгельмштрассе обнаружено не было. К середине августа Гитлер принял решение завоевать Англию силой оружия. И не было необходимости искать нового короля для Англии. Островом, как и всеми другими завоеванными территориями, будут управлять из Берлина. Так или примерно так думал Гитлер.

Такова эта любопытная история, изложенная в секретных немецких документах и дополненная Шелленбергом, человеком, менее всего заслуживающим доверия, хотя вряд ли он стал бы придумывать для себя столь нелепую, по его признанию, роль.

В заявлении, сделанном через лондонского адвоката 1 августа 1957 года после опубликования захваченных немецких документов, герцог заклеил переписку между Риббентропом и германскими послами в Испании и Португалии как "намеренную фальсификацию и искажение истины". Герцог Виндзорский объяснил, что, когда в Лиссабоне в 1940 году он ждал отплытия на Багамские острова, "определенные люди", которых он

считал деятелями, сочувствующими нацистам, предпринимали усилия, чтобы убедить его вернуться в Испанию и не принимать пост губернатора. "Меня даже предупреждали, что лично я и герцогиня подвергнем себя риску, если отправимся на Багамы, — заявил он. — Но у меня никогда даже мысли не появлялось принять такое предложение. Я встречал его с презрением, которого оно заслуживало".

Часть 23. "Барбаросса": На очереди Россия

В то время как летом 1940 года Гитлер был занят завоеванием Запада, Сталин, воспользовавшись этим обстоятельством, вступил на территорию Прибалтийских государств, а также двинулся в сторону Балкан {Непосредственной причиной войны с Финляндией и вступления летом 1940 года советских войск на территорию Прибалтийских государств и Бессарабии явились поражение англо-французской коалиции и — как следствие — резко возросшая угроза нацистской агрессии против СССР, использования указанных стран и территорий в этих целях. — Прим. тит. ред. }.

На первый взгляд отношения между двумя диктатурами складывались дружественные. Молотов, работая на Сталина, не упускал случая польстить немцам в связи с каждым новым актом агрессии. Когда 9 апреля 1940 года Германия вторглась в Норвегию и Данию, советский комиссар по иностранным делам поспешил заверить посла Шуленбурга, что "Советское правительство с пониманием относится к тем мерам, которые были навязаны Германии". "Мы желаем Германии, — уверял Молотов, — полного успеха в ее оборонительных мерах".

Спустя месяц, когда немецкий посол нанес визит Молотову, чтобы официально проинформировать его о наступлении вермахта на Западе, которое в соответствии с инструкцией Риббентропа "было вынужденной мерой, предпринятой Германией ввиду нависшей угрозы англо-французского наступления на Рур через Бельгию и Голландию", советский государственный деятель вновь выразил ему свое удовлетворение. "Молотов отнесся к моему сообщению с пониманием", — телеграфировал Шуленбург в Берлин.

17 июня Молотов вызвал Шуленбурга, чтобы от имени Советского правительства принести поздравления "с блестящим успехом германского вермахта".

У комиссара по иностранным делам было припасено еще кое-что, но это "кое-что" для немецкого уха оказалось не особенно приятным. Молотов — можно при этом вообразить блеск его глаз — информировал немецкого посла, как в "срочном порядке" телеграфировал в Берлин последний, о "советских акциях против Прибалтийских государств", добавив, "что стало необходимым положить конец всем интригам, посредством которых Англия и Франция пытаются сеять разлад и недоверие между Германией и

Советским Союзом в Прибалтийских государствах". Чтобы покончить с таким "разладом", Советское правительство, добавил Молотов, направило "специальных эмиссаров" в эти три Прибалтийские страны: Деканозова — в Литву; Вышинского — в Латвию; Жданова — в Эстонию. Все трое слыли искуснейшими сталинскими интриганами.

Свою миссию они выполнили с той добросовестностью, какой можно было ожидать от этого трио, особенно от двух последних.

Уже 14 июня, когда германские войска вступали в Париж, Советское правительство направило Литве ультиматум с требованием отставки ее правительства, ареста некоторых из его членов и права ввести такое количество войск Красной Армии, какое сочтет необходимым. Хотя литовское правительство и приняло ультиматум, Москву это не удовлетворило, и на следующий день, 15 июня, советские войска оккупировали эту единственную из Прибалтийских стран, граничащую с Германией. Еще через пару дней аналогичные советские ультиматумы были направлены Латвии и Эстонии, после чего они также были оккупированы советскими войсками.

В данном случае Сталин мог быть столь же жестоким и беспощадным, как и Гитлер, и даже еще более циничным. Подавив прессу, арестовав политических лидеров и объявив все партии, за исключением коммунистических, вне закона, русские устроили 14 июля инсценировку выборов во всех трех государствах. После того как таким образом "избранные" парламенты проголосовали за присоединение своих стран к Советскому Союзу, Верховный Совет (парламент) России принял их в свое отечество: Литву — 3 августа, Латвию — 5 августа, Эстонию — 6 августа.

Адольф Гитлер был унижен, но, занятый подготовкой к вторжению в Англию, не мог ничего поделать. Письма послов этих трех Прибалтийских стран в Берлине с протестами против русской агрессии были возвращены им по указанию Риббентропа. Чтобы еще сильнее унижить немцев, Молотов 11 августа предъявил им бесцеремонное требование ликвидировать дипломатические представительства в Каунасе, Риге и Таллинне в течение двух недель и закрыть консульства к 1 сентября.

Захват Прибалтийских государств не удовлетворил аппетита Сталина. В результате поразительно быстрого развала англо-французских армий создались благоприятные условия, побуждавшие Сталина захватить столько, сколько возможно. Очевидно, он полагал, что времени терять нельзя.

23 июня, на второй день после официальной капитуляции Франции и подписания перемирия в Компьене, Молотов опять пригласил нацистского

посла в Москве, чтобы сообщить ему, что "решение бессарабского вопроса не терпит более отлагательств. Советское правительство полно решимости использовать силу, если румынское правительство отклонит мирное соглашение". Советское правительство ожидает, добавил Молотов, что Германия не только не помешает, но и поддержит Советы в их действиях. Более того, "Советы претендуют также на Буковину". Бессарабия была отторгнута от России Румынией в конце первой мировой войны, но Буковина никогда ей не принадлежала. Она входила в состав Австро-Венгрии, пока в 1919 году ее не захватила Румыния. На переговорах в Москве по поводу заключения нацистско-советского пакта Риббентроп — теперь он напомнил об этом Гитлеру — был вынужден уступить русским Бессарабию, но он никогда не давал согласия включить в сферу их интересов Буковину.

В Берлине возникла определенная тревога, которая распространилась и на штаб ОКБ на Западе. Вермахт зависел от румынской нефти, а Германия, кроме того, получала из этой балканской страны продовольствие и фураж. Все это будет потеряно, если Красная Армия оккупирует Румынию. Незадолго до того, 23 мая, в самый разгар сражения за Францию румынский генеральный штаб послал в ОКВ сигнал SOS, информируя немцев о том, что советские войска сосредотачиваются у румынской границы.

На следующий день Йодль суммировал реакцию на это сообщение в штабе Гитлера: "Обстановка на Востоке становится угрожающей из-за сосредоточения русских сил у границ Бессарабии".

В ночь на 26 июня Россия вручила Румынии ультиматум, требуя передать ей Бессарабию и Северную Буковину. Ответ необходимо было дать на следующий день. Охваченный паникой Риббентроп прямо из своего поезда направил срочные указания своему послу в Бухаресте: посоветовать румынскому правительству пойти на уступки, что то и сделало 27 июня. А уже на следующий день советские войска заняли вновь обретенные территории, а в Берлине с облегчением вздохнули, что по крайней мере богатые источники нефти и продовольствия не были отобраны у Германии.

Из этих действий и из секретных немецких документов очевидно, что, хотя Сталин и стремился захватить все что можно в Восточной Европе, пока немцы были связаны по рукам и ногам на Западе, он не желал разрыва с Гитлером и даже не помышлял об этом.

К концу июня Черчилль в личном письме пытался предостеречь Сталина об опасности немецких завоеваний для России, как и для Англии. Советский диктатор даже не потрудился ответить; вероятно, он, как и

другие, считал, что с Англией покончено. И он выболтал немцам то, что так беспокоило английское правительство. Сэр Стаффорд Криппс, один из лидеров левого крыла лейбористской партии, которого премьер-министр срочно направил в Москву новым британским послом в надежде вызвать более глубокий отклик в сердцах большевиков, — безнадежное предприятие, как он позднее с горечью признавал, — был принят Сталиным в начале июля. Состоялась беседа, которую Черчилль охарактеризовал как "формальную и холодную". А 13 июля Молотов по указанию Сталина вручил немецкому послу памятную записку о содержании этой конфиденциальной беседы.

Это весьма любопытный документ. Он, как ни один другой источник, свидетельствует об ограниченности холодных внешнеполитических расчетов советского диктатора. Шуленбург срочной шифрованной телеграммой тут же передал в Берлин содержание памятной записки. Риббентроп был настолько признателен за ее содержание, что просил передать Советскому правительству, как "высоко он ценит полученную информацию". В памятной записке говорилось:

"Криппс настаивал, чтобы Сталин изложил свою позицию по принципиальному вопросу, утверждая, что английское правительство убеждено: Германия стремилась к установлению своей гегемонии в Европе... Это угроза как Советскому Союзу, так и Англии. Поэтому обеим странам следовало бы выработать общую политику защиты от Германии и восстановить баланс сил в Европе..."

Ответы Сталина приводятся в следующем виде:

"Сталин не видит какой-либо угрозы гегемонии со стороны любой страны Европы, и еще меньше страшит его, что Европа может быть поглощена Германией. Сталин следит за политикой Германии и хорошо знает нескольких деятелей Германии. Он не обнаружил какого-либо желания с их стороны проглотить европейские страны. Сталин не считает, что военные успехи Германии представляют угрозу для Советского Союза и его дружественных отношений с ней..."

Просто поразительны такая самоуверенность и полнейшее невежество. Конечно, русскому тирану не было известно, какие тайные замыслы зрели в голове Гитлера, но поведение фюрера в недалеком прошлом, его амбиции и ошеломляюще быстрые завоевания должны были именно теперь стать серьезным предостережением о страшной угрозе, нависшей над Советским Союзом. Однако, сколь это ни непостижимо, предостережением они не стали.

Из захваченных нацистских документов и свидетельских показаний

многих действующих лиц этой великой драмы, которая разыгрывалась в тот год на огромных пространствах Западной Европы, явствует, что в тот момент, когда Сталин упивался самодовольством, Гитлер обдумывал планы нападения на Советский Союз и его уничтожения.

Основополагающая идея уходила в далекое прошлое, по меньшей мере на пятнадцать лет назад, — к "Майн кампф".

"Итак, ныне мы, национал-социалисты, — писал Гитлер, — возвращаемся к тому, что было шесть столетий назад. Мы прекращаем бесконечное германское движение на юг и запад Европы и обращаем наши взоры в сторону земель на Востоке... Когда мы говорим сегодня о приобретении новых земель и нового пространства в Европе, то в первую очередь думаем о России и о подчиненных ей окраинных государствах. Кажется, будто сама судьба указывает нам дорогу туда... Эта колоссальная империя на Востоке созрела для ее ликвидации, и конец еврейского господства в России станет концом России как государства".

Эта основополагающая идея не исчезла из головы Гитлера, и его пакт со Сталиным вовсе не отверг ее, а только отодвинул сроки осуществления. Однако ненадолго. Уже через два месяца после подписания пакта, которым он воспользовался, чтобы уничтожить Польшу, фюрер дал указание руководству армии рассматривать захваченную польскую территорию "как район сосредоточения для будущих немецких операций". Это указание поступило 18 октября, и Гальдер зафиксировал его в своем дневнике {Гитлер особо подчеркнул, как необходимо содержать в порядке железные и шоссейные дороги, проходящие по территории Польши — "немецкому плацдарму на будущее" (Гальдер Ф. Военный дневник, т. 1, с. 158). — Прим. тит. ред. }.

Пять недель спустя, когда 23 ноября он разглагольствовал в присутствии своих генералов, противившихся наступлению на Западе.

Россия не выпала из его поля зрения. "Мы сможем противостоять России, — заявил он, — лишь тогда, когда обретем свободу на Западе". В то время Гитлеру не давала покоя война на два фронта — кошмар для немецких генералов целого столетия, и он долго распространялся по этому поводу. Он не повторит ошибки бывших германских правителей; он будет следить за тем, чтобы армия в каждый конкретный момент воевала на одном фронте.

И кажется вполне естественным, что именно тогда, когда пала Франция, когда английская армия спаслась бегством через Ла-Манш, но угроза разгрома Англии оставалась реальной, помыслы Гитлера снова устремились в сторону России. Ибо теперь он обрел свободу на Западе, то

есть выполнил первое упомянутое им в речи условие, необходимое, чтобы суметь "противостоять России". Быстрота, с какой Сталин захватил в июне Прибалтийские государства и две румынские провинции, подтолкнула Гитлера к принятию решения.

В настоящее время появилась возможность проследить момент принятия этого решения. Йодль говорит, что "фундаментальное решение" было принято "еще во время западной кампании". Полковник Вальтер Варлимонт, заместитель Йодля в ОКБ, вспоминает, что 29 июля Йодль сообщил на совещании офицеров оперативного отдела, что "Гитлер намеревается напасть на СССР весной 1941 года". Несколько раньше Йодль говорил, что Гитлер сказал Кейтелю о своем намерении "предпринять наступление против СССР осенью 1940 года". Но это было слишком даже для Кейтеля, и он принялся отговаривать фюрера, ссылаясь не только на осеннее ненастье, но и на трудности переброски основной массы сухопутных войск с Запада на Восток, что делало наступление невозможным. К моменту совещания, по словам Варлимонта, "дата задуманного наступления (против России) была передвинута на весну 1941 года".

Еще за неделю до этого, как явствует из дневника Гальдера, фюрер считал возможным начать кампанию в России осенью этого года, если не будет предпринято вторжение в Англию. На военном совещании в Берлине 21 июля он приказал Браухичу заняться приготовлениями к наступлению на Россию. Что главнокомандующий сухопутными войсками и его генеральный штаб уже думали над этой проблемой, хотя и не слишком долго, видно из его ответов фюреру. Браухич заверил вождя, что "кампания продлится от четырех до шести недель", что ее целью будет "нанесение поражения русской армии или по крайней мере оккупация достаточно протяженной русской территории, чтобы советские бомбардировщики не могли долететь до Берлина или Силезского промышленного бассейна, в то время как бомбардировщики люфтваффе могли бы долетать до всех важных объектов в Советском Союзе". По мнению Браухича, для выполнения этой задачи требовалось от 80 до 100 немецких дивизий; советские силы он оценивал как "50–75 хороших дивизий". Заметки Гальдера о том, что говорил ему о совещании Браухич, подтверждают, что Гитлера захваты, предпринятые на Востоке Сталиным, глубоко уязвили, что, по мнению фюрера, советский диктатор "кокетничал с Англией" для того, чтобы воодушевлять англичан на продолжение борьбы, но он не видел никаких признаков, указывавших на приготовление России к вступлению в войну против Германии.

К моменту следующего совещания, которое состоялось в Бергхофе 31 июля 1940 года, перспектива вторжения на Британские острова стала еще более неопределенной, и это подтолкнуло Гитлера впервые во всеуслышание заявить руководителям армии о своем решении напасть на Россию. Гальдер присутствовал на этом совещании и затем со стенографической точностью зафиксировал все, что сказал диктатор. Эти записи свидетельствуют, что Гитлер не только принял окончательное решение вторгнуться в Россию будущей весной, но и выработал основные стратегические цели кампании.

"Надежда Англии — Россия и Америка, — заявил он. — Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии".

Чем больше Гитлер думал об этом, тем больше убеждался, что упорная решимость Англии продолжать войну связана с надеждами на Россию.

"В Лондоне что-то произошло! Англичане совсем было пали духом, теперь они вдруг снова воспрянули.

Подслушанные разговоры. Россия недовольна быстрым развитием событий в Западной Европе. Достаточно России сказать Англии, что она не хочет видеть Германию слишком сильной, чтобы англичане уцепились за это заявление, как утопающий за соломинку, и начали надеяться, что через шесть-восемь месяцев дела обернутся совсем по-другому.

Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия.

Вывод: В соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года.

Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше".

Затем нацистский диктатор подробно остановился на своих стратегических планах, которые, как это было очевидно для генералов, давно зрели в его голове, несмотря на огромную занятость в связи с ведением войны на Западе.

"Операция будет иметь смысл только в том случае, если мы одним стремительным ударом разгромим все государство целиком. Только захвата какой-то части территории недостаточно...

Цель — уничтожение жизненной силы России. Операция распадается на:

1-й удар: Киев, выход на Днепр; авиация разрушает переправы. Одесса.

2-й удар: через Прибалтийские государства на Москву; в дальнейшем

двусторонний удар с севера и юга; позже — частная операция по овладению районом Баку".

Сама мысль о подобных завоеваниях приводила Гитлера в возбуждение; мысленно он уже решил, что будет делать с вновь завоеванными землями. Он сразу же аннексирует Украину, Белоруссию и Прибалтийские страны, а территорию Финляндии расширит до Белого моря. Для проведения кампании на Востоке он выделит 120 дивизий, оставив 60 дивизий для обороны на Западе и в Скандинавии. Наступление начнется в мае 1941 года, для полного же осуществления кампании потребуется до пяти месяцев. К зиме она должна завершиться. Он предпочел бы провести кампанию в этом году, но это оказалось невозможно.

На следующий день, 1 августа, Гальдер с офицерами генерального штаба приступил к разработке планов новой операции. Хотя позднее он утверждал, что противился самой идее нападения на Советский Союз, считая ее безумной, его дневниковые записи показывают, что он с большим энтузиазмом взялся за новую, захватывающую задачу. Теперь планирование шло с типичной немецкой тщательностью на трех уровнях: на уровне генерального штаба сухопутных войск, в оперативном отделе Варлимонта в ОКБ и в секторе экономики и вооружений ОКБ под руководством генерала Томаса. 14 августа Геринг проинструктировал Томаса, сообщив ему, что по желанию фюрера поставки в Россию заказанных ею товаров должны продолжаться "только до весны 1941 года" {В своем докладе по этому вопросу Томас подчеркивает, насколько точно производились советские поставки в Германию. Не без удивления он замечает, что фактически они продолжались до самого момента вторжения, даже в последние несколько дней велись поставки индийского каучука с Дальнего Востока по скоростным дорогам (предположительно — по Транссибирской магистрали). — Прим. авт. }. Между тем служба Томаса обязана была подготовить детальный обзор советской промышленности, транспорта и нефтеносных центров в качестве руководства при выборе целей, а позднее — в помощь по административному управлению Россией.

За несколько дней до этого, 9 августа, Варлимонт выпустил свою первую директиву по подготовке районов развертывания на Востоке для прыжка на Советский Союз. Кодовое наименование — "Строительство на Востоке". 26 августа Гитлер приказал перебросить с Запада в Польшу десять пехотных и две танковые дивизии. Танковые части, уточнил Гитлер, должны быть сосредоточены в юго-восточной части Польши, с тем чтобы они могли вмешаться в случае необходимости и защитить румынские

нефтеносные районы. Перевод крупных контингентов на Восток невозможно было осуществить, не вызвав подозрений у Сталина, и немцы прибегли к многочисленным ухищрениям, чтобы этого не допустить. Поскольку некоторые передвижения войск скрыть просто невозможно, то военному атташе в Москве генералу Эрнсту Кестрингу было поручено проинформировать советский Генеральный штаб, что это всего-навсего замена более возрастных контингентов молодыми. 6 сентября Йодль издал директиву по маскировке и введению противника в заблуждение {Немцы держали в Польше только семь дивизий, две из которых были переброшены на Запад во время весенней кампании. Гальдер сострил, что этих войск едва хватало для обеспечения таможенной службы. Если бы Сталин развернул наступление на Германию в июне 1940 года, то Красная Армия, вероятно, дошла бы до Берлина, прежде чем немцы сумели бы организовать более или менее серьезное сопротивление. — Прим. авт. }:

"Из этих наших перегруппировок у России ни в коем случае не должно сложиться впечатление, что мы подготавливаем наступление на Восток".

Чтобы командование вооруженных сил не почивало на лаврах после крупных летних побед, Гитлер издал 12 ноября 1940 года совершенно секретную директиву, изложив новые военные задачи по всей Европе и за ее пределами. Мы еще вернемся к некоторым из них. Нас же здесь интересует часть, относящаяся к Советскому Союзу:

"Политические переговоры с целью выяснить позицию России на ближайшее время начаты. Независимо от того, какие результаты будут иметь переговоры, продолжать все приготовления в отношении Востока, приказ о которых уже был отдан ранее устно..."

Кстати, буквально в тот самый день, 12 ноября, Молотов прибыл в Берлин, чтобы продолжить вышеупомянутые политические переговоры с самим Гитлером.

Молотов в Берлине

Отношения между Берлином и Москвой в последние несколько месяцев стали портиться. Одно дело, когда Сталин и Гитлер обманывали третью сторону, и совсем иное — когда они начали обманывать друг друга. В тот момент Гитлер не смог предотвратить захват русскими Прибалтийских государств, Бессарабии и Северной Буковины, и досада по этому поводу лишь усиливала его неприязнь. Необходимо было остановить продвижение русских в западном направлении, прежде всего в сторону Румынии, нефтяные ресурсы которой имели исключительно важное значение для Германии, из-за английской блокады не имевшей возможности импортировать нефть по морю.

Еще больше осложняли эту проблему Гитлера притязания Венгрии и Болгарии на куски румынской территории. К концу лета 1940 года Венгрия фактически была готова пойти войной против Румынии, которая по итогам первой мировой войны получила Трансильванию за счет Венгрии. Такая война, как понимал Гитлер, отрезала бы Германию от главного источника сырой нефти и, вероятно, привела бы к тому, что Россия оккупировала Румынию и навсегда лишила рейх румынской нефти.

К 28 августа обстановка приняла настолько угрожающий характер, что Гитлер приказал привести в боевую готовность пять танковых и три моторизованные дивизии плюс парашютные и воздушно-десантные войска, чтобы 1 сентября захватить румынские нефтеносные районы. В тот же день он совещался в Бергхофе с Риббентропом и Чиано и затем направил их в Вену, где они должны были изложить безапелляционным тоном министрам иностранных дел Венгрии и Румынии точку зрения Германии и заставить их принять посредничество держав оси. Эта миссия была выполнена без особых осложнений, после того как Риббентроп запугал обе стороны. И 30 августа в Бель-ведерском дворце в Вене венгры и румыны приняли предложенное державами оси решение. Когда Михай Манулеску, министр иностранных дел Румынии, увидел карту, на которой было отмечено, что почти половина Трансильвании переходит к Венгрии, он без сознания упал на стол, где предстояло подписать соглашения, и пришел в себя только после вмешательства врача {Королю Каролю это стоило трона. 6 сентября он отрекся в пользу своего 18-летнего сына Михая и, прихватив с собой рыжеволосую любовницу Магду Лупеску, укатил в специальном поезде, составленном из десяти вагонов, забитых не чем иным, как "награбленным добром", через Югославию в Швейцарию. Генерал Ион Антонеску, начальник фашистской "железной гвардии" и друг Гитлера, стал диктатором. — Прим. авт. }. Якобы взывая к благоразумию румын, а в действительности для того, чтобы Гитлер получил юридическое обоснование для осуществления своих дальнейших замыслов, Германия и Италия гарантировали целостность сохранившихся за Румынией территорий, за исключением Южной Добруджи, которую Румыния была вынуждена уступить Болгарии.

Дальнейшие планы фюрера стали ясны три недели спустя. 20 сентября в совершенно секретной директиве Гитлер приказал направить в Румынию военную миссию.

"Для внешнего мира ее задача состоит в том, чтобы помогать дружественной Румынии в организации и обучении вооруженных сил. Подлинные же задачи, которые не должны стать очевидными ни румынам,

ни нашим собственным войскам, будут состоять в следующем:

защищать нефтеносные районы...

подготовиться для развертывания на румынских базах немецких и румынских войск, если нам будет навязана война с Россией". Он уже заботился об обеспечении южного фланга нового фронта. Венские переговоры и особенно немецкие гарантии Румынии вызвали у Москвы крайне негативную реакцию, поскольку с ней не проконсультировались. Когда Шуленбург 1 сентября пришел к Молотову, чтобы вручить пустую по содержанию памятную записку от Риббентропа, в которой делалась попытка объяснить — и оправдать — то, что произошло в Вене, комиссар по иностранным делам, по словам посла, "был сдержан вопреки своей обычной манере". Однако он не слишком сдерживался, выражая резкий протест в устной форме. Он обвинил правительство Германии в том, что оно поставило Россию перед свершившимся фактом, а это противоречило статье III нацистско-советского пакта, согласно которой обе стороны обязаны были консультироваться по "вопросам, представляющим обоюдный интерес".

... В последующие дни взаимные обвинения приняли еще более резкий характер. 3 сентября Риббентроп телеграфом направил в Москву длинный меморандум, отрицая нарушение Германией Московского пакта и обвиняя в нарушении этого пакта Россию, которая проглотила Прибалтийские страны и две румынские провинции, не проконсультировавшись с Берлином. Меморандум был составлен в сильных выражениях, и русские ответили на него 21 сентября в столь же жестком тоне — на этот раз обе стороны изъяснялись в письменной форме. В своем ответе русские вновь повторяли, что Германия нарушила пакт, предупреждали, что у России все еще есть интересы в Румынии, и в заключение с сарказмом выражали готовность Советского правительства, если статья, предусматривающая консультации, влечет за собой "определенные неудобства и ограничения" для рейха, внести поправки или убрать эту статью из договора.

Подозрения Кремля еще больше усилились после двух событий, произошедших в сентябре. 16 сентября Риббентроп телеграфом дал указание Шуленбургу посетить Молотова и "случайно проинформировать его, что немецкие подкрепления в Северную Норвегию будут направлены через Финляндию". Несколько дней спустя, 25 сентября, нацистский министр иностранных дел отправил еще одну телеграмму в посольство в Москве, на этот раз адресованную поверенному в делах, поскольку Шуленбург уехал в отпуск в Германию. Это была депеша, помеченная

грифом "строго секретно, государственная тайна". Там говорилось, что содержащиеся в ней указания следует осуществить только в том случае, если завтра поверенный в делах получит из Берлина по телеграфу или по телефону условный сигнал.

Он должен был сообщить Молотову, что в "ближайшие несколько дней" Япония, Италия и Германия собираются скрепить договором в Берлине военный альянс. Он не направлен против России — это оговаривалось в специальной статье.

"Этот альянс, — пояснял Риббентроп, — направлен исключительно против американских поджигателей войны. Конечно, об этом, как принято, в договоре открыто не говорится, однако это можно безошибочно вывести из его условий... Его единственная цель — привести в чувство те элементы, которые оказывают давление на Америку, стремясь вовлечь ее в войну, убедительно показав им, что если они вступят в нынешнюю борьбу, то автоматически будут иметь в качестве противников три великие державы".

Неприветливый советский комиссар по иностранным делам, у которого подозрения в отношении немцев росли, точно цветы в июне, воспринял новость, принесенную ему Вернером фон Типпельскирхом вечером 26 сентября, крайне скептически. С присущей ему педантичной внимательностью к деталям, что так раздражало всех, кто вел с ним переговоры, будь то друг или недруг, он тут же заметил, что, согласно статье IV Московского пакта, Советское правительство имеет право ознакомиться с текстом этого тройственного военного альянса до того, как он будет подписан, в том числе и с "любыми секретными протоколами".

Молотов хотел знать больше относительно немецкого соглашения с Финляндией по транспортировке войск через эту страну, о чем ему стало известно из печати, в частности из сообщения агентства "Юнайтед Пресс" из Берлина. За последние три дня, сказал Молотов, Москва получила сообщения о высадке немецких войск по меньшей мере в трех финских портах, хотя Германия не уведомила об этом Советский Союз.

"Советское правительство, — продолжал Молотов, — хочет получить текст соглашения о пропуске войск через Финляндию, в том числе текст секретной части соглашения... и получить информацию... против кого оно направлено и каким целям служит".

Русских нужно было успокоить — этого не мог не понимать даже тупоголовый Риббентроп, и 2 октября он передал по телеграфу текст, который, по его словам, и составлял суть соглашения с Финляндией. Он также вновь повторил, что тройственный пакт, между прочим, уже

подписанный {Пакт был подписан в Берлине 27 сентября 1940 года (церемонию его подписания я отразил в своем "Берлинском дневнике"). В статьях 1 и 2 соответственно Япония признавала лидерство Германии и Италии в установлении "нового порядка" в Европе, а эти две страны признавали лидерство Японии в Восточной Азии. Статья 3 предусматривала взаимную помощь в случае, если одна из трех держав подвергнется нападению со стороны Соединенных Штатов (хотя Америка не упоминалась, но на нее прозрачно, намекалось). Самым значительным в пакте, как я тогда отметил в своем дневнике, было то, что Гитлер уже смирился с мыслью о длительной войне. Чиано, подписавший пакт от имени Италии, пришел к такому же выводу (см.: Чиано Г. Дневники, с. 296). Итак, вопреки утверждениям пакт явился как бы предупреждением Советскому Союзу. — Прим. авт. }, не был направлен против Советского Союза, и торжественно заявил, что "не было никаких секретных протоколов, никаких других секретных соглашений". В соответствии с его инструкциями Типпельскирх 7 октября как бы между прочим сообщил Молотову, что в Румынию направляется немецкая военная миссия. Молотов отреагировал на эту очередную новость скептически: "Сколько войск вы направляете в Румынию? " Поэтому 13 октября Риббентроп послал длинное письмо Сталину с целью воспрепятствовать усилению тревоги в Москве по поводу действий Германии.

Это письмо, как и следовало ожидать, являло собой глупое и высокомерное сочинение, изобиловавшее несуразностями, ложью и отговорками. Вину за продолжение войны и ее последствия он возлагал на Англию, причем ему совершенно ясно одно: "Война, как таковая, нами выиграна. Вопрос только в том, как долго она продлится, прежде чем Англия... признает свой крах". Шаги, направленные против России, предпринятые в Финляндии и Румынии, а также тройственный пакт преподносятся в письме как подлинное благо для нее. Между тем английская дипломатия и агенты английских секретных служб пытаются вызвать осложнения в отношениях между Россией и Германией. И далее Риббентроп спрашивал Сталина, почему бы ему не послать в Берлин Молотова, с тем чтобы фюрер мог "лично изложить свои взгляды относительно будущих отношений между нашими странами".

При этом Риббентроп прозрачно намекал, что это за взгляды: разделение мира между четырьмя тоталитарными державами.

"По-видимому, миссией четырех держав — Советского Союза, Италии, Японии и Германии, — писал он, — является принятие долгосрочной политики... путем разграничения своих интересов в мировом

масштабе".

В немецком посольстве в Москве произошла некоторая задержка с доставкой этого письма по назначению, что вызвало у Риббентропа ярость и побудило его отправить сердитую телеграмму Шуленбургу, в которой он требовал объяснить, почему письмо было передано только 17 октября и почему, "учитывая важность его содержания", оно не было вручено лично Сталину (посол вручил его Молотову). Сталин ответил 22 октября в весьма благожелательном тоне. "Молотов считает, — писал он, — что обязан нанести вам визит в Берлине, и принимает ваше приглашение". Благожелательность Сталина была, по-видимому, всего лишь маской. Несколько дней спустя Шуленбург телеграфировал в Берлин, что русские протестуют против отказа Германии поставлять им военные материалы, в то время как немецкое оружие морем доставляется в Финляндию. "Советы впервые упомянули о наших поставках оружия в Финляндию", — сообщал Шуленбург в Берлин.

"Молотов прибыл в Берлин в пасмурный, дождливый день; его встреча носила строго официальный характер. Когда он проезжал по Унтер-ден-Линден к советскому посольству, то показался мне старательным провинциальным школьным учителем. Но он, вероятно, обладал какими-то способностями, если сумел выжить в условиях той резни, которая была развязана кремлевскими головорезами. Немцы бойко судачили о том, что, пусть Москва осуществит свою давнишнюю мечту о Босфоре и Дарданеллах, тогда им достанется остальная часть Балкан — Румыния, Югославия, Болгария..."

Так начинаются мои дневниковые записи, сделанные в Берлине 12 ноября 1940 года. Сообщения немцев об этих переговорах были довольно точными. Сегодня мы знаем значительно больше об этой странной и, как оказалось, роковой встрече благодаря захваченным документам германского министерства иностранных дел, в которых была обнаружена секретная запись о двухдневном пребывании Молотова, сделанная, за исключением одного случая обмена мнениями, вездесущим доктором Шмидтом {Их точность позднее была подтверждена самим Сталиным, хотя и непреднамеренно. Черчилль утверждает, что в августе 1942 года он получил от Сталина подробную информацию о переговорах Молотова в Берлине, которая в основном не отличалась от немецкого варианта, хотя была изложена более сжато. — Прим. авт. }.

На первом совещании двух министров иностранных дел, состоявшемся днем 12 ноября, Риббентроп принялся было с напыщенным видом разглагольствовать о пустяках, но Молотов быстро раскусил его и

разгадал игру немцев. "Англия, — начал Риббентроп, — разбита, и только вопрос времени — когда она признает свое поражение... Пришло время начала конца Британской империи". Англичане действительно надеются на помощь Америки, но "вступление Соединенных Штатов в войну Германию не волнует. Германия и Италия не позволят больше ни одному англосаксу высадиться на Европейском континенте... Это вообще не военная проблема... Поэтому державы оси думают не о том, как выиграть войну, а скорее о том, как покончить с последствиями войны, которую они выиграли".

Исходя из этого, Риббентроп пояснил, что подошло время определить четырем великим державам — России, Германии, Италии и Японии — сферы их интересов. Фюрер, по его словам, пришел к заключению, что все четыре державы будут, естественно, расширяться "в южном направлении". Япония уже обратила свои взоры на юг, как и Италия, в то время как Германия после установления в Западной Европе "нового порядка" найдет для себя дополнительное жизненное пространство (из всех мест!) в Центральной Африке. Ему, Риббентропу, хотелось бы знать, собирается ли Россия "обратить свои взоры на юг в поисках естественного выхода к морю, что так важно для нее". "К какому морю? " — холодно уточнил Молотов.

Это был неуклюже поставленный, но кардинальный вопрос, как осознают немцы в ходе последующих 36-часовых непрерывных переговоров с этим упрямым, прозаически настроенным, педантичным большевиком. Такой вопрос смутил до некоторой степени Риббентропа, и он не смог придумать ответа. Вместо этого он стал перескакивать с одной темы на другую, заговорил о "больших изменениях, которые произойдут во всем мире после войны", о том, как важно, чтобы "оба партнера по германо-русскому пакту плодотворно сотрудничали" и "продолжали бы делать дела". Однако, когда Молотов стал настаивать на ответе на его простой вопрос, Риббентроп заявил, что "в конечном счете наиболее удобный доступ к морю для России можно было бы поискать в направлении Персидского залива и Аравийского моря".

Доктор Шмидт, который вел стенографическую запись беседы, отмечает, что Молотов сидел "с непроницаемым лицом". Говорил он мало, лишь изредка делал замечания, в частности о том, что "точность и осмотрительность" необходимы при разграничении сфер интересов, "особенно между Германией и Россией". Хитрый советский партнер приберегал свое главное оружие для переговоров с Гитлером, которые должны были состояться днем. Для всемогущего нацистского диктатора эта

встреча совершенно неожиданно обернулась трепкой нервов, неприятной и даже непривычной.

Речь Гитлера была столь же туманной и расплывчатой, как и речь его министра иностранных дел, но более торжественной. Как только улучшится погода, заявил он, Германия нанесет "завершающий удар по Англии". Конечно, "проблема Америки" существует. Однако "Соединенные Штаты не смогут угрожать свободе других народов вплоть до 1970 или 1980 года... Им нет никакого дела до Европы, Африки или Азии". Здесь Молотов вставил фразу, что вполне согласен с заявлением фюрера. Однако он не согласился со многим из того, о чем говорил Гитлер. После того как нацистский лидер закончил пространное изложение общепринятых положений, подчеркнув, что нет фундаментальных разногласий между двумя странами в осуществлении их желаний и в их устремлении к океану, Молотов заметил, что "заявления фюрера носили общий характер". Теперь, сказал он, он изложит идеи Сталина, который перед отъездом из Москвы дал ему четкие указания. После этого он обрушил град вопросов на немецкого диктатора, который, как явствует из стенографической записи, едва ли был к этому готов. "Вопросы Гитлеру так и сыпались, — вспоминал впоследствии Шмидт. — Ни один иностранный визитер никогда не разговаривал с ним так в моем присутствии".

Что замышляет Германия в Финляндии? Молотов хотел это знать. Что означает "новый порядок" в Европе и Азии и какая роль отводится Советскому Союзу? Каково значение тройственного пакта? "Более того, — продолжал Молотов, — существуют требующие ясности вопросы, затрагивающие интересы России на Балканах и на Черном море (имелись в виду Болгария, Румыния и Турция)". Он бы хотел услышать некоторые ответы и разъяснения.

Гитлер, пожалуй, впервые в жизни захваченный врасплох, не смог ответить ничего убедительного. И тогда он предложил отложить беседу "ввиду возможной воздушной тревоги", пообещав на следующий день обсудить все детально.

Решающий разговор удалось отложить, но предотвратить его было невозможно, а на следующее утро, когда переговоры между Гитлером и Молотовым возобновились, выявилась непримиримость русского комиссара. Начать с того, что по поводу Финляндии возник ожесточенный и язвительный спор и обе стороны пришли в сильное возбуждение. Молотов требовал, чтобы Германия вывела свои войска из Финляндии. Гитлер же отрицал, что "Финляндия оккупирована немецкими войсками": войска направляются в Норвегию транзитом через Финляндию. Но он

хотел знать, "не собирается ли Россия начать войну против Финляндии". Согласно немецким записям, Молотов на этот вопрос ответил уклончиво, что не удовлетворило Гитлера.

"На Балтике не должно быть никакой войны, — настаивал Гитлер. — Это вызвало бы серьезную напряженность в германо-русских отношениях". К этой угрозе он тут же добавил, что такая напряженность могла бы привести к непредвиденным последствиям. Во всяком случае, что еще хочет Советский Союз в Финляндии? Гитлер желал это выяснить, и его визитер объяснил, что он хочет "урегулирования в таком же масштабе, как в Бессарабии", — это означало неприкрытую аннексию. Реакция Гитлера привела в смущение даже такого невозмутимого собеседника, как Молотов, который поспешил спросить мнение фюрера.

В свою очередь диктатор отвечал уклончиво: он может лишь повторить, что "не должно быть никакой войны с Финляндией, потому что такой конфликт способен привести к далеко идущим последствиям".

"Этой позицией в наше обсуждение вносится новый фактор", — резко и остроумно отвечал Молотов.

Спор становился настолько острым, что Риббентроп, должно быть, к этому времени основательно испугавшийся, вмешался в разговор, сказав, как явствует из немецких протокольных записей, "что фактически нет никаких оснований создавать проблему из финского вопроса. Скорее, это просто недоразумение".

Гитлер воспользовался этим своевременным вмешательством и быстро переменял тему. Его интересовало: смогут ли русские не поддаваться соблазну поживиться добычей, учитывая, какие неограниченные возможности представятся в скором времени в связи с развалом Британской империи? И он предложил вернуться к более важным проблемам.

"После завоевания Англии, — заговорил он, — Британская империя будет разделена как гигантское, разбросанное по всему миру, обанкротившееся имение площадью 40 миллионов квадратных километров. В этом обанкротившемся имении русские получают доступ к незамерзающему океану. — До сих пор меньшинство — 45 миллионов англичан — правило 600 миллионами жителей Британской империи. Пора разгромить это меньшинство... В этих условиях возникли бы перспективы мирового масштаба... Всем странам, которые, возможно, заинтересуются разделом обанкротившегося имения, придется забыть наконец о разногласиях и заняться исключительно разделом Британской империи. Это относится к Германии, Франции, Италии, России и Японии..."

Сухого, бесстрастного русского гостя, казалось, не воодушевили столь

блестящие "перспективы мирового масштаба", не был он и так убежден, как немцы, — момент, который он подчеркнет позднее, — что Британская империя вскоре развалится. Он хотел бы, сказал русский дипломат, поговорить о проблемах, "более близких к Европе", — например, о Турции, Болгарии, Румынии.

"Советское правительство, — сказал Молотов, — придерживается мнения, что немецкие гарантии Румынии нацелены, откровенно говоря, против интересов Советской России". Он целый день говорил откровенно, к досаде и раздражению хозяев. И теперь потребовал, чтобы Германия аннулировала свои гарантии. Гитлер это требование отклонил.

"Хорошо, — продолжал упорствовать Молотов, — учитывая заинтересованность Москвы в проливах, что сказала бы Германия, если бы Россия дала Болгарии... гарантии на точно таких же условиях, как Германия и Италия Румынии?"

Можно представить, как помрачнел и нахмурился Гитлер. Он поинтересовался, обращалась ли Болгария к русским за гарантиями, как это сделала Румыния. Фюрер, как цитируется в немецком меморандуме, добавил: "Нам неизвестно о каком-либо запросе со стороны Болгарии". Во всяком случае желательно было бы посоветоваться с Муссолини, прежде чем давать русским более определенный ответ. И он злое еще добавил, что если бы Германия "искала источников трений с Россией, то для этого ей не понадобились бы проливы".

Однако, всегда столь разговорчивый, фюрер на сей раз не испытывал особого желания говорить с этим невозможным русским.

"В этот момент, — говорится в немецких записях, — фюрер обратил внимание собеседника на поздний час и сказал, что в связи с вероятностью налета английской авиации целесообразно прервать переговоры, поскольку основные вопросы в достаточной мере уже удалось обсудить".

В тот вечер Молотов устроил торжественный банкет в честь своих гостей в русском посольстве на Унтер-ден-Линден. Гитлер, очевидно измученный и все еще раздраженный после выпавших ему в тот день испытаний, на банкете не присутствовал.

А англичане пожаловали. Я удивлялся, почему их бомбардировщики не появлялись над Берлином, как делали это обычно почти каждый вечер, чтобы напомнить советскому комиссару в первый же вечер его пребывания в столице: что бы ни говорили немцы, Англия все еще не сложила оружия и довольно больно лягалась. Кое-кто из нас, должен признаться, с надеждой ждал английских самолетов, но они не появлялись. Официальные лица на Вильгельм-штрассе, которые больше всех боялись английских

бомбардировщиков, испытывали в эти дни явное облегчение. Однако это длилось недолго.

Вечером 13 ноября англичане появились в небе раньше обычного {Черчилль уверяет, что налет по времени был приурочен к этому событию. "Нас заранее известили о проходивших совещаниях, — писал он позднее, — и хотя мы не были приглашены на переговоры, оставаться совсем в стороне от них не захотели" (Черчилль У. Их звездный час, с. 584). — Прим. авт. }. В это время года в Берлине темнеет примерно в 4 часа, а вскоре после 9 часов вечера завывли сирены противовоздушной обороны, затем загрохотали зенитные орудия и между залпами можно было услышать гул бомбардировщиков. Как утверждает доктор Шмидт, присутствовавший на банкете в советском посольстве, Молотов только что предложил дружеский тост и Риббентроп поднялся, чтобы ответить ему тем же, как прозвучала тревога, возвещая о начавшемся воздушном налете, и гости поспешили в укрытие. Я помню, как стремительно бежали вниз по Унтер-ден-Линден, сворачивая за угол на Вильгельмштрассе, немцы и русские, торопясь в подземное укрытие министерства иностранных дел. Некоторые из чиновников, в их числе доктор Шмидт, нырнули в отель "Адлон", а мы, сидя напротив, не могли попасть на импровизированное совещание, которое открыли два министра иностранных дел в подвалах министерства иностранных дел. Протокол этого совещания из-за вынужденного отсутствия доктора Шмидта вел Густав Хилгер, советник германского посольства в Москве, который выступал во время совещаний в роли одного из переводчиков.

В то время как английские бомбардировщики проносились в ночном небе над Берлином, а зенитные орудия били по ним без особого успеха, двуличный нацистский министр иностранных дел пытался последний раз втянуть русских в тройственный пакт. Он вытащил из своего кармана проект соглашения, которое, по сути дела, превращало тройственный пакт в пакт четырех (в качестве четвертого члена выступала Россия). Молотов терпеливо выслушал, пока Риббентроп дочитал до конца.

Статья II составляла суть пакта. В соответствии с этой статьей Германия, Италия, Япония, и Советский Союз обязались "уважать естественные сферы влияния друг друга". Любые споры, затрагивающие их интересы, должны быть урегулированы "мирным путем". Оба фашистских государства и Япония соглашались "признать нынешние границы владений Советского Союза и уважать их". Все четыре страны, согласно статье III, договаривались не вступать ни в какие союзы, "направленные против одной из четырех держав", и не поддерживать их.

Само соглашение будет опубликовано, убеждал Риббентроп, но, разумеется, без секретных протоколов, которые он тут же стал зачитывать. Наиболее важный из них определял "территориальные устремления" каждой из стран — участниц пакта. Четко указывались и устремления России — "к югу от государственных границ Советского Союза в направлении к Индийскому океану".

Молотов не клюнул на эту приманку. Предлагаемый договор он воспринял как откровенную попытку отвлечь Россию от ее традиционных устремлений в западном направлении, в Прибалтику, на Балканы и через проливы к Средиземному морю, где Советская Россия неизбежно столкнулась бы с алчными замыслами Германии и Италии. СССР не был, по крайней мере в данный момент, заинтересован в Индийском океане, находившемся так далеко. "Что интересует Советский Союз в данный момент, — отвечал Молотов, — так это Европа и Турецкие проливы. Следовательно, соглашения на бумаге для Советского Союза недостаточно; он будет настаивать на эффективных гарантиях своей безопасности".

"Вопросы, которые интересуют Советский Союз, — уточнил Молотов, — касаются не только Турции, но и Болгарии... Однако судьба Румынии и Венгрии Советскому Союзу также не может быть безразлична при любых обстоятельствах. Далее, Советский Союз интересуется, каковы намерения держав оси в отношении Югославии и Греции, а также что намерена предпринять Германия в отношении Польши... Советское правительство интересуется также вопрос о шведском нейтралитете... Кроме того, существует вопрос выхода из Балтийского моря..."

Неутомимый, с бесстрастным лицом, советский комиссар по иностранным делам не оставил камня на камне от доводов Риббентропа, который чувствовал себя погребенным под нескончаемым градом вопросов, ибо Молотов в этот момент сказал, что был бы признателен, если бы его собеседник ответил на них, и немец запротестовал: его "допрашивают слишком подробно".

"Я могу только снова и снова повторять, — отвечал он слабым голосом, — что решающий вопрос заключается в том, готов ли Советский Союз сотрудничать с нами в великой ликвидации Британской империи".

Молотов тут же с нескрываемой язвительностью ответил. Хилгер занес это в свои записи:

"В своем ответе Молотов напомнил, что Германия считает войну против Англии фактически уже выигранной. Поэтому если, как утверждает Гитлер, Германия ведет против Англии борьбу не на жизнь, а на смерть, то, стало быть, это означает, что Германия сражается за жизнь, а Англия — за

смерть".

Этот сарказм Риббентроп, человек непроходимой тупости, вероятно, пропустил мимо ушей, но Молотов не упустил представившейся ему возможности. На постоянные уверения немца, что с Англией покончено, комиссар в конце концов ответил: "Если это так, то почему мы сидим в укрытии и чьи это бомбы падают на нас? " {Описание эпизода приводит в своей книге "Их звездный час" Черчилль, которому об этом рассказал позднее Сталин. — Прим. авт. }

Проведя столь утомительные переговоры с неуступчивым партнером из Москвы и еще раз убедившись через пару недель в ненасытности appetitов Сталина, Гитлер принял окончательное решение.

Здесь следует отметить, что советский диктатор вопреки последующим утверждениям в обратном принял предложение Гитлера присоединиться к фашистскому лагерю, хотя и за более высокую цену, чем это было предложено Молотову в Берлине. 26 ноября, едва прошло две недели с момента возвращения Молотова из Германии, как он информировал немецкого посла в Москве, что Россия готова присоединиться к пакту четырех держав, если будут соблюдены следующие условия:

1) немецкие войска будут немедленно выведены из Финляндии, которая... входит в сферу влияния Советского Союза...;

2) в течение ближайших нескольких месяцев безопасность Советского Союза и проливов будет гарантирована заключением договора о взаимопомощи между СССР и Болгарией... и созданием базы для сухопутных и военно-морских сил Советского Союза в пределах досягаемости Босфора и Дарданелл на основе долгосрочной аренды;

3) район к югу от Батуми и Баку в общем направлении к Персидскому заливу признается как сфера устремлений Советского Союза;

4) Япония аннулирует свои права на концессии по добыче угля и нефти на Северном Сахалине.

В целом Сталин просил вместо двух, предусмотренных немцами, пять секретных протоколов для оформления его новых предложений и на всякий случай оговорил, что если Россия встретит препятствия со стороны Турции при решении вопроса о базах для контроля над проливами, то четыре державы предпримут военные меры против нее.

Цена предложений оказалась значительно выше, чем предполагал Гитлер. Он пытался держать Россию вне Европы, а тут Сталин требует Финляндию, Болгарию, добивается контроля над проливами, а по существу над нефтеносными районами в Аравии и Персидском заливе, откуда

поступала основная часть потребляемой Европой нефти. Русские даже не упомянули про Индийский океан, который Гитлер пытался им подсунуть в качестве объекта устремлений.

"Сталин умен и коварен, — говорил Гитлер своим высшим военачальникам. — Он требует все больше и больше. Это хладнокровный шантажист. Победа Германии стала непереносимой для России, поэтому необходимо поставить ее на колени как можно скорее".

Великий, хладнокровный нацистский шантажист встретил равного себе, и осознание этого факта привело его в неистовство. В начале декабря он попросил Гальдера представить ему разработанный генеральным штабом сухопутных войск план нападения на Советский Союз. 15 декабря Гальдер и Браухич, исполненные сознанием долга, принесли ему этот план, и в итоге четырехчасового обсуждения он его одобрил. Как в захваченном военном дневнике ОКВ, так и в личном дневнике Гальдера содержится описание этого решающего совещания. Нацистский диктатор подчеркивал, что оборона Красной Армии должна быть прорвана к северу и к югу от Припятских болот, а сама Красная Армия окружена и уничтожена, "как в Польше". Захватить Москву, говорил он Гальдеру, не столь важно. Важно уничтожить живую силу России. К наступлению присоединятся Румыния и Финляндия, но не Венгрия. Горную дивизию генерала Дитля, дислоцированную в Нарвике, необходимо перебросить через Северную Швецию в Финляндию для наступления на советскую Арктику {Швеция, отказавшая в транзите союзникам во время русско-финской войны, позволила провезти по своей территории эту полностью вооруженную дивизию. Венгрия присоединилась к войне против России немного позднее. — Прим. авт. }. Всего для этой большой кампании выделялось от 120 до 130 дивизий.

В своих заметках об этом совещании, как и в предыдущих ссылках на план нападения на Россию, генерал Гальдер пользовался кодовым наименованием "Отто". Менее чем через две недели, 18 декабря 1940 года, кодовое наименование, которое войдет в историю, будет изменено. В этот день Гитлер перешел Рубикон — он издал Директиву э 21. Операция получила наименование "Барбаросса".

Совершенно секретно

Ставка фюрера

18. 12. 1940 года

Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. (Вариант "Барбаросса".)

Сухопутные войска должны использовать для этой цели все находящиеся в их распоряжении соединения, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от всяких неожиданностей...

Приготовления... следует начать уже сейчас и закончить к 15 мая 1941 года.

Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны.

Итак, нападение было назначено на середину мая будущей весны. Общий замысел операции "Барбаросса" Гитлер определил следующим образом:

Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боееспособного противника на широкие просторы России должно быть предотвращено...

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга — Архангельск.

Затем в директиве значительное место было уделено детальному изложению основных направлений наступления {Многие историки считают, что в первом варианте "Барбароссы" Гитлер не касался деталей. Это неверное представление сложилось, вероятно, из-за сокращенного перевода на английский. В полном немецком тексте содержится множество подробностей, что говорит о том, как далеко продвинулось планирование уже на этой ранней стадии. — Прим. авт. }.

Были поставлены задачи Румынии и Финляндии. Они должны были обеспечить исходные районы сосредоточения для наступления на Крайнем Севере и на южном фланге, а также выделить войска в помощь немецким армиям, действующим на этих направлениях. Особенно важная роль отводилась Финляндии. Финско-немецкие армии должны были наступать на Ленинград и Ладожское озеро, перерезать Мурманскую железную дорогу, захватить никелевые рудники Петсамо и оккупировать русские незамерзающие порты в Арктике. Многое, по признанию Гитлера, зависело от того, разрешат ли шведы транзит немецких войск из Норвегии. И он правильно предсказывал, что шведы в данном случае уступят.

Границей главных операций, по мнению фюрера, должны были стать Припятские болота. Основной удар предполагалось нанести к северу от болот двумя группами армий. Одна группа армий будет наступать через Прибалтийские государства на Ленинград; другая группа армий — через

Белоруссию, затем повернет на север, чтобы соединиться с первой группой. Таким образом, остатки советских войск, которые попытаются отступить из Прибалтики, окажутся в западне. Только после этого будет предпринято наступление на Москву. Захват русской столицы, еще две недели назад казавшийся фюреру "несущественным", теперь приобретал большое значение. "Захват этого города, — писал он, — означает решающую политическую и экономическую победу, не говоря уже о падении самого важного железнодорожного узла страны". И он подчеркивал, что Москва является не только главным центром коммуникаций России, но и основным производителем вооружений.

Третья группа армий будет наступать южнее болот через Украину на Киев; ее главная задача — сокрушить противника атакой во фланги и уничтожить войска к западу от Днепра. Далее, на юге немецко-румынские войска будут прикрывать фланг главных сил на этом направлении и наступать на Одессу вдоль побережья Черного моря. После этого будет захвачен Донецкий бассейн, где сосредоточено до 60 процентов советской промышленности.

Грандиозный план Гитлера был окончательно отработан перед самыми рождественскими праздниками 1940 года, причем настолько хорошо, что позднее не потребовалось вносить в него никаких существенных изменений. В целях обеспечения секретности было изготовлено только девять копий директивы: по одному экземпляру для каждого из трех видов вооруженных сил; остальные хранились в штабе ОКВ. Даже высшим командирам полевых войск, как давала понять директива, следовало разъяснить, что план подготовлен в качестве меры "предосторожности", на случай, "если Россия изменит свое прежнее отношение к нам". И Гитлер дал указание, что число офицеров, допущенных к этому секрету, "должно оставаться минимальным. Иначе существует опасность, что наши приготовления станут известны, и это вызовет серьезные политические и военные осложнения".

Нет никаких свидетельств, указывающих на то, что генералы в высшем руководстве армии возражали против решения Гитлера повернуть оружие против Советского Союза, который, добросовестно выполняя условия пакта с Германией, позволил последней одержать победы в Польше и на Западе. Позднее Гальдер будет с иронией писать о "русской аванюре Гитлера", утверждая, что с самого начала высшие военачальники были против этого. Однако в записях за декабрь 1940 года в его объемистом дневнике нет ни слова, которое подтвердило бы это заявление. В действительности из дневниковых записей складывается впечатление, что

все военачальники были полны энтузиазма в связи с намечаемой авантюрой, за планирование которой сам начальник генерального штаба нес основную ответственность.

Во всяком случае, Гитлер бросил жребий, и, хотя он не мог знать об этом, его судьба была окончательно решена 18 декабря 1940 года. Испытав наконец чувство облегчения от принятого решения, как он рассказывал позднее, фюрер отправился на рождественские праздники к своим солдатам и летчикам на побережье Ла-Манша, чтобы оказаться, вероятно, подальше от России. Нужно было выбросить из головы, насколько возможно, всякие мысли о шведском короле Карле XII и о Наполеоне Бонапарте, которые после стольких побед, не менее великих, чем его нынешние, потерпели катастрофу на бескрайних русских просторах. Насколько серьезно занимали они его мысли? К этому времени, как явствует из архивных материалов, бывший венский бродяга уже считал себя величайшим завоевателем, каких когда-либо видел мир. Им овладела мания величия — фатальная болезнь всех завоевателей.

Шесть месяцев разочарований

Однако после всех этих шумных побед, одержанных весной и ранним летом 1940 года, последовали шесть месяцев сплошных разочарований для нацистского завоевателя. От него ускользал не только окончательный триумф над Британией, но и возможность нанести ей смертельный удар на Средиземном море.

На третий день рождества гросс-адмирал Редер встретился с Гитлером в Берлине, но в его докладе было очень мало радостного. "Угроза со стороны Британии на всем Восточном Средиземноморье, Ближнем Востоке и в Северной Африке устранена, — доложил он фюреру. — Поэтому решающая операция на Средиземноморье, которую мы планировали, более невозможна".

Для Адольфа Гитлера, которого постигло разочарование из-за изворотливости Франко, неспособности Муссолини и даже дряхлости маршала Петена, на Средиземноморье поезд действительно ушел. Его итальянского союзника катастрофа постигла в Египетской пустыне, а теперь он застрял в снежных горах Албании. Эти неприятные происшествия являлись также вехами в войне и в истории третьего рейха. Они произошли не только из-за слабости друзей и союзников Германии, но и частично из-за неспособности нацистского военного диктатора осмыслить более масштабную, межконтинентальную стратегию, на чем настаивали Редер и даже Геринг.

Дважды в сентябре 1940 года, 6-го и 26-го числа, когда открытое

наступление на Англию, казалось, было снято с повестки дня, адмирал пытался раскрыть перед фюрером новые перспективы. Во время второго совещания Редер остался с фюрером наедине, без армейских и авиационных офицеров, чтобы те не вмешивались в их разговор, и прочитал своему шефу длинную лекцию о военно-морской стратегии и способности флота нанести Англии удар в других местах, а не только в районе Ла-Манша.

"Англичане, — говорил Редер, — всегда рассматривали Средиземноморье как центр своей мировой империи... Италия, окруженная британской мощью, быстро становится главным объектом нападения... Итальянцы еще не осознали этой опасности, когда отказывались от нашей помощи. Однако Германия должна вести войну против Великобритании всеми имеющимися в ее распоряжении средствами без промедления, прежде чем Соединенные Штаты окажутся в состоянии эффективно вмешаться. По этим соображениям средиземноморский вопрос необходимо решить в течение зимних месяцев".

Но как решить? И здесь адмирал перешел к делу.

"Гибралтар должен быть захвачен. Канарские острова должны быть захвачены военно-воздушными силами. Суэцкий канал должен быть захвачен".

Адмирал нарисовал в радужных красках, что же произойдет после захвата Суэца.

"Необходимо наступать из Суэца через Палестину и Сирию как можно дальше в направлении Турции. Если мы достигнем этого рубежа, Турция станет нашей. Тогда и русская проблема предстанет в ином свете... Сомнительно, чтобы существовала необходимость наступать на Россию с севера".

В мыслях изгнав англичан из Средиземноморья и поставив Турцию и Россию в полную зависимость от Германии, Редер продолжал рисовать заманчивую картину. Правильно предсказав, что Англия при поддержке США и сил голлистов в конечном счете попытается овладеть плацдармом в Северной Африке в качестве базы для ведения войны против держав оси, адмирал настаивал, что Германия и вишистская Франция должны опередить их, овладев этим стратегически важным районом.

Редер утверждал, что Гитлер согласился с "общим направлением его мысли", однако добавил, что сначала ему будет необходимо обговорить эти вопросы с Муссолини, Франко и Петеном. Он приступил к этому лишь тогда, когда время уже было упущено. С испанским диктатором он договорился о встрече на 23 октября, с Петеном, возглавлявшим

коллорабационистское правительство Виши, — на следующий день, с дуче — несколько дней спустя.

Франко, который своей победой в гражданской войне в Испании был обязан массовой военной помощи Италии и Германии, как и все диктаторы, отличал чрезмерный аппетит к грабежу, особенно если добыча представлялась легкой. В июне, когда пала Франция, он поспешно информировал Гитлера, что Испания вступит в войну, если получит за это большую часть огромной французской империи в Африке, в том числе Марокко и Западный Алжир, при условии, что Германия щедро снабдит ее оружием, бензином и продовольствием. Вот и прибыл фюрер 23 октября на специальном поезде на франко-испанскую границу у городка Андай, чтобы дать генералу Франко возможность выполнить свое обещание. Однако за прошедшие месяцы многое изменилось — хотя бы то, что Англия упорно держалась, — и Гитлера ожидал неприятный сюрприз.

На хитрого испанца не произвело впечатления хвастовство фюрера, что "Англия окончательно разбита"; не удовлетворили его и обещания Гитлера предоставить Испании территориальную компенсацию во Французской Северной Африке "в такой мере, в какой будет возможно компенсировать потери Франции за счет английских колоний". Франко хотел получить французскую империю в Африке без каких-либо условий. Предложение Гитлера сводилось к тому, чтобы Испания вступила в войну в январе 1941 года, но Франко возражал против столь поспешных действий. Гитлер хотел, чтобы испанцы при поддержке немецких специалистов, которые захватили бельгийскую крепость Эбен-Эмилль с воздуха, напали на Гибралтар 10 января. С присущей испанцам гордостью Франко ответил, что Гибралтар будет взят одними испанцами. В таком же духе два диктатора поспорили в течение девяти часов. Как свидетельствует доктор Шмидт, присутствовавший при этом обмене мнениями, Франко говорил и говорил монотонным голосом, а Гитлер все заметнее раздражался и наконец вскочил, как он сделал это во время переговоров с Чемберленом, и воскликнул, что нет смысла продолжать разговор.

"Если бы мне пришлось вынести это еще раз, — заметил он Муссолини, пересказывая ход трудных переговоров с Каудильо, — я бы предпочел, чтобы мне вырвали три или четыре зуба".

Девятичасовые переговоры с перерывом на обед в специальном вагоне-столовой были прерваны поздно вечером; Франко так и не дал конкретного обязательства вступить в войну.

Гитлер оставил в тот вечер Риббентропа для продолжения переговоров с испанским министром иностранных дел, приказав попытаться подписать

с испанцами хоть какое-то соглашение о том, что они обязуются изгнать англичан из Гибралтара и закрыть для них Западное Средиземноморье — увы, все оказалось тщетно. "Этот неблагодарный трус! — говорил Риббентроп на следующее утро Шмидту. — Он обязан нам всем, а теперь не хочет присоединяться!" Встреча Гитлера с Петеном на следующий день в Монтуаре прошла удачнее. Но это объяснялось тем, что престарелый маршал, герой Вердена времен первой мировой войны и виновник капитуляции Франции во второй мировой войне, пошел на сотрудничество с захватчиками и солидаризировался с ними в последнем усилии поставить на колени свою бывшую союзницу Англию. Фактически он согласился оформить письменно эту гнусную сделку:

"Державы оси и Франция одинаково заинтересованы в скорейшем поражении Англии. Следовательно, французское правительство будет поддерживать в пределах своих возможностей те меры, которые намерены предпринять с этой целью державы оси".

За этот предательский акт Франции предоставлялось в "новой" Европе "то место, на которое она имеет право", а в Африке она должна была получить из рук фашистских диктаторов компенсацию за счет территорий Британской империи, за ту свою территорию, которую она была вынуждена уступить другим. Обе стороны согласились держать в "строжайшем секрете" существование данного пакта {Хотя Черчилль и Рузвельт не знали содержания секретного соглашения в Монтуаре, но они подозревали худшее. Король Великобритании направил Петену через американские каналы личное письмо с просьбой не вставать на сторону противников Англии. Послание президента Рузвельта Петену было сформулировано в жестких выражениях: он предупреждал маршала о тяжелых последствиях предательства со стороны вишистской Франции (см. Лангер У. Игра с Виши). Для написания этой книги профессор Лангер получил доступ к немецким документам, которые в течение одиннадцати лет были закрыты для использования английским и американским правительствами. — Прим. авт. }.

Однако, даже добившись от Петена позорных, но таких важных для него уступок, Гитлер остался недоволен. Как утверждает доктор Шмидт, он хотел большего — прямого участия Франции в войне против Англии. Во время возвращения в Мюнхен, по свидетельству официального переводчика, фюрер пребывал в подавленном настроении, разочарованный результатами своей поездки. Еще больше огорчился он во Флоренции, куда прибыл на встречу с Муссолини утром 28 октября.

Они встречались всего три недели назад, 4 октября, у Бреннерского

перевала. Как обычно, говорил в основном Гитлер — он сделал один из своих ослепительных обзоров, однако ни словом не обмолвился, что посылает войска в Румынию, которой помогала и сама Италия. Когда через несколько дней дуче узнал об этом, он пришел в негодование.

"Гитлер всегда ставит меня перед свершившимся фактом, — с возмущением говорил он Чиано. — На этот раз я собираюсь отплатить ему той же монетой. Он узнает из газет, что я оккупировал Грецию. Таким путем будет восстановлено равновесие".

Честолюбивые замыслы дуче относительно Балкан были не менее безумными, чем замыслы Гитлера, причем они так пересекались, что еще в середине августа немцы предостерегали Рим от каких бы то ни было авантур в Югославии и Греции. "Это настоящий приказ остановиться по всей линии", — записал Чиано в дневнике 17 августа. Муссолини отказался, по крайней мере на время, от своих планов, сопряженных с обретением военной славы на Балканах, что и подтвердил в почтительном письме Гитлеру от 27 августа. Однако перспективы быстрого и легкого захвата Греции, который компенсировал бы в какой-то степени ослепительные победы партнера, оказалась слишком заманчивой для чванливого фашистского цезаря, сколь обманчивой эта перспектива ни являлась.

22 октября он определил дату внезапного нападения на Грецию — 28 октября и в тот же день написал Гитлеру письмо, датированное задним числом — 19 октября, в котором тонко намекал на задуманную акцию и весьма туманно говорил о ее характере и дате осуществления. Он опасался, как записал в тот день в дневнике Чиано, что фюрер отдаст ему "приказ" остановиться. Гитлер и Риббентроп узнали о планах дуче, возвращаясь специальным поездом из Франции. По приказу фюрера нацистский министр иностранных дел на первой же немецкой станции позвонил Чиано в Рим и настоял на немедленной встрече глав держав оси. Муссолини предложил встретиться 28 октября во Флоренции, и когда немецкий диктатор, выйдя из своего вагона рано утром, поздоровался с ним, дуче, весь сияющий, с выдвинутым вперед подбородком, доложил: "Фюрер, мы на марше! Сегодня на рассвете победоносные итальянские войска пересекли греко-албанскую границу".

Судя по имеющимся источникам, Муссолини испытал огромное удовольствие, отомстив другу за все предыдущие случаи, когда фюрер нападал на ту или иную страну, предварительно даже не поставив в известность своего итальянского союзника. Гитлер пришел в ярость. Этот безрассудный акт, предпринятый против стойкого врага в самое

неподходящее время года, грозил спутать на Балканах все карты. Фюрер, как он писал немного позднее итальянскому диктатору, спешил во Флоренцию в надежде предотвратить этот шаг, но прибыл туда слишком поздно. Шмидт, присутствовавший при их встрече, утверждает, что нацистский лидер сумел сдержать свою ярость.

"В тот день фюрер выехал на север с горечью на душе, — писал позднее Шмидт. — Он был расстроен трижды: в Андае, Монтуаре и теперь в Италии. Долгими зимними вечерами в течение последующих нескольких лет эти обременительные поездки были предметом неоднократных горьких упреков в адрес неблагодарных и ненадежных друзей, партнеров по оси и "лживых" французов". Тем не менее нужно было что-то делать, чтобы продолжать войну против Англии, особенно теперь, когда вторжение на Британские острова стало невозможным. Едва фюрер вернулся в Берлин, как встал перед необходимостью немедленно действовать, так как армии дуче потерпели в Греции полное фиаско. В течение недели "победоносные" итальянские армии были разбиты наголову. 4 ноября Гитлер вызвал на совещание в имперскую канцелярию в Берлин Браухича и Гальдера из ОКХ и Кейтеля и Йодля из ОКВ. Благодаря записям в дневнике Гальдера и докладу Йодля, обнаруженному в числе захваченных документов, мы теперь знаем о решениях нацистского диктатора, которые нашли воплощение в Директиве э 18, изданной Гитлером 12 ноября (ее текст находится среди документов Нюрнбергского процесса).

Влияние германских военно-морских сил на стратегию Гитлера становилось очевидным, как необходимость что-то предпринять в связи с неудачами итальянцев. Гальдер отмечает у фюрера "отсутствие доверия" к итальянскому руководству. В результате было; принято решение не посылать никаких немецких войск в Ливию до тех пор, пока армия маршала Родольфо Грациани, продвинувшаяся в сентябре на 60 миль в глубь Египта к Сиди-Баррани, не достигнет Мерса-Матрух, для чего необходимо проделать еще 75 миль вдоль побережья, что произойдет не раньше рождества, если вообще произойдет. Между тем были составлены планы по отправке пикирующих бомбардировщиков в Египет для нанесения ударов по английскому флоту в Александрии и минирования Суэцкого канала.

Что касается Греции, то итальянское наступление там, как заявил Гитлер своим генералам, было "прискорбной ошибкой" и, к несчастью, создало угрозу позициям Германии на Балканах. Оккупировав острова Крит и Лемнос, англичане получили авиационные базы, откуда они смогут бомбить румынские нефтеносные районы, а направив свои войска в

Грецию, — создать угрозу позициям немцев на Балканах. Чтобы предотвратить такое развитие событий, Гитлер приказал армии немедленно подготовить планы вторжения в Грецию через Болгарию силами по крайней мере десяти дивизий, которые сначала будут направлены в Румынию. "Полагаю, что Россия останется на нейтральных позициях", — добавил фюрер.

Однако основное внимание на совещании 4 ноября, как и в Директиве э 18, было уделено подрыву британских позиций в Западном Средиземноморье. Директива предписывала "захватить Гибралтар и закрыть пролив", "не допустить, чтобы англичане закрепились в другом месте Пиренейского полуострова или на островах Атлантического океана". Операция по захвату Гибралтара, Канарских островов, принадлежащих Испании, и португальских островов Зеленого Мыса получила название "Феликс". Военно-морским силам предписывалось изучить возможность оккупации острова Мадейра, а также Азорских островов. Не исключалась и оккупация Португалии. С этой целью была разработана операция "Изабелла", для осуществления которой предполагалось сосредоточить на испано-португальской границе три немецкие дивизии.

Наконец, предусматривалось отпустить часть французского флота и некоторое количество войск, чтобы французы сами могли защищать свои владения в Северо-Западной Африке от англичан и отрядов де Голля. "Из выполнения этой задачи может развиться в полной мере участие Франции в войне против Англии", — говорилось в директиве Гитлера.

В новых планах Гитлера, объявленных генералам 4 ноября и изложенных в директиве недель позже, детально рассматривались чисто военные вопросы, в частности захват Гибралтара одним смелым ударом. Это, вероятно, произвело должное впечатление на руководителей армии своей смелостью и продуманностью. Однако в действительности это были полумеры, которые не могли дать ожидаемых результатов, так как частично зиждились на обмане. Он заверил своих генералов 4 ноября, как отмечает Гальдер, что только что получил от Франко новые заверения в том, что каудильо присоединится к войне, но это, как известно, было неполной правдой. Задачи по изгнанию англичан из Средиземноморья представлялись вполне оправданными, но выделенных для их осуществления сил было явно недостаточно, особенно если учесть слабость Италии. Штаб военно-морских сил указал на это обстоятельство в жестких формулировках меморандума, который Редер передал Гитлеру 14 ноября. Провал итальянского вторжения в Грецию — войска Муссолини были вышвырнуты оттуда на территорию Албании и продолжали отступать

— не только существенно усилил стратегические позиции Англии на Средиземном море, но и укрепил ее престиж во всем мире, по мнению моряков. Что касается итальянского наступления на Египет, то руководители флота прямо заявляли Гитлеру: "Италия никогда не осуществит наступление в Египте {К этому времени хилые английские силы в составе одной бронетанковой дивизии, одной индийской пехотной дивизии, двух пехотных бригад и королевского танкового полка — всего 31 тысяча человек — изгнали из Египта итальянские войска, в три раза превышавшие англичан по численности, и захватили в плен 38 тысяч, понеся при этом незначительные потери — 133 убитых, 387 раненых и 8 пропавших без вести. Английское контрнаступление под общим командованием генерала Арчибальда Уэйвелла началось 7 декабря, и за четыре дня армия маршала Грациани была разгромлена. Операция, предпринятая как пятидневная ограниченная контратака, продолжалась до 7 февраля; к этому времени англичане прошли через всю Киренаику, преодолев расстояние 500 миль, и уничтожили целую итальянскую армию в составе 10 дивизий, взяв в плен 130 тысяч, захватив 1240 орудий, 500 танков и потеряв при этом 500 человек убитыми, 1373 ранеными и 55 пропавшими без вести. Скептически настроенный английский автор генерал Фуллер считает, что это была "одна из наиболее дерзких кампаний, когда-либо предпринятых" (Фуллер Ф. Вторая мировая война, с. 98).

Смертельный удар был нанесен также по итальянскому военноморскому флоту. В ночь на 12 ноября бомбардировщики с английского авианосца "Илластриас" (руководители люфтваффе утверждали, что он потоплен) совершил налет на итальянский флот, стоявший на якоре в Таранто, и на многие месяцы вывели из строя три линкора и два крейсера. "Черным днем" назвал 12 ноября в своем дневнике Чиано. Англичане без предупреждения потопили дредноут "Кавур" и серьезно повредили линкоры "Литторио" и "Дуилио". — Прим. авт. }. Итальянское руководство никудашное. Оно не понимает обстановки. Итальянские вооруженные силы не имеют ни хорошо обученного руководства, ни надлежащей боеспособности, чтобы осуществить требуемые операции в районе Средиземного моря быстро, решительно и успешно".

Поэтому, говорилось в заключении меморандума, эта задача должна быть осуществлена Германией. "Борьба за африканский регион является первостепенной стратегической целью военных действий Германии в целом... Это имеет решающее значение для исхода войны".

Однако доводы моряков не убедили нацистского диктатора. Войну на Средиземноморье и в Северной Африке он рассматривал только как

второстепенные операции на пути к решению своей главной задачи. Когда адмирал Редер 14 ноября изложил ему стратегические концепции военно-морских сил, Гитлер ответил, что "все же склонен к демонстрации своей силы против России". В самом деле, он был более, чем когда-либо, склонен к этому, ибо Молотов только что покинул Берлин, вызвав гнев фюрера. Когда адмирал встретился с Гитлером после рождества и доложил об упущенных возможностях на Средиземноморье, тот воспринял это без особого беспокойства. К доводам Редера, что победа англичан над итальянцами в Египте и растущая материальная помощь, получаемая ими от Соединенных Штатов, требуют сосредоточения всех немецких ресурсов, чтобы покончить с Англией, и что операцию "Барбаросса" следует отложить, пока не будет повержена Британия, Гитлер остался глух.

Политические события и особенно вмешательство России в дела на Балканах, по мнению Гитлера, настоятельно требовали любой ценой уничтожить последнего противника на континенте, прежде чем схватиться с Англией. С этого времени до рокового конца он будет фанатически придерживаться этой основополагающей стратегии/

В качестве подачи шефу военно-морского флота Гитлер обещал "еще раз попытаться повлиять на Франко", с тем чтобы стало возможно предпринять атаку на Гибралтар и закрыть для английского флота Средиземное море. В действительности же он уже полностью отказался от этой идеи. 11 декабря он без лишнего шума отменил операцию "Феликс", поскольку для ее осуществления не было "политических условий". Однако под давлением командования ВМС и итальянцев Гитлер предпринял последнюю попытку вовлечь в это дело Франко, хотя это было для него крайне неприятно. 6 февраля 1941 года он обратился к испанскому диктатору с длинным письмом:

"... В одном, каудильо, должна быть ясность: мы ведем борьбу не на жизнь, а на смерть и не можем одновременно делать какие-либо подарки...

Сражение, которое ведут Германия и Италия, определит также и судьбу Испании. Только в случае нашей победы будет жить ваш нынешний режим".

К несчастью для держав оси, письмо это дошло до каудильо в тот самый день, когда остатки войск маршала Грациани в Киренаике были уничтожены англичанами к югу от Бенгази. И неудивительно, что, когда Франко 26 февраля 1941 года сел за составление ответного письма, он, хотя и торжественно заявил о своей "абсолютной лояльности" к державам оси, но счел необходимым напомнить нацистскому лидеру о том, что после недавних событий обстановка по сравнению с октябрьскими днями

заметно осложнилась, поэтому взгляды, бытовавшие в то время, устарели.

Этот случай оказался одним из немногих в бурной жизни Адольфа Гитлера, когда он признал свое поражение. "Короче говоря, нудная испанская болтовня состоит в том, что Испания не хочет вступить в войну и не вступит, — писал Гитлер Муссолини. — Это очень прискорбно, поскольку означает, что в данный момент невозможно нанести удар по Англии простейшим способом через ее средиземноморские владения".

И все-таки на Средиземном море Италия, а не Испания являлась орудием для нанесения поражения Англии в этом регионе, однако шаткой империи дуче самостоятельное решение этой задачи было не по плечу, а Гитлер не проявил достаточной мудрости, чтобы выделить в помощь ему средства, имевшиеся у немцев. Нанесение удара по Англии либо через Ла-Манш, либо через Средиземное море, как он теперь признавал, на некоторое время стало невозможным. Хотя это его и расстраивало, но само признание такого положения приносило некоторое облегчение. Теперь он мог посвятить себя вопросам, более близким его сердцу и уму.

8-9 января 1941 года в Бергхофе над Берхтесгаденом, засыпанным снегом, он провел военный совет. Горный воздух, очевидно, прояснил его ум, и он еще раз изложил своим военачальникам грандиозную стратегию, как это хорошо видно из обстоятельных записей адмирала Редера и генерала Гальдера. К фюреру вернулся его оптимизм.

"Фюрер твердо убежден, — писал Редер, — что обстановка в Европе не может далее развиваться неблагоприятно для Германии, даже если мы потеряем всю Северную Африку. Наши позиции в Европе настолько упрочились, что исход не может оказаться не в нашу пользу... Англичане могут надеяться на победу в войне, только нанеся нам поражение на континенте. Фюрер убежден, что это невозможно".

Правда, соглашался фюрер, прямое вторжение в Англию "неосуществимо, пока она не будет в значительной степени ослаблена и пока Германия не обеспечит себе полного господства в воздухе". Военно-морские и военно-воздушные силы должны сосредоточить свои усилия против английского судоходства, тем самым перерезав пути поставок в Англию. Такие атаки, считал Гитлер, "могут привести к победе уже в июле или августе". К этому времени, говорил он, "мы должны настолько укрепить свои позиции на континенте, чтобы в дальнейшем быть в состоянии вести войну с Англией (и Америкой)". Скобки поставлены в записях Гальдера, и они многозначительны. В захваченных немецких архивах это первое упоминание Америки в подобном контексте — оно свидетельствует, что уже в начале 1941 года Гитлер считался с

возможностью вступления Соединенных Штатов в войну против него.

Затем нацистский диктатор коснулся положения в нескольких стратегических районах и в этой связи изложил в общих чертах свои планы и намерения.

"Фюрер придерживается мнения, — писал Редер, — что для исхода войны важно, чтобы Италия не развалилась... Он полон решимости... предотвратить потерю Италией Северной Африки... Это означало бы огромную потерю престижа держав оси... (Поэтому) он решил оказать поддержку итальянцам".

В этом месте он предупредил военачальников о сохранении немецких планов в строжайшей тайне.

"Он не хочет информировать итальянцев о наших планах. Имеются подозрения, что королевская семья передает англичанам секретные сведения! "

Гитлер объявил, что в поддержку Италии будут выделены противотанковые формирования и несколько эскадрилий люфтваффе для использования в Ливии. Более того, он направит армейский корпус в составе двух с половиной дивизий в поддержку отступающих итальянцев, которых греки загнали в Албанию. В этой связи будет приведена в действие операция "Марита" {Операция "Марита" была объявлена Директивой э 20 от 13 декабря 1940 года Она предусматривала сосредоточение немецкой армии в составе 24 дивизий в Румынии с последующим наступлением через Болгарию на Грецию, как только установится благоприятная погода. Директива была подписана самим фюрером — Прим авт. }. Переброску войск из Румынии в Болгарию Гитлер приказал начать сразу же, чтобы 26 марта можно было приступить к операции "Марита". Гитлер долго распространялся о необходимости быть готовыми к выполнению операции под кодовым названием "Аттила", которую в общих чертах он изложил в своей директиве от 10 декабря 1940 года. Операция предусматривала оккупацию остальной части Франции и захват французского флота в Тулоне. Фюрер полагал, что в недалеком будущем этот план можно было бы осуществить. "Если Франция станет очагом беспокойства, — заявил он, — то ее придется разгромить полностью". Это было грубейшим нарушением перемирия в Компьене, но ни один генерал, ни один адмирал не поднял этот вопрос — так, по крайней мере, явствует из записей Гальдера и Редера.

Именно на этом совещании Гитлер назвал Сталина "хладнокровным шантажистом" и сообщил своим командующим, что Россию следует поставить на колени как можно скорее.

"Если США и Россия вступят в войну против Германии, — сказал Гитлер, во второй раз упомянув о такой перспективе для США, — то обстановка очень осложнится. Поэтому любой повод для возникновения такой угрозы должен быть устранен в самом начале. Если русская угроза будет ликвидирована, мы сможем вести войну против Англии в течение неопределенно долгого времени. Если Россия падет, Япония воспрянет духом: это в свою очередь будет означать усиление угрозы Соединенным Штатам".

Таковы были взгляды немецкого диктатора на глобальную стратегию к началу 1941 года. Через два дня после военного совета, состоявшегося 11 января, он воплотил свои взгляды в Директиву э 22. Переброска немецких подкреплений в Триполи получила название операции "Подсолнечник", а переброска подкреплений в Албанию — операции "Альпийские фиалки".

"Мир затаит дыхание"

Гитлер вызвал Муссолини в Бергхоф на 19 и 20 января. Пребывая в подавленном настроении, чувствуя себя униженным после поражения итальянских дивизий в Египте и Греции, дуче не испытывал желания ехать к фюреру. Хмурый и нервный, по словам Чиано, садился он в свой специальный поезд, опасаясь, что Гитлер, Риббентроп и немецкие генералы проявят по отношению к нему оскорбительную снисходительность. Осложняло обстановку и то обстоятельство, что дуче взял с собой генерала Альфредо Гуццони, помощника начальника штаба, которого Чиано в своем дневнике характеризует как бездарность с большим животом и париком из выкрашенных волос и которого, по его мнению, было просто позорно представлять немцам.

К удивлению Муссолини, Гитлер снизошел до того, что покинул свое "горное гнездо" и спустился на заснеженную маленькую железнодорожную станцию, чтобы встретить его. Все происходило тактично и вежливо, и не было никаких упреков по поводу серьезных неудач на полях сражений. Дуче уловил у фюрера, как пишет Чиано, очень сильные антирусские настроения. На завтра Гитлер свыше двух часов выступал перед итальянскими гостями и солидной группой генералов из обеих стран, и секретная докладная, подготовленная Йодлем по поводу этого совещания, свидетельствует о том, что, хотя Гитлер и был обеспокоен оказанием помощи итальянцам в Албании и Ливии, его главные замыслы были связаны с Россией.

"Я не вижу большой опасности, исходящей от Америки, — говорил он, — даже если она вступит в войну. Значительно большая угроза исходит от гигантского русского блока. Хотя мы заключили очень выгодные

политические и экономические соглашения с Россией, я предпочитаю полагаться на мощные средства, имеющиеся в моем распоряжении".

Хотя фюрер и намекнул на то, что намеревается воспользоваться этими "мощными средствами", но планов своих партнеру не раскрыл. Однако начальнику генерального штаба сухопутных сил, который отвечал за детализацию этих планов, они были достаточно ясны, чтобы в полном объеме представить их верховному главнокомандующему на заседании в Берлине спустя две недели.

Это совещание высших генералов ОКБ и главного командования сухопутных войск (ОКХ) длилось с полудня до 6 часов вечера 3 февраля. И хотя генерал Гальдер на этом совещании докладывал в общих чертах планы генерального штаба сухопутных войск, позднее он утверждал в своей книге, что они с Браухичем высказывали сомнения в правильности оценки советской военной мощи и в целом выступали против реализации плана "Барбаросса", считая его авантюрой, однако ни в его дневниковых записях за эти дни, ни в официальном совершенно секретном меморандуме ОКБ по поводу совещания об этом не говорится ни слова. На самом деле из этих документов явствует, что сначала Гальдер оценивал противостоявшие русские силы приблизительно как 155 дивизий, заметив, что немецкие силы насчитывают примерно столько же, но "они куда выше по качеству". Много позднее, когда произошла катастрофа, Гальдер и его коллеги поняли, что данные разведывательных служб о Красной Армии были ошибочными. Но 3 февраля 1941 года они этого не подозревали. Более того, доклад Гальдера о соотношении сил сторон и стратегии, которая будет применена в целях уничтожения частей Красной Армии {Стратегия в основном осталась такой же, как в Директиве э 21 от 18 декабря 1940 года. В своих замечаниях Браухичу и Гальдеру Гитлер подчеркивал, насколько важно "уничтожить крупные контингенты врага", прежде чем они успеют отступить. И он подчеркивал, что "главной целью является овладение Прибалтийскими государствами и Ленинградом". — Прим. авт. }, показался настолько убедительным, что в конце совещания Гитлер не только выразил свое согласие с изложенным "в целом", но и, воодушевившись нарисованной начальником генерального штаба перспективой, воскликнул: "Когда начнется осуществление "Барбароссы", мир затаит дыхание и промолчит!" Он сгорал от нетерпения в ожидании начала "Барбароссы" и приказал поскорее прислать ему оперативную карту и план развертывания сил.

Балканская прелюдия

Прежде чем приступить к осуществлению операции "Барбаросса",

весной 1941 года предстояло обеспечить южный фланг, проходивший на Балканах, и произвести там необходимое наращивание сил. К третьей декаде февраля 1941 года немцы сосредоточили в Румынии, граничившей с Украиной на протяжении 300 миль от Польши до Черного моря, грозную силу, насчитывающую 680 тысяч человек. Но к югу Греция все еще не давала передышки итальянцам, и у Берлина были все основания считать, что английские войска, дислоцированные в Ливии, вскоре могут высадиться здесь. Как явствует из протоколов многочисленных совещаний этого периода, Гитлер опасался, что союзники откроют фронт севернее Салоник. Для Германии это было бы еще более неприятным, чем открытие аналогичного фронта во время первой мировой войны, поскольку позволило бы англичанам устроить базы для воздушных налетов на румынские нефтеносные районы. Более того, это создало бы угрозу операции "Барбаросса". По существу, такую опасность предвидели еще в декабре 1940 года, когда была издана первая директива по осуществлению операции "Марита", предусматривавшая мощное наступление на Грецию со стороны Болгарии силами войск, сосредоточенных в Румынии.

Болгарские лидеры, чьи прогнозы относительно того, кто победит, в первую мировую войну оказались ошибочными, что дорого обошлось стране, на этот раз допустили те же просчеты. Поверив заверениям Гитлера, будто он уже выиграл войну, и прельстившись перспективой получить греческие территории на юге, что открыло бы Болгарии доступ к Эгейскому морю, они согласились участвовать в операции "Марита" — например разрешив немцам подвести свои войска к греческим границам. 18 февраля 1941 года было подписано соответствующее секретное соглашение между фельдмаршалом Листом и болгарским генеральным штабом. В ночь на 28 февраля части германской армии переправились через Дунай из Румынии и заняли стратегические позиции в Болгарии, которая на следующий день присоединилась к тройственному пакту.

Югославы оказались более мужественными и не столь сговорчивыми. Однако их упорство только подстегивало немцев, стремившихся вовлечь их в свой лагерь. На 4–5 марта Гитлер пригласил тайно принца-регента Павла в Бергхоф, где наряду с привычным запугиванием предложил ему взятку в виде Салоник. 25 марта югославский премьер Драгиша Цветкович и министр иностранных дел Александр Цин-цар-Маркович, за день до этого выехавшие тайком из Белграда, чтобы избежать враждебных демонстраций или даже похищения, прибыли в Вену, где в присутствии Гитлера и Риббентропа присоединились к тройственному пакту. Гитлер остался ужасно доволен и заявил Чиано, что это будет содействовать его

наступлению на Грецию. Перед тем как югославские лидеры покинули Вену, им вручили два письма от Риббентропа, подтвердившие решимость Германии уважать "суверенитет и территориальную целостность Югославии во все времена" и обещание, что державы оси не будут требовать транзитных прав для своих войск через Югославию "в течение этого года". Оба соглашения были нарушены Гитлером в рекордные даже для него сроки.

Едва успели югославские министры вернуться в Белград, как вместе с правительством и принцем-регентом были свергнуты в ночь на 27 марта в результате народного восстания, которое возглавила группа высших офицеров ВВС, а поддержала почти вся армия. Молодой наследник трона Петр, который сбежал от охраны, приставленной к нему регентом, по водосточной трубе, был провозглашен королем Югославии, и хотя новый режим Душана Симовича тут же объявил о своем согласии подписать пакт о ненападении с Германией, в Берлине понимали, что новый режим вряд ли устроит марионеточное правительство, какое предусмотрел для Югославии фюрер. Во время бурных торжеств в Белграде, когда толпа оплевала машину немецкого посла, сербы показали, на чьей стороне их симпатии.

Переворот в Югославии вызвал у Гитлера один из самых диких приступов ярости за всю жизнь. Он воспринял это как личное оскорбление и в гневе принял такие опрометчивые решения, которые окажутся катастрофическими для судеб третьего рейха.

27 марта он в срочном порядке вызвал своих военачальников в имперскую канцелярию в Берлине — совещание было созвано настолько поспешно, что Браухич, Гальдер и Риббентроп прибыли на него с опозданием, — и неистовствовал по поводу того, как он отомстит югославам. Он заявил, что заговор в Белграде поставил под угрозу как операцию "Марита", так и операцию "Барбаросса". Поэтому он решил, "не ожидая заявлений нового правительства о лояльности, уничтожить Югославию как в военном отношении, так и в политическом. Не надо делать никаких дипломатических запросов, не надо предъявлять никаких ультиматумов". И добавил, что Югославия будет разделена с "безжалостной жестокостью". Он тут же приказал Герингу уничтожить Белград, прибегнув к воздушным налетам, волна за волной, бомбардировщиков, действующих с авиационных баз в Венгрии. Он издал Директиву э 25, предусматривавшую немедленное вторжение в Югославию, и предложил Кейтелю и Йодлю в тот же вечер разработать необходимые для этого военные планы. Он дал указание Риббентропу проинформировать Венгрию, Румынию и Италию, что все они получат по

куску Югославии, которая будет разделена на части, за исключением небольшого хорватского марионеточного государства {"Война против Югославии должна стать очень популярной в Италии, Венгрии и Болгарии", — ухмыльнулся Гитлер. Он заявил, что Банат отдаст Венгрии, Македонию — Болгарии, а Адриатическое побережье — Италии. — Прим. авт. }.

И затем, как подчеркнуто в совершенно секретном протоколе совещания ОКВ, Гитлер объявил о самом роковом из всех своих решений:

"Начало операции по плану "Барбаросса" придется отодвинуть на более поздний срок в пределах четырех недель". (В директиве от 18 декабря 1940 года начать операцию намечалось 15 мая 1941 года.)

Это перенесение срока нападения на Россию из-за того, что нацистский диктатор захотел выместить свою злобу на маленьком балканском государстве, осмелившемся выказать непослушание, явилось, вероятно, самым роковым решением в карьере Гитлера. Едва ли будет преувеличением сказать, что, принимая в тот мартовский день в имперской канцелярии в Берлине такое решение под влиянием вспышки ненависти, он отверг последнюю возможность выиграть войну и превратить третий рейх, который он создавал с ошеломляющей гениальностью дикаря, в величайшую за всю немецкую историю империю, а себя во властелина Европы. Фельдмаршалу фон Браухичу, главнокомандующему германской армией, и генералу Гальдеру, одаренному начальнику генерального штаба, позднее, когда русские снега и морозы помешали осуществлению их замыслов и когда выяснилось, что для обеспечения окончательной победы не хватило трех-четырех недель, пришлось с глубокой горечью, но и с глубочайшим пониманием вспоминать о последствиях такого решения. Позднее они и их коллеги не раз будут ругать тщеславного фюрера, принявшего в ярости поспешное, непродуманное решение, повлекшее катастрофические последствия.

Военная Директива э 25, которую верховный главнокомандующий изложил генералам в ходе совещания, была типичным для Гитлера документом:

... Военный путч в Югославии изменил политическую обстановку на Балканах. Югославию, даже если она на первых порах сделает заявление о своей лояльности, следует рассматривать как врага, а потому разгромить как можно скорее.

... Я намерен вторгнуться в Югославию... и нанести уничтожающий удар югославским вооруженным силам...

Йодль как начальник штаба оперативного руководства ОКВ получил

указание этой же ночью подготовить планы вторжения в Югославию. "Я проработал в имперской канцелярии всю ночь, — рассказывал Йодль на Нюрнбергском процессе. — В 4 часа утра 28 марта я передал памятную записку в руки генерала фон Ринтелена, офицера по связи с итальянским высшим военным командованием".

Нужно было немедленно поставить в известность о немецких оперативных планах Муссолини и просить его активно сотрудничать в их осуществлении, так как над застрявшими в Албании итальянскими армиями нависла угроза со стороны югославов. Чтобы удостовериться, что дуче правильно его понял, Гитлер, не дожидаясь, пока Йодль состряпает план военной операции, вечером 27 марта наскоро составил послание Муссолини и приказал немедленно отправить его в Рим, с тем чтобы оно было вручено адресату этой же ночью.

Дуче, события вынуждают меня сообщить Вам как можно быстрее мою оценку обстановки и тех последствий, которые могут возникнуть из этой обстановки.

С самого начала я рассматривал Югославию как опасный фактор в споре с Грецией... По этой причине я честно сделал все, чтобы привести Югославию в наше сообщество... К сожалению, эти усилия не увенчались успехом... Сегодняшние сообщения не вызывают сомнения, что во внешней политике Югославии намечается поворот.

Поэтому я уже предпринял все необходимые меры... И теперь я убедительно просил бы Вас, дуче, не предпринимать никаких операций в Албании в течение ближайших нескольких дней. Я считаю необходимым, чтобы Вы перекрыли и закрыли наиболее важные перевалы из Югославии в Албанию всеми имеющимися у Вас наличными силами.

... Дуче, я считаю также, что необходимо усилить Ваши войска на итало-югославском фронте всеми наличными средствами, и как можно быстрее.

Я считаю также необходимым, дуче, все, что мы делаем и предлагаем сделать, сохранять в строжайшей тайне... Предпринимаемые нами меры полностью потеряют свою ценность, если станут достоянием гласности... Я не сомневаюсь, что мы оба добьемся успеха не меньшего, чем год назад в Норвегии. Это моя непоколебимая уверенность...

Примите мои сердечные и дружеские приветы.

Ваш Адольф Гитлер

Осуществляя эту ближайшую задачу, нацистский диктатор, не ошибся в своих прогнозах, но, по-видимому, он не имел ни малейшего представления о том, какой дорогой ценой будет в конечном счете оплачена

его месть Югославии. На рассвете 6 апреля его армии напали превосходящими силами на Югославию и Грецию со стороны Болгарии, Венгрии и самой Германии, пустив в ход бронетанковую машину и быстро продвигаясь вперед, опрокидывая и сминая слабо вооруженных обороняющихся, которые еще не успели прийти в себя после предварительной бомбардировки и обстрела с воздуха.

Белград по приказу Гитлера был разрушен до основания. Три дня и три ночи бомбардировщики Геринга свирепствовали в небе над маленькой столицей, временами почти касаясь крыш домов, поскольку она не имела зенитных орудий; погибло свыше 17 тысяч гражданского населения, ранено и искалечено было еще больше, а город превратился в груды дымящихся развалин. Гитлер назвал бомбардировку операцией "Наказание" и получил, очевидно, большое удовлетворение от того, что его приказ был выполнен столь эффективно. Югославам не хватило времени мобилизовать свою маленькую, хотя и стойкую армию, а их генеральный штаб сделал ошибку, пытаясь оборонять всю страну сразу. В результате их вооруженные силы были подавлены превосходящими силами противника, и 13 апреля немецкие и венгерские войска вступили в лежащий в развалинах Белград. 17 апреля остатки югославской армии в составе 28 дивизий капитулировали у Сараево, а король и премьер-министр вылетели самолетом в Грецию.

Греки, в течение шести месяцев успешно отбивавшие наступление итальянцев и с позором изгнавшие их в Албанию, не смогли противостоять 12-й армии под командованием фельдмаршала Листа, насчитывавшей 15 дивизий (из них четыре танковые). Англичане поспешно перебросили из Ливии в Грецию около четырех дивизий — 53 тысячи человек, но они, как и греки, не выдержали смертоносных ударов немецкой авиации и превосходящих сил противника. Северные греческие армии сдались немцам и — горькая пилюля! — итальянцам 23 апреля. Четыре дня спустя нацистские танки, лязгая гусеницами, вошли в Афины и над Акрополем взвился флаг со свастикой. К этому времени англичане прилагали отчаянные усилия по эвакуации своих войск морем — маленький Дюнкерк, осуществленный почти столь же успешно.

К концу апреля — всего за три недели — немцы оккупировали всю Грецию, за исключением острова Крит, который они захватили при помощи воздушного десанта в конце мая, изгнав оттуда англичан. Там, где Муссолини предпринимал жалкие потуги в течение целой зимы, Гитлер добился успеха весной всего за несколько дней. Хотя Муссолини остался доволен, что его сняли с крючка, на который он попался в Греции, ему казалось унижительным, что это сделали немцы. Его унижение

усугублялось тем, что Италия получила оскорбительно малую долю добычи после разгрома Югославии, которую уже начал раздавать Гитлер {12 апреля 1941 года, через шесть дней после нападения, Гитлер издал секретную директиву, согласно которой разделил Югославию между Германией, Италией, Венгрией и Болгарией. Хорватия должна была превратиться в автономное марионеточное государство. Фюрер забрал себе все территории, прилегающие к Австрии, и оккупировал всю Сербию, а также районы, где находились медные и угольные рудники. Доля Италии не была четко определена в директиве, и теперь ей достались весьма скудные трофеи. — Прим. авт. }.

Балканы являлись не единственным местом, где фюреру пришлось выручать своего незадачливого партнера. После уничтожения итальянских армий в Ливии Гитлер, хотя и неохотно, согласился в конце концов послать легкую бронетанковую дивизию и некоторые части ВВС в Северную Африку, где по договоренности с дуче командование всеми немецко-итальянскими силами было поручено генералу Эрвину Роммелю. Этот решительный, изобретательный, находчивый офицер танковых войск, отличившийся еще в боях во Франции, являл собой тип генерала, с которым англичанам до этого не приходилось сталкиваться в североафриканской пустыне, и оказался для них важнейшей проблемой на ближайшие два года, причем проблемой не единственной. Переброска из Ливии в Грецию авиационных частей и значительных сил серьезно ослабила английские войска в пустыне. Сначала их это не особенно беспокоило, даже после того, как разведка доложила о пребывании в Триполитанию в конце февраля немецких танковых частей. А беспокоиться следовало. В последний день марта Роммель с одной немецкой танковой дивизией и двумя итальянскими, в том числе одной бронетанковой, внезапно перешел в наступление в Киренаике. За двенадцать дней он вновь овладел всей провинцией, заблокировал Тобрук и вышел к Бардии, всего в нескольких милях от египетской границы. Снова возникла угроза английским позициям в Египте и в районе Суэца; по существу с появлением немцев и итальянцев в Греции положение англичан в восточной части Средиземноморья стало угрожающим.

Вторая военная весна принесла новые поразительные победы Германии и новые затруднения Англии, которая теперь отбивалась в одиночестве; дома она подвергалась непрерывным ночным налетам немецких бомбардировщиков, а на заморских территориях ее армии были изгнаны из Греции и Киренаики, и общее положение казалось более мрачным и более безнадежным, чем когда-либо. Престиж Англии, когда

пропаганда стала могущественным оружием, особенно в деле оказания воздействия на Соединенные Штаты и Россию, упал еще ниже {Чарлз Линдберг, известный летчик, который, по мнению автора, по своей наивности поверил пропагандистскому хвастовству немцев во время своего посещения нацистской Германии, в своих выступлениях перед различными аудиториями в Америке уже предрекал Англии поражение. 23 апреля 1941 года после победы нацистов на Балканах и в Северной Африке, обращаясь к 30-тысячной толпе в Нью-Йорке на первом массовом митинге только что созданного комитета "Америка прежде всего", Линдберг говорил: "У английского правительства отчаянный план... убедить нас отправить снова американские экспедиционные силы в Европу и разделить с Англией военное и финансовое фиаско... " Он осудил Англию за ее подстрекательство малых государств Европы к безнадежной борьбе против превосходящих сил противника. Очевидно, ему и в голову не приходило, что Югославия и Греция, только что разгромленные Гитлером, подверглись нападению без какого-либо повода с их стороны и что они пытались защищаться, так как не утратили чести и мужества, несмотря на безнадежность своей борьбы. 28 апреля Линдберг, полковник резерва армейской авиации, после того как президент Рузвельт 25-го публично заклеил его как пораженца и умиротворителя, подал в отставку. Военный министр его отставку принял. — Прим. авт. }.

Гитлер не упустил случая воспользоваться благоприятной обстановкой на фронтах и в своей хвалебной речи в рейхстаге 4 мая основное внимание уделил саркастическим нападкам лично на Черчилля как на подстрекателя (разумеется, вместе с евреями) войны, главного виновника поражения англичан.

"Он самый кровожадный в истории стратег дилетантского уровня. Ибо свыше пяти лет этот человек носился по Европе, точно безумный, в поисках чего-либо, что можно поджечь... Если назвать его солдатом, то он — никудышний политик, если назвать его политиком, то он — скверный солдат. Дар, которым он обладает, — это умение лгать при благочестивом выражении лица, умение искажать правду до тех пор, пока наиболее тяжелые поражения не будут представлены им как славные победы... Черчилль, являясь одним из наиболее безнадежных дилетантов в стратегии, умудрился (в Югославии и Греции) проиграть на двух театрах войны от одного удара. В любой другой стране его отдали бы под суд... Его безумие можно объяснить лишь как проявление паралитической болезни или как бред алкоголика..."

Что касается переворота в Югославии, который вызвал у него такую

ярость, то тут он и не пытался скрывать своих истинных настроений:

"Мы все были поражены этим переворотом, осуществленным кучкой подкупленных заговорщиков. Поймите, господа, когда я услышал об этом, то сразу отдал приказ о нападении на Югославию. Обращаться с германским рейхом таким способом непозволительно".

Высказывая бахвальство в связи с победами, достигнутыми весной, в особенности над англичанами, Гитлер не осознавал в полной мере, каким тяжелым ударом оказались они для Англии и в какое отчаянное положение попала Британская империя. В тот самый день, когда Гитлер выступал в рейхстаге, Черчилль писал письмо президенту Рузвельту о серьезных последствиях потери Египта и Ближнего Востока, умоляя Америку вступить в войну. Премьер-министр пребывал в самом мрачном настроении за всю войну.

"Я умоляю Вас, мистер президент, — писал он, — взвешенно оценить всю серьезность последствий, к которым может привести крах на Ближнем Востоке".

Командование немецкого флота требовало от фюрера максимально использовать сложившуюся ситуацию. Положение дел у держав оси еще более улучшилось после того, как вновь назначенный премьер-министр Ирака Рашид Али, известный своими прогерманскими настроениями, подверг осаде английскую авиабазу Хаббания, расположенную недалеко от Багдада, и обратился к Гитлеру за помощью, дабы изгнать англичан из страны. После захвата острова Крит адмирал Редер, который всегда относился к "Барбароссе" без энтузиазма, обратился 30 мая к Гитлеру с предложением подготовить решающее наступление на Египет и Суэц, и Роммель, горевший желанием продолжить с получением подкреплений свое наступление, направил фюреру аналогичную просьбу из Северной Африки. "Этот удар, — объяснял Редер фюреру, — окажется для Британской империи более жестоким, чем захват Лондона". Через неделю адмирал вручил Гитлеру меморандум, подготовленный оперативным отделом штаба ВМС, в котором предупреждал, что осуществление плана "Барбаросса" — естественно, первостепенная задача руководства ОКБ — не должно ни при каких обстоятельствах повлиять на отказ от ведения войны на Средиземноморье или на его отсрочку.

Но фюрер уже принял решение, а по существу, он не менял его с рождественских праздников, когда провозгласил план "Барбаросса" и заявил адмиралу Редеру, что Россия должна быть уничтожена в первую очередь. Его мышление, ориентированное на ведение войны на суше, было просто не в состоянии охватить более широкую стратегию, проповедуемую

военно-морскими силами. Еще до того, как Редер и штаб ВМС обратились к нему, Гитлер 25 мая издал Директиву э 30, предусматривавшую отправку в Багдад военной миссии, нескольких самолетов и вооружения в помощь Ираку. "... Я решил, — заявил он, — способствовать развитию событий на Среднем Востоке путем поддержки Ирака". Он ограничился этим недостаточным шагом. Что касается более крупной и смелой стратегии, в поддержку которой выступали адмиралы и Роммель, он заметил:

"Лишь после осуществления операции "Барбаросса" решится, будут ли и каким образом окончательно ликвидированы — во взаимодействии с наступлением на Суэцкий канал — английские позиции между Средиземным морем и Персидским заливом".

Уничтожение Советского Союза является первоочередной задачей; все остальное может подождать. Это, как стало теперь очевидно, явилось крупнейшей ошибкой. В конце мая 1941 года Гитлер, используя только часть своих сил, мог нанести сокрушительный, вероятно, даже роковой удар по Британской империи. Никто не понимал этого лучше, чем оказавшийся в тяжелейшем положении под давлением обстоятельств Черчилль.

В письме президенту Рузвельту от 4 мая он признавал, что если Египет и Ближний Восток будут потеряны, то продолжение войны "превратится в трудную, долгую и мрачную проблему", даже при условии вступления в конфликт Соединенных Штатов. Но Гитлер этого не понял. Его слепота тем более непостижима, поскольку балканская кампания задержала операцию "Барбаросса" на несколько недель, поставив ее тем самым под угрозу. Захват России теперь предстояло осуществить в более короткие сроки, чем первоначально планировалось. Ибо существовал непреодолимый рубеж — русская зима, из-за которой потерпели поражение Карл XII и Наполеон. У немцев оставалось только шесть месяцев до наступления зимы для захвата огромной страны, которую еще никогда не завоевывали с запада. И хотя наступил уже июнь, огромную армию, дислоцированную на юго-востоке — в Югославии и Греции, еще предстояло перебросить к советским границам по разбитым дорогам, не соответствовавшим объему и темпам планируемых перевозок. Эта задержка, как обнаружилось впоследствии, оказалась роковой. Апологеты военного гения Гитлера утверждают, что балканская кампания не вызвала ощутимых изменений в графике осуществления плана "Барбаросса" и что перенос срока был вызван главным образом поздней оттепелью, из-за чего дороги Восточной Европы оставались месивом грязи вплоть до середины июня. Однако свидетельские показания основных представителей немецкого генералитета говорят о

другом. Фельдмаршал Фридрих Паулюс, имя которого будет впредь ассоциироваться со Сталинградом и который в то время являлся главным разработчиком плана русской кампании в генеральном штабе сухопутных войск, показал на Нюрнбергском процессе, что решение Гитлера напасть на Югославию отодвинуло начало "Барбароссы" примерно на пять недель. Из боевого журнала ВМС явствует то же самое. Фельдмаршал фон Рундштедт, командовавший в России группой армий "Юг", говорил на допросе после войны, что из-за балканской кампании к осуществлению плана "Барбаросса" приступили "по меньшей мере на четыре недели позднее". "Эта задержка, — добавил он, — обошлась очень дорого".

Во всяком случае, 30 апреля, когда его армии завершили захват Югославии и Греции, Гитлер назначил новую дату начала операции "Барбаросса" — 22 июня 1941 года.

Запланированный террор

Гитлер требовал при захвате России отказаться от какой-либо сдержанности и настаивал, чтобы генералы хорошо это уяснили. В начале марта 1941 года он собрал начальников трех видов вооруженных сил и командующих ключевых армий и изложил им свои требования. Гальдер записал его выступление.

"Война против России такова, — сказал Гитлер, — что ее не следует вести по законам рыцарства. Это прежде всего борьба идеологий и рас, поэтому ее необходимо вести с беспрецедентной, неумолимой жестокостью. Все офицеры должны освободиться от устаревших взглядов. Я знаю, что такие методы ведения войны вне вашего понимания, господа генералы, но... я решительно настаиваю, чтобы мои приказы выполнялись беспрекословно. Комиссары являются носителями идеологии, прямо противоположной национал-социализму, поэтому их необходимо ликвидировать. Немецких солдат, виновных в нарушении международного закона... оправдают. Россия не участвует в Гаагской конвенции, поэтому на нее положения конвенции не распространяются".

Это был так называемый "приказ о комиссарах", который на Нюрнбергском процессе вызвал большую дискуссию, когда перед немецкими генералами был поставлен вопрос морального порядка, предпочитали ли они повиноваться приказам фюрера и совершать военные преступления или повиноваться велению своей совести {"Впервые я оказался вовлеченным в конфликт между моими убеждениями солдата и долгом повиноваться, — заявил фельдмаршал фон Манштейн на суде в Нюрнберге, когда вопрос коснулся "приказа о комиссарах". — Фактически я вынужден был повиноваться, но я сказал самому себе, что, как солдат,

видимо, не смогу участвовать в подобного рода делах. Тогда я сказал командующему группой армий, под началом которого находился, что не стану выполнять такого приказа, который противоречит чести солдата".

Чтобы не погрешить против истины, следует сказать, что приказ этот, конечно, выполнялся в широких масштабах. — Прим. авт. }.

Согласно утверждениям Гальдера, высказанным позднее, генералы были возмущены таким приказом, и едва закончилось совещание, как они выразили протест главнокомандующему сухопутными войсками Браухичу. Этот бесхребетный фельдмаршал, "соломенное чучело", как назвал его однажды Гитлер, пообещал бороться против этого приказа в том виде, в каком он был изложен. Позднее, как клянется Гальдер, Браухич информировал в письменной форме ОКБ, что офицеры армии "не смогут выполнять подобные приказы". Но так ли все было?

В своих свидетельских показаниях, данных в ходе прямого допроса в Нюрнберге, Браухич признал, что шагов противоречащих воле Гитлера, он не предпринимал, потому что "ничто на свете не изменило бы отношения фюрера" к комиссарам. Как руководитель армии, говорил он трибуналу, он сделал единственное — отдал приказ по армии, гласивший, что "в армии должна строго соблюдаться дисциплина в соответствии с уставными требованиями, которые применялись в прошлом".

"Вы не отдавали никакого распоряжения, прямо касавшегося приказа о комиссарах? — спросил Браухича язвительный председатель трибунала Лоуренс.

"Нет, — отвечал он. — Я не мог напрямую отменить приказ". И в дальнейшем у старомодных армейских офицеров, приверженных прусским традициям, имелся повод для борьбы с собственной совестью в виде директив, изданных генералом Кейтелем 13 мая от имени фюрера. Главная из них ограничивала функции военно-полевых судов. Судопроизводству придавалась более примитивная форма законности.

Подлежащие наказанию проступки, совершенные гражданским населением врага (в России), впредь до особого указания не будут рассматриваться военно-полевыми судами.

Лица, заподозренные в преступных действиях, доставляются немедленно к офицеру. Этот офицер решает, следует ли задержанных расстрелять.

В отношении проступков, совершенных против вражеского гражданского населения военными служащими вермахта, преследование не обязательно даже в тех случаях, когда проступок является одновременно и военным преступлением.

Армии предписывалось снисходительно относиться к таким проступкам, помня в каждом случае о том зле, которое большевики причиняли Германии с 1918 года. Предание военно-полевому суду немецких солдат будет оправдано только в том случае, если "поддержание дисциплины или безопасности войск требует такой меры". Однако, как говорилось в заключении директивы, "только те приговоры будут утверждены, которые соответствуют политическим намерениям высшего командования". С этой директивой следовало обращаться как с "особо секретной" {27 июня 1941 года Кейтель приказал уничтожить все копии директивы от 13 мая, касавшейся полевых судов, хотя "законность директивы не отменяется с уничтожением ее копий", как указывалось в приказе. Приказ от 27 июля, добавлял он, "также будет уничтожен". Однако копии и того и другого приказа всплыли на Нюрнбергском процессе — они были предъявлены в качестве документов обвинения верховному командованию.

За четыре дня до этого, 23 июля, Кейтель издал еще один приказ под грифом "совершенно секретно".

22 июля, приняв командуящего армией (Браухича), фюрер издал следующий приказ "Ввиду огромной территории оккупированных районов на Востоке войск, имеющих в наличии для обеспечения безопасности, окажется достаточно только в том случае, если всякое сопротивление будет наказуемо не только через юридическую систему уголовного преследования, но и посредством распространения оккупационными войсками такого террора, какой потребуется для искоренения любых попыток сопротивления среди гражданского населения". — Прим авт. }.

Вторая директива, изданная Кейтелем от имени фюрера и датированная тем же числом, возлагала на Гиммлера выполнение "специальных" задач по подготовке к политическому управлению Россией — задач, как говорилось в директиве, "вытекающих из борьбы между двумя противоположными политическими системами".

Садист нацистской тайной полиции был уполномочен действовать "независимо" от армии "под свою ответственность". Генералам было хорошо известно, что последует за назначением Гиммлера, хотя они и отрицали это, оказавшись на скамье подсудимых в Нюрнберге. Далее в директиве говорилось, что оккупированные районы России, где Гиммлер приступит к работе, необходимо закрыть. Туда не разрешался въезд даже высшим представителям правительства и партии, если бы они вознамерились взглянуть на происходящее. Та же директива возлагала на Геринга "эксплуатацию страны и использование ее экономических

возможностей в интересах германской промышленности". Между прочим, этим приказом Гитлер объявлял, что, как только закончатся военные действия, "Россия будет расчленена на отдельные государства со своими правительствами".

Как это сделать — предстояло разработать Альфреду Розенбергу, официально ведущему нацистскому идеологу, который являлся, как мы уже убедились, одним из наставников Гитлера во времена Мюнхена. 20 апреля фюрер назначил его "специальным уполномоченным по делам восточноевропейского региона", и этот нацистский олух, страдавший поистине "гениальным" непониманием истории, даже истории России, где он родился и получил образование, немедленно приступил к возведению воздушных замков на некогда родной почве. Многотомный архив Розенберга был захвачен в целости и сохранности; подобно его книгам, это мрачное чтиво, но оно не должно помешать настоящему повествованию, хотя время от времени к нему придется обращаться, так как именно здесь раскрываются многие планы Гитлера в отношении России.

К маю Розенберг набросал первый черновой вариант устройства территорий, что обещало стать крупнейшим историческим завоеванием немцев. Начать с того, что европейскую часть России предполагалось разделить на так называемые рейхскомиссариаты. Русская часть Польши должна была стать германским протекторатом под названием "Остланд", Украина — "независимым государством, союзным Германии", Кавказ с его нефтяными запасами попадал в управление к немецкому "полномочному представителю", а три Прибалтийских государства и Белоруссия — в германский протекторат, подготовляемый для прямого присоединения к германскому рейху. Это необходимо, как пояснил Розенберг в одном из бесконечных меморандумов, которыми он забросал Гитлера и его генералов, чтобы пролить свет "на исторические и расовые предпосылки" решений, которые завершатся германизацией пригодных в расовом отношении к ассимиляции прибалтов и выселением "нежелательных элементов". Следует предусмотреть выселение в масштабах из Латвии и Эстонии, предупреждал Розенберг. На место изгнанных прибудут немцы, предпочтительно ветераны войны. В соответствии с планами Розенберга "Балтийское море должно стать немецким внутренним морем".

За два дня до начала войны Розенберг обратился к своим ближайшим сотрудникам, которым предстояло взять на себя управление Россией.

"Задача кормить немецкий народ стоит первой в списке наших задач на Востоке, — объяснял присутствующим Розенберг. — Южные (русские) территории будут... кормить немецкий народ.

Мы не видим абсолютно никакого смысла кормить русский народ избытком продукции, добытой на этих территориях. Мы знаем, что это суровая необходимость... Русских ждут впереди очень тяжелые годы".

Действительно, очень тяжелые годы, поскольку немцы преднамеренно планировали уморить голодом миллионы русских!

Геринг, которого поставили во главе организации экономического ограбления Советского Союза, внес в этот вопрос еще большую ясность, чем Розенберг. В пространной директиве от 23 мая 1941 года его экономический штаб "Восток" установил, что излишки продовольствия, получаемые в русской черноземной полосе на юге, не должны выделяться для населения индустриальных районов, где промышленность в любом случае будет разрушена. Рабочие и их семьи в этих регионах будут обречены на голодную смерть или, если смогут, эмигрируют в Сибирь. Огромные массы русского продовольствия пойдут в Германию.

"Немецкая администрация на этих территориях, — говорилось в директиве, — может попытаться смягчить последствия голода, который несомненно будет иметь место и ускорит возврат примитивного ведения сельского хозяйства. Однако эти меры голода не предотвратят. Любая попытка спасти местное население от голодной смерти повлечет ввоз излишков продукции из черноземной зоны и уменьшение поставок в Европу. Это в свою очередь будет ослаблять военную мощь Германии и подрывать способность Германии и Европы выдержать блокаду. Следует уяснить это со всей отчетливостью".

Сколько русского населения погибнет в результате этой преднамеренно спланированной политики Германии? На совещании статс-секретарей 2 марта был дан ответ на этот вопрос. "Нет никакого сомнения, — говорилось в секретном меморандуме совещания, — что в результате многие миллионы людей умрут голодной смертью, если мы изыдем из страны все то, что необходимо нам". И Геринг подтвердил слова Розенберга о том, что все будет изъято и что "следует уяснить это со всей отчетливостью".

Выступил ли хотя бы один из немцев с протестом против этой запланированной жестокости, этой хорошо продуманной системы уничтожения миллионов посредством голодной смерти? В немецких документах, касающихся этих директив по грабежу России, не содержится упоминаний о чьих-либо возражениях, подобных возражениям некоторых генералов против "приказа о комиссарах". Эти планы являлись не просто проявлением дикой и злобной фантазии извращенного ума и души людей, подобных Гитлеру, Герингу, Гиммлеру и Розенбергу. Как явствует из

официальных документов, на протяжении недель и месяцев немецкие чиновники, сидя за своими рабочими столами и нежась в лучах ласкового весеннего солнца, складывали цифры и составляли памятные записки, в которых хладнокровно планировали смерть ни в чем не повинных миллионов людей, в данном случае — посредством голодной смерти. А бывший фермер и специалист по производству цыплят Генрих Гиммлер, с мягкими чертами лица, в это же время сидел за столом в своей штаб-квартире СС в Берлине и сквозь пенсне внимательно рассматривал планы уничтожения новых миллионов более быстрым и варварским способом.

Удовлетворившись результатами работы миллионов немцев, как военных, так и гражданских, по составлению планов нападения на Советский Союз, его уничтожения, эксплуатации и массового убийства его граждан, Гитлер 30 апреля назначил дату нападения — 22 июня и 4 мая выступил с победной речью в рейхстаге, а затем отбыл в свою любимую резиденцию Бергхоф, чтобы наслаждаться видом Альпийских гор, их заснеженных вершин и думать о следующем, самом крупном своем завоевании, услышав о котором, как заявил он генералам, мир затаит дыхание.

Именно здесь в ночь на 10 мая 1941 года он получил неожиданное и весьма странное известие, которое потрясло его до глубины души и вынудило на некоторое время отключиться от военных забот. Самое доверенное лицо фюрера, его заместитель по партии, второй после Геринга преемник, человек, с 1921 года слывший преданнейшим и фанатичным последователем, а после убийства Рема и ближайшим другом, воспользовавшись самолетом, покинул страну, чтобы по собственной инициативе вступить в переговоры с противником!

Полет Рудольфа Гесса

Первое сообщение, поступившее поздно вечером 10 мая, о том, что Рудольф Гесс на истребителе "Мессершмитт-110" улетел в Шотландию, поразило Гитлера, по воспоминаниям доктора Шмидта, точно взрыв бомбы в Бергхофе. Генерал Кейтель застал фюрера лихорадочно ходившим взад-вперед по просторному кабинету. Он стучал пальцем себе по лбу и бормотал, что Гесс, должно быть, сошел с ума. "Мне необходимо немедленно переговорить с Герингом", — кричал Гитлер. На следующее утро состоялся бурный разговор с Герингом и партийными гаулейтерами, пока они пытались найти подходящее для немецкого народа и мировой общественности объяснение этому из ряда вон выходящему событию. Положение осложнялось, как показал на суде Кейтель, тем, что англичане некоторое время молчали о нежданном визитере, и Гитлер, и его

сообщники надеялись, что у Гесса кончилось горючее и его самолет упал в холодные воды Северного моря и затонул.

Первую информацию фюрер почерпнул из несколько сумбурного письма Гесса, доставленного курьером через несколько часов после его вылета (в 17. 45 10 мая) из Аугсбурга. "Я не узнаю его в этом письме. Это совсем другой человек. Что-то с ним, должно быть, случилось — какое-нибудь психическое расстройство", — говорил Гитлер Кейтелю. Однако у фюрера уже родились подозрения. Был отдан приказ об аресте Мессершмитта и многих лиц из канцелярии Гесса.

Если Гитлера озадачил внезапный отлет Гесса, то Черчилля не меньше озадачил его неожиданный прилет {Черчилль подробно описал, как он воспринял эту новость в тот субботний вечер и как вначале подумал, что это слишком фантастично, чтобы быть правдой (Черчилль У. Большой альянс, с. 50–55). — Прим. авт. }. Сталин отнесся к этому крайне подозрительно. На протяжении всей войны странный инцидент оставался загадкой, и только на Нюрнбергском процессе, где Гесс выступал в роли обвиняемого, в этот вопрос была внесена ясность.

Гесс, с его всегдашней путаницей в мыслях, хотя и не столь ограниченный, как Розенберг, вылетел в Англию по собственной инициативе, будучи убежден, что ему удастся добиться мирного урегулирования. Какой бы иллюзорной ни представлялась его затея, он искренне верил в нее — в этом не приходится сомневаться. В 1936 году, во время Олимпийских игр в Берлине, он встречался с герцогом Гамильтоном, и теперь он покинул свой "мессершмитт" и спустился на землю с парашютом в 20 милях от дома герцога в Шотландии — настолько хорошо владел Гесс навигационным искусством, — а затем попросил первого встречного крестьянина доставить его к лорду. Случилось так, что Гамильтон, командир авиакрыла королевских военно-воздушных сил, в тот субботний вечер находился на дежурстве в помещении радиолокационного наблюдательного поста и именно в его секторе засекли перелет "мессершмитта" через прибрежную зону. Примерно через час, около 10 вечера, ему доложили, что самолет упал и сгорел, а пилот спустился на парашюте и назвался Альфредом Горном. Он утверждал, что прилетел "с особой миссией" — встретиться с лордом Гамильтоном. Встреча была подготовлена английскими властями на следующее утро.

Гесс объяснил герцогу, что явился с миссией мира, что фюрер не желает поражения Англии и согласен прекратить борьбу. Тот факт, что до Англии ему удалось добраться с четвертой попытки — все три предыдущих раза он был вынужден возвращаться из-за плохой погоды — и

что является членом кабинета министров рейха, по мнению Гесса, доказывал "его искренность и стремление к миру Германии". В ходе этой беседы и всех последующих Гесс не переставал утверждать, что Германия выиграет войну, что если она будет продолжаться, то англичане окажутся в ужасном положении. Поэтому он предлагал воспользоваться его пребыванием в Англии и начать переговоры о мире. Нацистский фанатик был настолько уверен, что англичане сядут с ним за стол переговоров, что советовал герцогу испросить у короля разрешение освободить его под честное слово, поскольку он явился без оружия и по собственной воле. Позднее он потребовал, чтобы с ним обращались с должным уважением как с членом кабинета министров.

В дальнейшем переговоры с Гессом, за исключением одного случая, вел Айвон Киркпатрик, бывший первый секретарь английского посольства в Берлине, конфиденциальные доклады которого позднее были предъявлены на Нюрнбергском процессе. Этому умудренному опытом специалисту по нацистской Германии Гесс, точно попугай, повторял объяснения Гитлера по поводу всех нацистских агрессий от Австрии до Скандинавии и Нидерландов и, еще раз подтвердив, что Англия ответственна за войну и конечно проиграет ее, если не покончит с ней теперь же, выдвинул условия для заключения мира. Это были те же самые условия, которые Гитлер безуспешно выдвигал Чемберлену накануне нападения на Польшу: Англия должна предоставить Германии полную свободу действий в Европе, а Германия за это предоставит ей свободу действий в пределах Британской империи. Бывшие немецкие колонии, разумеется, должны быть возвращены Германии, а Англия заключит мир с Италией.

"Наконец, когда мы покидали помещение, — докладывал Киркпатрик, — Гесс выпалил последнее условие. Он, по его словам, забыл подчеркнуть, что предложение о мире может быть рассмотрено при условии, если Германия будет вести переговоры с другим английским правительством, а не с нынешним. Господин Черчилль, планировавший с 1936 года эту войну, и его коллеги, поддерживавшие эту политику войны, не те люди, с которыми фюрер пойдет на переговоры".

Для немца, выдвинувшегося на видный пост внутри нацистской партии, живущей по законам джунглей, а затем и в третьем рейхе, Рудольф Гесс был необыкновенно наивным человеком. Это могут подтвердить все, кто его близко знал. Он ожидал, что его сразу же воспримут как серьезного представителя и пойдут с ним на переговоры, если не Черчилль, то руководители оппозиционной партии, одним из которых он считал герцога

Гамильтона. Когда его контакты с английскими официальными лицами сузились до Киркпатрика, он сделался агрессивным и перешел к угрозам. В ходе беседы 14 мая он нарисовал скептически настроенному дипломату картину ужасающих последствий, ожидающих Англию, если она будет продолжать войну. Уже вскоре будет осуществлена полная блокада Британских островов.

Абсурдно думать, что в Англии согласны на капитуляцию, пересказывал Киркпатрик слова Гесса, и что войну можно будет вести с территории имперских колоний. В таком случае в намерения Гитлера входило продолжать блокаду Англии... "Чтобы мы стали свидетелями запланированной голодной смерти населения островов".

Гесс настаивал, чтобы беседы, которых он добился с таким риском, были сразу же переведены в плоскость мирных переговоров. Его собственный полет, как объяснял он Киркпатрику, был рассчитан на то, чтобы предоставить англичанам шанс начать переговоры без ущерба для их престижа. Если они отвергнут этот шанс, это будет воспринято как нежелание установить взаимопонимание с Германией и Гитлер будет вынужден — по существу, это его долг — разгромить Англию окончательно и держать ее после войны в постоянном подчинении. Гесс настаивал на том, чтобы ограничить число участников переговоров. Будучи рейхсминистром, он не хотел поставить себя в положение человека, вынужденного выслушивать вопросы и комментарии.

На этой забавной ноте завершились беседы Киркпатрика с Гессом. Однако 10 июня неожиданно, по утверждению Черчилля, британский кабинет попросил лорда Саймона побеседовать с Гессом. Согласно уверениям адвоката Гесса на Нюрнбергском процессе, Саймон обещал Гессу довести его мирные условия до сведения английского правительства {На суде в Нюрнберге Гесс говорил, что лорд Саймон представился ему как "доктор Гутри" и заявил: "Я пришел по поручению правительства и готов обсудить с вами все, что вы сочтете целесообразным, и довести до английского правительства". — Прим авт. }.

Мотивы Гесса были очевидны. Он искренне желал мира с Англией. У него не было и тени сомнения, что Германия выиграет войну и разгромит Соединенное Королевство, если не будет немедленно заключен мир. Имелись, конечно, и другие мотивы. Война поколебала его положение в рейхе. В условиях войны должность заместителя фюрера по партии казалась малоинтересной и уже не столь важной. Первостепенными в Германии теперь считались вопросы руководства войной и деятельность, связанная с внешней политикой. Это были те вопросы, которые привлекали

внимание фюрера, исключая почти все остальное, и выводили на авансцену Геринга, Риббентропа, Гиммлера, Геббельса и генералов. Гесс испытывал чувство подавленности и зависть. Чтобы восстановить свое прежнее положение в глазах любимого вождя и всей страны, необходимо было предпринять смелый и эффективный шаг и единолично заключить мир между Германией и Англией. Наконец, подобно многим из высокопоставленных нацистских заправил, в том числе и самому фюреру и Гиммлеру, заместитель фюрера с нависшими бровями верил предсказаниям астрологов. В Нюрнберге он признался американскому тюремному психиатру Дугласу М. Келли, что в конце 1940 года один из его астрологов предсказал по звездам, что ему суждено принести мир на землю. Гесс рассказал также, что его наставник, профессор Гаусгофер, мюнхенский геополитик, видел во сне, как, шагая по коврам английского замка, он нес мир двум великим "нордическим" народам. Эта бредовая идея несомненно до некоторой степени стимулировала Гесса, так и не избавившегося от инфантильности, предпринять столь фантастическую миссию в Англию.

На Нюрнбергском процессе один из английских обвинителей выдвинул еще одну причину предпринятого Гессом полета: он вылетел в Англию для заключения мирного соглашения с Германией, чтобы, напав на Советский Союз, она могла вести войну на одном фронте. Обвинитель от России заявил трибуналу, что он в этом уверен. В этом был уверен и Сталин, подозрения которого в столь критическое время усилились не в отношении Германии, хотя именно там готовилось нападение на Советский Союз, а в отношении Англии. Появление Гесса в Шотландии убедило Сталина в том, что где-то там в большой тайне Черчилль сговаривается с Гитлером, намереваясь предоставить Германии такую же свободу для нанесения удара по Советскому Союзу, какая была предоставлена Германии, чтобы она смогла напасть на Польшу и на Запад. Когда спустя три года английский премьер-министр во время визита в Москву пытался рассказать Сталину всю правду, советский лидер просто не поверил ему. Из протоколов допросов, проведенных Киркпатриком, который пробовал выяснить у нацистского лидера намерения Гитлера в отношении России, очевидно, либо Гесс вовсе не знал о плане "Барбаросса", либо не знал, что вот-вот начнется его осуществление.

За всю свою жизнь Гитлер никогда не попадал в такое неловкое положение, как после внезапного вылета Гесса. Он понимал, что его ближайший сподвижник нанес жестокий урон престижу режима. Как объяснить его поступок немецкому народу да и внешнему миру? Допрос арестованных из окружения Гесса убедил фюрера, что выхода верного

помощника — не является результатом нелояльного отношения к нему, тем более результатом заговора, и утвердился во мнении, что он просто рехнулся. После того как англичане подтвердили прилет Гесса, в Бергхофе решили дать именно такое объяснение поступка Гесса. Вскоре немецкая пресса послушно опубликовала краткое сообщение, что эта некогда выдающаяся звезда национал-социализма превратилась в "безумного идеалиста, страдающего галлюцинациями в результате ранений, полученных в первую мировую войну".

"Как теперь представляется, — говорилось в официальном сообщении, — партайгеноссе Гесс жил в состоянии галлюцинации, в результате чего он решил, что сможет добиться взаимопонимания между Англией и Германией... Однако это никоим образом не повлияет на продолжение войны, навязанной немецкому народу".

В частном порядке Гитлер отдал приказ застрелить Гесса на месте, если тот вернется {На Нюрнбергском процессе Гесс выглядел жалким, надломленным и некоторое время прикидывался полностью потерявшим память (у него действительно находили легкое умопомрачение). Избежав смертного приговора благодаря обнаруженному коллапсу, он был осужден на пожизненное заключение. Я подробно писал о нем в своем труде "Конец берлинского дневника".

Англичане обращались с ним как с военнопленным и освободили его в октябре 1945 года, с тем чтобы он предстал перед судом в Нюрнберге. Во время пребывания в плену в Англии он постоянно возмущался, что на него не распространяют дипломатические привилегии; его психическое состояние стало ухудшаться, временами он впадал в состояние амнезии. Доктору Келли он говорил, что, находясь в заключении, дважды пытался покончить с собой. По его словам, он пришел к убеждению, что англичане пытаются отравить его. — Прим. авт. }, а официально лишил его всех постов и рангов и назначил на его место фигуру еще более зловещую — Мартина Бормана, потворствовавшего всем его начинаниям. Фюрер надеялся, что этот странный эпизод уже вскоре будет позабыт; его мысли вернулись к проблемам, связанным с подготовкой нападения на Россию, до которого оставалось совсем немного времени.

Трудности Кремля

Вопреки очевидным намерениям Гитлера — наращивание германских войск в Восточной Польше, присутствие миллиона нацистских войск на Балканах, захват вермахтом Югославии и Греции, оккупация Румынии, Болгарии и Венгрии — обитатели Кремля, и прежде всего Сталин, непреклонные реалисты, какими они слыли и какими были на самом деле,

слепо верили, что России все же удастся избежать ярости нацистского диктатора. Обладая их подозрительностью и являясь очевидцами событий, происходивших в Юго-Восточной Европе, было просто невозможно не возмущаться действиями Гитлера. И тем не менее было что-то нереальное, почти невероятное, совершенно гротескное в дипломатическом обмене между Москвой и Берлином в эти весенние дни (что исчерпывающе зафиксировано в захваченных нацистских архивных документах), из которого явствует, что немцы неуклюже стремились водить за нос Кремль до самого последнего момента, а советские лидеры, очевидно, были не в состоянии в полной мере оценить обстановку и своевременно отреагировать на происходящее.

Хотя Советы и протестовали несколько раз против ввода немецких войск в Румынию и Болгарию, а затем против нападения на Югославию и Грецию, усматривая в этом нарушение условий нацистско-советского пакта и угрозу русским "интересам безопасности", они продолжали умиротворять Берлин. Сталин лично проводил эту линию. 13 апреля 1941 года посол фон Шуленбург передал в Берлин любопытное донесение, в котором описывал, как при отъезде из Москвы японского министра иностранных дел Есукэ Мацуоки Сталин сделал "намеренно дружественный жест" не только по отношению к японцу, но и по отношению к немцам.

"Сталин открыто подозвал меня, — телеграфировал Шуленбург, — и, положив руку мне на плечо, сказал: "Мы должны оставаться друзьями и вы обязаны сделать все для этого! " Спустя некоторое время он обернулся к исполнявшему обязанности военного атташе полковнику Кребсу и, удостоверившись, что он действительно немец, сказал ему: "Мы с вами останемся верными друзьями и в беде, и в радости! "

Через три дня немецкий поверенный в делах в Москве Типпельскирх телеграфировал в Берлин, что демонстрация на вокзале подтвердила дружественное отношение Сталина к Германии и что это особенно важно "ввиду упорно циркулирующих слухов о предстоящем конфликте между Германией и Советским Союзом". Днем раньше Типпельскирх информировал Берлин, что Кремль после длившихся в течение долгих месяцев ожесточенных споров безоговорочно принял немецкие предложения по урегулированию границы между двумя странами от реки Игорка до Балтийского моря. "Уступчивость Советского правительства весьма примечательна", — писал он. В свете того, что готовилось Берлином, такая уступчивость действительно была примечательна.

Советское правительство проявляло уступчивость и в вопросах снабжения стратегическим сырьем Германии, зажатой английской

блокадой. 5 апреля 1941 года Шнурре, который вел торговые переговоры с Москвой, торжествующе докладывал своим нацистским хозяевам, что после задержки русских поставок в январе и феврале 1941 года ввиду "охлаждения политических отношений" они "стремительно увеличились в марте, особенно поставки зерна, нефти, марганцевой руды, цветных и драгоценных металлов".

"Транзит через Сибирь, — добавил он, — осуществляется, как всегда, успешно. По нашей просьбе Советское правительство даже выделило в наше распоряжение специальный товарный состав для перевозки каучука от Манчжурской границы".

Через шесть недель, 15 мая, Шнурре докладывал, что русские выделили несколько специальных товарных составов, с тем чтобы 4 тысячи тонн остро необходимого натурального каучука были доставлены в Германию по Транссибирской магистрали.

"Русские пунктуально поставляют то количество сырья, которое оговорено контрактом, несмотря на то, что это ложится на них тяжелым бременем... У меня сложилось впечатление, что мы можем предъявить Москве такие экономические требования, которые выходят за рамки торгового соглашения от 10 января, требования, рассчитанные на обеспечение немецких потребностей в продовольствии и сырье в размерах, превышающих контракт".

Немецкие поставки машин и оборудования России отставали от установленных сроков, но Шнурре, по-видимому, это не беспокоило, раз сами русские не тревожились. Однако 15 мая его взволновало другое. "Возникают большие затруднения, — жаловался он, — из-за бесчисленных слухов о предстоящем конфликте между Германией и Россией". Вину за эти слухи он возлагал на немецкие официальные источники. В обстоятельном меморандуме министерству иностранных дел Шнурре объяснял, что затруднения проистекают не от русских, а от немецких промышленных фирм, которые пытаются разорвать контракт с русскими.

Здесь следует отметить, что Гитлер делал все возможное, чтобы опровергнуть эти слухи, но одновременно упорно убеждал своих генералов и высших чиновников, что угроза нападения на Германию со стороны России нарастает. Несмотря на то что генералы по данным военной разведки знали, что это не так, гипнотическое влияние Гитлера на них было настолько сильно, что даже после войны Гальдер, Браухич, Манштейн и другие (но не Паулюс, который, очевидно, был более честен) утверждали, будто концентрация советских войск на польской границе к началу лета приобрела угрожающий характер.

Граф фон Шуленбург, прибывший из Москвы в краткосрочный отпуск в Берлин, встретился с Гитлером 28 апреля и пытался убедить его в миролюбивых намерениях России. "Россия очень встревожена слухами о предстоящем нападении на нее Германии, — объяснял он Гитлеру. — Не могу поверить, что Россия собирается напасть на Германию. Если Сталин не мог идти вместе с Англией и Францией в 1939 году, когда эти две страны были еще сильны, то сегодня, когда Франция разгромлена, а Англия жестоко побита, он тем более не примет такого решения. Наоборот, я убежден, что Сталин готов идти нам на дальнейшие уступки".

Фюрер изобразил притворный скептицизм. Он заявил, что воспринимает события в Сербии как предостережение. "Какой дьявол вселился в русских, когда они заключали пакт о дружбе с Югославией?" {5 апреля, за день до нападения Германии на Югославию, Советское правительство предприняло отчаянную попытку воспрепятствовать намерениям Гитлера — в срочном порядке заключило Договор о дружбе и ненападении с новым югославским правительством. Молотов информировал об этом Шуленбурга накануне нападения, и посол воскликнул, что момент для этого выбран очень неудачный, и безуспешно пытался уговорить русских по крайней мере отложить подписание договора. — Прим. авт. } — вопрошал фюрер. Он, правда, не верит, что "Россия способна напасть на Германию", тем не менее он обязан "проявлять осторожность". Гитлер ничего не сказал своему послу в Советском Союзе о планах, направленных против этой страны, и Шуленбург, честный и порядочный дипломат старой школы, оставался до конца в полном неведении относительно его планов.

Сталин тоже пребывал в неведении, несмотря на многочисленные предостережения и симптомы, указывающие на подлинные замыслы Гитлера. 22 апреля Советское правительство официально заявило протест по поводу 80 случаев нарушения границы немецкими самолетами, имевших место в период между 27 марта и 18 апреля, подробно описав каждый случай нарушения воздушного пространства. В одном случае в немецком разведывательном самолете, приземлившемся недалеко от Ровно 15 апреля, была обнаружена фотокамера с засвеченной пленкой и разорванная топографическая карта западных областей СССР, "которые со всей очевидностью говорят о целях экипажа этого самолета". Даже протестуя, русские вели себя более чем корректно. Пограничным войскам был отдан приказ, говорилось в ноте, "не открывать огня по немецким самолетам, летящим над советской территорией, пока эти полеты не участвуются".

В начале мая Сталин предпринял новые шаги к примирению — в угоду Гитлеру он выпроводил из Москвы дипломатических представителей Бельгии, Норвегии, Греции и даже Югославии и закрыл их посольства. Он признал пронацистское правительство Рашида Али в Ираке. Советской прессе были даны строжайшие указания воздержаться от публикации таких материалов, которые могли бы спровоцировать Германию.

"Такая демонстрация намерений сталинского правительства, — телеграфировал Шуленбург в Берлин 12 мая, — рассчитана... на ослабление напряженности между Советским Союзом и Германией и создание более благоприятной атмосферы на будущее. Мы должны помнить, что сам Сталин всегда выступал в поддержку дружественных отношений между Германией и Советским Союзом".

Хотя Сталин давно обладал абсолютной диктаторской властью в Советском Союзе, Шуленбург в этом донесении впервые употребил термин "сталинское правительство". Для этого у него имелись достаточные основания. 6 мая Сталин взял на себя полномочия Председателя Совета Народных Комиссаров, заменив на этом посту Молотова, который остался Народным комиссаром по иностранным делам. Впервые всемогущий секретарь Коммунистической партии взял на себя функции главы правительства, и мир воспринял это как признак того, что ситуация для Советского Союза настолько осложнилась, особенно его отношения с нацистской Германией, что с ней мог справиться только Сталин, будучи номинальным и фактическим главой правительства. Такая интерпретация событий была очевидна, но была и другая, не столь очевидная, о которой проницательный немецкий посол в Москве сразу же догадался и сообщил в Берлин.

Посол докладывал, что Сталин был недоволен ухудшением германо-советских отношений и вину за это в значительной мере возложил на Молотова, проводившего свою неуклюжую дипломатию.

"По моему мнению, — докладывал Шуленбург, — можно со всей определенностью утверждать, что Сталин поставил перед собой внешнеполитическую цель исключительной важности... которой он надеется достигнуть посредством личных усилий. Я твердо верю, что ввиду осложнений международной обстановки Сталин поставил перед собой цель уберечь Советский Союз от конфликта с Германией".

Неужели хитрый советский диктатор не понял к середине мая 1941 года, что это уже недостижимая цель, что, чтобы достигнуть поставленной цели, не оставалось уже ничего, кроме как капитулировать перед Гитлером? Наверняка он понимал, что означает захват Гитлером Югославии и Греции,

концентрация огромных масс немецких войск у юго-восточных границ Советского Союза в Румынии и Венгрии, наращивание сил вермахта у восточной границы Польши. Да и слухи, упорно циркулировавшие в Москве, до него конечно доходили. К началу мая то, что Шуленбург назвал в донесении от 2 мая "слухами о неизбежном германо-советском военном столкновении", настолько распространилось по советской столице, что ему и его сотрудникам в немецком посольстве стало просто трудно с этим бороться.

"Пожалуйста, имейте в виду, — писал он в Берлин, — что попытки противодействовать этим слухам здесь, в Москве, неминуемо окажутся неэффективными, если такие слухи будут непрерывно поступать из Германии и если каждый приезжающий в Москву или проезжающий через нее, принося с собой эти слухи, сможет и подтвердить их, ссылаясь на конкретные факты".

Дипломат с большим опытом, Шуленберг и сам был охвачен подозрениями. Он получил указание из Берлина по-прежнему опровергать слухи и распространять версию, будто не только не наблюдается никакого сосредоточения немецких войск у русских границ, но и значительные силы (восемь дивизий, как ему было сообщено в порядке личной информации) перебрасываются с востока на запад. Вероятно, подобные инструкции лишь усиливали беспокойство посла, поскольку к этому времени пресса во всем мире начала трубить о наращивании немецких военных сил у советских границ.

Однако Сталин задолго до этого получил недвусмысленные предупреждения о планах Гитлера и, вероятно, не придавал им значения. Наиболее серьезное предупреждение поступило от правительства Соединенных Штатов.

В начале января 1941 года американский торговый атташе в Берлине Сэм Е. Вудз направил в государственный департамент конфиденциальное донесение, в котором сообщал, что, как ему стало известно из заслуживающих доверия немецких источников, Гитлер планирует нападение на Россию весной этого года. Это было длинное и подробное донесение с изложением в общих чертах плана нападения, разработанного генеральным штабом (оно оказалось совершенно точным), и приготовлений к экономической эксплуатации Советского Союза после того, как страна будет завоевана {Корделл Хэлл раскрывает детали этого обстоятельства в своих мемуарах. У Вудза был друг из числа антинацистски настроенных немцев, который имел связи в высших эшелонах власти, Рейхсбанке и партии. Еще в августе 1940 года этот друг

информировал Вудза о совещаниях в ставке Гитлера, на которых обсуждались планы нападения на Советский Союз. С тех пор этот источник держал Вудза в курсе приготовлений, которые велись как в генеральном штабе, так и в ведомствах, разрабатывавших планы экономического грабежа России. Во избежание разоблачений Вудз встречался со своим другом в различных кинотеатрах и в темноте получал от него краткие записи (см. Хэлл К. Мемуары).

Я покинул Берлин в декабре 1940 года. Джордж Кеннэн, блестящий американский дипломат, остававшийся в Берлине, утверждает, что посольство получало из различных источников информацию о предстоящем нападении на Россию. За две или три недели до нападения, по словам Кеннэна, американский консул в Кенигсберге сообщал точную дату нападения. — Прим. авт. }.

Государственный секретарь Корделл Хэлл сначала решил, что Вудз стал жертвой провокации немецкой агентуры. Он пригласил Эдгара Гувера. Шеф ФБР прочитал донесение и признал его подлинным. Вудз называл имена некоторых источников, служивших как в различных министерствах в Берлине, так и в немецком генеральном штабе, и после проверки в Вашингтоне пришли к выводу, что эти люди относятся к той категории сотрудников, которые знают о том, что замышляется в верхах, и настроены достаточно враждебно по отношению к нацизму, чтобы ненароком разболтать секреты. Несмотря на натянутые отношения, существовавшие тогда между американским и советским правительствами, Хэлл решил проинформировать русских и попросил заместителя госсекретаря Самнера Уэллеса сообщить суть донесения из Берлина советскому послу Константину Уманскому. Это было сделано 20 марта.

"Мистер Уманский побледнел, — писал позднее Уэллес. — Он молчал некоторое время, а затем просто сказал: "Я полностью осознаю серьезность сделанного вами сообщения... и немедленно сообщу своему правительству о нашем разговоре".

Поверило ли оно в подлинность этой своевременно представленной разведывательной информации и осталось ли благодарно американскому правительству, об этом Советское правительство не сделало даже намека. В действительности, как пишет в своих мемуарах Корделл Хэлл, Москва стала проявлять больше враждебности и резкости, так как американская поддержка Англии сделала невозможной снабжение России всеми теми материалами, которых она требовала. Тем не менее, как утверждает Хэлл, государственный департамент, получив в первой декаде июня донесения из своих посольств в Бухаресте и Стокгольме о том, что Германия вторгнется

в Россию в ближайшие две недели, препроводил копии этих донесений своему послу в Москве Штейнгардту, который передал их Молотову.

Черчилль также пытался предупредить Сталина. 3 апреля он попросил своего посла в Москве Стаффорда Криппса передать личное письмо диктатору, указав на важность для России передислокаций немецких войск в Южной Польше, о которых ему стало известно от английского агента. Криппс задержался с передачей этого сообщения русским, и Черчилль не сумел скрыть своего раздражения, даже когда писал об этом эпизоде спустя многие годы.

Криппс узнал дату нападения на Советский Союз в конце апреля, и немцам это стало известно. 24 апреля немецкий военно-морской атташе в Москве направил короткое сообщение командованию военно-морских сил в Берлине:

"Английский посол называет 22 июня днем начала войны". Это донесение, обнаруженное среди прочих нацистских документов, было занесено в тот же день в журнал германских ВМС с добавлением восклицательного знака в конце. Адмиралы были удивлены точностью предсказания, сделанного английским послом. Бедный военно-морской атташе, который, подобно послу в Москве, не был допущен к секрету, добавил в своем донесении, что это "явный абсурд".

Так, должно быть, думал и Молотов. 22 мая он принял Шуленбурга, чтобы обсудить с ним различные вопросы. "Он был, как обычно, любезен, самоуверен и хорошо осведомлен", — докладывал посол в Берлине и вновь подчеркивал, что Сталин и Молотов, "два наиболее могущественных человека в Советском Союзе", из всех сил стремятся избежать конфликта с Германией. Только в одном проницательный посол глубоко ошибался: при сложившихся обстоятельствах Молотов не мог быть "хорошо осведомлен". Однако не был осведомлен и сам посол.

Насколько плохо был осведомлен русский комиссар по иностранным делам, явствует из опубликованного 14 июня 1941 года, всего за неделю до немецкого нападения, заявления. В этот вечер Молотов пригласил Шуленбурга и вручил ему текст заявления ТАСС, которое, по словам комиссара, предполагалось вечером передать по радио, а завтра утром опубликовать в газетах. Обвинив Криппса в распространении в английской и иностранной прессе слухов о неминуемой войне между Советским Союзом и Германией, он ознакомил посла с официальным заявлением Советского правительства, которое заклеямило слухи как "очевидный абсурд... неуклюжий пропагандистский маневр сил, выступающих против Советского Союза и Германии". Далее в заявлении добавлялось:

"В советских кругах считают, что слухи о намерении Германии... предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы".

Даже недавнее передвижение немецких войск с Балкан к советской границе объявлялось в заявлении как "не имеющее касательства к советско-германским отношениям". Что касается слухов о том, будто Советский Союз собирается напасть на Германию, то они "лживые и провокационные".

Ирония заявления ТАСС усиливается двумя акциями с немецкой стороны, одна из которых была предпринята в день опубликования заявления, 15 июня, другая — на следующий день.

15 июня Риббентроп из Венеции, где он совещался с Чиано, направил секретную депешу в Будапешт, предупреждая венгерское правительство, что необходимо "принять меры по обеспечению, своих границ".

"Ввиду большого сосредоточения русских войск у восточной границы Германии фюрер, вероятно, будет вынужден, самое позднее, в начале июля внести ясность в германо-русские отношения и в этой связи предъявить определенные требования".

Немцы делали намек венграм, но не своему основному союзнику. Когда на следующий день Чиано во время прогулки на гондоле по каналам Венеции спросил Риббентропа про слухи о неизбежном нападении Германии на Россию, нацистский министр иностранных дел ответил:

"Дорогой Чиано, я не могу ничего сказать, потому что каждое решение находится под замком в непроницаемой груди фюрера. Однако одно несомненно: если мы нападём на них, то Россия Сталина будет стерта с карты мира в пределах восьми недель" {Это взято из последней дневниковой записи Чиано, сделанной 23 декабря 1943 года в камере э 27 веронской тюрьмы за несколько дней до казни. Итальянское правительство, по его воспоминаниям, узнало о немецком вторжении в Россию через полчаса после его начала. — Прим. авт. }.

14 июня 1941 года, в то время, как Кремль готовился оповестить по радио весь мир о том, что слухи о немецком нападении на Россию не что иное, как "очевидный абсурд", Адольф Гитлер проводил заключительное военное совещание по плану "Барбаросса" с ведущими генералами вермахта. К осуществлению графика сосредоточения войск на Востоке и их развертывания на исходных позициях приступили 22 мая. Пересмотренный вариант графика был издан через несколько дней. Этот длинный и детально разработанный документ свидетельствует, что к началу июня не только было закончено составление всех планов, связанных с нападением на Россию, но и осуществлялась строго по графику переброска войск,

артиллерии и танков, самолетов, кораблей и грузов материально-технического снабжения. В журнале военно-морских сил имеется краткая запись от 29 мая: "Подготовительное передвижение боевых кораблей в соответствии с планом "Барбаросса" началось". Переговоры с генеральными штабами Румынии, Венгрии и Финляндии — последняя стремилась вернуть себе отобранное русскими в ходе зимней военной кампании — были завершены. 9 июня Гитлер направил из Берхтесгадена приказ о созыве главнокомандующих трех видов вооруженных сил и высших военачальников полевых войск на заключительное совещание по операции "Барбаросса", которое должно было состояться в Берлине 14 июня.

Несмотря на всю чудовищность задачи, не только Гитлер, но и его генералы чувствовали себя вполне уверенно, в последний раз обсуждая детали самой крупной военной операции в истории, сводившейся к массированному наступлению на фронте протяженностью около 1500 миль — от Северного Ледовитого океана до Черного моря. Накануне вечером Браухич вернулся в Берлин после инспекционной проверки концентрации сил на Востоке. Гальдер отметил в своем дневнике, что главнокомандующий сухопутными войсками остался доволен результатами поездки. "Общее впечатление отрадное, — записал начальник генерального штаба. — Войска в хорошем состоянии".

Военное совещание 14 июня длилось с 11 часов дня до 6. 30 вечера. Во время обеденного перерыва Гитлер устроил своим генералам очередную накачку перед сражением. Согласно Гальдеру, это была "большая политическая речь", в которой Гитлер подчеркнул, что вынужден напасть на Россию, потому что ее разгром "вынудит Англию прекратить борьбу". Однако кровожадный фюрер этим заявлением, должно быть, не ограничился. Кейтель рассказал об этом во время допроса на Нюрнбергском процессе.

"Главный смысл его выступления сводился к тому, что это решающая битва между двумя идеологиями, и ту практику ведения войны, которую мы знали как солдаты, — единственно правильную по международным законам, — следует измерять совершенно иными мерками".

Затем Гитлер отдал различные приказы по осуществлению беспрецедентного террора в России.

"Выступили вы или кто-либо из присутствовавших генералов с возражениями против этих приказов? " — спросил Кейтеля его адвокат.

"Нет. Я лично не высказал никаких возражений, — ответил генерал. — И никто из генералов не выступил с возражениями", — добавил он {Это

подтверждает Хассель. 16 июня он записывает в своем дневнике: "Браухич и Гальдер уже согласились с тактикой Гитлера (в России). Таким образом, армия должна взять на себя ответственность за убийства и поджоги, которая до сих пор лежала на СС".

Сначала антинацистские заговорщики наивно полагали, что приказы Гитлера на осуществление террора в России могут вызвать шок у генералов и побудить их присоединиться к антинацистскому движению. Но к 16 июня Хассель почувствовал себя разочарованным. В этот день запись в его дневнике начинается словами: "Серия совещаний с Попитцем, Герделером, Беком и Остером, на которых рассматривался вопрос о том, что конкретные приказы, полученные командующими армиями, но еще не переданные в войска, возможно, откроют глаза военачальникам на характер режима, во имя которого они сражаются. Эти приказы касаются жестоких... мер, которые солдаты должны применять против большевиков после нападения на Россию.

Мы пришли к заключению, что теперь надеяться не на что... Они (генералы) обманывают сами себя... " (Хассель. Мемуары, с. 198–199). — Прим. авт. }.

Просто непостижимо, но факт, что кремлевские лидеры, несмотря на репутацию людей подозрительных, хитрых и практичных, несмотря на очевидность нависшей над Россией угрозы, несмотря на все предупреждения об этой угрозе, до самого последнего момента не осознавали, что им нанесут удар, причем удар такой силы, который едва не разрушит их государство.

Прекрасным летним вечером 21 июня 1941 года, в 9 часов 30 минут, за девять часов до запланированного немецкого нападения, Молотов принял в своем кабинете в Кремле германского посла и вручил ему, по выражению Черчилля, свою "последнюю глупость". Упомянув о новых нарушениях границы немецкими самолетами, на что он дал указание советскому послу в Берлине обратить внимание Риббентропа, Молотов перешел к другому вопросу, о чем Шуленбург в тот же вечер сообщил срочной телеграммой в Берлин.

"Имеется ряд признаков, — говорил Молотов послу, — что германское правительство недовольно Советским правительством. Даже ходят слухи, что нависает угроза войны между Германией и Советским Союзом... Советское правительство оказалось не в состоянии понять причины недовольства правительства Германии... Он был бы признателен, если бы я мог ему сказать, что привело к нынешнему состоянию германо-советских отношений.

Я возразил, что не смогу ответить на его вопросы, поскольку не располагаю соответствующей информацией".

Вскоре он получит эту информацию, ибо уже в то время из Берлина в Москву для него передавалось по радио длинное зашифрованное указание от Риббентопа, датированное 21 июня 1941 года, с пометкой "совершенно срочно, государственная тайна, послу лично":

"С получением этой телеграммы все материалы по шифрованию должны быть уничтожены. Рацию необходимо вывести из строя.

Пожалуйста, немедленно информируйте господина Молотова, что вам необходимо сделать ему срочное сообщение... Затем, пожалуйста, сделайте ему следующее заявление..."

Это было уже знакомое заявление, полное всякого рода затасканных измышлений и лжи, в составлении которых Гитлер и Риббентроп набили руку и к которым они прибегали каждый раз, чтобы оправдать очередной акт неспровоцированной агрессии. Однако данное заявление — такое, во всяком случае, создалось впечатление автора этих строк при повторном его прочтении — превосходило все предыдущие по абсолютному бесстыдству и лживости. В то время как Германия неукоснительно соблюдала условия нацистско-советского пакта, говорилось в заявлении, Россия неоднократно нарушала их. СССР осуществлял "подрывную деятельность, терроризм и шпионаж" против Германии; он "боролся против усилий Германии установить стабильный порядок в Европе". Он вступил в сговор с Англией, чтобы осуществить "нападение на германские войска в Румынии и Болгарии". Сосредоточивая "все наличные русские силы на протяженном фронте от Балтики до Черного моря", он "угрожал" рейху. Далее в заявлении говорилось:

Донесения, полученные за последние несколько дней, исключают любые сомнения относительно агрессивного характера такого сосредоточения русских войск... Кроме того, имеются донесения из Англии о переговорах посла Криппса по более тесному политическому и военному сотрудничеству между Англией и Советским Союзом.

Резюмируя вышесказанное, правительство рейха в связи с этим заявляет, что Советское правительство вопреки принятым им обязательствам:

- 1) не только продолжало, но и усилило свои попытки подорвать Германию и Европу;
  - 2) проводило все более и более антигерманскую внешнюю политику;
  - 3) сосредоточило все свои силы в готовности на границе с Германией.
- Тем самым Советское правительство разорвало свои договоры с Германией

и собирается напасть на нее с тыла. В связи с этим фюрер приказал германским вооруженным силам противодействовать этой угрозе всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

"Пожалуйста, не вступайте ни в какое обсуждение этого сообщения", — предупреждал Риббентроп своего посла в конце телеграммы. Что мог сказать потрясенный и разочарованный Шуленбург, посвятивший лучшие годы своей жизни налаживанию германо-русских отношений и твердо знавший, что нападение на Советский Союз ничем не спровоцировано и не имеет оправдания? Вернувшись в Кремль перед самым рассветом, он ограничился прочтением немецкого заявления. Молотов, потрясенный, молча выслушал посла до конца и затем сказал: "Это война. Считаете ли вы, что мы это заслужили?" {Так закончилась карьера посла, дипломата старой школы. Возвратившись в Германию, он вынужден был подать в отставку, а затем присоединился к оппозиции, возглавляемой Беком, Герделером, Хасселем и другими. Одно время его кандидатура даже намечалась на пост министра иностранных дел. Как утверждает Хассель, в 1943 году Шуленбург был готов пересечь линию русско-германского фронта, чтобы договориться со Сталиным о заключении мира с антинацистским правительством Германии. После июльского заговора 1944 года против Гитлера Шуленбург был арестован, заключен в тюрьму и 10 ноября казнен гестапо. — Прим. авт. }

В тот же предрассветный час аналогичная сцена происходила на Вильгельмштрассе в Берлине. Всю вторую половину дня 21 июня советский посол Владимир Деканозов звонил по телефону в министерство иностранных дел, добиваясь приема у Риббентропа, чтобы вручить ему протест по поводу продолжающихся нарушений границы немецкими самолетами. Ему отвечали, что министра иностранных дел нет в городе. Наконец в 2 часа ночи 22 июня ему сообщили, что Риббентроп примет его в 4 часа утра в министерстве иностранных дел. Там посол, являвшийся одновременно заместителем комиссара по иностранным делам, палачом и порученцем Сталина, был, подобно Молотову в Москве, просто сражен услышанным. Доктор Шмидт, присутствовавший при этом, описывает эту сцену следующим образом:

"Я никогда не видел Риббентропа столь возбужденным, как за пять минут до прибытия Деканозова. Он нервно ходил туда и обратно по своему кабинету, подобно загнанному в клетку зверю...

Деканозова ввели в кабинет, и он, вероятно ни о чем не догадываясь, некстати протянул Риббентропу руку. Мы сели и... Деканозов по поручению своего правительства начал излагать конкретные вопросы,

требовавшие разъяснения. Однако едва он заговорил, как Риббентроп с окаменевшим лицом прервал его: "Теперь это неважно..."

После этого надменный нацистский министр иностранных дел объяснил, какой вопрос теперь самый важный, вручил послу копию меморандума, который Шуленбург в это время зачитывал в Москве Молотову, и сообщил, что в данный момент немецкие войска предпринимают "военные контрмеры" на советской границе. Ошеломленный советский посол, по словам Шмидта, "быстро взял себя в руки и выразил глубокое сожаление" по поводу такого оборота событий, за что он возложил всю вину на Германию. Затем "он встал, небрежно поклонился и покинул комнату, не подав руки".

Нацистско-советский медовый месяц закончился. 22 июня 1941 года в 3 часа 30 минут утра, за полчаса до завершения дипломатических формальностей в Кремле и на Вильгельмштрассе, грохот нацистских орудий по фронту, протянувшемуся на сотни миль, развеял иллюзии Москвы относительно дружбы с нацистской Германией.

Этой канонаде предшествовала еще одна дипломатическая прелюдия. Днем 21 июня Гитлер сел за свой рабочий стол в новой подземной ставке Вольфшанце, расположенной в Восточной Пруссии, в мрачном лесу возле Растенбурга, и продиктовал длинное письмо Муссолини. Как и при подготовке всех других агрессий, он не доверял другу и основному союзнику до такой степени, чтобы посвящать в свои секреты, и ставил в известность о них лишь в самый последний момент. Теперь пришла пора это сделать. Письмо представляет собой наиболее яркое свидетельство о причинах, побудивших его пойти на этот роковой шаг, который так долго оставался не совсем понятным для внешнего мира и который привел к гибели как самого фюрера, так и возглавляемый им третий рейх. Разумеется, его письмо, как обычно, изобилует ложью и увертками, которые он пытается навязать даже своим друзьям. Однако за этими увертками и ложью просматриваются подлинные причины и его личная, пусть ошибочная, оценка внешнеполитической обстановки в мире в начале лета 1941 года, второго военного лета.

Дуче!

Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда месяцы тревожных размышлений и постоянного нервного ожидания завершаются принятием мною самого трудного за всю мою жизнь решения.

Обстановка: Англия эту войну проиграла. Подобно утопающему, она хватается за любую соломинку. Тем не менее некоторые из ее надежд не лишены определенных оснований... Разгром Франции... заставил

английских поджигателей войны обратить свои взгляды туда, откуда они пытались начать войну: к Советскому Союзу.

Обе страны — Советская Россия и Англия — в равной степени заинтересованы в Европе... обессиленной длительной войной. За этими двумя странами стоят Соединенные штаты Америки, подстрекающие их...

Далее Гитлер объясняет, что при наличии крупных советских военных сил в его тылу он никогда не сможет собрать необходимые силы, в частности в воздухе, чтобы осуществить массированное, с применением всех средств наступление на Англию и поставить ее на колени.

В самом деле, все наличные силы русских находятся у нашей границы... Если обстоятельства заставят меня развернуть немецкие военно-воздушные силы против Англии, то существует опасность, что Россия в таком случае прибегнет к стратегии шантажа и я буду вынужден молча уступить из-за ее превосходства в воздухе... Англия еще меньше будет готова к заключению мира, ибо тогда появится возможность связать свои надежды с русским партнером. Эти надежды, само собой разумеется, будут усиливаться по мере наращивания готовности русских вооруженных сил. А за всем этим стоят массированные поставки военных материалов из Америки, которые они надеются получить в 1942 году...

Поэтому после долгих и мучительных раздумий я наконец принял решение разрубить узел, пока он не затянулся.

... Мои взгляды в настоящее время заключаются в следующем:

1) Франции, как всегда, доверять нельзя.
2) Северная Африка, насколько это касается ваших колоний, дуче, до осени, вероятно, будет вне опасности.

3) Испания проявляет нерешительность и, боюсь, примет чью-либо сторону только тогда, когда станет очевиден исход войны...

5) Нападение на Египет до осени исключается...

6) Вступит или не вступит Америка в войну — безразлично, поскольку она поддерживает нашего противника всеми силами, какие в состоянии мобилизовать.

7) Обстановка в самой Англии плохая; снабжение продовольствием и сырьем все более затрудняется. Настроение продолжать войну сохраняется главным образом лишь в мечтах. Эти мечты основаны на двух предпосылках: Россия и Америка. У нас нет никаких шансов устранить Америку, но в нашей власти устранить Россию. Устранение России явится одновременно огромным облегчением для Японии в Восточной Азии, что создаст куда более серьезную угрозу американской деятельности посредством японского вмешательства.

Учитывая эти обстоятельства, я решил положить конец лицемерным действиям Кремля.

Германии, писал Гитлер, не потребуются какие-либо итальянские войска в России. (Он не собирался делиться славой завоевателя России в большей степени, чем славой победителя Франции.) Однако Италия, развивал он свою мысль, могла бы "оказать решающую помощь" посредством усилия своих войск в Северной Африке и готовности "вступить во Францию, если французы нарушат условия договора". Это была хорошая приманка для жадного до чужих земель дуче.

Что касается воздушной войны против Англии, то мы пока будем находиться в обороне...

Что касается войны на Востоке, дуче, то она наверняка будет трудной, но я ни на минуту не сомневаюсь в огромном успехе. Я прежде всего надеюсь, что мы сможем получить общую базу продовольственного снабжения на Украине, которая обеспечит нас такими дополнительными поставками, какие нам могут понадобиться в будущем.

Затем последовали извинения за то, что он держал своего партнера в неведении до последнего момента.

И если я медлил до настоящего момента, дуче, с отправкой этой информации, то это потому, что окончательное решение не будет принято до семи часов вечера сегодня.

Что бы ни случилось, дуче, наше положение не может ухудшиться в результате этого шага, оно может только улучшиться... Если же Англия тем не менее не извлечет для себя уроков из происходящего, тогда мы сможем, укрепив наш тыл и собрав все силы, расправиться с нашим противником.

В конце письма Гитлер сообщает об огромном облегчении, которое он испытал после принятия окончательного решения.

... Позвольте мне, дуче, высказать еще одну вещь. С тех пор как я принял это трудное решение, я вновь чувствую себя морально свободным. Партнерство с Советским Союзом, несмотря на искренность наших желаний прийти к окончательному примирению, оказалось для меня тем не менее нестерпимым, ибо так или иначе оно неприемлемо для меня из-за моего происхождения, моих концепций и моих прошлых обязательств. И теперь я счастлив, избавившись от этих душевных мук.

С сердечным и дружеским приветом

Ваш Адольф Гитлер

В три часа утра 22 июня, всего за полчаса до немецкого нападения, посол фон Бисмарк разбудил в Риме Чиано, чтобы вручить ему длинное послание, содержание которого итальянский министр иностранных дел

затем передал по телефону Муссолини, отдыхавшему в своей летней неофициальной резиденции в Риччионе. Не впервые дуче поднимали с постели среди ночи донесениями от партнера по оси, и он начал возмущаться. ' "Ночью я не тревожу даже моих слуг, — раздраженно говорил он Чиано, — а немцы заставляют меня вскакивать с постели в любой час, совершенно не считаясь ни с чем". Тем не менее как только он протер глаза, то сразу же отдал приказ о немедленном объявлении войны Советскому Союзу. Теперь он окончательно стал заложником немцев. Он сознавал это, и это его возмущало. "Я надеюсь только на одно, — говорил он Чиано, — что в этой войне на Востоке немцы потеряют много перьев". И все же он понимал, что его собственное будущее полностью зависит от немецкого оружия. Он был уверен, что немцы победят в России, но надеялся, что там, по меньшей мере, им пустят кровь из носа. Не мог он предвидеть, как никто на Западе, что немцам придется гораздо хуже. Воскресным утром 22 июня, в день, когда Наполеон в 1812 году отдал приказ о нашествии на Россию, а ровно через год страна Наполеона капитулировала в Компьене, танковые, механизированные, до сего времени непобедимые армии Адольфа Гитлера, преодолев Неман и другие реки, быстро углубляясь, потоком хлынули в Россию. Для Красной Армии, несмотря на все предостережения, как писал Гальдер в первый день, "наступление... явилось... на всем фронте полной тактической неожиданностью" {В дневниковой записи за первый день войны у Гальдера имеется любопытное замечание. Упомянув, что в полдень русские радиостанции вновь вышли в эфир, он пишет: "Они (русские) обратились к Японии с просьбой представлять интересы России по вопросам политических и экономических отношений между Россией и Германией и ведут оживленные переговоры по радио с германским министерством иностранных дел". Неужели Сталин спустя девять часов после нападения верил, что сумеет каким-то образом добиться его отмены? — Прим. авт. }.

В первые дни все мосты были захвачены исправными. Фактически, говорит Гальдер, почти повсеместно вдоль границы русские не были даже развернуты для боевых действий и их смяли прежде, чем они успели организовать оборону. Сотни советских самолетов были уничтожены прямо на аэродромах {Генерал Гюнтер Блюментрит, начальник штаба 4-й армии, впоследствии вспоминал, что вскоре после полуночи 21 июня, когда немецкая армия уже нацелилась на свои объекты, экспресс Берлин — Москва прошел через немецкие рубежи на Буге и через реку в Брест-Литовск без задержки. Это показалось ему чрезвычайно странным. Почти столь же странным показалось ему, что русская артиллерия не отвечала

даже тогда, когда началось вторжение. "Русские, — писал он позднее, — были полностью застигнуты врасплох на нашем фронте". На рассвете немецкие связисты перехватили радиопереговоры Красной Армии: "Нас обстреливают. Что делать? " Блюментрит цитирует ответ из вышестоящего штаба: "Вы что, с ума сошли? Почему ведете передачу открытым текстом? " — Прим. авт. }. В течение нескольких дней были захвачены десятки тысяч пленных; в окружение попадали целые армии. Все выглядело так же, как в польском походе.

"... Не будет преувеличением сказать, — записал обычно осторожный Гальдер в своем дневнике 3 июля, ознакомившись с последними сводками генерального штаба, — что кампания против России выиграна в течение 14 дней... — И добавил: — Огромная протяженность территории и упорное сопротивление противника... будут сковывать наши силы еще в течение многих недель".

Часть 24. События принимают иной оборот

К началу осени 1941 года Гитлер полагал, что с Россией покончено.

За три недели кампании группа армий "Центр" под командованием фельдмаршала фон Бока в составе 30 пехотных и 15 танковых или моторизованных дивизий продвинулась на 450 миль от Белостока к Смоленску. До Москвы оставалось примерно 200 миль {Генерал Гюнтер Блюментрит, начальник штаба 4-й армии, впоследствии вспоминал, что вскоре после полуночи 21 июня, когда немецкая армия уже нацелилась на свои объекты, экспресс Берлин — Москва прошел через немецкие рубежи на Буге и через реку в Брест-Литовск без задержки. Это показалось ему чрезвычайно странным. Почти столь же странным показалось ему, что русская артиллерия не отвечала даже тогда, когда началось вторжение. "Русские, — писал он позднее, — были полностью застигнуты врасплох на нашем фронте". На рассвете немецкие связисты перехватили радиопереговоры Красной Армии: "Нас обстреливают. Что делать? " Блюментрит цитирует ответ из вышестоящего штаба: "Вы что, с ума сошли? Почему ведете передачу открытым текстом? " — Прим. авт. } вдоль дороги, по которой наступал в 1812 году Наполеон. Севернее наступала под командованием фельдмаршала фон Лееба группа армий в составе 21 пехотной и 6 танковых дивизий; она быстро продвигалась через Прибалтийские государства в направлении Ленинграда. Южнее группа армий фельдмаршала фон Рундштедта в составе 25 пехотных, 4 моторизованных, 4 горных и 5 танковых дивизий наступала на Киев, столицу плодородной Украины, овладеть которой жаждал Гитлер.

Таким образом, как говорилось в очередной сводке ОКБ, немецкие армии продвигались согласно плану по всему фронту от Балтики до Черного моря, и нацистский диктатор настолько уверовал, что темпы наступления будут ускоряться по мере того, как советские армии одна за другой будут окружены или разбиты, что 14 июля, спустя три недели после начала вторжения, издал директиву, в которой говорилось, что количество вооруженных сил может быть "значительно сокращено в ближайшем будущем", а производство вооружения будет сведено к строительству военно-морских кораблей и самолетов для люфтваффе, особенно самолетов для ведения войны против последнего врага рейха — Англии и, "если возникнет необходимость, против Америки". К концу сентября он дал указание главному командованию сухопутных войск подготовиться к

расформированию 40 пехотных дивизий, с тем чтобы использовать эту дополнительную рабочую силу в промышленности.

Гитлер полагал, что два крупнейших города России: Ленинград, построенный Петром Великим в качестве столицы на Балтике, и Москва, древний город, а теперь столица большевистского государства — вот-вот падут. Поэтому 18 сентября он отдал строжайший приказ: "Капитуляцию Ленинграда или Москвы не принимать, даже если она будет предложена". О том, какая судьба была уготована этим городам, он дал понять своим командующим в директиве от 29 сентября:

Фюрер принял решение стереть с лица земли Санкт-Петербург (Ленинград). Дальнейшее существование этого крупного города не представляет интереса, поскольку будет повержена Советская Россия ...

Цель состоит в том, чтобы подойти к городу и разрушить его до основания посредством артиллерии и непрерывных атак с воздуха...

Просьбы о капитуляции будут отклонены, ибо проблемы выживания населения и его снабжения продовольствием не могут и не должны решаться нами. В этой войне за существование мы не заинтересованы в сохранении даже части населения этого большого города {Несколько недель спустя Геринг говорил Чиано: "В этом году в России умрет от голода от 20 до 30 миллионов человек. Пожалуй, хорошо, что так случится, ибо некоторые народы должны быть истреблены. Но даже если они не должны быть истреблены, тут ничего нельзя поделать. Совершенно очевидно, что если человечество обречено на голодную смерть, то последними умирать от этого будут наши два народа... В лагерях для русских военнопленных они начали есть друг друга" (Дипломатические документы Чиано, с. 464–465). — Прим. авт. }.

3 октября Гитлер вернулся в Берлин и в своем обращении к немецкому народу объявил о полном крахе Советского Союза. "Сегодня я заявляю, и заявляю без каких-либо оговорок, — сказал он, — что враг на Востоке повержен и никогда не восстанет вновь... Позади наших войск территория, в два раза превышающая размеры германского рейха к моменту моего прихода к власти в 1933 году".

Когда 8 октября пал Орел, ключевой город к югу от Москвы, Гитлер направил самолетом в Берлин руководителя прессы Отто Дитриха, чтобы на следующий день он сообщил корреспондентам ведущих газет мира, что последние армии Тимошенко, оборонявшие Москву, оказались в окружении в двух огромных котлах; что южные армии маршала Буденного уничтожены или рассеяны; что от 60 до 70 дивизий армии маршала Ворошилова окружены в Ленинграде. "Со всех военных точек зрения, —

самодовольно закончил Дитрих, — с Советской Россией покончено. Английская мечта о войне на два фронта похоронена".

Это публичное хвастовство Гитлера и Дитриха оказалось, мягко говоря, преждевременным {Однако не настолько преждевременным, как предостережения американского генерального штаба, который в июле конфиденциально информировал американских редакторов и корреспондентов, что падение Советского Союза теперь вопрос нескольких недель. Неудивительно, что заявления Гитлера и Дитриха, сделанные в начале октября 1941 года, принимались на веру в Соединенных Штатах и Англии, а также в Германии и других странах. — Прим. авт. }. В действительности русские, несмотря на внезапность нападения 22 июня и последовавшие затем тяжелые потери в живой силе и технике, стремительное отступление и окружение их лучших армий, в июле начали оказывать такое сопротивление, какого вермахт никогда раньше не встречал. Дневник Гальдера и донесения таких фронтовых командиров, как генерал Гудериан, который возглавлял крупную танковую группу на Центральном фронте, запестрели, а затем и заполнились сообщениями об ожесточенных сражениях, об отчаянной обороне русских, об их контратаках и тяжелых потерях как у них, так и у немцев.

"Поведение русских войск, — писал генерал Блюментрит впоследствии, — даже в этом первом сражении (за Минск) поразительно отличалось от поведения поляков и войск западных союзников в условиях поражения. Даже будучи окруженными, русские не отступали со своих рубежей". Причем их становилось все больше и оснащены они были лучше, чем полагал Адольф Гитлер. Свежие советские дивизии, о существовании которых немецкая разведка даже не подозревала, непрерывно вводились в бои. "Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, — писал Гальдер в дневнике 11 августа, — что колосс-Россия, который сознательно готовился к войне, несмотря на все затруднения... был нами недооценен. Это утверждение можно распространить на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и, в особенности, на чисто военные возможности русских. К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий противника. И даже если мы разобьем дюжину таких дивизий, русские сформируют новую дюжину. Русские еще и потому выигрывают во времени, что они сидят на своих базах, а мы от своих все более отдаляемся. Таким образом и получается, что наши войска, страшно растянутые и разобщенные, все время подвергаются атакам противника. И противник потому одерживает местами успехи... "

Когда после войны союзники допрашивали Рундштедта, то он прямо заявил: "Вскоре после начала наступления я понял, что все, что было написано про Россию, просто вздор".

Несколько генералов, в том числе Гудериан, Блюментрит и Зепп Дитрих, с удивлением писали, о русском танке Т-34, о котором, раньше ничего не слышали и который имел такую прочную броню, что снаряды немецких противотанковых орудий отскакивали от нее, не причиняя никакого вреда. Появление этого танка, как говорил позднее Блюментрит, ознаменовало зарождение так называемой танкобоязни.

Кроме того, впервые в ходе войны немцы не имели подавляющего превосходства в воздухе для защиты наземных войск и дальней разведки. Несмотря на тяжелые потери, понесенные авиацией на земле в первый день войны и в первых воздушных боях, советские истребители, как и свежие дивизии, продолжали появляться ниоткуда. Более того, в результате быстрого продвижения и нехватки подходящих аэродромов в России немецкая истребительная авиация осталась слишком далеко позади, чтобы обеспечивать эффективное прикрытие своих наземных войск на фронте. "На различных стадиях наступления, — докладывал позднее генерал фон Клейст, — мои танковые силы сталкивались с осложнениями из-за отсутствия прикрытия с воздуха".

Выявился и другой просчет немцев относительно русских, о котором Клейст упомянул Лиддел Гарту и который, разумеется, разделяло большинство людей на Западе в то лето. "Надежды на победу, — говорил Клейст, — в основном опирались на мнение, что вторжение вызовет политический переворот в России... Очень большие надежды возлагались на то, что Сталин будет свергнут собственным народом, если потерпит на фронте тяжелое поражение. Эту веру лелеяли политические советники фюрера".

И действительно, Гитлер не раз говорил Йодлю, что "нужно только ударить ногой в дверь, как вся прогнившая структура с треском развалится".

Возможность "ударить ногой в дверь" представлялась фюреру реальной уже в июле, когда в немецком верховном командовании возникли первые крупные разногласия по поводу дальнейшей стратегии, что побудило фюрера вопреки протестам со стороны высшего генералитета принять решение, которое, по мнению Гальдера, явилось "крупнейшей стратегической ошибкой в восточной кампании". Вопрос был простой, но фундаментальный: следует ли группе армий "Центр" фон Бока, самой мощной и пока что наиболее успешно действующей из трех основных

немецких групп армий, продолжать наступление на Москву, находившуюся в 200 милях от Смоленска, к которому она вышла 16 июля, или лучше придерживаться первоначального плана, изложенного Гитлером в его директиве от 18 декабря, которая предусматривала нанесение главных ударов на южном и северном флангах? Иными словами, что является главной целью — Москва или Ленинград и Украина?

Высшее командование сухопутных войск, возглавляемое Браухичем и Гальдером и поддерживаемое фон Боком, чья группа армий продвигалась вдоль главной шоссейной дороги на Москву, и Гудерианом, чьи танки шли во главе войск фон Бока, настаивало на массированном наступлении на советскую столицу. Их доводы основывались на большем, чем значение с психологической точки зрения захвата вражеской столицы. Москва, доказывали они Гитлеру, является важным центром производства вооружения и, что еще более важно, центром транспортной системы и главным узлом связи России.

Заberi это у Советов, и они не только будут лишены главного источника вооружений, но и окажутся не в состоянии доставлять войска и обеспечивать материально-техническое снабжение отдаленных фронтов, которые сразу начнут слабеть и разваливаться.

Однако у генералов имелся и последний, заключительный довод, который они выдвигали бывшему ефрейтору, ставшему их верховным главнокомандующим. Разведывательные донесения свидетельствовали, что основные русские силы сосредоточились перед Москвой для организации мощной обороны. Непосредственно к востоку от Смоленска советская полумиллионная армия, вырвавшаяся из двойного окружения войск Бока, окапывалась, чтобы задержать дальнейшее продвижение немцев в сторону столицы.

"Центр притяжения русских сил, — писал Гальдер в докладной для союзников сразу по окончании войны, — находился поэтому на фронте против группы армий "Центр"...

Генеральный штаб выдвигал идею, согласно которой целью операции должно быть нанесение поражения военной мощи противника, поэтому считал следующей наиболее неотложной задачей разгром войск Тимошенко путем сосредоточения всех наличных сил в группе армий "Центр" для наступления на Москву, захвата этого центра управления вражеским сопротивлением и уничтожения новых соединений врага. Сосредоточение сил для такого наступления должно было осуществляться как можно скорее, так как приближался зимний период. Группе армий "Север" между тем предстояло выполнить свою первоначальную задачу и попытаться

установить контакт с финнами. Группа армий "Юг" должна была наступать дальше на восток, приковав к себе максимальные силы противника. ... После того как устное обсуждение этого вопроса между генеральным штабом и верховным командованием не привело стороны к единому мнению, главнокомандующий сухопутными войсками (Браухич) представил Гитлеру подготовленный генеральным штабом меморандум".

Это произошло, как явствует из дневника Гальдера, 18 августа. "Эффект был подобен взрыву", — указывает он. Гитлер не отводил голодных глаз от продовольственного пояса и промышленных районов Украины и нефтеносных районов на Кавказе. Кроме того, он считал, что представилась счастливая возможность поймать в западную армию Буденного, дислоцированные к востоку от Днепра, за Киевом, который все еще удерживал противник. Он хотел также овладеть Ленинградом и соединиться с финнами на севере., Для осуществления этих целей несколько пехотных и танковых дивизий необходимо было взять из группы армий "Центр" и перебросить на север и в группу армий "Юг". Москва может подождать.

21 августа Гитлер издал новую директиву взбунтовавшемуся генеральному штабу. На следующий день Гальдер переписал ее слово в слово в свой дневник.

Предложение главного командования сухопутных сил от 18. 8 о продолжении операций на Востоке расходится с моими планами.

1. Важнейшей задачей до наступления зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа. На севере такой задачей является окружение Ленинграда и соединение с финскими войсками.

Вот уже несколько дней Гитлера раздражало упорное сопротивление на Днепре советской 5-й армии. Предстояло полностью ее уничтожить, как указывалось в директиве, оккупировать Украину и Крым, взять в кольцо Ленинград и соединиться с финскими войсками. Только тогда будут созданы условия для наступления на армии Тимошенко и их успешного разгрома.

"Таким образом, — с горечью комментировал Гальдер, — задача решающего поражения русских армий перед Москвой была отложена, поскольку возобладало желание овладеть важным промышленным районом и предпринять наступление в направлении нефтеносных районов... "

Гитлер был одержим идеей захватить как Ленинград, так и Сталинград, ибо убедил себя, что если падут эти два "священных оплота

коммунизма", то Россия развалится.

Стремясь нанести новые оскорбления фельдмаршалам и генералам, не оценившим его стратегической гениальности, Гитлер направил, по словам Гальдера, "контрмеморандум" (в ответ на меморандум армии от 18 августа), который начальник генерального штаба охарактеризовал как "полный оскорблений", таких, например, как утверждение, что верховное командование сухопутных войск страдает "окаменелыми взглядами из устаревших теорий".

"Невыносимо! Неслыханно! Довольно! " — с возмущением записал Гальдер в своем дневнике. Весь день и вечер он совещался с Браухичем по поводу "нетерпимого" вмешательства фюрера в дела высшего командования армии и генерального штаба и в конце концов предложил главкому вместе подать в отставку. "Он (Браухич) отклонил это мое предложение, — отмечает Гальдер, — так как практически дело до этого еще не дошло и такое решение ничего не изменит". Слабовольный фельдмаршал, как и во многих случаях в прошлом, капитулировал перед бывшим ефрейтором.

Когда на следующий день, 23 августа, генерал Гудериан прибыл в ставку фюрера, Гальдер попытался подбить его повлиять на катастрофическое решение фюрера, хотя этот негиббемый танковый генерал в уговорах не нуждался. Однако Браухич, встретившись с ним, запретил поднимать этот вопрос. "Я запрещаю вам упоминать у фюрера о Москве, — сказал ему главком. — Приказано проводить операции на южном направлении. Сейчас вопрос сводится лишь к тому, как выполнить этот приказ. Обсуждать что-либо бессмысленно".

Тем не менее, когда Гудериана пригласили к Гитлеру — ни Браухич, ни Гальдер его не сопровождали, — он вопреки приказам принялся с жаром, на какой только был способен, доказывать целесообразность немедленного наступления на Москву.

"Гитлер позволил мне высказаться, — писал позднее Гудериан. — Затем подробно изложил свои соображения, которые привели его к принятию иного решения. Он сказал, что сырьевые ресурсы и продовольствие Украины потребуются для будущего ведения войны. Он говорил о необходимости нейтрализовать Крым, "этот советский авианосец для нанесения ударов по румынским нефтеразработкам". Впервые я услышал от него фразу: "Мои генералы ничего не знают об экономических аспектах войны". ... Он отдал строгий приказ осуществлять наступление на Киев как непосредственную стратегическую задачу и все действия проводить, памятуя об этом. Здесь я впервые стал зрителем спектакля,

который впоследствии мне доводилось видеть не раз: все присутствующие — Кейтель, Йодль и другие — кивали в знак согласия после каждой произнесенной Гитлером фразы, в то время как я остался наедине со своей точкой зрения...

Однако Гальдер в ходе обсуждений не кивнул в знак согласия ни по одному пункту. Когда Гудериан встретил его на следующий день и сообщил о своих безуспешных усилиях отговорить Гитлера от принятого им решения, начальника генерального штаба, как утверждает Гудериан, "к моему удивлению, охватило такое нервное возбуждение, что он начал высказывать обвинения и измышления, которые были совершенно необоснованны" {Гальдер в дневниковой записи от 24 августа дает совершенно иную версию. Он обвиняет Гудериана в безответственной измене своим взглядам после встречи с Гитлером и размышляет над тем, что бесполезно пытаться изменить характер человека. Если его, как утверждает Гудериан, охватило нервное возбуждение, то из его педантичных записей очевидно, что он быстро вышел из такого состояния. — Прим. авт. }.

Это был самый серьезный кризис среди немецкого верховного командования со времени начала войны. Но худшее было еще впереди.

Наступление Рундштедта в южном направлении, предпринятое после получения подкреплений в виде танковых соединений Гудериана и пехотных дивизий, изъятых с Центрального фронта, явилось, по словам Гудериана, крупной тактической победой. Киев пал 19 сентября, однако немецкие части к этому времени продвинулись на 150 миль на восток и 26 сентября сражение закончилось, согласно утверждениям немцев, окружением и пленением 665 тысяч русских солдат и офицеров. Гитлер расценил это как "величайшее сражение в мировой истории", и хотя это было необычное достижение, некоторые из генералов более скептически оценивали его стратегическое значение. Лишенная танковых сил, группа армий фон Бока, действовавшая на центральном направлении, была вынуждена в течение двух месяцев топтаться вдоль реки Десна за Смоленском. Но уже приближались осенние дожди, способные превратить русские дороги в трясину. А после них — зима, холодная и снежная.

Крупное наступление на Москву

С большой неохотой уступая настояниям Браухича, Гальдера и Бока, Гитлер согласился возобновить наступление на Москву. Увы, слишком поздно! Гальдер увидел его в полдень 5 сентября. Теперь, приняв решение, фюрер стремился поскорее попасть в Кремль. "На Центральном фронте наступление начать по возможности через восемь-десять дней, — приказал

верховный главнокомандующий. ("Это невозможно! " — воскликнул Гальдер в своем дневнике.) Задача — окружить и уничтожить русских", — добавил Гитлер, пообещав перебросить группе армий "Центр" танковую дивизию Гудериана, которая все еще вела тяжелые бои на Украине, и танковый корпус под командованием Рейнхардта, действовавший в районе Ленинграда. Но вернуть танковые соединения на Центральный фронт, перевооружить их и подготовить к наступлению можно было не раньше начала октября. Наконец, 2 октября началось крупномасштабное наступление под кодовым наименованием "Тайфун". Предусматривалось, что мощный ураган налетит на русских, уничтожит их последние войска, обороняющие Москву, и приведет к развалу Советского Союза.

Однако и на сей раз нацистский диктатор стал жертвой собственной мегаломании. Захватить русскую столицу до наступления зимы ему казалось недостаточно. Он отдал приказ фельдмаршалу фон Леебу в это же самое время захватить Ленинград, соединиться с финнами и, продвигаясь дальше на север, перерезать Мурманскую железную дорогу. Рундштедту предписывалось очистить Черноморское побережье, захватить Ростов, нефтеносные районы Майкопа и выйти к Сталинграду на Волге, перерезав тем самым последнюю артерию, связывающую Россию с Кавказом. Когда Рундштедт попытался было объяснить Гитлеру, насколько опасно продвинуться более чем на 400 миль к востоку от Днепра при открытом левом фланге, верховный главнокомандующий заявил, что русские уже не в состоянии оказать серьезного сопротивления на юге. По утверждению Рундштедта, выслушав приказы, он "громко рассмеялся над их нелепостью, но вскоре ему пришлось убедиться, что они вовсе не лишены смысла".

Немецкое наступление вдоль старой Смоленской дороги, приведшей Наполеона в Москву, началось словно неистовый тайфун. В течение первых недель октября, когда, по выражению Блюментрита, развернулось "хрестоматийное сражение", немцы окружили между Вязьмой и Брянском две советские армии и взяли, как они утверждают, в плен 650 тысяч солдат и офицеров, захватили 5 тысяч орудий и 1200 танков. К 20 октября немецкие головные танковые части находились уже в 40 милях от Москвы, и советские министерства и иностранные посольства были спешно эвакуированы в Куйбышев на Волге. Даже трезвомыслящий Гальдер, который упал с лошади во время прогулки, сломал ключицу и был госпитализирован, теперь поверил, что при смелом руководстве и благоприятной погоде Москва может быть взята до наступления суровой русской зимы.

Однако осенние дожди уже начались. Наступил период распутицы.

Огромная армия, двигавшаяся на колесах, замедлила свой ход и была вынуждена часто останавливаться. Приходилось выводить из боя танки, чтобы с их помощью вытаскивать из трясины орудия и автомашины с боеприпасами.

Чтобы вытаскивать застрявшие в грязи орудия и автомашины, нужны были цепи и тросы, но их не хватало, и тогда приходилось сбрасывать с самолетов связки веревок, в то время как транспортные самолеты были крайне необходимы для доставки боевых грузов. Дожди начались в середине октября, и, как вспоминал позднее Гудериан, "последующие несколько недель кругом стояла непролазная грязь". Генерал Блюментрит, начальник штаба 4-й армии фельдмаршала фон Клюге, находившейся в самом пекле сражения за Москву, ярко описал сложившуюся обстановку:

"Пехотинцы вязли в грязи, а для того, чтобы тащить артиллерийское орудие, приходилось запрягать последовательно несколько упряжек. Все колесные машины увязали в грязевом месиве по ось. Даже тракторы продвигались с огромным трудом. Большая часть нашей тяжелой артиллерии намертво застряла в грязи. Трудно даже представить, какое напряжение вызвало все это у наших, и без того измотанных, войск".

Впервые за все время в дневниковых записях Гальдера и в донесениях Гудериана, Блюментрита и других немецких генералов появляются признаки сначала сомнений, а затем и отчаяния. Они получили распространение и среди низшего командования, и среди полевых войск, а может, это от них и исходило. "И теперь, когда Москва была почти на виду, — вспоминал Блюментрит, — настроение как командиров, так и войск начинало меняться. Сопротивление противника усиливалось, бои приобретали все более ожесточенный характер... Многие из наших рот сократились до 60–70 солдат". Сказывалась нехватка исправных артиллерийских орудий и танков. "Зима уже начиналась, — говорит Блюментрит, — но не было никаких намеков, что мы получим зимнее обмундирование... Далеко за линией фронта, в нашем тылу, в бескрайних лесах и болотах, стали давать о себе знать партизаны. Колонны снабжения часто попадали в засаду..."

Теперь, по воспоминаниям Блюментрита, призрак великой армии Наполеона, шедшей этой же дорогой на Москву, и память об участии Наполеона преследовали нацистских завоевателей. Немецкие генералы принялись читать и заново перечитывать сделанное Коленкурмом мрачное описание русской зимы 1812 года, закончившейся для французов катастрофой.

Далеко на юге, где погода стояла немного теплее, но дожди и грязь

были такие же, как и здесь, на центральном направлении, дела тоже шли неважно. Танки Клейста вступили в Ростов-на-Дону 21 ноября под фанфарную трескотню Геббельсовской пропаганды о том, что "ворота на Кавказ" открыты. Однако ворота эти недолго оставались открытыми. Как Клейст, так и Рундштедт понимали, что не смогут удержать Ростов. Спустя пять дней русские выбили немцев из Ростова, атаковав на северном и южном флангах так, что те сломя голову бежали 50 миль до реки Миус, где Клейст и Рундштедт намеревались создать рубеж обороны на зимний период.

Отступление из Ростова стало еще одним, правда менее значительным, поворотным пунктом в истории третьего рейха. Здесь нацистская армия впервые потерпела крупную неудачу. "Наши беды начались с Ростова, — комментировал позднее Гудериан. — Это было зловещее предзнаменование". Фельдмаршалу фон Рунд-штедту оно стоило поста командующего на южном направлении. Об этом драматичном событии, произошедшем во время отступления к Миусу, фельдмаршал рассказывал впоследствии союзным следователям:

"Неожиданно я получил от фюрера приказ оставаться там, где мы находимся, и не отступать дальше. Я немедленно телеграфировал в ответ: "Пытаться удержать позиции — безумие. Во-первых, войска не смогут этого сделать; во-вторых, если они не отступят, то будут уничтожены. Повторяю, этот приказ необходимо отменить или придется подыскать кого-нибудь другого на мое место". В тот же вечер от фюрера поступил ответ: "Согласен с вашей просьбой. Пожалуйста, сдайте командование". И тогда я направился домой" {"Фюрер в сильнейшем возбуждении... — зафиксировал в своем дневнике 30 ноября генерал Гальдер, описывая отступление Рундштедта к Миусу и снятие фельдмаршала с поста командующего. — Главком был вызван к фюреру в 13. 00. По-видимому, произошел более чем неприятный разговор, в течение которого говорил один фюрер. Он осыпал главкома упреками и бранью и надавал необдуманных приказов". Гальдер начал в тот день свои записи с перечисления потерь, которые вермахт понес до 26 ноября. "Общие потери войск на Восточном фронте составляют (не считая больных) 734 112 офицеров и солдат, то есть 23 процента средней общей численности войск Восточного фронта (3, 2 миллиона человек)".

1 декабря Гальдер сделал в своем дневнике запись об освобождении Рундштедта от должности командующего группой армий "Юг" и назначении на этот пост Рейхенау, командовавшего 6-й армией, которая воевала во Франции, а затем пережила тяжелые дни, сражаясь к северу от

танковых дивизий Клейста, отступавших от Ростова. "... Позвонил по телефону фон Рейхенау, — пишет Гальдер. — Просил дать ему разрешение на отход сегодня ночью на позиции по Миусу. Фюрер разрешил. Итак, теперь мы находимся там, где должны были находиться вчера. В жертву принесены время и силы, кроме того, потерян Рундштедт".

"Состояние здоровья главкома, — добавил Гальдер, — из-за постоянного нервного напряжения опять вызывает беспокойство". (В дневнике Гальдера имеется запись от 10 ноября о том, что получено сообщение о тяжелом сердечном приступе у главкома.) — Прим. авт. }.

Эта мания издавна отдавать войскам приказы удержаться на рубеже, несмотря ни на какие тяжелейшие условия, возможно, спасла немецкую армию от полного развала под сокрушительными ударами, которые ждали ее впереди. Хотя многие генералы оспаривают, но именно это привело немецкую армию к Сталинграду и другим катастрофическим поражениям, что помогло решить судьбу Гитлера.

Сильные снегопады и морозы в ту зиму начались в России рано. Гудериан зафиксировал первый снег в ночь на 7 октября, как раз когда возобновилось наступление на Москву. Это побудило его вновь запросить вышестоящий штаб о зимней одежде, особенно об утепленной обуви и шерстяных носках. 12 октября снегопад все еще продолжался. 3 ноября ударили морозы, температура заметно понизилась. 7 ноября Гудериан уже докладывал о "случаях серьезного обморожения" в частях, а 13-го о том, что температура упала до минус восьми градусов мороза по Фаренгейту и отсутствие зимней одежды "сказывается все сильнее".

"Лед начинает причинять много неприятностей, — писал Гудериан, — поскольку шипы для танковых тягачей еще не поступили. Холод сделал бесполезными телескопические прицелы. Для того чтобы запустить двигатели танков, приходится разводить костер под ними. Иногда в баках замерзает топливо, а смазка затвердевает... Каждый полк (из 112-й пехотной дивизии) уже потерял около 500 человек в результате обморожений. Из-за морозов пулеметы отказывают, а наши 37-мм противотанковые орудия оказались малоэффективными против (русского) танка Т-34...

В результате распространилась паника. Это был первый случай за всю русскую кампанию, когда морозы привели к таким последствиям, что явилось предостережением: боеспособность нашей пехоты на пределе".

И не только пехоты. 21 ноября Гальдер отметил в своем дневнике, что Гудериан доложил по телефону, что "его войска выдохлись". Этот стойкий, решительный танковый командир признает, что в тот самый день решил

поехать к командующему группой армий "Центр" Боку и добиться изменения отданного им приказа, поскольку "не уверен в возможности его выполнения". Он пребывал в состоянии глубокой депрессии, когда писал:

"Ледяной холод, укрытий нет, нехватка теплой одежды, тяжелые потери среди личного состава и боевой техники, из рук вон плохое снабжение горючим — все это превращает обязанности командира в жалкие хлопоты, и чем дольше продолжается такое положение, тем сильнее давит неимоверная ответственность, которую на меня возложили".

Ретроспективно Гудериан добавил:

"Только тот, кто сам видел бескрайнее пространство русских снегов в ту зиму и наше бедственное положение и почувствовал на себе неистовствовавший ледяной ветер, заметающий все пути; кто час за часом преодолевал просторы ничейной земли, чтобы в конце концов отыскать жалкое прибежище, в котором укрывались скверно одетые, полуголодные солдаты; кто мог сравнить их с хорошо накормленными, тепло одетыми, крепкими сибиряками, полностью оснащенными для ведения боев в зимних условиях... способен по-настоящему судить о событиях, которые потом произошли".

Теперь пора изложить вкратце события тех дней. При этом нельзя не подчеркнуть одно обстоятельство: сколь ужасной ни была русская зима и сколь ни бесспорно, что советские войска оказались лучше подготовлены к ней, чем немцы, фактором, определившим исход сражения, явилась не погода, а ожесточенное сопротивление советских войск, их неукротимая воля не сдаваться. Это подтверждается дневниковыми записями Гальдера и донесениями командующих с фронтов, в которых постоянно находит отражение изумление перед решимостью и ожесточенностью русских атак и контратак и отчаяние по поводу немецких неудач и понесенных потерь. Нацистские генералы не могли понять, почему русские, несмотря на откровенно тиранический режим и катастрофические последствия первых немецких ударов, выстояли, не потерпели полного краха, подобно французам и многим другим народам и государствам, которые разваливались от ударов менее мощных.

"С удивлением и разочарованием, — пишет Блюментрит, — мы обнаружили в конце октября — начале ноября, что разгромленные русские, очевидно, совершенно не осознают, что как военная сила они почти перестали существовать". Гудериан рассказывал о старом отставном царском генерале, которого он встретил по дороге на Москву, в Орле.

"Если бы вы пришли двадцать лет назад, — говорил генерал Гудериану, — мы бы вас встречали с распростертыми объятиями. Но

теперь слишком поздно. Мы только что начали вставать на ноги, и тут появляетесь вы и отбрасываете нас на двадцать лет назад, так что нам снова придется начинать все сначала. Теперь мы сражаемся за Россию, а в этом деле мы все едины".

И тем не менее по мере того, как ноябрь с его метелями, буранами и постоянными морозами приближался к концу, Гитлер и большинство генералов испытывали все меньше сомнений, что Москва падет в ближайшие дни. С севера, с юга и с запада немецкие армии подошли к столице на 20–30 миль. Гитлеру, рассматривавшему карту в своей ставке, расположенной далеко от фронта, в Восточной Пруссии, представлялось, что его войска способны преодолеть этот ничтожный отрезок пути за один бросок. Ведь его армии прошли 500 миль, а тут им осталось пройти не более 20–30 миль. "Один последний бросок, и мы будем торжествовать", — говорил он Йодлю в середине ноября.

Во время телефонного разговора с Гальдером 22 ноября командующий группой армий "Центр" фельдмаршал фон Бок сравнивал обстановку, сложившуюся перед последним броском на Москву, с обстановкой, сложившейся во время сражения на Марне, где последний батальон, брошенный в бой, решил его исход. Несмотря на усиливающееся сопротивление противника, Бок считал, что победа достижима. К концу ноября ему действительно пришлось бросать в бой свой последний батальон. Заключительное массированное наступление на сердце Советского Союза было намечено на 1 декабря 1941 года.

Однако наступление натолкнулось на железное сопротивление русских. Крупнейшие танковые силы были сосредоточены на одном фронте: 4-я танковая группа генерала Гепнера и 3-я танковая группа генерала Германа Гота занимали рубежи непосредственно к северу от Москвы; 2-я танковая армия Гудериана дислоцировалась к югу от столицы в районе Тулы; огромная 4-я армия фон Клюге наступала в центре, прямо на восток, через леса, окружавшие подступы к городу, — с этой грозной силой Гитлер связывал все свои надежды. 2 декабря разведывательный батальон 258-й пехотной дивизии проник в Химки, пригород Москвы, откуда были видны шпили кремлевских башен; однако на следующее утро батальон был оттеснен из Химок несколькими русскими танками и разношерстным отрядом наскоро мобилизованных рабочих города. Это была самая близкая от Москвы точка, до которой дошли немецкие войска и откуда бросили свой первый и последний взгляд на Кремль.

Вечером 1 декабря фон Бок, у которого начались сильные боли в желудке, сообщил по телефону Гальдеру, что его обескровленные войска

уже не способны действовать. Начальник генерального штаба постарался подбодрить его: "... Нужно попытаться разбить противника, бросив в бой все силы до последнего. Если окончательно выяснится, что разгромить противника все-таки невозможно, тогда нужно будет принять другое решение". На следующий день Гальдер записал в дневнике: "... Соппротивление противника достигло своей кульминационной точки". 3 декабря фон Бок еще раз позвонил начальнику генерального штаба, который занес в дневник суть его сообщения:

"Опять пришлось отвести назад вырвавшиеся вперед наступающие части 4-й армии, так как соседние части не сумели продвинуться на такую же глубину... Однако уже близится час, когда силы войск иссякнут".

Когда Бок впервые заговорил о переходе к обороне, Гальдер попытался напомнить ему, что "лучшим способом обороны является наступление".

Но легче сказать, чем сделать, учитывая сопротивление русских и погодные условия. 4 декабря Гудериан, 2-я танковая армия которого пыталась ворваться в Москву с юга и была остановлена противником, докладывал, что температура упала до 31 градуса. Позднее она понизилась еще на пять градусов. Его танки застряли в неподвижности, нависла угроза на флангах и с тыла севернее Тулы.

5 декабря создалась критическая обстановка. На всем 200-мильном фронте, полудугой вытянувшемся вокруг Москвы, немецкие войска были остановлены.

К вечеру Гудериан информировал Бока, что его части не только остановлены, но и вынуждены отходить, и Бок по телефону сообщил Гальдеру, что "силы иссякли", а Браухич в отчаянии сообщил начальнику генерального штаба о своем решении уйти с поста главнокомандующего сухопутными войсками. Это был черный день для немецких генералов.

"Впервые мне пришлось принимать такое решение, — писал впоследствии Гудериан, — самое трудное из всех, какие я когда-либо принимал... Наше наступление на Москву провалилось. Все жертвы и лишения наших храбрых солдат оказались напрасными. Мы потерпели серьезнейшее поражение".

Генерал Блюментрит, занимавший пост начальника штаба 4-й армии фон Клюге, понял, что наступил поворотный момент. Вспоминая впоследствии эти события, он писал: "Наши надежды покончить с Россией в 1941 году были перечеркнуты в самую последнюю минуту".

6 декабря нанес ответный удар генерал Георгий Жуков, сменивший маршала Тимошенко на посту командующего Центральным фронтом всего шесть недель назад. Чтобы отогнать немцев от Москвы, он бросил в

наступление на фронте 200 миль семь армий и два кавалерийских корпуса — всего 100 дивизий, состоявших либо из свежих формирований, либо из испытанных в боях частей, которые были хорошо оснащены и обучены ведению боевых действий в суровых зимних условиях. Удар, который этот относительно малоизвестный генерал нанес силам столь грозной группировки, состоявшей из пехоты, артиллерии, танков, кавалерии и самолетов, был таким неожиданным и сокрушительным, что немецкая армия и третий рейх после него в полной мере так и не оправились. В течение нескольких недель необычно сурового декабря и первой половины января казалось, что отступающие немецкие армии, фронт которых постоянно прорывали советские войска, погибнут в русских снегах, как это случилось с великой армией Наполеона 130 лет назад. Можно отметить несколько критических моментов, когда немецкие армии были на грани краха. И, вероятно, лишь благодаря железной воле и решимости Гитлера и несомненной стойкости немецкого солдата армии третьего рейха были спасены от окончательного разгрома. "

Однако это было серьезное поражение. Красная Армия понесла тяжелые потери, но не была уничтожена. Немцам же не удалось овладеть ни Москвой, ни Ленинградом, ни Сталинградом, ни нефтеносными районами Кавказа; продолжали функционировать и жизненно важные артерии, связывающие Россию с Англией и Америкой. Впервые за более чем два года непрерывных военных побед армии Гитлера отступали под напором превосходящей силы.

Но это еще не все. Масштабы поражения измерялись не только этим. Гальдер это понял, хотя и несколько позднее. "Разбит миф о непобедимости немецкой армии", — писал он. С наступлением лета немецкая армия добьется в России новых побед, но это уже не восстановит миф о ее непобедимости. Поэтому 6 декабря 1941 года можно считать поворотным моментом в краткой истории третьего рейха, причем одним из самых роковых моментов. Сила и могущество Гитлера достигли своего апогея, начиная с этого момента они пошли на убыль, подрываемые нарастающими контрударами народов, против которых он развязал агрессию.

Поражение под Москвой вызвало решительную перетряску в немецком высшем командовании и среди командующих войсками на фронтах. Как только немецкие армии начали отступать по обледелым дорогам и заснеженным полям под ударами советских войск, полетели головы немецких генералов. Рундштедт был отстранен от командования южными армиями, так как оказался вынужден отступить из Ростова. После декабрьского поражения под Москвой у фельдмаршала фон Бока усилились

боли в желудке, и 18 декабря его заменили фельдмаршалом фон Клюге, а измотанная 4-я армия была навсегда изгнана из Подмосковья. Даже решительный генерал Гудериан, инициатор боевых действий с массированным использованием бронетанковой техники, осуществивший коренные изменения в современном бою, на рождество был отстранен от командования за отдачу приказа к отступлению без разрешения сверху. Генерала Гепнера, не менее блестящего командира, танковая группа которого достигла северных пригородов Москвы, прежде чем была отогнана, Гитлер внезапно снял по той же причине и лишил воинского звания, запретив носить военную форму. Генерал Ханс фон Шпонек, награжденный за год до этого Рыцарским крестом, после того как возглавил выброску воздушных десантов в Гааге, подвергся самому суровому наказанию за то, что 29 декабря отвел одну из дивизий своего корпуса в Крыму, когда русские войска высадили у него в тылу морской десант. Его не только разжаловали, но и посадили в тюрьму, по настоянию Гитлера приговорив к смертной казни {Генерал был казнен после июльского заговора (1944 год) против Гитлера, хотя не имел к нему никакого отношения. — Прим. авт. }.

Даже у раболепствующего Кейтеля возникли неприятности с верховным главнокомандующим. Кейтель обладал в достаточной мере здравым смыслом, чтобы уже в первые дни декабря понять: общий отход под Москвой необходим для предотвращения катастрофы. Однако, когда он набрался мужества и сказал об этом Гитлеру, тот накричал на него и назвал болваном. Спустя некоторое время Йодль застал начальника штаба верховного главнокомандования вооруженными силами в подавленном состоянии: он сидел за столом и писал рапорт об отставке, а рядом с ним лежал револьвер. Йодль потихоньку убрал револьвер и убедил Кейтеля — очевидно, без особых затруднений — оставаться на посту и продолжать проглатывать оскорбления фюрера, что он с поразительной терпеливостью и делал до самого конца.

Напряжение, столь необходимое, чтобы управлять войсками, не всегда добивавшимися побед, под руководством верховного главнокомандующего, требовавшего непрерывных побед, привело к повторению сердечных приступов у фельдмаршала фон Браухича, и к тому времени, когда началось контрнаступление Жукова, у него созрело решение сложить с себя обязанности главнокомандующего сухопутными войсками. 15 декабря он вернулся в ставку после поездки на фронт, и Гальдер застал его "ужасно удрученным". "Он (Брахич) не видит больше никаких средств, — записал Гальдер в дневнике, — с помощью которых можно было бы вывести армию

из нынешнего тяжелого положения". Браухич дошел до ручки. 7 декабря он обратился к Гитлеру с просьбой освободить его от обязанностей главнокомандующего сухопутными войсками, 17 декабря повторил свою просьбу, а через пару дней был официально освобожден от этой должности. Что думал три недели спустя фюрер о человеке, которого сам поставил во главе сухопутных войск, записал в своем дневнике Геббельс:

"Упомянув о нем (Браухиче), фюрер употреблял лишь презрительные выражения. Надутый, трусливый, жалкий человек... просто тряпка".

В своем близком окружении Гитлер говорил о Браухиче: "Это не солдат, это соломенное чучело. Если бы Браухич оставался на своем посту еще несколько недель, то все закончилось бы катастрофой".

Некоторое время в армейских кругах обсуждали, кто будет назначен вместо Браухича, но эти разговоры носили примерно такой же характер, что и много лет назад, когда обсуждали, кто же заменит Гинденбурга. 19 декабря Гитлер вызвал к себе Гальдера и объявил ему, что намерен взять на себя командование сухопутными войсками. Гальдер может оставаться начальником генерального штаба, если хочет. И Гальдер захотел, хотя Гитлер дал ясно понять, что с этого момента он будет сам управлять сухопутными войсками, как и всем прочим в Германии.

"Гитлер говорил начальнику генерального штаба, что этот вопрос сводится к оперативному руководству и под силу любому. Задача главнокомандующего сухопутными войсками состоит в том, чтобы обучать личный состав армии в национал-социалистском духе, а он не знает ни одного генерала, который делал бы это так, как он хочет. Вследствие этого он и решил взять руководство сухопутными войсками в свои руки".

Таким образом, победа Гитлера над прусским офицерским корпусом была полной. Бывший венский бродяга и бывший ефрейтор стал главой государства, военным министром, верховным главнокомандующим вооруженными силами и главнокомандующим сухопутными войсками. Теперь генералы, как жаловался Гальдер в своем дневнике, превратились в простых почтальонов, доставлявших исполнителям приказы Гитлера, основанные на его понимании стратегии. Страдающий манией величия диктатор вскоре сосредоточил в своих руках такую власть, какой до него в немецком рейхе не обладал никто — ни император, ни король, ни президент. 26 апреля 1942 года он проштамповал через рейхстаг закон, предоставивший ему абсолютную власть над жизнью и смертью каждого немца, и попросту аннулировал все законы, которые могли ему помешать. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с формулировкой закона:

"... В нынешней войне, когда немецкий народ оказался перед

необходимостью вести борьбу за свое существование, фюрер должен быть наделен всеми правами, которые ему потребуются для ведения борьбы до победного конца. Поэтому, не связывая себя существующими юридическими нормами, фюрер, как лидер нации, верховный главнокомандующий вооруженными силами, глава правительства и высшей исполнительной власти, верховный судья и лидер партии, должен иметь право в случае необходимости, используя все имеющиеся в его распоряжении средства, заставить любого немца, будь то рядовой солдат или офицер, мелкий служащий, высокопоставленный чиновник или судья, ведущий или рядовой партийный функционер, рабочий или работодатель, выполнить свои обязанности. В случае нарушения указанных обязанностей фюрер полномочен после тщательного расследования обстоятельств, независимо от так называемых прежних заслуг, определять меру наказания, лишать нарушителя занимаемой должности, звания и положения без соблюдения предусмотренных на этот случай юридических процедур".

Ни в средние века, ни в эпоху первобытного варварства ни один немец не присваивал себе столь тиранической власти, номинальной и юридической.

Однако даже без добавления таких прав Гитлер был полным хозяином армии, непосредственное руководство которой он сосредоточил теперь в своих руках. В ту суровую зиму он принимал жесточайшие меры, чтобы приостановить отступление своих разбитых армий и тем самым избавить их от судьбы наполеоновских войск, отходивших из Москвы по тем же самым покрытым льдом и снегом дорогам. Он запретил любые дальнейшие отступления. Немецкие генералы долго дебатировали по поводу его упорства: спасло ли это войска от полного разгрома или это было связано с неизбежными тяжелыми потерями. Большинство командующих считали, что, если бы им была предоставлена свобода выбора и они отвели войска с позиций, оказавшихся непригодными для обороны, они бы в значительной степени сохранили как личный состав, так и боевую технику, располагали бы более благоприятными условиями для перегруппировки и даже для контратак. В действительности же зачастую целые дивизии опрокидывались или попадали в окружение, а потом рассекались на части.

И тем не менее впоследствии некоторые генералы неохотно признавали, что благодаря железной воле Гитлера войска прекратили отход и сражались на каждом рубеже, тем самым, вероятно, избежав гибели среди снегов России. Эту точку зрения лучше всего сформулировал генерал Блюментрит:

"Фанатичный приказ Гитлера о том, что войска должны остановиться

и сражаться на каждой позиции независимо от местности и неблагоприятных условий, несомненно был правильным. Гитлер инстинктивно понял, что любое отступление через снежные заносы и покрытую льдом местность в течение нескольких дней приведет к развалу фронта и что, если это случится, вермахт постигнет та же судьба, какая постигла великую армию Наполеона.

... Отход можно было осуществить только по открытой местности поскольку дороги и колонные пути оказались занесены снегом. Через несколько ночей это стало бы не под силу солдатам, которые просто ложились бы там, где они выбились из сил, и умирали. В тылу не было подготовленных позиций, на которые они могли бы отойти, и никаких рубежей, на которых они могли бы закрепиться".

С этим соглашался командир корпуса генерал Типпельскирх:

"Это было одним из крупных достижений Гитлера. В тот критический момент войска помнили о том, что они слышали об отступлении Наполеона из Москвы, и видели призрак этого далекого события. Если бы началось отступление, оно могло превратиться в паническое бегство".

В немецкой армии возникла паника, и не только на фронте, но и штабах, и об этом наглядно свидетельствуют дневниковые записи Гальдера. "Очень тяжелый день" — такими словами начинает он запись в день рождества 1941 года, а затем не раз повторяет их, описывая очередной прорыв русских или серьезное положение, складывавшееся то в одной, то в другой армии.

30 декабря. Снова тяжелый день!.. Фюрер по телефону вел возбужденные переговоры с фон Клюге. Он отклонил ходатайство об отводе войск северного фланга 4-й армии. Очень тяжелое положение создалось на фронте 9-й армии, где командование, как мне кажется, совершенно потеряло выдержку. В полдень мне позвонил взволнованный фон Клюге. Он сообщил, что 9-я армия хотела бы отойти за Ржев...

2 января 1942 года. Весь день ожесточенные бои... В то время на фронте 4-й и 9-й армий возник тяжелый кризис. Прорыв противника севернее Малоярославца превратился в оперативный, и в настоящий момент трудно даже сказать, каким образом можно восстановить положение... Сложившаяся обстановка побудила маршала фон Клюге запросить разрешения на отвод войск на соседних участках. У меня произошло бурное объяснение с фюрером, который продолжает настаивать на своем. Таким образом, линия фронта останется без изменений, невзирая на последствия...

3 января. В связи с очень глубоким прорывом противника между

Малоярославцем и Боровском обстановка на фронте группы армий "Центр" чрезвычайно осложнилась. Кюблер {Генерал Кюблер заменил Клюге на посту командующего 4-й армией 26 декабря, когда тот принял на себя командование группой армий "Центр". Будучи стойким и решительным, Кюблер тем не менее выдержал напряжение только в течение трех недель, после чего был смещен и заменен генералом Хейнрици. — Прим. авт. } и Бок очень обеспокоены. Последний требует разрешения на отвод войск на соседнем север? 4 ном участке. В ставке фюрера снова разыгралась драматическая сцена. Он высказал сомнение в мужестве и решительности генералов. В действительности же все дело в том, что войска просто-напросто не могут больше выдерживать морозы свыше 30 градусов. Фюрер принял следующее решение: в первую очередь закрыть брешь используя поддержку войск с соседних участков, и лишь после этого поднимать вопрос об отходе. Однако в любом случае решение будет принимать он сам".

Но теперь такие вопросы решает уже не фюрер, а Красная Армия. Гитлер мог заставить немецкие войска стоять насмерть, но был не в силах остановить советское наступление. В один из моментов паники некоторые офицеры из верховного командования высказали мнение, что ситуацию, вероятно, можно было бы исправить, применив против русских отравляющие вещества. "Полковник Окснер хочет мне навязать химическую войну против русских", — пишет Гальдер в дневнике 7 января. Но было, пожалуй, чересчур холодно. Во всяком случае, из этого предложения ничего не вышло.

"Очень трудный день! — отметил в дневнике Гальдер 8 января. — Развитие прорыва противника у Сухиничей на запад становится невыносимым для Клюге. В связи с этим раздаются настойчивые требования об отходе 4-й армии. " В течение дня фельдмаршал несколько раз звонил фюреру, и Гальдер поддерживал его требование. В конце концов фюрер с неохотой дал согласие на отход. Клюге должен осуществить отвод войск постепенно, чтобы сохранить свои коммуникации.

Постепенно, шаг за шагом, а иногда и ускоренным шагом на протяжении всей той мрачной зимы немецкие армии, которые собирались праздновать рождество в Москве, отступали; теперь их вынуждали отступать русские, осуществляя окружения и прорывы. К концу февраля немцы оказались отогнаны от Москвы на 75-100 миль. Гальдер записал в своем дневнике, во что обошлась немцам их русская авантюра. Общие потери по 28 февраля 1942 года, как отмечал Гальдер, составили 1 005 636 человек, или 31 процент всей численности войск Восточного фронта; из

них 202251 человек составляли убитые, 725 642 — раненые и 46511 — пропавшие без вести. (Потери от обморожений составили 112627 человек.) Сюда не включены потери, понесенные в России венграми, румынами, итальянцами.

С приходом весенней оттепели на всем растянутом фронте наступило затишье и Гитлер с Гальдером принялись составлять планы доставки на Восточный фронт свежих войск, дополнительных танков и орудий, чтобы возобновить наступление по крайней мере на одном из участков. У них уже никогда не будет достаточно сил, чтобы наступать одновременно по всему огромному фронту. Жестокие итоги зимы, прежде всего контрнаступления Жукова, лишили немцев такой возможности.

Однако Гитлер, как мы теперь знаем, давно понял, что его замыслы завоевать Россию — не только в шесть месяцев, но и когда-либо — сорвались. В дневниковых записях от 19 ноября 1941 года генерал Гальдер излагает суть длинного доклада фюрера нескольким офицерам из верховного командования. Хотя его армии находятся всего в нескольких милях от Москвы и все еще силятся захватить ее, Гитлер оставил надежду разгромить Россию в этом году и все свои помыслы направил на достижение целей в следующем году. Гальдер записал вкратце идеи вождя.

"Задачи на будущий (1942) год. В первую очередь — Кавказ. Цель — выход к южной русской границе. Срок: март — апрель. На севере — в зависимости от итогов операций этого года. Овладение Вологдой или Горьким. Срок — к концу мая.

Вопрос о том, какие цели можно будет поставить перед собой, после этого, пока не решен. Это будет зависеть от эффективности работы наших железных дорог. Вопрос о создании в дальнейшем Восточного вала также оставлен открытым! "

Не потребуется никакого Восточного вала, если Советский! Союз будет уничтожен. Кажется, Гальдер что-то обдумывал, слушав; дальнейшее изложение замыслов верховного главнокомандующего.

"В целом, — заключает Гальдер, — можно ожидать, что обе враждующие группы стран, не будучи в состоянии уничтожить одна другую, придут к компромиссному соглашению".

Это, должно быть, явилось глубоким разочарованием для нацистского завоевателя, который всего за шесть недель до этого, выступая по Берлинскому радио, "без каких-либо оговорок" заявил, что Россия "повержена и никогда больше не поднимется". Но его расчеты и планы оказались сорваны, его надежды остались неосуществлены. Спустя пару недель, 6 декабря, они были вообще перечеркнуты, когда его

разгромленные войска начали отходить из пригородов Москвы.

На следующее воскресенье, 7 декабря 1941 года, произошла событие на другой стороне земного шара, которое превратило европейскую войну, столь легко спровоцированную Гитлером, в войну мировую, которая, хотя этого он знать еще не мог, решит его судьбу и судьбу третьего рейха. Японские бомбардировщики напали на Перл-Харбор. На следующий день {Все передвижения и места пребывания Гитлера отмечены в его календаре-еженедельнике, который был найден среди захваченных документов. — Прим. авт. } Гитлер спешно выехал из Вольфшанце поездом в Берлин. В свое время он тайно дал Японии торжественное обещание, и теперь подошло время выполнить это обещание или отказаться от него.

Часть 25. На очереди Соединенные Штаты

Адольф Гитлер дал Японии безрассудное обещание в ходе серии переговоров, которые весной 1941 г^{да}, как раз перед нападеием Германии на Россию, вел в Берлине Есукэ Мацуока, японский министр иностранных дел. Захваченные немецкие протоколы этих переговоров позволяют обнаружить еще один крупнейший просчет Гитлера. Протоколы и другие нацистские документы этого периода свидетельствуют, что фюрер слишком несведущ, Геринг слишком невежествен, а Риббентроп слишком туп, чтобы осознать потенциальную военную мощь Соединенных Штатов, — подобный грубейший просчет был допущен во время мировой войны Вильгельмом II, Гинденбургом и Людендорфом.

С самого начала политика Гитлера в отношении Америки грешила серьезными противоречиями. Хотя он относился с презрением к военным навыкам американцев, тем не менее в течение первых двух лет войны в Европе он прилагал огромные усилия, чтобы не допустить вступления в войну Америки. Как мы уже убедились, в этом видело свою главную задачу немецкое посольство в Вашингтоне, которое прибегало ко всяким уловкам вплоть до подкупа конгрессменов, попыток финансировать писателей и содействовать комитету "Америка прежде всего", чтобы поддержать американских изоляционистов и тем самым удержать Америку от вступления в войну на стороне противников Германии.

Что Соединенные Штаты, пока там президентом оставался Рузвельт, препятствовали осуществлению грандиозных планов Гитлера по завоеванию мирового господства и разделению планеты между державами тройственного пакта, нацистский диктатор, как это явствует из его частных бесед в узком кругу, прекрасно понимал. Он считал, что с Америкой придется в конце концов расправиться, и расправиться, по его словам, сурово. Но только после других государств, а не в одно время с ними. В этом и состоял секрет его успешной стратегии. Придет и очередь Америки, но только после Великобритании и Советского Союза, когда эти страны будут разбиты. И тогда при помощи Японии и Италии он сможет расправиться с американскими выскочками, которые, оказавшись в полной изоляции, легко поддадутся давлению победоносных держав оси.

Японии отводилась ключевая роль в усилиях Гитлера удержать Америку от вступления в войну, пока Германия не будет готова бросить ей вызов. Япония, как уверял Риббентроп итальянского диктатора 11 марта

1940 года, явится противовесом для Соединенных Штатов, она будет удерживать Америку от попыток вступить в европейскую войну против Германии, как делала это в первую мировую войну.

Во время войны, как подчеркивали Гитлер и Риббентроп, для Японии важно не спровоцировать Соединенные Штаты на отказ от политики нейтралитета. К началу 1941 года нацистские лидеры уже всеми силами стремились втянуть Японию в войну, но не против Америки и не против России, на которую Германия вскоре должна была напасть, а против Англии, которая отказывалась капитулировать, даже потерпев поражение. Немецкое давление на Японию в начале 1941 года усилилось. 23 февраля Риббентроп принял в присвоенном им имении в Фушле, расположенном близ Зальцбурга, вспыльчивого японского посла генерала Хироси Осиму, который нередко производил на автора этих строк впечатление большего нациста, чем сами нацисты. Хотя война уже выиграна, говорил Риббентроп своему гостю, Япония в ее собственных интересах должна вступить в нее как можно скорее и овладеть территориями, принадлежащими Британской империи в Азии.

"Внезапное вмешательство Японии, — продолжал Риббентроп, — непременно удержит Америку от вступления в войну. Америка, в настоящее время фактически не имеющая вооруженных сил, будет колебаться, подвергать ли ей риску свой военно-морской флот западнее Гавайских островов, а в случае вступления Японии в войну она тем более не пойдет на такой риск. Если Япония во всех иных отношениях станет уважать интересы Америки, то у Рузвельта не будет возможности использовать доводы престижного характера, чтобы сделать вступление США в войну приемлемым для американцев. Мало вероятно, чтобы Америка объявила войну, если ей пришлось бы стать очевидицей захвата Филиппин Японией".

Но если бы даже Соединенные Штаты оказались вовлечены в войну, продолжал Риббентроп, то "это не поставило бы под угрозу конечную победу держав тройственного пакта". Японский флот легко разбил бы американский, и война бы быстро закончилась поражением как Англии, так и Америки.

Эта речь вскружила голову драчливому японскому генералу, а Риббентроп все подогревал его аппетит. Он советовал японцам проявлять твердость на переговорах в Вашингтоне.

"Соединенные Штаты только в том случае отступят, если они осознают, что столкнулись с твердой решимостью. Американцы... не хотят приносить в жертву своих сыновей, поэтому они против вступления в

войну. Американский народ инстинктивно чувствует, что его без всякой на то причины втягивают в войну Рузвельт и еврейские закулисные махинаторы. Поэтому наша политика по отношению к Соединенным Штатам должна быть твердой и ясной... "

У нацистского министра иностранных дел имелось в резерве еще одно предостережение — то самое, которое, к великому огорчению нацистов, не оказало влияния на Франко:

"Если Германия когда-либо ослабеем, то Японии сразу же придется противостоять мировой коалиции. Мы все в одной лодке. Судьба обеих стран решается сейчас на столетия вперед... Поражение Германии означало бы также конец японским империалистическим замыслам".

Чтобы ознакомить со своей новой политикой в отношении Японии высших военачальников и руководящий состав министерства иностранных дел, Гитлер издал 5 марта 1941 года совершенно секретную директиву, озаглавленную "Основополагающий приказ э 24 относительно сотрудничества с Японией".

"Цель сотрудничества, основанного на тройственном пакте, — как можно скорее склонить Японию к принятию активных мер на Дальнем Востоке. Таким образом там окажутся скованы значительные английские силы, а центр тяжести интересов Соединенных Штатов переместится в зону Тихого океана... Следует подчеркнуть, что общая цель ведения войны состоит в том, чтобы быстрее поставить Англию на колени и тем самым удержать США от вступления в войну.

Захват Сингапура как ключевой английской позиции на Дальнем Востоке будет иметь решающее значение для ведения войны тремя державами беи в целом".

Гитлер настаивал также на захвате японцами других английских военно-морских баз, "если вступление Соединенных Штатов в войну не удастся предотвратить". В заключение он предупреждал, что японцам не нужно давать никакой информации относительно операции "Барбаросса". По его мнению, японского союзника, как и итальянского, необходимо использовать для осуществления честолюбивых замыслов Германии, но ни то, ни другое правительство не следовало посвящать в планы фюрера относительно нападения на Россию.

Спустя пару недель, 18 марта, на совещании у Гитлера, Кейтеля и Йодля адмирал Редер решительно настаивал на том, чтобы оказать давление на Японию и побудить ее напасть на Сингапур. Он объяснил, что в дальнейшем уже не будет столь благоприятных условий, когда можно сковать весь английский флот, когда налицо неподготовленность США к

войне с Японией, когда американский флот существенно уступает японскому. Захват Сингапура, говорил адмирал, "решит все прочие азиатские проблемы, связанные с США и Англией", и, конечно, позволит Японии избежать войны с Америкой, если она этого захочет. По мнению адмирала, имелась только одна помеха на этом пути, и упоминание о ней, должно быть, заставило Гитлера нахмуриться. Согласно данным военно-морской разведки, Япония намеревалась выступить против англичан в Юго-Восточной Азии только в том случае, "если Германия начнет высадку в Англии". В протокольных записях этого совещания, хранящихся в архиве военно-морских сил, нет никаких указаний о том, как отреагировал Гитлер на это сообщение Редера. Адмирал наверняка знал, что верховный главнокомандующий не планирует высаживаться в Англии в этом году. Редер говорил еще кое о чем, но фюрер опять никак не отреагировал. Он лишь порекомендовал проинформировать Мацуоку о планах относительно России {До сих пор не выяснено, было ли так в действительности или что-то напутано в документах — Прим. пер. }.

Теперь японский министр иностранных дел держал путь в Берлин через Сибирь и Москву, делая на протяжении маршрута воинственные заявления в духе держав оси, как заметил государственный секретарь США Корделл Хэлл {Хэлл высказал это замечание новому японскому послу в Вашингтоне адмиралу Номуре 14 марта в присутствии Рузвельта. Номура ответил, что Мацуока "громко говорил для граждан своей страны, так как страдает политическим тщеславием" (Хэлл К. Мемуары, с 900–901) — Прим. авт. }. Прибытие Мацуоки в германскую столицу 26 марта совпало с неприятным для Гитлера моментом: ночью в Югославии в результате переворота было свергнуто прогерманское правительство, и фюрер был так занят срочной разработкой планов подавления беспокойного балканского государства, что ему пришлось отложить встречу с японцем до полудня 27 марта. Риббентроп принял японца утром. Он занялся, так сказать, просрыиванием старых пластинок, зарезервированных для таких случаев, и умудрился при этом выказать себя даже более глупым, чем обычно, не позволив проворному маленькому Мацуоке вставить ни единого слова. Пространные конфиденциальные записи, сделанные доктором Шмидтом (и теперь хранящиеся среди захваченных документов министерства иностранных дел), не оставляют в этом никаких сомнений. "Война уже определенно выиграна державами оси, — заявил Риббентроп, — и только вопрос времени, когда Англия признает это". Не переводя дыхания, он стал настойчиво требовать от японца "быстрого нападения на Сингапур", поскольку это явилось бы решающим фактором в скорейшем крушении

Англии. Слушая такие противоречивые заявления, тщедушный японский гость даже глазом не моргнул. "Он сидел с непроницаемым лицом, — вспоминал впоследствии доктор Шмидт, — ничем не обнаруживая, какое впечатление произвели на него эти удивительные утверждения".

"Что касается Америки, то нет никакого сомнения, — сказал Риббентроп, — что англичане давно бы вышли из войны, если бы Рузвельт каждый раз не обнадеживал Черчилля... Тройственный пакт имеет своей целью прежде всего запугать Америку и удержать ее от вступления в войну... Любыми допустимыми средствами нужно предотвратить активное участие Америки в войне и оказание ею слишком эффективной помощи Англии... Захват Сингапура, скорее всего, удержал бы Америку от вступления в войну, и она едва ли рискнула бы послать свой флот в японские воды... Рузвельт оказался бы в очень трудном положении".

Хотя Гитлер запретил давать Мацуоке информацию о предстоящем нападении Германии на Россию (необходимая предосторожность во избежание утечки информации), тем не менее утечка произошла, что привело к катастрофическим для Германии последствиям. Риббентроп намекнул своему японскому партнеру, что отношения с Советским Союзом вполне корректные, но не очень дружественные. Более того, вздумай Россия угрожать Германии, фюрер ее "раздавит". Фюрер убежден, что если дело дойдет до войны, то "через несколько месяцев Россия перестанет существовать".

При этих словах, говорил позднее Шмидт, Мацуока заморгал и встревожился, и тут Риббентроп поспешил заверить его, что он сомневается, чтобы "Сталин стал осуществлять неразумную политику". В этот момент Риббентропа вызвал Гитлер, чтобы обсудить югославский кризис, и нацистский министр не смог присутствовать на официальном завтраке, который, как предполагалось, он давал в честь высокого гостя.

Днем 27 марта, приняв решение раздавить еще одно государство — Югославию, Гитлер продолжил обработку японского министра иностранных дел. "Англия уже проиграла войну", — заявил он. Признать это — только вопрос времени. И все же англичане хватаются за две соломинки: Россию и Америку. В отношении Советского Союза Гитлер высказывался более осторожно, чем Риббентроп. Он не верит, что угроза войны с Россией реальна. В конце концов, у Германии "для обороны от России" имеется от 160 до 170 дивизий, что касается Соединенных Штатов, то он сказал следующее:

"У Америки имеются три возможности: она могла бы вооружаться, она могла бы помогать Англии или она могла бы вести войну на другом

фронте. Если она хочет помогать Англии, то может не вооружаться. Если она оставит Англию, то последняя будет разгромлена и тогда Америка окажется одинокой в войне против держав оси. Однако в любом случае Америка не сможет одновременно вести войну на другом фронте".

Поэтому, заключил фюрер, невозможно даже представить более благоприятные условия для японцев, чем теперь, для нанесения удара на Тихом океане. "Такой момент, — произнес он как можно весомее, — никогда не повторится. Это уникальный шанс в истории". Мацуока согласился с Гитлером, но при этом напомнил, что к сожалению, не он правит Японией и в настоящий момент не может дать никаких обещаний от имени японской империи.

Однако Гитлер, являясь абсолютным диктатором, мог давать обещания и он дал их Японии — как бы между делом, хотя его никто об этом не просил, — 4 апреля по возвращении Мацуоки в Берлин после встречи с Муссолини {Мацуока информировал Гитлера, что Муссолини сказал ему: "Америка является врагом номер один, а Советский Союз стоит только на втором месте". — Прим. авт. }. Эта вторая встреча состоялась накануне нацистского нападения на Югославию и Грецию, и фюрер, жаждавший одержать новую легкую победу и отомстить Белграду, пребывал в воинственном настроении. По его словам, он считал войну с Соединенными Штатами нежелательной и учитывал это в своих планах. Однако он не очень высокого мнения о военной мощи Америки {Как и обо всем американском. Его своеобразное представление об Америке — к этому времени Гитлер сам уверовал в нацистскую пропаганду — получило дальнейшее развитие в разговоре с Муссолини, состоявшемся на русском фронте в конце августа 1941 года. "Фюрер сделал детальное описание окружающей Рузвельта еврейской клики, которая эксплуатирует американский народ, — говорится в одном из архивных итальянских документов. — Он сказал, что просто не смог бы жить в такой стране, как США, где жизненные концепции пропитаны духом коммерции и где не любят возвышенных проявлений человеческого духа, таких, как музыка" (Дипломатические Документы Чиано, с. 449–452). — Прим. авт. }.

Германия произвела необходимые приготовления, так что ни один американец не сможет высадиться в Европе. Германия повела бы решительную войну против Америки с помощью подводных лодок и люфтваффе, а имея огромный боевой опыт, она оказалась бы более чем грозным для Америки противником, не говоря уже о том, что немецкие солдаты, безусловно, намного превосходят американских.

Это хвастовство и спровоцировало его дать роковое обещание,

зафиксированное доктором Шмидтом: "Если Япония вступит в конфликт с Соединенными Штатами, Германия со своей стороны немедленно предпримет необходимые шаги".

Из записей Шмидта явствует, что Мацуока не вполне уяснил значение обещаний фюрера, и Гитлер еще раз повторил: "Германия немедленно вмешается в случае конфликта между Японией и Америкой".

Гитлер дорого заплатил не только за это обещание, случайно оброненное, но и за обман — он так ничего и не сказал японцу о своем намерении напасть на Россию, как только будут оккупированы Балканы. Во время переговоров 28 марта Мацуока спросил Риббентропа, необходимо ли ему на обратном пути "остановиться в Москве, чтобы провести переговоры с русскими по поводу пакта о ненападении или договора о нейтралитете". Тупоумный нацистский министр иностранных дел самодовольно ответил, что Мацуоке "по возможности не следует поднимать этот вопрос в Москве, поскольку он, по-видимому, не будет укладываться в рамки нынешней ситуации". Он не совсем понял значение того, что готовилось. Но на следующий день, осознав наконец смысл сказанного, начал с того, что вернулся к этой теме. Мимоходом, как это предстояло сделать 4 апреля Гитлеру, он заговорил о немецких гарантиях: если Россия нападет на Японию, то "Германия немедленно нанесет удар". Он сказал, что хочет дать такое заверение, — "чтобы Япония могла двинуться на юг, в сторону Сингапура, не опасаясь каких-либо осложнений с Россией". Когда Мацуока сказал, что, будучи в Москве по пути в Берлин, он сам предложил русским заключить пакт о ненападении, и намекнул, что русские благосклонно восприняли его предложение, Риббентроп опять обнаружил нечто вроде провала памяти: он просто посоветовал Мацуоке не придавать этой проблеме "серьезного значения".

Однако, как только японский министр иностранных дел по пути домой снова оказался в Москве, он подписал пакт о нейтралитете со Сталиным, предусматривавший, что каждая сторона останется нейтральной в случае, если другая сторона окажется втянутой в войну, Шуленбург, предвидевший возможные последствия этого пакта, так и информировал Берлин. Этот пакт, подписанный 13 апреля, Япония соблюдала до конца вопреки отчаянным усилиям Германии вынудить ее не считаться с его условиями, ведь уже к концу лета 1941 года нацисты стали упрашивать японцев атаковать не Сингапур или Манилу, а Владивосток.

Однако вначале Гитлер просто не придавал значения русско-японскому пакту о нейтралитете. 20 апреля он говорил адмиралу Редеру, заинтересовавшемуся пактом, что он заключен "с молчаливого согласия

Германии" и что он, фюрер, приветствовал заключение пакта, "так как теперь Япония воздержится от действий против Владивостока и вместо этого будет склонна напасть на Сингапур" {Известие о подписании в Москве советско-японского пакта о нейтралитете вызвало тревогу в Вашингтоне, где Рузвельт и Хэлл были склонны рассматривать его в той же плоскости, что и Гитлер: пакт высвобождает японские силы, предназначенные для возможных военных действий против России, для действий в южном направлении против английских и американских владений. Шервуд пишет, что 13 апреля, когда было получено известие о заключении пакта, президент набросал план действий американских боевых кораблей против немецких подводных лодок в Западной Атлантике. Установленный новый порядок требовал, чтобы американские боевые корабли просто докладывали о передвижениях немецких боевых кораблей к западу от Исландии, но не открывали огня по ним. Считалось, что советско-японский пакт о нейтралитете сделал обстановку на Тихом океане слишком опасной, чтобы рисковать в Атлантике (Шервуд Р. Е. Рузвельт и Гопкинс, с. 291). — Прим. авт. }.

На этой стадии Гитлер был уверен, что Германия разгромит Россию в течение летней кампании. Он не хотел делить с Японией лавры победоносной кампании в России, как ранее не захотел делиться с Италией славой, добытой на полях Франции. И он был абсолютно уверен, что не потребуется никакой помощи от японцев. Повторяя мысли своего хозяина, Риббентроп говорил японскому министру иностранных дел 29 марта, что, если Россия вынудит Германию нанести удар, он бы "считал разумным, чтобы японская армия воздержалась от нападения на Россию".

Однако уже три месяца спустя взгляды Гитлера и Риббентропа по этому вопросу изменились, причем изменились самым решительным образом. Через шесть дней после того, как нацистские армии напали на Россию, 28 июня 1941 года, Риббентроп направил немецкому послу в Токио генералу Ойгену Отту телеграмму с просьбой сделать все возможное, чтобы вынудить японцев поскорее напасть на Советскую Россию с тыла. Послу рекомендовалось пробудить в японцах жажду военных трофеев, а также доказывать им, что это лучший способ удержать Америку на нейтральных позициях. "Можно ожидать, — пояснял Риббентроп своему послу в Японии, — что быстрое поражение Советской России, особенно, если Япония откроет боевые действия на Востоке, явится лучшим аргументом, способным убедить Соединенные Штаты в полной тщетности вступления в войну на стороне Великобритании, полностью изолированной перед лицом самого мощного в мире альянса".

Мацуока высказался в пользу немедленной войны с Россией, но его взгляды не нашли поддержки у правительства Токио, которое, очевидно, считало, что если немцы, как они утверждают, быстро разобьют Россию, то им не потребуется помощь от японцев. Однако правительство Токио не было уверено в молниеносной победе нацистов, и это являлось подлинной причиной занятой Японией позиции.

И все же Риббентроп настаивал. 10 июля, когда немецкое наступление в России действительно развивалось с небывалым успехом и даже Гальдер, как мы убедились, считал, что победа уже обеспечена, нацистский министр иностранных дел направил из специального поезда на Восточном фронте своему послу в Токио новую, более жесткую телеграмму:

"Поскольку Россия находится в состоянии, близком к развалу... просто недопустимо, чтобы Япония не попыталась решить проблему Владивостока и района Сибири, как только будут завершены военные приготовления.

Я прошу вас использовать все имеющиеся средства, чтобы настоять на вступлении Японии в войну против России в самые ближайшие сроки... Чем скорее она вступит в войну, тем лучше. Наше естественное желание — встретиться с представителями Японии на Транссибирской магистрали еще до начала зимы".

Такая головокружительная перспектива все же не повлияла на взгляды милитаристски настроенного японского правительства. Через четыре дня посол Отт ответил, что он делает все возможное, чтобы убедить японцев поскорее напасть на Россию, что Мацуока полностью поддерживает эту идею, но что ему, Отту, приходится преодолевать сильное сопротивление со стороны кабинета. Вскоре Мацуока был вынужден подать в отставку. С его уходом из состава правительства Германия потеряла верного друга, и хотя, как мы убедимся, тесные отношения между Берлином и Токио позднее будут восстановлены, они никогда не станут настолько тесными, чтобы убедить японцев, что они поступят весьма мудро, оказав помощь Германии в ее войне против России. Гитлера еще раз перехитрил в его же игре лукавый японский союзник {Риббентроп в течение двух последующих лет предпринимал усилия уговорить японцев напасть на Советский Союз с тыла, но всякий раз ответ японского правительства по существу сводился к вежливому отказу.

Гитлер не терял надежды в течение лета. 26 августа он говорил Редеру, что "убежден: Япония осуществит нападение на Владивосток, как только будут сосредоточены соответствующие силы. Нынешнее видимое спокойствие Японии может быть объяснено тем фактом, что

сосредоточение сил должно быть осуществлено без помех и нападение должно произойти внезапно".

Из японских архивов явствует, что правители Токио уклонялись от ответа на этот непростой немецкий вопрос. Когда, например, 19 августа посол Отт спросил у заместителя японского министра иностранных дел о вступлении Японии в войну с Россией, последний ответил, что "для Японии предпринять такое дело, как нападение на Россию, весьма серьезный вопрос, который требует всестороннего обдумывания". Когда 30 августа Отт в состоянии крайнего раздражения спросил у министра иностранных дел адмирала Тойоды "Возможно ли участие Японии в русско-германской войне?", адмирал ответил: "Япония сейчас усиленно готовится к этому, но для завершения приготовлений потребуется еще какое-то время". — Прим. авт. }.

Избегать инцидентов с Соединенными Штатами

В то время как Япония по-прежнему упорно отказывалась помогать Гитлеру таскать каштаны из огня в России, поскольку у японцев жарились свои собственные каштаны, для Германии было особенно важно удержать Соединенные Штаты от вступления в войну до разгрома Советского Союза, который, по убеждению фюрера, должен был произойти до наступления зимы.

На немецком военно-морском флоте давно роптали по поводу решения Гитлера, запрещающего флоту мешать американским поставкам в Англию и реагировать на возрастающую враждебность американских боевых кораблей по отношению к немецким подводным лодкам и надводным кораблям, действовавшим в Атлантике. Нацистские адмиралы, видевшие значительно дальше, чем способен был видеть их фюрер, мысли которого оказались прикованы к суше, почти с самого начала войны считали неизбежным вступление в нее США и убеждали своего верховного главнокомандующего готовиться к этому. Сразу же после падения Франции, в июне 1940 года, адмирал Редер, поддержанный Герингом, принялся убеждать Гитлера захватить не только Французскую Северную Африку, но и — что было более важно — острова в Атлантике, в том числе Исландию, Азорские и Канарские острова, чтобы упредить их оккупацию Соединенными Штатами. Гитлер выразил заинтересованность в этом, но сначала он хотел вторгнуться в Англию и завоевать Россию. А потом он займется самонадеянными американцами, чье положение станет безнадежным. В совершенно секретном меморандуме майора фон Фалькенштейна, офицера генерального штаба, раскрываются взгляды, которых придерживался по этому вопросу Гитлер в конце лета 1940 года:

"В настоящее время фюрер занят вопросом оккупации островов в Атлантике, имея в виду ведение войны против Америки в более позднее время. Соображения по этому вопросу излагаются ниже".

Следовательно, вопрос заключался не в том, намеревается или не намеревается Гитлер начать войну против Соединенных Штатов, а в том, когда он решит ее начать. К следующей весне эта дата стала вырисовываться в голове фюрера более конкретно. 22 мая 1941 года адмирал Редер совещался с верховным главнокомандующим и с сожалением доложил, что военно-морской флот "вынужден отказаться от мысли захватить Азорские острова". У него для этого просто недостаточно сил. Однако к этому времени Гитлер был настроен поддержать данный проект, как явствует из конфиденциальных записей Редера:

"Фюрер все еще поддерживает мысль осуществить захват Азорских островов для того, чтобы авиация дальнего действия могла действовать оттуда против США. Такая необходимость может возникнуть к осени" {У немцев не было бомбардировщиков дальнего действия, способных долетать — и тем более возвращаться — до американского побережья с Азорских островов, и подобные расчеты Гитлера являются признаком деформации его мышления, поскольку он принимал желаемое за действительное. — Прим. авт. } (то есть после падения Советского Союза).

Тогда наступит очередь Соединенных Штатов. Это он дал совершенно четко понять адмиралу Редеру во время встречи с ним спустя два месяца, 25 июля, когда наступление в России развивалось полным ходом. "После восточной кампании, — записал Редер, — фюрер намеревается предпринять решительные действия против США". Но до тех пор, как подчеркивал Гитлер в беседе с шефом военно-морского флота, необходимо "избежать объявления войны Соединенным Штатам... учитывая интересы армии, которая втянута в тяжелые бои".

Редера такая позиция не удовлетворяла. В его дневниковых записях о встречах с Гитлером, с которыми можно ознакомиться в числе прочих захваченных документов, просматривается все усиливающееся нетерпение адмирала из-за тех ограничений, которые фюрер ввел для военно-морского флота. При каждой встрече с фюрером адмирал пытался переубедить его.

В начале года, а именно 4 февраля, Редер передал Гитлеру меморандум, в котором военно-морской флот выражал серьезные опасения по поводу пользы американского нейтралитета для Германии. Фактически адмиралы утверждали, что вступление Америки в войну могло бы даже оказаться "выгодным для немецких военных усилий", если Япония при этом вступит в войну на стороне стран тройственного пакта. Однако на

нацистского диктатора эти доводы, не произвели должного впечатления.

Редер был сильно разочарован. Битва за Атлантику в полном разгаре, а Германия ее не выигрывает. Американские поставки по ленд-лизу потоком шли в Англию. Служба сопровождения конвоев все больше затрудняла эффективные действия немецких подводных лодок. На все это Редер неоднократно указывал Гитлеру, но безрезультатно. 18 марта он опять был на докладе у фюрера, где сообщил, что американские боевые корабли эскортируют американские конвои, следующие в Англию, до самой Исландии. Он требовал полномочий на атаку таких кораблей без предупреждения. Он просил предпринять что-то, чтобы упредить захват американцами плацдарма во Французской Северной Африке. Такая возможность, доказывал адмирал, "является самой опасной". Гитлер выслушал его и заверил, что он обсудит эти вопросы с министерством иностранных дел, что было одним из способов отделаться от гросс-адмирала.

На протяжении всей весны и начала лета Гитлер откладывал решение вопросов, выдвигаемых военно-морским командованием. 20 апреля он отказался выслушать просьбы Редера о "ведении войны против торговых кораблей США, согласно морскому призовому праву".

Первое столкновение между американскими и немецкими боевыми кораблями было зарегистрировано 10 апреля, когда американский эсминец "Ниблак" сбросил глубинные бомбы на немецкую подводную лодку, по некоторым признакам готовившуюся к атаке. 22 мая Редер снова побывал в Бергхофе и вручил длинный меморандум, в котором предлагались контрмеры в ответ на недружественные акты президента Рузвельта, но и на этот раз верховный главнокомандующий остался непреклонен.

"Фюрер, — писал Редер, — считает, что президент Соединенных Штатов еще не пришел к определенному решению. Ни при каких обстоятельствах фюрер не хочет спровоцировать инциденты, которые послужили бы поводом для вступления Соединенных Штатов в войну".

Основания избегать таких инцидентов становились еще более серьезными с началом кампании против России, и 21 июня, за день до наступления, Гитлер подчеркнул это во время разговора с Редером. Гресс-адмирал нарисовал фюреру красочную картину, как подводная лодка "U-253", обнаружив в объявленной Германией зоне блокады в Северной Атлантике американский линкор "Техас" и сопровождавший его эсминец, "преследовала их и пыталась атаковать", и добавил, что, "когда речь идет о Соединенных Штатах, твердые меры всегда более действенны, чем явные уступки". Фюрер согласился с ним в принципе, но способ действий отверг

и еще раз сделал внушение командованию военно-морского флота.

"Фюрер подробно поясняет, что, до тех пор пока проводится операция "Барбаросса", он хочет избежать каких бы то ни было инцидентов с Соединенными Штатами. Через несколько недель обстановка прояснится и можно ожидать благоприятного воздействия на США и Японию. Америка будет менее склонна вступить в войну ввиду усиливающейся угрозы со стороны Японии. Поэтому, если возможно, в следующие недели все атаки на боевые корабли в зоне блокады следует прекратить".

Когда Редер начал было доказывать, что ночью трудно отличить вражеский боевой корабль от нейтрального, Гитлер оборвал его, распорядившись отдать новый приказ избегать инцидентов с Соединенными Штатами. В результате этого гросс-адмирал той же ночью направил всем боевым кораблям приказ, отменяющий нападения на любые боевые корабли внутри или вне зоны блокады, если не будет со всей определенностью установлено, что обнаруженный корабль является английским. Аналогичный приказ был отдан и люфтваффе. 9 июля президент Рузвельт объявил, что американские войска берут на себя оккупацию Исландии взамен англичан. Берлин отреагировал на это бурно и немедленно. Риббентроп телеграфировал в Токио: "Вторжение американских войск в поддержку Англии на территорию, которая была официально объявлена нами районом боевых действий, само по себе является агрессией против Германии и Европы".

Редер поспешил в Вольфшанце, откуда фюрер руководил своими армиями в России. Он хотел получить конкретный ответ относительно того, "рассматривать оккупацию Исландии Соединенными Штатами как вступление в войну или как провокационный акт, который следует игнорировать". Что касается командования немецкого военно-морского флота, то оно рассматривало высадку американцев в Исландии как акт войны и в своем меморандуме на двух страницах напоминало фюреру о всех актах "агрессии" против Германии, совершенных правительством Рузвельта. Более того, военно-морской флот потребовал предоставить ему право топить американские грузовые суда в конвоях и атаковать американские боевые корабли, если обстановка этого потребует {Здесь необходимо отметить, что на суде в Нюрнберге адмирал Редер утверждал, будто сделал все возможное, чтобы не спровоцировать вступление США в войну. — Прим. авт. }. Гитлер отказался удовлетворить требования флота.

"Фюрер объяснил, — говорится в докладной Редера о совещании у Гитлера, — что он больше всего стремится отодвинуть на месяц-другой вступление Соединенных Штатов в войну. С одной стороны, Восточная

кампания должна продолжаться при активном участии всех военно-воздушных сил... которые он не хочет отвлекать даже частично; с другой стороны, победоносная кампания на Восточном фронте будет иметь огромное влияние на всю обстановку и, вероятно, на позицию Соединенных Штатов. Поэтому в настоящее время он не намерен вносить изменения в ранее данные указания и хочет быть уверен, что не будет допущено инцидентов".

Редер принялся было доказывать, что его командиры не должны нести ответственность, если "по ошибке" нанесут удар по американским судам, но Гитлер ответил, что по крайней мере в отношении боевых кораблей военно-морской флот обязан "устанавливать наверняка", что это вражеские корабли, прежде чем их атаковать. Чтобы быть уверенным, что адмиралы правильно его поняли, фюрер издал 19 июля специальный приказ, в котором подчеркивалось, что "в расширенной зоне операций американские торговые суда, будь то одиночные либо в составе английского или американского конвоев, и опознанные как таковые еще до применения оружия, не должны подвергаться нападению". В пределах зоны блокады, которая была также признана Соединенными Штатами, американские корабли могли подвергаться нападению, но Гитлер специально оговорил в своем приказе, что эта военная зона "не включает в себя морской маршрут США — Исландия" (подчеркнуто самим Гитлером).

Но "ошибки", как сказал Редер, обязательно должны были происходить. 21 мая подводная лодка потопила американское грузовое судно "Робин Моор", следовавшее в Южную Африку, за пределами объявленной немцами зоны блокады. Еще два американских торговых судна были торпедированы к концу лета. 4 сентября немецкая подводная лодка выпустила две торпеды по американскому эсминцу "Грир", но оба раза промахнулась. Спустя неделю, 11 сентября, президент Рузвельт отреагировал на эту атаку в своей речи, сообщив, что дал приказ военно-морскому флоту "стрелять без предупреждения", и предупредил, что боевые корабли держав оси, входящие в американскую зону обороны, делают это "на свой страх и риск". Эта речь привела Берлин в ярость. В нацистской печати Рузвельта стали изображать как "поджигателя войны номер один". На Нюрнбергском процессе Риббентроп говорил, что "Гитлер был сильно взволнован". Однако к 17 сентября — к моменту прибытия Редера в ставку Вольфшанце на Восточном фронте, где гросс-адмирал намеревался настоять на решительных мерах в ответ на приказ Рузвельта "стрелять без предупреждения", фюрер успокоился. На отчаянные просьбы адмирала снять наконец для немецкого военно-морского флота запрет на

атаки американских кораблей верховный главнокомандующий вновь ответил твердым "нет".

"Поскольку, очевидно, в конце сентября произойдут решающие события в русской кампании, — писал Редер о беседе с Гитлером, — то фюрер требует принять меры, чтобы избежать любых инцидентов в войне против торгового судоходства примерно до середины октября. Поэтому командующий военно-морским флотом и командующий подводным флотом адмирал Дениц сняли свои предложения. Командирам подводных лодок придется сообщить причины, по которым им необходимо временно руководствоваться старыми приказами". Ввиду складывавшихся обстоятельств Гитлер вел себя с непривычной для него сдержанностью. Однако, по общему признанию, молодым офицерам — командирам подводных лодок, действовавшим в бурных водах Северной Атлантики и постоянно чувствовавшим на себе изматывающую, все более эффективную английскую противолодочную борьбу, в которой иногда участвовали американские боевые корабли, становилось все труднее себя сдерживать. В июле Гитлер заявил Редеру; что не станет привлекать к ответу командира подводной лодки, если он потопит американское судно "по ошибке". 9 ноября в своем традиционном ежегодном обращении к нацистской старой гвардии в небезызвестной мюнхенской пивной он ответил Рузвельту.

"Президент Рузвельт приказал своим кораблям немедленно открывать огонь по немецким кораблям, как только они их заметят. Я отдал приказ немецким кораблям не открывать огня, когда они заметят американские корабли, но обороняться, если они подвергнутся нападению. Я отдам под суд военного трибунала любого немецкого офицера, если он не станет защищаться".

13 ноября он издал новую директиву, в которой немецким кораблям и подводным лодкам предписывалось по возможности избегать столкновений с американскими боевыми кораблями, но в то же время защищаться от вражеских атак.

Они, конечно, это уже делали. В ночь на 17 октября американский эсминец "Керни", оказывая помощь конвою, подвергнувшись нападению немецких подводных лодок, забросал одну из них глубинными бомбами. Подводная лодка ответила торпедной атакой. В результате были убиты одиннадцать членов экипажа. Это были первые американские потери в необъявленной войне против Германии {"История зафиксировала, кто первым открыл огонь", — заявил Рузвельт, коснувшись этого инцидента в своей речи в день военно-морского флота 27 октября. Объективности ради следует заметить, что, бросая глубинные бомбы, США первыми открыли

огонь. Согласно секретным материалам немецкого военно-морского флота, это был не первый случай. Официальный американский военно-морской историк подтверждает, что еще 10 апреля эсминец "Ниблак" атаковал подводную лодку глубинными бомбами (см Морисон С. Е. История военно-морских операций США во второй мировой войне, т 1, с 57). — Прим. авт. }.

Вскоре последовали и другие. 31 октября, сопровождая конвои, был торпедирован и затонул американский эсминец "Рубен Джеймс"; при этом погибло 100 человек из 145 членов экипажа и все семь офицеров. Таким образом, война началась задолго до ее формального объявления.

Япония начинает собственную игру

Как мы убедились, Гитлер определил роль Японии — удерживать США от вступления в войну, по крайней мере в ближайшее время. Он знал, что, если Япония захватит Сингапур и станет угрожать Индии, это не только явится жестоким ударом по англичанам, но и отвлечет внимание Америки — и определенную часть ее усилий — с Атлантики на Тихий океан. Даже после того как он принялся упрашивать японцев напасть на Владивосток, он усматривал в этом не только средство помощи Германии в разгроме России, но и средство дальнейшего давления на Соединенные Штаты в целях сохранения ими нейтралитета.

Кажется довольно странным, что ни Гитлеру, ни кому-либо другому в Германии никогда и в голову не приходило, что у Японии были более важные, с ее точки зрения, цели, что японцы вряд ли рискнут начать крупное наступление в Юго-Восточной Азии против англичан и голландцев, не говоря уже о нападении с тыла на Россию, пока не ликвидируют в своем собственном тылу Тихоокеанский флот США. Правда, нацистский завоеватель обещал Мацуоке, что Германия объявит войну Соединенным Штатам, если Япония сделает то же самое, но Мацуока уже не входил в состав японского правительства, к тому же и сам Гитлер постоянно надоедал японцам уговорами избегать прямых конфликтов с Соединенными Штатами и направить усилия против Англии и Советского Союза, сопротивление которых отодвигает его окончательную победу над ними.

Нет, Берлин вовсе не хотел, чтобы японцы и американцы пришли к взаимопониманию. Это свело бы к нулю основную задачу Тройственного пакта, который предназначался для запугивания американцев, чтобы они не вмешивались в ход войны. Пожалуй, только однажды Риббентроп честно и объективно оценил замыслы фюрера по этому вопросу, когда давал показания на Нюрнбергском процессе:

Юн боялся, что если между Соединенными Штатами и Японией будет достигнуто урегулирование спорных вопросов, то это будет означать, так сказать, безопасный тыл для Америки и тогда вступление в войну Соединенных Штатов произойдет значительно скорее... Он был обеспокоен по поводу возможного соглашения, поскольку в Японии имелись определенные группы, которые хотели достигнуть договоренности с Америкой".

Одним из членов такой группы был адмирал Кисисабуро Номура, который в феврале 1941 года прибыл в Вашингтон в качестве нового японского посла и в марте начал серию конфиденциальных переговоров с Корделлом Хэллом с целью добиться урегулирования разногласий между двумя странами мирным путем. Эти переговоры причиняли Берлину серьезное беспокойство, пока нападение на Перл-Харбор не положило им конец {"Я отдаю должное Номуре, — пишет Хэлл в своих мемуарах, — который честно и искренне пытался избежать войны между его страной и моей" (Хэлл К. Мемуары с. 987). — Прим. авт. }.

Немцы предпринимали все возможные меры, чтобы саботировать вашингтонские переговоры. Еще 15 мая 1941 года Вайцзекер передал Риббентропу меморандум, в котором указывалось, что "любое политическое соглашение между Японией и Соединенными Штатами в настоящее время нежелательно", и утверждалось, что если это окажется невозможно предотвратить, то Япония будет потеряна для держав, оси. Генерал Отт, нацистский посол в Токио, часто приходил в министерство иностранных дел, чтобы предупредить о возможных последствиях переговоров между Хэллом и Номурой. Однако, несмотря на эти предостережения, переговоры продолжались, и тогда, немцы прибегли к новому маневру — попытались внушить японцам, чтобы в качестве условия для продолжения переговоров они выдвинули прекращение американской помощи Англии и отказ от враждебной политики в отношении Германии.

Это было в мае. Летом произошли изменения. В июле Гитлер был озабочен главным образом вовлечением Японии в войну против Советского Союза. Тогда же государственный секретарь Корделл Хэлл прервал переговоры с Номурой, поскольку Япония вторглась во Французский Индокитай. Переговоры были снова возобновлены в середине августа, когда японское правительство предложило провести личную встречу премьера принца Коноэ с президентом Рузвельтом с целью добиться мирного урегулирования. Такой оборот событий никак не устраивал Берлин, и вскоре неутомимый Отт появился в японском министерстве

иностранных дел, чтобы выразить неудовольствие от лица нацистов. Министр иностранных дел адмирал Тойода и его заместитель Амау вежливо объяснили ему, что предложенные переговоры между Коноэ и Рузвельтом будут содействовать интересам тройственного пакта, который, напомнили они немецкому послу, на то и рассчитан, чтобы "предотвратить американское участие в войне".

Осенью, когда переговоры между Хэллом и Номурой все еще продолжались, Вильгельмштрассе возвратилась к тактике минувшей весны. Теперь немцы настаивали, чтобы Номуре дали указание предупредить Соединенные Штаты, что если они будут продолжать свои недружественные действия в отношении европейских держав оси, то Германия и Италия объявят им войну, а Япония в соответствии с условиями тройственного пакта будет вынуждена к ним присоединиться.

Гитлер все еще не желал, чтобы Америка вступала в войну, и этот шаг был принят по существу с целью запугать Вашингтон и удержать США от вступления в войну и одновременно добиться некоторого облегчения обстановки для немцев в Северной Атлантике. Государственный секретарь Хэлл незамедлительно узнал о новом давлении со стороны немцев благодаря успешному дешифрованию перехваченных японских радиogramм и телеграмм совершенно секретного характера. Союзникам удалось дешифровать не только телеграммы и радиogramмы, адресованные послам держав оси в Вашингтоне и отправляемые послами из Вашингтона, но и те, что посылались в Берлин и из Берлина и других столиц. Требование немцев Тойода передал Номуре по телеграфу 16 октября 1941 года вместе с указанием изложить в более мягкой форме его суть Хэллу.

В тот день пало правительство Коноэ. Оно было заменено военным кабинетом во главе с решительным воинственным генералом Хидэки Тодзио. А в Берлине генерал Осима, солдат того же покроя, что и Тодзио, сразу поспешил на Вильгельмштрассе, чтобы сообщить германскому правительству приятную новость. По словам посла, избрание Тодзио на пост премьера означало, что Япония еще больше сблизится с партнерами по тройственному пакту и что переговоры в Вашингтоне будут прекращены. Случайно или преднамеренно, но он ничего не сказал нацистским друзьям о последствиях прекращения этих переговоров и о том, что новое правительство Тодзио полно решимости начать войну против Соединенных Штатов, если вашингтонские переговоры не закончатся вскоре принятием Рузвельтом условий о свободе действий для Японии, то есть о том, что японцы намерены не нападать на Россию, а оккупировать Юго-Восточную Азию. Ничего подобного никогда не

приходило в голову ни Риббентропу, ни Гитлеру, которые все еще смотрели на Японию как на союзника, способного обеспечить немецкие интересы в том случае, если она нападет на Сибирь и Сингапур и запугает Вашингтон так, чтобы там стали беспокоиться за свои позиции на Тихом океане и поостереглись вступать в войну. Фюрер и его ограниченный министр иностранных дел так никогда и не поняли, что провал переговоров Номуры с Хэллом в Вашингтоне, о котором мечтали нацистские главари, приведет как раз к тому самому результату, которого они стремились избежать до поры до времени, — к вступлению Америки в мировую войну {Из мемуаров принца Коноэ, написанных им после войны, явствует, что еще 4 августа он был вынужден принять требование армии, которое сводилось к тому, что если во время встречи с Рузвельтом президент не примет японских условий, то принц покинет встречу "с решимостью начать войну против Соединенных Штатов" (Хэлл К. Мемуары, с. 1025–1026) — Прим. авт. }.

Развязка быстро приближалась. 15 ноября в Вашингтон в помощь Номуре на переговорах прибыл Сабуро Курусу, однако Хэлл вскоре понял, что этот дипломат, подписавший в качестве представителя Японии в Берлине тройственный пакт и настроенный несколько пронацистски, не привез никаких новых предложений. Его задача, как решил Хэлл, сводилась к тому, чтобы попытаться убедить Вашингтон принять японские условия сразу или, если это не получится, убаюкивать американское правительство до тех пор, пока Япония не будет готова внезапно нанести мощный удар. 19 ноября для Номуры поступило из Токио злое известие: "Ветры", которое американские специалисты быстро расшифровали. Номура знал, что если во время передачи известий из Токио на коротких волнах, которые посольство слушало каждый день, прозвучат слова "Восточный ветер, дождь", то это будет означать: японское правительство решилось начать войну против Соединенных Штатов. Пока же Номуре предписывалось с получением этого условного сигнала уничтожить все имеющиеся в посольстве коды и секретные документы.

Берлин наконец проснулся и осознал, что назревает. За день до перехвата зашифрованного сигнала, то есть 18 ноября, Токио обратился к Риббентропу с несколько неожиданной просьбой о подписании договора, в котором Япония и Германия обязывались бы не заключать сепаратного мира с общими врагами. Было неясно, кого подразумевали японцы под "общими врагами", однако нацистский министр иностранных дел, очевидно, надеялся, что первой среди них является Россия.

Он в принципе согласился удовлетворить просьбу, вероятно, полагая,

что Япония наконец выполнит свои весьма туманные обещания нанести удар по Советскому Союзу со стороны Сибири. Такое решение было весьма своевременным, поскольку сопротивление Красной Армии значительно усиливалось на широком фронте, да и русская зима наступила гораздо раньше, чем предполагалось. Нападение японцев на Владивосток и советское Приморье могло стать тем дополнительным давлением, которое привело бы к развалу Советов. Однако очень скоро Риббентропа постигло разочарование. 23 ноября посол Отт телеграфировал ему из Токио: все указывает на то, что японцы двинутся на юг с намерением оккупировать Таиланд и голландские нефтеносные районы на Борнео; кроме того, японское правительство хотело бы знать, примет ли Германия участие в общем деле, если Япония начнет войну. Это означало, что Япония не собирается нападать на Россию, а замышляет военные действия против Нидерландов и Англии в южной части Тихого океана, что вполне могло привести ее к вооруженному конфликту с Соединенными Штатами. Правда, Риббентроп и Отт до этого не додумались. Как явствует из обмена телеграммами, хотя они и поняли, к своему огорчению, что Япония не нападет на Советский Союз, однако полагали, что ее наступление на юг будет направлено против нидерландских и английских владений, а не против владений США. Дядю Сэма, как того хотел Гитлер, будут держать в стороне от этих событий до тех пор, пока не придет его время.

Превратное истолкование нацистами намерений Японии в значительной мере объяснялось нежеланием японцев на этой стадии информировать правительство Германии о своем роковом решении начать войну против Америки. Государственный секретарь США Хэлл благодаря дешифрованию японских телеграмм был информирован о назревающих событиях значительно лучше. Еще 5 ноября он знал, что новый министр иностранных дел Сигенори Того в телеграмме Номуре установил предельный срок подписания соглашения с Америкой на японских условиях — 25 ноября. Японские предложения были переданы в Вашингтон 20 ноября. Хэлл и Рузвельт знали, что они окончательные, так как через два дня из дешифрованной телеграммы Того в адрес Номуры и Курусу выяснилось, что предельный срок отодвинут на 29 ноября.

"Имеются причины, о которых вы вряд ли догадываетесь, — телеграфировал Того своему послу в Вашингтон, — почему мы хотим урегулировать японо-американские отношения к 25-му. Но если подписание соглашения должно состояться к 29-му... мы решили подождать до этого срока. На этот раз мы имеем в виду только этот срок, ибо он никоим образом не может быть изменен. В дальнейшем события

начнут выходить из-под контроля".

25 ноября 1941 года является решающей датой. В этот день японская авианосная оперативная группа устремила к Перл-Харбору. В Вашингтоне Хэлл направился в Белый дом, чтобы предупредить военный совет об угрозе со стороны Японии и предупредить командующих армией и военно-морским флотом о возможности внезапного нападения. В Берлине в тот день состоялась фарсовая церемония: три державы оси с помпезной торжественностью возродили Антикоминтерновский пакт 1936 года — бессмысленный жест, который, как отмечали некоторые немцы, не оказал абсолютно никакого влияния на вовлечение Японии в войну против России, но позволили напыщенному Риббентропу назвать Рузвельта "главным виновником этой войны" и проливать крокодиловы слезы о "честном и набожном американском народе", преданном таким безответственным лидером.

Казалось, нацистский министр иностранных дел опьянел от своих собственных слов. Вечером 28 ноября, после продолжительного, заседания военного совета под председательством Гитлера, он пригласил к себе Осиму и в ходе беседы внушил японскому послу, что отношения между Германией и Соединенными Штатами "существенно обострились", о чем посол немедленно радировал в Токио. С политикой Гитлера предпринимать все возможное, чтобы удержать Америку от вступления в войну, пока Германия не будет готова сама развязать войну против нее, очевидно, было покончено. Риббентроп неожиданно стал настаивать, чтобы японцы объявили войну Соединенным Штатам, а также Англии, обещая поддержку третьего рейха. Предупредив Осиму, что "если Япония проявит колебания... то вся военная мощь Англии и Соединенных Штатов будет сосредоточена против нее", — тезис довольно глупый, пока война продолжалась в Европе, — Риббентроп добавил:

"Как сказал сегодня Гитлер, имеются фундаментальные различия между Германией, Японией и Соединенными Штатами в самом праве на существование. Мы располагаем сведениями, свидетельствующими о том, что практически нет никакой надежды на успешное завершение японо-американских переговоров, поскольку Соединенные Штаты не проявляют уступчивости.

Если именно так обстоит дело и если Япония примет решение объявить войну Англии и Соединенным Штатам, то я уверен, что это не только послужит общим интересам Германии и Японии, но и даст благоприятные результаты для самой Японии".

С напряжением слушавший его японец, был приятно удивлен, но хотел

удостовериться, что правильно понял собеседника. "Не указывает ли ваше превосходительство на то, — спросил он, — что Германия и Соединенные Штаты будут фактически находиться в состоянии войны?" "

Риббентроп заколебался. Вероятно, он зашел слишком далеко. "Рузвельт — настоящий фанатик, поэтому невозможно предвидеть, что он предпримет", — ответил он.

Этот ответ не удовлетворил Осиму, а в свете только что сказанного Риббентропом показался странным, и к концу разговора посол возвратился к основному вопросу: что будет делать Германия, если война фактически распространится на "страны, которые помогали Англии".

"Если Япония окажется вовлеченной в войну против Соединенных Штатов, — ответил Риббентроп, — то Германия, конечно, немедленно присоединится к войне на стороне Японии. Для Германии совершенно невозможно вступать в сепаратные мирные переговоры с Соединенными Штатами при таких обстоятельствах. Фюрер полон решимости придерживаться такого курса".

Это были прямые гарантии, каких и ожидало японское правительство. Правда, аналогичные гарантии Гитлер дал весной и Мацуоке, но, по-видимому, успел о них забыть за те месяцы, когда пребывал в страшном раздражении в связи с отказом Японии присоединиться к войне против России. Что касается японцев, им требовалось лишь облечь немецкие гарантии в письменную форму. Генерал Осима с радостью отправлял свое донесение в Токио 29 ноября. На следующий день получил новые инструкции.

"Вашингтонские переговоры, — говорилось в них, — фактически можно считать прерванными... Вашей чести надлежит немедленно встретиться с канцлером Гитлером и министром иностранных дел Риббентропом и конфиденциально сообщить им в общих чертах о развитии событий. Передайте им, что в последнее время Англия и Соединенные Штаты заняли провокационную позицию. Сообщите им, что обе эти страны планируют переброску военной силы в различные районы Восточной Азии и что мы вынуждены предпринимать контрмеры и в свою очередь перебрасывать войска. Сообщите им под большим секретом, что существует реальная угроза внезапного возникновения войны между Японией и англо-саксонскими государствами в виде вооруженных стычек, и добавьте, что г акая война может вспыхнуть значительно скорее, чем предполагают" {Хэлл пишет в своих мемуарах, что копию этой инструкции он получил от американских дешифровальщиков. Таким образом, Вашингтон, как и Англия, уже к концу ноября знал, что японцы могут

нанести удар по Соединенным Штатам "скорее, чем предполагают" (Хэлл К. Мемуары, с. 1092). — Прим. авт. }.

Японский авианосный флот находился уже на пути к Перл-Харбору. Японцы спешили получить письменное подтверждение о готовности Германии поддержать Японию в случае, если она окажется вовлечена в войну. 30 ноября, когда Осима получил новые указания, японский министр иностранных дел, совещаясь с немецким послом в Токио, подчеркнул, что вашингтонские переговоры прекращены, так как Япония отказалась принять американские требования и выйти из тройственного пакта. Японцы надеются, что немцы оценят жертву, принесенную ради общего дела.

"Назревают серьезные решения, — говорил Того генералу Отту. — Соединенные Штаты целенаправленно готовятся к войне... Япония не боится прервать переговоры и надеется, что в таком случае, согласно условиям тройственного пакта, Германия и Италия будут на ее стороне".

"Я ответил, — радовал в Берлин Отт, — что не может быть никаких сомнений относительно будущей позиции Германии. После этого японский министр иностранных дел сказал, что, насколько он понял из моих слов, Германия будет рассматривать свои отношения с Японией под таким углом зрения, как если бы их связывала общая судьба. Я ответил, что, насколько я понимаю, в сложившейся ситуации Германия совершенно определенно готова заключить взаимоприемлемое соглашение между нашими двумя странами..."

Накануне Перл-Харбора

Генерал Осима был большим любителем немецкой и австрийской классической музыки и, несмотря на всю напряженность обстановки, выехал в Австрию на Моцартовский фестиваль. Но долго наслаждаться прекрасной музыкой знаменитого австрийского композитора ему не пришлось. Срочный звонок из посольства 1 декабря заставил его поспешно вернуться в Берлин, где его ждали указания из Токио срочно заняться делом и добиться подписания Германией документа в полном соответствии с достигнутым соглашением. Нельзя было терять времени.

И теперь, загнанный в угол, Риббентроп начал вилять. Очевидно, впервые осознав возможные последствия своих непродуманных обещаний, данных японцу, нацистский министр иностранных дел стал охладевать к ранее высказанным идеям и уклоняться от прямых ответов. Поздно вечером 1 декабря он говорил Осиме, что ему необходимо посоветоваться с фюрером, прежде чем брать какие-либо конкретные обязательства.

В среду, 3 декабря, японский посол снова прибыл на

Вильгельмштрассе, чтобы решить этот вопрос, но Риббентроп опять уклонился от конкретного ответа. На уговоры Осимы, утверждавшего, что обстановка крайне обострилась, министр иностранных дел отвечал, что, хотя лично он ратует за письменное соглашение, придется ждать прибытия фюрера из ставки в конце недели. В действительности же, как отмечает в своем дневнике не без удовольствия Чиано, Гитлер вылетел на южный фронт в России, чтобы встретиться с генералом фон Клейстом, армии которого продолжали отходить под натиском русских.

В это же время японцы обратились к Муссолини, который не находился ни на каком фронте. 3 декабря японский посол в Риме обратился к дуче с официальной просьбой объявить войну Соединенным Штатам в соответствии с тройственным пактом, как только возникнет конфликт с Америкой. Посол выражал также желание заключить особое соглашение, исключаящее сепаратный мир. Японский переводчик, записал Чиано в своем дневнике, "дрожал как лист". Что касается дуче, то он заявил, что с удовольствием пойдет на это, но предварительно посоветуется с Берлином.

В германской столице, как убедился на следующий день Чиано, проявили исключительную осторожность.

"Возможно, мы пойдем навстречу японцам, — записал он в дневнике 4 декабря, — так как у нас нет иного выхода, однако идея спровоцировать американцев на вступление в войну все меньше и меньше нравится немцам, Муссолини же, напротив, рад этому".

Независимо от мнения Риббентропа, которому Гитлер все еще уделял некоторое внимание, решение об официальных гарантиях Японии мог принять только сам нацистский вождь. В ночь на 5 декабря министр иностранных дел, вероятно, получил от фюрера соответствующее разрешение и в 3 часа утра вручил генералу Осиме проект испрашиваемого японцами договора, в соответствии с которым Германия давала обещание присоединиться к Японии в войне против Соединенных Штатов и не заключать сепаратного мира. Сделав роковой шаг и следуя за своим лидером, полностью поменявшим политику, которую он упорно претворял в жизнь в течение двух последних лет, Риббентроп не мог удержаться от того, чтобы не подтолкнуть итальянского союзника последовать примеру Германии. "Сон прерван беспокойным Риббентропом, — начал свою запись в дневнике 5 декабря Чиано. — Задержав ответ японцам на два дня, он не желает теперь терять ни минуты и в три часа ночи направляет ко мне (посла) Макензена, чтобы вручить проект тройственного соглашения в связи с вступлением японцев в войну, в котором содержится обязательство не заключать сепаратного мира. Они хотели, чтобы я разбудил дуче, но я

этого не сделал и дуче остался очень доволен".

Японцы получили проект договора, одобренный как Гитлером, так и Муссолини, но он еще не был подписан, и это их беспокоило. Они подозревали, что фюрер умышленно затягивает его подписание, выдвигая конкретное условие: если Германия присоединится к Японии в войне против Соединенных Штатов, то Япония должна будет присоединиться к Германии в войне против России. В своих указаниях Осиме, переданных по телеграфу 30 ноября, японский министр иностранных дел посоветовал, как поступать с этим деликатным вопросом, если его поднимут немцы и итальянцы:

"Если вас будут спрашивать о нашем отношении к Советам, скажите, что мы уже внесли ясность по этому вопросу в нашем заявлении, сделанном в июле. Скажите им, что нашими нынешними действиями в южном направлении мы не собираемся ослабить наше давление на Советы и что, если русские теснее сплотятся с Англией и Соединенными Штатами и будут проявлять по отношению к нам враждебность, мы готовы обрушить на Россию всю нашу мощь. Однако в данный момент сложилась благоприятная обстановка для нанесения удара в южном направлении и пока что мы предпочитаем воздерживаться от каких-либо прямых действий на севере".

Наступило 6 декабря. В этот день Жуков начал контрнаступление под Москвой, и немецким армиям пришлось откатываться назад, увязая в снегах в сильнейший мороз. У Гитлера тем более появились основания требовать выполнения поставленного условия. В связи с этим в министерстве иностранных дел в Токио витала тревога. Военно-морская оперативная группа уже находилась в пределах досягаемости Перл-Харбора самолетами авианосной авиации, и только благодаря чуду ее еще не засекли ни американские корабли, ни самолеты. Но это могло случиться в любой момент. По радио из Токио передавалась длинная депеша для Номуры и Курусу, находившихся в Вашингтоне, где им предписывалось направиться 7 декабря, в воскресенье, ровно в 13. 00, к государственному секретарю Хэллу и вручить ноту, в которой Япония отклоняла последние американские предложения, и подчеркнуть при этом, что переговоры прерваны "де-факто". Правители Токио в отчаянии обратились в Берлин за письменными гарантиями поддержки Японии. Они все еще не доверяли немцам до такой степени, чтобы поставить их в известность о своем намерении нанести на следующий день удар по Соединенным Штатам. Однако сильнее, чем когда-либо, они были обеспокоены, как бы Гитлер не воздержался от дачи таких гарантий, пока Япония не согласится объявить

войну не только Соединенным Штатам и Англии, но и Советскому Союзу. Оказавшись в столь затруднительном положении, Того направил длинную депешу своему послу в Берлине, настаивая, чтобы Осима уклонялся от решения русского вопроса и не уступал, пока не почувствует, что это неизбежно. Сколь ни заблуждались японские генералы и адмиралы относительно своих возможностей одолеть Америку и Англию, однако у них хватало здравого смысла осознать, что воевать одновременно с русскими, даже с немецкой помощью немыслимо. Указания Того, данные им послу в Берлине в ту роковую субботу, 6 декабря, находящиеся в настоящее время у американцев, помогают составить любопытное представление о японской дипломатии и ее отношениях с третьим рейхом.

"Мы бы хотели избежать... вооруженного столкновения с Россией, пока нам это не позволят стратегические обстоятельства; поэтому надо довести нашу позицию до немецкого правительства и вести с ним переговоры таким образом, чтобы оно, по крайней мере в настоящее время, не настаивало на обмене дипломатическими нотами по этому вопросу.

Объясните им самым обстоятельным образом, что поставки американских материалов в Советскую Россию... невелики, да и сами материалы невысокого качества, и что в случае, если мы начнем войну против Соединенных Штатов, мы будем перехватывать все американские суда, следующие в Советскую Россию. Пожалуйста, приложите максимум усилий, чтобы прийти к согласию по этому вопросу.

Однако, если Риббентроп будет настаивать на предоставлении нами гарантий в этом вопросе, поскольку в таком случае у нас не будет иного выхода, сделайте... заявление о том, что мы в принципе против поставок военных материалов из Соединенных Штатов через японские воды в Советскую Россию, и добейтесь их согласия по процедурному вопросу, что позволит добавить заявление о том, что до тех пор, пока стратегические соображения удерживают нас от войны с Советской Россией, мы не можем в полной мере осуществлять перехват судов.

В случае если немецкое правительство откажется согласиться (с вышеизложенным) и поставит одобрение этого вопроса в прямую зависимость от нашего участия в войне против России и от нашего обязательства не заключать сепаратный мир, у нас не останется другого выхода, кроме как отложить заключение договора".

У японцев не было оснований чересчур беспокоиться по этому поводу. По соображениям, неведомым токийским милитаристам, а впрочем, и не поддающимся логике, Гитлер не настаивал на вступлении Японии в войну с Россией одновременно с объявлением войны Америке и Англии, хотя, если

бы он настоял на этом, война могла бы принять совершенно иной характер.

Во всяком случае, 6 декабря 1941 года японцы были полны решимости нанести мощный удар Соединенным Штатам на Тихом океане, хотя ни в Вашингтоне, ни в Берлине никто не знал, где и когда этот удар будет нанесен. В то утро британское адмиралтейство доверительно информировало американское правительство об обнаружении крупного японского флота вторжения, следовавшего курсом через Сиамский пролив к перешейку Кра. Это указывало на то, что японцы собираются сначала ударить по Таиланду и, возможно, по Малайе. В 9 часов вечера президент Рузвельт направил личное послание императору Японии, умоляя его присоединиться к поискам способов, которые помогли бы развеять сгущающиеся тучи, и в то же время предупреждая, что удар японских вооруженных сил по Юго-Восточной Азии привел бы к непредсказуемой ситуации. В министерстве военно-морского флота офицеры разведки подготовили очередную докладную о местонахождении главных японских боевых кораблей. В ней указывалось, что большинство из них находятся в японских портах, в том числе все авианосцы и другие боевые корабли, входившие в ударную оперативную группу. На самом же деле они на всех парах неслись к исходному району, расположенному в трехстах милях от Перл-Харбора, и готовили бомбардировщики к взлету на рассвете.

В тот же субботний вечер министерство военно-морского флота доложило президенту и государственному секретарю, что японское посольство занято уничтожением своих шифровальных кодов. Посольство сначала должно было расшифровать длинное послание Того, которое поступало в течение дня небольшими кусочками. Специалисты из ВМФ США тоже были заняты дешифровкой этих кусочков по мере их перехвата, и к 9. 30 вечера офицер из штаба ВМФ уже доставил перевод первых тринадцати кусочков послания в Белый дом. Рузвельт в присутствии Гарри Гопкинса внимательно прочитал документ и сказал: "Это война". Но где и когда она начнется — об этом в донесении не говорилось. Не знал ничего конкретного даже адмирал Номура. Не знал и Адольф Гитлер. Он знал даже меньше, чем Рузвельт.

Гитлер объявляет войну

Яростное нападение японцев на находившийся в Перл-Харборе американский Тихоокеанский флот, начавшееся в 7 часов 30 минут утра в воскресенье 7 декабря 1941 года, явилось для Берлина, как и для Вашингтона, полной неожиданностью. Хотя Гитлер и дал Мацуоке устное обещание, что Германия присоединится к Японии в войне против Соединенных Штатов, а Риббентроп вторично обещал то же самое

японскому послу Осиме, эти заверения не были протокольно оформлены и подписаны, а японцы ни словом не обмолвились о Перл-Харборе {Долгое время считали, что Гитлер точно знал о предстоящем нападении на Перл-Харбор, однако мне не удалось найти в захваченных секретных документах ни малейшего подтверждения подобных утверждений — Прим. авт. } во время переговоров. Кроме того, в этот момент Гитлер был по горло занят — он наводил порядок среди, своих заколебавшихся генералов и отступавших войск.

В Берлине наступила ночь, когда служба прослушивания иностранных радиопередач перехватила первые сообщения о внезапном нападении на Перл-Харбор. Чиновник отдела печати министерства иностранных дел немедленно сообщил Риббентропу эту потрясающую новость, но тот вначале не поверил ему и страшно разгневался, что его побеспокоили. Он заявил, что сообщение является, "вероятно, пропагандистским трюком врага", и приказал не тревожить его до утра. Поэтому, давая показания на Нюрнбергском процессе, Риббентроп вряд ли грешил против истины, когда уверял, что "это нападение явилось полной неожиданностью... Мы считались с возможностью нападения Японии на Сингапур или, может быть, на Гонконг, но мы никогда не считали, что нападение на Соединенные Штаты послужит нашим интересам". Однако вопреки тому, что он говорил трибуналу, он страшно обрадовался случившемуся. Или, во всяком случае, такое впечатление произвел он на Чиано.

"Вечером был телефонный звонок от Риббентропа, — писал Чиано 8 декабря в своем дневнике. — Он очень доволен нападением японцев на Соединенные Штаты. Он выказывал такую радость по этому поводу, что мне не оставалось ничего, кроме как поздравить его, хотя я не совсем уверен, что это событие принесет нам пользу... Муссолини был (тоже) рад. Он давно стремился внести ясность в отношения между Америкой и державами оси..."

В понедельник 8 декабря, в 13 часов, генерал Осима направился на Вильгельмштрассе, чтобы выяснить у Риббентропа позицию Германии. Он потребовал "сразу же" официально объявить войну Соединенным Штатам.

"Риббентроп ответил, — радировал Осима в Токио, — что Гитлер как раз совещается в генеральном штабе, обсуждая вопрос о том, как соблюсти формальности объявления войны и в то же время произвести хорошее впечатление на немецкий народ, и что он, Риббентроп, передаст ему нашу просьбу сразу же, и сделает все, что в его силах, чтобы решить все это как можно быстрее".

Нацистский министр иностранных дел сообщил также послу, как

явствует из его донесения в Токио, что сегодня утром, то есть 8 декабря, "Гитлер отдал приказ немецкому военно-морскому флоту атаковать американские корабли, где бы и когда бы они ни встретились". Однако диктатор с объявлением войны медлил {В это самое время министр иностранных дел Того говорил в Токио немецкому послу Отту: "Японское правительство ожидает, что теперь Германия быстро объявит войну Соединенным Штатам". — Прим. авт. }.

Фюрер, согласно записи в его ежедневном календаре, поспешно выехал в Берлин в ночь на 8 декабря и прибыл туда на следующий день, в 11 часов утра. На Нюрнбергском процессе Риббентроп утверждал, что он говорил фюреру, будто Германии не обязательно объявлять войну Америке по условиям тройственного пакта, поскольку Япония показала себя явным агрессором.

"Условия тройственного пакта обязывали нас оказать помощь Японии только в том случае, если она сама подвергнется нападению. Я направился к фюреру, объяснил ему юридические аспекты сложившейся ситуации и сказал, что хотя мы приветствовали нового союзника в войне против Англии, но это означало, что мы имеем теперь и нового противника, с которым придется иметь дело... если мы объявим войну Соединенным Штатам...

В тот момент фюрер придерживался, очевидно, мнения, что теперь Соединенные Штаты будут вести войну и против Германии. Поэтому он приказал мне вручить паспорта американским представителям".

Это было то самое решение, которого ожидали в Вашингтоне Рузвельт и Хэлл. На них оказывалось определенное давление, чтобы конгресс объявил войну Германии и Италии 8 декабря — тогда же, когда была объявлена война Японии. Но они решили повременить. Бомбардировка Перл-Харбора вывела их из затруднительного положения, а сведения, которыми они располагали, убедили, что своевольный нацистский диктатор сделает это еще раз {"Я не верю в большое будущее для американцев", — говорил он своим приближенным, а месяцем позднее, 7 января 1941 года, произнося монолог в своей ставке, заявил: "Это загнивающая страна. У них остра расовая проблема и проблема социального неравенства... Я испытываю против американизма чувства ненависти и отвращения... Все в поведении американского общества показывает, что оно наполовину юдаизировано, наполовину негротизировано. Как можно ожидать, что подобное государство, государство, где все построено на долларе, не развалится? " (Секретные беседы Гитлера, с. 155). — Прим. авт. }. Они размышляли над перехваченным донесением посла Осимы из Берлина в

Токио от 29 ноября, в котором сообщалось: Риббентроп заверил японцев, что Германия присоединится к Японии, если та окажется "втянутой" в войну против Соединенных Штатов, никак не связывая немецкую помощь с обстоятельствами, которые можно расценивать как агрессию. Это был карт-бланш, и у американцев не осталось сомнений насчет того, что сейчас японцы настойчиво требуют у немцев в Берлине уважать взятые на себя обязательства.

Немцы согласились их уважать, но только после серьезных колебаний нацистского фюрера. Он назначил заседание рейхстага на 9 декабря, но потом перенес его на два дня, то есть на 11 декабря. Как докладывал позднее Риббентроп, фюрер, очевидно, принял решение. Он был сыт нападками Рузвельта на него и на нацизм; он больше не желал мириться с акциями военного характера, предпринимаемыми американским флотом против немецких подводных лодок на Атлантике, про которые почти в течение года постоянно твердил Редер. Его ненависть к Америке и американцам нарастала, и, что оказалось для него в конечном счете хуже всего, усилилась тенденция к катастрофической недооценке военного потенциала Соединенных Штатов.

{В это время я находился в Вашингтоне и у меня сложилось впечатление, что президенту Рузвельту, вероятно, было нелегко уговорить конгресс объявить войну Германии. Казалось, как в обеих палатах конгресса, так и в армии и на флоте были сильны настроения в поддержку курса, предусматривавшего сосредоточение всех усилий на разгроме Японии и одновременно отказ от дополнительного бремени войны против Германии.

Ганс Томсен, немецкий поверенный в делах в Вашингтоне, которого, подобно всем другим нацистским дипломатам за границей, держали в полном неведении относительно замыслов Гитлера и Риббентропа, докладывал в Берлин следующее. Сразу же после выступления президента в конгрессе утром 8 декабря, в котором он обратился к конгрессу с просьбой объявить Японии войну, Томсен радировал в Берлин: "Тот факт, что он (Рузвельт) не упомянул ни единым словом ни Германию, ни Италию, показывает, что сначала он попытается избежать обострения обстановки на Атлантике". Вечером того же дня Томсен отправил еще одну депешу: "Будет ли Рузвельт требовать объявлений войны Германии и Италии, пока неясно. С точки зрения американских военных; руководителей, было бы логично избежать всего, что способно привести к войне на два фронта". В нескольких донесениях как раз перед нападением на Перл-Харбор Томсен подчеркивал, что Соединенные Штаты просто не готовы к войне на два

фронта, 4 декабря он радировал в Берлин об откровениях, появившихся в чикагской газете "Трибьюн", относительно "военных приготовлений американского высшего командования к разгрому Германии и ее союзников и дальнейших перспектив".

По его сообщению, газета подтверждает, что всеобъемлющее участие Америки в войне не ожидается раньше июля 1943 года. Военные меры против Японии носят оборонительный характер.

В своем донесении в Берлин вечером 8 декабря Томсен подчеркивал, что Перл Харбор определенно принесет облегчение Германии, так как ослабнут американские воинственные действия на Атлантике.

Война с Японией, докладывал он, означает перенос всех усилий на перевооружение самой Америки, соответственно сокращение помощи по ленд-лизу и перенос всей деятельности в зону Тихого океана.

Познакомиться с обменом донесениями между Вильгельмштрассе и немецким посольством в Вашингтоне за этот период мне позволил государственный департамент. Они будут опубликованы позднее в серии "Документы по внешней политике Германии". — Прим. авт. }

В то же время он сильно переоценивал военную мощь Японии. По существу, он поверил, что, когда японцы, обладающие самым мощным, по его мнению, флотом в мире, расправятся с англичанами и американцами на Тихом океане, они обрушатся на Россию и помогут ему завершить его великое завоевание на Востоке. Спустя несколько месяцев он говорил некоторым из своих последователей, что считал вступление Японии в войну "исключительно ценным" уже в силу выбранного для этого момента.

"Это произошло фактически в тот момент, когда превратности русской зимы оказывали наиболее сильное давление на моральное состояние нашего народа и когда каждый в Германии был удручен тем, что рано или поздно Соединенные Штаты вступят в войну. Японское вмешательство, с нашей точки зрения, было весьма своевременным".

Нет также сомнений в том, что внезапный и мощный удар Японии по американскому флоту в Перл-Харборе вызвал у него восхищение — тем более что это была "внезапность" такого рода, к которой он сам так часто прибегал. Об этом он сказал послу Осиме 14 декабря, когда награждал его орденом:

"Вы верно выбрали метод объявления войны! Этот метод является единственно правильным". Он сказал, что это соответствует его "собственной системе" — то есть затягивать переговоры. Но если очевидно, что другая сторона заинтересована только в том, чтобы без конца откладывать решение, срамить и унижать тебя, и не собирается идти ни на

какое соглашение, тогда следует наносить удар, и как можно более тяжелый, а не тратить время на объявление войны. У него стало радостно на сердце при получении известий о первых операциях японцев. Он сам вел переговоры с бесконечным терпением, например, с Польшей, а также с Россией. Когда же он понимал, что другая сторона не хочет прийти к соглашению, он внезапно, без всяких формальностей наносил удар. Так он будет поступать и впредь.

Существовала еще одна причина, по которой Гитлер так поспешно решил присовокупить Соединенные Штаты к устрашающему списку своих врагов. Доктор Шмидт, который в ту неделю без конца курсировал между имперской канцелярией и министерством иностранных дел, указал на эту причину: "У меня сложилось впечатление, что Гитлер с его неистребимой манией величия, ожидавший объявления войны Соединенными Штатами, хотел сделать это первым". Нацистский правитель подтвердил это в своей речи в рейхстаге 11 декабря.

"Мы всегда будем первыми наносить удар, — заявил он под одобрительные аплодисменты депутатов рейхстага. Мы всегда будем наносить первый удар..."

Действительно, 10 декабря Берлин был так обеспокоен, как бы Америка не объявила войну первой, что Риббентроп строго-настрого предупредил Томсена, немецкого поверенного в делах в Вашингтоне, не допускать никаких необдуманных заявлений, по которым государственный департамент мог бы уяснить, что намеревается предпринять на следующий день фюрер. В длинной радиограмме 10 декабря нацистский министр иностранных дел передал текст заявления, которое он собирался сделать в Берлине американскому поверенному в делах ровно в 14. 30 11 декабря. Томсену предписывалось нанести визит государственному секретарю Хэллу часом позже, то есть в 15. 30 (по берлинскому времени), вручить копию заявления, запросить свой паспорт и возложить на Швейцарию дипломатическое представительство Германии в США. В конце депеши Риббентроп запретил Томсену вступать в какие-либо контакты с государственным департаментом до вручения ноты. "При любых обстоятельствах, — предупреждал он в депеше, — мы не можем допустить, чтобы американское правительство опередило нас".

Каковы бы ни были колебания у Гитлера, приведшие к отсрочке на два дня намеченного заседания рейхстага, из захваченных депеш, которыми обменивались Вильгельмштрассе и немецкое посольство в Вашингтоне, и других документов министерства иностранных дел явствует, что фактически фюрер принял свое роковое решение 9 декабря, в день

прибытия в столицу с русского фронта. Два дополнительных дня, очевидно, потребовались нацистскому диктатору не для раздумий, а для тщательной подготовки выступления в рейхстаге, с тем чтобы оно произвело должное впечатление на немецкий народ, у которого, как хорошо понимал Гитлер, сохранились воспоминания о решающей роли Америки в первой мировой войне.

Ганс Дикхофф, который официально все еще являлся немецким послом в Соединенных Штатах, но отсиживался на Вильгельмштрассе с тех пор, как обе страны отозвали своих послов осенью 1938 года, 9 декабря сел за составление длинного перечня антигерманских акций Рузвельта, необходимого фюреру для его выступления в рейхстаге {Дикхофф, который, по мнению Хасселя, отличался покорностью, еще неделю назад подготовил по указанию Риббентропа длинный меморандум, озаглавленный "Принципы воздействия на американское общественное мнение". Среди одиннадцати принципов значились и такие: "Подлинную опасность для Америки представляет сам Рузвельт... Влияние евреев на Рузвельта (Франкфуртер, Барух, Бенджамин Коэн, Самуэль Роземан, Генри Моргентау и др.) — Лозунгом для каждой американской матери должно быть: "Я не для того растила своего сына, чтобы он умирал за Англию! " — (из неопубликованных документов министерства иностранных дел). Некоторые американцы из государственного департамента и нашего посольства в Берлине были весьма высокого мнения о Дикхоффе, считая, что он противник нацизма. А мне казалось, что для этого у него не хватает мужества. Он до конца служил Гитлеру, являясь с 1943 по 1945 год нацистским послом во франкистской Испании. — Прим. авт. }.

9 же декабря Томсен в Вашингтоне получил указание сжечь свои секретные коды и бумаги. "Меры осуществлены, как приказано", — рапортовал он в Берлин в 11.30 дня. Впервые начал он осознавать, что происходит в Берлине, и вечером наметнул Вильгельмштрассе, что американское правительство, вероятно, в курсе назревающих событий. "Здесь считают, — сообщал он, — что в течение 24 часов Германия объявит войну Соединенным Штатам или, по крайней мере, разорвет дипломатические отношения" {Томсен настаивал также, чтобы арестовали находящихся в Берлине американских корреспондентов в качестве ответной меры на арест немецких корреспондентов в Америке. В меморандуме министерства иностранных дел, подписанном заместителем министра Эрнстом Верманом 10 декабря, говорилось, что приказано арестовать всех американских корреспондентов в Германии. Исключение составлял лишь Гвидо Эндерис, главный корреспондент "Нью-Йорк

таймс", поскольку, как говорилось в меморандуме, "он доказал свое дружественное отношение к Германии". Такое утверждение может показаться несправедливым по отношению к Эндерису, который в то время болел и, очевидно по этой причине не был арестован. — Прим. авт. }.

Выступление Гитлера в рейхстаге 11 декабря

Выступление Гитлера 11 декабря в рейхстаге в обоснование объявления войны Соединенным Штатам свелось главным образом к изрыганию оскорблений в адрес Франклина Рузвельта, обвинению президента в том, что он спровоцировал войну, чтобы скрыть провал своего нового курса, и громогласному выкрикиванию заявлений, что только этот человек, поддерживаемый миллионерами и евреями, ответствен за вторую мировую войну. В яростных тирадах вырывалось наружу все накопившееся и ранее сдерживаемое негодование против человека, который с самого начала стоял на пути фюрера к мировому господству, который постоянно отпускал колкости в его адрес, который оказал Англии массированную помощь именно в момент, когда казалось, что это островное государство вот-вот рухнет, по указанию которого американский военно-морской флот срывал все его намерения в Атлантике.

"Позвольте мне изложить свое отношение к тому, другому миру, чьим представителем является человек, который, в то время как наши солдаты сражаются в снегах и на заледенелых просторах, любит вести тактичные разговоры у камина, человек, который несет основную вину за развязывание этой войны...

Я не буду останавливаться на оскорбительных выпадах, сделанных по моему адресу этим так называемым президентом. Никому не интересно, что он называет меня гангстером. Прежде всего, это выражение родилось не в Европе, а в Америке... Я не говорю уже о том, что Рузвельт не может меня оскорбить, ибо я считаю его сумасшедшим, таким же, каким был Вильсон... Сначала он подстрекает к войне, затем фальсифицирует ее причины, затем, прикрываясь христианским лицемерием, медленно, но верно ведет человечество к войне, привлекая господа бога в свидетели праведности своего нападения, — обычная манера старого масона {Участники тайных религиозно-этических организаций, так называемых "объединений" или "лож", которые распространились в XVIII веке в привилегированных слоях общества многих стран (в России главным образом среди дворянства) и преследовали как реакционные, так и прогрессивные политические цели. В 60-х годах XX века в мире насчитывалось около 8 миллионов масонов. Принадлежность Ф. Рузвельта к этим организациям не установлена. — Прим. тит. ред. }...

Рузвельт виновен в ряде тягчайших преступлений в нарушение международных законов. Незаконный захват судов и другой собственности немецких и итальянских граждан сочетался с угрозами в их адрес и лишением свободы... В своих все усиливавшихся нападках Рузвельт в конце концов зашел так далеко, что приказал американскому военноморскому флоту повсюду нападать на суда под немецким или итальянским флагом и топить их, тем самым грубо нарушая международное право.

Американские министры неоднократно хвастались, уничтожая немецкие подводные лодки этим преступным способом. Американские крейсера нападали на немецкие и итальянские торговые суда, захватывали их, а экипажи забирали в плен.

Таким путем были сорваны искренние усилия Германии и Италии предотвратить распространение войны и поддерживать отношения с Соединенными Штатами, несмотря на недопустимые провокации, которые годами осуществлялись президентом Рузвельтом... "

Какими мотивами руководствовался Рузвельт, чтобы разжигать антинемецкие настроения и поставить отношения между двумя странами на грань войны? Гитлер сам же и ответил на этот вопрос:

"Я слишком хорошо понимаю, что целая пропасть отделяет идеи Рузвельта от моих идей. Рузвельт происходит из богатой семьи и принадлежит к тому классу, дорогу которому вымостила демократия. А я родился в небольшой бедной семье и должен был пробивать себе дорогу тяжелым трудом. Когда началась первая мировая война, Рузвельт занимал положение в обществе, пользуясь всеми привилегиями, как и те, кто наживался на войне, в то время как другие истекали кровью. Я был одним из тех, кто выполнял приказы в качестве рядового солдата, и, естественно, вернулся с войны таким же бедным, каким был осенью 1914 года. Я разделил судьбу миллионов, а Франклин Рузвельт судьбу так называемых высокопоставленных десяти тысяч.

После войны Рузвельт пустился в финансовые махинации, в то время как я... лежал в госпитале... "

Гитлер еще некоторое время сопоставлял себя и Рузвельта в том же духе, прежде чем перейти по второму пункту обвинений: Рузвельт прибегнул к войне, чтобы избежать ответственности за провал своей президентской деятельности.

"Национал-социализм пришел к власти в Германии в тот же год, когда Рузвельт был избран президентом... Он взял на себя управление страной, которая находилась в очень тяжелом экономическом состоянии, а я взял на себя руководство рейхом, оказавшимся на грани полного развала по вине

демократии...

В то время как в Германии под руководством национал-социалистов произошло беспрецедентное возрождение экономики, культуры и искусства, президент Рузвельт не добился ни малейшего улучшения жизни своей страны... И это неудивительно, если иметь в виду, что люди, которых он призвал себе на помощь, или, скорее, люди, которые поставили его президентом, принадлежали к еврейским элементам, заинтересованным в разложении общества и беспорядках...

Законодательство Рузвельта, связанное с новым курсом, полностью ошибочно. Не может быть никаких сомнений в том, что продолжение этой экономической политики привело бы к краху его президентства еще в мирное время, несмотря на все его диалектическое мастерство. В европейском государстве он в конечном счете наверняка оказался бы под следствием за преднамеренное растраниживание национального богатства и едва ли избежал бы гражданского суда за преступные методы ведения бизнеса".

Гитлер знал, что его оценку нового курса разделяют некоторые американские изоляционисты и значительная часть представителей деловых кругов, и пытался максимально использовать это обстоятельство, позабыв о том, что после Перл-Харбора эти группы, как и все граждане Америки, сплотились во имя защиты своей страны.

"Этот факт был осознан, — продолжал Гитлер, апеллируя к этим группам, — и по достоинству оценен многими американцами, в том числе весьма высокопоставленными. Над головой этого человека угрожающе сгущались тучи оппозиции. Он понял, что единственным спасением для него является переключение общественного внимания с внутренних проблем на внешнеполитические... В этом его поддерживали окружавшие его евреи... Вся сатанинская подлость еврейства сплотилась вокруг этого человека.

Так началась мобилизация усилий американского президента по созданию конфликта... Годами этот человек мечтал втайне об одном — чтобы где-нибудь в мире вспыхнул конфликт... "

И далее последовал длинный перечень, зафиксировавший усилия Рузвельта в этом направлении, начиная с его "карантинной" речи в Чикаго в 1937 году.

"Теперь он (Рузвельт) охвачен страхом, — кричал Гитлер, — что, если в Европе наступит мир, его безрассудное проматывание миллионов на вооружение будет рассматриваться как прямое надувательство, поскольку никто не собирается нападать на Америку. И тогда он решил

спровоцировать нападение на свою страну".

Казалось, нацистский диктатор испытал облегчение от того, что произошел разрыв, и он спешил поделиться этим чувством с немецким народом.

"Я думаю, что все вы почувствовали облегчение, когда нашлось государство, первым предпринявшее акцию протеста против этого беспрецедентного и бесстыдного злоупотребления правдой и правом... Тот факт, что японское правительство, которое годами вело переговоры с этим человеком, наконец устало от его недостойных насмешек, вызывает у нас, у всего немецкого народа и, я думаю, у всех честных людей во всем мире чувство глубокого удовлетворения... Президенту Соединенных Штатов следовало бы в конце концов понять — я говорю это только из-за ограниченности его интеллекта, — мы знаем, что целью его борьбы является уничтожение одного государства за другим...

Что касается немецкой нации, то она не нуждается в благотворительности мистера Рузвельта или мистера Черчилля, не говоря уже о мистере Идене. Она только отстаивает свои права! Она обеспечит себе право на жизнь, даже если тысячи Черчиллей и Рузвельтов будут плести заговоры против нее...

Поэтому я дал распоряжение сегодня же выдать паспорта американскому поверенному в делах..."

В этом месте депутаты рейхстага вскочили, и слова фюрера потонули в шумном одобрении и аплодисментах,

Вскоре после этого, в 14, 30, Риббентроп в одной из своих самых бесстрастных поз принял Леланда Морриса, американского поверенного в делах в Берлине и, даже не пригласив его сесть, зачитал ноту об объявлении войны, вручил ему копию и с ледяным спокойствием отпустил.

"... Хотя Германия со своей стороны, — говорилось в ноте, — на протяжении войны всегда строго соблюдала международное право в отношениях с Соединенными Штатами, правительство Соединенных Штатов в конце концов перешло к неприкрытым актам агрессии против Германии, фактически вызвав состояние войны.

Поэтому правительство рейха разрывает дипломатические отношения с Соединенными Штатами и объявляет, что в условиях, созданных президентом Рузвельтом, Германия также считает себя находящейся в состоянии войны с Соединенными Штатами с сего дня".

Заключительным актом драмы явилось подписание тройственного соглашения Германией, Италией и Японией, в котором декларировалась "их непоколебимая решимость не складывать оружия и не заключать

сепаратного мира до тех пор, пока не будет достигнуто успешное завершение совместной войны против Соединенных Штатов и Англии".

Адольф Гитлер, всего шесть месяцев назад сконцентрировавший свои усилия на осажденной Англии, которую, как ему казалось, он уже завоевал, теперь сознательно направил их против трех величайших индустриальных держав мира, и исход борьбы в конечном счете зависел от экономического потенциала. У этих трех враждебных держав, вместе взятых, имелось огромное превосходство в людских ресурсах над тремя державами оси. Очевидно, ни Гитлер, ни его генералы и адмиралы не взвесили трезво всех факторов в тот полный событиями декабрьский день конца 1941 года.

Генерал Гальдер, в достаточной степени мыслящий начальник генерального штаба, даже не отметил в дневниковой записи за 11 декабря, что Германия объявила войну Соединенным Штатам. Он лишь упомянул, что вечером присутствовал на лекции капитана военно-морского флота о "подоплеке японо-американской войны на море". Остальная часть записей в дневнике, что, возможно, и объяснимо, связана с продолжающимися поступать почти со всех участков Восточного фронта, где русские оказывали сильное давление, скверными известиями. У него не оставалось времени для раздумий о том дне, когда его обескровленные армии могут вот так же встретиться со свежими войсками из Нового Света.

Адмирал Редер приветствовал этот шаг Гитлера. 12 декабря он присутствовал на совещании, где заверил фюрера, что "обстановка в Атлантике улучшится в результате успешного японского вмешательства". Затем с воодушевлением добавил:

"Уже получены донесения о переброске некоторых (американских) боевых кораблей с Атлантики на Тихий океан. Совершенно очевидно, что легкие силы, особенно эсминцы, потребуются во все большем количестве на Тихом океане. Появится очень большая потребность в транспортных судах, так что можно ожидать отвода американских торговых судов с Атлантики. Напряжение в английском торговом судоходстве будет нарастать".

С опрометчивой бравадой сделав столь решительный шаг, Гитлер вдруг впал в сомнения. У него возникло несколько вопросов к гросс-адмиралу: верит ли он, что противник в ближайшем будущем предпримет шаги, стремясь оккупировать Азорские острова, захватить острова Зеленого Мыса и, может быть, даже атаковать Дакар, чтобы восстановить престиж, подорванный в результате неудач на Тихом океане? Редер не был в этом уверен.

"США, — отвечал он, — будут вынуждены в ближайшие несколько

месяцев сосредоточить все свои силы на Тихом океане. Англия после тяжелых потерь в крупных боевых кораблях {За два дня до этого, 10 декабря, японские самолеты потопили у берегов Малайи два английских линкора — "Принц Уэльский" и "Рипалс". После потерь в боевых кораблях, понесенных американцами в Перл-Харборе 7 декабря, этот удар обеспечивал японскому флоту полное превосходство на Тихом океане, в Китайском море и Индийском океане. "За всю войну, — писал в связи с потерей английских кораблей Черчилль, — я никогда не испытывал более сильного шока". — Прим. авт. } не захочет идти на какой бы то ни было риск. Мало вероятно, что наберется достаточный тоннаж для осуществления такой десантной операции или доставки грузов материального обеспечения".

У Гитлера возник и более важный вопрос: реально ли, что США и Англия на время покинут Восточную Азию, чтобы сначала разгромить Германию и Италию? И гросс-адмирал опять успокоил своего фюрера:

"Мало вероятно, чтобы противник даже на время уступил Восточную Азию; сделав это, Англия подвергла бы серьезной угрозе Индию, а Соединенные Штаты не смогут снять свой флот с Тихого океана до тех пор, пока там имеется превосходство японского флота".

Далее Редер, стремясь подбодрить фюрера, сообщил ему, что шесть крупных подводных лодок спешно двинутся к восточному побережью Соединенных Штатов.

При той ситуации, которая сложилась в России, не говоря уже о Северной Африке, где Роммель тоже отступал, немецкий верховный главнокомандующий и его военачальники вскоре перестали думать о новом противнике, у которого, по их твердому убеждению, был полон рот забот на далеком Тихом океане. В своих помыслах они не будут возвращаться к этому новому противнику, пока не минует еще один год, самый роковой в этой войне, и произойдет великий перелом, что самым решительным образом повлияет не только на исход войны, которую на протяжении всего 1941 года немцы считали почти выигранной, но и на судьбу третьего рейха, ошеломляющие победы которого так стремительно вознесли немцев на головокружительную высоту и которому, по искреннему убеждению Гитлера, предстояло процветать тысячелетие.

По мере приближения нового, 1942 года торопливые записи Гальдера в дневнике приобретали все более зловещий оттенок. "Снова тяжелый день!" — такими словами начал он запись в дневнике 30 декабря 1941 года, а на следующий день повторил: "Опять тяжелый день!" Начальник немецкого генерального штаба предчувствовал, что называют ужасные события.

Часть 26. Великий поворот. 1942 год: Сталинград и Эль-Аламейн

Жестокие неудачи армий Гитлера в России зимой 1941/42 года и увольнение ряда фельдмаршалов и генералов из высших эшелонов вновь возродили надежды у антинацистских заговорщиков.

Им не удавалось привлечь к заговору ведущих командующих, пока их армии одерживали одну блестящую победу за другой, а слава немецкого оружия и германского рейха возносилась высоко до небес. Однако теперь гордые и до сей поры непобедимые солдаты, увязая в жестокий мороз в снегах, отступали под натиском противника, который проявил себя вполне достойным соперником; потери за шесть месяцев превысили миллион человек; множество наиболее известных генералов были уволены, причем некоторые, например Гепнер и Шпонек, с позором, а большинство других подверг унижению и сделал козлами отпущения жестокий диктатор {Среди тех, кого уволили, а затем вернули на службу, были фельдмаршал фон Браухич, главнокомандующий сухопутными войсками, фельдмаршалы фон Рундштедт и фон Бок, возглавлявшие соответственно южную и центральную группу армий, и талантливейший командир танкового корпуса генерал Гудериан. Командующий северной группой армий фельдмаршал фон Лееб был освобожден от занимаемой должности 18 января 1942 года. Днем ранее скончался от сердечного приступа фельдмаршал фон Рейхенау, незадолго до этого принявший командование у Рундштедта. Генерал Удет из люфтваффе застрелился 17 ноября 1941 года. Кроме того, около 35 корпусных и дивизионных командиров были заменены во время зимнего отступления.

И это было только начало. Фельдмаршал фон Манштейн рассказал на Нюрнбергском процессе о том, что происходило с генералами, когда они проигрывали сражения или, набравшись мужества, возражали Гитлеру. "Из 17 фельдмаршалов, — сообщил он трибуналу, — 10 были отправлены домой, а троих расстреляли после событий 20 июля 1944 года. Только одному фельдмаршалу удалось удержаться на своем посту до конца войны. Из 36 полных генералов (генерал-полковников) 18 были отправлены в отставку, пятеро погибли после событий 20 июля или были с позором разжалованы. Только трем полным генералам удалось пережить войну на своих постах". — Прим. авт. }.

"Время почти пришло", — сделал обнадеживающий вывод в своем

дневнике 21 декабря 1941 года Хассель. Он и его единомышленники по заговору были уверены, что прусский офицерский корпус отреагирует не только на гнусное поведение фюрера по отношению к ним, но и на безумие верховного главнокомандующего, ведущего их и их армии в условиях русской зимы к катастрофе. Заговорщики были давно убеждены, что только генералы, стоящие во главе войск, обладали реальной властью, чтобы свергнуть нацистского тирана. Теперь у них появился шанс. Важнее всего было правильно выбрать время, пока не поздно. Им было ясно, что после поражений в России и вступления Америки в войну ее уже невозможно выиграть. Но она еще не была проиграна. Антинацистское правительство в Берлине могло бы, по их убеждению, добиться мирных условий, которые позволили бы Германии оставаться крупной державой и, может быть, даже сохранить некоторые приобретения Гитлера — например, Австрию, Судеты и Западную Польшу.

Эти мысли не покидали заговорщиков в конце лета 1941 года, когда перспектива уничтожения Советского Союза все еще оставалась реальной. Текст Атлантической хартии, составленный Черчиллем и Рузвельтом 19 августа, явился для них тяжелым ударом, особенно пункт 8, который предусматривал разоружение Германии до заключения соглашения о всеобщем разоружении. Для Хасселя, Герделера, Бека и других членов оппозиционной группы это означало, что союзники не собираются делать различия между нацистами и антинацистами, и являлось доказательством, как выразился Хассель, "что Англия и Америка не только ведут войну против Гитлера, но и намерены разгромить Германию и сделать ее беззащитной". Этот аристократ, бывший посол, а в настоящее время активный участник заговора против Гитлера, был полон решимости добиться максимально возможного для Германии без Гитлера, но пункт 8, как отмечал он в своем дневнике, "ликвидировал все мыслимые шансы на мир".

Атлантическая хартия разочаровала заговорщиков, но ее провозглашение, очевидно, подтолкнуло к действию. Они понимали, что страну необходимо избавить от Гитлера, пока у Германии, владевшей большей частью Европы, имелась возможность вести переговоры о мире с выгодных для нее позиций. Они не противились использованию гитлеровских завоеваний, чтобы получить наиболее благоприятные условия для своей страны. Результаты серии переговоров, которые вели в Берлине в конце августа Хассель, Попитц, Остер, Донаньи и генерал Фридрих Ольбрихт, начальник штаба резервной армии, свелись к тому, что "немецкие патриоты", как они называли себя, выставили "самые скромные

требования" союзникам, но, по словам Хасселя, имелись определенные претензии, от которых они не могли отказаться. Что это за требования и претензии, он не сказал, однако, судя по другим записям в его дневнике, заговорщики ратовали за Германию в границах 1914 года на Востоке плюс Австрия и Судетская область.

Но время поджимало. После заключительного совещания со своими единомышленниками, состоявшегося в конце августа, Хассель записал в своем дневнике: "Все единодушно убеждены, что скоро будет слишком поздно. Когда наши шансы на победу окончательно улетучатся или станут очень незначительными, то договариваться будет больше не о чем".

Были предприняты некоторые усилия склонить влиятельных генералов согласиться на арест Гитлера во время летней кампании в России. Однако все они оказались безуспешными, потому что великие полководцы, естественно, оставались под впечатлением первоначальных ошеломляющих побед и, не воспринимали всерьез разговоры о свержении человека, благодаря которому они этих побед достигли. И все же эти усилия посеяли в умах военных некоторые сомнения.

Центром заговора в армии в то лето была ставка фельдмаршала фон Бока, группа армий которого наступала на Москву. Генерал-майор фон Тресков из окружения фон Бока, первоначальный энтузиазм которого в поддержку национал-социализма настолько развеялся, что он примкнул к заговорщикам, даже стал одним из вожаков. Ему помогали Фабиан фон Шлабрендорф, его адъютант, и еще два заговорщика, которых они пристроили к фон Боку в качестве адъютантов: граф Ганс фон Харденберг и граф Генрих фон Леендорф, оба потомки старых немецких фамилий {Леендорф был казнен нацистами 4 сентября 1944 года. — Прим. авт. }. Они поставили перед собой задачу убедить фельдмаршала согласиться на арест Гитлера во время одного из его визитов в ставку группы армий. Однако убедить Бока было трудно. Хотя он и проповедовал отвращение к нацизму, но высоко поднялся именно при нацизме и был слишком тщеславен и честолубив, чтобы рисковать на этой стадии игры. Однажды, когда фон Тресков попытался было указать ему, что фюрер ведет страну к катастрофе, Бок закричал: "Я не позволю нападать на фюрера! "

Тресков и его молодой адъютант были обескуражены, но не испугались. Они решили действовать самостоятельно. Во время посещения фюрером 4 августа 1941 года штаба группы армий в Борисове они планировали захватить его по пути с аэродрома в район расположения фон Бока. Но действовали они все еще как дилетанты и не учли мер безопасности, которые предпринимала охрана фюрера. Передвигался

Гитлер в окружении своих телохранителей из СС, от автомобиля, присланного на аэродром штабом, отказался, поскольку сюда заранее прибыла целая кавалькада автомашин, и два офицера штаба не смогли даже приблизиться к фюреру. Это фиаско — нечто подобное, вероятно, происходило и раньше — явилось для армейских заговорщиков поучительным уроком. Во-первых, добраться до Гитлера оказалось далеко не легким делом: его всегда надежно охраняли. Во-вторых, его захват и арест вряд ли решили бы проблему, поскольку генералы, занимающие ключевые посты, были слишком трусливы или слишком верны присяге, чтобы помочь оппозиции довести дело до конца после устранения фюрера. И примерно в это время, то есть осенью 1941 года, некоторые молодые армейские офицеры, в основном гражданские лица, подобно Шлабрендорфу, совсем недавно надевшие военную форму, невольно пришли к заключению, что ее простейшим, даже, пожалуй, единственным решением является убийство Гитлера. Освободившись от личной клятвы на верность лидеру, робкие генералы пошли бы на сотрудничество с новым режимом и обеспечили ему поддержку армии.

Однако заговорщики, находившиеся в Берлине, еще не были готовы пойти так далеко. Они составили идиотский план под названием "Изолированная акция", который как они почему-то полагали, успокоит совесть генералов, клявшихся фюреру в верности, и в то же время позволит им избавиться от него рейх. Даже сегодня трудно следить за ходом их мышления, но идея в основном сводилась к тому, что высшие военачальники как на Востоке, так и на Западе по заранее условленному сигналу просто откажутся подчиняться приказам Гитлера как главнокомандующего вооруженными силами. Это, конечно, явилось бы нарушением клятвы на верность фюреру, но софисты в Берлине делали вид, что не понимают этого. Во всяком случае, они объясняли, что подлинная цель этого варианта — создание неразберихи, во время которой генерал Бек при поддержке отрядов из резервной армии захватит власть, сместит Гитлера и объявит национал-социализм вне закона.

Однако резервная армия едва ли представляла собой военную силу; она напоминала скорее разношерстное сборище рекрутов, которые проходили непродолжительную боевую подготовку, прежде чем отправиться на фронт в качестве пополнения. Некоторых высокопоставленных генералов на Востоке или в оккупационных зонах, в чьем подчинении находились испытанные в сражениях войска, предстояло перетянуть на свою сторону, чтобы заговор действительно удался. Одним из таких военачальников был фельдмаршал фон Вицлебен, ставший

командующим войсками на Западе. Он относился к числу тех, кто вместе с Гальдером планировал арест Гитлера в Мюнхене, и вполне естественно, что выбор пал на него. Чтобы ввести в курс дела его, а также генерала Александра фон Фалькенхаузена, немецкого командующего в Бельгии, заговорщики направили к ним в середине января 1942 года Хасселя. Находясь под наблюдением гестапо, бывший посол замаскировал свою поездку чтением лекций для немецких офицеров и сотрудников оккупационного аппарата по теме "Жизненное пространство и империализм". Между лекциями он в частном порядке совещался в Брюсселе с Фалькенхаузенем, а в Париже с Вицлебенем и составил об обоих благоприятное мнение, особенно о последнем.

Оказавшись во Франции на второстепенных ролях, в то время как его коллеги руководили крупными сражениями в России, Вицлебен жаждал действий. Он заявил Хасселю, что идея "изолированной акции" является утопией. Единственный способ решения проблемы — прямое свержение Гитлера, и он готов играть ведущую роль в этом деле. Самым благоприятным временем для нанесения удара, вероятно, будет лето 1942 года, когда возобновится немецкое наступление в России. Чтобы предстать к этому дню в отличной форме, он даже вознамерился сделать небольшую хирургическую операцию. К несчастью для фельдмаршала и его единомышленников по заговору, это решение привело к катастрофическим последствиям. Подобно Фридриху Великому и многим другим, Вицлебен страдал геморроем {Прусский король часто жаловался на этот недуг, который, как он утверждал, являлся для него помехой как в умственном, так и в физическом труде. — Прим. авт. }. Такого рода операция считалась у хирургов несложной, однако, когда Вицлебен весной 1942 года взял краткосрочный отпуск по болезни, Гитлер, воспользовавшись ситуацией, уволил фельдмаршала в отставку, заменив его Рундшtedтом, у которого не было ни малейшего желания участвовать в заговоре против фюрера, хотя последний совсем недавно обошелся с ним довольно гнусно. Таким образом, главная надежда заговорщиков в армии рухнула — фельдмаршал оказался не у дел. А установить новый режим без войск было просто невозможно.

Руководители заговора были сильно обескуражены. Они вели тайные совещания, что-то планировали, но не могли преодолеть постигшего их разочарования. "Как представляется в данный момент, невозможно ничего предпринять против Гитлера", — отвечал Хассель в конце февраля 1942 года после одного из бесчисленных секретных совещаний.

Однако можно было обдумать и привести в систему свои идеи

относительно того, какое правительство они хотят видеть в Германии после свержения Гитлера, навести порядок в своей хаотичной и пока еще совершенно неэффективной организации, которой предстояло взять на себя заботы по созданию этого правительства в будущем. Руководители тайного сопротивления, в большинстве своем люди преклонных лет, придерживались консервативных взглядов и ратовали за восстановление монархии Гогенцоллернов, однако долго не могли прийти к единому мнению, которого из принцев возвести на трон. Попитц, один из главных заговорщиков из числа гражданских, желал видеть на троне кронпринца, но его отвергало большинство других. Шахт отдавал предпочтение старшему сыну кронпринца, принцу Вильгельму, а Герделер — младшему сыну Вильгельма принцу Оскару Прусскому. Все были согласны только в одном — что четвертый сын кайзера, принц Август Вильгельм, по прозвищу Ауви, из числа возможных кандидатур исключается, поскольку является фанатичным нацистом, группенфюрером СС.

И все же к лету 1941 года было достигнуто более или менее приемлемое соглашение: наиболее подходящей кандидатурой на трон был признан Луи Фердинанд, второй из сыновей кронпринца {Старший сын кронпринца, Вильгельм, умер от ран, полученных в бою на территории Франции 26 мая 1940 года, — Прим. авт. }. Было ему в то время тридцать три года, и он уже пять лет работал на фабрике Форда в Деарборне, был служащим на авиалиниях люфтваффе, находился в контакте с заговорщиками и сочувствовал им. Этого представительного молодого человека в конце концов сочли наиболее желательной из Гогенцоллернов фигурой в качестве претендента на трон. Он разделял настроения двадцатого столетия, был демократичен и интеллигентен. У него была привлекательная, рассудительная и мужественная жена, принцесса Кира, бывшая русская великая княжна, и, кроме того, — немаловажный момент для заговорщиков — он слыл личным другом Рузвельта, поскольку по приглашению президента супружеская пара останавливалась в 1938 году в Белом доме во время своего медового месяца.

Хассель и некоторые из его друзей не были убеждены, что Луи Фердинанд является идеальной кандидатурой. "У него отсутствуют многие качества, без которых нельзя выполнить отведенную ему роль", — мрачно комментировал Хассель в своем дневнике выбор, сделанный в рождественские дни 1941 года заговорщиками. Однако других эта кандидатура вполне устраивала.

В центре внимания Хасселя оставалось будущее немецкое правительство. Еще год назад, проконсультировавшись с генералом Беком,

Герделером и Попитцем, он набросал программу правительства на переходный период, которую детализировал в проекте, составленном в конце 1941 года. В проекте он предусматривал восстановить свободу личности, а до принятия постоянной конституции возложить верховную власть на регента, который в качестве главы государства будет назначать правительство и государственный совет. Все это выглядело довольно авторитарно, и некоторые заговорщики во главе с Герделером отвергли данный вариант, предложив взамен проведение плебисцита, с тем чтобы временное правительство получило поддержку народа и подтвердило свой демократический характер. Однако ввиду отсутствия чего-либо лучшего план Хасселя в целом был принят, по крайней мере как заявление о принципах. Он был заменен более либеральной и более обстоятельной программой, разработанной в 1943 году под давлением группы Крейсау, возглавляемой графом Гельмутом фон Мольтке.

Наконец, той же весной 1942 года заговорщики официально выдвинули руководителя. Все назвали таковым генерала Бека, принимая во внимание не только его ум и характер, но и его авторитет среди генералов, его репутацию в стране и за границей. Однако в организационном отношении заговорщики были настолько апатичны, что фактически так и не поставили его руководителем. А некоторые, подобно Хасселю, восхищаясь бывшим начальником генерального штаба, втайне продолжали сомневаться относительно правильности выбора.

"Главная трудность, связанная с Беком, — писал Хассель в своем дневнике незадолго до рождества 1941 года, — состоит в том, что он очень уж питает склонность к теоретизированию. Как говорит Попитц, человек тактики, но с небольшой силой воли". Подобная оценка, как потом выяснилось, была вполне обоснованна, а такой изъян в характере генерала, как поразительное безволие, привел в конечном счете к трагическим последствиям.

Тем не менее в марте 1942 года после многих секретных совещаний заговорщики решили, как писал Хассель, что "Бек должен держать в своих руках все нити", а в конце месяца бывший посол пояснял, что Бек официально назван главой нашей группы.

Однако, если попытаться проанализировать деятельность заговорщиков в этот период по записям, то приходишь к выводу, что программа их оставалась расплывчатой и нереальной, а деятельность даже самых активных его участников сводилась к бесконечным разговорам. Им было известно, что Гитлер планирует возобновить наступление в России, как только подсохнет земля. Это, по признанию самих заговорщиков, могло

подтолкнуть Германию еще дальше к пропасти. И тем, не менее они, хотя и много говорили, ничего не предпринимали. 28 марта 1942 года, сидя на даче возле Эбенхаузена, Хассель записал в своем дневнике: "В последние дни в Берлине у меня были обстоятельные разговоры с Иессеном {Иенс Петер Иессен, профессор экономики в Берлинском университете, являлся одним из мыслящих участников заговора. В период с 1931 по 1933 год слыл ревностным нацистом и одним из немногих истинных интеллектуалов в партии. Однако, быстро разочаровавшись в нацизме, стал фанатичным антинацистом. Был арестован в связи с причастностью к заговору 20 июля 1944 года и в ноябре того же года казнен в тюрьме Плетцензе. — Прим. авт. }, Беком и Герделером. Перспективы не очень хорошие".

А могли ли они быть очень хорошими? Ведь не существовало даже плана действий. И именно теперь, когда время еще не было упущено. А у Адольфа Гитлера к началу весны, третьей военной весны, имелись и планы предстоящей кампании, и неудержимая воля, чтобы претворить их в жизнь.

Последнее крупное немецкое наступление

Хотя безрассудство Гитлера, не разрешившего своевременно отступить немецким армиям в России, привело к тяжелым потерям в живой силе и технике, к деморализации многих частей и к обстановке, которая в течение января — февраля 1942 года грозила обернуться полной катастрофой, несомненно и то, что фанатичная решимость Гитлера выстоять и сражаться помогла остановить мощную волну советского наступления. Традиционное мужество и выносливость немецких солдат сделали остальное.

К 20 февраля русское наступление от Балтики до Черного моря выдохлось, а в конце марта началась весенняя распутица, которая принесла с собой относительное затишье на огромной протяженности кровопролитном фронте. Обе стороны исчерпали свои возможности. Сводка немецкой армии от 30 марта 1942 года показывала, какой ужасной ценой были оплачены зимние бои. Из 162 боевых дивизий на Востоке только восемь были готовы к наступательным действиям. В 16 танковых дивизиях осталось всего 140 исправных танков — меньше, чем насчитывалось обычно в одной дивизии.

Еще в то время когда войска отступали по безбрежным заснеженным просторам России, Гитлер, являвшийся теперь главнокомандующим сухопутными войсками и верховным главнокомандующим вооруженными силами, занимался разработкой планов летнего наступления в 1942 году. Они не были столь честолюбивы, как планы минувшего года. К этому времени он приобрел уже достаточно опыта, чтобы понять, что уничтожить Красную Армию в ходе одной кампании не сможет. В это лето он

планировал сосредоточить основные силы на юге, захватить нефтеносные районы на Кавказе, индустриальный Донецкий бассейн, пшеничные поля Кубани и овладеть Сталинградом на Волге. Тем самым будет осуществлено несколько важных задач. Советы лишатся нефти, значительной части продовольствия и промышленной продукции, в чем они остро нуждаются для продолжения войны, в то время как Германия приобретет нефть и продовольственные ресурсы, в которых у нее почти такая же острая нужда.

"Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, — говорил фюрер генералу Паулюсу, командующему злосчастной 6-й армией, перед началом летнего наступления, — тогда я буду вынужден закончить эту войну".

Сталин мог бы сказать то же самое. И ему нужна была кавказская нефть для продолжения войны. Именно поэтому Сталинград приобретал особо важное значение. Захватив этот город, немцы заблокировали бы последний маршрут через Каспийское море и Волгу, по которому нефть доставлялась в Центральную Россию, пока русские владели нефтяными источниками.

Для самолетов, танков и автомашин Гитлеру помимо нефти нужны были людские резервы, чтобы восполнить сильно поредевшие ряды. Общие потери к концу зимних боев составили 1 167 835 человек, исключая больных, и не поступало в достаточных количествах пополнений, чтобы укомплектовать обескровленные части и соединения. Верховное командование обратилось к союзникам Германии, вернее, к сателлитам за дополнительными войсками. Генерал Кейтель спешно направился в Будапешт и Бухарест, чтобы набрать венгерских и румынских солдат для приближающейся летней кампании.

Геринг, а потом и сам Гитлер обратились к Муссолини за итальянскими формированиями.

Геринг прибыл в Рим в конце января 1942 года, чтобы выторговать у итальянцев подкрепления для Восточного фронта, заверив Муссолини, что Советский Союз будет разбит в 1942 году, а Великобритания сложит оружие в 1943-м. Чиано разжиревший, увешанный медалями рейхсмаршал показался невыносимым. "Как обычно, он выглядит надменным и обрюзгшим", — отметил в своем дневнике итальянский министр иностранных дел 2 февраля. Через два дня он там же писал:

"Геринг покидает Рим. Мы обедали в отеле "Эксельсиор", и во время обеда Геринг почти все время говорил о своих бриллиантах. Действительно, он носит несколько красивых колец... Отправляясь на станцию, он надел широкую, подбитую соболями доху, нечто среднее между тем, что носили водители автомобилей в 1906 году, и тем, в чем

приходят в оперу дорогие проститутки".

Стяжательство продолжало разъедать человека номер два третьего рейха.

Муссолини обещал Герингу направить на русский фронт в марте две итальянские дивизии, если немцы придадут им артиллерию. Однако обеспокоенность дуче поражениями своего союзника на Восточном фронте приняли такие размеры, что Гитлер решил: пора вновь с ним встретиться, чтобы объяснить, насколько все еще сильна Германия.

Встреча состоялась 29–30 апреля в Зальцбурге. Дуче и Чиано с сопровождающими их лицами разместились в выстроенном в стиле барокко дворце Клессхейм, где когда-то находилась резиденция епископов. Теперь же в нем появились картины, мебель и ковры из Франции, за которые, как подозревал итальянский министр иностранных дел, Германия заплатила не слишком дорого. Чиано нашел, что фюрер выглядит усталым. "Зимняя кампания в России сильно сказалась на нем, — записал он в своем дневнике. — Впервые я заметил у него много седых волос" {Геббельс видел Гитлера за месяц до этого в ставке и выразил крайнее удивление в дневнике по поводу его состояния: "Я заметил, что он стал совершенно седой... Он говорил мне, что ему приходится бороться с сильнейшими приступами головокружения... Фюрер на этот раз действительно вызвал у меня обеспокоенность". И далее Геббельс добавил, что у него "физическое отвращение к снегу и морозу... Больше всего беспокоит и мучает фюрера то, что страна все еще покрыта снегом" (Дневники Геббельса, с. 131–137). — Прим. авт. }.

После присущего немцам подробного изложения общей ситуации Риббентроп и Гитлер заверили своих итальянских гостей, что все обстоит прекрасно — в России, в Северной Африке, на Западе и на морских просторах. Предстоящее наступление на Востоке, как доверительно сообщали они, будет направлено против нефтеносных районов Кавказа.

"Когда нефтяные источники России окажутся исчерпаны, — вставил Риббентроп, — то Россия будет поставлена на колени. Затем англичане... поклонятся, чтобы спасти то, что еще останется от истерзанной империи. Америка — это большой блеф..."

У Чиано же, который более или менее терпеливо слушал своего немецкого коллегу, создалось, однако, впечатление, что относительно намерений Соединенных Штатов блефовали сами немцы и что в действительности, когда они думают об этом, "их охватывает дрожь".

Как обычно, больше всех говорил фюрер.

"Гитлер говорит, и говорит, и говорит, — записал Чиано в своем

дневнике. — А Муссолини страдает; он привык говорить сам, а тут приходится почти все время молчать и слушать. На второй день после ленча, когда все было уже сказано, Гитлер говорил час и сорок минут не прерываясь. Он не пропустил абсолютно ни одного вопроса: война и мир, религия и философия, искусство и история. Муссолини машинально взглянул на свои ручные часы... Немцы — несчастные люди — должны слушать это каждый день, и я уверен, они уже знают наизусть каждый жест, каждое слово или паузу. Генерал Йодль после отчаянной борьбы с собой заснул на диване. Кейтель покачивался, но все-таки держал голову приподнятой. Он сидел слишком близко к Гитлеру, чтобы позволить себе задремать... "

Вопреки бесконечным разговором или, может, вследствие этого Гитлер заручился обещанием союзников направить на русский фронт дополнительное количество пушечного мяса. Гитлер и Кейтель добились таких успехов на переговорах со своими сателлитами, что немецкое верховное командование рассчитывало иметь 52 союзнические дивизии для летнего наступления: 27 румынских, 13 венгерских, 9 итальянских, 2 словацких и 1 испанскую. Это составляло четвертую часть объединенных сил держав оси на Востоке. Из 41 свежей дивизии, которые должны были усилить южный фланг Восточного фронта, где предстояло наносить главный удар, половину (21 дивизия) составляли венгерские (10), итальянские (6) и румынские (5). Гальдеру и большинству других генералов не нравилось, что успех кампании будет зависеть от иностранных дивизий, боевые качества которых, по их мнению, мягко говоря, вызывали большие сомнения. Однако из-за нехватки людских ресурсов они принимали такую помощь, что способствовало последовавшему затем провалу кампании.

Летом 1942 года удачи сначала сопутствовали державам оси. Еще до прыжка в сторону Кавказа и Сталинграда была одержана сенсационная победа в Северной Африке. 27 мая 1942 года генерал Ром-мель возобновил свое наступление в пустыне {После серии ожесточенных сражений с англичанами, произошедших в ноябре — декабре 1941 года, войска Роммеля были отогнаны через Киренаику к рубежу Эль-Агейлы на ее западной границе. Но, проявив присущее ему упорство, Роммель в январе 1942 года предпринял контрудар и вернул половину потерянной территории. За 17 дней кампании он дошел до Эль-Газалья, откуда в конце мая начал новое наступление. — Прим. авт. }. Нанеся быстрый удар своим знаменитым Африканским корпусом (две танковые и одна мотопехотная дивизии) и восемью итальянскими дивизиями, одна из которых являлась

танковой, он погнал англичан через пустыню к египетской границе. 21 июня он захватил Тобрук — ключ к английской обороне, который в 1941 году выдержал девятимесячную осаду, а два дня спустя его войска вступили на территорию Египта. К концу июня они находились у Эль-Аламейна, в 65 милях от Александрии и устья Нила. Многим государственным деятелям союзников, с тревогой всматривавшимся в карту, казалось, что теперь уже ничто не может помешать Роммелю нанести роковой удар англичанам, захватив Египет, а затем, получив подкрепления, наступать далее на северо-восток, захватить богатейшие нефтеносные районы Среднего Востока и двинуться на Кавказ, чтобы встретиться там с немецкими армиями, которые уже начали наступление с севера в направлении этого региона. Это был один из самых мрачных периодов войны для западных союзников и, соответственно, один из самых обнадеживающих для держав оси. Однако Гитлер, как мы уже убедились, никогда не понимал глобального характера военных действий. Он не знал, как использовать неожиданный успех Роммеля в Африке. Он наградил решительного предводителя Африканского корпуса фельдмаршальским жезлом, но не послал ему ни материальных, ни людских подкреплений {Гитлер произвел Роммеля в фельдмаршалы на второй день после захвата Тобрука и тем самым вызвал у Муссолини "болезненные переживания", потому что, как заметил Чиано, это подчеркивало "немецкий характер сражения". Дуче немедленно выехал в Ливию, чтобы получить часть почестей, полагая, что прибудет в Александрию "через пятнадцать дней". 2 июля он связался по телефону с Гитлером, чтобы согласовать "вопрос о будущем политическом руководстве Египтом", предложив кандидатуру Роммеля в качестве военного командующего и кандидатуру итальянца в качестве "гражданского представителя". Гитлер ответил, что не считает этот вопрос срочным (Дневники Чиано, с. 502–504).

"Муссолини с нетерпением ждал в Дерне (за линией фронта) того дня, — говорил позднее генерал Фриц Байерлейн, начальник штаба у Роммеля, — когда он сможет принять парад танков держав оси в тени египетских пирамид" (Роковые решения, с. 103). — Прим. авт. }.

Только уступая докучливым требованиям Редера и настоятельной просьбе Роммеля, фюрер с большой неохотой согласился направить Африканский корпус и небольшую немецкую авиационную группу в первую очередь в Ливию. Но сделал он это лишь потому, что хотел предотвратить провал итальянцев в Северной Африке, а не потому, что придавал большое значение овладению Египтом.

Ключом к захвату Египта фактически являлся остров Мальта,

расположенный на Средиземном море между Сицилией и базами держав оси в Ливии. Именно с этого английского бастиона бомбардировщики, подводные лодки и надводные корабли наносили огромный урон немецким и итальянским судам, доставлявшим боевые грузы и солдат в Северную Африку. В августе 1941 года около 35 процентов направляемых Роммелю боевых грузов и пополнений было потоплено союзниками; в октябре эта цифра возросла до 63 процентов. 9 ноября Чиано с горечью писал в своем дневнике:

"С 19 сентября мы отказались от попыток провести конвои в Ливию; за каждую такую попытку приходилось платить высокую цену... Сегодня мы предприняли очередную попытку. Конвой отправился в составе семи судов в сопровождении двух крейсеров водоизмещением 10 тысяч тонн и десяти эсминцев... Все — именно все — наши суда были потоплены... Англичане вернулись в свои порты (на Мальте) после того, как разгромили нас".

Немцы с запозданием перебросили несколько подводных лодок с Атлантики на Средиземное море, а Кессельрингу были выделены дополнительные эскадрильи самолетов для базирования на Сицилии. Было решено нейтрализовать Мальту и, если возможно, уничтожить английский флот в Восточном Средиземноморье. К концу 1941 года англичане потеряли три линкора, один авианосец, два крейсера и несколько эсминцев и подводных лодок, а то, что осталось от их флота, было загнано на военноморские базы в Египте. В течение многих недель немецкие бомбардировщики днем и ночью обрушивали свой груз на Мальту. В результате конвои держав оси начали доходить до места назначения: в январе не было потеряно ни одной тонны грузов — и Роммель получил возможность подготовить свои силы для крупного броска в Египет.

В марте адмирал Редер уговорил Гитлера одобрить планы наступления Роммеля в сторону Нила (операция "Аида") и захвата Мальты парашютными войсками (операция "Геркулес"). Наступление из Ливии планировалось начать в конце мая, а атаку на Мальту предусматривалось предпринять в середине июля. Однако 15 июня, когда Роммель развивал свой первоначальный успех, Гитлер отложил атаку на Мальту. Он объяснил Редеру, что не может выделить ни войск, ни самолетов за счет русского фронта. Спустя несколько недель он снова отложил операцию "Геркулес", утверждая, что она может подождать до завершения летнего наступления на Востоке и завоевания Роммелем Египта. Мальту между тем можно нейтрализовать, продолжая бомбардировки.

Однако Мальта не сдавалась и немцам вскоре пришлось поплатиться

за это. 16 июня к осажденному острову пробился крупный английский конвой, и, хотя при этом было потеряно несколько боевых кораблей и транспортов, с получением подкреплений Мальта ожила. С американского авианосца "Уосп" туда были переброшены "спитфайеры", и вскоре налеты бомбардировщиков люфтваффе на остров прекратились. Почувствовал это и Роммель: три четверти поставок, предназначенных для него, союзники отправляли на дно.

Он вышел к Эль-Аламейну, имея в наличии всего 30 исправных танков {Согласно показаниям генерала Байерлейна, данным после войны, он преувеличивал свои потери. По данным разведки союзников, в это время у Роммеля было 125 танков. — Прим. авт. }. "Наши силы иссякли", — писал он в дневнике 3 июля. И это в тот момент, когда на горизонте уже показались пирамиды, а за ними — огромный приз в виде Египта и Суэца! Еще одна утраченная возможность, и одна из последних, какие подбрасывали Гитлеру providение и военная удача.

Немецкое наступление в России летом 1942 года

К концу лета 1942 года Адольф Гитлер, казалось, снова был на коне и свысока смотрел на весь мир. В Атлантике немецкие подводные лодки наносили большой урон союзникам, ежемесячно отправляя на дно английские и американские суда общим водоизмещением до 700 тысяч тонн, — больше, чем спускалось на воду судов в доках США, Канады и Шотландии. Хотя Гитлер и оголял свою оборону на Западе, перебрасывая оттуда солдат, танки и самолеты на Восточный фронт, чтобы покончить с Россией, в то лето еще не чувствовалось, что англичане и американцы достаточно сильны, чтобы предпринять, пусть небольшую, высадку через Ла-Манш. Они даже не стали рисковать ради захвата Северной Африки, находившейся в руках французов, хотя ослабленные и разделенные французы едва ли смогли бы оказать серьезное сопротивление союзникам, да и немцы не смогли бы ничего предпринять, разве что выделить несколько подводных лодок и небольшое число самолетов для баз, расположенных в Италии и Ливии.

Английский военно-морской флот и военно-воздушные силы оказались не в состоянии сорвать переброску немецких линейных крейсеров "Шарнхорст" и "Гнейзенау", а также тяжелого крейсера "Принц Ойген" из Бреста в безопасные гавани Германии. Средь белого дня они на полной скорости беспрепятственно пронесли по Ла-Маншу и Па-де-Кале с запада на восток на виду у всех {Это случилось 11–12 февраля 1942 года и оказалось для англичан полной неожиданностью. Только незначительные военно-морские и авиационные силы были подняты по тревоге, но нанесли

немецкому флоту незначительный урон. — Прим. авт. }. Гитлер опасался, что англичане и американцы попытаются оккупировать Северную Норвегию, и настоял на переброске из Бреста в Северное море вышеуказанных боевых кораблей, чтобы использовать их для обороны в норвежских водах. "Норвегия, — говорил он Редеру в конце января 1942 года, — это сама судьба". Поэтому ее следовало защищать любой ценой. Но, как выяснилось, в этом не было необходимости. Англо-американцы намеревались использовать свои ограниченные силы на Западе по-иному.

На карте завоевания Гитлера к сентябрю 1942 года казались ошеломляющими. Средиземное море практически превратилось во внутреннее озеро держав оси, где Германия и Италия контролировали большую часть северного побережья от Испании до Турции, а южное побережье — от Туниса до участка, расположенного в 60 милях от устья Нила. По существу, немецкие войска контролировали территорию от норвежского мыса Нордкапа, омываемого арктическими водами, до Египта и от Бреста, расположенного на Атлантическом побережье, до низовьев Волги на границе с Центральной Азией.

Войска немецкой 6-й армии вышли к Волге чуть севернее Сталинграда 23 августа. За два дня до этого фланг со свастикой был водружен на вершине Эльбруса. 8 августа были захвачены нефтеносные районы Майкопа, ежегодно дававшие 2, 5 миллиона тонн нефти, хотя нефтедобывающие сооружения достались немцам почти полностью разрушенные; к 25 августа танки Клейста заняли Моздок, расположенный всего в 50 милях от главного советского нефтедобывающего центра в районе Грозного; отсюда до Каспийского моря оставалось каких-нибудь 100 миль. 31 августа Гитлер настаивал, чтобы фельдмаршал Лист, командующий армиями на Кавказе, собрал все свои наличные силы для завершающего броска на Грозный, с тем чтобы "прибрать к рукам нефтеносные районы". В тот же день Роммель начал наступление у Эль-Аламейна, будучи уверен, что прорвется к Нилу.

Хотя Гитлер никогда не был удовлетворен действиями своих генералов — 13 июля он снял фельдмаршала Бока, командующего южным направлением, которого он, как явствует из дневника Гальдера, постоянно ругал и отчитывал, как большинство других командующих и генеральный штаб, за недостаточно быстрые темпы наступления, — но теперь он считал, что решающая победа не за горами. Он приказал 6-й армии и 4-й танковой армии продвигаться вдоль Волги на север после того, как будет захвачен Сталинград, и совершить глубокий охват, что позволит ему наступать на Центральную Россию и Москву как с востока, так и с запада.

Он считал, что с русскими покончено, и, по свидетельству Гальдера, всерьез говорил о наступлении частью своих сил через Иран к Персидскому заливу и о том, как он соединится с японцами в Индийском океане. Он всецело доверял точности немецкого разведывательного доклада от 9 сентября, в котором утверждалось, что русские исчерпали все свои резервы. Совещаясь с адмиралом Редером в конце августа, Гитлер уже не вел речь о России, которую он теперь рассматривал как "заблокированное жизненное пространство", и все свои помыслы обратил к англичанам и американцам, которые вскоре, в чем он не сомневался, будут вынуждены "пойти на обсуждение условий заключения мира".

И тем не менее, как позднее вспоминал генерал Курт Цейтцлер, каким бы розовым ни представлялось тогда будущее, почти все генералы на фронтах и в генеральном штабе видели недостатки этой приглашенной картины. Их можно суммировать следующим образом: у немцев уже не осталось ресурсов — ни людей, ни орудий, ни танков, ни самолетов, ни средств транспортировки, чтобы достигнуть тех целей, которые ставил Гитлер. Когда Роммель попытался было объяснить это своему повелителю в отношении Египта, то Гитлер приказал ему взять отпуск по болезни и отправиться в Австрийские Альпы. Когда Гальдер и фельдмаршал Лист попытались объяснить то же самое в отношении русского фронта, он снял их с занимаемых постов.

Даже стратег-дилетант не мог бы не увидеть, как по мере усиления советского сопротивления на Кавказе и у Сталинграда и приближения осенних дождей над немецкими армиями на юге России нависала угроза. Растянутый северный фланг 6-й армии оказался опасно оголенным по рубежу Верхнего Дона на 350 миль от Сталинграда до Воронежа. Здесь Гитлер разместил три армии своих сателлитов: венгерскую 2-ю — южнее Воронежа; итальянскую 8-ю — еще дальше на юг от Воронежа; румынскую 3-ю — правее, у излучины Дона, к западу от Сталинграда. Так как венгры и румыны ожесточенно враждовали, то в промежутке между ними была размещена итальянская армия. В степях к югу от Сталинграда находилась румынская 4-я армия. Не говоря уже об их сомнительных боевых качествах, все эти армии не были оснащены должным образом, у них не хватало бронетанковых средств, тяжелой артиллерии и транспорта. Более того, они были сильно растянуты по фронту. Румынская 3-я армия держала фронт 105 миль силами всего 69 батальонов. Но союзные армии — это все, что имелось у Гитлера. Не хватало немецких частей, чтобы прикрыть брешь. А поскольку он считал, по свидетельству Гальдера, что с русскими покончено, то особенно и не беспокоился относительно

оголенного и растянутого Донского фланга.

А между тем фланг этот являлся крайне важным для сохранения как 6-й армии и 4-й танковой армии у Сталинграда, так и группы армий "А" на Кавказе. В случае развала этого фланга возникала не только угроза окружения для немецких войск у Сталинграда, но и опасность оказаться отрезанными для войск на Кавказе. Нацистский правитель опять вел рискованную игру. И это в ходе летней кампании случалось не впервые.

23 июля, в самый разгар наступления, он сделал еще один рискованный шаг. Русские отступали между Донцом и Верхним Доном, отходя на восток, к Сталинграду, и на юг, в сторону Нижнего Дона. Нужно было принимать решение: следует ли немецким войскам сосредоточиться на захвате Сталинграда и блокировании Волги или лучше нанести основной удар на Кавказе, чтобы обрести русскую нефть? Еще в начале месяца Гитлер искал ответ на этот решающий вопрос, но так и не нашел. Сначала на него сильнее всего действовал запах нефти, и 13 июля он изъясился из группы армий "Б" 4-ю танковую армию, которая наступала вниз по Дону, в сторону излучины реки, и дальше к Сталинграду, и бросил ее на помощь 1-й танковой армии Клейста форсировать Дон в нижнем его течении, у Ростова, и наступать дальше на Кавказ, к нефтеносным районам, хотя в этот момент 4-я танковая армия, вероятно, могла почти беспрепятственно продвигаться к Сталинграду, который почти нечем было оборонять, и быстро захватить его. К тому времени, когда Гитлер осознал свою ошибку, было уже поздно, и тогда он еще больше усугубил ее. Когда 4-я танковая армия через пару недель была снова переброшена на сталинградское направление, русские пришли в себя настолько, что уже были в состоянии остановить ее. Снятие же 4-й танковой армии с кавказского направления слишком ослабило Клейста, чтобы успешно завершить наступление на нефтеносные районы Грозного {Клейст подтвердил это Лиддел Гарту: "4-я танковая армия... могла захватить Сталинград без боя в конце июля, но ее отвлекли на юг в помощь мне форсировать Дон. А я не нуждался в ее помощи, и она просто забила дороги, которыми я пользовался. Когда она через две недели снова повернула на север, русские успели собрать достаточно сил у Сталинграда, чтобы остановить ее". К тому времени Клейсту потребовались дополнительные танковые резервы. "Мы могли выйти к нашей цели (район Грозного), если бы мои силы не были отвлечены — чтобы помочь наступлению на Сталинград", добавил он (Лиддел Гарт. Говорят немецкие генералы, с. 169–171). — Прим. авт. }.

Переброска этого мощного танкового объединения обратно для наступления на Сталинград явилась результатом рокового решения,

принятого Гитлером 23 июля. Его фанатичная решимость захватить одновременно и Сталинград и Кавказ вопреки советам Гальдера и других командующих войсками на фронтах, которые считали это невозможным, воплотилась в Директиве э 45, которая приобрела широкую известность. Она явилась одной из наиболее роковых, изданных Гитлером за всю войну, ибо в конечном счете не была достигнута ни одна из поставленных в ней целей, что привело к самому унижительному поражению в истории Германии. Уж вскоре стало совершенно ясно, что ему никогда не удастся выиграть войну и что дни тысячелетнего третьего рейха сочтены.

Генерал Гальдер был ошеломлен. Последовала бурная сцена в ставке Вервольф на Украине, возле Винницы, куда 16 июля перебрался Гитлер, чтобы находиться ближе к фронту. Начальник генерального штаба настаивал на том, что необходимо бросить все основные силы на захват Сталинграда, и пытался объяснить, что у немецкой армии недостаточно сил, чтобы вести две крупные наступательные операции на двух различных направлениях. Гитлер сослался на то, что с русскими уже покончено, и Гальдер попытался убедить его, что, согласно разведывательным данным, которыми располагает армия, дело обстоит совсем не так.

"Всегда наблюдавшаяся недооценка возможностей противника, — с горечью писал Гальдер вечером в своем дневнике, — принимает постепенно гротескные формы и становится опасной. Все это выше человеческих сил. О серьезной работе теперь не может быть и речи. Болезненная реакция на различные случайные впечатления и полное нежелание правильно оценить работу руководящего аппарата — вот что характерно для теперешнего так называемого руководства".

Позднее начальник генерального штаба, дни которого на этом посту были сочтены, вернется к этой сцене и запишет:

"Решения Гитлера перестали иметь что-либо общее с принципами стратегии и тактики, как их понимали прошлые поколения. Эти решения являлись продуктом мышления натуры неистовой, возникали под воздействием импульсов и не признавали никаких пределов возможного; эти решения принимались на основе желаемого и без учета возможностей их реализации..."

Что касается упомянутой Гальдером "болезненной реакции" и "недооценки возможностей противника" верховным главнокомандующим, то Гальдер сообщает следующее:

"Однажды, когда ему зачитывали совершенно объективный доклад, из которого явствовало, что в 1942 году Сталин все же будет в состоянии собрать от одного миллиона до миллиона с четвертью свежих войск в

районе севернее Сталинграда и западнее Волги, не говоря уже о полумиллионном войске на Кавказе, и что, по надежным источникам, выпуск русскими боевых танков достигает, по меньшей мере, 1200 единиц в месяц, Гитлер, сжав кулаки, с пеной в углах рта, бросился на человека, зачитывавшего доклад, и запретил ему читать дальше такую чушь".

"Не надо обладать особым даром, — заметил Гальдер, — чтобы сказать, что произойдет, когда Сталин направит не полтора миллиона войск против Сталинградского и Донского фланга {Гальдер рассказывает, что на Украине он совершенно случайно наткнулся на книгу о разгроме Сталиным генерала Деникина между излучиной Дона и Царицыном во время гражданской войны в России. Тогдашняя обстановка была аналогична той, которая складывалась в 1942 году, и Сталин мастерски использовал слабые места в обороне Деникина на Дону. — Прим. авт. }. Я откровенно указал на это Гитлеру. Результатом явилось отстранение с поста начальника генерального штаба сухопутных войск".

Это произошло 24 сентября. Уже 9 сентября, когда Кейтель сообщил ему, что фельдмаршал Лист, командовавший войсками на кавказском направлении, снят с этого поста, Гальдер понял, что следующим будет он. Фюрер, говорили ему, пришел к убеждению, что он, Гальдер, "более не соответствует тем психологическим требованиям, которые предъявляет занимаемое им положение". Гитлер объяснил это своему начальнику генерального штаба более подробно при прощальной встрече 24 сентября.

"... Мои нервы истощены, да и он свои поистрепал; мы должны расстаться; необходимость воспитания личного состава генерального штаба в духе фанатической преданности идее; решимость настойчиво проводить свои решения также и в сухопутных войсках".

"Так мог говорить, — комментировал впоследствии Гальдер, — не ответственный военачальник, а политический фанатик".

Итак, Франц Гальдер ушел. Он не был лишен недостатков, которыми обладал и его предшественник генерал Бек: они заключались в том, что мысли его подчас отличались противоречивостью, а воля к действию оказывалась парализованной. И хотя он нередко возражал Гитлеру, правда безуспешно, но так же, как и все другие армейские офицеры высокого ранга во время второй мировой войны, долго оставался соратником фюрера, содействуя свершению возмутительных актов агрессии и завоеваний. И тем не менее у него сохранились добродетели, присущие более цивилизованному времени. Он был последним начальником генерального штаба третьего рейха из числа генералов старой школы {Увольнение Гальдера явилось потерей не только для армии, но и для

историков, исследующих историю третьего рейха, ибо его бесценный дневник заканчивается записью от 24 сентября 1942 года. В конце концов он был арестован, отправлен в концентрационный лагерь Дахау, где находился рядом с такими известными заключенными, как Шушниг и Шахт, и освобожден американскими войсками у Нидердорфа в Южном Тироле 28 апреля 1945 года. С тех пор он сотрудничал с американской армией в ряде военно-исторических исследований по второй мировой войне. Он не раз обстоятельно отвечал на вопросы автора этих строк, указывая при этом достоверные источники. — Прим. авт. }. Его заменил генерал Курт Цейтцлер, более молодой и совершенно иной по характеру, бывший до этого начальником штаба у фельдмаршала Рундштедта на Западе; находясь на этом посту, который некогда, особенно во время первой мировой войны, считался самым высоким в германской армии, он исполнял роль сродни мальчику на побегушках при фюрере, вплоть до покушения на жизнь диктатора в июле 1944 года {Фанатично преданный фюреру генерал Йодль, начальник штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта, тоже находился в ставке Гитлера, когда он поднял вопрос об отстранении фельдмаршала Листа и генерала Гальдера. Йодль возражал против их увольнения, чем вызвал такую вспышку ярости у фюрера, что тот в течение многих месяцев не подавал руки Йодлю при встречах и не садился обедать ни с ним, ни с другими офицерами штаба. Гитлер настроился было уволить Йодля в конце января 1943 года и заменить его генералом Паулюсом, но было слишком поздно. Рассчитывать на Паулюса, как мы вскоре убедимся, не приходилось. — Прим. авт. }.

Замена начальника генерального штаба не улучшила положения немецкой армии, наступление которой в двух направлениях — на Сталинград и на Кавказ затормозилось в результате усилившегося сопротивления советских войск. В самом Сталинграде весь октябрь шли ожесточенные уличные бои. Немцы продвигались от дома к дому, неся огромные потери, ибо руины большого города, как известно каждому, кто испытал на себе тяготы современной войны, предоставляют большие возможности для упорной и длительной обороны, и русские, отчаянно отстаивая каждый метр развалин, максимально использовали эти возможности. Хотя Гальдер, а затем его преемник предупреждали Гитлера, что войска в Сталинграде изматываются, верховный главнокомандующий настаивал на дальнейшем наступлении. Он приказал бросить под Сталинград свежие дивизии, которые вскоре были перемолоты в этом аду.

Из средства достижения цели — цель уже была достигнута, когда немецкие соединения вышли на берег Волги к северу и к югу от города,

перерезав водную транспортную артерию, — Сталинград превратился в саму цель. Для Гитлера же его захват стал теперь делом личного престижа. Когда даже Цейтцлер набрался достаточно мужества, чтобы предложить фюреру ввиду угрозы растянутому вдоль Дона северному флангу отвести 6-ю армию из Сталинграда к излучине Дона, Гитлер пришел в ярость. "Где немецкий солдат ступит ногой, там и остается!" — бушевал он.

Несмотря на крайне медленное продвижение и огромные потери, генерал Паулюс, командующий 6-й армией, 25 октября по радио информировал Гитлера, что овладение Сталинградом завершится, самое позднее, к 10 ноября. Воодушевленный этим заверением, Гитлер отдал на следующий день приказ 6-й армии и 4-й танковой армии, сражавшимся в Сталинграде, подготовиться к броску на север и на юг вдоль Волги, как только падет город.

Нельзя сказать, что Гитлер не видел угрозу Донскому флангу. Из журнала боевых действий ОКБ явствует, что угроза эта вызывала у него беспокойство, однако недостаточно серьезное, вследствие чего он не предпринял действий для ее устранения. Действительно, он был так уверен, что ситуация полностью находится у него под контролем, что в последний день октября вместе со штабом ОКБ и генеральным штабом сухопутных войск выехал из ставки, расположенной в Виннице, в ставку Вольфшанце, расположенную возле Растенбурга в Восточной Пруссии. Фюрер убедил себя, что если зимой и начнется какое-либо советское наступление, то либо на центральном, либо на северном фронте. В таком случае ему будет легче управлять войсками из ставки в Восточной Пруссии.

Едва он успел вернуться в Восточную Пруссию, как до него долетели скверные известия с другого, более отдаленного фронта: Африканский корпус фельдмаршала Роммеля попал в тяжелое положение.

Первый удар: Эль-Аламейн и англо-американская высадка

Лиса Пустынь, как называли его по обе стороны фронта, возобновил наступление на Эль-Аламейн 31 августа с намерением опрокинуть английскую 8-ю армию и двинуться дальше на Александрию и к Нилу. Ожесточенное сражение произошло в невыносимую жару на 40-мильном фронте, протянувшемся по пустыне между морем и впадиной Кваттара, но прорвать фронт Роммелю не удалось, и 3 сентября он, прекратив сражение, перешел к обороне. Наконец, после долгих ожиданий английская армия в Египте получила сильные подкрепления в людях, орудиях, танках и самолетах (много танков и самолетов американских). 15 августа здесь появились и два новых командующих: эксцентричный, но одаренный

генерал сэр Бернард Лоу Монтгомери, который принял командование 8-й армией, и генерал сэр Харолд Александер, который в будущем проявит себя как опытный стратег и блестящий администратор, а в настоящем — как главнокомандующий на Среднем Востоке.

Вскоре после этой неудачи Роммель взял отпуск по болезни и отправился на горный курорт Земмеринг, чтобы подлечить воспалившийся нос и беспокоившую его печень. Здесь днем 24 октября раздался телефонный звонок от Гитлера: "Роммель, из Африки поступают скверные известия. Обстановка представляется довольно мрачной. Никто, по-видимому, точно не знает, что случилось с генералом Штумме {Штумме, исполнявший обязанности командующего на время отсутствия Роммеля, умер от сердечного приступа в первую же ночь английского наступления, убегая на своих двоих через пустыню от английского патруля, который чуть было не захватил его в плен. — Прим. авт. }. В состоянии ли вы возвратиться в Африку и снова принять на себя командование? " Больной Роммель согласился вернуться немедленно.

К вечеру следующего дня, когда он добрался до своей штаб-квартиры к западу от Эль-Аламейна, сражение, начатое Монтгомери в 21. 40 23 октября, было уже проиграно. У 8-й армии оказалось слишком много орудий, танков и самолетов, и хотя итало-немецкие войска еще удерживали фронт, а Роммель предпринимал отчаянные усилия по переброске своих потрепанных дивизий, чтобы отбивать атаки англичан на различных участках и даже кое-где предпринимать контратаки, он понимал, что положение безнадежное. У него не было ни людских резервов, ни танков, ни запасов топлива. Английская авиация впервые полностью господствовала в воздухе и безжалостно молотила его войска, танковые части и остававшиеся склады снабжения.

2 ноября пехота и бронетанковые части 8-й армии прорвали фронт на южном участке и начали громить там итальянские дивизии. В тот вечер Роммель радировал в ставку Гитлера, расположенную за две тысячи миль в Восточной Пруссии, что он не в состоянии более держаться и намерен отойти, пока еще есть такая возможность, на рубеж Фука, что проходит в 40 милях к западу.

Он уже начал отход, когда на следующий день по радио поступила длинная депеша от верховного правителя:

Фельдмаршалу Роммелю

Я и немецкий народ внимательно следим за героическими оборонительными боями в Египте, с верой уповая на силу вашего руководства и храбрость германо-итальянских войск под вашим

командованием. В той ситуации, в какой вы теперь находитесь, не может быть иного выхода, кроме как твердо удерживать занятые рубежи, не отступать ни на шаг, бросать в бой каждое орудие, каждого солдата... Вы не можете показать своим войскам иного пути, кроме того, который ведет к победе либо к смерти.

Адольф Гитлер

Этот идиотский приказ означал, что итало-германские армии обречены на быстрое уничтожение, и Роммель впервые, по мнению Байерлейна, не знал, что делать. После короткой борьбы со своей совестью он решил вопреки протестам со стороны генерала Риттера фон Тома, фактического командира Африканского корпуса, который заявил, что будет отступать в любом случае {На следующий день, 4 ноября, заявив Байерлейну: "Приказ Гитлера является беспримерным случаем безумия. Я не могу больше терпеть это", генерал фон Тома надел чистую форму со знаками различия и орденами и встал возле горящего танка. Он сдался подошедшему английскому подразделению и вечером ужинал с Монтгомери в его штабной столовой. — Прим. авт. }, подчиниться приказу верховного главнокомандующего. "Я в конце концов заставил себя принять такое решение, — писал Роммель в своем дневнике, — так как сам всегда требовал беспрекословного повиновения от своих солдат..." Позднее, как явствует из записей в его дневнике, он начал прозревать.

Роммель с неохотой отдал приказ приостановить отход и одновременно направил курьера самолетом к Гитлеру, чтобы попытаться объяснить тому, что, если не будет дано разрешение немедленно отойти, все будет потеряно. Однако последовавшие события сделали поездку курьера уже ненужной. Вечером 4 ноября, рискуя быть осужденным военным трибуналом за неповиновение, Роммель принял решение спасти остатки своих войск и отойти на рубеж Фука. Только остатки танковых и моторизованных частей могли оторваться от противника. Пехотинцы, в основном итальянцы, остались, чтобы сдаться в плен, что фактически основная масса пехоты уже и сделала {Потери Роммеля у Эль-Аламейна составили 59 тысяч убитых, раненых или попавших в плен, из них 34 тысячи были немцы. — Прим. авт. }. 5 ноября поступило короткое сообщение от фюрера: "Согласен на отвод вашей армии на позиции Фука". Однако позиция эта оказалась занята танками Монтгомери. За 15 дней Роммелю пришлось отступить на 700 миль за Бенгази с остатками своей африканской армии (около 25 тысяч итальянцев, 10 тысяч немцев и 60 танков), и даже там не было возможности прекратить отступление.

Для Адольфа Гитлера это явилось началом конца, а для его

противников решающим сражением, пока что выигранным ими в войне, хотя более решающее сражение должно было вот-вот начаться в заснеженных степях Южной России. Однако еще до его начала фюреру предстояло получить новые скверные известия из Северной Африки, которые предопределили крах держав оси в той части мира.

Уже 3 ноября, когда поступили первые вести о разгроме армии Роммеля, в ставке фюрера было получено сообщение о том, что в районе Гибралтара наблюдается концентрация кораблей союзников. Никто в ОКВ не смог разгадать, что бы это значило. Гитлер был склонен считать, что очередной конвой готовится следовать к Мальте. Это довольно любопытное соображение, поскольку всего две недели назад, а именно 15 октября, руководящий состав штаба ОКВ обсуждал различные сообщения о нависшей угрозе англосаксонской высадки в Западной Африке. Разведывательная информация, вероятно, поступила из Рима, ведь неделей ранее, 9 октября, Чиано после разговора с начальником военной разведки записал в своем дневнике, что "англосаксонцы готовятся к высадке крупными силами в Северной Африке". Известие это вызвало у Чиано подавленное настроение; он предвидел, и правильно, как оказалось, предвидел, что это неизбежно приведет к высадке союзников в Италии.

Гитлер, поглощенный своими неудачными попытками подавить дьявольское сопротивление русских, не воспринял всерьез эти разведывательные данные. На совещании ОКВ 15 октября Йодль предложил разрешить вишистской Франции направить подкрепления в Северную Африку, чтобы французы могли отразить любые попытки англо-американцев высадиться там. Фюрер, как явствует из журнала боевых действий ОКВ, отклонил это предложение, так как оно могло вызвать раздражение у итальянцев, ревниво воспринимавших любые действия, направленные на усиление Франции. До 3 ноября в ставке верховного главнокомандующего, казалось, забыли об этой проблеме. Но и в тот день, когда немецкие агенты с испанской стороны Гибралтара сообщали, что наблюдают огромное сосредоточение англоамериканского флота, Гитлер, которого занимало тяжелое положение Роммеля у Эль-Аламейна, посчитал его просто очередным конвоем, предназначенным для Мальты.

5 ноября в ОКВ поступила информация, что английская военноморская оперативная группа вышла из Гибралтара в восточном направлении. И только утром 7 ноября, то есть за 12 часов до начала высадки англо-американских войск в Северной Африке, Гитлер принялся размышлять над последними разведывательными донесениями, поступившими из района Гибралтара. В позднейших сообщениях,

полученных в ставке в Восточной Пруссии, говорилось, что английские военно-морские силы в Гибралтаре и огромный флот из транспортов и боевых кораблей, подошедший со стороны Атлантики, соединились и устремились на восток по Средиземному морю. Офицеры штаба долго обсуждали это с фюрером. Что бы это значило? Какие цели преследовала столь крупная военно-морская группа? Теперь Гитлер склонен был считать, что западные союзники, вероятно, попытаются высадить крупный десант в составе четырех или пяти дивизий в Триполи или Бенгази с целью захватить Роммеля с тыла. Адмирал Кранке, офицер связи флота в ОКВ, заявил, что на судах союзников не более двух дивизий. Но если и так, что-то же нужно делать. Гитлер распорядился немедленно усилить части люфтваффе на Средиземном море, но ему ответили, что это в данный момент невозможно. Судя по журналу ОКВ, Гитлер в то утро сделал одно — известил Рундштедта, главнокомандующего войсками на Западе, чтобы тот приготовился к осуществлению операции "Антон" (кодовое наименование операции по оккупации остальной части Франции).

Затем, 7 ноября, верховный главнокомандующий, не обращая внимания ни на это зловещее известие, ни на положение Роммеля, который оказался бы в западне, если бы англичане и американцы высадились у него в тылу, игнорируя предупреждения разведки о нависшей угрозе русского контрнаступления в тылу 6-й армии в Сталинграде, сел после завтрака в поезд и выехал в Мюнхен, где на следующий вечер должен был произнести традиционную речь перед своими старыми товарищами по партии, которые ежегодно собирались отметить годовщину "пивного путча" {Потери Роммеля у Эль-Аламейна составили 59 тысяч убитых, раненых или попавших в плен, из них 34 тысячи были немцы. — Прим. авт. }.

Как заметил Гальдер, в критический момент войны в фюрере политик взял верх над солдатом. В штабе верховного главнокомандования старшим остался полковник Тройш фон Буттлар-Бранденфельс. Генералы Кейтель и Йодль, старшие офицеры ОКВ, отправились вместе с фюрером на торжество. Видится что-то роковое и безумное в этих поездках верховного правителя, который настойчиво стремился руководить войной на уровне дивизиона, полка и даже батальона на разбросанных на тысячи миль фронтах, в поездках, лишенных смысла с точки зрения политики, в момент, когда дом начинал разваливаться. Происходили глубокие изменения и в отдельно взятом человеке, как это случилось с Герингом, который, несмотря на то, что его некогда всемогущие люфтваффе неуклонно теряли боеспособность, испытывал все более сильное влечение к драгоценностям и игрушечным поездкам, почти не оставляя времени для решения проблем

угрожающе затягивавшейся и принимающей все более ожесточенный характер войны.

Англо-американские войска под командованием генерала Эйзенхауэра высадились на побережье Марокко и Алжира в 1 час 30 минут 8 ноября 1942 года, а в 5. 30 Риббентроп позвонил из Мюнхена в Рим Чиано, чтобы сообщить эту новость.

Юн нервничал, — писал Чиано в дневнике, — и хотел знать, что мы собираемся предпринять. Должен признаться, что я был застигнут врасплох и еще не совсем проснулся, чтобы дать более или менее вразумительный ответ".

Итальянский министр иностранных дел узнал от сотрудников немецкого посольства, что там "пришли буквально в ужас от этого удара".

Специальный поезд Гитлера прибыл из Восточной Пруссии в Мюнхен в 3. 40 пополудни. Первые сообщения, полученные фюрером о высадке союзников в Северной Африке, тревоги не вселяли. Повсюду французы оказывали упорное сопротивление, докладывали фюреру, а в Алжире и Ороне попытки высадить десанты вообще были отбиты. Друг Германии в Алжире адмирал Дарлан с одобрения режима Виши занимался налаживанием обороны. Первая реакция Гитлера на известия была противоречивой. Он приказал немедленно усилить гарнизон на острове Крит, находившийся вне нового театра военных действий, объяснив, что шаг этот столь же важен, как и направление подкреплений в Африку. Он дал указание гестапо доставить генералов Вейгана и Жиро в Виши и держать их там под надзором {В этот момент генерал Жиро находился на пути в Алжир. Он сбежал из немецкого лагеря для военнопленных и проживал на юге Франции, откуда его 5 ноября вывезли на английской подводной лодке и доставили в Гибралтар для переговоров с Эйзенхауэром перед высадкой союзников в Северной Африке. — Прим. авт. }. Фельдмаршалу фон Рундштедту он приказал приступить к осуществлению операции "Антон", но не переходить демаркационную линию, пока он не получит дальнейших указаний. Затем Гитлер обратился с просьбой к Чиано {В этот момент генерал Жиро находился на пути в Алжир. Он сбежал из немецкого лагеря для военнопленных и проживал на юге Франции, откуда его 5 ноября вывезли на английской подводной лодке и доставили в Гибралтар для переговоров с Эйзенхауэром перед высадкой союзников в Северной Африке. — Прим. авт. } и Пьеру Лавалю, к тому времени премьеру вишистской Франции, на следующий день прибыть на встречу с ним в Мюнхен.

Около суток Гитлер носился с идеей попытаться заключить альянс с

Францией с целью втянуть ее в войну против Англии и Америки, а в данный момент поддержать правительство Петена в его решении оказать сопротивление союзникам, высадившимся в Северной Африке. Его, вероятно, ободрило, что утром 8 ноября правительство Петена разорвало дипломатические отношения с Соединенными Штатами и что престарелый французский маршал заявил американскому поверенному в делах: его вооруженные силы окажут сопротивление англо-американским силам вторжения. Из записей в боевом журнале ОКБ за тот воскресный день видно, что Гитлер был занят разработкой "далеко идущего сотрудничества с французами". Вечером немецкий представитель в Виши Круг фон Нидда передал Петену предложение заключить более тесный альянс между Германией и Францией.

Но уже на следующий день после своей речи перед ветеранами партии, в которой он утверждал, что Сталинград "твердо удерживается в немецких руках", фюрер переменил свое мнение. Он заявил Чиано, что не питает никаких иллюзий относительно намерения французов сражаться и решил осуществить "полную оккупацию Франции, высадиться на Корсике, чтобы использовать ее как плацдарм для прыжка в Тунис". Об этом решении, но не о времени претворения его в жизнь, было сообщено Лавалю, когда он 10 ноября прибыл в Мюнхен на автомобиле. Вероломный Лаваль тут же обещал уговорить Петена пойти навстречу пожеланиям фюрера, однако посоветовал немцам начать осуществление намеченного, не ожидая одобрения со стороны престарелого маршала, что Гитлер и намеревался сделать. Чиано оставил описание премьера Виши, который был после войны казнен за измену:

"Одетый в костюм зажиточного французского крестьянина, при белом галстуке, Лаваль явно не вписывался в обстановку, царившую в огромном салоне, заполненном высокопоставленными военными. Он пытался в привычном тоне рассказать о долгом сне в автомобиле по дороге сюда, но его слова не заинтересовали никого из присутствовавших. Гитлер обращался к нему с холодной учтивостью...

Этот жалкий человек не мог даже представить, что немцы собираются поставить его перед свершившимся фактом. Лавалю ни словом не намекнули о предпринимаемой акции — в то время как он курил сигарету и разговаривал с разными людьми, в соседней комнате отдавались приказы об оккупации Франции. Фон Риббентроп сказал мне, что Лавалю только в 8. 00 утра сообщат, что, получив ночью соответствующую информацию, Гитлер был вынужден прибегнуть к полной оккупации страны".

Приказ о захвате неоккупированной части Франции в нарушение

соглашения о перемирии был отдан Гитлером в 8. 30 утра 10 ноября и проведен в жизнь к утру следующего дня без каких-либо инцидентов, не считая протеста Петена. Итальянцы оккупировали Корсику, а немецкие самолеты начали в срочном порядке перебрасывать по воздуху войска, чтобы занять Тунис до того, как туда придут войска Эйзенхауэра.

Был еще один типичный для Гитлера трюк, рассчитанный на обман французов. 13 ноября фюрер заверил Петена, что ни немцы, ни итальянцы не собираются оккупировать военно-морскую базу в Тулоне, где со времени заключения перемирия стоял на приколе французский флот.

В дневнике боевых действий ОКБ имеется запись за 25 ноября, что Гитлер принял решение немедленно осуществить операцию "Лиля" {Следует отметить, у Гитлера имелись серьезные подозрения, что французский флот может попытаться уплыть в Алжир и там присоединиться к западным союзникам. Несмотря на свое сотрудничество с немцами и ненависть к англичанам, адмирал Дарлан, прибывший в Алжир навестить больного сына, встретился с Эйзенхауэром, который старался привлечь на свою сторону французского командующего в Северной Африке, потому что тот был единственным офицером, способным не только дать приказ французской армии и флоту прекратить противодействие высаживающимся союзникам, но и дать приказ, как надеялись союзники, адмиралу в Тунисе оказать сопротивление высаживающимся там немцам и убедить французский флот в Тулоне уйти к берегам Северной Африки. Однако надежды союзников не оправдались, хотя Дарлан и предпринял попытки в указанном направлении. На распоряжение Дарлана перебросить флот из Тулона в Северную Африку адмирал де Лаборде ответил одним выразительным, хотя и не совсем деликатным словом: "Дерьмо". — Прим. авт. } (кодовое наименование операции по оккупации Тулона и захвату французского флота). Утром 27 ноября немецкие войска атаковали военно-морскую базу, однако французские моряки удерживали оборону до тех пор, пока экипажи по приказу адмирала де Лаборде не потопили свои корабли. Таким образом, державы оси лишились французских боевых кораблей, в которых они остро нуждались на Средиземном море, но вместе с тем их не получили и союзники, для которых они явились бы исключительно важным подкреплением.

Гитлер выиграл гонку, захватив Тунис до появления там войск Эйзенхауэра. Однако это была сомнительная победа. По настоянию фюрера, чтобы удержать этот плацдарм, сюда пришлось перебросить почти четверть миллиона немецких и итальянских солдат. Если бы несколько месяцев назад фюрер направил Роммелю пятую часть тех войск и танков,

что пришлось направить сюда теперь, то Лиса Пустынь наверняка уже находился бы за Нилом, англо-американские десанты не высадились бы в Северной Африке, а Средиземное море было бы безвозвратно потеряно для союзников, что обеспечило бы безопасность "мягкого подбрюшья" для держав оси. В конечном счете каждый солдат, танк и орудие, переброшенные Гитлером в Тунис в ту зиму, а также остатки Африканского корпуса оказались потеряны к концу весны, а еще больше немецких войск, чем под Сталинградом, было отконвоировано в лагеря для военнопленных {Согласно утверждениям Эйзенхауэра, из общего числа 240 тысяч около 125 тысяч военнопленных составляли немцы, остальные были итальянцами. В это число входят только те, кто сдался в последнюю неделю кампании — с 5 по 12 мая 1943 года (Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. М., 1980, с. 199).

По более поздним данным известного английского историка А. Тейлора, число итальянских и немецких военнопленных составило около 130 тысяч человек. — Прим. авт. и тит. ред. }.

Катастрофа под Сталинградом

Гитлер и наиболее видные генералы из ОКБ с удовольствием коротали время в окружении Альпийских гор возле Берхтесгадена, когда до них дошли первые известия о контрнаступлении русских на Дону, которое началось ранним вьюжным утром 19 ноября. Хотя советское наступление в этом районе и ожидалось, однако в ОКБ не верили, что оно примет такой размах, Гитлеру и его главным военным советникам — Кейтелю и Йодлю придется спешно возвращаться в ставку в Восточной Пруссии.

Спокойствие и тишину, которыми они наслаждались, внезапно нарушил телефонный звонок генерала Цейтцлера, нового начальника генерального штаба сухопутных войск, который оставался в Растенбурге. Он сообщил "тревожные известия", как было записано в журнале боевых действий ОКБ. В первые же часы наступления превосходящие бронетанковые силы русских прорвали фронт на участке румынской 3-й армии между Серафимовичами и Клетской, к северо-западу от Сталинграда. К югу от осажденного города другая мощная группировка советских войск завязала решительный бой против немецкой 4-й танковой армии и румынской 4-й армии, угрожая прорвать фронт.

Достаточно было взглянуть на карту, и задача, которую преследовали русские, становилась ясна каждому. Тем более была ясна она Цейтцлеру, который по данным армейской разведки знал, что противник сосредоточил там тринадцать армий и тысячи танков. Русские наступали крупными силами с севера и с юга с очевидной целью отрезать Сталинград и

вынудить немецкую 6-ю армию поспешно отступить на запад, дабы не оказаться в окружении. Позднее Цейтцлер утверждал: как только он понял, что там назревает, он стал уговаривать Гитлера, чтобы он разрешил 6-й армии уйти из Сталинграда к излучине Дона, где можно было занять прочную оборону. Но даже предложение вызвало у Гитлера приступ раздражения. "Я не оставлю Волгу! Я не отойду от Волги!" - кричал фюрер. Это решение, принятое им в приступе ярости, быстро привело к катастрофе. Фюрер приказал 6-й армии твердо стоять в Сталинграде.

Гитлер и сопровождавшие его офицеры штаба вернулись в ставку 22 ноября. Шел уже четвертый день наступления, и известия поступали катастрофические. Два мощных клина советских войск, наступавших с севера и с юга, встретились у Калача, расположенного у излучины Дона, в 40 милях западнее Сталинграда. Вечером по радио поступило донесение от генерала Паулюса, командующего 6-й армией, который подтвердил, что его войска находятся в окружении. В ответ Гитлер приказал Паулюсу перенести свой штаб в город и организовать круговую оборону. Он обещал снабжать 6-ю армию по воздуху, пока ее не деблокируют.

Но это были пустые обещания. У Сталинграда были окружены двадцать немецких и две румынские дивизии. Паулюс радировал, что им потребуется ежедневно доставлять по воздуху как минимум 750 тонн грузов. Это превышало возможности люфтваффе, у которых не набралось бы требуемого числа транспортных самолетов. Но даже если бы они и имелись, далеко не все смогли бы долететь до Сталинграда в условиях метелей и господства в небе русских истребителей. Тем не менее Геринг заверил Гитлера, что военно-воздушные силы обеспечат снабжение окруженных войск по воздуху.

Более реальной представлялась перспектива деблокировать 6-ю армию. 25 ноября Гитлер отозвал с Ленинградского фронта фельдмаршала фон Манштейна, одного из наиболее одаренных командующих, и поставил его во главе вновь сформированной группы армий "Дон" с задачей, наступая с юго-запада, деблокировать 6-ю армию у Сталинграда.

Однако фюрер навязал командующему группой армий "Дон" невыносимые условия. Манштейн пытался объяснить ему, что единственный шанс добиться успеха заключается в том, чтобы 6-я армия предприняла наступление из района Сталинграда в западном направлении, а он, Манштейн, одновременно предпримет мощное наступление навстречу Паулюсу, чтобы таким образом прорвать русское кольцо окружения. Но Гитлер опять не разрешил отход от Волги. По его мнению, 6-я армия должна была оставаться в Сталинграде, а Манштейну предстояло

пробиваться туда.

Манштейн пытался убедить верховного правителя, что это просто невозможно, что русские здесь слишком сильны. Тем не менее 12 декабря с тяжелым сердцем он начал наступление, которое было названо операцией "Зимняя гроза", ибо казалось, все свое неистовство проявила русская зима в этих степях, наметая снежные сугробы и обжигая трескучим морозом. Вначале наступление войск Манштейна протекало довольно успешно; 4-я танковая армия под командованием генерала Гота, продвигаясь на северо-восток по обе стороны железной дороги от Котельниково {Ныне Котельниковский. — Прим. ред. }, преодолела почти 75 миль. К 19 декабря главные части наступавших войск находились примерно в 40 милях от города; к 21 декабря они приблизились на расстояние 30 миль, и осажденные войска 6-й армии по ночам могли видеть через заснеженные степи сигнальные вспышки приближавшихся спасителей.

В этот момент, согласно показаниям немецких генералов, данным после войны, прорыв из Сталинграда 6-й армии навстречу 4-й танковой армии наверняка увенчался бы успехом. Однако Гитлер опять запретил оставлять Сталинград. 21 декабря Цейтцлер вырвал у фюрера разрешение на прорыв войск 6-й армии из окружения при условии, что они удержат за собой Сталинград. Эта глупость, по отзывам начальников генерального штаба, чуть не свела его с ума. "На следующий вечер, — рассказывал позднее Цейтцлер, — я упрашивал Гитлера санкционировать прорыв. Я указывал, что это последний шанс на спасение для 200-тысячной армии Паулюса".

"Гитлер не уступал. Напрасно я описывал ему ужасные условия внутри так называемой крепости: отчаяние умирающих с голоду солдат, потеря веры в верховное командование; раненые умирают из-за отсутствия необходимой медицинской помощи, в то время как тысячи замерзают. Он оставался глух к моим доводам такого рода, как и другим выдвигаемым мной доводам".

Соппротивление, оказываемое русскими, все усиливалось, и генералу Готу не хватило сил и средств, чтобы преодолеть последние 30 миль до Сталинграда. Генерал Гот считал, что, если бы 6-я армия вырвалась из Сталинграда, он бы смог соединиться с ней и затем вместе отойти к Котельниково. Это, по его мнению, спасло бы не менее 200 тысяч солдат {В своих мемуарах, написанных после войны, Манштейн говорит, что 19 декабря в нарушение приказов Гитлера он дал указание 6-й армии начать прорыв из Сталинграда в юго-западном направлении, чтобы соединиться с 4-й танковой армией. Он приводит в мемуарах текст своей директивы.

Однако в ней имеются определенные оговорки, и Паулюс, все еще выполнявший приказ Гитлера, который запрещал оставлять город, вероятно, был совершенно сбит этой директивой с толку. "Это был единственный шанс спасти 6-ю армию", — говорит Манштейн (Манштейн Э. Утраченные победы, с. 336–341, 562–563). — Прим. авт. }. Вероятно, в течение одного или двух дней между 21 и 23 декабря это можно было сделать, но позднее это стало невозможно, ибо Красная Армия неожиданно для Гота нанесла удар дальше на север и создала угрозу левому флангу всей группы армий "Дон" Манштейна. Вечером 22 декабря Манштейн позвонил Готу и приказал приготовиться к коренным переменам в самое ближайшее время. На следующее утро пришел приказ: прекратить наступление на Сталинград, направить одну из трех танковых дивизий на северный фланг Донского фронта, а оставшимся войскам обороняться там, где они находятся.

Попытка деблокировать окруженную в Сталинграде 6-ю армию потерпела неудачу. Новые неожиданные приказы Манштейна явились результатом тревожных событий, о которых ему стало известно 17 декабря. Утром того дня Красная Армия прорвала фронт на участке итальянской 8-й армии выше по течению Дона, у Богучара, и к вечеру углубилась в прорыв на 27 миль. За три дня прорыв по фронту расширился до 90 миль, итальянцы в панике бежали, а румынская, 3-я армия, которая была основательно потрепана еще 19 ноября, в первый день советского наступления, просто разваливалась. Неудивительно поэтому, что Манштейну пришлось забрать часть танковых сил у Гота, чтобы хоть как-то заткнуть образовавшуюся брешь. Началась цепная реакция.

Отступили не только армии на Дону, но и войска Гота, подошедшие было близко к Сталинграду. Это, в свою очередь, поставило в трудное положение немецкую армию на Кавказе, над которой нависла угроза оказаться отрезанной, если русские выйдут к Ростову у Азовского моря. Через день или два после рождества Цейтцлер доложил Гитлеру: "Если вы не отдадите приказ на отход с Кавказа теперь, то очень скоро мы будем иметь второй Сталинград". С большой неохотой 29 декабря верховный главнокомандующий отдал необходимые распоряжения группе армий "А" под командованием Клейста, состоявшей из 1-й танковой и 17-й армий, группе, которая так и не сумела овладеть богатыми нефтеносными полями в районе Грозного. Ей тоже пришлось отступить, хотя совсем недавно ее конечная цель находилась в пределах видимости.

Отступление немцев в России и итало-немецких армий в Северной Африке навели Муссолини на размышления. Гитлер пригласил его

приехать в Зальцбург на переговоры где-нибудь в середине декабря, и недомогавший дуче, находившийся на строгой диете из-за болезни желудка, принял приглашение, хотя, как он говорил Чиано, поставил условие: он будет питаться без посторонних, "так как не желает, чтобы множество прожорливых немцев видели, что он вынужден сидеть на одном рисе с молоком".

Подошло время, по мнению Муссолини, сказать Гитлеру, что пора поискать выход из переделки на Востоке, пойти на переговоры со Сталиным и сосредоточить усилия держав оси на обороне остальной части Северной Африки, Балкан и Западной Европы. "1943 год будет годом англо-американских усилий", — говорил он Чиано. Гитлер был настолько занят делами на Востоке, что не мог покинуть свою ставку, чтобы встретиться с Муссолини, так что пришлось Чиано по поручению Муссолини совершить 18 декабря долгое путешествие в Растенбург, чтобы изложить нацистскому лидеру предложение дуче. Гитлер выслушал эти предложения с презрением и заверил итальянского министра иностранных дел, что без какого бы то ни было ослабления русского фронта может направить дополнительные силы в Северную Африку, которую, как он заявил, необходимо удержать. Чиано нашел, что моральное состояние немцев в ставке весьма подавленное, несмотря на уверения Гитлера: "Атмосфера тяжелая. К скверным известиям, поступающим с фронтов, пожалуй, следует добавить уныние сырого леса и скуку совместного проживания в казармах... никто не пытается скрыть от меня своего глубокого разочарования известием о прорыве на русском фронте. Были прямые попытки свалить за это вину на нас".

В это самое время остатки итальянской 8-й армии, уцелевшие на Дону, спасались бегством, и когда один из сопровождавших Чиано чиновников спросил у офицера ОКВ, тяжелые ли потери понесли итальянцы, ему ответили: "Никаких потерь нет: они просто бегут".

Немецкие войска на Кавказе и на Дону, если и не бежали, то поспешно отходили, чтобы не оказаться отрезанными. С начала 1943 года они отходили все дальше от Сталинграда. Теперь для русских наступило время окончательно разделаться с немцами. Но прежде они предоставили обреченным солдатам 6-й армии возможность спасти свои жизни.

Утром 8 января 1943 года три молодых офицера Красной Армии, следуя под белым флагом, пересекли передний край немецкой обороны на северной окраине Сталинграда и предъявили генералу Паулюсу ультиматум генерала Рокоссовского, командующего Донским фронтом. После напоминания, что 6-я армия отрезана и уже не может быть деблокирована,

что ее снабжение по воздуху невозможно, в ультиматуме далее говорилось:

"Положение ваших войск отчаянное. Они страдают от голода, болезней и холода. Суровая русская зима только началась. Жестокие морозы, холодные ветры и метели — все еще впереди. Ваши солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в ужасающих антисанитарных условиях... Ваше положение безнадежно, и любое дальнейшее сопротивление бессмысленно.

Ввиду этого и для того, чтобы избежать лишнего кровопролития, мы предлагаем вам следующие условия сдачи в плен... "

Это были почетные условия. Всем пленным гарантировалось "нормальное питание", сохранение знаков различия, наград и личных вещей, раненым, больным и обмороженным — оказание медицинской помощи. Паулюсу давалось 24 часа на размышление.

Паулюс немедленно передал по радио Гитлеру текст ультиматума и просил предоставить ему свободу действий. Верховный правитель тут же отклонил его просьбу. По истечении 24-часового срока ультиматума, утром 10 января, русские приступили к последней фазе Сталинградского сражения, открыв артиллерийский огонь из пяти тысяч орудий.

Сражение было ожесточенное и кровопролитное. Обе стороны дрались с невероятной храбростью и отчаянием на руинах полностью разрушенного города, но это длилось не долго. В течение шести дней размеры котла уменьшились наполовину и достигли в самом широком месте пятнадцати миль в длину и девяти миль в глубину. К 24 января окруженная группировка была разрезана на две части, а последний небольшой аэродром потерян. Самолеты, доставлявшие продовольствие и медикаменты для больных и раненых и эвакуировавшие 29 тысяч тяжелораненых, больше не приземлялись.

Русские еще раз предложили своему мужественному противнику сдаться. 24 января на немецкие позиции прибыли представители советского командования с новыми предложениями. Колеблясь между чувством долга, требовавшим повиноваться безумному фюреру, и стремлением спасти своих солдат от неизбежного уничтожения, Паулюс снова обратился к Гитлеру.

"Войска без боеприпасов и без продуктов, — радировал он 24 января. — Более нет возможности эффективно управлять войсками... 18 тысяч раненых без какой-либо медицинской помощи, без бинтов, без лекарств. Катастрофа неизбежна. Армия просит разрешения немедленно сдаться, чтобы спасти оставшихся в живых".

Ответ Гитлера сохранился:

"Сдаваться в плен запрещаяю. 6-я армия будет удерживать свои позиции до последнего человека и до последнего патрона и своей героической стойкостью внесет незабываемый вклад в стабилизацию обороны и спасения Западного мира".

Спасение Западного мира! Это была горькая пилюля для солдат 6-й армии, которые совсем недавно сражались против того самого мира во Франции и Фландрии.

Дальнейшее сопротивление было не только бессмысленно, но и невозможно, и по мере того как январь 1943 года подходил к концу, героизм сражавшихся выдыхался, угасал, подобно догорающей свече. К 28 января остатки того, что когда-то представляло собой огромную армию, были расчленены на три части — небольшие котлы, причем в южном котле, в подвале разрушенного универмага, находился штаб генерала Паулюса. Как утверждает очевидец, командующий армией сидел на своей походной кровати в темном углу в состоянии, близком к коллапсу.

Ни он, ни его солдаты не могли должным образом оценить поток хлынувших в их адрес поздравительных радиogramм. Геринг, коротавший большую часть зимы в солнечной Италии, расхаживая с напыщенным видом в огромной меховой дохе и сверкая кольцами с бриллиантами, тоже послал 28 января поздравительную радиogramму.

"Сражение, которое дала 6-я армия, войдет в историю, и грядущие поколения будут говорить о нем с гордостью как о примере высокого мужества, упорства, храбрости и самопожертвования". Не доставило им радости и напыщенное выступление по радио рейхсмаршала вечером 30 января 1943 года по случаю 10-й годовщины прихода нацистов к власти:

"Тысячу лет теперь немцы будут говорить об этом сражении с глубоким почтением и благоговением и, несмотря ни на что, будут помнить, что именно там была предопределена конечная победа. ... В грядущие годы будут говорить об этом героическом сражении на Волге: когда придете в Германию, скажите, что видели нас, polegших у Сталинграда, как того требовали наша честь и наши вожди, во славу великой Германии... "

Слава и ужасная агония 6-й армии близились к концу. 30 января Паулюс радировал Гитлеру: "Окончательное поражение невозможно оттянуть более чем на двадцать четыре часа".

Этот сигнал подстегнул верховного главнокомандующего провести целую серию присвоений внеочередных званий обреченным в Сталинграде офицерам, очевидно, в надежде, что такие почести усилят их решимость умереть со славой в этой кровавой мясорубке. "В военной истории не

зафиксировано ни одного случая пленения немецкого фельдмаршала, — заметил Гитлер Йодлю и после этого сообщил по радио о даровании Паулюсу желанного маршальского жезла. 117 других офицеров были повышены в звании. Этот жест произвел довольно жуткое впечатление.

Вечером в последний день января Паулюс отправил последнее донесение в ставку Гитлера:

"6-я армия, верная своей клятве и осознавая огромную важность своей миссии, держалась на занятых позициях до последнего солдата и последнего патрона во славу фюрера и отечества".

В 7. 45 вечера радист штаба 6-й армии направил последнюю радиogramму от своего имени: "Русские в дверях нашего бункера. Мы уничтожаем оборудование". И добавил буквы "CL" — международный радиошифр, означающий: "Станция больше работать не будет".

У штаба армии не было последнего боя. Паулюс и его штаб не держались до последнего солдата. Группа русских солдат во главе с младшим офицером оказалась в темном подвале, где размещался командующий. Русские потребовали сдачи в плен, и начальник штаба 6-й армии генерал Шмидт подчинился их требованиям. Подавленный Паулюс сидел на своей походной кровати. Шмидт обратился к нему: "Господин фельдмаршал, есть еще что-нибудь, о чем нужно сказать?"

Расстроенный Паулюс не отреагировал.

На севере, на развалинах тракторного завода, небольшая группа из остатков двух танковых и четырех пехотных дивизий все еще оказывала сопротивление. Вечером 1 февраля там получили радиogramму из ставки Гитлера:

"Немецкий народ ожидает, что вы выполните свой долг точно так же, как выполнили его солдаты, удерживавшие южную крепость. Каждый день и каждый час длящегося сражения содействует созданию нового фронта".

Незадолго до полудня 2 февраля и эта группа капитулировала, направив перед тем последнюю радиogramму верховному главнокомандующему: "... Сражались до последнего солдата против превосходящих сил противника. Да здравствует Германия! "

Наконец над покрытым снегом, обильно политым кровью полем сражения нависла тишина. 2 февраля, в 2 часа 46 минут, высоко над городом пролетел немецкий разведывательный самолет и по радио доложил в свой штаб: "Никаких признаков боев в Сталинграде".

К тому времени 91 тысяча немецких солдат, в том числе 24 генерала, изможденные, обмороженные, а многие из них раненные, потрясенные и надломленные, плелись при 24-градусном морозе по льду и снегу,

укутавшись в солдатские, пропитанные кровью одеяла, в унылые лагеря для военнопленных. За исключением 20 тысяч румын и 29 тысяч раненых, которых эвакуировали по воздуху, это было все, что осталось от армии завоевателей, которая еще два месяца назад насчитывала 285 тысяч человек. Остальные были убиты в ходе военных действий. А из 91 тысячи немцев, которые зашагали в плен в тот зимний день, только 5 тысячам суждено было вновь увидеть свой фатерланд {Согласно данным, опубликованным боннским правительством в 1958 году. Многие из пленных умерли от эпидемии тифа, начавшейся весной. — Прим. авт. }.

А в хорошо протопленных помещениях ставки в Восточной Пруссии нацистский правитель, упрямство и глупость которого привели к этой катастрофе, поносил своих генералов, воевавших у Сталинграда, за то, что они не знали, как и когда умирать. Протокольные записи совещания, которое Гитлер провел в ОКБ 1 февраля, проливают свет на поведение немецкого диктатора в этот критический период в его жизни, в жизни армии и страны.

"Они сдались там по всем правилам. Можно было бы поступить иначе: сплотиться, образовать круговую оборону, оставив последний патрон для себя... Если отказывают нервы... не остается ничего другого, как застрелиться... можно было бы сказать: человек вынужден застрелиться, подобно тому как (раньше полководцы) бросались на меч, если они видели, что сражение проиграно... Даже Варе приказал своему рабу: теперь убей меня".

Злоба Гитлера к Паулюсу за то, что тот решил остаться в живых, становилась все ядовитее по мере того, как он продолжал рассуждать:

"Представьте себе: он прибудет в Москву, и вообразите себе эту "крысоловку"! Там он подпишет все. Он будет делать признания и составит воззвания. Вот увидите: теперь они пойдут по пути бесхарактерности до предела, докатятся до глубочайшего падения... Он в ближайшее время выступит по радио, вот увидите. Зейдлиц и Шмидт будет говорить по радио. Они запрут их в крысином подвале на Лубянке, и через два дня они будут настолько измучены, что немедленно заговорят... Как они могли поступить так трусливо? Я не понимаю этого...

Что такое "жизнь"? Жизнь... Отдельная личность должна умереть. Что остается от отдельного человека? Это народ. Но как может человек испытывать страх перед той секундой, когда он может освободиться от земных тягот, если долг не удержит его в юдоли печали.

... Мне это потому так досадно, что из-за одного-единственного слабовольного, бесхарактерного человека перечеркнуто мужество столь

многих солдат и теперь этот человек сделает это...

... В эту войну никто больше не получит звание фельдмаршала. Все это будет сделано только после окончания войны. Не выдав вечера и хвалиться нечего... " {Гитлер предсказал все верно, но ошибся во времени. К июлю следующего лета Паулюс и Зейдлиц, ставшие руководителями так называемого национального комитета "Свободная Германия", действительно обратились по Московскому радио к армии с призывом устранить Гитлера. — Прим. авт. }

Затем последовал краткий обмен мнениями между Гитлером и Цейтцлером относительно того, как преподнести известие о капитуляции немецкому народу. 3 февраля, то есть спустя три дня, ОКВ опубликовало специальное коммюнике:

"Сталинградское сражение завершилось. Верные своей клятве сражаться до последнего вздоха, войска 6-й армии под образцовым командованием фельдмаршала Паулюса были побеждены превосходящими силами противника и неблагоприятными для наших войск обстоятельствами".

Чтению этого коммюнике по немецкому радио предшествовала приглушенная барабанная дробь и вторая часть Пятой симфонии Бетховена. Гитлер объявил четырехдневный национальный траур. На это время были закрыты все кино, театры и варьете.

Вальтер Герлитц, немецкий историк, в своем труде о генеральном штабе писал, что Сталинград "явился второй Йеной и стал безусловно крупнейшим поражением, какое когда-либо терпела немецкая армия". Но Сталинград символизировал и нечто большее. Он, как Эль-Аламейн и англо-американская высадка в Северной Африке, знаменовал собой поворотный пункт во второй мировой войне. Волна нацистской агрессии, захлестнувшая большую часть Европы и докатившаяся до границ Азии и Африки, теперь начала отступать, чтобы никогда не вернуться. Время нацистских молниеносных ударов с тысячами танков и самолетов, наводивших ужас на армии противника и рассеивавших их в прах, миновало. Правда, еще последуют отчаянные удары локального характера — под Харьковом весной 1943 года, в Арденнах на рождество 1944 года, но они явятся частью оборонительной борьбы, которую немцы будут вести с огромным упорством и мужеством. Инициатива ушла из рук Гитлера и никогда к нему не вернется. Теперь ее захватил противник и прочно удерживал в своих руках. И не только на суше, но и в небе. Уже в ночь на 30 мая 1942 года англичане осуществили свой первый налет на Кельн, использовав тысячу самолетов; за ним последовали мощные налеты на

другие города в то столь богатое событиями лето. Впервые немецкое гражданское население, подобно немецким солдатам у Сталинграда и Эль-Аламейна, испытало на себе тот кошмар, который их вооруженные силы несли до сих пор другим народам.

И наконец, в снегах Сталинграда и в знойных песках североафриканской пустыни была повержена в прах великая и ужасная нацистская идея. Оказался обреченным в результате разгрома Паулюса и Роммеля не только третий рейх, но и отвратительный и гротескный "новый порядок", который Гитлер и эсэсовские головорезы пытались установить в завоеванных странах. Прежде чем мы обратимся к заключительной главе — падению третьего рейха, неплохо было бы сделать паузу, чтобы посмотреть, что это был за "новый порядок" — в теории и варварской практике — и чего Европа — этот древний оплот цивилизации — едва избежала, пережив короткий период кошмаров и ужасов. Эта глава необходима в данной книге, поскольку "новый порядок" был предназначен для добропорядочных европейцев, либо переживших его, либо уничтоженных до того, как было покончено с третьим рейхом — этой самой мрачной главой европейской истории.

Книга V. Начало конца

Часть 27. "Новый порядок"

Цельного, последовательно изложенного описания "нового порядка" никогда не существовало, однако из захваченных документов и реальных событий явствует, каким представлял его себе Гитлер.

Это — управляемая нацистами Европа, ресурсы которой поставлены на службу Германии и народы которой порабощены германской расой господ, а "нежелательные элементы", прежде всего евреи, а также большая часть славян на Востоке, особенно их интеллигенция, истреблены.

Евреи и славянские народы представлялись Гитлеру "унтерменшен" человекообразными. Фюрер считал, что они не имеют права на существование, за исключением, пожалуй, некоторых славян, которые могли понадобиться на фермах, полях и в шахтах в качестве рабочего скота. Предполагалось стереть с лица земли {Так, 18 сентября 1941 года Гитлер отдал приказ "стереть с лица земли" Ленинград. После окружения "сровнять город с землей" путем бомбардировок и артобстрелов, а население (три миллиона человек) уничтожить вместе с городом. — Прим. авт. } не только крупнейшие города на Востоке — Москву, Ленинград, Варшаву, но и уничтожить культуру русских, поляков и других славянских народов, полностью закрыть им доступ к образованию. Оборудование процветающих отраслей промышленности подлежало демонтажу и вывозу в Германию. Население должно было заниматься исключительно сельскохозяйственными работами, чтобы производить продовольствие для немцев, а себе оставлять столько, сколько необходимо, чтобы не умереть с голоду. Саму же Европу нацистские главари намеревались "избавить от евреев".

"Меня ни в малейшей степени не интересует, что произойдет с русскими или чехами, — заявил Генрих Гиммлер 4 октября 1943 года в секретном обращении к офицерам СС в Познани. К этому времени Гиммлер, будучи шефом СС и всего полицейского аппарата третьего рейха, уступал по своему положению только Гитлеру, сохранив право распоряжаться не только жизнью и смертью более чем 80 миллионов немцев, но и жизнью и смертью еще большего числа жителей порабощенных стран.

"Все, что другие нации смогут предложить нам в качестве чистой крови, наподобие нашей, — продолжал Гиммлер, — мы примем. При необходимости сделаем это путем похищения их детей и воспитания в

нашей среде. Процвetaют ли нации или погибают голодной смертью, подобно скоту, интересует меня лишь постольку, поскольку мы используем их в качестве рабов для нашей культуры. В противном случае они не представляют для меня интереса. Погибнут от истощения 10 тысяч русских женщин при рытье противотанковых рвов или нет, интересует меня лишь в том смысле, отроют они эти рвы для Германии или нет... "

Нацистские вожди изложили свои идеалы и планы порабощения народов на Востоке задолго до речи Гимmlера, произнесенной в Познани в 1943 году, к которой мы вернемся позднее, поскольку в ней изложены другие аспекты "нового порядка".

К 15 октября 1940 года Гитлер уже решил судьбу чехов — первого завоеванного им народа. Половину чехов предполагалось ассимилировать преимущественно путем переселения в Германию в качестве подневольной рабочей силы. Другая половина, особенно, "интеллектуалы", подлежала "ликвидации", как говорилось в секретном докладе.

За две недели до этого, 2 октября, фюрер разъяснил свои замыслы относительно поляков — второго народа из числа обреченных на порабощение. Его верный секретарь Мартин Борман составил обширную памятную записку о планах нацистов, которые Гитлер изложил Гансу Франку, генерал-губернатору порабощенной Польши и другим лицам из своего окружения.

"Поляки, — подчеркивал фюрер, — от рождения предназначены для черной работы... Не может быть и речи об их национальном развитии. В Польше необходимо поддерживать низкий уровень жизни, не допуская его повышения... Поляки ленивы, поэтому, чтобы заставить их работать, следует прибегать к принуждению... Генерал-губернаторство (польское) следует использовать лишь как источник неквалифицированной рабочей силы... Ежегодно необходимое количество рабочей силы для рейха должно доставляться отсюда".

Что касается польских священников, фюрер предрекал:

"... Они будут проповедовать то, что хотим мы. Если кто-либо из священников начнет поступать по-иному, мы быстро расправимся с ним. Долг священника обеспечить, чтобы поляки проявляли спокойствие, глупость и тупость".

Было еще два класса поляков, судьбу которых предстояло решить, и нацистский диктатор не преминул о них упомянуть.

"Безусловно, следует помнить, что польское дворянство должно исчезнуть, как бы жестоко это ни звучало, его необходимо уничтожить повсеместно...

И для поляков и для немцев существует лишь один господин. Двух господ, стоящих бок о бок, не может и не должно быть. Посему все представители польской интеллигенции подлежат уничтожению. Это звучит жестоко, но таков закон жизни".

Одержимость немцев идеей, что лишь они являются господствующей расой, а славянские народы их рабами, была особенно губительна для России. Эрих Кох, рейхскомиссар Украины, выразил эту мысль в своей речи, произнесенной 5 марта 1943 года в Киеве: "Мы — раса господ и должны управлять жестко, но справедливо... Я выжму из этой страны все до последней капли... Я пришел сюда не ради благотворительности... Местное население должно работать, работать и еще раз работать... Мы пришли сюда отнюдь не для того, чтобы осыпать их манной небесной. Мы пришли сюда, чтобы заложить основы победы.

Мы — раса господ и должны помнить, что последний немецкий труженик в расовом и биологическом отношении представляет в тысячу раз большую ценность, чем местное население".

Примерно за год до этого, 23 июля 1942 года, когда немецкие армии в России подходили к Волге и нефтяным месторождениям Кавказа, Мартин Борман, секретарь гитлеровской партии и правая рука фюрера, направил пространное письмо Розенбергу, изложив в нем взгляды фюрера по этому вопросу. Содержание письма было кратко суммировано чиновником из министерства Розенберга:

"Славяне призваны работать на нас. Когда же мы перестанем в них нуждаться, они могут преспокойно умирать. Поэтому обязательные прививки, немецкая система здравоохранения для них излишни. Размножение славян нежелательно. Они могут пользоваться противозачаточными средствами или делать аборты. Чем больше, тем лучше. Образование опасно. Вполне достаточно, если они смогут считать до 100... Каждый образованный человек — это будущий враг. Мы можем оставить им религию как средство отвлечения. Что касается пищи, то они не должны получать ничего сверх того, что абсолютно необходимо для поддержания жизни. Мы господа. Мы превыше всего".

Когда немецкие войска вступили в Россию, в ряде мест население, испытывавшее на себе террор сталинской тирании, приветствовало их как освободителей. Имело место поначалу и массовое дезертирство советских солдат, особенно в Прибалтике и на Украине. Кое-кто в Берлине считал, что если бы Гитлер вел свою игру похитрее, проявляя внимание к нуждам населения и обещая помощь в освобождении от большевистского правления (предоставляя религиозные и экономические свободы и создавая

кооперативы вместо колхозов), а в будущем самоуправление, то русских можно было бы привлечь на свою сторону. И они не только стали бы сотрудничать с немцами в оккупированных районах, но и могли бы подняться на борьбу против сталинского жестокого правления на неоккупированных территориях. При этом утверждалось, что, если бы все это было сделано, большевистский режим рухнул бы сам по себе, а Красная Армия распалась бы, подобно царским армиям в 1917 году. Но жестокость нацистской оккупации и откровенно провозглашаемые цели германских завоевателей — ограбление русских земель, порабощение населения и колонизация Востока немцами — быстро исключили возможность такого развития событий.

Никто не описал эту катастрофическую политику и, как ее следствие, утраченные возможности лучше, чем д-р Отто Бройтигам, профессиональный дипломат и заместитель начальника политического департамента вновь созданного Розенбергом министерства оккупированных восточных территорий. В пронизанном горечью конфиденциальном докладе своему начальству от 25 октября 1942 года Бройтигам осмелился указать на ошибки нацистов в России:

"Вступив на территорию Советского Союза, мы встретили население, уставшее от большевизма и томительно ожидавшее новых лозунгов, обещавших лучшее будущее для него. И долгом Германии было выдвинуть эти лозунги, но это не было сделано. Население встречало нас с радостью как освободителей и отдавало себя в наше распоряжение".

Фактически такой лозунг был провозглашен, но русские вскоре разуверились в нем.

"Обладая присущим восточным народам инстинктом, простые люди вскоре обнаружили, что для Германии лозунг "Освобождение от большевизма" на деле был лишь предлогом для покорения восточных народов немецкими методами... Рабочие и крестьяне быстро поняли, что Германия не рассматривает их как равноправных партнеров, а считает лишь объектом своих политических и экономических целей... С беспрецедентным высокомерием мы отказались от политического опыта и... обращаемся с народами оккупированных восточных территорий как с белыми "второго сорта", которым провидение отвело роль служения Германии в качестве ее рабов... "

Произошли еще два события, как заявил Бройтигам, которые настроили русских против немцев: варварское обращение с советскими военнопленными и обращение русских мужчин и женщин в рабов.

"Не составляет отныне секрета ни для друзей, ни для врагов, что сотни

тысяч русских военнопленных умерли от голода и холода в наших лагерях... Сейчас сложилось парадоксальное положение, когда мы вынуждены набирать миллионы рабочих рук из оккупированных европейских стран после того, как позволили, чтобы военнопленные умирали от голода словно мухи...

Продолжая обращаться со славянами с безграничной жестокостью, мы применяли такие методы набора рабочей силы, которые, вероятно, зародились в самые мрачные периоды работорговли. Стала практиковаться настоящая охота на людей. Не считаясь ни с состоянием здоровья, ни с возрастом, их массами отправляли в Германию... " {Ни истребление советских военнопленных, ни эксплуатация подневольного труда русских не составляли секрета для Кремля. Еще в ноябре 1941 года Молотов заявил официальный дипломатический протест против истребления русских военнопленных, а в апреле следующего года заявил еще один протест против программы использования Германией подневольного труда. — Прим. авт. }

Политика немцев в России вызвала, по словам этого чиновника, "колоссальное сопротивление восточных народов".

"Наша политика вынудила как большевиков, так и русских националистов выступить против нас единым фронтом. Сегодня русские дерутся с исключительной храбростью и самопожертвованием во имя признания своего человеческого достоинства, ни больше ни меньше".

Заканчивая свой 13-страничный меморандум на положительной ноте, д-р Бройтигам просил в корне изменить политику. "Русскому народу, — утверждал он, — необходимо сказать нечто более определенное относительно его будущего".

Но это был глас вопиющего в нацистской пустыне. Гитлер, как известно, уже изложил (еще до вторжения) свои директивы относительно будущего России и русских, и не нашлось ни одного немца, который мог бы убедить его изменить эти директивы хоть на йоту.

16 июля 1941 года, менее чем через месяц после начала русской кампании, когда уже стало очевидно, что большая часть Советского Союза скоро будет захвачена, Гитлер вызвал в свою ставку в Восточной Пруссии Геринга, Кейтеля, Розенберга, Бормана и Ламмерса, главу рейхсканцелярии, чтобы напомнить им о своих планах относительно только что завоеванных земель. Наконец-то его столь откровенно изложенные в "Майн кампф" цели — завоевать обширные жизненные пространства для немцев в России — были близки к осуществлению, и это со всей ясностью следовало из секретного меморандума, составленного после этой встречи Бормана и

всплывшего на Нюрнбергском процессе. И Гитлеру хотелось, чтобы его сподвижники четко представляли себе, как он собирается использовать это пространство, однако он предупредил, что его намерения не должны стать достоянием гласности.

"В этом нет необходимости, — говорил Гитлер. — Главное — что мы знаем, чего хотим. Никто не должен распознать, что с этого начинается окончательное решение проблемы. В то же время это не должно помешать нам применять все необходимые меры — расстрел, перемещение лиц и т. п., и мы их применим. — И далее продолжал: — ... Мы стоим сейчас перед необходимостью разрезать пирог в соответствии с нашими потребностями, чтобы иметь возможность, во-первых, доминировать на этом жизненном пространстве, во-вторых, управлять им и, в-третьих, эксплуатировать его". Он заявил, что для него несущественно, что русские отдали приказ о ведении партизанской войны в тылу немецких войск. Это, по его мнению, позволит ликвидировать любого, кто оказывает сопротивление.

Вообще, разъяснял Гитлер, Германия будет господствовать на русской территории вплоть до Урала. И никому, кроме немцев, не будет позволено ходить на этих обширных пространствах с оружием. Затем Гитлер изложил, что будет конкретно сделано с каждым куском "русского пирога".

"Прибалтика должна быть включена в состав Германии. Крым будет полностью эвакуирован ("никаких иностранцев") и заселен только немцами, став территорией рейха. Кольский полуостров, изобилующий залежами никеля, отойдет к Германии. Аннексия Финляндии, присоединяемой на основе федерации, должна быть подготовлена с осторожностью. Фюрер сровняет Ленинград с землей, а затем передаст его территорию финнам".

Нефтяные месторождения Баку по распоряжению Гитлера станут германской концессией, а территории немецких поселений на Волге будут немедленно аннексированы.

Когда же дошло до дискуссии, кому из нацистских лидеров управлять новыми территориями, началась перебранка.

Розенберг заявил, что намерен использовать для этой цели капитана фон Петерсдорфа в силу его особых заслуг (все поражены; кандидатуру единодушно отвергают); фюрер и рейхсмаршал (Геринг) подчеркнули, что нет никаких сомнений в том, что фон Петерсдорф умалишенный.

Возник также спор о наилучших методах проведения политики в отношении покоренного русского народа. Гитлер предложил, чтобы немецкая полиция была оснащена броневиками. Геринг выразил сомнение

в необходимости этого. Его самолеты, как заявил он, способны разбомбить непокорных.

Естественно, добавил Геринг, что гиганское пространство должно быть умиротворено как можно скорее. Наилучшее решение — пристреливать всякого, кто отводит взгляд.

На Геринга как руководителя 4-летнего плана была возложена также экономическая эксплуатация России {Директивой Экономического штаба Геринга для Востока от 23 мая 1941 года намечалось уничтожение русских промышленных районов. Рабочие этих районов и их семьи обрекались на голод. Любая попытка спасти население от голодной смерти путем привоза продовольствия из черноземной зоны (России) в соответствии с директивой воспрещалась. — Прим. авт. }, то есть грабеж, если употребить более точное слово, как разъяснил Геринг в речи, произнесенной 6 августа 1942 года перед нацистскими комиссарами на оккупированных территориях. "Обычно это называется грабежом, — сказал он. — Но сегодня обстоятельства стали более гуманными. Однако вопреки этому я намерен грабить и буду делать это со всем старанием". В данном случае он по меньшей мере сдержал свое слово, и не только в России, но и во всей оккупированной нацистами Европе. Ибо это являлось частью "нового порядка".

Нацистский грабеж в Европе

Полностью подсчитать размеры награбленного в Европе невозможно. Это выше человеческих сил. Но некоторыми данными мы располагаем. Цифры, подсчитанные самими немцами, показывают, с какой пунктуальностью выполнялись инструкции Геринга его подчиненными.

"Что бы ты ни увидел полезного для немецкого народа, вцепись в него как ищейка, изыми и... доставь в Германию".

Огромные ценности были присвоены не только в виде товаров и коммунальных услуг, но и в виде золота, банкнот и т. п. Как только Гитлер захватывал очередную страну, его финансовые агенты изымали золото и иностранные вложения из национальных банков. Но это было только начало. Немедленно производили подсчет колоссальных "оккупационных расходов". На конец февраля 1944 года, по подсчетам графа Шверина фон Крозига, нацистского министра финансов, общие поступления от платежей, покрывающих "оккупационные расходы", составили около 40 миллиардов марок (примерно 12 миллиардов долларов), из которых Франция, а ее "доили" посильнее, чем другие завоеванные страны, выплачивала более половины. К концу войны поступления от оккупационных обложений достигли порядка 60 миллиардов марок (15 миллиардов долларов).

Франции пришлось выплатить из этой суммы 31, 5 миллиарда марок, а ее ежегодная контрибуция составляла 7 миллиардов марок, что более, чем в 4 раза превышало ежегодные выплаты Германии по репарациям после первой мировой войны в соответствии с планом Дауэса и Янга, выплаты, казавшиеся Гитлеру "гнусным преступлением". Помимо этого французский банк был принужден предоставить "кредиты" Германии на сумму 4, 5 миллиарда марок, а французское правительство — выплатить сверх того еще полмиллиарда "штрафа". На Нюрнбергском процессе было подсчитано, что немцы изъяли две трети национального дохода Бельгии в виде оккупационных налогов и "кредитов". Такую же долю отобрали они у Нидерландов. Всего, согласно оценкам американцев, Германия получила в виде контрибуции с покоренных государств 104 миллиарда марок (26 миллиардов долларов) {По официальному курсу (2, 5 рейхсмарки = 1 доллару) это составляло 40 миллиардов долларов, но я использовал неофициальный курс, равный 4: 1. Это представляется более точным, имея в виду покупательную способность марки. — Прим. авт. }

Стоимость же товаров и ценностей, захваченных нацистами и переправленных в рейх даже без формальной оплаты, едва ли возможно подсчитать. В Нюрнберге приводились длинные столбцы цифр, пока они не перестали ошеломлять. Но ни один эксперт, насколько мне известно, не был в состоянии учесть все и указать окончательную сумму. Во Франции, например, было подсчитано, что немцы вывезли (в виде своего рода обложения) 9 миллионов тонн круп, 75 процентов урожая овса, 74 процента стали, 80 процентов добычи нефти и т. д., что оценивается в общую сумму 184, 5 миллиарда франков.

"Доить" подобным образом Россию, разрушенную войной и немецким вандализмом, оказалось гораздо труднее. Нацистские документы полны справок о советских "поставках". В 1943 году, например, в число "поставок", упомянутых немцами, вошли 9 миллионов тонн зерна, 2 миллиона тонн кормов, 3 миллиона тонн картофеля, 662 тысячи тонн мяса. Советская комиссия {Комиссия по расследованию преступлений немцев на временно оккупированной территории СССР. — Прим. пер. } добавила к этим данным 9 миллионов голов крупного скота, 12 миллионов свиней, 13 миллионов овец, не говоря о многом другом. Но русские поставки оказались значительно меньшими, чем ожидалось. По подсчетам немцев, их чистый доход составил около 4 миллиардов марок (1 миллиард долларов) {Согласно обстоятельному исследованию немецкого правления в России, которое провел Александр Даллин, Германия, ведя обычную торговлю, могла бы получить гораздо больше (см. Даллин А. Немецкое

правление в России). — Прим. авт. }.

Алчные нацистские завоеватели выжали из Польши все, что можно было выжать. "Я постараюсь, — заявил д-р Франк, генерал-губернатор Польши, — выжать из этой провинции все, что еще можно оттуда выжать". Это было сказано в конце 1942 года. За три года оккупации он сумел выжать, чем постоянно бахвалился, огромную массу ресурсов, особенно в виде продовольствия для голодных немцев рейха. Однако, предупреждал он, "если новая продовольственная программа: на 1943 год будет выполнена, то полмиллиона поляков в Варшаве и ее пригородах окажутся лишены продовольствия".

"Новый порядок" в Польше был введен сразу после оккупации страны. 3 октября 1939 года Франк довел до немецкой армии приказ Гитлера:

"Польшей следует управлять лишь путем утилизации страны, путем беспощадной эксплуатации и вывоза всех ее запасов, сырья, машин, фабрично-заводского оборудования и т. д., которые необходимы для немецкой военной экономики; путем привлечения всех польских рабочих для работы в Германии; сокращения польской экономики до абсолютного минимума, необходимого лишь для физического существования населения; закрытия всех учебных заведений, особенно технических училищ и колледжей, с тем чтобы предотвратить рост новой польской интеллигенции. С Польшей будут обращаться как с колонией. Поляки станут рабами великого германского рейха".

Рудольф Гесс, заместитель Гитлера по партии, добавил к этому, что в свое время фюрер принял решение не восстанавливать Варшаву, что у него нет намерения ни восстанавливать, ни обновлять какую-либо отрасль промышленности в генерал-губернаторстве. В соответствии с декретом Франка вся собственность в Польше, принадлежащая не только евреям, но и полякам, подлежала конфискации без какого-либо возмещения. Сотни тысяч сельскохозяйственных ферм, принадлежавших полякам, были просто захвачены и переданы немецким поселенцам. К 31 мая 1943 года в четырех польских районах, аннексированных Германией (Западная Пруссия, Познань, Зихенау, Силезия), около 700 тысяч хозяйств, занимавших в общей сложности 15 миллионов акров земли, были захвачены, а 9500 хозяйств, занимавших 65 миллионов акров, конфискованы. В пространной таблице, подготовленной центральным управлением землевладений, разница между "захватом" и "конфискацией" не разъясняется, а для поляков это вообще не имело значения.

В оккупированных странах грабежу подвергались даже произведения искусства, и, как выясилось позднее из захваченных нацистских

документов, делалось это по прямым указаниям Гитлера и Геринга, которые таким образом пополняли свои частные коллекции. Тучный рейхсмаршал, по его собственным оценкам, собрал коллекцию стоимостью 50 миллионов рейхсмарок. Геринг, несомненно, был главным инициатором грабежа подобного рода. После захвата Польши он немедленно отдал приказ о конфискации произведений искусства, и через шесть месяцев специально назначенный комиссар, выполнявший данный приказ, смог доложить своему шефу, что изъял практически все художественные ценности этой страны.

Однако основная часть выдающихся произведений искусства Европы находилась во Франции, и, как только нацисты оккупировали страну, Гитлер и Геринг декретировали их захват. Руководить конкретно этой грабительской акцией Гитлер назначил Розенберга, который создал организацию под названием Айнзацштаб, причем подручными у него были и Геринг, и Кейтель. Так, один из приказов Кейтеля по оккупационной армии во Франции гласил, что на Розенберга возложена задача по транспортировке в Германию и хранению там культурных ценностей, которые он таковыми считает. Право решать их дальнейшую судьбу фюрер оставлял за собой.

Одно из решений Гитлера о судьбе художественных ценностей изложено в подписанном Герингом 5 ноября 1940 года секретном приказе, регламентирующем распределение предметов искусства, находившихся в парижском Лувре. Распределялись они следующим образом:

1. Предметы искусства, решение об использовании которых фюрер оставил за собой.
2. Предметы искусства... предназначенные для пополнения коллекции рейхсмаршала Геринга...
4. Предметы... которые целесообразно направить в германские музеи...

Французское правительство выразило протест против распределения художественных ценностей страны, заявив, что такие действия являются нарушением Гаагской конвенции. Когда же один из немецких искусствоведов из штаба Розенберга, некто герр Буньес, посмел обратить на это внимание Геринга, жирный рейхсмаршал ответил: "Мой дорогой Буньес, позволь мне самому позаботиться об этом. Я — высший судья в государстве. Лишь мои приказы имеют решающую силу, и вам надлежит действовать в соответствии с ними". Согласно докладу Буньеса, официальные документы гласили:

"Все предметы искусства, которые предназначены пополнить собрание

фюрера, а также те, которые рейхсмаршал отобрал для себя, должны быть погружены в два железнодорожных вагона и прицеплены к специальному поезду рейхсмаршала, следующему в Берлин".

Вслед за этими двумя последовало еще много вагонов. Согласно официальному немецкому секретному докладу, 137 товарных вагонов, в которых находилось 4174 ящика с произведениями искусства, содержащие 21 903 предмета, включая 10 890 картин, были отправлены с Запада в Германию за период по июль 1944 года. Помимо прочих авторов они включали работы Рембрандта, Рубенса, Гальса, Вермера, Веласкеса, Мурильо, Гойи, Веккио, Ватто, Фрагонара, Рейнольдса и Гейнсборо. Еще в январе 1941 года Розенберг определил стоимость захваченных только во Франции произведений искусства в 1 миллиард марок.

Грабеж сырья, промышленных товаров и продовольствия, хотя это и несло обнищание оккупированным народам, а подчас и голодную смерть, и представляло собой прямое нарушение Гаагской конвенции о ведении войны, еще можно было бы извинить, если не оправдать, с точки зрения немцев, как необходимость, вызванную ведением тотальной войны. Однако кража произведений искусства никак не помогала гитлеровской военной машине. Это было проявление личной ненасытной жадности Гитлера и Геринга.

Весь этот грабеж и захват имущества покоренные народы еще как-то могли снести — войны и вражеская оккупация всегда влекли за собой лишения и потери. И составляли они лишь часть "нового порядка" — самую, так сказать, безобидную. Зловещая же его сторона состояла не в лишении народов материальных ценностей, а в лишении их жизни, из-за чего недолго, к счастью, просуществовавший "новый порядок" долго не забудется. Здесь нацистская деградация достигла такого уровня, какого редко достигало человечество за весь период своего существования на земле. Миллионы ни в чем не повинных мужчин и женщин были привлечены к принудительному труду, другие миллионы подвергались пыткам и издевательствам в концентрационных лагерях, а многие миллионы, в число которых вошли 4, 5 миллиона евреев, были хладнокровно истреблены или намеренно обречены на голодную смерть, а их останки сожжены, чтобы не осталось следов преступлений.

В эту невероятную историю ужаса невозможно было бы поверить, не будь она полностью подтверждена документами и свидетельскими показаниями самих палачей. То, о чем шла речь, лишь краткое изложение событий, где пришлось опустить тысячи ужасающих подробностей. И все эти подсчеты основаны на неопровержимых уликах, дополняемых

показаниями немногих чудом уцелевших свидетелей.

Подневольный труд в условиях "нового порядка"

На конец сентября 1944 года насчитывалось около 7, 5 миллиона иностранных рабочих, трудившихся на третий рейх. Почти все они были мобилизованы насильно, привезены в Германию в товарных вагонах, как правило без пищи, воды и элементарных санитарных условий. Здесь их направляли на фабрики, на поля и в шахты. Их не только насильственно заставляли трудиться, но и подвергали издевательствам, избивали, обрекали на голод, а часто и на смерть, оставляя без пищи, одежды и крова над головой.

Помимо иностранных рабочих в Германии трудились два миллиона военнопленных, из числа которых по меньшей мере полмиллиона были насильственно направлены на работу в отрасли промышленности, производящие оружие и боеприпасы, что представляло собой вопиющее нарушение Гаагской и Женевской конвенций, запрещающих использование военнопленных на таких работах {Альберт Шпеер, министр вооружений и военного производства, признал в Нюрнберге, что 40 процентов военнопленных использовались на производстве оружия и боеприпасов и во вспомогательных отраслях. — Прим. авт. }. Эта цифра не включает сотен тысяч других военнопленных, которые были брошены на строительство укреплений, доставку боеприпасов на фронт и даже на комплектование расчетов зенитных орудий, что еще в большей степени являлось игнорированием международных конвенций, подписанных Германией {Захваченный протокол одного из совещаний свидетельствует, что фельдмаршал ВВС Мильх требовал в 1943 году дополнительно 50 тысяч русских военнопленных помимо 30 тысяч, уже используемых в составе зенитно-артиллерийских расчетов. "Забавно, — иронизировал Мильх, — что русским приходится обслуживать орудия". — Прим. авт. }.

При массовых депортациях подневольной рабочей силы в рейх жен разлучали с мужьями, а детей с родителями, направляя порознь в отдаленные районы Германии. Не щадили и подростков, если возраст позволял им работать. Даже высшие генералы фашистской армии сотрудничали друг с другом, организуя похищение детей, которых направляли в фатерланд в качестве подневольной рабочей силы. Меморандум от 12 июня 1944 года, обнаруженный в бумагах Розенберга, вскрывает эту практику нацистов на оккупированной территории России.

"Группа армий "Центр" намеревается захватить 40–50 тысяч подростков в возрасте от 10 до 14 лет... и направить их в рейх. Это мероприятие первоначально было предложено 9-й армией...

Предполагается использовать этих подростков на немецких предприятиях в качестве подмастерьев и учеников... Эта акция широко приветствуется представителями германских ремесел, поскольку позволит решительно устранить нехватку подмастерьев и учеников. Эта мера направлена не только на предотвращение прямого пополнения численности армий противника, но и на сокращение его биологического потенциала".

Операция по похищению людей носила кодовое наименование "Сенокос". Она осуществлялась, как отмечается в меморандуме, и армейской группой армий "Северная Украина", которой командовал фельдмаршал Модель.

Для вербовки людей все в более широких масштабах использовался террор. Поначалу применяли сравнительно мягкие методы. Задерживали людей, выходящих из церкви или из кинотеатра. Части СС, особенно в западных странах, попросту блокировали часть города и захватывали всех трудоспособных мужчин и женщин. С этой же целью окружали и прочесывали целые деревни. На Востоке, где насильственная вербовка встречала сопротивление, деревни просто сжигали дотла, а жителей вывозили на грузовиках. Захваченные бумаги Розенберга изобилуют докладами о таких акциях. В Польше — так, по крайней мере, полагал немецкий чиновник — эти действия зашли слишком далеко.

"Дикая и безжалостная охота за людьми, — писал он губернатору Франку, — которая ведется в городах и деревнях, на улицах, площадях, станциях, даже в церквях, ночью в жилищах, резко подорвала ощущение безопасности жителей. Каждый опасается быть схваченным полицией в любом месте днем и ночью, причем совсем неожиданно. Каждый опасается, что может быть отправлен на сборный пункт и никто из близких не узнает о случившемся с ним... "

Однако подобная вербовка подневольной рабочей силы была лишь первым шагом {Осуществление программы обеспечения рейха подневольной рабочей силой было возложено на Фрица Заукеля, который получил титул полномочного генерала по вербовке. Этот нацист, подвизавшийся на вторых ролях, был когда-то гаулейтером и губернатором Тюрингии. Плюгавая личность с пороссячьими глазками, грубый и жестокий, он, по описанию Геббельса, слыл "одним из тупейших тупиц". Сидя на скамье подсудимых в Нюрнберге, он поразил автора этих строк своим полнейшим ничтожеством. В другие времена он был бы обыкновенным мясником на рынке заштатного городишка. Одна из его первых директив гласила, что с иностранными рабочими следует "обращаться так, чтобы максимально эксплуатировать их при наименьших

затратах". Он признался в Нюрнберге, что из миллионов иностранных рабочих едва ли наберется 200 тысяч добровольно согласившихся работать на Германию. Однако на процессе он снял с себя всякую ответственность за дурное обращение с иностранными рабочими. Его признали виновным, приговорили к смертной казни и повесили в Нюрнбергской тюрьме в ночь на 16 октября 1946 года. — Прим. авт. }.

Условия их перевозки в Германию оставляли желать лучшего. Некий д-р Гуткелч описывает в своем докладе министерству Розенберга от 30 сентября 1942 года случай, когда поезд, набитый измученными восточными рабочими, встретился на разъезде около Брест-Литовска с другим поездом, переполненным "только что набранными" русскими рабочими, направлявшимися в Германию:

"Из-за трупов, скопившихся в поезде с возвращавшимися рабочими, могла произойти железнодорожная катастрофа... В этом поезде женщины рожали детей, которых выбрасывали из окон вагонов. Люди, больные туберкулезом и венерическими заболеваниями, помещались в общих вагонах. Умиравшие лежали даже без соломенной подстилки, а одного мертвеца выбросили прямо на перрон. Аналогичная картина могла иметь место и на других поездах".

Это не обещало "восточным рабочим" ничего хорошего в третьем рейхе, однако в какой-то мере готовило к тем тяжким испытаниям, которые их ожидали. А ожидали их голод и побои, болезни и страдания от холода в нетопленных помещениях, лохмотья и в лучшем случае драная обувь. Ожидала изнурительная работа, когда продолжительность рабочего дня определялась лишь их способностью держаться на ногах.

Типичным местом их работы были гигантские предприятия Круппа по производству пушек, танков и боеприпасов. Крупп использовал труд бесчисленных рабов, включая русских военнопленных. Однажды во время войны для работы на заводах Крупна были доставлены 600 евреек из Бухенвальдского концлагеря, причем разместили их в разбомбленном трудовом лагере, откуда предварительно перевели в другое место итальянских военнопленных. Д-р Вильгельм Эйгер, "старший врач", обслуживавший контингент рабов у Крупна, показаниях, данных на Нюрнбергском процессе, описывает, что он обнаружил там, принимая должность:

"После первого обхода я обнаружил, что эти женщины страдают от гнойных язв и других болезней. Я оказался первым врачом, которого им довелось увидеть по меньшей мере за две недели. Полностью отсутствовали медикаменты. У них не было обуви, и они ходили босиком.

Единственной их одеждой были мешки с отверстиями для головы и рук. Все они были острижены наголо. Лагерь был окружен колючей проволокой и тщательно охранялся часовыми из службы СС.

Запасы продовольствия в лагере были весьма скудными и самого низкого качества. Нельзя было войти в барак без того, чтобы не набраться блох. Из-за них у меня на руках и на всем теле появились нарывы... "

Д-р Эйгер описал ситуацию дирекции предприятий Крупна и даже личному врачу Густава Крупна фон Болен, владельца заводов, но все оказалось тщетно. Его доклады о трудовых лагерях Крупна не принесли никакого облегчения несчастным. Он припомнил в своих свидетельских показаниях несколько таких докладов об условиях жизни в восьми лагерях, где содержались русские и польские рабочие: большая скученность, приводившая к вспышкам эпидемий, скудость питания, не позволявшая человеку выжить, нехватка воды, недостаточное число туалетов.

"Одежда восточных рабочих пришла в абсолютную негодность, ведь они работали и спали в том, в чем прибыли с Востока. Фактически никто из них не имел пальто, и в холодную или дождливую погоду они были вынуждены использовать одеяла. Из-за нехватки обуви многим рабочим приходилось работать босиком даже зимой... Санитарные условия были ужасающими. На Крамерплац имелось всего десять детских туалетов, приходившихся на 1200 человек. Полы уборных сплошь были покрыты нечистотами. Более других страдали татары и киргизы. Они гибли как мухи от плохих условий проживания, низкого качества и недостаточного количества пищи, непосильной работы без отдыха.

Кроме того, эти рабочие страдали от сыпного тифа. Вши, переносчики болезней, наряду с массами мух, клопов и других паразитов превращали существование узников этих лагерей в сплошную пытку. Снабжение этих лагерей водой иногда прекращалось на срок от 8 до 14 дней".

В целом западные рабочие содержались лучше, чем восточные, на которых немцы смотрели как на отбросы. Но разница эта была относительной, как установил д-р Эйгер в одном из лагерей для рабочих в Эссене, на Ногерратштрассе, где проживали французские военнопленные:

"Его заключенные в течение почти полугода размещались в собачьих конурах, уборных и старых пекарнях. Собачьи конуры имели размеры: три фута в высоту, девять в длину и шесть в ширину. В каждой из них размещалось по пять человек. Пленные были вынуждены заползать внутрь конуры скорчившись... Воды в лагере не было".

Примерно 2, 5 миллиона узников, в основном славяне и итальянцы, были направлены в сельское хозяйство Германии, и хотя их жизнь с самого

начала проходила в лучших условиях, чем у тех, кто трудился на заводах и фабриках, она была далека от человеческой. Захваченная директива "Об обращении с иностранными сельскохозяйственными рабочими польской национальности" дает отдаленное представление об их участи, и, хотя речь шла в ней о поляках (директива датирована 6 марта 1941 года, то есть еще до того, как появилась рабочая сила из России), она служила ориентиром для обращения с рабочей силой других национальностей. {Концерн Крупна не только получил тысячи военнопленных и гражданских рабочих для работы на своих предприятиях, но и построил огромный завод взрывателей в концлагере Освенцим, где евреев заставляли работать до полного изнеможения, а затем умерщвляли в газовых камерах.

Барон Густав Крупп фон Болен, председатель совета директоров, был признан в Нюрнберге главным военным преступником наряду с Герингом и другими, однако ввиду "физического и умственного состояния" (он перенес инсульт и впал в маразм) его не судили. Он умер 16 января 1950 года.

Обвинение предпринимало попытки судить вместо него его сына Альфреда, который вступил в единоличное владение концерном в 1943 году, но трибунал отклонил их. Впоследствии Альфред Крупп фон Болен предстал перед Нюрнбергским трибуналом (чисто американским судом) наряду с девятью директорами концерна на процессе по делу "Соединенные Штаты против Альфреда Крупна и других". 31 июля 1948 года он был приговорен к 12 годам тюремного заключения с конфискацией всей собственности.

Из Ландсбергской тюрьмы (той, в которой отбывал в 1924 году заключение Гитлер) он был выпущен 4 февраля 1951 года по общей амнистии, объявленной американским верховным комиссаром Джоном Макклоем. Была аннулирована конфискация его корпоративного имущества и возвращено личное состояние в размере примерно 10 миллионов долларов. Союзные правительства отдали приказ расчлнить крупповскую империю, но Альфред Крупп, энергично взявшийся после освобождения из тюрьмы за руководство концерном, сумел обойти приказ и ко времени написания этой книги с одобрения боннского правительства объявил, что концерн не только не будет расчленен, но и приобретет новые предприятия. — Прим. авт. }

"Сельскохозяйственные рабочие польской национальности отныне не имеют права предъявлять жалобы, посему никакие жалобы не будут приниматься ни одним официальным органом... Посещение церквей строго запрещается... Посещение театров, кинотеатров и других культурных учреждений строго запрещается... Половые сношения с

женщинами и девушками строго воспрещаются... "

Если же они имели место с немецкими женщинами, то, согласно указу Гиммлера от 1942 года, это преступление каралось смертью {Директива Гиммлера от 20 февраля 1942 года была направлена против русских подневольных рабочих. Она обуславливала "специальные меры воздействия" и за "грубые нарушения дисциплины, включая отказ или уклонение от работы". В таких случаях "рекомендовалось избирать в качестве меры наказания повешение и производить его за пределами лагеря. Определенное число рабочих, однако, должны были присутствовать при экзекуции".

Термин "специальная мера воздействия" был обычным в документах, изданных Гиммлером, и нацистском жаргоне времен войны. Я употребил его в том значении, в каком употреблял в своей директиве Гиммлер. — Прим. авт. }.

Иностранным сельскохозяйственным рабочим запрещалось пользоваться "железными дорогами, автобусами и другими видами общественного транспорта". По-видимому, последнее было введено для того, чтобы не позволить им бежать с ферм, к которым они были прикреплены. Директива гласила:

"Произвольное изменение условий найма строго воспрещается. Сельскохозяйственные рабочие должны трудиться столько, сколько потребует предприниматель. Продолжительность рабочего дня не ограничивается. Каждый работодатель имеет право применять телесные наказания по отношению к своим рабочим... Если возможно, они должны быть выселены из жилых домов и размещены в конюшнях и т. п. Никакие угрызения совести не должны лимитировать такие действия".

Даже с женщинами из славянских стран, захваченными силой и доставленными в Германию для работы в качестве домашней прислуги, обращались как с рабами. Еще в 1942 году Гитлер отдал приказ Заукелю "набрать полмиллиона, чтобы облегчить труд немецких домашних хозяек". Условия труда прислуги в немецких семьях были определены комиссаром по подневольной рабочей силе.

"Никакие требования свободного времени недопустимы. Прислуга женского пола из восточных стран может выходить из дома только по хозяйственным нуждам. Ей запрещается посещать рестораны, кино, театры и подобные заведения. Запрещается также посещать церкви... "

Женщины, очевидно, были так же необходимы в нацистской системе использования подневольного труда, как и мужчины. Из примерно трех миллионов граждан России, угнанных на каторгу в Германию, более

половины составляли женщины. Большинство из них были направлены на тяжелые сельскохозяйственные работы и на фабрики.

Порабощение миллионов мужчин и женщин из завоеванных стран и превращение их в подневольную рабочую силу для третьего рейха не было просто мерой военного времени. Из процитированных ранее заявлений Гитлера, Геринга, Гиммлера и других правителей рейха становится совершенно ясно, что, если бы нацистская Германия победила, "новый порядок" свелся бы к правлению немецкой расы господ в обширной империи рабов, простирающейся от Атлантики до Уральских гор. И участь восточных славян была бы несомненно наихудшей.

Как подчеркивал Гитлер в июле 1941 года, примерно через месяц после нападения на Советский Союз, планы его оккупации означали "окончательное решение". Год спустя, в разгар успешных военных действий в России, он наставлял своих соратников:

"Что касается смехотворной сотни миллионов славян, мы превратим большинство из них в таких, какие нужны нам, а остальных изолируем в их собственных свинарниках; и всякого, кто говорит о снисхождении к местным жителям и их приобщении к цивилизации, следует отправлять прямо в концлагерь! "

Военнопленные

Хотя использование военнопленных в военной промышленности или любой сфере, связанной с обеспечением нужд фронта, является грубейшим нарушением Гаагской и Женевской конвенций, все же такое использование, каким бы массовым оно ни было, представлялось не самым худшим уделом для солдат, захваченных в плен третьим рейхом.

Их важнейшей целью было выжить в этой войне. У русских военнопленных шансов выжить было гораздо меньше. Русские военнопленные превышали по численности всех остальных военнопленных, вместе взятых, и составляли около 5, 75 миллиона человек.

Когда в 1945 году войска союзников освободили узников в лагерях для военнопленных, их оказалось там всего около миллиона человек. Во время войны не менее миллиона русских военнопленных было выпущено из лагерей или завербовано на службу в частях, сформированных немцами из лиц, сотрудничавших с ними. Два миллиона русских военнопленных погибли в немецкой неволе — от голода, холода и болезней. О судьбе остальных, а это более миллиона человек, данных нет, и в Нюрнберге были приведены убедительные факты, свидетельствующие о том, что они либо погибли от упомянутых выше причин, либо были истреблены фашистской

службой СД. Согласно немецким данным, было казнено 67 тысяч человек, но это, вероятно, далеко не полные подсчеты.

Основная масса русских военнопленных — примерно 3 миллиона 800 тысяч человек — была захвачена немцами на первом этапе русской кампании, особенно при окружениях, — с 21 {Так в тексте. — Прим, пер. } июня по 6 декабря 1941 года. Следует признать, что в ходе боев и быстрого продвижения армия не может уделять надлежащего внимания такому большому числу взятых в плен. Но немцы и не предпринимали на этот счет никаких усилий. Действительно, немецкие документы свидетельствуют, что советских военнопленных умышленно морили голодом, оставляли умирать на морозе в лютую, на редкость снежную зиму 1941/42 года.

"Чем больше военнопленных умрет, тем лучше для нас" — таково было отношение многих официальных нацистских должностных лиц, как свидетельствует о том Розенберг.

Туповатый министр оккупированных восточных территорий не являл собой примера гуманного нациста, особенно в отношении русских, с которыми, как мы знаем, он вместе воспитывался. Но даже он выразил протест по поводу обращения с русскими военнопленными в длинном письме от 28 февраля 1942 года генералу Кейтелю, начальнику штаба ОКБ. Это был момент, когда советское контрнаступление отбросило немцев от Москвы и Ростова на самые дальние в ту зиму рубежи и когда немцы наконец поняли, что их авантюра, имевшая целью уничтожить Россию в ходе одной короткой кампании, провалилась и что теперь, когда США присоединились к России и Великобритании в качестве противника Германии, они могут не выиграть войны, а в этом случае придется держать ответ за свои военные преступления.

"Судьба русских военнопленных в Германии, — писал Розенберг Кейтелю, — есть трагедия величайшего масштаба. Из 3 миллионов 600 тысяч пленных лишь несколько сот тысяч еще работоспособны. Большинство из них истощены до предела или погибли из-за ужасной погоды".

И далее Розенберг замечает, что этого можно было избежать... В России достаточно продовольствия, чтобы прокормить их.

"Однако в большинстве случаев лагерное начальство запрещало передачу продовольствия заключенным, оно скорее готово было уморить их голодной смертью. Даже во время переходов военнопленных в лагерь местному населению не разрешалось давать им пищу. Во многих случаях, когда военнопленные не могли дальше двигаться от голода и истощения, их пристреливали на глазах потрясенных местных жителей, а трупы оставляли

на дороге. Во многих лагерях пленные содержались под открытым небом. Ни в дождь, ни в снег им не предоставляли укрытия...

И наконец, следует упомянуть о расстрелах военнопленных. При этом полностью игнорировались какие-либо политические соображения. Так, во многих лагерях расстреливали, к примеру, всех "азиатов"... "

И не только выходцев из Азии. Вскоре после начала русской кампании между ОКБ и службой безопасности СС было достигнуто соглашение, дававшее право эсэсовцам "прочесывать" русских военнопленных. Цель таких действий раскрылась в показаниях Отто Олендорфа, одного из самых жестоких палачей СД. Подобно многим из окружения Гимmlера, он слыл "интеллектуалом", поскольку окончил юридический и экономический факультеты университета и был профессором института прикладной экономики.

"Все евреи и большевистские комиссары, — свидетельствовал Олендорф, — подлежали удалению из лагерей и расстрелу. Насколько мне известно, такая практика проводилась в течение всей русской кампании".

Однако не все шло гладко. Иногда русские пленные были настолько измучены, что не могли самостоятельно дойти до места казни, и это вызывало протесты Генриха Мюллера, шефа гестапо, франтоватого наглеца и холодного бесстрастного убийцы {Мюллера не удалось обнаружить после войны. В последний раз его видели в бункере Гитлера в Берлине 29 апреля 1945 года. Некоторые из оставшихся в живых коллег считают, что в настоящее время он состоит на службе у советской госбезопасности, большим почитателем которой он всегда был. — Прим. авт. }.

"Начальники концлагерей жаловались, что от 5 до 10 процентов советских граждан русской национальности, приговоренных к смерти, прибывали в лагеря полумертвыми либо уже умершими... При этом отмечалось, что, например, при передвижении от железнодорожной станции в лагерь значительное число их падало в обморок от истощения, умирало или было при смерти и их приходилось бросать на машины, следовавшие за колонной. Иногда очевидцами подобных сцен становились представители местного немецкого населения".

Гестапо ничуть не огорчала гибель русских пленных от голода и истощения. Их огорчало другое — таким образом они избегали рук палачей. Однако присутствие немецкой публики на таких спектаклях оно не поощряло. Поэтому Гестапо, как прозвали Мюллера в Германии, отдал приказ: "С сего дня (9 ноября 1941 года) советские русские, находящиеся на грани смерти и неспособные в силу этого совершить даже короткий переход, должны исключаться из числа направляемых в концлагеря для

казни".

Измощенные и голодные пленные не могли работать, и в 1942 году, когда немцам стало очевидно, что война продлится значительно дольше, чем ожидалось, и что советские военнопленные представляют собой источник столь необходимой им рабочей силы, нацисты пересмотрели свою политику уничтожения, заменив последнее принудительным трудом.

Эту перемену Гиммлер объяснил в своей речи, произнесенной перед эсэсовцами в 1943 году в Познани:

"В то время (1941 год) мы не ценили многочисленные людские ресурсы, как ценим их сегодня в качестве сырья, в качестве рабочей силы. То, о чем не следует сожалеть, мысля категориями поколений, но что нынче представляется неразумным в смысле потери рабочей силы, то есть гибели пленных десятками и сотнями тысяч от истощения и голода".

Отныне их следовало кормить так, чтобы они могли работать. К декабрю 1944 года 0, 75 миллиона пленных, включая офицеров, работали на заводах, производящих оружие, на шахтах (туда было направлено 200 тысяч человек) и в сельском хозяйстве. Обращались с ними жестоко, но по крайней мере им позволяли жить. Теперь даже прекратилось клеймение русских военнопленных, предложенное в свое время генералом Кейтелем {20 июня 1942 года Кейтель составил проект приказа:

1. Советские военнопленные должны иметь клеймо в виде специальной несмываемой отметки.

2. Клеймо должно включать обращенный вниз острый угол примерно 45 градусов при длине стороны около сантиметра. Наносится на левую ягодицу. — Прим авт. }.

С военнопленными западных стран, особенно с англичанами и американцами, обращались гораздо мягче. Время от времени бывали, конечно, случаи убийств и расстрелов, но это, как правило, происходило вследствие исключительного садизма и жестокости отдельных нацистских начальников. Одним из таких случаев был хладнокровный расстрел 71 американского военнопленного на поле боя близ Мальмеди, в Бельгии, 17 декабря 1944 года, во время сражения в Арденнах.

Были и другие случаи, когда Гитлер лично отдавал приказ об уничтожении западных военнопленных, как это произошло с 50 летчиками, пойманными весной 1944 года после побега из Сагана.

В Нюрнберге Геринг заявил, что этот факт он "считал одним из самых серьезных инцидентов за всю войну", а генерал Йодль назвал это "откровенным убийством".

По существу, такие инциденты были частью преднамеренной

немецкой политики, принятой после того, как начиная с 1943 года англо-американские бомбардировки Германии стали чрезвычайно интенсивными. В качестве ответной меры немцы прибегли к расстрелам союзных летчиков в тех случаях, когда они выбрасывались на парашютах над Германией. Поощрялось и линчевание приземлявшихся на парашютах летчиков гражданским населением. Часть немцев, участвовавших в линчевании, предстали после войны перед судом за свои деяния. В 1944 году, когда интенсивность англо-американских бомбардировок достигла своего пика, Риббентроп призвал подвергать сбитых летчиков казни на месте, однако Гитлер занял более мягкую позицию. 21 мая 1944 года с согласия Геринга он приказал расстреливать сбитых летчиков без суда и следствия, если они обстреливали пассажирские поезда, гражданское население или немецкие самолеты, совершившие вынужденную посадку. Иногда захваченные в плен летчики просто передавались службе СД, где применялись "специальные меры воздействия". Так, примерно 27 американских, английских и голландских летчиков были зверски убиты в концлагере Маутхаузен в сентябре 1944 года. Один из французских заключенных в этом лагере Морис Ламп, оказавшийся свидетелем убийства, описал, выступая в Нюрнберге, как это происходило:

"Сорок семь офицеров были приведены босыми в карьер... Охранники приказали каждому из несчастных взять на дне по тяжелому камню и, взвалив на спину, доставить его наверх. Первый подъем пленные совершили, неся камни весом около 30 килограммов, причем подъем сопровождался побоями... На второй раз охранники заставили выбрать камни еще тяжелее, и, если пленные не могли удержаться на ногах под их тяжестью, их били палками... К вечеру вдоль дороги лежал двадцать один труп. На следующее утро погибли остальные двадцать шесть".

Это была одна из наиболее "популярных" форм казни в Маутхаузене, которой подверглось в числе других пленных много русских.

Начиная с 1942 года, когда наметился перелом в войне и замаячила угроза поражения, Гитлер приказал уничтожить всех захваченных в плен командос {Войска специального назначения. — Прим. пер. }, особенно западных армий. (Захваченные в плен советские партизаны расстреливались на месте.) Совершенно секретный приказ фюрера об обращении с командос от 18 октября 1942 года, захваченный в числе других трофейных документов, гласил:

"Отныне вся вражеская агентура, выполняющая задачи командос в Европе или в Африке и участвующая в боевых действиях против немецких войск, независимо от того, носят они военную форму и оружие или нет,

действуют на поле боя или в тылу, подлежит истреблению до последнего человека".

В приложении к директиве, подписанной в тот же день, Гитлер разъяснял своим офицерам причину отдания такого приказа.

"Вследствие успехов, которые сопутствуют союзным командос, — заявил он, — я был вынужден отдать строгий приказ по уничтожению диверсионных войск противника и указать на строжайшую ответственность за невыполнение его... У врага должна быть полная ясность, что все диверсионные войска будут истребляться, все до последнего человека. Это значит, что шанс уцелеть у них равен нулю... Ни при каких обстоятельствах они не могут рассчитывать на обращение, предписанное Женевской конвенцией... Если потребуется отсрочить уничтожение, чтобы допросить одного или двух человек, то их следует расстрелять сразу же после допроса".

Эти преступные акции должны были сохраняться в глубокой тайне. Генерал Йодль разработал инструкции о порядке выполнения этой директивы Гитлера, подчеркнув его требования: "Настоящий приказ предназначен только для офицеров руководящего состава и ни при каких обстоятельствах не должен попасть в руки врага".

Давалось предписание уничтожить все экземпляры приказа после ознакомления с ним. Его надлежало хорошо запомнить, поскольку позднее предстояло выполнять. В этой связи можно привести несколько фактов.

Вечером 22 марта 1944 года два офицера и тринадцать солдат 267-го специального разведывательного батальона американской армии высадились с десантного корабля в тылу у немцев в Италии с задачей разрушить железнодорожный туннель между Специей и Генуей. Все они были в военной форме и не имели при себе гражданской одежды. Через два дня их захватили, и 26 марта расстреляли без суда и следствия по прямому приказу генерала Антона Достлера, командира 75-го армейского корпуса немцев. Представ вскоре после войны перед американским военным трибуналом, Достлер оправдывал свои действия ссылками на то, что он лишь выполнял приказ Гитлера о командос, и заявил, что в противном случае сам предстал бы перед трибуналом {Генерал Достлер был приговорен к смертной казни военным трибуналом США в Риме 12 октября 1945 года. — Прим, авт. }.

Второй случай произошел в январе 1945 года, когда примерно пятнадцать членов англо-американской военной миссии, включая военного корреспондента агентства "Ассошиэйтед Пресс", одетые в военную форму, высадились на парашютах на территории Словакии, но были захвачены и

расстреляны в концлагере Маутхаузен по приказу Эрнста Кальтенбруннера, преемника Гейдриха на посту руководителя СД и одного из обвиняемых на Нюрнбергском процессе {Кальтенбруннер был повешен в нюрнбергской тюрьме в ночь на 16 октября 1946 года. — Прим. авт. }. Если бы адъютант лагеря, ставший свидетелем казни, не дал показаний на этот счет, факт расстрела мог остаться неизвестным, поскольку большая часть документов о массовых расстрелах в этом лагере была уничтожена.

Нацистский террор на оккупированных территориях

22 октября 1941 года французская газета "Ле Фар" опубликовала следующее объявление:

"Утром 20 октября трусливые преступники, состоящие на службе Англии и Москвы, убили коменданта города Нанта. Убийцы до сих пор не задержаны.

В порядке отмщения за это преступление я приказал расстрелять 50 заложников. Еще 50 заложников подлежат расстрелу в случае, если виновные не будут арестованы до полуночи 23 октября".

Подобные публикации, помещенные в черную рамку, стали обычным явлением на страницах газет или на красных уличных тумбах в городах Франции, Бельгии, Голландии, Норвегии, Польши и России. Соотношение, публично объявленное немцами, неизменно составляло 100: 1, то есть сто заложников за каждого убитого немца.

Хотя захват заложников широко практиковался со времен Древнего Рима, в наше время к нему никто не прибегал, за исключением немцев в первую мировую войну и англичан в Индии и Южной Африке во время англо-бурской войны. По указанию Гитлера немецкая армия осуществляла эту практику в широких масштабах в ходе второй мировой войны. В Нюрнберге были представлены десятки подписанных генералом Кейтелем и нижестоящими нацистами секретных приказов, требовавших захвата и расстрела заложников. "Крайне важно, — указывал Кейтель 1 октября 1941 года, — чтобы в их (заложников) число входили хорошо известные высокопоставленные личности или члены их семей". А генерал Штюльпнагель, командующий немецкими войсками во Франции, подчеркивал год спустя, что, чем более известны расстрелянные заложники, тем "эффективнее устрашающее воздействие на потенциальных преступников".

Всего за время войны немцы расстреляли 29 600 французских заложников (без учета тех 40 тысяч человек, которые "умерли" во французских тюрьмах с немецкими охранниками). Число уничтоженных заложников в Польше составило 8 тысяч человек, в Голландии — около 2

тысяч. В Дании вместо публичных расстрелов заложников была введена система "выборочного истребления". Согласно чрезвычайным приказам Гитлера, репрессии за убийства немцев в Дании должны были проводиться тайно "в соотношении пять к одному". Так, был убит немцами выдающийся датский пастор, поэт и драматург Кай Мунк, одна из популярнейших в Скандинавии фигур. Его тело бросили на дорогу, прикрепив к одежде записку: "Свинья, ты все же послужил Германии".

Из всех военных преступлений генерала Кейтеля, которые он объяснял необходимостью выполнять приказы Гитлера, самыми зловещими, по его признанию в Нюрнберге, были те, которые совершались под кодовым названием "Ночь и туман". Этот чудовищный приказ, предусматривавший порядок расправы над несчастными жителями захваченных территорий на Западе, был подписан лично Гитлером 7 декабря 1941 года. Его целью, как о том свидетельствует кодовое обозначение, был захват лиц, представлявших угрозу "германской безопасности", но не подлежавших немедленному расстрелу. Их следовало отправлять в мир иной, не оставляя следов на территории Германии, заставляя как бы исчезнуть в ночи и тумане неизвестности. Семьи не должны были получать никакой информации о них, даже если речь шла о месте их захоронения в рейхе.

12 декабря 1941 года Кейтель издал директиву, разъясняющую приказ фюрера:

"В принципе преступления против германского государства наказуемы смертью. Но если наказанием за эти преступления служит тюремное заключение, даже в виде пожизненных каторжных работ, его следует квалифицировать как проявление слабости. Эффективное устрашение может быть достигнуто либо посредством высшей меры наказания преступнику, либо посредством мер, в результате которых ни его родственники, ни сограждане ничего не узнают о его судьбе".

В феврале следующего года Кейтель разъяснил приказ "Ночь и туман" подробнее:

"В случаях, когда смертный приговор не был вынесен в течение восьми дней после ареста преступника, арестованных следует тайно доставлять в Германию... Такие меры будут иметь устрашающий эффект, потому что:

- а) арестованные будут исчезать без следа;
- б) не будет выдаваться никакой информации об их местонахождении или судьбе".

Эта зловещая задача возлагалась на службу СД, захваченные документы которой изобилуют имеющими отношение к операции "Ночь и

туман" приказами, требовавшими сохранения в строжайшей тайне мест захоронения жертв. Сколько жителей Западной Европы исчезли в "ночи и тумане", не удалось установить даже на Нюрнбергском процессе. Лишь известно, что в живых удалось остаться очень немногим.

Некоторые цифры, позволяющие прояснить масштабы истребления, содержатся в документах СД. Здесь приводится число жертв в результате карательной операции на захваченной территории (на территории России). Этот вид операций выполнялся подразделениями, которые в Германии получили название айнзатцгруппен — отряды спецакций, или, используя более точный термин и принимая во внимание их специализацию, отряды истребления. Приблизительное число их жертв случайно всплыло на Нюрнбергском процессе.

Незадолго до начала процесса капитан-лейтенант военно-морского флота Уитни Р. Харрис, один из государственных обвинителей от США, допрашивал Отто Олендорфа о его деятельности в годы войны. Было известно, что этот молодежавый (ему было 38 лет), привлекательный на вид немецкий интеллигент являлся начальником 3-го отдела гиммлеровского центрального управления безопасности РСХА, но в последние годы войны работал преимущественно экспертом по внешнеторговым связям министерства экономики. Он сообщил следователю, что провел всю войну на службе в Берлине, за исключением одного года. На вопрос, чем же он занимался в течение этого года, находясь за пределами Берлина, Олендорф ответил: "... Я был командиром отряда спецакций D".

Харрис, юрист по образованию, к тому времени довольно заметный авторитет по немецким делам, знал достаточно много об отрядах спецакций. Поэтому он сразу задал вопрос: "Во время войны вы были командиром отряда спецакций D. Сколько мужчин, женщин и детей уничтожил ваш отряд? "

По воспоминаниям Харриса, Олендорф пожал плечами и почти без колебаний ответил: "Девяносто тысяч! "

Отряды спецакций были сформированы Гиммлером и Гейдрихом и сопровождали немецкие армии, вступившие в Польшу в 1939 году. В их задачу входило вылавливать евреев и направлять в гетто. Почти два года спустя, когда уже началась русская кампания, с согласия командования вермахта они получили приказ следовать за боевыми частями и выполнять фазу "окончательного решения". С этой целью были созданы четыре отряда — А, В, С и D. Последним из них и командовал Олендорф с июня 1941 года по июль 1942 года. Он действовал в южной части Украины, входя в состав 11-й армии. На суде на вопрос полковника Джона Харлана Амена,

какие инструкции он получил, Олендорф ответил:

— Инструкции требовали ликвидировать евреев и советских политкомиссаров.

— Под словом "ликвидировать", вы имеете в виду "убивать"? — уточнил Амен.

— Да, я имею в виду "убивать", — ответил Олендорф, прибавив, что это относилось к женщинам, детям, а равно и к мужчинам.

— С какой же целью надо было истреблять детей? — прервал его вопросом советский судья генерал И. Т. Никитченко. Олендорф ответил:

— Приказ гласил, что еврейское население должно быть полностью истреблено.

— Включая детей?

— Да.

— Всех еврейских детей убивали?

— Да.

Отвечая на дальнейшие вопросы Амена, Олендорф описал, как обычно происходило убийство.

Отряд спецакций вступал в деревню или город и приказывал именитым еврейским гражданам созвать всех евреев для "переселения" {То есть им сообщали, что предстоит переселение в другое место. — Прим. авт.} Им предлагалось сдать все ценности, а затем, незадолго до казни, снять верхнюю одежду. После этого их отвозили на место казни, которым обычно служил противотанковый ров, причем на грузовиках доставляли такое число людей, которое можно было расстрелять в один прием. При этом стремились свести к минимуму время между моментом, когда пленники догадывались о том, что их ждет, и самим расстрелом.

Затем по команде их расстреливали стоя или поставив на колени, после чего трупы сбрасывали в ров. Я никогда не позволял производить расстрел отдельным солдатам, а приказывал взводу стрелять по команде одновременно во избежание личной ответственности. Командиры других отрядов требовали, чтобы жертвы ложились на землю, и расстреливали их в затылок. Я не одобрял таких методов.

— Почему же? — спросил Амен.

— Потому, — ответил Олендорф, — что для жертв и для тех, кто проводил экзекуцию, это было психологически слишком тяжелым испытанием...

— Весной 1942 года, — рассказывал далее Олендорф, — поступил приказ от Гиммлера изменить метод казни женщин и детей. С тех пор их доставляли ко рвам в грузовиках, оборудованных газовыми камерами

(душегубках). Автомобили были сконструированы специально для этой цели двумя берлинскими фирмами. Снаружи нельзя было определить, для чего они предназначались. Выглядели они как обычные фургоны, но устроены были так, что с запуском двигателя выхлопные газы подавались в закрытый кузов, умерщвляя в течение десяти-пятнадцати минут всех, кто там находился.

— Как вам удавалось заманивать жертвы в кузов? — поинтересовался полковник Амен.

— Им говорили, что предстоит переезд в другое место, — ответил Олендорф {Олендорфа судили в Нюрнберге американским военным трибуналом вместе с еще двадцатью одним нацистом по делу "Об отрядах спецакций". Четырнадцать из них были приговорены к смертной казни. Из них лишь четверо (Олендорф и трое других командиров отрядов) были казнены в Ландсбергской тюрьме 8 июля 1951 года, спустя три с половиной года после вынесения приговора. Для остальных смертные приговоры были заменены другими наказаниями. — Прим авт. }.

"Захоронение погибших в грузовиках с газовыми камерами, — продолжал он жаловаться, — было тяжелейшим испытанием для личного состава отрядов спецакций". В документе, представленном Нюрнбергскому процессу, это подтвердил некий д-р Беккер, которого Олендорф опознал как конструктора душегубок. В своем письме в штаб СД д-р Беккер возражал против того, чтобы персонал СД выгружал трупы удушенных газом женщин и детей, подчеркивая, что "всем занятым на этой работе могут быть нанесены сильнейшие психологические травмы и причинен серьезный ущерб здоровью. Они жаловались мне на головную боль, появлявшуюся после каждой такой выгрузки".

Д-р Беккер обратил также внимание своего начальства на то, что "применение газа не всегда осуществляется правильно. Для того чтобы поскорее завершить операцию, водитель нажимает на акселератор до отказа. При этом лица, подлежащие умерщвлению, погибают от удушья, а не от отравления газом, погружаясь при этом в сон", как запланировали создатели душегубок.

Д-р Беккер казался самому себе прямо-таки гуманистом, предлагая усовершенствовать технологию умерщвления. "Мои рекомендации подтвердили теперь, что при правильной регулировке рычага смерть наступает быстрее и узники засыпают мирным сном. Искривленных от ужаса лиц и экскрементов, как это было раньше, не наблюдается".

Но в душегубках, как показал Олендорф, можно было одновременно удушить от 15 до 25 человек за рейс, а этого было совершенно

недостаточно в сравнении с масштабами истребления, предписанными Гитлером и Гиммлером. Недостаточно, например, для операции, проводившейся в Киеве, столице Украины, в течение двух дней — 29 и 30 сентября 1941 года, когда, по данным официальных отчетов отрядов спецакций, был уничтожен 33 771 человек, преимущественно евреи.

На Нюрнбергском процессе главный обвинитель от Великобритании сэр Хартли Шоукросс зачитал свидетельские показания о том, как проходила сравнительно ограниченная массовая экзекуция на Украине. Данные под присягой показания директора и инженера немецкой дочерней строительной фирмы на Украине Германа Грабе повергли в ужас участников судебного заседания 5 октября 1942 года. В украинском городе Дубно он стал свидетелем того, как солдаты команды спецакций при содействии украинских полицаев устроили массовую казнь пяти тысяч евреев около карьера, сбрасывая туда тела расстрелянных.

"... Я и мой мастер, услышав автоматные очереди, доносившиеся из-за насыпи, пошли прямо к угольному карьеру. Доставленные на грузовиках люди — мужчины, женщины и дети всех возрастов сходили с машин и по приказу эсэсовца, державшего в руках плеть, раздевались в указанном месте. Они складывали отдельно обувь, верхнюю одежду и нижнее белье. Я видел груды обуви, состоявшую примерно из 800-1000 пар, огромные кипы одежды и нательного белья.

Без криков и плача люди раздевались, собирались семьями, целовали друг друга, прощаясь, и ждали сигнала другого эсэсовца, который также с плетью в руках стоял у края карьера. В течение 15 минут, пока я стоял у огромной ямы, я не услышал ни жалоб, ни мольбы о пощаде.

Какая-то старая женщина с белыми как снег волосами держала на руках годовалого ребенка, развлекая и веселя его. Ребенок что-то лепетал от удовольствия. Родители со слезами на глазах смотрели на своих детей. Отец мальчика лет 10 держал его за руку и что-то тихо говорил. Мальчик изо всех сил старался не заплакать. Отец показывал на небо, гладил его по головке и, казалось, что-то ему объяснял.

В этот момент эсэсовец, стоявший у края котлована, что-то крикнул своему напарнику. Тот отсчитал около двадцати человек и велел им идти за насыпь... Я хорошо помню одну девушку, тоненькую, черноволосую. Проходя мимо меня, она сказала: "Мне двадцать три года".

Я обошел вокруг насыпи и увидел перед собой огромную могилу. Люди плотно лежали друг на друге рядами. Видны были только головы. Почти у всех кровь стекала из головы на плечи. Некоторые еще шевелились. Другие поднимали руки и поворачивали головы, чтобы

показать, что они живы. Котлован был заполнен примерно на две трети. По моим подсчетам, в нем находилось около тысячи человек. Я поискал глазами человека, расстреливавшего несчастных. Это был эсэсовец. Он сидел на краю карьера, свесив ноги. Держа на коленях автомат, он покуривал сигарету.

Обнаженные люди делали несколько шагов вниз и пробирались по телам мертвых в то место, куда им указывал эсэсовец. Они ложились на мертвых или раненых. Некоторые с тоской тихими голосами утешали тех, кто еще был жив. Затем я услышал автоматную очередь. Заглянув в котлован, я увидел бившиеся в судорогах тела или уже неподвижные головы, лежавшие на телах нижнего ряда. По шее у них стекала кровь.

Тут же подошла следующая партия. Люди спустились в котлован, легли рядами на предыдущих... Раздалась новая очередь".

И так шли ряд за рядом. На следующее утро немецкий инженер вернулся на место расстрела.

"Я увидел около тридцати обнаженных людей, лежавших у края карьера. Некоторые еще подавали признаки жизни... Позднее живых евреев заставили столкнуть тела мертвых в котлован. Затем приказали лечь там под расстрел... Клянусь всевышним, что все сказанное мной чистая правда".

Сколько евреев и русских партийных работников (первые во много раз превышали число вторых) было уничтожено отрядами спецакций в России до того, как Красная Армия изгнала немцев? Нюрнбергский трибунал едва ли смог бы определить это точно, но гитлеровские архивы, как бы неполны они ни были, дают все же примерное представление об этом.

Отряд спецакций D во главе с Олендорфом, имевший на счету 90 тысяч человек, по числу убийств уступал некоторым другим отрядам. Так, например, отряд А, действовавший на северном направлении, докладывал 31 января 1942 года, что в Прибалтике и Белоруссии им истреблены 229 052 еврея. Его начальник Франц Штале-кер докладывал Гиммлеру, что столкнулся с трудностями в вышеуказанных провинциях из-за задержки начала операций "ввиду наступления сильных морозов, которые затруднили проведение массовых экзекуций. Тем не менее к настоящему времени в Белоруссии уже расстреляно 41 тысяча евреев". Шталекер, в том же году убитый советскими партизанами, приложил к своему докладу красиво оформленную карту, на которой в каждом районе было нанесено число преданных смерти в сопровождении условного знака в виде гроба. На одной лишь карте Литвы было помечено — 136 421 умерщвленный еврей. Около 34 тысяч человек временно оставили в живых, "поскольку

требовалась рабочая сила". Эстония, где проживало относительно немного евреев, была названа в его докладе "свободной от евреев".

На время суровой зимы экзекуции были приостановлены, но летом 1942 года отряды спецакций орудовали вовсю. К 1 июля еще около 55 тысяч евреев было убито в Белоруссии. В октябре в минском гетто за один день было уничтожено 16 200 человек оставшихся там заключенных. К ноябрю Гиммлер докладывал Гитлеру, что в России за период с августа по октябрь ликвидировано 363 211 евреев (цифра была в какой-то мере завышена, чтобы ублажить кровожадного фюрера) {31 августа Гиммлер приказал отряду спецакций уничтожить 100 заключенных минской тюрьмы, чтобы лично посмотреть, как это делается. По свидетельству Бах-Залевского, высокопоставленного офицера СС, присутствовавшего при этом, Гиммлер чуть не упал в обморок, увидев результат первого залпа. Через несколько минут, когда стало ясно, что после залпа остались в живых две еврейки, с фюрером СС случилась истерика. Одним из итогов его личных впечатлений и явился приказ женщин и детей отныне не расстреливать, а уничтожать в душегубках. — Прим. авт. }.

Всего, по подсчетам Карла Эйхмана, главы отдела гестапо по делам евреев, два миллиона человек, почти сплошь евреев, было убито на Востоке отрядами спецакций. Но цифра эта несомненно завышена. Трудно поверить, но эсэсовские главари так гордились своими злодеяниями, что часто, чтобы ублажить Гиммлера и Гитлера, сообщали дутые цифры. Личный учетчик Гиммлера, д-р Рихард Корхерр, докладывал 23 марта 1943 года своему шефу, что 633 300 евреев в России были "переселены" — эвфемизм для обозначения массовых расправ силами отрядов спецакций. Как ни удивительно, цифра эта приближается к результатам тщательного изучения, проведенного позднее рядом специалистов. Прибавьте к этому 100 тысяч умерщвленных в течение последних двух лет войны, и цифра, вероятно, будет достаточно точной, если вообще можно говорить о точных подсчетах {Число советских партийных работников, уничтоженных отрядами спецакций, насколько мне известно, никогда точно не подсчитывалось, В большинстве докладов СД их учитывали вместе с евреями. В одном из докладов отряда А, датированном октябрём 1941 года, значатся 3387 коммунистов среди 121 817 казненных, остальные были евреи. В других докладах приводится общая цифра. — Прим. авт. }.

Как ни велико это число, оно меньше числа евреев, погибших в гиммлеровских лагерях смерти к тому времени, когда приступили к выполнению "окончательного решения".

"Окончательное решение"

Прекрасным июньским днем 1946 года три сотрудника из персонала американского обвинения на Нюрнбергском процессе вели допрос обергруппенфюрера СС Освальда Поля, который помимо всего прочего руководил планированием работы узников нацистских концлагерей. До вступления в СС Польш был морским офицером. После поражения Германии он скрылся, пока год спустя, в мае 1946 года, не был обнаружен на ферме, где он укрывался под видом подсобного рабочего {По делу о концлагерях американским военным трибуналом Полю 3 ноября 1947 года был вынесен смертный приговор. 8 июня 1951 года он был повешен в Ландсбергской тюрьме вместе с Олендорфом. — Прим. авт. }.

Отвечая на один из вопросов, Польш употребил термин, который достаточно примелькался обвинению на Нюрнбергском процессе. Польш сказал, что его коллегу по имени Хесс Гиммлер использовал для "окончательного решения еврейского вопроса".

"Как это понимать?" — задали вопрос Полю.

"Истребление евреев", — пояснил он.

В ходе войны выражение это проникало все чаще в словарь и деловые бумаги нацистских главарей. Невинное на слух словосочетание, очевидно, помогало скрыть смущение, которое они испытывали, напоминая друг другу о его действительном значении. Пожалуй, они полагали, что оно может служить чем-то вроде прикрытия, доведись всплыть этим уличающим бумагам. И действительно, на Нюрнбергском процессе большинство нацистских главарей отрицали, что им было известно значение этого термина, а Геринг даже утверждал, что никогда не пользовался им, однако вскоре его ухищрения были полностью разоблачены. В судебном деле против тучного рейхс-маршала фигурировала директива, которую 31 июля 1941 года он направил Гейдриху, шефу СД, когда отряды спецакций уже вовсю вели истребительные операции в России.

"Настоящим поручаю вам, — наставлял Геринг Гейдриха, — провести все подготовительные мероприятия относительно "полного решения" еврейского вопроса на тех территориях Европы, которые находятся под германским влиянием.

Далее, я обязываю вас представить мне как можно скорее проект доклада с изложением уже предпринятых мер по выполнению намеченного окончательного решения еврейского вопроса".

Гейдрих отлично знал, что имел в виду Геринг под этим термином, поскольку сам употребил его годом раньше на секретном совещании после падения Польши, на котором он описал первый шаг "окончательного

решения", заключающийся в сосредоточении всех евреев в гетто больших городов, где будет нетрудно окончательно решить их участь.

Как выяснилось позднее, "окончательное решение" было той самой идеей, которую Гитлер давно вынашивал и которую он провозгласил публично еще до начала войны. В своей речи в рейхстаге 30 января 1939 года он заявил:

"Если международные еврейские банкиры вновь сумеют втянуть народы в мировую войну, результатом этого станет уничтожение еврейской расы во всей Европе".

Это "пророчество" он не менее пяти раз повторял в своих последующих публичных выступлениях. И не имело значения, что не "международные еврейские банкиры", а он сам вверг мир в вооруженный конфликт. Для Гитлера было важно, что мировая война уже шла" и это обстоятельство давало ему возможность теперь, когда он завоевал обширные пространства на Востоке, где проживало большинство европейских евреев, осуществить их уничтожение. Ко времени вторжения в Россию он уже отдал соответствующие приказы.

То, что в высших нацистских кругах именовалось приказом фюрера об "окончательном решении", очевидно, никогда не было изложено в виде документа — по крайней мере, ни одного экземпляра приказа обнаружить среди трофейных немецких бумаг не удалось. Все свидетельства говорят о том, что приказ был устно отдан Герингу, Гиммлеру и Гейдриху, которые довели его до исполнителей летом и осенью 1941 года. Ряд свидетелей показали в Нюрнберге, что они слышали о нем, но ни один не утверждал, что видел его. Так, упрямый как бык, Ганс Ламмерс, шеф рейхсканцелярии, загнанный в угол свидетельскими показаниями, признал: "Я знал, что приказ фюрера был передан Гейдриху Герингом. Этот приказ назывался "Окончательное решение еврейской проблемы".

Однако Ламмерс, как и многие другие подсудимые, утверждал, что не знал, о чем шла речь в приказе, до тех пор, пока следствие союзников не стало ссылаться на него на Нюрнбергском процессе {В апреле 1949 года Ламмерс был приговорен американским военным трибуналом в Нюрнберге к 20 годам тюремного заключения главным образом за то, что он нес ответственность за подготовку антиеврейских директив. Но, как в случае с большинством других осужденных нацистов, чьи сроки заключения были значительно сокращены американскими властями, в 1951 году срок Ламмерсу был сокращен до 10 лет. Фактически же его выпустили из Ландсбергской тюрьмы в конце того же года после шести лет заключения, считая с момента ареста Следует отметить, что большинство немцев, судя

по настроениям в западногерманском парламенте, не согласились даже с относительно мягкими приговорами, вынесенными гитлеровским подручным. Часть военных преступников, выданных немецкому правосудию, не предстала перед судом, хотя они обвинялись в массовых убийствах. Ряд из них быстро устроились на службу в боннском правительстве — Прим. авт. }. В начале 1942 года, по словам Гейдриха, настало время прояснить "фундаментальные проблемы окончательного решения", чтобы его наконец можно было осуществить. С этой целью 20 января 1942 года в уютном берлинском предместье Ванзе Гейдрих созвал совещание представителей различных министерств и ведомств СС и СД. Протоколы этого совещания впоследствии сыграли важную роль в ходе заседаний Нюрнбергского процесса. Несмотря на тогдашние неудачи вермахта в России, нацистские лидеры считали, что война почти выиграна и что Германия вскоре станет владычицей всей Европы, включая Англию и Ирландию. "Поэтому, — заявил Гейдрих примерно пятнадцати собравшимся высшим офицерам, — окончательное решение европейской еврейской проблемы коснется, вероятно, одиннадцати миллионов евреев". С пафосом приводил он цифры по каждой стране. На исконной территории рейха осталось всего 131 800 евреев (из 0, 25 миллиона проживавших в 1939 году), однако в СССР, по его словам, насчитывается 5 миллионов, на Украине — 3 миллиона, в Польском губернаторстве — 2, 25 миллиона, во Франции — 0, 75 миллиона и в Англии — 0, 3 миллиона. Из сказанного Гейдрихом со всей очевидностью следовало, что все 11 миллионов евреев должны быть уничтожены. Затем он разъяснил, как надлежит выполнить эту "масштабную" задачу.

"Отныне в ходе осуществления "окончательного решения" евреев необходимо доставлять на Восток... для использования в качестве рабочей силы. Организованные в крупные рабочие отряды, отдельно по полам, работоспособные евреи доставляются в эти районы для использования на строительстве дорог. В процессе работы значительная часть несомненно сгинет естественным образом. Оставшиеся, то есть те, кто способен выдержать все это, безусловно, будут представлять самую стойкую часть, должны подвергаться соответствующей обработке. Этих лиц, представляющих результат естественного отбора, следует рассматривать как исходный материал для возрождения еврейской популяции".

Другими словами, евреев из европейских стран следовало доставлять на оккупированный Восток, где надлежало уморить изнурительным трудом. Оставшиеся в живых попросту подлежали ликвидации. А как быть

с миллионами евреев, проживавших на Востоке и уже находившихся, что называется, под рукой? Статс-секретарь д-р Йозеф Бюлер, представитель генерал-губернатора Польши, уже имел на этот счет готовое предложение. В Польше проживает почти 2, 5 миллиона евреев, "представляющих большую опасность". Все они "либо носители болезней, либо спекулянты на "черном рынке", а главное — непригодны для работы". Каких-либо проблем с транспортировкой этих 2, 5 миллиона душ не существует. Они уже на месте.

"У меня лишь одна просьба, — сказал д-р Бюлер в заключение, — решить еврейскую проблему на моей территории как можно скорее".

Добрый статс-секретарь выказал нетерпение, которое полностью разделяли высокопоставленные нацисты, включая Гитлера. Вплоть до конца 1942 года, когда было уже слишком поздно, ни один из них не сознавал, насколько ценными для рейха могли оказаться евреи как подневольная рабочая сила. Сейчас они понимали только одно — чтобы замучить до смерти каторжной работой на дорогах России миллионы евреев, потребуется немало времени. Вследствие этого еще задолго до того, как эти несчастные начали бы умирать от изнурительного труда, Гитлер и Гиммлер решили отправить их в мир иной более быстрым способом.

В принципе имелось только два способа. Один из них, как мы уже убедились, начал применяться после вторжения в Россию. Это — массовое уничтожение польских и русских евреев автомобильными командами по уничтожению из состава отрядов спецакций, на счету которых более 0, 75 миллиона жертв. Именно этот способ имел в виду Гиммлер, обращаясь с речью к эсэсовским генералам в Познани 4 октября 1943 года:

"Я хочу также говорить с вами совершенно откровенно по весьма неприятному вопросу. Между собой мы можем называть все своими именами, однако публично никогда не следует высказываться на этот счет. Я имею в виду... истребление еврейской расы... Большинство из вас должны знать, что это означает, когда рядами один к одному лежат 100 трупов, или 500, или 1000. Выдержать все это до конца и остаться при этом порядочными людьми за некоторыми исключениями, что называется подчас человеческой слабостью, — вот что делает нас твердыми. Это страница славы в нашей истории, которая никогда не была и не будет написана..."

Несомненно, очкастый фюрер СС, который чуть не упал в обморок при виде сотни восточных евреев, в том числе женщин, расстрелянных ради его же любопытства, мог бы при желании увидеть еще более славную страницу германской истории, взирая на то, как старательно работают

офицеры СС у газовых камер в лагерях уничтожения. Ибо здесь, в этих лагерях смерти "окончательное решение" увенчалось омерзительным успехом.

Лагеря смерти

Все тридцать с лишним главных нацистских концлагерей были по существу лагерями смерти, где погибли от пыток и голода миллионы узников {Когон приводит цифру 7 миллионов 125 тысяч погибших из 7 миллионов 820 тысяч заключенных, однако она несомненно завышена (см. Когон. Теория и практика ада, с. 227). — Прим. авт. }. Хотя лагерное начальство вело свой учет (каждый лагерь имел свою официальную "тотенбух" — книгу смерти), записи были неполны, а во многих случаях книги уничтожались при приближении наступающих союзников. Часть одной из книг смерти, уцелевшая в Маутхаузене, включала записи о 35 318 умерших с января 1939 по апрель 1945 года {Начальник лагеря Франц Цирайс приводит цифру 65 тысяч погибших. — Прим. авт. }. В конце 1942 года, когда потребность в подневольной рабочей силе возросла, Гиммлер приказал сократить темпы умерщвления в концлагерях. Ввиду нехватки рабочей силы он выразил недовольство представленным в его управление докладом, в котором сообщалось, что из 136 700 заключенных, доставленных в концлагерь за период с июня по ноябрь 1942 года, умерло 70 610, было казнено 9267, а "перемещены", то есть отправлены в газовые камеры, 27 846 человек. Таким образом, рабочей силы оставалось не так уж много.

Такая картина наблюдалась в лагерях смерти, где был достигнут наибольший "успех" в выполнении "окончательного решения". Крупнейшим и наиболее известным был лагерь в Освенциме, пропускная способность которого (четыре огромные газовые камеры и прилегающие крематории) намного превосходила пропускную способность других лагерей — в Треблинке, Белжеце, Собибуре и Хелмно, располагавшихся на территории Польши. Имелись и другие, менее обширные лагеря смерти под Ригой, Вильно, Минском, Каунасом и Львовом, однако от остальных они отличались тем, что здесь главным образом расстреливали, а не удушали газом.

В течение некоторого времени между главарями СС существовало довольно сильное соперничество в поисках наиболее быстродействующего газа для истребления евреев. Быстрота действий была важным фактором, особенно в Освенциме, где к концу войны был установлен своеобразный рекорд — 6 тысяч жертв в день. Начальником лагеря в течение некоторого времени был Рудольф Хесс, бывший уголовник, признанный в свое время

виновным в убийстве. В Нюрнберге он дал под присягой показания, что газ, которым он пользовался, был наиболее эффективным {Хесс родился в 1900 году в семье мелкого лавочника в Баден-Бадене. Его отец, набожный католик, настаивал на том, чтобы сын стал священником. Вместо этого Хесс в 1922 году вступил в нацистскую партию. В следующем году он принял участие в убийстве школьного учителя, который якобы осуждал Лео Шлагетера, немецкого диверсанта в Руре, казненного французами и объявленного нацистами мучеником. Хесса приговорили к пожизненному заключению.

В 1928 году он был освобожден по общей амнистии, два года спустя поступил на службу в СС, а в 1934 году стал служить в отряде СС "Мертвая голова", основным назначением которого была охрана концлагерей. Его первым местом службы стал Дахау. Таким образом, почти всю свою сознательную жизнь он был заключенным либо тюремщиком. Он давал откровенные показания следствию на Нюрнбергском процессе и даже преувеличивал свои "заслуги" в убийствах. Переданный позднее польским властям, он был приговорен к смерти и 17 марта 1947 года повешен в Освенциме, где совершил тягчайшие преступления. — Прим. авт. }.

"Окончательное решение" еврейского вопроса означало поголовное истребление евреев в Европе. В июне 1941 года я получил приказ установить в Аушвице оборудование для их истребления. К этому времени в Польском генерал-губернаторстве уже действовали три лагеря истребления: Белжец, Треблинка и Вользек...

Я прибыл в Треблинку, чтобы изучить на месте, как осуществлялось истребление заключенных. Начальник лагеря сообщил мне, что за полгода он ликвидировал 80 тысяч человек. Его основной обязанностью была ликвидация всех евреев из Варшавского гетто {Задача, которая, как мы убедимся далее, не могла быть решена вплоть до 1943 года ввиду большого числа заключенных, а впоследствии — из-за вооруженного сопротивления. — Прим. авт. }.

Он использовал угарный газ, и его метод показался мне малоэффективным. Поэтому когда я оборудовал здание для истребления в Аушвице, то приспособил его для использования газа циклон В, который представлял собой кристаллическую синильную кислоту. Мы сбрасывали ее в газовую камеру через небольшое отверстие. Чтобы удушить всех, находившихся в камере, было достаточно от трех до пятнадцати минут в зависимости от климатических условий.

Мы определяли, что люди мертвы, по прекращавшимся крикам. Потом мы выжидали примерно полчаса, прежде чем открыть двери камеры и

выгрузить трупы. Затем солдаты отряда спецакций снимали кольца и другие драгоценности, вырывали изо рта умерших золотые коронки.

Другим усовершенствованием, сделанным нами, было строительство газовых камер с разовой пропускной способностью 2 тысячи человек, в то время как в десяти газовых камерах Треблинки можно было истреблять за один раз по 200 человек в каждой".

Затем Хесс объяснил, каким образом производился отбор жертв, предназначенных для газовых камер, поскольку не всех поступающих заключенных приканчивали сразу. Объяснялось это тем, что часть из них требовалась для работы на химических заводах "И. Г. Фарбен индустри" и на предприятиях Крупна. Там они работали до полного истощения, а затем подлежали "окончательному решению".

"В Аушвице у нас было два врача-эсэсовца, которые обследовали поступающих эшелонами заключенных. Их заставляли проходить друг за другом в затылок мимо врачей, один из которых тут же решал, кто годен для работы. Отобранных отправляли в лагерь. Остальных немедленно направляли в газовые камеры. Детей младшего возраста неизменно уничтожали".

Герр Хесс неустанно вносил усовершенствования в искусство массовых убийств.

"И еще одно усовершенствование, дававшее нам преимущество перед Треблинкой, состояло в том, что жертвы Треблинки почти всегда знали, что их ждет смерть, в то время как в Аушвице мы стремились их одурачить, внушая, что они будут подвергнуты дезинфекции, пройдут через "вошебойки". Конечно, они нередко распознавали наши подлинные намерения, и тогда вспыхивали бунты, возникали осложнения. Зачастую женщины прятали своих детей под одеждой. И когда мы их обнаруживали, то тотчас же отправляли в газовые камеры.

От нас требовали проводить операции по уничтожению втайне, но отвратительная тошнотворная вонь от постоянно сжигаемых тел пропитала весь район, и жители окрестных селений, конечно, знали, что в Аушвице проводится массовое уничтожение людей".

Хесс разъяснял, что иногда отбирали несколько пленных — очевидно, из числа русских военнопленных — и убивали их посредством инъекций бензина. "Наши врачи, — добавляет он, — имели приказ выписывать обычные свидетельства о смерти и указывать в них любую причину смерти" {Обычно записывали: "Сердечное заболевание". Примеры приводит сам Когон, проработавший в Бухенвальде восемь лет: "... Пациент скончался после продолжительной болезни такого-то числа, во

столько-то часов. Причина смерти: сердечная недостаточность, осложненная пневмонией" (Когон. Теория и практика ада, с. 218). Когда началось массовое истребление узников в газовых камерах, подобные формальности в Освенциме уже не соблюдались. Зачастую даже не подсчитывали умерших за день. — Прим. авт. }.

К откровенным описаниям Хесса можно добавить лаконичную и вместе с тем всеобъемлющую картину истребления людей и ликвидации трупов в Освенциме, нарисованную в показаниях оставшихся в живых узников и самих тюремщиков... Отбор, который определял, кто из евреев направляется на работы, а кто прямо в газовые камеры, происходил на железнодорожной станции, сразу после выгрузки заключенных из вагонов, в которых они ехали взаперти, без воды и пищи часто целую неделю, так как многие доставлялись из столь отдаленных мест, как Франция, Голландия, Греция. Хотя по прибытии и происходили душераздирающие сцены насильственного разлучения жен и мужей, детей и родителей, никто из узников, как свидетельствовал Хесс и подтверждали оставшиеся в живых, не подозревал, что их ждет впереди. Ведь некоторым из них вручали красивые открытки с видами Вальдзе, которые оставалось только подписать и отправить домой родственникам. Заранее напечатанный на открытке текст гласил:

"Мы тут хорошо устроились, получили работу, и с нами хорошо обращаются. Ждем вашего приезда".

Сами по себе газовые камеры и примыкающие к ним крематории, если смотреть на них вблизи, отнюдь не производили зловещего впечатления. Было невозможно определить, каково предназначение этих зданий в действительности. Вокруг них были хорошо ухоженные газоны и цветочные клумбы. Надписи при входе гласили: "Бани". Ничего не подозревавшие евреи считали, что их просто ведут в баню, чтобы избавить от вшей — распространенного явления во всех лагерях. И все это сопровождалось приятной музыкой!

Это была легкая музыка. Оркестр из молодых симпатичных девушек, одетых в белые блузки и темно-синие юбки, как вспоминал один из оставшихся в живых, был набран из узниц. Пока шел отбор кандидатов в газовые камеры, этот единственный в своем роде музыкальный ансамбль наигрывал бравурные мелодии из "Веселой вдовы" и "Сказок Гофмана". Ничего торжественного и мрачного из Бетховена. Похоронным маршем в Освенциме служили бодрые, веселые мелодии из венских и парижских оперетт.

Под эту музыку, вспоминая счастливые и более беззаботные времена,

мужчины, женщины и дети направлялись в банные корпуса, где им предлагалось раздеться, перед тем как принять "душ". Иногда даже выдавали полотенца. Оказавшись в "душевой", они, пожалуй, впервые начинали подозревать, что здесь что-то не так. Помещение было набито людьми, как бочки селедкой, что не позволяло принять душ, при этом массивную дверь осторожно прикрывали, запирали на замок и герметизировали. Наверху, где ухоженные газоны и клумбы почти скрывали грибовидные конуса над вентиляционными трубами, сообщавшимися с газовыми камерами, стояли стражники, готовые в любой момент высыпать в них цианистый водород, или циклон В в виде кристаллов сине-фиолетового цвета. Первоначально это вещество вырабатывалось в качестве сильного дезинфицирующего средства. Как мы убедились, герр Хесс нашел для него новое применение, чем очень гордился.

Узники из соседних блоков наблюдали за происходившим и за тем, как сержант Молль подавал стражникам сигнал высыпать кристаллы в вентиляционные трубы. "Прекрасно! — восклицал он. — А теперь дайте им чего-нибудь пожевать". И он громко хохотал. Кристаллы в этот момент сыпались в отверстия, которые затем плотно закрывались.

Все, что происходило внутри, палачи могли наблюдать через закрытые толстыми стеклами смотровые щели. Обнаженные узники тем временем поглядывали вверх в ожидании душа, которого не было, или под ноги, удивляясь отсутствию дренажных отверстий. Прежде чем газ начинал активно действовать, проходило некоторое время. И тут они понимали, что через отверстия в вентиляционных трубах поступает газ. Именно в этот момент обычно начиналась паника. Давя друг друга, люди стремились уйти подальше от труб, жались к огромной металлической двери, а затем, по словам Рейтлингера, "вдруг начинали лезть друг на друга, создавая нечто вроде синеватой, липкой, забрызганной кровью пирамиды, терзая и калеча друг друга, даже потеряв сознание".

Спустя двадцать — тридцать минут, когда огромная масса обнаженных тел переставала корчиться, вступали в действие насосы, откачивавшие отравленный воздух, открывалась большая дверь, и служащие зондеркоманды приступали к делу. Это были евреи из числа узников, которым была обещана жизнь и достаточное питание за выполнение самой ужасной работы, какую только можно представить {Их регулярно отправляли в газовые камеры и заменяли новыми командами, которых ожидала та же участь. Так СС избавлялась от свидетелей, которые могли рассказать правду. — Прим. авт. }. Надев противогазы и резиновые сапоги,

взяв шланги, они приступали к работе. Рейтлингер так описал это:

"Их первой задачей было смыть кровь и дефекации, прежде чем начать растаскивать с помощью крюков и багров сцепленные тела. Эта процедура была прелюдией к омерзительной охоте за золотом, к удалению зубов и волос, которые немцы считали стратегическими материалами. Затем наступало время совершать путешествия в подъемнике или вагонетках к печам крематория, потом к мельницам, перемалывавшим клинкер в мелкий пепел, после чего его засыпали в грузовики и сбрасывали в реку" {В свидетельских показаниях на Нюрнбергском процессе отмечалось, что иногда пепел продавали в качестве удобрения. Одна данцигская фирма, согласно документам, представленным советским обвинением, изготовила котел с электрическим подогревом для производства мыла из человеческого жира. Его рецепт включал "12 фунтов человеческого жира, 10 кварт воды и от 8 унций до фунта каустической соды... — все кипятилось в течение 2–3 часов и затем охлаждалось". — Прим. авт. }.

Как свидетельствуют документы, между немецкими предпринимателями шла активная борьба за контракты на строительство сооружений для истребления и кремации, а также на поставку смертоносных сине-фиолетовых кристаллов. Фирма "Топф и сыновья" из Эрфурта, специализировавшаяся на поставке отопительной аппаратуры, выиграла контракт на строительство крематориев в Освенциме. Обширная переписка по поводу этой сделки была обнаружена среди бумаг лагерного начальства. Письмо фирмы от 12 февраля 1943 года является на сей счет достоверным свидетельством.

В Центральное строительное управление службы СС и полиции г. Аушвиц

Содержание: О строительстве крематориев 2 и 3 для лагеря. Мы подтверждаем получение вашего заказа на пять тройных печей, включая два электрических подъемника для поднятия трупов и один запасной подъемник. Заказ включает также установку для загрузки угля и устройство для транспортировки пепла.

Однако "Топф и сыновья" была не единственной фирмой, принимавшей участие в этом грязном деле. Названия двух других вместе с их перепиской неожиданно всплыли на Нюрнбергском процессе. За контракт на создание устройств для сжигания трупов в других лагерях конкурировали также ряд немецких фирм. Так, предприятие "Заводы Дидье" в Берлине боролось за контракт на строительство объекта для сжигания трупов в нацистском лагере в Белграде, заявив, что установка будет давать превосходную продукцию.

Для подачи трупов в печь мы предлагаем простую металлическую вилку, передвигающуюся с помощью поршней.

Каждая печь будет иметь рабочую камеру размером 24 X 18 дюймов, поскольку гробы использоваться не будут. Для транспортировки трупов из места их сосредоточения к печам мы предлагаем использовать легкие колесные тележки. Схема работы установки, выполненная в масштабе, прилагается.

Фирма "С. Н. Кори" также претендовала на строительство печей в Белграде, рекламируя свой большой опыт в этой области, поскольку она уже соорудила четыре печи для Дахау и пять для Люблина, которые, как она подчеркивала, "полностью удовлетворили" заказчика.

Ссылаясь на наши устные переговоры относительно поставки оборудования упрощенной конструкции для сжигания трупов, мы настоящим представляем чертеж наших усовершенствованных кремационных печей, действующих на угле, которые до сих пор полностью удовлетворяли заказчиков.

Для намечаемого сооружения мы предлагаем две кремационные печи, в то же время мы рекомендуем вам уточнить свой заказ, чтобы быть в полной уверенности, что для ваших потребностей будет достаточно двух печей.

Эффективность действия кремационных печей, равно как и их надежность и долговечность, не подлежит сомнению, поскольку гарантируется безупречное исполнение работ и использование наилучших материалов.

В ожидании вашего ответа остаюсь готовый к услугам С. Н. Кори.

Хайль Гитлер!

Но в конце концов даже напряженных усилий немецкого свободного предпринимательства, использовавшего наилучшие материалы и гарантировавшего безупречное исполнение работ, оказалось недостаточно, чтобы удовлетворить потребности. Число построенных крематориев в целом ряде лагерей отставало от числа заказанных. Особенно остро их нехватка ощущалась в Освенциме, где в 1944 году требовалось сжигать в день по 6 тысяч тел (Хесс утверждал, что 16 тысяч). Например, за 46 дней лета 1944 года только венгерских евреев было здесь предано смерти примерно 250–300 тысяч человек. Не справлялись даже газовые камеры. И тогда прибегли к массовым расстрелам в стиле отрядов спецакций. Трупы расстрелянных сбрасывали во рвы и там сжигали, причем большинство трупов обгорали лишь частично, а затем бульдозеры ровняли рвы с землей. Начальники лагерей жаловались в конце войны, что крематории оказались

не только недостаточным средством, но и "неэкономичным".

Кристаллы циклона В, убивавшие узников, в первую очередь поставлялись двумя немецкими фирмами, которые получили патент на их производство у концерна "И. Г. Фарбен индустри". Это были фирмы "Теш и Штабен" в Гамбурге и "Дегеш" в Дессау. Первая поставляла 2 тонны кристаллического цианистого водорода в месяц, вторая — 0, 75 тонны. Наряды на доставку неожиданно всплыли в Нюрнберге.

Директора обеих фирм утверждали: они продавали свою продукцию только для целей дезинфекции и даже не представляли, что ее возможно использовать для убийства. Но эта уловка не сработала. Были обнаружены письма, отправленные фирмой "Теш и Штабен" с предложением поставлять не только упомянутые кристаллы, но и вентиляционное и нагревательное оборудование для газовых камер. Кроме того, несравненный Хесс, начав давать показания, превзошел самого себя, признавшись, что директора компании не могли не знать, как использовалась их продукция, поскольку они поставили ее (по заявке Хесса) столько, что хватило бы для истребления 2 миллионов человек. Английский военный суд убедился в этом в ходе процесса над двумя партнерами — Бруно Тешем и Карлом Вайнбахером, которые в 1946 году были приговорены к смерти и повешены. Директор второй фирмы д-р Герхард Петере фон Дегеш из Дессау, можно сказать, легко отделался. Немецкий суд приговорил его к пяти годам заключения.

После войны, до начала судебных процессов в Германии, все поголовно верили, что массовые убийства — дело рук в общем-то нескольких фанатичных главарей СС. Но протоколы судебных заседаний не оставляют и тени сомнения в соучастии в них ряда немецких промышленников, причем не только Крупна и директоров химического треста "И. Г. Фарбен индустри", но и предпринимателей меньшего калибра, которые внешне, вероятно, казались ничем не примечательными отцами семейств и добропорядочными слугами общества.

Сколько же всего несчастных, ни в чем не повинных людей, в большинстве своем евреев, а также русских военнопленных, было уничтожено в одном только Освенциме! Общее число установить невозможно. Сам Хесс в своих показаниях назвал цифру порядка "2 миллиона 500 тысяч расстрелянных, удушенных газом и сожженных и еще по меньшей мере 0, 5 миллиона погибших от голода и болезней, что в сумме составляет около 3 миллионов человек". Позднее в ходе суда над ним в Варшаве он уменьшил эту цифру до 1 миллиона 135 тысяч человек. Советское правительство, которое провело тщательное расследование

злodeяний в Освенциме после того, как в январе 1945 года его захватила Красная Армия, приводит цифру 4 миллиона человек. Рейтлингер, основываясь на собственных тщательных подсчетах, ставит под сомнение даже цифру 0, 75 миллиона истребленных в газовых камерах". По его данным, в газовых камерах погибло 600 тысяч человек, к которым добавляется еще "неопределенная часть пропавших без вести", порядка 300 тысяч человек, которые либо были расстреляны, либо умерли от голода и болезней. По любым подсчетам число это весьма внушительно.

Трупы сжигали, но золотые коронки на зубах сохранялись и, как правило, извлекались из пепла, если их не успевали присвоить солдаты специальных подразделений, перебивавшие горы трупов {Иногда их срывали еще до того, как людей приканчивали. Из секретного доклада начальника минской тюрьмы выяснилось, что после того как он прибег к услугам еврейского дантиста, "у всех евреев были сняты или вырваны золотые мосты, коронки и пломбы. Это происходило обычно за час или за два до спецакции". Начальник тюрьмы отмечал, что из 516 немецких и русских евреев, казненных в его тюрьме в течение полутора месяцев весной 1943 года, у 336 были сняты золотые коронки и т. п. — Прим. авт. }. Золото переплавлялось в слитки и вместе с другими ценностями, отобранными у обреченных евреев, направлялось в рейхсбанк в соответствии с секретным соглашением между Гиммлером и президентом банка и заносилось на счет СС под шифром "Макс Хейлигер". Помимо золота, сорванного с зубов, из лагерей смерти поступали золотые часы, серьги, браслеты, кольца, ожерелья и даже оправы от очков, поскольку евреям рекомендовалось "при переселении на новое место жительства" забирать с собой все ценности. Были собраны также большие запасы ювелирных изделий, особенно бриллиантов и серебряной посуды, не говоря уже о толстых пачках банкнот.

Рейхсбанк был буквально переполнен поступлениями на счет под шифром "Макс Хейлигер". Подвалы Рейхсбанка были забиты "трофеями" еще в 1942 году, и его алчные директора стали искать возможности заложить их в муниципальные ломбарды, чтобы получить под них наличные. В одном из писем Рейхсбанка в берлинский муниципальный ломбард, датированном 15 сентября, упоминается "вторая партия поступлений". Начинается оно так: "Мы направляем вам следующие ценности с просьбой найти им наилучшее применение". Далее приводится длинный перечень ценностей по видам, в который включено: 154 пары золотых часов, 1601 пара золотых серег, 132 бриллиантовых кольца, 784 пары серебряных карманных часов и 160 различных зубных протезов,

частично изготовленных из золота. К началу 1944 года берлинский ломбард был переполнен поступающими сплошным потоком краденными вещами и поэтому информировал рейхсбанк о том, что принимать ценности далее не в состоянии. Когда союзники одержали победу над Германией, они обнаружили в некоторых заброшенных соляных шахтах, где нацисты спрятали часть своих документов, и "трофеи", в том числе хранившиеся на счету под шифром "Макс Хейлигер". Количество их позволило заполнить три больших сейфа во франкфуртском филиале Рейхсбанка.

Знали ли банкиры об источниках этих уникальных вкладов? Директор управления драгоценных металлов Рейхсбанка показал в Нюрнберге, что и он и его служащие обратили внимание на то, что многие партии золота поступали из Люблина и Освенцима.

"Мы все знали, что это были места расположения концлагерей. Лишь в десятой партии, поступившей в ноябре 1943 года, впервые появилось золото, снятое с зубов. Количество такого золота становилось необычайно большим".

На Нюрнбергском процессе пресловутый Освальд Поль, начальник экономического отдела СС, который вел деловые операции для своего управления, подчеркивал, что д-р Функ, а также служащие и директора Рейхсбанка отлично знали происхождение вещей, которые они старались заложить в ломбард, чтобы получить под них деньги. Он довольно подробно описал "деловую сделку между Функом и СС относительно доставки в рейхсбанк ценностей, принадлежавших умершим евреям". Он припомнил разговор с вице-президентом банка д-ром Эмилем Полем.

"После этого разговора не осталось никаких сомнений, что предметы, которые поступали в рейхсбанк или которые предполагалось передать в рейхсбанк, принадлежали евреям, убитым в концлагерях. Такими предметами были перстни, часы, очки, золотые слитки, обручальные кольца, броши, булавки, золотые коронки и другие ценности".

Однажды, рассказывал Поль, после инспекционного обхода сейфов Рейхсбанка с осмотром ценностей, "принадлежавших умершим евреям", д-р Функ устроил для участников инспекции обед, во время которого случайно зашел разговор об уникальном по своему характеру происхождении трофеев {Д-р Функ был приговорен в Нюрнберге к пожизненному тюремному заключению. — Прим авт. }.

Конец варшавского гетто

Немало свидетелей рассказывали о той покорности, с которой очень многие евреи шли на смерть в нацистских газовых камерах или огромных котлованах, где группы спецакций расстреливали их. Но не все евреи

соглашались подвергнуться истреблению так покорно. Весной 1943 года около 60 тысяч евреев забаррикадировались в варшавском гетто — все оставшиеся в живых из 400 тысяч человек, которые были согнаны сюда как скот еще в 1940 году, — и поднялись на борьбу против нацистских мучителей.

Пожалуй, никто не смог бы составить более отталкивающего и одновременно достоверного отчета о восстании в варшавском гетто, чем надменный эсэсовский офицер {Документальная повесть Джона Херси о евреях гетто "Стена" представляет собой эпический рассказ о восстании. — Прим. авт. }. Этим эсэсовцем был Юрген Штроп, бригадефюрер СС и генерал-майор полиции. Его обстоятельный официальный доклад, в кожаном переплете, обильно иллюстрированный и отпечатанный на превосходной меловой бумаге, по счастью уцелел {Чего нельзя сказать о самом Штропе. После войны он был пойман и 22 марта 1947 года за расстрел заложников в Греции приговорен к смерти американским судом в Дахау. Затем его выдали Польше, где судили за массовые убийства евреев в варшавском гетто. Он вновь был приговорен к смерти и повешен на месте своих преступлений 8 сентября 1951 года. — Прим. авт. }. Он озаглавлен "Конец варшавского гетто".

В конце лета 1940 года, год спустя после захвата нацистами Польши, эсэсовцы арестовали почти 400 тысяч евреев и поместили их за высокой стеной, отделявшей от Варшавы район размерами примерно две с половиной мили в длину и миля в ширину, где некогда находилось средневековое гетто — место поселения евреев. Обычно в районе проживало 160 тысяч человек, теперь же там образовалось огромное скопище людей. Но это было не самой большой бедой. Генерал-губернатор Франк отказался выделить продовольствие, необходимое для того, чтобы не дать умереть с голоду хотя бы половине из 400 тысяч человек, находившихся на грани жизни и смерти. Выходить за пределы ограды запрещалось под страхом смерти. Работать евреям было негде, за исключением нескольких предприятий по производству оружия, принадлежавших вермахту или ненасытным немецким предпринимателям, которые умели извлекать крупные барыши из эксплуатации подневольного труда. По меньшей мере 100 тысяч евреев пытались выжить, имея миску супа в день, зачастую приготовленного из соломы. Это была безнадежная борьба за жизнь.

Но население гетто не вымирало настолько быстро от голода и болезней, как хотелось Гиммлеру. Летом, 1942 года он приказал переселять всех евреев из варшавского гетто "по соображениям безопасности" в другое

место. 22 июля началось великое "переселение". За период до 3 октября, согласно данным Штропа, были "переселены" 310 322 еврея. Точнее, они были перевезены в лагеря истребления, главным образом в Трешлинку, где их направляли в газовые камеры.

И все же Гиммлер не был доволен. Когда он неожиданно приехал в Варшаву в январе 1943 года и обнаружил, что 60 тысяч евреев все еще живут в гетто, он приказал завершить "переселение" к 15 февраля. Но это оказалось трудной задачей. Суровая зима и потребности армии, которая потерпела крупное поражение под Сталинградом и последующее отступление которой на юге России требовало обеспечения транспортными средствами в первую очередь, помешали СС получить необходимый транспорт для выполнения "окончательного решения". Кроме того, как докладывал Штроп, евреи сопротивлялись полному истреблению "любыми возможными средствами". До весны нечего было и рассчитывать, что приказ Гиммлера будет выполнен. Было принято решение расчистить гетто в ходе специальной акции в течение трех дней. На деле для этого потребовалось четыре недели.

Депортация свыше 300 тысяч евреев позволила немцам уменьшить территорию огороженного стеной гетто. И после того, как 19 апреля 1943 года генерал СС Штроп бросил на них танки, артиллерию, огнеметы и взводы подрывников, размеры гетто составили уже 1000 на 300 ярдов (900 X 270 метров). Все постройки были изрешечены пулями, однако отчаянно сопротивлявшиеся евреи превратили в укрепленные пункты сточные колодцы, подвалы и погреба. У них было совсем мало оружия — несколько пистолетов и винтовок, дюжины две пулеметов, украденных у немцев, да самодельные гранаты. Но в то апрельское утро они были полны решимости применить их в первый и последний раз в истории третьего рейха против нацистских поработителей.

В распоряжении Штропа было 2090 человек, половину из которых составляли части регулярной армии и эсэсовские войска, остальные представляли собой отряды полиции СС, усиленной литовской милицией численностью 335 человек, а также немногочисленными польскими полицейскими и пожарными. С первого дня они натолкнулись на упорное сопротивление.

"Едва началась операция, — докладывал Штроп в первом из своих ежедневных донесений, — как мы столкнулись с сильным сосредоточенным огнем евреев и бандитов. На танк и два броневики обрушился град бутылок с зажигательной смесью... В результате этой контратаки противника мы были вынуждены отойти".

Немецкая атака возобновилась, но продвижения почти не было. "Около 17. 30 мы встретили очень сильное сопротивление и пулеметный огонь со стороны группы зданий. Специально выделенная штурмовая группа нанесла поражение противнику, но не смогла захватить кого-либо из оказывавших сопротивление. Евреи и преступники вели огонь то из одного, то из другого подвала, а в последний момент скрывались... В первой атаке мы потеряли 12 человек".

И так продолжалось в течение нескольких дней. Плохо вооруженные защитники отступали только под огнем танков, артиллерии и огнеметов, продолжая оказывать сопротивление. Генерал Штроп не мог понять, почему "это отребье и человеческие отбросы", как он называл осажденных евреев, не сдавались.

"Через несколько дней, — докладывал он, — стало ясно, что евреи не имеют ни малейшего намерения переселяться добровольно, а полны решимости сопротивляться эвакуации и далее... Если в первые дни еще можно было захватить значительное число евреев, которые трусливы по натуре, то в ходе второй половины операции захватывать живьем бандитов и евреев становилось все труднее. Снова и снова создавали они боевые группы, насчитывавшие 20–30 еврейских мужчин, сопровождаемых таким же числом женщин, и упорная борьба вспыхивала вновь".

Некоторые женщины, отмечал Штроп, имели привычку "стрелять из пистолета, держа его обеими руками", а также прятать ручные гранаты в шароварах.

На пятый день сражения рассвирепевший от нетерпения Гиммлер приказал Штропу прочесать гетто "с максимальной жестокостью и неумолимой настойчивостью".

"Поэтому, — отмечает Штроп в своем итоговом отчете, — я решил уничтожить район еврейского гетто, сжигая каждый дом". И далее описывает последующие события:

"Евреи оставались в горящих домах до последней минуты, пока, опасаясь сгореть заживо, не выпрыгивали из окон верхних этажей. Даже переломав себе кости, они переползали через улицы в дома, еще не охваченные огнем... Несмотря на опасность сгореть заживо, евреи и бандиты часто предпочитали войти в огонь, чем быть схваченными".

Человеку, подобному Штропу, было просто невдомек, почему мужчины и женщины готовы скорее погибнуть в огне, чем спокойно умереть в газовых камерах. Ведь всех захваченных, которых он не прикончил на месте, Штроп направлял в Трешлинку. 25 апреля он сообщил по телетайпу в штаб СС, что всего захвачено 27 464 еврея.

"Я рассчитываю завтра получить эшелон на Т-2 (Треблинка). В противном случае ликвидация будет осуществлена на месте".

Ликвидация на месте практиковалась довольно часто.

На следующий день Штроп информировал начальство: "1330 евреев были выведены из подвалов и немедленно уничтожены; 362 еврея убиты в ходе боев". Лишь 30 захваченных в плен были "эвакуированы".

К концу восстания защитники гетто заняли оборону в канализационных сооружениях. Штроп пытался выгнать их оттуда, затопив основные сточные трубы, но евреям удалось перекрыть доступ воде.

Однажды немцы сбросили туда через 183 люка дымовые шашки, однако Штропу пришлось уныло докладывать, что они не "произвели желаемого эффекта".

В исходе сражения сомневаться не приходилось. В течение месяца загнанные в ловушку евреи сражались с отчаянной храбростью, хотя Штроп в одном из своих донесений жаловался на "коварные методы ведения боя и уловки, широко практиковавшиеся евреями и бандитами". К 26 апреля он доложил, что многие из осажденных "сходят с ума вследствие жары, дыма и взрывов".

"В течение дня еще несколько зданий были сожжены дотла. Это единственно эффективный метод, чтобы выгнать наружу это отребье".

Наступил последний день — 16 мая. К вечеру Штроп отправил последнее боевое донесение:

"Уничтожено 180 евреев, бандитов и ублюдков. Бывший еврейский квартал в Варшаве более не существует. Эта крупная операция завершилась в 20 часов 15 минут подрывом еврейской синагоги... Общее число евреев, подвергшихся акции, составило 56 065, включая как пойманных евреев, так и евреев, уничтожение которых может быть доказано".

Неделю спустя его попросили пояснить эту цифру. Вот что он ответил:

"Из общего числа 56 065 задержанных около 7 тысяч было уничтожено в бывшем гетто в ходе этой крупной операции. 6929 евреев было уничтожено в результате транспортировки в Треблинку. Таким образом, всего было истреблено 13 929 евреев. Помимо этого около шести тысяч евреев погибло при взрывах или в огне".

Арифметика генерала Штропа недостаточно надежна, поскольку в его подсчетах не отражена судьба еще 36 тысяч евреев. Но едва ли стоит сомневаться в том, что он не грешил против правды, когда писал в красиво переплетенном итоговом докладе, что захватил "в общей сложности 56 065 евреев, уничтожение которых можно доказать". Бесспорно, 36 тысяч человек прошли через газовые камеры.

Потери немцев, по отчетам Штропа, составили 16 убитых и 90 раненых. Возможно, истинные потери были значительно больше, если принять во внимание ожесточенный характер уличных боев, когда приходилось штурмом овладевать каждым домом, что сам генерал описал с такими страшными подробностями. Потери же были приуменьшены, дабы не задеть тонкую чувствительность Гиммлера. Германские войска и полиция, заключал Штроп, "исполняли свой долг достойно, в духе полного единства и проявили себя как примерные солдаты". "Окончательное решение" продолжалось до конца войны. Сколько евреев погибло в ходе его? Число погибших часто вызывало споры. Согласно показаниям двух эсэсовцев в Нюрнберге, которые ссылались на данные ведущего нацистского эксперта в этом вопросе — шефа отдела гестапо по делам евреев Карла Эйхмана, приводившего в исполнение "окончательное решение" под указующим перстом Гейдриха {Эйхман, по свидетельству одного из приспешников, заявил незадолго до падения третьего рейха, что с восторгом прыгнет в могилу, если на его совести действительно пять миллионов уничтоженных евреев. "Сознание этого будет служить для меня источником огромного удовлетворения", — бахвалился палач. В действительности же ему удалось скрыться из американского лагеря для интернированных лиц в 1945 году. Только после выхода в свет первого издания этой книги он был арестован в Южной Америке, вывезен в Израиль, предан там суду за военные преступления и казнен в 1963 году. — Прим. авт. }, инициатора идеи, общее число жертв составляет примерно 5–6 миллионов человек. Цифра, приведенная в обвинительном заключении в Нюрнберге, составляет 5 миллионов 700 тысяч человек. Она также подтверждается подсчетами, произведенными Всемирным еврейским конгрессом. В своем обстоятельном анализе акции "окончательное решение" Рейтлингер пришел к выводу, что действительная цифра несколько меньше и составляет примерно 4 194 200–4 581 200 человек.

В 1939 году на территории, впоследствии оккупированной гитлеровскими войсками, проживало 10 миллионов евреев. По любым оценкам совершенно очевидно, что почти половина из них была уничтожена немцами. Такова страшная расплата за то затмение, которое овладело сознанием нацистского диктатора в дни его беспризорной юности в Вене и которое он передал столь многим своим последователям в Германии.

Медицинские эксперименты

В период недолго просуществовавшего в Европе "нового порядка" немцы совершили деяния, порожденные скорее обыкновенным садизмом,

нежели жаждой массовых убийств. Только для психиатра существует, пожалуй, разница между этими двумя пагубными страстями, хотя конечный результат в первом случае отличался от второго лишь масштабами уничтожения людей.

Медицинские эксперименты нацистов как раз и являются примером такого садизма, поскольку использование заключенных концлагерей и военнопленных в качестве подопытных животных едва ли обогатило науку. Эти ужасные деяния, которыми не может гордиться немецкая медицина. И хотя проводили "эксперименты" что-то около 200 шарлатанствующих живодеров, часть из которых занимали весьма ответственное положение в медицинских кругах, их преступная деятельность была известна тысячам ведущих медиков рейха, но ни один, как об этом свидетельствуют документы, не выразил открыто хотя бы малейшего протеста {В том числе и самый известный в Германии хирург д-р Фердинанд Зауэрбрух, хотя позднее он стал антифашистом и сотрудничал с силами Сопротивления. В мае 1943 года Зауэрбрух присутствовал в берлинской военно-медицинской академии на лекции, прочитанной двумя отъявленными врачами-убийцами — Карлом Гебхардтом и Фрицем Фишером об экспериментах по провоцированию газовой гангрены у пленных. Единственным возражением Зауэрбруха на этой лекции было замечание, что "хирургия лучше сульфаниламида". Профессор Гебхардт был приговорен к смерти на известном "Процессе врачей" и повешен 2 июня 1948 года. Д-р Фишер был приговорен к пожизненному заключению. — Прим. авт. }.

Евреи были не единственными жертвами убийств подобного рода. Нацистские врачи проводили опыты над русскими военнопленными, над узниками концлагерей, над мужчинами и женщинами, даже над немцами. "Эксперименты" были весьма разнообразными. Испытуемых помещали в барокамеры и проверяли на них высотные режимы до тех пор пока у них не останавливалось дыхание. Им впрыскивали смертельные дозы микробов тифа и гепатита. Над ними проводили опыты "по замораживанию" в ледяной воде или выводили обнаженными на мороз, пока они не замерзли. На них испытывалось действие отравленных пуль, а также иприта. В концлагере для женщин Равенсбрюк сотням польских девушек — "подопытных крольчих", как их называли, — умышленно наносили раны и доводили до гангрены, на других же проводили "эксперименты" по пересадке костей. В Дахау и Бухенвальде отбирали цыган и проверяли на них, сколько и каким образом может прожить человек, питаясь соленой водой. Во многих лагерях широко проводились опыты по стерилизации мужчин и женщин, поскольку, как писал Гиммлеру эсэсовский терапевт д-р

Адольф Покорны, "врага необходимо не только победить, но и искоренить". В тех случаях, когда его не нужно убивать, — а потребность в рабочей силе, как уже мы имели возможность убедиться, к концу войны ставила под вопрос целесообразность уничтожения людей — его следует "лишить возможности воспроизводить себя". В сущности, как сообщал Гиммлеру д-р Покорны, ему удалось найти подходящие средства для этой цели — растение *Caladium seguinum*, которое, по его словам, обеспечивало длительную стерильность.

"Сама по себе мысль о том, — писал добрый доктор фюреру СС, — что три миллиона большевиков, находящихся сейчас в немецком плену, могут быть стерилизованы и в то же время будут пригодны для работы, открывает далеко идущие перспективы".

Еще одним немецким доктором, открывшим "далеко идущие перспективы", был профессор Август Хирт, руководитель Института анатомии при Страсбургском университете. Область его интересов несколько отличалась от предметов исследования его коллег, о чем он поведал адъютанту Гиммлера генерал-лейтенанту войск СС Рудольфу Брандту в письме, написанном в канун рождества 1941 года:

"В нашем распоряжении находится большая коллекция черепов почти всех рас и народов. Однако мы располагаем лишь очень небольшим числом черепов еврейской расы... Война на Востоке представляет нам благоприятную возможность восполнить этот пробел. С получением черепов еврейско-большевистских комиссаров, которые представляют собой прототип наиболее отталкивающих, но характерных человекоподобных существ, мы получим возможность обрести необходимый научный материал".

Профессор Хирт не имел в виду черепа "еврейско-большевистских комиссаров", так сказать, уже препарированные. Он предлагал вначале измерить черепа у живых. Затем, после умерщвления еврея — при этом голова не должна быть повреждена — врач отделит ее от туловища и поместит в герметически закрытом контейнере. После этого д-р Хирт приступит к дальнейшим научным исследованиям. Гиммлер был очень доволен. Он дал указание обеспечить профессора Хирта всем необходимым для исследовательской работы. И его обеспечили. Ответственным поставщиком "научного материала" являлся довольно примечательный нацист по имени Вольфрам Сивере, который неоднократно выступал в качестве свидетеля на основном процессе в Нюрнберге, а затем в качестве обвиняемого {Он был приговорен к смертной казни и повешен. — Прим. авт. } на "Процессе врачей". Бывший книготорговец Сивере дослужился до

чина полковника войск СС и секретаря-исполнителя в Институте исследований наследственности, одном из нелепых "культурных" учреждений, созданных Гиммлером для исследований в сфере его многочисленных безумных идей. По показаниям Сиверса, там имелось 50 научных учреждений, одно из которых именовалось Институтом военнo-научных изысканий, и возглавлял его все тот же Сивере. Это был человек чем-то похожий на Мефистофеля, с хитрым прищуром глаз и густой иссиня-черной бородой. В Нюрнберге его окрестили нацистской Синей Бородой по сходству с известным персонажем. Подобно многим другим участникам этой истории, он вел обстоятельный дневник, который, как и его переписка, сохранился и помог ему покончить жизнь на виселице.

К июню 1943 года Сиверсу удалось отобрать в Освенциме мужчин и женщин, скелеты которых должны были послужить впоследствии "для научных обмеров", проводимых д-ром Хиртом, профессором Страсбургского университета. "Всего, — докладывал Сивере, — подверглись обработке 115 человек, включая 79 евреев, 30 евреек, 4 азиатов и 2 поляков". Одновременно он дал заявку в главное управление СС в Берлине на транспортировку отобранных "для обработки" из Освенцима в концлагерь Натцвейлер, близ Страсбурга. В ходе перекрестного допроса в Нюрнберге английский прокурор спросил, что означает слово "обработка".

— Антропологические измерения, — ответил Сивере.

— То есть, прежде чем их убивали, проводился антропологический обмер? И это все, для чего они требовались, не так ли?

— Затем делались слепки, — добавил Сивере.

О том, что следовало далее, рассказал капитан войск СС Йозеф Крамер, убийца с большим опытом, приобретенным в Освенциме, Маутхаузене, Дахау и других концлагерях. Заслужив недолговечную славу Бельзенского Зверя, он был впоследствии приговорен английским судом в Люнебурге к смертной казни.

"Профессор Хирт из Страсбургского института анатомии известил меня об эшелоне заключенных, следующем из Аушвица. Он сообщил, что они будут умерщвлены в газовых камерах концлагеря Натцвейлер. После этого тела будут доставлены в институт анатомии в его распоряжение. Он передал мне пол-литровую бутылку, заполненную примерно наполовину какими-то кристаллами (думаю, это были соли цианида), и объяснил примерную дозировку, которую надлежит применять для отравления прибывающих из Аушвица.

В начале августа 1943 года я принял 80 заключенных, которые подлежали умерщвлению с помощью кристаллов, переданных мне Хиртом.

Однажды ночью на небольшой автомашине я повез к газовой камере примерно 15 человек — первую партию. Я сообщил женщинам, что для прохождения дезинфекции им нужно войти в камеру. Конечно, я не сказал, что там их отравят газом".

К этому времени нацисты уже усовершенствовали технологию отравления газом.

"При помощи нескольких солдат СС, — продолжал Крамер, — я заставил женщин раздеться донага и в таком виде затолкал их в газовую камеру.

Когда дверь захлопнулась, они начали кричать. Через небольшую трубу... я высыпал в камеру нужное количество кристаллов и стал наблюдать в смотровое отверстие за происходящим в камере. Женщины дышали примерно еще полминуты, затем попадали на пол. Потом, выключив вентиляцию, я открыл дверь и увидел безжизненные тела, испачканные экскрементами".

Капитан Крамер показал, что он несколько раз повторял эту процедуру, пока все 80 заключенных не были умерщвлены. После этого трупы были переданы профессору Хирту, как и требовалось. Допрашивавшие задали Крамеру вопрос, что он чувствовал в это время. Крамер дал ответ, который невозможно забыть и который проливает свет на явление, характерное для третьего рейха, но казавшееся непостижимым для нормального человека:

"У меня не было никаких чувств при выполнении этих акций, так как я получил приказ ликвидировать 80 заключенных только что изложенным мною способом.

Именно так, между прочим, я был обучен действовать".

Другой свидетель описал, что происходило далее. Его имя Анри Эрипьер (француз, работавший в качестве ассистента в институте анатомии, в лаборатории профессора Хирта, вплоть до вступления в Страсбург войск союзников).

"Первая партия, полученная нами, включала трупы 30 женщин... Тела были еще теплые. Глаза были открыты и блестящие. Красные, налитые кровью, они вылезли из орбит. Следы крови были видны около носа и вокруг рта. Но никаких признаков трупного окоченения не наблюдалось".

Эрипьер заподозрил, что они были умерщвлены умышленно, и тайно записал их личные номера, вытатуированные на левой руке. Затем поступили еще две партии общим числом 56 трупов в точно таком же состоянии. Их заспиртовали под непосредственным руководством д-ра Хирта. Однако профессор проявлял признаки беспокойства в связи со всем этим делом. "Анри, — сказал он Эрипьеру, — если не сможешь держать

язык за зубами, станешь одним из них". Тем не менее д-р Хирт продолжал руководить работой. Как свидетельствует переписка Сиверса, профессор отделял головы и, по его словам, собрал коллекцию черепов, никогда дотоле не существовавшую. Но вскоре возникли определенные трудности и, услышав о них из уст Хирта, ведь Сивере никогда не был специалистом в медицине, тем более в анатомии, шеф Института исследований наследственности доложил о них 5 сентября 1944 года Гиммлеру: "Ввиду широких масштабов научных исследований обработка трупов еще не завершена. Чтобы обработать еще 80 трупов, потребуется определенное время".

А время уходило. Наступавшие американские и французские войска приближались к Страсбургу. Хирт запросил "указаний относительно судьбы коллекции".

"От трупов можно было бы отделить мягкие ткани, с тем чтобы исключить их опознавание, — докладывал Сивере в штаб от имени д-ра Хирта. — Однако это означает, что по крайней мере часть работы была проделана впустую и что эта уникальная коллекция утрачена для науки, поскольку сделать впоследствии гипсовые слепки будет невозможно.

Как таковая коллекция скелетов не привлечет к себе внимания. Можно объявить, что мягкие ткани были оставлены французами еще до того, как институт анатомии перешел в наши руки {Германия аннексировала Эльзас после падения Франции в 1940 году, и немцы захватили Страсбургский университет — Прим авт. }, и что они будут сожжены. Дайте мне, пожалуйста, рекомендации, к какому из трех вариантов следует прибегнуть: 1) Сохранить полностью всю коллекцию. 2) Частично разукомплектовать ее. 3) Полностью разукомплектовать коллекцию".

— Свидетель, скажите, зачем вы хотели отделить мягкие ткани? — задал вопрос английский обвинитель в притихшем судебном зале Нюрнберга. — Почему вы предлагали, чтобы вина пала на французов?

— Как неспециалист, я не мог иметь своего мнения в этом вопросе, — ответил нацистская Синяя Борода, — я лишь передал запрос д-ра Хирта. Я не имел никакого отношения к убийству этих людей. Я выполнял роль почтальона.

— Вы работали как целое почтовое отделение, — прервал прокурор, — еще одно из этих столь известных нацистских почтовых отделений, не так ли?

Защита у этого нациста, как и у многих других на суде, была шита белыми нитками, и обвинение легко загнало его в угол.

Захваченные архивы СС позволили установить, что 26 октября 1944

года Сиверс докладывал: "Коллекция в Страсбурге полностью разукомплектована согласно полученной директиве. Это лучший выход, учитывая сложившуюся ситуацию".

Позднее Эрипьер описал попытку, правда не вполне удавшуюся, скрыть следы преступлений:

"В сентябре 1944 года, когда союзники стали наступать на Бельфор, Хирт приказал Бонгу и герру Мейеру расчленить трупы и сжечь в крематории... Я спросил у герра Мейера на следующий день, все ли тела он расчленил, однако герр Бонг ответил: "Мы не могли расчленить все тела, это слишком большая работа. Несколько трупов мы оставили в хранилище".

Когда месяц спустя части во главе с, французской 2-й бронетанковой дивизией, действовавшей в составе американской 7-й армии, вошли в Страсбург, эти трупы были обнаружены там союзниками {Профессор Хирт скрылся. Покидая Страсбург, он, как передают, похвалялся, что живым его взять никому не удастся. Видимо, он был прав, поскольку ни живым, ни мертвым обнаружить его не удалось. — Прим. авт. }.

Не только черепам, но и человеческой коже находили применение апологеты "нового порядка", хотя в последнем случае они уже не могли прикрыться служением науке. Кожа узников концлагерей, специально уничтожавшихся с этой дьявольской целью, имела всего лишь декоративную ценность. Из нее, как выяснилось, они изготавливали отличные абажуры, причем несколько штук были сделаны специально для фрау Ильзе Кох, жены коменданта концлагеря в Бухенвальде, прозванной узниками Бухенвальдской Сукой {Фрау Кох, власть которой над жизнью и смертью заключенных была безгранична и любая причуда которой могла стоить заключенному страшного наказания, была приговорена на Бухенвальдском процессе к пожизненному заключению. Впоследствии, однако, срок ей был сокращен до четырех лет, а вскоре ее вообще выпустили на свободу. 15 января 1951 года она была приговорена немецким судом к пожизненному заключению за убийство. В годы войны за "эксцессы" ее муж был приговорен эсэсовским судом к смерти. Однако ему было предоставлено право выбора — смерть или служба на русском фронте. Но, прежде чем он смог воспользоваться им, руководитель СС округа принц Вальдек добился его казни. В Бухенвальде погибла также принцесса Мафальда, дочь короля и королевы Италии, жена принца Филипа Гессенского. — Прим. авт. }. Татуированная кожа пользовалась особым спросом. Об этом на Нюрнбергском процессе узник лагеря немец Андреас Пфаффенбергер дал под присягой следующие показания:

"... Всем заключенным, имевшим татуировку, было приказано явиться в амбулаторию... После осмотра, заключенных с наиболее художественной татуировкой умерщвляли посредством инъекций. Их трупы доставлялись в патологическое отделение, где от тела отделялись лоскуты татуированной кожи, подвергавшейся затем соответствующей обработке. Готовая продукция передавалась жене Коха, по указанию которой из кожи выкраивались абажуры и другие декоративные предметы домашней утвари".

На одном куске кожи, который, вероятно, произвел особо сильное впечатление на фрау Кох, имелась татуировка с надписью: "Гензель и Гретель".

В другом лагере, в Дахау, спрос на такую кожу часто превышал предложение. Лагерный узник, чешский врач д-р Франк Блаха, показал в Нюрнберге следующее:

"Иногда не хватало тел с хорошей кожей, и тогда д-р Рашер говорил: "Ничего, вы получите тела". На следующий день мы получали двадцать или тридцать тел молодых людей. Они были убиты выстрелом в голову или ударом по голове, но кожа оставалась неповрежденной... Кожа должна была поступать от здоровых людей и не иметь дефектов".

Судя по всему, именно д-р Зигмунд Рашер нес ответственность за наиболее садистские медицинские эксперименты. Этот отпетый шарлатан привлек внимание Гимmlера, одной из навязчивых идей которого было выведение все более полноценных поколений нордической расы, распространив в кругах СС слух о том, что фрау Рашер после сорока восьми лет родила троих детей, отличающихся более совершенными качествами с точки зрения расовой теории. В действительности же семейство Рашер попросту похищало детей из сиротских домов через соответствующие промежутки времени. Весной 1941 года д-ру Рашеру, посещавшему в то время специальные медицинские курсы в Мюнхене, организованные люфтваффе, неожиданно пришла в голову блестящая идея. 15 мая 1941 года он написал о ней Гимmlеру. К своему ужасу, д-р Рашер обнаружил, что опыты по исследованию воздействия больших высот на летчиков застряли на мертвой точке. "До настоящего времени невозможно было проводить эксперименты на людях, потому что они опасны для здоровья испытуемых, а добровольцев, готовых подвергнуться им, не находится, — писал "исследователь". — Не могли бы вы предоставить двух или трех профессиональных преступников... для участия в этих экспериментах. Опыты, в ходе которых они, вероятно, погибнут, будут проводиться при моем участии".

Через неделю эсэсовский фюрер ответил, что "заключенные, конечно, будут охотно предоставлены для проведения высотных экспериментов". Они были предоставлены, и д-р Рашер приступил к делу. О результатах можно судить по его собственным докладам и по отчетам других "экспериментаторов". Эти документы фигурировали на Нюрнбергском и последующих процессах, в частности над врачами СС.

Описание д-ром Рашером его изысканий может служить образцом псевдонаучного жаргона. Для проведения высотных экспериментов он организовал переброску барокамеры ВВС из Мюнхена прямо в концлагерь близ Дахау, где не было недостатка в человеческом материале, предназначенном на роль подопытных кроликов. Из новоизобретенного хитроумного устройства выкачивался воздух так, что моделировались условия отсутствия кислорода и низкое давление, характерные для больших высот. После этого д-р Рашер приступал к наблюдениям.

"Третий опыт проводился в условиях отсутствия кислорода, соответствующих высоте 29400 футов (8820 метров). Испытуемым был еврей 37 лет в хорошем физическом состоянии. Дыхание продолжалось в течение 30 минут. Через четыре минуты после начала испытуемый стал покрываться потом и крутить головой.

Пять минут спустя появились спазмы; между шестой и десятой минутами увеличилась частота дыхания, испытуемый стал терять сознание. С одиннадцатой по тридцатую минуту дыхание замедлилось до трех вдохов в минуту и полностью прекратилось к концу срока испытания... Спустя полчаса после прекращения дыхания началось вскрытие".

Австрийский заключенный Антон Пахолег, который работал в отделе д-ра Рашера, описал "эксперименты" менее научным языком:

"Я лично видел через смотровое окно барокамеры, как заключенные переносили вакуум, пока не происходил разрыв легких. Они сходили с ума, рвали на себе волосы, пытаясь уменьшить давление. Они расцарапывали себе голову и лицо ногтями и пытались искалечить себя в приступе безумия, бились головой о стены и кричали, стремясь ослабить давление на барабанные перепонки. Такие опыты завершались, как правило, смертью испытуемых".

Около 200 заключенных были подвергнуты этим опытам, прежде чем д-р Рашер завершил их. Из этого числа, как стало известно на "Процессе врачей", около 80 погибли на месте, остальные были ликвидированы несколько позднее, чтобы никто не мог рассказать о происходившем.

Закончилась эта программа "исследований" в мае 1942 года, когда фельдмаршал Эрхард Мильх из люфтваффе передал Гиммлеру

благодарность Геринга за новаторские "эксперименты" д-ра Рашера. Некоторое время спустя, 10 октября 1942 года, генерал-лейтенант д-р Хиппке, инспектор авиационной медицины, выразил Гиммлеру от имени германской авиационной медицины и науки свою глубочайшую признательность за "эксперименты" в Дахау. Однако, на его взгляд, в них имелось одно упущение. Они не учитывали экстремально низкие температуры, в которых летчик действует на больших высотах. В целях исправления этого недостатка д-р Хиппке информировал Гиммлера, что ВВС приступили к сооружению барокамеры, оснащенной охлаждающей системой, способной воссоздавать холод на высотах вплоть до 100 тысяч футов (30 тысяч метров). Он добавил, что эксперименты в условиях низких температур по различным программам по-прежнему продолжаются в Дахау.

Они действительно продолжались. И снова под руководством д-ра Рашера. Однако некоторых его коллег-докторов одолевали сомнения: по-христиански ли поступает д-р Рашер? Ряд врачей люфтваффе стали всерьез задумываться на этот счет. Узнав об этом, Гиммлер пришел в бешенство и тут же направил фельдмаршалу Мильху негодующее послание, осуждая атмосферу трудностей, созданную "христианскими медицинскими кругами" в ВВС. При этом он просил начальника штаба ВВС освободить д-ра Рашера от работы в медицинской службе ВВС, с тем чтобы он мог трудиться в СС. Гиммлер предложил подыскать "врача нехристианина, достойного ученого", способного продолжить ценные изыскания д-ра Рашера. Одновременно Гиммлер подчеркнул, что он "берет на себя ответственность за направление в исследовательские центры ВВС асоциальных лиц и преступников из концлагерей, которые не заслуживают ничего, кроме смерти".

"Эксперименты по замораживанию", проводившиеся д-ром Рашером, были двух видов: первый — с целью выяснить, какой холод и сколько времени способен выдержать человек, прежде чем умрет; второй — с целью найти наилучшие способы отогрева еще живого человека, после того как он подвергся воздействию экстремально низких температур. Для замораживания людей использовались два способа: либо человека помещали в резервуар с ледяной водой, либо оставляли обнаженным на снегу на ночь в зимнее время. Рашер посылал многочисленные доклады Гиммлеру о своих "экспериментах по замораживанию и отогреву". Один или два примера дадут полное представление о них. Одним из самых первых оказался доклад, представленный 10 сентября 1942 года:

"Испытуемых погружали в воду в полном летном снаряжении... с

капюшоном. Спасательные жилеты удерживали их на поверхности. Эксперименты проводились при температуре воды от 36, 5 до 53, 5 градуса по Фаренгейту (от 2, 5 до 12 градусов Цельсия). В первой серии испытаний задняя часть щек и основание черепа находились под водой. Во второй — погружались задняя часть шеи и мозжечок. С помощью электрического термометра была измерена температура в желудке и прямой кишке, составлявшая соответственно 79, 5 градуса по Фаренгейту (27, 5 градуса по Цельсию) и 79, 7 градуса по Фаренгейту (27, 6 градуса по Цельсию). Смерть наступала лишь в том случае, если продолговатый мозг и мозжечок были погружены в воду.

При вскрытии, после смерти в указанных условиях было установлено, что большая масса крови, до полулитра, скапливалась в черепной полости. В сердце регулярно обнаруживалось максимальное расширение правого желудочка. Испытуемые при подобных опытах неизбежно погибали, несмотря на все усилия по спасению, если температура тела падала до 82, 5 градуса по Фаренгейту (28 градусов по Цельсию). Данные вскрытия со всей ясностью доказывают важность обогрева головы и необходимость защищать шею, что должно быть учтено при разработке губчатого защитного комбинезона, которая ведется в настоящее время".

Таблица, которую д-р Рашер приложил к своему отчету, составлена на основе шести "фатальных случаев" и отражает температуру воды, температуру тела при извлечении из воды, температуру тела в момент смерти, продолжительность пребывания в воде и время, прошедшее до наступления смерти. Самый крепкий человек оказался способен пробыть в ледяной воде в течение 100 минут, самый слабый — в течение 53.

Вальтер Нефф, лагерный узник, служивший санитаром при д-ре Рашере, дал показания на "Процессе врачей", в которых непрофессионально описал один из опытов по переохлаждению человека в ледяной воде:

"Это был самый худший из всех экспериментов, которые когда-либо проводились. Из тюремного барака привели двух русских офицеров. Рашер приказал раздеть их и сунуть в чан с ледяной водой. Хотя обычно испытуемые теряли сознание уже через шестьдесят минут, однако оба русских находились в полном сознании и по прошествии двух с половиной часов. Все просьбы к Рашеру усыпить их были тщетны. Примерно к концу третьего часа один из русских сказал другому: "Товарищ, скажи офицеру, чтобы пристрелил нас". Другой ответил, что он не ждет пощады "от этой фашистской собаки". Оба пожали друг другу руки со словами "Прощай, товарищ"... Эти слова были переведены Рашеру молодым поляком, хотя и в

несколько иной форме. Рашер вышел в свой кабинет. Молодой поляк хотел было тут же усыпить Хлороформом двух мучеников, но Рашер вскоре вернулся и, выхватив пистолет, пригрозил нам... Опыт продолжался не менее пяти часов, прежде чем наступила смерть".

Номинальным руководителем первых экспериментов в ледяной воде был некий д-р Хольцлехнер, профессор медицины Кильского университета. Ему помогал некий д-р Финке. Проработав с Рашером пару месяцев, они пришли к выводу, что возможности экспериментов исчерпаны. После этого три врача написали совершенно секретный отчет на 32 страницах под названием "Эксперименты по замораживанию человека" и направили его в штаб ВВС. По их же инициативе 26 и 27 октября 1942 года в Нюрнберге была созвана конференция немецких ученых для обсуждения результатов их исследований. Обсуждались медицинские аспекты чрезвычайных происшествий в открытом море и в зимних условиях. Из представленных на "Процессе врачей" свидетельских показаний следует, что на конференции присутствовало 95 немецких ученых, включая наиболее известных медиков. И хотя не оставалось сомнений в том, что три врача в ходе экспериментов умышленно довели до смерти большое число людей, им не было задано ни одного вопроса на этот счет и соответственно не прозвучал ни один протест.

Профессор Хольцлехнер {Возможно, профессор Хольцлехнер испытывал угрызения совести. Арестованный англичанами, он покончил с собой после первого допроса. — Прим. авт. } и д-р Финке отошли к этому времени от экспериментов, но д-р Рашер упрямо продолжал их в одиночку с октября 1942-го по май следующего года. Помимо прочего он хотел провести эксперименты, названные им как "сухое замораживание". Гиммлеру он писал:

"Аушвиц больше подходит для проведения подобных испытаний, чем Дахау, так как климат в Аушвице несколько холоднее, а также потому, что в этом лагере опыты будут меньше привлекать внимания ввиду его большей площади (испытываемые громко кричат при замораживании)".

По какой-то причине перенести опыты в Освенцим не удалось, поэтому д-р Рашер продолжил свои исследования в Дахау, уповая на настоящую зимнюю погоду.

"Слава богу, у нас в Дахау вновь наступили сильные холода, — писал он Гиммлеру ранней весной 1943 года. — Некоторые испытуемые находились на открытом воздухе по 14 часов при наружной температуре 21 градус по Фаренгейту (-6, 1 по Цельсию), при этом температура тела опускалась до 77 градусов по Фаренгейту (-25 по Цельсию) и наблюдалось

обморожение конечностей... "

На "Процессе врачей" свидетель Нефф дал также непрофессиональное описание "экспериментов по сухому замораживанию" проводившихся его шефом:

"Однажды вечером полностью раздетого заключенного вывели из барака и положили на носилки. Его прикрыли простыней, и каждый час выливали на него ведро холодной воды. Так продолжалось до утра. При этом регулярно измерялась температура.

Позднее д-р Рашер заявил, что было ошибкой накрывать испытуемого простыней, а затем поливать водой... В будущем лиц, подвергающихся опытам, накрывать не следует. Следующий эксперимент проводился над десятью заключенными, которых выводили наружу по очереди также обнаженными".

По мере того как люди замерзали, д-р Рашер или его ассистент регистрировали температуру, работу сердца, дыхание и т. п. Тишину ночи часто нарушали душераздирающие крики мучеников.

"Первоначально, — объяснял Нефф суду, — Рашер запрещал проводить испытания под анестезией. Но испытуемые поднимали такой крик, что продолжать опыты без обезболивания Рашер уже не мог... "

Испытуемых оставляли умирать, по словам Гиммлера, "как они того и заслуживали", в чанах с ледяной водой или на промерзлой земле обнаженными вне бараков. Тех, кто выживал, быстро уничтожали. Но доблестных немецких летчиков и моряков, ради пользы которых проводились "эксперименты", необходимо было спасти после того, как они делали вынужденную посадку в ледяных водах Северного Ледовитого океана или приземлялись на скованных морозом просторах Заполярной Норвегии, Финляндии или Северной России. И несравненный д-р Рашер приступил в Дахау к "экспериментам по отогреву" над людьми, ставшими подопытными кроликами. Он желал знать, каков наилучший метод отогрева замерзшего человека и каковы, соответственно, возможности по спасению его жизни.

Генрих Гиммлер немедленно выдал корпусу без усталости работавших под его началом ученых рекомендации "практических решений". Он предложил Рашеру испытать способ отогрева "животным теплом", однако доктор поначалу не придавал большого значения этой идее. "Отогрев животным теплом, будь то тело животного или женщины, слишком медленный процесс", — писал он шефу СС. Однако Гиммлер продолжал настойчиво убеждать его:

"Меня чрезвычайно интересуют эксперименты с животным теплом.

Лично я убежден, что такие эксперименты дадут наилучшие и наиболее надежные результаты".

Несмотря на свой скептицизм, д-р Рашер был не из тех, кто отважился бы игнорировать предложение, исходящее от главара СС. Он просто приступил к серии наиболее абсурдных из всех когда-либо проводившихся "экспериментов", фиксируя их для грядущих поколений во всех отталкивающих подробностях. Из женского концлагеря Равенсбрюк ему в Дахау направили четырех заключенных женщин. Однако привлечение к опытам одной из них (все они проходили как проститутки) смущало доктора, и он решил доложить об этом начальству:

"Одна из поступивших женщин обладает ярко выраженными нордическими расовыми чертами... Я спросил девушку, почему она добровольно пошла работать в публичный дом, на что она ответила: "Чтобы выбраться из концлагеря". Когда я возразил, что стыдно быть продажной женщиной, она без смущения ответила: "Лучше уж полгода в публичном доме, чем полгода в концлагере".

Мое расовое сознание кипит гневом при мысли о том, что придется выставить обнаженной перед расово неполноценными элементами из концентрационного лагеря девушку, которая внешне являет собой чистейший образец нордической расы... В силу изложенного я отказываюсь использовать эту девушку для моих экспериментов".

Однако он использовал других, чьи волосы были менее белокуры, а глаза не такие голубые. Итоги опытов были должным образом изложены Гиммлеру в докладе от 12 февраля 1942 года, помеченном грифом "Секретно".

"Испытуемые были охлаждены известным способом — в одежде или без нее — в холодной воде при различной температуре... Изъятие из воды проводилось при достижении ректальной температуры 86 градусов по Фаренгейту (30 градусов по Цельсию). В восьми случаях испытуемых помещали между двумя обнаженными женщинами на широкой кровати. При этом женщины получили указание прижаться к охлажденному человеку как можно плотнее. Затем всех троих накрывали одеялами.

Придя в сознание, испытуемые больше не теряли его. Они быстро осознавали, что с ними происходит, и плотно прижимались к обнаженным телам женщин. Повышение температуры при этом происходило примерно с той же скоростью, что и у испытуемых, которых отогревали укутыванием в одеяла. Исключение составили четверо испытуемых, которые совершили половой акт, когда температура тела колебалась от 86 до 89, 5 градуса по Фаренгейту (от 30 до 33 градусов по Цельсию). У этих лиц очень быстро

повышалась температура, что можно сравнить лишь с эффектом горячей ванны".

К своему удивлению, д-р Рашер обнаружил, что одна женщина отогревала замерзшего человека быстрее, чем две.

"Я отношу это за счет того, что при отогреве одной женщиной отсутствует внутреннее торможение и женщина прижимается более плотно к охлажденному. В этом случае возвращение полного сознания также происходило значительно быстрее. Лишь в одном случае отмечено, что испытуемый не пришел в сознание и температура его тела повысилась незначительно. Он скончался при симптомах кровоизлияния в мозг, что и было позднее подтверждено вскрытием".

Подводя итог, этот гнусный душегуб заключал, что отогрев охлажденного при помощи женщин "протекает довольно медленно" и что действие горячей ванны более эффективно.

"Лишь те испытуемые, — делал он вывод, — физическое состояние которых допускало половой акт, отогревались удивительно быстро и возвращались в нормальное физическое состояние исключительно быстро".

По показаниям свидетелей, выступавших на "Процессе врачей", в целом на 300 заключенных было проведено около 400 экспериментов по "замораживанию". В ходе опытов умерло от 80 до 90 человек. Остальных, за немногим исключением, уничтожили позднее, причем некоторые сошли с ума. Между прочим, самого д-ра Рашера в числе дававших свидетельские показания на процессе не было. Он продолжал свои кровавые деяния, реализуя многочисленные новые планы, слишком многочисленные, чтобы говорить о каждом отдельно. Продолжались они до мая 1944 года, когда он и его жена были арестованы СС, судя по всему, не за преступные "эксперименты" по умерщвлению людей, а по обвинению "в том, что он и его жена прибегли к обману в истории с происхождением их детей". Подобного вероломства Гиммлер, преклонявшийся перед немецкими матерями, не мог снести. Он искренне верил, что фрау Рашер действительно начала заводить детей в возрасте сорока восьми лет. И рассвирепел, узнав, что она попросту их похитила. Посему д-ра Рашера посадили в бункер для политзаключенных в столь хорошо знакомом ему концлагере Дахау, а его жену отправили в Равенсбрюк, откуда доктору поставляли проституток для опытов по "отогреву". Ни один из лагеря живым не вышел. Полагают, что Гиммлер в одном из своих последних распоряжений приказал их ликвидировать, ибо они могли оказаться слишком неудобными свидетелями.

Несколько таких нежелательных свидетелей все же дожили до суда.

Семь из них были приговорены к смерти и повешены — они до конца отстаивали мнение, что смертоносные "эксперименты" — это патриотические акты, направленные на благо фатерланда. Д-р Герта Оберхойзер, единственная из обвиняемых на "Процессе врачей" женщина, была приговорена к 25 годам тюремного заключения. Она призналась, что сделала смертельные инъекции "пяти или шести польским женщинам" из сотен, испытывавших на себе все муки ада в ходе различных "экспериментов" в Равенсбрюке. Ряд врачей, подобно пресловутому Покорны планировавших стерилизовать миллионы врагов, были оправданы. Некоторые чистосердечно раскаялись. На втором процессе, где судили младший медицинский персонал, д-р Эдвин Катценелленбоген, бывший преподаватель факультета Гарвардского медицинского института, попросил вынести ему смертный приговор. "Вы поставили мне на лоб каинову печать, — воскликнул он. — Любой врач, совершивший преступления, в которых обвиняют меня, заслуживает смерти". Его приговорили к пожизненному заключению.

Смерть Гейдриха и уничтожение Лидице

В разгар войны свершился акт возмездия бандитской шайке поборников "нового порядка" за истребление покоренного народа. Нашел свою позорную смерть Гейдрих-Вешатель, как его называли в оккупированных странах. 38-летний шеф СД и заместитель Гимmlера, обладатель длинного носа и леденящего взгляда, напоминал по виду дьявола, являясь, по сути дела, злым гением "окончательного решения".

Обуреваемый жаждой еще большей власти, он плел тайные интриги против своего шефа Гимmlера, преследуя цель занять его место, и добился-таки, обойдя многих, назначений действующим протектором Богемии и Моравии. Нейрат, его предшественник на посту протектора, был отправлен Гитлером в сентябре 1941 года в бессрочный отпуск по болезни, и в древней резиденции богемских королей — пражском замке Градчаны его сменил Гейдрих.

Однако ненадолго. Утром 29 мая 1942 года, когда он, сидя за рулем открытого "мерседеса", направлялся из своей загородной виллы в пражский дворец, в него была брошена бомба английского производства. Бомба разнесла вдребезги машину и раздробила Гейдриху позвоночник. Покушение было делом рук двух чехов — Яна Кубиса и Йозефа Габиека, солдат Свободной чехословацкой армии, сформированной в Англии, которые были сброшены на парашютах с английского военного самолета. Хорошо снаряженные для выполнения своего задания, они, воспользовавшись дымовой завесой, сумели скрыться и нашли убежище у

священников церкви Карла Баррамеуса в Праге.

Гейдрих умер от ран 4 июня, и тогда последовала настоящая гекатомба {Жестокое уничтожение или гибель множества людей. — Прим. авт. } {Массовое человеческое жертвоприношение. — Прим. OCR. }. Немцы организовали зверскую расправу в духе тевтонских обычаев, предписывавших мстить за гибель вождя. По данным одного из докладов гестапо, были немедленно расстреляны 1331 чех, в том числе 201 женщина. Сами же покушавшиеся вместе со 120 бойцами чешского Сопротивления, которые также укрывались в церкви Карла Баррамеуса, были схвачены в ходе осады и убиты эсэсовцами {По данным Шелленберга, гестаповцам так и не удалось опознать среди погибших в церкви чехов тех, кто расправился с Гейдрихом (Шелленберг В. Лабиринт, с. 292). — Прим. авт. }. Сильнее всех в результате акта возмездия господствующей расы пострадали евреи. Целых три тысячи евреев были выселены из "привилегированного" гетто в Терезиенштадте и переправлены на Восток для уничтожения. В день покушения на Гейдриха Геббельс распорядился арестовать 500 евреев из числа немногих, остававшихся на свободе в Берлине, а в день смерти Гейдриха 152 из них были подвергнуты экзекуции в порядке репрессалий.

Но из всех последовавших за смертью Гейдриха нацистских злодеяний судьба небольшой деревушки Лидице, расположенной близ шахтерского городка Кладно, навечно останется в памяти цивилизованного мира. Чтобы преподать урок поработенному народу, который посмел покуситься на жизнь одного из своих инквизиторов, в этом маленьком тихом селении было совершено ужасное зверство.

Утром 9 июня 1942 года десять грузовиков с солдатами немецкой полиции безопасности под командованием капитана Макса Ростка {Повешен в Праге в августе 1951 года. — Прим. авт. } подъехали к деревне Лидице и окружили ее. Ни одному человеку не разрешили покинуть деревню, зато каждому, проживавшему там, но временно находившемуся в другом месте, разрешили вернуться домой. Мальчик 12 лет, перепугавшись, попытался убежать. Его тут же пристрелили. Крестьянка побежала по направлению к видневшимся вдалеке полям. Ее убили выстрелом в спину. Все мужское население деревни было заперто в амбарах, стойлах и погребе старосты по имени Хорак.

На следующий день, с рассвета до 4 часов пополудни, солдаты полиции безопасности выводили их группами по десять человек в сад позади амбара и расстреливали. Всего там было казнено 172 мужчины и подростка старше 16 лет. Еще 19 жителей деревни, работавших в день побоища на шахтах в Кладно, позднее были схвачены и убиты в Праге.

Семеро женщин, пойманных в ходе облавы в Лидице, были направлены в Прагу и там расстреляны. Остальные женщины — а их насчитывалось 195 — были отправлены в концлагерь Равенсбрюк, где семеро из них были брошены в газовую камеру, трое — "исчезли" и 42 погибли от бесчеловечного обращения. Четырех женщин из Лидице, у которых вскоре должны были родиться дети, сначала доставили в родильный дом в Праге, где умертвили их новорожденных детей, а затем направили в Равенсбрюк.

Теперь немцам осталось избавиться от детей Лидице, отцы которых были убиты, а матери заключены в концлагерь (немцы не расстреляли даже детей мужского пола). Детей — а всего их насчитывалось 90 — переправили в концлагерь Гнейзенау. После тщательного осмотра "расовыми экспертами" нацисты отобрали семерых, которым не было еще и года, чтобы направить их в Германию, где им дали немецкие имена и фамилии, а заодно и немецкое воспитание. С остальными поступили подобным же образом.

"Следы детей потеряны", — пришло к заключению чехословацкое правительство, представляя Нюрнбергскому трибуналу специальный доклад о зверствах нацистов в Лидице.

К счастью, некоторых из детей в конце концов удалось разыскать позднее. Я вспоминаю, как осенью 1945 года читал в тогдашних газетах, выходивших под цензурой союзников, горестные объявления.

Уцелевшие матери из Лидице взывали к немецкому народу помочь разыскать им детей и направить их домой {ЮНРРА сообщила 2 апреля 1947 года, что 17 детей разысканы в Баварии и направлены к своим матерям в Чехословакию. — Прим. авт. }.

Сама же Лидице по существу была стерта с лица земли. После того как мужчин расстреляли, а женщин и детей увезли, полиция безопасности сожгла деревню дотла, взорвала динамитом руины и сровняла все с землей.

Хотя деревня Лидице наиболее известный пример нацистского изуверства подобного рода, она была не единственной пережившей такую ужасную трагедию в оккупированных немцами странах. В Чехословакии такая же судьба постигла еще одну деревню — Лежаки, а в Польше, России, Греции и Югославии — еще множество деревень. Даже на Западе, где "новый порядок" не был таким варварским, опыт Лидице немцы повторяли много раз — например, в Телевааге (Норвегия), откуда женщины, мужчины и дети были рассредоточены по различным концлагерям, после чего каждый дом в деревне сровняли с землей.

10 июня 1944 года, день в день ровно через два года после кровавой

бойни в Лидице, во французской деревушке Орадур-сюр-Глан, близ Лиможа, было осуществлено новое ужасающее истребление людей. Отряд эсэсовцев из дивизии "Рейх", прославившейся своими террористическими акциями, а отнюдь не боевыми действиями в России, окружили эту французскую деревню, приказав жителям собраться на главной площади. Здесь командир отряда объявил, что по имеющимся сведениям в деревне спрятаны боеприпасы, поэтому будет проведен обыск и проверка документов. Затем все население деревни — 652 человека были взяты под стражу. Мужчин согнали в амбары, женщин и детей заперли в церкви. После этого немецкие солдаты подожгли деревню со всех сторон и принялись за жителей. Мужчин, не сгоревших заживо в амбарах, косили из пулеметов, женщин и детей, находившихся в церкви, также расстреляли из пулеметов, а тех, кто остался в живых, сожгли в церкви. Спустя три дня епископ Лиможский обнаружил в церкви, позади сгоревшего алтаря, гору обугленных детских тел.

Через девять лет, в 1953 году, французский военный суд установил, что 642 человека — 245 женщин, 207 детей и 190 мужчин — погибли во время кровавой бойни в Орадуре. Десять человек выжили, получив тяжелые ожоги: они симулировали смерть и таким образом спаслись {Двадцать солдат из отряда СС были приговорены этим судом к смерти, но лишь двое были казнены. Остальным наказание смягчили, и они получили от до двенадцати лет тюрьмы. Командир дивизии "Рейх" генерал-лейтенант СС Гейнц Ламмердинг был приговорен к смерти заочно. Насколько я знаю, разыскать его не удалось. Исполнитель расправы в Орадуре, командир отряда СС майор Отто Дикман, был убит в бою в Нормандии несколько дней спустя. — Прим. авт. }.

Орадур, как и Лидице, не был восстановлен. Его руины стоят как памятник гитлеровскому "новому порядку" в Европе. Обгоревшая церковь на фоне мирной сельской природы служит напоминанием о том светлом июньском дне, когда и деревня и ее обитатели в одночасье перестали существовать. К тому месту, где в церкви было небольшое окно, прикреплена скромная доска, надпись на которой гласит: "Мадам Руффанс, единственная оставшаяся в живых из находившихся в тот день в церкви, бежала через это окно". А напротив окна — небольшое ржавое распятие.

Так в общих чертах проходило становление гитлеровского "нового порядка", таков был дебют бандитской империи нацистов в Европе. К счастью для человечества, он был уничтожен еще в младенческом возрасте, и не в результате восстания немецкого народа против этого возврата к варварству, а в результате поражения немецкой армии и последующего

падения третьего рейха, историю которого пришло время рассказать.

Часть 28. Падение Муссолини

В течение первых трех лет войны немцы удерживали за собой инициативу в проведении летних крупномасштабных наступательных операций на Европейском континенте. Теперь, в 1943 году, роли поменялись. В мае, после разгрома в Тунисе войск держав оси, а точнее, всего, что осталось от их некогда мощной армии в Северной Африке, стало очевидно, что англо-американские войска, руководимые генералом Эйзенхауэром, нанесут удар уже по самой Италии. Именно этот кошмар преследовал Муссолини еще в сентябре 1939 года, и именно он заставил его не спешить со вступлением Италии в войну до тех пор, пока соседняя Франция не была захвачена немцами, а экспедиционный корпус англичан не был изгнан на английское побережье Ла-Манша. Теперь кошмар возник снова, но с той разницей, что он быстро становился реальностью.

Сам Муссолини был нездоров и подавлен, более того, он был напуган. В народе и армии распространились пораженческие настроения. В промышленных городах Милане и Турине прошли массовые забастовки. Голодные рабочие вышли на демонстрации с требованиями "Хлеба, мира и свободы". Дискредитировавший себя, пораженный коррупцией фашистский режим разваливался на глазах, и, когда в начале года граф Чиано был освобожден от поста министра иностранных дел и направлен послом в Ватикан, немцы заподозрили, что он послан туда, чтобы начать переговоры о заключении сепаратного мира с союзниками, к чему призывал и румынский диктатор Антонеску.

В течение нескольких месяцев Муссолини бомбардировал Гитлера просьбами заключить мир со Сталиным, с тем чтобы перебросить немецкие армии на Запад и создать совместную с итальянцами оборону против угрозы, нарастающей со стороны англо-американских сил на Средиземном море, а также тех сил, которые, по его расчетам, сосредоточивались в Англии для вторжения через Ла-Манш. Гитлер понял, что пришло время вновь встретиться с Муссолини, чтобы ободрить опустившего руки союзника и наставить его на путь истинный. Встреча была назначена на 7 апреля 1943 года в Зальцбурге, и, хотя дуче прибыл с намерением держаться своего курса или по меньшей мере своего мнения, он опять поддался многословным увещаниям фюрера. Позднее Гитлер поведал о своем успехе Геббельсу, который сделал об этом краткую запись в дневнике:

"Вложив всю свою энергию в эти условия, он сумел вернуть Муссолини на прежние рельсы... Дуче полностью переменялся... Когда по прибытии Муссолини вышел из вагона, фюреру показалось, что он видит перед собой дряхлого старика. Когда же по прошествии четырех дней он уезжал, то выглядел воодушевленным, готовым к любым действиям".

В действительности же Муссолини не был подготовлен к событиям, которые вскоре последовали, быстро сменяя друг друга. Захватив в мае Тунис, союзники осуществили 10 июля успешную высадку в Сицилии. У итальянцев не было особого желания воевать на своей территории. И вскоре Гитлер получил сообщение о том, что итальянская армия находится "на грани развала", как он выразился перед своими советниками в ставке.

"Лишь жесточайшие меры, — заявил Гитлер на военном совете 17 июля, — подобно тем, к которым прибегал Сталин в 1941 году или французы в 1917-м, способны спасти нацию. В Италии необходимо учредить нечто вроде трибуналов или военно-полевых судов для устранения нежелательных элементов".

Он вновь вызвал Муссолини, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Встреча состоялась 19 июля в местечке Фелтре в Северной Италии. По чистой случайности это была тринадцатая встреча диктаторов, и проходила она по тому же образцу, что и недавние: говорил только Гитлер, Муссолини молча слушал — три часа обеда и два часа после. Без особого успеха фанатичный фюрер пытался поднять подорванный дух своего больного друга и союзника. Они оба должны продолжать борьбу на всех фронтах. Выпавшая им миссия не может быть передана другому поколению. Голос истории по-прежнему взывает к ним. Сицилию и собственно Италию можно удержать, если итальянцы будут сражаться. На помощь им будут направлены свежие немецкие пополнения. Скоро вступит в строй новая подводная лодка и устроит англичанам "новый Сталинград".

Несмотря на обещания и похвальбу Гитлера, на встрече, по свидетельству Шмидта, царила весьма гнетущая атмосфера. Муссолини был настолько переутомлен, что уже не мог следить за тирадами своего друга и в конце переговоров попросил Шмидта дать ему записи беседы. Подавленность дуче возросла еще более, когда в ходе совещания поступили сообщения о мощном воздушном налете союзников на Рим среди бела дня.

Бенито Муссолини, изможденный и дряхлый, хотя ему только должно было исполниться шестьдесят, тот самый Муссолини, который в течение двух десятилетий напыщенно и нагло паясничал на европейской сцене, приближался к своему закату. Вернувшись в Рим, он обнаружил нечто гораздо худшее, чем последствия мощной бомбежки. Он узнал о заговоре,

организованном некоторыми из его приспешников в верхушке фашистской партии, в числе которых был и его зять Чиано. Заговор фашистской верхушки фактически служил ширмой для заговора более широкого, нити которого тянулись к самому королю. Целью заговора было свержение дуче.

Мятежные фашистские главари во главе с Дино Гранди, Джузеппе Боттаи и Чиано потребовали созыва фашистского Большого совета, который не собирался с декабря 1939 года. Совет всегда являлся послушным органом, которым всецело заправлял дуче. Совет заседал в ночь на 25 июля 1943 года, и впервые за время своей карьеры диктатора Муссолини подвергся на нем резкой критике за ту катастрофу, в которую он вверг страну. Резолюция, принятая 19 голосами против 8, потребовала восстановления конституционной монархии с демократически избираемым парламентом. Она призывала также восстановить полное подчинение всех вооруженных сил королю.

Фашистские заговорщики, за исключением, пожалуй, Гранди, едва ли намеревались идти в своих требованиях дальше. Но вспыхнул второй, более широкий мятеж нескольких генералов и короля. Сам Муссолини, очевидно, считал, что уже выдержал шторм. Во всяком случае, решения в Большом совете в Италии принимались не большинством голосов, а самим дуче. Поэтому для него было полнейшей неожиданностью, когда вечером 25 июля его вызвали во дворец к королю, без промедления отстранили от дел и, арестовав, отвезли в карете "скорой помощи" в полицейский участок {"У меня не было никаких предчувствий", — отметил позднее Муссолини, описывая свое состояние, когда он направлялся во дворец. Король Виктор Эммануил, не теряя времени, вернул его к действительности.

"Мой дорогой дуче, — цитирует Муссолини слова короля, сказанные им вначале, — ничего хорошего впереди нас не ждет. Италия развалилась... Солдаты не хотят больше воевать... Сейчас вы — самый ненавистный человек в стране..."

"Вы принимаете чрезвычайно серьезное решение", — ответил, с его собственных слов, Муссолини, но он особенно не пытался убедить монарха изменить свое решение. В заключение он пожелал успеха своему преемнику (Муссолини Б. Мемуары. 1942–1943 гг., с. 80–81). — Прим. авт. }.

Так бесславно сошел со сцены современный римский Цезарь, воинственно-крикливый деятель двадцатого столетия, который знал, как извлекать дивиденды из смятения и отчаяния этого столетия. Это был деятель, у которого за броской внешностью скрывалось не особенно привлекательное нутро. Как личность он был совсем не глуп. Он прочитал

множество книг по истории и считал, что усвоил ее уроки. Но как диктатор он совершил роковую ошибку, стремясь создать великую военную империю из страны, которой остро не хватало промышленных ресурсов и народ которой в отличие от немецкого оказался слишком практичен, слишком приземлен, чтобы дать увлечь себя пустыми амбициями. В глубине души итальянский народ в отличие от немецкого так никогда и не принял фашизма. Он лишь мирился с фашизмом, прекрасно сознавая, что это преходящий период в его жизни. Муссолини, судя по всему, в конце концов это понял. Однако, подобно всем диктаторам, он был ослеплен властью, которая, как это неизбежно происходит, развратила его, помутила рассудок, лишила ясности мысли. А это привело его ко второй роковой ошибке — к тому, что он связал и свою судьбу и судьбу Италии с третьим рейхом. Когда по гитлеровской Германии начал звонить колокол, он начал звонить и по Италии Муссолини, и, когда настало лето 1943 года, итальянский диктатор услышал этот звон. Но уже ничего не мог предпринять, чтобы обмануть судьбу. К этому времени он уже стал заложником Гитлера.

Не раздалось ни единого выстрела даже со стороны фашистской полиции, чтобы спасти его, не раздалось ни одного голоса в его защиту. Никого, судя по всему, не задела унижительная процедура его ухода — его вывели под руки из приемной короля и отправили в тюрьму в карете "скорой помощи". Напротив, его падение вызвало всеобщее ликование. Фашизм потерпел крах, как и его основатель. Маршал Пьетро Бадольо сформировал беспартийное правительство, в которое вошли генералы и государственные служащие. Фашистская партия была распущена, ее членов сместили с ключевых постов, а антифашистов выпустили из тюрем.

Можно представить, как отреагировали в гитлеровской ставке на сообщение о падении Муссолини. Впрочем, в этом нет необходимости. О том, какова была реакция, свидетельствуют объемистые директивные документы. Определить ее можно как глубокий шок. Даже в нацистском сознании сразу же возникли аналогии. Случившееся в Риме могло стать опасным прецедентом, и это глубоко обеспокоило д-ра Геббельса, которого 26 июля с особой поспешностью вызвали в ставку в Растенбурге. Первая забота министра пропаганды, о чем мы узнаем из его дневника, свелась к тому, как объяснить германскому народу свержение Муссолини. "Что же все-таки мы скажем немцам?" — задавался он вопросом и пришел наконец к выводу, что сейчас следует лишь сказать, что дуче подал в отставку "по состоянию здоровья".

"Ясно, что известие об этих событиях, — писал он в дневнике, —

могло бы натолкнуть некоторые подрывные элементы в Германии на мысль, что они способны осуществить то же самое, что Бадольо и его приспешники в Риме. Фюрер приказал Гиммлеру принять самые суровые полицейские меры на тот случай, если подобная опасность окажется неминуемой здесь... "

Однако Гитлер, продолжает Геббельс, не считал, что существует непосредственная опасность такого поворота событий в Германии. Министр пропаганды в конце концов уверил себя, что германский народ не будет "считать кризис в Риме возможным прецедентом".

Что Муссолини сдает, фюрер заметил еще во время их встречи две недели назад. Однако теперь, 25 июля, начавшие просачиваться в ставку известия из Рима застали его врасплох. Сначала пришло сообщение о том, что собрался Большой фашистский совет, и Гитлер недоумевал почему. "Какой прок в подобных советах? — задавал он себе вопрос. — На что они способны, кроме пустой болтовни? "

Вечером его худшие опасения подтвердились. "Дуче подал в отставку, — объявил он своим обескураженным военным советникам на совещании, созванном в 9. 30 вечера. — Бадольо, наш злейший враг, возглавил правительство".

В последний раз в ходе войны Гитлер отреагировал на сообщение с ледяным спокойствием. Так он реагировал на кризисные ситуации в прежние, более счастливые времена. Когда генерал Йодль попытался убедить Гитлера дождаться более полных донесений из Рима, тот резко оборвал его:

"Разумеется, но мы по-прежнему должны разрабатывать планы на будущее. Несомненно, совершив предательство, они провозгласят, что сохраняют нам верность, что само по себе уже является предательством. Конечно, верность нам они не сохраняют... Хотя этот — как его там? — Бадольо сразу же заявил, что война будет продолжаться, это не меняет дела. Они вынуждены это говорить, но измена остается. Мы будем вести прежнюю игру, но в то же время готовить все необходимое, чтобы одним ударом заменить всю команду, весь этот сброд".

Такова была первая мысль Гитлера: захватить всех, кто низверг Муссолини, и вернуть ему власть.

"Завтра, — продолжал он, — я пошлю туда человека с приказом командиру 3-й мотопехотной дивизии двинуться частью сил на Рим и немедленно арестовать правительство, короля и всю компанию. Прежде всего арестовать кронпринца и всю шайку, особенно Бадольо и весь его кабинет. Проследить, чтобы все сдались, а затем через два-три дня будет

еще один переворот".

Затем Гитлер повернулся к начальнику штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта.

Гитлер: Йодль, подготовьте приказ... обязывающий их войти в Рим со штурмовыми орудиями... и арестовать правительство, короля и весь кабинет. Важнее всего для меня захватить кронпринца. Кейтель: Он поважнее, чем старик. Боденшатц (генерал ВВС): Организовать это следует так, чтобы всех захваченных посадить в самолет и перебросить по воздуху. Гитлер: Именно в самолет, и сразу в воздух. Боденшатц: Не допускайте, чтобы бамбино затерялся на аэродроме.

На состоявшемся после полуночи совещании возник вопрос, как поступить с Ватиканом. На него ответил сам Гитлер:

"Я пойду прямо в Ватикан. Вы думаете, меня смутит Ватикан? Мы захватим его сразу же... Там находится весь дипломатический корпус... Этот сброд... Мы вышвырнем оттуда это стадо свиней. Позднее можно будет принести извинения..."

В ту же ночь Гитлер отдал приказ перекрыть горные проходы в Альпах как между Италией и Германией, так и между Италией и Францией. С этой целью было срочно собрано около восьми немецких дивизий из Франции и Южной Германии. Получив наименование группы армий "В", они были переданы под командование энергичного генерала Роммеля. Взорви итальянцы, как отмечал Геббельс в своем дневнике, туннели и мосты в Альпах, немецкие войска в Италии, часть которых уже ввязалась в тяжелые бои против армий Эйзенхауэра в Сицилии, оказались бы отрезаны от своих баз снабжения. И долго бы они не продержались.

Но итальянцы не могли внезапно, за одну ночь повернуть оружие против немцев. Бадольо предстояло прежде установить контакт с союзниками, чтобы выяснить возможности заключения перемирия, а также оказания поддержки войсками союзников в борьбе против дивизий вермахта. Гитлер не ошибся, полагая, что Бадольо именно так и поступит, но он не мог предположить, что это займет так много времени. Действительно, вопрос этот и стал основным на военном совете в ставке фюрера 27 июля, где присутствовала вся верхушка нацистского руководства и вооруженных сил, среди них Геринг, Геббельс, Гиммлер, Роммель и новый главнокомандующий военно-морскими силами адмирал Карл Дениц. Последний в январе сменил на этом посту впавшего в немилость гросс-адмирала Редера {Гитлер гневался на Редера, который командовал немецким военно-морским флотом с 1928 года, за то, что тот оказался неспособен уничтожить караваны судов союзников, следовавших через

Северный Ледовитый океан в Россию, а также за тяжелые потери, понесенные там немецким флотом. Во время истерической вспышки, происшедшей 1 января, верховный командующий приказал немедленно вывести в резерв океанский военный флот. Суда подлежали слому. 6 января произошла бурная стычка между Гитлером и Редером в ставке Вольфшанце. Фюрер обвинил флот в бездействии, отсутствии воли к борьбе и готовности к риску. В результате Редер попросил освободить его от командования. Его отставка была официально принята 30 января. Дениц, новый главнокомандующий ВМС, ранее командовал подводным флотом, был слабо знаком с особенностями надводного флота и потому сосредоточил внимание на боевых операциях подводных лодок. — Прим. авт. }. Большинство генералов во главе с Роммелем призывали к осмотрительности, считая, что любая намеченная в Италии акция должна быть тщательно подготовлена и хорошо продумана. Гитлер требовал выступить немедленно, хотя это и означало отвод ударных танковых дивизий с Восточного фронта, где русские только что (5 июля) начали свое первое в ходе войны летнее наступление {Советские войска перешли в наступление на Курской дуге 12 июля 1943 года. — Прим. тит. ред. }. Лишь один раз генералам, казалось, удалось взять верх и убедить Гитлера отложить операцию. Все немецкие войска, которые можно было собрать, намечалось перебросить в срочном порядке через Альпы в Италию, Геббельс не ждал ничего хорошего из-за нерешительности генералов.

"Они не принимают во внимание того, — писал он в дневнике после шумных военных дебатов, — что намерен делать противник. Англичане, безусловно, не будут ждать целую неделю, пока мы раздумываем и готовимся к операции".

Но ни ему, ни Гитлеру не стоило волноваться. Союзники прождали не неделю, а целых шесть. За это время Гитлер подготовил планы и силы для их осуществления.

Действительно, в его лихорадочном мозгу планы созрели как раз ко времени созыва военного совещания, назначенного на 27 июля.

Таких планов было четыре: 1) Проведение операции "Эйхе" {Дуб (нем.). } в целях освобождения Муссолини либо силами флота, если он содержится на острове, либо парашютистами ВВС, если его обнаружат на материке; 2) Операция "Студент", ставившая своей целью внезапный захват Рима и восстановление там правительства Муссолини; 3) Операция "Шварц" {Черный (нем.). } — под этим кодовым названием значилась военная оккупация всей Италии; 4) Операция "Ахсе" {Ось (нем.). }, предусматривавшая захват или уничтожение итальянского флота.

Впоследствии две последние операции были объединены в одну под кодовым названием "Ахсе".

Два события в сентябре 1943 года послужили толчком к началу реализации планов фюрера. 3 сентября войска союзников высадились на южной оконечности Италии, а 8 сентября было объявлено о перемирии (тайно подписанном 3 сентября) между Италией и западными державами.

В этот день Гитлер вылетел на Украину, в Запорожье, с целью попытаться выровнять линию немецкого фронта, но, как свидетельствует Геббельс, им овладело "странное чувство беспокойства" и в тот же вечер он вернулся в свою ставку в Растенбург, где его ожидало известие о дезертирстве главного союзника. Хотя он и ожидал такого поворота событий, сам момент застал его врасплох и в течение нескольких часов в ставке царило замешательство. Впервые немцы узнали о подписании итальянцами перемирия из передачи радиостанции Би-би-си из Лондона, и, когда Йодль связался по телефону из Растенбурга с фельдмаршалом Кессельрингом, находившимся во Фраскати, близ Рима, чтобы получить подтверждение этому, командующий немецкими армиями в Южной Италии признался, что это и для него новость. Однако Кессельринг, штаб которого был в это утро разрушен в результате налета союзной авиации и который был занят поспешным сколачиванием группы войск для отражения еще одной высадки союзников где-то на западном побережье, сумел разобрать кодированный сигнал "Ахсе", что означало приведение в действие плана по разоружению итальянской армии и оккупации страны.

В течение одного-двух дней положение немецких войск в Центральной и Южной Италии было критическим. В окрестностях Рима двум немецким дивизиям противостояли пять итальянских. Если бы мощный флот вторжения союзников, появившийся на рейде Неаполя 8 сентября, продвинулся севернее и высадил десант неподалеку от столицы, особенно при поддержке парашютного десанта, на соседние аэродромы, чего поначалу так опасался Кессельринг, ход войны в Италии принял бы совсем другой оборот и окончательный крах третьего рейха мог произойти годом раньше. Позднее Кессельринг утверждал, что вечером 8 сентября Гитлер и ставка списали все его силы в составе восьми дивизий как "безвозвратно потерянные". Два дня спустя Гитлер сказал Геббельсу, что Южная Италия потеряна и что необходимо создать новую линию фронта к северу от Рима, в Апеннинах.

Но союзное командование не воспользовалось своим господством на море, что позволяло производить высадку чуть ли не в любом месте на обоих побережьях Италии. Не использовало оно и своего подавляющего

превосходства в воздухе, чего так опасались немцы. Более того, судя по всему, штаб Эйзенхауэра не предпринял ни малейших усилий, чтобы попытаться использовать крупные итальянские силы во взаимодействии со своими собственными, особенно пять итальянских дивизий в окрестностях Рима. Предпринял эти действия — так, по крайней мере, утверждали Кессельринг и его начальник штаба генерал Зигфрид Вестфаль, — и без того трудное положение немцев стало бы безнадежным. Противостоять армиям Монтгомери, продвигавшимся от подковы итальянского сапога на север полуострова, отразить натиск сил вторжения генерала Марка Кларка, где бы они ни высадились, да при этом отбивать атаки крупных итальянских формирований, стоявших бок о бок с ними или в ближайшем их тылу, было просто выше их сил {По свидетельству капитана Гарри К. Бутчера, морского адъютанта Эйзенхауэра, начальники штабов как американской, так и английской армий — генерал Джордж К. Маршалл и фельдмаршал сэр Джон Г. Дилл жаловались, что Эйзенхауэр не проявлял достаточной инициативы для повышения темпов наступления в Италии. Защищая своего начальника штаба, Бутчер подчеркивал, что осуществление планов Эйзенхауэра сдерживалось недостатком десантных судов и что проведение морской десантной операции намного севернее, близ Рима, вывело бы операцию за пределы действия истребителей союзников, которые базировались на Сицилии. Сам Эйзенхауэр подчеркивает, что после захвата Сицилии он получил приказ откомандировать семь дивизий — четыре американские и три английские — в Англию для подготовки вторжения через Ла-Манш, что привело к острой нехватке войск. Бутчер утверждает также, что первоначально Эйзенхауэр планировал сбросить воздушные десанты на римские аэродромы с целью помочь итальянцам защитить столицу от немцев, но в последнюю минуту Бадольо попросил временно отложить операцию. Генерал Максвелл Д. Тейлор, который с большим риском для себя, тайно отправился в Рим на переговоры с Бадольо, сообщил, что вследствие пораженческих настроений у итальянцев и наличия крупных сил у немцев выброска там американской воздушно-десантной дивизии представляется ему самоубийством (см. Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу, с. 189; Бутчер Г. Три года с Эйзенхауэром, с. 407–425). — Прим. авт. }.

Когда американская 5-я армия высадилась не близ Рима, а южнее Неаполя, в Салерно, и когда парашютисты союзников не появились над римскими аэродромами, оба генерала вздохнули с облегчением. Еще большее облегчение испытали они, когда итальянские дивизии сдались немцам почти без единого выстрела и были разоружены. Это означало, что

немцы легко удержат Рим и какое-то время даже Неаполь. Это позволило им сохранить за собой две трети территории Италии, включая промышленный Север, заводы которого были реконструированы и изготавливали оружие для немцев. Почти чудом Гитлер вновь получил отсрочку и избежал гибели {Итальянский король, маршал Бадольо и его правительство, к большому огорчению Гитлера, бежали из Рима и вскоре обосновались на юге Италии, освобожденном союзниками. Большая часть итальянского флота передислоцировалась на Мальту, несмотря на коварные планы Деница захватить или потопить его. — Прим. авт. }.

Выход Италии из войны страшно озлобил фюрера. "Это подлое свинство", — заявил он Геббельсу, вновь срочно вызванному в Растенбург. Более того, свержение Муссолини встревожило его и заставило задуматься о собственном положении. "Фюрер, — отметил Геббельс в своем дневнике 11 сентября, — призывал предпринять все необходимые меры, чтобы предотвратить подобный поворот событий у нас раз и навсегда".

Вечером 10 сентября Гитлер обратился по радио к нации. Решился он на это лишь после долгих увещаний Геббельса. "В этот критический момент народ вправе услышать от своего фюрера слова воодушевления и утешения", — сказал ему министр пропаганды. Но тон выступления Гитлера по этому поводу был скорее вызывающим:

"Надежды найти предателей среди нас строятся на полном невежестве в отношении характера национал-социалистского государства: вера в то, что события 25 июля способны распространиться на Германию, исходит из полнейшей иллюзии как относительно моего положения, так и относительно позиции моих политических соратников, моих фельдмаршалов, адмиралов и генералов".

На самом деле, как мы увидим далее, несколько немецких генералов и горстка бывших политических соратников фюрера, по мере того как нарастали военные неудачи, снова начали вынашивать изменнические замыслы, которые к июлю следующего года вылились в насильственную акцию, но менее успешную, чем та, что была проведена против Муссолини.

Одной из мер, предпринятых Гитлером, чтобы подавить зарождающуюся измену, был приказ уволить из вермахта всех немецких принцев. Так, бывший курьер фюрера для контактов с Муссолини принц Филип Гессенский, вечно болтавшийся при гитлеровском штабе, был арестован и передан гестапо. Его жена, принцесса Мафальда, дочь короля Италии, также была арестована и вместе с супругом отправлена в концлагерь. Король Италии, подобно королям Норвегии и Греции, избежал цепкой хватки Гитлера, который отомстил ему как мог, арестовав его дочь

{Гитлеру она никогда не нравилась. "Мне пришлось как-то сидеть рядом с Мафальдой, — говорил он генералам во время военного совещания в ставке в мае того года. — Что мне до Мафальды?.. Ее интеллектуальные способности не таковы, чтобы она смогла вас очаровать, не говоря о ее внешности" (из секретных протоколов ежедневных военных совещаний Гитлера, приведенных в книге Феликса Гилберта "Гитлер руководит своей войной"). — Прим. авт. }.

В течение нескольких недель на совещании у фюрера значительное время отводилось проблеме, бередившей его сознание, — спасению Муссолини. Следует напомнить, что в протоколах совещаний в ставке Гитлера операция получила кодовое наименование "Эйхе", а Муссолини иносказательно именовался "ценным объектом". Большинство генералов и даже Геббельс сомневались, следует ли считать бывшего дуче "ценным объектом", но Гитлер считал именно так и настаивал на его освобождении.

Он не только хотел оказать услугу доброму другу, к которому по-прежнему питал привязанность, но и лелеял надежду поставить его во главе нового фашистского правительства Северной Италии, что избавило бы немцев от забот по управлению этой территорией и помогло бы охранять протяженные пути снабжения и коммуникации от недружественно настроенного населения, среди которого все чаще стали появляться партизаны, доставлявшие немцам массу неприятностей.

К 1 августа адмирал Дениц докладывал Гитлеру, что ему удалось обнаружить Муссолини на острове Вентотене. К середине августа ищейки Гимmlера были уверены, что дуче находится на другом острове — Маддалена, близ северной оконечности Сардинии. Были тщательно разработаны планы по выброске на остров парашютистов под прикрытием эсминцев, но к тому времени, когда планы надо было приводить в исполнение, Муссолини перевели в другое место. В соответствии с секретным пунктом соглашения о перемирии его надлежало передать союзникам, однако по какой-то причине Бадольо медлил с его передачей и в начале сентября "ценный объект" тайно перевезли в отель, расположенный на вершине Гран Сассо, высочайшего пика Аbruцких Апеннин, куда можно было добраться только с помощью фуникулера.

Немцы вскоре узнали о его местонахождении, проведя разведку с воздуха, и решили, что там, пожалуй, мог бы высадиться десант на планерах. Преодолев сопротивление охранников-карабинеров, десантники прихватили бы дуче, а затем взлетели на небольшом самолете "Физелер-Шторх". Этот дерзкий план был осуществлен 13 сентября под руководством еще одного находчивого и неглупого головореза СС,

австрийца по имени Отто Скорцени, который еще появится в конце нашего повествования в связи с новым отчаянным предприятием {На следующий день после падения Муссолини Скорцени был впервые вызван в ставку фюрера и получил от него личное задание осуществить похищение дуче. — Прим. авт. }.

Предварительно, буквально выкрав одного итальянского генерала, которого он впихнул в свой планер, Скорцени высадил десант в сотне метров от отеля, стоявшего на вершине, откуда он высмотрел дуче, который с надеждой поглядывал из окна второго этажа. Большинство карабинеров при виде немецких солдат поспешно ретировались в горы, а тех немногих, кто остался, Скорцени и Муссолини сумели убедить не применять оружия. При этом эсэсовский офицер прикрикнул на них, требуя не стрелять в итальянского генерала, которого он протолкнул вперед, а дуче, как припоминает один из свидетелей, кричал из окна: "Никому не стрелять! Не проливать кровь! " И ни капли крови не было пролито.

Через несколько минут потерявшего от радости голову фашистского главаря, который поклялся, что скорее покончит с собой, чем попадет в руки союзников и будет выставлен, как он писал позднее, на Мэдисонсквер-гарден в Нью-Йорке {Как раз перед освобождением Муссолини капитан Гарри Бутчер сообщил о полученной в штабе Эйзенхауэра телеграмме от театрального треста в Кейптауне, предлагавшего пожертвовать десять тысяч фунтов на "благотворительные цели", если будет организован показ "живого Муссолини" на подмостках театров в Кейптауне. Предлагался трехнедельный контракт (Бутчер Г. Три года с Эйзенхауэром, с. 423). — Прим. авт. }, втиснули в крошечный самолет "Физелер-Шторх". После опасного взлета с небольшого, усыпанного камнями луга, расположенного несколько ниже отеля, самолет взмыл вверх, направляясь в Рим. В тот же вечер Скорцени вылетел оттуда в Вену на транспортном самолете люфтваффе.

Когда Муссолини два дня спустя, испытывая благодарность за свое спасение, тепло обнял Гитлера на встрече в Растенбурге, это был уже конченный человек, чей душевный пламень давно погас. К большому огорчению Гитлера, он не испытывал особого желания восстанавливать фашистский режим на оккупированной немцами территории Италии. Фюрер не скрывал своего глубокого разочарования старым итальянским другом во время продолжительной беседы с Геббельсом в конце сентября.

"Дуче не сделал из катастрофы, постигшей Италию, тех моральных выводов, которых ожидал от него фюрер... — доверил Геббельс своему дневнику содержание беседы. — Фюрер ожидал, что в первую очередь

дуче сполна отомстит предавшим его изменникам. Но тот не проявил каких-либо признаков подобных намерений и тем самым показал свою явную ограниченность. Он — не революционер, как фюрер или Сталин. Он настолько привязан к итальянскому народу, что ему явно не хватает революционной широты в мировом масштабе".

Гитлер и Геббельс пришли в ярость от того, что Муссолини, судя по всему, находясь под каблуком у своей дочери Эдды, которая была женой Чиано, примирился с зятем. Оба они нашли убежище в Мюнхене {В действительности, судя по письму, которое Чиано направил позднее королю Виктору Эммануилу, немцы заманили его в Германию в августе. Ему сообщили, что его детям грозит опасность и что немецкое правительство будет радо переправить его и его семью в Испанию через Германию (см. Чиано Г. Дневники). — Прим. авт. }. Фюрер и министр пропаганды считали, что Муссолини должен немедленно организовать ликвидацию Чиано, а Эдду, как выразился Геббельс, высечь {Эдда Муссолини, как писал Геббельс в своем дневнике, ведет себя на вилле в Баварии как необузданная тигрица, по любому поводу бьет фарфор и ломает мебель (см. Геббельс И. Дневники, с. 479). — Прим. авт. }. Они возражали против намерения Муссолини ввести Чиано, "эту поганку", как выразился Геббельс, в руководство новой фашистско-республиканской партии.

Гитлер настаивал, чтобы дуче немедленно создал такую партию, и 15 февраля, подталкиваемый фюрером, Муссолини провозгласил новую Итальянскую социальную республику.

Но из этого так ничего и не вышло. У Муссолини не лежало сердце к этой идее. Очевидно, он не утратил до конца чувства реальности и понимал, что всего лишь марионетка в руках Гитлера, что ни он, ни его "фашистско-республиканское правительство" не будут обладать реальной властью, кроме той, какую сочтет необходимым предоставить им в интересах Германии фюрер, и что итальянский народ никогда больше не примет ни его самого, ни фашизм.

Больше Муссолини в Рим не возвращался. Он поселился на крайнем севере, в уединенном местечке Рокка делле Каминате, близ Гарньяно, на берегу озера Гарда, где его надежно охранял специальный отряд СС. Именно сюда, на этот живописный курорт на берегу озера, была доставлена скандально известная любовница Муссолини Клара Петаччи. Эскортировал ее Зепп Дитрих, еще бодрый ветеран СС, откомандированный специально с этой целью с русского фронта из состава отступающего 1-го танкового корпуса. Очутившись снова в объятиях преданной возлюбленной, свергнутый диктатор, казалось, перестал интересоваться окружающим.

Геббельс, имевший, как известно, не одну, а несколько любовниц, сделал вид, что шокирован.

"Личные отношения дуче с его подружкой, — отметил он в своем дневнике 9 ноября, — которую Зепп Дитрих должен был ему доставить, порождают дурные предчувствия".

За несколько дней до этого Геббельс записал, что Гитлер уже "сбрасывает дуче со счетов как политика". Но прежде он вынудил дуче "уступить" Германии Триест, Истрию и Южный Тироль при условии, что Венеция будет присоединена к ним позднее. Некогда гордому тирану пришлось до дна испить чашу унижения. Под давлением Гитлера дуче согласился на арест своего зятя Чиано, что произошло в ноябре, и на его расстрел в тюрьме Вероны 11 января 1944 года {Последнюю запись, сделанную Чиано в дневнике, сопровождает пометка "23 декабря 1943 года, камера 27, тюрьма Вероны". Это волнующая запись. Я не представляю, как он сумел тайно переправить из камеры смертников запись, а также письмо королю Италии. От отмечает, что остальную часть дневника ему удалось спрятать до того, как его схватили немцы. Записи мужа вывезла из оккупированной немцами Италии Эдда Чиано, которая, переодевшись крестьянкой и спрятав их под юбкой, сумела перебраться через границу в Швейцарию.

Остальные фашистские главари, голосовавшие против дуче в Большом совете и схваченные им, были преданы суду специального трибунала за государственную измену. Все, кроме одного, были приговорены к смерти и расстреляны вместе с Чиано. Среди них был и один из наиболее стойких в прошлом последователей Муссолини маршал Эмилио де Боно, член квадрумвирата (четверки), некогда возглавивший марш на Рим, который привел Муссолини к власти. — Прим. авт. }.

К началу осени 1943 года Адольф Гитлер мог констатировать, что ему удалось справиться с наиболее серьезными опасностями, угрожавшими рейху. Падение Муссолини и безоговорочная капитуляция правительства Бадольо в Италии могли привести, как того опасались в течение нескольких недель Гитлер и его генералы, к тому, что южная граница Германии подверглась бы угрозе прямого нападения союзников, и к тому, что открылся бы путь из Северной Италии на Балканы, непосредственно в тыл немецких армий, сражавшихся на юге России. Безропотная отставка дуче в Риме, а также последовавший за ней развал блока держав оси явились тяжелым ударом по престижу фюрера как в самой Германии, так и за ее пределами. Тем не менее в течение двух месяцев Гитлер сумел реабилитировать Муссолини. Оккупированным Италией территориям на

Балканах — Греции, Югославии и Албании теперь не угрожало нападение союзников, которого в конце лета верховное немецкое командование ожидало в любой день; стоявшие там итальянские войска силой до нескольких дивизий безропотно сдались немцам. Отпала необходимость сбрасывать со счетов силы фельдмаршала Кессельринга, как он сделал вначале, и отступать на север Италии — теперь фюрер испытывал удовлетворение от того, что армии фельдмаршала окапывались южнее Рима, где они легко преграждали путь продвижению на север англо-франко-американских сил. Без сомнения, положение гитлеровских войск на юге значительно улучшилось благодаря смелости и находчивости Гитлера и отваге его войск.

На других фронтах, однако, неудачи следовали одна за другой. 5 июля 1943 года Гитлер начал наступление, которое по его замыслам должно было стать решающим в войне против России. Цвет немецкой армии — 500 тысяч человек, не менее 17 танковых дивизий, оснащенных новейшими тяжелыми танками "тигр", были брошены против скопления русских войск, занимавших оборону на большом выступе к западу от Курска. Началась операция "Цитадель", и Гитлер верил, что в результате ее проведения лучшие русские армии численностью до миллиона человек — те самые, что гнали немцев от Сталинграда и Дона прошлой зимой, — попадут в ловушку, что позволит ему снова прорваться к Дону и, возможно, к Волге, а главное — с юго-востока захватить Москву.

Но она привела к окончательному поражению. Русские хорошо подготовились, чтобы нанести его. К 22 июля немецкие танковые дивизии потеряли половину танков, немцы были сначала остановлены, а затем стали откатываться назад. Русские были настолько уверены в своей силе, что в середине июля, не дожидаясь наступления немцев, начали свое собственное наступление против них на выступе под Орлом, к северу от Курска, и быстро прорвали фронт. Это было первое летнее наступление русских за всю войну, и с этого момента Красная Армия уже не уступала инициативу. 4 августа она выбила немцев из Орла, ставшего южным исходным рубежом немецкого наступления на Москву, имевшего целью ее захват в декабре 1941 года.

Теперь наступление советских войск развернулось по всему фронту. 23 августа пал Харьков. Через месяц, 25 сентября, немцы были выбиты из Смоленска, откуда они, подобно великой армии Наполеона, столь самоуверенно двинулись на Москву в первые месяцы русской кампании. К концу сентября упорно теснимые на юге армии Гитлера отошли к Днепру и к оборонительному рубежу, протянувшемуся от изгиба реки у Запорожья до

Азовского моря. Индустриальный Донецкий бассейн оказался потерян для немцев, а над немецкой 17-й армией в Крыму нависла угроза быть отрезанной.

Гитлер был уверен, что его армии смогут удержаться на Днепре и на укрепленных позициях к югу от Запорожья — на так называемом "зимнем рубеже". Но русские не стали делать передышки даже для перегруппировки войск. В течение первой недели октября они форсировали Днепр севернее и юго-восточнее Киева, который пал 6 ноября. К концу рокового 1943 года советские армии вышли к польской и румынской границам, пройдя по полям сражений, на которых летом 1941 года гитлеровские солдаты одерживали свои первые победы по мере продвижения в глубь России.

Но и это не все.

В этом году Гитлера поджидали еще два крупных поражения, которые также свидетельствовали о коренном переломе в ходе войны: поражение в битве за Атлантику и усиление интенсивности воздушных ударов союзников по самой Германии.

Как уже говорилось, в 1942 году немецкие подводные лодки потопили суда союзников общим водоизмещением 6 миллионов 250 тысяч тонн, в большинстве своем направлявшиеся в Англию или в Средиземное море. Такой тоннаж намного превосходил возможности кораблестроительных верфей Запада. Но к началу 1943 года западные союзники взяли верх над немецкими подводными лодками благодаря совершенствованию методов использования самолетов с большим радиусом действия и авианосцев, а главное — в результате оснащения подводных лодок радиолокаторами, которые засекали вражеские подводные лодки раньше, чем те могли их обнаружить. Новый командующий немецким флотом Дениц, опытный подводник, поначалу заподозрил измену, когда такое большое число его подводных лодок было обнаружено и уничтожено еще до того, как они приблизились к караванам союзников, однако быстро сообразил, что причина катастрофических потерь кроется не в измене, а в радиолокаторах. В течение трех месяцев — февраля, марта и апреля потери составили ровно 50 единиц. Только в мае было потоплено 37 немецких подводных лодок. При таких потерях немецкий флот долго продержаться не смог бы, поэтому к концу мая Дениц под свою ответственность вывел из Атлантики все подводные лодки.

Они вновь появились там в сентябре, но за оставшиеся четыре месяца 1943 года сумели потопить лишь 67 судов противника, потеряв при этом 64 подводные лодки, — соотношение, которое решило судьбу подводной войны и исход битвы за Атлантику. В 1917 году, когда продвижение

немецких армий было остановлено, немецкие подводные лодки едва не поставили Великобританию на колени. Столь же серьезно угрожали они ей и в 1942 году, когда армии Гитлера были остановлены в России и Северной Африке, а Соединенные Штаты и Великобритания напрягали все силы, чтобы не только остановить японское нашествие в Юго-Восточной Азии, но и собрать силы, вооружение и снаряжение для вторжения в пределы империи Гитлера на Западе. Неспособность немецких подводных лодок серьезно нарушить морские коммуникации в Северной Атлантике в 1943 году обернулась более крупным бедствием, чем считали в ставке Гитлера, поскольку, как ни тяжки были потери { "Не может быть и речи о прекращении подводной войны, — обрушился Гитлер на Деница, когда 31 мая тот доложил ему, что все подводные лодки выведены с Атлантики. — Атлантика — это мой первый рубеж обороны на Западе". Это было легче сказать, чем сделать. 12 ноября Дениц в отчаянии записал в своем дневнике: "Противник держит в руках все козыри, перекрыв все районы дальним патрулированием с воздуха и используя методы локации, которым мы все еще ничего не можем противопоставить... Противнику известны все наши секреты. Нам же из его секретов не известен ни один". — Прим. авт. }, именно за двенадцать месяцев этого переломного года огромные партии оружия и снаряжения были перебросены почти беспрепятственно через Атлантику, что обеспечило возможность наступления на "европейскую крепость" в следующем году. Кроме того, именно в этот период ужасы современной войны пришлось познать и немецкому народу, познать у своего собственного порога. Народ плохо представлял себе, чем занимаются подводные лодки. И хотя вести из России, со Средиземного моря и из Италии становились все хуже и хуже, они все же касались событий, происходивших за сотни и тысячи миль от дома. Но бомбы, сброшенные с английских самолетов ночью, а с американских — днем, стали теперь разрушать дома, в которых жили сами немцы, и конторы, и заводы, на которых они работали.

Сам Гитлер избегал посещать разбомбленный город. Эта обязанность оказалась для него слишком тяжелой, и он просто не мог этого выносить. Это очень огорчало Геббельса, и он часто жаловался, что его засыпают письмами, в которых спрашивают, почему фюрер не посещает районы, подвергшиеся воздушным налетам, и почему нигде не видно Геринга. Дневник министра пропаганды авторитетно свидетельствует о все более сильных разрушениях, причиняемых с воздуха немецким городам и предприятиям.

"16 мая 1943 года... Дневные налеты американских

бомбардировщиков создают исключительные трудности. В Киле... сильно пострадали военно-технические объекты флота... Если это будет продолжаться, нам грозят серьезные последствия, которые в итоге могут оказаться невыносимыми...

25 мая. Ночной налет англичан на Дортмунд был исключительно сильным и, вероятно, самым интенсивным из всех, какие когда-либо обрушивались на немецкие города... Сообщения из Дортмунда просто ужасающие... Большой ущерб нанесен промышленным предприятиям и заводам по производству боеприпасов... Бездомными остались от 80 до 100 тысяч человек... Население западных районов страны постепенно начинает терять присутствие духа. Подобный ад трудно вынести... Вечером я получил (еще одно) донесение по Дортмунду. Разрушено буквально все... Не осталось буквально ни одного дома, пригодного для жилья...

26 июля. Ночью был сильный налет на Гамбург... Причем с самыми серьезными последствиями как для гражданского населения, так и для производства оружия... Это подлинная катастрофа.

29 июля. В течение ночи мы пережили самый сильный налет из всех, что были совершены на Гамбург... от 800 до 1000 бомбардировщиков... Кауфман (местный гаулейтер) прислал мне первое донесение... Он пишет о катастрофе, размах которой потрясает воображение. Город с миллионным населением был уничтожен беспрецедентным в истории способом. Перед нами стоят проблемы, которые почти не поддаются решению. Население в миллион человек необходимо снабдить продовольствием, обеспечить одеждой и жильем и как можно скорее эвакуировать. Короче говоря, мы столкнулись здесь с проблемами, в существование которых не верилось всего лишь несколько недель назад... Кауфман говорит примерно о 800 тысячах бездомных, которые бродят по улицам, не зная, что предпринять...

"

Хотя некоторым важным военным заводам немцев был нанесен значительный урон, особенно тем, которые выпускали истребители, подшипники, боевые корабли, сталь и топливо для новых реактивных самолетов, а также ракетному экспериментальному предприятию в Пенемюнде, на которое Гитлер возлагал такие большие надежды {В мае 1943 года разведывательный самолет английских ВВС сфотографировал предприятия в Пенемюнде. Незадолго до этого в Лондоне была получена информация от польских подпольщиков о том, что там разрабатываются как беспилотные реактивные самолеты (позднее получившие наименование Фау-1, или самолеты-снаряды), так и ракеты (Фау-2). В августе английские бомбардировщики нанесли удар по Пенемюнде, причинив сильные

разрушения предприятию и отбросив на несколько месяцев назад исследовательские работы и испытания. К ноябрю английские и американские ВВС обнаружили 63 пусковые установки для Фау-1 на побережье Ла-Манша, а в период с декабря по февраль следующего года разбомбили и уничтожили 73 установки, общее число которых возросло к этому времени до 96. Термины Фау-1 и Фау-2 произошли от немецких слов "оружие возмездия", которое так превозносила пропаганда д-ра Геббельса в мрачном 1944 году. — Прим. авт. }, и хотя работа железнодорожного и морского транспорта систематически нарушалась, в целом производство вооружения в Германии не сократилось даже во время все более возраставших в 1943 году англо-американских бомбардировок. Отчасти это объяснялось увеличением выпуска продукции заводами и фабриками оккупированных стран, прежде всего Чехословакии, Франции, Бельгии и Северной Италии, которые не подвергались бомбардировкам. Наибольший ущерб англо-американская авиация, как разъясняет Геббельс в своем дневнике, нанесла жилому фонду и моральному духу немецкого народа. Помнится, в первые годы войны немецкая печать подбадривала население сенсационными сообщениями о том, как люфтваффе бомбили врага, особенно англичан. Они были уверены, что бомбардировки помогут им быстро и победоносно завершить войну. Теперь, в 1943 году, они начали ощущать на себе весь ужас воздушных налетов, гораздо более разрушительных, чем те, которые совершали люфтваффе на жителей Лондона в 1940–1941 годах. Немецкий народ выносил их так же храбро и стойко, как ранее английский народ. Но после четырех лет войны это требовало еще большего напряжения сил. Поэтому неудивительно, что теперь, в конце 1943 года, когда рухнули надежды на победу в России, на севере Африки и в Италии, когда собственные города рейха были буквально обращены в пепел бомбежками, немецкий народ начал отчаиваться и осознавать, что происходящее — это начало приближающегося конца.

"Самое позднее, в конце 1943 года, — напишет оставшийся не у дел генерал Гальдер, — уже стало очевидно, что в военном смысле война проиграна".

Генерал Йодль в мрачной, не для протокола лекции, прочитанной нацистским гаулейтерам в канун очередной годовщины "пивного путча", 7 ноября 1943 года, в Мюнхене, не зашел так далеко. Но обстановка на начало пятого года войны, которую он обрисовал на лекции, выглядела достаточно удручающей.

"Что ложится сегодня наиболее тяжким бременем на внутренний

фронт и соответственно отражается на других фронтах, — сказал он, — так это разрушительные воздушные налеты врага на наши дома, на наших жен и детей. В этом смысле... исключительно по вине Англии война обрела формы, которые, как считалось, были невозможны со времен расовых и религиозных войн.

Эффект этих терроризирующих налетов — психологический, моральный и материальный — таков, что его необходимо ослабить, если не представляется возможным устранить полностью".

Состояние морального духа немцев в результате поражений и бомбардировок 1943 года было недвусмысленно обрисовано этим авторитетным нацистом, который на сей раз выступал от лица фюрера:

"Дух разрушения ощущается в нашей стране то тут, то там. Разные трусливые элементы ищут выхода или того, что они называют "политическим решением". Они заявляют, что мы должны приступить к переговорам, пока у нас еще кое-что есть" {Лекция Йодля на тему "Стратегическое положение к началу пятого года войны" является, пожалуй, наиболее исчерпывающим из имеющихся у нас из первых рук описаний неблагоприятной обстановки в конце 1943 года, как она представлялась Гитлеру и его генералам. Это не просто конфиденциальная лекция для нацистских политических лидеров. Йодль приводил десятки цитат из совершенно секретных меморандумов и документов со штампом "Ставка фюрера". Взятые вместе, они рисуют подлинную картину войны, как она виделась фюреру, который наверняка следил за подготовкой лекции. Изображая настоящее в мрачных красках, Йодль нарисовал еще более безрадостное будущее, верно предсказывая, что предстоящее англо-американское вторжение в Европу "решит судьбу войны" и что сил, имеющихся в распоряжении немцев, недостаточно, чтобы его отразить. — Прим. авт. }.

Но дело было не только в "трусливых элементах". Сам д-р Геббельс, наиболее верный и преданный до фанатизма из последователей Гитлера, как об этом свидетельствует его дневник, искал выход еще до конца 1943 года, напряженно размышляя не столько о том, следует ли Германии вести мирные переговоры или нет, сколько о том, с кем их вести — с Россией или с Западом. Он не вел разговоры за спиной Гитлера о необходимости поисков мира, подобно некоторым. У него хватало смелости и откровенности, чтобы изложить свои мысли непосредственно Гитлеру. 10 сентября 1943 года, находясь в ставке Гитлера в Растенбурге, куда его вызвали в связи с известием о капитуляции Италии, Геббельс впервые затронул, как отмечено в его дневнике, вопрос о возможных мирных

переговорах.

"Проблема состоит в том, к какой стороне нам надлежит обратиться сначала — к Москве или к Англии и Америке. Во всяком случае, трудно успешно вести войну против обеих".

Он замечал, что Гитлер обеспокоен перспективой вторжения союзников на Западе так же, как и "угрожающей обстановкой" на русском фронте:

"Удручающим обстоятельством является то, что мы не имеем ни малейшего представления о резервах, которые приберет Сталин. Я очень сомневаюсь, сможем ли мы в этих условиях перебросить наши дивизии с Востока на другие европейские театры военных действий".

Записав в секретном дневнике некоторые из своих собственных идей, которые еще несколько месяцев назад казались ему изменническими и пораженческими, Геббельс обратился к Гитлеру.

"Я спросил фюрера, можно ли что-нибудь решить со Сталиным в ближайшем будущем или в перспективе. Он ответил, что в данный момент нельзя... Во всяком случае, фюрер считает, что легче иметь дело с англичанами, чем с Советами. В определенный момент, считает фюрер, англичане образумятся... Я склонен считать Сталина более доступным, поскольку Сталин — политик более практического склада, нежели Черчилль. Черчилль — романтический авантюрист, говорить с которым, взывая к разуму, невозможно".

Именно в этот мрачный период состояния их дел Гитлер и его приспешники стали хвататься за спасительную соломинку — коалиция союзников распадется, Англия и Америка испугаются перспективы вторжения советских армий в Европу и в конечном счете объединятся с Германией, чтобы защитить Старый Свет от большевизма. Гитлер довольно пространно высказался по этому поводу на встрече с Деницем в августе 1943 года, теперь же, в сентябре, он обсуждал эту тему с Геббельсом.

"Англичане, — продолжал Геббельс запись в дневнике, — не хотят допустить большевизации Европы ни при каких обстоятельствах... Как только они осознают это... у них останется выбор лишь между большевизмом и некоторым потеплением по отношению к национал-социализму, и они, несомненно, проявят склонность к компромиссу с нами. Сам Черчилль — старый противник большевизма, и его сотрудничество с Москвой сегодня всего-навсего преходящий момент".

Казалось, Гитлер и Геббельс позабыли в этот момент, кто первым начал сотрудничать с Москвой и кто втянул Россию в войну. Подводя итоги беседы с Гитлером о возможности заключения мира, Геббельс писал:

"Рано или поздно нам придется решать вопрос о том, в сторону кого из врагов следует склониться. В истории Германии ей еще ни разу не повезло в войне на два фронта... Не сможет она в конечном счете выстоять и в этой".

Но не слишком ли поздно было размышлять на этот счет? Геббельс вернулся в ставку 23 сентября и во время утренней прогулки с нацистским лидером нашел его гораздо более пессимистично настроенным, чем две недели назад, относительно возможности ведения мирных переговоров с одной из сторон, чтобы затем воевать на одном фронте.

"Фюрер не верит, что в настоящее время можно чего-либо достигнуть путем переговоров. Англия еще достаточно твердо стоит на ногах... На Востоке, естественно, нынешний момент совершенно неблагоприятен... Сталин обладает сейчас преимуществом". В этот вечер Геббельс обедал с Гитлером наедине. "Я спросил фюрера, готов ли он вести переговоры с Черчиллем... Он не считает, что переговоры с Черчиллем приведут к какому-либо результату, поскольку тот слишком прочно находится в плену своих враждебных взглядов и, кроме того, движим ненавистью, а не разумом... Фюрер предпочел бы переговоры со Сталиным, но он не думает, что они будут успешными..."

Как бы ни сложились обстоятельства, сказал я фюреру, мы должны прийти к урегулированию либо с одной стороной, либо с другой. Рейх еще ни разу не выигрывал войну на два фронта. Поэтому нам следует подумать, как так или иначе покончить с войной на два фронта".

Эта задача была куда сложнее, чем они себе ее представляли, они, кто так легко вверг Германию в войну на два фронта. Но в тот сентябрьский вечер 1943 года, по крайней мере на мгновение, нацистский диктатор избавился наконец от своего пессимизма и предался мечтам о том, каким благом мог бы оказаться мир. По свидетельству Геббельса, он даже заявил, что "жаждет" мира.

Он сказал, что "был бы счастлив снова оказаться в кругу артистов, отправиться вечером в театр, а затем зайти в артистический клуб". Гитлер и Геббельс не были единственными в Германии, кто теперь, когда война вступила в свой пятый год, размышлял о шансах и путях, ведущих к миру. Разобщенные болтливые антинацистские заговорщики, хотя число их возросло, но оставалось огорчительно малым, снова стали задумываться над прежней проблемой. Они уже ясно видели: хотя армии Гитлера все еще сражались на чужой земле, война проиграна. Большинство из них, но отнюдь не все, неохотно, лишь преодолев угрызения совести, приходили к выводу, что для того, чтобы Германия обрела мир, который открыл бы ей

перспективу уцелеть и существовать далее, им придется устранить Гитлера посредством убийства и одновременно уничтожить национал-социализм.

С наступлением 1944 года, когда появилась уверенность, что англо-американские армии начнут вторжение через Ла-Манш еще до конца года, что Красная Армия приблизится к границам самого рейха, а древние города Германии в результате воздушных налетов союзников скоро будут обращены в груды развалин {"Тысячелетний труд превратился в груды камней", — писал Герделер фельдмаршалу фон Клюге в июле 1943 года после посещения на западе районов, подвергшихся бомбардировкам. В своем письме Герделер умолял колеблющегося генерала примкнуть к заговорщикам, чтобы положить конец Гитлеру и его безумию, — Прим. авт. }, заговорщики решились на отчаянную попытку убить нацистского диктатора и свергнуть его режим, прежде чем он ввергнет Германию в страшную катастрофу. Они сознавали, что времени осталось немного.

Часть 29. Вторжение союзников в Западную Европу и покушение на Гитлера

В течение 1943 года заговорщики предприняли по меньшей мере полдюжины попыток убить Гитлера, одна из которых сорвалась лишь потому, что не взорвалась бомба замедленного действия, заложенная в самолет фюрера во время его полета на русский фронт.

Серьезные изменения произошли в этом году в немецком движении Сопротивления. Его участники отказались делать ставку на фельдмаршалов, ибо они были либо слишком трусливы, либо слишком тупы, чтобы использовать свое положение и военную власть для свержения верховного главнокомандующего. В ноябре 1942 года на тайной встрече в лесу под Смоленском Герделер, политический застрельщик немецкого Сопротивления, обратился к фельдмаршалу Клюге, командующему группой армий "Центр" на Востоке, с просьбой сыграть активную роль в ликвидации Гитлера. Нестойкий генерал, только что получивший щедрый подарок от фюрера {В день своего 60-летия — 30 октября 1942 года Клюге получил от Гитлера чек на 250 тысяч марок (100 тысяч долларов по официальному валютному курсу) и специальное разрешение израсходовать половину этой суммы на уход за именем. Другой бы воспринял это как оскорбление достоинства и чести немецкого офицера, однако фельдмаршал принял и то и другое (Шлабрендорф Ф. Они чуть не убили Гитлера, с. 40). Позднее, когда Клюге стал противником Гитлера, фюрер сказал как-то своим офицерам в ставке: "Я лично дважды присваивал ему звания, удостоивал его высших наград, подарил ему большое имение... и дал большую прибавку к жалованью как фельдмаршалу..." (Гилберт Ф. Гитлер руководит своей войной, с. 101–102). — Прим. авт. }, согласился, но через несколько дней струсил и написал генералу Беку в Берлин, чтобы на него не рассчитывали.

Несколько недель спустя заговорщики попытались убедить генерала Паулюса, 6-я армия которого находилась в то время в окружении под Сталинградом и который по их предположениям глубоко разочаровался в фюрере, допустившем такую катастрофу, выступить с обращением к армии сбросить тирана, который привел четверть миллиона немецких солдат к такому постыдному концу. Личное обращение генерала Бека с этой просьбой к Паулюсу, изложенное в письме, было доставлено летчиком немецких ВВС в осажденный город. Паулюс, как мы видели, отреагировал

на это тем, что направил целый поток радиogramм фюреру с выражением верности, и опомнился лишь тогда, когда был доставлен в Москву в качестве военнопленного.

В течение нескольких дней заговорщики, разочаровавшись в Паулюсе, возлагали свои надежды на Клюге и Манштейна, которые после разгрома под Сталинградом вылетели в Растенбург, чтобы потребовать от фюрера передать им командование армиями на русском фронте. В случае успеха этот демарш должен был послужить сигналом к военному перевороту в Берлине. Заговорщики вновь стали жертвой собственных иллюзий. Два фельдмаршала действительно полетели в ставку Гитлера, но лишь для того, чтобы заверить верховного главнокомандующего в своей преданности.

"Нас предали. Мы остались в одиночестве", — с горечью жаловался Бек.

Ему и его друзьям стало очевидно, что не стоит ожидать какой-либо практической помощи от высшего командного состава фронта. В отчаянии они обратились к последнему носителю военной власти — к армии резерва, которую лишь с натяжкой можно было считать армией. Это были формирования рекрутов, проходивших военное обучение, а также различные части из пожилых солдат, стоявшие гарнизонами на охране объектов в рейхе. Тем не менее эти солдаты были вооружены из их общего числа, учитывая, что лучшие части войск СС находились на фронте, было достаточно, чтобы под руководством заговорщиков оккупировать Берлин и другие крупные города после убийства Гитлера. Но у оппозиции все еще не было полного согласия относительно необходимости или даже желательности проведения акции против Гитлера

Кружок Крейсау, например, "неизменно выступал против любых актов насилия. Это была своеобразная, разнородная по составу группа молодых идеалистов-интеллигентов, объединившихся вокруг отпрысков двух наиболее именитых немецких аристократических семей — графа Хельмута Джеймса фон Мольтке, правнучатого племянника того самого фельдмаршала, который привел прусскую армию к победе над Францией в 1870 году, и графа Петера Йорка фон Вартенбурга, прямого потомка знаменитого генерала наполеоновской эпохи, совместно с Клаузевицем подписавшего Тауроггенскую конвенцию с царем Александром I, по которой прусская армия переходила на сторону коалиции и способствовала падению Бонапарта.

Взяв себе название от названия имения Мольтке в Крейсау, расположенного в Силезии, кружок Крейсау стал не конспиративной ячейкой, а дискуссионным клубом {"Нас повесят, — писал Мольтке своей

жене перед казнью, — за то, что мы думали вместе". — Прим авт. }, члены которого представляли как бы немецкое общество в разрезе, каким оно сложилось в донацистские времена и каким, по их мнению, оно должно было стать после исчезновения нацистского кошмара. В его состав входили два иезуитских священника, два лютеранских пастора, консерваторы и либералы, социалисты, богатые землевладельцы, бывшие профсоюзные лидеры, профессора и дипломаты. Несмотря на различия в происхождении и убеждениях, они смогли выработать общую широкую платформу, которая позволяла им исповедовать интеллектуальные, духовные, этические, философские и в известной мере политические идеи сопротивления Гитлеру. Судя по сохранившимся после них документам (почти все эти люди были повешены еще до окончания войны), намечая планы создания будущего правительства, экономические, социальные и духовные основы нового общества, они преследовали цель установить что-то наподобие христианского социализма, при котором все люди станут братьями, а ужасные пороки времени — извращения человеческого духа — будут исцелены. Идеалы их были благородны, возвышенны и несли на себе налет традиционного немецкого мистицизма.

Но эти возвышенные молодые люди были невероятно пассивны. Они ненавидели Гитлера за тот полный упадок, к которому он привел Германию и Европу, но не стремились свергнуть его. Они считали, что предстоящее поражение Германии решит и этот вопрос, и сосредоточили свое внимание на том, что должно затем последовать. "Для нас... — писал Мольтке, — понятие "Европа после войны" сводится к тому, как восстановить представление о человеке в душе наших сограждан".

Дороти Томпсон, известная американская журналистка, которая в течение многих лет работала в Германии и хорошо знала ее, обратилась к Мольтке, своему старому и близкому другу, с призывом спуститься на землю с заоблачных высот. Летом 1942 года в серии коротковолновых радиопередач из Нью-Йорка, адресованных Гансу, она умоляла его и его друзей предпринять что-нибудь, чтобы избавиться от своего дьявольского диктатора. "Мы живем не среди святых, а среди обычных людей", — пыталась напомнить ему она.

"Последний раз, когда мы встречались с тобой, Ганс, мы пили чай на той чудесной террасе, что выходит на озеро... Я сказала, что наступит день, когда ты должен будешь показать своими действиями, решительными действиями, чего ты добиваешься. И я помню, как спросила тебя, найдется ли у тебя и твоих друзей достаточно мужества, чтобы действовать..."

Это был острый вопрос, а ответ, судя по всему, оказался таким:

Мольтке и его друзья нашли в себе мужество открыто говорить, за что и были казнены, но не действовать. Это ошибка — скорее ошибка ума, а не сердца, ибо все они мужественно приняли ужасную смерть, — была главной причиной расхождения между кружком Крейсау и группой заговорщиков Бека — Герделера — Хасселя, хотя и они спорили о типе и составе правительства, которое должно было прийти на смену нацистскому режиму. После представительного совещания, состоявшегося 22 января 1943 года в доме Петера Йорка под председательством генерала Бека, который, как отметил в своем дневнике Хассель, "был довольно неуверен и сдержан", произошло несколько встреч между членами группы. Уже в ходе совещания разгорелся жаркий спор между "молодыми и стариками", по терминологии Хасселя, относительно будущей экономической и социальной политики, причем Мольтке схватился с Герделером. Хассель считал, что бывший мэр Лейпцига занимал крайне реакционную позицию, и обратил внимание на англосаксонские и пацифистские настроения Мольтке.

Гестапо также обратило внимание на это совещание и на состоявшемся впоследствии суде над его участниками представило удивительно подробный отчет об этих дискуссиях.

Гиммлер, обнаружив заговорщиков, шел по горячим следам, чего никто из них не мог предположить. Но один из парадоксов нашего повествования заключается в том, что в этот момент, то есть в 1943 году, когда надежда на победу была уже утеряна, а поражение казалось неизбежным, по иронии судьбы обладавший мягкими манерами, но кровожадный шеф СС, глава полиции третьего рейха, начал проявлять личный интерес к немецкому Сопротивлению и с некоторыми представителями имел ряд дружеских контактов. И, что характерно для образа мыслей заговорщиков, некоторые из них, в особенности Попитц, теперь видели в Гиммлере вероятного преемника Гитлера! Шеф СС, казавшийся таким фанатично преданным фюреру, осознал это, но почти до самого конца вел двойную игру, в ходе которой погубил многих смелых заговорщиков.

Отныне сопротивление действовало по трем направлениям. Члены кружка Крейсау вели нескончаемые дискуссии о пришествии золотого века. Группа Бека, мыслившая более реалистично, стремилась прикончить Гитлера любым способом и захватить власть. Она поддерживала контакт с Западом, чтобы информировать демократически мыслящих союзников о происходящем, а также выяснить, какого рода мир они готовы заключить в результате переговоров с новым антинацистским правительством {В

некоторых немецких мемуарах сообщается, что в 1942–1943 годах нацисты установили контакты с русскими на предмет возможных мирных переговоров и что Сталин будто бы предложил начать переговоры о сепаратном мире. Риббентроп, находясь на скамье подсудимых в Нюрнберге, сообщил о своих усилиях, направленных на то, чтобы войти в контакт с русскими, и заявил, что фактически он установил его с советскими агентами в Стокгольме. Петер Клейст, который действовал в Стокгольме от имени Риббентропа, рассказал об этом в своей книге. Я подозреваю, что, когда все секретные немецкие документы будут разобраны, могут всплыть данные, способные пролить дополнительный свет на этот эпизод. — Прим. авт. }. Эти контакты были установлены в Стокгольме и Швейцарии. В шведской столице Герделер часто встречался с банкирами Маркусом и Якобом Валленбергами, с которыми его связывала давняя дружба и с которыми он поддерживал деловые и личные контакты в Лондоне. Во время одной из встреч с Якобом Валленбергом в апреле 1942 года Герделер убеждал его связаться с Черчиллем. Заговорщики хотели авансом получить от премьер-министра заверения в том, что союзники заключат с Германией мир, если они арестуют Гитлера и свергнут нацистский режим. Валленберг ответил, что, насколько ему известно, от английского правительства получить такие заверения невозможно.

Месяц спустя два лютеранских священника установили прямой контакт с англичанами в Стокгольме. Это были д-р Ганс Шенфельд, член отдела внешних сношений немецкой евангелической церкви, и пастор Дитрих Бонхеффер, видный церковный деятель и активный заговорщик, который, прослышав, что д-р Джордж Белл, англиканский епископ в Чичестере, прибыл с визитом в Стокгольм, поспешил туда, чтобы с ним встретиться. Заметим, что Бонхеффер совершал поездку инкогнито по подложным документам, которыми его снабдил полковник Остер из абвера.

Оба пастора проинформировали епископа о планах заговорщиков и так же, как и Герделер, поинтересовались, готовы ли западные союзники заключить достойный мир с нацистским правительством после свержения Гитлера. Они просили дать им ответ либо в частном послании, либо в публичном выступлении. Чтобы создать у епископа впечатление, что заговор против Гитлера подготовлен серьезно, Бонхеффер передал ему список имен руководителей заговора — неосторожность, которая впоследствии стоила ему жизни и повлекла за собой расправу над многими.

Это была самая свежая и достоверная информация о немецкой оппозиции и ее планах, оказавшаяся в руках союзников. Епископ Белл незамедлительно передал ее Антони Идену, английскому министру

иностранных дел, когда тот возвратился в июне в Лондон. Но Идеи, ушедший со своего поста в 1938 году в знак протеста против политики попустительства Гитлеру, проводимой Чемберленом, воспринял информацию скептически. Подобная информация однажды уже поступала к английскому правительству якобы от немецкого подполья еще во времена Мюнхена, но ничего из этого не вышло. Ответа не последовало.

Контакты немецкого подполья с союзниками в Швейцарии осуществлялись в основном через Аллена Даллеса, который возглавлял там Управление стратегических служб США с ноября 1942 года до конца войны. Его основным визитером был Ганс Гизевиус. Он часто ездил в Берн и слыл, как известно, активным заговорщиком. Гизевиус служил в абвере и фактически занимал пост вице-консула при немецком генеральном консульстве в Цюрихе. В его основные функции входило доставлять Даллесу сообщения от Бека и Герделера и держать его в курсе подготовки различных заговоров против Гитлера. Среди других немецких посетителей Даллеса были д-р Шен-фельд и Тротт цу Зольц, причем последний являлся членом кружка Крейсау и одновременно участником заговора. Однажды он совершил поездку в Швейцарию, чтобы предупредить Даллеса о том, что если западные демократии откажутся рассматривать возможность подписания достойного мира с антинацистским режимом в Германии, то заговорщики обратятся к Советской России. Даллес отнесся к этому с пониманием, однако не дал каких-либо заверений.

Можно только удивляться лидерам немецкого Сопротивления, которые проявляли такую настойчивость в достижении мирного соглашения с Западом и такую нерешительность в избавлении от Гитлера. Казалось, раз они считают нацизм таким чудовищным злом, как они о том постоянно заявляли, безусловно искренне, им следовало бы сосредоточиться на устранении его независимо от того, как станет относиться к их новому режиму Запад. Создается впечатление что большое число этих добропорядочных немцев слишком легко поддались искушению обвинить весь мир в своих собственных неудачах, подобно тому, как некоторые из них навлекли на Германию беды после поражения в первой мировой войне и даже способствовали приходу к власти Гитлера.

Операция "Вспышка"

В феврале 1943 года Герделер сообщил Якобу Валленбергу в Стокгольме, что они "подготовили план переворота, намеченного на март". План у них действительно был. Операцию, получившую название "Вспышка", разработали в течение января — февраля генералы Фридрих Ольбрихт, начальник общего управления сухопутных войск, и фон Тресков,

начальник штаба группы армий "Центр" в России под командованием Клюге. Ольбрихт, глубоко религиозный человек, лишь недавно присоединился к заговору, но в силу своего нового назначения быстро занял в нем ключевое место. Как заместитель генерала Фридриха Фромма, командующего армией резерва, он имел возможность направлять действия гарнизонов в Берлине и других крупных городах рейха в интересах заговорщиков. Сам Фромм, как и Клюге, к этому времени полностью разочаровался в фюрере, но не считался достаточно надежным человеком, чтобы посвятить его в заговор.

"Мы готовы. Настало время для "Вспышки", — сообщил Ольбрихт в конце февраля молодому Фабиану Шлабрендорфу, младшему офицеру в штабе генерала Трескова. В начале марта заговорщики собрались на последнее совещание в Смоленске, в штабе группы армий "Центр". Хотя адмирал Канарис, шеф абвера, и не участвовал в операции, он был в курсе событий и способствовал организации совещания, прихватив с собой в Смоленск на самолете офицеров штаба Ганса фон Донаньи и генерала Эрвина Лахузен — якобы на совещание офицеров разведки вермахта. Лахузен, бывший офицер разведки австрийской армии и единственный из заговорщиков абвера, переживший войну, привез с собой несколько бомб.

Шлабрендорф и Тресков после многочисленных испытаний пришли к выводу, что немецкие бомбы замедленного действия непригодны. Их взрыватели, как объяснил позднее молодой офицер, издавали перед взрывом низкий шипящий звук, который их выдавал. Англичане, как выяснилось, разработали более удачные бомбы этого типа. "Перед взрывом они не производили никакого шума", — отметил Шлабрендорф. Значительное число подобных подрывных устройств самолеты английских ВВС сбрасывали для своей агентуры в оккупированной Европе в целях проведения диверсий. Одно из них было использовано для покушения на Гейдриха. В распоряжении абвера имелось несколько таких бомб, которые теперь были переданы заговорщикам. Разработанный на совещании в Смоленске план состоял в том, чтобы заманить Гитлера в штаб группы армий и там покончить с ним. Это в свою очередь должно было послужить сигналом для переворота в Берлине.

Заманить же в ловушку верховного главнокомандующего, который с подозрительностью относился к большинству своих генералов, было делом непростым. Но Тресков уговорил своего старого друга генерала Шмундта, тогдашнего адъютанта Гитлера, обработать своего шефа. Фюрер некоторое время колебался, несколько раз отменял поездку, пока наконец не дал твердого согласия прибыть в Смоленск 13 марта 1943 года. Сам Шмундт

ничего не знал о заговоре.

Тем временем Тресков энергично принялся убеждать Клюге взять в свои руки операцию по устранению Гитлера. Он подал фельдмаршалу мысль разрешить подполковнику барону фон Безелагеру {Казнен нацистами. — Прим. авт. }, который командовал кавалерийским подразделением при штабе, использовать его для ликвидации Гитлера и его личной охраны, как только они прибудут в Смоленск. Безелагер охотно согласился. Чтобы начать действовать, ему требовалось одно — получить приказ от фельдмаршала, но колеблющийся командующий не смог заставить себя отдать этот приказ. Поэтому Тресков и Шлабрендорф решили взять все в свои руки. Они попросту поместят бомбу замедленного действия в самолет Гитлера перед обратным вылетом. "Сходство с несчастным случаем, — объяснял позднее Шлабрендорф, — позволило бы избежать политических издержек убийства. Ибо в то время у Гитлера было еще много последователей, которые после такого события могли оказать сильное противодействие нашему мятежу".

Дважды — днем и вечером 13 марта — после прибытия Гитлера два антинацистски настроенных офицера готовы были поддаться искушению изменить план и взорвать бомбу: сначала в кабинете Клюге, где Гитлер беседовал с генералами армейской группы, а позднее в офицерской столовой, где для них был устроен ужин {При первой встрече, по словам Шлабрендорфа, он имел возможность подержать в руках фуражку Гитлера необычно большого размера. Его поразил ее вес. Осмотрев ее внимательнее, он обнаружил, что она имеет стальную подкладку весом около полутора килограммов. — Прим. авт. }. Но такое изменение плана привело бы к гибели ряда тех самых генералов, которые, освободившись от присяги на верность фюреру, должны были содействовать заговорщикам в захвате власти в рейхе.

Оставалась еще проблема — пронести бомбу в самолет фюрера, который должен был взлететь сразу после обеда. Шлабрендорф собрал то, что он назвал двумя взрыв-пакетами, завернул так, чтобы это походило на две бутылки коньяка. За обедом Тресков невинно спросил полковника Гейнца Брандта из главного штаба сухопутных войск, находившегося в числе сопровождавших Гитлера лиц, не окажет ли он любезность, не захватит ли с собой презент — две бутылки коньяка для своего старого друга генерала Хельмута Штиффа {Казнен нацистами. — Прим. авт. }, начальника оргуправления главного командования сухопутных войск. Ничего не подозревавший Брандт сказал, что будет рад исполнить просьбу.

На аэродроме Шлабрендорф, нервно просунув палец в небольшое

отверстие в свертке, запустил механизм замедленного действия и вручил посылку Брандту, входившему в самолет фюрера. Взрывное устройство было сконструировано довольно хитро — в него был встроен часовой механизм. Молодой офицер нажал на кнопку — она раздавила небольшую ампулу с химическим раствором, который разъедал проволочку, удерживавшую сжатую пружину. Когда проволочка обрывалась, пружина ударяла по бойку, а тот ударял по детонатору, подрывавшему бомбу. Взрыв, как объяснял Шлабрендорф, должен был произойти вскоре после того, как Гитлер пролетит Минск, примерно через тридцать минут после взлета в Смоленске. Дрожа от возбуждения, Шлабрендорф позвонил в Берлин и кодом предупредил заговорщиков о том, что "Вспышка" началась. Затем он и Тресков, затаив дыхание, стали ждать грандиозной новости. Они предполагали, что первое известие поступит по радио от одного из истребителей, сопровождавших самолет фюрера, и вели счет минутам. Прошло двадцать, тридцать, сорок минут, час... Однако известий все не поступало. Прошло более двух часов, прежде чем поступило обычное сообщение. Оно гласило, что самолет Гитлера приземлился в Раценбурге.

"Мы были ошеломлены и не могли постичь причину неудачи, — рассказывал позднее Шлабрендорф. — Я немедленно позвонил в Берлин и условной фразой сообщил, что попытка провалилась. Затем мы с Тресковым посоветовались, что предпринять далее. Мы оба были глубоко потрясены. Положение казалось достаточно серьезным, поскольку попытка не удалась. Однако оно ухудшилось бы после обнаружения бомбы, которая безошибочно вывела бы следствие на нас, а это повлекло бы гибель широкого круга прямых участников заговора".

Но бомба так и не была обнаружена. В тот же вечер Тресков позвонил полковнику Брандту и между прочим поинтересовался, нашлось ли у него время передать свертки генералу Штиффу. Брандт ответил, что у него еще руки до этого не дошли. Тогда Тресков попросил его не беспокоиться, поскольку в бутылках не тот коньяк, и заверил, что Шлабрендорф приедет завтра по делам и заодно прихватит поистине отменный коньяк, тот, который он и намеревался послать.

Собрав все мужество, Шлабрендорф отправился в ставку Гитлера и обменял пару бутылок коньяка на бомбу. Позднее он рассказывал:

"Я до сих пор с ужасом вспоминаю, как Брандт передал мне свертки, потрянув его, и как я похолодел, ожидая запоздалого взрыва. Притворившись спокойным, я взял бомбу и тут же вышел к машине. Нажав на газ, двинулся к соседнему железнодорожному разъезду Коршен".

Там он сел в ночной поезд на Берлин и, запершись в купе, разобрал

бомбу. При этом быстро обнаружилось, что случилось, точнее, почему ничего не случилось.

"Механизм сработал: маленькая ампула была раздавлена, жидкость разъела проволочку, боек пробил капсулю, но детонатор не воспламенился".

Разочарованные, но не обескураженные берлинские заговорщики решили готовить новое покушение на Гитлера. И вскоре подходящий случай подвернулся. 21 марта Гитлер в сопровождении Геринга, Гиммлера и Кейтеля должен был присутствовать в Цойгхаусе в Берлине на поминании павших героев. Представлялась возможность разделаться не только с фюрером, но и с его ближайшими пособниками. Как позднее отметил начальник разведки при штабе Клюге полковник барон фон Герсдорф, это был шанс, который дважды не повторяется. Именно Герсдорфу поручил Тресков бросить бомбу. На этот раз, однако, пришлось бы жертвовать жизнью. План заключался в том, что полковник, спрятав в карман шинели две бомбы, должен был взвести их, встать во время церемонии как можно ближе к Гитлеру и взорвать фюрера и его окружение, отправив всех, в том числе и самого себя, на тот свет. Герсдорф проявил мужество и добровольно выразил готовность пожертвовать собой.

Вечером 20 марта он встретился со Шлабрендорфом в его номере в берлинском отеле "Эдем". Шлабрендорф принес две бомбы со взрывателями, установленными на десять минут. Но ввиду низкой температуры в застекленном дворе Цойгхауса взрыв мог произойти лишь через 15–20 минут. По программе церемонии после произнесения речи Гитлер в течение получаса знакомился на этом же дворе с организованной штабом Герсдорфа выставкой русской трофейной техники. Выставка была единственным местом, где полковник мог подойти к Гитлеру достаточно близко, чтобы убить его.

Позднее Герсдорф рассказывал, что там произошло:

"На следующий день я пронес в обоих карманах шинели по бомбе со взрывателем, установленным на 10 минут. Я стремился подойти как можно ближе к Гитлеру, чтобы взрыв разнес его в клочья. Когда Гитлер... вошел в выставочный зал, Шмундт пересек помещение и подошел ко мне, чтобы сказать, что на осмотр экспонатов отводится от восьми до десяти минут. Таким образом, осуществить покушение снова оказалось невозможно, поскольку даже при нормальной температуре требовалось не менее десяти минут, чтобы сработал взрыватель. Это изменение программы в последнюю минуту было типичным для Гитлера приемом самосохранения, который снова спас ему жизнь" {Одна из трудностей сведения воедино всех

действий заговорщиков состоит в том, что воспоминания немногих уцелевших из них далеко не совершенны, так как они не только различны, но и подчас противоречат друг другу. Например, Шлабрендорф, который доставил бомбу Герсдорфу, пишет в своей книге, что, поскольку они не смогли найти взрыватель с достаточно коротким временем срабатывания, им пришлось "отказаться от попытки покушения в Цойгхаусе". Очевидно, он не знал или забыл, что Герсдорф в действительности поехал в Цойгхаус, чтобы попытаться выполнить задание, да и сам полковник свидетельствует, что накануне вечером тот сообщил ему, что полон решимости "совершить это" с имеющимися взрывателями. — Прим. авт. }.

Находясь в Смоленске, генерал Тресков, по словам Герсдорфа, с тревогой и надеждой слушал радиопередачу об этой церемонии, держа в руках секундомер. Когда диктор сказал, что Гитлер покинул зал выставки через восемь минут после того, как вошел туда, генерал понял, что сорвалась еще одна попытка покушения.

По меньшей мере было предпринято три "шинельных" попытки, как называли их заговорщики, и каждая из них, как мы убедимся, оканчивалась неудачей.

В начале 1943 года в Германии произошло еще одно стихийное выступление, хотя и небольшое по масштабу. Оно помогло поднять упавший было дух Сопротивления, все попытки которого устранить Гитлера до сих пор кончались провалом. Это также послужило предупреждением, насколько беспощаден нацистский режим в своем стремлении подавить малейшее проявление оппозиции.

Как мы видели, в начале тридцатых годов из среды студентов немецких университетов выходили самые фанатичные нацисты. Но десятилетие гитлеровского правления привело к массовому разочарованию, обострившемуся в результате неспособности Германии выиграть войну, особенно в начале 1943 года, после катастрофы под Сталинградом. Очагом студенческих выступлений стал университет в Мюнхене — городе, породившем нацизм. Возглавили их 25-летний студент-медик Ганс Шолль и его сестра Софья, 21 года, изучавшая биологию. Идейным руководителем стал Курт Хубер, профессор философии. Посредством так называемых "Писем белой розы" они вели антинацистскую пропаганду и в других университетах. Им удалось установить связи с заговорщиками в Берлине. Однажды, в феврале 1943 года, гаулейтер Баварии Пауль Гислер, которому гестапо доставило пачку писем, созвал студентов и объявил, что юноши, признанные негодными по своему физическому состоянию для военной службы (годные были призваны в армию), отныне будут заниматься более

полезным для войны делом, и, плотоядно улыбаясь, добавил, что студенткам придется ежегодно рожать по ребенку на благо фатерланда. Если же иные девицы не обладают достаточным очарованием, чтобы найти себе партнера, он пообещал приставить к каждой из них по одному из своих подчиненных для в высшей степени приятного времяпрепровождения. Выходцы из Баварии славятся своим грубоватым юмором, но эта откровенная пошлость вывела студентов из терпения. Их крики заглушили голос гаулейтера, его вытолкали из зала вместе с гестаповцами и эсэсовцами, которым было поручено его охранять. Вечером впервые на улицах Мюнхена прошли антинацистские студенческие демонстрации. Студенты во главе с братом и сестрой Шолль стали распространять листовки, открыто призывавшие немецкую молодежь к восстанию. 19 февраля какой-то служащий с соседней стройки видел, как Ганс и Софья Шолль разбрасывали листовки с балкона университета и донес на них в гестапо.

Расправа была скорой и необычайно жестокой. Доставленные в наводивший страх Народный суд под председательством Роланда Фрейслера (о нем речь пойдет ниже), самого зловещего и кровожадного после Гейдриха нациста в третьем рейхе, они были признаны виновными в измене и приговорены к смерти. С Софьей Шолль в гестапо обращались так жестоко, что в суд она была доставлена со сломанной ногой. Но дух ее не был сломлен. На свирепые угрозы Фрейслера она отвечала совершенно спокойно: "Вы так же хорошо знаете, что война проиграна. Почему же вы настолько трусливы, что не хотите признать этого?" Прихрамывая, она на костылях поднялась на эшафот и умерла так же гордо и мужественно, как и ее брат. Профессор Хубер и еще несколько студентов были казнены через несколько дней.

Все это послужило предостережением заговорщикам в Берлине, напомнило им, что неосторожность некоторых их руководителей могла стать источником опасности для остальных. Сам Герделер отличался крайней болтливостью. Попытки Попитца прощупать Гиммлера и других высокопоставленных офицеров на предмет присоединения к заговору были чрезвычайно рискованными. Неподражаемый Вайцзекер, который после войны любил изображать себя таким стойким бойцом Сопротивления, так испугался, что порвал всякие отношения со своим близким другом Хасселем, обвинив его вместе с фрау фон Хассель в "непостижимом неблагоразумии", ведь он предупреждал, что за ними тайно следило гестапо {Хассель описывает в своем дневнике тягостную сцену: "Он попросил меня избавить его от неудобств, которые вызывало мое

присутствие. Когда я начал было протестовать, он резко оборвал меня" (Дневники фон Хасселя, с. 256–257). Лишь позднее, когда Вайцзекер благополучно устроился в Ватикане в качестве немецкого посла, он принялся побуждать заговорщиков к действию. "Это, конечно, легче делать из Ватикана", — заметил Хассель. Вайцзекер уцелел, что позволило ему написать довольно жалкие мемуары. Дневники Хасселя были опубликованы после его казни. — Прим. авт. }.

Гестапо вело слежку за многими, особенно за беззаботным и самоуверенным Герделером. Но удар, который оно нанесло по заговорщикам сразу после злополучного марта 1943 года, когда провалились две попытки убить Гитлера, по иронии судьбы был результатом не столько умелой слежки, сколько соперничества между двумя разведслужбами — абвера вермахта и гиммлеровского РСХА — главного управления имперской безопасности, которое руководило секретной службой СС и которое стремилось сместить адмирала Канариса и подчинить себе находившийся в его ведении абвер.

Осенью 1942 года мюнхенский делец по имени Шмидтхубер был арестован за контрабандный провоз валюты в Швейцарию. В действительности он был агентом абвера, а деньги, которые он долгое время провозил через границу, поступали группе еврейских беженцев в Швейцарии. Для немца третьего рейха это считалось тягчайшим преступлением, даже если он был агентом абвера. Когда Канарис оказался бессилён прикрыть дело Шмидтхубера, агент начал рассказывать гестапо все, что ему было известно об абвере. Он указал на Ганса Донаньи, который вместе с полковником Остером входил в ядро заговорщиков. Одновременно он сообщил сотрудникам Гиммлера о миссии д-ра Йозефа Мюллера в Ватикан в 1940 году, когда через папу римского был установлен контакт с англичанами. Он сообщил о визите пастора Бонхеффера к епископу Чичестерскому в Стокгольм в 1942 году по подложному паспорту, выданному абвером. Он намекнул на замыслы Остера по устранению Гитлера.

После расследования, продолжавшегося не один месяц, гестапо приступило к действиям. 5 апреля 1943 года Донаньи, Мюллер и Бонхеффер были арестованы, а Остер, который сумел уничтожить большую часть компрометирующих бумаг, был вынужден уйти в декабре в отставку.

Его посадили под домашний арест в Лейпциге {Бонхеффер, Донаньи и Остер были казнены 9 апреля 1945 года, менее чем за месяц до капитуляции Германии. Их ликвидация представляется актом мести со стороны Гиммлера. Уцелел лишь один Мюллер. — Прим. авт. }. Это был

сокрушительный удар по заговору. Как отзывался об Остере Шлабрендорф, он обладал ясным умом, был невозмутим в минуту опасности и с 1938 года являлся одной из ключевых фигур среди пытавшихся устранить Гитлера. Донаньи, юрист по профессии, стал его изобретательным помощником. Протестант Бонхеффер, католик Мюллер не только придали движению Сопротивления большую духовную силу, но и подали примеры личного мужества, когда выполняли различные миссии за границей и когда даже под пытками, которым их подвергали, отказывались выдать своих товарищей.

Но самой серьезной в связи с упразднением абвера была утрата заговорщиками "крыши" и надежной связи как друг с другом, так и с колеблющимися генералами и друзьями на Западе.

Другие следы, на которые напали гиммлеровские ищейки, позволили вывести абвер и его шефа Канариса из игры в течение нескольких месяцев.

Одной из таких находок оказался аристократический салон, известный в нацистских кругах под названием "Чайный салон фрау Зольф". Произошло это 10 сентября 1943 года. Фрау Анна Зольф, вдова бывшего министра колоний в правительстве Вильгельма II, который был также послом Германии в Японии во времена Веймарской республики, долго стояла во главе антинацистского салона в Берлине. Сюда часто навещались именитые гости, в числе которых были графиня Ханна фон Бредов, внучка Бисмарка, граф Альбрехт фон Берншторф, племянник немецкого посла в Соединенных Штатах во время первой мировой войны, отец Эркслебен, известный иезуитский священник, Отто Кип, важный чиновник в министерстве иностранных дел, которого уволили с поста генерального консула в Нью-Йорке за присутствие на званом обеде в честь профессора Эйнштейна, но затем восстановили на дипломатической службе, а также Елизавета фон Тадден, блестящая и глубоко религиозная дама, которая содержала известную женскую школу в Вейнблингене, близ Гейдельберга.

На чай к фрау Зольф 10 сентября фрейлейн фон Тадден привела с собой молодого симпатичного доктора из Швейцарии по имени Рексе, который имел практику при госпитале Шарите (благотворительное учреждение) в Берлине, руководимом профессором Зауэрбрухом. Подобно большинству швейцарцев, д-р Рексе высказывал резкие антинацистские суждения, в чем нашел поддержку у других гостей, особенно у Кипа. Незадолго до того как чаепитие завершилось, добрый доктор вызвался доставить любые вести или письма, которые фрау Зольф и ее гости пожелали бы послать своим друзьям в Швейцарии — немецким

эмигрантам-антифашистам, английским или американским дипломатам. Предложение нашло отклик у многих.

К несчастью для них, д-р Рексе оказался агентом гестапо, которому он и передал несколько компрометирующих писем, как и отчет о чае.

Граф фон Мольтке узнал об этом через друга в министерстве авиации, который подслушал несколько телефонных разговоров между швейцарским доктором и гестапо. Он быстро предупредил своего друга Кипа, а тот в свою очередь остальных гостей салона фрау Зольф. Но у Гиммлера теперь были в руках улики. Он ждал четыре месяца, чтобы расставить пошире свои сети и пустить улики в ход. 12 января все присутствовавшие на чае были арестованы, отданы под суд и казнены, за исключением фрау Зольф и ее дочери, графини Баллештрем {Очевидно, Гиммлер за прошедшие четыре месяца действительно широко расставил свои сети. По свидетельству Рейтлингера, примерно 74 человека было арестовано по доносу д-ра Рексе (Рейтлингер. Та самая служба СС, с. 304). — Прим. авт. }. Фрау Зольф и ее дочь были заключены в Равенсбрюк и чудом избежали смерти {Сначала вмешался посол Японии, пытаясь отсрочить суд над ними. Затем, 3 февраля 1945 года, во время дневного налета американской бомбой не только был убит Роланд Фрейслер, председательствовавший на одном из страшных процессов, спровоцированных предательством, но и было уничтожено судебное дело фрау Зольф и ее дочери, находившееся в канцелярии Народного суда. Тем не менее процесс над ними был назначен в этом же суде на 27 апреля. К этому времени русские уже вошли в Берлин. Практически фрау Зольф и ее дочь были освобождены из тюрьмы Моабит 23 апреля, скорее всего, по ошибке (Уилер-Беннет. Немезида, с. 595; Пехель. Дойчер видерштандт, с. 88–93). — Прим. авт. }. Граф фон Мольтке, замешанный в этом деле вместе со своим другом Кипом, также был арестован. Но это было не единственное последствие ареста Кипа. Отзвуки этого дела докатились даже до Турции и предопределили ликвидацию абвера и передачу его функций Гиммлеру.

Среди антинацистски настроенных друзей Кипа были Эрих Вермерен и его потрясающе красивая жена графиня Элизабет фон Плеттенберг, которые, подобно другим противникам режима, поступили на службу в абвер и работали там в качестве его агентов в Стамбуле. Для допроса по делу Кипа гестапо вызвало обоих в Берлин. Зная, что их ждет, они отказались повиноваться. В начале февраля 1944 года они вошли в контакт с английской секретной службой и были переброшены в Каир, а оттуда в Англию.

В Берлине посчитали, хотя это оказалось неправдой, что Вермерены

скрылись, прихватив с собой все секретные коды абвера, которые передали англичанам. Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения Гитлера. Вслед за арестами Донаньи и других сотрудников абвера, принимая во внимание его растущие подозрения против самого Канариса, 18 февраля 1944 года фюрер приказал упразднить абвер, а его функции передать РСХА. Таким образом, Гиммлер, борьба которого с офицерским корпусом началась с подтасовки обвинений против генерала Фрича еще в 1938 году, смог записать на свой счет еще одно очко. В соответствии с этим решением вооруженные силы лишались собственной разведки, а Гиммлер получил еще большую власть над генералами. Оно являлось новым ударом по заговорщикам, которые лишились возможности хоть как-то использовать секретную службу для продолжения своей работы {Канарис был назначен начальником управления коммерческой и экономической войны. С получением этого ничего не значащего титула "адмиралишка" исчез из немецкой истории. Он был настолько непонятной фигурой, что трудно найти два одинаковых мнения об этом человеке, о том, во что он верил и верил ли во что-нибудь вообще. Циник и фаталист, он ненавидел Веймарскую республику и тайно действовал против нее, а затем аналогичным образом обрушит свой гнев на третий рейх. Его дни, как и дни других известных в абвере лиц, за исключением генерала Лахузена, отныне были сочтены. — Прим. авт. }.

Они по-прежнему не прекращали своих попыток убить Гитлера. В период с сентября 1943 года по январь 1944 года было организовано еще полдюжины покушений. В августе Якоб Валленберг прибыл в Берлин для встречи с Герделером, который уверил его, что все готово к перевороту в сентябре и что Шлабрендорф направится затем в Стокгольм на встречу с представителем Черчилля для ведения переговоров о мире. "Я ждал наступления сентября с большой тревогой, — рассказывал позднее шведский банкир А. шену Даллесу. — Он прошел без каких-либо событий".

Месяц спустя генерал Штифф, острый на язык горбун, тот самый, которому Тресков посылал две бутылки "коньяка" и которого позднее Гиммлер назвал "ядовитым карликом", согласился организовать доставку бомбы замедленного действия на дневное совещание Гитлера в Растенбурге, но в последний момент струсил. А через несколько дней его склад английских бомб, которые он получил от абвера и спрятал под сторожевой башней в обнесенном колючей проволокой дворе ставки, взорвался, и лишь благодаря тому, что расследование этого происшествия Гитлер возложил на полковника абвера Вернера Шрадера, участника

заговора, заговорщики не были раскрыты.

В ноябре была предпринята еще одна "шинельная" попытка. Для показа новой армейской шинели и предметов снаряжения, которые разрабатывались по приказу Гитлера и которые теперь он хотел увидеть, прежде чем утвердить для массового пошива, заговорщики выбрали в качестве манекена 24-летнего пехотного капитана Акселя фон дем Бусше. Во избежание неудачи, которая постигла Герсдорфа, Бусше решил спрятать в карманах образца шинели две немецкие бомбы, взрывающиеся через несколько секунд после установки запала. Его план состоял в том, чтобы обхватить Гитлера в момент показа и подорваться вместе с ним.

Однако накануне показа бомба союзников, сброшенная во время воздушного налета, уничтожила все образцы одежды, и Бусше вернулся в свою роту на русском фронте. Вновь в ставке Гитлера он появился в декабре, чтобы во второй раз показать образцы военной формы, но фюрер неожиданно выедал на рождественские праздники в Берхтесгаден. А вскоре Бусше получил тяжелое ранение на фронте и потому вместо него прислали другого молодого пехотного офицера. Это был Генрих фон Клейст, сын Эвальда фон Клейста, одного из старейших заговорщиков {Клейсты, отец и сын, позднее были арестованы. Отец был казнен 16 апреля 1945 года, сын же уцелел. — Прим. авт. }. Демонстрация моделей была назначена на 11 февраля 19, 44 года, однако фюрер по какой-то причине не прибыл (как утверждает Даллес, из-за воздушного налета).

К этому времени заговорщики пришли к выводу, что тактика Гитлера постоянно менять свои программы требовала коренного пересмотра их собственных планов {Гитлер часто обсуждал эту тактику со своими старыми соратниками по нацистской партии. Сохранилась стенографическая запись его высказывания в ставке 3 мая 1942 года: "Я отдаю себе отчет в том, почему девяносто процентов исторических покушений оказались успешными. Единственная превентивная мера, к которой следует прибегать, — это не соблюдать в своей жизни регулярности — в прогулках, поездках, путешествиях. Все это лучше делать в разное время и неожиданно... Насколько это возможно, направляясь куда-либо на автомобиле, я выезжаю неожиданно, не предупреждая полицию" (Секретные беседы Гитлера, с. 366).

Гитлер всегда сознавал, как мы уже убедились, что на него может быть совершено покушение. На военном совете 22 августа 1939 года накануне нападения на Польшу он обратил внимание генералов на то, что, хотя он лично незаменим, его в любой момент может "ликвидировать какой-нибудь преступник или идиот".

В своем довольно бессвязном выступлении 3 мая 1942 года он развил эту тему: "Обеспечить абсолютную безопасность от фанатиков и идеалистов невозможно... Если какой-нибудь фанатик пожелает выстрелить в меня или бросить бомбу, то, стою я или сижу, степень безопасности от этого не меняется". Он, однако, считал, что число фанатиков, способных совершить покушение на его жизнь по идейным соображениям, все уменьшается... "Единственно реально опасные элементы — это либо те фанатики, которых подстрекают трусливые подлые священники, либо националистически настроенные патриоты из той или иной оккупированной страны. Мой многолетний опыт весьма затрудняет деятельность даже подобных элементов". — Прим. авт. }. Они пришли к выводу, что реально рассчитывать на встречу с Гитлером можно лишь во время проводимых им дважды в день военных совещаний (советов) с генералами из верховного главнокомандования и штаба сухопутных войск (ОКБ и ОКХ). И ликвидировать его следует непременно на одном из них. 26 декабря 1943 года молодой офицер по имени Штауфенберг, замещавший генерала Ольбрихта, прибыл в ставку в Растенбурге на дневное совещание, где должен был доложить о ходе подготовки пополнений для армий. В его портфеле лежала бомба замедленного действия. Совещание было отменено: Гитлер уехал отмечать рождество в Оберзальцберге.

Это была первая попытка подобного рода со стороны красивого молодого подполковника, но не последняя, ибо Клаус Филип Шенк граф фон Штауфенберг был тем человеком, в котором заговорщики нашли наконец единомышленника. С этого момента он не только возложит на себя миссию по ликвидации Гитлера единственным казавшимся теперь возможным способом, но и вдохнет новую жизнь в сам заговор, став его фактическим, хотя отнюдь не номинальным главой.

Миссия графа фон Штауфенберга

Для профессионального армейского офицера это был человек удивительно одаренный. Родился он в 1907 году в старинной знатной семье из Южной Германии. По линии матери графини фон Укс-кулль Гилленбрандт он приходился праправнуком Гнейзенау, одному из героев освободительной антинаполеоновской войны, ставшем совместно с Шарнхорстом основателем прусского генерального штаба, и потомком Йорка фон Вартенбурга, другого прославленного генерала эпохи Бонапарта. Отец Клауса был гофмейстером последнего короля Вюртемберга. Семья была дружной, приверженной римско-католической церкви и высокообразованной. В такой семье и в такой атмосфере вырос Клаус. По свидетельству всех, кто его знал, он обладал не только редкой

красотой и отличным телосложением, но и блестящим пытливым умом и рассудительностью. Он увлекался различными видами спорта, особенно любил лошадей, интересовался искусством и литературой, был начитан в разных областях, а в юности испытал на себе влияние известного поэта Стефана Георга и его романтического мистицизма. Одно время молодой человек хотел стать профессиональным музыкантом, затем увлекся архитектурой, но в 1926 году в возрасте 19 лет пошел на службу в армию кадетом-офицером прославленного 17-го Бамбергского кавалерийского полка.

В 1936 году он был направлен в военную академию в Берлине, где его блестящая эрудиция привлекла к нему внимание как преподавателей, так и высшего командования. Два года спустя, окончив академию, молодой офицер получил назначение в генеральный штаб. Монархист в душе, как и большинство офицеров его выпуска, он не был противником национал-социализма. Первые сомнения относительно Гитлера, очевидно, зародились у него в связи с еврейскими погромами 1938 года. Сомнения эти усилились, когда летом 1939 года он увидел, как фюрер втягивает Германию в войну, которая могла стать затяжной, обернуться страшными потерями и в конечном счете поражением.

Тем не менее с началом войны он включился в нее с присущей ему энергией, быстро выдвинулся как офицер штаба 6-й танковой дивизии генерала Гепнера, участвовавшей в кампаниях в Польше и во Франции. Судя по всему, именно в России Штауфенберг полностью разуверился в третьем рейхе. В июне 1940 года его перевели в штаб главного командования сухопутных войск (ОКХ) как раз перед наступлением на Дюнкерк. Когда началась война с Россией, он первые полтора года находился преимущественно на советской территории, где среди прочих дел помогал сколачивать русские "добровольческие" части из военнопленных. В это время, по свидетельству друзей, Штауфенберг считал, что, пока немцы будут избавляться от гитлеровской тирании, эти русские формирования можно использовать для свержения тирании сталинской. Вероятно, в этом сказалось влияние гуманистических идей поэта Стефана Георга. Зверства СС в России, не говоря уже о прямом приказе Гитлера расстреливать большевистских комиссаров, открыли Штауфенбергу глаза на то, каков на самом деле хозяин, которому он служит. По воле случая в России он встретил двух ведущих заговорщиков, решивших покончить с этим хозяином, — генерала фон Трескова и Шлабрендорфа. Последний рассказывал: потребовалось всего несколько встреч со Штауфенбергом, чтобы понять, что это свой человек. Он стал

активным заговорщиком.

Но хотя Штауфенберг был лишь младшим офицером, он вскоре убедился, что фельдмаршалы слишком нерешительны, если не сказать, слишком трусливы, чтобы предпринять хоть что-нибудь для упразднения Гитлера или прекращения ужасающего истребления евреев, русских и военнопленных на оккупированной территории. Ничем не оправданная катастрофа под Сталинградом вызвала у него отвращение. Сразу по ее окончании, в феврале 1943 года, он попросил направить его на фронт, был назначен в штаб 10-й танковой дивизии в Тунисе и прибыл туда к моменту завершения боев за Кассеринский перевал, в которых его дивизия вышибла оттуда американцев.

7 апреля его автомобиль наскочил на минное поле. Некоторые утверждают, что он был также атакован низко летящим самолетом союзников. Штауфенберга тяжело ранило: он потерял левый глаз, правую руку и два пальца на левой и получил ранения в голову возле левого уха и в колено. В течение нескольких недель казалось, что он полностью лишится зрения, если останется в живых. Но в мюнхенском госпитале под квалифицированным наблюдением профессора Зауэрбруха его вернули к жизни. Любой другой человек на его месте подал бы в отставку и отказался бы от участия в заговоре. Но уже в середине лета он писал генералу Ольбрихту, после упорных упражнений научившись держать ручку тремя пальцами левой руки, что рассчитывает вернуться на военную службу через три месяца. Пока он поправлялся, у него было достаточно времени для размышлений, и он пришел к выводу, что, несмотря на свои увечья, обязан взять на себя священную миссию.

"Я чувствую, что должен теперь что-то предпринять, чтобы спасти Германию, — сказал он своей жене, графине Нине, матери четырех маленьких детей, когда она приехала в госпиталь навестить его. — Мы, офицеры генерального штаба, обязаны взять на себя свою долю ответственности".

К концу сентября 1943 года он вернулся в Берлин в чине подполковника и получил назначение на должность начальника штаба у генерала Ольбрихта в управлении сухопутных войск. А вскоре он, используя три пальца здоровой руки, начал учиться обращению с имевшимися в абвере бомбами английского производства. Но этим он не ограничился. Ясность мышления, религиозность, незаурядный организаторский талант вселили решимость в заговорщиков, однако породили и определенные разногласия, поскольку Штауфенберга не удовлетворял тот громоздкий, консервативный, бесцветный режим,

который намеревались установить в Германии после падения национал-социализма престарелые, с заскорузлым умом руководители заговора Бек, Герделер и Хассель.

Отличаясь большей практичностью, чем его друзья из кружка Крейсау, Штауфенберг ратовал за учреждение новой, динамичной социал-демократии и настаивал на том, чтобы в намечаемый состав антинацистского кабинета были включены его новый друг Юлиус Лебер, блестящий социалист, и бывший профсоюзный лидер Вильгельм Лойшнер — активные и деятельные участники заговора. Возникли серьезные разногласия, но Штауфенберг быстро доказал свое превосходство над политическим руководством готовящегося переворота.

В равной мере он добился успеха в отношениях с большинством военных лиц. Он признал генерала Бека их номинальным лидером и с восхищением относился к бывшему начальнику генерального штаба. Однако по возвращении в Берлин он увидел, что Бек после сложной онкологической операции превратился в подобие прежнего Бека: усталый, утративший боевой дух, не выработавший определенной политической концепции, он всецело полагался на Герделера. Прославленное в военных кругах имя Бека могло бы сослужить пользу при осуществлении путча, но для активного вовлечения в него войск и управления ими следовало мобилизовать молодых офицеров, находившихся в действующей армии. Вскоре Штауфенберг собрал вокруг себя большинство ключевых фигур, из числа тех, кто был ему нужен.

Помимо Ольбрихта, его начальника, это были: генерал Штифф, глава организационного управления сухопутных войск (ОКХ); генерал Эдуард Вагнер, первый генерал-квартирмейстер сухопутных войск; генерал Эрих Фельгибель, начальник службы связи при верховном главном командовании (ОКВ); генерал Фриц Линдемман, начальник артиллерийско-технического управления; генерал Пауль фон Хазе, начальник берлинской комендатуры (он мог выделить войска для захвата Берлина); полковник барон фон Ренне, начальник отдела иностранных армий, и его начальник штаба капитан граф фон Матюшка.

К числу заговорщиков примыкали еще два или три занимавших ключевые должности генерала, чьим начальником был Фриц Фромм, фактический командующий армией резерва, который, подобно Клюге, постоянно менял свои взгляды и на которого нельзя было полагаться всерьез.

В рядах заговорщиков не было ни одного фельдмаршала из состоявших на действительной службе. Фельдмаршала фон Вицлебена,

который одним из первых примкнул к заговору, намечали на должность главнокомандующего вооруженными силами, но пока он числился в резерве и не имел в своем подчинении войск. Прозондировали и фельдмаршала фон Рундштедта, который в то время командовал всеми войсками на Западе, однако он не пожелал нарушить присягу, данную фюреру, — так, по крайней мере, объяснил он свою позицию. Впрочем, как и блестящий, но склонный к авантюризму фельдмаршал фон Манштейн.

В начале 1944 года, еще не зная о существовании Штауфенберга, один очень активный и популярный фельдмаршал проявил что-то вроде готовности примкнуть к заговорщикам. Это был Роммель. Его вступление в заговор против Гитлера явилось большой неожиданностью для руководителей Сопротивления и не встретило одобрения со стороны большинства из них. Они считали Лису Пустыни нацистом, приспособленцем, явно добивавшимся расположения Гитлера, а теперь покидавшим его, поскольку стало ясно, что война проиграна.

В январе 1944 года Роммель был назначен командующим группой армий "Б" на Западе — основной группировкой сил, которая должна была отразить вторжение англо-американских войск в Европу через Ла-Манш. Во Франции он начал часто встречаться с двумя старыми друзьями — генералом Александром фон Фалькенхаузенем, военным губернатором Бельгии и Северной Франции, и генералом Карлом Генрихом фон Штюльпнагелем, военным губернатором Франции. Оба генерала к тому времени вступили в антигитлеровский заговор и постепенно втягивали в него Роммеля. Им помогал д-р Карл Штрелин, давнишний друг Роммеля, обер-бургомистр Штутгарта, который, подобно многим действующим в этой истории лицам, числился в свое время ярким нацистом, а теперь, когда угроза поражения нависла над Германией, включая его родной город, который быстро превращался в груды развалин в результате бомбардировок союзников, стал по-новому оценивать происходящее. Ему в свою очередь помог вступить на этот путь д-р Герделер, убедивший его в августе 1943-го принять участие в составлении меморандума возглавляемому теперь Гиммлером министерству внутренних дел, в котором они совместно потребовали прекратить преследования евреев и христианской церкви, восстановить гражданские права и юридическую систему, независимые от контроля со стороны нацистской партии и гестапо. Через фрау Роммель Штрелин привлек к меморандуму внимание фельдмаршала, на которого меморандум произвел, очевидно, впечатление.

В конце февраля 1944 года эти два человека встретились в доме Роммеля в Херрлингене, близ Ульма, где между ними состоялся

откровенный разговор.

"Я сказал ему, — вспоминал позднее бургомистр, — что ряд старших офицеров армии на Восточном фронте предлагают арестовать Гитлера и вынудить его объявить по радио об отречении. Роммель одобрил эту идею.

Я даже сказал ему, что он — наш самый выдающийся и популярный генерал, уважаемый за границей более, чем кто-либо другой. "Вы — единственный, — сказал я, — кто способен предотвратить гражданскую войну в Германии. Вы должны связать свое имя с нашим движением".

Роммель сначала заколебался, но в конце концов согласился.

"Я считаю, — сказал он Штрелину, — что мой долг прийти на помощь Германии во имя ее спасения".

На этой встрече и на всех последующих, где присутствовали Роммель и заговорщики, он возражал против убийства Гитлера, не по моральным, а по практическим соображениям. По его мнению, убить диктатора — значит превратить его в мученика. Он настаивал на том, чтобы армия арестовала Гитлера и привлекла его к суду за преступления против немецкого народа и народов оккупированных стран". Как раз в это время судьба распорядилась так, что на Роммеля повлияла еще одна личность. Ею оказался генерал Ханс Шпейдель, назначенный 15 апреля 1944 года начальником штаба фельдмаршала. Шпейдель, как и его сподвижник по заговору Штауфенберг, хотя они и принадлежали к совершенно различным группировкам, не был обычным армейским офицером. Он был не только солдатом, но и философом (диплом доктора философии с отличием он получил в Тюбингенском университете в 1925 году). Не теряя времени, Шпейдель принялся обрабатывать своего начальника. В течение месяца он организовал встречу Роммеля со Штюльпнагелем и начальниками их штабов, которая состоялась 15 мая на вилле в предместье Парижа. "Цель встречи заключалась в том, — говорит Шпейдель, — чтобы разработать необходимые меры для прекращения войны на Западе и свержения нацистского режима".

Это было трудное дело, и Шпейдель отдавал себе отчет в том, что при его подготовке необходим тесный контакт с немецкими антинацистами, особенно с группой Герделера — Бека. В течение нескольких недель деятельный Герделер добивался тайной встречи Роммеля — надо же! — с Нейратом, который, внося свою лепту в грязное дело Гитлера сначала в качестве министра иностранных дел, а потом рейхспротектора Богемии, теперь, когда над фатерландом нависла страшная катастрофа, переживал жестокое похмелье. Было решено, что для Роммеля встреча с Нейратом и Штрелином таит слишком большую опасность, поэтому фельдмаршал

послал на встречу генерала Шпейделя, в доме которого во Фройдентштадте она 27 мая и состоялась. Все трое присутствовавших — Шпейдель, Нейрат и Штрелин, как и сам Роммель, были швабами, и эта встреча земляков не только оказалась встречей близких по духу людей, но и привела к быстрому согласию. Заключалось оно в том, что Гитлера предстояло без промедления свергнуть, после чего Роммеля назначали временным главой государства либо главнокомандующим вооруженными силами. Ни на один из этих постов, следует заметить, Роммель никогда не претендовал. Был разработан ряд других деталей, включая установление контактов с союзниками для заключения перемирия, а также коды для связи между заговорщиками в Германии и штабом Роммеля.

Генерал Шпейдель особо подчеркивал, что Роммель откровенно проинформировал о готовящемся своего непосредственного начальника на Западном фронте фельдмаршала фон Рундштедта и что последний был полностью согласен с ними. В характере этого высокопоставленного генерала сухопутных войск имелся один существенный недостаток.

"При обсуждении формулировок совместных требований к Гитлеру, — писал позднее Шпейдель, — Рундштедт сказал Роммелю: "Вы молоды. Вы знаете и любите народ. Вы должны сделать это".

К концу весны в ходе последующих совещаний был выработан план. О содержании его поведал Шпейдель, практически единственный из оставшихся в живых армейских заговорщиков на Западе.

Немедленное заключение перемирия с западными союзниками, а не безоговорочная капитуляция. Отвод немецких войск на Западе в пределы границ Германии. Арест Гитлера и предание его немецкому суду. Упразднение нацистского правления. Исполнительная власть в Германии временно переходит в руки сил Сопротивления, представляющих все классы общества, во главе с генералом Веком, Герделером и представителем профсоюзов Лойшнером. Никакой военной диктатуры. Подготовка "конструктивного мирного соглашения" в рамках соединенных штатов Европы. Продолжение войны на Востоке. Удержание сокращенной линии фронта по рубежу устье Дуная, Карпаты, река Висла, Мемель. У генералов, судя по всему, не возникало и тени сомнения в том, что британские и американские армии затем присоединятся к ним в войне против России, чтобы предотвратить, как они выражались, превращение Европы в большевистскую.

В Берлине генерал Бек соглашался как минимум на продолжение войны на Востоке. Еще в начале мая он отправил в Швейцарию через Гизевисуса меморандум Даллесу с изложением фантастического плана:

немецкие генералы на Западе отводят свои войска в пределы границ Германии после вторжения англо-американских сил. В ходе решения этой задачи Бек считал обязательным, чтобы западные союзники осуществили три боевые операции: выбросили в район Берлина три воздушно-десантные дивизии для оказания содействия заговорщикам в захвате столицы; высадили крупные морские десанты на немецкое побережье в районе Гамбурга и Бремена; и, наконец, высадили крупные силы во Франции, форсировав Ла-Манш. Тем временем антинацистски настроенные немецкие войска захватывают район Мюнхена и окружают Гитлера в его горном убежище в Оберзальцберге.

Война против России будет продолжена. Даллес рассказывал, что он не стал терять времени, чтобы вернуть берлинских заговорщиков на грешную землю. Им было прямо заявлено, что не может быть никакого сепаратного мира с Западом.

Это хорошо поняли Штауфенберг, его друзья из кружка Крейсау, а также такие участники заговора, как Шуленбург, бывший посол в Москве. По существу, большинство из них, включая Штауфенберга, были "восточниками", настроенными прорусски, хотя и антибольшевистски. Какое-то время они считали, что, вероятно, будет легче заключить мир с Россией, которая устами Сталина делала упор в своей пропаганде на то, что она ведет войну не против немецкого народа, а против гитлеровцев, легче, чем с западными союзниками, которые твердили только о безоговорочной капитуляции {На встрече в Касабланке Черчилль и Рузвельт опубликовали 24 января 1943 года декларацию о безоговорочной капитуляции Германии. Геббельс, естественно, использовал это в полной мере, пытаясь повсеместно разжечь в немецком народе дух сопротивления, но, по моему мнению, успех его пропаганды был сильно преувеличен западными комментаторами. — Прим. авт. }. Но они отказались от подобного самообольщения, когда Советское правительство официально присоединилось к Касабланкской декларации о безоговорочной капитуляции. Произошло это на Московской конференции министров иностранных дел союзников в октябре 1943 года.

Тогда же, накануне рокового лета 1944 года, они поняли, что теперь, когда советские армии приближались к границам рейха, когда английские и американские армии готовились к крупномасштабному вторжению через Ла-Манш, а немецкие войска в Италии, пытавшиеся оказывать сопротивление союзным войскам под командованием Александра, стояли перед катастрофой, заговорщики должны быстро ликвидировать Гитлера и нацистский режим, если хотят добиться хоть какого-нибудь мира, который

спасет Германию от полного уничтожения.

В Берлине Штауфенберг и его сообщники наконец доработали свой план. Разрозненные его части были сведены воедино. Он получил наименование "Валькирия" — термин подходящий, поскольку валькириями, согласно скандинавско-германской мифологии, звались девы, красивые, но вселяющие ужас, которые витали над полями сражений, выбирая тех, кому суждено погибнуть. В данном случае погибнуть суждено было Адольфу Гитлеру. По иронии судьбы адмирал Канарис незадолго до его отстранения подал фюреру идею дать кодовое название "Валькирия" плану обеспечения силами армии резерва безопасности Берлина и других крупных городов на случай восстания миллионов подневольных иностранных рабочих, трудившихся в Германии. Вероятность такого восстания была ничтожно мала, более того, это было просто невозможно, поскольку иностранные рабочие не были ни вооружены, ни организованы, но болезненно подозрительному фюреру в эти дни казалось, что опасность таится повсюду. Поскольку способные носить оружие солдаты находились вдали от дома — либо на фронтах, либо на оккупированных территориях, Гитлер с готовностью ухватился за идею возложить на армию резерва задачу внутренней безопасности рейха против орд упрямых и угрюмых иностранных рабов.

Таким образом, кодовое наименование "Валькирия" явилось лучшей маскировкой для заговорщиков, позволяя им в открытую разрабатывать планы по захвату этой армией столицы и таких городов, как Вена, Мюнхен и Кельн, сразу после ликвидации Гитлера. В Берлине основная трудность заключалась в том, что в распоряжении заговорщиков было очень мало войск и численно они сильно уступали формированиям СС. Кроме того, в столице и вокруг нее дислоцировалось значительное число частей люфтваффе, обслуживавших средства ПВО, и в случае, если бы армия промедлила, эти части, сохраняя верность Герингу, наверняка выступили бы в защиту нацистского режима под командой своего шефа даже после смерти Гитлера. Они могли повернуть против частей армии резерва. Полицейские силы Берлина, можно считать, стояли на стороне заговорщиков, так как их шеф, граф фон Хельдорф, примкнул к заговору.

Учитывая численность войск СС и ВВС, Штауфенберг уделял первоочередное внимание выбору момента проведения операции по захвату столицы. Первые два часа будут наиболее критическими. За этот короткий отрезок времени войска должны занять и удержать в своих руках национальное управление радиовещания и две радиостанции столицы, а также телеграф, телефонные узлы, рейхсканцелярию, министерства и

штабы СС и гестапо. Геббельса, единственного нацистского главаря, который редко покидал Берлин, необходимо было арестовать вместе с офицерами СС. Тем временем, как только Гитлер будет убит, его ставку в Растенбурге необходимо изолировать от остальной Германии, с тем чтобы ни Геринг, ни Гиммлер, ни нацистские генералы вроде Кейтеля или Йодля не смогли захватить власть и попытаться собрать полицию или войска для поддержки еще не свергнутого нацистского режима. Обеспечить решение всех этих вопросов взялся начальник войск связи генерал Фельгибель, управление которого находилось при ставке Гитлера.

Только после того, как в течение первых двух часов переворота все эти задачи будут выполнены, по радио, телефону и телеграфу будут переданы сообщения и уже подготовленные обращения к командирам частей армии резерва в других городах, а также к командующим войсками на фронтах и в оккупированных зонах о том, что Гитлер убит, что в Берлине сформировано антинацистское правительство. Восстание закончится, достигнув цели, в течение 24 часов — за это время новое правительство твердо возьмет власть в свои руки, иначе колеблющиеся генералы могут передумать. Геринг и Гиммлер могут сплотить их вокруг себя, и тогда начнется гражданская война. В этом случае вмешаются войска на фронте, и возникнут хаос и анархия, чего заговорщики хотели избежать.

После убийства Гитлера — а об этом Штауфенберг намеревался позаботиться лично — успех полностью зависел от способности заговорщиков использовать для своих целей, причем с предельной быстротой и энергией, наличные войска армии резерва в самом Берлине и вокруг него. Это представляло довольно сложную проблему.

Лишь генерал Фриц Фромм, командующий внутренней армией, мог, не вызывая подозрений, отдать приказ на выполнение плана "Валькирия". Но он до самого последнего момента оставался загадкой. Заговорщики обрабатывали его в течение всего 1943 года. В конце концов они пришли к выводу: положиться на этого осторожного генерала можно лишь после того, как он убедится, что восстание увенчалось успехом. А поскольку в успехе они были уверены, то составили целую серию приказов от имени Фромма, хотя и без его ведома. В случае если в решающий момент Фромм начнет колебаться, его заменят генералом Гепнером, способным танковым командиром, которого Гитлер с позором уволил со службы после битвы за Москву в 1941 году без права ношения военной формы.

Беспокоил заговорщиков вопрос еще об одном генерале, занимавшем ключевую должность в Берлине. Это был генерал фон Корцфляйш, нацист до мозга костей, командовавший военным округом, который включал

Берлин и Бранденбург. Было решено посадить его под арест и заменить генералом бароном фон Тюнгенем. Что касается генерала Пауля фон Хазе, коменданта Берлина, то он принимал участие в заговоре и можно было рассчитывать, что он сумеет встать во главе войск гарнизона в период захвата власти в городе.

Помимо разработки подробных планов установления контроля над Берлином, Штауфенберг и Тресков совместно с Герделером, Веком, Вицлебенем и другими разработали документы, содержавшие инструкции командующим войсками военных округов, как захватить исполнительную власть в своих округах, нейтрализовать СС, арестовать нацистское руководство и занять концлагеря. Более того, было подготовлено несколько громких деклараций, с которыми в соответствующий момент заговорщикам предстояло обратиться к вооруженным силам, к немецкому народу, к прессе и радио. Некоторые из них были подписаны Бек в качестве нового главы государства, другие — фельдмаршалом фон Вицлебенем в качестве главнокомандующего вермахтом, а также Герделером в качестве нового канцлера. В большой тайне поздно ночью на Бендлерштрассе приказы и обращения размножили две отважные участницы заговора: фрау Эрика фон Тресков, жена генерала, внесшего большой вклад в расширение заговора, и Маргарита фон Овен, дочь отставного генерала и в течение ряда лет верный секретарь двух бывших главнокомандующих сухопутными войсками — генералов фон Хаммерштейна и фон Фрича. Затем документы были спрятаны в сейфе генерала Ольбрихта.

Таким образом, планы были готовы. Их дополнительно уточнили к концу 1943 года, но в течение многих месяцев мало что делалось для их реализации. Тем временем события развивались. В июне 1944 года заговорщики поняли, что время уходит. Во-первых, гестапо подбиралось все ближе. Число арестов среди лиц, имевших отношение к заговору (граф фон Мольтке и члены кружка Крейсау), росло с каждой неделей. Многие уже были казнены. Бек, Герделер, Хассель, Вицлебен и другие, составлявшие внутренний круг заговора, находились под такой неусыпной слежкой тайной полиции Гиммлера, что им становилось все труднее встречаться. Еще весной Гиммлер предупредил опального Канариса: ему прекрасно известно, что генералы и их штатские друзья вынашивают планы восстания. Он упомянул, что ведет наблюдение за Бек и Герделером. Канарис предупредил обо всем Ольбрихта.

В равной мере зловещей становилась для заговорщиков и военная обстановка. Все ждали, что русские вот-вот начнут повсеместное наступление на Востоке. Рим уже был сдан союзникам (он пал 4 июля). На

Западе в любой момент могло начаться англо-американское вторжение. Совсем скоро Германия потерпит военное поражение — еще до того, как падет нацизм. Да и среди самих заговорщиков, возможно под влиянием идей кружка Крейсау, росло число тех, кто подумывал, что, пожалуй, лучше отказаться от своих планов и пусть Гитлер и нацисты несут ответственность за катастрофу. Сейчас их ликвидация может попросту породить в умах немцев легенду о том, что фатерланду был опять нанесен преступный "удар в спину", и одурачить их, как это уже случилось после первой мировой войны.

Англо-американское вторжение 6 июня 1944 года

Сам Штауфенберг не допускал, что западные союзники попытаются высадиться во Франции в это лето. Он настаивал на своем даже после того, как полковник Георг Хансен, один из бывших офицеров абвера, в настоящее время находившийся на службе в военной разведке Гиммлера, в начале мая предупредил его, что вторжение может быть предпринято в любых числах июня.

Немецкая армия терзалась сомнениями, по крайней мере, относительно даты и места высадки. В мае было восемнадцать дней, когда погода, волнение моря и сила прилива благоприятствовали высадке, и немцы не могли не отметить, что генерал Эйзенхауэр не воспользовался ими. 30 мая Рундштедт, главнокомандующий войсками на Западе, доложил Гитлеру, что никаких признаков надвигающегося вторжения не наблюдается. 4 июня синоптик ВВС в Париже дал прогноз, что ввиду неблагоприятной погоды никаких действий со стороны союзников по меньшей мере в течение двух недель ожидать не следует.

Исходя из этого прогноза и той скудной информации, которой он располагал, поскольку люфтваффе отменили из-за плохой погоды все разведывательные полеты над портами южного побережья Англии, где в этот момент войска Эйзенхауэра начали массовую погрузку на корабли, и поскольку немецкий флот вывел из пролива все разведывательные суда по причине высокой волны, командующий группой армии "Б" Роммель составил разведывательную сводку по состоянию на утро 5 июня и, доложив Рундштедту, что в данный момент непосредственной угрозы вторжения нет, выехал на машине домой, в Херрлинген, чтобы провести ночь с семьей, а на следующий день отправиться в Берхтесгаден на совещание к Гитлеру.

День 5 июня, как вспоминал впоследствии Шпейдель, начальник штаба у Роммеля, выдался спокойный. Почему бы, казалось, Роммелю, не расслабиться и не совершить поездку домой, в Германию? От немецких

агентов, конечно, поступали привычные сообщения о возможности высадки союзников — на этот раз в период с 6 по 16 июня, но таковых с апреля поступило уже множество и всерьез их не принимали. И на 6 июня генерал Фридрих Дольман, который командовал 7-й армией в Нормандии, куда союзные войска собирались высадиться, отдал приказ о временной отмене боевой готовности и собрал своих старших офицеров для проведения штабных учений в Ренне, что примерно в 125 милях к югу от нормандского побережья Ла-Манша.

Если немцы не знали точной даты вторжения, то они не представляли также, где оно может произойти. Рундштедт и Роммель были уверены, что районом вторжения станет Па-де-Кале, где Ла-Манш наиболее узок. Здесь они сосредоточили свои самые крупные силы. 15-ю армию, состав которой в течение весны увеличился с 10 до 15 пехотных дивизий. В конце марта поразительная интуиция подсказала Адольфу Гитлеру, что главным районом вторжения станет Нормандия. Поэтому он приказал в течение последующих нескольких недель перебросить значительные средства усиления в район между Сеной и Луарой. "Следите за Нормандией", — не устал предупреждать он генералов.

Тем не менее основной костяк немецких сил, как пехотных, так и танковых дивизий, был сосредоточен к северу от Сены — между Гавром и Дюнкерком. И Рундштедт и его генералы следили скорее за Па-де-Кале, чем за Нормандией, и нацеливал их на это целый ряд отвлекающих маневров высшего англо-американского командования, проведенных в апреле — мае. Эти меры убеждали немцев в том, что их расчеты верны.

5 июня прошло относительно спокойно, по крайней мере для немцев. Англо-американская авиация продолжала наносить мощные удары по немецким складам и радиолокационным станциям, позициям Фау-1, средствам связи и транспорта. Это происходило ежедневно уже много недель, и на этот раз воздушные налеты не казались более интенсивными, чем в другие дни.

Вскоре после наступления темноты в штабе Рундштедта было получено донесение, что радиостанция Би-би-си в Лондоне передает необычайно много кодированных сообщений для французского Сопротивления и что немецким РЛС между Шербуром и Гавром поставлены сильные помехи. В 10 вечера 15-я армия перехватила кодированное сообщение Би-би-си французскому Сопротивлению, означавшее, как там посчитали, что вторжение начинается. 15-я армия была приведена в состояние боевой готовности, но Рундштедт не счел нужным отдать такой же приказ 7-й армии, в секторе побережья которой между

Каэном и Шербуром союзные войска уже приближались на тысяче судов.

Лишь в 1 час 11 минут 6 июля 7-я армия, командир которой еще не вернулся со штабных учений в Ренне, осознала, что происходит. Две американские и одна английская воздушно-десантные дивизии начали высадку в ее расположении. Общая тревога была объявлена в 1. 30.

Через 45 минут генерал-майор Макс Пемзель, начальник штаба 7-й армии, связался по телефону с генералом Шпейделем в штабе Роммеля и доложил ему, что, судя по всему, началась крупномасштабная операция. Шпейдель не поверил донесению, но сообщил о нем Рундштедту, который также отнесся к нему скептически. Оба генерала посчитали, что выброска парашютистов всего лишь отвлекающие действия союзников в целях прикрытия высадки основных сил вокруг Кале. В 2. 40 Пемзелю сообщили, что Рундштедт "не считает эти действия главной операцией". И даже когда на рассвете 6 июня к нему начали поступать донесения, что на побережье Нормандии, между реками Вир и Орн, большой флот союзников осуществляет высадку больших сил под прикрытием смертоносного огня крупнокалиберных орудий армады боевых кораблей, главнокомандующий немецкими войсками на Западе не поверил, что союзники предприняли главный штурм. Это стало очевидным, по словам Шпейделя, лишь во второй половине дня 6 июня. К этому времени американцы уже зацепились за побережье в двух местах, а англичане продвинулись в глубь материка на расстояние от двух до шести миль.

Шпейдель позвонил Роммелю домой около 6 утра, и фельдмаршал срочно выехал на машине обратно, так и не встретившись с Гитлером, однако в штаб группы армий "Б" он прибыл лишь в конце дня {Гитлер запретил командующим пользоваться самолетом из-за превосходства в воздухе союзников. — Прим. авт. }. Тем временем Шпейдель, Рундштедт и его начальник штаба генерал Блюментрит пытались связаться по телефону со ставкой ОКБ, которая находилась в Берхтесгадене. В соответствии с идиотским приказом Гитлера даже главнокомандующему немецкими силами на Западе не разрешалось использовать свои танковые дивизии без особого распоряжения фюрера. Когда рано утром 6 июня три генерала умоляли Йодля дать им разрешение на переброску двух танковых дивизий в Нормандию, тот ответил, что Гитлер хочет сначала разобраться, что происходит, а пока он пошел спать и приказал не беспокоить его паническими звонками с Западного фронта до 3 часов пополудни.

Только когда нацистский диктатор проснулся, плохие вести, к тому времени уже не оставлявшие сомнений во вторжении, подхлестнули его к активным действиям. Он дал разрешение ввести в бой в Нормандии

учебную танковую дивизию и 12-ю танковую дивизию СС, но, как оказалось, слишком поздно. Он отдал также знаменитый приказ, сохранившийся для потомства в документации 7-й армии.

6 июня 1944 года, 16. 55

Начальник штаба западного командования подчеркивает, что верховное главнокомандование ожидает уничтожения противника на плацдарме к вечеру 6 июня, поскольку существует опасность высадки новых десантов для поддержки его действий... Плацдарм должен быть ликвидирован не позднее сегодняшнего вечера.

Приказ этот родился в мрачной атмосфере горного Оберзальцберга, откуда Гитлер пытался теперь руководить решающим сражением. Многие месяцы он не устал повторять, что судьба Германии решится на Западе, и этот фантастический приказ, как представляется, был отдан со всей серьезностью, которую разделяли Йодль и Кейтель. Даже Роммель, которому его передали по телефону около 5 часов пополудни, судя по всему, воспринял приказ всерьез, поскольку дал распоряжение штабу 7-й армии нанести удар силами 21-й танковой дивизии, единственного дислоцированного в этом районе танкового соединения, "немедленно, не дожидаясь прибытия подкреплений".

Но удар этот дивизия уже нанесла, не дожидаясь приказа Роммеля. Генерал Пемзель, находившийся на другом конце провода, когда Роммель звонил в штаб 7-й армии, дал конкретный ответ на требование Гитлера ликвидировать плацдарм союзников — а таких плацдармов было три — не позднее сегодняшнего вечера.

"Это невозможно", — отрезал он.

Всемерно разрекламированный Гитлером Атлантический вал был прорван за несколько часов. Некогда хваленые люфтваффе были полностью изгнаны из воздушного пространства, немецкий флот — с морского, а сухопутные войска оказались застигнуты врасплох. Битва еще не завершилась, но исход ее уже был предрешен. "Начиная с 9 июня, — констатировал Шпейдель, — инициатива перешла в руки союзников".

Рундштедт и Роммель решили, что пора сообщить Гитлеру обо всем напрямую и потребовать, чтобы он примирился с последствиями высадки. Они убедили его провести 17 июня совещание в Марживале, что севернее Суасона, в надежно защищенном от бомбежек бункере, который был построен для ставки Гитлера еще летом 1940 года, перед планируемым вторжением в Англию, и который ни разу с тех пор не использовался. Теперь, четыре года спустя, нацистский диктатор объявился там впервые.

"Бледный от бессонницы, — писал позднее Шпейдель, — нервно

перебирая свои очки и целый набор цветных карандашей, которые он держал между пальцами, он сидел сгорбившись, в то время как фельдмаршалы стояли. Его гипнотическая сила, казалось, иссякла. Он отрывисто и холодно поздоровался. Затем громко и желчно стал выражать свое недовольство по поводу успешной высадки союзников, ответственность за которую он пытался возложить на командующих".

Однако перспектива нового ошеломляющего поражения придала храбрости генералам, во всяком случае Роммелю, которому Рундштедт предоставил возможность говорить от имени всех с Гитлером, когда тот сделал короткую паузу в своей обличительной речи. "С беспощадной откровенностью Роммель заявил... — отмечал Шпейдель, присутствовавший на совещании, — что борьба против превосходящих сил (союзников) в воздухе, на море и суше является безнадежной" {23 апреля Роммель писал генералу Йодлю "Если нам, несмотря на превосходство противника в воздухе, удастся уже в первые часы ввести в бой большую часть наших подвижных средств на решающих направлениях береговой обороны, я убежден, что наступление противника на побережье потерпит полный провал в первый же день" (Записки Роммеля, с. 468). Но строгий приказ Гитлера сделал невозможным использование танковых дивизий в первые часы и даже дни. Когда же они наконец прибыли, их ввели в бой по частям, что привело к поражению. — Прим. авт. }. Впрочем, не такой уж безнадежной, если бы Гитлер отказался от своего абсурдного требования удерживать каждый метр территории, а затем сбросить силы союзников в море. Роммель с согласия Рундштедта предложил, чтобы немецкие войска отошли за пределы дальности смертоносного огня корабельной артиллерии противника, отвели свои танковые части в тыл и перегруппировали их для последующего удара. Такой удар мог бы привести "к поражению союзников в бою, который будет происходить вне пределов досягаемости морской артиллерии противника".

Но верховный главнокомандующий и слышать не хотел об отходе. Немецкий солдат обязан сражаться, а не отступать. Предмет обсуждения был ему неприятен, и он поспешил переменить тему. В хвастливой речи, которую Шпейдель назвал странной смесью цинизма и ложной интуиции, Гитлер заверил генералов, что Фау-1, или самолеты-снаряды, которые накануне были впервые выпущены по Лондону, "станут решающим оружием против Великобритании... и заставят англичан заключить мир". Когда фельдмаршалы обратили внимание Гитлера на полный провал люфтваффе на Западе, фюрер возразил, что "массы реактивных истребителей" — у союзников не было реактивных самолетов, а немцы уже

запустили их в производство — вскоре лишат английских и американских летчиков возможности действовать в воздушном пространстве Германии. "После этого, — заявил он, — Англия падет". В этот момент приближение авиации союзников заставило их перенести совещание в бомбоубежище.

Находясь в безопасности в подземном бетонированном бункере, они продолжали беседу {Обсуждение продолжалось с 9 утра до 4 часов пополудни с перерывом на обед, состоявший из одного блюда. Как вспоминает Шпейдель, во время обеда Гитлер буквально проглотил полную тарелку риса и овощей, после того как его пищу проверили. Вокруг его столового прибора стояли различные рюмки с лекарствами и лежали пилюли, и которые он поочередно принимал. Позади его стула стояли два телохранителя из СС. (Прим авт.)}. Но теперь Роммель предложил переключиться на политические вопросы.

"Он предсказывал, — говорит Шпейдель, — что немецкий фронт в Нормандии развалится и что невозможно будет предотвратить прорыв союзников в Германию. Одновременно он высказал сомнение в способности удержать русский фронт, подчеркнув при этом полную политическую изоляцию Германии... В заключение... Роммель настоятельно призвал всех положить конец войне".

Гитлер, который несколько раз перебивал Роммеля, наконец резко оборвал его: "Будущий ход войны — это не ваша забота. Лучше займитесь фронтом вторжения".

Оба фельдмаршала ничего не достигли ни военными, ни политическими доводами. Как позднее вспоминал в Нюрнберге генерал Йодль, Гитлер полностью проигнорировал их предостережения. В конце совещания генералы начали убеждать верховного главнокомандующего посетить хотя бы штаб группы армий "Б" Роммеля, чтобы обсудить с войсковыми командирами положение в Нормандии. Гитлер неохотно согласился совершить поездку через два дня — 19 июня.

Но поездка не состоялась. Вскоре после того как вечером 17 июня фельдмаршалы разъехались из Марживаля, сбившийся с курса на Лондон Фау-1 перевернулся и упал на бункер фюрера.

Никто не был ни убит, ни ранен, но Гитлер так расстроился, что решил немедленно отправиться в более безопасное место, и не останавливался, пока не добрался до спасительных гор Берхтесгадена.

Однако здесь его настигли еще более неприятные вести. 20 июня началось наступление русских на Центральном фронте, которого долго ждали и которое стало развиваться, причем с таким все сокрушающим размахом и так стремительно, что в течение нескольких дней немецкая

группа армий "Центр", где Гитлер сосредоточил самые мощные силы, была полностью разгромлена, образовался широкий фронт прорыва и открылся путь на Польшу. 4 июля русские пересекли границу 1939 года с Польшей и устремились в Восточную Пруссию {Очевидно, автор имеет в виду Белорусскую операцию (23. 6-29. 8 1944 года), скоординированную по времени с высадкой союзников в Нормандии. Границу с Польшей советские войска пересекли 20 июля 1944 года. — Прим. тит. ред. }. Впервые в ходе второй мировой войны были срочно собраны все наличные резервы верховного командования и брошены на защиту фатерланда. Это означало, что теперь немецкие армии на Западе обречены. Отныне они уже не могли рассчитывать на сколько-нибудь значительные подкрепления.

29 июня Рундштедт и Роммель вновь обратились к Гитлеру с просьбой реально оценить создавшееся положение на Востоке и на Западе и попытаться положить конец войне, пока еще сохранялась значительная часть немецкой армии. Эта встреча состоялась в Оберзальцберге, где верховный главнокомандующий, приняв обоих фельдмаршалов на редкость холодно, резко отклонил их призывы и пустился в длинные рассуждения о том, как он выиграет войну с помощью нового "чудо-оружия". "Этот монолог, — говорит Шпейдель, — перешел затем в область фантастических построений".

Два дня спустя Рундштедт был заменен на посту главнокомандующего Западным фронтом фельдмаршалом фон Клюге {Причиной отстранения Рундштедта могла послужить отчасти грубоватая прямота, допущенная им накануне вечером во время телефонного разговора с Кейтелем, который пытался выяснить у него обстановку. Только что застопорился тщательно подготовленный фронтальный удар силами четырех танковых дивизий СС по войскам англичан, и Рундштедт пребывал в мрачном настроении. "Что будем делать? " — закричал Кейтель. "Заключать мир, дурачье, — выпалил Рундштедт. — Что еще вы способны сделать?! " Судя по всему, Кейтель, этот сплетник и лизоблюд, как называли его большинство войсковых командиров, тут же отправился к Гитлеру и пересказал ему весь разговор с соответствующими комментариями. Фюрер в этот момент беседовал с Клюге, который последние несколько месяцев находился в отпуске по болезни из-за травм, полученных в автомобильной катастрофе. Он и был тут же назначен взамен Рундштедта. Таким способом нацистский диктатор часто менял высший командный состав. О телефонном разговоре генерал Блюментрит сообщил Уилмоту (см. Борьба за Европу, с. 347) и Лиддел Гарту (см. Говорят немецкие генералы, с. 205). — Прим. авт. }. 15 июля Роммель направил Гитлеру длинное обращение, передав его по армейскому

телетайпу. "Войска повсюду сражаются героически, — сообщал он, — но неравная борьба подходит к концу". И добавил постскриптом от руки:

"Я прошу вас сделать необходимые выводы незамедлительно. Как командующий группой армий, считаю своим долгом заявить об этом со всей ясностью".

"Я дал ему последний шанс, — сказал Роммель Шпейделю. — Если он не воспользуется им, мы начнем действовать".

Два дня спустя, вечером 17 июля, возвращаясь в свой штаб из Нормандии, Роммель, находившийся в штабной машине, был обстрелян с бреющего полета истребителями союзников и настолько серьезно ранен, что сначала посчитали: он не проживет и нескольких часов. Для заговорщиков это была катастрофа, поскольку Роммель — и Шпейдель клянется в этом — бесповоротно решил сыграть свою роль в избавлении Германии от нацистского правления в течение ближайших нескольких дней, хотя по-прежнему противился убийству Гитлера. Но, как выяснилось, энергии и решимости Роммеля крайне не хватало армейским офицерам, которые теперь, в июле 1944 года, когда немецкие армии стали разваливаться и на Востоке и на Западе, предприняли последнюю попытку покончить с Гитлером и национал-социализмом.

"Заговорщики остро почувствовали, — говорит Шпейдель, — что лишились сильной опоры" {Шпейдель цитирует писателя Эрнста Юнгера, книги которого в свое время были популярны в нацистской Германии, но который затем занял антинацистскую позицию и примкнул к парижской ветви заговора: "Удар, который свалил Роммеля по дороге на Ливоро 17 июля, лишил наш заговор единственного человека, способного взвалить на себя одновременно бремя войны с Россией и гражданской войны у себя" (Шпейдель Г. Вторжение 1944 года, с 119). — Прим авт. }.

В последний час перед покушением

Успешная высадка союзников в Нормандии повергла заговорщиков в Берлине в полное замешательство. Штауфенберг, как мы убедились, считал, что в 1944 году она не произойдет. И даже если бы она состоялась, шансы на ее успех составили бы менее 50 процентов. Казалось даже, он рассчитывал на неудачу высадки, поскольку правительства США и Англии после такого провала, который стоил бы им огромных людских и материальных потерь, стали бы более сговорчивыми на мирных переговорах с новым антинацистским правительством, способным в этом случае добиться более благоприятных условий.

Когда же стало очевидно, что высадка прошла успешно, что Германия терпела еще одно крупное поражение, а на Востоке тем временем

назревало еще одно, Штауфенберг, Бек и Герделер засомневались в целесообразности подготовки своих планов. Если они успешно осуществляются, то на заговорщиков ляжет вина за окончательную катастрофу Германии. Хотя сами они считали, что теперь она неизбежна, массы немецкого народа этого еще не осознавали. Бек в конце концов пришел к выводу, что, поскольку успешное антинацистское выступление не спасет Германию от оккупации врагом, оно поможет побыстрее покончить с войной и избавить фатерланд от новых людских потерь и разрушений. Мирный договор предотвратил бы также опустошение и большевизацию Германии русскими. Он показал бы всему миру, что, помимо нацистской, существует другая Германия. И, кто знает, возможно, западные союзники, несмотря на выдвигаемые ими условия безоговорочной капитуляции, окажутся не слишком жестоки по отношению к завоеванной ими Германии. Герделер соглашался с этим, возлагая еще большие надежды на западные демократии. Он говорил, что ему известно, насколько Черчилль опасался угрозы "полной русской победы".

Молодые заговорщики, которых вел за собой Штауфенберг, не были до конца убеждены в этом. Они стремились получить рекомендации от Трескова, который был теперь начальником штаба 2-й армии на разваливающемся русском фронте. Его ответ колеблющимся заговорщикам указал им правильный путь.

"Необходимо любой ценой осуществить убийство. Даже если оно не удастся, нужно предпринять попытку захвата власти в столице. Мы должны показать всему миру и будущим поколениям, что борцы немецкого Сопротивления осмелились предпринять решающий шаг, рискуя собственной жизнью. Все остальное по сравнению с этой целью ничего не стоит".

Вдохновенный ответ разрешил все вопросы, поднял дух и рассеял сомнения у Штауфенберга и его молодых друзей. Угроза развала фронтов в России, Франции и Италии вынудила заговорщиков действовать немедленно. Еще одно событие ускорило приближение развязки.

С самого начала группа Бека, Герделера и Хасселя не желала иметь ничего общего с коммунистическим подпольем. Такой же линии придерживались и коммунисты. Для коммунистов заговорщики были такой же реакционной силой, как нацисты, и успех их заговора мог помешать коммунистической Германии прийти на смену Германии национал-социалистской. Беку и его друзьям была хорошо известна эта позиция коммунистов, как и то, что деятельность коммунистического подполья поддерживалась из Москвы и служила главным образом источником

разведывательной информации для русских. {Это всплыло в 1942 году при расследовании по делу "Красной капеллы", когда абвер выявил большое число немцев, занимавших стратегически важные посты. Многие из них происходили из старинных родов, что не помешало им стать участниками широкой шпионской сети, работавшей на русских. Одно время они передавали разведывательные сведения в Москву с помощью 100 подпольных радиопередатчиков, размещенных в Германии и оккупированных странах Запада. Руководителем "Красной капеллы" ("Красного оркестра") являлся Гарольд Шульце-Бойзен, внук гросс-адмирала фон Тирпица, ставшего после первой мировой войны своего рода вождем потерянного поколения. Будучи страстным почитателем революционной поэзии, фигурой весьма колоритной в мире богемы, в черном свитере, с густой гривой белокурых волос, он привлекал к себе пристальное внимание в Берлине. Он отвергал как нацизм, так и коммунизм, хотя считал себя человеком левых убеждений. Благодаря матери он в самом начале войны добился зачисления в люфтваффе в чине лейтенанта и подыскал тепленькое местечко в "исследовательском отделе" у Геринга, сотрудники которого специализировались на подслушивании телефонных разговоров. Вскоре он приступил к организации широкой разведывательной сети для Москвы, имея доверенных лиц в каждом министерстве и военном ведомстве в Берлине. Среди них были Арвид Харнак, племянник известного богослова, блестящий молодой экономист из министерства экономики, женатый на американке Милдред Фиш, которую он встретил в Висконсинском университете; Франц Шелиха — из министерства иностранных дел; Хорст Хейлман — из министерства пропаганды; графиня Эрика фон Брокдорф — из министерства труда.

Из 75 руководителей, обвиненных в государственной измене, 50 были приговорены к смерти, включая Шульце-Бойзена и Харнака. Милдред Харнак и графиня фон Брокдорф отделались было тюремным заключением, однако Гитлер настоял на высшей мере наказания, и они были казнены. По указанию фюрера всех их приговорили к повешению, чтобы предотвратить попытки измены в будущем, но в Берлине виселиц не нашлось, поскольку традиционным орудием казни служила гильотина, поэтому приговоренных казнили, затягивая на шее веревку, которую перекидывали через крюк для подвески мясных туш и затем медленно вздергивали. Крюки позаимствовали на время на скотобойне. С тех пор именно этот метод повешения и стал применяться как особая форма жестокой расправы над теми, кто осмелился пойти против фюрера. — Прим. авт. }

Более того, они знали, что в это подполье гестапо внедрило своих

агентов, так называемых "людей победы", как именовал их Генрих Мюллер, шеф гестапо и одновременно поклонник советского НКВД.

В июне заговорщики вопреки совету Герделера и старейших участников заговора решили установить контакт с коммунистами. Сделано это было по предложению социалистического крыла, особенно Адольфа Рейхвейна, идеолога социалистов и любителя туризма, который являлся в это время директором Музея фольклора в Берлине. Рейхвейн поддерживал незначительные контакты с коммунистами. И хотя Штауфенберг относился к ним с подозрительностью, его друзья-социалисты Рейхвейн и Лебер убедили его, что теперь придется поддерживать с ними контакты, чтобы выяснить, каковы их цели и что они предпримут в случае успеха путча, и по возможности использовать в последний момент для расширения базы антинацистского сопротивления. Против собственной воли он согласился на встречу Лебера и Рейхвейна с руководством коммунистического подполья 22 июня, но одновременно запретил сообщать коммунистам что-либо существенное.

Встреча состоялась в восточном Берлине. Лебер и Рейхвейн представляли социалистов, а двое лиц, назвавшиеся Францем Якобом и Антоном Зефковым, представляли коммунистическое подполье. С ними был и третий товарищ, которого они называли Рамбовом.

Оказалось, что коммунистам известно достаточно много о заговоре против Гитлера, но хотелось бы узнать больше. Они попросили организовать им встречу с военными руководителями заговора 4 июля. Штауфенберг идти отказался, и Рейхвейну было поручено представлять его на следующей встрече в тот же день. Однако, когда он прибыл на встречу, его самого, а также Якоба и Зефкова немедленно арестовали. Как оказалось, Рамбов был провокатором из гестапо. На следующий день Лебер, на которого Штауфенберг делал ставку как на наиболее влиятельную политическую силу в новом правительстве, был также арестован {Все четверо — Лебер, Рейхвейн, Якоб и Зефков были казнены — Прим. авт. 436}.

Штауфенберг был глубоко потрясен арестом Лебера, с которым они стали близкими друзьями и которого он считал незаменимым в предполагаемом новом правительстве, и сразу понял, что всем участникам заговора грозит смертельная опасность, поскольку люди Гиммлера могли вот-вот выйти на их след. Лебер и Рейхвейн были людьми мужественными, и он считал, что они не выдадут тайны даже под пыткой, что на них можно положиться. А если нельзя? Некоторые заговорщики не были уверены в этом. Даже самый смелый человек не в состоянии молчать, когда его тело

истерзано невыносимой болью.

Арест Лебера и Рейхвейна подтолкнул заговорщиков к немедленным действиям.

20 июля 1944 года

В конце июня заговорщикам все-таки выпал счастливый случай. Штауфенберг был произведен в полковники и назначен начальником штаба к генералу Фромму, командующему армией резерва. Этот пост не только позволял ему отдавать приказы по армии от имени Фромма, но и открывал доступ к Гитлеру. Действительно, фюрер стал чаще вызывать командующего армией резерва или его заместителя к себе в ставку (два-три раза в неделю), требуя свежих пополнений для своих потрепанных в России дивизий. Штауфенберг решил подложить бомбу на одной из таких встреч.

Ключевой фигурой в заговоре отныне стал Штауфенберг. Теперь единственный шанс заговорщиков на успех зависел всецело от него. Поскольку из всех заговорщиков только он имел возможность проникнуть через плотную охрану в гитлеровскую ставку, ему и предстояло убить Гитлера. Лишь на него, начальника штаба армии подготовки пополнений, могла быть возложена задача — Фромм все еще вызывал сомнения, и на него нельзя было до конца положиться — руководить операцией по захвату Берлина после того, как Гитлер будет ликвидирован. И ему, Штауфенбергу, предстояло выполнить эти задачи в один день в двух разных местах, разделенных расстоянием 200–300 миль: в ставке Гитлера — в Оберзальцберге либо в Растенбурге — и в Берлине. Между первым и вторым актом драмы намечался интервал в два-три часа, когда его самолет будет находиться в полете и когда он не сможет что-либо предпринять, а сможет только надеяться, что его сподвижники в Берлине начали энергично воплощать в жизнь его планы. Однако это была лишь одна проблема, как мы вскоре убедимся.

Возникли и другие. Ничем, казалось бы, не оправданные осложнения появились у заговорщиков в связи с тем, что они пришли к выводу: устранить одного только Адольфа Гитлера недостаточно. Одновременно следует убить Геринга и Гиммлера, с тем чтобы предотвратить использование ими против заговорщиков военных сил, находящихся в их подчинении. Они также считали, что высший генералитет на фронте, еще не перешедший полностью на сторону заговорщиков, сделает это гораздо скорее, если будут устранены два ближайших заместителя Гитлера. Поскольку Геринг и Гиммлер обычно присутствовали на ежедневных военных совещаниях в ставке фюрера, заговорщики посчитали, что не

составит особого труда ликвидировать всех троих посредством одной бомбы. Это нелепое решение привело к тому, что Штауфенберг упустил две блестящие возможности разделаться с Гитлером.

11 июля его вызвали в Оберзальцберг для доклада фюреру о ходе отправки на фронт крайне необходимых там пополнений. В самолет, летевший в Берхтесгаден, он прихватил одну из бомб английского производства, имевшихся в абвере. На совещании заговорщиков, состоявшемся в Берлине накануне вечером, было решено, что настал момент разделаться с Гитлером, а заодно с Герингом и Гиммлером. Но Гиммлер в этот день отсутствовал, и, когда Штауфенберг, выйдя на минуту, позвонил генералу Ольбрихту в Берлин и сообщил об этом, дав понять, что может убрать Гитлера и Геринга, генерал уговорил его подождать еще день, когда соберутся все трое. Этим же вечером, вернувшись в Берлин, Штауфенберг встретился с Веком и Ольбрихтом и настоял на том, что в следующий раз он попытается убить Гитлера независимо от того, будут присутствовать на совещании Геринг и Гиммлер или нет. Они согласились.

Вскоре представилась еще одна возможность. 14 июля Штауфенберг получил приказ доложить на следующий день фюреру о положении с резервами, ведь каждый новобранец был теперь на счету, о том, как закрыть бреши на фронте в России, где группа армий "Центр", потеряв 27 дивизий, перестала существовать как боевая группировка. В этот день, 14 июля, Гитлер перенес свою ставку назад в Вольфшанце в Растенбурге, взяв лично на себя задачу восстановить Центральный фронт, где войска Красной Армии вышли на рубеж всего в 60 милях от Восточной Пруссии. Утром 15 июля полковник Штауфенберг вновь отправился самолетом в ставку фюрера {Среди историков существуют разногласия по поводу того, куда направился Штауфенберг — в Растенбург или Оберзальцберг. Два наиболее авторитетных в этом вопросе немецких исследователя Эберхард Целлер и профессор Герхард Риттер приводят противоречивые сведения. Целлер считает, что Гитлер все еще оставался в Берх-тесгадене, а Риттер уверен, что это ошибка и что фюрер возвратился в Растенбург. К сожалению, календарь Гитлера, который до сих пор надежно служил автору, сохранился не полностью, и записи на этот период отсутствуют. Наиболее надежные свидетельства, в том числе доклад о действиях Штауфенберга, составленный в ставке Гитлера 22 июля, убедительно указывают на то, что 15 июля Гитлер находился в Растенбурге и что именно там Штауфенберг намеревался его убить. Хотя оба места, откуда Гитлер пытался руководить ходом войны (он редко бывал в Берлине, подвергавшемся варварским бомбардировкам), находились примерно на одинаковом расстоянии от

столицы, Берхтесгаден давал заговорщикам больше преимуществ, чем Растенбург, поскольку был расположен неподалеку от Мюнхена, гарнизон которого, считалось, сохранял верность Беку. — Прим. авт. }, прихватив с собой бомбу в портфеле. В этот момент заговорщики настолько уверовали в успех, что было решено подать первый сигнал операции "Валькирия" за два часа до совещания у Гитлера, назначенного на 11 часов. По этому сигналу войскам и танкам из танкового училища в Крампнице предписывалось начать марш на столицу. Задержки с захватом власти быть не должно.

В субботу 15 июля, в 11 утра, генерал Ольбрихт отдал приказ "Валькирия-1" для Берлина и еще до полудня войска начали движение к центру столицы, имея приказ занять квартал на Вильгельмштрассе. В 13 часов Штауфенберг с портфелем в руке прибыл в конференц-зал фюрера, сделал доклад о резервах и затем вышел довольно надолго, чтобы по телефону сообщить в Берлин Ольбрихту посредством условленного кода, что Гитлер на месте, что сам Штауфенберг намерен вернуться в зал и взорвать бомбу. Ольбрихт информировал его, что войска в Берлине уже начали продвижение. Казалось, успех большого дела обеспечен. Но когда Штауфенберг вернулся в зал, Гитлер уже ушел и больше не возвращался. Огорченный Штауфенберг пошел к телефону известить о неудаче Ольбрихта. Генерал в бешенстве отменил тревогу, и войска постарались вернуться в казармы как можно быстрее и незаметнее.

Весть о еще одной неудаче явилась тяжелым ударом для заговорщиков, которые по возвращении Штауфенберга в Берлин собрались, чтобы обсудить дальнейшие действия. Герделер был сторонником так называемого "западного решения". Он предложил Беку вылететь вдвоем в Париж на встречу с фельдмаршалом фон Клюге и обсудить возможность заключения перемирия с Западом при условии, что союзники согласятся не пересекать франко-германскую границу, высвободив тем самым немецкие армии на Западе для последующей переброски их на Восточный фронт во имя спасения от русских и от большевизма. Но у Бека была более ясная голова. Он сознавал, что идея заключения сепаратного мира с Западом всего лишь пустая затея. Тем не менее заговор в целях убийства Гитлера необходимо было осуществить любой ценой, как утверждал Бек, хотя бы ради спасения достоинства Германии. Штауфенберг поклялся, что в следующий раз он не подведет. Генерал Ольбрихт, который получил нагоняй от Кейтеля за передвижение войск в Берлине, заявил, что не пойдет на новый риск, поскольку это раскроет весь заговор. Ему едва удалось убедить Кейтеля и Фромма в том, что это были обычные практические занятия. Страх ввести в дело войска еще раз до того, как станет точно

известно, что Гитлер убит, в четверг на следующей неделе обернулся катастрофой.

В воскресенье вечером, 16 июля, Штауфенберг пригласил к себе домой в Ваннзе небольшой круг близких друзей и родственников: своего брата Бертольда, уравновешенного, погруженного в себя молодого человека ученого вида, служившего при морском штабе советником по международному праву; подполковника Цезаря фон Хофакера, своего кузена и связного с генералами на Западе; графа Фрица фон Шуленбурга, бывшего члена нацистской партии, который все еще оставался заместителем полицай-президента Берлина; Тротта цу Зольца. Хофакер только что вернулся с Запада, где встречался с некоторыми генералами, такими, как Фалькенхаузен, Штюльпнагель, Шпейдель, Роммель и Клюге. Он рассказал о неизбежном крушении Западного фронта и — что было гораздо важнее — о поддержке заговора Роммелем независимо от того, куда повернет Клюге, хотя он по-прежнему высказывался против убийства Гитлера. После длительного обсуждения молодые заговорщики сошлись на том, что теперь единственный выход из создавшегося положения — уничтожение Гитлера. К этому времени у них уже не осталось иллюзий относительно того, что их отчаянный шаг спасет Германию от безоговорочной капитуляции. Они даже согласились, что следует капитулировать как перед русскими, так и перед западными демократиями. Самой важной задачей для немцев, считали они, является освобождение Германии от гитлеровской тирании.

Они страшно опоздали. Нацистский деспотизм продержался одиннадцать лет, и лишь убежденность в неизбежности поражения в войне, которую развязала Германия, чему они почти не противодействовали, заставляла их теперь действовать. Лучше поздно, чем никогда. Однако времени оставалось мало. Генералы сообщили им с фронтов, что полный крах как на Востоке, так и на Западе дело нескольких недель.

Судя по всему, в распоряжении заговорщиков оставалось всего несколько недель. Преждевременный выход войск на улицы Берлина 15 июля породил подозрения в ставке ОКБ. В этот день пришло сообщение, что генерал фон Фалькенхаузен, один из руководителей заговора на Западе, внезапно смещен со своего поста военного губернатора Бельгии и Северной Франции. Возникли опасения, что кто-то их выдает. 17 июля они узнали: Роммель настолько серьезно ранен, что не сможет помочь им в осуществлении их планов в течение неопределенно долгого времени. На следующий день друзья из штаба полиции предупредили Герделера, что Гиммлер подписал приказ о его аресте. По настоянию Штауфенберга

Герделер был вынужден скрыться. В тот же день личный друг Штауфенберга капитан Альфред Кранцфельдер, один из немногих морских офицеров, состоявших в заговоре, предупредил его, что в Берлине распространяются слухи о том, будто ставка Гитлера в ближайшие дни взлетит на воздух. Снова, очевидно, произошла утечка информации. Все указывало на то, что гестапо сужает кольцо вокруг ядра заговорщиков.

Вечером 19 июля Штауфенберг опять был вызван в Растенбург для доклада Гитлеру о положении дел с новыми дивизиями ополчения, которые армия резерва поспешно формировала для переброски на разваливающийся Восточный фронт. Ему было поручено на следующий день, 20 июля, сделать доклад в ставке фюрера на первом дневном совещании — в 13 часов {По свидетельству генерала Адольфа Хойзингера, начальника оперативного управления сухопутных войск, вести, поступившие 19 июля с Украинского фронта, были настолько плохи, что он запросил ставку о наличных войсках армии резерва, проходящих подготовку в Польше, которые можно было бы перебросить на Восточный фронт Кейтель предложил вызвать на следующий день Штауфенберга для доклада по этому вопросу (Хойзингер А. Спорный приказ, с 350) — Прим. авт. }. Штауфенберг попросил фельдмаршала фон Вицлебена и генерала Гепнера, проживавших в пригороде Берлина, прибыть в город к назначенному времени. Генерал Бек сделал последние приготовления для руководства переворотом до того момента, когда Штауфенберг возвратится самолетом после выполнения своей задачи. Ответственные офицеры в гарнизонах внутри и вокруг Берлина были извещены о том, что 20 июля — день операции.

На Бендлерштрассе Штауфенберг продолжал работать до вечера над докладом Гитлеру и отправился домой в Ваннзе вскоре после 8 часов вечера. По дороге он остановился у Далемского католического собора, чтобы помолиться {Фицгиббон пишет "Считается, что перед тем он ходил на исповедь, но конечно не получил отпущения грехов" Автор рассказывает, что Штауфенберг поведал епископу Берлинскому, кардиналу графу Прейсингу, о том, что намерен совершить. Епископ ответил, что он с уважением относится к мотивам, побуждающим к действию молодого человека, и не вправе удерживать его по религиозным соображениям — Прим. авт. }. Вечер он провел дома с братом Бертольдом и рано отправился спать. Все, кто видели его днем и вечером, вспоминают, что он был приветлив и спокоен, как будто не предстояло ничего особенного.

Теплым солнечным утром 20 июля 1944 года, в начале седьмого, полковник Штауфенберг в сопровождении своего адъютанта лейтенанта

Вернера фон Хефтена отправился на машине мимо разбомбленных зданий Берлина на аэродром в Рангсдорфе. В своем раздувшемся портфеле он вез документы о новых дивизиях ополчения, о чем ему предстояло в 13 часов докладывать в ставке Гитлеру. Между бумагами лежала завернутая в рубашку бомба замедленного действия. Она была того же типа, что и та, которую Тресков и Шлабрендорф заложили в самолет фюрера годом раньше и которая не сработала. Как известно, она была английского производства. Срабатывала она после того, как разбивалась стеклянная ампула и находившаяся в ней кислота разъедала тонкую проволочку, освобождавшую боек, который ударял по капсулю-детонатору. Толщина проволочки определяла время до взрыва. Этим утром он вложил в бомбу самую тоненькую проволочку. Она должна была раствориться за каких-нибудь 10 минут.

В аэропорту Штауфенберг встретил генерала Штиффа, который доставил ему накануне вечером бомбу. Там они разыскали ожидавших их личный самолет генерала Эдуарда Вагнера, первого генерал-квартирмейстера сухопутных войск и руководителя заговора, который позаботился о том, чтобы предоставить им самолет для этого важного полета. Самолет взлетел в 7 утра и в 10 с небольшим приземлился в Растенбурге. Хефтен проинструктировал летчика быть готовым к возвращению в любое время после полудня.

С аэродрома штабная машина доставила прибывших в ставку Вольфшанце, расположенную в мрачном, заросшем густым лесом районе Восточной Пруссии. Попастъ туда было непросто, а выбратъся еще труднее, что наверняка отметил про себя Штауфенберг. Она была построена в виде трех колец, каждое из которых прикрывалось минным полем, дотами и колючей проволокой под напряжением. Днем и ночью "логово" охраняли фанатично преданные фюреру войска СС. Чтобы проникнуть в тщательно охраняемый внутренний комплекс, где жил и работал Гитлер, даже высшие чины генералитета обязаны были представлять специальный разовый пропуск и пройти личный досмотр оберфюрера СС Раттенхубера, начальника управления безопасности у Гиммлера и командира подразделения охраны СС, или одного из его заместителей. Однако, поскольку Гитлер лично приказал докладывать Штауфенбергу, он и Хефтен, хотя их и остановили для проверки пропусков, сравнительно легко миновали три контрольно-пропускных пункта. После завтрака с капитаном фон Меллендорфом, адъютантом начальника гарнизона, Штауфенберг разыскал генерала Фрица Фельгибеля, начальника службы связи ставки.

Фельгибель был одной из ключевых фигур заговора. Штауфенберг

убедился, что генерал готов в срочном порядке сообщить заговорщикам о взрыве, с тем чтобы они немедленно приступили к действиям. Затем Фельгибель должен был изолировать ставку фюрера от внешнего мира, перекрыв телефонные, телеграфные и радиоканалы связи. Никто другой не годился, как он, для этой цели, и заговорщики, перетянув его на свою сторону, считали, что им крупно повезло. Для успешного осуществления заговора он был незаменим.

После визита к генералу Буле, представителю армии резерва при ставке, с которым они обсудили подготовку резервов, Штауфенберг прошел в блок Кейтеля, повесил в приемной фуражку и ремень и затем вошел в кабинет начальника штаба ОКБ. Здесь он узнал, что ему придется действовать быстрее, чем он рассчитывал. На часах было начало первого, и Кейтель проинформировал его, что, поскольку Муссолини прибудет поездом в 2. 30 дня, первое ежедневное совещание у фюрера переносится с 13 часов на 12. 30. Полковнику, сказал Кейтель, придется сократить свой доклад, поскольку Гитлер хочет закончить совещание пораньше. Должно быть, перед взрывом бомбы Штауфенберг подумал, что судьба снова готова отнять у него шанс на успех. И в то же время у него, очевидно, промелькнула надежда, что на этот раз совещание будет проходить в подземном бункере фюрера, где взрывная волна во много раз сильнее, чем при взрыве на поверхности. Но Кейтель сообщил ему, что совещание состоится в конференц-казарме {Ряд авторов утверждают, что ежедневные военные совещания у Гитлера в Растенбурге проводились в его подземном бункере и что совещание 20 июля было перенесено в наземное здание ввиду ремонта, а также из-за жары и большой влажности — Прим. авт. } (казарменном помещении для совещаний). Она отнюдь не походила на непрочный деревянный барак, каким его часто изображали. За минувшую зиму по указанию Гитлера первоначально деревянную основу строения укрепили бетонными стенами толщиной 18 дюймов (45 сантиметров) для защиты от зажигательных и осколочно-фугасных бомб, которые могли упасть поблизости. Эти массивные стены усилили действие бомбы Штауфенберга.

Вскоре ему предстояло запустить ее механизм. Он кратко изложил Кейтелю, о чем собирается докладывать фюреру, и, еще не закончив, заметил, как начальник генштаба нетерпеливо поглядывает на часы. За несколько минут до 12. 30 Кейтель сказал, что им следует немедленно идти на совещание, иначе они опоздают. Они вышли из блока, но не успели пройти и нескольких шагов, как Штауфенберг заявил, что забыл фуражку и ремень в приемной, и быстро пошел назад, пока Кейтель не сообразил, что надо бы

послать за ними адъютанта, шедшего рядом.

В приемной Штауфенберг быстро открыл портфель, выхватил тремя пальцами изувеченной руки щипцы и раздавил ими ампулу. Ровно через десять минут, если снова не произойдет сбоя в механизме, бомба взорвется.

Кейтель, который был весьма обходителен с начальством, но груб с подчиненными, раздраженный задержкой, повернулся к Штауфенбергу и рявкнул: "Мы опаздываем". Штауфенберг извинился. Кейтель несомненно понимал, что калеке требуется несколько больше времени, чем здоровому человеку, чтобы надеть ремень. По дороге к блоку Гитлера Штауфенберг, казалось, был настроен добродушно, и мелочная раздражительность Кейтеля — у него не появилось и тени подозрения — рассеялась.

Тем не менее, как и опасался Кейтель, они опоздали. Совещание уже началось. Когда Кейтель и Штауфенберг вошли в здание, последний задержался на минуту в прихожей, чтобы предупредить унтер-офицера, дежурившего у телефонного коммутатора, что он ждет срочного звонка из своего штаба в Берлине, чтобы получить последние данные и отразить их в докладе (это предназначалось для ушей Кейтеля), и попросил немедленно вызвать его, как только последует звонок. Это обстоятельство также не возбудило подозрений Кейтеля, хотя и должно было показаться довольно необычным, поскольку даже фельдмаршал не осмеливался выйти с совещания, не получив разрешения нацистского главаря.

Двое вошли в зал, где проводилось совещание. Прошло около четырех минут с момента, когда Штауфенберг открыл портфель и щипцами раздавил ампулу. В запасе оставалось еще шесть минут. Зал был относительно небольшим, примерно 30 на 50 футов (9 на 15 метров). Все десять окон в этот жаркий душный день были раскрыты настежь. Несомненно, так много открытых окон уменьшит воздействие взрывной волны. В центре зала стоял прямоугольный стол размером 18 на 5 футов (5, 4 на 1, 5 метра), сделанный из толстых дубовых досок. Это был стол особой конструкции, он опирался не на ножки, а на две большие тяжелые опоры, или тумбы, шириной почти во весь стол, по одной с каждой стороны. Эта необычная конструкция повлияла на дальнейшее развитие событий.

Когда Штауфенберг вошел в зал, Гитлер сидел в центре длинной стороны стола, спиной к двери. Справа от него занимали места генерал Хойзингер, начальник оперативного управления, заместитель начальника штаба сухопутных войск, генерал Кортен, начальник штаба ВВС, полковник Гейнц Брандт, заместитель Хойзингера. Кейтель занял место слева от фюрера, далее сидел генерал Йодль. Еще восемнадцать человек,

представлявших три вида вооруженных сил и СС, стояли вокруг стола, но ни Геринга, ни Гиммлера среди них не было. Сидели только Гитлер, вертевший в руках лупу, которая была нужна ему, чтобы читать мелкий шрифт на разложенных перед ним картах, и два стенографиста.

Хойзингер дошел примерно до середины своего неутешительного доклада о последнем прорыве русских на Центральном фронте и опасном положении, в котором оказались немецкие армии не только там, но и на северном и южном участках фронта. Кейтель прервал его, чтобы сообщить о прибытии на совещание полковника Штауфенберга, и указал цель его приезда. Гитлер взглянул на однорукого полковника с черной повязкой на глазу, кратко поприветствовал его и сказал, что, прежде чем заслушать его доклад, он хотел бы закончить с Хойзингером. Штауфенберг занял место у стола между Кортеном и Брандтом; на расстоянии нескольких футов по правую сторону от Гитлера он поставил на пол свой портфель, подтолкнув его под стол так, чтобы он прислонился к внутренней стороне дубовой тумбы. Расстояние от нее до ног фюрера составляло не более шести футов (1,8 метра). На часах было 12.37. До взрыва оставалось пять минут. Хойзингер продолжал говорить, постоянно обращаясь к карте, расстеленной на столе. Гитлер и другие офицеры то и дело склонялись над ней, вникая в обстановку.

Никто не заметил, как вышел Штауфенберг. Разве что полковник Брандт. Он с таким интересом слушал доклад генерала, что склонился над столом, чтобы лучше видеть карту, и, почувствовав, что портфель Штауфенберга ему мешает, попытался ногой отодвинуть его в сторону, а затем достал его и переставил по другую сторону тумбы так, что теперь она заслоняла Гитлера {Согласно показаниям адмирала Курта Ассмана, присутствовавшего на совещании, Штауфенберг шепнул Брандту: "Мне надо срочно позвонить. Присмотрите за моим портфелем, там секретные бумаги". — Прим. авт. } от бомбы. Эта, казалось бы, незначительная передвижка, очевидно, спасла жизнь фюреру, но привела к гибели самого Брандта — опять вмешалась рука судьбы. Полковник Брандт, заметим, был тем офицером, кого Тресков просил отвезти пару бутылок коньяка на самолете Гитлера, возвращавшемся из Смоленска в Растенбург вечером 13 марта 1943 года, и он исполнил это, не испытывая ни малейшего подозрения, что в действительности в свертке лежала бомба, точная копия той, которую сейчас он неумышленно отодвинул подальше от фюрера. К этому моменту кислота почти полностью разъела проволочку, удерживавшую боек.

Кейтель, который отвечал за вызов на совещание Штауфенберга,

взглянул туда, где должен был находиться полковник. Хойзингер уже заканчивал свой мрачный доклад, и начальник штаба ОКБ хотел дать знать Штауфенбергу, что теперь его очередь докладывать. Возможно, придется помочь ему достать бумаги из портфеля. Но, к величайшей досаде Кейтеля, молодой полковник исчез. Припомнив, что Штауфенберг сказал входя телефонисту, Кейтель выскользнул из зала, чтобы вернуть этого странного молодого офицера.

Штауфенберга у телефона не было. Находившийся рядом унтер-офицер сказал, что он поспешно вышел из здания. Кейтель в замешательстве вернулся в конференц-зал. Хойзингер заканчивал свой доклад о катастрофической обстановке на сегодняшний день. "Русские, — говорил он, — крупными силами продвигаются западнее Дины (Даугава) на север. Их передовые части находятся юго-западнее Динабурга (Даугавпилс). Если наша группа армий в районе Чудского озера не будет немедленно отведена, катастрофа..."

Фраза так и осталась неоконченной.

Именно в этот момент, в 12. 42, взорвалась бомба.

Штауфенберг наблюдал за происходящим вместе с генералом Фельгибелем, стоя примерно в 200 ярдах от входа в бункер 88, где находился его кабинет, и с беспокойством поглядывая то на свои часы, то в сторону конференц-зала. Внезапно он увидел, как конференц-зал взлетает на воздух, охваченный огнем и дымом, будто от прямого попадания 155-миллиметрового снаряда. Воздушной волной из окон выбросило тела нескольких человек, в воздух полетели обломки. Воспаленное воображение подсказало Штауфенбергу, что все находившиеся в конференц-зале непременно погибли. Он поспешно попрощался с Фельгибелем, которому предстояло немедленно сообщить по телефону заговорщикам в Берлин, что покушение удалось, а затем блокировать все средства связи, пока заговорщики не захватят столицу и не провозгласят новое правительство {Большое число исследователей утверждают, что в этот момент генерал Фельгибель должен был взорвать узел связи, и тот факт, что он не сумел этого сделать, имел катастрофические последствия для заговорщиков. Так, Уилер-Беннет пишет, что "генерал Фельгибель, как это ни печально, не сумел выполнить свою задачу". Поскольку различные узлы связи размещались в нескольких подземных бункерах, тщательно охраняемых СС, представляется совершенно невероятным, что в планы Фельгибеля входило взорвать их. Генерал соглашался сделать единственное — блокировать связь с внешним миром на два-три часа после передачи в Берлин сообщения о взрыве. Это вопреки неизбежным накладкам он

исполнил. — Прим. авт. }.

Следующая задача Штауфенберга заключалась в том, чтобы быстро выбраться из ставки. Охрана на контрольно-пропускных пунктах слышала или видела взрыв в конференц-зале фюрера и немедленно перекрыла все выходы. Машину Штауфенберга остановили у первого же шлагбаума — в нескольких метрах от бункера Фельгибеля. Он выскочил из машины и потребовал вызвать дежурного офицера из караульного помещения. В его присутствии он позвонил кому-то, — кому именно, осталось неизвестно, — коротко переговорил и, повесив трубку, сказал офицеру: "Господин лейтенант, мне разрешено следовать".

Это был чистый блеф, но он сработал. Очевидно, записав в журнал: "12. 44. Полк. Штауфенберг проехал через контрольно-пропускной пункт", исполнительный лейтенант передал на следующий КПП: "Машину пропустить". У третьего, и последнего, КПП дело осложнилось. Здесь уже получили сигнал тревоги — шлагбаум был опущен, караул удвоен, и никому не разрешалось ни въезжать, ни выезжать. Машина, в которой находились Штауфенберг и его адъютант лейтенант Хефтен, была задержана на редкость упрямым унтер-офицером по имени Кольбе. Вновь Штауфенберг попросил разрешения воспользоваться телефоном и, позвонив капитану фон Меллендорфу, адъютанту коменданта городка, пожаловался на то, что из-за взрыва охрана КПП его не пропускает. А он торопится, поскольку на аэродроме его ждет генерал Фромм. Он опять блефовал: Фромм находился в Берлине, и Штауфенбергу это было хорошо известно.

Повесив трубку, полковник повернулся к унтер-офицеру: "Вы слышали? Мне разрешено проехать". Но провести того оказалось непросто: он сам позвонил Меллендорфу, чтобы получить подтверждение. Капитан подтверждение дал.

Машина помчалась в аэропорт. Лейтенант Хефтен тем временем поспешно разбирал вторую бомбу, которую он привез в своем портфеле, выбрасывая детали в кювет, где их позднее разыскало гестапо. Комендант аэродрома еще не получил извещение о тревоге. Пилот прогревал двигатели самолета, когда подъехала машина с двумя офицерами. Через одну-две минуты самолет взлетел.

Часы показывали начало второго. Последующие три часа, должно быть, показались Штауфенбергу самыми длинными в его жизни. В то время как тихиходный "хейнкель" летел на запад над песчаной немецкой равниной, ему ничего не оставалось, как только надеяться, что Фельгибель смог дозвониться до Берлина и передать исключительной важности сигнал

сообщникам: немедленно приступить к действиям по овладению столицей и рассылке заранее подготовленных документов командующим войсками в Германии и на Западе. Он надеялся, наконец, что его самолет не будет посажен поднятыми по тревоге истребителями ВВС или сбит патрулирующими самолетами русских, активность которых над Восточной Пруссией все более возрастала. На самолете не было обычного радиоприемника, и Штауфенберг не мог настроиться на Берлин и услышать первые захватывающие сообщения, которые, как он ожидал, заговорщики передадут еще до того, как он приземлится. Не мог он и связаться с заговорщиками в столице и подтвердить сигнал на случай, если его не сумел передать генерал Фельгибель.

Его самолет приземлился в Рангсдорфе в 3. 45 пополудни, и Штауфенберг в прекрасном настроении поспешил к ближайшему телефону на аэродроме, чтобы связаться с генералом Ольбрихтом и узнать точно, что сделано за истекшие роковые три часа, от которых зависело все. К величайшему ужасу, он узнал, что еще ничего не сделано. Сообщение о взрыве поступило от фельгибеля вскоре после 13 часов, но связь работала плохо и заговорщики так и не разобрали, убит Гитлер или нет. Поэтому ничего и не было сделано. Приказы из сейфа Ольбрихта с грифом "Валькирия" были изъяты, но не разосланы. На Бендлерштрассе бездействовали, ожидая возвращения Штауфенберга. Ни генерал Бек, ни фельдмаршал Вицлебен, которые соответственно в качестве нового главы государства и верховного главнокомандующего вермахтом должны были немедленно опубликовать прокламации, отдать приказы и сообщить по радио о наступлении рассвета для Германии, пока не появились.

Вопреки твердой уверенности Штауфенберга, которую он вселил в Ольбрихта по телефону из Рангсдорфа, Гитлер в действительности не был убит. Почти безотчетное движение полковника Брандта, переместившего портфель к дальнему краю тумбы прочного дубового стола, спасло фюреру жизнь. Он был сильно контужен, но ранен относительно легко. У него были опалены волосы, на ногах появились ожоги, правая рука — в синяках и временно парализована, лопнули барабанные перепонки, а упавшая балка оставила ссадину на спине. Как позднее вспоминал один из очевидцев, он был неузнаваем, когда, опираясь на Кейтеля, выбрался из разрушенного, горящего здания. Лицо его было покрыто гарью, волосы тлели, а брюки превратились в клочья. Кейтель уцелел чудом. Но большинство из тех, кто стоял у того края стола, где взорвалась бомба, либо погибли сразу или умерли позднее, либо получили тяжелые ранения {Официальный стенографист Бергер был убит, а полковник Брандт, генерал Шмундт,

адъютант Гитлера, и генерал Кортен умерли от ран. Все другие, включая генералов Йодля, Боденшатца, начальника штаба Геринга, и Хойзингера, получили тяжелые ранения. — Прим. авт. }. Уже в первые минуты после взрыва, когда еще не прошло потрясение, начали высказываться догадки о его причине. Гитлер подумал было, что взрыв произошел в результате внезапной атаки вражеского штурмовика. Йодль, который сидел обхватив руками разбитую в кровь голову — на него помимо разных обломков упала люстра, — был убежден, что под полом здания строители заложили бомбу замедленного действия. Это, казалось, подтверждал зияющий в полу пролом, оставленный бомбой Штауфенберга. Самого полковника заподозрили не сразу. Гиммлер, прибежавший сюда на взрыв, был в полном замешательстве, но за минуту до того, как Фельгибель блокировал связь, он позвонил Артуру Небе, начальнику криминальной полиции в Берлине, и приказал выслать самолетом группу сыщиков для проведения расследования.

Из-за неразберихи, возникшей сразу после взрыва, никто поначалу не вспомнил, что Штауфенберг исчез из конференц-зала непосредственно перед взрывом. Сперва посчитали, что он находился в зале и оказался в числе тех, кто получил тяжелые ранения и был срочно госпитализирован. Гитлер, еще не заподозрив его, распорядился проверить, кто был доставлен в госпиталь.

Примерно через два часа после взрыва картина начала проясняться. Унтер-офицер, дежуривший у коммутатора перед конференц-залом, доложил, что одноглазый полковник, который предупредил его, что ждет телефонного звонка из Берлина, вышел из зала и, не дожидаясь звонка, с большой поспешностью покинул здание. Некоторые из участников совещания вспомнили, что Штауфенберг оставил под столом портфель. Дежурные на КПП сообщили, что полковник и его адъютант проехали сразу же после взрыва.

Теперь подозрения Гитлера усилились. Звонок на аэродром в Растенбург дал интересную информацию: Штауфенберг вскоре после 13 часов вылетел в большой спешке сказав, что направляется в аэропорт Рангсдорф. Гиммлер немедленно отдал приказ арестовать его при приземлении, но приказ не достиг Берлина вследствие смелых действий Фельгибеля, блокировавшего связь. До этой минуты никто в ставке, очевидно, не подозревал, что в Берлине могут произойти беспорядки. Все еще считали, что Штауфенберг действовал в одиночку. Задержать его будет несложно, если он, как полагали некоторые, не приземлился за линией русского фронта. Гитлера, который в этой обстановке, судя по всему, вел

себя довольно спокойно, что-то тревожило. Ему предстояло в этот день встречать Муссолини, поезд которого должен был прибыть в 4 часа дня, но почему-то опаздывал. Было что-то фатально-абсурдное в этой последней встрече двух фашистских диктаторов, состоявшейся вечером 20 июля 1944 года. Осматривая руины конференц-зала, они старались обмануть себя, думая, что "ось", которую они выковали и которая должна была обеспечить им господство в Европе, отнюдь не развалилась. Некогда гордый и напыщенный, дуче теперь являл собой всего лишь гаулейтера Ломбардии, вызволенного из заключения нацистскими головорезами и поддерживаемого Гитлером и СС. Тем не менее фюрер демонстрировал неизменную дружбу и уважение по отношению к свергнутому итальянскому тирану и тепло, насколько это позволяло его физическое состояние, приветствовал гостя. Затем он провел его через еще дымившиеся обломки конференц-зала, где всего несколько часов назад едва не лишился жизни. Сейчас он вещал, что их общее дело, несмотря на все неудачи, скоро восторжествует.

Д-р Шмидт, присутствовавший на встрече в качестве переводчика, так вспоминает об этой сцене:

"Муссолини был просто в ужасе. Он никак не мог понять, как такое могло произойти в ставке...

"Я стоял здесь, у этого стола, — рассказывал Гитлер, — бомба взорвалась прямо у меня под ногами... Очевидно, что со мной ничего не может произойти, и мое предназначение, несомненно, в том, чтобы идти избранным путем и довести свою миссию до завершения... Происшедшее сегодня — это кульминация! Избежав смерти... я более чем когда-либо убежден, что великому делу, которому я служу, не страшны никакие опасности и что все придет к счастливому концу". Муссолини, как это обычно бывало, захватили речи Гитлера, и он согласился с ним.

"У нас плохое положение, — продолжал он, — иные могут сказать, отчаянное. Но то, что произошло здесь сегодня, вселяет в меня мужество. После такого чуда немыслимо, чтобы наше дело потерпело неудачу".

Затем оба диктатора в сопровождении свиты направились пить чай, и здесь произошла — а было уже около 5 вечера — смехотворная сцена, откровенно продемонстрировавшая поразительное ничтожество нацистских вождей в один из самых кризисных моментов в истории третьего рейха. К этому времени по прямому приказу Гитлера была восстановлена система связи Растенбурга, и из Берлина начали поступать первые сообщения, что там, а также, вероятно, на Западном фронте начался военный мятеж. И тут собравшиеся приспешники Гитлера обрушили друг

на друга поток подавлявшихся длительное время взаимных обвинений. Их крики отдавались громким эхом от потолка. Сам Гитлер сначала сидел спокойно, размышляя над происходящим, Муссолини же покраснел от смущения.

Адмирал Дениц, который, получив известие о попытке покушения, срочно вылетел в Растенбург и прибыл уже после того, как началась беседа за чаем, разразился гневными упреками в адрес изменников в армии. От ВВС его поддержал Геринг. Однако Дениц неожиданно обрушился на Геринга за катастрофические провалы люфтваффе, а тучный рейхсмаршал, отведя от себя обвинения, напал на Риббентропа, которого он ненавидел больше всех, инкриминируя ему банкротство внешней политики Германии, и в какой-то момент даже пригрозил министру иностранных дел, что стукнет его своим маршальским жезлом. "Ты, грязный торгаш шампанским, заткни свою гнусную глотку!" — орал Геринг. Но это было уже выше сил для Риббентропа, который потребовал хотя бы немного уважения к себе от рейхсмаршала. "Я еще министр иностранных дел, — кричал он, — и мое имя фон Риббентроп!" {Риббентроп действительно был торговцем шампанским, а позднее женился на дочери крупнейшего в Германии изготовителя этого вина. Приставку "фон" к своей фамилии он получил в 1925 году после того, как его в возрасте 32 лет усыновила тетка — фрейлейн Гертруда фон Риббентроп — Прим. авт. }

Затем кто-то припомнил давний "заговор" против нацистского режима — мятеж Рема 30 июня 1934 года. Гитлер, до тех пор угрюмо посасывавший ярко окрашенные лечебные пилюли, которыми его щедро снабжал врач-шарлатан Теодор Морелль, при упоминании о нем просто пришел в бешенство. Свидетели сцены вспоминают, что он вскочил со стула с пеной на губах и начал визжать и метаться. Он кричал, что расправа с Ремом и его подручными ничто по сравнению с тем, что он сделает с теми, кто предал его сегодня. Он вырвет их с корнем и уничтожит. "Я брошу их жен и детей в концлагеря, — все более распалялся он, — и пусть они не ждут пощады". На этот раз, как и во многих случаях ранее, слова его не разошлись с делом.

Частично вследствие изнеможения, а частично из-за того, что по телефону из Берлина поступали все новые подробности военного мятежа, Гитлер прервал свой неистовый монолог, хотя пыл его еще не угас. Он проводил Муссолини на поезд, в последний раз попрощался с ним и вернулся в свой кабинет. Когда в 6 вечера ему доложили, что путч еще не подавлен, он схватил телефонную трубку и прокричал приказ войскам СС в Берлине — стрелять в каждого, кто вызывает хотя бы малейшее

подозрение. "Где Гиммлер? Почему его там нет? " — завопил фюрер, забыв, что час назад, когда все сидели за чаем, он приказал шефу СС вылететь в Берлин и безжалостно подавить восстание и что его полицеймейстер, вероятно, просто туда еще не прибыл.

Долго и тщательно готовившееся выступление в Берлине, как об этом с тревогой узнал Штауфенберг, приземлившись в Рангсдорфе в 3. 45, началось вяло. Три столь дорогих часа, во время которых ставка фюрера была отрезана от внешнего мира, пропали даром. Почему? Штауфенберг не мог этого понять, как и историк, пытающийся восстановить события того рокового дня. Погода стояла жаркая и душная, и, пожалуй, это обстоятельство и сказалось. И хотя главные заговорщики знали, что Штауфенберг направился в это утро в Растенбург с "тяжелым грузом" — об этом был поставлен в известность генерал Гепнер — для участия в совещании у фюрера в 13 часов, лишь немногие из заговорщиков, преимущественно младшие офицеры, к полудню начали не спеша собираться в штабе армии резерва на Бендлерштрассе, который являлся и штабом заговора. Помнится, 15 июля, когда Штауфенберг подготовил предпоследнее покушение на Гитлера, генерал Ольбрихт приказал войскам Берлинского гарнизона начать выдвижение за два часа до намеченного взрыва бомбы. Но теперь, 20 июля, помня о риске, на который он тогда пошел, генерал не отдал соответствующих приказов.

Накануне ночью командиры частей в Берлине и в учебных центрах, расположенных в близлежащих пунктах — Деберице, Ютербоге, Крампнице и Вюнсдорфе, были предупреждены, что, по всей вероятности, сигнал "Валькирия" они получат 20-го числа. Однако, вместо того чтобы двинуть войска, Ольбрихт решил подождать, пока не поступит вполне конкретное известие от Фельгибеля из Растенбурга. Генерал Гепнер, захватив с собой чемодан с генеральской формой, которую Гитлер запретил ему носить, прибыл на Бендлерштрассе в половине первого — Штауфенберг в этот момент как раз раздавил ампулу в бомбе — и вместе с Ольбрихтом отправился на завтрак, во время которого они распили полбутылки вина за успех предприятия.

Едва они вернулись в кабинет Ольбрихта, как туда стремительно вошел генерал Фриц Тиле, начальник связи при штабе сухопутных войск, и возбужденно сообщил: он только что разговаривал по телефону с Фельгибелем, и хотя слышимость была плохая и Фельгибель выражался крайне осторожно, взрыв, видимо, произошел, но Гитлер остался жив. В этом случае, заключил Тиле, приказ "Валькирия" отдавать не следует. Ольбрихт и Гепнер согласились с его мнением.

Таким образом, в период с 13. 15 до 15. 45, когда Штауфенберг вышел из самолета в Рангсдорфе и поспешил к телефону, ничего не было предпринято. Войска не собраны, приказы войсковым командирам в других городах не разосланы, и — что самое удивительное — никто не подумал о захвате радиостанции, телефона и телеграфа. Оба главных военных руководителя заговора — Бек и Вицлебен так и не появились.

Прибытие Штауфенберга побудило наконец заговорщиков к действию. По телефону из Рангсдорфа он пытался убедить генерала Ольбрихта не ждать, пока он доберется до Бендлерштрассе, на что уйдет 45 минут, а немедленно приступить к реализации плана "Валькирия". Наконец-то заговорщики обрели руководителя, способного отдавать приказы. Без них немецкий офицер, даже заговорщик, казался беспомощным даже в решающий час. И они приступили к реализации плана. Полковник Мерц фон Квирнхайм, начальник штаба у Ольбрихта и близкий друг Штауфенберга, извлек приказы с шифром "Валькирия" и начал передавать их по телетайпу и телефону. Согласно первому приказу, войска в Берлине и вокруг него поднимались по тревоге, согласно второму, подписанному Вицлебеном как главнокомандующим вермахтом и заверенному графом фон Штауфенбергом, по радио передавалось официальное сообщение о том, что Гитлер умер и что Вицлебен "вручает исполнительную власть командующим военными округами в рейхе и армиями на фронте". Фельдмаршал Вицлебен к этому времени все еще не прибыл на Бендлерштрассе. Он добрался только до Цоссена, находившегося в 20 милях к юго-востоку от Берлина, где совещался с первым генерал-квартирмейстером Вагнером. За ним, как и за генералом Бекем, пришлось посылать. Действовать медленнее, чем в этот роковой день действовали два высших в заговоре генерала, было просто невозможно.

Пока приказы передавались в войска, причем некоторые из них за подписью генерала Фромма, хотя и без его ведома, Ольбрихт направился в штаб командующего армией резерва. Он передал ему сообщение Фельгибеля о том, что Гитлер убит, и попытался убедить взять на себя руководство "Валькирией" и обеспечить внутреннюю безопасность государства. Заговорщики понимали, что приказы Фромма будут исполняться беспрекословно. В этот момент он был для них исключительно важен. Но Фромм, подобно Клюге, был гением нерешительности. Он не относился к числу тех, кто прыгает, не думая, где приземлится. Прежде чем решить, что предпринять, он потребовал доказательств, что Гитлер действительно убит.

И здесь Ольбрихт совершил еще одну роковую ошибку. Исходя из

сообщения Штауфенберга из Рангсдорфа, он был уверен, что фюрер убит. Он знал также, что Фельгибелю удалось блокировать телефонную связь с Растенбургом на большую часть дня. Поэтому он решительно снял трубку и попросил соединить его с Кейтелем по "чрезвычайной" (правительственной) линии связи. И для него оказалось полной неожиданностью, — связь, как известно, была к этому времени восстановлена, но Ольбрихт об этом не знал, — когда Кейтель почти сразу поднял трубку.

Фромм: Что случилось в ставке? По Берлину ходят страшные слухи.

Кейтель: А что могло случиться? Здесь все идет своим чередом.

Фромм: Я только что получил известие, что фюрер убит.

Кейтель: Чепуха. Верно, было предпринято покушение, но, к счастью, оно не удалось. Фюрер жив, он лишь слегка ранен. Где, кстати, ваш начальник штаба, полковник граф Штауфенберг?

Фромм: Штауфенберг еще не вернулся.

С этого момента Фромм был потерьей для заговорщиков, причем последствия этого оказались катастрофическими. Ольбрихт, ошеломленный, не говоря ни слова, выскользнул из здания. В эту минуту прибыл генерал Бек, одетый в темный гражданский костюм, — возможно, это имело целью замаскировать военный характер выступления, — чтобы принять на себя руководство. Но реальным руководителем, как вскоре выяснилось, был полковник фон Штауфенберг, который, запыхавшись, без фуражки, взбежал по лестнице старого здания военного министерства около 4. 30 дня. Он коротко сообщил о взрыве, подчеркнув, что видел все с расстояния не более 200 ярдов. Когда вмешался Ольбрихт, заявив, что только что разговаривал по телефону с самим Кейтелем, что Гитлер лишь слегка ранен, Штауфенберг ответил, что Кейтель тянет время, прибегая ко лжи. Гитлер, возразил он, должен быть как минимум тяжело ранен. В любом случае, добавил он, сейчас нам остается одно — использовать каждую минуту, чтобы свергнуть нацистский режим. Бек согласился и сказал, что для него безразлично, жив деспот или мертв. Необходимо действовать и сбросить его тяжкий гнет. Но беда в том, что после рокового промедления и замешательства они, несмотря на все свои планы, не представляли, что делать дальше. Даже когда генерал Тилс сообщил, что известие о провале покушения на Гитлера вскоре будет передано по национальному радио, им не пришло в голову, что необходимо немедленно захватить центральную студию радиовещания, чтобы помешать нацистам выйти в эфир и заполнить его собственными воззваниями от имени нового правительства. В случае если войска еще не подошли, чтобы осуществить

это, можно было привлечь берлинскую полицию. Граф фон Хельдорф, начальник полиции и активный заговорщик, с полудня с нетерпением ждал команды бросить в дело свои крупные силы, уже приведенные в боеготовность. Но команды все не поступало, и в 4 часа он направился на Бендлерштрассе, чтобы выяснить, что же произошло. Ольбрихт сообщил ему, что полиция будет действовать по приказам армии. Но восставшей армии пока не было — лишь сбитые с толку офицеры слонялись по штабу, не имея солдат, которым можно было бы отдавать приказы.

Вместо того чтобы решить немедленно этот вопрос, Штауфенберг позвонил по телефону в Париж своему кузену подполковнику Цезарю фон Хофакеру в штаб генерала фон Штюльпнагеля и призвал заговорщиков пошевеливаться. Безусловно, шаг этот был чрезвычайно важен, поскольку во Франции к заговору подготовились значительно лучше, поддерживали его там более высокопоставленные генералы и офицеры, чем в других местах, за исключением Берлина. И действительно, в Париже генерал Штюльпнагель проявил гораздо больше энергии, чем его коллеги в столице. Еще до наступления темноты он арестовал и заключил под стражу всех 1200 офицеров и солдат СС и СД, включая их грозного начальника генерал-майора войск СС Карла Оберга. Если бы в Берлине в тот вечер проявили такую же энергию и решительность, история могла бы пойти другим путем.

Приведя в действие план заговора в Париже, Штауфенберг взялся за упрямого Фромма, начальником штаба которого он состоял и чей отказ действовать заодно с заговорщиками после сообщения Кейтеля о том, что Гитлер жив, создавал серьезную угрозу успешному исходу заговора. У Бека не хватило смелости поссориться с Фроммом в самом начале событий, и он не присоединился к Штауфенбергу и Ольбрихту, которые направились к нему. Ольбрихт вновь заявил Фромму, что Штауфенберг готов подтвердить смерть Гитлера. "Но это невозможно, — рявкнул Фромм, — Кейтель заверил меня в обратном". "Кейтель, как обычно, лжет, — вмешался Штауфенберг. — Я сам видел, как выносили тело Гитлера". Эти слова начальника штаба заставили Фромма задуматься, и с минуту он хранил молчание. Но когда Ольбрихт, решив воспользоваться нерешительностью Фромма, заметил, что приказ "Валькирия" уже отдан, Фромм вскочил и закричал: "Это превышение власти! Кто отдал приказ? " Когда он узнал, что это сделал полковник Мерц фон Квирнхайм, он вызвал офицера к себе и арестовал.

Штауфенберг сделал еще одну, последнюю попытку убедить своего начальника. "Генерал, — сказал он, — я лично взорвал бомбу на совещании

у Гитлера. Взрыв был похож на взрыв 150-миллиметрового снаряда. Никто из присутствовавших в зале не мог остаться в живых".

Но Фромм был слишком искусным приспособленцем, чтобы поддаться блефу. "Граф Штауфенберг, — ответил он, — покушение провалилось. Вы должны немедленно пустить себе пулю в лоб". Штауфенберг холодно отклонил его совет. Тогда тучный Фромм, налившись кровью, объявил, что арестовывает всех троих посетителей — Штауфенберга, Ольбрихта и Мерца.

"Не занимайтесь самообманом, — ответил Ольбрихт. — Это мы сейчас вас арестуем! "

Между единомышленниками вспыхнула крайне несвоевременная ссора, во время которой Фромм, как свидетельствовал один из очевидцев, ударил по лицу Штауфенберга. Генерала быстро утихомирили и посадили под арест в комнате адъютанта, где его охранял майор Людвиг фон Леонрод {За несколько недель до этого Леонрод спросил своего друга, армейского капеллана отца Германа Верле, прощает ли католическая церковь убийство тирана, и получил отрицательный ответ. Когда это обстоятельство всплыло на заседании Народного суда по делу Леонрода, отец Верле был арестован за то, что не сообщил об этом разговоре властям и, как и Леонрод, казнен. — Прим. авт. }. В целях предосторожности заговорщики оборвали в комнате телефонные провода.

Штауфенберг вернулся в свое управление и обнаружил, что здесь его поджидает, чтобы арестовать, обер-фюрер Пифредер, эсэсовский головорез, недавно отличившийся при проведении эксгумации и сожжении 221 тысячи тел евреев, расстрелянных отрядами спецакций в Прибалтике до того, как туда вошли части советских войск. Пифредера и двух субъектов из СД в гражданском быстро заперли в соседнем пустом кабинете. Объявившийся в этот момент генерал фон Корцфляйш, которому подчинялись все войска в округе Берлин — Бранденбург, потребовал доложить, что происходит. Нацистский генерал настаивал, чтобы его проводили к Фромму, но его провели к Ольбрихту, с которым он отказался говорить. Тогда его принял Бек, и, поскольку Корцфляйш заупрямился, его также заперли. Как было намечено планом заговора, его заменил генерал фон Тюнген.

Приход Пифредера подсказал Штауфенбергу, что заговорщики забыли выставить охрану вокруг здания. Поэтому у входа был выставлен наряд из батальона охраны дивизии "Гросдойчланд" ("Великая Германия"), который должен был заступить в караул, но не заступил. Наконец, уже после 5 вечера, заговорщики взяли под контроль свой собственный штаб, но в Берлине только это и находилось у них под контролем. А что же произошло

с войсками армии, которым предписывалось занять столицу и удерживать ее до установления власти нового антинацистского правительства?

После 4 часов дня, когда заговорщики по возвращении Штауфенберга пришли наконец в себя, генерал фон Хазе, комендант Берлина, позвонил командиру отборного батальона охраны "Гросдойчланд" в Дебериц и приказал ему поднять по тревоге свое подразделение и немедленно прибыть в комендатуру на Унтер-ден-Линден. Командиром батальона был недавно назначен майор Отто Ремер, которому выпала в этот день крайне важная роль, хотя и не та, на которую рассчитывали заговорщики. Поскольку на его батальон возлагалась наиважнейшая задача, они предварительно проверили, что это за человек, и удовлетворились тем, что он не интересовался политикой и был готов повиноваться приказам своих непосредственных начальников. Его храбрость не вызывала сомнений. Он имел восемь ранений и совсем недавно получил из рук Гитлера редкую награду — Рыцарский крест с дубовыми листьями.

Ремер поднял по тревоге батальон и, согласно приказу, спешно направился в город для получения конкретных распоряжений от Хазе. Генерал сообщил ему об убийстве Гитлера и о попытке путча со стороны СС и приказал блокировать здания министерств на Вильгельмштрассе, а также главное управление безопасности СС в близлежащем квартале Анхальтстацион. К 5. 30 Ремер расторопно выполнил все указания и прибыл на Унтер-ден-Линден за получением новых.

И тут в драму вмешалось незначительное лицо, которое помогло Ремеру стать карающей Немезидой по отношению к заговорщикам. Некий лейтенант д-р Ганс Хаген, экзальтированный и самоуверенный молодой человек, занимал в батальоне охраны Ремера должность офицера по национал-социалистскому воспитанию. Одновременно он работал в министерстве пропаганды у Геббельса. В данный момент он находился в Байрейте, куда был послан министром работать над книгой, которую ему поручил писать Мартин Борман, секретарь Гитлера. Называлась она "История национал-социалистской культуры". В Берлине он оказался чисто случайно — приехал, чтобы доставить памятный адрес в честь малоизвестного писателя, погибшего на фронте, а заодно прочитать вечером лекцию для своего батальона, хотя было довольно жарко и душно, о вопросах национал-социалистского воспитания. Он питал слабость к публичным выступлениям.

По пути в Дебериц впечатлительному лейтенанту почудилось, что в проезжавшем армейском легковом автомобиле сидел в полной военной форме фельдмаршал Браухич, и ему сразу же пришло в голову, что старый

генерал замышляет измену. Правда, Браухич, задолго до этого снятый Гитлером со всех постов, в этот день ни в форме, ни без формы в Берлине не был. Но Хаген клялся, что видел его. О своих подозрениях он сообщил Ремеру, который как раз в то время получил приказ занять Вильгельмштрассе. Приказ лишь усилил подозрения Хагена, и он уговорил Ремера дать ему мотоцикл с коляской и помчался в министерство пропаганды, чтобы предупредить Геббельса.

Министру же только что позвонил Гитлер — это был его первый после покушения звонок. Он сообщил, что на него совершено покушение, и поручил Геббельсу немедленно выступить по радио и объявить о его провале. Очевидно, всегда осведомленный министр пропаганды впервые услышал о том, что произошло в Растенбурге. Хаген же быстро ввел его в курс событий, которые, получалось, вот-вот могли произойти в Берлине. Сначала Геббельс отнесся к сообщению скептически — он считал Хагена надоедливым типом — и по одной из версий собирался прогнать визитера, когда лейтенант предложил ему подойти к окну и лично во всем убедиться. То, что увидел министр пропаганды, оказалось убедительнее истерических рассказов Хагена. Войска устанавливали посты вокруг министерства. Геббельс, человек по природе довольно глупый, был необыкновенно находчив: он велел Хагену немедленно прислать к нему Ремера. Хаген исполнил его приказ и благодаря этому вошел в историю.

Таким образом, пока заговорщики на Бендлерштрассе связывались с генералами по всей Европе, не обращая внимания на такую незначительную сошку, как Ремер, хотя и поставили ему весьма важную задачу, Геббельс связался именно с ним — человеком пусть невысокого звания, но в этот момент призванным сыграть роль довольно значительную.

Встреча с Геббельсом и без того была неизбежна, ибо Ремер уже получил приказ арестовать министра пропаганды. Итак, майор имел приказ арестовать Геббельса и в то же время получил от Геббельса указание прибыть к нему. Ремер направился в министерство пропаганды с 20 солдатами, приказав им вызвolyть его самого, если он не выйдет из кабинета министра через несколько минут. Затем Ремер и его адъютант с пистолетами в руках вошли в кабинет, чтобы арестовать главного из находившихся в тот день в Берлине нацистского вождя.

Из качеств Геббельса, которые помогли ему занять столь высокий пост в третьем рейхе, главное — умение уговорить любого даже в острых ситуациях, а сложившаяся ситуация была самой острой и опасной в его бурной жизни. Он напомнил молодому майору о его присяге на верность верховному главнокомандующему. На это Ремер решительно возразил, что

Гитлер мертв. Геббельс заверил его, что фюрер жив и здоров, — он только что говорил с ним по телефону. И он докажет это. Геббельс тут же снял трубку и попросил срочно соединить его с верховным павнокомандующим в Растенбурге. И вновь промах заговорщиков, заключавшийся в том, что они не захватили телефонную связь в Берлине и даже не нарушили ее, сыграл с ними злую шутку {"Подумать только, эти революционеры даже не сообразили перерезать телефонные провода! — восклицал, по слухам, позднее Геббельс. — Моя маленькая дочурка и то додумалась бы до этого"} (Рисе К Йозеф Геббельс — пособник дьявола, с 280) — Прим. авт. }. Через одну-две минуты Гитлер был у телефона. Геббельс быстро передал трубку Ремеру. "Вы узнаете мой голос, майор? " — спросил Гитлер. Кто в Германии не узнал бы этот хриплый голос, сотни раз звучавший по радио! Более того, Ремер слышал фюрера непосредственно несколько недель назад, когда получал от него награду. Рассказывают, что майор вытянулся по струнке. Гитлер приказал ему подавить восстание и подчиняться только командам Геббельса, Гиммлера, который был только что назначен командующим армией подготовки пополнений и летел в Берлин, а также генерала Рейнеке, который случайно оказался в столице и получил приказ взять на себя командование всеми войсками города. Кроме того, фюрер тотчас произвел майора в полковники.

Для Ремера этого было вполне достаточно. Он получил приказ свыше и со всем рвением, которого так не доставало на Бендлер-штрассе, приступил к его выполнению. Он отвел свой батальон с Вильгельмштрассе, захватил комендатуру на Унтер-ден-Линден, выслал патрули остановить любые другие части, которые могли двигаться в город, а сам взялся за поиски штаба заговора с тем, чтобы арестовать его главарей.

Почему восставшие генералы и полковники доверили такую ключевую роль Ремеру, почему не заменили его в последний момент офицером, который мог бы стать душой заговора, почему не послали надежного офицера вместе с батальоном охраны следить за тем, как Ремер выполняет их приказы, — вот некоторые из многих загадок 20 июля. И далее, почему Геббельс, самый высокопоставленный и наиболее опасный нацистский главарь из всех находившихся в Берлине, не был немедленно арестован? Двух полицейских графа фон Хельдорфа с лихвой хватило бы сделать это за две минуты, поскольку министерство пропаганды вообще не охранялось. И почему затем заговорщики не захватили штаб гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе и не только не пресекли деятельность тайной полиции, но и не освободили своих же сподвижников, включая Лебера, находившихся там в заключении? Штаб гестапо практически не охранялся,

как и центральное управление РСХА — мозговой центр СД и СС, который, естественно, следовало бы захватить в первую очередь. Ответить на эти вопросы невозможно.

В штабе на Бендлерштрассе в течение некоторого времени не знали о внезапном переходе Ремера на сторону нацистов. Судя по всему, лишь очень немногое из того, что происходило в Берлине, становилось там известно, да и то слишком поздно. И даже сегодня трудно установить почему. Показания свидетелей полны противоречий. Где были танки? Где находились войска из близлежащих гарнизонов?

Вскоре после 6. 30 вечера радиостанцией "Германия", оснащенной таким мощным передатчиком, что его сигналы можно было принимать по всей Европе, было передано краткое сообщение, в котором говорилось, что имела место попытка покушения на фюрера с целью его убийства, однако она провалилась. Известие обрушилось на измученных заговорщиков на Бендлерштрассе как гром среди ясного неба, одновременно прозвучав предостережением, что воинское подразделение, посланное занять радиостанцию, не выполнило свою задачу. Оказалось, что Геббельс успел передать по телефону, пока ждал Ремера, текст сообщения на радиостанцию. Без четверти семь Штауфенберг передал по телетайпу командующим войсками, что объявление по радио не соответствует действительности и что Гитлер убит. Но ущерб, нанесенный путчистами этим объявлением, оказался непоправимым. Командующие войсками в Праге и Вене, которые отправились было арестовывать руководство СС и нацистской партии на местах, начали отводить свои части назад. Затем, в 20. 20, Кейтель сумел передать по армейскому телетайпу во все штабы сухопутных войск распоряжение ставки фюрера о назначении Гиммлера командующим армией резерва и о том, что отныне надлежит исполнять приказы, отданные только им. Кейтель добавил: "Любые приказы, отданные от имени Фромма, Вицлебена и Гепнера, недействительны". Объявление, переданное радиостанцией "Германия", о том, что Гитлер жив, а также грозный приказ Кейтеля подчиняться лишь его приказам, а не приказам заговорщиков оказали, как мы увидим, решающее воздействие на фельдмаршала фон Клюге, который, находясь во Франции, уже готов был связать свою судьбу с заговором {Существуют противоречивые свидетельства, почему не была захвачена берлинская радиостанция. Согласно одному из них, эта задача была возложена на пехотное училище в Деберице, в частности на начальника училища генерала Хицфельда, участника заговора. Но заговорщики не предупредили Хицфельда, что выступление назначено на 20 июля, и он уехал в Баден на похороны

родственника. Его заместитель, полковник Мюллер, также отлучился по делам службы. Когда наконец в 8 вечера Мюллер возвратился, он обнаружил, что его лучший батальон привлечен на ночные учения. Около полуночи он добился его возвращения, однако было уже слишком поздно. Согласно другой версии, некто майор Якоб сумел окружить радиостанцию силами пехотного училища, но не смог получить от Ольбрихта четких указаний относительно дальнейших действий. Когда Геббельс передал по телефону текст первого сообщения, Якоб не помешал его выходу в эфир. Позднее майор утверждал, что, если бы Ольбрихт дал ему соответствующие указания, заговорщики отобрали бы немецкие радиовещательные станции у нацистов. Первая версия приведена Эберхардом Целлером (Призрак свободы, с. 267–269), наиболее авторитетным исследователем заговора 20 июля. Вторую излагают Уиллер-Беннет (Немезида, с. 654–655) и Рудольф Заммер (Геббельс: второй после Гитлера, с. 138). Оба утверждают, что вышесказанное сообщил им майор Якоб. — Прим. авт. }.

Даже танки, на которые так рассчитывали заговорщики, не прибыли. Можно было предположить, что Гепнер, известный генерал танковых войск, обеспечит участие танков, но у него не дошли до этого руки. Начальник танкового училища в Крампнице полковник Вольфганг Глесемер, откуда должны были подойти танки, получил от заговорщиков приказ начать выдвижение танков к городу, а самому прибыть на Бендлерштрассе для получения дальнейших указаний. Но полковник не захотел участвовать в военном путче против нацистов. И тогда Ольбрихт, потеряв надежду уговорить его, был вынужден запереть полковника в здании. Однако Глесемер сумел шепотом передать через своего остававшегося на свободе адъютанта сообщение в штаб инспекции танковых войск в Берлине, которому подчинялись танковые части, о том, что произошло, и проследить за тем, чтобы исполнялись приказы, исходящие только от инспекции. В результате в распоряжении заговорщиков не оказалось танков, так остро необходимых им и уже отчасти достигших центра города — Колонны победы у Тиргартена.

В конце концов полковнику Глесемеру удалось бежать из заключения, прибегнув к хитростям. Заявив часовым, что готов подчиниться приказам Ольбрихта и командовать танками, он незаметно выскользнул из здания. Вскоре танки были выведены из города.

Полковник танковых войск не был единственным офицером, которому удалось бежать из импровизированного места заключения, куда направлялись те, кто не хотел присоединиться к заговорщикам, что также

способствовало быстрому подавлению заговора.

Когда около 8 часов вечера, играя жезлом, в штаб заговорщиков прибыл наконец в полной военной форме фельдмаршал фон Вицлебен, чтобы приступить к исполнению обязанностей нового главнокомандующего вермахта, он, очевидно, сразу понял, что путч провалился, и обрушился на Бека и Штауфенберга за то, что они загубили все дело. На суде он заявил: у него не осталось сомнений в провале заговора, как только он узнал, что даже радиостанция не захвачена. Но и сам он ничего не предпринял в тот момент, когда своей властью фельдмаршала мог объединить командиров частей и командующих войсками в Берлине и за рубежом. Через сорок пять минут он покинул здание на Бендлерштрассе, не считая себя более участником заговора. Уже не сомневаясь в окончательном провале заговора, он направился на своем "мерседесе" в Цоссен, где незадолго до этого потратил впустую семь решающих для судеб заговора часов, сообщил генерал-квартирмейстеру Вагнеру, что восстание потерпело неудачу, и выехал в собственное имение, расположенное в 30 милях оттуда, где на следующий день его арестовал знакомый генерал по имени Линнерц.

И вот пришло время поднять занавес перед последним актом.

Вскоре после 9 вечера и без того обескураженные заговорщики буквально онемели, когда по всегерманскому радио объявили, что с обращением к немецкому народу выступит сам фюрер. Еще через несколько минут стало известно, что комендант Берлина генерал Хазе, толкнувший майора, а теперь уже полковника Ремера на ложный путь, арестован и командование всеми войсками в Берлине принял на себя нацистский генерал Рейнеке, который при поддержке частей СС готовится штурмовать Бендлерштрассе.

Служба СС пришла наконец в себя, главным образом благодаря Отто Скорцени. Этот нестигаемый эсэсовец однажды уже проявил отвагу, вызволив из плена Муссолини. Ничего не зная о происходящих в этот день событиях, Скорцени в 6 вечера выехал ночным экспрессом в Вену, но был вынужден по указанию генерала СС Шелленберга, второго человека в руководстве СД, сойти в пригороде Лихтерфельд. Прибыв в штаб СД, Скорцени обнаружил, что он не охраняется, а его руководители прямо-таки в истерическом состоянии. Будучи по натуре человеком весьма хладнокровным, прирожденным организатором, он быстро собрал вокруг себя вооруженных эсэсовцев и взялся за дело. Именно он был первым, кому удалось убедить подразделения танкового училища оставаться верными Гитлеру.

Энергичные контрмеры, предпринятые в Растенбурге, находчивость Геббельса, сумевшего привлечь на свою сторону Ремера, использование радиовещания, восстановление боеспособности СС в Берлине и невероятная неразбериха в рядах заговорщиков на Бендлерштрассе и их бездействие заставили многих армейских офицеров, почти решившихся связать свою судьбу с заговорщиками, а то и решившихся, передумать. Одним из них был генерал Отто Херфурт (начальник штаба арестованного Корцфляйша), который сначала сотрудничал с Бендлерштрассе и пытался собрать войска, однако, увидев, как развиваются события, перешел на другую сторону и около 9. 30 позвонил в ставку Гитлера, сообщив, что подавляет военный путч {Предательство не спасло его от ареста за соучастие в заговоре и виселицы. — Прим. авт. }.

Генерал Фромм, который отказался присоединиться к заговору, тем самым поставив под угрозу его исход, вдруг взялся за дело. Вечером, просидев под арестом в кабинете своего адъютанта около четырех часов, он попросил разрешения уйти в свой кабинет, расположенный этажом ниже. Он дал честное слово офицера, что не предпримет попытки бежать или установить контакт с внешним миром. Генерал Гепнер согласился. Более того, поскольку Фромм пожаловался, что он не только голоден, но и хочет пить, Гепнер послал ему бутербродов и бутылку вина. Несколько раньше прибыли три генерала из штаба Фромма, которые также отказались примкнуть к восстанию и потребовали провести их к своему начальнику. Кажется невероятным, но их проводили к нему в кабинет, хотя и под конвоем. Не успели они войти, как Фромм сообщил им о редко используемом запасном выходе, через который генералы могут бежать. Нарушив слово, данное Гепнеру, он приказал генералам организовать помощь, взять штурмом здание, освободить его и подавить мятеж. Генералы незаметно ускользнули.

Тем временем младшие офицеры из штаба Ольбрихта, которые либо примкнули к заговорщикам, либо, находясь поблизости от штаба на Бендлерштрассе, выжидали, как будут развиваться события, начали осознавать, что выступление терпит неудачу. Они хорошо понимали, как позднее признался один из них, что всех их перевешают как изменников, если переворот потерпит неудачу и если они вовремя не выступят против него. Один из них, подполковник Франц Гербер, бывший офицер полиции и убежденный нацист, раздобыл несколько автоматов и патроны к ним из арсенала в Шпандау. Около 10. 30 эти офицеры пришли в кабинет к Ольбрихту и потребовали объяснить им, чего, собственно, он и его друзья добиваются. Генерал объяснил, и они молча удалились.

Однако минут через двадцать они возвратились во главе с Гербером и подполковником Бодо фон дер Хайде и, размахивая оружием, потребовали от Ольбрихта новых объяснений. На шум заглянул Штауфенберг, и его тут же задержали. Когда он, отодвинув засов, сумел вырваться и бросился бежать по коридору, в него выстрелили и ранили в единственную руку. Контрзаговорщики открыли беспорядочную стрельбу, никого, правда, не задев, кроме Штауфенберга. Затем принялись прочесывать помещения в крыле здания, где сосредоточился штаб заговорщиков, и сгонять их в одно место. В бывший кабинет Фромма они привели Бека, Гепнера, Ольбрихта, Штауфенберга, Хефтена и Мерца. А вскоре там появился и сам Фромм, размахивая пистолетом.

"Итак, господа, — сказал он, — теперь я стану обращаться с вами так, как вы обращались со мной". Но повел он себя по-иному.

"Сдать оружие! " — скомандовал он и объявил тем, кто еще недавно держал его под арестом, что они арестованы. "Вы не посмеете требовать этого от меня, вашего бывшего начальника, — спокойно сказал Бек, доставая свой пистолет. — Я сам сделаю выводы из этой тяжелой ситуации". "Хорошо, только направляйте его на себя", — предупредил Фромм. Однако у блестяще воспитанного бывшего начальника генерального штаба в момент самого тяжелого в его жизни испытания не хватило воли, что сразу уронило его в глазах офицеров. "Я вспоминаю сейчас былые дни... " — начал было он, но Фромм резко оборвал его: "У нас нет времени выслушивать всякую чушь. Я прошу вас перестать болтать и сделать что-нибудь".

Бек так и поступил. Он нажал на курок, но пуля лишь поцарапала ему голову. Он тяжело опустился в кресло. Царапина слегка кровоточила. "Помогите пожилому человеку", — приказал Фромм двум молодым офицерам, но, когда они попытались отобрать пистолет, Бек воспротивился, попросив предоставить ему еще одну возможность. Фромм кивнул в знак согласия.

Затем он повернулся к остальным заговорщикам: "А вам, господа, если вы хотите что-нибудь написать, я даю еще несколько минут". Ольбрихт и Гепнер попросили бумаги и присели, чтобы написать своим женам короткие прощальные письма. Штауфенберг, Мерц, Хефтен и другие продолжали стоять молча. Фромм вышел из комнаты.

Он принял решение уничтожить этих людей и тем самым замести следы. Хотя он и отказался играть активную роль в заговоре, однако знал о его существовании, не один месяц укрывал убийц и никому не сообщал об их замыслах. Теперь же ему хотелось выслужиться, предстать перед

Гитлером человеком, подавившим мятеж. Одного лишь не понимал Фромм — в глазах нацистских бандитов его решение было слишком запоздалым.

Он вернулся минут через пять и объявил от имени фюрера, что на заседании "трибунала" (доказательств, подтверждающих его проведение, нет) вынесены смертные приговоры четверем офицерам: полковнику генерального штаба Мерцу, генералу Ольбрихту, полковнику, имя которого он отныне не желает произносить (Штауфенбер-гу), и лейтенанту (Хефтену).

Два генерала — Ольбрихт и Гепнер все еще писали письма женам. Генерал Бек полулежал в кресле, лицо его было запачкано кровью, сочившейся из царапины, четыре офицера, приговоренные к смерти, стояли навытяжку.

"Итак, господа, — обратился Фромм к Ольбрихту и Гепнеру, — вы готовы? Я вынужден просить вас поторопиться, чтобы не осложнять положение остальных".

Гепнер закончил письмо и положил его на стол. Ольбрихт попросил конверт, вложил в него письмо и заклеил. Бек, пришедший наконец в себя, попросил другой пистолет. Рукав кителя Штауфенберга пропитался кровью. Его и его троих осужденных товарищей вывели наружу. Фромм приказал Гепнеру следовать за ними.

Внизу, во дворе, при тусклом свете затемненных фар армейского автомобиля четырех офицеров торопливо расстрелял взвод охраны. Очевидцы свидетельствуют, что все это происходило в суете, под крики охранников, спешивших укрыться от ожидавшегося воздушного налета, — английские самолеты бомбили в это лето Берлин почти каждую ночь. Перед смертью Штауфенберг крикнул: "Да здравствует священная Германия! "

Тем временем Фромм предложил генералу Гепнеру нечто вроде выбора. Три недели спустя Гепнер, над которым уже нависла тень виселицы, упомянул о нем перед Народным судом.

"Признаться, Гепнер, — сказал мне тогда Фромм, — все это причиняет мне боль. Мы были друзьями, как ты помнишь. Ты ввязался в это дело и должен отвечать за последствия. Ты готов последовать примеру Бека? Иначе я буду вынужден сейчас же арестовать тебя". Гепнер ответил, что он "не считает себя настолько виновным" и надеется оправдаться. "Понимаю", — ответил Фромм, пожимая ему руку. Гепнера отвезли в военную тюрьму в Моабите.

Когда его уводили, он слышал сквозь дверь, ведущую в другую комнату, утомленный голос Бека: "Если не получится и на этот раз, прошу

вас помочь мне". Затем раздался выстрел из пистолета. Вторая попытка Бека застрелиться также не удалась. Фромм просунул голову в дверь и еще раз сказал офицеру: "Помогите пожилому человеку". Этот неизвестный офицер отказался нанести "удар милосердия", перепоручив потерявшего сознание от второго выстрела Бека сержанту, который оттащил его в сторону и прикончил выстрелом в шею.

Часы показывали за полночь. Единственный серьезно подготовленный мятеж, поднятый против Гитлера за одиннадцать с половиной лет существования третьего рейха, был подавлен за одиннадцать с половиной часов. Скорцени прибыл на Бендлерштрассе с бандой вооруженных эсэсовцев и прекратил дальнейшие экзекуции. Будучи полицейским, он хорошо понимал, что нельзя убивать тех, кто под пыткой может дать много ценных сведений о масштабах заговора. Поэтому, распорядившись надеть наручники на остальных заговорщиков, он отправил их в тюрьму гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе и поручил сыщикам собрать все обличительные документы, уничтожить которые у заговорщиков не хватило времени. Гиммлер, который прибыл в Берлин несколько раньше и временно развернул свой штаб в министерстве Геббельса, охраняемом частью батальона Ремера, связался по телефону с Гитлером и сообщил ему, что мятеж подавлен. Тем временем по Восточной Пруссии из Кенигсберга в Растенбург мчался автомобиль с радиостанцией, чтобы дать Гитлеру возможность выступить по радио с обращением, о котором радиостанция "Германия" предупреждала каждые несколько минут начиная с 9 часов.

Наконец около часа ночи хриплый голос Адольфа Гитлера разорвал тишину летней ночи.

"Мои немецкие товарищи! Я выступаю перед вами сегодня, во-первых, чтобы вы могли услышать мой голос и убедиться, что я жив и здоров, и, во-вторых, чтобы вы могли узнать о преступлении, беспрецедентном в истории Германии.

Совсем незначительная группа честолюбивых, безответственных и в то же время жестоких и глупых офицеров состряпали заговор, чтобы уничтожить меня и вместе со мной штаб верховного главнокомандования вермахта.

Бомба, подложенная полковником графом фон Штауфенбергом, взорвалась в двух метрах справа от меня. Взрывом были серьезно ранены мои верные и преданные сподвижники, один из которых погиб. Сам я остался совершенно невредим, если не считать нескольких незначительных царапин, ожогов и ссадин. Я рассматриваю это как подтверждение миссии, возложенной на меня провидением...

Круг этих узурпаторов очень узок и не имеет ничего общего с духом германского вермахта и прежде всего германского народа. Это банда преступных элементов, которые будут безжалостно уничтожены.

Поэтому сейчас я отдал распоряжение, чтобы ни одно военное учреждение... не подчинялось приказам, исходящим от этой шайки узурпаторов. Я приказываю также считать долгом арест каждого, кто отдает или исполняет такие приказы, а если он оказывает сопротивление, расстреливать его на месте...

На этот раз мы сведем с ними счеты так, как это свойственно нам, национал-социалистам".

Кровавая месть

И на этот раз Гитлер сдержал слово.

Жестокость нацистов по отношению к своим же согражданам достигла апогея. По Германии, в тылу и на фронтах, прокатилась волна арестов, за которой последовали ужасающие пытки, военно-полевые суды и громкие процессы. Приговоры приводились в исполнение по большей части путем медленного удушения жертв рояльными струнами, перекинутыми через крюки для подвески мясных туш. Крюки же брали напрокат в мясных лавках и на скотобойнях. Родственников и друзей обвиняемых тысячами отправляли в концлагеря, где многие из них погибли. С теми немногими, кто приютил у себя скрывавшихся, расправились таким же образом.

Гитлер, одержимый нечеловеческой злобой, неутолимой жаждой мести, подхлестывал Гиммлера и Кальтенбруннера с еще большим рвением заниматься каждым обнаруженным заговорщиком, посмевающим пойти против него. Он сам разработал процедуру казни. "На этот раз, — бесновался он на одном из первых совещаний после взрыва в Растенбурге, — преступников ждет короткая расправа. Никаких трибуналов. Мы предадим их Народному суду. И не позволим им произносить длинных речей. Суд будет действовать с молниеносной быстротой. И через два часа после приговора он будет приведен в исполнение... Через повешение... Беспощадно... "

Эти инструкции сверху исполнялись скрупулезно. Исполнял их председатель Народного суда Рональд Фрейслер, отвратительный злобный маньяк, который, оказавшись в первую мировую войну в русском плену, стал фанатичным большевиком, а позднее, вступив в 1924 году в нацистскую партию, таким же фанатичным нацистом. При этом он остался горячим поклонником советского террора. Он специально изучал приемы Андрея Вышинского, главного прокурора на московских процессах тридцатых годов, когда старые большевики и большинство высших

генералов были признаны виновными в измене и уничтожены. "Фрейслер — это наш Вышинский", — воскликнул Гитлер на упомянутом выше совещании.

Первый процесс над заговорщиками 20 июля в Народном суде проходил в Берлине 7 и 8 августа. На скамье подсудимых оказались фельдмаршал фон Вицлебен, генералы Гепнер, Штифф и фон Хазе, а также младшие офицеры Хеген, Клаузинг, Бернардис и граф Петер Йорк фон Вартенбург, работавшие бок о бок со Штауфенбергом. После пыток в подвалах гестапо они были фактически сломлены. Геббельс приказал заснять на кинопленку весь процесс до последней минуты, чтобы показывать кинофильм в назидание военным и гражданскому населению, причем сделать так, чтобы обвиняемые выглядели как можно более ничтожными. Одеты они были в неподдающуюся описанию одежду, в старые шинели и свитера. В зал суда их вводили небритыми, без воротничков и галстуков, в брюках без ремней и подтяжек. Особенно был унижен некогда гордый фельдмаршал Вицлебен, который выглядел окончательно раздавленным беззубым стариком. У него отобрали даже искусственную челюсть. Безжалостно затравленный ядовитыми выпадами главного судьи, фельдмаршал, стоявший за ограждением у скамьи подсудимых, то и дело хватался за брюки, чтобы не дать им упасть.

"Ты, грязный старик, — орал на него Фрейслер, — что это ты постоянно теребишь свои брюки? "

И хотя обвиняемые знали, что судьба их решена, они вели себя мужественно и с достоинством, несмотря на нескончаемые попытки председателя суда Фрейслера унижить и опозорить их. Молодой Петер Йорк, двоюродный брат Штауфенберга, казался, пожалуй, самым смелым, на оскорбительные вопросы он отвечал спокойно, даже не пытаясь скрыть своего презрения к национал-социализму!

— Почему вы не вступили в партию? — спросил Фрейслер.

— Потому что я не являюсь и никогда не смог бы стать нацистом, — ответил граф.

Когда Фрейслер пришел в себя и снова стал требовать ответа на вопрос, Йорк попытался объяснить.

— Господин председатель, я уже заявлял на допросе, что нацистская идеология является таковой, что я... Судья прервал его.

— ... не мог согласиться...

— Вы не согласны с национал-социалистской концепцией справедливости, ну, скажем, относительно истребления евреев?

— Важным фактором, который объединяет все эти вопросы, —

ответил Йорк, — являются тоталитарные требования государства по отношению к человеку, что вынуждает его пренебрегать своими моральными и религиозными обязанностями перед богом.

— Ерунда! — выкрикнул Фрейслер, оборвав молодого человека, ведь подобные разговоры могли испортить фильм д-ра Геббельса и рассердить фюрера, который запретил обвиняемым произносить длинные речи.

Назначенные судом защитники играли еще более незавидную роль. Когда читаешь протоколы суда, убеждаешься, что их трусость почти невероятна. Так, например, защитник Вицлебена, некий д-р Вайсман, превзошел государственного прокурора и почти сравнялся с Фрейслером в нападках на своего подзащитного, именуя его убийцей, объявляя полностью виновным и заслуживающим самого тяжкого наказания.

Это наказание было определено 8 августа, как только закончился суд. "Всех повесить как скот", — приказал Гитлер, и этот приказ был исполнен. В тюрьме Плетцензе восьмерых осужденных загнали в небольшое помещение, где с потолка свисало восемь крюков. Одного за другим, раздетых по пояс, их вздергивали вверх, накинув на шею петлю из рояльной струны, перекинутую через крюк. Непрерывно трещала кинокамера, снимая, как осужденные поначалу свободно свисали в петле, а затем, по мере того как петля затягивалась, начинали хватать ртом воздух, как с них сползали и падали на пол брюки, как они бились в предсмертной агонии и наконец затихали.

Срочно проявленный фильм согласно приказу немедленно направляли Гитлеру, чтобы он мог увидеть его в тот же вечер, как и кинокадры, сделанные во время суда. Говорят, что Геббельс, боясь упасть в обморок, закрывал глаза обеими руками {Союзникам удалось обнаружить фильм об этом процессе и показать в Нюрнберге, где его видел и автор. Однако фильма о казнях обнаружить не удалось. Вероятно, он был уничтожен по приказу Гитлера. По свидетельству Аллена Даллеса, эти два фильма были скомпонованы Геббельсом и демонстрировались в некоторых армейских аудиториях в качестве назидания. Но солдаты отказывались его смотреть, и вскоре показ прекратили (Даллес А. Подполье Германии, с 83) — Прим. авт. }.

Все лето, осень и зиму наступившего 1945 года шли заседания Народного суда, наводя ужас на немцев. Нацистские судьи творили скорый страшный суд, штампуя смертные приговоры, пока наконец утром 3 февраля 1945 года американская бомба не поразила прямым попаданием здание суда, убив главного судью Фрейслера и уничтожив судебные дела оставшихся в живых обвиняемых. Произошло это в тот момент, когда в

зал вводили Шлабрендорфа. И он чудом остался жив — один из немногих, кому улыбнулась судьба и кого впоследствии вырвали из лап гестапо американские войска.

Теперь проследим судьбу остальных.

Герделер, которого намечали в канцлеры при новом режиме, скрылся за три дня до 20 июля, после того как его предупредили, что в гестапо заготовлен ордер на его арест. В течение трех недель он скрывался то в Берлине, то в Потсдаме, то в Восточной Пруссии, редко проводя две ночи кряду в одном и том же месте. Он находил убежище у друзей и родных, которые рисковали жизнью, пряча его, тем более что за его голову Гитлер установил награду в один миллион марок. Утром 12 августа, измученный и голодный, после нескольких дней скитаний по Восточной Пруссии он, с трудом переставляя ноги, зашел в небольшую деревенскую гостиницу в Кон-радсвальде, близ Мариенвердера. Ожидая завтрака, он заметил, что за ним пристально и с подозрением наблюдает женщина в форме вспомогательной службы люфтваффе. Он быстро вышел на улицу и бросился в близлежащий лес. Но было слишком поздно. Женщина, некая Елена Шварцель, оказалась давней знакомой семьи Герделеров. Она сразу узнала его и по секрету сообщила об этом двум летчикам, сидевшим с ней за столом. Герделера вскоре настигли.

8 сентября 1944 года Народный суд приговорил его к смертной казни, однако приговор был приведен в исполнение лишь 2 февраля следующего года. Вместе с ним был казнен и Попитц {Одновременно был казнен и отец Альфред Делп, иезуит из кружка Крейсау Через несколько дней был повешен брат Герделера — Фриц Графа фон Мольтке, главу кружка Крейсау, казнили 23 января 1945 года, хотя он не участвовал в заговоре Троттцу Зольц, ведущая фигура в кружке и в заговоре, был повешен 25 августа 1944 года — Прим. авт. }. Гиммлер отсрочил казнь, очевидно, потому, что считал: контакты этих двух людей, особенно Герделера, с западными союзниками через Швецию и Швейцарию могут оказаться полезными, если он примет бразды правления тонущим государственным кораблем, о чем он начал помышлять в это время.

Графа Фридриха Вернера фон Шуленбурга, бывшего посла в Москве, и Хасселя, бывшего посла в Риме, которые должны были взять на себя руководство внешней политикой при новом антинацистском режиме, казнили соответственно 10 ноября и 8 сентября. Граф Фриц фон Шуленбург окончил жизнь на виселице 10 августа. Генерал Фельгибель, начальник связи при ставке ОКБ, чью роль в Растен-бурге 20 июля мы уже рассмотрели, был казнен в тот же день.

Список казненных нескончаемо длинен. Согласно одному из источников, он насчитывал 4980 имен. По данным гестапо, было произведено 7000 арестов. Из числа руководителей Сопротивления, упомянутых в этой книге, были казнены генерал Фриц Линдемманн, полковник Безелагер, пастор Дитрих Бонхеффер, полковник Георг Хансен из абвера, граф фон Хельдорф, полковник фон Хофакер, д-р Иенс Петер Иессен, Отто Кип, д-р Карл Лангбен, Юлиус Лебер, майор фон Леонрод, Вильгельм Лойшнер, Артур Небе, шеф криминальной полиции, профессор Адольф Рейхвейн, граф Бертольд фон Штауфенберг, брат Клауса, генерал Тиле, начальник связи штаба сухопутных войск, и генерал фон Тюнген, назначенный Беком вместо генерала фон Корцфляйша в день путча.

Двадцать осужденных, жизнь которым продлил Гиммлер, очевидно, считая, что они могут оказаться ему полезны, если он возьмет власть в свои руки и будет вынужден заключить мир, расстреляли в ночь на 23 апреля, когда русские уже вели бои за центр столицы. Узников вели строем из тюрьмы на Лертерштрассе в застенки гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе, и немалому числу арестованных удалось бежать, воспользовавшись темнотой, но затем они встретили отряд СС. Поставив арестованных к стенке, эсэсовцы их расстреляли. Только двум удалось бежать и позднее рассказать о свершившейся трагедии. Среди погибших же оказались граф Альбрехт Хаусхофер, близкий друг Гесса и сын известного геополитика. Его отец покончил с собой вскоре после гибели сына.

Генералу Фромму не удалось избежать казни, несмотря на его поведение в тот роковой вечер 20 июля. Арестованный на следующий день по приказу Гиммлера, который сменил его на посту командующего армией резерва, он был доставлен в Народный суд в феврале 1945 года по обвинению в трусости и приговорен к смертной казни {"Приговор сильно подействовал на него, — вспоминал позднее Шлабрендорф, который общался с Фроммом, пока они находились в тюрьме гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе. — Он никак этого не ожидал" (Шлабрендорф Ф. Они чуть не убили Гитлера, с. 121). — Прим. авт. }. Пожалуй, в порядке признания его незначительных услуг в деле спасения нацистского режима его не вздернули на крюке для подвески, мясных туш, как тех, кого арестовал он в ночь на 20 июля, а просто расстреляли 19 марта 1945 года.

Тайна, окружавшая жизнь адмирала Канариса, смещенного главы абвера, который так много сделал для заговорщиков, но не был напрямую замешан в событиях 20 июля, на долгие годы скрыла и обстоятельства его смерти. Известно, что после покушения на Гитлера его арестовали. Однако Кейтель сделал для него одно из немногих в своей жизни добрых дел — во

время пребывания в ставке он сумел предотвратить его передачу в руки Народного суда. Разгневанный отсрочкой Гитлер приказал судить Канариса специальным судом СС. Но и этот процесс не раз откладывался. Лишь 9 апреля 1945 года, менее чем за месяц до окончания войны, Канарис, его бывший помощник полковник Остер и еще четверо заключенных предстали перед судом в концлагере Флоссенбург и были приговорены к смерти. Однако точных данных о казни Канариса не было. Потребовалось десять лет, чтобы раскрыть его тайну. В 1955 году участвовавший в процессе над Канарисом судья из гестапо сам предстал перед судом. Многие свидетели показали на нем, что Канарис был повешен 9 апреля 1945 года. Один из свидетелей, датский полковник Лундинг, сообщил, что видел, как обнаженного Канариса волокли из камеры на виселицу. Остер был казнен в тот же день. Некоторой части арестованных удалось избежать суда и в конце концов дожидаться освобождения наступавшими войсками союзников. Среди них были генерал Гальдер и д-р Шахт, которые не принимали участия в заговоре 20 июля, хотя на суде в Нюрнберге Шахт заявил, что был "посвящен в тайну". Гальдер провел несколько месяцев в одиночной камере — совершенно темном подвале. Эти двое, а также высокопоставленные лица, немцы и иностранцы, включая Шушнига, Леона Блюма, Шлабрендорфа и генерала Фалькенгаузена, были освобождены 4 мая 1945 года американскими войсками в местечке Нидердорф, в Южном Тироле, как раз в тот момент, когда гестаповская охрана приготовилась их всех уничтожить. Несколько позднее Фалькенгаузен попал под суд в Бельгии как военный преступник. 9 мая 1951 года после четырех лет пребывания в тюрьме в ожидании суда его приговорили к 12 годам каторжных работ, однако через две недели освободили и он возвратился в Германию.

Многие из армейских офицеров, замешанных в заговоре, предпочли самоубийство "милосердию" Народного суда. Утром 21 июля генерал Хеннинг фон Тресков, душа заговора среди офицерства Восточного фронта, простился со своим другом и помощником Шлабрендорфом, который запомнил его последние слова:

"Теперь все набросятся на нас и будут поливать грязью. Но мои убеждения незыблемы: мы поступили правильно. Гитлер не только заклятый враг Германии, он — заклятый враг всего человечества. Через несколько часов я предстану перед богом, держа ответ за свои действия и упущения. Думаю, что смогу с чистой совестью оправдать все, что я сделал в борьбе против Гитлера...

Каждый, кто присоединялся к движению Сопротивления, надевал на

себя тунику Несса, этот смертоносный дар. Человек чего-нибудь стоит лишь тогда, когда готов пожертвовать жизнью за свои убеждения".

В то утро Тресков выехал в 28-ю пехотную дивизию, прополз на нейтральную полосу и выдернул предохранительную чеку из ручной гранаты. Взрывом ему оторвало голову.

Спустя пять дней свел счеты с жизнью генерал-квартирмейстер сухопутных войск Вагнер.

Среди высокопоставленных военачальников на Западном фронте покончили с собой два фельдмаршала и один генерал. Как известно, в Париже восстание взяло хороший старт, когда генерал Генрих фон Штюльпнагель, военный губернатор Франции, арестовал весь состав СС и СД гестапо. С этого момента все зависело от фельдмаршала фон Клюге, нового главнокомандующего Западным фронтом, которого в течение двух лет обрабатывал на русском фронте Тресков, пытаясь сделать активным заговорщиком. Хотя Клюге постоянно менял свое решение, он в конечном счете согласился или почти согласился, как считали заговорщики, поддержать заговор, как только будет убит Гитлер.

В тот вечер, 20 июня, в Ла-Рош-Гуйон, в штабе группы армий "Б", командование которой после ранения Роммеля Клюге также принял на себя, состоялось роковое совещание за обеденным столом. Клюге хотелось обсудить противоречивые сообщения относительно того, жив или убит Гитлер. Присутствовали его главные советники — начальник штаба генерал Гюнтер Блюментрит, начальник штаба группы армий "Б" генерал Шпейдель, генерал Штюльпнагель и полковник Хофакер. Последнему в тот день уже звонил Штауфенберг, чтобы проинформировать о ходе мятежа в Берлине. Когда офицеры собрались на обед, по крайней мере некоторым показалось, что осторожный фельдмаршал наконец-то решится связать свою судьбу с заговором. Бек дозвонился до него перед обедом и настоятельно просил поддержать выступление независимо от того, убит Гитлер или Нет. После этого поступил приказ, подписанный фельдмаршалом фон Вицлебенем. На Клюге это произвело сильное впечатление.

Тем не менее ему хотелось иметь дополнительную информацию об обстановке, и она, к несчастью для заговорщиков, поступила от генерала Штиффа, который утром ездил вместе со Штауфенбергом в Растенбург и видел взрыв. Он подтвердил, что Гитлер остался жив, а сейчас пытался скрыть происшедшее. Блюментрит связался с ним по телефону, и Штифф рассказал ему всю правду о том, что произошло, а точнее, не произошло.

"Значит, попытка не удалась", — сказал Клюге Блюментриту. Он,

казалось, был искренне разочарован, поскольку тут же добавил, что, удайся она, он не стал бы терять времени, немедленно связался бы с Эйзенхауэром и попросил о перемирии.

За обедом, проходившем будто во сне, как позднее вспоминал Шпейдель, им казалось, "что они сидят в доме, куда пришла смерть". Клюге слушал горячие призывы Штюльпнагеля и Хофакера продолжать восстание даже в том случае, если Гитлер уцелел. Блюментрит описал, что последовало дальше:

"Когда они закончили, Клюге заметил с явным разочарованием: "Итак, господа, покушение провалилось. Все кончено". Штюльпнагель воскликнул: "Фельдмаршал, я думаю вам известны наши планы. Надо что-то делать".

Клюге отрицал, что посвящен в какие-либо планы. Приказав Штюльпнагелю освободить арестованных из частей СС и СД в Париже, он посоветовал ему: "Самое лучшее, что вы можете сделать, — это переодеться в гражданскую одежду и скрыться".

Но для гордого генерала Штюльпнагеля такой выход был неприемлем. После трудно объяснимой ночной попойки в парижском отеле "Рафаэль", где рекой лилось шампанское и где освобожденные офицеры СС и СД во главе с генералом Обергом братались с армейскими офицерами, которые только что держали их под арестом и, скорее всего, расстреляли бы, увенчавшись заговором успехом, Штюльпнагель, получивший приказ явиться в Берлин, выехал на автомобиле в Германию. В Вердене, где в первую мировую войну он командовал батальоном, сделал остановку, чтобы взглянуть на знаменитое поле боя, а также исполнить принятое решение. Его водитель и солдат охраны услышали пистолетный выстрел. Они обнаружили генерала в канале, откуда он пытался выбраться. Пулей был выбит глаз и так серьезно поврежден другой, что его пришлось удалить в верденском военном госпитале, куда его срочно доставили.

Но это не спасло Штюльпнагеля от ужасной смерти. Слепой и беспомощный, он был доставлен по срочному приказу Гитлера в Берлин, в Народный суд, где его, лежащего на носилках, всячески поносил Фрейслер. 30 августа его повесили в тюрьме Плетцензе.

Решительный отказ фельдмаршала Клюге присоединиться к мятежу не спас его, как не спас он и Фромма, который подобным же образом вел себя в Берлине. "Судьба, — как вскользь высказался об этом нерешительном генерале Шпейдель, — не щадит того, чьи убеждения не подкреплены готовностью стоять за них до конца". Есть свидетельства, что полковник фон Хофакер под ужасными пытками — его казнили только 20 декабря —

назвал в числе участников заговора Клюге, Роммеля и Шпейделя. Блюментрит свидетельствовал: Оберг информировал, что Хофакер упомянул Клюге на первых же допросах и что, узнав об этом, фельдмаршал "выглядел день ото дня все более озабоченным".

Сообщения с фронта отнюдь не способствовали поднятию его духа. 26 июля американские войска под командованием генерала Брэдли прорвали немецкий фронт у Сен-Ло. Через четыре дня недавно сформированная 3-я армия генерала Паттона, устремившись в прорыв, достигла Авранша и открыла путь на юг — в Бретань и к Луаре. В наступлении союзников это стало поворотным моментом и имело далеко идущие последствия. 30 июля Клюге предупредил ставку Гитлера: "Весь Западный фронт взломан... Левый фланг рухнул". К середине августа все, что еще оставалось от немецких армий в Нормандии, оказалось зажато в узком кольце вокруг Фалеза, после чего Гитлер приказал прекратить дальнейшее отступление. К этому времени фюреру уже порядком надоел Клюге, которого он обвинял в поражении на Западе и подозревал в намерении сдаться союзникам вместе с находившимися в его подчинении войсками.

17 августа в штаб Клюге прибыл фельдмаршал Вальтер Модель, с тем чтобы сменить его. Само внезапное появление Моделя было для Клюге первым признаком готовящегося отстранения. Одновременно Гитлер потребовал от него сообщать о своем местонахождении в Германии. Это означало, что он, Клюге, находится под подозрением в связи с мятежом 20 июля. На следующий день фельдмаршал написал длинное письмо Гитлеру и отправился на машине домой. Около Метца он принял яд.

Его прощальное письмо Гитлеру было обнаружено в захваченных немецких военных архивах:

"Когда Вы получите эти строки, меня уже не будет в живых... Жизнь потеряла для меня всякий смысл... И Роммель, и я предвидели сложившуюся сейчас обстановку... К нам не прислушались...

Я не знаю, сможет ли фельдмаршал Модель, который не раз доказывал свои большие способности, справиться с ситуацией теперь... Однако, если этого не произойдет и новое оружие, на которое Вы возлагаете такие надежды, не обеспечит успеха, тогда, мой фюрер, примите решение закончить войну. Немецкий народ вынес такие несказанные страдания, что пришло время положить конец этому ужасу...

Я всегда восхищался Вашим величием... Если судьба сильнее Вашей воли и Вашего гения, значит, такова воля провидения... Покажите себя столь же великим и в понимании необходимости положить конец безнадежной борьбе, раз уж это стало неизбежно... "

Как показал Йодль на Нюрнбергском процессе, Гитлер прочитал письмо молча и затем передал ему, не сказав ни слова. Через несколько дней, на военном совещании 31 августа, военный диктатор заметил: "Есть серьезные причины полагать, что, не соверши Клюге самоубийства, он непременно был бы арестован". Теперь настала очередь фельдмаршала Роммеля, идола немецких масс.

Лежа без сознания на операционном столе в Вердене, ослепший генерал фон Штюльпнагель случайно назвал имя Роммеля. Позднее полковник фон Хофакер, не выдержав страшных пыток в гестаповских застенках на Принц-Альбрехт-штрассе, рассказал о той роли, которую сыграл Роммель в заговоре. "Передайте товарищам в Берлине, что они могут на меня положиться", — привел Хофакер слова фельдмаршала, который заверил его в своей согласии участвовать в заговоре. Эта фраза засела в сознании Гитлера, и в конечном счете он пришел к решению, что ходивший у него в фаворитах, пользовавшийся в Германии огромной популярностью генерал должен умереть.

Роммель был ранен в голову и получил серьезную травму левого глаза. Во избежание пленения наступающими союзниками из госпиталя в Берне его перевели сначала в Сен-Жермен, а оттуда 8 августа отправили домой в Херрлинген, неподалеку от Ульма. Первым предупреждением о том, что его ожидает, послужил арест его начальника штаба генерала Шпейделя. Произошло это 7 сентября, сразу после того, как тот навестил Роммеля в Херрлингене.

"Этот патологический лжец, — воскликнул Роммель, когда в беседе со Шпейделем упомянул Гитлера, — окончательно сошел с ума. Он обрушивает свой садизм на участников заговора 20 июля, и этим дело не кончится".

Роммель заметил, что его дом взят под наблюдение СД. Когда он вышел на прогулку в близлежащий лес вместе со своим 15-летним сыном, который получил краткосрочный отпуск для ухода за отцом, оба захватили с собой пистолеты. В растенбургской ставке тем временем Гитлер получил копию показаний Хофакера, изобличающих Роммеля, и сразу отдал приказ ликвидировать его, но необычным способом. Фюрер понимал, как объяснял позднее на допросе в Нюрнберге Кейтель, что в Германии разразится страшный скандал, если знаменитый фельдмаршал, самый популярный из всех военачальников, будет арестован и доставлен в Народный суд. Поэтому он договорился с Кейтелем, что Роммелю сообщат об уликах против него и предложат на выбор либо застрелиться, либо предстать перед судом за измену. Если он выберет первое, ему будут организованы

государственные похороны и отданы все воинские почести, а его семью не станут преследовать.

Итак, днем 14 октября 1944 года два генерала из ставки Гитлера подъехали к дому Роммеля, который теперь был постоянно окружен войсками СС, усиленными пятью броневиками. Одним из генералов был Вильгельм Бургдорф, алкоголик, с испитым багровым лицом, соперник Кейтеля в рабологии перед Гитлером, другим — его помощник в управлении кадров вермахта Эрнст Майзель, того же поля ягода. Они заранее предупредили Роммеля, что приедут по поручению Гитлера обсудить "новое назначение".

"По подстрекательству фюрера, — свидетельствовал позднее Кейтель, — я направил Бургдорфа с копией показаний, уличающих Роммеля. Если они верны, пусть он отвечает за последствия. Если же нет — суд его оправдает".

"И вы порекомендовали Бургдорфу прихватить с собой яд, не так ли?" — спросили Кейтеля.

"Да, я порекомендовал Бургдорфу взять с собой яд, чтобы передать его в распоряжение Роммеля, если обстоятельства того потребуют".

Бургдорф и Майзель прибыли, как вскоре выяснилось, отнюдь не для того, чтобы обсуждать новое назначение Роммеля. Они попросили оставить их с фельдмаршалом наедине, и все трое удалились в его кабинет.

"Через несколько минут, — рассказывал позднее Манфред Роммель, — Я услышал, как отец поднялся наверх и вошел в комнату матери". И затем:

"Мы с отцом прошли в мою комнату. "Я только что был вынужден сказать твоей матери, — начал он медленно, — что через четверть часа должен буду умереть... Гитлер обвиняет меня в измене. Учитывая мои заслуги в Африке, мне предлагают отравиться ядом. Два генерала привезли его с собой. Он действует за три секунды. Если я соглашусь, никаких обычных в таких случаях действий не будет предпринято против моей семьи... Мне устроят государственные похороны. Все продумано до мельчайших деталей. Через четверть часа позвонят из госпиталя в Ульме и скажут, что у меня произошел апоплексический удар по пути на совещание".

Фактически произошло следующее.

Роммель надел свою кожаную куртку — форму Африканского корпуса и, сжимая в руке фельдмаршальский жезл, сел в машину рядом с двумя ожидавшими его генералами. Проехав одну-две мили по направлению к городу, автомобиль остановился на краю леса. Здесь генерал Майзель и водитель-эсэсовец вышли, оставив Роммеля и генерала Бургдорфа

беседовать на заднем сиденье. Когда несколько минут спустя они вернулись к машине, Роммель, согнувшись на сиденье, был уже мертв. Бургдорф нетерпеливо ходил взад-вперед, будто опасался, что пропустит обед и дневную выпивку. Через пятнадцать минут после того, как фрау Роммель попрощалась с мужем, раздался телефонный звонок из госпиталя. Главный врач сообщил, что два генерала только что внесли тело фельдмаршала, который скончался от кровоизлияния в мозг, вероятно, в результате прежних ранений черепа. Бургдорф запретил производить вскрытие. "Не прикасайтесь к труп, — рявкнул он. — В Берлине уже все подготовлено".

Так оно и было в действительности.

Фельдмаршал Модель отдал выспренный приказ по войскам, в котором отмечалось, что Роммель скончался от ран, полученных 17 июля, и выражалась скорбь в связи с потерей "одного из величайших полководцев нации".

Гитлер послал фрау Роммель телеграмму: "Примите мое искреннее сочувствие в связи с тяжелой утратой, которую вы понесли, — смертью мужа. Имя фельдмаршала Роммеля навсегда будет связано с героическими сражениями в Северной Африке". Геринг телеграфировал, что выражает ей "молчаливое сострадание".

"Тот факт, что ваш муж умер смертью героя в результате полученных ран, когда появилась была надежда, что он останется с немецким народом, глубоко тронул меня".

Гитлер приказал организовать государственные похороны, на которых старейший генерал немецкой армии фельдмаршал фон Рундштедт произнес похоронную речь. "Его сердце, — сказал он, стоя рядом с гробом Роммеля, украшенным свастикой, — принадлежало фюреру" {Справедливости ради следует сказать, что Рундштедт, возможно, не знал об обстоятельствах смерти Роммеля. О них ему, очевидно, стало известно лишь из показаний Кейтеля на Нюрнбергском процессе. "Мне не было известно об этих слухах, — заявил на процессе Рундштедт, — иначе я отказался бы выступать в роли представителя фюрера на государственных похоронах: это было бы подлостью сверх всякой меры". Тем не менее семья Роммеля обратила внимание на то, что этот добропорядочный господин старой школы отказался присутствовать на кремации и приехать в дом Роммеля, чтобы выразить свои соболезнования вдове, как это сделали большинство других генералов. — Прим. авт. }.

"Старый солдат (Рундштедт), — указывает Шпейдель, — произвел на присутствующих впечатление сломленного и сбитого с толку человека... Здесь судьба дала ему единственную в своем роде возможность сыграть

роль Марка Антония. Он пребывал в какой-то моральной апатии" {Сам же генерал Шпейдель, заключенный в подвал гестаповской тюрьмы на Принц-Альбрехт-штрассе, подвергавшийся нескончаемым допросам, не был ни сломлен, ни сбит с толку. Помогло, вероятно, то, что он был солдатом и философом одновременно. Он сумел провести своих мучителей из СД, ни в чем не признавшись и никого не выдав. Был у него один нелегкий момент, когда ему устроили очную ставку с полковником фон Хофакером, которого, как он считает, подвергли не только пыткам, но и воздействию наркотических средств, однако полковник не выдал в данном случае Шпейделя, отказавшись от прежних показаний.

Хотя Шпейделя не предали суду, его в течение семи месяцев держали в тюрьме гестапо. Когда американские войска приблизились к месту его заключения близ озера Констанц в Южной Германии, он, обманув охрану, бежал вместе с 20 другими заключенными и нашел убежище у католического священника, который прятал всю группу до прихода американцев. Эту главу своей жизни Шпейдель опустил в написанной им от третьего лица книге, которая отличается строгой объективностью. Однако он рассказал о ней Десмонду Янгу, который и привел ее в своей книге "Роммель — Лиса Пустыни" (с. 251–252).

Свою необычную карьеру Шпейдель завершил в конце 1950-х годов на важном командном посту в НАТО. — Прим. авт. }.

Велико было унижение хваленного офицерского корпуса германской армии. Он стал свидетелем участия в заговоре против верховного главнокомандующего трех прославленных фельдмаршалов — Вицлебена, Клюге и Роммеля, за что одного из них повесили, а двое других были вынуждены пойти на самоубийство. Он был вынужден оставаться безучастным в то время, когда десятки высших генералов были брошены в гестаповские застенки и умерщвлены после судебных фарсов, разыгранных в Народном суде. Произошло нечто беспрецедентное — офицерский корпус не сплотился в этой обстановке, несмотря на свои традиции. Вместо этого он стремился сохранить "честь" ценой, которая иностранцу представляется не чем иным, как бесчестьем и деградацией. Перед охваченным гневом бывшим австрийским ефрейтором перепуганные генералы и офицеры этого корпуса лебезили и пресмыкались.

Неудивительно, что фельдмаршал фон Рундштедт выглядел сломленным и сбитым с толку, когда произносил прощальную речь над гробом Роммеля. Как и его собратья-офицеры, которых Гитлер заставил испить до дна горькую чашу унижения, он дошел до грани падения. Рундштедт добровольно принял пост председателя так называемого

офицерского суда части, учрежденного Гитлером для изгнания из армии всех офицеров, подозреваемых в причастности к заговору против него, чтобы не предавать их военному трибуналу, а, опозорив, уже в качестве гражданских лиц передать в руки пресловутого Народного суда. Суду чести не разрешалось заслушивать показания обвиняемых офицеров в свою защиту, а приговор выносился лишь на основе улик, представленных гестапо. Рундштедт не протестовал против такого ограничения прав обвиняемых, как и другой член суда — генерал Гудериан, который на следующий после взрыва день был назначен начальником генерального штаба армии. Правда, последний признается в своих мемуарах, что членство в суде было для него неприятной обязанностью и что заседания суда наводили меланхолию и затрагивали "наиболее сложные проблемы совести". Безусловно, так оно и было, поскольку Рундштедт, Гудериан и их коллеги в суде (все генералы) отправили сотни своих товарищей на экзекуцию после унижений и изгнания из армии.

Этим Гудериан не ограничивался. На посту начальника генерального штаба он издал два выпретенных приказа, заверявших нацистского диктатора в неизменной верности офицерского корпуса. Первый, отданный 23 июля, резко осудил заговорщиков как "немногочисленную группу офицеров, в том числе отставных, которые, утратив мужество, из трусости и слабости предпочли единственному открытому для честного офицера пути, пути доблести и долга, путь позора". А затем торжественно заверил фюрера "в единстве генералов, офицерского корпуса и всего личного состава армии".

Тем временем снятый со всех постов фельдмаршал фон Браухич поспешил выступить в печати с гневным заявлением, осуждающим путч, давая вновь клятву верности фюреру и приветствуя назначение Гиммлера, который презирал генералов, включая Браухича, командующим армией резерва. Другой уволенный, гросс-адмирал Редер, опасаясь, что может быть заподозрен в симпатиях к заговорщикам, поспешил из своего затворничества в Растенбург, чтобы лично заверить Гитлера в своей преданности. Приказом по армии от 24 июля вместо традиционного армейского отдания чести было введено нацистское приветствие "как свидетельство непоколебимой верности фюреру и теснейшего единства армии и партии".

29 июля Гудериан предупредил всех офицеров генерального штаба, что отныне они должны являть собой образец нациста, верного и преданного фюреру.

"Каждый офицер генерального штаба должен быть национал-

социалистским офицером-руководителем не только... служа образцом отношения к политическим вопросам, но и активно участвуя в политическом воспитании молодых командиров в соответствии с учением фюрера.

При оценке качеств и отборе офицеров для службы в генштабе вышестоящие начальники должны исходить прежде всего из свойств их характера и духа, а затем уже умственных способностей. Негодяй может оказаться весьма способным, но в час испытания тем не менее потерпит поражение, потому что он негодяй.

Я надеюсь, что каждый офицер генерального штаба немедленно выскажется относительно того, принимает он или уже исповедует мои взгляды, и пусть объявит об этом во всеуслышание. Каждый, кто не способен поступить таким образом, должен подать заявление о переводе из генштаба" {В своих мемуарах Гудериан, который постоянно подчеркивает, как смело противостоял он Гитлеру и как резко его критиковал, об этих приказах тем не менее умалчивает. — Прим. авт. }.

Насколько известно, такого заявления никто не подал.

С этого момента, как свидетельствует один немецкий историк, "история генерального штаба как автономной единицы, можно сказать, заканчивается". Эта элитарная группа военного руководства, основанная Шарнхорстом и Гнейзенау и ставшая благодаря Мольтке оплотом нации, группа, которая управляла Германией в первую мировую войну, господствовала в Веймарской республике и вынудила самого Гитлера ликвидировать службу СА и ее руководителя, когда она встала на пути этой группы, теперь, летом 1944 года, превратилась в жалкую кучку подбострастных запуганных людей. Отныне Гитлеру не угрожала оппозиция и даже критика. Некогда могущественная армия, как и любой другой институт третьего рейха, скатывалась вместе с ним все ниже и ниже. Ее руководители до такой степени оцепенели и утратили мужество, которое еще недавно проявила горстка заговорщиков, что не могли теперь выразить протест, не говоря о том, чтобы совершить поступок, остановить руку человека, который — и это они хорошо понимали — все быстрее вел их и весь немецкий народ к самой ужасной в истории Германии катастрофе.

Просто поразителен паралич сознания и воли этих людей, воспитанных в христианской вере, на почитании старых добродетелей, хвалившихся своим кодексом чести, людей, не раз глядевших на поле боя смерти в лицо. Но это, наверное, можно понять, если проследить ход немецкой истории, изложенный в предыдущей главе, согласно которому

слепое повиновение временщикам превратилось у немцев в высшую добродетель, а раболепие всячески поощрялось. К этому времени генералы уже осознали зловещую сущность человека, перед которым они преклонялись. Гудериан позднее вспоминал, каким стал Гитлер после 20 июля:

"Что касается его твердости, она превратилась в жестокость, а склонность к блефу сменилась откровенной нечестностью. Он часто лгал без малейшего колебания, полагая, что и другие лгут ему. Гитлер никому больше не доверял, и с ним стало довольно трудно иметь дело. С каждым месяцем это все более превращалось в пытку. Он часто терял самообладание, становился все более несдержан в выражениях. В его непосредственном окружении не было никого, кто мог бы повлиять на него сдерживающим образом".

И тем не менее этот полубезумный, быстро слабеющий рассудком и телом человек теперь, как и в снежную зиму 1941 года под Москвой, сумел собрать остатки отступавших армий и вселить новую веру в павшую духом нацию. Невероятным напряжением воли, которой так не доставало армии, правительству, народу, он едва ли не в одиночестве смог продлить агонию рейха почти на год.

Мятеж 20 июля окончился неудачей не только из-за необъяснимой неспособности ряда самых способных людей в армии и среди гражданской части нации, но и из-за роковой бесхарактерности Фромма, Клюге, а также из-за неудач, подстерегавших заговорщиков за каждым углом. Он провалился из-за того, что почти все, кто управлял этой великой страной, генералы и просто граждане, немцы, носившие форму или нет, не были готовы к революции, а по существу, несмотря на страдания и горькую перспективу поражения, не хотели ее. Они все еще принимали и безусловно поддерживали национал-социализм, несмотря на деградацию, в которую он вверг Германию и Европу, а в Адольфе Гитлере по-прежнему видели спасителя своей страны.

"В то время, — писал позднее Гудериан как о неоспоримом факте, — большая часть немецкого народа по-прежнему верила в Адольфа Гитлера и была убеждена, что любой преступник, совершивший убийство Гитлера, устранил бы единственного человека, который все еще мог привести войну к благополучному концу".

Даже по окончании войны генерал Блюментрит, который не участвовал в заговоре, но поддержал бы его, если бы его начальник Клюге обладал более решительным характером, считал, что по меньшей мере "половина гражданского населения была потрясена тем, что немецкие

генералы приняли участие в покушении на Гитлера в целях его свержения, и впоследствии относилась к ним с горечью и разочарованием. Те же чувства разделяла и армия".

Благодаря необъяснимому гипнотизму, по крайней мере с точки зрения немца, Гитлеру удалось сохранить у этого необыкновенного народа верность и веру в себя до конца. Как безмолвный скот, с трогательной верой и даже с энтузиазмом, который возвышал их над стадом, немцы храбро устремились за ним в пропасть, что грозило гибелью нации.

Книга VI. Падение Третьего Рейха

Часть 30. Оккупация Германии

Война пришла на территорию самой Германии.

Едва оправившись от потрясения, вызванного взрывом бомбы 20 июля, Гитлер столкнулся с потерей Франции и Бельгии и обширных территорий, завоеванных на Востоке. Превосходящие силы вражеских войск теснили войска рейха со всех сторон.

К середине августа 1944 года после летних наступательных операций, развертывавшихся одна за другой, Красная Армия вышла к границам Восточной Пруссии, заперев 50 немецких дивизий в Прибалтике. Ее войска прорвались к Выборгу в Финляндии, уничтожили группу армий "Центр", что позволило в течение шести недель продвинуться на фронте шириной 400 миль к берегам Вислы у Варшавы. Одновременно на юге в результате нового наступления, начавшегося 20 августа, была повержена Румыния с ее нефтяными месторождениями в Плоешти — единственным крупным источником нефти для немецких армий. 26 августа официально вышла из войны Болгария, и немцы стали поспешно покидать страну. В сентябре капитулировала Финляндия и выступила против тех немецких войск, которые отказывались покинуть ее территорию.

На Западе была быстро освобождена Франция. Вновь сформированную 3-ю армию возглавил генерал танковых войск Паттон, который по напористости и умению схватывать ситуацию напоминал американцам Роммеля периода африканской кампании. После захвата 30 июля Авранша Паттон покинул Бретань, так и не осуществив планов по ее захвату, и начал большую операцию по обходу немецких войск в Нормандии, двинувшись на юго-восток к Орлеану на Луаре, а затем на восток к Сене, южнее Парижа. К 23 августа его войска вышли к Сене юго-восточнее и северо-западнее столицы, и через два дня великий город, слава Франции, был освобожден после четырех лет немецкой оккупации. Когда французская 2-я танковая дивизия генерала Жака Леклерка и американская 4-я пехотная дивизия ворвались в Париж, они обнаружили, что власть в большей части города уже находится в руках отрядов французского Сопротивления. Они увидели также, что мосты через Сену, многие из которых являлись настоящими произведениями искусства, уцелели {По свидетельству Шпейделя, 23 августа Гитлер приказал взорвать все парижские мосты и другие важные сооружения, "даже если при этом могут быть уничтожены памятники искусства". Шпейдель отказался выполнить

приказ, как и генерал фон Холтиц, новый комендант Большого Парижа, который сдался, сделав несколько выстрелов для очистки совести. В апреле 1945 года Холтица заочно отдали под суд за измену, но друзья по службе сумели оттянуть процесс до окончания войны. Шпейдель сообщил также, что сразу после сдачи Парижа Гитлер приказал разрушить его тяжелой артиллерией и самолетами-снарядами Фау-1, но и этот приказ он отказался выполнить (Шпейдель Г. Вторжение 1944 года, с. 143–145). — Прим. ред. }.

Остатки немецких армий во Франции начали отход по всему фронту. Победитель Роммеля в Северной Африке Монтгомери, произведенный 1 сентября в фельдмаршалы, преодолев за четыре дня 200 миль, перебросил свою канадскую 1-ю армию и английскую 2-ю армию из района нижнего течения Сены в Бельгию. Брюссель сдался на милость победителя 3 сентября, Антверпен — на следующий день. Наступление было настолько стремительным, что немцы не успели взорвать в Антверпене портовые сооружения. Для союзников это оказалось хорошим подарком, поскольку этому порту, как только расчистили подступы к нему, суждено было стать главной базой снабжения англо-американских армий.

Также стремительно продвигалась в юго-восточную часть Бельгии, обходя южнее англо-канадские силы, американская 1-я армия под командованием генерала Ходжеса. Она вышла на реку Маас, откуда в мае 1940 года начался сокрушительный немецкий прорыв, и овладела укрепленными районами Намюра и Льежа, где немцы не успели даже организовать оборону. Еще южнее 3-я армия Паттона овладела Верденом, окружила Мец, вышла к реке Мозель и около Бельфорского перевала соединилась с франко-американской 7-й армией, которая под командованием генерала Александра Пэтча высадилась 15 августа на Ривьере в Южной Франции и стремительно двинулась на север через долину Роны.

К концу августа немецкие армии на Западе потеряли 500 тысяч человек, половина из которых была взята в плен, а также почти все танки, артиллерию и грузовики. Мало что осталось для защиты фатерланда. Широко разрекламированная линия Зигфрида фактически была не укомплектована личным составом и не имела орудий. Большинство немецких генералов на Западе считали, что пришел конец. "Не было больше наземных сил, не говоря уже о воздушных", — отмечает Шпейдель. "Для меня война закончилась в сентябре", — говорил после войны следователям союзников Рундштедт, восстановленный 4 сентября в должности главнокомандующего войсками на Западе.

Но она не закончилась для Адольфа Гитлера. В последний день

августа он отчитывал в ставке нескольких генералов, пытаясь вселить в них новые силы и надежды.

"В случае необходимости мы будем сражаться на Рейне. Не имеет значения где. Как сказал Фридрих Великий, при любых обстоятельствах мы будем сражаться до тех пор, пока один из наших ненавистных врагов не выдохнется и не откажется от дальнейшей борьбы. Мы будем сражаться, пока не добьемся мира, который обеспечит существование германской нации еще на пятьдесят или на сто лет и который прежде всего не запятнает нашу честь во второй раз, как это произошло в 1918 году... Я живу лишь для продолжения этой борьбы, так как знаю, что, если за ней не будет стоять железная воля, она обречена".

После разноса, устроенного генеральному штабу за недостаток железной воли, Гитлер поведал генералам о некоторых причинах своей упрямой веры:

"Наступит время, когда разлад между союзниками станет настолько серьезным, что произойдет разрыв. Все коалиции в истории рано или поздно разваливались. Главное — это ждать подходящего момента, не считаясь ни с какими трудностями".

На Геббельса была возложена задача проведения "тотальной мобилизации", а Гиммлер, новый командующий армией резерва, приступил к формированию 25 дивизий ополчения для обороны западных границ. Несмотря на все планы "тотальной войны" для нацистской Германии, ресурсы страны не были тотально мобилизованы. По настоянию Гитлера в течение всей войны производство товаров народного потребления сохранялось на поразительно высоком уровне — якобы для того, чтобы поддерживать высокий моральный дух. И он препятствовал осуществлению планов, разработанных еще до войны, согласно которым к работе на предприятиях следовало привлекать женщин. В марте 1943 года, когда Шпеер хотел было мобилизовать женщин для работы в промышленности, он заявил: "Принести в жертву самые дорогие для нас идеалы — слишком дорогая цена". Нацистская идеология учила, что место немецкой женщины дома, а не на фабрике, посему домом она и занималась. За первые четыре года войны, когда в военном производстве Великобритании было занято 2, 25 миллиона женщин, в Германии на таких же работах было занято лишь 182 тысячи женщин. Число женщин, служивших домашней прислугой — 1, 5 миллиона, оставалось неизменным на протяжении всей войны.

Теперь, когда враг стоял у ворот, нацистские главари взялись за дело. В армию были призваны все подростки в возрасте от 15 до 18 лет и мужчины

от 50 до 60 лет. В поисках рекрутов прочесывались университеты и средние школы, учреждения и предприятия. В сентябре — октябре 1944 года для армии удалось мобилизовать 0, 5 миллиона человек. Но никто не посмел предложить заменить их на предприятиях и в учреждениях женщинами. Альберт Шпеер, министр вооружения и военного производства, выразил Гитлеру протест в связи с призывом в армию квалифицированных рабочих, что серьезно сказывалось на выпуске оружия.

Со времени наполеоновских войн немецким солдатам не приходилось оборонять священную землю фатерланда. Во всех последующих войнах Пруссии или Германии захватывались и опустошались земли других народов. Теперь на головы солдат, теснимых врагом, обрушились потоки призывов и воззваний.

Солдаты Западного фронта!

... Я надеюсь, что вы будете оборонять священную землю Германии... до последнего вздоха!

Хайль фюрер!

Фельдмаршал фон Рундштедт

Солдаты группы армий!

... Пока мы живы, ни один из нас не отдаст ни пяди немецкой земли... Тот, кто отойдет без боя, — предатель своего народа.

Солдаты! На карту поставлена судьба нашей родины, жизни наших жен и детей.

Наш фюрер, наши дорогие и близкие исполнены веры в своих солдат...

Да здравствует наша Германия и наш любимый фюрер!

Фельдмаршал Модель

Тем не менее, когда запахло паленым, резко возросло число дезертиров, и Гиммлер принял решительные меры, чтобы воспрепятствовать этому. 10 сентября он издал приказ:

Отдельные ненадежные элементы, очевидно, считают, что война для них закончится, как только они сдадутся врагу... Каждого дезертира... ждет справедливое возмездие. Более того, его недостойное поведение повлечет за собой самые серьезные последствия для его семьи... Ее немедленно расстреляют...

Некий полковник Гофман-Шонфорн из 18-й гренадерской дивизии довел до сведения своей части следующее:

Из наших рядов дезертировали изменники, перейдя на сторону врага... Эти ублюдки выдали важные военные тайны... Лживые еврейские клеветники насмеются над вами, в своих книжонках подбивая и вас стать

ублюдками. Пускай себе изрыгают яд... Что же касается презренных предателей, позабывших о чести, то пусть они знают, что за их измену сполна заплатят их же семьи.

В сентябре произошло то, что скептически настроенные немецкие генералы называли "чудом". Для Шпейделя это был "немецкий вариант" французского чуда на Марне в 1914 году. Внезапно грозное наступление союзников застопорилось. Среди союзных командующих, начиная от генерала Эйзенхауэра и ниже, по сей день ведутся споры, почему оно застопорилось. Для немецких же генералов это было просто необъяснимо. Ко второй неделе сентября американские армии вышли к границам Германии в районе Ахена и реки Мозель. В начале сентября Монтгомери убеждал Эйзенхауэра передать все запасы и резервы англо-канадским армиям, а также американским 9-й и 1-й армиям для развертывания широкого наступления на севере под его командованием. Это позволило бы быстро прорваться к Руру, лишить немцев их главного арсенала, открыть путь на Берлин и положить конец войне. Эйзенхауэр предложение отклонил {"Я уверен, — писал Эйзенхауэр в своих мемуарах (Крестовый поход в Европу, с 305), что фельдмаршал Монтгомери в свете происходивших событий согласится, что такой план ошибочен". Но фельдмаршал был далек от такой оценки, что хорошо известно тем, кто читал мемуары Монтгомери — Прим. авт. }. Он хотел наступать к Рейну на широком фронте.

Однако его армии оторвались от тылов. Каждую тонну бензина и боеприпасов приходилось доставлять через прибрежные пески Нормандии или через единственный порт — Шербур и затем на грузовиках перебрасывать наступающим армиям, преодолевая расстояние 300–400 миль. Во второй неделе сентября армии Эйзенхауэра начали пробуксовывать из-за недостатка снабжения. Одновременно они неожиданно натолкнулись на сопротивление немцев. Сосредоточив наличные силы на двух решающих участках, Рундштедт к середине сентября сумел остановить, по крайней мере временно, 3-ю армию Паттона на реке Мозель и 1-ю армию Ходжеса у Ахена.

Эйзенхауэр, побуждаемый Монтгомери, в конце концов согласился с его смелым планом: захватить плацдарм на нижнем Рейне в районе Арнема, что позволяло выйти на рубеж, с которого можно было обойти линию Зигфрида с севера. Цель операции отнюдь не совпадала с замыслом Монтгомери ворваться в Рур, а затем в Берлин, но она позволяла создать стратегическую базу для такой попытки позднее. Наступление началось 17 сентября массированным десантом двух американских и одной английской

воздушно-десантных дивизий, базировавшихся на территории Англии. Но из-за плохой погоды и того обстоятельства, что парашютисты приземлились в расположении двух танковых дивизий СС, о присутствии которых они не подозревали, а также из-за недостатка наземных сил, наносивших удар с юга, операция потерпела неудачу. После десятидневных ожесточенных боев союзники отошли от Арнема. От английской 1-й воздушно-десантной дивизии, сброшенной близ города, осталось всего 2163 человека из 9000. Для Эйзенхауэра эта неудача стала убедительным доказательством, что следует ожидать еще более серьезных испытаний.

Тем не менее вряд ли он думал, что немцы сумеют в достаточной мере оправиться и нанести на Западном фронте накануне рождественских праздников ошеломляющий удар.

Последняя авантюра Гитлера

Вечером 12 декабря 1944 года большая группа немецких генералов — высший командный состав Западного фронта — была вызвана в штаб Рундшгедта. Сдав личное оружие и портфели, генералы с трудом разместились в ожидавшем их автобусе. После получасовой езды в темноте по заснеженной местности (чтобы потеряли ориентировку) автобус остановился наконец у входа в глубокий бункер, оказавшийся ставкой Гитлера в Цигенберге, близ Франкфурта. Здесь они впервые узнали о том, что около месяца уже было известно горстке высших офицеров генштаба и командующим армиями: через четыре дня фюрер начнет мощное наступление на Западе.

Идея эта зародилась у него еще в середине сентября, когда армии Эйзенхауэра были остановлены на немецкой границе западнее Рейна. Хотя в октябре американские 9, 1 и 3-я армии пытались возобновить наступление с целью "дотащить", как выразился Эйзенхауэр, до Рейна, продвижение шло медленно и трудно. 24 октября после ожесточенного сражения 1-я армия захватила Ахен, столицу империи Карла Великого. Он стал первым немецким городом, захваченным союзниками, но американцы не смогли прорваться к Рейну. Тем не менее на своем фронте — севернее продвигались англичане и канадцы — они изматывали в ходе боев слабейшего врага. Гитлер понимал, что, ведя оборонительные бои, он лишь оттягивает час расплаты. В его воспаленном мозгу созрел смелый и хитроумный план перехватить инициативу и нанести удар, который расчленил американские 3-ю и 1-ю армии и позволит прорваться к Антверпену, лишив Эйзенхауэра главного порта снабжения. Он позволит также разгромить английские и канадские армии на флангах вдоль бельгийско-голландской границы. Такое наступление, по его расчетам, не

только нанесло бы сокрушительное поражение англо-американским армиям и отвело угрозу от немецкой границы, но и позволило бы затем повернуть войска против русских, которые хотя и продолжали наступать на Балканах, но были остановлены еще в октябре на Висле и в Восточной Пруссии. Стремительное наступление рассекло бы Арденны, где в 1940 году начался мощный прорыв и где, по данным немецкой разведки, стояли в обороне всего четыре слабые пехотные дивизии американцев.

Это был смелый план. Как считал Гитлер, он почти наверняка позволял захватить союзников врасплох и разгромить их прежде, чем они смогут прийти в себя {К плану имелось интересное приложение, получившее название "Операция "Грейф" (кондор), которая, гудя по всему, являлась детищем Гитлера. Руководить ее осуществлением фюрер доверил Отто Скорцени, который после вызволения Муссолини и решительных действий в Берлине вечером 20 июля 1944 года еще раз отличился в привычной для него сфере — похитил венгерского регента адмирала Хорти в Будапеште в октябре 1944 года, когда тот готов был предложить капитуляцию Венгрии наступающим русским войскам. На Скорцени была возложена новая задача — сформировать специальную бригаду в составе двух тысяч человек из знающих английский язык немецких солдат, одеть их в американскую форму и посадить в трофейные американские танки и джипы. Предстояло просочиться через американскую линию фронта, перерезать связь в тылу, уничтожить связных, запутать движение транспорта и дезорганизовать тыл в целом. Мелкие подразделения должны были подобраться к мостам через реку Маас и попытаться захватить их и удержать до подхода основных сил немецких бронетанковых войск. — Прим. авт. }. Но в плане имелся существенный недостаток. Немецкая армия не только была слабее прежней, времен 1940 года, особенно в воздухе, но и имела дело с куда более находчивым и лучше вооруженным противником. Немецкие генералы не преминули обратить на этот факт внимание Гитлера.

"Когда я получил этот план в начале ноября, — заявил позднее Рундштедт, — я был ошеломлен. Гитлер не потрудился проконсультироваться со мной... Для меня было совершенно ясно, что наличных сил явно недостаточно для осуществления такого самоуверенного плана". В то же время, сознавая, что спорить с Гитлером бесполезно, Рундштедт и Модель предложили альтернативный план, который, возможно, отвечал бы настояниям верховного главнокомандующего перейти в наступление, но имел бы ограниченную цель — ликвидировать американскую дугу вокруг Ахена. У главнокомандующего немецкими силами на Западе почти не было надежд,

что Гитлер изменит свое решение, и он предпочел послать на военное совещание 2 декабря в Берлине начальника штаба Блюментрита. Однако на совещании Блюментрит, фельдмаршал Модель, генерал Хассо фон Мантейфель и генерал войск СС Зепп Дитрих (последним двум предстояло командовать мощными танковыми армиями, предназначенными для развития прорыва) не смогли поколебать решимости Гитлера.

Все оставшееся время он стремился наскрести по Германии ресурсы для последней авантюры. В ноябре ему удалось собрать почти 1500 новых или восстановленных танков и самоходных орудий, а в декабре еще 1000. Для прорыва в Арденнах он сформировал почти 28 дивизий, включая 9 танковых, и дополнительно 6 дивизий для последующего удара на Эльзас. Геринг пообещал три тысячи истребителей {Реально наступавшие немецкие войска имели около 900 танков и штурмовых орудий, 800–900 самолетов. — Прим. тит. ред. }.

Эта была внушительная сила, хотя и гораздо слабее, чем группа армий Рундштедта на этом же фронте в 1940 году. И направить ее на Западный фронт означало отказать в подкреплениях немецким войскам на Востоке, командуящие которых считали, что они абсолютно необходимы для отражения ожидавшегося в январе зимнего наступления русских. Когда Гудериан, начальник генерального штаба, отвечавший за Восточный фронт, запротестовал, Гитлер сурово отчитал его:

"Вам нет нужды пытаться поучать меня. Я командовал германской армией в ходе войны в течение пяти лет и за это время приобрел больше практического опыта, чем любой господин из генштаба мог надеяться когда-либо получить. Я изучил Клаузевица и Мольтке, прочитал все труды Шлиффена. Я лучше разбираюсь в обстановке, чем вы".

Гудериан возразил, что русские вот-вот перейдут в наступление превосходящими силами, и привел данные о советских приготовлениях, на что Гитлер закричал: "Со времен Чингисхана это величайший блеф! Кто сочинил всю эту галиматью? "

На генералов, собравшихся в ставке фюрера в Цигенберге вечером 12 декабря, естественно без пистолетов и портфелей, нацистский верховный главнокомандующий, сгорбившийся в кресле, как вспоминал позднее Мантейфель, произвел впечатление больного человека: сутулая фигура, бледное отечное лицо, трясущиеся руки. Ею левую руку сводила судорога, что он тщательно скрывал. При ходьбе он волочил ногу.

Но дух Гитлера по-прежнему оставался неукротим. Генералы ожидали услышать оценку обстановки и изложение замысла предстоящего наступления. Вместо этого верховный главнокомандующий ударился в

политические разглагольствования и исторические

"В истории никогда не существовало такой коалиции, как у наших противников, коалиции, составленной из столь разнородных элементов и преследующих столь разные цели... С одной стороны, ультракапиталистические государства, с другой — ультрамарксистские. С одной стороны, умирающая империя — Великобритания, с другой — бывшая колония, твердо решившая наследовать ей, — Соединенные Штаты... Вступая в коалицию, каждый партнер лелеял надежду реализовать свои политические цели... Америка стремится стать наследницей Англии, Россия пытается захватить Балканы... Англия пытается сохранить свои владения... на Средиземном море. Даже сейчас эти государства конфликтуют друг с другом, и тот, кто, подобно пауку, сидит в центре сотканной им паутины, наблюдая за событиями, видит, как этот антагонизм с каждым часом все возрастает. Если сейчас мы нанесем несколько ударов, то в любой момент этот искусственно сколоченный общий фронт может рухнуть с оглушительным грохотом, но при условии, что Германия не проявит слабости.

Необходимо лишить противника уверенности, что победа обеспечена... Исход войны в конечном счете решается признанием одной из сторон факта, что она не в состоянии победить. Мы должны постоянно внушать противнику, что ему ни при каких условиях, никогда не добиться нашей капитуляции. Никогда! Никогда! "

И хотя в ушах расходившихся с совещания генералов все еще звучали пустопорожние речи фюрера, ни один из них, как по крайней мере говорили они позднее, не верил, что удар в Арденнах увенчается успехом. Но все же они были преисполнены решимости выполнить приказ в меру своих сил.

И они сумели это сделать. Ночь на 16 декабря выдалась темная и морозная. Под покровом густого тумана, нависшего над заснеженными лесистыми холмами Арденн, немцы выдвинулись на исходные позиции, протянувшиеся на 70 миль между Моншау к югу от Ахена и Эхтернахом к северо-западу от Трира. Согласно прогнозу, такая погода должна была сохраниться в течение нескольких дней. Все это время, как рассчитывали немцы, союзная авиация будет прикована к аэродромам, а немецкие тылы смогут избежать ада, который они однажды испытали в Нормандии. Пять дней кряду Гитлеру везло с погодой. За это время немцы, застав врасплох верховное командование союзников, нанесли начиная с утра 16 декабря ряд фронтальных ударов и прорвали позиции противника сразу на нескольких участках фронта.

К в ночь на 17 декабря немецкая танковая группа подошла к Ставело, что в восьми милях от Спа, где размещался штаб американской 1-й армии, его пришлось срочно эвакуировать. Более того, немецкие танки находились в миле от огромного полевого бензохранилища американцев, где было сосредоточено три миллиона галлонов бензина. Захвати немцы этот склад, их бронетанковые дивизии, постоянно терявшие темп продвижения из-за задержек с подвозом горючего, нехватку которого они и без того остро ощущали, могли бы продвинуться быстрее и дальше. Дальше всех продвинулась так называемая 150-я танковая бригада Скорцени, личный состав которой был переодет в американскую форму и посажен на захваченные американские танки, грузовики и джипы. Через незанятые участки фронта удалось проскочить примерно 40 джипам с солдатами и продвинуться до реки Маас {16 декабря был захвачен в плен немецкий офицер, имевший при себе несколько экземпляров приказа на операцию "Грейф", и американцам, таким образом, стало обо всем известно. Но это обстоятельство, видимо, не положило конец дезориентации, созданной людьми Скорцени. Часть их, переодевшись в форму американской военной полиции, установили посты на перекрестках и указывали ложное направление движения американскому военному транспорту. Не помешало это разведотделу 1-й армии поверить рассказам нескольких захваченных немцев, переодетых в американскую форму, что большое число головорезов Скорцени направилось в Париж, чтобы прикончить там Эйзенхауэра. За несколько дней американская военная полиция задержала тысячи американских солдат вплоть до Парижа, и они были вынуждены доказывать свою национальную принадлежность, отвечая на такие например, вопросы: кто выиграл чемпионат США по бейсболу и как называется столица их штата, хотя некоторые не помнили этого или просто не знали. Многих задержанных в американской форме, расстреляли на месте, остальных отдали под трибунал и казнили. Самого Скорцени судил американский трибунал в Дахау в 1947 году, но оправдал. После этого он направился в Испанию, а затем в Южную Америку, где организовал процветающую компанию по производству цемента и написал мемуары. — Прим. авт. }. Однако упорное, хотя и неподготовленное сопротивление разбросанных частей американской 1-й армии замедлило продвижение немцев, а стойкость гоюзми войск на северном и южном флангах, соответственно у Моншау и Бастони, вынудила гитлеровцев продвигаться по узкому, изогнутому коридору. Стойкая оборона американцев у Бастони окончательно решила их судьбу.

Ключом к обороне Арденн и реки Маас была развилка дорог у

Бастони. Ее прочное удержание позволяло не только блокировать основные дороги, по которым наступала к реке Маас у Динана 5-я танковая армия Мантейфеля, но и сковать значительные немецкие силы, предназначенные для развития прорыва. К утру 18 декабря танковые клинья Мантейфеля находились всего в 15 милях от города, и единственными американцами, оставшимися там, были офицеры и солдаты штаба одного из корпусов, готовившиеся к эвакуации. Однако вечером 17-го американская 101-я воздушно-десантная дивизия, которая переоснащалась в Реймсе, получила приказ совершить бросок к Бастони, расположенной в 100 милях от него. Двигаясь всю ночь на грузовиках с зажженными фарами, она достигли города за сутки, сумев опередить немцев. Это была решающая гонка, и немцы ее проиграли. Хотя они окружили Бастонь, им с трудом удалось ввести в действие свои дивизии, чтобы выйти к реке Маас. Кроме того, они были вынуждены выделить крупные силы для блокирования развилки дорог, чтобы затем попытаться захватить Бастонь.

22 декабря генерал Генрих фон Лютвиц, командир 47-го бронетанкового корпуса, направил письменное обращение командиру 101-й воздушно-десантной дивизии, требуя сдачи Бастони. Он получил ответ, состоявший из одного слова и ставший знаменитым: "А пошел ты..." Канун рождества явился поворотным моментом в арденнской авантюре Гитлера. За день до того разведывательный батальон немецкой 2-й бронетанковой дивизии вышел к высотам в трех милях к востоку от Мааса в районе Динана и в ожидании подвоза горючего для танков и подкреплений остановился, прежде чем ринуться вниз по склонам к реке. Однако ни горючее, ни подкрепления так и не прибыли. Американская 2-я бронетанковая дивизия внезапно нанесла удар с севера. Тем временем несколько дивизий 3-й армии Паттона уже подходили с юга с основной задачей деблокировать Бастонь. "Вечером 24-го, — писал позднее Мантейфель, — стало ясно, что операция достигла своей высшей точки. Теперь мы уже знали, что никогда не решим поставленной задачи". Давление на южном и северном флангах узкого и глубокого вклинения немцев стало слишком сильным, притом за два дня до рождества небо наконец прояснилось и англо-американские ВВС начали наносить массированные удары по немецким коммуникациям, по войскам и танкам, двигавшимся узкими и извилистыми горными дорогами. Немцы сделали еще одну отчаянную попытку захватить Бастонь. Весь день рождества начиная с трех часов утра они предпринимали одну атаку за другой, но оборонявшиеся войска Маколифа выстояли. На следующий день бронетанковое соединение из состава 3-й армии Паттона ударом с юга

деблокировало город. Перед немцами теперь встал вопрос, как вывести войска из узкого коридора прежде, чем их отсекут и уничтожат.

Но Гитлер и слышать не хотел об отходе. Вечером 28 декабря он провел военное совещание, на котором, вместо того чтобы прислушаться к совету Рундштедта и Мантейфеля и вовремя отвести войска с выступа, приказал вновь перейти в наступление, взять штурмом Бастонь и прорываться к Маасу. Более того, он требовал немедленно начать новое наступление на юге, в Эльзасе, где количество американских сил резко сократилось из-за переброски нескольких дивизий Паттона на север, в Арденны. Гитлер остался глух к протестам генералов, заявлявших, что имеющихся в их распоряжении сил недостаточно как для продолжения наступления в Арденнах, так и для удара в Эльзасе.

"Господа, я занимаюсь этим делом одиннадцать лет и... еще никогда ни от кого не слышал, что у него полностью все готово... Вы никогда не бываете вполне готовы. Это ясно".

И он все говорил и говорил {В течение нескольких часов, если судить по сохранившейся стенографической записи этого совещания. Здесь приведен фрагмент 27 совещаний фюрера. Полный текст приводит Гилберт в книге "Гитлер руководит своей войной. — Прим. авт. }. Задолго до того, как он закончил, генералы поняли, что их верховный главнокомандующий, очевидно, потерял чувство реальности и витает в облаках.

"Вопрос в том... есть ли у Германии воля к жизни или она будет уничтожена... Поражение в этой войне приведет к уничтожению ее народа".

Затем последовали пространные рассуждения об истории Рима и Пруссии в Семилетней войне. Наконец он вернулся к неотложным проблемам текущего дня. Признав, что наступление в Арденнах "не привело к решающему успеху, которого можно было ожидать", фюрер заявил, что оно привело к "такому изменению всей обстановки, какое еще две недели назад никто не считал возможным".

"Противник был вынужден отказаться от всех своих наступательных планов... Ему пришлось бросать в бой измотанные части. Нам удалось полностью опрокинуть его оперативные планы. В тылу на него обрушилась резкая критика. Для него это тяжелый психологический момент. Ему уже пришлось признать, что до августа, а то и до конца следующего года решить судьбу войны невозможно..."

Была ли эта последняя фраза признанием окончательного поражения? Спohватившись, Гитлер тут же попытался рассеять подобное впечатление:

"Поспешу добавить, господа, что... вы не должны делать из этого

вывод, будто я хотя бы отдаленно допускаю мысль о поражении в этой войне... Мне незнакомо слово "капитуляция"... Для меня сегодняшняя обстановка не представляет ничего нового. Мне доводилось бывать в гораздо худших ситуациях. Я упоминаю об этом лишь потому, что хочу, чтобы вы поняли, почему я преследую свою цель с таким фанатизмом и почему ничто не в состоянии меня сломить. Как бы ни терзали меня заботы и как бы они ни подрывали мое здоровье, ничто ни на йоту не изменит моей решимости сражаться, пока наконец чаша весов не склонится в нашу сторону".

После этого он призвал генералов нанести новые удары по врагу с таким воодушевлением, на какое они только способны.

"Тогда мы... полностью сокрушим американцев... И тогда вы увидите, что произойдет. Я не верю, что в конечном счете враг устоит перед 45 немецкими дивизиями... Мы еще одолеем судьбу! " Увы, слишком поздно. У Германии уже не было для этого военной мощи.

В первый день нового года Гитлер бросил в наступление в Сааре восемь дивизий, затем последовал удар с плацдарма на Верхнем Рейне силами армии под командованием Генриха Гиммлера, что представлялось немецким генералам злой шуткой. Ни та, ни другая операция многого не достигли. Не принес успеха и массированный удар на Бастонь, предпринятый 3 января. Удар наносился по меньшей мере двумя корпусами в составе девяти дивизий. Ему суждено было вылиться в самое ожесточенное в Арденнской операции сражение. К 5 января немцы потеряли надежду овладеть этим ключевым городом. Им самим теперь угрожала опасность оказаться в окружении в результате англо-американского контрудара с севера, предпринятого 3 января. 8 января Модель, над армиями которого нависла угроза оказаться в ловушке у Уффализа, к северо-востоку от Бастони, получил наконец разрешение отойти. К 16 января, ровно через месяц после начала наступления, ради успеха которого Гитлер бросил в бой последние людские ресурсы, вооружение и боеприпасы, немецкие войска были отброшены на исходные рубежи.

Они потеряли около 120 тысяч человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, 600 танков и самоходных орудий, 1600 самолетов и 6 тысяч автомашин. У американцев также имелись серьезные потери: 8 тысяч убитых, 48 тысяч раненых, 21 тысяча захваченных в плен или пропавших без вести, а также 733 танка и самоходных противотанковых установок {Среди убитых американцев числилось несколько зверски убитых пленных. Убили их 17 декабря близ Мальмеди офицеры и солдаты

боевой группы полковника Йохена Пейпера из состава 1-й танковой дивизии СС. Согласно данным, приведенным на Нюрнбергском процессе, были зверски замучены 129 американских пленных. На последующих процессах над причастными к этому преступлению офицерами СС цифра эта сократилась до 71. Заседания завершились любопытной развязкой. 43 эсэсовских офицера, включая Пейпера, были приговорены к смерти, 23 — к пожизненному заключению и 8 — к более коротким срокам. Зепп Дитрих, командир 6-й танковой армии СС, который вел боевые действия на северной стороне выступа, получил 25 лет; Кремер, командир 1-го танкового корпуса СС, — 10 лет и Германн Присс, командир 1-й танковой дивизии СС, — 18 лет.

Неожиданно в американском сенате раздались негодующе-слезливые голоса, особенно со стороны ныне покойного сенатора Маккарти, утверждавшие, что к офицерам СС якобы применяли силовое воздействие, добиваясь от них признания вины. В марте 1948 года 31 смертный приговор был отменен и заменен различными сроками заключения. В апреле генерал Л. Клей из оставшихся 12 смертных приговоров отменил еще шесть, а в январе 1951 года американский верховный комиссар в Германии Джон Макклой по общей амнистии заменил оставшиеся смертные приговоры пожизненным заключением. К моменту завершения этой книги всех эсэсовцев выпустили на свободу. Под крики о якобы жестоком обращении с эсэсовскими офицерами оказались забыты неопровержимые свидетельства, что по меньшей мере 71 безоружный американский пленный был зверски убит на заснеженном поле близ Мальмеди 17 декабря 1944 года по приказу или по подстрекательству нескольких эсэсовских офицеров. — Прим. авт. }. Но американцы могли восполнить свои потери, немцы — нет.

Они исчерпали все свои ресурсы. Это было последнее крупное наступление немецкой армии во второй мировой войне. Провал его не только предопределил неизбежность поражения на Западе, но и обрек немецкие армии на Востоке, где переброска Гитлером своих последних резервов к Арденнам немедленно сказала.

Что касается русского фронта, то пространная лекция, прочитанная Гитлером через три дня после рождества для генералов Западного фронта, звучала довольно оптимистично. На Востоке немецкие армии, постепенно теряя Балканы, твердо держались еще с октября на Висле и в Восточной Пруссии.

"К сожалению, из-за предательства наших союзников мы вынуждены постепенно отходить... — говорил Гитлер. — Тем не менее в целом

оказалось возможным удерживать Восточный фронт".

Но как долго? Накануне рождества, после того как русские окружили Будапешт, и в первый день нового года Гудериан тщетно просил Гитлера дать подкрепления, чтобы принять соответствующие меры при возникновении русской угрозы в Венгрии и отразить советское наступление в Польше, которое ожидалось в середине января.

"Я подчеркнул, — говорит Гудериан, — что Рур уже парализован бомбежками западных союзников... С другой стороны, сказал я, промышленный район Верхней Силезии еще может работать на полную мощность, поскольку центр немецкого производства вооружения переместился на Восток. Потеря же Верхней Силезии приведет к нашему поражению через несколько недель. Но все было тщетно. Я получил отпор и провел унылый и трагический канун рождества в совершенно обескураживающей обстановке".

Тем не менее 9 января Гудериан в третий раз отправился на прием к Гитлеру. Он взял с собой начальника разведки на Востоке генерала Гелена, который, используя принесенные карты и схемы, пытался объяснить фюреру опасность положения немецких войск накануне ожидаемого наступления русских на севере.

"Гитлер, — вспоминает Гудериан, — окончательно потерял самообладание... заявив, что карты и схемы "абсолютно идиотские", и приказал, чтобы я посадил в сумасшедший дом человека, подготовившего их. Тогда я вспылил и сказал: "Если вы хотите направить генерала Гелена в сумасшедший дом, тогда уж отправляйте и меня с ним заодно".

Гитлер возразил, что на Восточном фронте "еще никогда ранее не было такого сильного резерва, как сейчас", и Гудериан огрызнулся: "Восточный фронт подобен карточному домику. Если его прорвут хотя бы в одном месте, все остальное рухнет".

Так все и произошло. 12 января 1945 года русская группа армий Конева осуществила прорыв на Верхней Висле, южнее Варшавы, и устремилась в Силезию. Армии Жукова форсировали Вислу к северу и югу от Варшавы, которая пала 17 января. Еще севернее две русские армии овладели половиной Восточной Пруссии и двинулись к Данцигскому заливу.

Это было крупнейшее наступление русских за всю войну. Только на Польшу и Восточную Пруссию Сталин бросил 180 дивизий, в основном, как это ни удивительно, танковых. Остановить их было невозможно.

"К 27 января (всего через пятнадцать дней после начала советского наступления) русская приливная волна, — вспоминает Гудериан, —

обернулась для нас полной катастрофой". К этому времени Восточная и Западная Пруссия уже были отрезаны от рейха. Именно в этот день Жуков форсировал Одер, продвинувшись за две недели на 220 миль и выйдя на рубежи всего в 100 милях от Берлина. Самые катастрофические последствия имел захват русскими Силезского промышленного бассейна.

30 января, в день двенадцатой годовщины прихода Гитлера к власти, министр производства вооружений Альберт Шпеер представил на имя Гитлера меморандум, подчеркнув значение потери Силезии. "Война проиграна", — начал он свой доклад и далее в бесстрастной и объективной манере объяснил почему. После массированных бомбежек Рура силезские шахты начали поставлять 60 процентов немецкого угля. Для железных дорог, электростанций и заводов остался двухнедельный запас угля. Таким образом, сейчас, после потери Силезии, можно, по словам Шпеера, рассчитывать лишь на одну четвертую часть угля и одну шестую часть стали от того объема, который она производила в 1944 году. Это предвещало катастрофу в 1945-м.

Фюрер, как вспоминал позднее Гудериан, взглянул на доклад Шпеера, прочитал первую фразу и распорядился положить его в сейф. Он отказался принимать Шпеера наедине, а Гудериану сказал:

"С сегодняшнего дня я никого не буду принимать наедине. Шпеер всегда старается преподнести мне что-нибудь неприятное. Я не выношу этого".

27 января, во второй половине дня, войска Жукова форсировали Одер в 100 милях от Берлина. Событие это вызвало в ставке Гитлера интересную реакцию, которая распространилась и на рейхсканцелярию в Берлине. 25-го Гудериан в отчаянии направился к Риббентропу с настоятельной просьбой попытаться немедленно заключить перемирие на Западе, с тем чтобы все, что осталось от немецких армий, сосредоточить на Востоке против русских. Министр иностранных дел немедленно разболтал об этом фюреру, который в тот же вечер отчитал начальника генштаба, обвинив его в государственной измене.

Однако два дня спустя Гитлер, Геринг и Йодль, потрясенные катастрофой на Востоке, посчитали лишним просить Запад о перемирии, поскольку были уверены, что западные союзники сами прибегут к ним, испугавшись последствий большевистских побед. О том, какая сцена разыгралась в ставке, дает представление сохранившаяся запись совещания 27 января у фюрера.

Гитлер: Вы думаете, англичане в восторге от событий на русском фронте?

Геринг: Они, конечно, не предполагали, что мы будем сдерживать их, пока русские завоюют всю Германию... Они не рассчитывали, что мы как сумасшедшие станем обороняться против них, пока русские будут продвигаться все глубже и глубже в Германию и фактически захватят ее всю...

Йодль: Они всегда относились к русским с подозрением.

Геринг: Если так будет продолжаться, через несколько дней мы получим телеграмму от англичан,

И с этим призрачным шансом главари третьего рейха связали свои надежды.

Весной 1945 года третий рейх быстро приближался к своему концу.

Агония началась в марте. К февралю, когда почти весь Рур лежал в развалинах, а Верхняя Силезия оказалась утрачена, добыча угля составляла одну пятую уровня предыдущего года. Лишь очень небольшое из этого количества можно было перевезти, так как англоамериканские бомбардировки вывели из строя железнодорожный и водный транспорт. На совещаниях у Гитлера разговор шел главным образом о нехватке угля. Дениц жаловался на недостаток горючего, из-за чего многие корабли стояли на приколе, а Шпеер спокойно объяснял, что электростанции и предприятия находятся в таком же положении по тем же причинам. Потеря румынских и венгерских нефтяных месторождений и бомбежки заводов синтетического топлива в Германии создали такой острый дефицит бензина, что большая часть крайне необходимых теперь истребителей не поднималась в воздух и уничтожалась на аэродромах авиацией союзников. Многие танковые дивизии бездействовали из-за отсутствия горючего.

Надежды на обещанное "чудо-оружие", которые какое-то время поддерживали народ и солдат и даже таких трезвомыслящих генералов, как Гудериан, в конце концов пришлось оставить. Пусковые установки самолетов-снарядов Фау-1 и ракет Фау-2, нацеленные на Англию, были почти полностью разрушены, когда войска Эйзенхауэра заняли побережье Франции и Бельгии. Осталось всего несколько установок в Голландии. Почти 8 тысяч этих снарядов и ракет были выпущены по Антверпену и другим военным объектам после того, как англо-американские войска вышли к границам Германии, но ущерб, причиненный ими, оказался незначителен.

Гитлер и Геринг рассчитывали, что новые реактивные истребители добьются превосходства в воздухе над союзной авиацией, и они бы этого добились, поскольку немцам удалось произвести их более тысячи, если бы англо-американские летчики, у которых не было таких самолетов, не

предприняли успешных контрдействий. Обычные винтовые истребители союзников не могли противостоять немецким реактивным истребителям, но подняться в воздух удалось лишь немногим из них. Нефтеочистительные заводы, производившие специальное горючее, были разбомблены, а удлиненные взлетные полосы, строившиеся для них, легко обнаруживали союзные летчики, которые уничтожили реактивные самолеты на земле.

Гросс-адмирал Дениц когда-то обещал фюреру, что новые подводные лодки с электродвигателями произведут чудеса на море, вновь нарушат англо-американские жизненно важные коммуникации в Северной Атлантике. Но к середине февраля 1945 года лишь две из 126 новых, введенных в строй подводных лодок смогли выйти в море.

Что касается проекта немецкой атомной бомбы, который причинил столько беспокойства Лондону и Вашингтону, то он продвинулся недалеко, поскольку не вызывал большого интереса у Гитлера и поскольку Гиммлер имел обыкновение арестовывать ученых-атомщиков по подозрению в нелояльности или отрывал их для проведения увлекавших его нелепых "научных" экспериментов, которые он считал гораздо более важными. К концу 1944 года правительство Англии и США с большим облегчением узнали, что немцы не смогут создать атомную бомбу и применить ее в этой войне {Как они об этом узнали — захватывающая история, но слишком длинная, чтобы приводить ее здесь. О ней поведал в своей книге "Алсос" профессор Самуэль Гоудсмит. "Алсос" — кодовое наименование группы американских ученых, которую он возглавлял и которая следовала за армиями Эйзенхауэра во время их похода в Западную Европу. — Прим. авт. }.

8 февраля армии Эйзенхауэра, насчитывавшие к этому времени 85 дивизий, начали сосредотачиваться на Рейне. Союзники считали, что немцы будут вести лишь сдерживающие действия и беречь силы, укрывшись за мощной водной преградой, какую представляла собой эта широкая и быстрая река. И Рундштедт это предлагал. Но в данном случае, как и ранее, Гитлер даже слышать не хотел об отходе. Это бы означало, сказал он Рундштедту, "перенести катастрофу с одного места на другое". Поэтому по настоянию Гитлера немецкие армии продолжали вести боевые действия на занимаемых позициях. Однако длилось это недолго. К концу месяца англичане и американцы вышли к Рейну в нескольких местах севернее Дюссельдорфа, а через две недели они уже прочно удерживали левый берег к северу от Мозеля. При этом немцы потеряли еще 350 тысяч человек убитыми, ранеными или захваченными в плен (число пленных

достигло 293 тысяч), а также основную часть вооружения и техники.

Гитлер был в бешенстве. 10 марта он отстранил Рундштедта (в последний раз), заменив его фельдмаршалом Кессельрингом, который так долго и упорно сопротивлялся в Италии. Еще в феврале фюрер в припадке гнева счел необходимым денонсировать Женевскую конвенцию, чтобы, как он заявил на совещании 19 февраля, "заставить противника понять, что мы полны решимости драться за наше существование всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами". Предпринять этот шаг ему настоятельно советовал д-р Геббельс, кровожадный тип, предложивший немедленно, без суда и следствия провести массовые расстрелы пленных летчиков в порядке ответных репрессий за ужасные бомбардировки немецких городов. Когда некоторые из присутствовавших офицеров привели юридические доводы против такого шага, Гитлер злобно оборвал их:

"К черту... Если я дам ясно понять, что не намерен церемониться с вражескими пленными, что с ними будут обращаться, не считаясь ни с их правами, ни с возможными репрессиями против нас самих, то многие (немцы) подумают дважды, прежде чем дезертировать". Это заявление стало одним из первых свидетельств, показавших его приспешникам, что Гитлер, чья миссия в качестве завоевателя мира провалилась, готов ринуться в пропасть, как Вотан в Вальхаллу, увлекая за собой не только врагов, но и собственный народ. В заключение совещания он потребовал, чтобы адмирал Дениц рассмотрел все "за" и "против" в связи с этим шагом и доложил ему в кратчайший срок.

Дениц, что было характерно для него, прибыл с ответом на следующий день.

"Негативные последствия перевесят позитивные... В любом случае было бы лучше соблюсти приличия, хотя бы внешние, и осуществить меры, которые мы считаем необходимыми, не объявляя об этом заранее".

Гитлер неохотно согласился, и хотя поголовного истребления пленных летчиков или других военнопленных, кроме русских, как мы убедились, не последовало, нескольких все же убили, а гражданское население подстрекали линчевать приземлявшиеся на парашютах экипажи самолетов союзников. Один пленный французский генерал (Месни) был умышленно убит по приказу Гитлера, а большое число военнопленных союзных армий погибло, когда их насильственно перегоняли на большие расстояния без воды и пищи. Эти длительные марши они совершали по дорогам, подвергавшимся налетам английских, американских и русских самолетов. Перегоняли их в глубь страны, чтобы не допустить освобождения наступавшими войсками союзников. Стремление Гитлера заставить

немецких солдат подумать дважды, прежде чем дезертировать, имело свои основания. На Западе число дезертиров или по меньшей мере тех, кто сдавался при первой возможности, сразу после начала англо-американского наступления стало ошеломляющим. 12 февраля Кейтель отдал от имени фюрера приказ о том, что любой солдат, который обманным путем раздобудет увольнительную записку, получит отпуск или совершит поездку по подложным документам, будет "наказываться смертью". А 5 марта генерал Бласковиц, командующий группой армий "Х" на Западе, отдал такой приказ:

"Все солдаты... обнаруженные за пределами своих частей... а также все заявляющие, что они отстали и разыскивают свои части, будут немедленно отданы под трибунал и расстреляны".

12 апреля Гиммлер внес свою лепту в этот приказ, объявив, что командир, не сумевший удержать город или важный узел коммуникаций, будет расстрелян. Приказ тут же был приведен в исполнение по отношению к нескольким офицерам, которые не сумели удержать один из мостов через Рейн.

Во второй половине дня 7 марта передовые подразделения американской 9-й танковой дивизии достигли высот у города Ремаген, в 25 милях севернее Кобленца. К удивлению американских танкистов, железнодорожный мост Людендорфа не был разрушен. Они быстро спустились по склонам к воде. Саперы торопливо перерезали любой попадавшийся провод, который мог вести к заложенной мине. По мосту устремился взвод пехотинцев. Когда они подбегали к правому берегу последовал один взрыв, затем другой. Мост тряхнуло, но он не рухнул. Немногочисленная группа немцев, прикрывавшая его на том берегу, была быстро отброшена. Танки устремились вперед через пролеты моста. К вечеру американцы создали прочный плацдарм на правом берегу Рейна. Последний серьезный естественный рубеж на пути в Западную Германию был преодолен {Гитлер приказал расстрелять восемь немецких офицеров, которые командовали немногочисленными силами, прикрывавшими ремагенский мост. Их судил учрежденный фюрером специальный подвижный трибунал Западного фронта под председательством фанатичного нацистского генерала по фамилии Хюбнер. — Прим. авт. }.

Через несколько дней, поздним вечером 22 марта, 3-я армия Паттона, преодолев Саар-Палатинатский треугольник, в ходе блестящей операции во взаимодействии с американской 7-й и французской 1-й армиями организовала еще одну переправу через Рейн у Оппенхайма, к югу от Майнца. К 25 марта англо-американские армии вышли на левый берег реки

на всем ее протяжении, создав в двух местах на правом берегу укрепленные плацдармы. За полтора месяца Гитлер потерял на Западе более трети своих сил и большую часть вооружения, достаточного для оснащения полумиллиона человек.

В 2.30 ночи 24 марта в своей ставке в Берлине он созвал военный совет, чтобы решить, что же предпринять дальше.

Гитлер: Я считаю, что второй плацдарм в Оппенхайме представляет собой величайшую опасность.

Хевель (представитель МИД): Рейн там не слишком широк.

Гитлер: Добрых двести пятьдесят метров. Но на речном рубеже достаточно уснуть лишь одному человеку, чтобы случилась страшная беда.

Верховный главнокомандующий поинтересовался, "нет ли там бригады или чего-либо подобного, что можно было бы туда послать". Ответил адъютант:

"В настоящее время в наличии нет ни одной части, которую можно было бы направить в Оппенхайм. В военном городке на Сене имеется только пять противотанковых установок, которые будут готовы сегодня или завтра. Их можно ввести в бой через несколько дней..."

Несколько дней! К этому времени Паттон уже создал в Оппенхайме плацдарм семь миль шириной и шесть глубиной, а его танки устремились на восток к Франкфурту. И показателем того трудного положения, в каком оказалась некогда мощная немецкая армия, чьи хваленые танковые корпуса в былые годы рассекали Европу из конца в конец, явилось то, что сам верховный главнокомандующий был вынужден заниматься пятью подбитыми противотанковыми установками, которые можно было заполучить и ввести в бой лишь через несколько дней, чтобы остановить наступление мощной танковой армии противника {Стенограмма военного совета, состоявшегося у фюрера 23 марта, последняя из числа относительно неповрежденных огнем. По ней можно судить о действиях обезумевшего фюрера и его одержимости ничтожными деталями в момент, когда начали рушиться стены. Битый час он обсуждал предложение Геббельса использовать широкий проспект в берлинском Тиргартене в качестве взлетно-посадочной полосы. Он распространялся о непрочности немецкого бетона, не выдерживающего бомбежек. Значительная часть времени была потрачена на обсуждение вопроса, где собрать по крохам войска. Один из генералов упомянул об индийском легионе.

Гитлер заявил: "Индийский легион — это несерьезно. Есть индусы, неспособные убить даже вошь. Они скорее позволят съесть себя. Они не способны также убить англичанина. Я считаю нелепостью направлять их

сражаться против англичан... Если бы мы использовали индусов для вращения молитвенных барабанов или чего-либо в этом роде, они были бы самыми неутомимыми тружениками в мире... " И так до глубокой ночи. Разошлись в 03. 43. — Прим. авт. }.

Теперь, к началу третьей недели марта, когда американцы находились уже на той стороне Рейна, а мощная союзная армия англичан, канадцев и американцев под командованием Монтгомери изготавилась форсировать Нижний Рейн и устремиться на северонемецкую равнину и Рур, что они и осуществили в ночь на 23 марта, мстительный Гитлер обрушился на собственный народ. Народ поддерживал его в годы величайших в немецкой истории побед. Теперь, в годину испытаний, фюрер не считал более народ достойным его, Гитлера, величия. "Если германскому народу суждено потерпеть поражение в борьбе, — заявил он в речи, обращенной к гаулейтерам в августе 1944 года, — то он, очевидно, слишком слаб: он не смог доказать свою храбрость перед историей и обречен лишь на уничтожение". Фюрер быстро превращался в развалину, и это еще больше отравляло его суждения. Напряжение, которого требовало руководство войной, потрясения, вызванные поражениями, нездоровый образ жизни без свежего воздуха и движения в подземных штабных бункерах, которые он редко покидал, неспособность сдерживать все чаще повторявшиеся вспышки гнева и не в последнюю очередь вредные лекарства, которые он принимал каждый день по настоянию своего врача — шарлатана Морелля, подорвали его здоровье еще до взрыва 20 июля 1944 года. Во время взрыва у него лопнули барабанные перепонки в обоих ушах, что усугубило приступы головокружения. После взрыва доктора порекомендовали ему продолжительный отдых, но он отказался. "Если я покину Восточную Пруссию, — говорил он Кейтелю, — она падет. Пока я здесь, она будет держаться".

В сентябре 1944 года у него случился нервный срыв, сопровождавшийся упадком сил, и он слег, но к ноябрю поправился и вернулся в Берлин. Однако теперь он уже не мог сдерживать свой гнев. По мере того как вести с фронтов становились все хуже и хуже, его все чаще и чаще охватывала истерия. Это неизменно сопровождалось дрожью в руках и ногах, которую он не мог унять. Несколько описаний таких моментов оставил генерал Гудериан. В конце января, когда русские вышли на Одер всего в 100 милях от Берлина и начальник генерального штаба потребовал эвакуировать морем несколько дивизий, отрезанных в Прибалтике, Гитлер в гневе накинулся на него.

"Он стоял передо мной и грозил мне грядущими кулаками. Мой

добрый начальник штаба Томалс счел нужным схватить меня за фалды кителя и оттащить назад, чтобы я не стал жертвой физического воздействия".

По воспоминаниям Гудериана, несколько дней спустя, 13 февраля 1945 года, из-за обстановки на русском фронте произошла еще одна стычка, продолжавшаяся два часа.

"Передо мной стоял человек с поднятыми кулаками и багровыми от гнева щеками, дрожавший всем телом... и потерявший всякий контроль над собой. После каждого взрыва негодования Гитлер ходил длинными шагами вдоль края ковра, затем внезапно останавливался передо мной и бросал мне в лицо новую порцию негодующих обвинений. Он почти визжал, казалось, его глаза вот-вот вылезут из орбит, а вздувшиеся на висках вены лопнут".

И в таком состоянии, душевном и физическом, немецкий фюрер принял одно из последних важных государственных решений. 19 марта он подписал директиву о том, что все военные, промышленные, транспортные объекты и объекты связи, как и все материальные ресурсы Германии, должны быть уничтожены, дабы не попасть в руки врага. Исполнение возлагалось на военных совместно с нацистскими гаулейтерами и комиссарами обороны. Директива заканчивалась словами: "Все распоряжения, противоречащие настоящему приказу, недействительны".

Германию собирались превратить в обширную пустыню. Ничего не следовало оставлять из того, что могло бы помочь немецкому народу как-то пережить свое поражение.

Откровенный и прямой Альберт Шпеер, министр вооружений и военного производства, предвидел эту варварскую директиву, исходя из предшествующих встреч с Гитлером. 15 марта он составил памятную записку, в которой решительно выступил против этого преступного шага и подтвердил, что война проиграна. Вечером 18 марта он представил ее фюреру.

"Полного крушения немецкой экономики, — писал Шпеер, — следует со всей определенностью ожидать в ближайшие четыре — восемь недель... После этого краха продолжать войну военными средствами станет невозможно... Мы должны предпринять все, чтобы до конца сохранять, пусть даже самым примитивным образом, основу для существования нации... На этом этапе войны мы не имеем права производить разрушения, которые могут отразиться на жизни народа. Если враги хотят уничтожить нашу нацию, которая сражалась с непостижимой храбростью, тогда пусть этот исторический позор полностью ляжет на них. Наш долг — сохранить для нации любую возможность возрождения в отдаленном будущем..."

Но Гитлер, решив свою собственную судьбу, отныне не интересовался дальнейшим существованием немецкого народа, к которому всегда выражал такую безграничную любовь. И он сказал Шпееру:

"Если война будет проиграна, нация также погибнет. Это ее неизбежный удел. Нет необходимости заниматься основой, которая потребуется народу, чтобы продолжать самое примитивное существование. Напротив, будет гораздо лучше уничтожить все эти вещи нашими же руками, потому что немецкая нация лишь докажет, что она слабее, а будущее будет принадлежать более сильной восточной нации (России). Кроме того, после битвы уцелеют только неполноценные люди, ибо все полноценные будут перебиты".

На следующий день верховный главнокомандующий открыто провозгласил свою позорную доктрину "выжженной земли". 23 марта появился на свет в равной мере чудовищный приказ Мартина Бормана, человека-крота, первого среди сатрапов Гитлера, с которым в настоящее время никто не мог сравниться по положению. Шпеер так описал это на Нюрнбергском процессе:

"Декретом Бормана предусматривалось сосредоточение всего населения с Запада и с Востока, включая иностранных рабочих и военнопленных, в центре рейха. К месту сбора миллионы людей должны были двигаться пешком. Никакого обеспечения продуктами питания и предметами первой необходимости ввиду сложившейся обстановки не предусматривалось. Условия движения не позволяли взять что-либо с собой. Результатом всего этого мог стать страшный голод, последствия которого трудно представить".

И если бы все прочие приказы Гитлера и Бормана — а было издано еще немало дополнительных директив — исполнялись, миллионы немцев, остававшихся к тому времени в живых, наверняка погибли бы. Свидетельствуя на Нюрнбергском процессе, Шпеер попытался обобщить различные приказы и распоряжения, требовавшие превращения рейха в "выжженную землю".

Уничтожению, по его словам, подлежали: все промышленные предприятия, все важные источники и средства передачи электроэнергии, водопроводы, газовые сети, продовольственные и вещевые склады; все мосты, все водные пути, корабли и суда, все грузовые автомобили и все локомотивы.

Приближался конец и немецкой армии.

Пока англо-канадские армии фельдмаршала Монтгомери форсировали в последнюю неделю марта Нижний Рейн, продвигались в северо-

восточном направлении к Бремену, Гамбургу и Балтийскому побережью в районе Любека, американские 9-я армия генерала Симпсона и 1-я армия генерала Ходжеса быстро охватывали Рур соответственно с севера и с юга, 1 апреля они соединились у Липпштадта. Группа армий "Б" под командованием фельдмаршала Моделя, состоявшая из 15-й и 5-й танковых армий, насчитывавших примерно 21 дивизию, была загнана в ловушку среди развалин крупнейшего промышленного района Германии. Она продержалась 18 дней и 18 апреля сдалась. В плену оказалось еще 325 тысяч немцев, в том числе 30 генералов. Моделя среди них не было. Он предпочел застрелиться.

Окружение армий Моделя в Руре оголило немецкий фронт на большом протяжении на Западе. В образовавшуюся брешь шириной 200 миль двинулись американские 9-я и 1-я армии, высвободившиеся в Руре. Отсюда они устремились к Эльбе, к самому сердцу Германии. Открылась дорога на Берлин, поскольку в промежутке между этими двумя американскими армиями и немецкой столицей находилось всего несколько беспорядочно разбросанных, дезорганизованных немецких дивизий. Вечером 11 апреля, преодолев с рассвета около 60 миль, передовые части 9-й армии достигли Эльбы у Магдебурга, а на следующий день организовали на другом берегу предмостный плацдарм. Американцы находились всего в 60 километрах от Берлина.

Цель Эйзенхауэра теперь состояла в том, чтобы расколоть Германию надвое, соединившись с русскими на Эльбе, между Магдебургом и Дрезденом. Несмотря на резкую критику со стороны Черчилля и английского военного руководства за то, что не взяли Берлин раньше русских, хотя легко могли это сделать, Эйзенхауэр и его штаб работали как одержимые над решением неотложной задачи. Теперь, после соединения с русскими, необходимо было немедленно двинуться на юго-восток, чтобы овладеть так называемой Национальной крепостью, где в труднопроходимых Альпийских горах Южной Баварии и Западной Австрии Гитлер собирал на последнем рубеже обороны оставшиеся силы.

"Национальная крепость" была миражом. Ее никогда не существовало, кроме как в пропагандистских тирадах д-ра Геббельса и в головах свехосторожных штабистов Эйзенхауэра, которые клюнули на эту удочку. Еще 11 марта разведка штаба верховного командования союзных экспедиционных сил предупредила Эйзенхауэра, что нацисты планируют создать в горах неприступную крепость и что Гитлер будет лично руководить ее обороной из своего убежища в Берхтесгадене. По сообщениям разведки, покрытые льдом горные утесы были практически

непроходимы.

"Здесь, — утверждала разведывательная сводка, — под прикрытием естественных оборонительных препятствий, усиленных самым эффективным секретным оружием из когда-либо созданного человеком, уцелевшие силы, которые до сих пор руководили Германией, положат начало ее возрождению; здесь на заводах, расположенных в бомбоубежищах, будет изготавливаться оружие; здесь в обширных подземных нишах будет храниться продовольствие и снаряжение, а специально сформированный корпус из молодых людей будет обучаться ведению партизанской войны, с тем чтобы целая подпольная армия могла быть подготовлена и направлена на освобождение Германии от оккупировавших ее сил".

Казалось, в разведывательное управление штаба верховного союзного командования проникли английские и американские мастера детективных романов. Во всяком случае, эти фантастические измышления всерьез восприняли в штабе союзных экспедиционных сил, где начальник штаба Эйзенхауэра генерал Беделл Смит ломал голову над ужасной возможностью "затяжной кампании в альпийских районах", что повлекло бы огромные людские потери и привело бы к затягиванию войны на неопределенный срок {"Лишь по окончании всей кампании, — писал позднее генерал Омар Брэдли, — мы поняли, что эта крепость существовала в воображении нескольких фанатичных нацистов. Она превратилась в такое пугало, что я просто поражаюсь, как мы могли столь наивно поверить в ее существование. Но пока оно существовало, легенда о крепости была слишком зловещей угрозой, чтобы ею пренебрегать, и в результате в последние недели войны мы не могли не учитывать ее в своих оперативных планах" (Брэдли О. Записки солдата, с. 536). "Превеликое множество всего было написано об Альпийской крепости, — заметил с усмешкой фельдмаршал Кессельринг после войны, — и в основном чепухи" (Кессельринг. Послужной список солдата, с. 276). — Прим. авт. }. Еще раз — уже в последний — изобретательному д-ру Геббельсу удалось повлиять посредством пропагандистского блефа на ход военных операций. И хотя Адольф Гитлер вначале допускал возможность отступления в австро-баварские Альпы, чтобы укрыться и дать последний бой в горах, близ которых он родился, где провел немало часов своей жизни, где на горном курорте Оберзальцберг, за Берхтесгаденом, он построил дом, который мог назвать своим, он долго колебался, пока не стало слишком поздно.

16 апреля — в день, когда американские войска вошли в Нюрнберг,

город громогласных соборищ нацистской партии, русские армии Жукова устремились вперед с плацдарма на Одере и 21 апреля вышли к пригородам Берлина. Вена пала еще 13 апреля. В 16. 40 25 апреля передовые дозоры американской 69-й пехотной дивизии встретились с передовыми частями русской 58-й гвардейской дивизии в Торгау на Эльбе, примерно в 75 милях к югу от Берлина. Между Северной и Южной Германией был вбит клин, и Гитлер оказался отрезан в Берлине. Дни третьего рейха были сочтены.

Часть 31. Последние дни Третьего Рейха

Гитлер планировал покинуть Берлин и направиться в Оберзальцберг 20 апреля, в день, когда ему исполнялось 56 лет, чтобы оттуда, из легендарной горной твердыни Фридриха Барбароссы, руководить последней битвой третьего рейха. Большинство министерств уже переехали на юг, переправив туда в переполненных грузовиках государственные документы и охваченных паникой чиновников, отчаянно стремившихся вырваться из обреченного Берлина. Десятью днями ранее Гитлер отправил в Берхтесгаден большую часть домашней прислуги, чтобы она могла подготовить к его приезду расположенную в горах виллу Бергхоф.

Однако судьба распорядилась иначе и он уже больше не увидел своего излюбленного пристанища в Альпах. Конец приближался гораздо быстрее, чем рассчитывал фюрер. Американцы и русские стремительно продвигались к месту встречи на Эльбе. Англичане стояли у ворот Гамбурга и Бремена, угрожая отрезать Германию от оккупированной Дании. В Италии пала Болонья, и союзные войска под командованием Александра вступили в долину реки По. Овладев 13 апреля Веной, русские продолжали продвигаться вверх по Дунаю, а навстречу им вниз по реке шла американская 3-я армия. Они встретились в Линце, родном городе Гитлера. Нюрнберг, на площадях и стадионах которого на протяжении всей войны проходили демонстрации и митинги, что должно было означать превращение этого древнего города в столицу нацизма, теперь был осажден, а части американской 7-й армии обошли его и двинулись на Мюнхен — родину нацистского движения. В Берлине уже слышался гром русской тяжелой артиллерии.

"В течение недели, — отмечал в своем дневнике за 23 апреля граф Шверин фон Крозиг, легкомысленный министр финансов, стремглав бежавший из Берлина на север при первом же сообщении о приближении большевиков, — не произошло никаких событий, лишь нескончаемым потоком прибывали посланцы Иова {По библейским сказаниям, вестники беды. — Прим. ред. }. Судя по всему, нашему народу уготована страшная судьба".

В последний раз Гитлер выехал из своей ставки в Растенбурге еще 20 ноября, поскольку приближались русские, и с тех пор до 10 декабря пребывал в Берлине, который почти не видел с начала войны на Востоке.

Затем он направился в свою западную ставку в Цигенберге, расположенную близ Бад-Наухайма, чтобы руководить колоссальной авантюрой в Арденнах. После ее провала он вернулся 16 января в Берлин, где и оставался до конца. Отсюда он руководил своими разваливавшимися армиями. Его ставка размещалась в бункере, расположенном на глубине 15 метров под имперской канцелярией, огромные мраморные залы которой превратились в руины в результате воздушных налетов союзников.

Физически он заметно деградировал. Молодой армейский капитан, впервые увидевший фюрера в феврале, позднее так описывал его внешность:

"Голова у него слегка тряслась. Его левая рука висела плетью, а кисть дрожала. Глаза сверкали непередаваемым лихорадочным блеском, вызывая страх и какое-то странное оцепенение. Его лицо и мешки под глазами создавали впечатление полного истощения. Все движения выдавали в нем дряхлого старика".

С момента покушения на его жизнь 20 июля он перестал кому-либо доверяться даже старым соратникам по партии. "Мне лгут со всех сторон", — возмущенно говорил он в марте одной из своих секретарш.

"Я ни на кого не могу положиться. Меня кругом предают. От всего этого меня просто тошнит... Если со мной что-нибудь случится, Германия останется без вождя. У меня нет преемника. Гесс — сумасшедший, Геринг несимпатичен народу, Гимmlера отвергнет партия, кроме того, он совсем неартистичен. Поломайте себе голову и скажите, кто может стать моим преемником".

Казалось, на данном историческом отрезке времени вопрос о преемнике чисто отвлеченный, однако это было не так, да иначе и быть не могло в безумной стране нацизма. Не только фюрер мучился этим вопросом, но и, как мы вскоре убедимся, ведущие кандидаты в его преемники.

Хотя физически Гитлер был уже полной развалиной и стоял перед лицом надвигающейся катастрофы, по мере того как русские продвигались к Берлину, а союзники опустошали рейх, он и его наиболее фанатичные приспешники, прежде всего Геббельс, упрямо верили, что в последний момент их спасет чудо.

Однажды, чудесным вечером в начале апреля, Геббельс читал Гитлеру вслух его любимую книгу "История Фридриха II" Карлейля. В главе рассказывалось о мрачных днях Семилетней войны, когда великий король почувствовал приближение гибели и сказал своим министрам, что если до 15 февраля в его судьбе не произойдет поворота к лучшему, то он сдастся и

примет яд. Этот исторический эпизод, безусловно, вызывал ассоциации, а Геббельс, естественно, читал это место с особым, присущим ему драматизмом...

"Наш храбрый король! — продолжал чтение Геббельс. — Подожди еще немного, и дни твоих страданий останутся позади. Солнце твоей счастливой судьбы уже появилось на небе и скоро взойдет над тобой". Умерла царица Елизавета, и для Бранденбургской династии свершилось чудо".

Геббельс рассказывал Крозигу, из дневника которого мы узнали об этой трогательной сцене, что глаза фюрера наполнились слезами. Получив такую моральную поддержку, да еще из английского источника, они потребовали принести им два гороскопа, хранившиеся в материалах одного из многочисленных "научно-исследовательских" отделов Гиммлера. Один гороскоп был составлен для фюрера 30 января 1933 года, в день его прихода к власти, другой — был составлен известным астрологом 9 ноября 1918 года, в день рождения Веймарской республики. Геббельс сообщил позднее Крозигу результат повторного изучения этих удивительных документов.

"Был обнаружен поразительный факт — оба гороскопа предсказали начало войны в 1939 году и победы до 1941 года, а также последующую серию поражений, при этом наиболее тяжкие удары должны были обрушиться в первые месяцы 1945 года, особенно в первой половине апреля. Во второй половине апреля нас ожидает временный успех. Затем воцарится затишье до августа и тогда же наступит мир. В течение последующих трех лет Германии предстоит пережить тяжелые времена, но с 1948 года она вновь начнет возрождаться".

Ободренный Карлейлем и поразительными предсказаниями звезд, Геббельс обратился 6 апреля с призывом к отступающим войскам:

"Фюрер заявил, что уже в этом году должна наступить перемена в судьбе... Истинная сущность гения — это предвидение и твердая уверенность в предстоящих переменах. Фюрер знает точный час их наступления. Судьба послала нам этого человека, чтобы мы в час великих внутренних и внешних потрясений стали свидетелями чуда..."

Едва минула неделя, как в ночь на 12 апреля Геббельс убедил себя, что час чуда настал. В этот день пришли новые недобрые вести. Американцы появились на автострате Дессау — Берлин, и верховное командование поспешно отдало приказ об уничтожении двух последних пороховых заводов, расположенных поблизости от нее. Отныне немецким солдатам придется обходиться боеприпасами, которые имелись у них в наличии.

Весь день Геббельс провел при штабе генерала Буссе в Кюстрине на одерском направлении. Как рассказывал Геббельс Крозигу, генерал заверил его, что прорыв русских невозможен, что он "будет держаться здесь, пока не получит от англичан пинка в зад".

"Вечером они сидели вместе с генералом в штабе, и он, Геббельс, развивал свой тезис, что согласно исторической логике и справедливости ход событий должен измениться, как это чудесным образом произошло в Семилетней войне с Бранденбургской династией.

"А какая царица умрет на этот раз? " — спросил генерал. Геббельс не знал. "Но судьба, — ответил он, — располагает многими возможностями".

Когда поздно вечером министр пропаганды возвратился в Берлин, центр столицы полыхал в огне после очередного налета английской авиации. Пожаром были охвачены уцелевшая часть здания канцелярии и отель "Адлон" на Вильгельмштрассе. У входа в министерство пропаганды Геббельса приветствовал секретарь, сообщивший ему срочную новость: "Рузвельт умер". Лицо министра засветилось в отблесках пожара, охватившего здание канцелярии на противоположной стороне Вильгельмштрассе, и это увидели все. "Принесите лучшего шампанского, — воскликнул Геббельс, — и соедините меня с фюрером". Гитлер переживал бомбежку в подземном бункере. Он подошел к телефону.

"Мой фюрер! — воскликнул Геббельс. — Я поздравляю вас! Рузвельт умер! Звезды предрекли, что вторая половина апреля станет для нас поворотным моментом. Сегодня пятница, 13 апреля. (Было уже за полночь.) Это и есть поворотный момент! " Реакция Гитлера на эту новость в документах не зафиксирована, хотя ее нетрудно представить, учитывая воодушевление, которое он черпал у Карлейля и в гороскопах. Свидетельства же реакции Геббельса сохранились. По словам его секретаря, "он впал в экстаз". Его чувства разделял и известный нам граф Шверин фон Крозиг. Когда статс-секретарь Геббельса сообщил ему по телефону, что Рузвельт умер, Крозиг, если верить записи в его дневнике, воскликнул:

"Это снизошел ангел истории! Мы ощущаем трепет его крыльев вокруг нас. Разве это не есть дар судьбы, которого мы ждали с таким нетерпением?! "

На следующее утро Крозиг позвонил Геббельсу, передал ему свои поздравления, о чем он с гордостью записал в дневнике, и, очевидно, не считая это достаточным, направил письмо, в котором приветствовал смерть Рузвельта. "Божий суд... Божий дар... " — так писал он в письме. Министры правительства вроде Крозига и Геббельса, получившие

образование в старейших университетах Европы и долго находившиеся у власти, хватались за предсказания звезд и бурно радовались смерти американского президента, считая ее верным признаком того, что теперь, в последнюю минуту, всевышний спасет третий рейх от неизбежной катастрофы. И в этой атмосфере сумасшедшего дома, каким представлялась охваченная пламенем пожаров столица, разыгрывался последний акт трагедии вплоть до того момента, когда должен был упасть занавес.

Ева Браун приехала в Берлин, чтобы присоединиться к Гитлеру, 15 апреля. Лишь очень немногие немцы знали о ее существовании и мало кто — о ее отношениях с Гитлером. Более двенадцати лет она была его любовницей. Теперь, в апреле, она приехала, как утверждает Тревор-Роупер, на свою свадьбу и церемониальную смерть.

Ее роль в последней главе этой повести довольно любопытна, но как личность она не представляет особого интереса. Она не была ни маркизой Помпадур, ни Лолой Монте { "Историков Ева Браун явно разочарует", — сказал Шпеер Тревор-Роуперу, а историк добавил: "И любителей истории тоже" (Тревор-Роупер. Последние дни Гитлера, с. 92). — Прим. авт. }.

Дочь небогатых баварских бюргеров, которые поначалу решительно возражали против ее связи с Гитлером, хотя тот и был диктатором, она служила в мюнхенской фотографии Генриха Гофмана, который и познакомил ее с фюрером. Это произошло спустя год или два после самоубийства Гели Раубал, племянницы Гитлера, к которой, единственной в своей жизни, он, очевидно, питал страстную любовь. Еву Браун ее любовник тоже доводил до отчаяния, правда по иной причине, чем Гели Раубал. Ева Браун, хотя ей и отвели просторные апартаменты на альпийской вилле Гитлера, плохо переносила длительную разлуку с ним и в первые годы их дружбы дважды пыталась покончить с собой. Но постепенно она смирилась со своей непонятной ролью — не жена, не любовница.

Последнее важное решение Гитлера

День рождения Гитлера, 20 апреля, прошел достаточно спокойно, хотя генерал Карл Коллер, начальник штаба ВВС, присутствовавший на праздновании в бункере, отметил его в своем дневнике как день новых катастроф на быстро разваливавшихся фронтах. В бункере находились нацисты старой гвардии — Геринг, Геббельс, Гиммлер, Риббентроп и Борман, а также уцелевшие военачальники — Дениц, Кейтель, Йодль и Кребс — и новый начальник генерального штаба сухопутных войск. Он поздравил фюрера с днем рождения.

Верховный главнокомандующий не был, как обычно, мрачен, несмотря на сложившуюся обстановку. Он все еще верил, как он заявил за три дня до этого своим генералам, что на подступах к Берлину русские потерпят самое жестокое поражение из всех, какие они терпели до сих пор. Однако генералы были не столь глупы и на военном совещании, состоявшемся после праздничной церемонии, стали убеждать Гитлера покинуть Берлин и двинуться на юг. "Через день или два, — объясняли они, — русские перережут последний на этом направлении коридор для отхода". Гитлер колебался. Он не сказал ни да, ни нет. Очевидно, он никак не мог осознать тот устрашающий факт, что столица третьего рейха вот-вот будет захвачена русскими, армии которых, как он уверял много лет назад, "полностью уничтожены". В качестве уступки генералам он согласился сформировать два отдельных командования на случай, если американцы и русские соединятся на Эльбе. Тогда адмирал Дениц возглавит северное командование, а Кессельринг — южное. В пригодности кандидатуры последнего на этот пост фюрер не был вполне уверен.

В этот вечер началось массовое бегство из Берлина. Два самых доверенных лица и испытанных сподвижника — Гиммлер и Геринг оказались в числе покидавших столицу. Геринг уходил с колонной автомобилей и грузовиков, доверху набитых трофеями и имуществом из его сказочно богатого поместья Каринхалле. Каждый из этих нацистов старой гвардии покидал Берлин в уверенности, что любимого фюрера скоро не станет и именно он придет ему на смену.

Им не довелось увидеть его снова, как, впрочем, и Риббентропу, который в тот же день, поздно вечером, поспешил в места более безопасные.

Но Гитлер все еще не сдавался. На другой день после своего рождения он приказал генералу войск СС Феликсу Штейнеру нанести контрудар по русским в районе южнее пригорода Берлина. Предполагалось бросить в бой всех солдат, каких только можно обнаружить в Берлине и его окрестностях, в том числе и из наземных служб люфтваффе.

"Каждый командир, который уклонится от выполнения приказа и не бросит в бой свои войска, — кричал Гитлер на генерала Коллера, оставшегося за командующего ВВС, — поплатится жизнью в течение пяти часов. Вы лично головой отвечаете за то, чтобы все до последнего солдата были брошены в бой".

Весь этот день и большую часть следующего Гитлер нетерпеливо ждал результатов контрудара Штейнера. Но не было предпринято даже попытки, чтобы провести его, поскольку существовал он лишь в воспаленном мозгу

отчаявшегося диктатора. Когда же до него наконец дошел смысл происходящего, разразилась буря.

22 апреля обозначился последний поворот на пути Гитлера к краху. С раннего утра до 3 часов пополудни, как и предыдущий день, он сидел на телефоне и пытался выяснить на различных КП, как развивается контрудар Штейнера. Никто ничего не знал. Ни самолеты генерала Коллера, ни командиры наземных частей обнаружить его не сумели, хотя предположительно он должен был наноситься в двух-трех километрах к югу от столицы. Даже Штейнера, хотя он-то существовал, невозможно было обнаружить, не говоря о его армии.

Буря разразилась на дневном совещании, состоявшемся в 3 часа в бункере Разозленный Гитлер потребовал доклада о действиях Штейнера. Но ни у Кейтеля, ни у Йодля, ни у кого другого сведений на этот счет не было. У генералов имелись новости совсем иного свойства. Отвод войск с позиций севернее Берлина для поддержки Штейнера настолько ослабил там фронт, что это привело к прорыву русских, танки которых пересекли черту города.

Для верховного главнокомандующего это оказалось слишком. Все оставшиеся в живых свидетельствуют, что он полностью потерял контроль над собой. Так он еще никогда не бесновался. "Это конец, — пронзительно завизжал он. — Все меня покинули. Кругом измена, ложь, продажность, трусость. Все, кончено. Прекрасно. Я остаюсь в Берлине. Я лично возьму на себя руководство обороной столицы третьего рейха. Остальные могут убираться куда хотят. Здесь я и встречу свой конец".

Присутствовавшие запротестовали. Они говорили, что еще есть надежда, если фюрер отступит на юг. В Чехословакии сосредоточены группа армий фельдмаршала Фердинанда Шернера и значительные силы Кессельринга. Дениц, который выехал на северо-запад принять командование войсками, и Гиммлер, который, как мы убедимся, по-прежнему вел собственную игру, звонили фюреру, убеждая его покинуть Берлин. Даже Риббентроп связался с ним по телефону и сообщил, что готов организовать "дипломатический переворот", который все спасет. Но Гитлер уже никому из них не верил, даже "второму Бисмарку", как однажды в минуту расположения он, не подумав, назвал своего министра иностранных дел. Он сказал, что принял наконец решение. И, чтобы показать, что это решение бесповоротно, он вызвал секретаря и в их присутствии продиктовал заявление, которое следовало немедленно зачитать по радио. В нем говорилось, что фюрер остается в Берлине и будет оборонять его до конца.

Затем Гитлер послал за Геббельсом и пригласил его с женой и шестью детьми переехать в бункер из своего сильно пострадавшего от бомбежек дома, расположенного на Вильгельмштрассе. Он был уверен, что по крайней мере этот фанатичный приверженец останется при нем вместе с семьей до конца. Потом Гитлер занялся своими бумагами, отобрав те, которые, на его взгляд, следовало уничтожить, и передал одному из своих адъютантов — Юлиусу Шаубу, который вынес их в сад и сжег.

Наконец, вечером он вызвал к себе Кейтеля и Йодля и приказал им двинуться на юг и взять на себя непосредственное руководство оставшимися войсками. Оба генерала, находившиеся рядом с Гитлером всю войну, оставили довольно красочное описание последнего расставания с верховным главнокомандующим. Кейтель, который ни разу не ослушался приказа фюрера, даже когда тот повелевал совершать самые подлые военные преступления, промолчал. В отличие от него Йодль, лакействовавший в меньшей степени, ответил. В глазах этого солдата, который, несмотря на фанатичную преданность и верную службу фюреру, еще хранил верность военным традициям, верховный главнокомандующий бросал свои войска, перекладывая в момент катастрофы ответственность на них.

"Вы не сможете руководить отсюда, — сказал Йодль. — Если рядом с вами не будет штаба, как вы сможете вообще чем-либо управлять? "

"Что ж, тогда Геринг там примет руководство на себя", — возразил Гитлер.

Один из присутствовавших заметил, что ни один солдат не будет сражаться за рейхсмаршала, и Гитлер прервал его: "Что вы имеете в виду под словом "сражаться"? Сколько осталось сражаться? Всего ничего". Даже у безумного завоевателя спала наконец пелена с глаз.

Или боги на мгновение ниспослали ему просветление в эти последние дни его жизни, похожие на кошмар наяву.

Вспышки неистовой ярости у фюрера 22 апреля и его решение остаться в Берлине не прошли без последствий. Когда Гиммлер, который находился в Хоэнлихене, северо-западнее Берлина, получил от Германа Фегелейна, своего офицера связи из штаба СС, отчет по телефону, он воскликнул в присутствии подчиненных: "В Берлине все с ума посходили. Что же мне делать? " "Поезжайте прямо в Берлин", — ответил один из главных его помощников Готлиб Бергер, начальник штаба СС. Бергер был одним из тех простодушных немцев, которые искренне верили в национал-социализм. Он и понятия не имел о том, что его досточтимый шеф Гиммлер, подстрекаемый Вальтером Шелленбергом, уже установил контакт

со шведским графом Фольке Бернадоттом относительно капитуляции немецких армий на Западе. "Я еду в Берлин, — сказал Бергер Гиммлеру, — и ваш долг состоит в том же".

В тот же вечер Бергер, а не Гиммлер, отправился в Берлин, и поездка его представляет интерес благодаря описанию, оставленному им как очевидцем принятия Гитлером важнейшего решения. Когда Бергер прибыл в Берлин, снаряды русских уже рвались неподалеку от канцелярии. Вид Гитлера, который казался "сломленным, конченным человеком", потряс его. Бергер осмелился выразить восхищение решением Гитлера остаться в Берлине. По его словам, он сказал Гитлеру: "Невозможно покинуть народ после того, как он держался так долго и так верно". И снова эти слова привели фюрера в ярость.

"Все это время, — позднее вспоминал Бергер, — фюрер не произнес ни слова. Затем он вдруг выкрикнул: "Все меня обманули! Никто не сказал мне правды. Вооруженные силы лгали мне". И далее в том же духе все громче и громче. Затем лицо его сделалось фиолетово-багровым. Я подумал, что в любой момент у него может случиться удар".

Бергер был также главой администрации Гиммлера по вопросам военнопленных, и после того, как фюрер успокоился, они обсудили судьбу именитых английских, французских и американских пленным, а также таких немцев, как Гальдер и Шахт, и бывшего австрийского канцлера Шушнига, которых перемещали на юго-восток, чтобы не допустить освобождения их американцами, продвигавшимися в глубь Германии. В эту ночь Бергеру предстояло вылететь в Баварию и заняться их судьбой. Собеседники обсудили, кроме того, сообщения о сепаратистских выступлениях в Австрии и Баварии. Мысль о том, что в его родной Австрии и на его второй родине — Баварии может вспыхнуть мятеж, вновь вызвала у Гитлера конвульсии.

"У него тряслась рука, нога и голова, и он, по словам Бергера, продолжал повторять: "Расстрелять их всех! Расстрелять их всех! "

Означал ли этот приказ расстрелять всех сепаратистов или всех именитых пленным, а может, и тех и других, Бергеру было неясно. И этот недалекий человек, очевидно, решил расстрелять всех подряд.

Попытки Геринга и Гиммлера взять власть в свои руки

Генерал Коллер воздержался от участия в совещании у Гитлера 22 апреля. На нем лежала ответственность за люфтваффе, и, как отмечает он в своем дневнике, он бы не вынес, если бы его оскорбляли целый день. Его офицер связи в бункере генерал Эккард Кристиан позвонил ему в 6. 15 вечера и прерывающимся голосом едва слышно произнес: "Здесь

происходят исторические события, решающие для исхода войны". Часа два спустя Кристиан прибыл в штаб ВВС в Вильдпарк-Вердер, расположенный на окраине Берлина, чтобы лично доложить обо всем Коллеру.

"Фюрер сломлен! " — задыхаясь произнес Кристиан, убежденный нацист, женатый на одной из секретарш Гитлера. Разобрать что-либо помимо того, что фюрер решил встретить свой конец в Берлине и сжигает бумаги, было невозможно. Поэтому начальник штаба люфтваффе, несмотря на сильную бомбежку, которую только что начали англичане, срочно вылетел в ставку. Он собирался разыскать Йодля и выяснить, что же произошло в тот день в бункере.

Йодля он нашел в Крампнице, расположенном между Берлином и Потсдамом, где лишившееся фюрера верховное командование организовало временную ставку. Тот поведал своему другу из ВВС всю печальную историю от начала до конца. По секрету он сообщил также то, о чем еще никто не говорил Коллеру и что должно было привести к развязке в ближайшие страшные дни.

"Когда дело доходит до переговоров (о мире), — сказал однажды Кейтелю и Йодлю фюрер, — Геринг больше подходит, чем я. У Геринга это получается намного лучше, он умеет гораздо быстрее поладить с другой стороной". Теперь Йодль повторил это Коллеру. Генерал ВВС понял, что его долг — немедленно лететь к Герингу. Объяснять сложившуюся обстановку в радиограмме было затруднительно, да и опасно, учитывая, что противник прослушивал эфир. Если Герингу, которого Гитлер еще несколько лет назад официально назначил своим преемником, предстоит вступить в переговоры о мире, как предлагает фюрер, следовательно, нельзя терять ни минуты. Йодль с этим согласился. В 3. 20 ночи 23 апреля Коллер поднялся в воздух на истребителе, который сразу взял курс на Мюнхен.

Днем он прибыл в Оберзальцберг и доставил известие рейхсмаршалу. Геринг, который, мягко говоря, давно с нетерпением ждал того дня, когда сменит Гитлера, проявил тем не менее большую осмотрительность, чем можно было ожидать. Он не хотел стать жертвой своего смертельного врага — Бормана. Предосторожность, как оказалось, была вполне оправданной. Он даже вспотел, решая вставшую перед ним дилемму. "Если я начну сейчас действовать, — говорил он своим советникам, — меня могут заклеймить как предателя. Если же я буду бездействовать, меня обвинят в том, что я ничего не предпринял в час испытания".

Геринг послал за Хансом Ламмерсом, статс-секретарем рейхсканцелярии, который находился в Берхтесгадене, чтобы получить у

него юридическую консультацию, а также достал из своего сейфа копию декрета фюрера от 29 июня 1941 года. Декрет определял все четко. Он предусматривал, что в случае смерти Гитлера его преемником становится Геринг. В случае временной неспособности Гитлера руководить государством Геринг действует в качестве его заместителя. Все согласились с тем, что, оставшись погибать в Берлине, лишенный в свои последние часы возможности руководить военными и государственными делами, Гитлер неспособен выполнять эти функции, поэтому долг Геринга согласно декрету — взять власть в свои руки.

Тем не менее рейхсмаршал очень тщательно составил текст телеграммы. Он хотел быть твердо уверенным, что власть действительно передается ему.

Мой фюрер!

Ввиду вашего решения оставаться в крепости Берлин, согласны ли Вы, чтобы я немедленно принял на себя общее руководство рейхом при полной свободе действий в стране и за ее пределами в качестве Вашего заместителя в соответствии с Вашим декретом от 29 июня 1941 года? Если до 10 часов вечера сегодня не последует ответа, я буду считать само собой разумеющимся, что Вы утратили свободу действий и что возникли условия вступления в силу Вашего декрета. Я также буду действовать в высших интересах нашей страны и нашего народа. Вы знаете, какие чувства я питаю к Вам в этот тяжкий час моей жизни. У меня нет слов, чтобы выразить это. Да защитит Вас всевышний и направит к нам сюда как можно скорее, несмотря ни на что.

Верный Вам

Герман Геринг.

В этот же вечер за несколько сот миль отсюда Генрих Гиммлер встречался с графом Бернадоттом в шведском консульстве в Любеке на побережье Балтийского моря. "Верный Генрих", как часто приветливо обращался к нему Гитлер, не просил власти в качестве преемника. Он уже взял ее в свои руки.

"Великая жизнь фюрера, — сообщил он шведскому графу, — близится к концу. Через день или два Гитлер умрет". Затем Гиммлер попросил Бернадотта немедленно сообщить генералу Эйзенхауэру о готовности Германии капитулировать на Западе. На Востоке, добавил он, война будет продолжаться до тех пор, пока западные державы сами не откроют фронт против русских. Такова была наивность, или глупость, или то и другое вместе, этого эсэсовского вершителя судеб, который в данный момент, добивался для себя диктаторских полномочий в третьем рейхе. Когда

Бернадотт попросил Гиммлера письменно изложить свое предложение сдаться, письмо было спешно составлено. Делалось это при свечах, поскольку налеты английской авиации в этот вечер лишили Любек электрического освещения и вынудили совещающихся спуститься в подвал. Гиммлер подписал письмо.

Но и Геринг и Гиммлер действовали, как они это быстро поняли, преждевременно. Хотя Гитлер был полностью отрезан от внешнего мира, если не считать ограниченной радиосвязи с армиями и министерствами, поскольку к вечеру 23 апреля русские завершали окружение столицы, он все еще стремился показать, что способен управлять Германией одной лишь силой своего авторитета и подавлять любую измену, даже со стороны особо приближенных последователей, для чего достаточно одного слова, переданного по трескучему радиопередатчику, антенна которого была закреплена на аэростате, висевшем над его бункером.

Альберт Шпеер и одна свидетельница, весьма замечательная дама, чье драматичное появление в последнем акте в Берлине скоро будет обрисовано, оставили описание реакции Гитлера на телеграмму Геринга. Шпеер прилетел в осажденную столицу в ночь на 23 апреля, посадив крохотный самолетик на восточном конце автостреды Восток — Запад — широкой улице, проходившей через Тиргартен, — у Бранденбургских ворот, в квартале от канцелярии. Узнав, что Гитлер решил остаться в Берлине до конца, который был уже недалек, Шпеер зашел попрощаться с фюрером и признаться ему, что "конфликт между личной преданностью и общественным долгом", как он это назвал, вынуждает его саботировать тактику "выжженной земли". Он не без основания полагал, что его арестуют "за измену" и, возможно, расстреляют. И все наверняка так бы и случилось, если бы диктатор знал, что два месяца назад Шпеер предпринял попытку убить его и всех остальных, кому удалось избежать бомбы Штауфенберга. К блестящему архитектору и министру вооружений, хотя он всегда гордился своей аполитичностью, наконец-то пришло запоздалое прозрение. Когда он понял, что его обожаемый фюрер намеревается уничтожить немецкий народ посредством декретов о "выжженной земле", он решил убить Гитлера. Его план состоял в том, чтобы подать ядовитый газ в систему вентиляции бункера в Берлине в момент крупного военного совещания. Поскольку на них теперь неизменно присутствовали не только генералы, но и Геринг, Гиммлер и Геббельс, Шпеер надеялся уничтожить все нацистское руководство третьего рейха, а также верховное военное командование. Он раздобыл нужный газ и проверил систему воздушного кондиционирования. Но затем обнаружил, как он рассказывал

впоследствии, что воздухозаборник в саду защищен трубой высотой около 4 метров. Эта труба была установлена недавно по личному распоряжению Гитлера во избежание диверсии. Шпеер понял, что подать туда газ невозможно, поскольку этому сразу помешает эсэсовская охрана в саду. Поэтому он оставил свой план, а Гитлеру вновь удалось избежать покушения.

Теперь, вечером 23 апреля, Шпеер признался, что не подчинился приказу и не осуществил бессмысленное уничтожение жизненно важных для Германии объектов. К его удивлению, Гитлер не выказал ни возмущения, ни гнева. Пожалуй, фюрера тронула искренность и отвага его молодого друга — Шпееру только что исполнилось сорок, — к которому он питал давнюю привязанность и которого считал "соратником по искусству". Гитлер, как отметил Кейтель, был странно спокоен в тот вечер, как будто решение умереть здесь в ближайшие дни принесло мир в его душу. Это спокойствие было не столько спокойствием после бури, сколько затишьем перед бурей.

Тем временем в канцелярию прибыла телеграмма Геринга. Продержав ее некоторое время, Борман, этот мастер интриги, наконец-то дождавшийся своего часа, принес ее фюреру, представив как "ультиматум", как изменническую попытку узурпировать власть. "Гитлер пришел в неописуемую ярость, — вспоминает Шпеер, — и в очень сильных выражениях отозвался о Геринге. Он сказал: для него не новость, что Геринг опустил, погряз в разврате и стал наркоманом", — заявление, которое чрезвычайно потрясло молодого архитектора, поскольку он удивился тому, что Гитлер мог так долго использовать на столь высоком посту подобного человека. Шпеера также озадачило, что, придя в себя, Гитлер добавил: "Хорошо, пусть Геринг вступает в переговоры о капитуляции. В конце концов, не имеет значения, кто этим займется". Но такой настрой длился у Гитлера всего несколько мгновений.

Прежде чем закончился разговор, он с подсказки Бормана продиктовал телеграмму, обвинявшую Геринга в совершении "государственной измены", наказанием за которую может быть только смерть, но, учитывая его долгую службу на благо нацистской партии и государства, жизнь ему может быть сохранена, если он немедленно уйдет со всех постов. Ему было предложено ответить односложно — да или нет. Однако подхалиму Борману и этого оказалось мало... На свой страх и риск он направил в штаб СС в Берхтесгадене радиogramму, приказав немедленно арестовать Геринга за государственную измену. На следующий день, еще до рассвета, второй по положению человек в третьем рейхе, самый наглый и богатый из

нацистских бонз, единственный рейхсмаршал в немецкой истории, главнокомандующий ВВС, стал узником эсэсовцев.

Три дня спустя, вечером 26 апреля, Гитлер высказался в адрес Геринга еще более резко, чем в присутствии Шпеера.

Последние посетители бункера

Тем временем еще два интересных посетителя прибыли в напоминавший сумасшедший дом бункер Гитлера: Ханна Рейч, отважная летчица-испытатель, которую отличала помимо прочих достоинств глубокая ненависть к Герингу, и генерал Риттер фон Грейм, которому 24 апреля было приказано прибыть из Мюнхена к верховному командующему, что он и сделал. Правда, вечером 26-го, когда они подлетали к Берлину, их самолет был подбит над Тиргартеном русской зениткой и генералу Грейму раздробило ногу.

Гитлер пришел в операционную, где врач перевязывал рану генерала.

Гитлер: Вам известно, зачем я вас вызвал?

Грейм: Нет, мой фюрер.

Гитлер: Герман Геринг предал меня и фатерланд и дезертировал. Он установил за моей спиной контакт с врагом. Его действия нельзя расценить иначе как трусость. Вопреки приказу он бежал в Берхтесгаден, чтобы спасти себя. Оттуда он направил мне непочтительную радиogramму. Это был...

"Здесь, — вспоминает Ханна Рейч, присутствовавшая при разговоре, — лицо фюрера задергалось, дыхание стало тяжелым и прерывистым".

Гитлер: ... Ультиматум! Грубый ультиматум! Теперь ничего не осталось. Ничто меня не миновало. Нет таких измен, такого предательства, которых бы я не испытал. Присяге не верны, честью не дорожат. А теперь еще и это! Ничего не осталось. Нет такого зла, которого бы мне не причинили.

Я приказал немедленно арестовать Геринга как предателя рейха. Снял его со всех постов, изгнал из всех организаций. Вот почему я вызвал вас!

После этого он назначил обескураженного генерала, лежавшего на койке, новым главнокомандующим люфтваффе. Назначение это Гитлер мог бы объявить по радио. Это позволило бы Грейму избежать увечья и находиться в штабе ВВС — единственном месте, откуда еще можно было руководить тем, что осталось от ВВС.

Три дня спустя Гитлер приказал Грейму, который к этому времени, подобно фрейлейн Рейч, ожидал и желал смерти в бункере рядом с фюрером, вылететь на место и разобраться с новой изменой. А измена

среди главарей третьего рейха, как мы видели, не сводилась к действиям Германа Геринга.

В течение этих трех дней Ханне Рейч представились широкие возможности наблюдать за жизнью безумцев в подземном сумасшедшем доме и, конечно, участвовать в ней. Поскольку эмоционально она была столь же неустойчива, как и приютивший ее высокопоставленный хозяин, ее записи носят зловещий и одновременно мелодраматический характер. И тем не менее в основном они, очевидно, соответствуют действительности и даже достаточно полны, поскольку подтверждаются свидетельствами других очевидцев, что делает их важным документом заключительной главы истории рейха.

Ночью 26 апреля после ее прибытия с генералом Греймом русские снаряды начали падать на канцелярию, и доносившиеся сверху глухие звуки взрывов и рушившихся стен только усугубляли напряженность в бункере. Гитлер отвел летчицу в сторону.

— Мой фюрер, почему вы остаетесь здесь? — спросила она. — Почему Германия должна вас лишиться?! Фюрер должен жить, чтобы жила Германия. Этого требует народ.

— Нет, Ханна, — ответил, по ее словам, фюрер. — Если я умру, то умру за честь нашей страны, потому что, как солдат, я должен подчиняться своему же приказу — защищать Берлин до конца. Моя дорогая девочка, — продолжал он, — я не предполагал, что все так случится. Я твердо верил, что мы сумеем защитить Берлин на берегах Одера... Когда все наши усилия закончились ничем, я ужаснулся сильнее, чем все остальные. Позднее, когда началось окружение города... я посчитал, что, оставаясь в Берлине, подам пример всем наземным войскам и они придут на выручку городу... Но, моя Ханна, я все еще надеюсь. Армия генерала Венка подходит с юга. Он должен — и сумеет — отогнать русских достаточно далеко, чтобы спасти наш народ. Мы отступим, но будем держаться.

В таком настроении пребывал Гитлер в начале вечера. Он все еще надеялся, что генерал Венк освободит Берлин. Но буквально через несколько минут, когда обстрел русскими канцелярии усилился, он снова впал в отчаяние. Он вручил Рейч капсулы с ядом: одну — для нее самой, другую — для Грейма.

"Ханна, — сказал он, — ты из тех, кто умрет со мной... Я не хочу, чтобы хоть один из нас попал живым в руки русских, я не хочу, чтобы они нашли наши тела. Тело Евы и мое тело сожгут. А ты выбирай свой путь".

Ханна отнесла капсулу с ядом Грейму, и они решили, что, если "действительно придет конец", они проглотят яд и затем для верности

выдернут чеку из тяжелой гранаты и плотно прижмут ее к себе.

28-го у Гитлера, судя по всему, появились новые надежды или по крайней мере иллюзии. Он радировал Кейтелю: "Я ожидаю ослабления нажима на Берлин. Что делает армия Генриха? Где Венк? Что происходит с 9-й армией? Когда Венк соединится с 9-й армией? "

Рейч описывает, как в этот день верховный главнокомандующий беспокойно ходил "по убежищу, размахивая картой автодорог, которая быстро расползалась в его потных руках, и обсуждал с любым, кто готов был его слушать, план кампании Венка".

Но "кампания" Венка, как и "удар" Штейнера неделей раньше, существовала лишь в воображении фюрера. Армия Венка была уже уничтожена, как и 9-я армия. Севернее Берлина армия Генриха {Гиммлера — Прим. пер. } быстро откатывалась на Запад, чтобы сдаться западным союзникам, а не русским.

Весь день 28 апреля доведенные до отчаяния обитатели бункера ждали результатов контратак этих трех армий, особенно армии Венка. Русские клинья уже были на расстоянии нескольких кварталов от канцелярии и медленно к ней приближались по нескольким улицам с востока и с севера, а также через Тиргартен. Когда от идущих на помощь войск не поступило никаких известий, Гитлер, подстрекаемый Борманом, заподозрил новые вероломства. В 8 вечера Борман направил радиogramму Деницу:

"Вместо того чтобы побуждать войска продвигаться вперед во имя нашего спасения, ответственные лица хранят молчание. Судя по всему, на смену верности пришла измена. Мы остаемся здесь. Канцелярия лежит в развалинах".

Позднее, той же ночью, Борман послал еще одну телеграмму Деницу:

"Шернер, Венк и другие должны доказать свою верность фюреру, придя к нему на помощь как можно скорее".

Теперь Борман говорил уже от своего имени. Гитлер решил умереть через день или два, а Борман хотел жить. Ему, наверное, не быть преемником Гитлера, но он хотел иметь возможность и в будущем нажимать на тайные пружины за спиной любого, кто придет к власти.

В ту же ночь и адмирал Фосс отправил телеграмму Деницу, известив его, что связь с армией нарушена, и потребовал срочно сообщить по радиоканалам флота о важнейших событиях в мире. Вскоре поступили некоторые новости, но не с флота, а из министерства пропаганды, с его постов прослушивания. Для Адольфа Гитлера новости оказались убийственными.

Помимо Бормана в бункере находился еще один нацистский деятель,

желавший остаться в живых. Это был Герман Фегелейн, представитель Гиммлера при ставке, типичный образец немца, выдвинувшегося при правлении Гитлера. Бывший конюх, затем жокей, совершенно необразованный, он являлся протеже пресловутого Кристиана Вебера, одного из старых товарищей Гитлера по партии. После 1933 года посредством махинаций Вебер сколотил солидное состояние и, будучи помещан на лошадях, завел большую конюшню скакунов. При поддержке Вебера Фегелейн сумел высоко подняться в третьем рейхе. Он стал генералом войск СС, а в 1944 году вскоре после назначения офицером связи Гиммлера при ставке фюрера он еще более укрепил свои позиции в верхах, женившись на сестре Евы Браун Гретель. Все оставшиеся в живых главы СС единодушно отмечают, что Фегелейн, сговорившись с Борманом, не раздумывая предал Гитлеру своего эсэсовского шефа Гиммлера. Этот пользовавшийся дурной репутацией неграмотный и невежественный человек, каким был Фегелейн, казалось, обладал удивительным инстинктом самосохранения. Он умел вовремя определить, тонет корабль или нет.

26 апреля он потихоньку покинул бункер. На следующий вечер Гитлер обнаружил его исчезновение. У фюрера, и без того настороженного, возникло подозрение, и он немедленно выслал группу эсэсовцев на розыски пропавшего. Его обнаружили уже в гражданской одежде у себя дома в районе Шарлоттенбурга, который вот-вот должны были захватить русские. Его доставили в канцелярию и там, лишив звания обергруппенфюрера СС, посадили под арест. Попытка Фегелейна дезертировать породила у Гитлера подозрения относительно Гиммлера. Что замышлял шеф СС теперь, покинув Берлин? Известий не поступало с тех пор, как его офицер связи Фегелейн оставил свой пост. Теперь новости наконец прибыли.

День 28 апреля, как мы убедились, выдался для обитателей бункера тяжелый. Русские подходили все ближе. Долгожданного известия о контратаке Венка все не поступало. В отчаянии осажденные запросили по радиосети ВМС о положении за пределами осажденного города.

Пост радиоподслушивания в министерстве пропаганды поймал переданное радиостанцией Би-би-си из Лондона сообщение о происходящих за пределами Берлина событиях. Агентство Рейтер передало вечером 28 апреля из Стокгольма настолько сенсационное и невероятное сообщение, что один из помощников Геббельса, Гейнц Лоренц, стремглав бросился через изрытую снарядами площадь в бункер. Он принес своему министру и фюреру несколько экземпляров записи этого сообщения.

Известие, по словам Ханны Рейч, "обрушилось на общество как смертельный удар. Мужчины и женщины кричали от бешенства, страха и отчаяния, их голоса слились в одном эмоциональном спазме". У Гитлера он был намного сильнее, чем у остальных. По словам летчицы, "он бесновался как сумасшедший".

Генрих Гиммлер, "верный Генрих", тоже бежал с тонущего корабля рейха. В сообщении агентства Рейтер говорилось о его тайных переговорах с графом Бернадоттом и о готовности немецких армий сдаться на Западе Эйзенхауэру.

Для Гитлера, который никогда не сомневался в абсолютной преданности Гиммлера, это был тягчайший удар. "Лицо его, — вспоминала Рейч, — стало багрово-красным и буквально неузнаваемым... После довольно продолжительного приступа гнева и возмущения Гитлер впал в какое-то оцепенение, и на некоторое время в бункере воцарилась тишина". Геринг по крайней мере попросил у фюрера разрешение продолжить его дело. А "верный" шеф СС и рейхсфюрер вероломно вступил в контакт с врагом, ни словом не уведомив об этом Гитлера. И Гитлер заявил своим приспешникам, когда немного пришел в себя, что это — подлейший акт предательства, с каким он когда-либо сталкивался.

Этот удар наряду с известием, полученным несколько минут спустя о том, что русские приближаются к Потсдамерплац, расположенной всего в квартале от бункера, и, вероятно, начнут штурм канцелярии утром 30 апреля, то есть через 30 часов, означал, что конец наступает. Это вынудило Гитлера принять последние в его жизни решения. Перед рассветом он вступил в брак с Евой Браун, затем изложил свою последнюю волю, составил завещание, отправил Грейма и Ханну Рейч собирать остатки люфтваффе для массовой бомбардировки русских войск, приближавшихся к канцелярии, а также приказал им двоим арестовать предателя Гиммлера.

"После меня во главе государства никогда не станет предатель! — сказал, по словам Ханны, Гитлер. — И вы должны обеспечить, чтобы этого не произошло".

Гитлер сгорал от нетерпения отомстить Гиммлеру. У него в руках был офицер связи шефа СС Фегелейн. Этого бывшего жокея и нынешнего генерала СС тотчас доставили из камеры, тщательно допросили на предмет измены Гиммлера, обвинили в соучастии и по приказу фюрера вывели в сад канцелярии, где и расстреляли. Фегелейну не помогло даже то, что он был женат на сестре Евы Браун. А Ева и пальцем не шевельнула, чтобы спасти жизнь своего зятя.

В ночь на 29 апреля, где-то между часом и тремя, Гитлер вступил в брак с Евой Браун. Он исполнил желание своей любовницы, увенчав ее законными узами в награду за верность до конца.

Последняя воля и завещание Гитлера

Как и желал того Гитлер, оба эти документа сохранились. Подобно другим его документам, они имеют важное значение для нашего повествования. Они подтверждают, что человек, который железной рукой правил Германией более двенадцати лет, а большей частью Европы — четыре года, ничему не научился. Даже неудачи и сокрушительное поражение ничему его не научили.

Правда, в последние часы жизни он вернулся мысленно к дням своей бесшабашной юности, прошедшей в Вене, к шумным сборищам в мюнхенских пивных, где он клял евреев за все беды на свете, к надуманным вселенским теориям и сетованиям на то, что судьба вновь обманула Германию, лишив ее победы и завоеваний. Эту прощальную речь, адресованную германской нации и всему миру, которая должна была стать и заключительным обращением к истории, Адольф Гитлер составил из пустых, рассчитанных на дешевый эффект фраз, надерганных из "Майн кампф", добавив к ним свои лживые измышления. Эта речь была закономерной эпитафией тирану, которого абсолютная власть совершенно развратила и уничтожила.

"Политическое завещание", как он назвал его, делится на две части. Первая представляет собой обращение к потомкам, вторая — его особые установки на будущее.

"Прошло более тридцати лет с тех пор, как я, будучи добровольцем, внес свой скромный вклад в первую мировую войну, навязанную рейху.

За эти три десятилетия всеми моими помыслами, действиями и жизнью руководили только любовь и преданность моему народу. Они дали мне силу принимать самые трудные решения, которые когда-либо выпадали на долю смертному...

Это неправда, что я или кто-либо другой в Германии хотел войны в 1939 году. Ее жаждали и спровоцировали те государственные деятели других стран, которые либо сами были еврейского происхождения, либо работали во имя интересов евреев.

Я внес слишком много предложений по ограничению вооружений и контролю над ними, чего потомки никогда не смогут сбросить со счетов, когда будет решаться вопрос, лежит ли ответственность за развязывание этой войны на мне. Далее, я никогда не хотел, чтобы вслед за ужасной первой мировой войной возникла вторая мировая война, будь то просив

Англии или против Америки. Пройдут века, но из руин наших городов и памятников всегда будет восставать ненависть к тем, кто несет полную ответственность за эту войну. Люди, которых мы должны благодарить за все это, — международное еврейство и его пособники".

Затем Гитлер повторил ложь о том, что за три дня до нападения на Польшу он предложил британскому правительству разумное решение польско-германской проблемы.

"Мое предложение отвергли только потому, что правящая клика Англии хотела войны, частично по коммерческим соображениям, частично потому, что поддалась пропаганде, распространяемой международным еврейством".

Он возложил всю ответственность, причем не только за миллионы погибших на полях сражений и в разбомбленных городах, но и за массовое истребление евреев по его личному приказу, на самих евреях.

Потом последовали призывы ко всем немцам "не прекращать борьбы". В заключение он был вынужден признать, что с национал-социализмом на время покончено, но тут же заверил соотечественников, что жертвы, принесенные солдатами и им самим, посеют зерна, которые однажды дадут всходы "возродившегося во славе национал-социалистского движения истинно единой нации".

Во второй части "политического завещания" рассматривается вопрос о преемнике. Хотя третий рейх был охвачен огнем и сотрясился от взрывов, Гитлер не мог позволить себе умереть, не назвав преемника и не продиктовав точного состава правительства, которое тот должен будет назначить. Но прежде он постарался ликвидировать бывших преемников.

"На пороге смерти я изгоняю из партии бывшего рейхсмаршала Геринга Германа и лишаю его всех прав, которые предоставлялись ему декретом от 20 июня 1941 года... Вместо него я назначаю адмирала Деница президентом рейха и верховным главнокомандующим вооруженными силами.

На пороге смерти я изгоняю из партии и со всех государственных постов бывшего рейхсфюрера СС и министра внутренних дел Гимmlера Генриха".

Руководители армии, ВВС и СС, как он считал, предали его, украли у него победу. Поэтому единственным его преемником может стать лишь руководитель флота, который представлял весьма незначительную силу, чтобы играть большую роль в захватнической войне. Это была последняя насмешка над армией, на которую легла основная тяжесть сражений и которая понесла наибольшие потери в войне. Это было и последним

поношением двух лиц, которые наряду с Геббельсом были его наиболее близкими приспешниками с первых дней существования партии.

"Не говоря уже о вероломстве по отношению ко мне, Геринг и Гиммлер запятнали несмываемым позором всю нацию, тайно вступив в переговоры с врагом без моего ведома и вопреки моей воле. Они также пытались незаконным путем захватить власть в государстве".

Изгнав предателей и назначив преемника, Гитлер принялся наставлять Деница в отношении того, кто должен войти в его новое правительство. Все это, по его утверждению, "достойные люди, которые выполняют задачу продолжения войны всеми возможными средствами". Геббельс должен был стать канцлером, а Борман занять новый пост министра партии. Зейсс-Инкварт, австрийский квислинг и недавний палач Голландии, должен был стать министром иностранных дел. Имя Шпеера, как и Риббентропа, в составе правительства не упоминалось. Но граф Шверин фон Крозиг, который с момента назначения его Папеном в 1932 году оставался министром финансов, и теперь сохранил свой пост. Человек этот был глуп, но, надо признать, обладал удивительным талантом самосохранения.

Гитлер не только назвал состав правительства при своем преемнике, но и дал последнее, типичное для него наставление относительно его деятельности.

"Превыше всего я требую, чтобы правительство и народ максимально защищали расовые законы и беспощадно противостояли отравителю всех наций — международному еврейству".

И затем прощальное слово — последнее письменное свидетельство о жизни этого безумного гения.

"Все усилия и жертвы германского народа в этой войне так велики, что я даже не могу допустить мысли, что они были напрасны. Нашей целью по-прежнему должно оставаться приобретение для германского народа территорий на Востоке".

Последняя фраза взята прямо из "Майн кампф". Гитлер начал свою жизнь как политик с навязчивой идеей, что для избранной немецкой нации необходимо завоевать территории на Востоке. С этой же идеей он свою жизнь и заканчивал. Миллионы убитых немцев, миллионы разрушенных бомбами немецких домов и даже сокрушительное поражение немецкой нации не убедили его, что грабеж земель славянских народов на Востоке, не говоря уже о морали, это тщетная тевтонская мечта.

Смерть Гитлера

29 апреля, во второй половине дня, из внешнего мира в бункер поступило последнее известие. Собрат по фашистской диктатуре и партнер

по агрессии Муссолини нашел свою погибель, которую разделила с ним его любовница Клара Петаччи.

26 апреля их поймали итальянские партизаны. Произошло это в тот момент, когда они пытались бежать из своего убежища в Комо в Швейцарию. Через два дня их казнили. Субботним вечером 28 апреля их тела были перевезены на грузовике в Милан и выброшены из кузова прямо на площадь. На следующий день их подвесили за ноги на фонарных столбах. Затем веревки перерезали, и остаток выходного дня они лежали в сточной канаве, отданные на поругание итальянцам. Первого мая Бенито Муссолини был похоронен рядом со своей любовницей на миланском кладбище Симитеро Маджиоре, на участке для бедных. Достигнув последней степени деградации, дуче и фашизм канули в Лету.

Насколько подробно были сообщены Гитлеру обстоятельства столь позорного конца дуче, осталось неизвестно. Можно лишь предположить, что, если бы он узнал о них, это лишь ускорило бы его решимость не допустить, чтобы ни он сам, ни его невеста ни живыми ни мертвыми не стали частью "спектакля, разыгранного евреями для развлечения еврейских истеричных масс", как он только что написал в своем завещании.

Не таков был Борман. У этой темной личности осталось еще немало дел. Его собственные шансы уцелеть, по всей видимости, уменьшились. Промежуток времени между смертью фюрера и приходом русских, в течение которого он имел бы возможность бежать к Деницу, мог оказаться совсем непродолжительным. Если же шансов не представится, то Борман, пока фюрер оставался в живых, мог отдавать приказы от его имени и имел время по крайней мере отыгаться на "предателях". В эту последнюю ночь он направил еще одну депешу Деницу:

"Дениц, с каждым днем у нас усиливается впечатление, что дивизии на Берлинском театре военных действий уже в течение нескольких дней бездействуют. Все доклады, которые мы получаем, контролируются, задерживаются или искажаются Кейтелем... Фюрер приказывает вам действовать немедленно и беспощадно против любых изменников".

И затем, хотя он знал, что Гитлеру осталось жить считанные часы, добавил постскрипtum: "Фюрер жив и руководит обороной Берлина".

Но оборонять Берлин было уже невозможно. Русские заняли почти весь город, и вопрос мог стоять только об обороне канцелярии. Но и она была обречена, как о том узнали Гитлер и Борман 30 апреля на последнем совещании. Русские подошли к восточной окраине Тиргартена и ворвались на Потсдамерплац. Они находились всего в квартале от бункера. Настал час, когда Гитлер должен был осуществить свое решение.

У Гитлера и Евы Браун в отличие от Геббельса не было проблем с детьми. Они написали прощальные письма родным и знакомым и удалились в свои комнаты. Снаружи, в проходе, стояли в ожидании Геббельс, Борман и еще несколько человек. Через несколько минут раздался пушечный выстрел. Они ждали второго, но воцарилась тишина. Подождав немного, они вошли в комнату фюрера. Тело Адольфа Гитлера лежало распростертым на диване, с которого стекала кровь. Он покончил с собой выстрелом в рот. Рядом лежала Ева Браун. Оба пистолета валялись на полу, но Ева не воспользовалась своим. Она приняла яд.

Это произошло в 3. 30 пополудни в понедельник 30 апреля 1945 года, через десять дней после того, как Гитлеру исполнилось 56 лет, и ровно через 12 лет и 3 месяца после того, как он стал канцлером Германии и учредил третий рейх. Последнему было суждено пережить его всего на неделю.

Похороны прошли по обычаю викингов. Речей не произносили: молчание нарушали лишь разрывы русских снарядов в саду канцелярии. Камердинер Гитлера Гейнц Линге и дежурный у входа вынесли тело фюрера, завернутое в армейское темно-серое одеяло, скрывавшее изуродованное лицо. Кемпка опознал фюрера лишь по торчавшим из-под одеяла черным брюкам и ботинкам, которые верховный главнокомандующий обычно носил с темно-серым кителем. Тело Евы Браун Борман вынес не прикрыв в коридор, где передал Кемпке.

Трупы перенесли в сад и во время затишья положили в одну из воронок, облили бензином и подожгли. Прощавшиеся во главе с Геббельсом и Борманом укрылись под козырьком запасного выхода из бункера и, пока языки пламени поднимались все выше и выше, стояли вытянувшись и вскинув правую руку в прощальном нацистском салюте. Церемония была короткой, поскольку снаряды Красной Армии вновь начали рваться в саду, и все, кто еще оставался в живых, укрылись в бункере, доверив пламени костра полностью стереть следы пребывания на земле Адольфа Гитлера и его жены {Впоследствии обнаружить останки не удалось, и это породило после войны слухи, будто Гитлер остался в живых. Но допросы нескольких очевидцев офицерами английской и американской разведок не оставляют сомнений на этот счет. Кемпка дал достаточно убедительное объяснение, почему не были обнаружены обуглившиеся останки. "Все следы были уничтожены полностью, — сказал он допрашивавшим, — непрекращавшимся огнем русских". — Прим. авт. }.

У Геббельса и Бормана еще оставались нерешенные задачи в третьем рейхе, лишившемся своего основателя и диктатора, хотя задачи эти были

разные.

Прошло слишком мало времени, чтобы посыльные могли добраться до Деница с завещанием фюрера, в котором он, Дениц, назначался его преемником. Теперь адмирала предстояло известить об этом по радио. Но даже в этот момент, когда власть ускользала из рук Бормана, он все еще колебался. Вкусившему власть было непросто расстаться с ней так быстро. Наконец он отправил телеграмму:

Гросс-адмиралу Деницу

Вместо бывшего рейхсмаршала Геринга фюрер назначает своим преемником вас. Письменное подтверждение вам направлено. Вам надлежит немедленно предпринять все необходимые меры, которые диктует сложившаяся обстановка.

И ни слова о том, что Гитлер умер.

Адмирал, который командовал всеми вооруженными силами на севере и потому перенес свой штаб в Плен в Шлезвиге, был поражен этим назначением. В отличие от партийных главарей у него не было ни малейшего желания стать преемником Гитлера. Ему, моряку, эта мысль никогда не приходила в голову. За два дня до этого, считая, что преемником Гитлера станет Гиммлер, он отправился к шефу СС и заверил его в своей поддержке. Но поскольку ему в равной степени никогда бы не пришло в голову послушаться приказа фюрера, он отправил следующий ответ, считая, что Гитлер все еще жив:

Мой фюрер!

Моя преданность вам беспредельна. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы прийти вам на помощь в Берлин. Если, однако, судьба повелевает мне возглавить рейх в качестве назначенного вами преемника, я пойду этим путем до конца, стремясь быть достойным непревзойденной героической борьбы немецкого народа.

Гросс-адмирал Дениц

В эту ночь у Бормана и Геббельса возникла новая идея. Они решили попытаться вступить в переговоры с русскими. Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Кребс, находившийся в бункере, в свое время был военным атташе в Москве и немного говорил по-русски. Может, ему удастся добиться чего-нибудь от большевиков. А если конкретно, то Геббельс и Борман хотели заручиться гарантией собственной неприкосновенности, что позволило бы им занять предназначавшиеся им по завещанию Гитлера посты в новом правительстве Деница. Взамен они были готовы сдать Берлин.

Вскоре после полуночи 1 мая генерал Кребс отправился на встречу с

генералом Чуйковым {А не с маршалом Жуковым, как утверждается в большинстве свидетельств. — Прим. авт. }, командующим советскими войсками, сражавшимися в Берлине. Один из немецких офицеров, сопровождавших его, записал начало их переговоров.

Кребс: Сегодня — Первое мая, большой праздник для обеих наших наций 2.

Чуйков: Сегодня у нас большой праздник. А как там у вас — сказать трудно.

Русский генерал потребовал безоговорочной капитуляции всех находившихся в бункере Гитлера, а также всех оставшихся в Берлине войск.

Кребс задерживался. На выполнение миссии у него ушло немало времени, и, когда он не вернулся к 11 утра 1 мая, нетерпеливый Борман направил еще одну радиogramму Деницу:

"Завещание вступило в силу. Я прибуду к вам, как только смогу. До тех пор рекомендую воздержаться от публичных заявлений".

Эта телеграмма также была двусмысленной. Борман просто никак не мог решиться сообщить, что фюрера нет в живых. Он хотел во что бы то ни стало первым проинформировать Деница об этой важнейшей новости и тем самым заручиться расположением нового верховного главнокомандующего. Но Геббельс, готовившийся вскоре умереть вместе с женой и детьми, не имел оснований скрывать от адмирала правду. В 3. 15 дня он направил Деницу свою депешу — последнюю радиogramму, переданную из осажденного бункера в Берлине.

Гросс-адмиралу Деницу

Совершенно секретно

Вчера, в 15. 30, умер фюрер. По завещанию от 29 апреля вы назначаетесь рейхспрезидентом... (Затем следовали имена основных членов правительства.)

По приказу фюрера завещание выслано вам из Берлина... Борман намерен отправиться к вам сегодня, чтобы проинформировать об обстановке. Время и форма сообщения для прессы и обращения к войскам — на ваше усмотрение. Подтвердите получение.

Геббельс.

Геббельс не считал нужным информировать нового главу государства о своих собственных намерениях. Он осуществил их в конце дня 1 мая. Было решено вначале отравить ядом шестерых детей. Их игру прервали, и каждому сделали смертельную инъекцию. Очевидно, это сделал тот самый врач, который накануне отравил собак фюрера. Затем Геббельс вызвал

своего адъютанта, гауптштурмфюрера Гюнтера Швегермана и дал ему указание найти бензин. "Швегерман, — сказал он ему, — произошло величайшее предательство. Все генералы изменили фюреру. Все потеряно. Я умираю вместе со своей семьей. (Он не сказал адъютанту, что только что убил своих детей.) Сожгите наши тела. Вы сможете это сделать? "

Швегерман заверил его, что сможет, и отправил двух дневальных раздобыть бензин. Несколько минут спустя, примерно в 8. 30 вечера, когда уже начало смеркаться, д-р и фрау Геббельс проследовали через бункер, прощаясь с теми, кто находился в этот момент в коридоре, и поднялись по лестнице в сад — здесь по их просьбе дежурный эсэсовец прикончил их двумя выстрелами в затылок. На их тела вылили четыре канистры бензина и подожгли, но кремацию до конца не довели. Все, кто еще оставался в бункере, не имели времени дожидаться, пока сгорят мертвые. Они бросились спасаться, присоединяясь к массе бегущих людей. Уже на следующий день русские обнаружили обуглившиеся тела министра пропаганды и его жены и сразу же опознали.

Около 9 вечера 1 мая загорелся бункер фюрера, и примерно 500 или 600 человек из свиты Гитлера, оставшиеся в живых, преимущественно эсэсовцы, начали метаться по служившему им укрытием зданию новой канцелярии в поисках спасения, "подобно цыплятам с отрубленными головами", как выразился позднее портной фюрера.

Ища спасения, они решили двинуться пешком по туннелям метро от станции под Вильгельмсплац, напротив канцелярии, к станции "Фридрихштрассе", чтобы пересечь реку Шпре и просочиться к северу от нее через позиции русских. Многим это удалось, но некоторым, в том числе и Мартину Борману, не повезло.

Когда генерал Кребс возвратился наконец в бункер с требованием генерала Чуйкова о безоговорочной капитуляции, партийный секретарь Гитлера уже пришел к выводу, что единственный шанс спастись для него — слиться с массой беженцев. Его группа попыталась следовать за немецким танком, но, как рассказывал потом находившийся здесь же Кемпка, он был подбит прямым попаданием противотанкового снаряда русских и Бормана почти наверняка убило. Там же находился и главарь "Гитлерюгенда" Аксман, который, желая спасти свою шкуру, бросил на произвол судьбы батальон подростков на мосту Пихельсдорф. Позднее он показал, что видел тело Бормана лежащим под мостом, в том месте, где Инвалиденштрассе пересекает железнодорожные пути. На его лицо падал лунный свет, но Аксман не заметил следов ранения. Он высказал предположение, что Борман проглотил капсулу с ядом, когда понял, что шансов пробраться

через русские позиции нет.

Генералы Кребс и Бургдорф не присоединились к массе беглецов. Считают, что они застрелились в подвале новой канцелярии.

Конец третьего рейха

Третий рейх пережил своего основателя ровно на семь дней.

Вскоре после 10 вечера 1 мая, когда тела д-ра и фрау Геббельс догорали в саду канцелярии, а обитатели бункера толпились в поисках спасения у входа в туннель метро, радио Гамбурга прервало трансляцию торжественной Седьмой симфонии Брукнера. Раздался бой военных барабанов, и заговорил диктор:

"Наш фюрер Адольф Гитлер, сражаясь до последнего дыхания против большевизма, сегодня днем пал за Германию в своем оперативном штабе в рейхсканцелярии. 30 апреля фюрер назначил своим преемником гросс-адмирала Деница. Слушайте обращение к немецкому народу гросс-адмирала и преемника фюрера".

Третий рейх, начав свое существование с откровенной лжи, с ложью же сходил со сцены. Не говоря о том, что Гитлер умер не в этот день, а накануне, что само по себе не существенно, он вовсе не пал, "сражаясь до последнего дыхания". Однако распространение этой лжи по радио было необходимо, коль скоро его наследникам предстояло увековечить эту легенду, а также удержать контроль над войсками, которые все еще оказывали сопротивление врагу и которые наверняка посчитали бы, что их предали, если бы узнали правду.

Сам Дениц повторил эту ложь в 10. 20 вечера, выступая по радио, и назвал смерть фюрера "героической". В этот момент он еще не знал, как встретил свой конец Гитлер. Из радиোগраммы Геббельса он лишь знал, что фюрер умер накануне вечером. Но это не помешало адмиралу, прибегнув ко лжи, как и в других случаях, утверждать именно это. Он сделал все, что мог, чтобы в час трагедии еще больше сбить с толку и без того находившийся в смятении немецкий народ.

"Моя первейшая задача, — сказал он, — спасти Германию от уничтожения наступающим врагом — большевиками. Во имя одной только этой цели вооруженная борьба будет продолжаться. До тех пор пока достижению этой цели препятствуют англичане и американцы, мы будем вынуждены продолжать оборонительные бои и против них. В сложившихся условиях, однако, англо-американцы будут вести войну не в интересах своих народов, а исключительно ради распространения большевизма в Европе".

Пустые слова. Дениц знал, что сопротивление немцев на исходе. 29

апреля, за день до самоубийства Гитлера, безоговорочно капитулировали немецкие армии в Италии. Известие это из-за нарушений связи не дошло до Гитлера, что, вероятно, избавило его от излишних переживаний в последние часы жизни.

4 мая немецкое верховное командование отдало приказ всем немецким войскам на северо-западе Германии, в Дании и Голландии сдаться войскам Монтгомери. На следующий день капитулировала расположенная севернее Альп группа армий "G" Кессельринга в составе немецких 1-й и 9-й армий.

В тот же день, 5 мая, адмирал Ганс фон Фридебург, новый главнокомандующий немецким флотом, прибыл в Реймс, в штаб генерала Эйзенхауэра, для переговоров о капитуляции. Цель немцев, как об этом ясно свидетельствуют последние документы их верховного командования, состояла в том, чтобы затянуть переговоры на несколько дней, выиграть таким образом время и дать возможность максимальному количеству войск и беженцев избежать русского плена и сдаться западным союзникам.

На следующий день в Реймс прибыл и генерал Йодль, чтобы помочь своему коллеге, главнокомандующему флотом, затянуть переговоры об условиях капитуляции. Но уловки немцев были тщетны. Эйзенхауэр видел их игру насквозь.

"Я попросил генерала Смита, — писал он позднее, — информировать Йодля, что, если они не прекратят искать отговорки и тянуть время, я немедленно закрою весь фронт союзников и силой остановлю поток беженцев через расположение наших войск. Я не потерплю никаких дальнейших проволочек".

В 1. 30 ночи 7 мая Дениц, узнав от Йодля о требованиях Эйзенхауэра, радировал генералу из своей новой ставки во Фленсбурге, на датской границе, что ему даются все полномочия подписать документ о безоговорочной капитуляции. Игра окончилась.

В небольшой красной школе в Реймсе, где Эйзенхауэр расположил свой штаб, 7 мая 1945 года, в 2. 41 ночи, Германия безоговорочно капитулировала. От имени союзников акт о капитуляции подписали: генерал Уолтер Беделл Смит, генерал Иван Суслопаров (в качестве свидетеля) за Россию и генерал Франсуа Севез за Францию. От Германии его подписали адмирал Фридебург и генерал Йодль {Акт о капитуляции вооруженных сил фашистской Германии был подписан в ночь на 9 мая 1945 года в Берлине (Карлсхорст). По согласованию между правительствами СССР, США и Великобритании была достигнута договоренность считать процедуру в Реймсе предварительной. Тем не менее в западной историографии подписание капитуляции германских вооруженных сил, как

правило, связывается с процедурой в Реймсе, а подписание акта о капитуляции в Берлине именуется его "ратификацией". К сожалению, все это делается с целью принизить решающий вклад СССР в достижение победы над агрессорами. День победы в Европе отмечается в западных странах 8 мая. — Прим. тит. ред. }.

В ночь на 9 мая 1945 года в Европе прекратился орудийный огонь и перестали рваться бомбы. Впервые после 1 сентября 1939 года на континент опустилась долгожданная тишина. За прошедшие 5 лет 8 месяцев и 7 дней миллионы мужчин и женщин были убиты на сотнях полей сражений, в тысячах разбомбленных городов. Еще миллионы погибли в нацистских газовых камерах или были расстреляны у края рвов командами спецакций в России и Польше. И все это во имя неумной жажды завоеваний Адольфа Гитлера. Большинство самых древних городов Европы лежали в руинах, и, по мере того как прогревался весенний воздух, из-под обломков начал исходить нестерпимый смрад от бесчисленных непогребенных трупов.

Не отзовутся более улицы Германии эхом кованых сапог марширующих гусиным шагом штурмовиков, одетых в коричневые рубашки, эхом их торжествующих воплей, истошных выкриков фюрера, разносимых репродукторами.

После 12 лет 4 месяцев и 8 дней эпоха мрачного средневековья, обернувшаяся для всех, кроме немцев, народов Европы, а теперь и для немцев ночным кошмаром, кончилась. "Тысячелетний" рейх перестал существовать. Он вознес, как мы видели, эту великую нацию и этот талантливый, но, увы, легковверный народ к вершинам власти и побед, неведомых им дотопе, и потерпел такой стремительный и полный крах, которому почти нет параллелей в истории.

В 1918 году, когда, потерпев последнее поражение, бежал кайзер, рухнула монархия, но все традиционные институты, поддерживавшие государство, остались. Правительство, избранное народом, продолжало функционировать, как и ядро германских вооруженных сил и генерального штаба. Но весной 1945 года третий рейх действительно перестал существовать. Ни на одном уровне не осталось ни одного немецкого органа власти. Миллионы солдат, летчиков и моряков стали пленными на своей собственной земле. Миллионами граждан вплоть до жителей деревень теперь управляли оккупационные войска, от которых зависело не только поддержание законности и порядка, но и обеспечение населения продовольствием и топливом, чтобы оно могло пережить предстоящее лето и суровую зиму 1945 года. До такого состояния довело их сумасбродство

Гитлера, да и их собственное. Ведь они слепо следовали за ним, а подчас и с энтузиазмом. И тем не менее, возвратившись той же осенью в Германию, я почти не встречал немцев, осуждавших Гитлера.

Остались люди, и осталась земля. Люди — ошеломленные, обессиленные и голодные, а с приходом зимы — дрожавшие в лохмотьях и укрывавшиеся в развалинах, в которые превратились в результате бомбежек их дома. Земля — обширная пустыня, покрытая грудami развалин. Немецкий народ не был уничтожен, как того хотелось Гитлеру, который стремился уничтожить множество других народов, а когда война оказалась проиграна, и свой собственный. Но третий рейх ушел в небытие.

Краткий эпилог

Той же осенью я возвратился в эту некогда гордую страну, где провел большую часть времени недолгого существования третьего рейха. Ее трудно было узнать. Я уже рассказывал об этом возвращении. Сейчас же остается поведать о судьбе некоторых из оставшихся в живых лиц, которые занимали значительное место на страницах этой книги.

Остатки правительства Деница, учрежденного во Фленсбурге, были распущены союзниками 23 мая 1945 года, а все его члены арестованы. Генрих Гиммлер был выведен из правительства 6 мая, накануне подписания капитуляции в Реймсе. Дениц рассчитывал, что этот шаг позволит ему снискать расположение союзников. Бывший глава СС, который так долго распоряжался жизнью и смертью миллионов людей в Европе, бродил в окрестностях Фленсбурга до 21 мая, пока не задумал вместе с одиннадцатью офицерами СС, пройдя через расположение английских и американских войск, пробраться в родную Баварию. Гиммлер при всем его самолюбии решился сбрить усы, натянуть черную повязку на левый глаз и надеть форму рядового. Компанию задержали в первый же день на английском контрольно-проверочном пункте между Гамбургом и Бремерхафеном. На допросе Гиммлер назвал себя капитану английской армии, который направил его в штаб 2-й армии в Люнебурге. Здесь его обыскали, переодели в английскую военную форму на тот случай, чтобы он не смог отравиться, если спрятал в одежде яд. Но обыск не был тщательным. Гиммлер сумел спрятать ампулу с цианистым калием между зубами. Когда 23 мая второй офицер английской разведки прибыл из штаба Монтгомери и приказал военному врачу проверить рот арестованного, Гиммлер раскусил ампулу и через двенадцать минут умер, несмотря на отчаянные попытки вернуть его к жизни путем промывания желудка и введения рвотного препарата.

Остальные приспешники Гитлера прожили немного дольше. Я

направился в Нюрнберг, чтобы снова увидеть их. Я не раз видел их в пору могущества на ежегодных съездах нацистской партии, проводившихся в этом городе. Теперь на скамье подсудимых перед Международным трибуналом они выглядели совсем иначе. Произошла удивительная метаморфоза. Одетые в довольно потрепанные костюмы, ссутулившиеся и нервно ерзающие на скамье, они совсем не походили на наглых главарей прошлого. Они казались каким-то бесцветным сборищем ничтожеств. Трудно было даже представить, что подобные люди еще совсем недавно обладали такой чудовищной властью, которая позволила им подчинить себе великую нацию и большую часть Европы.

Сидевших на скамье подсудимых оказалось двадцать один {Д-р Роберт Лей, глава Трудового фронта, который также должен был сесть на скамью подсудимых, повесился в своей камере еще до начала процесса. Он изготовил петлю из разорванного на полосы полотенца и привязал ее к канализационной трубе. — Прим. авт. }.. Среди них — Геринг, похудевший фунтов на восемьдесят в сравнении с тем, каким я видел его последний раз, одетый в поношенную форму люфтваффе без знаков различия и, очевидно, удовлетворенный этим, занимал на скамье подсудимых первое место — нечто вроде запоздалого признания его первенства в нацистской иерархии, когда Гитлера уже не было в живых. Рудольф Гесс, некогда, до полета в Англию, человек номер три, с изнуренным лицом, глубоко запавшими глазами и отсутствующим взором, симулирующий потерю памяти, но несомненно сломленный человек; Риббентроп, утративший свою наглость и помпезность, побледневший, согнувшийся, побитый; Кейтель, утративший былое самодовольство; "партийный философ" Розенберг — путаник, которого происшедшие события наконец-то вернули к действительности. Юлиус Штрейхер, нюрнбергский ярый антисемит, также находился среди обвиняемых. Этот садист, обожавший порнографию, которого я видел однажды вышагивавшим по улицам старинного города и угрожающе размахивавшим хлыстом, очевидно, совсем пал духом. На скамье сидел лысый дряхлый старик, который сильно потел и, злобно уставившись на судей, убеждал себя, о чем мне рассказал охранник, что все они евреи. Был там и Фриц Заукель, босс подневольного труда в третьем рейхе. Маленькие глазки-щелочки придавали ему сходство со свиньей. Он, вероятно, нервничал и потому раскачивался из стороны в сторону. Рядом с ним сидел Бальдур фон Ширах, первый предводитель гитлеровской молодежи, а позднее гаулейтер Вены, по происхождению больше американец, чем немец, похожий на кающегося студента, выгнанного из колледжа за хулиганство. Был там и Вальтер Функ — ничтожество с

плутоватыми глазками, сменивший в свое время Шахта. Был и сам д-р Шахт, прошедший последние месяцы по распоряжению некогда обожаемого им фюрера в концлагере и страшившегося казни, которая могла произойти каждый день. Теперь он пылал негодованием из-за того, что союзники собираются судить его как военного преступника. Франц фон Папен, который более, чем кто-либо другой в Германии, нес ответственность за приход Гитлера к власти, попал в облаву и также оказался в числе обвиняемых. Он выглядел сильно постаревшим, и на его сморщенном как печеное яблоко лице, казалось, застыло выражение старой лисы, которой не раз удавалось выбраться из западни.

Нейрат, первый министр иностранных дел Гитлера, представитель старой школы, человек неглубоких убеждений, не отличавшийся щепетильностью, казался окончательно сломленным. Не таков был Шпеер, производивший впечатление человека наиболее откровенного из всех. В ходе длительного процесса он давал честные показания, не делая попыток снять с себя ответственность и вину. На скамье подсудимых находились также Зейсс-Инкварт, австрийский квислинг, Йодль и два гросс-адмирала — Редер и Дениц. Преемник фюрера в своей спецодежде походил ни дать ни взять на подмастерье сапожника. Был там и Кальтенбруннер, кровавый преемник Гейдриха-Вешателя, который во время дачи показаний отрицал за собой всякую вину, и Ганс Франк, нацистский инквизитор в Польше, частично признавший свою вину и покаявшийся в грехе после того, как, по его словам, вновь обрел господина, которого молит о прощении, и Фрик, такой же бесцветный на пороге смерти, каким был всю жизнь; и, наконец, Ганс Фрицше, сделавший карьеру в качестве радиокomentатора благодаря тому, что его голос напоминал голос Геббельса, который и взял его на службу в министерство пропаганды. Никто из присутствовавших на суде, включая самого Фрицше, не мог понять, почему он, будучи слишком мелкой сошкой, там оказался, и его оправдали.

Были оправданы также Шахт и Папен. Позднее всех троих немецкий суд по денацификации приговорил к длительным срокам заключения, хотя в конечном счете в тюрьме они пробыли всего неделю.

К тюремному заключению в Нюрнберге приговорили семерых обвиняемых: Гесса, Редера и Функа — пожизненно, Шпеера и Шираха — к 20 годам, Нейрата — к 15, Деница — к 10. Остальных приговорили к смерти. Риббентроп взошел на помост виселицы в специальной камере нюрнбергской тюрьмы в 1 час 11 минут ночи 16 октября 1946 года. Через короткие промежутки времени за ним последовали Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер, Зейсс-Инкварт,

Заукель и Йодль.

Но Герман Геринг виселицы избежал. Он обманул палача. За два часа до своей очереди он проглотил капсулу с ядом, которую ему тайно доставили в камеру. Вслед за своим фюрером Адольфом Гитлером и своим соперником по наследованию власти Генрихом Гиммлером он избрал в последний час их путь, чтобы покинуть землю, на которой он, подобно им, оставил такой кровавый след.